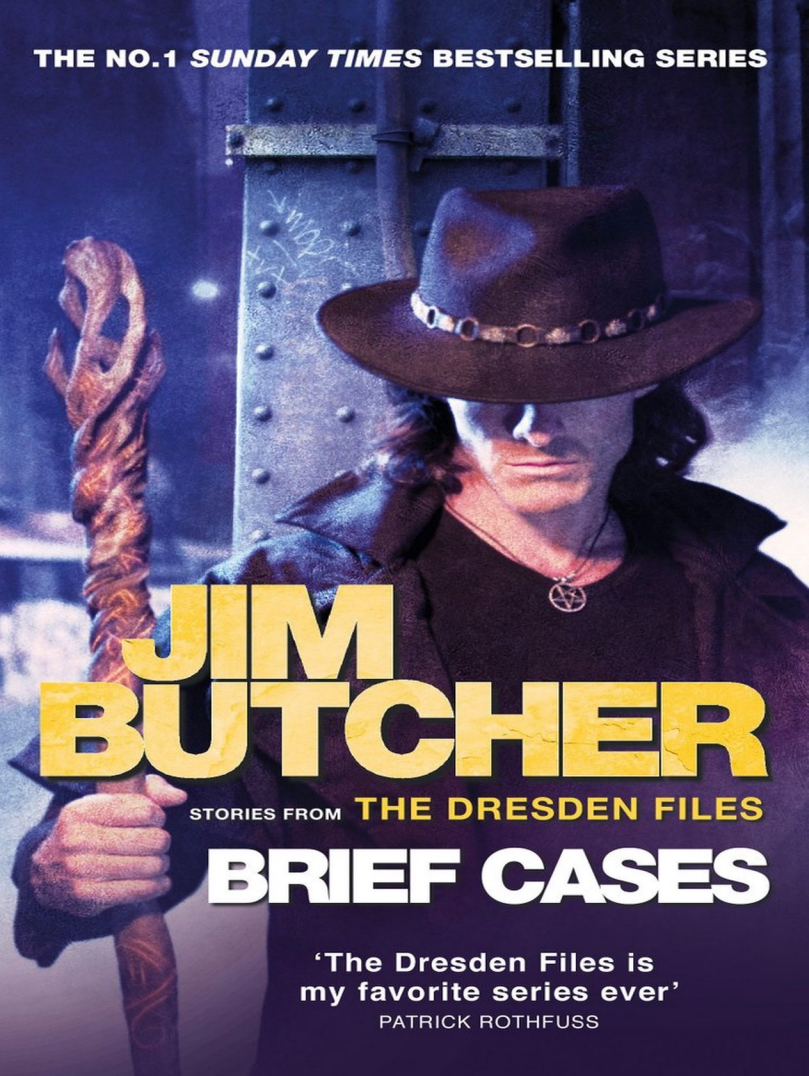
THE NO.1 SUNDAY TIMES BESTSELLING SERIES
JIM BUTCHER
STORIES FROM THE DRESDEN FILES
BRIEF CASES
'The Dresden Files is my favorite series ever'
PATRICK ROTHFUSS

Рассказы (фанатские переводы)
Джим Батчер

Аннотация
Джим Батчер. Рассказы.
0.2 Возвращение Веры (2002)
5.1 Реклама - двигатель торговли (2002)
7.1 Похищение (2006)
8.1 Первоклассное Волшебство (2010)
9.1 Это и мой день рождения! (2007)
9.2 Хеорот (2008)
9.3 Майк (2020)
10.1 Выходной (2008)
10.2 Прикрытие (2008)
10.3 Воин (2009)
10.4 Последний вызов (2009)
10.5 Проклятия (2011)
11.1 Убийственная любовь (2010)
11.2 Вооруженная справедливость (2010)
11.3 Дневник (2020)
12.1 Прощание (2020)
12.2 Последствия (2010)
13.1 Красотки (2013)
14.1 Холодный случай (2016)
14.2 Бигфут — клиент Гарри (2012)

01. Б — значит Бигфут
02. Я был подростком-бигфутом
03. Бигфут в кампусе
15.1 День первый (2016)
Предисловие
День Первый
15.2 В Зоопарке (2018)
Предисловие автора.
В зоопарке.
15.3 Присяжный (2015)
15.4 Монстры (2019)
15.5 Трудоустройство (2020)
15.6 Всё, что озарено светом (2020)
17.1 Мелочи (2022)
17.2 По закону (2022)
17.3 Рождественская ночь (2018)
17.5 Беглец (2023)

Аннотация

Сборник всех вышедших на данный момент рассказов по миру Гарри Дрездена в любительских переводах.

Джим Батчер.
Рассказы.

0.2 Возвращение Веры (2002)

Я изо всех сил удерживал воющего ребенка, пока нащупывал четвертак для телефона-автомата и давил на кнопки, набирая мобильный Ника.

— Агенство «Оборванный Ангел», — ответил Ник. Его голос был напряженным и, как мне показалось, встревоженным.

— Это Гарри, — сказал я. — Можешь расслабиться, мужик. Я нашел её.

— У тебя получилось? — спросил Ник, затем издал длинный вздох. — О, Иисус, Гарри.

Тут малышка подняла свой оксфордский ботинок и лягнула меня в голень, попав так сильно, что я подскочил. Похожа она была на родительскую мечту: восьми или девяти лет, с ямочками на щеках и темными косичками — даже в своей изгвазданной школьной униформе. И у нее были сильные ноги.

Я получше перехватил девчонку и вновь поднял ее, в то время как она вертелась и извивалась.

— Да тише ты, не дергайся.

— Выпусти меня, тощак, — отозвалась она и обернулась, чтобы негодующе взглянуть перед

тем, как начать пинаться снова.

— Слушай меня, Гарри, — сказал Ник. — Сию же минуту ты должен дать ребенку уйти и сам уходить прочь.

— Что? — переспросил я. — Ник, Асторы собираются выдать нам двадцать пять кусков, если возвратим ее до девяти вечера.

— Я получил кое-какие плохие новости, Гарри. Они не собираются платить нам деньги.

Я вздрогнул.

— Опс. Тогда, наверно, я должен просто высадить ее в ближайших от дома окрестностях.

— Есть новости и похуже. Родители сообщили, что их девочка похищена, и полицейская банда рассылает по городу два описания подозреваемых для Чикагского полицейского департамента. Можешь догадаться, чьи.

— Микки и Дональда?

— Хех, — хмыкнул Ник. Я услышал, как щелкнул его Bic (прим. пер: ручка или зажигалка), и переступил с места на место. — Мы должны быть очень удачливы для такого.

— Я полагаю, что Мистеру и Миссус Высшее Могущество менее смущающе иметь их ребенка похищенным, чем сбежавшим.

— Черт, похищенная девочка даст им повод для

разговоров на их сборищах в течение нескольких месяцев. Также позволит выглядеть более богатыми и известными, чем их друзья. Конечно, мы будем в тюрьме, но что это, черт возьми, значит?

— Они сами пришли к нам, — возразил я.

— Они не собираются об этом рассказывать.

— Проклятье, — буркнул я.

— Если тебя поймают вместе с ней, это может обернуться неприятностями для нас обоих. У Асторов связи. Бросай девочку и возвращайся домой. Ты был там всю ночь.

— Нет, Ник, — сказал я. — Я не могу сделать этого.

— Позволь мальчикам в голубом подобрать её. Это оставит нас обоих чистыми.

— Я нахожусь на Северной Авеню — и после наступления темноты. Я не оставлю девятилетнюю девочку здесь одну.

— Десять! — закричала девчонка разъяренно. — Мне десять, ты, бесчувственный сопляк!

Она пнула ещё несколько раз, но мне удалось более-менее увернуться от ее ног.

— Она кажется такой милой. Просто позволь ей убежать, а преступникам остерегаться.

— Ник.

— Ах, черт, Гарри. Ты опять читаешь мне мо-

раль.

Я улыбнулся, но чувствуя гнев и напряжение во рту и животе.

— Слушай, давай договоримся вот о чем — только доберись сюда и подбери нас.

— А что с твоей машиной?

— Сломалась сегодня.

— Опять? Как насчет Эль? (жарг. El — надземная железная дорога)

— Ни гроша с собой. Мне нужно уехать, Ник. Я не могу идти вместе с ней в офис и не хочу стоять и сражаться с ней в телефонной кабинке. Так что доберись сюда и подбери нас.

— А я не хочу оказаться в тюрьме из-за того, что ты не смог пролить бальзам на свою совесть, Гарри.

— А как насчет твоей совести? — выпалил я в ответ, зная взрывной характер Ника и то, что наш разговор ограничен телефонными проводами. Мне, кажется, что Ник тоже не оставил бы девочку в этой части города.

Ник прорычал что-то невнятное, но явно непристойное, затем сказал:

— Ну ладно же, хорошо. Но я не смогу легко пересечь реку, поэтому буду ждать на дальнем конце моста. Всё, что ты должен сделать, перейти

с ней мост, оставаясь вне поля зрения. Полицейские патрули в округе будут искать вас. Полчаса. Если тебя нет — я ухожу. Там опасный район.

— Дружище, верь мне. Я приду.

Мы, не прощаясь, повесили трубки.

— Ладно, ребенок, — сказал я. — Прекрати брыкаться и давай поговорим.

— Катись в ад, мистер! — крикнула она. — Отпусти меня, а то сломаю тебе ногу!

Я вздрогнул от ее пронзительного голоса и, нервно оглядываясь, отошел от телефона, полунеся, полуташа ее с собой. Последняя вещь, которая мне сейчас нужна — это толпа добропорядочных граждан, бегущих спасать ребенка.

Но улицы были пусты и лишь густая тьма царила меж разбитых уличных фонарей. Кое-где светились окна, но на крик девочки никто не вышел. Здесь как раз тот тип окрестностей, в которых люди живут и дают умереть другим.

Ах, Чикаго. Эти огромные, расплывшиеся американские города — предмет всеобщей любви — разве жизнь в них не прекрасна? Я, наверное, и вправду больной, раз пытаюсь сделать хоть что-то, в отличие от равнодушного большинства.

Эти мысли приносили легкую боль.

— Слушай, я знаю, ты сейчас сердишься, но по-

верь мне, я делаю то, что будет лучше для тебя.

Она перестала пинаться и свирепо зыркнула на меня.

— Как ты можешь знать, что для меня лучше?

— Я старше тебя. Мудрее.

— Тогда почему ты носишь это пальто?

Я посмотрел на свой просторный черный пылесборник, с тяжелыми, длинными полами, на складки грубой ткани, колеблющиеся вокруг моего тела.

— А что с ним не так?

— Да оно ж прямиком с Эльдорадо! — огрызнулась она. — Кем ты себя воображаешь? Ичабодом Крейном или Ковбоем Мальборо?

Я фыркнул.

— Я волшебник.

Она посмотрела на меня скептически, как смотрят дети, получившие горькую отрезвляющую пилюлю, обнаружив, что нет никакого Санта Клауса. (Ирония в том, что он есть — но он не может работать в масштабах, которые позволили бы убедить в его существовании всех. Таков современный стиль жизни.)

— Ты смеешься надо мной, — сказала она.

— Я ведь сумел найти тебя, не правда ли?

Она поглядела на меня, нахмурившись.

— А как ты меня нашел? Я думала, что в том месте абсолютно надежно.

Я продолжал идти к мосту.

— Так и было бы — в течение десятка-другого минут. А потом на этой свалке появилось бы полным-полно крыс, ищущих какой-нибудь еды.

Девочка слегка позеленела.

— Крыс?

Я кивнул. Возможно, я смогу выиграть расположение малышки, если не отвернется удача.

— Хорошо, что в сумочке у твоей мамы нашлась щетка с твоими волосами. Я собрал с нее несколько волосков.

— Ну, и?

Я вздохнул.

— Ну и я использовал немного тауматургии, которая привела меня к тебе. Это была долгая, пешая прогулка, но зато прямо к тебе.

— Таума… что?

Вопросы по-любому лучше пинков. И я продолжил отвечать на них. Черт, мне вообще нравится отвечать на вопросы о волшебстве. Профессиональная гордость, наверное.

— Тауматургия — это волшебство ритуалов. Ты рисуешь символы, связанные с реальными людьми, местами и событиями или с представля-

емыми моделями. Затем вкладываешь немного энергии, заставляя что-либо случиться в меньшем масштабе, чтобы то же самое случилось в масштабе большом…

Она пригнулась как раз в ту секунду, когда я увлекся своей речью, и укусила меня за руку.

Я рявкнул то, что, вероятно, не должен был говорить при ребенке, резко отдергивая руку. Девчонка оказалась на земле и бросилась к мосту, проворная как мартышка. Я встряхнул рукой, рыча про себя, и рванул следом. Она была быстра; косички развевались позади спины, ботинки и гольфы так и мелькали.

Она первой добралась до моста, древнего сооружения с двусторонним движением, перекинувшегося через Чикагскую реку, и бросилась бежать по нему.

— Подожди! — кричал я ей вслед. — Не делай этого!

Она не знала город так, как знал его я.

— Сосунок! — раздался ее веселый голос.

Она продолжала бежать, пока большая, гибкая, волосатая рука не высунулась из-под крышки люка и обхватила сальными пальцами одну из ее лодыжек. Ребенок закричал от внезапного ужаса, падая на асфальт и обдирая кожу на обоих колен-

ках. Кровь ярко темнела на ее белых гольфах в свете немногих работающих фонарей.

Я выдохнул проклятие и побежал к ней по мосту, надрывая легкие. Огромная рука усилила хватку и потянула девочку к люку. Я слышал утробный рычащий смех, доносящийся из темноты в отверстии, которое вело вниз, к подмостным помещениям.

Девочка кричала:

— Что это, что это? Пусть оно отпустит меня!

— Малышка!

Я подбежал к люку, подпрыгнул и ударил пятками обоих тяжелых ботинок по запястью грязной волосатой руки так сильно, как только смог. Из люка раздался рев и пальцы ослабили хватку. Девочка начала крутить ногой и, хотя это стоило ей дорогого оксфордского ботинка и гольфа, она, рыдая, вырвалась на свободу. Я схватил ее в охапку и попятился, стараясь не поворачиваться спиной к люку.

Тролль не должен был вылезти из такого маленького отверстия, как люк, но он это сделал. Сначала появилась грязная рука, затем бугристое плечо, а потом уродливая и отвратительная рожа. Он смотрел на меня и рычал, продолжая вылезать из люка с непринужденной гибкостью

до тех пор, пока не встал на середине моста между мной и дальним берегом реки. Он походил на профессионального борца, который пал жертвой заочного курса начинающих пластических хирургов. В одной руке он держал мясницкий топор с костяной ручкой, фута два длиной, весь в подозрительных, темно-коричневых пятнах.

— Гарри Дрезден, — прогрохотал тролль. — Волшебник лишает Гогота законной добычи.

Он со свистом рассек топором воздух справа налево.

Я задрал подбородок и стиснул зубы. Никогда не позволяйте троллю увидеть, что вы боитесь его.

— О чем это ты говоришь, Гогот? Мы оба знаем, что играть со смертными уже нельзя. Так постановлено Соглашениями Неблагих.

Лицо тролля исказила отвратительная усмешка.

— Непослушные дети, — сказал он грохочуще. — Непослушные дети всё ещё мои.

Тролль сузил глаза и они зажглись злобным голодом:

— Отдай! Сейчас же!

В мгновение ока он подскочил ко мне на несколько шагов.

Я поднял правую руку, высвобождая немного

собственной воли, и серебряное кольцо на среднем пальце засияло ясным, прохладным светом, более ярким, чем освещение вокруг.

— Закон джунглей, Гогот, — сказал я, удерживая голос спокойным. — Выживание наиболее приспособленных. Ты делаешь ещё шаг — и сразу же попадаешь в категорию «слишком глупых для того, чтобы жить»

Тролль рычал, не останавливаясь, и поднял мясистый кулак.

— Думай об этом, темное отродье, — я тоже зарычал в ответ. Свет, исходящий от моего кольца, становился адски нестерпимым, почти ядерным. — Ещё шаг и ты — пар.

Тролль неуклюже застыл, его подвижные осклизлые губы раздвинулись, обнажая зловонные клыки.

— Нет! — слюни текли по клыкам и капали, разбрызгиваясь на асфальте, когда существо смотрело на девочку. — Она моя. Волшебник не сможет помешать этому.

— Да-а? — сказал я. — Смотри же.

С этими словами я опустил руку (сохраняя ослепляющий, серебряный свет), выдал троллю свою лучшую ухмылку, резко отвернулся, взмахнув своим темным плащом, и пошел назад, в

сторону Северной авеню длинными, уверенными шагами.

Девочка смотрела поверх моего плеча, широко раскрыв глаза.

— Он идет за нами? — спросил я спокойно.

Она взглянула на тролля, затем на меня:

— Ух, нет. Он только уставился на тебя.

— Хорошо. Если он пойдет, скажешь мне.

— Ты в самом деле можешь превратить его в пар? — спросила она неуверенным голосом.

— Нет, черт возьми. Поэтому мы должны бежать.

— Но ты же… — она коснулась кольца на моей руке.

— Я лгал, малышка.

— Что?!

— Я лгал, — повторил я. — Я не такой уж умелый лгун, но тролли не слишком сообразительны. Это было только легким шоу, но он поверил и это всё, что следует занести в счет.

— Ты же сказал, что ты волшебник, — обвиняюще сказала она.

— Я волшебник, — сказал я раздраженно, — который проводил сеанс изгнания нечистой силы перед завтраком. Затем мне пришлось искать два венчальных кольца и ключи от машины, а

остальную часть дня я провел, гоняясь за тобой. Я иссяк.

— Значит, ты не смог бы взорвать это… это существо?

— Это тролль. Я уверен, что сумел бы, — сказал я бодрым тоном, — если бы не был так утомлен и смог бы сосредоточиться настолько, чтобы не взорваться вместе с ним. Уставший, я целюсь плохо.

Мы дошли до края моста и, как я надеялся, края территории Гогота. Я начал опускать девочку на землю, потому что она была слишком тяжела, но тут увидел ее повисшую голую ногу и кровь, застывшую темными струпьями на колене. Вздохнув, я продолжил идти по Северной авеню. Если я спущусь до следующего моста, пересеку его и поднимусь на квартал вверх в течение получаса, может я ещё успею застать Ника на той стороне.

— Как твоя нога? — спросил я.

Ее лицо кривилось от боли, но она только пожала плечами:

— Я думаю, в норме. То существо было на самом деле?

— Ещё бы, — сказал я.

— Но это… Это же не…

— Человек? — подсказал я. — Нет. Но, черт возь-

ми, малышка, множество людей, которых я знаю, не являются людьми по-настоящему. Взгляни вокруг. Банди, Мэнсон и другие звери. Прямо здесь, в Чикаго — Варгасси, работающие в Маленькой Италии, ямайские банды и остальные. Все они звери. Мир полон ими.

Девчонка фыркнула. Я посмотрел на ее лицо. Она выглядела грустной и слишком мудрой для ее возраста. Мое сердце смягчилось.

— Я знаю, — сказала она. — Мои родители немного похожи на них. Они не думают о других. Только сами о себе. Даже не друг о друге, а только о том, что они могут друг для друга сделать. И я для них — что-то вроде игрушки, которую кладут в шкаф и вытаскивают, когда приходят гости, поэтому я должна быть красивее и безупречнее, чем остальные игрушки. В остальное время я не должна путаться под ногами.

— Эй, перестань. Неужели всё так плохо? — спросил я.

Она посмотрела на меня, затем отвела взгляд.

— Я не вернусь к ним, — сказала она. — Мне все равно, кто ты и что можешь сделать. Ты не сможешь заставить меня вернуться.

— Кое в чем ты не права. Я не собираюсь оставлять тебя здесь.

— Я слышала, как ты говоришь со своим другом. Мои родители хотят подставить тебя. Почему ты продолжаешь выполнять эту работу?

— Шесть месяцев я должен работать на лицензированного сыщика, прежде чем смогу получить собственное свидетельство и уже наслушался дурацких историй о том, что случается с убежавшими детьми в больших и жестоких городах после наступления темноты.

— По крайней мере, мистер, тут никто не пытается лгать и говорить, что позаботится обо мне. Весь этот Дисней все время показывает, насколько родители любят своих детей. Будто бы есть какие-то волшебные узы любви. Но это ложь. Так как ты солгал этому троллю, — она положила голову на мое плечо и я почувствовал ее усталость, когда она обвисла в моих руках. — Нет никакого волшебства.

Некоторое время я молчал и только нёс её. Трудно было услышать такое от ребенка. Мир десятилетней девочки должен быть полон музыки и хихиканья, и записок, и кукол, и мечтаний, а не резкой, пустой и утомленной действительности. Если у маленькой девочки, такой как эта, нет ни капли света в сердце, то на что мы можем надеяться?

Через несколько мгновений я понял то, в чем не признавался даже себе. Спокойный, холодный голос пытался сказать мне кое-что, что я не хотел слышать. Я пытался помочь людям с помощью волшебства. Пробовал сделать мир лучше. Но независимо от того, скольким злым духам я противостоял, независимо от того, скольких потенциальных чернокнижников я разыскал, всегда было что-то ещё, худшее, ждущее меня во тьме. Все равно, скольких потерянных детей я нашел — всегда будет в десять раз больше тех, кто исчез навсегда.

Независимо от того, что я сделал, сколько хлама вычистил — это лишь капля в океане.

Тяжелые мысли для парня, подобного мне, уставшего и побитого, с затекшими от веса девочки руками.

Вспыхивающие огни заставили меня оглядеться. Вход в один из переулков между зданиями был затянут полицейской лентой. Четыре автомобиля с синими крутящимися сиренами были припаркованы на улице, вокруг переулка. Несколько медиков несли носилки с закрытыми телами на них. Фотокамеры освещали улицу белыми вспышками.

Я остановился в замешательстве.

— Что? — пробормотала девочка.

— Полиция. Возможно я должен передать им тебя.

Она утомленно пожала плечами.

— Они просто отведут меня домой. Мне все равно, — она снова обвисла у меня на руках.

Я сглотнул. Асторы являются чикагской элитой. У них имеется достаточно влияния, чтобы взять за задницу будущего частного сыщика и убрать его куда подальше на долгое-долгое время. И они могут позволить себе лучших адвокатов.

«Это паршивый мир» — сказал мне тихий, холодный голос: «Хорошие парни в нем не побеждают, если у них нет дорогого поверенного. Ты окажешься в тюрьме, прежде чем успеешь моргнуть»

Мой рот искривила ожесточенная усмешка, когда женщина, одна из копов, одинаковых в своей униформе, бросила на меня пристальный хмурый взгляд. Я отвернулся и пошел в другую сторону.

— Эй! — окликнула полицейская. Я продолжал идти. — Эй! — крикнула она снова и я услышал шум ее быстрых шагов по тротуару.

Я зашел в темноту и поспешно свернул в первый же проулок. Тени позади груды корзин

создавали прекрасное убежище и я скрылся там вместе с девочкой. Я присел и ждал в темноте, в то время как шаги полицейской приблизились и отдалились. Я ждал, чувствуя, как напряжение и тьма давят на мою кожу, впитываются в мою плоть. Девочка дрожала в моих руках, но не двигалась.

— Просто оставь меня, — наконец шепнула она. — Перейди через мост. Если меня с тобой не будет, ты ведь сможешь?

— Да, — сказал я.

— Так иди. Я подойду к полицейским, после того, как ты уйдешь. Или сделаю что-то вроде того.

Она лгала. Я не знаю, как я это понял, но был уверен.

Она пошла бы к мосту.

Говорят, храбрость заключается в том, что ты делаешь то, что должен, несмотря на свой страх. Но, мне кажется, храбрость намного более сложна. Когда мы повержены, она заставляет нас вновь подняться с земли. Совершить последнюю попытку, даже если ни желания, ни сил уже не осталось. Хотя, может быть, это простое упорство. Я не знаю. Это не имеет значения. Для меня.

Я — волшебник. Я не принадлежу этому.

Наш мир, конечно, сплошное болото. Это удо-

влетворяет и троллей, и вампиров и всех тех, отвратительных, потусторонних существ, что часто посещают наши кошмары (в то время как мы прижимаем к груди книги по физике и уверяем самих себя в том, что они не существуют), но я не таков.

Я вздохнул в темноте и спросил:

— Как тебя зовут?

Мгновение она молчала, прежде чем прозвучал ее неуверенный голос:

— Фейт. (faith — вера, англ.)

— Фейт, — я улыбнулся так, чтобы она почувствовала улыбку в моем голосе. — Меня зовут Гарри Дрезден.

— Привет, — прошептала она.

— Привет. Ты когда-нибудь видела что-нибудь вроде этого?

Я изогнул чашей ладонь, вызвал немного оставшейся силы, и бросил её в кольцо, засиявшее теплым, полыхающим светом. Он осветил лицо Фейт и я увидел мокрые полоски от беззвучно текущих слез на ее щеках.

Она покачала головой.

— А теперь, позволь показать тебе ещё кое-что, — я снял кольцо со своей руки и надел Фейт на большой палец, где оно болталось почти

свободно. Свет погас, поскольку я перестал поддерживать его, оставив нас в темноте.

— Батарейка кончилась, — буркнула девочка. — А у меня нет денег на другую.

— Фейт, ты помнишь самый лучший день в своей жизни?

С минуту она молчала, затем промолвила бесцветным шепотом:

— Да. Рождество. Когда Гремма ещё была жива. Гремма была добра ко мне.

— Расскажи мне об этом, — сказал я убеждающе и накрыл ее руку своей.

Я почувствовал, как она пожимает плечами.

— Гремма приехала в Сочельник. Мы играли — она играла со мной. А потом мы сидели под Рождественской елкой, поджидая Санта Клауса. Она позволила мне открыть один подарок до Сочельника. Тот, который она приготовила для меня.

Фейт прерывисто вздохнула

— Это была куколка. Куколка, похожая на настоящего ребенка. Мать и отец купили для меня набор Барби, всю линию, выпущенную за тот год. Она говорили, что если бы я оставила их в первоначальных упаковках, тогда позже их можно было перепродать за большие деньги. Но Грем-

ма слушала меня и знала, что я действительно хочу, — в ее голосе появилась легкая улыбка. — Гремма заботилась обо мне.

Я шевельнул рукой и мягкий розоватый свет полился из кольца — любящее, нежное сияние. Фейт задохнулась от неожиданности, а затем восхищенная улыбка расцвела на ее лице.

— Но как? — пролепетала она.

Я улыбнулся ей:

— Магия. Самая лучшая её разновидность — немножко света в темноте.

Она вглядывалась в меня, изучая лицо и глаза. Я уклонился, стараясь не встретиться с этим пристальным взглядом.

— Мне ведь нужно вернуться, правда? — спросила она.

Я отвел выбившуюся прядку с ее лба.

— Есть люди, которые любят тебя, Фейт. Или когда-нибудь будут. Пусть ты не видишь их рядом с собой — прямо здесь и прямо сейчас, они существуют. Но если ты позволишь тьме застить глаза, то можешь их никогда не найти. Лучше иметь с собою в пути немного света. Как думаешь, ты сможешь это запомнить?

Она кивнула мне, а кольцо освещало ее лицо.

— Всякий раз, когда тьмы станет слишком мно-

го, вспоминай хорошие времена, что у тебя были, хорошие вещи, которые у тебя есть. Это поможет, я обещаю.

Она прижалась ко мне в простом, доверчивом объятии. Я почувствовал, как мои щеки нагреваются. Блин!

— Нам нужно идти. Мы должны перейти через мост и встретить моего друга Ника.

Она сразу же заволновалась и прикусила губу.

— Но тролль…

Я подмигнул:

— Оставь его мне.

Девочка не казалась такой тяжелой, когда я нес ее назад. Я изучал мост, по мере того, как мы приближались. Возможно, если удача повернется ко мне, я успею перебежать мост безо всяких троллей.

Ага. А возможно, я однажды приду в художественный музей и стану хорошо образованным.

Мосты — специальность троллей. Какая магия или просто способность в том виновна, неизвестно, но никогда нельзя пересечь мост, не столкнувшись с троллем. Такова жизнь, я думаю.

Я поставил девочку на землю рядом с собой и шагнул на мост.

— Ну, Фейт, — сказал я. — Что бы ни случилось,

ты должна перебежать этот мост. Мой друг Ник подъедет с минуты на минуту.

— А как же ты?

Я отвесил ей небрежный поклон.

— Я - волшебник. Я смогу справиться с ним.

Фейт одарила меня в высшей степени скептическим взглядом, а потом нащупала мою руку. Ее пальчики казались очень маленькими и теплыми в моей ладони и волна свирепой решимости прокатилась сквозь меня. Может случиться всякое, но навредить этому ребенку я не позволю.

Мы вышли на мост. Те немногие фонари, что ранее светили, теперь потухли. Работа Гогота, несомненно. На мосту правила ночь, а где-то под нами булькала Чикагская река, гладкая и холодная.

— Мне страшно, — прошептала Фейт.

— Он — всего лишь хулиган большого размера, — сообщил я ей. — Осади его и он отступит, — я надеялся, очень сильно надеялся, что не ошибся.

Мы продолжали идти и обошли люк в середине моста, причем я поместил себя между девочкой и входом в логово тролля.

Гогот наверняка рассчитывал на это.

Услышав крик Фейт, я повернул голову и увидел толстую, волосатую руку тролля, протянутую

к нам, в то время как сам тролль огромным, жирным пауком висел на краю моста. Я зарычал и опять ударил его ногой по пальцам, отчего тролль гневно взревел. Фейт была свободна и я почти швырнул ее к дальней стороне моста.

— Беги, Фейт!

Рука тролля сбила меня с ног, а затем он выпрыгнул из-за перил моста, невероятно ловкий и гибкий для своих размеров. Горящие глаза соредоточились на убегающей Фейт и струйки склизской слюны брызнули из его рта. Он рассек топором воздух и присел, чтобы прыгнуть к ребенку.

Я вскочил на ноги и с криком бросился вперед, обхватив лапу тролля своими длинными ногами, чтобы помешать прыжку. Рыча от ярости, тролль кувырком полетел на землю. Я услышал собственное придушенное кудахтанье и ощутил, что одна из моих ног свободна.

Тролль сгреб меня за края куртки и швырнул на перила моста так, что у меня в глазах замелькали звезды.

— Волшебник, — из пасти тролля летела слюна и пена. — Сейчас ты умрешь и я разгрызу твои кости.

Я поднялся, но слишком поздно. Не убежать и

не перепрыгнуть через перила.

— Гарри! — раздался крик Фейт, вспышка розового света затопила мост, отчего уродливая голова тролля резко отвернулась к дальней стороне реки. Я повернулся влево и бросился бежать — к Фейт, прочь от тролля. Посмотрев вперед, я увидел как ревущий автомобиль Ника на высокой скорости подъезжает к мосту — мой партнер видел, что происходит.

Тролль преследовал меня и, хотя я имел небольшую фору, у меня появилось подозрение, что чудовище куда легче на ногу, чем я. Раздался свист воздуха, рассекаемого топором, и я ощутил как что-то пролетело мимо моего скальпа. Я пригнулся, увернувшись вправо. Второй сильный удар прошел на более близком расстоянии. Я споткнулся и упал, а спустя один удар сердца, тролль уже стоял надо мной. Я перевернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как он поднимает свой топор и заносит над головой, и почувствовать брызги слюны на своей груди.

— Волшебник! — проревел тролль.

Вдруг раздался вопль, а потом коп, преследовавшая нас раньше, прыгнула на спину троллю и перехватила полицейской дубинкой его горло. Она профессионально крутанула дубинкой, от-

чего глаза тролля выпучились. Огромный топор выпал из ослабевшей хватки и, кувыркаясь, с лязгом ударился о тротуар.

Полицейская отклонилась назад, чтобы согнуть хребет тролля — но он не был человеком, с которыми она прежде имела дело. Существо повернуло голову, скорчилось и высвободилось из ее захвата, а затем распахнуло пасть в взбешенном реве. Этот рев буквально сдул форменную кепку с головы полицейской и отбросил назад ее саму с изумленно распахнутыми глазами. Взбешенный тролль хлопнул кулаком о тротуар, взломав его, и протянул другую лапу, чтобы сокрушить череп женщины.

— Эй, урод! — выкрикнул я.

Тролль обернулся и успел увидеть, как я, хрюкнув, обрушил на него его же здоровенный топор.

Грязная, гниющая плоть ниже ребер взорвалась с громким, воющим звуком. Гогот запрокинул голову и пронзительно завопил. Я отступил, зная, что последует дальше.

Бедная полицейская, побелев от ужаса, смотрела как из зияющей раны в брюхе тролля льются сотни, тысячи крохотных, извивающихся, орущих и визжащих фигурок. Массивные мускулы чудовища опадали, словно сдуваемые баскет-

больные мячи, и оседали на поверхность моста. Мириады крошечных троллей усеяли его, подобно мелкому мусору, их уродливые маленькие головки были не больше головы президента на монете. Орда мерзко корчащихся существ хлестала из Гогота бурным потоком.

Щеки тролля запали, а глаза исчезли, рот его распахнулся в беззвучном крике. Кожистый, грязный мешок, оставшийся от Гогота, после освобождения кучи мелких троллей, опустился на землю, где остался лежать отвратительным, брошенным плащом.

Коп смотрела, пытаясь собрать слова не то для молитвы, не то для проклятия, но её рот все никак не мог закрыться. Свет фар Ника сделал разворот, осветил мост и с двумя десятками тысяч протестующих криков троллевая мелюзга врассыпную бросилась прочь от света.

Несколько секунд спустя, на мосту остались только я, коп, Фейт и Ник, идущий к нам. Фейт стремглав подбежала ко мне и обхватила за талию. Ее глаза ярко сверкали от волнения.

— Это было самое отвратительное зрелище, которое я когда-либо видела. Я хочу быть волшебником, когда вырасту.

— Это… Это был… — ошеломленно лепетала

полицейская. Она была низкорослой и коренастой, а потеря кепки открыла туго заплетенные, светлые волосы.

Я подмигнул Фейт и кивнул полицейской:

— Тролль. Знаю.

Я поднял кепку и встряхнул ее. Несколько троллей, вереща, выпали на землю и пустились в бегство. Коп наблюдала за этим ошарашенным взором.

— Эй, большое спасибо, офицер… — я покосился на ее значок. — Мерфи, — улыбнулся и предложил ей кепку.

Она взяла ее негнущимися пальцами.

— О, Иисус, я действительно ее потеряла, — она моргнула несколько раз, а затем внезапно нахмурилась, всматриваясь в мое лицо. — Вы. Вы обвиняетесь в похищении ребенка Асторов.

Я открыл рот, чтобы начать защищаться, но, оказалось, нужды беспокоиться не было.

— Вы шутите? — расхохоталась Фейт Астор. — Этот… клоун? Похитил меня? Да он не сумел бы отличить свою задницу от сигареты «Мальборо», — она обернулась и подмигнула мне, а затем протянула свои запястья Мерфи. — Я признаюсь, офицер. Я сбежала. Посадите меня в тюрьму и выбросьте ключ.

Надо отдать Мерфи должное, для того, кто только что противостоял монстру из-под кровати, она казалась достаточно спокойной и собранной: — она повесила свою дубинку на пояс и подошла к Фейт, осматривая ее в поисках повреждений, перед тем, как вперить в нас с Ником подозрительный пристальный взгляд.

— Ого-го, мальчик, — сказал Ник, его широкая и грузная фигура остановилась прямо за моей спиной. — Вот так-так! Ты получишь верхнюю койку, ходуля, но пользоваться после тебя мылом в душе я не стану.

Коп посмотрела на меня и Ника. Потом на девочку. Затем, более задумчиво, на груду кожи, которая была троллем Гоготом. Ее взгляд метнулся назад к нам с Ником и она произнесла:

— Не вы ли те двое, что управляют «Оборванным Ангелом», тем агенством, которое разыскивает потерявшихся детей?

— Я управляю им, — сказал Ник смиренным голосом. — Он работает на меня.

— Да, всё, как он говорит, — добавил я, чтобы не дать Нику входить одному в большую, темную комнату.

Мерфи кивнула и взглянула на девочку:

— С тобой всё хорошо, сладкая?

Фейт фыркнула и улыбнулась.

— Немного голодна и хотела бы помыться, но в остальном — я в полном порядке.

— И эти двое не похищали тебя?

Фейт закатила глаза:

— О, пожалуйста…

Мерфи кивнула и ткнула полицейской дубинкой в меня и Ника:

— Я должна сообщить об этом. Вы, двое, исчезаете прежде, чем здесь появится мой напарник, — она хитро посмотрела на Фейт. Та усмехнулась в ответ.

Мерфи повела девочку на другую сторону моста, к остальным полицейским, а мы с Ником отправились к его автомобилю. На широком, честном лице Ника было написано выражение возбужденного ликования.

— Я не могу поверить, — говорил он. — Это просто невероятно! Это был, как бишь его там, тролль?

— Его звали Гогот, — сказал я бодро. — Ещё очень и очень долго на этом мосту разве что крошкам хлеба будут угрожать тролли.

— Мне всё не верится, — проговорил Ник снова. — Я уж думал — всё, наша песенка спета, а тут… Никак не могу поверить.

Я оглянулся. Вдали, на дальнем берегу реки, маленькая девочка встала на цыпочки, прощально размахивая рукой. Мягким розовым светом лучилось ее кольцо на большом пальце. Полицейская тоже посмотрела на меня с задумчивостью во взоре, а затем улыбнулась.

Современная жизнь — одна большая трясина. И мир, в котором мы живем, может быть темным местом. Но, по крайней мере, я не должен быть в нем один.

Я обнял Ника за плечи и ухмыльнулся:

— Разве я не говорил тебе, дружище? Просто верь.

5.1 Реклама - двигатель торговли (2002)

Я сидел на стуле в своей захламленной лаборатории, которая находилась в подвале старого деревянного дома. Около дюжины свечей горевших по всей комнате придавала ей теплый и уютный вид, однако тут было достаточно прохладно, чтобы заставить меня надеть теплый фланелевый халат. Передо мной на столе лежала толстая телефонная книга. Я сосредоточенно смотрел на свое объявление в «желтых страницах», которое выглядело так:

ГАРРИ ДРЕЗДЕН — ЧАРОДЕЙ

Поиск пропавших вещей. Паранормальные расследования.

Консультации. Советы. Разумные цены.

Не изготавливаю любовных напитков.

Не провожу вечеринок или других мероприятий.

— Сухо, Гарри, — сказал Боб, нарушив молчание. Его мерцающие оранжевые огоньки танцевали в глазницах черепа. — Слишком сухо.

Я перевернул несколько страниц.

— Да, пожалуй. Большинство рекламных текстов тоже такие. Я не думаю, что они вызывают шквал звонков.

Боб повернул свои глаза-огоньки.

— Не литературно, болван. Сухо в эстетическом смысле. Нет стиля. Нет вызова. Нет наглости, в конце концов.

— Нет чего?

Череп подпрыгнул в воздухе и гулко ударился лбом об тяжелый бронзовый подсвечник. После нескольких ударов он развернулся ко мне и Боб простонал

— Это ску-ч-но!

— Да? — переспросил я, потирая подбородок. — Ты считаешь, я должен был сделать его четырехцветным?

Боб смотрел на меня около секунды, пока произнес:

— У меня бывают кошмары, где я попадаю в ад, и все что мне остается делать, это вести счет годам и общаться с таким собеседником, как ты.

Я сердито посмотрел на череп и кивнул.

— Ладно, допустим, я соглашусь. Ты считаешь, что надо больше драматизма?

— Надо больше ВСЕГО! Драмы тоже больше.

Или больше сисек!

Я вздохнул, сообразив к чему он ведет.

— Я не собираюсь нанимать длинноногую секретаршу, Боб. Угомонись

— Я ничего не говорил про ноги. Но их длину мы тоже можем обсудить

Я отложил «желтые страницы» в сторону и снова поднял карандаш.

— Я, между прочим, здесь работаю, Боб. Я варю зелья!

— Это всего-навсего зелья, гений, и если ты не собираешься рекламировать бизнес, то тебе придется срочно выучить несколько новых заклинаний. Прежде всего тех, которые помогут тебе обчищать бакалейные лавки, в поисках съестного.

Я надавил карандашом так, что кончик грифеля сломался, и раздраженно посмотрел на Боба.

— И как ты думаешь, это должно звучать?

Глаза-огоньки Боба засияли.

— Вставь монстров, Гарри. Монстры это хорошо.

— Оставь меня в покое.

— Я серьезно, Гарри! Вместо строчек про консультации и поиск вещей, вставь: «Провожу сеансы экзорцизма, истребляю монстров, уни-

чтожаю вампиров, изгоняю демонов».— Ага, конечно, - разозлился я, — И что это принесет в бизнес?

— Это принесет клиентов!

— Это принесет безумие, — возмутился я. — Боб, я не знаю, говорил ли тебе кто-нибудь раньше, но большинство людей не верят в существование монстров, демонов и тому подобных существ.

— Большинство людей не верит в любовные напитки, но ты указал это в объявлении.

Я с трудом сдержал желание запустить черепом в стенку

— Вообще-то, — сказал я Бобу, — это для того, чтобы выглядеть более солидно, профессионально и заслуживающим доверия.

— Конечно. Но реклама — это всегда ложь, — парировал Боб. — Эй! Ты хреново врешь, Гарри. Правда. Ты должен доверить это мне.

— Хорошо, только без монстров, — настоял я на своем.

— Ладно, ладно, зануда — пробормотал Боб. — Как насчет того, чтобы показать хорошие стороны, а? Что-то вроде: «Спасаю девственниц, разрушаю злые чары, нахожу злодеев, защищаю единорогов»

— Единорогов?

— Или детёнышей единорогов.

Я поднял взгляд и, стараясь говорить отчетливо произнес:

— Это реклама моей детективной деятельности, а не службы знакомств. Кроме того, единственный единорог, которого я когда- либо видел, пытался нанизать меня на рог

— Ты теряешь из виду то, что реклама — это ложь, Гарри.

— Никаких единорогов, — сказал я твердо. — И так неплохо получается

— Но теряется целостность стиля, — пожаловался Боб.

Я изобразил акцент, как у умственно отсталого типа: «Штиль как штиль, ага».

— Ладно, хорошо. Как я понял, мы выкидываем рассудок на ветер и печатаем только правду. «Убийца вампиров, охотник за приведениями, боец с фейри, истребитель вервольфов, полицейский консультант, и враг Адских Псов».

Я подумал над этим около минуты, затем взял чистый лист бумаги и записал. Потом внимательно посмотрел на то, что получилось.

— Видишь? — воскликнул Боб. — Это выглядит ярко, привлекает внимание и является правдой. Ну что ты теряешь?

— На этой неделе у меня нехватка денег, — сказал я, в конце концов. — Слишком много букв. К тому же, лейтенант Мёрфи убьет меня, если я начну распространяться о своем сотрудничестве с полицейским управлением

— Ты — неисправим — вздохнул Боб

Я тряхнул головой.

— Нет. Я не буду делать этого ради денег

— Тогда зачем ты вообще этим занимаешься, Гарри? Черт, за несколько прошедших лет тебя могли убить миллион раз. Почему ты еще не бросил этого?

Я покосился на череп.

— Если ни я, то кто же?

— Это безнадежно. — Повторил Боб.

Я улыбнулся, заточил карандаш и вернулся к своим зельям… Зельям. Очень мило.

Боб вздохнул и затих. И пока горели свечи, мой карандаш скрипел по чистому белому листу.

7.1 Похищение (2006)

Игла пронзила мне ногу и, хотя тело отозвалось адской болью, я не мог позволить себе пошевелиться.

— Билли, — прорычал я сквозь зубы. — Убей его!

Билли — оборотень покосился на меня со своего места и пробормотал:

— Боюсь, что это будет радикальное решение.

— Это пытка, — простонал я.

— Ой, хватит хныкать, Дрезден, — отозвался Билли веселым голосом. — Он всего лишь подгоняет смокинг.

Портной Яноф — крепкий, невысокий парень, который иммигрировал в Чикаго из Бобруйска или откуда-то еще, сердито глянул на меня, сидя на корточках у моих ног с зажатой в губах иглой. Я где-то, около, шести с половиной фунтов роста. И его совершенно не радовало то, что он должен подогнать смокинг под кого-то с моим ростом всего за несколько часов до свадьбы.

— Это Кирби должен был мучаться на моем месте, — простонал я.

— Да. Но гораздо тяжелее подгонять смокинг тому, кто находится в гипсе и лежит на вытяжке в хирургии.

— Сколько можно говорить вам парни, — начал я прерванный монолог, — Вервольфы вы или нет, вы должны быть осторожнее.

Вообще-то, я никогда не упоминал о способности Билла к превращению в волка при посторонних, но Яноф не говорил ни слова по-английски. Очевидно, его мастерство владения ниткой и иголкой было таковым, что он не испытывал нужды изучать язык.

Как единственный детектив-чародей в Чикаго, я работал с Билли над несколькими делами, и мы были друзьями. Его последняя холостяцкая вечеринка этой ночью получила интересное продолжение. Возвращаясь, мы наткнулись на вампира, который напал на пожилую женщину на парковке. Это был безобразный бой. В основном, потому что все мы выпили слишком много шотов.[1]

Травмы Билла ограничились синяками по всему телу, что не испортит свадьбу. Алекс приобрел отвратительную глубокую рану на горле

---

[1] Примечания: 1
стопок

от похожих на когти ногтей вампира, когда тот пытался вцепиться ему в горло зубами. Митчелл лишился двух зубов, когда бросился на вампира, а вместо этого налетел на стену. Теперь он стал преданным поклонником Anbesol[2] до тех пор, пока не попадет к дантисту. Все что получил я — это раскалывающаяся голова, что никак не было связано с дракой.

Шоты очень опасны, если вас интересует мое мнение.

А вот Кирби — лучшему другу Билли, не повезло. Вампир швырнул его о кирпичную стену с такой силой, что сломал ему обе ноги и один позвонок.

— Мы же все остались живы, не так ли? — спросил Билли.

— Давайте спросим Кирби, — пробрюзжал я. — Послушай, не всегда же будет торчать из земли металлический столб, как в этот раз, чтобы насадить на него вампира, Билли. Нам просто повезло

Глаза Билли смотрели мимо меня

— Все правильно, — сказал он тихо, — но у меня уже в печенках сидит, когда ты говоришь мне,

---

[2] Примечания: 2
ледокаин

что я должен или не должен делать. Ты не мой отец, Гарри

— Нет, — сказал я. — Но… факт …

— Факт, — он перебил меня, — если меня не подводит память, то Альфы спасали твою задницу уже не раз.

— Да, — согласился я. — Но…

Его лицо стало красным от гнева. Билли невысокого роста, но сложен как тяжелый грузовик.

— Но что? Ты не хочешь доверять никому из нас ничего сложнее фокусов. Как ты смеешь преуменьшать то, что сделал Кирби, то, что сделали все остальные и чем они были готовы пожертвовать?

Я был опытным детективом. Инстинкты, которые вырабатывались годами наблюдений, предупреждали меня, что Билли может действительно рассердиться. Поэтому я попытался разрядить обстановку проговорив голосом Йоды.[3]

— Враждебность большую в тебе я чувствую.

Еще несколько секунд взгляд Билли оставался сердитым, а потом лед сломался. Он потряс головой и посмотрел вдаль.

— Я извиняюсь за свое поведение.

---

[3] Примечания: 3
герой «Звездных войн»

Яноф снова уколол меня, но я проигнорировал это.

— Ты не спал уже больше суток.

Он снова встряхнул головой.

— Это не оправдание. Но этот бой… и Кирби, и… — Его руки слегка дрожали. — Сегодня. Я имею в виду то, что произойдет сегодня.

— А, — сказал я. — Отнимаются ноги? Дрожат колени?

Билли тяжело вздохнул.

— Верно. Это же большой шаг, не так ли? — Он запустил пятерню в шевелюру, — И еще, в ближайший год большинство из Альфы закончат учебу. Получат работу. — Он запнулся на мгновенье. — Разъедутся.

— И вы останетесь с Джорджией, — сказал я.

— Да. — Он встрянул головой. — А что если мы слишком разные? Я подразумеваю, это будет катастрофа. Ты видел дом её родителей? А мне еще отрабатывать студенческий кредит на протяжении семи или восьми лет. Откуда мне знать, что я созрел для женитьбы?

Яноф поднялся, поправил мои штаны, и сказал что-то, что прозвучало как-то так, — Хахклха ах лафала крепата кхем.

— Дружище, да у тебя глаз — алмаз. Я никогда

не видел такой работы прежде, — сказал я ему, когда он снял с меня брюки и сложил их в стороне. Яноф фыркнул, пробормотал что-то еще и поковылял обратно в магазин.

— Билли, — сказал я. — Как ты думаешь, Джорджия дралась бы этой ночью?

— Да, — сказал он не задумываясь.

— Она расстроилась из-за того что ты дрался?

— Нет.

— Даже, несмотря на то, что многие из команды получили травмы?

Он глянул на меня.

— Нет.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Потому… — Он задумался на мгновенье. — Потому что это она. Я её знаю. Расстроилась из-за синяков, но не из-за драки.

Что-то незаметно изменилось в его интонации, и он произнес голосом похожим на голос Джорджии.

— Люди получают травмы в драках. Именно поэтому их и называют драками.

— Ты знаешь её достаточно хорошо, что бы отвечать на такие серьезные вопросы без неё, парень. — Сказал я тихо. — Ты готов. Представь большую картинку в голове. Тебя и её.

Он быстро глянул на меня и усмехнулся:

— Я думал, ты скажешь что-то про любовь.

Я вздохнул.

— Билли. Ты сноб. Если бы не любил ее, то ты бы не переживал от одной мысли о том, что вы можете расстаться, не так ли?

— Хороший довод, — улыбнулся он.

— Существует только одна причина. Ты и она.

Он глубоко вздохнул

— Да. Джорджия и я. Остальное не имеет значения.

Я собирался пробормотать что-то неопределённо-поддерживающее, когда дверь в помещение открылась. Роскошная женщина, примерно моего возраста, с волосами цвета вороньего крыла, зашла в примерочную в сиянии золота и бриллиантов. Её идеальные формы говорили, что своей красотой она целиком и полностью обязана пластической хирургии. Её сияющую белозубую улыбку можно было разместить на рекламном плакате стоматологического центра. Завершающим штрихом этого шедевра были итальянские кожаные туфли и дамская сумочка вместе стоявшие, наверно, больше чем моя машина.

— Так. — Сказала она, упершись кулаком в бедро, и с раздражением глядя на Билли и на

меня. — Я смотрю, ты стараешься изо всех сил, чтобы сорвать церемонию.

— Ева, — сказал Билли натянутым, официальным голосом. — Ммм. О чем ты говоришь?

— Только про это! — Воскликнула она, резко махнув рукою в мою сторону. После чего посмотрела на меня более пристально, словно оценивая.

Я повернулся и спокойно потянулся за джинсами, пытаясь сохранять достоинство и стараясь выглядеть непринужденно и уверенно, будучи одетым, только в облегающую футболку с рисунком «Человека-паука» и черные трусы.

— Твоё нижнее бельё просто ужасно. — Сказала Ева ехидным голоском.

Я рывком натянул джинсы. Тупое достоинство.

— Достаточно того, что ты настаиваешь чтобы этот… мелкий уголовник принимал участие в церемонии перед светским обществом., так еще и Яноф вне себя, — продолжила Ева обращаясь к Билли, словно меня здесь не было. — Он грозится уйти.

— Уау, — сказал я, — ты говоришь по бобруйски?

Она уставилась на меня:

— Что?

— Потому что Яноф не владеет английским. Так что, как еще ты могла узнать, что он собирается уйти? — Я сладко ей улыбнулся.

Она вновь посмотрела на меня полным высокомерной злости взглядом и сделала вид, что меня не существует.

— Мы лишились одного из свидетелей. Не говоря уже о том, что если он будет стоять возле тебя и Джорджии, то вы будете выглядеть карликами. Фотограф предупрежден, и я не имею ни малейшего понятия, как мы будем менять всё в последний момент.

Я готов поклясться, что слышал, как Билли заскрипел зубами.

— Гарри, — сказал он неестественно вежливым, голосом. — Это Ева МакАлистер. Моя теща.

— Мне не нравиться это выражение, я же говорила тебе раньше. Зови меня мамой, — сказала она. — Надеюсь, что когда-нибудь я ее стану, если эта катастрофа, в которую ты превратил приличную свадьбу, окажется в прошлом.

— Я уверен, что мы найдем какой-нибудь компромисс — ответил ей Билли нахально, но в голосе его звучала безнадежность.

— Джорджия опаздывает, а на все звонки включается автоответчик. А у меня и без этого хватает

проблем. — Ева дернула головой. — Я надеюсь, что ты не потащил её общаться с отбросами этой ночью. Наподобие того, как ты сам провел это время

— Эй, ну все, перестань, — вмешался я, изо всех сил стараясь сохранить голос спокойным и дружелюбным. — У Билли эта ночь выдалась чертовски трудной. Я уверен, что он сможет помочь тебе со всем этим, если ты дашь ему шанс для…

Она недовольно фыркнула и оборвала меня.

— Разве я сказала или сделала что-то, чтобы ты предположил, что мне интересно твое мнение, шарлатан? Я предупреждала Джорджию о таких людях, как ты.

— Вы ведь даже не знаете меня, леди. — возмутился я.

— Ооо, я знаю, — проинформировала она меня. — Я знаю все про тебя. Я видела тебя на шоу Ларри Фулера.

Я пристально посмотрел на нее.

Билли, практически в панике, поднял обе руки ладонями вверх, умоляюще глядя на меня. Но с похмелья я сорвался, да и жизнь слишком коротка, чтобы переводить её на выслушивание словесных оскорблений от мелких домашний тиранов, которые смотрят дурацкие шоу.

— Ладно, Биллина тёща….

Её глаза вспыхнули.

— Не смей называть меня так.

— Тебе не все равно, когда тебя называют тёщей? — Спросил я.

— Не всегда и не от всех.

— Все таки заметно, что ты не мама Джорджии. Как насчет того, чтобы я называл тебя трофейной женой, женщиной напоказ? — Поинтересовался я.

Она моргнула, её глаза расширились. Билли спрятал лицо в ладони.

— Грелкой для кровати? — Я задумался. — Миссис «сделай это хорошо», побочным продуктом кризиса среднего возраста? — Я почесал голову. — Если не устаивает это, можем прогуляться по классике, — наклонившись к ней чуть ближе, я оскалился в крокодильей улыбке, — брак по расчету или содержанка?

Ева моментально побледнела, кровь отхлынула от её лица, оставив безобразные розовые пятна на скулах

— Да как ты…

Я махнул рукой.

— Ну, нет — все правильно, и это я еще не напрягал мозги, чтобы найти больше синонимов.

Я понимаю что тебе и так нелегко. Должно быть, очень тяжело выглядеть хорошо на фоне доставшихся даром денег, в то время когда все вокруг знают, что на самом деле ты секретарша или неудавшаяся актриска, или модель, или что-то вроде этого.

Её рот распахнулся, и нижняя челюсть оказалась где-то возле пола в попытках ответить, но я не оставил ей на это ни единого шанса..

— У нас у всех очень трудный день, дорогая. — Я щелкнул пальцами перед ее изящным носиком. — Кыш!

Она таращилась на меня около секунды, потом выдала такую замысловатую фразу, которую я никак не ожидал услышать от леди в её статусе и, развернувшись на каблуке одной из итальянских туфелек, пулей вылетела из комнаты. Я услышал звон колокольчиков, когда она подбежала к дверям магазина, и визгливый голос, кричащий в трубку телефона. Её было слышно еще секунд десять после того, как она вышла на улицу.

Миссия выполнена. Зло изгнано. Драконихa обращена в бегство. Я чувствовал себя вполне довольным собой.

Билли тяжело вздохнул.

— Тебе обязательно было так с ней разгова-

ривать?

— Мда. — Я спустил пар и потихоньку начинал чувствовать угрызения совести — Когда я открыл рот я уже не смог остановиться…

— Проклятье, Гарри, — вздохнул Билли.

— Да ладно, перестань, парень. Ее можно научить хорошим манерам при помощи палки, но ни одно словесное высказывание никогда ее серьезно не заденет. Невелика потеря.

— Для тебя может быть. Тебе не жить с ними, а мне. Как и Джорджии

Я внезапно почувствовал себя подростком, и мне стало стыдно — я не подумал об этой стороне жизни.

— А, — сказал я. — Ох. Возможно, мне стоит извиниться?

Билли наклонил голову и потер переносицу.

— О Господи, нет. Все итак уже достаточно плохо.

Я хмуро глянул на него,

— Это действительно так важно для тебя? Церемония?

— Это важно для Джорджии.

Я кивнул.

— Слушай, у нас осталось несколько часов. Я останусь здесь и постараюсь уладить дела с

Евой, — предложил Билли. — Сделай мне одолжение.

— Конечно, для чего ещё нужен шафер? Кто же еще приставит лестницу к окну на, тот случай, если жених запаникует и захочет драпануть?

Он слегка ухмыльнулся.

— Сообщи мне, если увидишь Джорджию первым. Может у неё проблемы с машиной или она проспала или еще что-то случилось. Или может, она забыла поставить телефон ночью на зарядку, и теперь он окончательно разрядился?

— Конечно, — пообещал я. — Я займусь этим.

Я позвонил в квартиру, где жили Билли и Джорджия, но никто не ответил. Зная Джорджию, я надеялся, что она будет в госпитале, навещая Кирби. Билли мог быть лидером в бою для команды студентов колледжа, которые научились быть оборотнями — в нем было много от настоящего волка, но Джорджия была руководителем, суррогатной мамой и мозгами в мирное время.

Кирби был с похмелья, и под завязку напичкан болеутоляющими, но он сказал мне, что Джорджия к нему не заходила. Я поговорил с дежурной медсестрой и выяснил, что у него не было ни одного посетителя с тех пор как мы с Билли ушли. Однако они ждут с минуты на минуту всю его

семью, которая вылетела из Техаса, чтобы повидаться с ним. Странно.

Я подумал о том, чтобы сообщить, об этом Билли, но пока я не знал ничего более конкретного, да и хватит с него переживаний на сегодня.

— Не становись параноиком, Гарри, — сказал я себе. — Может быть, у неё тоже похмелье. Может, она убежала со стриптизером. — Я подождал немного, чтобы понять, не куплюсь ли я на эту мысль и хмыкнул, встряхнув головой. — А может Элвис и ДФК[4] скрываются в каком-нибудь доме престарелых.

Я направился в квартиру Джорджии и Билли.

Они жили недалеко от студенческого городка Чикагского Университета. Это до сих пор не было тем местом, где бы вам захотелось погулять по улице после наступления темноты. У меня не было ключей, чтобы попасть в подъезд, так что я нажимал на кнопки домофона до тех пор, пока кто-то не пустил меня внутрь. Я поднялся по лестнице вверх и почувствовал, что что-то не так еще до того, как подошел к квартире. Я ничего не видел и не слышал, но мое магическое чутье давало мне смутную, но твердую уверенность, что слу-

---

[4] Примечания: 4
Джон Фицджеральд Кеннеди

чилось несчастье. Я постучал. Дверь затрещала и приоткрылась на несколько дюймов, соскочив с нижней петли, и закачаясь с пронзительным скрипом. Вся ее боковая часть со стороны дверного проема была расколота и расщеплена, обнажив древесину. Сорванный с креплений нарезной замок валялся сразу за дверью.

Я остановился на одну долгую секунду, выжидая и прислушиваясь. Слышалось дребезжание оконного вентилятора в конце холла и звуки радио этажом ниже. Больше ничего. Я закрыл глаза на мгновенье и потянулся своими чародейскими чувствами, пробуя окружающее на наличие любых следов магии. Я ничего не почувствовал, кроме тонкой, едва различимой, энергии порога, которая окружает любой дом, как форма естественного сопротивления магии. Квартира Билли и Джорджии была условной штаб-квартирой вервольфов, в которую члены команды приходили и уходили постоянно. Они никогда не планировали сделать ее постоянным жильём — но есть очень много квартир, где порог очень сильный, несмотря на размеры жилища. Я медленно распахнул дверь правой рукой.

Квартира была разгромлена и перевернута вверх дном.

Кроватный матрас лежал на боку, металлический каркас был согнут и переплетён как слоёное тесто. Развлекательный центр валялся на полу вырванный из креплений, повсюду валялись разбросанные CD, DVD и первые выпуски постеров «Звёздных войн». Деревянный стол был переломлен точно по центру. Одно из полудюжины кресел чудом уцелело. Остальные были сожжены. Микроволновая печь вывалилась из гипсокартона во внутренней стене. Дверца холодильника была оторвана и лежала возле книжного шкафа на другом конце комнаты. Все на кухне было или сорвано со стен или разбросано.

Я двигался так тихо, как только мог — будь проклята эта тишина. Я постарался внимательно оглядеться вокруг. Ванная выглядела так, как будто кто-то сначала поработал бензопилой, а потом завершил все взрывом. Спальня, где были компьютеры и прочий электронный хлам, была похожа на место авиакатастрофы. Но хуже всего было в спальне. Потому что пол и одна из стен были залиты кровью.

Чтобы не случилось — я допустил это. Проклятье. Мне хотелось убить кого-нибудь и завыть от отчаянья и страха за Джорджию. Но, к сожалению, делу это не могло помочь. Я вернулся в

гостиную. Телефон возле двери чудом уцелел. Я набрал номер.

— Лейтенант Мёрфи, Специальные расследования, — ответил профессиональный, безликий голос.

— Это я, Мёрф, — сказал я ей.

Мёрфи узнала меня. Её голос моментально изменился.

— Боже, Гарри, что случилось?

— Я в квартиру Билли и Джорджии, — сказал я. — Тут все разнесено на куски. И здесь кровь.

— С тобой все в порядке?

— Я нормально, успокоил я её. — Джорджия пропала. — Я помолчал и добавил — У неё свадьба сегодня, Мёрф.

— Пять минут, — мгновенно ответила она.

— Мне нужно, чтобы ты захватила кое-что для меня по пути.

Спустя восемь минут Мерфи вошла в дверь. Она была главой Отдела Специальных Расследований Чикагского Департамента Полиции. Это им доставались дела, которые не вписывались в официальные рамки, и за которые никто не хотел браться — например, нападение вампира и прочих мистических существ, и раскрывали их так же хорошо, как большинство их приземлен-

ных коллег — разграбление могил. Плюс, в ОСР спускали все другие грязные дела, за которые никто из полицейских не хотел браться. Копы ОСР старались из всех сил, что бы в отчетах все было опрятно и красиво, объясняя все с рациональной, логической точки зрения. Именно на это сотрудники ОСР тратят большую часть времени и сил. Отчеты Мёрфи больше напоминают рассказы, так как не имеют ничего общего с реальностью.

Мёрф не выглядит как коп, скорее как пародия на него. Она невысокого роста. Блондинка с голубыми глазами и милым носиком. Однако у нее неисчислимое количество наград за соревнования по стрельбе, а полка забита призами, полученными на турнирах по боевым искусствам. Однажды я видел, как она убила дендрозлыдня бензопилой. Мерф была одета в джинсы, белую футболку, кеды, бейсбольная кепка покрывала собранные в хвостик волосы. Пистолет она положила в наплечную кобуру, бейдж висел на шее, а на плече висел рюкзак.

Мёрфи подошла к квартире и остановилась возле остатков того, что раньше называлось дверью. Она около минуты оглядывала комнату, затем спросила:

— Что могло сделать такое?

Я кивнул на каркас от кровати и ответил:

— Что-то сильное.

— Я хотела бы большую часть времени быть частным детективом, как ты. Тогда могла бы держаться от таких созданий подальше.

— Ты все принесла? — спросил я.

Она вручила мне рюкзак.

— Остальное в машине. Это для чего?

Я раскрыл рюкзак, достал оттуда желто-белый череп и положил его на кухонную столешницу.

— Боб, просыпайся!

В глазных впадинах черепа загорелись оранжевые огоньки и медленно стали становиться ярче. Челюсти черепа щёлкнули, раскрывшись в имитации широкого зевка, затем раздался голос, звуча нечетко, как если бы говорили через узкую длинную трубу.

— Что случилось, босс?

— Иисус, Мария и Иосиф. — Прошипела Мёрфи. Она сделала шаг назад и наверно почувствовала себя в сумасшедшем доме.

Глаза-огоньки Боба-Черепа вспыхнули.

— Эй, какая милая блондиночка! Ты делал это с ней, Гарри?

Череп развернулся на столешнице и увидел разрушения.

— Уау! Это ты сделал? Так держать, жеребец!

Моё лицо мгновенно покраснело.

— Нет, Боб, — прорычал я.

— Увы, — сказал череп унылым голосом.

Мёрфи закрыла рот и отчаянно мигая, уставилась на череп.

— Ух. Гарри?

— Это Боб-череп, — ответил я.

— Это череп, — сказала она. — Который говорит.

— Вообще-то Боб это дух. А череп это только контейнер для него.

Она уставилась на меня слегка ошалевшим взглядом и повторила: — Это- череп. Который говорит.

— Эй! — запротестовал Боб. — Я не “это”. Я явно “он”!

— Боб мой ассистент в лаборатории, — пояснил я.

Мёрфи посмотрела на Боба и встряхнула головой.

— А ведь я только начала думать, что магическая дрянь не может быть еще более странной.

— Боб, — сказал я. — Оглядись вокруг. Скажи мне, что сделало это?

Череп послушно повернулся и сразу сказал:

— Что-то сильное.

Мёрфи очень косо посмотрела на меня.

— Ой, а я причем? — возмутился я, — Боб, мне надо знать, сможешь ты почувствовать любые остатки магии?

— Как прикажете, масса, — гаркнул Боб. Он сделал еще один медленный поворот, оранжевые огоньки в глазницах сузились.

— Остатки магии? — спросила Мёрфи.

— Всегда, когда используешь магию, это оставляет что-то вроде отметин на местности вокруг тебя. Большинство этих следов так слабы, что солнце развевает их в первое же утро. Я не могу их почувствовать.

— Но он может?

— Но он может! — Подтвердил Боб. — Несмотря на весь этот шум. Я работаю здесь, между прочим.

Я встряхнул головой и вновь взялся за телефон.

— Да, — ответил Билли. Он говорил так, будто на него напали, на заднем фоне слышался гул.

— Я в твоей квартире, — сказал я. — Я пришел, сюда разыскивая Джорджию.

— Что? — переспросил он.

— Твоей квартире, — прокричал я громче.

— Оу, Гарри, — сказал Билли. — Извини, я в шоке от этого телефона. Ева только что разговаривала с Джорджией. Она добралась сюда, в конце концов.

Я нахмурился.

— Что? С нею все в порядке?

— А почему нет? — удивился Билли. Кто-то начал пронзительно кричать на заднем фоне.

— Дерьмо, это батарея умирает. Проблема решена, добирайся сюда. Я приготовил твой смокинг.

— Билли, подожди!

Он положил трубку.

Я снова набрал его номер, но услышал только автоответчик.

— Ага! — воскликнул Боб. — Кто-то использовал заклинание превращения в волка, которому голая цыпочка обучила Билли и команду, это было в спальне. — Доложил он. — И здесь были фейри.

Я нахмурился.

— Фейри? Ты уверен?

— На сто процентов, босс. Они постарались прикрыть свои следы, но порог, должно быть, лишил их иллюзии энергии.

Я кивнул и вздохнул, — Проклятье. — Потом я поспешил в ванную и, нагнувшись, начал рыться в обломках кирпичей.

— Что ты делаешь? — спросила Мёрфи.

— Ищу Джорджию.

Я нашел пластиковую расческу, полную длинных прядей волос, по цвету подходящих Джорджии и взял несколько из них в руку.

У меня есть множество поисковых заклинаний, усовершенствованных за годы практики. Я вышел обратно в холл, и начертил с помощью кусочка мела круг на полу вокруг себя.

Потом я взял волосы Джорджии и прижал их ко лбу, собирая воедино свою концентрацию и волю. Я придал форму заклятию, которое я хотел создать, сфокусировался на волосах и отпустил волю с шепотом, — Interessari, interressarium. — Магия волной вышла из меня, коснулась волос и вернулась обратно.

Я ногой стер мел, разрывая круг, и заклинание пришло в действие, создавая слабое ощущение давления на затылке. Я повернулся, и ощущение давления отреагировало на это, повернувшись внутри меня, оно прошло через моё ухо, скулу и сконцентрировалось между глаз. — Она в этом направлении, — указал я.

— Ой-ей.

— Ой-ей?

— Я смотрю на юг, — сказал я.

— А в чем проблема?

— Билли сказал, что она уже на свадьбе. Двадцать миль севернее отсюда.

Глаза Мёрфи расширились от понимания:

— Фейри её подменили.

— Зачем? Они стараются узнать что-то?

— Нет, — сказал я тихо

— Это совершено со злым умыслом. Возможно, потому что Билли и компания помогали мне во время битвы, когда был убит последний Летний Рыцарь.

— Это было несколько лет назад.

— Фейри очень терпеливы, — пожал я плечами. — И они ничего не забывают. Билли в опасности.

— Я бы сказала, что это Джорджия в опасности, — произнесла Мёрфи.

— Я имею в виду, что Билли в опасности, тоже.

— Это почему же?

— Это не случайно случилось в день их свадьбы. Фейри собираются использовать это против них.

Мёрфи нахмурилась: — Как?

— Свадьба, это не просто церемония, — сказал я. — В ней заложена сила. Клятва одного другому, переплетение энергий. Магия проходит через все это.

— Ну, если ты говорить так, — сказала она искаженным голосом, — что случиться если он женится на Фейри?

— Консерваторы будут реально расстроены, — сказал я рассеяно. — Но я не уверен, магически говоря. Боб?

— Нуу, — протянул Боб. — Ммм. Так, если мы предположим что это кто-то из Зимних фейри, тогда ему очень повезет, если он переживет медовый месяц. Если все-таки переживет, то… Она будет влиять на него очень долгий период. Он будет привязан к ней, как Зимний Рыцарь привязан к Зимней Королеве. Она подчинит его себе. Изменит его мысли и его восприятие.

Я сжал зубы.

— И если она сможет достаточно сильно его изменить, это сведет его с ума.

— Обычно да, — подтвердил Боб. Его голос сиял от радости. — Но не волнуйся, босс. Наиболее вероятно, что он будет мертв перед завтрашним рассветом. Он, может быть, даже умрет счастливым.

— Этого не случится, — заявил я глянув на часы. — Свадьба будет в три часа. Джорджия наверняка нуждается в помощи прямо сейчас. Я посмотрел на Мёрф:

— Как у тебя с оружием?

— Два на мне. Остальное в машине.

— Вот эта девочка, которая знает, как развлекаться, — восхищенно присвистнул Боб. Я запихнул череп обратно в рюкзак намного быстрее, чем обычно это делаю и застегнул молнию.

— Чувствуешь, как хорошо начинается день?

Её глаза засверкали, но она произнесла скучающим голосом.

— В выходной? Уж очень напоминает работу.

Мы вышли из квартиры вместе.

— Я заплачу тебе пончиками.

— Дрезден, ты свинья. Полицейские пончики это часть ошибочного стереотипа.

— Пончиками, посыпанными мелкой сахарной пудрой, — протянул я мечтательно.

— Профессиональная дискриминация такая же плохая, как и расовая.

Я согласился.

— Ага. Но я же знаю, как ты любишь сахарную пудру.

— Это не довод, — ответила она надменно, и мы сели в машину.

Мы пристегнулись, и я сказал более спокойно,

— Тебе не обязательно ехать со мной Кэтрин.

— Да, — сказала она. — Обязательно.

Я кивнул и, сконцентрировавшись на поисковом заклинании, повернул голову на юг: — В ту сторону.

Самое худшее в работе чародея это все эти предположения, допущения, людские ожидания. Очень много тех, кто ожидает, что я занимаюсь какой-то разновидностью мошенничества, поскольку, как широко известно, магии не существует. Те, кто знает чуть больше, думает, что мне достаточно щелкнуть пальцем, что бы получить все, что я хочу. Грязные тарелки? Щелкнуть пальцами и они помоются сами, как в “Ученике волшебника”. Хочешь поговорить с друзьями? Пуф! И телепортируешь их откуда угодно, потому что магия знает как найти, все что тебе требуется.

Магия не похожа на это. Или будьте уверены, я бы не ездил на старом, рассыпающемся Фольцвагене. Это могущественное, правильное, полезное и весьма выгодное искусство, но, в конце концов, это еще и наука, профессия и инструмент. Нельзя просто так взять и начать делать что-то из ничего. Использование магии означает талант, дисциплину, практику и множество работы, и ничто из этого не означает абсолютную Свободу.

Вот почему моё заклинание привело нас в де-

ловой квартал Чикаго и внезапно стало почти бесполезно.

— Мы проезжаем через этот квартал третий раз, — сказала мне Мёрфи. — Неужели нельзя получить более точное направление?

— Неужели я так похож на одну из этих чертовых GPS штучек? — воскликнул я.

— Дай определение ‘штучки’ для начала, — парировала Мерфи.

— Это мое заклинание, — сказал я. «Оно ориентировано как компас. Но я не предусмотрел использование оси-Z в уме, когда создавал его, поэтому оно работает только тогда, когда я на правильном направлении к цели. Мы могли бы вернуться и исправить это, но нет времени.

— У меня было что-то вроде этого во время замужества. — задумчиво произнесла Мёрфи. Она остановилась возле фонаря и посмотрела вверх. В квартале было шесть зданий, три жилых, два с офисами и одна старая церковь.

— Это где-то здесь. Придется потратить кучу времени, чтобы обыскать все здесь.

— Значит, пора вызывать кавалерию, — сказал я.

Она пожала плечами.

— Я могла бы вызвать пару ребят, но с тех пор,

как Рудольф перебрался в отдел Внутренних Расследований, я под постоянным контролем. Если я начну вызывать людей направо и налево… без логической, рациональной, полностью нормальны причины…

Я проворчал, — Я достану их. Мы должны подобраться ближе. Чем ближе я буду к Джорджии, тем боле точным будет поисковое заклинание.

Мёрфи кивнула и остановилась перед пожарным гидрантом, паркуя машину.

— Давай будем умнее, чем они. Шесть зданий. Где бы фейри её спрятали?

— Не в церкви. На святой территории они чувствуют себя некомфортно, да и к тому же там уменьшается их сила. — Я пожал плечами. — Не в жилых домах. Слишком много людей. Очень большая вероятность, что кто-то что-то увидит или услышит.

— Офисные здания в выходные, — сказала Мёрфи, — самое пустое место, которое можно найти в Чикаго. Вот только которое из них?

— Давай посмотрим, возможно, заклинание сможет подсказать мне идею.

У меня ушли, примерно, около десяти минут, чтобы обойти вокруг обоих зданий. Заклинание оставалось на удивление безответным, несмотря

на то, что я чувствовал, — расстояние до Джорджии около ста ярдов или где-то так. Я сел на бордюр, с трудом сдерживая раздражение и недовольство.

— Проклятье, — пробормотал я, дергая себя за волосы. — Должна же быть хоть какая-то зацепка.

— А фейри способны как-то маскировать свои передвижения снаружи или внутри здания?

— Да и нет, — сказал я. — Она не может просто так пройти сквозь стену или выйти на улицу. Но она может спрятаться за завесой и никто не увидит её — или увидят то, что она захочет, чтобы видели.

— А ты не мог бы разглядеть остаточную магию, как в квартире Билли?

Это было хорошей идеей. Я достал Боба и попробовал, пока Мёрфи нашла телефон, и пыталась дозвониться до Билли, или до кого-нибудь, кто смог бы позвать его к телефону. После часа попыток мы имели результат равный полному нулю.

— На тот случай, если я не говорил этого раньше, — сказал я, — сделки с фейри, это огромная боль в заднице.

Кто-то из проезжающей мимо машины выкинул окурок. Он пролетел и упал на бетон возле

моего ботинка. Я с отвращением столкнул его ногой в водосточную решетку.

— Она прикрыла свои следы на этот раз?

— Ага.

— Как?

Я пожал плечами.

— Есть множество путей. Разбросать множество маленьких отвлекающих чар вокруг, чтобы сбить нас с толку. Использовать магию очень тонко и аккуратно, чтобы не осталось слишком глубоких следов. Если она сделала так в часто посещаемом людьми помещении, то достаточно жизненной энергии, чтобы скрыть все небольшие следы. Или же она могла использовать текущую воду для… Я резко оборвал фразу и мой взгляд вернулся обратно к водостоку. Я мог слышать воду, текущую неглубоким, равномерным потоком.

— Спускаемся вниз, — сказал я. — Она спрятала Джорджию в Преисподней.

Мёрфи уставилась на ступеньки, ведущие вниз в туннель с кирпичной кладкой, и её плечи вздрогнули.

— Я не могу поверить, что это находится здесь.

Мы стояли в конце незавершенного крыла Чикагского метро. За кусками старого брезента в кирпичной стене с осыпавшейся кладкой зиял

проход, открывавший путь в темноту Преисподней.

Мёрфи накинула старую скаутскую куртку поверх футболки и поменяла пистолеты, убирая свой любимый «Sig» и доставая «Glock», который она носила на бедре. Она включила фонарик, закрепленный на конце ствола пистолета.

— Я имею в виду, что я знаю тут некоторые старые туннели, — сказала Мёрфи. — Но не этот. Этого тут не было.

Я хмыкнул и снял серебряный амулет в виде пентакля, который я носил на шее. Я намотал цепочку на пальцы правой руки поверх жезла — длинной круглой палки, покрытой вырезанными рунами и знаками. Я направил волевой усилие в амулет, и он засветился благородным, сине-белым светом.

— Проект Манхеттен проходил в этих туннелях до тех пор, пока они не переехали на Юго-Запад. Плюс город продолжает погружаться в болото вот уже около ста пятидесяти лет. Здесь полно зданий, полностью ушедших под землю. Бутлегеры селились тут по времена сухого закона, затем пришли люди, строившие бомбу, в пятидесятые и шестидесятые. Попозже поселились существа, которые добавили еще и врата в мир духов туда

и обратно.

— Другие существа? — спросила Мёрфи, держа пистолет направленным в темноту. — Например какие?

— Существа, — сказал я, начиная спускаться в болезненную, беспросветную темноту Преисподней. — Любые, которые не любят света или компании. Вампиры, тролли, некоторые из наиболее отвратительных фейри, конечно. Однажды я дрался здесь с сумасшедшем, у которого были в услужении плесенные демоны.

— Ты найдешь дорогу? — спросила Мёрфи.

— Возможно, — вздохнул я. — Я был тут несколько раз. Никогда ничего хорошего.

— Как ты собираешься разобраться с ними?

— Так же, как мы сделали это в вампирском логове. Я иду, впереди поставив щит. Если кто-то или что-то прыгает на нас, я отступаю в сторону и удерживаю, пока ты прикончишь его.

Мёрфи здраво согласилась. Я проглотил тяжелый ком в горле и почувствовал его в желудке, словно это был кусочек льда. Я подготовил щиты и нас окружило сияние бело-голубого цвета, как от моего пентакля. Вокруг нас разлетались маленькие искры из-за неровной передачи энергии. Приготовив жезл, чтобы использовать его

при необходимости, я начал спускаться к Джорджии, следуя за поисковым заклинанием. Старые кирпичные ступени плавно перешли в грубый каменный склон, ведущий вглубь земли. Вода стекала по стенам и струйками бежала вдоль туннеля. Мы двинулись вперед по наклонному полу через старое здание, которое наверно когда-то было школой, переступая через груды гниющего дерева и одну старую школьную доску, упавшую со стены. Следующая секция туннеля, со стенами, обработанными каким-то грубым инструментом, была по колено заполнена холодной, грязной водой. Она поворачивала под плавным углом и заканчивалась переходом в широкое помещение.

Это была невысокая пещера — невысокая для меня, во всяком случае. У большинства людей не было бы никаких проблем. В трёх фунтах от входа пол обрывался, а дальше простиралась безмолвная, черная гладь воды, осветить до конца которую не хватало сил для моего колдовского синего света. Мёрфи подошла ближе ко мне, и копье серебристо-белого света от фонарика на её пистолете, осветило поверхность воды. Там, на выступающей над поверхностью воды не больше чем на один или два дюйма каменной плите,

лежала Джорджия.

Луч света от фонарика осветил ее. Джорджия была высокой девушкой — при достаточно высоких каблуках она могла смотреть мне глаза-в-глаза. Когда я впервые её увидел, она была болезненно-худощавой девочкой с вьющимися волосами, Впоследствии годы округли формы её тела. У нее и проявились врожденные уверенность, непоколебимость и интеллект, что сделало её неординарной, притягательной, и если не побояться этих слов, то на все сто процентов чудесной женщиной. Сейчас она лежала обнаженная, на спине, её руки были скрещены на груди, как у мертвеца, приготовленного к вечному покою. Её кожа была белой от холода, а губы отливали синевой.

— Джорджия? — позвал я, чувствуя себя дураком. Но я не знал никакого иного способа разбудить ее. Она не шевелилась.

— Что теперь? — спросила Мёрфи. — Ты доберёшься до неё, пока я тебя буду прикрывать?

Я почесал голову.

— Это может быть не настолько легко, как кажется.

— Почему нет?

— Потому что так не бывает никогда.

Я наклонил голову на мгновенье, легонько прижал кончики пальцев к лицу, между бровями и сконцентрировался для открытия Зрения. Есть одна общая вещь для всех чародеев — это Зрение. Зовите это шестым чувством, третьим глазом, как вам будет угодно, но везде во всем мире, у того, в ком достаточно магии, есть Зрение. Это позволяет нам действительно видеть энергии, которые работают в мире вокруг нас — жизнь, смерть, магию, все, что есть в жизни. Далеко не всегда можно легко понять, что именно я вижу, а иногда то, что я вижу, внушает дикий страх и отвращение — и все, что увидит чародей с помощью Зрения остается в его памяти навсегда. Навсегда.

Вот почему мы должны быть аккуратны при использовании Зрения. Я не люблю делать это. Вы никогда не знаете, что именно вы увидите.

Но теперь, когда пришла пора найти следы присутствия магии, которые могли бы быть в пространстве между мной и Джорджией, у меня был очень небольшой выбор. Я открыл своё Зрение и посмотрел на воду перед собой и на Джорджию.

Все было густо расчерчено скользящими усиками зеленоватого света — каким-то заклинанием, которое находилось под поверхность безмятежной воды. Оно сработает, как только вода

колыхнется. И я не мог сказать как именно. Камень, на котором лежала Джорджия, находился поверх тусклого, пульсирующего сгустка энергии, приглушенное фиолетовое сияние которого медленно кружилось гипнотическими спиралями вокруг него. Эта связка, я был уверен, удерживала девушку без движения. Другое заклинание, наложенное поверх и проходившее через Джорджию в виде облачка темно-синих искорок, лежало на её коже, в основном в области головы. Возможно сонное заклятие? Более точно я не мог ничего определить.

— Что скажешь? — спросила Мёрфи.

Я закрыл глаза и перешел на обычное зрение, что всегда сопровождалось легкой дезориентацией ощущений. Остатки пережитого мной ранее сделали это хуже чем обычно. Я рассказал Мерфи все, что смог увидеть.

— Ну, — сказала она. — Вот почему я рада, что у нас есть чародей под рукой. Потому что в обратном случае, нам бы оставалось только стоять здесь без малейших идей, и гадать, что же делать дальше.

Я нахмурился и подошел к кромке воды. — Это магическая вода. Ловкий трюк. Я попробую отключить заклятие-сигнализацию на поверхности

воды, переплыть и взять Джо… — Безо всякого предупреждения вода возле моей ноги забурлила, как кипяток, и клешня, чертова клешня размером с пару баскетбольных мячей, выстрелила из воды и вцепилась в мою лодыжку.

Я издал воинственный клич. Конечно, многие могу ошибиться и предположить, что это внезапный крик испуганного человека, недостойный мужчины, но поверьте мне, это был именно боевой клич.

Существо, чем бы оно ни было, тянуло мою ногу к себе, стараясь затащить меня в воду. Я мог разглядеть только скользкий, мокрый, черный панцирь. Резко направив жезл в сторону твари, я прорычал «Fuego!»

Копьё огня толщиной с мой большой палец сорвалось с конца жезла, в направлении туловища этого создания. Оно ударило в воду, и она забурлила, превращаясь в пар. Луч огня прошел сквозь воду и ударил в панцирь с такой силой, что просто оторвал клешню от тела монстра. Я успел поднять щиты, и бледная, хрупко выглядящая четверть сферы синего света возникла передо мной, прежде чем поток обжигающего пара ударил мне в глаза. Я отполз от воды на моей… моих ягодицах, судорожно дергая ногой в попытках

сбросить клешню, все еще вцепившуюся в меня.

Вода вновь забурлила и еще одна скользкая ракообразная тварь попыталась вцепиться в меня. И еще одна. И еще. Множество волн прошло по поверхности пруда, когда толпища этих созданий двинулись в нашу сторону, поднявшись со дна подземного пруда. — Каменные крабы, — закричал я и, продолжая отползать от пруда, ударил ближайшего ко мне огненным зарядом. — Это каменные крабы!

— Все равно, — сказала Мёрфи, становясь возле меня, и начиная стрелять. Третий каменный краб, получив три пули в центр раковины, раскололся как лобстер в ресторане.

Это дало мне пару секунд на раздумье, я поднял жезл и попробовал кое-что из своих новых разработок — соединение магии огня и магии щитов. Я направил жезл в сторону дальнего берега, собрал всю силу и прокричал, — Ignus defendarius! — Барьер из пламени, достаточно яркого, чтобы слепить глаза, выстрелил в дальний конец комнаты. Я прочертил жезлом линию и пламя, касаясь камня прилипало, разматываясь от конца моего жезла до тех пор, пока не образовало основательную линию между нами и водой. Непроходимый огненный барьер в три фунта вы-

сотой отделил нас от каменных крабов. Сердитый треск и брызги раздавались от дальнего конца барьера. Если барьер упадет, то водяные слуги фейри смогут грудой наброситься на нас. Пламя требовало достаточно много энергии для своего поддержания и если я постараюсь поддерживать его достаточно долго, то наверняка выдохнусь. Еще хуже, что это было по-прежнему пламя, которое требовало кислорода для горения и если огонь продержится еще немного дольше в этих изломанных туннелях не останется достаточно кислорода для дыхания. Все это означало, что у нас только несколько секунд, и мы должны что-то сделать. И быстро.

— Мёрф! — выпалил я. — Сможешь тащить её?

Она широко открытыми глазами покосилась на меня, не опуская пистолет, направленный в сторону каменных крабов — готовая открыть огонь в любой момент.

— Что?

— Сможешь нести Джорджию?

Она сжала зубы и кивнула.

Я посмотрел ей в глаза в течение драгоценной секунды:

— Ты доверяешь мне?

Треск огня. Кипение воды. Шипение пара.

— Да, Гарри, — прошептала она.

Я улыбнулся ей

— Прыгай в огонь. Беги к ней.

— Бежать к ней?

— И быстро, — сказал я, подымая левую руку, чувствуя как мой браслет-щит начинает понемногу раскаляться от избытка энергии. — Сейчас! — Мёрфи сорвалась в бег и столкнулась со стеной огня.

— Forzare! — выпалил я, направляя волю в левую руку.

Я изменил щит, на этот раз, придав ему форму прямой, плоской поверхности около трех футов шириной. Она легла через стену пламени, через воду, к камню, на котором лежала Джорджия. Мёрфи приземлилась на мостике из чистой силы и, сохраняя равновесие и скорость, бросилась к лежащей бес сознания молодой женщине. Мёрфи спрятала свой пистолет обратно в кобуру, схватила Джорджию, и с выкриком и ворчанием перекинула ее через плечо пожарной хваткой. После чего побежала обратно, на этот раз гораздо более медленно.

Каменные крабы стали биться и метаться еще более яростно, и напряжение от удерживания обоих заклинай, стало ощущаться на физиче-

ском уровне, как легкая, судорожная слабость в руках и ногах. Я крепче сжал зубы, и напряг всю оставшуюся у меня волю, фокусируясь на удерживании стены и моста до тех пор, пока Мёрфи не сможет вернуться. Моё зрение от напряжения исказилось, образовывая туннель. Потом Мёрфи вскрикнула еще раз, и прыгнула через огонь — на этот раз более медленно и аккуратно.

Она зашипела от боли от ожогов, которые получила и остановилась позади меня.

Я со вздохом облегчения освободился от заклятия, которое удерживало мост. «Идем!»- поторопил я. — Ну идем же! — Вместе мы смогли переложить Джорджию мне через плечо. Я оказался способен поддерживать стену пламени, удерживающую каменных крабов еще около пятидесяти футов, после чего я понял, что или снимаю заклинание или же могу никуда не добраться из-за переутомления. Я предполагаю, что каменные крабы не были хорошими спринтерами, поэтому нам с Мерфи удалось оставить их далеко позади, утащив обнаженную девушку от её тюремщиков из Преисподней, и вернуться к машине относительно целыми. За все это время Джорджия ни разу не пошевелилась. Мёрфи достала из багажника шерстяное одеяло. Я

завернул Джорджию в него и сел с нею на заднем сиденье. Мёрфи запрыгнула в машину и помчалась в направлении к линкольнширскому отелю «Марриот Ресорт», который находился в двадцати милях севернее города, и считался одним из наиболее престижных мест в округе для проведения свадьбы. Дорожное движение было оживленным, а согласно часам в машине у нас оставалось менее десяти минут до того как начнется свадьба.

Я крутился на заднем сиденье, стараясь удержать Джорджию от ударов о потолок и, одновременно пытаясь расстегнуть рюкзак. При этом я упорно игнорировал раны, которые оставили клешни каменных крабов на моей ноге. «Это кровь на её лице?»- спросила Мёрфи.

— Да, — сказал я. — Засохшая. Но я думаю, что это не её. Боб сказал, что она перекинулась в волка в квартире. Я думаю, что Джорджия успела запустить клыки в Зеленозубую Джейн, прежде чем её схватили.

— Джейн какую?

— Зеленозубую Джейн, — повторил я. — Она одна из сидхе. Благородная фейри, близкий друг Зимней Леди.

— И у неё действительно зелёные зубы?

— Как консервирований шпинат. Я видел её возглавляющую отряд больших каменных крабов-ветеранов, во время войны Фейри. Если Мейв захотела бы расквитаться с Билли и его компанией, то Джейн единственная, кого бы она послала.

— Насколько она опасна?

— Ты знаешь истории про существ, которые заманивают тебя на кромку воды, а потом топят? Сирен, которые соблазняют и любят моряков до смерти? Русалок, которые уводят мужчин из домов в море?

— Ну да.

— Это — Джейн. Но только она далеко не так приятна.

Я вытащил Боба из рюкзака. Череп бросил долгий, хитрый взгляд на спящую, голую Джорджию.

— Сперва у тебя был ошеломительный, разрушающий все вокруг, секс с полицейской цыпочкой, а теперь групповушка, и все в один день! — завопил он. — Гарри, ты должен написать в «Пентхаос» про это!

— Не сейчас, Боб. Мне нужно, чтобы ты опознал заклинание, которое лежит на Джорджии.

Череп издал недовольный звук, но сосредоточился на Джорджии.

— Оу, — сказал он через пару секунд. — Заклятие сильное. Определённо, работа сидхе.

— Я предполагаю, что здесь замешана Зеленозубая Джейн. Сообщи мне подробности.

— Джейн вне игры. Это сонное заклятие, — пояснил он. — Оно действительно хорошо. Злобное, как ад.

— Как я могу снять его?

— Ты не сможешь.

— Отлично. Как я могу сломать его?

— Ты не понял. Оно тесно переплетено с жертвой. Питается её жизненной силой. Если ты сломаешь заклятие…

Я кивнул, сознавая, в чем дело.

— Я сделаю то же самое с ней. Вообще невозможно снять его?

— Нет, не совсем. Я сказал, что ты не сможешь снять его. Никто не сможет снять. Но есть другой путь.

Я начал сердиться и хмуро посмотрел на череп.

— Какой еще путь, Боб?

— Ну, — протянул он, каким-то образом производя впечатление, что пожимает плечами. — Поцелуй может сделать это. Ты же знаешь. Настоящая любовь, Принц Чарминг и все такое.

— Это не будет проблемой — сказал я, немного расслабляясь. Мы определённо доберемся на свадьбу до того, как Билли уединится с Джейн

— Ну, это хорошо, — радостно сказал Боб. — Конечно, девочка по-прежнему обречена, но ты не можешь всегда спасать всех.

— Что? — Я потребовал объяснений. — Почему Джорджия умрет?

— Ну, если мальчик-вервольф пройдет церемонию с Джейн и поклянётся ей в верность, то это заразит, загрязнит его. Я имею в виду — если он женится на другой, то это уже не будет действительно чистый поцелуй любви. Его обязательства перед Джейн не позволят использовать его поцелуй, чтобы снять заклятие.

— Что означает, что Джорджия не проснётся, — сказал я, прикусывая губы. — В какой именно момент церемонии это случится?

— Ты имеешь в виду, когда будет слишком поздно? — спросил Боб.

— Ага, я имею в виду, когда они скажут ‘Да, я…’, когда они обменяются кольцами или когда?

— Кольца и клятва, — ответил Боб, с легкой насмешкой в голосе. — И все мосты будут сожжены.

Мёрфи посмотрела на меня в зеркало заднего

вида и произнесла: «Это — поцелуй, Гарри. Это все поцелуй»

— Баффи права! — радостно согласился Боб.

Я встретился с Мёрфи в зеркале на секунду взглядом и, помолчав, сказал. — Мда, я должен был догадаться.

Мёрфи слегка улыбнулась.

— Поцелуй скрепляет договор, — пролепетал Боб. — Если Билли поцелует Зеленозубую Джейн, девочка с длинными ногами никогда не проснется, и он потом не задержится на этом свете, однозначно.

— Мёрф, — произнес я напряженно.

Она опустила боковое стекло машины, шлепнула магнитную полицейскую мигалку на крышу и включила сирену. Потом она нажала на газ, и меня вдавило в сиденье. При нормальной обстановке, дорога к «Отелю Марриот» занимает где-то около получаса. Я ничего не сказал Мёрфи, но её манера езды была самоубийственной. Ни звука. Но после того как мы третий раз чудом избежали аварии, я закрыл глаза и начал про себя напевать песенку “нет лучше места, чем дом”. Мёрфи довезла нас за двадцать минут.

Шины визжали, когда она поворачивала на стоянку отеля. — Высади меня здесь, — сказал

я. — Припаркуйся так, чтобы народ не смог увидеть Джорджию. Я пойду, приведу Билли.

Я выскочил из машины, сжимая жезл еще до ее остановки, и вбежал в отель. Из-за письменного стола на меня уставилась консьержка. «Где свадьба?!» — гаркнул я.

Она икнула и показала пальцем вглубь холла.

— Хмм. Танцевальный зал.

— Правильно! — кивнул я и бросился в указанном направлении. Я увидел открытые двойные двери и услышать голос через громкоговорители: “…до тех пока смерть не разлучит вас”

Ева МакАлистер стояла в дверном проёме одетая в свой лавандовый шелковый костюм и когда она увидела меня, её глаза сузились и превратились в два маленьких осколка льда.

— Вот он, это он! Этот мужчина! — пронзительно закричала она.

Тут показались двое больших, накаченных парней в плохо подогнанных пиджаках насыщенного коричнево-малинового цвета — служба безопасности отеля. Они остановились точно на моём пути, и, тот который больше, сказал:

— Сэр, мы сожалеем, но это приватное мероприятие. Я должен попросить вас уйти.

Я едко улыбнулся.

— Вы должно быть шутите! Приватная? Да я один из чертовых приглашенных!

Голос в громкоговорителе, прозвучавший в танцевальном зале, произнес: — Поэтому властью данной мне…

— Я не позволю тебе и дальше позорить эту свадьбу или порочить моё доброе имя, — произнесла Ева голом победителя.

— Джентльмены, пожалуйста, выпроводите его из помещения, потому что он испортит церемонию.

— Да, мэм, — сказал больший охранник. Он подошел ближе ко мне, мельком посмотрев на жезл.

— Сэр, а сейчас давайте пойдем к дверям.

Вместо этого, я бросился вперед, к дверям, оставив охранников застывших в изумлении от моих непредвидимых действий.

— Билли! — закричал я.

Ребята пришли в себя через мгновенье и набросились на меня. Они были профессиональными охранниками. Под грузом их тел я повалился на пол, и это вышибло из меня весь воздух. Голос в громкоговорителе произнес, — мужем и женой. Теперь вы можете поцеловаться. — А я лежал на спине под пятью сотнями фунтов веса охран-

ников, со сбившимся дыханием, уставившись в пустой потолок.

На потолок усыпанный автоматическими датчиками и разбрызгивателями воды на случай пожара. Я ударил головой по носу Старшего Охранника, и бил Охранника-на-подхвате до тех пор, пока он не вскрикнул и не отскочил от меня, освобождая мне правую руку. Я направил жезл вверх, протянув через него силу, и прохрипел, — . fuego.

Пламя ударило вверх в датчики. Завыла противопожарная сигнализация. Разбрызгиватели включились и превратили помещения отеля в миниатюрный муссон.

Нарастал хаос. Танцевальный зал наполнился криками. Пол содрогнулся от сотен гостей вскочивших на ноги и начавших озираться в поисках выхода. Парни из службы безопасности были достаточно сообразительны, чтобы понять, что у них на руках проблема которую они решить не смогут, поэтому они отскочили от дверей прежде, чем их смогли растоптать. Я успел зайти вовремя, чтобы успеть увидеть, как священник убегает с трибуны, где фигура в свадебном платье Джорджии, менялась на глазах у одетого в смокинг Билли, который смотрел на неё в полнейшем

шоке. Такое количество бегущей воды смыло гламур, который использовала невеста и к ней возвращались черты, которые я видел раньше — она потеряла дюйм или два роста и её фигура изменилась. Немного худощавая фигура Джорджии плавно перетекла в хищную, внеземную красоту. Темно-русые волосы стали цвета изумрудной морской волны.

Зеленозубая Джейн повернулась к Билли — её острые зубы обнажились в голубовато-зелёном раздраженном оскале, а рука с нечеловеческими, блестящими зелеными ногтями потянулась к его горлу. Билли хотя и был шокирован, но не до такой степени, чтобы не распознать опасность. Его правая рука метнулась навстречу Джейн, мешая ей схватить себя, и одновременно он толкнул её, вложив в удар всю силу рук, плеч, и ног — всего тела. У Билли низкий центр тяжести и плотное телосложение. Этот толчок отбросил Джейн на несколько шагов назад и сбросил с края платформы. Упав, она запуталась в свадебном платье, превратившись в белый клубок спутанной ткани, лент и кружев.

— Билли! — закричал я снова, стараясь изо всех сил, чтобы голос звучал как можно громче. Однако мой голос потерялся в воплях паники и

завывающих звуках пожарной сигнализации, поэтому я стиснул зубы, с помощью браслета оберега активировал яркий, искрящийся, сияющий щит и рассекающим ударом бросился в толпу. Со стороны это должно было выглядеть, словно я объят с головы до ног пламенем и люди с испуганными воплями отскакивали с моего пути, пока я пробивался через толпу,

К тому времени, когда я пробился к Билли, Джейн уже поднималась на ноги — разодранное на клочки свадебное платье выглядело так, как будто было сделано из бумажной ткани. Она протянула одну руку с широко расставленными пальцами и сжала воздух. Волны разъяренной энергии задрожали между её пальцами, и угрожающая сфера зеленого цвета появилась в её руке. Она ловким прыжком запрыгнула на платформу, уже не обремененная платьем, и кинула зелёную сферу в Билли. Он пригнулся. Сфера пролетела над ним, оставив обугленную, потрескавшуюся по краям дыру в стене за его спиной.

Джейн взвыла и создала еще одну сферу, но на этот раз я был поблизости. Я стоял на полу возле края платформы, что давало мне прекрасную возможность нанести ей удар по коленям, и я, ухватив жезл обоими руками, не преминул ис-

пользовать этот шанс. Удар вызвал крик боли у женщины — сидхе и она швырнула вторую сферу уже в меня. Я поймал её щитом браслета-оберега и отправил ей обратно. Сфера прочертила горячую, черную линию с внешней стороны её бедра. Сидхе закричала и отскочила назад. Держась практически на одной ноге, Джейн прорычала мне: «Ты смог спасти одного, чародей. Но я точно знаю — моя Леди отомстит вдвойне» И в грациозном прыжке пролетев над нашими головами, около, сорока футов до двери скрылась с глаз так же быстро и проворно, как лань.

— Гарри! — воскликнул Билли, в шоке оглядывая насквозь промокшую комнату. — Что, черт побери, тут случилось? Что это за тварь?

Я потащил его за смокинг.

— Нет времени. Идем со мной.

Он пошел, но спросил: — Зачем?

— Мне нужно, чтобы ты поцеловал Джорджию.

— Ух, — пробормотал он. — Что?

— Я нашел Джорджию. Она снаружи. Водяная проститутка знает про это. Она собирается убить её. Ты должен поцеловать её, срочно.

Мы вдвоём побежали и, тут внезапное осознание холодком скользнуло у меня по спине. Месть

вдвойне. Господи. Зеленозубая Джейн собирается убить и Мёрфи тоже.

Снаружи отеля была толпа. Люди повсюду оглядывались и крутили головами. Сирены скорой помощи завывали уже где-то поблизости. Пара машин на парковке была вмята друг в друга. Казалось, что все намеренно столпись на нашем пути, замедляя движение.

Мы бежали к тому месту, где Мёрфи припарковала машину.

Она лежала на боку. Стекла были разбиты. Одна из дверей была оторвана. Я не видел никого поблизости. Но Билли внезапно приподнял голову, принюхался и направился в сторону палатки для приёмов. Мы двигались, как только могли тихо. Билли первый заскочил внутрь. Я услышал его короткий всхлип и последовал за ним. Джорджия лежала на земле под шерстяным одеялом, которое едва прикрывало её. Билли устремился к ней.

Только потом я увидел Мёрфи.

Зеленозубая Джейн стояла возле столового столика, её руки держали Мёрфи за волосы, удерживая её лицо в чаше, полной пунша. Злобные глаза фейри яростно сияли от сумасшествия и почти сексуального возбуждения. Руки Мёрфи еще

немного дергались и Джейн, с ядовитой улыбкой надавила еще сильнее. Руки Мёрфи подергались еще несколько секунд, а потом замерли без движения. Следующее что я помню, это как я, обрушил свой посох на Зеленозубую Джейн, что-то бессвязно крича, и дурил её изо всех сил. Удар отбросил её от Мёрфи, которая просто соскользнула на землю. Затем Джейн восстановила равновесие и ударила меня одной рукой. Вот тут я и осознал тот факт, которого не знал до этого — Зеленозубая Джейн была сильной штучкой.

Я, пролетев несколько футов ласточкой и приземлился недалеко от Билли и Джорджии. Рядом со мною на столе стояла еще одна чаша с пуншем. Джейн подлетела ко мне, в её нечеловечески красивых, кошачьих глазах светилась похоть.

— Билли, прохрипел я невнятно. — Проклятье, поцелуй её! Сейчас!

Билли моргнул пару раз. Потом он повернулся к Джорджии, обнял её и поцеловал с таким отчаяньем и страстью, которую никто никогда не смог бы подделать. Мне не удалось увидеть, что случилось дальше, потому что быстрее, чем вы можете сказать «кислородное голодание», Зеленозубая Джейн схватила меня за волосы и погрузи лицо в чашу с пуншем.

Я пытался сопротивляться ей, но она была сильнее, чем любой человек и на её стороне был закон рычага. Я чувствовал, как она, извиваясь, прижимается ко мне напряженным телом. Трется о мою спину… И не отцепится, пока не убьет меня. Свет начал меркнуть. Это было то, что она умела делать. И она делала это. Но на моё счастье она была тут не одна.

Я внезапно упал, опрокидывая всю огромную чашу пунша на себя, обливаясь с ног до головы ярко-красным напитком. Я с трудом дышал, а когда вытер жгучую жидкость у себя из глаз, то увидел пару волков: одного высокого и худощавого, другого пониже и потяжелее, прыгнувших на Зеленозубую Джейн и поваливших её на землю. Крики и рычание смешались, и ни один из этих звуков не был похожим на человеческий голос.

Джейн попыталась убежать, но волки вцепились ей сзади в ноги клыками, разрывая сухожилия. Они разорвали ей горло до того, как она успела закричать. Колесо фортуны повернулось, и у неё не было ни единого шанса. Волки тоже знали, что они умеют делать.

И делали это беспощадно.

Я подполз к Мёрфи. Её глаза были широко открыты и смотрели в никуда, а тело было без-

жизненно. Какая-то часть моего мозга вспомнила, как делать искусственное дыхание. И я приступил. Я положил её в нужную позицию, прижал свои губы к её губам и вдохнул в неё воздух. Надавил. Вдохнул. Надавил.

— Ну же, Мёрф, — шептал я — Давай же.

Я снова вдохнул.

Через секунду, на одно маленькое, крошечное мгновенье, я почувствовал, как её губы шевельнулись. Я почувствовал, как слегка повернулась её голова, губы смягчились, и моя профессиональная реанимация (только на секунду, предупреждаю вас) — показалась мне настоящим поцелуем.

Потом Мерфи начала кашлять и чихать, и я с облегчение отполз от неё. Она повернулась на бок, тяжело дыша и через несколько секунд посмотрела на меня изумленными синими глазами.

— Гарри?

Я наклонил лицо вниз, словно мне мешали струйки пунша, которые стекали мне в глаз, и тихо спросил:

— Да?

— У тебя полный рот фруктового пунша, — прошептала она.

Её ладонь нашла мою — слабая, но теплая. Мы вместе сели.

Билли и Джорджия повенчались ночью, в приходе отца Фортхилла — огромной старой церкви Святой Марии Всех Ангелов. Были только молодожены, падре, Мёрфи и я. Между тем, большинство считает, что они поженились во время того катастрофического фарса с изменением внешности в Линкольншире. Церемония была простая и искренняя. Я стоял рядом с Билли. Мёрфи стояла возле Джорджии. Они оба светились от счастья. Они держали друг друга за руку все время, кроме того момента, когда обменивались кольцами.

Мёрфи и я отошли немного назад, когда они давали клятву.

— Не совсем сказочная свадьба. — Прошептала Мерфи.

— Уверен, это была именно она, — с улыбкой возразил я. — Есть и поцелуй, и злая мачеха и всё такое.

Мёрфи улыбнулась мне.

— Поэтому властью врученной мне… — сказал падре, смотря из-за очков на пару пред ним — Я объявляю вас мужем и женой. Вы можете поцеловать дру… — Они сделали именно то, что он сказал.

8.1 Первоклассное Волшебство (2010)

Первым, что я подумал, глядя на комнату, полную детей-Стражей, было «*Они выглядят такими чертовски юными*». Вторым — «*Боже, я старею?*»

— Ладно, дети, — сказал я, закрывая за собой дверь. Я снял предполагаемый конференц-центр в маленьком чикагском отеле недалеко от аэропорта, где была пара комнат, достаточно больших для двадцати или тридцати человек — если они дружны — плюс несколько дюжин стульев и парочка шатких старых складных столов.

Они даже не предложили водяной охладитель — только направление к их торговым автоматам.

После того как я и мой друг Страж-командор в Соединённых Штатах, Страж Рамирез, завершили обучение маленьких Стражей искусству бить морды, чтобы их как можно быстрее прикончили на войне, мы подумали, что было бы неплохо также дать им несколько наставлений в других областях. Рамирез собирался провести

курс взаимодействия с властями смертных, что имело смысл — Рамирез поддерживал хорошие отношения с копами в Лос-Анджелесе, и не имел такого количества неприятностей с сотрудниками правоохранительных органов, как я.

Дети прибывали в Чикаго, чтобы научиться у меня независимому расследованию сверхъестественных угроз — что также имело смысл, потому что я в этом преуспел больше, учитывая мой возраст, чем любой другой чародей на планете.

— Окей, окей, — сказал я классу. Юные Стражи замолчали и обратились в слух. Ничего удивительного — разрушители, не уделявшие должного внимания занятиям, были по большей части убиты и искалечены на войне с Красной Коллегией. Дарвин всегда считал это стоящим быстрого развития. Война просто делает штраф за недостаток знаний более весомым.

— Вы здесь, — сказал я, — чтобы научиться самостоятельному расследованию сверхъестественных угроз. О том, как находить и преследовать колдунов, вы узнаете от капитана Люччо, когда Красные дадут нам на это время. Колдуны, наши собственные плохие ребята, не самый часто встречающийся противник, которого вам доведётся повстречать. Намного чаще вам придётся

сталкиваться с другими неприятностями.

Ильяна, молодая женщина с очень бледной кожей и почти белыми, цвета голубого льда глазами, подняла руку и заговорила с рубленым русским акцентом, когда я кивнул ей.

— О каких угрозах идёт речь? — спросила она. — В практическом смысле. С какими врагами вы сталкивались?

Я поднял руки и принялся загибать пальцы на каждого противника.

— Демоны, вервольфы, призраки, фейри, падшие ангелы, вампиры Чёрной Коллегии, вампиры Красной Коллегии, вампиры Белой Коллегии, культисты, некроманты, — я сделал паузу, чтобы приподнять ногу, стоя с тремя конечностями в воздухе, — зомби, привидения, фобофаги, полукровки, джанны… — я чуток потряс руками и ногой. — Мне придётся позвать ещё нескольких человек на помощь, чтобы огласить весь список. Улавливаете?

Мои выходки вызвали несколько улыбок, но они исчезли после момента осознания.

Я кивнул и засунул руки в карманы.

— Знание — в буквальном смысле сила и может спасти вам жизнь. Когда вы знаете, с чем столкнулись, то можете справиться с этим. Вступите в

слепую конфронтацию — и будете умолять внести ваши семьи в список получающих пособия по случаю смерти.

Я позволил им впитать это, прежде чем продолжить спустя несколько секунд.

— Вы не всегда можете знать, с чем столкнётесь. Но вы можете знать, как вести расследование.

Я повернулся к старой школьной доске на стене позади меня и принялся царапать на ней огрызком мела.

— Я называю это Четыре А, — пояснил я и изобразил четыре буквы А вдоль левого края доски. — Конечно, это не получится хорошо перевести на другие языки, но вы можете сделать собственную замену позже.

Я использовал первую А, чтобы дописать «**Ascertain**».

— Определение, — твёрдо сказал я. — Перед тем, как устранить опасность, вы должны узнать, что она существует и кто является целью. Во многих случаях цель будет звать на помощь. В каком бы городе вы ни находились — вашей обязанностью будет услышать этот крик. Но иногда зова не бывает. Так что держите глаза и уши раскрытыми, ребятки. Определите опасность. Будьте в курсе проблемы.

* * *

Моя машина не доехала до Канзас-сити. Она сломалась в тридцати милях от города, и мне пришлось вызвать эвакуатор. Я планировал прибыть до темноты, но из-за одиннадцатимильного похода в поисках редчайшего таксофона, выдачи большей части моей наличности водителю аварийки и краха офисной компьютерной сети, который задержал получение прокатной машины на полтора часа, я оказался у обочины нужного места за пару минут до девяти вечера.

Я получил адрес от контакта в Паранете — организации, состоящей в основном из мужчин и женщин, не имеющих достаточно магических сил, чтобы быть принятыми в состав Белого Совета или защитить себя от серьёзных хищников, но обладающих более чем достаточной силой, чтобы являться желанной целью. За прошедший год я и другие вроде меня приложили кучу усилий, чтобы научить их самозащите, и одна из первых вещей, которую они должны были предпринимать — это оповещение кого-нибудь вышестоящего в Паранете, что они в беде.

Один такой зов добрался до меня и вот я здесь, чтобы ответить на него. Прежде чем я закрыл

дверцу авто, худощавый, напряжённо выглядящий мужчина лет сорока вышел из дома и быстрым шагом двинулся ко мне.

— Гарри Дрезден? — позвал он.

— Ага, — сказал я.

— Вы опоздали.

— Проблемы с машиной, — сказал я. — Вы Ярдли?

Он остановился с другой стороны капота машины, строго хмурясь. Он был среднего роста и носил что-то вроде делового костюма, включая галстук. Чёрные волосы были коротко подстрижены. Он походил на парня, решающего проблемы со свирепой целеустремлённостью и упрямством и не терпящего всякой ерунды на своём пути.

— Я Ярдли, — ответил он. — Можете показать какое-нибудь удостоверение?

Я почти засмеялся.

— Хотите увидеть мою карточку Американской Ассоциации Чародеев?

Ярдли не улыбнулся.

— Ваших водительских прав будет достаточно.

— Будь я оборотнем, — сказал я, передавая ему права, — это бы не помогло.

Ярдли достал маленький ультрафиолетовый фонарик и посветил им на права.

— Я больше беспокоюсь о простых мошенниках, — он вернул мне права обратно. — Я не состою в группе моей сестры, кем бы они ни были. Но ей последнее время тяжело и я не желаю, чтобы кто-то причинял ей боль снова. Вам понятно?

— Большинство старших братьев перестают заботиться о маленьких сестричках после школы.

— Я уточню, — сказал Ярдли. — Если вы хоть что-то сделаете с Мэган, то ответите мне за это.

Я почувствовал, как уголок моего рта приподнялся.

— Вы коп.

— Лейтенант-детектив, — сказал он. — Я запросил у чикагского департамента информацию о вас. Они считают, что вы аферист.

— А вы — нет?

Он фыркнул.

— Мэган не считает. Давным-давно я усвоил, что умный человек не станет сбрасывать её мнение со счетов.

Он жёстко уставился на меня и я понял, во внезапной вспышке озарения, что этот человек напряжён потому, что вынужден ходить по незнакомой почве. Этого нельзя было прочесть на его лице, но оно было там, если вы знали, что искать. Определённая постановка плеч, подёр-

гивание линии подбородка, как будто некая его часть готова была крутануться и вонзить зубы в угрозу, подкрадывающуюся сзади.

Ярдли боялся. Не за себя, возможно, но он был напуган.

— Мэган говорит, что увёртки не помогут против этого, — сказал он тихо. — Она говорит, что, возможно, поможете вы.

— Давайте выясним, — сказал я.

* * *

— Второе А, — сказал я будущим Стражам, продолжив писать на доске. — Анализ.

— Как вы заставляете огра устроиться на кушетке, Гарри? — выкрикнул юнец, с северным акцентом округляющий гласные. Комната задрожала от смеха молодёжи.

— Это вне твоего понимания, балбес МакКензи, — парировал я, передразнив тот же акцент{В оригинале, судя по всему, популярная цитата из «The Adventures of Bob & Doug McKenzie: Strange Brew».}. — Дай мне передышку, э?

Мне досталось больше смеха, чем оппоненту. Неплохой способ убедиться, что тот не украдёт у вас внимание аудитории.

— Тишина, — сказал я и подождал, пока все

успокоятся. — Спасибо. Ваш второй шаг — всегда анализ. Даже если вы знаете, с чем имеете дело, вы должны знать почему это случилось. Если перед вами злобный призрак, то он злится по какой-то причине. Если новая группа гулей перебралась вниз по кварталу, то они выбрали это место по какой-то причине.

Ильяна снова подняла руку и я указал на неё.

— Какое это имеет значение? — спросила она. — Являются проблемой призрак или гуль, мы всё равно будем иметь дело с ними, так?

Она указала пальцем, словно пистолетом и опустила большой палец, как боёк, на слове «дело».

— Если вы глупы, то да, — ответил я.

Мой ответ ей не понравился.

— Раньше у меня было такое же отношение, — сказал я и поднял левую руку. Та представляла собой массу старых, неприятных шрамов — тяжёлый ожог, полученный несколько лет назад. Чародеи исцеляются лучше, чем обычные люди, спустя долгое время. Я снова мог ей двигать, и вернул частичную чувствительность всех пальцев. Но картина по-прежнему была удручающей.

— Один-два часа работы рассказали бы мне о ситуации достаточно, чтобы избежать этого, — пояснил я им. Это было правдой. По большей

части. — Изучите всё, что сможете.

Ильяна нахмурилась.

МакКензи поднял руку, также нахмурившись, и я кивнул ему.

— Узнать больше. Окей. Как?

Я развёл руками.

— Никогда не позволяйте себе думать, что знаете всё, — сказал я. — Расширяйте свои знания. Читайте. Общайтесь с другими чародеями. Чёрт, вы даже можете ходить в школу.

Ещё один взрыв смеха. Я продолжил прежде, чем он достиг апогея.

— Стража Балбеса это тоже касается. Люди есть люди. Узнайте, что заставляет их тикать. То же самое с монстрами. Найдите способ понять, как они мыслят, — я едва не выдал что-то вроде «*Проникните в их головы*», вот уж, — и получите представление об их действиях и возможных намерениях.

— Информационные заклинания чертовски полезны, — продолжил я, — но, простите меня за выражение, это вам не волшебство. Информация, полученная с их помощью, может быть неверно истолкована, и почти никогда не получится перекрыть ей ваши собственные слепые пятна. Вы можете искать ответы на других планах, но если

начнёте торговаться со сверхъестественными созданиями о знаниях — это быстро станет опасным. Иногда то, что вы получите от них, будет неоценимо. По большей же части, всегда есть другой путь. Потому используйте такой подход с большой осторожностью.

Чтобы подчеркнуть последние два слова, я медленно обвёл комнату взглядом, зовущим со мной не согласиться. Молодёжь опустила глаза. Смотреть в глаза чародею опасно — взгляд может вызвать контакт душ, а это не из тех вещей, которые вы бы хотели случайно допустить.

— Честно говоря, — сказал я в тишине, смягчив голос, — лучшее, что вы можете сделать — это общаться. Поговорите с вовлечёнными людьми. С вашими жертвами, если они в состоянии с вами говорить. С их семьями. Свидетелями. Друзьями. Большей частью, всё, что вам понадобится — это что-то, что они уже знают. Большей частью, это быстрейший, безопаснейший и простейший способ.

МакКензи снова поднял руку и я кивнул.

— Большей частью? — спросил он.

— Кое-что, что нужно знать о людях, — сказал я тихо, чтобы привлечь внимание. — Касается ли это вас, всех остальных или только себя — люди

лгут.

* * *

Мэган Ярдли была матерью-одиночкой троих детей. Она выглядела на свои примерно тридцать лет и имела роскошные рыжие волосы и ярко-зелёные глаза. Она и её дети жили в пригороде, который был гораздо более «при», нежели «городом», на юго-восток от Канзас-Сити и назывался Особенным.

Особенный, Миссури. Нельзя такое придумывать.

Мэган открыла дверь, кивнула брату, посмотрела на меня и сказала:

— Вы — он. Вы чародей, — её глаза сузились. — Ваша… ваша машина сломалась. И вы думаете, что название нашего города является дурацкой шуткой…

Она наклонила голову как музыкант, взявший аккорд.

— И вы думаете, что тут не сверхъестественная проблема.

Я приподнял брови.

— Да вы чёртов сенситив.

Она кивнула.

— Вы ожидали кого-то, способного к холодному

чтению{Холодное чтение (cold reading) — набор техник, позволяющих получать информацию о человеке, основываясь на его языке тела, одежде, возрасте, причёске и т. д. Часто используется, чтобы выдавать себя за персону, наделённую сверхъестественными способностями. Пример — Шерлок Холмс или любой хороший иллюзионист.}.

— Насмотрелся на профессиональных медиумов, — сказал я и улыбнулся. — Вроде вас.

Она выгнула бровь.

— Есть большая вероятность, что у кого-то, опоздавшего на важную встречу, проблемы с машиной, особенно, если он явился в арендованном автомобиле. Большинство людей, выросших за пределами города под названием Особенный, будут считать его название странным, — я усмехнулся. — И чёрт побери, большинство профессиональных сыщиков всего лишь чуточку циничны.

Она не удержала выражение лица и рассмеялась.

— Видимо, так, — она повернулась и поцеловала брата в щёку. — Бен.

— Мэг.

— У нас сегодня снова была няня, — нейтрально

сказала она.

— Проклятье, — сказал Ярдли. — Как Кэт?

Она отмахнулась, но её лицо вдруг постарело на десяток лет.

— Так же.

— Мэг, доктора…

— Не надо снова, Бен, — сказала она, прикрыв глаза. Потом качнула головой и Ярдли захлопнул челюсти со слышимым щелчком. Мэган мгновение смотрела на землю, а затем подняла взгляд на меня.

— Итак. Гарри Дрезден. Большая шишка из Белого Совета.

— На самом деле, — сказал я, — я довольно маленькая шишка. Или, может быть, боевая шишка. Большие шишки…

— Не приезжают к Особенным?

— Вам обязательно надо было перебить, да? — улыбнулся я. — Я хотел сказать, они не испытывают проблем со своими машинами.

— О Боже, — сказала она. — Я думаю, вы мне нравитесь.

— Только дайте время, — сказал я.

Она медленно кивнула. Потом сказала, с мягким акцентом:

— Пожалуйста, заходите в мой дом.

Она отступила и я вошёл в дом, пересекая порог — завесу мягкой, могучей энергии, окружающей любой дом. Её приглашение означало, что завеса примет меня, позволит пронести мою силу с собой. Я медленно выдохнул, напрягая свои метафизические мускулы и ощутил свою силу, создающую тихое, невидимое напряжение в воздухе вокруг меня.

Мэган внезапно резко вдохнула и отступила от меня на шаг.

— А, — сказал я. — Вы *сенситив*.

Она качнула головой, а затем подняла руку, чтобы предостеречь брата.

— Бен, всё в порядке. Он… — она поглядела на меня с задумчивым, хрупким выражением. — Он настоящий.

Мы расселись в маленькой гостиной. Она была завалена детскими игрушками. Это не было берлогой — просто обустроенным и любимым местом. Я сидел в удобном кресле. Мэган устроилась на краешке дивана. Ярдли шлялся вокруг, не будучи в силах сидеть.

— Итак, — спокойно сказал я. — Вы думаете, что что-то мучает ваших дочерей.

Она кивнула.

— Сколько им лет?

— Кэт двенадцать. Тамаре четыре.

— Ага, — сказал я. — Расскажите мне, что происходит.

Иногда мне кажется, что я обладаю чертовским чувством времени. Не успел я задать вопрос, как воздух прорезал высокий крик, к которому мгновение спустя присоединился ещё один.

— О боже, — сказала Мэган, вскакивая на ноги и вылетая из комнаты.

Я последовал за ней, хотя и медленнее, поскольку крики продолжались. Она проскочила по короткой прихожей в комнату с тремя большими мультяшными фигурами девочек, которых я не опознал. К слову, у них были невероятно огромные глаза. Мэган возникла мгновением позже, неся темноволосую малютку в розово-белой пижаме в полоску. Девочка вцепилась в мать всеми четырьмя конечностями, продолжая вопить с зажмуренными глазами.

Звук выходил душераздирающий. Она была в ужасе.

Мне пришлось остановиться, так как Мэган тут же, сделав два шага в моём направлении, скрылась в следующем дверном проёме. Там был плакат группы молодых людей, которых я не знал. Один выглядел мятежным и угрюмым, вто-

рой чокнутым и беззаботным, третий — трезвым и собранным, а последний — соответствующим моде. Ещё одна реинкарнация «Monkees»{The Monkees — американский поп-рок-квартет, который записывался и выступал с концертами с 1966 по 1971 годы.}, видимо.

Я подошёл к двери и увидел как Мэган, с вцепившейся в неё малышкой, присела на кровать и стала осторожно трясти плечо девочки, у которой были волосы её матери — Кэт, судя по всему. Она также кричала, но уже через секунду прервалась, а спустя ещё одну открыла глаза.

Малышка, предположительно Тамара, тоже прекратила крик, в то же самое время. Теперь обе они разразились менее истерическими слезами, вцепившись в мать.

На лице Мэган отражалась мука, но её голос и её руки были нежны, когда она касалась их, говорила с ними и успокаивала. Если она была эмпатом, настолько чувствительным, как показывали её досье и её реакция на мой тест, то должна была испытывать жуткую душевную боль. И всё же она сумела оттолкнуть её достаточно, чтобы быть рядом со своими детьми.

— Проклятье, — послышался голос Ярдли из зала позади меня. Это было усталое ругательство.

— Интересно, — сказал я. — Извините.

Я развернулся и зашагал по прихожей к комнате младшего ребёнка, но едва не споткнулся о темноволосого мальчика лет восьми. На нём было нижнее бельё и майка с мультяшным рыцарем-Джедаем, что сразу улучшило моё мнение о его матери. Глаза малыша даже не были открыты и он поднял руки вслепую.

Я взял его на руки и понёс с собой в маленькую спальню.

Она была небольшой — как и всё в доме Мэган. Одна из кроватей была розовой и обвешанной всё теми же большеглазыми девочками. Другая была окружена пластиковым корпусом лендспидера из Звёздных Войн. Я плюхнул юного джедая обратно в неё, и он тут же заснул, свернувшись клубком.

Я накрыл его одеялом и повернулся, чтобы осмотреть оставшуюся часть комнаты, не такую уж и большую. Множество игрушек, большинство более-менее убраны с дороги, комод, видимо, общий для обоих детей, столик и стулья, а также шкаф.

Симпатичный, тёмный шкаф.

Я хмыкнул и устроился на полу, чтобы посмотреть под маленькую розовую кровать. Потом

покосился на шкаф. Если бы мне было четыре года и я лежал на кровати девочки, шкаф маячил бы прямо у меня за пальцами ног.

Я на секунду закрыл глаза и потянулся к своим чародейским чувствам, ощущая приливы и отливы энергии по всему дому. Внутри защитной стены порога пульсировали и перемещались другие энергии — эмоции обитателей дома, случайные энергии, просачивающиеся снаружи, всё как обычно.

Но только не в шкафу. В шкафу не было вообще ничего.

— Ага, — сказал я.

* * *

— Третье А, — сказал я и написал на доске **Assemble**. — Объединение.

— Мстители… — сказал МакКензи.

— Объединяемся! — закричали юные Стражи в унисон{Мстители (Avengers) — команда супергероев из американских комиксов.}.

Они хорошие ребята.

— Это, фактически, одна из потенциальных частей данной фазы расследования, — сказал я, кивком выразив одобрение и возвращая беседу в свои руки. — Иногда, когда вы вникли в про-

исходящее, то идёте и приводите подкрепление. Но в действительности объединение означает, в нашем случае, соединение всего вместе. Вы получили информацию. Теперь вам надо решить, что со всем этим делать. Вы планируете, какие шаги необходимо предпринять. Вы работаете над возможными последствиями своих действий.

— Здесь вы применяете свои мозги. Если у врага есть уязвимое место, вы выясняете, как его использовать. Если у вас есть превосходство на местности, вы выясняете, как им распорядиться. Если вам нужно специальное оборудование или снаряжение, вы его добываете. — Я разослал пачку бумаг по комнате. — Тут есть рецепты для парочки наиболее частых случаев: антидот от яда Красной Коллегии, с которой вы уже знакомы, и мазь для глаз, которая позволит вам видеть сквозь большинство чар фейри, о которых вы можете не знать. Привыкайте их готовить.

Я сделал глубокий вдох.

— Это также этап, когда вы делаете кое-какие вычисления.

Комната на мгновение затихла.

— Да, — сказал я. — Тут вы решаете, чьей жизнью стоит рисковать, а чьей — нет. Кого надо спасать, а кого уже поздно. Мне приходилось

делать такие вещи несколько раз. Некоторые мои старшие коллеги из Совета назвали бы меня глупым или высокомерным, и они могут быть правы — но я никогда не встречал никого, кто бы дышал и находился, с моей точки зрения, слишком далеко, чтобы ему помочь.

* * *

— У вас тут страшила, — сказал я Мэган час спустя.

Мэган нахмурилась.

— С… с…

— Страшила, — сказал я. — Также известный как боггл или боггарт. Это слабая разновидность фобофага — пожирателя страха, по большей части нематериальная. Довольно распространённая. Питается детским страхом.

Брови Ярдли попытались забраться в его причёску.

— Это невозможно, — сказала Мэган. — Я бы… я бы ощутила что-то подобное. Я чувствую это. Я уже чувствовала такие вещи. Несколько призраков. И однажды полтергейст.

— Не тот случай, — сказал я. — Вы слишком старая.

Она вздёрнула бровь.

— Простите?

— Гм. Я имею в виду, вы взрослая.

— Я не понимаю, — сказала она.

— Их чувствуют только дети, — объяснил я. — Часть их сущности скрывает их от восприятия старших.

— Порог, — сказала Мэг. — Он должен не пускать подобное.

— Иногда они входят с кем-то из семьи. Иногда, если у ребенка случается достаточно яркий сон, это может открыть окно в Небывальщину, которое боггарт использует, чтобы прошмыгнуть в дом. А иногда они могут использовать зеркала.

— Небывальщина? — спросил Ярдли.

— Мир духов, — уточнил я.

— Ох, ну и чушь собачья, Мэг, — сказал Ярдли.

Мэган встала, сверкая глазами.

— Бенджамин.

Напряжение между ними тихонько потрескивало в воздухе в течение нескольких секунд.

— Дерьмо, — прорычал он наконец, и широкой поступью вышел через переднюю дверь. Она захлопнулась за ним.

Мэган посмотрела на дверь, поджав губы. Потом повернулась ко мне.

— Если то, что вы говорите, правда, то как вы

смогли почувствовать его? — спросила она.

— Никак, — сказал я. — Это было нехитрым делом. В остальной части вашего дома ощущения нормальные. А шкаф в комнате младших детей — просто чёрная дыра.

— Боже, — сказала Мэган, оборачиваясь. — Тамара и Джо спят там.

— Расслабьтесь, — сказал я. — Сейчас они в безопасности. Он уже поел сегодня вечером и не собирается сделать это снова. И он не может навредить им физически. Всё, на что он способен — это напугать.

— Всё, на что он способен? — спросила Мэган. — Да вы представляете, через что им пришлось пройти?! Кэт говорит, что даже не помнит, что просыпается с криком, но её оценки упали с «отлично» до «удовлетворительно». У неё не было ни одной спокойной ночи за последние полгода. Тамара перестала разговаривать. Она произносит не больше дюжины слов в день, — её глаза блестели, но она была слишком гордой, чтобы показать мне слезы. — Не говорите мне, что моим детям не навредили.

Я вздрогнул и примиряюще поднял руки.

— Вы правы. Окей? Простите, я выбрал неверные слова. — Затем я сделал глубокий вдох и

выдох. — Главное — теперь мы знаем о нём и можем кое-что сделать.

— Мы?

— Да, будет лучше, если с экзорцизмом поможет член семьи.

— Экзорцизм? — спросила она, глянув в сторону двери, через которую вышел Ярдли.

— Конечно, — сказал я. — Это ваш дом, а не страшилы. Если я покажу как, вы захотите надрать ему задницу?

— Да, — сказала она твердым голосом.

— Это может быть опасным. Я вас прикрою, но риск есть всегда. Уверены?

Мэган повернулась ко мне и её глаза сверкнули.

— Да, — сказал я. — Так я и думал.

* * *

— Последнее «А», — сказал я, написав «**Act**». — Действие.

— Это кажется очевидным, — сказала Ильяна.

— Разумеется, — сказал я. — Но именно тут определяется всё. И это всегда авантюра. Вы делаете ставку на то, что всё ясно поняли, узнали всё, что нужно для действий.

— Да, — сказала она слегка раздражённо. — Это

результат первых трёх Ахов.

— Аев, — рассеянно поправил её МакКензи. — Э?

Ильяна пронзила его ледяным взглядом.

— Неважно. Мы уже поняли, что происходит. В этом смысл методологии.

— А, — сказал я, подняв палец. — Но всё ли ты знаешь? Уверена ли, что точно поняла происходящее? Особенно когда рискуешь безопасностью своей и всех прочих?

Ильяна выглядела смущённой.

— Почему я не могу быть уверена?

Я слабо улыбнулся.

* * *

Следующим вечером дети отправились спать ровно в девять. К девяти тридцати они перестали просить пить, искать одежду на завтра, размахивать световыми мечами в воздухе и вообще вести себя, как дети. К девяти тридцати пяти они все уже спали.

Мэган, неприветливый Ярдли и я незамедлительно стали готовить засаду для страшилы.

Пока Мэган собирала обрезки волос с голов своих детей, Ярдли и я достаточно очистили ковер для того, что бы я взял упаковку соли и высыпал

его в круг на ковре. Вы можете использовать почти всё для создания магического круга, но соль часто наиболее практична. Это символ земли и чистоты, и она не привлекает муравьев.

Использовать для круга на ковре сахар вы сможете только один раз. Поверьте на слово.

Мэг вернулась и я кивком указал на круг.

— Сюда.

Она шагнула через круг, стараясь не нарушать его и бросила в центр круга прядки волос её детей, перевязанные нитями её собственных медно-красных кудрей.

— Хорошо, — сказал я. — Мэг, оставайся в кругу с ними.

Она глубоко вздохнула и затем сделала это, повернувшись лицом к темному, открытому шкафу. Её дыхание было медленным, но неравномерным. Она была достаточно умна, чтобы бояться.

— Помни, что я сказал, — спокойно сказал я ей. — Когда ты почувствуешь его на себе, замкни этот круг и думай о своих детях.

Она чётко кивнула.

— Я здесь, — внушил я ей. — Если что-то пойдет не так, я вмешаюсь. Ты можешь это сделать.

— Хорошо, — сказала она очень тонким голосом.

Я кивнул ей, стараясь выглядеть спокойным и уверенным. Она в этом нуждалась. Затем я отступил обратно в прихожую. Ярдли вышел со мной и закрыл за собой дверь, оставляя Мэган и её детей в темноте.

— Не понимаю, — сказал он низким, тихим голосом. — Как это поможет детям, если они спят?

Я взглянул на него.

— Уничтожит создание, нападающее на них?

Его губы неприятно изогнулись.

— Это штучки с профилактическим эффектом, да?

— Эффектом плацебо, — я вздохнул. — И нет, это не то.

— Потому что здесь настоящий монстр, — сказал он.

Я кивнул.

— Именно.

Он уставился на меня.

— Ты серьёзно. Ты веришь в это.

— Ага.

Ярдли выглядел так, будто захотел отодвинуться от меня на несколько футов. Но не стал.

— Как это должно работать?

— Волосы детей заменят их самих, — ответил я. — Для заинтересованного страшилы волосы

— это и *есть* дети. Это как использовать одежду, которую вы носили, чтобы оставить ложный след для того, кто по нему идет.

Ярдли нахмурился.

— Окей.

— Волосы твоей сестры обвязаны вокруг них, — сказал я. — Привязывают её к детям. Она близка к ним и, несомненно, любит их. В этом есть своя сила. Для страшилы она будет неотличима от детей.

— Она приманка?

— Она чёртов фугас, — сказал я. — Страшилы преследуют детей, потому что они слабы. Слишком слабы, чтобы противостоять взрослому разуму и воле. Так что как только эта тварь попадёт в круг, Мэган замкнёт его и порвет её в клочки.

— Тогда почему она боится? — спросил он.

— Потому что у страшилы есть сила. Он попытается разорвать ее разум. Это будет больно. Если она дрогнет, он сможет ей навредить.

Ярдли попросту тихо таращился на меня какое-то время, затем сказал:

— Ты не мошенник. Ты веришь в это.

— Ага, — ответил я и оперся о стену. Ожидание могло затянуться надолго.

— Я не знаю, что страшнее, — сказал Ярдли. — То, что ты псих или то, что нет.

— Дети чувствительны. Они будут равняться на мать. Если она взволнована и напугана, они будут чувствовать себя так же. Если это поможет, думай об этом, как о способе дать детям волшебное перышко.

Ярдли нахмурился и кивнул.

— Как в «Дамбо»{«Дамбо» (англ. Dumbo) — полнометражный мультфильм компании Уолта Диснея. «Волшебное» перо, подаренное главному герою, слонёнку по прозвищу Дамбо, давало ему уверенность в себе.}.

— Ага, — сказал я. — Пару месяцев спустя это будет простейший способ принять случившееся.

Он выдал короткий резкий смешок.

— Да?

— Определенно.

— Ты часто так делаешь.

— Ага.

С полчаса мы ждали в тишине. Потом Ярдли сказал:

— Я работаю с преступлениями против личности.

Я повернулся и взглянул на него.

— Я помог сестре обустроиться здесь в Особен-

ном, подальше от города, чтобы быть уверенным в безопасности её детей. Понимаешь?

— Слушаю.

— Я повидал гадостей, — тихо сказал Ярдли. — Я не… Меня пугает до чертиков думать о моих племянницах и племяннике, становящихся очередной картинкой у меня в голове.

Я кивнул и продолжил слушать.

— Я работал с таким случаем на прошлой неделе, — сказал Ярдли секундой позже. — Жена и дети были сильно избиты, а наши руки оказались связаны. Мы не смогли разобраться с тем парнем. Однажды ночью он взял нож и зашёл слишком далеко. Убил жену и одного ребёнка. Оставил второму шрамы во всё лицо… — его лицо побледнело. — А теперь происходит это. Дети перестают общаться. Служба опеки заберёт их, если ничего не изменится.

— Я вырос в системе, — буркнул я. — Сирота.

Он кивнул.

— Что-то должно измениться, — сказал я.

Он кивнул снова и мы опять замолчали.

Где-то между половиной двенадцатого и полуночью из комнаты старших детей вырвался крик.

Ярдли и я оба подняли глаза, моргая.

— Кэт, — сказал он.

— Что за чёрт, — пробормотал я.

Несколько секунд спустя маленькая девочка также начала кричать — именно такой болезненно высокий крик я слышал прошлой ночью.

А потом закричала Мэган.

— Проклятье! — сказал Ярдли. Он выхватил свой пистолет и был на шаг позади меня, когда я толкнул дверь в спальню Джо и Тамары.

Мэган, покачиваясь, сидела в кругу соли. Свет мигал. Как только я вошел, Джо сел с воплем, очевидно усталый и напуганный.

Я видел нечто в круге с Мэган, тень, которая пропала мгновением позже того, как вспыхнул свет, медленнее, чем остальные. Оно было размером с шимпанзе и вцепилось нечёткими конечностями в плечи и талию Мэг, а его голова двигалась так, будто рвала клыками её лицо.

Лицо Мэган выражало страх и страдание. Я не мог её винить. Срань господня, это был самый большой страшила, каких я только видел. Обычно они были не больше енота.

— Мэг! — завопил Ярдли и рванул вперёд.

Я схватил его за руку.

— Не нарушай круг! — крикнул я. — Забери детей отсюда! Забери детей!

Он колебался всего секунду, потом схватил Тамару и Джо и вынес их из комнаты.

Я подошел к краю круга и задумался, что делать. Проклятье, чем питалась эта тварь? Если я разрушу круг, она получит возможность удрать и будет охренительно подзаряжена темным духовным эквивалентом адреналина. Она будет драться изо всех сил, чтобы сбежать и вернётся следующей ночью, больше и голоднее, чем когда-либо.

Каким бы ужасным ни было это создание — Мэган всё ещё могла победить его. Она была сенситивом, чувствовала эмоции и кусочки мыслей других благодаря развитому природному таланту, который проявлялся как простая интуиция. Это значило, что она развила достаточный защитный навык, чтобы не чокнуться в толпе.

— Мэган! — сказал я. — Ты можешь побить его! Думай о своих детях!

— Им больно! — закричала она. — Я их чувствую!

— Твой брат забрал их, они в порядке! — отозвался я. — Это ложь, которую он тебе внушает! Не позволяй себя обмануть!

Мэган отчаянно глянула на меня и я увидел, как её лицо затвердело. Она развернулась к тени атакующего боггарта и оскалила зубы в рычании.

— Они мои, — выплюнула она шипящие купоросом слова. — Мои дети. И ты их больше не тронешь!

— Прочь! — воззвал я к ней. — Вели ему убираться прочь!

— Прочь! — закричала Мэган. — Прочь! *ПРОЧЬ*!

Раздался всплеск звука, громоподобный невзрыв, как будто весь воздух в комнате вдруг собрался в шар прямо перед искривлённым от боли лицом Мэган. Потом была вспышка света, гулкий вопль, и ударная волна налетела, развеивая соль из круга, гремя игрушками и толкая меня в грудь. Я отшатнулся к стене и отвернулся, пока облако мелкой соли разлеталось вокруг и с шипением осыпалось по стенам.

Мэган упала на колени и зарыдала. Я потянулся вокруг своими чувствами, но не ощутил необъяснимой пустоты в ауре дома. Страшила пропал.

Я подошел к Мэган, присел около неё и коснулся её плеча. Она кинулась ко мне, продолжая рыдать.

Бен Ярдли появился в дверях несколько секунд спустя. На одной руке у него сидел Джо, на второй — Тамара. Кэт жалась к нему, едва ли не прячась в карман, цепляясь за полу пиджака, как будто

он был её личным плюшевым медвежонком.

— Окей, — тихо сказал я. — Все в порядке. Тварь пропала. Ваша мама прогнала ее.

Кэт секунду таращилась на меня со слезами на глазах, а потом бросилась к Мэган. Это привело в движение также Джо и Тамару — они выскользнули из рук Ярдли и тоже побежали к своей матери.

— Спасибо, — сказала Мэган. Она высвободила одну руку — достаточно, чтобы коснуться меня. — Спасибо тебе, чародей.

Я почувствовал себя несколько паршиво, но выдавил одну из лучших своих улыбок.

* * *

Я закончил пересказ истории юным Стражам и дал тишине устояться.

— В чем была моя ошибка? — спросил я.

Все промолчали.

— Я слишком доверял процедуре. Я думал, что уже проанализировал всю ситуацию. Нашёл проблему. Идентифицировал источник опасности. Но я ошибся. Вы все знаете, что я сделал. Что было не так?

Все промолчали.

— Боггарт, которого я обнаружил, не был ис-

точником атак. Он просто кормился на страхе, испускаемом детьми. От него не требовалось тратить энергию на создание страха и кошмаров. Всё, что было нужно — кормиться. Вот почему он был так велик.

— Источник атак не нападал вообще, сказал я. — Работа Бена Ярдли подсовывала ему чертовски плохие вещи — воспоминания и образы, которые не оставляли его. Те из вас, кто бывал на войне, понимают, о чём идет речь.

МакКензи, Ильяна и еще несколько человек серьёзно покивали.

— Кэт Ярдли, старшая дочь своей матери, весьма одаренного сенситива. Ей было двенадцать лет.

— Проклятье, — сказал МакКензи, а его глаза расширились от понимания.

— Ну конечно, — сказала Ильяна. Все остальные студенты обернулись к ней. — Старшая дочь также была сенситивом — возможно, достаточно опытным. Она впитала образы из разума своего дяди — и те превратились в кошмары.

— А что насчет младшей? — поинтересовался я.

МакКензи встал.

— Кэт, должно быть, ещё и проектор, — сказал

он, используя жаргонное обозначение для тех, кто способен передавать мысли или эмоции другим. — Она достаточно взрослая, чтобы подменить мать для младшей. Возможно, они как-то связаны.

— Именно, Страж МакКензи, — тихо сказал я. — Все кусочки были передо мной, а я не удосужился собрать их вместе. Я считал, что имею дело с простым вторжением страшилы. Я взвалил на Мэган тяжёлый груз только потому, что полагал это безопасным и лучшим для семьи. Я ошибался.

— Но это же сработало, — сказала Илиана, и впервые за день в её голосе была неуверенность.

— Ты шутишь? — спросил я. — Тот здоровенный боггарт нанес Мэган ментальную травму, от которой она оправлялась больше года. Какое-то время кошмары были уже у неё.

Я вздохнул.

— Я вернулся обратно к ней и научил её и её дочь кое-каким упражнениям, которые помогут им ограждать себя. Проблемы Кэт разрешились и всё сработало хорошо — но ситуация была на грани. Если бы Ярдли запаниковал и стал стрелять, если бы кто-то нарушил круг, или если бы Мэган Ярдли не купилась на моё враньё о внушении боггарта — это могло бы полностью разрушить

её разум. И трёх детей пришлось бы доверить системе опеки.

— **Arrogance**, высокомерие, — сказал я, выводя слово на доске под всеми прочими. — Это пятое «А». Оно есть во всех нас, это естественно. Мы знаем больше, чем обычные люди. Мы можем намного больше, чем они. Это порождает естественную и понятную гордость. Но если мы позволяем этой гордости выйти наружу и влиять на восприятие того, то что мы видим вокруг — последствия будут ужасны. Следите за пятым «А», ребята. С Ярдли всё обошлось по большей части на чистом везении. Они заслуживают от меня лучшего. И от вас тоже.

— Всегда держите глаза открытыми. Изучайте все что можете — и всегда старайтесь узнать еще больше.

Я сделал глубокий вдох и кивнул.

— Окей. Прервемся на ланч, а потом рассмотрим ещё одно дело, в котором я не настолько облажался. Встретимся через час. Свободны.

Молодые Стражи встали и разошлись — все, кроме МакКензи и Ильяны. Эти двое подошли, встав рядом со мной.

— Командор, — сказал МакКензи. — Эта девочка, Кэт. Большинство одаренных смертных имеют

один талант. Она же проявила как минимум два.

— Я знаю.

— Эта девочка, — сказала Ильяна. — Её таланты были порождены травмами и страхом. Это один из признаков потенциального колдуна.

— Да, — ответил я. Мои таланты проявились аналогичным образом. — Я слышал об этом.

— И… она под наблюдением? — спросила Ильяна.

— Я заглядываю к ней время от времени, — сказал я.

— Бедное дитя, — сказал МакКензи. — Что же мы делаем?

Я развёл руками.

— Это несовершенный мир, Стражи. Мы делаем то же, что и всегда, — я криво улыбнулся. — Всё, что можем.

Они оба потупились, нахмуренные, взволнованные — не за себя, за маленькую девочку, которая не знала, что её ждет.

Прекрасно.

Урок прошел не зря.

— Окей, ребята, — сказал я. — Как насчет Бургер-Кинг?

Это подбодрило их обоих, хотя Ильяна, отсталая душа, не проявила должного энтузиазма при

упоминании святого имени Олимпа фастфуда. Мы вышли все вместе.

Вы делаете всё, что можете.

9.1 Это и мой день рождения! (2007)

— Эй, Маяги-сан, — сказала моя ученица. Её джинсы были обильно покрыты пятнами пурпурно-коричневой слизи. — Как ты думаешь, химчистка сможет привести их в порядок?

Я бросил ключи от машины вниз на кухонную стойку, прислонил рядом мой деревянный посох, весь измазанный слизью, за которой не было видно покрывающих его рун, и ответил:

— Когда я в последний раз хотел сдать вещи в химчистку после встречи со слизневым големом, её хозяин на следующий день устроил поджог и попытался получить страховку.

Молли, моя ученица, едва вышла из подросткового возраста, и было невозможно не заметить ей великолепные ноги, когда она вылезала из своих ультрамодных, безвременно погибших джинсов. Она мило сморщила носик и кинула их в мусорное ведро, стоящее на моей маленькой кухне.

— Я уже говорила вам, как я люблю чародейский бизнес, Гарри?

— Никто из нас не оказался в больнице, куз-

нечик. Так что сегодня был хороший трудовой день.

Мой кожаный пыльник тоже был капитально покрыт липкой и вонючей слизью. Я поднес его к камину, который горит в моей подвальной квартире всю зиму. Учитывая, что я вынужден жить без электричества, это просто необходимо. Убедившись, что огонь достаточно сильный, я бросил плащ в камин.

— Эй! — воскликнула Молли, — только не плащ!

— Расслабься, — ответил я, — заклятие на нем должно защитить его. А слизь запечется, и я соскоблю её завтра.

— О, хорошо. Мне нравится этот плащ.

Девушка притихла, швырнув свои поношенные походные ботинки и носки вслед за безнадежно испорченными джинсами. Она была высока для женщины и выглядела как школьная фантазия студента-скандинава. Её волосы цвета белого золота, за исключением нескольких прядей, выкрашенных в смесь голубого, красного и фиолетового, доходили до плеч. Она сняла часть пирсинга с лица, и теперь стальные украшения остались только в её брови, ноздре, языке и нижней губе. Молли подошла к коврику посредине

гостиной, откинула его на бок и открыла люк, ведущий в лабораторию под подвалом. Она зажгла свечи от огня в камине, при этом смешно сморщив нос, чтобы не вдыхать едкий, сальный дым, испускаемый моим многострадальным плащом, и спустилась по лестнице вниз.

Мыш, мой домашний саблезубый тигр, вразвалку вышел из спальни и раскрыл пасть в огромном собачьем зевке. Он сделал шаг в моём направлении, потом замер, когда вонь обгорающей слизи достигла его носа. Подумав несколько секунд, эта огромная, серая псина с грацией, которую трудно было ожидать от такой махины, мгновенно развернулась и скрылась обратно в спальне.

— Трус, — крикнул я ему в спину и посмотрел на Мистера, моего кота, который дремал на самой верхней книжной полке, греясь в потоках восходящего от камина теплого воздуха. — В конце концов, хоть ты не бросил меня, дружище.

Мистер глянул на меня одним глазом, а затем, принюхавшись, укоризненно помахал обрубком хвоста. Он с явным недовольством грациозно спрыгнул с книжной полки и с чувством собственного достоинства последовал за Мышем в относительно ароматическую безопасность моей спальни.

— Зануды, — пробормотал я и посмотрел на посох. Он был покрыт коркой гноя. Мне придется убирать её с помощью наждачной бумаги и восстанавливать вырезанные руны. И, возможно, придется проделать тоже с жезлом. Глупые несчастные любители, играющие с вещами, которые не понимают — големы слизи всего лишь отвратительны.

Молли поднялась обратно, переодевшись в запасную одежду. У неё уже был опыт тренировок со мною на протяжении последних шести месяцев, поэтому, на всякий случай, в спортивной сумке под небольшим столом, который я поставил для неё в лаборатории, лежал комплект запасной одежды. Она облачилась в мартинсы и в одну из этих черных, узких юбок, которые постоянно морщатся. Не подходящая одежда для зимней погоды, но все же менее не подходящая, чем черные спортивные шорты.

— Гарри, вы собираетесь отвезти меня домой?

Я нахмурился и посмотрел на часы. Уже начало десятого. Слишком поздно для молодой девушки добираться домой, доверившись чикагскому публичному транспорту. Учитывая Моллин опыт, она вряд ли вляпается во что-то серьезное, но не стоит без нужды испытывать судьбу.

— Можешь позвонить своим предкам?

Она отрицательно покачала головой.

— В День Святого Валентина? Вы, должно быть, шутите? Они забаррикадировались у себя наверху и отправили погулять всех, кто постарше, чтобы у них был хоть один тихий час побыть наедине. — Молли передернула плечами. — Я не рискну побеспокоить их сейчас. Им надо немного личного времени.

— День Святого Валентина, — простонал я. — Проклятье!

— Что случилось?

— Ох, я и забыл, из-за всей этой суматохи. Это, э-э-э, сегодня день рожденья кое-кого. Я приготовил для этого человека подарок и хочу вручить его ему сегодня.

— Мда? — прощебетала Молли. — У кого?

Я колебался около минуты, но Молли заработала право на правду и… доверие.

— Томас, — сказал я.

— У вампира? — спросила Молли.

— Ага, — кивнул я.

— Вау, Гарри, — сказала она, её голубые глаза заблестели. — Это странно. Я имею в виду, странно, что вы приготовили для него подарок на день рожденья. — Она очень мило нахмурила

брови. — Я подразумеваю, что вы не дарили ни разу подарков моему папе и, насколько я знаю, другим своим друзьям тоже… а он Рыцарь Креста и вообще один из ваших друзей, и он спасал вашу жизнь раз двадцать и все такое…

— Вообще-то всего четыре раза, — сказал я раздраженно. — И я на Рождество для него…

Молли смотрела на меня с самодовольной улыбкой на лице.

— Ты обо все догадалась? — вздохнул я.

— Что Томас ваш брат? — спросила Молли невинно. — Ну да.

Я уставился на неё.

— Как?

— Я видела, как вы двое ссоритесь. — Она подняла брови домиком. — Что? Вы видели, сколько у меня братьев и сестер? Я знаю, когда ссорятся родные братья.

— Черт побери, — вздохнул я. — Молли…

Она подняла вверх руки.

— Я знаю, босс. Я знаю. Большой секрет, и он умрет вместе со мной. — Выражение ее лица стало серьёзным, и она посмотрела на меня понимающим взглядом, который никак не ожидаешь от кого-то столь юного. — Семья важна.

Я рос в сиротских приютах и у приёмных ро-

дителей.

— Да, — пробормотал я. — Важна.

Она кивнула головой.

— Значит, вы немного семейных подарков получали. И у вашего брата точно нет толпы людей, задаривающих его подарками на день рожденья, правда?

Я только смотрел на неё некоторое время. Молли вырастала в личность, которая мне определенно нравилась.

— Нет — тихо ответил я, — Не получал. И он тоже.

— Ну тогда, — сказала она, улыбнувшись, — давайте поедем и вручим ему один.

* * *

Мы стояли возле дверей в подъезд, где находилась квартира Томаса, и я хмуро смотрел на домофон.

— Не могу этого понять. Он всегда дома в это время.

— Может быть, он где-то ужинает, — сказала Молли, дрожа от холода. Как бы то ни было, её одежда была все-таки для летней погоды. Я покачал головой:

— Он очень жестко себя ограничивает, когда

собирается показаться на публике.

— Почему?

— Он вампир Белой Коллегии, инкуб, — сказал я. — Почти у каждой женщины, которая посмотрит на него, возникают… фантазии.

Молли смущенно закашляла.

— Ой. Это значит, я не одна такая?

— Нет, я сопровождал его однажды в городе. Это было похоже на действие разрекламированных духов с феромонами, если бы вдруг эти духи начали действительно действовать.

— Но он же выходит на улицу, правда?

— Конечно.

Она кивнула и тут же начала копаться в рюкзаке.

— Тогда, возможно, мы могли бы использовать поисковое заклинание, чтобы найти его. Я думаю, у меня есть кое-какие материалы, которые мы могли бы использовать…

— У меня тоже, — сказал я, извлекая два четвертака из кармана, и пропуская их между пальцами — медленно и зловеще, как Дэвид Блэйн.[5] Потом я сделал пару шагов к телефону-автомату, который находился возле входа в подъезд, опустил

---

[5] Примечания: 5

Американский иллюзионист. Стал известен благодаря своей уличной магии.

монеты и позвонил Томасу на мобильный.

Молли пристально на меня посмотрела и сложила руки на груди. Выражение лица у нее было обиженным.

— Эй, — сказал я ей весело. — Мы же чародеи, малышка. У нас проблемы с использованием техники. Но это не означает, что мы недостаточно умны, чтобы использовать её.

Молли покосилась на меня и что-то тихо пробормотала, а я сосредоточил своё внимание на телефонных гудках.

— Аллоуу, — откликнулся Томас с жутким французским акцентом, который он использовал, находясь на публике.

— Алло, это Франция? — закричал я. — Я нашел мёртвую мышь в моей банке с французским жареным кофе и звоню пожаловаться. Я американец, и я отказываюсь принимать такой вариант напитков от вас, ребята.

Мой сводный брат вздохнул.

— Аадну минуту, пожалуустаа, — сказал он со своим французским акцентом. Я услышал звуки музыки и разговоры людей на заднем плане. Вечеринка? Тут щелкнула дверь, и брат заговорил нормальным голосом:

— Привет, Гарри.

— Я тут стою на улице возле твоей квартиры на сумасшедшем снегу, с твоим подарком на день рожденья.

— Это была не очень хорошая идея, — сказал он. — Меня нет дома.

— Будучи профессиональным детективом, я, используя метод дедукции, пришел к такому же умозаключению, — парировал я.

— Подарок на день рожденья, это — правда?

— Да, но я маленько замерз и собираюсь сжечь его, чтобы хоть немного согреться.

Он рассмеялся.

— Я в галерее «Вудфилд Молл» в Шамбурге.[6]

Я посмотрел на часы.

— Так поздно?

— Ну да. Я оказываю небольшое одолжение для одной моей работницы. Я буду здесь до полуночи или около того. Слушай, давай встретимся завтра вечером.

— Нет, — сказал я упрямо. — Твой день рожденья сегодня. Я подъеду туда.

— Ухх, — сказал Томас. — Мда… Я думаю… э… Ладно.

Я насторожился.

---

[6] Примечания: 6
Многофункциональный торгово-развлекательный центр.

— Что ты там делаешь?

— Приезжай сюда, — вздохнул он и положил трубку.

Я обратил взгляд на Молли.

— Ха!

Она вопросительно склонила голову и спросила:

— Что происходит?

Я повернулся и пошел к машине.

— Давай выясним это.

* * *

Галерея «Вулфилд» была одним из множества подобных заведений в штате. Почти все парковочные места возле неё были свободны. Торговый центр был закрыт уже больше часа.

— И как интересно, нам полагается найти его? — спросила Молли.

Я вел машину — старый раздолбанный «Фольксваген Жук», который я любовно называл «Голубой Жучок», еще пару минут, внимательно посматривая по сторонам.

— Туда, — сказал я, показывая головой на белый седан, припаркованный среди дюжины других машин, стоящих отдельной группой на парковке возле галереи.

— Это его машина. — Я намеривался сказать кое-что другое, но остановил себя прежде, чем успел бесполезно потратить время на демонстрацию своих качеств любимого ученика Йоды.

— Молли, скажи мне, что ты видишь?

Она нахмурилась, наморщила нос и оглянулась, пока я пытался припарковаться на свободное место возле машины Томаса. Шины хрустели по тонкому слою снега, который покрывал вычищенный асфальт, подтеки из соли и подтаявшего льда. Я заглушил двигатель. Он пожужжал еще несколько секунд, а потом машину заполнила мягкая, тяжелая тишина, которую можно ощутить только зимней ночью, когда снег окутывает землю.

— Галерея закрыта, — сказала Молли. — Но возле этого входа припаркованы машины. Это единственная секция из всех, где горят огни. Я думаю, что в одном из помещений внутри горит свет. Тут не опущены роллеты, хотя все остальные витрины закрыты.

— И из этого вытекает?.. — подсказал я.

— Что Томас делает в компании, в закрытой галерее, в День Святого Валентина, да еще ночью? — её голос изменялся к концу, становясь вопросительным.

— Молодец! Значение даты может, конечно, что-то значить, — сказал я. — Но настоящий вопрос вот в чем: это случайное совпадение, что наружная камера безопасности, направленная на дверь, сломана?

Молли уставилась на меня, потом, насупившись, огляделась вокруг.

Я поднял вверх палец.

— Запомни, нужно всегда смотреть в трёх измерениях. Человек обычно не смотрит на то, что находится над его головой или непосредственно под ногами. Ты должна быть более внимательна, стараясь развить у себя привычку замечать мелочи.

Молли сдвинула брови и, изогнувшись, попыталась увидеть в окно «Жучка» высокий фонарный столб, возле которого мы припарковались. На нем примерно на высоте десяти футов был закреплен черный квадратный корпус камеры безопасности. Чуть ниже висело несколько оголенных проводов, концы которых были оборваны. Я заметил это, когда парковал машину.

Моя ученица нервно вздохнула.

— Вы думаете, что-то случилось?

— Я думаю, что у нас недостаточно информации для того, чтобы делать любые предположения, —

сказал я. — Возможно, это ничего не значит. Но лучше на всякий случай держать ушки на макушке.

Не успели эти слова сорваться с моих губ, как из темноты показались две фигуры в длинных черных плащах с капюшонами. И, черт меня возьми, если это был тот наряд, который выберет чикагский покупатель. Они прошли вниз по боковой дорожке и свернули к освещенной входной двери.

Молли открыла рот и начала что-то говорить, заикаясь.

— Тихо, — прошипел я. — Не шевелись.

Эти двое прошли всего в тридцати или сорока футах от нас. Я даже смог мельком увидеть под одним из капюшонов бледное лицо с запавшими, словно темные провалы, глазами. Обе фигуры вошли в открытую дверь, даже не взглянув в нашу сторону, с уверенностью людей, знающих, что их ждут.

— Все в порядке, — сказал я тихо. — У этого должно быть какое-то объяснение.

— Гм, — пробормотала Молли. — Эт-то б-были в-вампиры?

— Успокойся, малышка, — ответил я ей. — Боязнь — это не самая плохая вещь на свете, но не

позволяй страху контролировать себя. Я не имею ни малейшего представления, кто это был.

Я убедился, что моя старая, подбитая овчиной, джинсовая куртка застёгнута на все пуговицы, и выбрался из машины.

— Тогда куда вы собрались? — спросила она.

— Внутрь, — ответил я, обходя машину по направлению к багажнику. Я раскрутил проволоку, которая служила мне замком. (Побывали бы вы в дюжине автомобильных катастроф, и вам бы надоело менять замки в багажнике).

— Чем бы они ни были, Томас про них ничего не знает. Он бы сказал хоть что-то.

Я не мог видеть Молли из-за поднятой крышки багажника, но она опустила стекло достаточно, чтобы я мог ее слышать.

— Но у вас нет ни посоха, ни жезла, ни даже плаща. Это все осталось в вашей квартире!

Я достал из багажника револьвер сорок четвертого калибра и коробочку с патронами, зарядил оружие и положил в карман куртки. На всякий случай я засунул пару патронов в передний карман джинсов и закрыл багажник.

— Они только игрушки, Падаван.[7] Привычные, на многое способные, проверенные игрушки, без которых я себя чувствую голым. Но настоящий чародей не должен полагаться только на них или учить этому своих учеников. Оставайся здесь, заведи машину и будь готова в любой момент нажать на газ, если нам надо будет срочно покинуть это место.

— Хорошо, — сказала девушка и пересела на место водителя. К чести Молли требуется сказать, — она может нервничать, но работу шофера она выучила отлично.

Держа правую руку в кармане пиджака на рукоятке револьвера, я слегка размял плечи, делая маленькие глотки свежего морозного воздуха, и быстро пошел к входу в галерею. Мои ботинки скрипели и хрустели по тонкому слою снега. Я подошел к двери с таким видом, как будто был владельцем этого места. Затем открыл их резким толчком и быстро огляделся вокруг.

В галерее было темно. Светился только вход в единственное открытое заведение — маленькое бистро с закрашенными окнами, которые тускло

[7] Примечания: 7

Padawan — во вселенной «Звёздных войн» — джедай-ученик, проходящий серьезную тренировку под предводительством рыцаря или мастера Джедай.

отсвечивали от горящего внутри света. Я мог разглядеть фигуры, сидящие внутри за столиками и за барной стойкой. Большинство из них было в черном, и никто из них не выглядел старше Молли, хотя тусклый свет и скрадывал некоторые детали.

Я, размышляя, немного прищурил глаза. От вампиров исходила энергия, которую такие, как я, могли ощущать. В зависимости от вида вампиров, эта энергия могла существенно различаться. Иногда мои чувства реагировали на приближение вампира, как на громкое, бросающее в дрожь детское хихиканье, доносящееся из открытой могилы. Иногда это было что-то, едва уловимое, как легкая, инстинктивная неприязнь к рассматриваемому человеку. Что касается Белой Коллегии, к которой относился мой сводный брат, они ощущались меньше всего, кроме тех случаев, когда делали что-то совсем вампирское. Находясь снаружи заведения, я не мог сказать ничего определённого.

Предположить, что все они вампиры, было бы слишком глупо. Они никогда не собираются так открыто. Вампиры не прячутся от внешнего мира, но и не бегут для участия в новейших реалити-шоу и тому подобное. Был только один

способ выяснить, кто эти люди. Я открыл дверь кафе, держа руку в кармане с револьвером. Оставив дверь открытой, на тот случай, если мне придется срочно убегать, я сделал небольшой шаг вперед и внимательно посмотрел на оккупировавших бистро людей. Ближайшая ко мне компания состояла из двух юношей, которые беседовали за крайним столом с двумя чашками чего-то похожего на кофе и… И у них были угри. Не отвратительная угревая сыпь, а всего несколько прыщей на двоих…

На тот случай, если никто вам не говорил раньше, (это входит в список охотника на монстров) — у вампиров нет нужды пользоваться «Клерасилом».

На свету, костюмы двух молодых парней выглядели именно, как… костюмы. Это были два больших черных плаща, небрежно брошенных на спинки стульев, с них капала на пол талая вода, и я отчетливо уловил аромат травки, который исходил от ребят. Двое юнцов, которые выскользнули ненадолго покурить травку и вернуться обратно. Один из них достал из кармана конфету и съел её.

Я внимательно посмотрел на посетителей бистро. Большая толпа. Почти все молодые, немного

угловатые, какими обычно бывают в юности. И они были совершенно не похожи на бледный народ, какими полагалось быть кровососущим тварям. Большинство их них были одеты в костюмы, явно купленные на распродаже товаров для готов.

Я почувствовал, как от испытанного облегчения напряжение в плечах начало отступать, и вытащил руку из кармана. В любом случае, то, что один из моих приступов паранойи не оправдался, было хорошим знаком.

— Сэр, — раздался грубый голос позади меня. — Галерея закрыта. Вы не желаете объяснить мне, что вы тут делаете?

Я повернул голову и посмотрел на сидящего на корточках сгорбившегося мужчину со светло-голубыми глазами и скошенным подбородком. У него были похожие на бивни моржа толстые золотисто-коричневые усы, которые еще больше акцентировали внимание на безвольном подбородке. Законченность образу добавляли высокий лоб, коричневая униформа и что-то, что выглядело похожим на набор для полицейских. На поясе у бедра висела портативная рация «уоки-токи», с другой стороны — газовый баллончик. Я прочел имя на бейджике:

«Раймонд».

— Наблюдаю за подозрительной активностью, — сказал я, и показал подбородком куда-то вглубь помещения бистро. — Видишь это? Люди собрались в галерее после её закрытия. Странно.

Он вопросительно приподнял брови и спросил:

— Подожди. Мы встречались раньше?

Я слегка улыбнулся и ответил:

— Да, верно. Шесть или семь лет назад, в «Туфлегазме».[8]

Он криво ухмыльнулся:

— Лживый медиум.

— Консультант, — поправил я. — И насколько я потом слышал, у них прекратились пропажи. Что произошло только после моего вмешательства.

Раймонд посмотрел на меня взглядом, который внушил бы страх меньшему человеку, чем я. Гораздо, гораздо меньшему. Например, ученику четвертого класса или четвертому помощнику сортировщика ветоши.

— Если ты не из их компании, ты должен уйти. Ты сам уйдешь или мне помочь тебе это сде-

---

[8] Примечания: 8

Shoegasm — магазин обуви. Думаем, что название произошло от производной от shoe и orgasm.

лать?

— Стой, — сказал я, — ты меня пугаешь.

Усы Раймонда слегка задрожали. Он, несомненно, не привык иметь дело с теми, кто не воспринимает его всерьез. Плюс, я был выше, гораздо выше него.

— Холлоуу, Арри, — раздался за моею спиной голос брата.

Я повернулся и увидел Томаса, одетого в облегающие черные кожаные брюки и шелковую кроваво-красную рубашку. Его волосы, длиною по плечи, были собраны сзади в хвост и перевязаны алой атласной лентой. Мы не были похожи, за исключением глаз и подбородков. Сказать, что Томас выглядел хорошо, — это то же самое, что сказать, что Моцарт был просто одарённым. Существует множество людей, снимающихся для обложек глянцевых журналов, на телевидение и в кино, которые безнадёжно стараются выглядеть так, как Томас.

Одной рукой он обнимал молодую симпатичную девушку, выглядевшую довольно рассудительной. Она была одета в кожаные штаны со спущенной талией, которые низко сидели на её бедрах, и красный бикини-топ. Ее шелковистые каштановые волосы были тщательно уложены

в искусственном беспорядке. Я узнал её, она работала у Томаса в салоне. Молодая девушка по имени Сара.

— Гарри, — сказала она. — Ой, так приятно видеть тебя снова. — Она слегка толкнула Томаса локтем. — Не так ли?

— Всегда, — сказал Томас с французским акцентом и загадочной улыбкой.

— Здравствуйте, мистер Раймонд! — улыбнулась Сара охраннику.

Раймонд сердито посмотрел на меня и спросил у Сары:

— Он с вами?

— Ну конечно, — ответил Томас, ослепляя охранника своей самой обворожительной улыбкой.

Раймонд что-то тихо проворчал и убрал руку от рации. Повезло мне. Теперь я определённо исчез из его картины мира.

— Я собирался сказать вам, что иду на парковку поменять камеру, которая поломалась. Чтобы вы знали, где меня искать, если я вам понадоблюсь.

— Мерси, — ответил Томас, все еще улыбаясь.

Раймонд нахмурился. Потом он кисло посмотрел на меня, накинул куртку, взял ящик с инструментами и складную лестницу, которые

лежали поблизости, и вышел на улицу.

— Арри, ты знаешь Сару? — спросил Томас.

— Знакомство с вами доставляет мне наслаждение. — Я галантно склонил голову, протягивая Саре руку.

Она с улыбкой пожала её.

— Я подозреваю, вы никогда не приезжали сюда, чтобы поиграть в «Полночь»?

Я посмотрел на неё, а потом глянул на наряженных ребят.

— Ааа, — сказал я. — Э-э-э, так это… какая-то разновидность игры, я правильно понял?

— Это — ЖАРИ.

Я несколько секунд смотрел на нее.

— Что такое жарю?

Она хихикнула.

— ЖАРИ, — повторила она. — Жизненно-активная ролевая игра.

— Жизненно-активная… наверное, играете в вампиров, — догадался я. И посмотрев на Томаса, спросил:

— И поэтому ты здесь?

Томас слегка мне улыбнулся и кивнул.

— Она попросила меня притвориться вампиром, но только на эту ночь, — пояснил он. — Честно.

Не удивительно, что он хорошо проводил время.

Сара с интересом меня рассматривала.

— Томас никогда не рассказывает про свою, э-э-э, личную жизнь. Так что вы, в некоторой степени, самый интригующий мужчина в нашем салоне. Мы сплетничаем о вас постоянно.

Я мог поспорить на весь мой банковский счет, что сплетничали, как же без этого. Это началось с того момента, как мой брат решил притворяться влюбленным геем-стилистом, что меня чертовски раздражало. И это тогда, когда я не мог открыто сказать людям, что между нами существует родственная связь. Только не между чародеем и вампиром, во время войны Белого Совета и Вампирских Коллегий.

— Как мило, — улыбнулся я Саре. Мне, видно, никогда не отделаться от роли, которую люди придумали вокруг меня и Томаса.

— Томас, можно тебя на пару минут?

— Mais oui![9]

Он улыбнулся Саре, взял её руку и слегка склонил голову. Она нежно посмотрела на него и затем скрылась внутри.

---

[9] Примечания: 9
Да, конечно! (фр.)

Я посмотрел ей вслед, на её облегающие брюки и откровенный топ и вздохнул. У неё была ужасно притягательная линия спины и бедер, и все её движения обещали неземное наслаждение. А мне с таким имиджем и подумать о ней нельзя было, не то чтобы начать флиртовать.

— Подними свой язык с пола, скатай его в трубочку и положи обратно в рот, прежде чем кто-то заметил, — ухмыльнулся Томас вполголоса. — Мне нужно держать все в тайне.

— Скажешь им, что я играю в жари и притворяюсь нормальным, — пробубнил я, и мы повернулись, чтобы пройти вглубь пустого холла, чуть подальше от бистро.

— Притворяешься вампиром, и как?

— Это весело, — пожал Томас плечами. — Я как приглашенная звезда в конце сезона.

Я уставился на него.

— Вампиры — это совсем не весело, и это не игрушки.

— Я знаю это, — сказал Томас. — Ты знаешь это. Но они этого не знают.

— Ты же ничего не получаешь от них? — спросил я.

— Не дергайся, — улыбнулся Томас. Он подмигнул, но сказал с серьезной интонацией в

голосе: — Они развлекаются, и я им помогаю. Мне нечасто выпадает шанс сделать что-то вроде этого. Мне и просто развлечься нечасто выпадает шанс.

— Но это может быть для тебя и для них опасно.

Он становился и посмотрел мне в глаза.

— Они, можно сказать, невинны. Они ничего не знают о мире необычного. На них никогда не нападал вампир, они не теряли свою любовь из-за вампира. — Он скорбно поднял брови. — Я думал, это как раз то, за что борются ваши люди.

Я мрачно посмотрел на него.

— Если бы ты не был моим братом, я бы сказал, что у тебя чрезвычайно скучное хобби.

Мы тем временем подошли к входной двери. Томас какое-то время изучал себя в зеркале, а затем повернулся ко мне и принял эффектную позу.

— Правда. Но я выгляжу так обалденно, когда выступаю перед ними. К тому же Сара отработала одиннадцать недель без выходных и без единой жалобы. Она заслужила это одолжение.

На улице тем временем снегопад стал сильнее. Раймонд поднялся на лестницу и крутился возле камеры. Молли наблюдала за ним. Я подождал, пока она обратит на меня внимание и, указав

пальцем на коробку, лежащую на заднем сиденье, поманил её к себе. Она кивнула и заглушила двигатель.

— Я зашел внутрь, ожидая нарваться на неприятности. Нам еще повезло, что я не запустил парочку этих ребят в потолок, прежде чем понял, что они не представляют угрозы.

— Ну, — хмыкнул Томас, — все ведь обошлось. Ты очень осмотрительный.

Я презрительно фыркнул.

— Я надеюсь, ты не будешь возражать, если я просто вручу тебе подарок и побегу дольше?

— Увау! — воскликнул Томас. — Большой подарок?

— Какой ни есть, весь твой, — ответил я, глядя, как Молли взяла коробку с подарком и быстро идет к нам сквозь холодную метель. — И, с днем рожденья!

Он повернулся ко мне и искренне, довольно улыбнулся.

— Спасибо.

Тут раздался цокот высоких каблуков позади нас, и показалась молодая девушка. Она была достаточно милой. Однако в плотно облегающем черном платье, черных чулках и с волосами, гладко зачесанными назад, она смотрелась в

какой-то мере угрожающе. Она глянула на меня долгим, холодным взглядом и произнесла:

— Та-ак. Я вижу, вы уединились, для маленького тет-а-тет, Равениус.

Будучи всегда учтивым, я ответил:

— Гм. Чего?

— Арри, — произнес Томас, опять со своим французским акцентом.

Я глянул на него.

Он положил ладонь на макушку и сказал:

— Сделай так же, — брат улыбнулся и подмигнул. Все еще ничего не понимая, я вздохнул и положил ладонь на голову. Девушка в черном платье повторила наш жест и улыбнулась мне.

— Ой, правда, извините. Я не хотела вмешиваться.

— Я вернусь через пару минут, — сказал ей Томас, — личные дела.

— Я вижу, — улыбнулась она, — извините. Я полагаю, моя Эннуи запуталась со второй сюжетной линией.

Она мило улыбнулась, затем убрала руку от головы и, снова приняв тот же холодный, высокомерный вид, удалилась в сторону бистро, отстукивая каблуками стаккато.

Я посмотрел ей вслед, затем повернулся к брату,

все еще держа руки на макушке, с локтями, выпирающими, как куриные крылышки, и спросил:

— И что ЭТО должно значить?

— Мы, типа, не сошлись характерами, — пожал плечами Томас.

— Вижу, — сказал я. — И явно не в сюжетной побочной линии.

— Если мы держим руки скрещенными на груди, — начал объяснять Томас, — мы невидимы. Если…

— Я пропустил ужин, — перебил я его и положил руку на живот. Потом, чтобы наглядно продемонстрировать это, я показал другой рукой на рот и потер живот. — Теперь у меня нет настроения, и я голодный.

— Ты всегда голодный. При чем тут настроение?

— Верно, — сказал я, нахмурившись, и оглянулся. — Почему Молли так дол…

Моя ученица неподвижно стояла, прижавшись спиною к стеклянной двери, зажав ладонью рот. Подарок для Томаса, весь в розовой и красной оберточной бумаге с символами Дня Святого Валентина, лежал у ее ног на замерзшем льду. Молли судорожно дрожала.

Томас не сразу понял, что случилось.

— Разве эта юбка не слишком легкая для такой погоды? Смотри, она замерзла.

Прежде чем он сказал «юбка», я уже был возле дверей. Я схватил Молли и затащил её внутрь, успев окинуть взглядом парковку. Я заметил две вещи.

Во-первых, лестница Раймонда была опрокинута и лежала на асфальте. Хлопья снега уже почти скрыли её. Как назло, снег повалил еще сильнее, несмотря на прогноз погоды о чистом и безоблачном небе.

Во-вторых, я увидел капли крови на моей машине и машинах поблизости, но особенно много их было возле упавшей лестницы. Они уже успели замерзнуть и переливались при свете уличных фонарей, как крошечные сверкающие рубины.

— Что? — спросил Томас, когда я втолкнул Молли в помещение. — Что проис… — он около секунды вглядывался в окно, а затем сам ответил на свой вопрос. — Дерьмо.

— Согласен, — кивнул я. — Молли?

Она посмотрела на меня диким взглядом, затем встряхнула головой, скукожилась, закрыла глаза и начала издавать низкие, повторяющиеся звуки.

— Что за ерунда с нею творится? — спросил Томас.

— У неё психический шок, — ответил я тихо.

— Никогда не видел психического шока у тебя, — сказал мой брат.

— Различные таланты. Мне легче, например, передвигать вещи. Молли легче дается ментальная магия, и все с ней связанное, — объяснил я ему. — Она постаралась защитить свой разум от влияния того, что случилось, но ей потребуется время, чтобы прийти в себя.

— Угу, — сказал Томас тихо. Он пристально смотрел на вздрагивающую молодую девушку, и его глаза медленно изменяли цвет, от темно-серого до бледного, серо-белого, почти серебряного.

— Эй, — окликнул я его. — Сконцентрируйся.

Он слегка встряхнул головой, и его глаза понемногу снова потемнели.

— Ладно. Идем отсюда. Давай отведем её туда, где есть стулья и немного кофе. И заодно перестанем стоять прямо перед большим стеклянным окном, изображая из себя мишени.

Мы так и сделали. Завели её в бистро, за столик, ближайший к двери, откуда Томас мог видеть коридор и входную дверь, Я налил Молли кофе из большой кофеварки на барной стойке. При этом

мне пришлось держать руку на голове, что меня немного нервировало.

Молли пришла в себя через несколько минут после того, как я сел рядом. Несмотря на то, что я сказал Томасу, её поведение удивило меня — я никогда не видел прежде, чтобы её так колотило. Она схватила кофе, размешала и немного отпила.

— Хорошо, кузнечик, — сказал я. — Что случилось?

— Я шла внутрь, — ответила она, её голос был безжизненным и странно ровным. — Охранник. Что-то его убило. — Нотки какого-то безнадежного отчаянья скользили в её голосе. — Я почувствовала, как он умирает. Это было ужасно.

— Что именно? — сказал я. — Дай мне какие-нибудь детали, от которых я смогу оттолкнуться.

Молли быстро затрясла головой.

— Н-ничего не видела. Все произошло слишком быстро. Я почувствовала, как что-то движется, м-может в шаге позади меня. Потом был какой-то тихий звук, и он умер… — Её дыхание снова стало бесконтрольно ускоряться.

— Легче, — сказал я ей по слогам, задавая своей интонацией равномерный ритм, который я использовал, когда обучал её поддерживать

самоконтроль при стрессе. — Дыши. Сконцентрируйся. Вспомни, кто ты такая.

— Нормально, — спустя несколько вдохов сказала она, — я в порядке.

— Этот звук. На что это было похоже?

Она посмотрела на пар, который поднимался от её кофе.

— Я… какой-то щелчок, наверное. Зажигалка.

— Треск? — спросил я.

Она поморщилась, но кивнула.

— Я сразу повернулась, так быстро, как только смогла. Но он уже пропал. И я ничего не увидела, Гарри.

Томас, находясь в десяти футах от нас, мог слышать нашу тихую беседу так же четко, как если бы он сидел рядом с нами.

— Что-то схватило Раймонда, — сказал он. — Что-то, двигающееся настолько быстро, что пересекло её поле зрения за секунду или две. И оно не остановилось, когда схватило его. Она, наверное, слышала, как сломалась его шея.

Нечего было добавить. Мозаика складывалась в картину, и эта картина пугала меня не меньше, чем преисподняя.

Томас оглянулся на меня и добавил:

— Это прекрасный способ схватить и унести

кого-то незаметно для простых смертных, если ты достаточно быстр. Мой отец показывал мне однажды, как это делается. — Он внимательно всмотрелся в окно.

Я почувствовал себя напряжено.

— Что?

— Уличные огни начали гаснуть.

Я откинулся на спинку стула, лихорадочно размышляя.

— Есть только одна причина для этого.

— Чтобы ослепить нас, — понял меня брат. — Перекрыть возможность бегства на машине.

— Также удержать всех внутри, чтобы никто ни видел, что творится на парковке, — добавил я. — Как вы умудрились использовать это место после его закрытия?

— Дядя Сары — владелец галереи, — ответил Томас.

— Приведи её, — сказал я, передвигаясь так, чтобы видеть дверь. — Быстро.

Томас привел её буквально через минуту. Пока он ходил, среди игроков возникло напряжение, — стало ясно, что что-то пошло не так, и их неуклюже-зловещие ролевые игры стали понемногу затухать. Сара подошла ко мне, и я словил себя на мысли, что если прежде я пялился на

то, что слегка прикрывал ярко-красный топ, то сейчас я думал, какой нежной и уязвимой может быть её шея.

— Что случилось? — спросила она.

— Проблемы, — ответил я. — Мы оказали в опасности, и мне надо, чтобы ты ответила на несколько вопросов прямо сейчас.

Сара приоткрыла рот и начала спрашивать меня о чем-то.

— Первый, — сказал я, игнорируя её, — ты знаешь, сколько охранников работает ночью?

Она, замерев, несколько секунд смотрела на меня. Потом сказала:

— Ну-у, четыре до закрытия, двое после. Но те двое, которые обычно остаются здесь до полуночи, еще занимаются мелким текущим ремонтом и кое-что убирают.

— Где?

Она задумалась, вспоминая.

— В кабинете безопасности и в администрации.

— Хорошо, — сказал я. — Второй. Здесь есть телефон?

— Конечно.

— Отведи меня туда.

Она привела меня в маленькую, тесную кухню

бистро. Я поднял трубку, услышал длинный гудок и набрал номер Мёрфи. Если плохие парни, кем бы или чем бы они ни были, боятся привлекать излишнее внимание к происходящему, я был бы не против немного разнообразить ситуацию, вызвав несколько полицейских машин с сиренами и мигалками.

В телефоне раздался один гудок, второй. А потом все пропало вместе со светом, музыкой в колонках и тихим постоянным гулом воздуха в отопительной вентиляционной системе.

Несколько коротких хриплых вскриков раздались перед бистро, и я услышал, как Томас окликнул меня в тишине:

— Гарри?

— Кабинет безопасности, — сказал я Саре, — где он находится?

— М-м. Он находится в дальнем конце галереи, если идти отсюда.

— Его легко найти?

— Нет, — сказала она, задумавшись, — Ты должен пройти через зал администрации и…

Я размышлял, чуть наклонив голову.

— Ты должна показать мне. Идем. — Я подтолкнул её в направлении выхода из бистро. — Томас? Заметил хоть что-нибудь?

Все жарильщики сбились в кучу, словно под воздействием стадного инстинкта. В воздухе чувствовалось напряжение. Томас подошел ко мне настолько близко, что я мог услышать его дыхание.

— Пока ничего четкого, — сказал он тихо. — Но я видел, как что-то двигалось через стоянку.

Я раздражено фыркнул.

— Вот план. Молли, Сара и я идём в кабинет безопасности и пытаемся вызвать помощь.

— Плохая идея, — возразил Томас. — Нам надо убираться отсюда.

— Мы слишком уязвимы. Они между нами и машинами, — сказал я. — Чем бы они ни были, мы не сможем пересечь парковку так, чтобы никто из нас не пострадал.

— Отлично, — ответил он. — Ты забаррикадируешься здесь, а я пойду. Я достаточно быстр для этого.

— Нет, когда мы уйдём, ты постараешься вызвать полицию по мобильному телефону. Они не будут работать, пока мы с Молли будем поблизости, тем более, когда мы оба нервничаем.

Ему не понравился мой ответ, но возразить было нечего.

— Хорошо, — сказал он недовольно. — Следи

за спиной.

Я благодарно кивнул ему и повысил голос.

— Итак, все внимание! Я не совсем уверен, что знаю, что тут происходит, но я намерен пойти и найти кого-то из охранников. Я хочу, чтобы все оставались здесь до тех пор, пока я не вернусь и пока мы все не будем в безопасности.

Раздалось несколько протестующих возгласов, которые быстро затихли, натолкнувшись на взгляд Томаса. В его взгляде не было ни злобы, ни угрозы. Это был просто пристальный взгляд, однако в помещении сразу наступила тишина.

Я возглавил наш миниотряд с Сарай на буксире. Когда мы выходили из кафе, раздался убийственно громкий звук, и чья-то машина проломила стеклянную стену на высоте около восьми футов над землёй. От удара искореженная сталь и разбитое стекло разлетелись повсюду, как осколки от шрапнельного снаряда, рикошетя с диким грохотом вокруг нас. Из пролома потянуло холодным, морозным воздухом.

Молли моментально отреагировала на это и бросилась бежать, но Сара застыла, чуть приоткрыв рот, изумленно глядя на летящую машину. Я схватил её за талию и потащил прочь. Я бежал по прямой линии от надвигающегося снаряда,

что не было лучшим решением проблемы, но впереди находился маленький парфюмерный киоск, за которым можно было укрыться, и это был наш единственный шанс.

Я достаточно быстр, плюс нам немного повезло. Я затащил Сару за киоск как раз в тот момент, когда машина ударилась в него. Удар погасил инерцию движения автомобиля почти полностью, и это превратило катастрофу в небольшое происшествие. Только маленькая волна осколков битого стекла осыпала нашу обувь. Сара шаталась и была близка к обмороку. Я подхватил её и продолжил движение в сторону спасительного коридора. Она попыталась закричать, или испуганно завопить, а может быть что-то спросить. Я прикрыл ей рот ладонью и прошипел:

— Тихо!

Я не останавливался до тех пор, пока мы не завернули за угол и машина, сыгравшая роль артиллерийского снаряда, не скрылась из виду. Потом я остановился, привалился спиною к стене и посмотрел на Сару.

Я ничего не сказал. Вместо этого я прижал один палец к губам с максимальной невербальной выразительностью, на которую только был способен. Сара, которую била сильная дрожь,

кивнула мне. Я повернулся к Молли, которая выглядела бледной, но контролировала себя. Она кивнула, что поняла меня, и мы, стараясь не издавать шума, двинулись прочь. Подальше от того, кто прятался в тени парковки и обладал настолько мощной, словно накачанной анаболиками, рукой.

Я закрыл глаза и включил слух. Это на самом деле достаточно легко. Надо просто уметь слушать. Но в данной ситуации было тяжело отрешиться от всего и обращать внимание только на интересующий тебя звук. Однако я был уверен, что слышал шаги, с хрустом перемалывающие разбитое стекло и осколки. Они звучали в направлении от разрушенной двери к галереи. Что-то достаточно быстрое, чтобы сломать человеку шею, не останавливаясь ни на мгновение, и достаточно сильное, чтобы кидать машины через стеклянную стену, только что вошло в галерею позади нас. Я решил, что самая лучшая идея, которая может прийти мне в голову — это побыстрее убраться подальше, пока оно нас не заметило..

Так мы и сделали, продвигаясь вглубь галереи, мимо окружающих нас трех этажей тёмных складов, безлюдных магазинов и закрытых металлическими решетками дверей. Я остановился,

когда мы оставили позади дюжину павильонов в центральной части галереи и были достаточно далеко, чтобы появилась возможность тихо побеседовать.

— Боже мой, — залепетала Сара приглушенным, тихим голосом. — Боже мой. Что происходит? Это террористы?

Я, наверное, придумал бы правдоподобный и содержательный ответ, если бы она не прижималась к моему боку, почти обнаженная от бёдер и выше, теплая, гибкая и дрожащая. Адреналиновая лихорадка, которая ударила в меня, когда внезапно приземлившаяся машина с грохотом едва не врезалась в нас, показалась мне настолько сильной, что я с трудом смог остановить ее. Глядя на взволнованную, растерянную Сару, я вдруг почувствовал внезапное, безумно сильное желание разорвать завязки, держащие ее красный топ и попробовать на вкус аромат ее кожи, ее губ. Она действовала на меня, как теплое саке действует на разгоряченного юнца в жаркий полдень. Я подумал, как бы хорошо было прикоснуться к ней, почувствовать ее. Все эти вещи мелькали в голове, несмотря на то, что для данного момента они меньше всего подходили. «Эх,» — пробурчал я, заставляя себя собраться и

сгоняя либидо с рулевого места в моем мозгу.

— Они… плохие парни какой-то разновидности, точно. Ты ранена?

— Нет, — прошептала Сара.

— Кузнечик? — повернулся я в сторону Молли.

— Я в порядке, — ответила моя ученица.

— Кабинет безопасности, — напомнил я.

Сара смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Но… но я не понимаю поче…

Я плотно прижал ладонь к её губам:

— Сара, — сказал я, глядя ей в глаза так долго, как только мог. — Я бывал прежде в переделках, и я знаю, что делаю. Мне нужно, чтобы ты доверяла мне. Договорились?

Её глаза на секунду еще больше расширились. Она легонько коснулась моей руки, и я освободил ей рот. Сара нервно сглотнула и кивнула.

— Нет времени. Мы должны срочно найти кабинет безопасности.

— Все в порядке, — сказала она. — Нам сюда.

Сара возглавила наш отряд, и мы последовали за ней, пробираясь через похожий на пещеру тусклый, неосвещенный зал. Молли подошла ближе ко мне и заговорила шепотом:

— Даже если мы найдем охранников, то что

они смогу сделать с кем-то, кто такое вытворяет?

— У них есть радио, — прошептал я. — Мобильные телефоны. Они знают все входы и выходы. Если мы не сможем позвать на помощь, они подскажут нам лучший вариант, как вывести отсюда людей в…

Свет начал хаотично мерцать, включаясь и выключаясь без определенного ритма. Сперва на несколько секунд включился свет в отделах на третьем этаже. Потом он погас. А спустя какое-то время вновь включился уже в дальних магазинах на втором этаже. Затем вновь погас. Потом свет на мгновенье появился в одном из дальних коридоров и снова погас. Это было похоже на игру ребёнка с выключателями.

Внезапно система громкой связи издала треск и небольшой визг. Затем выключилась и снова включилась.

— Тестирование, — прозвучал голос в громкоговорителях. — Тестирование. Один, два, три.

Сара застыла на месте и посмотрела на меня, словно ища поддержки. Я подошел к ней, и она, вся дрожа, прижалась ко мне.

— Так, — произнес жуткий голос, напоминаю-

щий голос Линды Блэйр,[10] одержимой демоном, только менее мелодичный. — Я уверена, что теперь меня слышно всем.

Я уже слышал похожий голос раньше.

— Черт возьми! — выдохнул я.

— Это Констанция, — тем временем продолжил жуткий голос. — Констанция Башнелль. Я уверена, вы все помните меня.

Я глянул на Молли, которая в недоумении пожала плечами. Сара выглядела испуганной и смущенной, но, когда заметила мой взгляд, отрицательно покачала головой.

— Возможно, вы скорее вспомните меня, как Друлинду, — продолжила Констанция.

А затем из динамиков раздалась песня «С Днем Рожденья». Правда, на песню это было похоже мало, но фраза «С днем рождения меня» была узнаваема безошибочно.

Глаза Сары удивленно расширились:

— Друлинда?

— Кто такая, черт возьми, Друлинда? — спросил я.

Сара задумчиво склонила голову.

— Одна из наших персонажей в игре. Но игрок,

---

[10] Примечания: 10
Американская киноактриса, снималась в фильме The Exorcist, 1973 г.

игравшая её, исчезла. Убежала из дома или что-то еще случилось, точно не знаю.

— И ты не узнала её настоящего имени?

Сара бросила на меня немного виноватый взгляд.

— Ну-у. Я никогда особо не общалась и не играла с нею… Она не была, как бы тебе сказать… популярной.

— Мда-а, — протянул я. — Расскажи мне все, что ты о ней знаешь.

Она задумалась.

— Приблизительно пять и четыре фута,[11] где-то так… Ты знаешь, не уродина, но и далеко не красавица. Немного склонная к полноте…

— Не это, — вздохнул я. — Расскажи мне что-нибудь действительно важное про неё. Ребята смеялись на ней?

— Некоторые да, — сказала она. — Мне никогда это не нравилось, но…

— Дерьмо. — Я посмотрел на Молли и сказал: — Синдром Кэрри. У нас проблема.

Ужасная, негармоничная песня подошла к концу.

— Вот уже год прошел с тех пор, как я оставила

---

[11] Примечания: 11
164,5 см.

вас, — просипел голос Друлинды. — Уже год, с тех пор как я обнаружила, что вы все — жалкие неудачники, тычущиеся в разные стороны в попытках разглядеть истину. И я решила сделать себе подарок, — наступила жуткая пауза, затем голос продолжил, — вас. Я решила себе подарить всех вас до единого.

— Синдром чего? — спросила Молли, удивленно подняв брови.

Я нетерпеливо дернул плечом.

— Сара, ты знаешь, где находится аппаратная?

— Да, — сказала Сара. — Администрация, сразу за…

— Кабинетом безопасности, — со стоном закончил я.

Голос Друлинды продолжил:

— Все входы или закрыты или находятся под наблюдением. Но вы все равно должны попробовать убежать и выбраться через них. Вы все почувствуете, каково это, когда тебя постоянно терзают и запугивают. Ну, а я с удовольствием посмотрю на вашу реакцию на новую меня.

После этого громкоговорители замолчали, но спустя секунду из них раздалась знаменитая мелодия группы «Платтерс» — «Только ты».

— Молли, — прошипел я, запоздало поняв воз-

никшую опасность. — Выставь завесу, срочно.

Она, глянув на меня, кивнула, чуть нахмурила брови, концентрируясь, и провела рукой на уровне груди. Я почувствовал, как она собрала и выпустила силу, одновременно произнеся слово, и доли секунды волна энергии расцвечивала воздух россыпью алмазов.

За завесой температура воздуха опустилась на несколько градусов, а освещение снаружи стало казаться еще более тусклым, чем было буквально секунду назад. Я мог чувствовать изящный рисунок завесы в воздухе вокруг нас, но насколько я знал это, со стороны нас никак нельзя было обнаружить. При условии, что Молли все сделала правильно. Завесы были одной из самых сильных её сторон, и я поставил наши жизни на то, что она все сделала безукоризненно.

Буквально через пару вздохов раздался топот, и в тени появилось размытое темное пятно, которое резко остановилось в двадцати футах от нас. Я увидел вампира Черной Коллегии.

Друлинда — как я полагал — была одета в темные джинсы, красный вязаный свитер и длинный черный кожаный плащ. Если у неё и был излишний вес при жизни, смерть решила эту проблему за неё. Она вся была какой-то впалой и сморщен-

ной, костлявой и высушенной, как труп годичной давности, которым она, собственно, и являлась. В отличие от более старых вампиров её вида у неё до сих пор осталось большинство волос, правда, немытых и не уложенных. У тех вампиров Черной Коллегии, с которыми я сталкивался, никогда не было такого ужасающего состояния тела и разума. Я предполагал, что видел много мерзости и немногие вещи могут поразить меня, но я ошибался. В отличие от старых вампиров, которых видел я, она — ВОНЯЛА! И я имею в виду не легкое дуновение открытой могилы. Я имею в виду, что она воняла, как разлагающийся труп, на котором всё еще осталось несколько мясистых кусков и который не был похоронен в землю. Это было достаточно едко, чтобы я почувствовал позывы к рвоте. И это после того, как я провел день, выслеживая и уничтожая чертова слизистого голема!

Друлинда, оглядываясь, застыла на мгновенье, пока «Платтерс» заканчивали первый куплет. Она чувствовала что-то, хотя сама не была в этом уверена. Вампирша медленно повернулась по кругу, её высушенные губы двигались в такт с музыкой, звучащей из колонок громкой связи. Когда она закончила полный оборот, из темноты

появились два создания. Они были значительно медленнее, чем Друлинда.

Это были вампиры-новички — настолько свежие, что буквально на секунду я подумал, что это люди. Оба мужчины, оба одеты в коричневые униформы, такие же, как у Раймонда. У обоих на шеях зияли зловещие окровавленные раны на месте яремной вены и сонной артерии. Они двигались неуклюже, делая множество небольших судорожных движений руками и ногами, тяжело борясь за каждый шаг.

— Что случилось? — небрежно спросил один из них. Его голос звучал неровно, но, по крайней мере, вполне по-человечески в отличие от ужасного пародийного голоса Друлинды.

Её рука мелькнула в движении слишком быстром, чтобы я смог его рассмотреть. Новообращенный вампир отреагировал с нечеловеческой скоростью, но недостаточно быстро, и удар сбил его с ног на пол. Выбитые зубы полетели из кривого рта, как монеты из разбитой копилки.

— Ты можешь говорить, — проскрежетала Друлинда, — только когда я тебе разрешу. Заговоришь снова, и я выпотрошу тебя и выброшу посреди озера Мичиган. Ты сможешь провести чертову уйму времени без рук, без ног, без света

и без крови, пока подохнешь.

Вампир, нос которого был смят в бесформенную массу, поднялся на ноги, словно он просто поскользнулся и упал на задницу. Он кивнул, весь его облик выражал покорность и подобострастие.

Сухие губы Друлинды обнажили в улыбке желтые зубы, испачканные запекшейся коричневой кровью. Потом она повернулась и стремительно бросилась вперед, её шаги отстукивали легкую барабанную дробь, когда она скользила по плитке покрывающей пол в коридоре. Она исчезла и через пару секунд возникла в дальнем углу, направляясь в сторону бистро.

— Дерьмо, — прошептал я, когда вампиры исчезли. — Проклятье, проклятье, проклятье.

— Что это было, Гарри? — так же шепотом спросила Молли.

— Вампиры Черной Коллегии, — ответил я, стараясь не вдыхать чересчур глубоко. Зловоние стало слабее, но не исчезло. — Одно из наиболее быстрых, сильных и трудных для уничтожения существ.

— Вампиры? — прошептала Сара скептически. Она выглядела не очень хорошо. Её лицо стало зеленым. — Нет, это все, нет, нет, нет… — Она

была близка к истерике.

Я задумался. Вступать в столкновение при минимальном перевесе сил было безумием. Меня начинало трясти от этой мысли, но я старался держать себя в руках. Молли было легче, чем мне, она была сконцентрирована на поддержании завесы вокруг нас. Я тихонько тронул ее за руку, привлекая внимание.

— Хорошо, Молли, — сказал я тихо. — Слушай меня.

Она кивнула, рассеяно глядя на меня.

— Вампиры Черной Коллегии, — сказал я ей. — Все один в один по книге Стокера. Их слабости — солнечный свет, чеснок, святая вода, символы веры. Запомнила?

Она кивнула.

— Да.

— Большинство из сильных сторон тоже соответствует описанию. Сила, скорость. Не смотри им в глаза. — Я сглотнул и добавил, — Не позволяй им забрать твою жизнь.

Глаза моей ученицы расширились от невысказанных опасений и скрытого страха.

— Я поняла. Что вы хотите, чтобы я сделала?

— Сохраняй поднятой завесу. Держи Сару рядом. Найди укромное местечко и скройся там. Все

должно разрешиться за полчаса, может меньше. Таким или иным образом я устрою грохот, привлекающий людское внимание.

— Но я могу…

— Дать мне умереть, пытаясь прикрыть тебя, — сказал я жестко. — Ты не играешь в этой лиге, кузнечик. Пока. Мне необходимо двигаться быстро. И у меня там друг. Я не буду один.

Молли пристально посмотрела на меня, её глаза блестели от еле сдерживаемых слез. Потом она кивнула один раз и спросила:

— Есть хоть что-нибудь, что я могу сделать?

Я внимательно посмотрел на неё, потом показал на её ботинки «Birkenstocks»:

— Ага. Дай мне свою обувь.

Молли не зря была моей ученицей. Периодическое попадание в сверхъестественные непредвиденные ситуации на протяжении последних полутора лет закалили ее. Она даже не моргнула, не говоря уже о том, чтобы задавать вопросы. Она просто сняла обувь и вручила её мне.

Я положил руку ей на плечо в знак понимания и поддержки. Затем, повернувшись к Саре, нежно прикоснулся ладонью к её лицу. Девушка с усилием сфокусировала на мне взгляд.

— Я не понимаю, что происходит, — прошеп-

тала она.

— Оставайся с Молли, — сказал я Саре. — Она позаботится о тебе. Делай всё, что она скажет. Все поняла? — Я посмотрел вниз на её дорогие черные туфли. — «Гуччи»?

— «Прада», — ответила она напуганным до смерти голосом.

Будучи весь такой мужественный, я ни хрена не знал об обуви, но надеюсь, это не разрушит мою легенду как загадочного парня Томаса.

— Дай их мне.

— Хорошо, — сказала она, снимая туфли, слишком шокированная, чтобы злиться.

Томас был полностью прав насчет жарильщиков. Знание о существовании сверхъестественного далось Саре действительно тяжело.

Я сдержал волну ярости и молча вышел из-под защиты завесы — сжимая в одной руке револьвер, а в другой обувь. Сорок четвертый калибр не был вещью, которая могла бы мне помочь с вампирами Черной Коллегии, но он давал мне ощущение уверенности.

Я двигался по отключенному эскалатору на второй этаж, в сторону обувного центра «Туфлегазм» так быстро, как только мог, чтобы не привлекать излишнего внимания. Благодаря правильной

торговой политике и удачному слиянию, этот некогда крохотный магазинчик процветал и сейчас занимал большое, просторное помещение. Магазин был ориентированный на модную одежду и обувь знаменитых марок. Сквозь стальные решетки безопасности виднелись манекены, одетые в одежду с логотипами, одно название которых могло ввести в священный экстаз любого поклонника моды.

— Меня точно недооценивают, — пробормотал я. Потом повысил голос, вложив в него немного магической силы, и позвал:

— Киф! Эй, Киф![12] Это Гарри Дрезден!

Я подождал около минуты, вглядываясь сквозь решетку, но не смог ничего различить в тусклых тенях магазина. Достав серебряный амулет моей матери, висящий на цепочке у меня на шее, и шепотом направив в него силу, я поднял его над головой. Мягкое голубоватое сияние возникло вокруг пентаграммы, хотя я и старался держать его на минимуме. Если Друлинда или её дружки-вампиры хоть краем глаза глянут в мою сторону, я буду выглядеть как последний идиот, размахивая одиноким огоньком в абсолютно темном

---

[12] Примечания: 12
Что означает Конопля.

торговом зале.

— Киф! — позвал я снова.

Кобб[13] появился из дорогой дамской сумочки, висевшей на руке женского манекена, обутого в пару шестисотдолларовых итальянских сапог. Он был очень маленьким, даже крошечным. Ростом около десяти дюймов,[14] похожий на Альберта Эйнштейна, с большой лохматой шевелюрой тонких белых волос. Его одежда смутно напоминала моду девятнадцатого века городской Европы — черные брюки, туфли с пряжками, белая рубашка и подтяжки. Пояс украшал толстый кожаный ремень с множеством крошечных инструментов. Общий вид заканчивала пара странного вида защитных очков, поднятых на лоб.

Киф спрыгнул с манекена и торопливо пересек холл, направляясь к решетке безопасности. Кобб надел пару перчаток, снял несколько ремешков со своего рабочего ремня и начал подниматься вверх по металлической решетке проворно, словно белка. Он использовал карабины, передвигаясь очень аккуратно, чтобы не коснуться металла обнаженной кожей. Киф был фейри,

---

[13] Примечания: 13
Cobb от слова «cobbler» — сапожник, починяющий обувь.

[14] Примечания: 14
Примерно 25 см.

одним из Маленького Народца, который живет в тени тайных мест нашего мира, и прикосновение металла болезненно для него.

— Чародей Дрезден, — поприветствовал он меня с немецким акцентом, когда поднялся на один уровень с моей головой. Голоса коббов звучат очень низко, несмотря на то, что они такие крошечные. — Магазин ночью этой опасность несет для прогулок. Здесь тебе быть не надо.

— Я знаю это, — ответил я. — Но есть люди, которые попали в беду.

— Ах да, — сказал Киф. — Смертные, которых ты поклялся защищать. Неблагоразумная битва эта.

— Мне нужна твоя помощь, — произнес я.

Киф посмотрел на меня и наклонил голову.

— Живые мертвецы опасны очень. Моих людей крови это может стоить. Я рисковать так не буду.

— Ты должен мне, Киф. — прорычал я.

— Наше существование. Не наши жизни.

— Как скажешь, — ответил я, отламывая каблук у одной из Сариных туфель. При этом я не отрывал взгляда от маленького кобба.

— Ach! — закричал Киф в ужасе, его маленькие ручки соскользнули с металлической решетки. — Nein!

Ему вторил хор похожих возгласов и криков,

доносящихся из глубины магазина.

Я поднял вторую туфлю и повторил движение.

Киф, протестуя, завопил. Все тридцать маленьких коббов, мужчин и женщин, до этого скрывающихся в тени, собрались у решетки безопасности. У всех коббов были вьющиеся белые волосы, все они были одеты как участники «Октоберфеста»,[15] и все они были шокированы.

— Nein! — завопил Киф снова. — Это же итальянская кожа! Ручная работа! Что ты творишь?

Я сделал шаг влево и поднял испорченные туфли над мусорной корзиной.

Коббы дружно завопили и застыли на месте.

— Этого не делай, — попросил меня Киф. — Не потеряны они. Восстановлены они быть могут, как новые можем мы их починить. Только не выбрасывай их прочь.

Я не пошевелился.

— Я знаю, как тяжело пришлось вам, ребята, с тех пор, как коббы были вынуждены прекратить сапожную деятельность и вышли из бизнеса, — сказал я. — Я достал разрешение для тебя и твоего клана. Вы можете работать здесь, чинить обувь, а в обмен получать все, что вам необходимо, из

---

[15] Примечания: 15
Пивной фестиваль.

торговых автоматов. Правильно?

— Правильно, — согласился Киф, не отрывая глаз от испорченной обуви в моей руке. — Чародей, в корзину кидать нет нужды их, тебя. Если выброшены они будут, мусором они станут, и коснуться их мы не сможем. Потеряны навсегда тогда они будут. Давай сделаем так, чтобы не испытали мы такого огорчения.

Остальные коббы одобрительно зашептали.

Достаточно кнута. Время показать им пряник. Я поднял вверх старые поношенные мартинсы от «Birkenstocks». Это зрелище заставило некоторых почтенных матрон коббов зацокать языками от неодобрительного осуждения.

— Я помог вам заключить хорошую сделку здесь, в «Туфлегазме», — сказал я. — Но насколько я вижу, у вас перенаселенье. Я могу предложить вам еще одно хорошее место для начала. Семья. Родители и семеро детей, и все они активно носят обувь.

Коббы забормотали, пытаясь скрыть охватившее их волнение.

Киф деликатно покашлял и сказал, тревожно глядя на сломанные туфли в моей руке:

— И обувь?

— Я не буду их выбрасывать, — согласился я. —

Если вы поможете мне.

Киф чуть прищурил глаза и рассерженно посмотрел на меня.

— Рабы твои мы, — сухо и резко сказал он. — Шантажированы и подкуплены.

— Ты знаешь, за что я борюсь, — ответил я. — Я защищаю смертных. Я никогда не пытался скрыть это и никогда не лгал тебе. Я сделаю все, что нужно для этого, и ты знаешь мою репутацию. Я заключал сделки с Маленьким Народцем, и я всегда благодарил вас за помощь. Мне нужна ваша помощь, Киф.

Лидер коббов внимательно выслушал меня. Никому не нравится, когда его принуждают, даже тем из Маленького Народца, кто зарабатывает на жизнь ремонтом обуви, но у меня не было времени на дипломатию.

Расстроенный взгляд Кифа не отрывался от обуви, которая повисла над мусорной урной, но он ничего не отвечал. Остальные коббы молчали, терпеливо ожидая, что скажет Киф.

— В знак добрых намерений, Киф, — тихо сказал я и аккуратно поставил сломанные туфли на пол перед решеткой. — Я доверю тебе и твоим людям отремонтировать и возвратить их. И я заплачу за это пиццей.

Коббы глубоко вздохнули, уставившись на меня так, словно я вручил им карту, ведущую к Эльдорадо. Я услышал, как один из молодых коббов воскликнул:

— Пицца, ух ты!

— Ничто не вечно под луной, даже пицца, — сказал Киф строго. — Вечна лишь обувь и изделия из кожи!

— Обувь и изделия из кожи! — повторили остальные крошечные коббы торжественными голосами.

— Немного смертных оказывает уважение Маленькому Народцу ныне, — сказал Киф тихо. — Или доверие. Правда есть, что под крышей этой нас слишком много. И по отношению к чародею должны мы перед ним. — Он осмотрел туфли профессиональным взглядом и кивнул один раз. — В согласии с твоими условиями и в согласии с нашими условиями, наше согласие дано. Тебе сказать нам надо, что хочешь ты от нас.

— Разведка, — сказал я, чувствуя огромное облегчение. — Я знаю, что вампиры Черной Коллегии в галерее. Мне нужно точно знать, сколько их, и где именно они находятся.

— Сделано это будет, — торжественно объявил Киф. — Коббы!

Потом было легкое дуновение ветра, и я внезапно остался один. Ах да, обе Сарины дорогие туфли и тяжелые ботинки Молли исчезли. Последние прямо из моей руки и так гладко, что я даже не заметил, когда они были взяты. Я проверил (просто на всякий случай), но моя собственная обувь осталась в безопасности, на моих ногах, что было облегчением. Вы ни в чем не можете быть уверены с коббами. В том, что затрагивает их интересы, маленькие фейри временами могут быть ужасно зацикленными. Неразбериха с этим может быть гораздо более опасной, чем большинство из нас может себе это представить. Несмотря на разделявшую нас с коббами металлическую решетку, я играл с огнем, когда держал «Прада» над мусорной корзиной.

Другой вещью, которую большинство народа не осознаёт, это то, сколь много Маленький Народец может узнать, и как быстро он это может сделать. Особенно если это происходит на их территории. Для того чтобы все разузнать и вернуться обратно, Кифу и его людям понадобилось всего тридцать секунд.

— Четыре, их здесь, — сообщил Киф. — Три слабых, которые раньше в этом здании охранниками были. Один сильный, который сделал

их нежитью.

— Четыре, — вздохнул я. — Где именно?

— Один поблизости группы машин, ждет и наблюдает, — сказал Киф. — Один снаружи бистро, где смертные укрылись, он тоже наблюдает. Еще один внутри позади своей хозяйки стоит.

Я внезапно почувствовал тяжелый холодный ком в желудке.

— Кто-нибудь пострадал?

Киф покачал головой.

— Насмешки над ними делает она. Пугает она их. — Он пожал плечами. — Это не то, что вид ее предпочитает.

— Нет. Она тут для мести, а не для пропитания. — Я задумался. — Мне надо, чтобы вы кое-что достали. Сможете?

Я сказал ему, что мне необходимо, и Киф немного обиженно посмотрел на меня.

— Конечно, сможем.

— Хорошо. Теперь, насчет того, который снаружи, — сказал я. — Можешь показать мне путь, по которому я смогу подобраться к нему так, чтобы он меня не заметил?

Глаза Кифа засверкали такой скрытой решимостью, которую никак не ожидаешь от существа с его размерами и внешностью.

— В путь, чародей.

Я практически бежал, но у крошечного кобба не возникало проблем с тем, чтобы оставаться впереди меня.

Он привел меня к запертой двери для служебного входа, для которой был необходим ключ, но она внезапно рывком распахнулась. Дюжина молодых коббов свисали на засове с внутренней стороны двери и что-то весело кричали. Мой амулет давал немного света, и Киф повёл меня вниз по ступенькам через длинный темный туннель.

— Доступ к канализации и водопроводной системе этот проход даёт, — прокричал он мне, когда мы остановились у подножья лестницы, ведущей вверх. Маленький бумажный сверток лежал на полу рядом с первой ступенькой.

— Твоё оружие, — сказал он, показывая на свёрток. Затем указал на лестницу, ведущую вверх. — Позади вампира этот выход открывается.

Я раскрыл сверток и обнаружил два пластиковых цилиндра. Я не хотел шелестеть бумагой, поэтому положил один из них в карман куртки и полез вверх по лестнице, держа другой в руке. Крышка люка была сделана из какого-то тяжелого пластика, что было гораздо удобнее дерева или

стали. Она открылась без единого звука. Я высунул голову и внимательно оглядел парковку.

Фонари не горели, но было достаточно снега на земле, чтобы отражать свет вверх, создавая на улице странную, ограниченную, замкнутую тишину. Вампир стоял у группы машин, припаркованных на стоянке у галереи, как назло, прямо возле «Голубого Жучка». Его тень была чуть плотнее, чем обычное черное очертание, и, несмотря на то, что фигура была человеческая, существо стояло с нечеловеческой неподвижностью. Даже другие неживые предметы на парковочных местах казались более подвижными, чем оно. Снег покрывал его голову и плечи так же, как крыши и капоты припаркованных машин. Оно стояло, сосредоточенно наблюдая за темной галереей, где снег вихрями врывался в зияющую дыру, оставшуюся от протаранившей стену машины, и подкарауливало любого, кто попытается покинуть здание этим путем.

Новорожденный вампир и близко не так опасен, как более старый, но это примерно то же, что сказать, будто тягач «Макс Трэк»[16] и близко не так опасен, как боевой танк. Если тебе не

[16] Примечания: 16

«Mack Trucks, Inc.» — компания по производству большегрузных грузовых автомобилей.

повезет, и ты окажешься парнем, стоящим на дороге между ними, для тебя не будет разницы, кто из них сделает из тебя фарш. Если бы у меня с собою были посох и жезл, то я имел бы шансы в прямом столкновении. Но они остались дома, да и моя магия создает слишком много шума и предупредит вампиров о нападении.

Вампиры — это суровые создания. Они созданы для того, чтобы убивать. А мне нужно устранить одного из них внезапно и максимально жестко, не поднимая при этом шума. Если я вступлю в открытый поединок, у меня не будет ни малейшего шанса.

Поэтому я использую информацию, полученную от коббов, чтобы ударить исподтишка.

Я начал собирать и фокусировать силу. Магия, с которой я родился и которую закалял на протяжении всех жизненных трудностей, вливалась в меня, заставляя мои руки покрываться гусиной кожей. Я почувствовал странное давление на затылок и на лоб. Когда энергия во мне начала бурлить и разрывать меня изнутри, я стал направлять её, концентрируя свою волю и мысли на желаемом результате.

Заклинание, которое я создавал, не было одним из моих любимых. Оно заняло у меня более

двадцати секунд. По сравнению с быстрой и эффективной боевой магией это заклинание было прямым путем к могиле.

Зато для вероломного, предательского удара в спину оно было идеальным вариантом.

В последнюю секунду вампир, кажется, что-то почувствовал. Он начал поворачивать голову в мою сторону.

Я выпустил свою силу, нанося удар, и прорычал:

— Gravitus!

Магия ударила в землю возле его ног, и устойчивая, неторопливая, непоколебимая сила земли внезапно взбаламутилась, возрастая в том месте, где стоял вампир. Откровенно говоря, я не увеличил силу земли. Я её только немного сконцентрировал. В кругу диаметром пятьдесят ярдов буквально на долю секунды гравитация исчезла. Машины волной приподнялись на амортизаторах и снова приземлились. Поднявшись на несколько дюймов в воздух, тонкий слой снега теперь снова медленно оседал на землю. На ту же долю секунды вся гравитация со всей этой площади сконцентрировалась в круге, может быть, восемнадцать дюймов в диаметре, прямо под ногами вампира.

Не было ни взрыва, ни вспышки света, ни крика. Вампир просто повалился на землю, расплылся по ней, как блин, так же внезапно и сильно, как если бы я уронил на него наковальню. Раздался пульсирующий, щелкающий звук от сотен костей, ломающихся одновременно, и брызги темной жидкости покрыли все машины поблизости от вампира. И, конечно, основная часть этой гадости осела на «Голубом Жучке»! Ну что за закон подлости!

Отдача от накопления и применения такого количества энергии заставила меня тяжело опуститься на землю. Я никогда не любил магию земли. Она никогда не была моей сильной стороной — слишком медленная, слишком трудоемкая. Я всегда считал, что она не заслуживает того, чтобы тратить на нее усилия. Но пока я с трудом поднимался с земли, я сам себе признался, что если есть достаточно времени для её применения, то она чертовски впечатляюща.

Я обошел машину, наблюдая за входом в галерею, но оттуда не раздалось внезапных криков ярости и Друлинда или другие вампиры не выскочили внезапно, как чертики из табакерки.

Вампир был все еще жив. Не-жив. Какая разница. Это существо все еще пыталось двигаться.

Это была, по большей части, просто масса мягкой плоти. Благодаря холоду она еще не начала гнить, поэтому не было отвратительного запаха. Один глаз повернулся в смятом, больше похожем на лепешку черепе. Мускулы дернулись, но без связи с прочным скелетом они не были способны ни на что, кроме странного, пульсирующего движения. Оно, наверное, со временем смогло бы собрать себя воедино, если бы у него была кровь и время, но я не собирался давать ему такую возможность. Я поднял над ним пластиковый цилиндр.

— Ничего личного, — сказал я вампиру. Затем посыпал его молотым чесноком из пиццерии, которая находилась во внутреннем дворике галереи.

На самом деле я не могу сказать, что он завизжал. Он умирал, как засоленный моллюск, в тихой, пульсирующей агонии. Мне пришлось несколько секунд побороться с собственным желудком. Абсолютно отвратительная кончина — это то, что ждет любого вампира. Несколько облачков дыма поднялись вверх, и через мгновенье вся масса немертвой плоти снова стала грудой мертвого мяса.

Один готов. Осталось еще трое.

Я направился к галерее, двигаясь так тихо, как только мог. После нескольких лет работы частным детективом и еще большего количества лет, проведенных в борьбе с вампирами, я знал, что такое двигаться тихо. Я подкрался на расстояние тридцати футов от входа и заметил второго вампира до того, как он заметил меня. Он находился на том же месте, на котором его видели коббы Кифа.

Вампир стоял лицом к двери бистро, с жадностью следя за тем, что происходит внутри. Раздавались голоса и, несмотря на то, что я не смог разобрать отдельных слов я отчетливо услышал сухой, скрежещущий голос Друлинды, поющий «Только ты». Звуков боя слышно не было, что было плохо. Томас, несомненно, не позволил бы навредить никому из тех, кто находился внутри. Брат начал бы драку, и этот шум было бы сложно не услышать.

Второй мыслью, пришедшей мне в голову, было то, что это может быть и хороший знак. Если бы они убили его, то этому предшествовала бы огромная свалка. Было бы наивным предполагать, что Томас сдался без боя. Подумав мгновенье, я уверенно забраковал все другие варианты. Я слишком хорошо знал своего брата

— случилось что-то другое.

Мой брат может состязаться палец в палец с вампиром Черной Коллегии, если ему это необходимо, но у всего есть своя цена. Последний раз, когда он сделал это, то почти погиб сам и практически убил женщину, на которой питался, чтобы восстановиться, и которую любил. Сейчас вампиров было двое, и, несмотря на то, что Томас был не самым худшим бойцом Белой Коллегии, он не вступит в драку, пока у него не появятся реальные шансы на победу. Он сделает то, что делает Белая Коллегия — притворится человеком и использует хитрость. Мои инстинкты говорили, что Томас выжидает, выбирая подходящий момент. Черт, он наверняка выжидает, пока я начну представление, чтобы вступить в игру.

Я посмотрел вниз и увидел мой подарок Томасу на день рожденья, который Молли уронила на тротуаре перед дверью. Он лежал нетронутым, завернутый в красную и розовую бумагу, среди разлетевшихся осколков. Я широко улыбнулся.

Спустя примерно двадцать секунд я подкинул подарок над головой. Он пролетел по воздуху и приземлился неподалеку от входа в бистро. Голова вампира, стоявшего на страже, мгновенно повернулась. Он задумчиво склонил голову

набок, уставившись на сверток. Затем медленно повернулся в мою сторону, оскалив зубы.

— Gravitus! — прокричал я, активизируя второе земляное заклятие.

И вновь все подпрыгнуло вверх, но на этот раз это было совсем не тихо. Круг нулевой гравитации охватил каждый магазин поблизости в галерее, посылая товары и полки, блюда и мебель, кассовые аппараты и манекены и бог знает что еще в небольшой полет, обреченный завершиться ударом о пол. Оглушающий грохот от падений разнесся по всему помещению галереи.

И снова круг супергравитации расплющил вампира в коричневой униформе о пол, вот только я забыл об этажи над нами. Раздался визг раздираемого металла, и водопад обломков полетел от ближайшей колонны. Перекрытия вздрогнули от сильного удара. И все это обрушилось сверху на вампира.

За этим последовала секунда ошеломленного молчания, было слышно только падение вещей с прилавков и витрин. Повреждения в перекрытиях задели какие-то коммуникации, равномерный поток воды вперемешку с падающими предметами потек сверху на образовавшийся холмик из обломков.

Потом практически одновременно произошли два события.

Первое — мой брат вступил в действие. Передняя стенка бистро буквально взорвалась и вылетела наружу. Я увидел тело в форме охранника, пролетающее через зал к противоположной стене. Практически не теряя высоты, его буквально вмяло с ужасающей силой в металлическую решетку безопасности.

Второе — Друлинда издала жуткий вопль ярости. Это был кошмарный звук, отвратительный и скрипучий нечеловеческий голос, какой-то тонкий и в тоже время грубый. Потом раздался грохот в бистро. Парни и девушки начали кричать.

Теперь нельзя было терять ни секунды. Я побежал к вампиру, которого мой брат вышвырнул из бистро. Он отрикошетил от решетки и лежал на полу, пытаясь подняться. Я надеялся, что на то, чтобы отойти от удара, у него уйдет какое-то время, и я успею подобраться достаточно близко и сделать своё черное дело.

Не получилось.

Вампир поднялся на ноги, прежде чем я преодолел половину пути к нему. Его плечо было перекошено и смято от удара, одна рука болталась, как тряпичная. Этот инвалид повернулся

ко мне безо всяких признаков дискомфорта из-за своего состояния. Он закричал полным бешенства голосом, слегка напоминающим человеческий, и бросился на меня.

Я отреагировал практически инстинктивно, подняв правую руку, и направив в вампира волю с призывом.

— Fuego!

Пламя вырвалось из моей ладони разъярённым торнадо. Бурлящий, фонтанирующий поток огня пронесся над покрытым плиткой полом огромным, расширяющимся конусом. Огненные брызги капали на пол и на металлические решетки. Пламя волной накатилось на вампира, устроив ему болезненное, внезапное самосожжение.

Но без боевого жезла, который помогает мне направлять удар, струя огня приняла форму широкого потока. Жар распределился по всей окружающей территории, вместо того, чтобы собраться тонким, разрушающим лучом. Несмотря на то, что униформа охранника на вампире вспыхнула, как бумага, он не обратил на это внимания. Хотя я был уверен, что ему было чертовки больно. Такое бы заставило более старого, высушенного вампира вспыхнуть, как факел, но

новичок был всё ещё слишком… сочный. Пламя не превратило его в уголек. Честно говоря, это только рассердило его.

Вампир испустил пронзительный вопль, полный боли и ярости, и в длинном прыжке протянул ко мне горящую руку. Должно быть, огонь его дезориентировал, потому что я успел немного уклониться от удара. Он не попал мне в голову или шею, а вместо этого врезался в моё левое плечо с силой летящего локомотива.

Боль парализовала меня, и я выронил баночку с чесноком. Сила удара развернула меня и швырнула на пол. Вампир, все еще объятый пламенем, склонился надо мною, оскалив пока ещё не клыки, а простые белые зубы, которые, тем не менее, вполне были способны разорвать мне горло.

— Гарри! — пронзительно закричал Томас. Раздался резкий звук, и огромная сила отшвырнула вампира от меня. Я успел подняться на ноги, чтобы увидеть, как брат, упираясь плечом вампиру в грудь, прижал нежить спиной к бетонной стене между двумя креслами. Затем Томас резким движением вогнал заостренный конец отломанной от кресла деревянной ножки прямо в грудь вампира, на пару дюймов ниже желтого металлического жетона службы безопасности.

Черная кровь пульсирующими толчками выплеснулась из приоткрытого рта нежити. Вампир потянулся к ножке кресла оставшейся рукой. Томас решил эту проблему самым радикальным из всех вообразимых способом. Его лицо исказилось от ярости. Мой брат не обращая внимания на горящую ткань, схватил вампира за руку и, уперев ее в свое бедро, вырвал из плечевого сустава.

Буквально на секунду хлынула кровь, но без биения сердца очень скоро поток превратился в струйку, а затем, как при неисправном водопроводе, кровь начала сочиться не спеша, буквально по капле. Смертельно раненое тело вампира дернулось и умерло. Деревянный кол, пронзивший его сердце, прекратил существование нежити.

Холодное присутствие вампира Черной Коллегии прошлось по моим чувствам чародея, словно наждачная бумага и я почувствовал приближение Друлинды, до того как увидел её.

— Томас!

Мой брат повернул голову так быстро, что я не уловил движения — только легкий ветерок. Я еще никогда не видел у него такой скорости. Он уже изменился. Его кожа приобрела жемчужный оттенок, глаза сделались холодного белого цвета. Во всем его облике преобладала его демоническая

сущность. Но Друлинда, несмотря на то, что была новичком в этом деле, была старшим вампиром — созданием с ужасающими возможностями и силой. Томас и раньше дрался с вампирами Черной Коллегии, но никогда со старшим.

С самого первого момента он был вынужден защищаться. Несмотря на то, что во второй своей сущности мой брат был немыслимо сильный и быстрый, для равной борьбы со старшим вампиром Черной Коллегии он был недостаточно сильным и быстрым. Я полусидел на полу, все еще оглушенный от боли в левой половине тела, и пытался придумать, что делать дальше.

— Убирайтесь оттуда! — закричал я в проем бистро. — Убираётесь оттуда, люди! Вон оттуда, черт вас побери!

Пока я кричал, Друлинда бросила моего брата спиной на металлическую решетку с такой силой, что его бледно-красная кровь веером окропила пол вокруг.

Люди начали выбегать из бистро, направляясь на парковку.

Друлинда посмотрела через плечо и издала еще один шипящий яростный вопль. Томас воспользовался этим моментом, чтобы подняться на ноги. Он схватил вампиршу за руку и припечатал

ее о стену так, что по бетону пошли трещины. Используя отдачу от удара, он поднял её вверх, крутанул вокруг себе и с силой направил тело вниз, буквально вминая его в пол, потом снова вверх. Несколько ударов пришлось на решетку безопасности, разрывая ячейки и заставляя сгибаться железные прутья.

Я услышал крик и, оглянувшись, увидел, что Эннуи упала в своем облегающем платье, пытаясь убежать из бистро на своих неимоверно высоких каблуках.

Страшно изломанная рука вытянулась из-под груды обломков и вцепилась в ее ногу.

Я бросился к девушке, пока мой брат отвлекал Друлинду. Моя левая рука меня еще не слушалась, и мне пришлось изогнуться, чтобы достать вторую баночку правой рукой из левого кармана куртки. Сорвав зубами крышку, я обильно посыпал чесноком на протянутую вампирскую руку.

Она задымилась и судорожно сжалась. Эннуи завизжала, когда сильная хватка сломала ей лодыжку. Я на мгновенье замер от разочарования и начал топтать вампирскую руку. Сверхъестественная сила, конечно, много значит, но без костей рука — это просто груда мяса, которой невозможно что-либо удержать.

Мне потребовалось приложить массу усилий, чтобы освободить девушку. Я попытался поднять её на ноги, но её вес пришелся на сломанную лодыжку, и она тут же повалилась вниз, задев при этом моё раненное плечо. Все, что я смог сделать, чтобы не упасть, — это припасть на одно колено и упереться здоровой рукою в пол. В этот момент мой брат пролетел в воздухе у меня над головой и, выбив последнее остававшееся целым стеклянное окно у входа в галерею, вылетел на парковку.

Я скорее почувствовал, чем увидел, что Друлинда приближается ко мне сзади. Вампирша сухо рассмеялась:

— Я подумала, что этот бледненький, смазливый мальчик хочет меня утешить. Глупая я.

Я зажал в руке баночку с чесноком и резко поворачиваясь, швырнул её содержимое по широкой дуге в Друлинду. Вампирша едва уловимым рывком метнулась в сторону, с легкостью уклоняясь от чеснока. Она выглядела потрепанной и была вся покрыта пылью. Однако её мертвая плоть твердостью не уступала дереву, и поэтому удары о стену не принесли ей особых повреждений. И хотя ее одежда была изорвана и превращена в лохмотья, она все еще оставалась такой же опас-

ной, такой же смертоносной, как и перед боем.

Я выронил баночку и достал мой амулет-пентаграмму, поднимая его как талисман перед собою.

Старое доброе распятие прекрасно работало против Черной Коллегии, но это относилось не только к христианству. Они не столько боялись святых символов, сколько веры людей, держащих их. Я видел вампиров, убегающих от скрещенных в виде распятий палок, лент бумаги с начертанными на них святыми символами синтоизма, а однажды даже от звезды Давида.

Что касается меня, я использовал пентаграмму, потому что это было то, во что я верю. Пятиконечная звезда для меня символизировала пять элементов — земля, вода, огонь, воздух и духовное начало, заключенные в твердый круг воли смертного. Я верил в то, что магия — это сила, предназначенная для того, чтобы созидать, защищать и служить. Я верил в то, что магия — это дар, который должен быть использован ответственно и мудро. И особенно это касалось использования её против таких существ, как Друлинда, — образно говоря, воплощенное зло, — чтобы защитить тех, кто не способен этого сделать сам. Я так думал, и я прожил всю свою жизнь в согласии с этим.

Я верил в это.

Бледный голубой свет полился из пентаграммы. Друлинда остановилась, тихо зашипев от бешенства.

— Ты! — просипела она, всматриваясь в мое лицо. — Я слышала о тебе. Чародей Дрезден.

Я медленно кивнул. Позади нее разгорался пожар от моего предыдущего заклинания. Сил больше не было, и я не сомневался, что Друлинда дала приказ своим лакеям-охранникам отключить сигнализацию. Поэтому огню не потребуется много времени, чтобы охватить все здание, раз уж он запустил в него свои зубы. Нам нужно было убираться отсюда.

— Выбирайся отсюда, — сказал я Эннуи сквозь зубы.

Она всхлипнула и поползла к выходу, пока я с помощью талисмана удерживал Друлинду на расстоянии. Около секунды вампирша изучающе смотрела на меня. В её мертвых молочно-белых глазах сверкал отраженный свет огня. Потом она улыбнулась и двинулась.

Она все-таки была чертовски быстрой. Я попытался повернуться, чтобы держать её в поле зрения. Но пока я это делал, Друлинда схватила Эннуи за волосы и вытащила прочь из спаситель-

ного круга света, который создавал амулет.

Она с легкостью приподняла дергающуюся девушку, так чтобы я смог видеть её лицо, покрытое полосками от слез и растекшейся туши.

— Чародей, — прокаркала Друлинда. Эннуи порезалась, когда разбилось окно, а может, упала на какие-то осколки, и кровь понемногу стекала по её зачесанным волосам вниз к уху и дальше бежала тонкой струйкой по её шее. Вампирша наклонилась, вытянула похожий на кусок вяленой говядины длинный язык и слизнула кровь с девичьей шеи.

— Чародей, — повторила она, — ты сможешь спрятаться за своим светом. Но ты не сможешь спасти её.

Я пошевелил зубами, словно что-то пережевывая, и ничего не ответил.

— Но твоя смерть принесет мне пользу, придаст мне веса по сравнению с остальными из моего рода. Прославленный и внушающий страх Чародей Дрезден! — Она обнажила в усмешке пожелтевшие зубы. — Поэтому я предлагаю тебе сделку. Брось амулет. Я дам ей уйти. Даю тебе моё слово. — Она еще немного наклонилась и чуть прикусила девушке шею. — Иначе… ну что ж. Все мои слуги погибли. Мне нужно сделать новых.

Её слова заставили меня вздрогнуть. Умереть — это одно. А умереть и превратиться в одно из этих…

Я погасил амулет и, поколебавшись около секунды, бросил его на землю.

Друлинда низко, кровожадно зарычала и отшвырнула Эннуи, как пустой фантик от конфеты. Потом она подошла ко мне, скрипуче хихикая и, боже мой, толкнула меня вниз.

— Я могу чуять твой страх, чародей, — проскрежетала она. — Я думаю, что получу наслаждение от того, что сделаю с тобой.

Она медленно наклонилась надо мною, обнажая зубы, её лицо было всего в считанных дюймах от моих глаз.

Это был как раз тот момент, которого я дожидался.

Я поднял голову вверх и выплюнул полный рот молотого чеснока прямо в её покрытые катарактой глаза.

Друлинда взвыла, пытаясь в отчаянном броске отскочить и с воем расцарапывая вспыхнувшими пальцами поврежденные глаза. Ослепшая от боли, она билась в дикой агонии, круша всё, до чего могла дотянуться, разрывая в клочья металлические ограды, выбивая дыры в бетонных стенах.

— Несколько слов для протокола, — прорычал я, мой язык и гортань горели от остатков чеснока. Я успел набить им рот, пока она подкрадывалась ко мне. — Во-первых, я никогда не поступаю шаблонно, встретив такое никчемное создание, как ты.

Друлинда еще громче завыла и бросилась ко мне, но налетела на какие-то обломки и растянулась на полу, бешено колотя всеми четырьмя конечностями, как какое-то неуклюжее и отвратительное насекомое.

Я проверил, как дела у остальных. Эннуи уже выбралась наружу, Томас начал шевелиться — падающий снег привел его в чувство. Я повернулся к ослепленной, сходящей с ума от боли нежити. Мы остались наедине в этом крыле галереи.

— Во-вторых, — сказал я. — Никогда не трогай моего брата в его чертов День Рожденья.

Я напряг свою волю, поднял руку и прокричал:

— Fuego!

Пламя заревело, жадно охватывая вампиршу.

Какая к черту разница. Здание всё равно сгорит.

— Тупые злодеи-любители, — невнятно пробормотал я, сердито смотря на свою покрытую кровавыми брызгами машину.

Томас с гримасой боли на лице поднялся на ноги, придерживая голову одной рукой.

— Ты в порядке?

Я немного пошевелил левой рукой.

— Чувствительность возвращается. Я позже заеду к Баттерсу, чтобы он осмотрел меня. Спасибо, что одолжил Молли свою машину.

— Это меньшее, что я мог сделать. Дать ей отвезти Сару и Эннуи в госпиталь. — Он покосился на дым, поднимающийся над галереей. — Думаешь, сгорит целиком?

— Вряд ли, — сказал я. — Возможно, это крыло. Пожарные доберутся сюда, прежде чем все слишком разгорится. С Кифом и его народцем все должно быть в порядке.

Мой брат проворчал:

— Как они собираются объяснить это?

— Кто знает, — пожал я плечами. — Метеорит, может быть. Пробил крышу, смял в лепешку несколько охранников, поджег здание.

— Голосую за террористов, — сказал Томас. — Террористы — вот действительно популярная тема сегодня. — Он покачал головой. — Но я имел в виду жарильщиков, а не копов.

— А, — протянул я, — наверняка, они никому не скажут, что они сегодня видели. Побоятся, что

люди подумают, будто они чокнутые.

— А они подумаю, — согласился со мною Томас.

— Да, они подумают, — повторил я. — Наступит завтра, и это будет выглядеть практически нереальными событиями. А спустя несколько месяцев они удивятся, если сказать им, что это были не галлюцинации, вызванные, скажем протечкой газа или чем-то в этом духе, а реальные события. Дай им несколько лет, и воспоминания о том, как Друлинда и несколько криминально выглядевших типов явились, чтобы показать им, где раки зимуют, будут выглядеть совершенно невинно. Кто-то швырнул машину в галерею? Может быть, это были сумасшедшие, одетые в костюмы и переигравшие в ЖАРИ. — Я покачал головой. — Это в человеческой натуре — постараться объяснить все наиболее простым и понятным способом. Тогда не так страшно жить. Я не думаю, что им в будущем угрожает опасность. Не больше, чем всем остальным.

— Это хорошо, — пробормотал Томас. — Наверное.

— Конечно, так и есть. — Вдалеке раздался и стал приближаться звук сирены. Я усмехнулся и предложил: — Давай лучше убираться отсюда.

— Поддерживаю.

Мы забрались в «Жучок». Я завел его, и мы поехали прочь, не включая фары. Нет нужды привлекать внимание.

— С тобой все будет в порядке? — спросил я Томаса.

Он кивнул.

— Это займет у меня несколько дней, чтобы вернуться обратно в норму, но… — он улыбнулся, — все будет в порядке.

— Спасибо за то, что прикрыл меня.

— Мы надрали им их тупые задницы, — поднял Томас кулак.

Я легонько стукнул его в ответ.

— Ты здорово придумал. Подарок на день рожденья как сигнал к атаке.

— Я надеялся, что ты догадаешься, — сказал я и нахмурился. — Дерьмо! Твой подарок!

— Ты забыл захватить его? — возмутился Томас.

— Я был немного занят, — огрызнулся я.

Он помолчал около минуты. Потом спросил:

— Что это было?

— «Рокем-Сокем Роботы», — я улыбнулся.

Он удивленно вытащился на меня.

— Что?

Я пояснил:

— Маленькие пластмассовые роботы, которыми можно драться.

— Я знаю, что это такое, Гарри, — ответил он. — Я пытаюсь понять, зачем ты подарил их мне?

Я поджал губы на минуту. Потом произнес:

— Сразу после смерти папы, меня отдали в сиротский приют. Это было Рождество. По телевизору шла реклама «Рокем-Сокем Роботов». Двое детей игрались с ними, ты помнишь? Два брата. — Я улыбнулся. — Это был год, когда я очень, очень хотел подарить этих дурацких пластиковых роботов моему брату.

— Потому что это значило бы, что ты не один, — тихо вздохнул Томас.

— Да, — сказал я. — И извини, что я забыл их. С днем рожденья тебя.

Он оглянулся на горящую галерею.

— Ну, — сказал мой брат. — Я полагаю, что хорошо, что ты хоть вспомнил об этом.

9.2 Хеорот[17] (2008)

Я сидел в своём офисе, сортируя пришедшие счета, когда позвонил Мак и сказал:

— Мне нужна твоя помощь.

Это было впервые, когда я услышал от него четыре слова подряд.

— О'кей, — сказал я. — Где?

Я иногда не намного красноречивее его.

— Паб «Островной Бездельник», — ответил Мак. — Вриглейвил.

— Уже в пути. — Я положил трубку, встал, взял свой черный кожаный плащ, и произнес, обращаясь к своей собаке, — У нас есть работа. Идем.

Мой пес- Мышь, который был больше, чем большинство европейских машин, резво поднялся с места возле единственной в моём офисе батареи, на котором он лежал. Он встряхнул толстым серым мехом, потряс лохматой, почти львиной

---

[17] Примечания: 17

Хеорот — из сказания о Беовульфе, палата, которую приказал постоить король Хротгар, для того чтобы ему было где пировать со своими войнами, и роскошней которой не должно было быть ни у одного короля, и украшеная оленьими рогами. Получила та палата название Хеорот, что значит — "Оленья палата". Именно в ней Грендель нападал на спящих войнов и пожирал их, и именно в ней Беовульф схватился с Гренделем и в схвате оторвал тому лапу.

гривой на шее и плечах, и мы направились помогать другу.

Октябрь принес с собой больше дождей и холодов, чем обычно, а этот день выдался особенно ветреным и дождливым. Я припарковал свой старый, потрепанный «Фольксваген Жук», ссутулил плечи под кожаным плащом и побрел под ветром на север по Кларку. Мышь держался рядом со мной, прижимаясь к моей ноге.

Паб «Островной бездельник» располагался поблизости от стадиона Вриглей и был популярным местом встреч между играми. Он был больше большинства подобных заведений и мог принять несколько сотен посетителей в разных залах на нескольких этажах. Снаружи над входом в паб, на кирпичной стене были наклеены огромные афиши. Несмотря на то, что афиши промокли от дождя, на них всё еще можно было разобрать «Чикагская пивная ассоциация» и «ночь живого пива». Ниже висело объявление о соревнованиях и фестивале мини-пивоварен, с датой сегодняшнего дня. Множество народу сновало туда-сюда около входа.

— Угум, — сказал я Мышу. — Это объясняет, почему Мак здесь, а не в собственном заведении. Он наконец-то решил испытать свое новое, темное

на неподготовленной публике.

Мышь посмотрел на меня слегка укоризненно из-под своих косматых бровей, потом опустил голову, тяжело вздохнул, и продолжил медленно и тяжело плестись под дождем, пока мы подходили к пабу. Мак ждал нас в фойе. Мускулистый, лысый мужчина, одетый в черные брюки и белую футболку, возрастом где-то между тридцатью и пятидесятью. У него было очень обычное, не запоминающееся лицо, на котором навеки застыло выражение спокойствия и невозмутимости.

Сегодня, однако, это было то, что я бы назвал словом «маска».

Я укрылся от дождя и вручил Маку мой шестифунтовый посох, чтобы он подержал его, пока я буду снимать плащ. Разбрызгивая во все стороны капли дождя, я старательно встряхнул его и снова одел.

Мак содержал кабак, в котором околачивалась все сверхъестественная публика Чикаго. Он повидал у себя в заведении множество паранормальных психов, и если Мак выглядел встревоженным, я хотел бы, чтобы мой укрепленный заклинаниями плащ был между моей нежной кожей и источником его беспокойства. Я забрал посох у Мака, который кивнул мне и

наклонился вниз к Мышу пожать ему лапу, которую мой пес на полном серьезе протянул ему для рукопожатия. Мак потрепал Мыша за уши и сказал: — Пропала девушка.

Я кивнул, краем глаза замечая несколько косых взглядов, которые бросали на нас собравшиеся внутри люди. Но это было нормально.

— Что нам известно?

— Муж, — сказал Мак. Он кивком головы пригласил меня следовать за ним и пошел вглубь паба. Мышь следовал рядом со мной, дружелюбно виляя хвостом из стороны в сторону. Я полагаю, что этот жест был игрой на публику. Мышь был гораздо крупнее большинства собак и люди начинали нервничать, если он не вел себя очень дружелюбно.

Мак провел меня через несколько залов, в которых каждый стол и палатка представляли различные пивоварни. Среди небрежно сделанных в домашних условия надписей и вывесок, на всевозможные лады назойливо рекламировавших и нахваливающих пиво, сильно выделялась одна, возле которой остановился Мак. Там, над раскладным прилавком, была аккуратно начертанная, легко читаемая надпись «Темное МакЭнелли".

В палатке по соседству, молодой хорошо выглядевший парень похожий на библиотекаря, нервно потирая руки, беседовал с полицейским.

— Но вы не понимаете, — услышал я. — Она не могла уйти. Не сегодня. У нас этой ночью начинается медовый месяц.

Коп — невысокий, коренастый, лысеющий тип, чей нос был гораздо более красный, чем это могла бы вызвать погода на улице, кивнул головой.

— Сэр, я сожалею, но, сколько времени назад она пропала? Примерно час или два? Мы даже не сможем взяться за дело, пока не пройдет двадцать четыре часа.

— Она не могла просто так уйти, — почти прокричал молодой человек.

— Слушай, парень, — сказал коп. — Это не первый случай, когда невеста какого-нибудь парня запаниковала и сбежала. Хочешь мой совет? Начинай звонить её предыдущим кавалерам.

— Но…

Коп упёр палец в грудь парня. — Отвали, приятель. Возвращайся через двадцать четыре часа. — Он повернулся, чтобы уйти прочь и практически столкнулся со мной. Сделав шаг назад, он вылупился на меня.

— Вы что-то хотели?

— Только погреться в лучах вашего сочувствия, офицер, — ответил я.

Его лицо потемнело от злости, но прежде чем он успел сделать глубокий вздох и начал бросаться на всех в округе, Мак вручил ему, прямо в руку, кружку своего темного эля. Коп незамедлительно начал пить. Он залил последний глоток в рот, не пролив не капли на форму и, рыгнув, вручил кружку обратно Маку, после чего резко развернувшись, пошел прочь.

— Мистер МакЭнелли, — сказал парень, поворачиваясь к Маку. — Хвала небесам. Я все еще не видел её. — Он посмотрел на меня. — Это про него вы говорили?

Мак кивнул. Я протянул руку для рукопожатия.

— Гарри Дрезден.

— Роджер Брэддок, — сказал обеспокоенный парень. — Кто-то похитил мою жену.

Он пожал руку слишком сильно. Его пальцы были холодные и немного влажные от пота. Я не был уверен, что именно с ним происходит, но он действительно и искренне боялся.

— Похитили? Вы видели, что случилось?

— Ну, — смутился он, — нет. Не совсем. Никто не видел. Но она не могла просто так уйти. Не

сегодня. Мы поженились сегодня утром и отправляемся в медовый месяц сразу после окончания фестиваля.

Я удивленно поднял брови.

— Ты отложил медовый месяц, чтобы побыть на фестивале пива?

— Я открываю своё собственное заведение, — объяснил Брэддок. — Мистер МакЭнелли помогает мне советами. Так сказать наставляет меня. Это было… я имею в виду, я бываю здесь каждый год, и он проходит только раз в году, и это очень престижно, победить на них… для установления деловых контактов и… — Его голос оборвался, когда он огляделся вокруг.

Вот. Всё наносное уходит прочь при внезапной потере, и начинаешь действительно ценить то, что тебе дорого. Иногда тяжело бывает различить, что действительно важно для тебя, до тех пор, пока ты не поймешь, что можешь этого лишиться.

— Вы вдвоем были за этим прилавком? — уточнил я.

— Да, — сказал он, облизнув губы. — Она отошла, чтобы взять несколько салфеток в баре, вон там. Она не отходила и на двадцать футов и вдруг каким-то образом она просто исчезла.

Откровенно говоря, лично я склонялся к той версии, которую высказал парню коп. Людям свойственно быть эгоистичными, жадными и ненадежными. Есть, конечно, редкие исключения из этого правила, но никто не хочет верить, что маленькие недостатки человеческой натуры могу стать между ним и его избранником.

Парень выглядел ужасным романтиком. Пока такие люди влюблены, то руководствуются в принятии решений эмоциями, и способны совершать огромнейшие ошибки. И чем хуже выглядит ситуация, тем сложнее им искать причины не верить в неё. Все выглядит так, что вероятнее всего его девушка бросила его, чем то, что кто-то её похитил.

С другой стороны, вероятно, это и не так. Да и Мак не похож на того, кто кричит "Волк, волк".[18]

— Как долго вы были вместе? — просил я Брэддока.

— С тех пор, как нам исполнилось по пятнадцать лет, — откликнулся он. Вялая улыбка появилась на его лице. — Почти десять лет.

— Решили оформить все официально, так?

---

[18] Примечания: 18

Думаю басню про мальчика, который кричал — Волки, волки, — все помнят?

— Мы оба посчитали, что так будет правильно, — ответил он. Улыбка исчезла. — Я точно знаю, что она не ушла. Если только её никто не заставил.

Я обошел вокруг Брэддока и начал изучать заднюю сторону прилавка. Кега стояла на столе, рядом была небольшая вывеска с карикатурным изображением шлема викингов, перевязью и огромным мечом. Надпись чуть ниже гласила: "Представляю "Брэддоковское полуночное солнце со вкусом корицы?

Я хмыкнул и, нагнувшись, вытащил из под стула простую черную кожаную дамскую сумочку. Не дорогая сумочка, однако. — Навряд ли она пошла куда-то прогуляться без своей сумочки, — сказал я. — Я в этом уверен.

Брэддок облизнул губы, закрыл глаза и прошептал:

— Элизабет.

Я вздохнул. Вот проклятье. Теперь у неё было имя. Элизабет Брэддок, новобрачная. Может быть, она просто сбежала. А может быть нет, и я знаю, что не смогу просто так взять и отвернуться, когда возможно, она действительно в опасности и может пострадать.

Какого черта! Не страшно, если я немного

осмотрюсь поблизости.

— Я надеюсь, шутки исключены, — сказал я и показал рукой на сумочку. — Можно?

— Конечно, — кивнул Брэддок. — Конечно, конечно.

Я поставил сумочку Элизабет на стол, позади кеги с пивом, и начал её тщательно осматривать. Обычная. Бумажник, немного косметика, мобильный телефон, "Клинекс",[19] кое-какие женские гигиенические мелочи, одна из этих пластиковых коробочек с гормональными препаратами от нежелательной беременности, с привязанным к ней сложенным кусочком бумаги. Еще там была расческа, выглядевшая антикварной вещь с длинной, заостренной серебряной ручкой. Я вытащил несколько темных, волнистых волосков застрявших между зубчиками расчески.

— Это волосы вашей жены?

Брэддок около секунды смотрел на меня, затем кивнул.

— Да. Конечно.

— Не возражаешь, если я возьму её на время?

---

[19] Примечания: 19

"Клинекс" - мягкие салфетки из тонкой гигроскопичной бумаги. Выпускаются в различных видах: одноразовые носовые платки, салфетки для удаления косметики и др. Классический вариант — салфетки, сложенные в картонной коробке таким образом, что при вытаскивании одной появляется конец следующей.

Он не возражал. Я тут же положил расческу в карман, и посмотрел на коробочку с гормональными таблетками. Я открыл её. Только несколько первых гнёзд блистеров были пустые. Я открутил привязанную сложенную бумажку и, раскрыв её, обнаружил инструкцию по употреблению. Кто сохраняет простыню-инструкцию? Не смешите меня.

Пока я обдумывал это, тень упала поперёк Брэддока и здоровая, обильно покрытая татуировками рука толкнула его спиной назад в узкий проход между палатками.

Я посмотрел на руку, присоединенную к накаченному, обильно покрытому татуировками здоровяку. Он был лысый, с острой бородой, на пару дюймов ниже меня и весь покрытый мускулами, как луковица слоями. Шрамы вокруг глаз говорили, что он не понаслышке знаком с драками, а похожий на картошку, неоднократно переломанный нос, что он не очень в этом силен. Он был полностью одет в черную кожу, на его правой руке было такое количество латунных колец, что они могли послужить неплохой заменой кастету. Когда он заговорил, его голос оказался под стать всему остальному — хриплый и глухой. Он швырнул маленькую треугольную складную

рекламу в Брэддока.

— Где моя кега, Брэддок?

— Каин, — сказал Брэддок, начиная заикаться. — О чем ты говоришь?

— Моя кега, сучонок, — прорычал большой парень. Пара ребят, которые, судя по их виду, старались походить на Каина, поднимая до небес его эго, появились за его спиной. — Она исчезла. Ты догадывался, что не сможешь победить в этом году?

Я мельком взглянул на упавший под тент столик, рядом валялась реклама с вагнерианской карикатурой изображающей пчелу, надпись под которой гласила: "Каин даст вам пинок под зад!"

— У меня не было времени на это, — пытался оправдаться Брэддок.

Каин снова пихнул его на стенку палатки, на этот раз сильнее.

— Мы еще не закончили. Не дергайся, паскуда, если ты не хочешь, чтобы я надрал тебе твою паршивую задницу.

Я глянул на Мака, который, нахмурившись, пристально смотрел на Каина, но ничего не предпринимал. Мак не любит осложнять ситуацию.

Он умнее, чем я.

Я сделал шаг вперед, схватил руку Каина и с

энтузиазмом пожал её.

— Всем привет. Гарри Дрезден, частный детектив. Как дела? — я приветливо кивнул головой, улыбнулся, послал улыбчивый оскал его друзьям, тоже. — Э-э. У вас случайно нет аллергии на собак?

Каин настолько сильно удивился этому вопросу, что практически забыл, как можно сильнее пожать мне руку. Когда же он осознал это, то сжал мою ладонь настолько сильно, что мне пришлось постараться не сморщиться от боли. Я не очень крепко сложен, но я более шести с половиной футов роста и надо иметь достаточно сил, чтобы я почувствовал это.

— Что? — спросил он остроумно. — Собака, что?

— Аллергия на собак, — просветлил я его, и кивнул вниз на Мыша. — Изредка у некоторых появляется отрицательная реакция на мою собаку, мне бы не хотелось, чтобы это случилось сейчас с вами.

Байкер рассерженно посмотрел на меня, затем глянул вниз.

Две сотни фунтов Мыша, настроенного сейчас отнюдь не дружелюбно, пристально, не отрываясь, смотрели на Каина. Мышь не скалил клыки

и не рычал. Он не нуждался в этом. Он просто смотрел.

Каин чуть приподнял кончики губ в меленькой, безобразной улыбке. Но резко отпустил мою руку и затем насмешливо ухмыльнулся Брэддоку.

— Скажи, где твой маленький симпатичный кусочек? Сбежала от тебя, чтобы найти настоящего мужчину?

Брэддок возможно и был весом в половину от Каина, но направился он к байкеру с кристально ясным и недвусмысленным намерением.

В это время Мак пошевельнулся, вставая между ними спиной к Брэддоку. Как старший и опытный, Мак понимал всю тщетность притязаний Брэддока и пытался удержать его от избиения, в то время как более импульсивный парень ругался и пытался протиснуться мимо него.

Каин мерзко рассмеялся и шагнул вперед, его большие ладони сжались в кулаки. Я поднял посох, поэтому, когда он сделал еще шаг вперед, то налетел своей гортанью на широкий тупой деревянный конец. Он издал своеобразный звук, прозвучавший как «гларк», и резко отступил назад, в бешенстве смотря на меня.

Я поставил посох перед собой, держа его обеими ладонями, в это время в зал вошел, держа одну

руку на дубинке, коренастый коп, привлеченный ударам Брэддока о палатку и его руганью.

— Веди себя тихо, громила, — сказал я достаточно громко, чтобы быть уверенным, что коп это слышал. — Парень просто расстроен, из-за жены. Он не имел в виду ничего такого.

Здоровяк поднял свой кулак, как будто собираясь зарядить им мне в башку, но один из его дружков предостерегающе произнес: — Коп.

Каин застыл и оглянулся. У офицера может быть, и было немного избыточного веса, но он выглядел как тот, кто знает, как вести себя в драке, и у него, между прочим, были дубинка и пистолет. Поэтому остальные детали униформы не имели смысла.

Каин раскрыл свой кулак, показывая, что там ничего нет, и опустил руку.

— Конечно, — сказал он. — Конечно. Недопонимание. Может с любым случиться.

— Я хочу, чтобы вы ушли отсюда, — приказал коп Каину, — немедленно. Иначе вас отсюда выведут.

Каин и компания вышли в полной тишине, их взгляды скользили по мне острыми кинжалами. Ну ладно- острыми консервными ножами. В данный момент Каин не выглядел по-настоящему

опасным.

Коп подошел ко мне легкой походкой, что было достаточно нелегко при его весе — возможно, это простое предположение, но этот мужчина знал, что такое играть действительно грубо. Он посмотрел на меня, потом на мой посох, и все еще держа в руках дубинку, спросил:

— Ты Дрезден?

— Был утром, — буркнул я.

— Слышал про тебя. Иногда работаешь с отделом специальных расследований. Называешь себя чародеем.

— Все правильно.

— Ты знаешь Роулинза?

— Хороший человек, — кивнул я.

Коп ухмыльнулся. Он кивком головы показал в сторону удалившегося Каина, и убрал дубинку.

— Этот парень — ходячие неприятности. Несколько достаточно серьезных происшествий. Например — избиения людей. Ты держи свои глаза широко открытыми, мистер Чародей, или он заставит несколько зубов из твоего рта загадочно исчезнуть.

— Ну да, — сказал я. — Черт возьми, он такой страшный.

Коп внимательно посмотрел на меня, потом

грубо рассмеялся и сказал:

— Ну что ж, готовься к зубным протезам. Он кивнул и направился прочь, наверное, чтобы убедиться, что Каин действительно ушел.

Коп и Каин были не так уж не похожи, в каком-то смысле. Коп с таким же удовольствием зарядил бы дубинкой по голове Каину, с каким Каин зарядил бы мне. Они оба чертовски чувствительно отнеслись к известию об исчезновении жены Брэддока. Но по крайне мере коп смог направить своего внутреннего плохого парня на что-то, что будет помогать людям — до тех пор, пора ему не придется слишком долго подниматься по лестнице.

Я повернулся обратно к Маку и обнаружил его все еще стоящим между парнем и дверью. Мак кивнул мне в знак признательности. Брэддок выглядел так, как будто собирался или разрыдаться, или завопить.

— Тут дело не только в чувствах, не так ли? — спросил я у него.

Парень отсутствующим взглядом смотрел на пустое место, где до этого стоял Каин.

— Элизабет однажды очень сильно его… обломала. Он очень плохо это воспринял и он этого никогда не забудет. Ты думаешь, он сделал это?

— Не уверен. — задумчиво произнес я и повернулся к Маку, — Мак, что-то предупредило тебя, что в этом виновата сверхъестественная сторона. Мерцание света?

Мак пробурчал: — Дважды.

Брэддок уставился на Мака, потом на меня.

— И разве это должно хоть что-то значить?

— Активное применение магии имеет тенденцию вмешиваться в работу электрических систем, — сказал я. — Это взрывает мобильные телефоны, ломает компьютеры. Более просты вещи, например, такие как лампочки, обычно начинают немного мерцать.

У Брэддока было лицо, застывшие в поисках золотой середины между недоверием и тошнотой.

— Магия? Вы, должно быть, шутите, правда?

— У меня эта беседа уже в печенках сидит, — сказал я и потянулся к карману, где лежали выпавшие волосы Элизабет Брэддок. — В этом заведении есть черный вход?

Мак безмолвно подтвердил.

— Спасибо, — сказал я. — Идем, Мышь.

Черный вход выходил на длинную, узкую, грязную улицу, идущую параллельно Кларку. Ветер стал еще сильнее, из-за чего холодный, косой дождь сносило практически только на

одну сторону улицы. Хорошо для меня. Заставить заклинание работать без сбоев очень тяжело, даже при небольшом дожде. Когда же льет, как из ведра, это просто невозможно даже для такой простой работы, как поисковое заклинание.

Я проделывал это уже сотни раз, и сейчас это была обыденная рутина. Я нашел чистое место на бетоне, укрывшись у подветренной стены, и быстро начертил кусочком мела вокруг себя круг, вкладывая в это действие, тщательно отмеренное усилие воли.

Я мгновенно почувствовал результат, как только завершил круг — щит из магии поднялся от круга, окружая меня и защищая от любой посторонней энергии, которая могла бы исказить заклинание. Я снял с шеи серебряную цепочку с висящей на ней старой потрепанной пентаграммой и привязал к ней несколько волосков, принадлежащих Элизабет. После этого я сконцентрировал свою волю чувствуя, как почти осязаемая энергия собирается в круг. Я глубоко вздохнул и прошептал на плохой латыни заклинание, направляя собранную магию в пентаграмму.

Серебряная пятиконечная звезда мигнула один раз, и дюжина маленьких искорок статического

электричества пробежала по металлической поверхности. Я недовольно поморщился. Я был слишком небрежен, разрешив какому-то количеству энергии обратиться в статику. А ведь именно об аккуратности я твержу во время уроков моей ученице вот уже на протяжении недели.

Я разрушил круг, наступив одой ногой на меловую черту, и посмотрел на Мыша, который терпеливо сидел, открыв рот в собачьей усмешке. Он присутствовал на некоторых моих уроках, и он был гораздо умнее большинства собак. Насколько умнее, остается неизвестным, но у меня сложилось устойчивое впечатление, что он смеётся надо мною.

— Это из-за дождя, — сказал я в свое оправдание.

Мышь чихнул, виляя хвостом.

Я недовольно посмотрел на него. Не уверен, смог бы я принять то, что моя собака была умнее меня.

Шедший дождь мог бы смыть заклинание с амулета, поэтому я постарался укрыть его так тщательно, как только смог, держась около здания, и прикрывая его рукой. Шляпа бы превосходно подошла для этой цели. Пожалуй, мне стоит приобрести одну.

Я поднял амулет, концентрируясь на заклинании. Он чуть подрагивал на краю цепочки, а потом резким внезапным движением качнулся в сторону дальнего конца улицы.

Я спрятал руку и амулет в рукав плаща и присвистнул, обращаясь к Мышу:

— Она прошла, именно, по этой улице. И судя по силе отклика, она была очень испугана. Оставила действительно очень глубокий след.

Мышь, сопя, издал грубый звук и направился вниз по улице. Он очень медленно шагал, пригнувшись, казалось, что мокрый мех практически тащится по земле. Я остановился. Когда Мышь отошел от меня на расстояние около двадцати ярдов, из его горла вырвалось низкое, рассерженное рычание. Для меня это послужило поводом удивленно поднять брови. Мышь никогда зря не поднимал тревогу, до тех пор, пока по-настоящему Плохие Парни не оказывались поблизости. Он ускорил скорость и я увеличил свой шаг, чтобы держаться рядом с ним. Я заметил, что, так же как и он начинаю рычать.

Магия это не единственная вещь, которую может испортить сильный дождь. Когда мы пересекли, пустую улицу, Мышь приостановился. Он снова зарычал и оглянулся на меня через плечо.

Его хвост поник, а взгляд выражал страдание.

— Я приведу тебя в порядок, — пообещал я ему. Я приподнял часть моего длинного, кожаного плаща посохом, так чтобы удерживать амулет под необходимой для него защитой.

Я выглядел как минимум смешно, когда делал это.

Я собираюсь купить шляпу в ближайшие дни.

Я клянусь.

Поисковое заклинание держалось, и амулет вёл меня вниз по улице, прямо к «Вриглей». Безмолвный стадион смутно вырисовывался вдали, укрытый серым, холодным дождем. Мышь, по-прежнему ведомый чувством долга, перешел с шага на бег. Внезапно он развернулся и свернул на другую улицу. Я остановился и расстегнул плащ, чтобы посоветоваться с амулетом.

Я был слишком занят, стараясь не дать разрушиться заклинанию, ощущая сырость, холод и неудобство, что забыл прислушиваться к своей паранойе. Это дало Каину возможность незаметно возникнуть из ниоткуда, и опустил что-то тяжелое на мой многострадальный череп.

В последнюю секунду я повернул голову и дернулся в сторону, поэтому удар пришелся вскользь вдоль виска. Затем была вспышка света и мои

ноги подкосились. Я успел увидеть, как Каин снова поднимает и замахивается длинным, белым, грязным атлетическим носком. Он положил в него что-то тяжелое и сделал импровизированный кистень.

Мои берда уперлись в муниципальный мусорный бак, и я подставил правую руку между кистенем и лицом. Защитные заклинания на моем плаще конечно хороши, но они предназначены, для того, чтобы защищать меня от огнестрельного оружия и острых, протыкающих вещей. Кистень обрушился на моё левое предплечье, которое сразу отнялось.

— Так, это ты украл для Брэддока мой бочонок, чтобы его коричное медово — коричное дерьмо победило? Теперь я собираюсь вытащить его из твоей задницы!

И с радостным, безумным выражение лица, Каин снова поднял кистень.

Он сделал ошибку прерываясь даже на такой маленький диалог, как этот. Если бы он ударил меня сразу же он бы, наверное, вырубил меня. Каин раздумывал достаточно долго, для того чтобы я успел собрать свои мысли воедино. Когда он начал замахиваться, я легким взмахом нижней части своего посоха, ударил его прямо по яичкам.

Глаза головореза широко отрылись, а рот распахнулся в болезненном, немом крике.

Этими небольшими житейскими вещицами ты дорожишь, как сокровищем.

Каин пошатнулся и повалился на бок, но один из его парней выскочил из-за его спины и зарядил мне в челюсть. Само собой я, возможно, не обратил бы внимания на это, если бы Каин не позвонил в мои колокола до этого. Я упал на одно колено и попытался сообразить, что же делать дальше. Кто-то в больших мотоциклетных ботинках ударил меня в живот. Я повалился на спину и ответил ударом каблука в колено. Раздался хруст, щелчок и нападавший упал, завывая от боли.

У третьего парня была монтировка. На магию не оставалось ни времени, ни возможности — я не мог свести воедино глаза, а мысли разбегались. Каким — то удивительным чудом, я принял два первых удара на посох. И затем двести фунтов мокрой собаки врезались в грудь Каиненка номер два. Мышь не укусил его, должно быть, потому что есть вещи, которые даже собаки не захотят тащить в рот. Он просто повалил и вмял его в землю, удерживая без движения. Двое готовы.

Я поднялся как раз вовремя, в тот момент, когда Каин включился в игру, размахивая кистенем.

Я не думаю, что Каин много знал о технике боя на посохах. Ну а Мёрфи учила меня этому, между прочим, почти четыре года. Я поднял посох, когда Каин размахнулся, и перехватил носок. Тяжелый конец обернулся вокруг посоха, и я широким взмахом вырвал импровизированный кистень из его руки. Не останавливая движения, другим концом посоха я ударил его по голове.

Каин свалился на землю.

Я стоял, тяжело дыша и оперевшись на посох. Вау, я победил в драке! Чего обычно не происходит, если я не использую магию. Я оглянулся. Мышь выглядел хорошо. Он был занят удержанием одного из головорезов на земле

— Придурок, — пробормотал я пребывающему без сознания Каину, слегка ударяя его ногой по ребрам. — У меня нет ни малейшего представления, что случилось с твоей долбанной кегой.

— О! — прозвучал женский голос у меня за спиной на чистом, ясном английском, в котором лишь слегка проскальзывал еле заметный немецкий или, возможно, скандинавский, акцент. — Я должна признать, что не ожидала, что вы так хорошо управитесь с ними.

Я немного повернулся, так чтобы следить за лежащими плохими парнями, и поудобнее пере-

хватил посох, когда увидел говорившую.

Это была высокая блондинка — около шести футов ростом, одетая в удобные туфли без каблука. Её строгий, серый, костюм не мог скрыть атлетическое телосложение, которое не делало её менее женственной. У неё были глаза цвета синего льда и волевое привлекательное лицо. В правой руке она держала вещмешок. Я узнал её. Она была консультантом по сверхъестественной безопасности у короля Чикагской преступности Джона Марконе.

— Миссис Гард, не так ли? — приветствовал я её, тяжело дыша.

Она согласно кивнула.

— Мистер Дрезден.

Мои руки дрожали, в ушах все еще стоял звон. Приблизительно через час у меня будет шишка величиной с гусиное яйцо прямо посреди лба.

— Я рад, что смог произвести на вас впечатление. Сейчас, извините меня, я работаю.

— Мне надо поговорить с вами, — сказала она.

— Позвони в рабочее время. — Каин лежал бесчувственно, немного постанывая. Парень, которого я ударил в колено, стонал и бездумно покачивался вперед-назад. Я посмотрел на головореза, которого опрокинул на землю Мышь.

Он вздрогнул. В нём не осталось никакого желания подраться. Но, честно говоря — его почти не осталось и во мне тоже.

— Мышь, — сказал я, и направился вниз по улице.

Мышь поднялся с мужчины, который охнул, когда собака обеими лапами оттолкнулась от его живота, и последовал за мной.

— Я серьёзно, мистер Дрезден, — проговорила Гард мне в спину, направляясь за нами.

— Марконе, король только в его собственных мечтах, — сказал я, не останавливаясь. — Если он хочет сообщить мне что-то, то он может подождать. Я занят более важными вещами.

— Я знаю. Девушка. Она брюнетка, где-то около пяти с половиной футов, карие глаза, зелено-золотая футболка, синие джинсы, напуганная до безумия.

Я остановился и повернулся к Гард, обнажив зубы в оскале.

— Марконе замешан в этом? Если этот сучий сын думает, что ему сойдет с рук, он пожалеет, несмотря на то …

— Нет, — сказала Гард категорически. — Послушайте, Дрезден, забудьте про Марконе. Это никак с ним не связано. На сегодня мой рабочие

день окончен.

Я смотрел на неё около минуты, стараясь не замечать то, что белая рубашка, которую она одела под пиджак, под дождем стала практически прозрачной. Она говорила искренне — что практически ничего не значило. Я научился доверять моему здравому смыслу, когда это связано с блондинками. Или брюнетками. Или с рыжими.

— Что ты хочешь? — спросил я её.

— Почти то же самое, что и ты, — ответила она. — Ты хочешь девушку, я хочу то существо, которое похитило её.

— Почему?

— У девушки нет времени, чтобы ты поиграл в двадцать вопросов, Дрезден. Мы можем помочь друг другу и спасти её. Или она умрет.

Я глубоко вздохнул и кивнул.

— Я слушаю.

— Я потеряла след в дальнем конце этой улицы, — махнула она головой. — Очевидно, ты — нет.

— Да, — кивнул я. — Давай перейдем к той часть, где ты говоришь, как ты можешь помочь мне.

Молча, без единого слова, она открыла вещмешок и достала оттуда (на полном серьезе — я не

шучу) двухлезвийный боевой топор, который должно быть весил пятнадцать фунтов. Она положила его на одно плечо.

— Если вы отведете меня к грендельки́ну,[20] я займусь им, пока вы спасете девушку.

— Грендельки́н? Что такое, черт побери, этот грендельки́н?

Не поймите меня неправильно — я чародей. Я знаю про сверхъестественное. Я мог бы заполнить несколько записных книжек названиями враждебных существ и созданий, которые я могу узнать. Но с этими знаниями есть одна проблема. Чем больше ты знаешь, тем яснее ты понимаешь, как много еще предстоит выучить. Сверхъестественный мир больше, значительно больше материального мира и человечество в нём в явном меньшинстве. Я мог бы изучать новых тварей до тех пор, пока не упал бы мертвый от старости — через несколько столетий от сегодняшнего дня, и все еще не знал бы и четверти из них.

Это существо было мне неизвестно.

— Дрезден, сейчас каждая секунда имеет значение, — сказала Гард. Под спокойной маской её привлекательного лица, я видел тень тревоги

---

[20] Примечания: 20
наследник Гренделя

и спешки.

Пока я осознавал это, раздался резкий, щелкающий звук, словно кусок битого кирпича или камня сорвался с кровли крыши и упал на землю.

Гард молниеносно повернулась, становясь в боевую стойку. Она перехватила топор двумя руками перед туловищем и приняла оборонительную позицию. Упс.

Я видел, как Град не моргнув глазом, схватилась с некромантом мирового класса и её ручным вурдалаком. Что же, черт побери, могло её так напугать?

Она медленно расслабилась и опустила топор, выходя из стойки, потом покачала головой и что-то пробормотала себе под нос, прежде чем снова повернуться ко мне.

— То, что может случиться с этой девушкой… Ты не представляешь. Такое не должно ни с кем случаться. Поэтому я прошу тебя. Помоги мне, пожалуйста.

Я вздохнул.

Вот проклятье.

Она сказала — пожалуйста.

Дождь ослабил поисковое заклинание на моём амулете и смыл запах гренделькина, а так же

психический след оставленный ужасом Элизабет. Но, несмотря на это, нам с Мышеем удалось найти то место, где плохой парень, образно говоря, ушел под землю. След заканчивался у двери ведущей в подвал позади здания на восточной стороне Вриглей Филд, под подвесной железной дорогой, вблизи станции Эддисон. Двери были старыми и выглядели так, словно спаялись вместе от ржавчины. Вокруг них был металлический забор. Надписи на нем гласили, что это опасная территория и надо держаться от неё подальше. Вы знаете, это является хорошим советом для ищущих неприятности болванов и мягкосердечных чародеев с ноющей головной болью. Совет, который они всегда игнорируют.

— Ты уверен? — спросил я Мыша. — Он прошло здесь?

Мышь покружил возле забора, принюхиваясь к сухой земле, укрытой от дождя проходящей над головой железной дорогой. Потом он подошел к двери и зарычал.

Амулет слабо откликнулся, гораздо меньше, чем несколько минут назад. Я нахмурился и сказал,

— Он спустился вниз под землю, но после этого направился на север.

Гард прорычала:

— Дерьмо.

— Дерьмовенько, — согласился я.

Грендельки́н укрылся в Преисподней.

Чикаго старый город — по крайне мере по Американским стандартам. Он бывал затопленный, полностью сожженным несколько раз, был отстроенный и перестроенный. Новые постройки в городе стоились на высоте десяти, а то и двадцати футов над первоначальным уровнем земли, в то время как старые здания погружались в болотистую почву вокруг озера Мичиган. Огромное множество различных систем тоннелей пронизывают пространство под ним. Никто точно не знает, как много различных тоннелей и помещений создали люди специально или по нелепой случайности. И поскольку большинство людей воспринимают все сверхъестественное как розыгрыш, никто не заметил всю ту дополнительную работу, которую проделала нежить.

Преисподняя начиналась примерно там, где заканчивалось обычное передвижение по пассажирским и коммуникационным туннелям, там, где секции потолка и стен регулярно обваливаются, и куда люди с хорошим чувством самосохранения и не подумают пойти. Оттуда,

где с каждым шагом становится все темнее и холоднее. И где чем дальше ты заходишь, тем больше вероломных и ревностно охраняющих свою территорию обитателей живущих там поджидает тебя в темноте.

Посещение Преисподней больше похоже на самоубийство, чем на разведку, поэтому те, кто делает это, заслуживают премию Дарвина. Умные люди не хотят туда. Гард прорубила топором широкое отверстие, и мы направились вниз в темноту по потрескавшейся старой бетонной лестнице.

Я прошептал слово, направив небольшое усилие воли и мой амулет начал светиться слабым сине-белым светом. Свет тускло освещал туннель — достаточно, я надеюсь, для того чтобы никто не подкрался к нам незамеченным. Гард достала из вещмешка маленький, красно светящий фонарик, как запасной источник света. Это заставило меня почувствовать себя немного лучше. Когда вы под землей, уверенность в том, что у вас есть свет, почти так же важна, как и воздух для дыхания. Это означало, что она знала, что делала.

Коммуникационный туннель, по которому мы шли, вел через несколько ветхих комнат, которые находились примерно на первоначальном

уровне дороги, до того как она была поднята. Мышь шел первым, сразу позади него следовал я с посохом и амулетом. Гард была замыкающей, шагая легко и осторожно.

Мы шли около десяти минут, через труднопроходимые проходы. Нам пришлось преодолеть туннель, заполненный на полтора фута ледяной стоячей водой. Мы дважды спускались еще глубже под землю, и я стал беспокоиться о том, смогу ли отыскать обратный путь. Спелеология достаточно опасна сама по себе, и без тех существ, которых можно описать с помощью слова "хищный".

— Этот грендельки́н, — сказал я. — Расскажи мне про него.

— Тебе не нужно это знать.

— Черта с два, — возмутился я. — Если ты хочешь, чтобы я помог тебе, ты должна помочь мне. Скажи мне, как мы можем прикончить это существо.

— Мы не можем, — ответила она спокойно. — Я смогу. Это все что тебе надо знать.

Подобное пренебрежение задело меня. Согласен, я сам проделывал это с окружающими меня людьми миллион раз, в основном, чтобы защитить их, но осознание того, что так поступают с

тобою, не слишком поднимает настроение. Какая ирония.

— А если он вместо этого уделает тебя? — спросил я. — Я бы не хотел оставаться в полном неведенье, если он последует за мной и девушкой и мне придется сражаться?

— Это не должно стать для меня проблемой.

Я остановился, преграждая ей путь.

Она уставилась на меня, подняв брови. Где-то поблизости капала вода. Вокруг нас раздавался слабый грохот — должно быть поезд ехал по подвесным путям над нами.

Она поджала губы и кивнула, соглашаясь на небольшую уступку.

— Это потомок Гренделя.

Я пошел дальше.

— Ничего себе. Грендель и Беовульф? И это действительно произошло, как в сказке? — спросил я.

— Банально, — вздохнула Гард. — Прежде чем Беовульф встретился с ним в Хеороте, Грендель уже выкрал несколько женщин в свои предыдущие визиты. Он оставил в них свое отродье.

Тьфу! — сказал я. — А я думал, они делают крем из этого сейчас.

Гард косо посмотрела на меня.

— Ты не имеешь ни малейшего представления, о чем ты говоришь.

— Без шуток, — сказал я. — Это уточняющий вопрос.

— Ты знаешь все, что тебе надо знать.

Я проигнорировал это заявление и чувства связанные с ним. Хороший частный детектив чрезвычайно профессионально задает вопросы. Если я продолжу их задавать, то непременно получу на некоторые из них ответы.

— Вернемся назад к пабу, там было несколько сбоев с электричеством. Это существо использует магию?

— Не так, как это делаешь ты, — ответила Гард.

Вот видите. Ответ. Чрезвычайно расплывчатый, но ответ. Я настойчиво продолжил.

— Тогда как?

— Гренделькины очень сильны, — сказала Гард. — Быстрые. И они могут искажать восприятие людей вокруг.

— Исказить, как?

— Это заставляет людей не замечать их, или же видеть крайне смутно. Иногда изменяют внешность. Это позволяет им подобраться поближе. Иногда это может вызвать неполадки с техникой.

— Магия завесы. Иллюзии. Был там, сделал это. — Сказал я задумчиво. — Мак сказал, что было два сбоя в работе электричества. Есть какая-нибудь причина, по которой это существо может захотеть украсть кегу с пивного фестиваля?

Гард пристально посмотрела на меня, — Кегу?

— Это та причина, из-за которой эти придурки на улице были так расстроены, — пояснил я. — Кто-то украл их бочонок.

Гард выплюнула слово, которое, наверное, заглушили бы, если бы она его произнесла на каком-нибудь из Скандинавских ток-шоу. — Какой отвар?

— А? — не понял я.

— Какой вид напитка был в кеге?

— Как, черт побери, я могу это знать? — возмутился я. — Я никогда даже не видел её.

— Проклятье.

— Но… — я почесал нос, размышляя. — На вывеске над его столом была нарисована маленькая пчела, викинг, и оно называлось "Каин даст вам пинок под зад!".

— Пчела, — сказала она, её глаза ярко сверкнули. — Ты уверен?

— Ага.

Она снова прошипела.

— Медовуха.

Я удивленно посмотрел на неё.

— Это существо стащило кегу с медовухой и девушку? Подразумевается, что ей отведена роль… блюдца с орешками на баре или что-то на подобие?

— Оно не собирается съесть её, — ответила Гард. — Ему нужна медовуха по той же причине, по которой нужна и девушка.

Я немного подождал, надеясь услышать подробности. Но она ничего не сказала.

— Я все больше склоняюсь к мысли продолжить игру в одиночку, — сказал я ей, — но я спрошу еще раз — зачем ему нужна девушка?

— Размножение.

— Спасибо тебе, теперь я все понял, — я кивнул. — Это существо предполагает, что ей надо дойти до состояния "не бывает некрасивых, бывает мало спиртного"? А потом уже переходить непосредственно к процессу?

— Нет, — коротко ответила Гард.

— Ах, да! Правильно, потому что это не человек. Это существо само хочет набраться до состояния "не бывает некрасивых, бывает мало спиртного"?

— Нет, — повторила Гард резко.

— Я понял. Медовуха нужна только для создания подходящей атмосферы. Может быть, оно еще захватило несколько CD с лаунж музыкой?[21]

— Дрезден, — раздраженно прорычала Гард.

— Everybody needs somebody sometime, — напел я фальшивя.

Гард остановилась и посмотрела на меня. В её бледно-голубых глазах застыло ледяное бешенство. Её голос стал грубее.

— Но не у всякой беременной женщины потомство прокладывает свой собственный путь из материнской утробы, убивая её при этом.

Видите, еще один ответ. Хотя это было резче, чем я предпочитал.

Я прекратил напевать и почувствовал себя немного бесчувственным.

— Они одиночки, — продолжила Гард ужасающе холодным и спокойным голосом, — В большинстве случаев, они выкрадывают жертву, насилуют её, потом разрывают на части и поедают. У конкретно этого на уме, что-то большее. Должно быть, что-то в медовухе сделало его способным к размножению. Он собирается оплодотворить её. Создать еще одного из своего рода.

---

[21] Примечания: 21

термин в популярной музыке для обозначения лёгкой, фоновой музыки

Мне на ум пришла мысль.

— Кто из людей держит привязанную инструкцию к гормональным препаратам от беременности. Тот, кто никогда их не принимал до последнего времени.

— Она девственница, — убежденно сказала Гард. — Гренделькину необходима девственница для размножения.

— Редкий товар в наши дни, — пробормотал я.

Гард горько произнесла, рассмеявшись:

— Поверь мне, Дрезден. Подростки всегда были подростками. Бурлящие гормоны, любопытство, и полное игнорирование последствий их действий. Никогда не было избытка товаров в магазине девственниц. Ни в Викторианские времена, ни в эпоху Ренессанса, ни во времена битвы при Гастингсе,[22] ни сейчас. Но даже если сейчас в эту эпоху их в десять раз меньше, все еще остаётся больше девственниц для выбора, чем в любое другое время в истории. — Она покачала головой. — Сейчас так много людей.

Мы прошли несколько шагов.

---

[22] Примечания: 22

Битва при Гастингсе (англ. Battle of Hastings, 14 октября 1066 г.) — сражение между англосаксонской армией короля Гарольда Годвинсона и войсками нормандского герцога Вильгельма, в результате которого Англия была завоёвана нормандцами, а Вильгельм стал английским королём.

— Интересное наблюдение, однако, — сказал я. — Ты говорила про те времена так, как будто была их очевидцем. Ты ожидаешь, что я поверю, что тебе около тысячи лет или того больше?

— Неужели это так невероятно? — спросила она.

Она уделала меня. Множество из сверхъестественных существ бессмертны, или очень близки к этому. Даже у смертных чародеев есть в запасе три или четыре столетья. С другой стороны, я редко видел бессмертных, которых мои чувства чародея настолько ощущали людьми.

Я несколько секунд внимательно смотрел на неё, а потом признался:

— Ты выглядишь чересчур хорошо, чтобы это было правдой. Я бы предположил, что тебе где-то около тридцати.

Её зубы блеснули в тусклом свете.

— Я думала, что в нынешние времена принято говорить более вежливо и предположить что мне около двадцати пяти.

— Я и любезность никогда не были близки друг с другом.

Гард согласно кивнула головой. — Именно это мне нравится в тебе. Ты говоришь то, что думаешь. Ты человек действия. Это большая редкость

сегодня.

Я шел ведомый заклинанием, стараясь соблюдать тишину, до тех пор, пока Мышь принюхивающийся к невидимому следу не остановился, издав невнятный грудной звук. Я поднял вверх руку в знак остановки движения. Гард бесшумно подошла и стала рядом.

Я наклонился к собаке и спросил:

— В чем дело, малыш?

Мышь, принюхиваясь, пристально смотрел вперед, его нос подрагивал. Потом он шагнул и поскреб лапой пол возле стены.

Держа свет в руке, я последовал за ним. На влажных камнях пола было несколько пучков сероватой шерсти. Я задумчиво прикусил губы и приподнял свет, чтобы осмотреть стену. Она была покрыта длинными, не широкими — с ноготь большого пальца, но очень глубокими царапинами. Трудно было разглядеть, на какую глубину нанесены эти царапины.

Гард подошла ближе и заглянула мне через плечо. Запах ее духов (какой-то цветок, который я не узнал) проникнув сквозь запахи извести и плесени приятно отвлекал внимание.

— Что-то острое сделало это, — прошептала она.

— Ага, — сказал я, собирая шерсть. — Покажи свой топор.

Она молча протянула мне его. Я положил шерсть на кромку лезвия. Она почернела и съежилась, скрутившись в спираль, как только коснулась его, добавив запах жженых волос в этот коктейль.

— Чудесно, — вздохнул я.

Гард удивленно приподняла брови и посмотрела на меня.

— Фейри?

Я кивнул. — Малки. Практически, несомненно.

— Малки?

— Зимние Фейри, — пояснил я. — Кошачьи. Размером примерно с рысь.

— В таком случае ничего стального они не смогут вынести, — сказала она повеселевшим голосом.

— Ага, — сказал я. — Ты, наверное, сможешь справиться с полудюжиной.

Она кивнула, агрессивно взмахнула топором и повернулась, чтобы продолжить путь вглубь туннеля.

— Вот почему они собираются в стаи по двадцать особей, — добавил я, когда она сделала несколько шагов.

Град остановилась и недовольно посмотрела на меня.

— Это называется делиться информацией, — сказал я, показывая на стену. — Это территориальные метки независимого прайда. Малки сильнее природных животных, быстрее. Когда они хотят остаться незамеченными они становятся, практически невидимы и их когти острее и прочнее хирургической стали. Я видел однажды, как малк распустил на полосы алюминиевую биту. И, если этого недостаточно, они умные. Умнее некоторых людей, которых я знаю.

— Между двух огней, — прошипела Гард тихо. — Ты сможешь справиться с ними?

— Они не любят огня, — сказал я. — Но в таком ограниченном пространстве как это, я тоже не очень его люблю.

Гард кивнула.

— Мы сможем договориться с ними? — спросила она. — Оплатить проход?

— Они держат своё слово, как любые фейри, — я пожал плечами. — Если ты сможешь заставить их дать его. Но представь, как коты наслаждаются охотой, даже тогда, когда они не голодны. Подумай про то, как они играют со своими жертвами. Потом собери этот маленький, радостный

инстинкт убийцы от каждого кота в Чикаго и помести это все в одного малка. Они среди котов то же самое, что Ганнибал Лектор среди людей.

— В таком случае торговаться — не вариант.

Я покачал головой. — Я не думаю, что у нас есть, что предложить им. То чего они захотели бы больше, чем наших криков и крови.

Град кивнула, нахмурившись.

— В таком случае лучше всего, если они вообще не будут знать про нас.

— Хорошая мысль, — сказал я. — Но у этих существ кошачьи чувства. Я, наверное, смогу спрятать нас от их слуха или их зрения. Но они все еще смогут учуять нас по запаху.

Гард нахмурилась. Она полезла в карман пиджака и достала оттуда тонкую коробочку из старой, бледной слоновой кости. Она открыла ее, и начала осторожно доставать оттуда маленькие костяные фишки.

— Фишки для "Скрэббл"?[23] — спросил я. — Я не хочу играть с малками. Они реально плохи в использовании множественных чисел и имен собственных.

— Это руны, — сказала Гард тихо. Она выкладывала их одну за другой, равномерно дыша и, когда доставала последнюю руну то вынимала её с таким благоговейным почтением, которое я видел только у военных саперов. Держа последнюю костяную фишку перед собой на ладони, она закрыла коробочку и положила в карман

Я был знаком с древнескандинавскими рунами. Руна же на костяной фишке в её руке была мне абсолютно незнакома.

— Гм. Что это? — спросил я.

— Руна Рутины, — ответила она спокойно. — Ты сказал, что знаешь магию иллюзий. Если сможешь сделать, чтобы мы выглядели, как они хотя бы несколько секунд это должно позволить

---

[23] Примечания: 23

Scrabble «Скрэббл» ("Крестословица") Товарный знак настольной игры в слова производства компании "Маттел"(Mattel). Состоит в том, чтобы фишки с нанесенными на них буквами алфавита расставить в виде слов на разграфленной доске. Игрок набирает очки в зависимости от количества и «стоимости» использованных им букв. Изобретена в 1930-е А. Баттсом (Butts, Alfred M.), запатентована в 1948 и получила широкое распространение. В 1972 была создана Национальная ассоциация любителей игры в «Скрэббл», насчитывающая около 15 тыс. членов. Ныне — вторая по популярности настольная игра после "Монополии". Российский аналог — игра "Эрудит".

нам пройти мимо незамеченными, как если бы мы были повседневной частью их дня.

Точнее говоря, я сказал Гард, что я знаком с магией иллюзий, а не знаю ее. По правде говоря, это, пожалуй, моё слабое место. Никто не идеален во всем, не так ли? Я действительно хорош в бум-тарарам магии. Но моё владение иллюзиями эквивалентно возможностям художника, который нарисовал всего несколько картин с чашами фруктов.

Мне оставалось только надеяться, что то чего не знает Гард, не убьет нас обоих. У Элизабет не было много времени, а у меня не было большого выбора. Кроме того, почему мы должны проиграть? Если попытка прокрасться незамеченными провалится, мы можем всегда вернуться к переговорам или драке, не так ли?

Мышь рассудительно посмотрел на меня.

— Отлично, — сказал я. — Так и сделаем.

Хорошая иллюзия — это почти полностью воображение. Вы создаёте картинку у себя в уме, представляете каждую деталь, представляете так сильно, что картинка у вас в голове становится практически реальной, осязаемой. Вы должны увидеть её, услышать её, коснуться её, попробовать её на вкус, понюхать её, привлечь все ваши

чувства в эту (теоретически) реальность. Если вы сможете сделать это, если вы сможете поверить в вашу поддельную версию реальности, тогда вы можете направить энергию в неё и создать её в умах и чувствах любого, кто на неё посмотрит.

Для протокола: точно так же все лучшие лжецы и ведут дела — они представляют воображаемые версии вещей настолько непротиворечивыми, что практически верят сами себе.

Я не очень хороший лжец, но я знаю основы, как работают иллюзии и у меня есть два секретных оружия. Первым была прядь шерсти настоящего малка, которую я мог использовать для большего соответствия моей иллюзии. Вторым был мой приятель — большой серый кот по имени Мистер, который снизошел до того, чтобы разделить его апартаменты с Мышем и со мною. Мистер не ходит со мной по делам, потому что он выше таких тривиальных материй. Однако он находит мою компанию приятной, когда я дома и не особо верчусь повсюду, за исключение тех случаев, когда его нет, и он возвращается домой, нагулявшись.

Сжав шерсть малка в руке, я закрыл глаза, как только закончил рисовать мелом круг. Я постарался отчетливо представить себе картинку в

голове, беря за модель Мистера. Я видел малков несколько раз — на большинстве из них были такие же отметины, как и боевые шрамы Мистера. Они не выглядели в точности как коты, тем не менее… У них была другая форма головы, и их мех был грубым и плотным. На лапах было больше пальцев, и они были шире, чем у котов, но основа их движения была точно такая же.

— Noctus ex illuminus, — прошептал я, как только картинка окончательно закрепилась в моих мыслях. Картинка с тремя уродливыми, тощими, покрытыми боевыми шрамами малками, которые идут по собственным тихим мирным делам. Я направил энергию, которая будет питать иллюзию и нарушил круг медленным, аккуратным движением.

— Это уже работает? — просила Гард невозмутимо.

— Да, — ответил я. Мои глаза были все еще закрыты, концентрируясь на иллюзии. Я провел руками вокруг, нащупал широкую спину Мыша и положил одну руку на его холку. — Хватит отвлекать меня. Идем.

— Ладно. — Она сделала короткий вздох, что-то шепнула, а затем раздался треск и вспышка света. — Руна активирована. — Сказала Гард. Она

положила руку мне на плечо. Малки не используют никаких источников света, и если группа иллюзорных малков попытается пройти со светом, это уничтожит весь эффект, который мы старались произвести. Поэтому нам предстояла прогулка в темноте.

— У нас есть около пяти минут.

Я хмыкнул, держась за собаку, и мы начали движение, доверив Мышу выбирать направление. Несмотря на то, что вокруг была темнота, я не рискнул открывать глаза. Любое отвлечение от картинки в моём мозгу способно разорвать иллюзию так же, как ураган разрывает туалетную бумагу. Поэтому я шел, сосредоточившись, и надеялся, черт побери, что это сработает.

Я не мог представить себе, сколько прошло времени, но мы шли, по моим внутренним ощущениям, где-то около получаса. Я как раз собирался спросить Гард, прошли ли мы уже опасный участок, когда нечеловеческий голос не дальше чем в футе от моего левого уха произнес, на явном английском:

— Каждый день прибывает всё больше новых когтей. Мы голодны. Мы должны разорвать на лоскутки эту обезьяну и покончить с ним.

Меня это так напугало, что сердце ушло в пят-

ки, но я удерживал картинку у себя в голове. Я слышал прежде, как говорят малки. Их странное произношение слов, тревожные интонации и звук только усилили картинку в моей голове.

Повсюду вокруг нас раздался целый хор голосов произносящих поддерживающие унизительные заявления. Малки выкрикивали их лениво на изменённом английском. Их было больше чем двадцать. Это была маленькая орда.

— Терпение, — сказал другой малк. Было ясно, что эта беседа повторялась уже множество раз. — Пускай обезьяна думает, что ему удалось привлечь нас, как обычных сторожевых собак, чтобы мы охраняли вход. Он охотился на территории чародея. Чародей придёт, чтобы встретится с ним. Эрлкинг[24] хорошо отблагодарит нас и будет благосклонен к нам, когда мы принесем ему голову чародея.

Боже. Я почувствовал себя знаменитым.

— Я устал от ожидания, — возразил еще один малк. — Давайте убьем обезьяну и его добычу, а потом поохотимся на чародея и прикончим его.

— Терпение, охотники. Он сам прейдет к

---

[24] Примечания: 24

Это из "Барабаны зомби", когда Гарри вызвал Эрлкинга и пытался удержать его чтобы сорвать Темносияние, за что Эрлкинг немного на него обиделся.

нам, — сказал первый голос. — Обезьянья суета привлечет его, после чего мы повергнем чародея. — Оттенки удовольствия безошибочно слышались в его голосе. — И его маленькую собачку тоже.

Мышь беззвучно, вибрирующее зарычал. Я смог, откровенно говоря, почувствовать это только потому, что прикасался к его спине. Он, тем не менее, продолжил путь, и мы вышли из длинного туннеля, оккупированного малками. Это было бесконечное множество минут и несколько поворотов, прежде чем Гард облегченно выдохнула сквозь зубы:

— Их было больше, чем двадцать.

— Точно, я тоже заметил это.

— Я думаю, мы миновали их.

Я вздохнул и, вызывая вновь тусклый свет из моего амулета, развеял магию, которую удерживал в голове. Или попробовал развеять, во всяком случае. Я открыл глаза и моргнул несколько раз. Моя голова была похожа на один из тех телевизоров в универмаге, на котором зависла картинка, из-за чересчур долгого просмотра. Я смотрел на Мыша и Гард, но видел диких, с приплюснутой головой малков. Последствия иллюзии, которую я представлял вокруг них с таких усердием.

— У тебя есть еще одна из этих рунных штучек? — спросил я её.

— Нет.

— Нам придется быть очень изворотливыми на пути назад, — сказал я.

— Об этом пока нет нужды волноваться, — безразлично произнесла Гард, начиная идти вперед.

— Уверен, что есть. Когда у нас будет девушка, нам нужно будет выбираться вместе с ней. Господи, ты никогда ничего не читала из творчества Джозефа Кемпбелла?[25]

Она пожала одним плечом.

— Грендельки́н — это сложный и тяжелый противник. Так что одно из двух, мы или умрём, или нет. Так что шансы пятьдесят на пятьдесят, что нам придется волноваться насчет малков на обратном пути. Зачем тратить на это силы, если мы еще не знаем, будет ли это необходимо?

— Можешь звать меня сумасшедшим, но я обнаружил, что когда я размышляю над серьезными вещами, например о том, как выбраться на поверхность, это делает проще управление маленькими вещами. Например, как не сбить

---

[25] Примечания: 25
американский исследователь мифологии

дыхание.

Она подняла вверх руку и сказала: — Погоди.

Я, прислушиваясь, замер. Мышь, принюхиваясь к воздуху, остановился, его уши крутились, как два маленьких радара, но он не подавал знака, что заметил поблизости опасность.

— Мы близко к его логову, — прошептала она.

Я удивленно приподнял брови. Туннель выглядел точно так же, как и тот, по которому мы шли несколько минут назад.

— Откуда ты это знаешь?

— Я могу это чувствовать, — сказала она.

— Ты можешь чувствовать?

Она двинулась вперед.

— Да. Это так я узнала, что он начал передвигаться по городу.

Я усмехнулся.

— Было бы очень мило, если бы ты заранее поделилась этой информацией.

— Уже недалеко, — сказала она. — Мы должны успеть вовремя. Идем быстрее.

Я почувствовал, как мои брови поднимаются вверх. Мышь превосходил нас двоих, когда дело касалось чисто физического восприятия, но он не показывал, что обнаруживал что-то враждебное впереди. Мои собственные чувства были

настроены на восприятие всех видов сверхъестественных энергий и с тех пор, как мы спустились в Преисподнюю, я держал их настороже. Я не чувствовал активности любого вида, которая могла бы ощущаться как враждебное присутствие.

Если знание — это сила, то невежество — это слабость. При моей работе, невежество может вас убить. Гард ничего не сказала про мистическую связь между ней и этой бестией, но это наиболее вероятное объяснение того, как она может ощутить его присутствие, когда я этого не мог сделать.

Проблема была в том, что подобные виды связи по определению не могут работать в один конец. Если она может чувствовать грендельки́на, было бы странно, если он, в свою очередь, не мог чувствовать её.

— Ох, подожди, — сказал я. — Если это существо знает, что мы приближаемся, мы же не хотим бежать вслепую?

— Нет времени. Оно почти готово к спариванию. — Раздражение рычащими нотками скользило в её голосе, Она взяла топор наизготовку и достала из вещмешка то, что выглядело как дорожный фонарь, после чего отбросила мешок в сторону.

Затем она запрокинула назад голову и издала крик чистого, злого вызова. Звук был такой громкий, такой дикий и неукротимый и такой примитивный, что его было неожиданно услышать от человека. В нем не было слов, но это, без сомнения был вызов. В ее крике слышалась безудержная ярость, презрении к опасности, к жизни… и к смерти. Этот боевой клич пробрал меня до дрожи, а ведь он даже не был направлен в мою сторону.

Гард зажгла свет резким поворотом запястья и оглянулась на меня через плечо. Зловещие зеленые отблески играли на её лице, создавая причудливые тени. Её ледяные глаза были широко открыты, губы сжаты в бледном ободке улыбки, такой узкой, что кровь отлила от них. Ей голос вибрировал и вызывал дрожь:

— Достаточно разговоров.

Святой Шварценеггер.

Гард была психом.

Это было реакцией не на хладнокровного, здравомыслящего профессионала, которого я видел работающим на Марконе. На самом деле я никогда не видел никого из настоящих, старой закалки, берсерков. Но этот крик…. Это было как эхо, прозвучавшее через столетья из глубины

веков — из древнего, жестокого мира теперь затерянного в тумане времени.

И внезапно у меня не осталось никаких проблем с тем, чтобы поверить в её возраст. Она стояла готовая сорваться в бой — слегка покачивая топор в правой руке, держа пылающую звезду патрона в левой. Гард издала другой пронзительный крик баньши, одновременно двигаясь дальше. В бессловесном крике вызова гренделькину, озвучивая свои намеренья лучше любого количества выражений: "Я иду убить тебя".

Впереди в туннеле, что-то большое, гораздо больше, чем Гард, ответило ей глубоким, грудным, басистым рёвом, который сотрясал стены: "Приди и попробуй!"

Мои колени начали дрожать. Блин, даже Мышь остановился, слегка припав к земле с ушами, прижатыми к голове, низко повисшим хвостом. Я сомневаюсь, что выглядел более бесстрашным, чем он, но я заставил свои мозги снова заработать, выплюнул прочь нервную дрожь, и поспешил за Гард.

Может быть, это была тупая идея бросаться головой вперед, но было бы еще худшей идеей стоять поблизости и ничего не предпринимать, упуская шанс воспользоваться той помощью,

которую мне удалось получить. Как бы то ни было, но я согласился работать с Гард, и не мог позволить ей войти с неприкрытой спиной.

Так что я бросился сломя голову вниз по туннелю, к источнику ужасающего рёва. Мышь, более благоразумный, чем я, колебался на несколько секунд дольше, потом склонился к тому, чтобы последовать за нами. Догнав и немного опередив меня, он побежал шаг-в-шаг со мною. Мы преодолели около двадцати ярдов по туннелю, прежде чем его дыхание начало вырываться наружу в рыке чистой, откровенно враждебности, и он издал свой собственный вызов на битву.

Мда, когда ты в Киммерии,[26] надо делать так, как делают киммерийцы. Я тоже заорал. Мой крик растворился среди других эхо, блуждавших по туннелю.

Гард, бежавшая на расстоянии десяти шагов впереди меня, ворвалась в помещение. Она буквально бросила свое тело в прыжок, растворяясь в воздухе и исчезая из виду. Ушедший вниз зеленый свет осветительного патрона показал мне, что туннель заканчивался помещением разме-

---

[26] Примечания: 26

Киммерия, страна, находившаяся на юге, по книгам Роберта Говарда, родина Конана-Варвара.

ром с маленький отельный атриум.[27] Если бы Мышь не остановился и не оглянулся на меня, я бы, наверное, соскользнул с выступа прежде, чем смог затормозить. Наверняка, я бы очень хорошо смотрелся, размазанный по влажному каменному полу, который находился как минимум в тридцати футах подо мной.

Гард приземлилась на ноги, сразу же гася инерцию кувырком, и волосатое расплывчатое пятно размером с промышленный холодильник с кашляющим рёвом пролетело мимо нее, ударяясь в стену и вызывая дрожь.

Женщина с белыми волосами подскочила вверх, оттолкнулась от стены, подскочив еще выше, и приземлилась на ноги, высоко подняв топор. Она уронила патрон на пол и, это дало мне возможность хорошо осмотреть место и все предметы в нём.

Прежде всего, помещение, пещера, чем бы оно не было — было огромным. Тридцать футов от пола до потолка и, по меньшей мере, около тридцати футов в ширину. Его длина терялась в темноте, далеко вдали за кругом света, созданным патроном. Большинство стен было из

---

[27] Примечания: 27

атриум (закрытый внутренний дворик в центре древнеримского жилища, куда выходили остальные помещения)

природного камня. На некоторых поверхностях были видны следы грубой обработки ручными инструментами. С-образный выступ около двух футов шириной вдавался в комнату почти под потолок. Я отошел чуть дольше вниз, к пещере. Там были ступени, вырезанные в стене чуть ниже меня — если только можно назвать лестницей двадцатидюймовые выступы, через каждые несколько футов грубо вырубленные в камне.

Я бросил взгляд через пещеру вниз. Гигантская груда газет, одеял, окровавленной одежды, и неидентифицируемых ошметков ткани, должно быть, служила гнездом или постелью для этого создания. Она была около трех футов в толщину в центре, и около десяти или двенадцати футов в диаметре. Горка костей, поблизости, приближалась к большой. Старые кости начисто очищенные от мяса блестели в зловещем свете патрона. Несмотря на это горка кишмя кишела крысами и паразитами, всевозможных размеров и мерцающих красных глаз.

Огромный камень размещался в центре пола. Металлическая пивная кега стояла наверху него, между широко раздвинутыми и привязанными ногами довольно привлекательной и практически обнаженной молодой девушки. Она была

привязана грубыми веревками, прямо поверх толстого слоя старых кровоподтеков, которые делали поверхность камня практически резиновой. Её глаза были широко раскрыты, лицо покраснело от слез. Она кричала.

Гард закрутила топор перед собою в серии пугающих дуг, превращая его в большую мохнатую кляксу. Я не представлял, что она может двигаться так быстро, чтобы держаться наравне с этим существом. Они оба двигались со скорость актеров в фильмах про кун — фу. Один из ударов Гард должно быть задел его, потому что раздался глухой рев бешенства, и грендельки исчез в тенях там, куда не доставал свет от патрона.

Гард издала разочарованный вой. Наконечник её топора был испачкан в черной жидкости, и когда она растеклась по лезвию, замерцали серебристые огоньки, сложившиеся в очень странные руны.

— Чародей! — закричала она. — Мне нужен свет!

Я уже как раз делал это, подняв амулет выше над головой и направляя в него больше силы. Тусклый волшебный огонек вспыхнул раскаленным пылающим светом, осветив как минимум сотню футов длинного штрека и вызвав пронзи-

тельный крик боли и удивления у грендельки́на.

Я наблюдал его около пары секунд — чуть согнувшегося, с одной поднятой рукой, чтобы защитить глаза. Грендельки́н был покрытый должно быть четвертью тонны мускулов, и ногти на его пальцах рук и ног были черные и опасно выглядевшими. Он был большим, девять или десять футов ростом и покрытый волосами. Не шерстью, как медведи или собаки, а волосами, человеческими волосами, с бледной кожей виднеющейся под ними, так что впечатление он производил скорее, как очень волосатый человек, а не как животное.

Определённо мужчина. Пугающе так… Я видел меньше огнетушители. И судя по внешнему виду, мы с Гард прервали его на середине прелюдии.

Не удивительно, что он недоволен.

Гард увидела грендельки́на и бросилась вперед. Я увидел шанс внести свой вклад в общее дело. Подняв посох и, направив его в существо, я с волевым усилием прорычал:

— Fuego!

Мой посох был важным приспособлением, позволяющим мне фокусировать и направлять энергию гораздо более точно и с большей концентрацией, чем я мог направить без него. Он

не служил для управления огнем так же хорошо, как мой любимый боевой жезл, но для этой цели он подойдет просто отлично. Столб золотого пламени, шириной с бочонок для виски, пролетел через штрек, и вонзился гренделькину в голову и верхнюю часть туловища. Луч был слишком расфокусированный, чтобы убить гренделькина немедленно, но я надеялся, что этого будет достаточно, чтобы ослепить его и дезориентировать на время достаточное, чтобы Гард смогла нанесла смертельный удар.

Гренделькин опустил руку, и я увидел короткую вспышку желтых глаз, мерзкое лицо и полный рот клыков. Его зубы обнажились в улыбке и я понял что мог с таким же успехом ударить его струёй воды из садового шланга судя по тому какой эффект на него оказало пламя. Он шевельнулся, и резко подняв массивные руки, швырнул в меня камень. Поверьте мне, таланты гренделькина бездумно растрачивались в похитительно-изнасилово-пожирательной индустрии. Ему следовало бы быть профессиональным игроком в американский футбол.

Пока я сознавал, что в меня летит камень, он уже ударил меня. Это был короткий хруст в левом плече и волна агонизирующей боли. Что-то

швырнуло меня на землю, выбив воздух из легких. Мой амулет выпал из онемевших пальцев, и бриллиантовая звезда света умерла в одночасье.

Проклятье, я предполагал, что такой большой и страшный противник просто обязан быть тупым, но это явно не касалось грендельки на. Он выждал, пока Гард покинет круг света от лежащего патрона, прежде чем метнул камень.

— Чародей! — закричала Гард.

Я не мог ничего рассмотреть. Короткая вспышка яркого света ослепила мои глаза, Гард была не в лучшем положении из-за резкого перепада освещения. Я поднялся на ноги, стараясь не закричать от боли в плече и шатаясь, подошел, чтобы посмотреть вниз на комнату.

Грендельки н заревел, а женщина закричала — на этот раз от боли. Раздался звук тяжелого удара, и Гард с пустыми руками неясной тенью пролетела через круг зеленого света. Она ударилась о стену с неприятным, тяжелым звуком.

Это все случилось так быстро. Адские колокола! Но здесь я играл не в своей лиге.

Я повернулся к Мышу и прошептал инструкцию. Мой пес посмотрел на меня, прижал уши к голове и не двинулся с места.

— Иди, — закричал я на него. — Вперед, вперед,

вперед!

Мышь развернулся и поплелся по тому пути, откуда мы пришли.

Гард упала на пол подо мною, слабо шевелясь возле кромки тусклого света, создаваемого патроном. Я не мог сказать, настолько тяжело она была ранена — но я знал, что если я ничего не предприму до того, как грендельки прикончит её, ей уже никогда не станет лучше. Я слышал, как в отчаянье рыдала Элизабет.

— Давай же, Гарри, — сам себе прорычал я. — Придумай что-нибудь.

Я мог еле-еле двигать левой рукой, поэтому схватил посох в правую руку и начал спускаться по ненадежной каменной лестнице.

Из кромешной тьмы раздался смех. Это был глубокой голос — сильный, сочный и спокойный. Он заговорил с отчетливым, правильным произношением.

— Гаутская сучка, — проворчал грендельки. — Это наиболее веселое из того, что случалось со мною за столетье. Блин, но я бы хотел, чтобы немного больше Выбирающих ходили по свету… Вы вымирающий вид.

Я с трудом мог рассмотреть при свете патрона эти проклятые ступеньки под ногами. Моя нога

соскользнула, и я почти упал.

— Заклинатель? — спросил грендельки́н.

— Ваше здоровье, — буркнул я.

Его голос прозвучал от дальнего конца светового круга, и я остановился. Желтые глаза грендельки́на светились злобой и голодом. Он медленно поигрывал когтистыми руками, обнажив зубы в улыбке. У меня во рту резко пересохло, ноги начали дрожать. Я видел, как он двигается. Если он двинется ко мне, все может обернуться очень скверно.

Зачеркните это. Ели он двинется ко мне, все точно обернется очень скверно.

— Это огнетушитель у тебя в кармане?[28] — спросил я, внимательно его изучая. — Или ты просто так рад меня видеть?

Улыбка грендельки́на стала еще шире.

— Больше склоняюсь ко второму. У меня будет в скором времени запас еды на два месяца. Что же она пообещала тебе? Как она одурачила тебя, чтобы ты пошел вместе с нею?

— Ты заблуждаешься. Это я разрешил ей следо-

---

[28] Примечания: 28

Этот вопрос является переделкой знаменитой фразы Мэй Вест из фильма "Она была неправа" (1933). В начальном варианте фраза звучала так: "Это у тебя пистолет в кармане или ты просто так рад меня видеть?" Американцы обожают ее всячески переделывать.(пояснение взято из перевода Юлиетты, "Маленькое одолжение")

вать за мной, — сказал я.

Раздался тихий, ленивый, злобный смех грендельки-на. Это было адски жутко, слышать такой благородный голос из такой упаковки, как эта.

— Ты думаешь, ты угроза для меня, маленький человек?

— А ты думаешь, нет?

Грендельки-н лениво поднял когтистыми пальцами одной руки лежащие поблизости от него камни. Маленькие булыжники прыгали на его ладони туда-сюда.

— Я научился отражать магию заклинаний раньше, чем покинул Старый Свет. Учитывая это, ты не больше чем обезьянка с палкой. — Он помолчал и добавил, — К тому же очень слабая и неуклюжая обезьянка.

— У такого большого парня как ты, не должно возникнуть никаких проблем с маленьким, потрепанным мною, в таком случае, — сказал я. У него были странные глаза. Я никогда не видел ничего похожего на них. Его лицо, несмотря на отталкивающий вид, было похоже на нормальное человеческое лицо. — Я догадываюсь, тебя объединяет какая-то история с миссис Гард.

— Семейная вражда всегда наихудшая, — сказал грендельки-н.

— Приходится верить тебе на слово, — сказал я. — Я хотел только забрать женщину. И я бы предпочел сделать это миролюбиво, чем идти по трудному пути. Твой выбор. Лучше уйди, большой парень. И мы оба будем счастливы.

Гренделькин уставился на меня, потом запрокинул голову в глубоком, очень задорном смехе. — Помимо того, что у меня уже есть племенная кобылка и нашлась маленькая кошечка для игр, так же у меня есть и клоун. Это практически фестиваль какой-то.

И, сказав это, гренделькин атаковал меня. Мощный кулак, размером с волейбольный мяч, задел моё лицо. Я был достаточно быстр, чтобы с трудом, но ускользнуть от прямого удара. Я бросился на пол штрека, с трудом дыша из-за боли, которая раскаленными угольками пронзила моё плечо. Кузнечный молот из мяса и костей вмялся в стену, где я недавно стоял с ломким, хрустящим звуком. Осколки разлетающихся камней ужалили меня в щеку.

Это до чертиков испугало меня, что было мне только на руку. Страх — это прекрасное топливо для некоторых видов магии. И убирайся—к—черту—от-меня поток сырой силы, которую я спустил с привязи на гренделькина, той силы, при по-

мощи которой я опрокидывал припаркованные машины на другую сторону улицы и пробивал стены зданий.

Гренделькин все-таки не шутил про знание контрмагии. Вся эта голая сила ударила его и, так сказать, обтекла его, как вода огибает камень. Это только оттолкнуло его на пару шагов — что было достаточно для того, чтобы я стал на одно колено и направил свой посох снова. Этот удар нельзя было назвать костедробильным, он был нанесен в полсилы и из немного неустойчивого положения. Но я попал ему в огнетушитель.

Гренделькин завыл примерно на две октавы выше. Я бросился вперед, оббежал вокруг него, направляясь к алтарному камню, на котором лежала беспомощная Элизабет Брэддок. Как можно дальше от Гард. Я хотел, чтобы гренделькин сфокусировал все свой внимание на мне.

Он так и сделал.

— Позади тебя, — закричала Элизабет, её глаза были широко открыты от ужаса.

Я обернулся и почувствовал, как легко гренделькин вырвал посох из моей руки. Что-то похожее на стальные тиски сжалось вокруг моей шеи, и мои ноги оторвались от земли. Гренделькин поднял моё лицо до уровня своих глаз. Его

дыхание воняло кровью и гниющим мясом. Его глаза сияли от бешенства. Я ударил его, но он держал меня подальше от жизненно важных мест и все мои удары пришлись на его грудь и ребра.

— Я собирался сделать это быстро для тебя, — сквозь зубы прорычал он. — За то, что позабавил меня. Но теперь я собираюсь начать с твоих рук.

Если бы он не стоял именно там, где я хотел, я был бы менее оптимистичен насчет моих шансов на выживание. По крайне мере я сделал то, что хотел. Он повернулся спиной к туннелю.

— Буду отрывать их по очереди, одну за другой, — Он задумался. — В чем, если посмотреть с литературной стороны, присутствует некоторое количество иронии. — Он показал мне еще больше зубов. — Я заставлю тебя смотреть, как я съем твои руки. Я заставлю тебя смотреть, на то, что я сделаю с этими сучками, прежде чем я покончу с тобой.

Молодец, он действительно собирался сделать это.

Он схватил меня за левую руку, и боль из вывихнутого плеча заставила мир вокруг меня побелеть. Несмотря на агонию, я сражался. Я выхватил остроконечную расческу Элизабет Бреддок из кармана плаща и вонзил, как нож для

колки льда в предплечье грендельки на.

Он заревел и кинул меня в ближайшую стену.

Это больно. Очень.

Я упал на каменный пол пещеры безвольным хламом. После чего, моё зрение сузилось до туннеля и начало исчезать в темноте. Все это было мне на руку. Оно отвлекало внимание от того что я собирался сделать. Всё на что я надеялся, это на то, что все совпадет по времени.

Сверху, от входа в туннель пророкотал вниз странный, завывающий шепот, искаженный эхом до полной неузнаваемости.

Разъяренный грендельки н вырвал расческу из свой руки и отшвырнул её в сторону. Он повернул свою отвратительную рожу к источнику звука. Я максимально сосредоточился на заклинании, которое я должен был закончить. Оно было сложнее всего, что я когда-либо делал. У меня не было круга, чтобы помочь мне, множество помех, и абсолютно не предназначенное для этого место.

Странный звук превратился в завывающий хор, словно полсотни цепных пил заработали одновременно, и Мышь вырвался из туннеля с ревущей ордой малков на хвосте.

Мой пес прыгнул в воздух и малки последовали за ним, стараясь не дать ему возможности

ускользнуть. Мышь пролетел тридцать футов и с поскуливанием приземлился на огромную кучу сваленных в гнезде вещей. Яростно завывая малки, бросились за ним — дюжины и дюжины злобных глаз сверкали в свете патрона. Некоторые прыгали, некоторые плавно спускались по грубым ступенькам, а некоторые бросались вперед, вонзая когти в дальнюю стену и спускаясь вниз, как пожарные по шесту. Я высвободил заклинание.

— Бесполезные паразиты, — прокричал грендельки́н, его голос все еще оставался на октаву выше, чем раньше. Он указал на меня, избито выглядевшего мужчину в длинном кожаном плаще, и проревел, — Убейте чародея или я сожру вас всех до единого!

Малки, сейчас направляемые больше страхом, чем яростью, немедленно толпой кинулись на меня. Я выждал некоторое время, но их было наверное больше, чем три дюжины и кожаный плащ не мог прикрыть меня всего.

Заблестели клыки и когти.

Брызнула кровь.

Малки сошли с ума от жажды крови.

Я закричал, дико дергая обеими руками, убивая малков, но неспособный защитить себя от всех их

когтей и зубов. Грендельки́н вновь повернулся к беспомощной Элизабет.

Это было трудной задачей, стараться развязать затянутые веревки, держа в голове наложенную иллюзию… Под мороком, который сделал грендельки́на выглядевшим как я, он яростно дрался, ударяя когтями и расшвыривая атаковавших его малков. Увидев меня в образе грендельки́на, Элизабет снова закричала. Извините. Никакой план не идеален.

— Мышь! — позвал я.

Малк визжа, пролетел над моей головой и разбился о стену.

Мой пес подскочил ко мне, как только я освободил девушку. Я толкнул её к нему и приказал:

— Выведи её отсюда! Беги! Вперед, вперед, вперед!

Возможно, Элизабет не понимала, какого черта тут происходит, но последнюю фразу она поняла достаточно хорошо. Она побежала, направляясь к грубой лестнице. Мышь бежал возле неё и когда малк прыгнул на обнаженную спину Элизабет, мой пес перехватил маленького монстра в воздухе так же четко, словно он ловил фрисби[29]

---

[29] Примечания: 29
пластиковый диск для игр на природе

в парке. Мышь зарычал и сжал челюсти всего только один раз. С хорошо слышимым треском шея малка сломалась. Моё пес бросил его и порыкивая побежал дальше.

Я подхватил свой посох и подбежал к Гард. Малки пока её не заметили. Они были все еще заняты, совместно нападая на грендельки на…

Проклятье. Моя концентрация развеялась. Все стало выглядеть самим собой, как до моего вмешательства.

Я повернулся и направил свою силу на гигантскую груду дочиста обглоданных костей. Затем, вытянув посох, сердито проворчал: "Отрази вот это. Forzare!"

Сотни фунтов острых белых костей понеслись в грендельки на и в окружающих его малков. Я бросил кости из всех сил, сильнее, чем грендельки н швырнул в меня каменюку, и осколки вонзились в них, как заряд из огромного дробовика.

Не дожидаясь, чтобы глянуть на результат, я подхватил всё еще горящий патрон и кинул его на гнездо сделанное из утрамбованной ткани, окровавленной одежды и старых газет. Вся насыпь тот час загорелась сердитым пламенем и удушливым дымом.

— Вставай, — прокричал я Гард. Одна сторона

её лица опухла и представляла собой сплошной синяк, у нее явно была сломана рука, а из кожи на предплечье торчала кость. С моей помощью она поднялась, полубессознательная и задыхающаяся от дыма, который расползался по всей пещере, заглушая свет. Я помог ей подняться по лестнице и даже в нашем избитом состоянии мы установили своего рода рекорд скорости, поднимаясь по ней.

Оглушительный хор ревущего грендельки на и воющих малков слегка затих, когда дым добрался до них, и они начали задыхаться. Воздух поступал из туннеля, как из огромного дымохода и пламя разгоралось изо всех сил. Я снова зажег амулет, чтобы осветить нам путь.

— Подожди! — с трудом сказала Гард, когда мы прошли пятьдесят футов по туннелю вверх. — Подожди!

Она неуклюже полезла в карман пиджака, где она держала маленькую костяную коробочку, но не смогла достать её из-за сломанной руки. Я достал коробочку для неё.

— Треугольник, на нём три линии, — сказала она, прислоняясь к стене, чтобы не упасть. — Достань её.

Я вытянул маленькую костяную фишку, кото-

рая подходила под её описание.

— Эту? — уточнил я.

— Осторожнее, — проворчала она. — Это руна Разлуки. — Она взяла её у меня, сделала несколько шагов по направлению к пещере гренделькина, что-то неслышно прошептала и со щелчком положила фишку. Потом была вспышка глубокого красного света, и туннель затрясся и затрещал.

— Бежим!

Мы так и сделали.

Позади нас туннель захлопнулся с ревом, запечатывающим малков и гренделькина, оставляя их пойманными в ловушку удушливого дыма.

Мы остановились спустя мгновенье, после того как улеглась пыль, поднятая смыкающимися стенами и звуки голосов разъяренных сверхъестественных существ, отрезало, как если бы кто-то повернул выключатель. Тишина была оглушающей.

Мы оба стояли там, задыхающиеся и израненные. Гард опустилась на пол, чтобы передохнуть.

— Ты была права, — сказал я. — Я догадываюсь, нам нет нужды волноваться насчет малков на обратном пути.

Гард подарила мне слабую улыбку.

— Это был мой любимый топор.

— Вернись за ним, — предложил я. — Я подожду тебя здесь.

Она фыркнула.

Мышь, неуклюжей, шаркающей походкой, спустился к нам сверху из туннеля. Элизабет Бреддок вцепилась в его ошейник, и выглядела сильно смущенной отсутствием одежды.

— Ч-ч-что? — она заикалась. — Что тут случилось? Я н-не понимаю.

— Все в порядке, миссис Бреддок, — сказал я. — Вы в безопасности. Мы собираемся отвести вас обратно к вашему мужу.

Элизабет закрыла глаза, вздрогнула и начала плакать. Она присела, обхватила руками гриву Мыша и спрятала лицо в его шерсти, дрожа от холода. Я снял свой плащ и накинул его ей на плечи.

Гард посмотрела на неё, потом на свою сломанную руку и тоскливо вздохнула.

— Мне надо выпить.

Я выплюнул какой-то песок изо рта, и сказал, — Ditto.[30] Идем.

Я протянул ей руку, чтобы помочь подняться. Она приняла её.

---

[30] Примечания: 30
итал. означает согласие к вышесказанному.

Мы с Гард вернулись в паб, где пивной фестиваль приближался к логическому завершению, несколько часов и докторов спустя. Мак ждал нас за столом. Бреддок заикаясь, проговорил огромное количество неуместных благодарностей и убежал. На бочонке Мака красовалась голубая ленточка. Он налил всем нам по кружке.

— Ночь Живого Пива, — пробормотал я. У меня были болеутоляющие для плеча, но я дожидался того времени, когда окажусь, дома в постели, чтобы принять их. И в результате: я испытывал боль везде, — Больше подходит ночь живых синяков.

Мак покраснел, отпил из свой кружки и поднял ее, салютуя нам с Гард.

— Спасибо.

— Без проблем, — ответил я.

Гард слегка улыбнулась и кивнула головой Маку, когда он встал из-за стола.

Она прикончила собственную кружку и пристально посмотрела на повязку на руке.

— Близко было.

— Немного, — сказал я. — Могу я спросить у тебя кое-что? Она кивнула.

— Грендельки́н назвал тебя Гаутом,[31] — ска-

---

[31] Примечания: 31
Беовульф был гаут

зал я.

— Да, он сделал это.

— Я знаком только с одним человеком, упомянутым таким образом — сказал я.

— Встречаются еще и другие, — ответила Гард. — Но каждый слышал только про эту.

— Ты назвала грендельки́на потомком Гренделя, — продолжил я. — И я так понял, что ты потомок гаутов?

Гард слегка улыбнулась.

— У моей семьи и у семьи грендельки́на длинная история.

— Он называл тебя Выбирающей, — сказал я.

Она снова пожала плечами и улыбнулась своей загадочной улыбкой.

— Гард это не твоё настоящее имя, — сказал я. — Не так ли?

— Конечно же, нет, — ответила она.

Я отпил еще немного отмеченного наградой темного пива Мака. — Ты валькирия. Настоящая.

Выражение её лица стало абсолютно непроницаемым.

— Я полагал, что валькирии в основном подбирают и доставляют, — сказал я. — Отбирают лучших воинов среди павших. Забирают их в Валгаллу… Ах, да, и наливают напитки там. Дев-

ственные дочери Одина, разливающие медовуху для воинов, пирующих до Рагнарёка.

Гард запрокинула назад голову и рассмеялась: "Девственные дочери!". Она поднялась, покачала головой и снова посмотрела на сломанную руку. Потом наклонилась и поцеловала меня в губы. Её поцелуй был сладким, чувственным и обжигающим. Я почувствовал его всем своим телом. Гм, некоторыми местами больше чем другими.

Гард медленно отклонилась, её бледно-голубые глаза сияли. Потом она подмигнула мне и сказала:

— Не верь всему, что ты читаешь, Дрезден. — Она повернулась, чтобы уйти, затем остановилась и оглянулась через плечо. — Хотя, если быть откровенной: иногда ему нравится, когда мы называет его Папочкой. Я — Сигрун.

Я наблюдал, как Сигрун уходит. Потом я допил остатки пива. Мышь ожидающе стоял возле меня. Он вильнул хвостом, и мы отправились домой.

9.3 Майк (2020)

Мне пришлось толкать Голубой Жучок последние тридцать футов до въезда на стоянку для ремонта мотоциклов и Фольксвагенов Безумного Майка. Затем, поскольку ремонт находился во впадине, все шесть футов и восемь или девять дюймов моего роста (прим.пер.: 207-210 см) нужно было успеть втиснуть в Жучок и направить его к одному из ремонтных отсеков.

Когда я ударил по тормозам, они протестующе взвизгнули.

И дверь со стороны водителя отвалилась.

Пошатываясь, я выполз из машины, устало взглянул на дверь и произнес:

- Какой же ты хрупкий.

Из кабинки в грязном гараже донесся звук спускаемого унитаза, и появился Майк Атаги, человек, который выглядел так, будто ему было лет пятьдесят пять, но таковым он стал еще лет в тридцать. Это был худощавый парень с лохматыми седыми волосами и все еще черной бородой.

- Господи, - сказал он, глядя на останки Жучка. - И что случилось на этот раз?

- Ты поверишь, если я скажу, что на меня напала гигантская сова? - ответил я.

- Нет, приятель. - сказал Майк, лениво скривив половину рта. - Потому что ты сумасшедший. Но ведь ты заплатишь?

- Само собой. - ответил я с ухмылкой, пожимая его руку. - Ты же возьмешься?

- Я мог бы построить Жучка из необработанной стали, если нужно, - сказал Майк и начал обходить машину.

Он остановился у проколов на крыше машины. Я имею в виду, что они выглядели именно так, чем и являлись, — следы огромных когтей, которые смогли разорвать сталь.

- Серьезно. - произнес Майк. - Скажи честно, что произошло?

Я все это время был честным. Ты не представляешь, насколько.

Но то, о чем спросил меня Майк, было совсем не то, что он хотел бы услышать. На самом деле он не хотел знать, что случилось с моей машиной. Он хотел знать, что мир, который он знал, пока остался тем же.

- Я проводил слежку по одному делу. - Ответил я. - Какие-то бандиты пришли с экскаватором.

- Хах, - произнес он. - Я так и знал. У тебя на-

сыщенная жизнь, малец. Как паршивое тв-шоу. - Он покосился на дыры в Жучке, затем на меня. - Сколько ты готов потратить?

- В идеале, я бы обошелся домашним печеньем.Он фыркнул.

- Тогда стандартный тариф. Дешево, быстро или хорошо, выбери два.

- Дешево и хорошо, - ответил я.- Хорошо, - сказал Майк. - Будет сделано.

10.1 Выходной (2008)

Вор осматривал еще один обнаруженный портал, когда я кое-что услышал — топот приближающихся шагов. Святая женщина была на середине очередной проповеди: о внимательности, предусмотрительности и все в таком духе, но я поднял вверх руку, призывая к тишине, и она была вынуждена замолчать.

Топот раздавался примерно на расстояние около двадцати шагов, быть может, чуть больше.

Я раздраженно фыркнул и достал свой меч,

— Компания.

— Спокойнее, сын мой, — сказала Святая женщина. — Мы даже пока не знаем, кто это.

Разрушенный мавзолей был достаточно далеко от проторенных путей, чтобы кто-нибудь мог потревожить нас из праздного любопытства. Святая женщина была фантазеркой, если она думала, что эта компания может быть дружески настроена. Они показались спустя мгновенье — окружной судья и две дюжины его разбойников.

— Всегда в окружении купленных госчиновников, — проворчал чародей позади меня. Я

оглянулся на него, а затем посмотрел на вора. Проворной маленькой шалуньи нигде не было видно.

— Вы проникли на запретную территорию, — прогромыхал судья. У него был громкий, рокочущий голос. — Оставьте это место немедленно, под страхом наказания Венценосных Законов.

— Сэр! — возразила Святая женщина. — Наша миссия здесь из разряда первостепенной важности. Мы имеем приказ от вашего собственного сеньора, который предписывает оказывать нам поддержку и помощь в этом деле.

— Но не попирать могилы моих подданных, — пророкотал он еще громче. — Прочь! Прежде чем я спущу девять огней Атарака на…

— Хватит болтать! — прорычал я и метнул тяжелый кинжал ему в грудь.

Направленный моими могучими мускулами, кинжал ударил его в сердце, двумя дюймами ниже левого соска. Превосходное попадание! Мой удар сбил его с ног. Сопровождающие его люди завыли в изумленной ярости.

Я достал огромный меч из наспинных ножен, издал львиный рык, и указал на две дюжины головорезов.

— Хватит болтать! — заорал я и разрубил два-

дцатифунтовым огромным мечом ближайшего ко мне разбойника, как будто он был тонкой деревянной палочкой. Он свалился безвольной грудой.

— Хватит болтать! — прокричал я, продолжая махать мечем. Я с легкостью смял несколько следующих головорезов, словно они были из парафина. Слева от меня, из ниоткуда возникла воришка, и проворным движением перерезала ахиллесовы сухожилия другому негодяю. Святая женщина взяла наизготовку дубинку и затянула молитву своему божеству во всю силу лёгких.

Чародей пронзительно закричал, и огненный фаербол пролетев над моей головой, взорвался на расстоянии двадцати одного фута передо мною. Затем как взрывная волна от ядерного взрыва он расплылся идеальным кругом, сжигая и запекая бандитов, а потом двинулся ко мне и нехотя остановился на расстоянии двенадцати дюймов перед моим носом.

— Ой, ладно тебе, перестань! — сказал я. — Оно работает совсем не так!

— Что? — потребовал пояснить чародей.

— Оно работает совсем не так! — настаивал я. — Даже если ты вызываешь огонь с помощью магии, то это по-прежнему огонь. Он ведет себя

как огонь. Он расширяется сферически. И для закрытого пространства, это означает, что он расширяется гораздо дальше в коридорах и тунелях. Он не мог пройти всего-навсего двадцать футов, а затем остановится.

— Фаерболы используются, чтобы они срабатывали именно таким образом, — вздохнул чародей. — Но знаешь ли ты, что это рутинная процедура, просчитать на какое расстояние такие вещи распространятся, когда срабатывают. Я имею в виду, оно всех бы отправило на тот свет.

— Это простая математика, — согласился я. — И есть лучший путь, чем фаербол, который распространяется на двадцать футов, сжигая всё в округ. Что, неужели фаерболы действуют избирательно, высматривая повязанные ленточки?

Билли вздохнул и положил карточку своего персонажа и игральные кости.

— Гарри, — произнес он мягко. — Повторяй за мной: Это только игра.

Я поднял вверх руки и, насупившись, посмотрел на него через обеденный стол. На нём царил хаос из закусок, пустых коробок из-под попкорна, кусочков бумаги и крошечных маленьких моделей монстров и героев (включая массивную накаченную модель моего персонажа — варвара).

Джорджия, жена Билли — грациозная брюнетка, сидела с нами за столом, рядом примостилась ослепительно рыжеволосая Энди. Во главе стола прятался за несколькими складными ширмами, покрытыми фантастическими изображениями, Кирби.

— Я только говорю, — сказал я, — что нет причины, которая мешала бы изображать магию, по крайне мере, хоть чуточку точнее, не так ли?

— Опять все это разглагольствование. — Проворчала Энди. — Я имею в виду, что я знаю, что он настоящий чародей и все такое, …но Господи!

Кирби угрюмо кивнул:

— Это как взять физика на просмотр «Звёздного пути».

— Гарри, — сказала Джорджия твердо. — Ты делаешь это снова.

— Нет, не делаю, — запротестовал я. — Я только сказал, что…

Джорджия скептически приподняла бровь и пристально посмотрела на меня поверх своего орлиного носа.

— Ты знаешь правило, Дрезден.

— Тот, кто убивает веселое настроение — платит за пиво, — хором пропели остальные за столом.

— Ох, ну зарежьте меня за это, — пробурчал я им, но усмешка вылезла наружу вопреки моему недовольному взгляду, когда я полез в бумажник и выложил двадцатку на стол.

— Хорошо, — сказал Кирби. — Давай свои повреждения от фаерболла, Билл.

Билл бросил две квадратные игральные кости и воскликнул:

— Ха, два пункта выше среднего. Выкусите-ка, прихвостни!

— Они все мертвы, — подтвердил Кирби. — Мы можем хорошенько там отдохнуть до следующей недели.

— Вот хрень! — возмутился я. — Я только настроился прикончить кого-нибудь.

— А я всего-навсего одного сразила! — пожаловалась Энди.

Джорджия покачала головой. — Мне даже не удалось закончить создание своего заклинания.

— Ах да, — позлорадствовал Билли. — Семь раз идентифицировать магические вещи и чинить то, что поломал тупой варвар, но я наконец-то повысил уровень. Как это тебе, Гарри?

— Я дам тебе знать, когда сам повышу уровень, — сказал я, вставая. — Но все идет так, как я хочу. Почему? Потому что уже завтра у меня,

Гарри Дрездена, будет выходной.

— Вот те раз! — воскликнул Билли, усмехнувшись мне, когда остальная компания начала наводить порядок после вечернего игрового сеанса.

Я одел черный кожаный плащ и пожал плечами.

— Никаких учеников, никакой работы, никаких командировок по делам Совета, никакой стражеской чепухи, никаких поездок из города по делам «Паранета». Моё, очень личное, свободное время.

Джорджия посмотрела на меня, широко улыбаясь. — Скажи мне, что ты не собираешься провести время впустую, пританцовывая вокруг этой мистической дыры в полу, которую ты называешь лабораторией?

— Нуу, — протянул я.

— Гляньте, — улыбнулась Энди. — Он покраснел!

— Я не покраснел, — ответил я и подхватив пустые бутылки и коробки из-под пиццы, направился на маленькую кухню Билли и Джорджии, чтобы выбросить их в мусор.

Джорджия последовала за мной, крутясь рядом, желая тоже выбросить несколько клочков

бумаги в мусор.

— Горячее свиданье со Стейси? — спросила она тихим голосом, чтобы сохранить приватность беседы.

— Думаю, что если я хоть раз назову её «Стейси», Анастасия пристрелит меня, за то, что я чересчур ленивый, чтобы назвать её полным именем, — ответил я.

— Ты кажешься немного нервным из-за этого.

Я пожал плечами. — Это будет первый раз, когда мы проведем вместе целый день, без чего-нибудь, пытающегося порвать нас на лоскутки по пути. Я… Я хочу, чтобы все сложилось удачно, ты понимаешь? — Я небрежно провел пальцами по волосам. — Я имею в виду, мы вдвоем сможем использовать этот выходной.

— Конечно, конечно, — сказала Джорджия, глядя на меня спокойными, понимающими глазами. — Ты подумал над тем, куда сходить вместе с ней?

Я пожал плечами. — Не знаю. У неё и у меня очень разные взгляды насчет… нуу, практически насчет всего, за исключением того, что надо делать с существами, которые портят людям жизнь.

Высокая, стройная Джорджия оглянулась назад

в обеденную комнату, где её невысокий, крепко сбитый, накаченный муж убирал фигурки.

— Противоположности притягиваются. Знаешь, есть даже песня про это… ну и все такое прочие…

— Одно чувство во все времена, — пропел я. — Никто из нас не пытается продлить, то что между нами, на века. Мы нравимся друг другу. Мы заставляем друг друга смеяться. Господи, это так приятно, эти дни… — вздохнул я, и немного застенчиво посмотрел на Джорджию. — Я всего-навсего хочу, чтобы завтра она приятно провела время.

На интеллигентном лице Джорджии появилась улыбка: — Я думаю, это похвальное желание.

Я уже подошел к своей машине — старому, побитому временем «Фольксваген жук», который я зову «Голубым Жучком», когда Энди торопливо направилась ко мне.

Это была совсем юная дюжина подростков называющих себя «Альфами», когда я впервые встретил их, — ребятишек из колледжа, которые собрались вместе и изучили магию превращения в волков. Они проводили время как вервольфы, защищая и обороняя город, который нуждался в их помощи. После обучения в колледже многие

из них разъехалось по различным уголкам страны, но Энди была одной их тех немногих, кто все еще вращались поблизости.

Большинство из «Альф» предпочитало одежду, которую было легко снимать — так удобнее при быстром превращении в большого волка, не надо возиться с узкими джинсами и нижним бельём. В этот редкий летний вечер Энди была одета в маленький кокетливый пурпурный сарафан и ничего больше. Я скользнув взглядом по её волосам, её красивой фигуре, и её длинным, стройным ногам, задерживая взгляд на похожих на носы бомбардировщика времен Второй Мировой Войны холмиках, которые вели себя интригующе энергично, колыхались в такт её торопливых шагов.

Она заметила, что я обратил на это внимание и, улыбаясь мне соблазнительной улыбкой, подошла ко мне так, что её грудь стала похожа на пытающийся взлететь бомбардировщик. Ей нравилось привлекать внимание.

— Гарри, — сказала она. — Я знаю, что ты ненавидишь смешивать бизнес и удовольствие, не есть кое-что, о чем я бы хотела с тобой поговорить завтра.

— Извини, милая, — сказал я со своим лучшим

акцентом Бугермена. — Не завтра. Выходной. Важные вещи. Занят.

— Я знаю, — сказала Энди. — Но я надеялась…

— Если это смогло подождать до тех пор, пока мы доиграем в «Акронус», то это сможет дождаться конца моего вых… выходного. — Сказал я твердо.

Энди почти вздрогнула от моего тона, но кивнула, — Хорошо.

Я почувствовал, как мои брови удивленно приподнимаются вверх. Я не вкладывал слишком много твердости в свои слова, и Энди не была из того типа людей, которые обращают внимание на вербальные залпы, невзирая на их тон или значение. Образно говоря, эта женщина была как танк.

— Ладно, — откликнулся я. — Я позвоню.

Пока я забирался в машину, к Энди подошел Кирби. Он обнял её сзади и прижал спиною к своей груди, глубоко вдыхая аромат её волос. Она закрыла глаза и прижалась к нему еще сильнее.

Нда. Я почувствовал себя немного вуайеристом, поэтому резко дернул рычаг переключения скоростей и поехал домой. Только одно имело значение во времени, невзирая на всё, что сказала Джорджия. Я все-таки позвоню.

Когда я собрался остановиться на покрытой гравием парковке, возле деревянного дома, в котором живу, я уже знал, что у меня проблемы. Возможно, это была сверхразвитая интуиция, остро заточенная за годы детективной работы печально известным Гарри Дрезденом, — профессиональным чародеем города Чикаго. Сверхъестественным шерифом, охотником на привидений и просто странным всезнайкой. Но моя мистическая интуиция забила тревогу при ощущении Тени Смерти, кружащей поблизости.

Или может быть, все дело было в большом черном фургоне, разрисованном пылающими черепами, пентаграммами с козлиными головами, и перевернутыми крестами, который был припаркован перед моей входной дверью. Шесть-шесть-шесть на одно, полдюжины на другое.

Как только я подъехал, двери фургона распахнулись и из него показались люди в черном. Они вылезали наружу без точности и согласованности профессиональных игроков в мяч и без уверенного чванства отпетых бандитов, и выглядели так, словно я прервал их посредине поедания плохого обеда. У одного из них соус для тако стекал спереди по легкой белой кружевной футболке. Остальные четверо… нуу, они выгля-

дели как нечто. Они были одеты практически во все черное — готическое, что подразумевало множество бархата, немного кожи, горсть резины и щепотку поливинилхлорида, чтобы приправить все это. Три девушки, двое парней. Все они были довольно юные. У каждого из них были палочка, посох и кристалл, висящий на цепочке, и у всех было смертельно серьезное выражение на лице.

Я припарковал машину, не обращая на них внимания, затем вылез из неё и, держа руки в карманах плаща, остановился выжидая.

— Ты Гарри Дрезден, — сказал самый высокий среди них парень с длинными черными волосами и такой же козлиной бородкой.

Я покосился на него, как на пустое место, подражая Клину Иствуду, и ничего не сказал, подражая Чоу Йун-Фат.

— Ты тот, кто приезжал в Новый Орлеан на прошлой неделе. — Он сказал это как «Навлеан», хотя в остальном его акцент был среднезападным. — Ты тот, кто осквернил мою работу.

Я уставился на него.

— Вау, подожди минутку. Это действительно было проклятье на той милой леди?

Он презрительно мне ухмыльнулся.

— Она заслужила мой гнев.

— А я предположил, что это какой-то плохой фен-шуй.

Его презрительная усмешка мгновенно растаяла.

— Что?

— Скажу тебе по правде, это было настолько несерьезно, что я только сделал ритуальное очищение, чтобы она себя почувствовала лучше, и показал членам «Паранета», как это делать самим в будущем, — я пожал плечами. — Извини за своё проклятье, такое бывает, «Хочу быть как Дарт».

Он несколько секунд пытался восстановить самообладание, прежде чем произнес:

— Извинения тебе не помогут, чародей. Сейчас!

Он и его отряд подняли своё разнообразное снаряжение, злорадно и презрительно улыбаясь.

— Защищайся!

— Ладно, — сказал я, и достал из кармана свой сорок четвертый.

«Косящий под Дарта» и его команда моментально растеряли все усмешки.

— Чт-что? — сказала одна из девушек, нос которой из-за избытка пирсинга походил на подушечку для иголок.

— Я уяснил защищать себя, — сказал я с техас-

ским акцентом, растягивая слова. Я небрежно держал пистолет, направив его вниз и в сторону, а не прямо на них. Мне не хотелось никого поранить.

— Послушайте, детишки. Вам действительно необходимо поработать над своим имиджем.

Дартопоклонник дергаясь, закрывал и открывал рот. Эти судороги длились уже около минуты.

— Я имею в виду, что с украшением фургона немного переборщили. Но, черт побери, не мне кидать камни. У моего «Фольксвагена Жука» большая цифра «53», нарисованная внутри круга баллончиком на капоте. Вы же выехали на другой теме, — я показал на одну из девушек, брюнетку державшую в руках палочку с примотанным кристаллом на конце. — Милая, мне тоже нравятся фильмы с Гарри Поттером, но это же не означает, что я побегу и сделаю себе татуировку в виде Черной Метки на левом предплечье, как это сделала ты. Я посмотрел на остальных юнцов.

— И вы одели долбанные слизеринские шарфы. Господи! Как кто-нибудь может воспринимать это все серьезно?

— Как ты посмел… — начал «Хочу быть как Дарт», явно шокированный.

— Еще одно замечание, ребята. Если бы у вас был реальный дар, воздух фактически был бы в огне, с момента вашей готовности. Но у вас неудачников, даже у всех вместе взятых, недостаточно магии, чтобы превратить утром яйцо в яичницу.

— Как ты посм…

— Я могу так говорить, потому что я на самом деле чародей. И я прошел школу, чтобы заслужить этот посох.

— Как т…

— Я думаю, что вы ребята, вероятно, состязаетесь в своих способностях с другими людьми в вашей весовой категории. У вас были маленькие дуэли, и может быть, у кого-то из носа пошла кровь, а кто-то вернулся домой с мигренью, и это заставило вашего внутреннего мегаломана возбудиться. Но это разные вещи. — Я кивнул девушке с наголо обритой головой: — Извините меня, мисс. Который сейчас час?

Она удивленно посмотрела на меня.

— Ум. Начало второго…?

— Спасибо.

«Темный Лорд» снова сделал попытку закончить свой драматический диалог.

— Как ты посмел угрожать нам оружием смерт-

ных?

— Уже после полуночи, — сказал я идиоту. — У меня нет часов.

Это мгновенно его снова добило. — Что?

— Это — мой выходной день, и у меня есть планы, так что позвольте мне пройти.

«Типа Дарт» выглядел сбитым с толку. Он действительно потерял почву под ногами и, судя по всему, еще не скоро прейдет в себя. Если я собираюсь ожидать это стоя возле него, то это может занять всю ночь.

— Ну ладно, детки. Вы хотите немного магии? — Я направил оружие на фургон. — Как насчет того, что я заставлю ваши окна исчезнуть?

Дартопоклонник судорожно сглотнул. Потом он поднял посох (дешевую резную вещь, которую вы можете купить в ловушке для туристов в Акапулько) и произнес зловещим голосом: — Это еще не конец. Все только начинается. Мы твой худший кошмар, Дрезден.

— Пока вы на него совершенно не тянете. Спокойной ночи, дети.

«Хочу быть, как Дарт» снова злобно усмехнулся, собирая по клочкам остатки своей гордости, и шагнул к фургону. Остальные последовали за ним, как хорошенькие маленькие утята. Фургон

завелся и поехал прочь, напоследок злобно метнув гравий в «Голубого Жучка».

Жучок иногда мог сделать точно так же. На нем были вмятины намного хуже тех, которые сделал этот фургон.

Я крутанул сорок четвертый вокруг пальца и положил его в карман.

Клинт Йун-Фат…. Как будто мне нечего больше делать, кроме как волноваться про Дартапоклонника и его команду. Я зашел внутрь, поприветствовал по старшинству своих питомцев. Первым Мистера — моего кота повышенных габаритов, а потом Мыша — моего карликового анкилозавра. Затем я умылся и оправился спать.

Будильник в форме Микки-Мауса показывал пять утра, когда дверь в мою квартиру распахнулась. Я услышал как входная дверь заскрипела, потому что ее ремонтировали неумелые любители, а после такого ремонта она гремела и скрипела, оповещая всю округу, что ее открывают. Я вышел из спальни в нижнем белье с боевым жезлом в одной руке и сорок четвертым в другой, готовый к бою с чем бы то не было явившимся незваным.

— Привет, босс! — прощебетала Молли, удостаивая мой боевой жезл и пистолет мимолетным

взглядом, но игнорирую мою практически полную наготу.

Я почувствовал себя стариком.

Моя ученица поставила два стаканчика на кофейный столик рядом с пакетом, должно быть полным каких-то дорогих штуковин из «Старбакса», которые люди должны есть вместе с кофе. Молли — молодая, высокая блондинка сложенная как хорошая супер модель, вручила мне один из стаканчиков.

— Ты хочешь проснуться сейчас или предпочтешь, чтобы я сохранила его теплым для тебя?

— Молли, — сказал я, стараясь быть вежливым. — Я не могу остаться и присматривать за тобой. Уходи прочь.

Она подняла вверх руки.

— Я знаю, знаю, Капитан Сердитые Трусы. Твой выходной и твоё большое свиданье с Люччио.

— Да, — сказал я, стараясь вложить в это столько враждебности сколько смог.

Но Молли уже притерлась к моим угрозам. Для нее это было, как об стенку горохом.

— Я только подумала, что это будет хорошим шансом для меня попробовать кое-какие новые рецепты в моём зелье невидимости. Ты сказал, что я уже готова, чтобы использовать лаборато-

рию самостоятельно.

— Я сказал «без присмотра». Это не вполне то же самое, что и самостоятельно.

Моё недовольство усилилось. Когда ученица вертится в подвале, это совершенно не означает уединение с Анастасией.

— Вы собирались пойти покататься на лошадях, — сказала Молли рассудительным голосом. — Вас здесь не будет, а к тому времени, когда вы вернетесь, я уже уйду. И к тому же я позабочусь о Мыше — схожу с ним на прогулку или две пока вас не будет, так что вы сможете не спешить домой. Это ведь так заботливо с моей стороны?

Огромная серая голова Мыша оторвалась от пола, а его хвост завилял, когда она сказала «прогулку». Он с надеждой посмотрел на меня.

— Боже мой… — я слабо покачал головой. — Закрой за собой, когда будешь спускаться по лестнице.

Она повернулась к входной двери и начала её толкать.

— Будет сделано, босс.

Я завалился в кровать, чтобы добрать положенный мне отдых, прежде чем моя ученица умрет от моего приступа принудительно-лишенной-сна психопатической мании.

Первый раз за все время, Микки-Маус подвел меня.

Конечно, быть чародеем означает, что технологии и я не очень хорошо уживаемся друг с другом. У вещей есть тенденция ломаться гораздо быстрее в присутствии смертной магии, но это относится в основном к электронике. Насмехавшиеся надо мной часы с Микки-Маусом были из пружинок и шестеренок, без примеси всяких там микросхем и это обеспечило им годы и годы верной службы. Однако сегодня они не зазвонили, и когда я проснулся, Микки радостно показывал, что у меня осталось меньше получаса до приезда Анастасии.

Я подскочил и молнией метнулся в душ, захватив с собой бритву. Я успел побриться только наполовину, когда в квартире прогремел взрыв, такой силы, что тонкий слой воды разлетелся каплями по полу ванной. Я, спотыкаясь, выскочил из душа, обернув полотенце вокруг талии, схватил боевой жезл (на тот случай если потребуется еще больше взрывов) и бегом кинулся в гостиную.

Люк, ведущий в мою подвальную лабораторию, был открыт и клубы розового и голубого дыма поднимались из него тонким, ядовитым потоком.

— Адский колокол, — задыхаясь и кашляя, закричал я. — Молли?!!

— Тут, — отозвалась она, сквозь кашель. — Я в порядке, я в порядке.

Я открыл несколько полуподвальных окон, на противоположной стороне комнаты, и сквозняк начал выдувать наружу дым.

— Что с моей лабораторией?

— Я смешивала кое-что, когда оно взорвалось, — ответила она на этот раз более внятно. — Только… только дай мне прибраться немного.

Я посмотрел на люк.

— Молли, — сказал я настороженно.

— Только не спускайся вниз! — ответила она голосом близким в панике. — Я уберусь тут буквально за секунду. О'кей?

Я подумал о том, что надо бы бушуя спуститься вниз с хорошей прочувственной лекцией о том, как важно не наносить непоправимый ущерб коллекции своего учителя, но вместо этого глубоко вдохнул. Если что-либо было разрушено, то лекция этого не исправит. И у меня осталось только пятнадцать минут, чтобы успеть привести себя в приличный вид и сделать что-то, чтобы убрать дымное последствие случившегося с Молли алхимического несчастья. Поэтому я

решил сначала закончить бриться.

Я покладистый или как?

Едва я успел приложить кусочки бумаги к тем местам, которые я порезал, когда в спешке брился, как кто-то забарабанил во входную дверь.

— Боже мой, — раздраженно проворчал я. — Это ведь мой выходной. — Я зашел в гостиную и обнаружил, что дым практически выветрился в отличие от запаха. Мышь шагал рядом со мной к входной двери. Я рывком приоткрыл дверь, стараясь, чтобы щель не была больше пары дюймов, и затем посмотрел, кто находится снаружи.

Энди и Кирби прижались к земле по другую сторону моей двери. Они оба были грязные, изнуренные и полностью покрыты царапинами. Я мог это утверждать с уверенностью, потому, как они оба были совершенно голые.

Кирби опустил руку и осторожно посмотрел на меня. Потом он издал низкий рычащий звук, в котором я с трудом, спустя несколько секунд распознал свое имя.

— Гарри…

— Вы, должно быть, прикалываетесь надо мной. — Пробормотал я. — Сегодня?

— Гарри, — прошептала Энди. Её глаза блестели от не пролитых слез. — Пожалуйста. Я не знаю

никого больше, к кому мы могли бы обратиться.

— Проклятье! — огрызнулся я. — Проклятье, проклятье, проклятье! — Я полностью распахнул дверь и отключил свои обереги. — Заходите. Быстрее, прежде чем кто-нибудь вас увидел.

Ноздри Кирби расширились, а лицо искривила гримаса, когда он вошел в помещение.

— Ох, — сказала Энди, когда я закрыл дверь. — Что-то ужасно воняет.

— Расскажите мне, что случилось, — потребовал я. — Вы оба выглядите… — Ну, я бы использовал различные прилагательные для Кирби, но для Энди. — …немного исцарапанными. Что случилось? Вы оба подрались с големом из колючей проволоки или что такое?

— Н-нет, — сказала Энди. — Ничего такого. Мы… У нас… у Кирби и у меня завелись… блохи.

Я изумленно посмотрел на них. Кирби мрачно кивнул головой в знак согласия и прошептал что-то не очень интеллигентное. Я проверил камин, который разожгла Молли, и который спокойно потрескивал. Мой кофейник висел на расстоянии вытянутой руки над огнем, достаточно близко, чтобы оставаться теплым без подогрева. Я подошел к нему и заглянул внутрь. Молли перелила туда мой стаканчик с дорогим эликсиром из

«Старбакса», чтобы он оставался горячим. Если бы я собрался её убить, этот единственный акт сострадания был бы достаточной причиной, чтобы сберечь ей жизнь.

Я налил кофе в кружку, которую Молли оставила на каминной доске, и выпил немного.

— Хорошо, хорошо, — сказал я. — Начнем с начала. Блохи?

— Я не знаю, как их назвать по-другому, — ответила Энди. — Когда мы превращаемся, они там, в нашем меху. Кусают и зудят. Вначале это только раздражало, но сейчас… это просто ужасно. — Она вздрогнула, и начала беспорядочно почесывать кончиками пальцев плечи и ребра. — Я чувствую их прямо сейчас. Жующих меня. Кусающих и роющихся во мне. — Она покачала головой и с почти видимым усилием заставила руки лежать спокойно. — Становится тяжело нормально думать. Говорить. Каждый раз, когда мы превращаемся, это становится хуже.

Я, нахмурившись, проглотил еще немного кофе. Это уже звучало серьезно. Я посмотрел вниз на полотенце, обернутое вокруг моей талии, и лениво отметил, что я был самой одетой персоной в этой комнате.

— Все будет в порядке, только дайте мне одеть-

ся, — сказал я. — Я думаю, что по крайне мере хоть один из нас должен надеть одежду.

Энди посмотрела на меня отсутствующим взглядом. — Что?

— Одежду. Ты голая, Энди.

Она посмотрела на себя, а потом подняла взгляд на меня. «Ой!» — на её губах расцвела улыбка, и она изменила положение бедер хоть и немного, но очень заметно.

— Возможно, ты должен что-то сделать в связи с этим.

Кирби, который сидел возле камина, посмотрел на меня взглядом полным откровенной жажды убийства.

— Кхм, — сказал я, оглядываясь назад, и становясь между ними. Безо всякого сомнения — ребята определенно действовали, находясь под каким-то влиянием или чем-то в этом роде. — Я сейчас вернусь.

Я надел кое-какую одежду, включая браслет-оберег, на тот случай если убийственное выражение на лице Кирби перейдет в убийственный выпад (здравствуй, здравствуй моя паранойя) и вернулся обратно в гостиную. Кирби и Энди были перед камином. Они были заняты… нуу. «Брачные игры котов»- это самое вежливое, что

пришло мне в голову, и в целом так оно и было, особенно если не обращать внимания на краску, в которую они меня вогнали. Я имею в виду, что за такие штучки их бы попросили удалиться из любого уважающего себя полулегального клуба.

Я закрыл на секунду глаза, сконцентрировался и открыл Третий Глаз, свое чародейское Зрение. Это всегда было рискованным шагом. Зрение показывает тебе истинную суть вещей. Все виды магии и жизни, которые существуют во вселенной видны такими, какие они есть на самом деле. Но ты получал их во всей красе, со всеми темными пятнами. Ты никогда не позабудешь то, что увидел, каким бы плохим это не было. Однако, если кто-то собирается уничтожить моих друзей, я должен знать про это. Они рисковали гораздо больше меня.

Я открыл глаза и мгновенно увидел толстые ленты силы, которые я наложил на стены моей квартиры, когда создавал магическую защиту. Под моими ногами проходил второй щит изоляции магии, который создавали слои силы окружающие мою лабораторию. Над ним, на одной из книжных полок, разлегся Мистер, выглядевший как всегда, всем своим видом демонстрируя, что он вне досягаемости таких мелких проблем как

простые силы, которые создали вселенную. А вот Мышь был окружен спокойной, устойчивой аурой серебряного и синего цвета.

Мой взгляд отметил, что Кирби и Энди излучали различные мерцающие энергии. В первую очередь от них, по очевидным причинам, исходили сияющие, как огонь оттенки похоти и страсти, но это не были единственные энергии которые я увидел. Зеленоватая энергия, ощущаемая мною, как что-то примитивное и дикое была сущность их волчьего инстинкта, подлинная стать их второй ипостаси, которая сильным потоком обтекала их тела так же, как и затаенное чувство розово-фиолетового страха. Чтобы не случилось с ними, это чертовски их напугало, несмотря на то, что они не были способны ничего с этим сделать в данную минуту.

Золотистое сияние работающего заклинания так же переливалось на их аурах — чего не должно было быть. Да, конечно, Альфы были гораздо больше одарены, чем Дартопоклонник и его приятели с их детскими забавами. Об этом нечего и говорить. Но они полностью сосредоточились на единственном использовании своей магии — на превращении в волков, что гораздо более сложно и полезно, чем это выглядит или звучит. Но этот

вид активного заклиная, должен был быть виден только в момент их превращения, но никак не сейчас.

Я подошел ближе, сосредоточено присматриваясь, и увидел кое-что чего лучше бы мне не видеть.

Дюжины очень маленьких, крошечных созданий вцепились в них обоих. В моем Зрении они выглядели как миниатюрные крабы, покрытые панцирем со слишком большими для таких маленьких существ клешнями. Они вцепились в ауру ребят и рвали их духовную плоть — вырывая крошечные кусочки, каждый их которых содержал крупицы зеленой и золотой энергии.

— Ага! — воскликнул я. — Аг-га! У вас завелись психикоколдовские клещи!

Кирби и Энди подпрыгнули от неожиданности. Я предполагаю, что они не заметили моего приближения, будучи всецело заняты… о ничего себе! Они плавно перешли к деятельности NC-17.

— Чт-что? — Энди попыталась выговорить. — Психококка…?

Я покачал головой, усилием воли отключая Зрение.

— Психические паразиты, которые прицепились к вам в Небывальщине. Они оказывают на

вас двоих влияние подталкивая вас потакать вашим .... гм, наиболее сильным первобытным основным инстинктам и питаются энергией от них.

Энди перевела наполненный похотью взгляд с Кирби на меня:

— Первобытным…?

— Ну да, — сказал я кивая. — Следовательно, друг с другом...., гм. И я предполагаю, они вызывают у вас желание обратиться.

У Энди затрепетали ресницы.

— Да. Да, это кажется, так привлекательно. — Она легонько покачала головой и поднялась на ноги, её глаза неожиданно заблестели от слез. — Ты можешь сделать так, чтобы они ушли?

Я обнадеживающе положил руку ей на плечо.

— Я даже не представляю, как вы могли их подцепить в первый раз. Я имею в виду, этих существ привлекают очень специфические виды энергии. И вы уязвимы для них только в том случае, когда полностью покрыты веществом из Небывальщины, когда вы перекинулись. И… — Я удивленно моргнул и потёр лоб. — Энди. Пожалуйста, не говори мне что ты и Кирби занимались любовью, будучи пушистыми ....

Красотка вспыхнула от корней волос до кончи-

ков пальцев.

— Господи, это просто… так неправильно, — я покачал головой. — Но, как ответ на твой вопрос, да, я думаю что…

— Гарри? — позвала Молли из лаборатории. — Упс… У тебя есть огнетушитель?

— Что!?

— Я имею в виду, если мне вдруг понадобится, — исправилась она дрожащим голосом. — Гипотетически говоря!

— Гипотетически говоря!? — я почти кричал. — Молли! Ты подожгла мою лабораторию!?

Энди, с отвлеченным выражением на лице, лениво подняла мою руку со своего плеча и взяла указательный палец в рот, легонько его посасывая. Приятная вспышка удовольствия молнией скользнула вверх по моей руке, и я почувствовал весь путь, который она проделал к кончикам моих ног.

— О, эй, хо-хо-хо! Потише на поворотах, — сказал я, выдергивая палец. Он вышел из её рта с очень интригующим ощущением и хлопающим звуком. — Энди. Гм. Нам здесь всем действительно нужно собраться.

Кирби зарычал низким голосом и хуком справа отправил меня через всю комнату прямо в

одну из моих книжных полок. Я отскочил от неё, приземлился на задницу и остался сидеть повторно оглушенный копией романов «Black Company», упавших с полки и приземлившихся мне на голову.

Я глянул на них и увидел, что Кирби размещаясь между девушкой и мною, схватил Энди за запястье и рывком перетащил её себе за спину, таким образом, демонстрируя свои права на нее. Потом он сжал руки в кулаки, рыкнул и сделал шаг ко мне.

Внезапно, рядом со мною нарисовался Мышь: две сотни фунтов мускул, покрытых косматой серой шерстью. Он не рычал на Кирби и не скалил клыки, просто он стал прямо у него на пути всем своим видом показывая, что не собирается отступать.

Я не успел моргнуть и глазом, как тело Кирби начало меняться, перетекая в другую форму. Внезапно черный волк, примерно такого же размера, как и Мышь, но более худощавый, с оскаленными белыми клыками и горящими от ярости янтарными глазами, припал наизготовку у противоположной стены.

Срань Господня! Кирби потребовалось примерно полсекунды на это, и у него были сноровка и

опыт, чтобы нанести некоторым весьма реальные увечья. Я имею в виду, схватиться с животным — это одно. А схватиться с животным, у которого человеческий интеллект и годы опыта сражений со сверхъестественными существами — это величина на порядок больше. Если дело дойдет до боя, настоящего боя, между мной и Кирби, я был уверен, что смогу одолеть его. Однако мне придется действовать безо всякой жалости, жестко и быстро, не доводя дело до ближнего боя.

Я был не совсем уверен, что я смогу одолеть его, не убивая.

— Кирби, — сказал я, изо всех сил стараясь сохранить голос спокойным и уверенным. — Кирби! Парень, послушай меня хоть немного. Это Гарри. Послушай, парень, это я, Гарри, и ты только что потерял над собой контроль. Совсем потерял. Тебе надо глубоко вздохнуть и посмотреть на это со стороны. Ты мой друг. Ты под влиянием и я пытаюсь помочь тебе.

— Гарри? — окликнула Молли, пронзительно высоким голосом. — Кислота ведь не проест бетон, верно?

Я уставился на люк и закричал от досады:

— Адские колокола, что ты творишь там внизу?!

Кирби сделал еще один шаг вперед. Волчьи глаза сияли, с оскаленных челюстей капала слюна, голова низко опущена. Он был готов к драке. Позади него Энди с широко открытыми глазами, в которых смешались ужас, похоть, волнение и ярость в равных долях наблюдала весь этот цирк. Её впечатляющая грудь поднималась и опускалась в такт прерывистого дыхания. Кисти её рук уже начали медленно меняться: сквозь кожу прорастал вьющийся грубый мех, а ногти вытягивались в темные когти. Её глаза следили за мною, сквозь приоткрытые губы виднелись начавшие удлиняться клыки. Супер. В драке с Кирби я бы волновался о том, что он не выживет. Против Кирби и Энди в этом помещении я наверняка буду тем, кто протянет ноги.

Но я пытался быть оптимистом: по крайне мере, ситуация не может стать хуже.

Выше и позади меня разбилось окно.

Длинная освинцованная трубка, может с фут длиной, запечатанная с обеих сторон пластиком, упала на ковер в пяти футах от меня. На неё были накручены дешевые четки в стиле Марди-Гра. Горящий запал искрился и шипел на одном из концов трубки. Оставалось должно быть с полдюйма до того момента, как огонь дойдет до

капсулы.

— Но это же мой выходной! — простонал я.

Я знаю, что все это выглядело очень плохо. Но я честно думал, что смог бы все уладить, если бы именно в этот момент Мистер не спрыгнул со своего места и стрелой не метнулся через комнату, действуя под влиянием своих кошачьих мыслей неизвестных и непостижимых простыми смертными.

Кирби, бывший уже на грани полного безумия, сделал то, что сделал бы любой пес — он зарычал и незамедлительно бросился в погоню.

Мышь внезапно заревел от ярости (черт побери, он так не делал, даже когда я был в опасности) и бросился за Кирби. Энди, когда увидела, что Мышь погнался за её любимым вервольфом, полностью превратилась в волчицу и бросилась за Мышем.

Мистер ракетой летал по моей маленькой квартире с несколькими сотнями фунтов разъяренного хищника буквально на хвосте. Кирби крутился поверх и вокруг мебели почти так же проворно, как и Мистер. Мышь не беспокоился насчет ловкости. Он просто сносил все на своем пути: вдребезги разбил мой кофейный столик и одно легкое кресло, на другое обрушил книжный

шкаф, сбил лежащие на полу ковры в холмик из ткани и ворса.

Я прыжком подскочил к дымящейся бомбе и поднял её. Едва я успел это сделать, как мои ноги подкосились, получив удар под колени от Кирби. Мышь в пылу погони всей своей массой наступил на меня, и попал именно туда, куда проклятая псина всегда попадает мужчине. Это был не тот случай, когда боль приходит спустя какое-то время. Мои орешки моментально известили меня о повреждениях — громко и с вызывающей тошноту силой.

Но на боль не было времени.

Я снова дернулся к дымящей бомбе и чуть не обмочил штаны, когда, неожиданно, прогремел еще один взрыв. Пол сильно тряхнуло, и вслед за этим из лаборатории поднялся сплошной столб ядовито-зеленого дыма.

Я все же схватил бомбу и попытался вырвать фитиль, но он исчез в капсуле и я уже не смог ухватить его пальцами. В панике я ползком добрался до двери и с ужасающей силой рывком распахнул дверь. Я размахнулся, чтобы выкинуть бомбу и… раздался резкий звук взрыва. Моя рука отнялась и онемела. Я упал на пол, вывернув голову таким образом, что взгляд случайно упал на

то место, где все несколько секунд назад была моя рука, сжимавшая бомбу и… И я, все еще невредимый, продолжал сжимать её. Тяжелые струи ярко-алого и фиолетового дыма с характерным запахом, сильно воняя, лавинами валили с обоих концов трубки. Дымовая шашка.

Эта идиотская вещь оказалась чем — то очень похожим на дымовые бомбы, которыми развлекаются дети на Четвертое Июля. Ошеломленный, я сорвал один пластиковый колпачок, и несколько маленьких израсходованный контейнеров вывалилось вместе с запиской, в которой было написано: «В будущем препятствовать мне ты сможешь не более, чем этот дым помешает тебе».

Не более чем этот дым помешает тебе? Кто так говорит?

Залаял Мышь, переключая моё внимание на здесь и сейчас. Он запрыгнул на спину Кирби и за счет превосходства в массе вмял его в пол. Мистер, увидев путь к спасению, с воем осуждения и разочарования, буквально вылетел из двери со скоростью хорошо разогнавшейся машины и исчез на улице, в поисках более безопасной обстановки.

Энди запрыгнула на спину Мышу, с воем вце-

пившись в него клыками, но мой пес крепко держал Кирби, покупая мне несколько драгоценных секунд. Я схватил из стоящей на полу корзины кусочек мела и, морщась от дыма, побежал вокруг боевой троицы, рисуя линию на бетонном полу. Потом я замкнул круг, и магическая конструкция заработала, создав тихий и невидимый щит энергии, который, среди прочего, разорвал связь между психическими паразитами Небывальщины и вцепившимися в моего пса вервольфами.

Бой внезапно остановился. Кирби и Энди несколько раз удивленно моргнули и торопливо убрали клыки от шкуры Мыша. Еще спустя несколько секунд они, синхронно вздрогнув, вернулись к человеческому облику.

— НЕ ДВИГАТЬСЯ!!! — заорал я на них, окончательно выйдя из себя. — Любой из вас! Не пересекать круг или вы снова сойдете с ума! Сидеть! Стоять!

Последнее было для Мыша. В основном.

Я не мог видеть, что Молли натворила в моей лаборатории, но дым, поднимающийся оттуда, был приторным и явно опасный. Я потащил себя к люку.

Молли не смогла подняться по приставной

лестнице, а лежала без чувств в неуклюжей позе под нею. Я схватил её в охапку и поднял вверх по лестнице. Она была без одежды от талии и выше. Я заметил её футболку и лифчик на полу, возле рабочего стола: оба были покрыты дырами от разъевшей ткань кислоты.

Я положил её на спину, при помощи разлетевшихся подушек, от разбитого легкого кресла приподнял ей ноги и проверил дыхание. Это не заняло много времени, потому что она не дышала, но у неё все еще был слабый пульс. Я начал делать ей искусственное дыхание — что гораздо сложнее, чем думают люди. Особенно когда воздух пронизан вонью только Бог знает, каких химических соединений.

Мне все-таки удалось добиться того, что она закашляла, начала неровно дышать и открыла глаза, после чего моё бешено бьющееся сердце немного успокоилось. Я, тяжело дыша, медленно выпрямился и обнаружил Анастасию Люччио, стоящую в открытом дверном проеме. Её руки были сложены на груди, одна бровь удивленно приподнята.

Анастасия была симпатичной девушкой — не гламурно красивой, а выглядевшей естественно привлекательно, с фантастической улыбкой и

убийственными ямочками на щеках. Она смотрелась как двадцатилетняя девушка по причинам, в которые мы не будем сейчас вдаваться, но она была старше. Гораздо старше.

А тут весь такой я, только что оторвавшийся от бесспорного целования полуобнаженной девицы, с голой парочкой на расстоянии нескольких футов и воздухом, пропитанным клубами дыма и пронизанным вонью ядовитых испарений. Черт подери! Моя квартира выглядела как декорации для съемок какого-то ненормального порно.

— Гм, — я нервно сглотнул. — Это совсем не то, что тебе показалась.

Анастасия только посмотрела на меня. Я знал, что впервые за долгие годы она открылась кому-то, и не нужно очень много времени, чтобы она снова замкнулась в себе.

Она очень медленно покачала головой, и улыбка пробежала по её лицу от уголков лучистых глаз до милых ямочек на щеках. Потом она разразилась искренним заразительным смехом.

— Madre di Dio, Гарри. Я в жизни не смогу представить то, чем это должно было показалось.

Мои брови удивленно поползли вверх.

— Ты не расстроена?

— К тому времени, когда ты будешь в моем

возрасте, — ответила она, — ты или полностью избавишься от всяких комплексов, или же они расцветут букетом паранойи. К тому же я просто должна узнать, что здесь случилось.

Я покачал головой и улыбнулся ей:

— Я… мои друзья нуждались в помощи.

Она оглянулась и провела взглядом от Альф к Молли.

— И все еще нуждаются, — сказала она, резко кивнув. Анастасия зашла внутрь, и поскольку только она была в обуви, начала собирать куски стекла выпавшего из разбитого окна. Образно говоря, закатав рукава.

— Что мы должны сделать?

На то чтобы доставить Молли в госпиталь, собрать материалы необходимые для очистки ауры Кирби и Энди, и наконец-то подвести итог проделанной работе ушел весь день.

К тому времени, когда Альфам стало лучше, и они ушли, избавившись от психоколдовских паразитов, уже было больше семи.

— Слишком много всего навалилось для нашего выходного, — вздохнул я.

Она повернулась, чтобы посмотреть на меня.

— Ты бы поступил по-другому, если бы такая ситуация возникла вновь?

— Нет. Конечно же, нет.

Люччио пожала плечами.

— Тогда это значит, что день прошел хорошо. Ведь будут и другие дни.

— Ты никогда не можешь быть уверен в этом, не так ли?

На её щеках снова появились ямочки.

— Сегодня еще не закончилось. Ты слишком рано оплакиваешь этот день.

— Я только хотел, чтобы ты сегодня хорошо провела время. Не погружаясь в обыденное болото повседневной работы.

Анастасия повернулась ко мне и прижала кончики пальцев к моим губам. Потом она переместила пальцы на свои губы.

— Хватит разговоров, — прошептала она.

Я согласился.

10.2 Прикрытие (2008)

Давайте сразу кое-что проясним. Я не Гарри Дрезден.

Гарри — чародей. Подлинный, кристально честный волшебник. Он — Гэндальф вколовший внутривенно смесь из героина и «Red Bull», в большом кожаном плаще и с револьвером сорок четвертого калибра в кармане. Он готов плевать в глаза богам и демонам, если считает, что он прав. И к черту последствия! Пока, так или иначе, моему маленькому братцу удается оставаться достойным человеком.

Будь я проклят, если я знаю как. С другой стороны, я давно уже проклят. Меня зовут Томас Рэйт, и я — чудовище.

Компьютер в моём маленьком офисе тихо заиграл, привлекая моё внимание. Я поставил мелодию гимна нацистской Германии, который проигрывает всякий раз, когда мне приходят сообщения от членов моей семьи. Естественно, не от моего сводного брата Гарри. Гарри и электронная почта несовместимы, как Роберт Дауни и трезвость. Я имею в виду другую часть моей

семьи.

Монстров.

Закончив убирать рабочее место, я глянул на часы. Оставалось пять минут до прихода следующей посетительницы. Я окинул быстрым взглядом салон, улыбнулся постоянной клиентке шутливо бранящейся с молодой стилисткой, работающей с ней, и вышел в холл. Повернув за угол, я спустился вниз по узкой лестнице и прошел десять футов по вызывающему клаустрофобию коридору, чтобы добраться до своего офиса. Сев за стол я движением мышки пробудил ноутбук к жизни. «Антивирус» просканировал письмо, и музыка снова заиграла, просигналив, что оно безопасно. Звук прозвучал с такой громкостью, что обычный человек смог бы услышать мелодию максимум от лестницы, но никак не из конца холла. Письмо от admin@whitecourt.com было пустым, но в теме значилось:

«Re: За. бв. ен. Ие.»

Ох.

Супер.

Только этого мне не хватало.

На самом деле я никогда не наслаждался общением с этой половиной моей семьи, даже когда

предметом беседы было что-то скучное — как например бизнес, имеющий отношение к войне между Вампирскими Коллегиями и чародейским Белым Советом. Чтобы это ни было, то во что меня хотела втянуть Лара, было плохой новостью.

Но когда это касалось Забвения, это было еще хуже.

В моем мобильном номер Лары был забит в быстрых вызовах. Я позвонил ей.

— Брат мой, — промурлыкала моя старшая сестра сладким, как мед голосом. Это был такой голос, который заставлял мужчин фантазировать на всякие грязные темы, которые они никогда не осуществят в действительности. — Ты мне почти не звонишь нынче.

— Я тебе никогда часто не звонил. Только периодически. — Я игнорировал соблазн, скользивший у неё в голосе. Она недавно питалась… или собиралась питаться сейчас.

— Чего ты хочешь?

— Ты получил моё письмо?

— Да.

— Есть проект, который я думаю, тебя заинтересует.

— Почему?

— Посмотри на него, — подсказала она. — Ты

все поймешь.

Линия предположительно была безопасной, но мы оба знали цену такой безопасности. Ни один из нас не упомянул бы деталей по телефону и мы, конечно, не будем использовать слово «забвение». Слишком много Венаторов было раскрыто, слишком поздно мы осознали, что у врагов очень тонкий слух, и они могут без промедления принести войну в дома тех, кто беспечно небрежен и не следит за своим языком.

Прошло уже, примерно, восемь лет с тех пор, как я ввязался в войну Забвения. Я предполагал, я должен был знать, что у меня не получится избегать борьбы вечно. Лара — единственный другой Венатор Белой Коллегии, была совершенно занята её текущей деятельностью, а именно — проводя дни, манипулируя нашим отцом, как марионеткой, подвешенной на сверхъестественных ниточках, и управляя Белой Коллегией из тени позади его трона. Конечно, если что-то действительно случилось, она отправит меня одного улаживать все дела.

— Я занят, — сказал я ей.

— Ухаживаешь за питомцами? — протянула она. — Подстригаешь им мех? Проверяешь на блох? Приоритеты. Не забывай о приоритетах,

брат мой.

Лара особенно раздражающая, когда у неё есть дело.

— Где ты хочешь встретиться?

Она рассмеялась, теплым, почти осязаемым голосом.

— Томми, Томми, мне, конечно, льстит, что ты хочешь побыть со мной, но нет. У меня не так много времени, чтобы проводить его, играя в твои игры. Я послала курьера со всем, что тебе надо, и… Мммммм… — Её голос превратился в чувственное, пронизанное удовольствием мурлыкание. — Ты знаешь правила. Не задавай слишком много вопросов, брат мой, — проворковала она. — Не забивай такую симпатичную голову всякими сложными вещами. Поезжай в свою квартиру. Поговори с курьером. Возьми задание. Или у тебя и у меня будет очень…. ааах-ххх….. дааа…. — Её дыхание ускорилось. — Очень серьёзная ссора.

Я услышал на заднем фоне другие характерные звуки и другой голос. Женский. Может быть два. Большинство из моей семьи не страдают тем, что вы зовете разборчивостью, когда это касается питания на смертных.

— Я бы сказал тебе, что ты была гораздо более

приятной особой, до того, как ввязалась в эти игры серого кардинала, Лара, — сказал я. — Но ты и тогда была редкой сучкой.

Я положил трубку, прежде чем у нее появилась возможность мне ответить и, размышляя, поднялся по лестнице. Это всегда полезно, хорошенько подумать, пока есть время, прежде чем нагрянет настоящий ошеломляющий кризис. Таким образом, когда он приходит у тебя есть доли секунды на принятие решения, прежде чем что-то пришедшее из-за грани небытия начнет разрывать на кусочки твою душу, ты можешь пропустить излишние сомнения, сразу начав делать ошибки.

Когда ты имеешь дело с кем-то таким же умным, хитрым и порочным, как моя сестра, ты ничего не приминаешь за чистую монету. Она задумала что-то. И чем бы это ни было, это включает в себя давление на меня, чтобы я торопился. Лара хочет, чтобы я поспешил и действовал вслепую. Если она хочет, чтобы я что-то сделал, то, самое лучшее для меня не делать этого.

К тому же я не хотел, чтобы Лара начала думать, что я побегу куда угодно по её приказу всякий раз, когда она щелкнет пальцами. Еще более важным было то, что я не хотел попадать в зависимость

от неё. Это был бы первый необратимый шаг к тому, чтобы попасть в еще более жесткие тиски, как она уже проделала с нашим отцом.

В любом случае я пока не мог уйти, у меня еще была работа.

И я был голоден.

Мишель Мэрион — старшая дочь уважаемого сенатора Мэриона, представляющего великий штат Иллинойс — приехала на стрижку, на пару минут раньше назначенного времени. Мои клиенты почти всегда так делают, особенно более юные. Мишель была брюнеткой, хотя этого нельзя было определить по её внешнему виду. Только её парикмахер знает об этом.

— Томас! — воскликнула она с европейским акцентом и улыбнулась мне. — Что ты сделал со своими волосами?

Я подстригся немного короче после того, как запущенная убийцей фейри горящая стрела опалила большой участок моих волос, — но это не та история, которой следует делиться со своими клиентами, особенно когда ты изображаешь модного французского стилиста.

— Дорогая, — произнес я, беря её за руки и целуя в обе щеки. Стоило моей коже коснуться её, как внутри меня вспыхнул Голод. Демон радостно

встрепенулся и буквально через один или два удара сердца она затрепетала, её пульс ускорился и зрачки расширились. Голод повторил мне то, что всегда говорил о Мишель. Несмотря на то, что она выглядела очаровательной, благовоспитанной и нежной, её подавляемые желания были гораздо более темными, что делало её легкой добычей. Пальцы, скользящие сзади по её волосам, ощущение мужского тела, прижавшего её к стене — это было то, о чем она фантазировала. Она бы последовала за мной через холл по лестнице вниз без единого возражения. Я мог взять её там. Я мог удовлетворить её жажду, накормить Голод, забрать её жизнь и наполнить свою. Я мог оставить свою метку, разъедающую ей ум и душу, что заставило бы её постоянно приходить ко мне — охотно, пылко, страстно, чтобы получать еще. Снова, и снова, и снова…

Пока она не умрет.

Я заставил Голод отступить вглубь порочной части моей души и улыбнулся Мишель, прикрываясь акцентом так же легко, как натягивая итальянскую кожаную перчатку.

— Я почувствовал скуку, такую нудную скуку, дорогая. Я почти решился сбрить их все, просто чтобы всех шокировать.

Девушка рассмеялась, её щеки все еще пылали от возбуждения, проснувшегося от прикосновения моего демона.

— Ты не решишься!

— Не беспокойся, — заверил я ее, беря за руку и подводя к креслу. — Мужчины, которым нравятся такие вещи однозначно не мой типаж.

Она снова рассмеялась, и я поддерживал, пустую болтовню ни о чем до тех пор, пока не наклонил спинку её стула к сливу и начал мыть ей голову.

Голод вынырнул на поверхность нетерпеливый как всегда, и я позволил ему начать питаться на девушке.

Глаза Мишель слегка остекленели, когда я начал медленно, очень медленно, очень тщательно мыть ей волосы, делая в процессе полный массаж головы. Я чувствовал её мысли, скользящие в тщетных фантазиях, когда легкое тепло её ауры поднималось моим пальцам и плавно скользило в меня.

Голод кричал мне сделать больше, взять больше. Он кричал, что этого недостаточно. Но я так не сделал. Кормление было бы … восхитительным. Но это, возможно, причинило бы ей боль. Это могло даже убить её. Поэтому я продолжал

спокойными, мягкими круговыми движениями всего лишь дегустировать её жизненную силу. Она вздохнула от блаженства, когда её фантазии растворялись в ласковой эйфории, и я вздрогнул от дикого желания дать волю своему Голоду и взять больше. В некоторые дни было сложнее, чем обычно сдерживать себя. Но это было то, что я делал. Это было то, что оставалось. Мишель уехала приблизительно час спустя с подстриженными и подкрашенными волосами, хорошо расслабившись, жизнерадостная и счастливая, приглушенно мурлыча в такт дыханию. Я наблюдал, как она уходит, а мой Голод ворчал от досады и тревожно метался в клетке, которую я создал для него в мыслях, разъяренный тем, что добыча убегала. Замерев, я обнаружил, что повернулся, чтобы пойти за ней. Моё тело напряглось, чтобы сделать шаг вперед, чтобы отвести её в какое-то тихое местечко и…

Я отвернулся в сторону и вернулся на своё рабочее место, начав привычно наводить порядок. Не сегодня. Однажды, без сомнения, Голод возьмет вверх надо мной, и будет питаться, и питаться до тех пор, пока не останется единственным хозяином моей души и тогда ничего не останется от меня. Но не сегодня.

Я оставил салон в надежных руках моих работников и пошел к своей машине — белому «Хаммеру» — огромному, дорогому и ужасно показушному. Но так же это было одно из наиболее крепких транспортных средств, которые может купить гражданский. Целые секции домов могу падать на него, не причиняя ничего кроме незначительных неудобств, в отличие от гигантских демонов-насекомых. И прежде чем вы спросите, откуда я это знаю, отвечу, что из личного опыта. Поэтому я знаю, что иметь в руках по-настоящему надежное транспортное средство это вовсе не плохая идея, особенно когда у тебя такие враги, как у меня: мои собственные плюс вся та милая компания, которую умудрился задеть мой младший брат.

Прежде чем я сел в джип я проверил двигатель, шасси и салон на наличие взрывчатки. Одна из причин, из-за которой Лара могла хотеть, чтобы я торопился, это то чтобы я в спешке залез в машину, повернул ключ зажигания и взрыв разбросал бы маленькие кусочки меня по всему Чикаго.

Я включил MP3-плейер с записью Моцарта в стиле исполнения Violent Femmes[32] и с шумом

---

[32] Примечания: 32
Рок группа США 1980 г.о.

поехал к дому, в котором снимал апартаменты. Я надеялся, что чего бы Лара ни хотела, это не заставит меня перерывать все медвежьи углы на земле. Снова. Даже, несмотря на то, что на наш вид вампиров не распространяются такие слабости остальных, как солнечный свет или бегущая вода, некоторые места, в которые меня забрасывали миссии Забвения, точно не были туристическими аттракционами.

Я жил в модном, дорогом здании, построенном на чикагском Золотом Берегу. Это не совсем соответствовало моим вкусам, но это было то место, где французский стилист Томо-уус может жить. Когда ты вампир первая вещь, которую ты осваиваешь еще в юности, это умение маскироваться и когда ты делаешь это, приходится досконально продумать каждый аспект легенды. Это было здание с высоким уровнем безопасности, но, несмотря на это курьер Лары будет ждать меня в моей квартире. У моей сестры были большие возможности.

Прежде чем выбраться из джипа, я откинулся на сиденье, чтобы подвесить под плащом вложенные в ножны кукри и аккуратно пристроить сзади на спине «Дезерт Игл», воткнув его стволом за пояс кожаных штанов и спрятав выпуклость за

одеждой. Это пришло мне на ум за десять минут до назначенной встречи, напомнив, что ожидающий меня курьер может быть превосходным убийцей, скрывающимся внутри в ожидании моего появления, и мне не стоит снижать свою боеспособность.

Я поднялся к своей квартире и, сжав нож зубами, достал пистолет, держа его вниз стволом параллельно ноге. Потом я стал как можно левее от двери, открыл её и толчком распахнул. Никто не открыл стрельбу. Я замер на мгновенье, выжидая и прислушиваясь, и уловил две вещи — глухие удары учащенного сердцебиения и запах её шампуня.

Её шампуня. Я лихорадочно зашел в комнату, отбрасывая оружие, и Жюстина бросилась ко мне от окна на противоположной стороне помещения. Ее руки обвились вокруг меня, и я должен был напомнить себе, что если не буду сдерживать себя, то могу причинить ей боль, обняв её с максимальной силой, на которую был способен. Жюстина прижалась еще сильнее, словно хотела раствориться во мне. Она издала тихий всхлипывающий смешок и прижала своё лицо к моей футболке.

Она ощущалась так хорошо… такой мягкой,

теплой и живой. Мы просто застыли там надолго, прижимаясь один к другому. Мое тело затрепетало от желания, и миг спустя мой Голод взвыл от бешеной похоти.

Жюстина. Наша самка, наша бутылка марочного вина, наша, наша, наша. Так много ночей помнящих её крики под нами, так много разных вздохов, так много прикосновений — таких богатых, теплых, сумасшедшим потоком льющих в нас жизнь.

Я проигнорировал демона, но пока блокировал его, я, не задумываясь, поднял правую руку и погладил её по волосам.

Боль. Боль, такая нереальная, такая всепоглощающе сильная, что я не могу в должной мере описать это, волной поднялась вверх по моей руке, словно вместо мягкости этих волос я прикоснулся к высоковольтному кабелю. Я зашипел и чисто рефлективно отдернул руку.

Солнечный свет, святая вода, чеснок и кресты не представляют ни малейшей опасности для инкубов Белой Коллегии. Но прикосновение того, кто действительно любит, и любим — это совсем другая история.

Я посмотрел на руку. Она моментально покрылась волдырями. Жюстина с огорчением на

прекрасном лице отшатнулась от меня.

— Извини меня, — прошептала она. — Извини, я не подумала.

Я покачал головой.

— Все в порядке, — произнес я, тихо отступая от неё на шаг, в то время как демон в моих зрачках кричал от разочарования. Она чуть прикусила губу и заглянула мне в глаза. Прошло очень много времени с тех пор, как я встречался с Жюстиной лицом-к-лицу. Я забыл, какой прекрасной она была. Линии её лица едва уловимо изменились. Она сейчас выглядела более стройной, более уверенной, более жесткой. Возможно, я переборщил в общение с существами, которые были бессмертными или практически таковыми. Так легко забыть, как много может измениться за несколько лет.

Её темные волосы, конечно, канули в лету. Они выросли такими же пышными, длинными и вьющимися, как и раньше, но теперь они были серебристо-белые. Это я сделал с нею такое: питаясь на ней, высушив её практически до самой смерти, почти вырвав жизнь из её тела, пытаясь накормить Голод.

Я на мгновенье закрыл глаза, вспоминая это удовольствие, и по моему телу пробежала дрожь.

Я почти убил женщину, которую любил. Думать об этом было невыносимо. Когда я снова открыл глаза, Жюстина невозмутимо смотрела на меня спокойным и понимающим взглядом.

— То, что ты хочешь, не делает тебя монстром, — сказала она очень мягким голосом. — Имеет значение только то, что ты делаешь.

Вместо того чтобы ответить ей я повернулся и закрыл дверь, потом поднял моё снаряжение. Не по-джентельменски оставлять оружие лежащим повсюду на полу. К тому же оно дисгармонировало с дизайном квартиры. Я смотрел на Жюстину краешком глаз — такую манящую, такую желанную в её элегантной одежде бизнес-леди, соответствующую статусу Лариного дорогого консультанта. Или доверенного курьера.

— Голод мне в глотку. — Прошипел я, голосом, звенящим от внезапно нахлынувшей злости.

Жюстина удивленно глянула на меня.

— Что случилось?

— Лара, — выпалил я. — Что она сказала тебе?

Жюстина нахмурившись, медленно покачала головой, глядя на меня словно пытаясь, почесть мои мысли по выражению лица.

— Она сказала провести с тобой брифинг и сообщить все, что тебе необходимо знать, — ответила

она. — По каким-то причинам, ничего нельзя было записать. Я должна была все запомнить и сообщить это тебе, наедине, вместе с некоторыми фото. Здесь. — Она положила тонкую руку на чемоданчик, который лежал на кофейном столике.

Я пристально на неё посмотрел. Потом медленно опустился в одно из кресел, стоявших в холле моей квартиры. Оно не было удобным, зато было очень, очень дорогим.

— Мне необходимо, чтобы ты передала мне все, что она тебе сообщила, — сказал я. — Абсолютно каждое слово.

Жюстина хмуро посмотрела не меня.

— Почему?

Потому что знание определенных вещей, даже простое знание о них, может быть опасным. Жюстина предоставляла мне информацию о внутренних операциях Лары, которую я в свою очередь предоставлял Гарри, а через него и Белому Совету. Если Лара узнает об этом, то, чтобы отмстить мне может бросить Жюстину в пекло Войны Забвения. Если она сделает это, я буду готов убить свою сестру.

— Мне надо, чтобы ты доверяла мне, любимая, — произнес я тихо. — Но я не могу сказать тебе.

— Но почему ты не можешь мне ничего рассказать?

Настоящей занозой в заднице был этот вечный вопрос о Войне Забвения.

— Жюстина, — сказал я, протягивая руки. — Пожалуйста. Доверяй мне.

Жюстина прищурив глаза, настороженно размышляла, что заставило меня вернуться на некоторое время назад в прошлое. Это было не то выражение, которое я привык видеть на её лице.

Нет. Я привык видеть взгляд полный оцепеневшего удовлетворения после того, как я питался, или страстного желания, когда я подкрадывался к ней, или сокрушительного экстаза, когда я брал её…

Я закрыл глаза, глубоко вздохнул и снова запихнул демона в клетку.

— Мой бедный Томас, — прошептала она тихо, когда я открыл их снова. Она сидела за столиком напротив меня, её темные глаза были полны сочувствия. — Когда мы были вместе, я никогда не осознавала, как тяжело это было для тебя. Твой демон гораздо сильнее, чем у остальных. **Сильнее чем у всех**, кроме неё. Не так ли?

— Это имеет значение, только если я этого захочу, — ответил я более резко, чем хотел. — Что

означает, что это не имеет значения. Расскажи, Жюстина. Пожалуйста.

Она сложила руки на груди, сильно прикусив губу.

— На самом деле почти нечего рассказать. Она велела сообщить тебе, что сообщение, которое пришло к ней по обычным каналам, гласило, что Леди Темной Реки в городе. И что ты знаешь, что должен сделать в связи с этим. — Она открыла кейс и, достав из него полностраничное фото, протянула его мне через стол. Оно было зернистое, но достаточно большое, чтобы отчетливо различить изображение молодо выглядевшей крепкого сложения женщины, садившейся в такси в аэропорту О'Хара. Время, указанное на фото, гласило, что оно было сделано этим утром.

— Да, — произнес я тихо. — Я знаю её. Я думал, что она мертва.

— Лара сказала, что эта персона взяла ребенка, — продолжила Жюстина. — Конечно же, она не уточнила, как она узнала про это. Она передала тебе, что её цель помочь тому, кто принес ей много пользы.

Я почувствовал болезненное недомогание, когда Жюстина достала вторую фотографию и бросила её через стол.

На этот раз фотография была предельно простой. Холл. На двери, верхняя часть которой сделана из матового стекла, виднеется простая черная надпись: «Гарри Дрезден, чародей». Дверь была закрыта, но я смог разглядеть очертания женской фигуры, склонившейся возле высокой, худощавой фигуры мужчины.

Время на фото указывало, что оно было сделано два часа назад.

Так.

Зря я подозревал сестру. Лара все же пыталась оказать мне услугу. Она защищала Жюстину за ширмой общих правил. И пока я возбуждался от стрижки волос и ублажал мой Голод и мою паранойю, Стигийский Орден Сестер обвел моего брата вкруг пальца, чтобы вернуть обратно одну из их чудовищных матрон.

Жюстина никогда не была глупой. Даже когда она была полностью под моим влиянием, она держала свои глаза широко раскрытыми.

— У него проблемы, не так ли?

— И он пока про них даже не догадывается, — пробормотал я глухо.

Она, размышляя, чуть надула губы.

— И ты не можешь сказать ему, в чем дело, верно? Не больше чем ты можешь сказать мне.

Я беспомощно глянул на неё.

— Что ты собираешься сделать? — спросила она.

Я поднялся и вернул на место нож и пистолет.

— Он мой брат, — твердо произнес я. — Я собираюсь прикрыть ему спину.

— И как ты собираешься объяснить все это ему?

Я рывком натянул пару кожаных перчаток и повернулся к ней — теперь я мог взять её руки, пожать их нежно, прежде чем я уйду.

— Если он думает, что помогает ей, а ты вмешаешься, он ничего не поймет, — озабоченно проговорила Жюстина. — Как ты собираешься объяснить это ему, Томас?

Как хреново быть Венатором.

— Я не собираюсь, — ответил я тихо.

Потом я и мой демон вышли, чтобы продолжить веками длящуюся скрытую войну и помочь моему брату.

И я надеялся, что эти две вещи не будут взаимоисключающи.

У Жюстины был шофер, который в ожидании её звонка накручивал круги вокруг квартала. Она позвонила. Я проводил её до лифта. Всю дорогу через холл мы держались за руки. Мы не разго-

варивали, тем не менее, когда приехал лифт, она улыбнулась мне и поцеловала мои пальцы через перчатку.

Потом она уехала.

Технически внутри меня всегда было огромное пустое место — чем, собственно говоря, и являлся Голод. Так что я сказал себе, что нет повода переживать, и вернулся в квартиру, чтобы приступить к работе.

Только для галочки, я попытался дозвониться до Гарри, прежде чем покинуть квартиру. Домашний номер отозвался длинными гудками, а рабочий ответил голосом автоответчика. Я оставил сообщение, что мне надо срочно поговорить с ним, но было очень сомнительно, что он успеет получить его вовремя. Я поморщился, когда достал мобильный из кармана и положил его на кухонную столешницу. Не было никакого смысла таскать его с собой. Техника не очень хорошо чувствует себя рядом с магией. Чтобы гарантировано убить телефон не нужно даже разбрасываться заклинаниями, достаточно провести двадцать или тридцать минут в компании Гарри, когда у него плохое настроение.

Моих собственных зачаточных навыков искусства точно не хватит, чтобы представлять

серьезную опасность для телефона, но как только я использую поисковое заклинание для того, чтобы найти брата то приём сигнала все равно будет дрянной.

Гарри может буквально петь соловьем, рассказывая о магии. Он может часами разглагольствовать и разглагольствовать о том, как магия исходит из чувств. О том, как она глубоко связана с самой сутью вашей души. А затем он подведет под все это какую-нибудь полубожественную и полубезумную философию, которую он топорно сколотит из комиксов и слов святых. И будет еще час рассуждать об ответственности обладающих Силой. Дайте ему только заговорить про это, и он будет трещать, и трещать не умолкая.

Для кого-нибудь на уровне Гарри это должно быть существенно. Для остальных же из нас все, что нужно знать про магию: это — искусство и опыт. Любой может изучить его в той или иной степени. Но очень мало людей могут быть действительно хороши в искусстве. Оно требует множества практики и терпения, оно заставляет вас уставать, оставляет вас с головной болью и мышечными спазмами, и у каждого будет свое собственное и единственно верное мнение, как лучше и правильнее заниматься магией.

Гарри мастер в этом искусстве, примерно на уровне объединенных докторских ступеней из МТИ, Гарварда, Йеля и Оксфорда. Для сравнения, — мне потребовалось шесть месяцев под его непосредственным руководством, чтобы изучить кое-какие полезные трюки, что означало, что я пропустил всю теорию и прочую чепуху и сразу же сконцентрировался на практике.

Это заняло у меня на несколько минут дольше, чем потребовалось бы брату. Чтобы создать связь с потрепанным близнецом-амулетом Гарри я использовал серебряный амулет-пентаграмму, который мне дала мама на мой пятый день рожденья.

* * *

Ранняя весна в Чикаго отличается поистине сумасшедшим набором погоды. Эта весна была удивительно мягкой и к тому времени, когда я создал поисковое заклинание, чтобы найти младшего брата, день переходил в приятно освежающий вечер.

Я держал серебряный амулет в правой руке, на цепочке обмотанной вокруг пальца, так чтобы оставалось пять или шесть дюймов, на которых свисала пентаграмма. Кулон постоянно раска-

чивался вперед-назад в одном направлении, куда бы я ни поворачивался, как если бы направлялся маленьким гироскопом. Я заплатил небольшое состояние за парковку «Хаммера», надеясь, что деньги были потрачены с толком. Теперь я следовал за направляемым заклинанием, раскачивающимся кулоном через просторы Миллениум-парка.

Миллениум-парк один из немногих на самом деле милых и красивых парков в центре огромного города. Расположенные вокруг и прилегающие к нему здания выглядели как нечто вдохновленное живописью Эшера в период либерального химического экспериментирования студента второкурсника, но даже так в нем было какое-то сумасшедшее очарование. Даже не смотря на то, что практически наступила ночь, в парке царила жизнь. Роллердром оставался открытым до десяти каждую ночь, а если еще были желающие кататься — иногда даже позже. Дети и взрослые резвились повсюду. Прогуливались пары. Одетые в униформу полицейские патрулировали парк, чтобы быть уверенными, что добропорядочные граждане Чикаго защищены от хищников.

Я заметил одиноко идущего впереди меня Гарри. Он был на голову выше окружающих его

людей, ростом примерно как профессиональный игрок в баскетбол, и выглядел как сплошные неприятности в большом черном плаще. Он опустил голову и сосредоточенно следил за чем-то, что держал в руках, наверно его собственное поисковое заклинании. Я поспешил сократить расстояние до того, как он минует роллердром, чтобы начать сопровождать его.

И тут я понял, что меня преследуют уже около двадцати секунд.

Кем бы они ни были, Стигийка не сказала им, что они имеют дело с вампиром. Они держались по ветру. Я принюхался. Шальной ветерок донес до меня запахи нескольких дюжин человек, которые были поблизости; зловоние нескольких мусорных корзин; ароматы нескольких торговцев сладостями, развозящих свои деликатесы на тележках, и резкую, специфическую вонь из смеси гниющего мяса и застарелого пота, плохо скрытую под нескольких слоями дезодоранта. Вурдалаки. Двое.

Это было нехорошо. Как и я, вурдалаки значительно превосходили людей. Они были дешевым пушечным мясом для сверхъестественного мира. Несомненно, Стигийка наняла их на тот случай, если в дело вмешаются Венатори. С одним вур-

далаком я могу справиться безо всяких проблем. Несмотря на то, что они на редкость сильные, быстрые и злобные и привыкли убивать, в них нет ничего, с чем я бы не разобрался. Но все же, когда их двое картина меняется. Это означает, что если у них достаточно много мозгов, чтобы держаться на расстоянии, они могут сделать весьма сложной, а то и невозможной задачу их уничтожения, не поднимая при этом лишнего шума, и не пострадав самому.

Честно говоря, спешащие головорезы обычно не отличаются высоким уровнем интеллекта, но сейчас было не очень подходящее время для того, чтобы делать скоропалительные предположения о противнике. Я ускорил шаг, пытаясь догнать Гарри, при этом, притворяясь, что не замечаю вурдалаков. Гарри повернул в сторону и поспешил через парк прямо к Павильону. Это огромное здание, которое мне всегда казалось похожим на средневековый монгольский походный шатер. Гигантская шапка Аттилы, превращенная в здание, где регулярно проходили концерты для добропорядочных горожан Чикаго. Тем не менее, сегодня ночью Павильон был пустой и мрачный. Он должен был быть заперт и, наверное, так и было. Впрочем, замки никогда не были значи-

тельной помехой для моего брата.

Он подошел к двери, которая находилась со стороны сцены Павильона, и открыл ее, распахнув внутрь. Я поспешил за ним, выкрикивая его имя. Я был на расстоянии пятидесяти ярдов от него, но все же он меня не услышал.

Зато услышали вурдалаки. Один из них прорычал что-то другому и их шаги перешли в бег.

Я побежал быстрее. Я обскакал их в этом беге до двери, и мы с демоном захлопнули её с такой силой, что деформировали металлическую дверь, заблокировав вход.

— Гарри! — прокричал я. — Гарри, нам нужно поговорить!

Вурдалаки ударили в дверь и попробовали её открыть. Удача не улыбнулась им с первой попытки, но они начали дергать её, пытаясь выломать. Дверь была всего-навсего из железа. Она не задержит их надолго.

Внутренняя часть здания была пустой и практически неосвещенной, за исключением слабого зеленоватого сияния которое проходило через несколько комнат, тускло переливаясь, словно отражаясь от множества зеркальных поверхностей. У моего демона не было никаких трудностей со зрением даже при таком освещении, и я

бесшумно пошел через холл, следуя за слабым источником света впереди.

Где-то сзади раздался визг разрываемого металла, вурдалакам все же удалось сорвать дверь с петель. Один из них рыча, ворвался внутрь. Высота и тембр его голоса менялись пока он сам менял форму, становясь менее похожим на человека и более опасным и приспособленным к погоне за добычей.

Я завернул за угол и побежал к высокой, освещенной зеленым сиянием фигуре в темном плаще, замершей в конце коридора. Спустя пару шагов я понял, что поисковое заклинание, за которым я следовал, показывало вовсе не на этого человека.

Я выхватил из-под плаща «Дезерт Игл» и начал стрельбу. Фигура чуть пригнулась, подняла руку и, пули отскочив от нее, начали рикошетить от бетонных стен коридора. Магическая защита. Стигийка. Движение руки и сферический сгусток света вспыхнул передо мной. Я поднырнул под него, но пришедшее следом заклинание учло мое движение и обрушилось на меня.

Это была вспышка ослепляющего света и мгновенье обжигающего жара. Мне показалось, что сейчас наступит агония, но это оказался всего

лишь приступ сбивающего с ног головокружения. Я поднялся на ноги как раз к тому моменту, когда первый вурдалак, чьи руки удлинились примерно в половину и теперь заканчивались гротескными когтями, а лицо вытянулось в клыкастую, оскаленную морду, повернул за угол и бросился ко мне.

Я выхватил кукри. Это оружие хорошо служило гуркхам на протяжении нескольких веков, и не без основания. Изогнутое лезвие и размеры маленького меча. Достаточно сильные, профессионально нанесенные удары внутренней стороной меча, с потрясающим результатом отделяют головы и выступающие конечности от тел. Даже в руках более слабых и мелких смертных.

В руках же вампира эта штучка даже бармаглота заставила бы поволноваться. Первый вурдалак, который бежал с когтями наперевес, был быстрый, но недостаточно. Я повалил его на пол, перерезав сухожилия на ноге, и выстрелом из пистолета в спину перебил ему позвоночник, когда он попытался спастись бегством — один из немногих способов упокоить вурдалака быстро и надежно.

Спустя мгновенье ко мне выскочил второй вурдалак и на четверть секунды замер в нере-

шительности, увидев, что осталось от первой твари. Этого времени было бы недостаточно для обычного человека, чтобы успеть, что-либо предпринять. Но если играть в моей лиге, то вурдалак с тем же успехом мог выстрелить себе в голову из дробовика. Результат был бы одинаковый.

Я метнул кукри, мой демон увеличил мою силу и точность, и нож раскроил вурдалачий череп как гнилой плод — второй способ упокоить их быстро.

Я вставил новую обойму в пистолет и взял на прицел дальний конец коридора, в котором показалась темная фигура, бледно освещенная мерцающим зеленоватым кристаллом, который она сжимала в левой руке. Темные волосы были отброшены назад, открывая абсолютно невыразительное, неподвижное лицо.

Стигийка.

— Балера, не так ли? — спросил я. В этот момент второй вурдалак, упав на спину, повалился на пол возле меня, рукоятка ножа торчала у него изо лба. Содержимое его черепа было готово для просмотра, однако нога все еще судорожно подрагивала. — Или ты Джанера?

— Это имеет мало значения для нас, — ответила она. Её голос был пустой, безжизненный,

лишенный эмоций. По сравнению с настоящим человеческим голосом он звучал так же, как электрические фортепиано 60х по сравнению с настоящим роялем.

— Ты не сможешь победить, Венатор. Лексикон Малоса будет возрожден. Уходи прочь немедля. Оставь бой для другого дня.

Я наклонился, выдернул свой измазанный в крови нож из головы мертвого вурдалака и начал неторопливо, размеренно шагать к ней.

— Примерно то же самое мне говорили две другие участницы Стигийского Ордена Сестер, которых я встречал до этого. Так что, этот прием не сработает.

Я начал планировать свой выстрел. Каждый умник, который может показывать фокусы со щитом, отбивающим пули, думает, что он супергерой. Но это требует сосредоточения и щит не закрывает во всех направлениях. Рикошеты от выстрела могут прыгать куда угодно вокруг щита, под щитом, над ним и к тому же, если она сфокусируется на пистолете, она может не понять, что я приготовил для неё нож, пока не станет слишком поздно.

За нею находилась хорошая, гладкая, полированная поверхность, должно быть крышка

калорифера, или щиток выключателей света, или что-то в этом роде. Сталь выглядела достаточно прочной, чтобы подходить под мои требования. Если я смогу попасть в него, то несколько фрагментов разлетевшейся вдребезги пули заденут Стигийку, что отвлечет её и даст мне шанс покончить с нею.

— Давай сделаем все проще, — предложил я ей. — Веди себя спокойно, мило улыбайся, и твои сестры смогут открыть похоронное бюро.

Её нижняя губа изогнулась, обнажив зубы. Гримаса выглядела так, словно что-то никогда не бывшее человеком пыталось улыбаться.

— Но, ***твои,*** — сказала она внезапно заурчавшим голосом, — никогда тебя не узнают.

Я сделал шаг вперед, приготовившись стрелять и, увидел в металле позади Стигийки мерцание своего собственного отражения.

Это не был я.

Мужчина, смотревший на меня, был не я.

Он выглядел старше. Грубое лицо, косматые с проседью волосы, переходящие на затылке в гриву. Его челюсти были незначительно расширены, а губы натянуты. Если бы я встретил такого типа на улице, я бы мгновенно опознал в нем вурдалака, который не может полностью скрыть

свою настоящую суть под человеческой формой.

Я поднял левую руку с ножом и вурдалак сделал то же самое.

Стигийка подарила мне еще одну не-улыбку и исчезла за углом.

Это дало мне второе дыхание, и я бросился за ней. Мне необходимо было сконцентрироваться. Когда я повернул за угол, тяжелая дверь лязгнула замком, и мерцающие пылинки зеленоватых огоньков протанцевали на её поверхности, прежде чем оставить меня в абсолютной темноте. Меня нельзя отнести к элите, когда дело касается использования магии, но я знал, что лучше не ломиться через дверь, которую неизвестно чем запечатала Стигийка.

Я выругался как сапожник.

Это была расставленная ловушка, и я попал прямо в неё.

Есть разница между тем, как Гарри использует магию и я. Связь между нашими амулетами была достаточно сильна, чтобы его более искушенные чувства никогда не обманулись. Стигийка, вероятно, использовала какой-то изощренный маскирующий трюк, чтобы обмануть мое любительское заклинание поиска, а затем наложила иллюзию, чтобы выдать себя за моего высоко-

рослого младшего брата. Она заманила меня в ловушку. Для чего? Для того чтобы что-то сделать со мной. Но зачем изменять моё лицо? Стигийские Сестры отнюдь не любители, когда дело касается опасной, даже не опасной, а смертельной магии. Для чего она сделала это? Вместо иллюзии она запросто могла бы запустить мне в кишки огненный шарик. Даже если бы мой демон был накормлен и находился в полном расцвете сил, я сомневаюсь, что смог бы пережить что-то вроде этого.

Сейчас, когда настоящий бой уже закончился, и я спокойно смог проанализировать ситуацию, я вдруг понял, как близко находился от края. Мои руки мелко задрожали, и я почувствовал страх. Если бы Стигийка захотела, то я был бы уже мертв. Осознавать это было пугающе и отрезвляюще. Гарри иногда обвиняет меня в опрометчивости и самоуверенности (что, поверьте мне, лицемерие поистине вселенских масштабов), но в этом случае он был бы, наверное, прав.

Мне пришлось потратить чертову уйму энергии на игры в догонялки, схватку и сгибание железа голыми руками. Я был голоден. Парк за пределами этого здания был просто переполнен счастливыми, ничего не замечающими телками.

Было бы так легко отбить одну от стада, какую-нибудь милую маленькую самочку, и…

Мне нужно сосредоточиться и сконцентрироваться. Я работаю без страховки. Еще одна тупая ошибка может погубить меня. «Ну, давай же, соберись, Томас» — прорычал я себе: «Заставь свою голову работать».

Здание почти полностью погрузилось во тьму, но мой демон позволял мне видеть все достаточно четко. Вурдалаки уже начали разлагаться. Пройдет пару часов и от них останется только кучка вонючего, грязного месива. Я не волновался о том, что звуки выстрелов могли услышать на улице — мы были достаточно глубоко в здании — однако копы патрулировавшие парк рано или поздно заметят дверь, сорванную вурдалаками. Мне нужно было уходить.

Найдя запасной выход, я поспешил к внедорожнику. Я больше не доверял своему поисковому заклинанию, что означало, что мне нужен другой способ для поиска Гарри. Если бы я знал, хоть примерно, в какую сторону он направляется, я мог бы обратиться к Кэррин Мерфи из Чикагского Департамента Полиции. Она, наверняка, смогла бы найти, кого-нибудь кто видел его машину.

Но даже если я найду его, в облике незнакомца

называющего себя его братом, мне будет чертовски сложно убедить его оставить дело. Я решил начать с самого важного. Мне просто необходимо найти его или ничего из перечисленного не будет иметь значения.

И я знаю кое-кого, кто может помочь.

* * *

Гарри — один из лучших чародеев на планете — живет в полуподвале.

Деревянный дом, в котором проживает мой маленький братишка, выглядит немного потрепанным, но просторным. Я подозреваю, что квартплата здесь очень низкая. Его полуподвальная квартира крошечная, зато соседи пожилые и тихие. Ему, кажется, нравится это. Я знаю его много лет и все-таки никак не могу поверить, что он до сих пор тут живет.

Честно говоря, я думаю, что у него до сих пор не возникало больших проблем с этим домом, потому что его враги тоже не могут заставить себя в это поверить. Наверняка, они считают, что это приманка, сооруженная им с единственной целью дать им какой-нибудь очевидный объект для атак. Смертельно место, куда он сможет их завлечь, чтобы уничтожить. Ну и конечно тем,

кто рискнул сунуться, не очень понравился прием, который они получили. Защитные обереги вокруг дома брата могут поджарить до состояния углей целое стадо буйволов.

Чтобы попасть вовнутрь я отключил щиты при помощи амулета, который он мне дал, и использовал ключ от замка на двери, который оставался у меня еще с тех пор, как мы жили вместе. Его квартира была, как всегда, безупречно чиста — он превратился в наркомана чистоты несколько лет назад, но никогда не рассказывал причину этого своего чудачества.

Огромный, лохматый серый пес, две сотни фунтов мускул и меха, а так же белых острых клыков, показался из маленькой, оборудованной в нише кухни, и зарычал на меня.

— Вау, — воскликнул я, поднимая руки. — Мыш, это я. Томас.

Рычание Мыша внезапно стихло. Он принюхался, пару раз фыркнув при этом. Его уши дернулись назад — вперед и он изучающее посмотрел на меня, склонив голову на один, а потом и на другой бок.

— Кое-кто наложил на меня иллюзию, — объяснил я. Гарри рассказывал мне, что эта собака особенная и может понимать человеческую речь.

Я все еще не был уверен, что он не разыгрывал меня в тот момент. У него странное чувство юмора, иногда. Но говорить спокойно с животными, когда они нервничают, это всегда хорошая идея. Я ведь не хотел, чтобы Мыш решил, будто я представляю угрозу. Он был потомком собаки Фу и я видел, как он делал вещи, которые не одно смертное животное не в силах пережить, даже в гораздо меньшем объеме.

— Послушай, мальчик, я думаю, что Гарри в беде. Мне нужно поговорить с Черепом.

Мыш подошел ко мне и тщательно обнюхал. Затем, издав пыхтящий звук, схватил зубами один из разбросанных по квартире ковров и оттянул его в сторону, обнажив крышку люка, ведущую в подвал.

Я подошел к нему и почесал за ушами.

— Спасибо, парень.

Мыш довольно повилял мне хвостом.

Складная лестница-стремянка вела вниз в *ла-бо-ра-то-ри-ю* моего брата, которую я всегда произношу по слогам — просто чтобы подразнить его. Я разложил её и начал спускаться вниз, остановившись, как только увидел все помещение.

Вам никогда не хотелось побродить по лаборатории чародея? Так вот — это плохая идея.

Все пространство было завалено, только бог знает какими ужасающими ингредиентами. Редкое, дорогое и абсолютно глупое барахло. На одной из полок стояла свинцовая коробка, в которой он хранил пыль обедненного урана, (даже думать не хочу зачем); в центре комнаты на столе, выполненная до мельчайших подробностей, находилась масштабная восьмифутовая модель города, с чикагскими небоскребами в центре. Все это скрупулезно детализировано, включая модели деревьев, которые выглядели как настоящие, и разрушенное здание в центре города.

Это было немного пугающе, честно. У моего брата была кукла Вуду, представляющая собой целый город.

Еще у него был человеческий череп, который стоял на своей собственной, отдельной деревянной полке, между парой подсвечников, в которых сгорело так много свечей, что они стали напоминать маленькие, цветные восковые вулканы. Рядом с ними, сложенные с обеих сторон от черепа, громоздились романы в мягком переплете, и одинокий старый выпуск Плейбоя 70-х годов, с Бо Дерек на обложке, одетой лишь в длинные полосы ярко-алых ленточек.

— Эй, — позвал я. — Череп. Боб, не так ли? — Че-

реп не шелохнулся.

Я могу почувствовать себя по настоящему тупым, если окажется, что Гарри дурачил меня черепом все это время. Мой брат чревовещатель….

— Эй, — повторил я. — Череп. Послушай, это я, Томас. Я знаю, что я не похож на Томаса, но это я. У Гарри большие проблемы и мне нужна твоя помощь, чтобы вытянуть его оттуда.

В одной из глазниц черепа появился крошечный мерцающий огонек. Потом огонек стал ярче и к нему присоединился еще один, в другой глазнице. Череп подпрыгнул на полке, немного повернувшись ко мне, и воскликнул:

— Святой Грязелицый,[33] Бэтмен! Что с тобой случилось?

Я на секунду прикусил нижнюю губу, размышляя, что сказать черепу. Я знал, что Боб был для Гарри лабораторным ассистентом и техническим советником в волшебных делах, что он был чем-то вроде духа, который обитал в черепе, и никогда не был смертным по происхождению. В то же время, Боб был обязан подчиняться Гарри, и все что знал Боб… Теоретически Гарри мог

---

[33] Примечания: 33

Грязелицый, персонаж из комиксов про Бэтмена, отличался тем, что мог менять свое тело, только подумав об этом.

знать тоже.

— Я не могу много рассказать тебе, — подумав, произнес я. — Новый клиент Гарри не та, за кого она себя выдает. Я пытался предупредить его. Она обманом заставила меня следовать за ней и сделала это с моим лицом. Я думаю, что она сделала это, чтобы мне было сложнее предупредить Гарри об опасности.

— Ха, — сказал Боб. — И чего же ты хочешь от меня?

— Помоги мне убрать эту дрянь с лица. Потом помоги мне найти Гарри, чтобы я смог вытянуть его из этого дела прежде, чем он пострадает.

Боб пренебрежительно фыркнул.

— Ну да, разбежался.

Я нахмурил брови.

— Что? Ты думаешь, я обманываю тебя?

— Послушай, Томас, — сказал череп снисходительным тоном. — Я осведомлен, что ты весь такой крутой. Ты стильный, красивый, ты имеешь всех этих девочек, ты посылаешь голую цыпочку в квартиру Гарри, украшенную только упаковочной красной лентой. Все это меня всегда восхищало в людях, но… хм. Ты все равно остаешься вампиром. Из дома вампиров известных тем, что их любимое занятие это промывка моз-

гов и манипуляция сознанием, не меньше.

Я до скрипа сжал зубы.

— Ты думаешь, кто-то контролирует меня сейчас?

— Я думаю что, образно говоря, у тебя нет секретов от своего брата, дружище, — заявил Боб, зевая. — И к тому же, если Гарри вцепился в дело, то он не отцепится. Он как клещ, только его голову не так легко оторвать, поэтому всегда есть немаленький шанс подцепить инфекцию.

— Это очень важно, Боб, — тихо произнес я.

— Это все из-за поиска пропавшего ребенка, — сказал Боб. — Или по крайне мере это так выглядит для Гарри. Я бы предположил, что он занимается этим, чтобы позволить матери найденного ребенка отблагодарить себя, запрыгнув к нему в постель, но очевидно, скорее всего, это одна из этих моральных штучек. Похитить ребенка, это как нажать экстренную кнопку «борьба-добра-против-зла» в его голове.

Вот что Лара подразумевала, когда говорила, что Стигийка взяла ребенка. Срань Господня. Теперь я понял весь план Стигийских Сестер.

И если я не остановлю их, не остановлю Гарри, то Война Забвения будет проиграна этой ночью.

— Проклятье, — прорычал я. — Боб, мне нужна

помощь. Мне необходимо чтобы ты помог мне.

— Извини шеф, — сказал Боб. — На тебя не работаю. Гарри рассказывал мне другую, совсем другую историю.

— Но он в беде, — повторил я.

— Это ты так говоришь. Но ты не сообщаешь мне ни одной детали, что заставляет все это звучать весьма подозрительно.

— Потому что, если я сообщу тебе подробности, и их узнает Гарри, у него будут еще большие проблемы, чем сейчас.

Боб смотрел на меня около секунды. Затем изрек:

— Сим я повышаю тебя от звания макрели до тунца.

— Ладно, — сказал я, размышляя. Боб был духом. Созданием, которое обязано подчиняться словам и обещаниям, которые они дают смертным. — Хорошо, слушай. Ты служишь Гарри, верно?

— Аха.

— Если я дам тебе эту информацию, — медленно произнес я, — и если по твоему решению, владение этой информацией сможет нанести ущерб его здоровью, я хочу, чтобы ты поклялся мне, что сохранишь в тайне от него и от любого, кто спросит, все что я тебе расскажу.

— Хорошо, — согласился Боб, произнося это слово с огромным скептицизмом.

— Если ты сделаешь это, — сказал я, — я расскажу тебе. Если ты откажешься, то я ничего не скажу. И случится много очень плохих вещей.

Глазные огоньки черепа буквально заискрились от любопытства.

— Сдаюсь. Я съел приманку. У тебя есть обещание. Я даю тебе обещание, вампир.

Я глубоко вздохнул и нервно огляделся вокруг. Если другой Венатор узнает, что я сделал, они пустят мне пулю в лоб, не раздумывая.

— Ты слышал когда-нибудь про Войну Забвения?

— Нет, — быстро выпалил череп.

— На это есть причина, — кивнул я. — Потому что эта война изъята из памяти рода человеческого.

— Гм, — выдал Боб. — Что?

Я вздохнул и задумчиво провел рукой, одетой в перчатку, по волосам.

— Слушай. Ты знаешь, что по большей части старые боги с веками становились все менее могущественные, они изменялись согласно убеждениям людей, которые в них верили.

— Конечно, — вставил Боб, подмигивая. — Сей-

час же нет Первой Церкви Мардука. Но картинка Темной Леди Тиамат есть в «Пособии по Монстрам», и даже есть короткая статья про неё, так что она в чуть лучшем положении.

— Хм, ладно, — сказал я. — Я не совсем уверен, что точно понял, о чем ты говоришь, но, образно говоря, ты прав. Существа, такие как Тиамат, нуждаются, чтобы смертные на протяжении веков верили в них для создания Связи с миром смертных.

Глаза-огоньки засияли.

— Ага! — воскликнул череп. — Я понял! Если не останется никого, кто бы помнил, что кто-то был богом, то у него не останется связи! И он не сможет воплотиться в мире смертных.

— Правильно, — подтвердил я спокойно. — И мы говорим не только про языческих богов. Мы говорим о существах, для которых у людей сегодня просто нет имен, нет достаточно подходящей концепции. О демонах, таких прожорливых и яростных, что в свое время смертные уцелели лишь в нескольких частях мира, и то, только благодаря помощи некоторых из ранних богов. Демоны, которые без сомнения должны быть остановлены навсегда.

— Ты не можешь уничтожить первоначальную

духовную сущность, — заметил погруженный в раздумья Боб. — Даже если ты изгонишь его, со временем он сможет возродиться.

— Но ты можешь забыть их, — парировал я. — Выбросить их прочь. Оставить их навсегда потерянными — вне мира смертных. Не давая им возможности навредить. Ты можешь отправить их в забвение.

Боб издал свистящий звук. Какого черта? Как? У него ведь даже нет губ.

— Жестко, — признал Боб. — Я имею в виду, сражаться на войне, как эта… чем больше людей ты бросишь в бой на своей стороне, тем больше будет владеющих информацией, тем сложнее будет справиться с этими демонами. Так что вам надо постоянно контролировать знающих. И максимально жестко ограничивать круг посвященных. Это трудно.

— Очень, — согласился я. — Я знаю, что во всем мире, примерно, около двух сотен Венатори. Но мы организованы в ячейки. Каждый знает только одного другого Венатора.

— Венатори? — переспросил Боб. — Но ведь в мире около пяти тысяч этих старых высушенных простофиль. Они помогают Совету сражаться на войне, помнишь?

Я протестующее махнул рукой.

— Это Венатори Умброрум.

— Ага, — сказал Боб. — Охотники Теней.

— Это один из переводов их имени. И это тот, который они считают верным. Но было бы более точно называть их Тенями Охотников. Они этого не знают, но это мы создали их. Дали им их арсенал знаний. Используем их для сбора и анализа информации, чтобы быть в курсе всех событий. Они же и маскировка, ширма за которой нашим врагам сложнее нас отыскать.

— Врагам… верно, — Боб блеснул огоньками. — Войны ведут две стороны.

Я кивнув.

— Или больше. Есть множество… людей… заинтересованных в старых демонах. Они гораздо слабее по сравнению с тем, какими были раньше, но все еще сильны и жаждут власти. Культы, жрецы, секты, отдельные сумасшедшие фанатики. Они стараются пустить демонов в этот мир. Мы пытаемся остановить их. — Я покачал головой. — Война Забвения длиться уже более пяти тысяч лет. Иногда десятилетия проходят без единой битвы. Иногда все вокруг словно сходят с ума.

— И скольким демонам вы обрезали путь в мир смертных? — спросил заинтригованно Боб. Затем

он радостно прощебетал, — Ой, я догадываюсь, ты не знаешь, не так ли? Если вы уделываете их, то даже не помните об этом.

— Точно, — кивнул я.

— Неблагодарная работа сражаться на такой войне.

— И ты говоришь об этом мне? — возмутился я. — Это секретная информация, Боб. Простое знание про этих существ, вызывает, так сказать, резонансный отклик в мозгу. Они могут увидеть того, кто знает о них. Если Гарри узнает о войне, и кто-то с другой стороны поймет, что он знает…

— Плохие парни предположат, что он Венатор или соперник, и убьют его, — сказал Боб ставшим внезапно серьезным голосом. — А Венатори предположат, что он представляет опасность, как крепкий орешек. И у них будет только два варианта: они или убьют его, как представляющего угрозу для режима секретности, или заставят присоединиться к их армии. А он уже сражается на одной войне.

— Именно, — кивнул я.

— Гм, — пробормотал Боб. — Просто интересно, почему они не захотят проделать тоже со мной?

— Ты не смертный, — ответил я спокойно. — Твои знания не привязывают ничего к этому

миру.

Череп умудрился каким-то образом выглядеть убежденным.

— Это правда. Расскажи мне про клиента, который с моим боссом.

— Ты знаешь про общество Собирателей Невозможного? — Спросил я.

— Кучка психов в Прибалтике, — ответил Боб незамедлительно. — Они оттяпывают отдельные конечности и просто кусочки тел и вместо них приживляют взятые от нечеловеческих существ. Демонов, вурдалаков и так далее. Этакая мозаика из бессмертных.

Я кивнул.

— Стигийские Сестры делают то же самое только не с физическими телами, а с собственными душами. Они отламывают ненужные им кусочки от человеческой личности и заменяют их частями, взятыми от нечеловеческих созданий.

— Весело, — выпалил Боб возбужденно. — Женский клуб, угу? Они горяченькие?

— Это в целом выгодно, — согласился я. — Так что, большая часть — да. Они обслуживают и поклоняются старым богиням — демонам, которых стараются призвать в наш мир через публикацию книги ритуалов, которая называется Лексикон

Малос.

— Такс, — сказал череп. — Горячая цыпочка пришла к Гарри в офис. Он пустил слюну на её обувь и, ведя себя как идиот даже не расспросил ее, что точно произошло. И не предложил ей совершить сразу безнравственный поступок прямо на месте.

— Нуу, — сказал я. — Я не уверен, если…

— Будучи тупым героем, после её душещипательного рассказа он говорит ей не волноваться, что он найдет очевидную для всех, кроме него, приманку — я подразумеваю, пропавшего ребенка. Только когда он найдет ребенка, он так же найдет эту книгу с ритуалами.

— И будучи верным Стражем Белого Совета… — продолжил я.

Боб пренебрежительно фыркнул.

— Он передаст им книгу с опаснейшими ритуалами, которые сможет использовать любой неуч. И Совет сделает то же самое, что они проделали с «Некрономиконом», чтобы обезвредить его.

Я кивнул.

— Они опубликуют ее, потому что они уверены, что ритуал утратит силу, если каждый придурок захочет попробовать его. Сила, которую они, якобы, смогут призвать распылится на множество

частей и никому не сможет повредить.

— Но настоящая опасность — это вовсе не ритуал, — сверкнул глазами Боб. — Но знания, которые скрываются за ним.

— И тогда мы никогда не избавимся от них так же, как никогда не сможем избавиться от фейри.

Боб внезапно очень заинтересовался.

— Вы пытались избавиться от фейри?

— Венатори пытались, было дело, — пожал я плечами. — Но Джи-мен пустил насмарку все наши начинания.

— Джи-мен? Человек правительства? Федерал? — подпрыгнул Боб. — Как Люди в Черном?

— Как Гутенберг и Гримм, — ответил я.

Боб на мгновенье притушил глазные огоньки, очевидно размышляя.

— Эта Стигийская киска… она расставила на тебя ловушку. Она знала кто ты, и что ты делаешь.

— Я уже скрещивал мечи с Сестринством раньше. Они знают меня. — Я покачал головой. — У меня нет ни малейшей идеи, почему она изменила моё лицо, вместо того, чтобы убить меня, когда у нее была такая возможность.

— Потому что Дрезден почувствовал бы это, — сразу сказал Боб.

— А?

— Убивать кого-то с помощью магии? Это оставляет аромат и ни один дезодорант на земле не сможет скрыть его полностью после убийства. Если Гарри подберется достаточно близко, чтобы почувствовать дуновение черной магии, у неё не останется ни единого шанса притворяться невинной овечкой.

— Она могла бы сказать ему, что практикует магию.

— Тогда он действительно коснется её, — сказал Боб. — И если она психически значительно отличается от нормального человека это будет чувствоваться на её ауре. Кроме того, ощущение небольшого покалывания волшебного потенциала в клиенте, это абсолютно не то же самое, чем понимание, что она состоит из сверхъестественных огрызков, забрызганных магической кровью.

— Я понял. Вместо этого она изменила моё лицо.

— Фактически, она не изменяла его, — сказал череп. — Это иллюзия. Под ней ты остаешься собой. Чрезвычайно интересный вопрос в том, почему она сделала то, что она сделала.

Я недовольно нахмурился.

— Чтобы избавиться от меня, — сказал я, на-

пряженно размышляя. У меня не заняло много времени, чтобы понять, что задумала Стигийка, и я расстроено сжал зубы.

— Голод мне в глотку. Она сказала Гарри, что в деле замешан злодей. Она показала ему фото негодяя, который забрал бедного ребенка. — Я показал на свое лицо. — И я выгляжу, как он.

— Проклятье! — Воскликнул Боб, с изумление в голосе. — Это подло. Гарри чертовски быстро выхватывает револьвер в эти дни. Если ты покажешься ему, то он может даже не дать тебе шанса все объяснить.

Я вздохнул.

— Была бы это самая большая проблема сегодня. Так ты собираешься, помочь мне или нет?

— Ответь мне еще на один вопрос, — сказал череп спокойным голосом.

— Хорошо.

— Почему? — спросил он. — Почему вампиры замешаны в этом? Почему те, кто питается людьми, заинтересованы в спасении человечества от оголодавших богов-демонов?

Я презрительно расхохотался.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что глубоко внутри нашего сердца мы хотим быть героями? Или что наши души вопят о человечности, чув-

стве вины, искуплении? — Я покачал головой и улыбнулся ему, оскалив зубы. — На самом деле? Нам просто не нравится конкуренция.

— Откровенно, — сказал Боб, поворачивая глаза-огоньки. — Это мотив, который я могу понять. Хорошо.

— Хорошо?

Череп повернулся на полке, лицом к столу.

— Я могу показать тебе, как найти Гарри. Но сперва мы поправим твое лицо. Подойти поближе, дай мне лучше рассмотреть тебя.

Мнемоническая молния вспыхнула и ударила меня по голове, и я почувствовал, что улыбаюсь.

— Нет, — сказал я.

Череп немного наклонился на один бок, наблюдая за мной.

— Нет?

— Нет, у меня есть лучшая идея.

Боб попытался объяснить мне, почему то заклинание, которое он показывает мне, будет работать, когда мое собственное подвело меня, но после пяти секунд технических подробностей я начал бормотать «бла-бла- бла» на все, что он говорил.

Я не чародей, уяснили? Максимум — пародия на подмастерье. Я не забочусь, почему это рабо-

тает, пока это работает.

* * *

Стигийка продолжила свою маленькую шараду на товарном складе в Хаммонде. Когда я настиг брата, они наблюдали за местностью, притаившись в тени аллеи, пересекающей улицу перед складом. Стигийка играла роль испуганной, нервной женщины, озабоченной только тем, чтобы безопасно вернуть домой своего отпрыска. Она была очень хорошей актрисой, даже чересчур хорошей, для того, в ком так мало от человека. Ей возраст, должно быть, исчислялся несколькими столетьями. У неё было время, чтобы попрактиковаться.

Я поднялся на крышу расположенного рядом со складом здания, так что я тоже мог осмотреть местность. Я заметил несколько вурдалаков, одетых в униформу частной охранной фирмы, которые охраняли вход. Они проводили регулярные обходы вокруг склада по внутреннему и внешнему периметру, не слишком озадачиваясь тем, чтобы еще посматривать на крышу, на которой я находился. Это был пятиэтажный дом, без пожарных лестниц — только голые кирпичи, по которым я и забрался. С чего бы им смотреть

на неё?

Я приблизился к дальнему концу склада, где Гарри и Стигийка не могли меня заметить, подождал, пока патрулирующие вурдалаки не скроются из поля зрения, и затем перепрыгнул расстояние в сорок футов, или около того, между моей крышей и крышей склада. Я приземлился с перекатом, практически в полной тишине и надолго замер, выжидая, на тот случай если кто-то меня заметил и поднимет тревогу.

Никто не поднял. Меня не заметили.

Я уселся удобнее и стал ждать.

Гарри сделал свой ход между тремя и четырьмя часами утра. В то время когда в округе наименьшее число свидетелей и невинных прохожих, а охранники уже уставшие и расслабленные от уверенности что этой ночью ничего не произойдет. Где-то впереди перед складом прозвучал его звучный баритон, распевающий одно из этих используемых им заклинаний, на языке, претендовавшем на латынь. Затем была вспышка света, рокот грома и звук столкновения чего-то, вмявшегося в металлическую стену склада с силой пушечного ядра.

Один вурдалак готов. Мой брат ненавидит этих существ с такой сильной страстью, что её прак-

тически можно назвать святой. Если его первая атака не убила эту тварь, то он обязательно прикончит её чуть позже. Я услышал, как другие вурдалаки завыли, начав трансформироваться.

Пока всё внимание было привлечено атакой через центральный вход, я проник в помещение через осветительный люк.

Склад был завален кипами годами накапливающейся рухляди, состоящей в основном из остатков корабельных снастей, штабелей грузовых поддонов и сломанных ящиков. Пространство в центре пола было расчищено, и бетон был обильно расписан оккультными символами, нарисованными кровью вокруг стола, который явно намеревались использовать как алтарь. Ребенок — маленький мальчик, лет девяти — лежал на столешнице с привязанными руками и ногами. Его лицо покрылось пятнами от слез. Он пронзительно кричал и дергал веревки, но был крепко привязан к столу.

Гарри снова закричал. Стекла обоих окон в передней части склада буквально взорвались внутрь со вспышкой ярко-алого света. Каким-то образом это выглядело так, словно большие руки прокладывали себе свободный проход.

Я продолжал оглядываться вокруг до тех пор,

пока не заметил её — Лексикон Малос, книгу в кожаном переплете, похожую на большой старый рукописный журнал. Она выглядела, как впечатляющий оккультный гримуар, за который Стигийки и хотели его выдать. Лексикон был водружен на меленький пьедестал воле стола. Не хватало только мигающей неоновой вывески с надписью «ЗАМЕТЬ МЕНЯ», но все было очень близко к этому.

Перебирая руками по стальным стропилам, до тех пор, пока не подобрался к балке, которая шла вдоль стены, я соскользнул на пол и поспешил к алтарю и пьедесталу. Рывком раскрыл нейлоновый рюкзак, запихнул в него Лексикон Малоса, застегнул и закинул рюкзак на плечи.

Я мог бы уже линять оттуда. И это было бы умным поступком. Раз книга была исключена из уравнения, то сорвалась вся стигийская операция. Конечно, она и остальные участницы Сестринства могут попробовать провернуть это где-то еще, но на какое-то время они были остановлены.

Но эта сучка впутала в наши разборки моего брата.

«На какое-то время» было явно недостаточно. Гарри уже прорвался через главный вход склада,

следом за ним шла одетая в темное Стигийка, дрожащая и притворяющаяся напуганной. Каким-то образом мужественно выглядевший Гарри — высокий, худощавый, с заостренными чертами лица, был одет в его обычный чародейский прикид — черный кожаный плащ. Он держал резной посох в левой руке, а более короткий, покрытый еще более изощренной резьбой жезл, в правой. Кончик жезла сиял сердитым красно-оранжевым пламенем.

Я их ждал, накинув на плечи темно-красное шерстяное одеяло и обернув его вокруг тела, как какой-то драматический церемониальный наряд. Я стоял возле ребенка, сжимая в руке нож, который лежал возле алтаря (и который выглядел абсолютно дурацки), с головой запрокинутой вверх и насмешливой улыбкой на прикрытом иллюзией лице.

— Таак! — пророкотал я низким голосом. — Ты поверг моих миньонов!

— Ты, должно быть, шутишь, — воскликнул мой брат, глядя на меня с выражением, застывшим где-то между потрясением и чистым презрением. — Я имею в виду… Господи, посмотри на это место! Я видел средние школы, в которых показывали представления намного лучше, чем это.

— Тишина! — прокричал я, направляя на него нож. Во всяком случае, смотрел я только на Стигийку. Она уставилась на меня взглядом, полным истинного изумления. Ах! Это послужит тебе уроком, милая. Ты не должна делать ставку на воображаемых злодеев до тех пор, пока не уверишься, что они не станут реальностью. — Кто посмел прервать мо…

— Да… знаешь что? — спросил Гарри. — Forzare!

Его посох дернулся вперед и невидимый грузовик ударил меня со скоростью тридцати миль в час.

Я пролетел назад около тридцати футов и ударился в штабель сложенных поддонов.

Я прошел сквозь них.

Это больно.

Я ударился о стену за ними.

И не прошел сквозь неё.

Это было еще больнее.

Я приземлился оглушенный и, шатаясь из стороны в сторону, с помощью моего демона поднялся на ноги. «Никаких проблем» — сказал я себе. Я в любом случае планировал отступать в этом направлении. Просто мне казалось, что это будет не так … энергично.

Распределительный щит здания был на стене в двух футах левее меня. Я дотянулся до него и отключил свет.

— На пол! — прокричал Гарри женщине. Он думал, что он ее защищает. — Замрите на месте!

Мы с демоном видели в темноте практически безупречно. Стигийка отличалась тем же. Она достала откуда-то кинжал с волнистым лезвием и бесшумно побежала ко мне. Её глаза сузились и были полны решимости.

Когда она была в десяти футах от меня, я метнул в нее бутафорский нож, который все еще сжимал в руке. Стигийка скользнула в сторону и он, прорезав воздух, выбил искры из дальней стены склада. Ее кинжал задел меня, но я ударил её кромкой ладони по предплечью, выбивая его, прежде чем она смогла сделать больше, чем просто оцарапать меня. Я отделался легким порезом, оттолкнул её на шаг, достал кукри из-под красного одеяла и рубанул её по голове. Я промазал, но резко провел другой рукой как расческой по ее волосам и, ткнув ей расставленной пятерней в глаза, отскочил в сторону, быстро перехватив нож.

Тем временем на заднем плане Гарри решил все согласно своим приоритетам. При тусклом свете

амулета он освободил ребенка с самопального алтаря. Я почувствовал, как мои губы растянулись в свирепом оскале.

— Столь самодовольный, — прошипела Стигийка, её глаза рептилии мерцали. — Но ненадолго. — Она повысила свой голос до перепуганного крика. — Пусти меня! Не прикасайся ко мне!

Гарри, держа ребенка пожарной хваткой через плечо, развернулся на звук, поднял жезл и поспешил к нам.

— Беги, Венатор. Но Кровь Древней Матери уже в твоих венах. Наслаждайся твоими последними часами.

Порез на моей руке, маленькая царапина оставленная кинжалом Стигийки, внезапно откликнулась пронизывающим холодом.

Книга не попала Гарри в руки. Ребенок был спасен. Я убежал из здания.

* * *

Рана была отравлена.

Без моего демона, я не думаю, что продержался бы больше часа. Даже с его поддержкой, было очень трудно оставаться спокойным. Боль была ужасной, и мое бедное тело покрывалось липким, горячим потом, при этом я весь дрожал от

холода. Голод обычно может побороть любой вид постороннего вещества, но для того чтобы мой демон был сильным, он должен быть хорошо накормлен, а я активно использовал его всю ночь. У нас осталось мало сил, чтобы бороться с ядом.

Это было трудно, но я продержался три часа.

Столько времени мне потребовалось на то чтобы отыскать Стигийку и застать её одну.

Взмах моего кукри промахнулся мимо её головы, но не мимо волос, которые росли на ней. И пока мои пальцы не нашли её глаз мгновенье спустя, они цепко подхватили эти волосы из воздуха, прежде чем они упали. Поисковое заклинание, которому обучил меня Череп, было достаточно сильным, чтобы позволить мне найти Стигийку, невзирая на те контрмеры, которые она могла принять.

Когда она зашла в номер отеля, я следовал за ней по пятам. Она так и не знала, что я был рядом, до тех пор, пока мои губы не прикоснулись сзади к её шее, и я спустил на неё свой Голод.

Она внезапно начала дышать с трудом, когда мой демон так долго умирающий от голода бросился в её плоть. Конечно, она могла обладать памятью и мыслями дюжины чужих жизней, но у нее была смертная жизненная сила и смертное

тело. Женское тело. И, как я сказал Бобу, вполне привлекательное.

Она пыталась сопротивляться пять или шесть секунд, пока её нервная система поддавалась моему Голоду, пока первый оргазм не вырвался из её горла стоном экстаза, жажды и безнадежности.

— Шшшш, — прошептал я ей, нежно прикусывая зубами мочку её уха, пока мои руки ласкали ее тело. — Это не будет больно. Я обещаю.

Она снова вскрикнула в отчаянии, когда её тело начало двигаться, беспомощно уступая желанию, похоти и страсти и мое собственное сдерживание сверкнуло и исчезло, и я отдался примитивной, болезненной жажде Голода.

Я провожу большую часть моей жизни, сражаясь со своей темной половиной.

Большую часть.

Но не всю.

Я повалил Стигийку на пол и скормил её демону.

Лара поможет мне избавиться от тела.

Длительного душа и очистительной силы восходящего солнца было достаточно, чтобы смыть прочь иллюзию, которая скрывала мое лицо.

На следующий день я навестил брата в его офисе.

— Как бизнес? — спросил я его.

Он покачал головой, бросив на меня хмурый взгляд.

— Знаешь что? Я проделал так много работы для Совета и для Стражей, что должно быть, забыл каково это быть частным детективом.

— Почему это?

— Ну, я пришел к этому невеселому выводу вчера после встречи с одним плохим парнем, — сказал он. — Киднепер. Блин, тебе надо было видеть этого неудачника. Он был клоуном.

— Ха! — хмыкнул я.

— И каким-то образом он умудрился удрать от меня. — Гарри покачал головой. — Я имею в виду, я вернул ребенка, но этот маленький ублюдок удрал от меня.

— Может, ты просто становишься старым?

Он сердито глянул на меня.

— Но самое худшее то, что цыпочка, которая наняла меня, даже не была его матерью. Она играла со мной все время. Ребенок пропал три дня назад, и настоящие родители пытались заставить копов с какого-то перепугу арестовать меня. После того, как я показал им долбанный жертвенный алтарь.... Ну хорошо — убогий, тупой жертвенный алтарь, но жертвенный алтарь, прежде всего.

— Какая еще цыпочка?

— Кто знает, — сказал Гарри раздраженно. — Она исчезла. И опять мне не повезло. Я попробовал получить плату у родителей за расследование и спасение. Больше шансов избрать президентом либертарианца.[34]

— Риск независимых бизнесменов, — улыбнулся я. — Ты голоден?

— Ты платишь?

— Я плачу.

Он поднялся.

— Я голоден, — он накинул свой плащ и пошел со мной к двери, покачивая головой. — Я говорил тебе, Томас? Иногда я чувствую себя практически неполноценным.

— Вау, — сказал я. — И на что это похоже?

---

[34] Примечания: 34

Либертарианизм — радикальное направление в либерализме; социально-политическая доктрина, утверждающая безусловный примат прав и свобод индивида, отрицающая легитимность какого-л. вмешательства государства и социальных институтов, напр., религии, традиций и т. п., в личную жизнь человека; сторонники либертарианизма выступают за свободное развитие рыночной экономики и укрепление прав собственности граждан. С ума сойти.

10.3 Воин (2009)

Я присел возле Майкла и сказал:

— Я думаю, Вы в опасности.

Майкл Карпентер был большим, мускулистым мужчиной, хотя сейчас он выглядел наиболее худым за весь тот период, что мы были знакомы. Месяц в кровати и еще больше месяцев в палате интенсивной терапии превратили его только в тень прежнего, и он никогда не сможет вернуть себе всей мускулатуры. Но даже так, он выглядел крупнее и мускулистее, чем большинство мужчин вокруг. Его волосы и короткая борода цвета соли-с-перцем за эти дни стали больше похожи на соль.

Он улыбнулся мне. Это не изменилось. Может быть, только улыбка стала глубже и более непоколебимой.

— Опасности? — сказал он. — Небеса!

Я откинулся назад на старой деревянной открытой трибуне в парке, и хмуро посмотрел на него.

— Я серьезно.

Майкл прервался, чтобы выкрикнуть короткие слова поддержки второму бейсмену (или это бы-

ла бейсперсона?) команды по софтболу в которой играла его дочь, Алисия. После чего он уселся обратно на скамью, сиденья которой были покрыты старой, растрескивавшейся чешуйками зеленой краской, что дисгармонировало с его бело-бледно-голубой футболкой, которая соответствовала цвету формы девушек на поле. На ней была написано «ТРЕНЕР» большими синими буквами.

— Я принес Меч. Он в заглохшей машине.

— Гарри, — сказал он невозмутимо, — Я в отставке. Вы знаете это.

— Конечно, — сказал я, потянувшись в карман плаща. — Я знаю это. Но плохие парни очевидно нет. — Я вытянул наружу концерт и вручил ему.

Майкл открыл его и изучил содержимое. Потом он вложил все обратно, положил конверт на скамью возле меня и поднялся. Он направился вниз к полю, тяжело опираясь на деревянную трость, которая теперь везде сопровождала его. Поврежденные нервы и тяжелая травма бедра, практически лишили подвижности одну ногу. Из-за этого его походка стала раскачивающейся, как у моряка. Еще я знал, что один из его честных, ясных глаз видел теперь намного хуже.

На поле объявили перерыв, и Майкл давал указания спокойным уверенным голосом, вызы-

вая улыбки у его дочери и её команды. Они явно искренне веселились.

Ему это нравилось.

Я глянул вниз на конверт и отчетливо представил себе фотографии лежащие в нем. Было ясно, что все они сделаны профессионалом — Майкл, поднимающийся вдоль перил в церковь; Майкл, придерживающий дверь для своей жены, Черити; Майкл, ставящий большое ведро с софтболами в багажник семейного микроавтобуса Карпентеров; Майкл во время работы, одетый в желтую каску, показывающий вверх на незаконченное здание и беседующий с мужчиной рядом с ним.

Фотографии пришли в мой офис по почте. Без записки, без объяснений. Но их значение были безобразными и предельно четкими.

Мой друг, бывший Рыцарь Креста, был в опасности.

Примерно через пол часа, когда матч подошел к концу, Майкл поднялся назад ко мне на трибуну. Он постоял мгновенье, глядя на меня, прежде чем сказал:

— Меч ушел из моих рук. Я не могу поднять его снова — особенно для неправедных намерений. Я не хочу жить в страхе, Гарри.

— Может вы, хотя бы немного, поживете во

внимании? — спросил я. — Хотя бы до тех пор, пока я не узнаю больше о том, что происходит?

— Я не думаю, что Он запланировал для меня смерть сейчас, — ответил он невозмутимо.

Это сложно описать, но когда Майкл начинает говорить о Всемогущем, он умудряется вставлять заглавные буквы в устную речи. И не спрашивайте меня, как именно.

— А что случилось с «Никто не знает свой день и час»? — спросил я.

Он криво мне улыбнулся.

— Вы выдергиваете цитату из контекста.

Я пожал плечами.

— Майкл. Я бы хотел поверить в любовь, которую Бог распространяет на каждого. Но я видел множество людей, которые пострадали, и ничем не заслужили этого. Я не хочу, чтобы вы стали одним из них.

— Я не боюсь, Гарри.

У меня на лице мелькнула недовольная гримаса. Я догадывался, что он может отреагировать, таким образом, и я намеревался играть грязно.

— А как насчет ваших детей, парень? Как насчет Черити? Если кто-то придет за вами, они не будут беспокоиться о том, что случится с людьми, которые рядом.

Выражение лица Майкла, было практически, невозмутимо до этого выстрела. Его лицо побледнело, и он посмотрел вдаль, отведя от меня взгляд.

— Что у Вас на уме? — спросил он через секунду.

— Я собираюсь спрятаться в засаде и притаиться, — ответил я. — Может быть, схватить нашего фотографа, прежде чем все станет хуже.

— Хочу ли я, чтобы вы сделали это? — спросил он.

— Итак. Да?

Он покачал головой и широко улыбнулся.

— Спасибо, Гарри. Тем не менее, нет. Спасибо. Я справлюсь.

* * *

Дом Майкла был аномально не похож на городскую постройку — милый большой старый дом, в колониальном стиле. Образ дополнялся изгородью из белого штакетника и заросшим деревьями двором. Он был красив своим тихим, непоколебимым притяжением, окруженный множеством других домов, но не один из них не выглядел так мило, уютно и чисто, как дом Майкла. Я знал, что он много трудился, чтобы придать дому такой

вид. Может быть, это получилось просто так. Может быть, это было побочным эффектом визита архангела или кого-то похожего.

Или же все дело было в глазах того, кто смотрел.

Я, к сожалению, был абсолютно уверен, что у меня никогда не будет места, похожего на это.

Майкл посадил в свой белый пикап несколько девушек, чтобы подвезти их, так что поездка до его дома заняла немного больше времени, чем обычно. Когда мы подъезжали к его дому сумерки тяжело опустились на город. Я не делал никакого секрета из того, что следую за ним, но в любом случае, я не ехал впритык к его заднему бамперу, поэтому не думаю, что кто-то из них заметил мой потрепанный Фольксваген.

Майкл и Алисия вылезли из машины, и зашли в дом, пока я делал медленный круг вокруг их квартала, держа глаза широко открытыми. Когда я не заметил никаких невменяемых маньяков или стоящих наизготовку демонов с выпущенными когтями, я припарковался чуть ниже по улице и направился пешком к дому Майкла.

Это случилось молниеносно. Футбольный мяч подпрыгнул возле меня, маленькая особа бросилась за ним, и как только это случилось, я

услышал очень близко хруст шин по асфальту позади меня. У меня длинные руки и это пригодилось. Я схватил ребенка, которому на вид было семь или восемь лет, буквально за пол секунды, прежде чем приближающаяся машина ударила мяч и отправила его в полет. Ноги девочки подлетели вверх над головой, когда я оторвал её от земли, и её туфли разминулась с решеткой радиатора буквально на шесть дюймов.

Машина (одна из этих новых экологических гибридов, часть времени использующих вместо бензина батарею), с бесшумным мотором ехала в полнейшей тишине с выключенными фарами. Водитель, молодой парень в костюме, болтал по мобильному телефону, держа его возле уха одной рукой. Он ничего не заметил. Когда машина достигла конца квартала, он включил фары.

Я повернулся, чтобы глянуть на ребенка, девочку с чернильно-черными волосами и розовой кожей, глядевшую на меня широко раскрытыми темными глазами. Её рот был испуганно приоткрыт. На щеке у неё зеленел синяк, которому была пара дней.

— Привет, — сказал я, стараясь быть таким дружелюбным, как только мог. У меня очень ограниченный лимит доверия. Высокий, сурово

выглядевший мужчина в длинном черном плаще, которому нужно как минимум побриться, чтобы изменить это. — С тобой все в порядке?

Она медленно кивнула головой.

— У меня проблемы?

Я поставил её на землю.

— Не из-за меня. Но я слышал, что мамы могут начать волноваться о…

— Кортни! — раздался задыхающийся, испуганный голос, и женщина, которая, как я предположил, была мамой девочки, в спешке выскочила из ближайшего дома. Так же, как и у ребенка, у неё были темные волосы и очень красивая кожа. И у неё были точно такие же настороженные глаза. Она протянула руки к маленькой девочке и рывком, отодвинув ее к себе за спину, быстро окинула взглядом округу.

— Как вы думаете, что вы делаете? — Требовательно спросила она — или попыталась, но вышло это как возбужденное восклицание — Кто вы такой?

— Только пытаюсь препятствовать вашей дочери, становиться жертвою «движения зеленых», — ответил я.

Она не поняла. Выражение её лица изменилось — она, явно, подумала что-то типа: «Этот чело-

век- псих?» Я встречал такое множество раз.

— Это была машина, мэм, — пояснил я. — Девочка не увидела, как она приближается.

— О, — вздохнула женщина. — О! Сп-спасибо вам.

— Пожалуйста, — я хмуро глянул на девочку, — Ты в порядке, милая? Этот синяк ведь не из-за меня?

— Нет, — ответила она. — Я упала с велосипеда.

— Даже не поцарапав руки, — заметил я.

Она настороженно смотрела на меня около секунды, прежде чем её взгляд расширился, и она еще немного спряталась за матерью.

Женщина глянула на меня, потом на ребенка. Затем она кивнула мне, взяла дочь за плечо и потащила её к дому, не говоря ни слова. Я задумчиво понаблюдал, как они идут, и продолжил путь к жилищу Майка. По дороге я закинул футбольный мяч Кортни назад к ним во двор.

Когда я постучал, дверь мне открыла Черити. Хотя она и была примерно такого же возраста, как и Майкл, её золотистые волосы скрывали любые пряди серебра, которые могли появиться. Для женщины она была высокой и широкоплечей, и я видел, как она сокрушила не один нечелове-

ческий череп, защищая одного из своих детей, когда тот был в опасности. Она выглядела усталой. Я догадывался, что год наблюдений за тем, как ее муж переносит интенсивную терапию, дался ей нелегко. Но она выглядела счастливой. Наша личная холодная война закончилась за давностью лет, и она улыбнулась, увидев меня.

— Привет, Гарри. Внеплановый урок? Думаю, Молли отправилась спать пораньше.

— Не совсем, — сказал я, улыбаясь. — Только что мелькнула мысль, нанести вам визит.

Улыбка у Черити не исчезла, но стала настороженной.

— Неужели?

— Гарри! — закричал детский голос, и младший сын Майкла — мой тезка, подпрыгнул в воздух, доверяя мне поймать его. Маленький Гарри был возрастом примерно как Кортни, и обычно расценивал меня, как что-то привлекательное для лазанья. Я поймал его и шумно поцеловал в макушку, что вызвало хихиканье и протестующий возглас:

— Ну, хватит!

Черити хмуро покачала головой.

— Ладно, заходите. Позвольте мне предложить вам что-нибудь попить. Гарри, он не шведская

стенка. Слезай.

У маленького Гарри внезапно развилась самопроизвольная глухота, и он вскарабкался мне на плечи, пока мы заходили в гостиную. Майкл и его темноволосая, спокойная и серьезная дочь Алисия только что вошли, после того как убрали софтбольное снаряжение в гараж.

— Папа, — прокричал маленький Гарри, протягивая руки Майклу и молнией прыгая с моих плеч вперед.

Майкл наклонился вперед и поймал его. Мой желудок болезненно сжался в сострадании, когда я заметил, как он вздрогнул и тяжело вздохнул в момент, когда делал это.

— Алисия, — подала голос Черити.

Её дочь кивнула, повесила бейсболку на деревянную вешалку возле двери и забрала у Майкла маленького Гарри. Она подбрасывала его в воздух, вызывая этим веселый детский протестующий смех.

— Идем, постреленок. Время купаться.

— Пиявка! — воскликнул Гарри и немедленно начал карабкаться на плечи сестры, бормоча что-то про роботов.

Майкл с улыбкой наблюдал за тем, как они уходят.

— Я пригласил Гарри на ужин этим вечером, — сказал он Черити, целуя её в щеку.

— Неужели? — спросила она, точно таким же тоном, которым встретила меня у двери.

Майкл глянул на неё и вздохнул. Затем он обреченно произнес:

— В моем офисе.

Мы прошли в кабинет, который использовался как офис Майкла — более захламленный, чем обычно, в основном из-за того, что теперь из-за заморозков, он не пользовался пристройкой. Я достал фотографии и, не говоря ни слова, показал их Черити.

Супруга Майкла не была глупой блондинкой. Она быстро одну за другой просмотрела их, с каждым новым изображением ее глаза сверкали все ярче. Когда она заговорила, в её голосе буквально ощущались кусочки льда.

— Кто их сделал?

— Я пока не знаю этого, — ответил я ей. — Хотя имя Никодимиуса на первом месте хит-парада.

— Нет, — сказал Майкл спокойно. — Он не сможет больше навредить мне или моей семье. Мы защищены.

— Чем? — спросил я.

— Верой, — ответил он просто.

Это был бы сводящий с ума ответ при других обстоятельствах — но я видел, на что способна сила веры, действующая вокруг моих друзей, и это была одна из самых реальных сил, которые я мог представить. Чтобы защитить бывших президентов существует Секретная служба. Может быть, бывшие Рыцари Креста имеют похожий пенсионный пакет, только с большим количеством ангелов?

— Вы собираетесь разобраться во всем этом? — спросила Черити.

— Такова идея, — ответил я. — Но это означает, что я немного бесцеремонно вмешаюсь в вашу жизнь.

— Гарри, — сказал Майкл, — в этом нет нужды.

— Не будь смешным, — откликнулась Черити, поворачиваясь к Майклу. Она очень нежно взяла его руку, но её голос оставался твердым. — И не будь гордым.

Он улыбнулся ей.

— Это не вопрос гордости.

— Я не уверена, — сказала она тихо. — Отец Фортхилл сказал, что мы защищены только от сверхъестественных хищников. Если же это будет кто-то из простых смертных… Мы должны знать, что происходит.

— Я часто не знаю, что происходит, — ответил Майкл. — Если бы я проводил все время, пытаясь узнать, в чем дело, то не осталось бы достаточно времени чтобы жить. Это больше похоже на то, чтобы заставить нас нервничать и волноваться.

— Майкл, — сказал я спокойно. — Один из лучших путей борьбы со страхом, который я знаю, это знание.

Он повернул голову, хмуро глянув на меня.

— Вы сказали, что не будите жить в страхе. Отлично. Дайте мне возможность несколько дней покрутиться вокруг и пролить свет на вещи, чтобы выяснить, что происходит. Если все окажется пустяком, то никакого вреда от этого не будет.

— А если не окажется? — требовательно спросила Черити.

Я сдержал волну гнева, которая могла проявиться в моём голосе и выражении лица, и посмотрел на неё спокойно.

— Не пострадаете ни вы, ни ваши близкие.

Её глаза вспыхнули, и она кивнула в знак согласия.

— Дорогая, — вздохнул Майкл.

Черити посмотрела на него.

У Майкла, конечно, был на счету убитый дракон, но даже у него есть свой предел. Он поднял

руки в знак капитуляции и произнес обращаясь ко мне:

— Почему бы вам ни подняться в гостевую спальню?

После девяти тишина практически полностью окутала дом семейства Карпентер. Меня провели в маленькую гостевую комнату, в конце коридора. Это была швейная мастерская Черити, и она была вся заставлена яркими штабелями сложенной ткани. Некоторые рулоны были еще упакованы в целлофан, некоторые уже начаты. В центре комнаты стоял маленький столик со швейной машинкой на нем, оставшегося вокруг места хватало только на то, чтобы поставить кровать. Я знал эту комнату. Мне уже приходилось зализывать здесь раны после моих приключений.

Одна вещь в ней была для меня новой — толстый слой пыли на швейной машине.

Ха!

Я сел на кровать и огляделся. Это была тихая, теплая, живая маленькая комната — практически маниакально такой. Буквально все было милым, приятным и лежащим на своих местах. Мне потребовалось целых шесть или семь секунд, чтобы понять, что эта комната была убежищем

для Черити. Как много дней и ночей она волновалась за Майкла, делающего буквально говоря, Господь знает что, против врагов, настолько ужасных, что никто кроме него не смог бы справиться с ними? Как много раз её терзали мысли о том, что следующим, кто переступит порог, будет мрачный отец Фортхилл, вместо мужчины, которого она любит? Как много часов она провела в этой хорошо освещенной комнате, делая теплые, мягкие вещи для своей семьи, пока её муж направлял холодную, сияющую сталь «Аморраккиуса» во тьму?

И теперь на швейной машине лежала пыль.

Майкла почти убили, там, на острове. Ему нанесли вред, из-за травм он был вынужден отложить в сторону святой Меч, наряду с практически невидимой, смертельной войной. И он был более счастлив, чем я когда-либо видел. Должно быть все же — пути Господни неисповедимы.

Другая мысль пришла мне в голову, пока я обдумывал это: Кто бы ни послал это фото, он не послал их Майклу — он послал их мне. Что если я подверг Майкла и его семью настоящей опасности, показав им снимки?

Я нахмурился, глядя на эту неунывающую комнату. Слишком много всего навалилось для

бессонного сна.

Я поднялся и прокрался вниз по лестнице для набега на холодильник, обутый только в носки, и пока я был на кухне, чавкая импровизированным сэндвичем с ветчиной, я заметил тень, которая мелькнула за темным окном.

У меня было несколько вариантов, но не один не был действительно вкусным. Я остановился на самом привлекательном. Я повернулся и, прокравшись так быстро и тихо, как только смог к входной двери, выскользнул наружу, тайком направляясь вдоль дома в сторону, которая, как я полагал, выведет меня прямо позади незваного гостя. Короткий моросящий дождь намочил газон, а ночь была достаточно прохладной, чтобы я чувствовал себя неуютно в быстро промокших носках. Я старательно игнорировал это и крался по газону, держась поближе к дому и внимательно осматривая округу.

Задний двор был пуст.

У меня появилось зудящее чувство чуть ниже шеи, и я продолжил нарезать круги. Я как-то себя выдал? Неужели незваный гость тоже сейчас кружит, так же, как и я, надеясь подкрасться ко мне? Я ускорил шаги, пытаясь оставаться тихим, насколько это было возможным, что означало,

что я был чертовски тихим. Ведь я развивал свои профессиональные навыки годами.

И, наконец, когда я повернул за угол, я заметил незваного гостя- темную фигуру, спешащую вниз по тротуару мимо дома Кортни. Я не мог быстро следовать за ним, не будучи замеченным, тогда я решил схитрить, что сразу и сделал. Мои способности по набрасыванию завесы не так хороши, чтобы спрятать меня посреди белой комнаты, но достаточно хороши, чтобы скрыть меня от чужого взгляда темной ночью или на хорошо затемненной улице. Я сконцентрировался на окружающей обстановке, собирая узор света и тени в плащ вокруг меня. Мое собственно зрение потускнело и как-то померкло, когда я сделал это.

Я почти пожалел о том, что не разбудил Молли. У ребенка природный талант по работе с таким тонким колдовством, как завесы. Она может сделать вас таким же невидимым, как Перес Хилтон делает невидимыми этические нормы, и вы сможете смотреть с небольшим затруднением, как если бы надели пару едва затемненных солнечных очков. А когда я проделывал то же самое, для меня это все выглядело расплывчато и смутно, словно я смотрю через темную, тонкую ткань. Придерживаясь светлого бетонного тротуара,

на фоне которого движения незваного гостя выглядели игрой пятен тени и света, я медленно пошел следом.

Злоумышленник прокрался вниз по улице, и торопливо припал к земле, возле моего старого Голубого Жучка. У него заняло около пяти секунд, чтобы открыть замок, залезть в машину, и достать оттуда длинный, тонкий сверток с вложенным в ножны мечом.

Должно быть, в начале он приблизился к дому, и кружил в округе, чтобы определить, мое местонахождение. Он мог заметить мой посох, оставленный прислоненным к стене возле входной двери, когда он заглядывал в кухонное окно. И я был чертовски уверен, что это именно Он. Движения его рук и ног были резкие, порывистые, мужские.

Я сделал несколько шагов в сторону и поднял футбольный мяч Кортни. Затем приблизился на несколько ярдов и швырнул его вверх по высокой дуге. Мяч с громыхающим ударом упал на капот Голубого Жучка.

Засадный мальчик дёрнулся, поворачивая верхнюю часть тела на звук, и так застыл, а я в это время ударил его на манер полузащитника, направляя вес моего тела, как копьё, на одно пле-

чо, чтобы удар пришелся на его спину и вышел из груди. Он был совершенно не подготовлен к этому и мешком повалился на землю, проехавшись по тротуару со звучным «ууффф» выбитого воздуха.

Я попытался схватить его за волосы, так чтобы прижать лбом к тротуару, но у него была короткая почти военная стрижка, и мне не удалось хорошо ухватиться. Он дернулся и ударил меня локтем под ребро, а я не был в достаточно хорошей позиции, чтобы удержать его прижатым к земле. Он вывернулся, вскочил на ноги и понесся прочь, по-прежнему сжимая в руке меч.

Я собрал свою волю, вытянул руку в его сторону и выпалил: «*Forzare!*» Невидимая сила хлестнула его сзади по коленям… и ударила магическим эквивалентом кирпичной стены. Вспышки света, искры,… а он, издав каркающий звук, продолжил бежать. Каким-то образом этот свет, как догорающая шкура, лег на тротуар.

Я подскочил на ноги, чтобы преследовать его, скользнул по влажному газону к тротуару и кубарем покатился от пронзившей мою лодыжку боли. К тому времени, когда я снова поднялся на ноги, он был слишком далеко от меня для того, чтобы преследовать его, даже если бы моя

лодыжка была в порядке. Спустя секунду, он перепрыгнул через забор и исчез из виду.

Я остался там, стоя возле машины на одной ноге, пока соседские псы захлебывались в лае. Отдышавшись, я, прихрамывая, двинулся вперед, ища глазами, затухающее свечение предмета, который он обронил. Это был амулет, висевший на кожаном шнурке, пропущенном через его середину. Он выглядел так, как будто был вырезан из дерева или кости, но так как он был обожжен практически дочерна, я не смог этого точно определить. Я поднял его, морща нос от вони. Затем вернулся к машине и закрыл открытую дверь. После этого я размотал кусок проволоки, которым закрывалась крышка моего багажника, достал завернутый в шерстяное одеяло сверток, и вернулся обратно в дом Майкла.

Утро будничного школьного дня в семействе Карпентер напоминало Саутгемптон, прямо перед шестым июня, 1944. Толпа кричащих, бегающих повсюду людей, никто из которых не выглядел знающим, что происходит. Или возможно, так казалось только мне, потому что около восьми дети, возглавляемые Алисией — старшим ребенком, учившимся в школе, были отправлены к школьному автобусу.

— Так он схватил меч и убежал? — спросила Молли, прихлебывая кофе маленькими глотками. Ее, несомненно, знобило, ярко-розовый нос был заложен. Моя ученица была настоящей дочерью своей матери — высокая, белокурая и слишком привлекательная для меня, чтобы я чувствовал себя комфортно — даже одетая в пушистую розовую пижаму и фланелевый халат, с пребывающими в беспорядке волосами.

— Доверяйте мне хоть немного, — ухмыльнулся я, разворачивая сверток из шерстяного одеяла и вытаскивая для обозрения «Аморакиус».

— Он ***думал***, что берет меч.

Майкл хмуро глянул на меня, намазывая маргарин на тост.

— Я помню, вы сказали мне, что меч лучше всего спрятан, когда он на самом видном месте.

— В моём возрасте я становлюсь параноиком, — ответил я, чавкая куском колбасы, затем удивленно замер от странного вкуса и глянул на него.

— Индейка, — сказал Майк мягко. — Так лучше для меня.

— Так лучше для всех, — отрезала Черити тоном, не терпящим возражения. — Включая вас, Гарри.

— Вот те на, — протянул я. — Спасибо.

Она задумчиво посмотрела на меня.

— Вы можете использовать амулет, чтобы найти его хозяина?

— Неа, — сказал я, немного посыпая солью эту диетическую, индюшачью «колбасу». — Скажи им, почему не получится, кузнечик.

Молли заговорила зевая.

— Все дело в огне. Огонь, это очистительная сила. Она стирает любую энергию, которая была на амулете и могла привести к владельцу. — Она моргнула слезящимися глазами. — К тому же, нам это не нужно.

Майк хмуро и недоумевающее посмотрел на неё.

— Он проглотил приманку, — пояснил я, улыбаясь. — И я знаю, как отыскать её.

— До тех пор, пока он не избавится от неё, или не предпримет что-то, чтобы её не отследили, — сказал Майкл терпеливым, здравым тоном. — Прежде всего, он, несомненно, что-то приготовил из защитных приспособлений против твоих возможностей.

— Это совсем другой случай, — хмыкнул я. — Отслеживать кого-то с помощью их личной вещи можно только недолгое время и то с погреш-

ностью. У меня же, на самом деле, есть кусочек меча-приманки, а связь между этими двумя объектами гораздо более стабильна. Это потребует эээ… чертовски серьезных контрмер, чтобы я не смог найти его.

— Но почему вы не отследили его этой ночью? — спросила Черити.

Я покачал головой.

— Я не знал, где я буду, я не подготовился, и с тех пор, как кто-то, несомненно, заинтересовался мечами, я не хочу уезжать и оставлять…

Вас.

— … меч…

Беззащитными.

— … здесь, — закончил я.

— А как насчет второго? — спросил Майкл спокойно.

«Фиделаккиус», меч-брат бывшего меча Майкла, в данный момент отдыхал в загроможденной вещами корзине в моем подвале, под защитой тяжелой артиллерии, которой являлась дюжина опаснейших заклинаний. Будем надеяться, любой, кто полезет за ним не позаботившись о безопасности, получит большущий бум прямо в лицо. Моя лаборатория была скрыта за щитами силовой магии, которые в свою очередь

скрывались под другими защитными заклинаниями-оберегами, охранявшими мою квартиру. Плюс, там был мой пес Мыш — две сотни фунтов меха и мускул, который не очень благосклонно относился к незапланированным визитерам.

— В безопасности, — заявил я ему. — После завтрака я отслежу лысоголового парня, немного с ним побеседую, и мы спрячем весь этот день под кровать.

— Звучит просто, — произнес Майкл.

— Так может случиться.

Майкл улыбнулся, сверкнув глазами.

* * *

Этот жук, к сожалению, не купился на подставу. Он выбросил меч-обманку в Дампстере позади фастфуда, примерно, на расстоянии четырех кварталов от дома Майкла. Майкл, прислонившись к колесу своего пикапа, наблюдал, как я стоя по колено в отбросах роюсь в поисках меча.

— Вы уверены, что не хотите принять в этом участия? — спросил я его унылым голосом.

— Я бы с удовольствием, Гарри, — ответил он, улыбаясь. — Но моя нога. Вы же знаете.

Как бы то ни было, он был искренним. Майкл никогда не боялся грязной работы.

— Зачем бросать его здесь, как вы думаете?

Я показал на ближайший уличный фонарь.

— Эта ночь была темной, безлунной. Это, наверное, было первое место, где он смог его осмотреть. Или возможно припарковал здесь свою машину. — Я нащупал рукоять дешевой копии палаша, похожего по размерам на «Аморакиус», который я подцепил в магазине торгующим военными безделушками. — Ага, — сказал я, и вытянул его наружу.

Я увидел светло-желтый конверт, веревочкой привязанный к лезвию. Я отнес меч и конверт к пикапу. Майкл сморщил нос, когда почуял запах гниющих кухонных отходов, который исходил от моих джинсов, но это выражение мгновенно исчезло, когда он увидел конверт, привязанный к мечу. Он медленно вздохнул.

— Нуу, — сказал он. — Это навряд ли здесь для того, чтобы мы просто на него посмотрели.

Я кивнул и, стянув конверт с лезвия, открыл его и заглянул внутрь.

Там было две новых фотографии.

На первой был Майкл, одетый в спортивную форму, которую он надевал на тренировки команды дочери по софтболу. Он сидел, откинувшись назад на трибуне, где я нашел его, когда поднялся

к нему, чтобы поговорить.

На второй фотографии было оружие — длинноствольная винтовка с массивным стальным раструбом на конце, который выглядел как подзорная труба. Она лежала вроде бы на кровати, застеленной дешевой мотельной простыней.

— Адская преисподняя, — пробормотал я хмуро и задумчиво. — Это еще что такое?

Майкл глянул на фото.

— Это «Барретт», — сказал он спокойно. — Полуавтоматическая винтовка пятидесятого калибра. Снайперы на Ближнем Востоке используют её для убийств на расстоянии около двух километров, иногда больше. Это одно из наиболее смертоносного дальнобойного стрелкового оружия в мире.

Он глянул вверх и внимательно окинул взглядом все близлежащие здания.

— Перебор для Чикаго, откровенно говоря, — сказал он с мягким осуждением.

— Вы знаете, о чем я подумал? — спросил я. — Я думаю, что мы не должны сидеть здесь в пикапе, и дожидаться пока Жук заметит нас, в то время, как и он и его винтовка могут быть где-то рядом.

Майкл выглядел спокойным и невозмутимым.

— Если бы он просто хотел убить меня здесь, у него было в избытке времени, чтобы сделать

выстрел.

— Насмешили меня, — ответил я.

Он улыбнулся и затем кивнул.

— Я могу отвезти вас в вашу квартиру. Вы, возможно, хотите поменять кое-какую одежду.

— Это удар ниже пояса, парень, — сказал я, бесполезно попытавшись отряхнуть джинсы, после чего мы поехали. — Вы знаете, что меня тревожит в этой ситуации?

Майкл покосился на меня.

— Я думаю, знаю. Но это может отличаться от того, что вы думаете, Гарри.

Я проигнорировал его.

— Зачем? Я подразумеваю, нам надо узнать, кто этот парень, но ***зачем*** он делает это?

— Это хороший вопрос.

— Он прислал эти фото мне, не вам, — сказал я, поднимая новое фото со снайперской винтовкой. — Я имею в виду, это явно повышение ставок. Но если то, что он хотел, было убить вас, почему…? Зачем присылать это мне?

— Для меня это выглядит, — сказал Майкл, — словно он хочет, чтобы кто-то боялся.

— Поэтому он угрожает ***Вам***? — с удивлением спросил я. — Это тупо.

Он улыбнулся.

— Люди ведь очень часто угрожали вам?

— Конечно. Постоянно.

— Что случалось, когда они так делали? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Я говорил что-нибудь напыщенное. Потом я их расстраивал при первой же возможности, как правило, смертельно.

— Вот, наверное, почему наш фотограф здесь…

— Назовем его Жук, — сказал я. — Это сделает вещи проще.

— Вот почему Жук не донимает угрозами вас, Гарри.

Я нахмурился.

— Так вы говорите, что Жук знает меня?

— На это есть причины. Это выглядит так, что он пытается подтолкнуть вас на какие-то действия. На что-то, как он думает, что вы сделаете, когда будете напуганы.

— Например? — спросил я.

— А вы как считаете? — ответил он.

Я похлопал ладонью по рукояти «Аморакки-уса». Кончик меча упирался в днище пикапа, между моими ногами.

— Это тоже было моей догадкой.

Я глянул вниз на лезвие и кивнул.

— Возможно, Жук предположил, что я принесу вам меч, если вы будете в опасности… — я не закончил.

— Для того, чтобы у меня был какой-нибудь способ защитить себя, — сказал Майкл мягко. — Вы можете это сказать, Гарри. Это не заденет моих чувств.

Я кивнул на настоящий меч.

— Уверены, что вам он не потребуется?

Майкл покачал головой.

— Я ведь говорил вам, Гарри. Эта часть моей жизни в прошлом.

— А что если Жук сделает это? — спросил я тихо. — Что если он убьет вас?

Майкл внезапно, рассмеялся.

— Я не думаю, что это произойдет, — сказал он. — Но если случится… — Он пожал плечами. — Смерть, это не самое худшее предложение для меня, Гарри. Если бы так было, то я, навряд ли смог бы нести меч так долго. Я знаю, что ждет меня, и я знаю, что о моей семье позаботятся.

Я закатил глаза.

— Угу, я уверен, все будет отлично, если ваши маленькие дети вырастут без отца.

Он вздрогнул и прежде чем ответить на несколько секунд задумчиво поджал губы.

— Другие же дети растут, — ответил он, наконец.

— И что из этого, — спросил я недоверчиво. — Вы просто сдадитесь, чтобы не случилось?

— Это не то, что я хочу. Но в мире случается множество вещей, которых я не желаю. Я всего лишь человек.

— Самое последнее, что я ожидал от вас, — сказал я, — это фатализма.

— Не фатализм, — ставшим внезапно твердым голосом сказал он. — Вера, Гарри. Вера. На то, что происходит, есть своя причина.

Я не ответил ему. С моей точки зрения, это происходило из-за того, что кто-то безжалостный и достаточно сообразительный решил наложить свои ручонки на один из Мечей. И еще хуже, судя по всему, он был смертный. Если то, что сказала Черити, было верным, то у Майкла не было небесного страхового полиса на этот случай.

Так же это означало, что если я прокомпостирую Жуку билет при помощи своих способностей, я нарушу первый Закон Магии, который запрещает использование их для убийства людей. Там была, конечно, серая зона, в пределах которой можно было действовать, но без перебора, и все же это была та вещь, с которой лучше не шутить.

Белый Совет принуждал соблюдать законы, и любой, кто их нарушит, рискует столкнуться с очень большой вероятностью смертельного приговора.

— Как раз то, что мне было нужно, — пробормотал я.

— Что?

— Ничего.

Майкл поставил пикап на гравийной парковке возле моей квартиры, которая находилась в полуподвале большого, старого деревянного дома.

— Мне нужно заскочить на стройку, прежде чем мы вернемся к вашей машине. Это ничего?

Я взял меч с собой, когда вылез из пикапа.

— Ну, — сказал я, — всё всегда происходит по каким-то причинам.

* * *

Маленькая компания Майкла строила дома. Годы, исчезнувшие в постоянных битвах с силами зла, должно быть отвратили его от строительства действительно дорогих, очень выгодных домой. Так что вместо этого он строил дома для верхнего слоя среднего класса. Он, наверное, мог бы зарабатывать больше денег, если бы экономил на материалах в ущерб качеству, но это был Майкл. Я был уверен, что этого никогда не случится.

Этот дом был новым объектом, расположенным вниз к Вулф Лейк, и все место строительства выглядело очень уныло. Голая земля, спиленные и сваленные в одну кучу деревья, и стандартный набор, сопровождающий любое место подобной деятельности: грязь, опилки, остатки стройматериалов забракованных рабочими, и большое количество засохших следов от обуви на всем участке. Здесь работало полдюжины мужчин, собирая каркас дома.

— Я тут ненадолго, — сказал Майкл.

— Без проблем, — ответил я. — Идите.

Майкл спрыгнул вниз из пикапа и, прихрамывая, прошел к дому, двигаясь с такой энергией и целеустремленностью, какие я редко видел у него последнее время. Я хмуро посмотрел ему вслед, затем достал из кармана пришедший первым конверт и начал рассматривать фотографии лежащие внутри.

Фото, где Майкл на стройплощадке, было сделано здесь. Жук был здесь, наблюдая за ним.

Он может быть и сейчас здесь.

Я вылез из машины, перекинув портупею через плечо, так что рукоять меча торчала выше моей головы. Держа фото в руке, я начал нарезать круги по участку, стараясь определить, где находился

Жук, когда он делал снимки. Я заработал несколько косых взглядов от работающих мужчин, но я воспринимал это как само собой полагающееся.

На то, чтобы определить место, которое использовал Жук, у меня ушло всего несколько минут — тенистое место, покрытое травой и невысоким кустарником позади сваленных в груду деревьев. Это место позволяло достаточно хорошо укрыться, если никто не будет уж очень пристально вглядываться. Правда, оно находилось далековато, поэтому для того чтобы получить снимки такого качества ему пришлось использовать какие-то линзы. Я слышал, что современные цифровые камеры дают, действительно, фантастическое приближение.

Я нашел отпечатки ног.

По ним не слишком много прочтешь. Я не Рейнджер Рик или кто-то наподобие, но у меня был учитель, который позаботился о том, чтобы я получил свою квоту занятий туризмом и кемпингом по пересеченной местность Озарка, и он обучил меня основам — куда смотреть и на что смотреть. Дождь прошлой ночью стер любые слабые следы, но я бы не доверял своей интерпретации их в любом случае. Я нашел один четкий след левой мужской ноги — достаточно

глубокий, полдюжины нечетких, и несколько сломанных веточек на тропе ведущей прочь. Он пришел сюда, покрутился здесь какое-то время и затем ушел.

Впрочем, то же самое мог сказать любой, кто видел фото, даже не видя следов.

А я ведь этого парня практически схватил.

Не было никаких оберток от жевательной резинки, окурков сигарет, или случайно выпавших визитных карточек, что могло бы открыть личность Жука. Я на самом деле и не думал, что они там будут, но посмотреть все же стоило.

Я еле тащился через покрытую грязью землю обратно к пикапу, когда дверь одной из будок, используемых под склады и каптерки рабочими открылась, оттуда шатаясь, вылез преждевременно полысевший тощий парень с рабочим поясом электрика и двухфутовой катушкой провода. Я прочитал имя «Чак» на бейджике прикрепленном к футболке. Чак пошатнулся в одну сторону, задевая рукоятками инструментов бок пикапа Майкла и оставляя на нем царапины.

Я заглянул в будку. Там валялась пустая бутылка из-под «Джим Бима»

— Эй, Чак, — окликнул я парня. — Помочь тебе донести?

Он затуманенным взором посмотрел на меня и, не заметив ничего необычного во мне или в древнем мече, торчащим над моими плечами, протянул с сомнением:

— Нее. Я справлюсь.

— Это круто, — сказал я. — Я все равно собираюсь в ту сторону. А эта штуковина тяжелая. — Я подошел к нему и подхватил один край катушки, принимая на себя часть веса.

Дыхание электрика походило на шум плохо работающего парового двигателя. Он несколько раз кивнул и поменял хватку на катушке.

— Ладно, дружище. Спасибо.

Мы отнесли тяжелую катушку к строящемуся дому. Мне пришлось несколько раз приспосабливать свой шаг к случающимся время от времени пьяным кренам Чака. Грохнув катушку на бетонную плиту, которой суждено было стать гаражом или чем-то подобным мы синхронно вздохнули.

— Спасибо, парень, — сказал Чак нечетким голосом.

— Без проблем, — ответил я. — Слушай. Ты действительно считаешь, что тебе нужно прямо сейчас работать с электричеством, Чак?

Он одарил меня возмущенным, пьяно блестевшим взглядом.

— И что это еще должно значить?

— Ну, ты выглядишь немного приболевшим, вот и все.

— Я в порядке, — протянул Чак, раздраженно смотря на меня. — Мне нужно делать работу.

— Ну да, — согласился я. — При этом рискованную работу. С большой вероятностью воспламенения.

Он попытался внимательно посмотреть на меня.

— Что? — Это вышло больше похожим на — ***Че***?

— Я был в нескольких горящих зданиях, парень, и поверь мне, ***это*** место… — Я бросил взгляд на деревянный каркас вокруг нас. — ***Пфух!*** Я только повторю — Пфух.

Он пару секунд обдумывал это, и затем его лицо снова потемнело от злости. Он повернулся и вытащил гаечный ключ из лежащего поблизости ящика с инструментами.

— Отвали, наркот. Прежде чем я расстроюсь.

Я не хотел доставлять никому проблем, будучи втянутым в драку с полупьяным работником Майкла, поэтому я огляделся вокруг, не заметил ли кто-нибудь что-нибудь, но все были заняты своей работой. Так что я только поднял руки

перед собой и мягко произнес:

— Все-все, я ухожу.

Чак наблюдал за тем, как я удаляюсь. Я вышел за пределы стройки и стал оглядываться по сторонам в поисках линии электропередач, ведущих к строящемуся зданию, найдя таковую, я прошел вдоль неё на улицу, до тех пор, пока не заметил трансформатор. Внимательно осмотрев его, я чуть виновато глянул вокруг себя и вдохнул. Затем протянул руку к ящику, напряг свою волю и прошептал:

— *Hexus*.

Чародеи и технологии несовместимы. В принципе. Длительное нахождение возле активно действующего чародея пагубно сказывается на чем угодно, произведенном после второй Мировой Войны плюс-минус пару лет, особенно если это вещь электрическая. Моя машина ломалась каждые несколько недель, и это тогда, когда я этого не хотел. А что было бы, если бы я постарался?

Трансформатор взорвался гудящим ливнем сине-белых искр, и звуки электропилы, раздававшиеся где-то на стройке, тот же час стихли.

Я вернулся в пикап и тихо сидел там до тех пор, пока не пришел Майкл. Он пристально посмотрел на меня.

— Это было во имя добра, — виновато сказал я. — Ваш электрик был выпивший. К тому времени, как муниципальные власти починят это, он протрезвеет.

— Чак, — пояснил Майкл. — У него проблемы дома.

— Откуда вы это знаете?

— У него жена, дочь, — грустно улыбнулся Майкл. — Я знаю этот взгляд.

— Может быть, если бы он меньше времени проводил с «Джим Бимом», — буркнул я, — все бы наладилось.

— Выпивка, это новое, — произнес Майкл, озабоченно глядя на дом. — Он хороший человек. У него сейчас черная полоса. — Он быстро глянул на меня. — Спасибо вам, Гарри. Может быть, в следующий раз… вы сможете просто сказать мне об этом?

Упс, Гарри. Это, наверное, могло сработать. Я невозмутимо кивнул головой.

— Я так разруливаю проблемы.

— Разруливаете? — переспросил Майкл улыбаясь.

— Я слышал, Молли однажды так сказала. Так что это должно быть круто.

— Разруливаете… — Майкл покачал головой и

завел пикап. — Ну что ж. Вы пытались помочь. Это благородный поступок.

Гарри Дрезден спасает мир! Один акт случайного разрушения за один раз!

* * *

— Хорошо, — сказал я Молли, готовясь садиться в машину. — Только держи своё остроумие при себе.

— Я знаю, — ответила она невозмутимо.

— Если возникнут неприятности — любые неприятности, ты позвонишь копам, — категорически заявил я. — Этот парень действует, как новичок, но он все равно может запросто тебя убить. Если ты увидишь его, не связывайся с ним. И, во всяком случае, не позволяй своему отцу делать этого.

Молли раздраженно закатила глаза. Затем она быстро прошептала слово и растворилась. Исчезла. Она стояла от меня на расстоянии вытянутой руки, но я не смог её увидеть.

— Давай посмотрим, как придурок попадется на это, — услышал я её приглушенный голос.

— И пока мы не разобрались со всем этим, будем надеяться, что он не использует инфракрасный прицел, — холодным тоном продолжил я.

Она снова стала видимой и лукаво глянула на меня.

— Это должно быть расшифровано, как: «Молли, сохраняй осторожность и зови на помощь, если возникнут проблемы». Я иду с папой на софтбол, и ты будешь вторым человеком, которому я позвоню, если почувствую дуновение опасности.

Я заворчал:

— Может быть, я должен притащить с собой Мыша. Пускай он тоже побудет с тобой.

— Может быть, ты должен держать его поближе к Мечам, — сказала Молли тихо. — Мой папа просто солдат в отставке. Мечи — вот воплощение Веры и Силы.

— Мечи это куски острого металла. Люди, которые держат их, делают их опасными.

— На тот случай, если ты этого до сих пор не заметил, мой папа больше не один из этих людей, — резко проговорила Молли. Она убрала мешающую прядь золотистых волос за ухо и озабочено посмотрела на меня. — Ты уверен, это не из-за того, что ты винишь себя в том, что случилось с моим отцом?

— Я не виню себя, — тихо буркнул я.

Моя ученица очень скептически приподняла бровь.

Я отвернулся от неё.

— Ты хочешь поговорить со мной об этом?

— Нет, — произнес я и внезапно почувствовал себя очень усталым. — Нет, до тех пор, пока я не буду, уверен, что Мечи в безопасности.

— Если он знал, куда отправить снимки, — сказала Молли, — тогда он знает, где находится твой дом.

— Но он не может попасть внутрь. Даже если он подберется, когда дверь или одно из окон будет открыто, то щиты-обереги испепелят его.

— Хоть твои щиты и идеальны, — возразила Молли. — Но разве нет другого пути, обойти их? Например, такого, как это сделали некроманты, несколько лет назад? Помнишь, ты мне рассказывал?

— Они не бродят поблизости, — напомнил я. — Они убрались отсюда. Но я понял твои доводы. Если придется, я пройду по одной из Троп в командный центр Стражей в Эдинбурге, и оставлю Мечи в моём шкафчике.

Глаза Молли расширились.

— Увау. Шкафчике?

— Формальность. Я не использую его. Но у меня есть записанная комбинация от его дверцы…. Где-то…. На салфетке…. Я так думаю….

— Это трудно, быть таким предусмотрительным, как ты, босс?

— Чертовски.

— Оно так и выглядит. — Её улыбка увяла. — Что ты собираешься делать после того, как будешь уверен, что мечи в безопасности?

У неё не было мыслей на этот счет. Она не знала, что должно было произойти в следующее несколько минут. Так что я подарил ей мою лучшую покерную улыбку и сказал:

— Всему своё время, кузнечик. Всему своё время.

* * *

Я начал собирать силу в браслет-щит примерно за полмили от дома. Такой вид активной магии не очень полезен для Жучка, но иметь обезглавленного водителя, врезавшегося в здание, было бы для него еще хуже. Одновременно я попытался как можно быстрее застегнуть пуговицы на моем кожаном пыльнике. Заклятия, которые усиливали плащ, были свежие — однажды они спасли меня от выпущенной из «Калашникова» пули — но это было не одно и то же, что пуля пятидесятого калибра, выпущенная снайпером.

Жук упустил свой шанс заполучить меч возле

дома Майкла. Это действительно тяжело — следить за кем-либо и не быть замеченным, если вы работаете один, и у вас нет группы из нескольких машин, подменяющих друг друга во время слежки. Этот рок преследует все операции, которые осуществляют одиночки. Сегодня Жук за мной не следил, исключая то, что он отказался от своей затеи (ну да, конечно) — это могло означать, что он где-то меня поджидает. У него было в изобилии времени, чтобы расставить западню в том месте, где я появлюсь обязательно.

Дома.

Мечи были моим приоритетом. Я не планировал суицид или что-то вроде этого, но, в конце концов, я только человек. Мечи же были колючками в заднице злодеев около двух тысяч лет.

В долгосрочной перспективе, мир нуждался в них больше, чем в одном потрепанном и немного усталом профессиональном чародее.

Когда я выехал на улицу, ведущую к моей квартире, я надавил на газ. Конечно в старом VW Жуке, это и близко не такой впечатляющий звук. Моя машине ревет не громче, чем громкий кашель, но я увеличил скорость и вел так экстремально, как только мог, пока все колеса держались на земле. Только я успел с заносом остановиться

перед моей входной дверью, как мотор задребезжал, засвистел, и начал извергать черный дым, что получилось гораздо более круто, чем было моей целью.

Держа Меч в руке, я стремглав бросился вниз к входной двери в мою полуподвальную квартиру, окруженный легким туманом защитного купола, в который я накачал максимальную силу браслета.

Когда моя нога коснулась первой ступени, возникла вспышка света и в спину мне врезалась кувалда. Это закрутило меня против часовой стрелки и швырнуло вниз. Я упал в нескольких шагах от входной двери и ударился головой, моё плечо завопило от боли, и вкус крови наполнил рот. Браслет-щит обжигал запястье. Все вертелось, я не был уверен, какой путь я выбрал, чтобы упасть, словно гравитация перестала работать.

— Поднимайся, Гарри, — сказал я себе. — Он приближается. Он приближается за Мечом. Поднимайся.

Во время падения ключи выпали из моих рук, и теперь я терял время, разыскивая их.

Я увидел кровь, заливщую мою футболку.

Ключи лежали на бетонном полу лестницы. Я тупо уставился на них. Прежде чем я их поднял,

мне потребовалось около минуты, чтобы вспомнить, зачем они мне нужны. Затем еще минута на то чтобы разобраться, который из пяти ключей, висевших на кольце, был от моей парадной двери. Голова раскалывалась, я чувствовал себя больным и не мог сделать вдох.

Я попытался опереться на руку, чтобы открыть дверь, но моё левое плечо не выдержало мой вес, и я почти стукнулся головой об бетон.

Я поднялся на колено и стал пихать ключ в замочную скважину.

Он приближается. Он приближается.

Вспыхнули синие искры, и маленький разряд обжег болью мою руку.

Мои обереги. Я забыл об оберегах.

Я попытался собрать снова волю, но не смог склеить мысли воедино. Я пробовал снова и снова и наконец-то смог выполнить маленькое рутинное заклинание, которое отключает их.

Вставив ключ в замок, я повернул его. Затем толкнул дверь.

Она не открылась.

Моя дверь — массивная стальная, практически сейфовая. Я устанавливал её сам, и я — ужасный плотник. Она стоит чуть криво и требует достаточно внушительных усилий, чтобы открывать

и закрывать её. Обычно я использовал ставший уже привычным удар и толчок плечом и бедром, — но, как и заклинание которое отключало мои обереги, это простое задание было для меня в прошлом.

Шаги захрустели по гравию.

Он приближается.

А я не мог открыть дверь. Я снова навалился на неё, так сильно, как только мог.

Дверь заскрипела и завизжала, рывком открываясь с другой стороны. Мой огромный, лохматый серый пес, Мыш, упершись передними лапами в землю, протиснулся через щель и схватил мою правую руку за бицепс. Его челюсти были как тиски, но, несмотря на это зубы не прокусили кожу. Он потащил меня через дверь, как большую, шатающуюся пожеванную игрушку. Перевалившись через порог, я увидел Жука, появившегося наверху лестницы, темной тенью на фоне синего утреннего неба.

Он поднял пистолет — личное оружие военнослужащего.

Я пнул дверь обоими ногами, вложив в удар все имеющиеся у меня силы.

Пистолет выстрелил. Реальное оружие не похоже, на оружие в фильмах. Звук более плоский,

более механический. Я не видел вспышки, потому что я смог чуть прикрыть дверь. Пули забарабанили по стали, как градины по жестяной крыше.

Мыш навалился плечом на дверь и с хлопком закрыл её.

Я, лепеча в панической спешке, обратился к оберегам и смог восстановить их как раз вовремя, чтобы услышать громкий хлопающий звук, вопль и проклятия, донесшиеся с улицы. Затем я поднялся и задвинул засов, чтобы уж наверняка.

Затем я повалился на пол квартиры наблюдая, как крутится потолок.

Спустя две или три минуты, я почувствовал себя немного лучше. Моя голова и плечо чертовски болели, но я мог дышать. Я сел и попробовал пошевелить руками и ногами — трое из них работали. Но моё левое плечо буквально взорвалось, перед глазами поплыли круги, и мне стало больно даже просто смотреть вперед.

Я знал несколько приемов для ослабления и игнорирования боли, некоторые из них были даже слишком эффективные — но я не мог сконцентрироваться ни на одном из них и заставить это работать. Моя голова слишком сильно болела.

Я нуждался в помощи.

* * *

Я дополз до телефона, набрал номер и, пробормотав что-то на другой конец линии, повалился снова на пол, чувствуя себя еще хуже. Жук должен был сейчас убраться, зная, что звуки выстрелов могут привлечь внимание. Теперь, когда меч был внутри, под защитой моих оберегов, для него не осталось причин слоняться без дела снаружи моей квартиры. Я на это надеялся.

Следующее, что я осознал, был Мыш, скребущийся воле входной двери и издающий обеспокоенные звуки. Я дотащился до входа, отключил обереги и открыл дверь.

— Это гильзы валяются на земле? А это кровь? — спросил маленький мужчина в бледно-голубом больничном халате и черном джинсовом пиджаке. У него были всклокоченные темные волосы, выглядевшие как взорванный стог сена, и черные проволочные очки. — Святая Анна, Гарри, что с тобой случилось?

Я активировал обереги и закрыл за ним дверь.

— Хай, Баттерс. Я упал.

— Нам нужно доставить тебя в больницу, — сказал он, пытаясь добраться до телефона.

Я слабо хлопнул его по руке, чтобы удержать от

поднятия трубки.

— Нельзя. Никаких больниц.

— Гарри, ты же знаешь, что я не доктор.

— Да, верно. Я видел твою визитную карточку. — Результатом от высказывания такого количества слов стала усилившаяся боль.

— Я патологоанатом. Я разрезаю мертвых людей и рассказываю тебе о них различные вещи. У меня не бывает живых пациентов.

— Попридержи коней, — попытался пошутить я. — Пока еще слишком рано для этого.

Все еще слишком много слов.

— Ох, это все фигня, — пробормотал он, затем покачал головой, — Мне нужно больше света.

— Спички, — прошептал я. — Каминная полка.

Лучше.

Он взял спички и начал зажигать свечи. Ага, а следующим пунктом скажу ему, чтобы достал банку с пиявками.

Баттерс нашел аптечку под моей кухонной раковиной, вскипятил немного воды и подошел проверить меня. Ну а я отключился на несколько минут. Когда я пришел в сознание, он возился с ножницами и моим плащом.

— Эй! — запротестовал я. — Отвали от плаща!

— Ты вывихнул плечо, — проинформировал он

меня, сосредоточенно нахмурившись и не отрываясь от работы с ножницами. — Ты не захочешь извиваться, пытаясь снять его.

— Это не то, что я…

Заклепка, которая держала вместе две половинки ножниц, лопнула, когда Баттерс приложил больше усилий на их ручки, и ножницы распались на две половинки. Он уставился на них в шоке.

— Говорил же тебе, — пробормотал я, — защита.

— Хорошо, — вздохнул он. — Я догадываюсь, что мы сделаем это трудным способом.

Я не буду надоедать вам подробностями. Спустя десять минут плащ был снят, плечо было вправлено, и Баттерс притворялся, что мои крики на протяжении двух неудачных попыток поставить сустав на место не надоели ему. Я снова потерял сознание, и когда очнулся, Баттерс вручил мне в руку банку холодной колы.

— Держи, — сказал он. — Выпей что-нибудь. Оставайся в сознании.

Я глотнул. Фактически — я с жадностью к ней присосался. Где-то в середине, он дал мне несколько таблеток ибупрофена, и велел проглотить их, что я и сделал.

Я затуманено смотрел на Баттерса, когда он поднял мой пыльник и повернул его, чтобы показать мне тыльную сторону.

В кожаном полотне было отверстие. Я поковырял в дыре пальцами. Чуть ниже отверстия, примерно в трех дюймах ниже воротника и в волоске от позвоночника, расплющились несколько унций металла о второй слой укрепленной заклятием кожи.

Это было пугающим. Даже с моей лучшей обороноспособностью, я сегодня был весьма близок к смерти.

Если бы Жук попал в меня шестью дюймами ниже, только один слой кожи был бы между пулей и моей шкурой; несколько дюймов выше, и она попала бы мне в абсолютно незащищенную шею. И если бы он не выждал на четверть секунды больше, когда моя нога спустится на первую ступеньку, ведущую к моей двери, он бы размазал мои мозги по стене пансиона.

— Ты снова сломал нос, — заявил Баттерс. — Вот откуда часть крови. Вдобавок ко всему рваная рана у тебя на голове. Я зашил её. У тебя напряжена шея. Возможно растяжение, из-за ударившей в тебя пули. Еще у тебя на левом запястье незначительные ожоги, и к тому же я абсолютно точно

уверен, что у тебя сотрясение мозга.

— Ну а в остальном, — пробормотал я, — я чувствую себя просто прекрасно.

— Не шути, Гарри, — хмуро глянул Баттерс. — Ты должен быть под присмотром.

— Уже, — откликнулся я. — И смотри, к чему это привело.

Он поморщился.

— Доктора обязаны докладывать об огнестрельных ранениях в полицию.

— Как хорошо, что у меня нет огнестрельных ран, да? Я только упал с лестницы.

Баттерс снова покачал головой и повернулся к телефону.

— Приведи мне хороший повод не делать этого, или я позвоню Мёрфи прямо сейчас.

Я раздраженно фыркнул.

— Я защищаю что-то важное. Кое-кто другой хочет это заполучить. Если в дело вмешается полиция, то эту вещь, вероятно, конфискуют, как вещественное доказательство. Это недопустимо. Не говоря уж, что при этом может пострадать множество людей.

— Что-то важное, — серьезно глядя на меня, произнес Баттерс. — Что-то вроде магического меча?

Я бросил на него хмурый взгляд.

— Откуда ты знаешь?

Он кивком показал на мою руку.

— Потому что ты не выпускаешь его из рук.

Глянув вниз, я обнаружил, что побелевшие от напряжения обожженные пальцы моей левой руки вцепились в рукоять «Амораккиуса» мертвой хваткой.

— Ох, да. Немного похоже на намек, не так ли?

— Ты сможешь отпустить его сейчас, как ты думаешь? — спросил Баттерс спокойно.

— Я попытаюсь, — вздохнул я. — Мои пальцы, похоже, решили превратиться в замок.

— Хорошо. Давай попробуем разжимать по одному пальцу за раз.

Баттерс по очереди аккуратно разжал мои пальцы и вынул меч из моей ладони. Рука тут же сомкнулась снова, сухожилия заскрипели, и я вздрогнул. Это было немного больно, но в настоящее время это было действительно второстепенной вещью.

Баттерс отложил меч в сторону и немедленно взялся за мою руку, сильно её массируя.

— Мёрфи будет недовольна, если ты ей не позвонишь.

— У Мёрфи и у меня уже расходились взгляд на

этот вопрос прежде, — пожал я плечом.

Баттерс поморщился.

— Хорошо. Чем я могу помочь?

— Ты уже помогаешь.

— Кроме этого.

Я пару мгновений смотрел на маленького М.Е… Баттерс был моим неофициальным доктором длительное время, никогда не спрашивая ничего лишнего. Он уже вляпывался в некоторые серьезные проблемы из-за меня. Однажды он спас мне жизнь. Я доверял его выбору. В целом, я доверял ему.

Так что, тем временем пока кровь возвращалась в руку, я рассказал ему в общих чертах и о Жуке и о мечах.

— Так этот парень, Жук, — продолжая массировать мне руку, спросил Баттерс, — он — просто человек?

— Давай не будем забывать, — напомнил я, — что, несмотря на все словоблудие, именно люди доминируют на большей части планеты.

— Да, но он — только человек, — повторил Баттерс. — Как теперь?

Я несколько раз согнул и разогнул пальцы, при этом чуть вздрагивая.

— Уже хорошо. Спасибо.

Он кивнул и встал, прошел на кухню, где наполнил миску моего пса водой, затем сделал тоже самое для моего кота, Мистера.

— Я подразумеваю, — серьезно произнес он, — что если этот парень не супер-магическое чего-то-там, то он должен был узнать откуда-то про мечи, как и всякий человек.

— Нуу, — кивнул я. — Да.

Баттерс глянул на меня поверх очков.

— Итак, кто знал, что у тебя есть мечи?

— Достаточно многие знают, что у меня есть меч Широ, — я прошелся по комнате. — Но этот парень попытался достать меня через Майкла. А единственные кто знал, что «Амораккиус» Майкла у меня — это несколько архангелов, Майкл, Саня, и…

Баттерс наклонил голову, выжидающе глядя на меня.

— И Церковь, — раздраженно закончил я.

* * *

Церковь Св. Марии всех Ангелов является внушительным сооружением — огромным, изящным и слегка избыточным для окружающей его городской архитектуры. Она занимает практически целый квартал — массивная, каменная и

готически черная, как глазурь на торте в честь дня рожденья.

Я пытался обнаружить за собой хвост на протяжении всего пути туда, и был уверен, что меня никто не преследовал. Припарковавшись на стоянке позади церкви я поднялся к служебной двери. В результате двадцатисекундного стука в дверь она открылась, явив моему взгляду высокого, выглядевшего сбитым с толку старого священника.

— Слушаю вас? — спросил он.

— Я должен увидеть отца Фортхилла, — заявил я.

— Извините меня… — начал он.

— Все в порядке, падре, — перебил я его, хватая за плечо и, скажем так, не совсем вежливо отодвигая его в сторону. — Я найду его сам.

— Так, послушайте, молодой человек…

Он, возможно, сказал что-то еще, но я не обращал на это внимания. Пройдя мимо него в помещение церкви, я направился в комнату отца Фортхилла. Я дважды постучал, распахнул дверь и наткнулся на священника в нижнем белье.

Отец Фортхилл был коренастым мужчиной среднего роста, с остатками седых волос на практически лысой голове и глазами цвета яиц

малиновки. Он был в боксерах, майке, и черных носках. Полотенце свисало с шеи, остатки волос были влажными и колючками торчали на голове. Множество людей было бы оскорблено таким моим появлением, у других это вызвало бы шок, но отец Фортхилл знал меня достаточно хорошо, поэтому он спокойно произнес:

— Привет, Гарри.

Хоть я и вломился, словно вооруженный бластером охотник на Снарка, даже не смотря на то, что я не был достаточно религиозен, у меня были кое-какие представления о том, что было или не было подобающим. Застать священника в нижнем белье подобающим не было, особенно если ты при этом вваливаешься в его комнату без приглашения.

— Ох, — пробормотал я, запинаясь — Ой.

Фортхилл покачал головой, улыбаясь.

— Да, священники купаются. Мы едим. Мы спим. Изредка мы даже ходим в туалет.

— Да, — потупился я. — Эээ. Да.

— Мне лучше одеться, — сказал он спокойно. — Я провожу мессу этой ночью.

— Мессу?

Фортхилл коротко рассмеялся.

— Гарри, ты же не думаешь, что я сижу в этом

старом сарае, дожидаясь шанса сделать тебе сэндвич, перевязать раны и предложить совет. — Он кивнул на стену, где висел комплект одежды. — В будние вечера и молодой команде позволяется закинуть шар.

— Нам необходимо поговорить, — выпалил я. — Это касается мечей.

Он кивнул и улыбнулся.

— Может, сначала я надену штаны?

— Да, конечно. Извините. — Я спиной назад вышел из комнаты и закрыл дверь.

Появился незнакомый мне священник и начал сверлить меня взглядом, но Фортхилл, одетый в свою обычную черную рясу с белым воротничком, прибыл вовремя, чтобы спасти меня:

— Все в порядке, Пауло, — обратился он к священнику. — Я поговорю с ним.

Отец Пауло хмыкнул, и сердито стрельнув в меня глазами, развернулся и ушел.

— Ты выглядишь ужасно, — покачал головой Фортхилл. — Что случилось?

Я рассказал ему все без прикрас.

— Милосердный Боже, — тихо сказал он, когда я закончил. Это не прозвучало, как: «О, нет!». Это было произнесено медленно, усталым голосом.

Он знал, что происходит.

— Я не могу защищать мечи, если я не знаю, с чем имею дело, — серьезно сказал я. — Расскажите мне, Энтони.

Фортхилл покачал головой.

— Я не могу.

— Только не начинайте, — возмутился я с тихой злостью. — Мне нужно знать.

— Я поклялся не говорить об этом. Никому. Ни по каким причинам. — Он смотрел на меня, сжав челюсти. — Я держу свои обещания.

— То есть вы собираетесь остаться здесь, — зло буркнул я. — И ничего не делать.

— Я не говорил этого, — откликнулся Фортхилл. — Я сделаю все, что смогу.

— Ну да, конечно.

— Я сделаю, — повторил он. — Даю тебе мое слово. Ты должен доверять мне.

— Это было бы легче, если бы вы все объяснили.

Его глаза сузились.

— Сын мой, только не говори, что ты никогда прежде не оказывался на моём месте.

Я задумался, ища такой же саркастический и острый ответ, но все, к чему я пришел, было: «Туше».

Он провел рукой по практически лысой голо-

ве, и я внезапно заметил, насколько постарел Фортхилл с тех пор, как я первый раз встретился с ним. Его волосы стали еще более жидкими и тусклыми, руки более сухими и изрезанными морщинами времени.

— Я сожалею, Гарри, — сказал он, похоже, искренне. — Если бы я мог… есть что-нибудь еще, что я могу сделать для тебя?

— Вы можете поторопиться, — ответил я тихо. — Напряжение нарастает, кто-то отправится на встречу с Всевышним.

И возможно это буду я.

* * *

Я с повышенным вниманием приближался к парку. У меня заняло примерно полчаса на то чтобы убедиться, что там нет Жука, готового поприветствовать меня еще одним салютом пятидесятого калибра. Конечно, он мог наблюдать из окна одного из ближайших зданий — но ни одно из них не было отелем и не предоставляло квартиры в аренду, и ни одно возвышение вокруг парка не предоставляло хорошего обзора для стрельбы. К тому же, если я буду избегать каждого места, где маньяк с мощной винтовкой, возможно, может выстрелить в меня, то я проведу

остаток своей жизни дома под кроватью.

Тем не менее, во избежание вреда осторожность не помешает. Вместо того чтобы идти через открытое пространство парка к софтбольному полю, я выбрал окружной путь по внешней стороне — и услышал тихие рыдания из полумрака под трибуной, напротив той, где я сидел с Майклом.

Я замедлил шаги и, приблизившись, заглянул под трибуну.

Девушка в шортах, кедах и зеленовато-голубом командном свитере, сидела, обхватив руками колени, и тихо плакала. У неё были волнистые рыжие волосы, и она была слишком худощава, даже для кого-то её возраста. Мне понадобилось около минуты, чтобы узнать в ней члена команды Алисии — игрока второй базы.

— Эй, там, — сказал я тихо, стараясь говорить ласково. — С тобой все в порядке?

Девушка посмотрела вверх, её глаза расширились от удивления, и она немедленно начала вытирать глаза и нос.

— Ой. Ой, да. Я в порядке. Я в полном порядке, сэр.

— Верю, верю. Сейчас ты мне скажешь, что у тебя аллергия, — улыбнулся я.

Она глянула на меня с маленьким намеком на

улыбку, в тяжелом дыхании мелькнул призрачный намек на смех, который тут же трансформировался в еще один всхлип. Её лицо исказилось в мучительной гримасе. Она вздрогнула и, опустив голову, заплакала еще сильнее.

Я могу быть таким сосунком. Я залез под трибуны и сел возле неё, на расстоянии нескольких футов. Девушка проплакала еще несколько минут, пока не начала успокаиваться.

— Я знаю вас, — сказала она минуту спустя, между всхлипываниями. — Вы говорили вчера с тренером Карпентер. Алисия сказала, вы друг семьи.

— Я бы хотел так думать, — согласился я. — Я Гарри.

— Кэли. — Шмыгнула она носом.

Я кивнул.

— Разве ты не должна тренироваться с командой, Кэли?

Она пожала своими тощими плечами.

— Это не помогает.

— Помогает?

— Я безнадежна, — пробормотала она. — Я облажалась во всем, за что бралась.

— Ну, это не правда, — заверил я её. — Никто не может быть плох в ***абсолютно всем***. Нет такой

вещи, как идеальное облажательство.

— Это я, — сказала она. — Мы проиграли две игры за этот год, и обе из-за того, что я облажалась. Мы выступаем в финальном матче на следующей неделе, и все рассчитывают на меня, а я… я могу подвести их.

Адские колокола, что за смешные маленькие проблемы. Но было очевидно, что это очень серьезно для Кэли и это целый мир для неё. Она была просто подростком. Для неё это, наверное, выглядело как очень большая проблема.

— Давление, — кивнул я. — Думаю, я понял, в чем дело.

Она посмотрела на меня.

— Честно?

— Конечно. Мне это знакомо. Ты чувствуешь, что человеческие жизни зависят от тебя, и если ты ошибешься, то они очень сильно пострадают — и это будет твоя вина.

— Да, — сказала она, хлюпая носом. — И я стараюсь изо всех сил, но я не могу.

— Быть идеальной? — спросил я. — Нет, конечно же, нет. Но какой выбор у тебя есть?

Она заинтересованно смотрела на меня.

— Ты рискуешь облажаться, делая любое действие. Ты можешь однажды плохо проделать

упражнение по пересечению улицы и попасть под машину.

— Могу, наверное. — Кивнула она мрачно.

Я поднял вверх руку.

— Моё мнение. — Сказал я ей. — Если ты хочешь избежать рискованных действий, ты можешь остаться дома, закутаться в кокон из пупырчатого полиэтилена и никогда ничего не делать.

— Может я так и должна сделать.

Я фыркнул.

— Они все еще заставляют вас читать Диккенса в школе? «Большие надежды»?

— Ага.

— Ты можешь остаться дома и спрятаться, если ты так хочешь — и сдаться, как мисс Хэвишем. Наблюдать за жизнью из окна и раздумывать, какие вещи могли бы случиться или не случиться.

— Боже Мой, — воскликнула она. — Вы только что сделали Диккенса писателем моей жизни.

— Странно, верно? — спросил я её, кивая головой.

Кэли издала маленький задыхающийся смешок.

Я поднялся и кивнул ей:

— Я никогда не видел тебя, прячущуюся здесь, ладно? Я собираюсь сделать то, что собираюсь

сделать, и оставляю тебя делать свой выбор.

— Выбор?

— Конечно. Ты хочешь снова надеть бейсболку и играть? Или ты хочешь сдаться и старой девой кружить по дому в остатках истлевшего свадебного платья и тридцати ярдах пупырчатого полиэтилена, строя заговоры против парня по имени Пип? — Я внимательно посмотрел на неё.

— Я уверенна, что это не верно, — серьезно ответила она.

— Знаешь что? В этом деле нет половинных решений. Я не очень хорош в том, чтобы давать мудрые советы, но это не останавливает меня от попыток. — Я подмигнул ей и ушел, обойдя вокруг опор туда, где в дальнем конце поля, на трибуне сидел Майкл.

Молли прикорнула на подстилке под деревом примерно в десяти ярдах от нас, с наушниками-пуговицами, проводки от которых исчезали в переднем кармане её рубашки, словно она слушала цифровой музыкальный плеер. Я предполагаю, она не смогла бы слушать одну из этих штуковин дольше, чем я. По-видимому, она, таким образом, пыталась раствориться с фоном. На ней были солнечные очки, так что я не мог сказать, куда она смотрела, но я был уверен, что

она настороже. Кузнечик чуть заметно кивнула, когда я приблизился к её отцу.

Я сел возле него и подождал, пока он обратит на меня внимание.

— Гарри, — внимательно глянув на меня, сказал Майкл. — Вы выглядите ужасно.

— Да, я знаю, — вздохнул я и рассказал ему про неудавшееся покушение и о моей беседе с Фортхиллом.

Майкл оторвался от наблюдения за тренировкой ребят, выражение его лица было немного взволновано.

— Церковь не сделала бы что-то вроде этого, Гарри. Они не так действуют.

— Люди это люди, Майкл, — вздохнул я. — Люди делаю разные вещи. Люди делают ошибки.

— Но это не Церковь, — он покачал головой. — Если этот человек принадлежит Церкви, он не действует с их благословления или с их указания.

Я пожал плечами.

— Может быть. Может быть нет. Не думаю, что они были довольны мною, когда я на несколько дней задержал возвращение Плащаницы.

— Но ты же вернул её, целую и невредимую, — возразил Майкл.

— Как много людей знает о мечах? Как много людей знает, что я храню «Аморакциус»?

Он покачал головой.

— Я не понимаю. Учитывая тех противников, с которыми они борются, осведомленных людей в Церкви на перечет и они находятся под двойной защитой.

Я жестом показал на стадион вокруг нас.

— На перечет для меня — это как футбольное поле.

Он тяжело выдохнул.

— Честно говоря, я не знаю. Я лично встречал около двух сотен священников, которые были посвящены в нашу миссию, но я не буду, удивлен, если в целом их будет шесть или семь сотен по всему миру. Но даже среди них не распространяется более важная информация. Пять или шесть человек, и все. Плюс Его Святейшество.

— Ну, я предполагаю, что Папа не лично отдал указание избавиться от меня, — сказал я здраво. — Но как я могу быть уверен в остальных?

— Ты можешь поговорить с отцом Фор…

— Был там, сделал это. Он не говорит.

Майкл поморщился.

— Я понял.

— Итак, другие, кроме него…

Он развел руками.

— Я не знаю, Гарри. Фортхилл был моим основным мирским контактом.

Я удивленно моргнул.

— Он никогда не говорил с тобой про поддерживающую вас структуру в Церкви?

— Он поклялся не распространяться об этом, — сказал Майкл. — Я просто доверял ему. Извини меня. — Он поднялся и прокричал — Спасибо, леди! Два круга вокруг парка и на сегодня мы закончили.

Команда начала снимать перчатки и прочие обмундирование, и выстраиваться в линию для пробежки вокруг внешней части парка. Они делали это без лишней суматохи, болтая и смеясь. Я отметил, что Кэли была среди них, и почувствовал себя чуть более уверенным.

— Я бы действительно хотел сохранить мои мозги внутри черепа, — сказал я Майклу, когда он снова сел. — И если один из Церковной верхушки допустил утечку информации или переметнулся на другую сторону, они должны знать это.

— Да.

Я помолчал, окидывая взглядом опустевшую площадку для софтбола.

— Я не хочу никого убивать. Но Жук не соби-

рается отставать. А я не собираюсь приобретать лишних отверстий.

Майкл хмуро посмотрел вниз на свои руки.

— Гарри. Вы говорите об убийстве.

— Какое удивление, — буркнул я, — особенно после того, как я получил одну из этих монстра-пуль в спину.

— Должен быть какой-то другой путь, чтобы покончить с этим без кровопро…

Через его плечо, я увидел Молли, которая внезапно подскочила на ноги и, сдернув солнечные очки, смотрела на что-то с растерянным выражением на лице. Затем с той стороны, куда был направлен ее взгляд, показались девушки из команды. Они бежали изо всех сил, что-то крича на бегу.

— Тренер! — кричала Кэли. — Тренер! Мужчина схватил её.

— Спокойнее, спокойнее, — произнес Майкл, поднимаясь. Он положил руки на плечи Кэли, пока Молли торопливо подошла ближе. — Спокойнее. О чем ты говоришь?

— Он вылез из фургона с одной из этих электрошокеровских штучек, — пролепетала Кэли, сквозь тяжелое дыхание. — Он сделал что-то с ней, потом положил её в фургон и уехал.

Молли резко вздохнула и стала зеленеть на глазах.

Майкл с секунду смотрел на девушку, затем глянул на меня. Его глаза расширились от ужаса.

— Алисия! — закричал он, диким взглядом оглядывая парк. — Алисия!

— Он схватил её! — всхлипнула Кэли, от слез её лицо покрылось пятнами. — Он схватил её!

— Кэли, — громко произнес я, привлекая её внимание. — Как он выглядел?

Она покачала головой.

— Я не знаю, я не могу точно сказать… Белый, не очень высокий. Волосы очень коротко подстрижены. Как армейская стрижка.

Жук.

Он угрожал Майклу, чтобы я вынес меч из квартиры туда, где он был уязвимым. Затем он попытался убить меня, прежде чем я его не спрятал. А когда и это не удалась, он решил попробовать что-то новенькое.

— Молли, — сказал Майкл твердо. — Возьми пикап. Отвези Сандру и Донну домой. В дороге позвони маме и расскажи её, что случилось. Оставайтесь дома.

— Но… — начала Молли.

Майкл тяжело посмотрел на неё:

— Сейчас же.

— Да, сэр, — немедленно отозвалась Молли.

Майкл бросил ей ключи от пикапа. Затем повернулся к ближайшей сумке с оборудованием, и резким движением достал из неё алюминиевую биту. Он крутанул её вокруг текучим плавным движением, удовлетворенно кивнул и повернулся ко мне.

— Поехали. Вы ведете.

— Хорошо, — кивнул я. — Куда?

— Святая Мария, — мрачным голосом ответил Майкл. — Я собираюсь поговорить с Фортхиллом.

Фортхилл только закончил проводить вечернюю мессу, когда мы появились. Отец Пауло поприветствовал Майкла как давно потерянного и вновь обретенного сына, и конечно: «… вы можете подождать Фортхилла в его кабинете…». Я подозревал, что Пауло чувствовал глубокое разочарование в отношении меня. Но это было нормально. Я тоже не чувствовал к нему особого доверия.

Мы ожидали в кабинете около пяти минут, когда пришел старый священник. Он бросил взгляд на Майкла и побледнел.

— Расскажи мне про Орден, — не повышая го-

лоса, попросил Майкл.

— Сын мой, — сказал Фортхилл. Он покачал головой. — Ты знаешь, что я…

— Он похитил Алисию, Тони.

Рот Фортхилла чуть приоткрылся.

— Что?

— Он похитил мою дочь, — проревел Майкл, его голос буквально тряс стены. — Мне все равно, какими клятвами ты клялся. Мне все равно, какие знания Церковь считает необходимыми скрывать, чтобы обеспечить секретность. Мы должны найти этого мужчину и найти его немедленно.

Я удивленно глянул на Майкла и почувствовал, что немного отклоняюсь от него. Жар его ярости можно было практически пощупать руками, он чувствовался как что-то осязаемое, какой-то своей особенной силой в этой комнате.

Фортхилл смотрел на эту ярость, как старая скала, упрямо стоящая в бушующем море — старая и нерушимая.

— Я не нарушу свои клятвы, Майкл. Даже для тебя.

— Я не прошу сделать это для меня, — прорычал Майкл. — Я прошу сделать это для Алисии.

Фортхилл вздрогнул.

— Майкл, — сказал он невозмутимо. — Орден

небеспричинно сохраняет секретность. Враги пытались разрушить его на протяжении двух тысяч лет, и за это время орден помог сотням тысяч, даже миллионам. Ты знаешь это. Брешь в секретности может подвергнуть весь орден риску — и это более значимо, чем моя жизнь или ваши.

— Или невинного ребенка, очевидно, — встрял я. — Я предполагаю, что фразу «пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им» вы понимаете отчасти буквально, а, падре?

Фортхилл перевел взгляд с Майкла на меня и затем посмотрел в пол. Он глубоко вздохнул и провел руками по одежде.

— Это никогда не станет легче, не так ли? Пытаться работать по правилам и делать правильные вещи? — И сам же ответил на собственный вопрос. — Нет. Я предполагаю, что проще указать надлежащий путь, чем фактически следовать ему.

Он поднялся и подошел к одной из секций стены обшитой деревом. Отец Фортхилл положил руки на верхний правый и нижний левый угол панели, и с напряжением толкнул ее от себя. Она скользнула в сторону, открыв помещение размером с маленькую кладовку, заставленную картотеками и небольшими книжными пол-

ками.

Я переглянулся с Майклом, который приподнял брови от удивления. Судя по всему, он не знал про этот тайник.

Фортхилл открыл ящик и начал листать папки.

— Ордо Маллеус (*Ordo Malleus)* существовал в том или ином виде с момента основания Церкви. Первоначально, нашей задачей было проведение экзорцизма у одержимых демонами, но когда Церковь разрослась, стало очевидно, что нам надо быть способными противостоять и другим врагам.

— Другим врагам? — переспросил я.

— Различным существам, которые маскировались под богов, — пояснил Фортхилл, — вампиры и другие сверхъестественные хищники. Злобные фэйре, недовольные влиянием Церкви. — Он глянул на меня. — Практикующие колдовство, которые повернули свои силы против последователей Христа.

— Адские колокола, — пробормотал я. — Инквизиция.

Фортхилл поморщился.

— Инквизиция стала основной причиной, по которой Маллеус сохраняет полную секретность

— и именно поэтому мы очень редко действуем сами. Это так легко, пустить в ход силу, когда ты уверен, что Бог на твоей стороне. Инквизиция, во многих отношениях, пыталась вести нашу борьбу к свету — однако это привело к тому, что погибло больше невинных мужчин и женщин, чем за века нападений со стороны самых диких сверхъестественных хищников. Мы поддерживаем Рыцарей Креста и делаем все, что в наших силах, чтобы помочь советом и защитить божьих детей от сверхъестественных угроз — как защитили девушку, которую ты привез ко мне в тот год, когда родился младший сын Майкла. Сейчас орден рекрутирует своих членов после годов тщательных наблюдений, и поддерживает среди них высочайший уровень личной, этической честности, насколько это возможно. — Он повернулся к нам, с папкой в руках. — Но как ты отметил ранее, Гарри — мы только люди.

Я взял у него папку, раскрыл её, и увидел фотографию Жука. Я узнал короткую стрижку и слишком жесткие линии подбородка и челюсти. Его глаза были для меня чем-то новым — серые, как камень, холодные и бесстрастные.

— Отец Роарк Дуглас, — прочитал я. — Возраст сорок три. Пять футов одиннадцать дюймов, сто

восемьдесят пять фунтов. Снайпер, рейнджер, специалист по взрывчатке, капеллан армии США, был приходским священником в Гватемале, Индонезии и Руанде.

— Милостивый Господи, защити нас, — пробормотал Майкл.

— Ага. Ну, прям настоящий святой воин, — буркнул я, пристально глядя на Фортхилла. — И как этот парень влез в это?

— Я встречал Роарка в нескольких миссиях, — со вздохом начал Фортхилл. — Я был впечатлен его выдержкой и спокойствием перед лицом кризисов. Он неоднократно показывал себя с лучшей стороны, проявляя мужество и защищая своих прихожан в некоторых наиболее опасных местах мира. — Он покачал головой. — Но он… изменился, за последние несколько лет.

— Изменился? — спросил Майкл. — Каким образом?

— Он стал активным сторонником… превентивного вмешательства.

— Он хотел бить на опережение, да? — предположил я.

— Ты бы не говорил так, если бы увидел, какой жизнью живут в некоторых местах, где жил отец Дуглас, — грустно сказал Фортхилл. — Все не так

просто.

— И никогда не бывает.

— Он был, в частности, поклонником Широ, — продолжил он. — Когда Широ умер, он был в депрессии. Они работали вместе несколько лет.

— Так же, как вы работали с Майклом.

Фортхилл кивнул.

— Роарк был… не удовлетворен, размещением «Фиделаккиуса». Он довел свою точку зрения до всех членов Маллеуса. Он был возмущен тем, что меч лежит без дела, а время идет.

Я уже мог видеть, к чему это приведет.

— А затем я стал еще и хранителем «Аморакиуса».

Фортхилл кивнул

— Он провел последний год, пытаясь убедить высшее руководство Маллеуса в том, что мы были обмануты. Что ты, на самом деле, агент вражеских сил, который забрал мечи, так чтобы их нельзя было использовать.

— И никто не принял во внимание, что это была идея архангелов?

— Они никогда не показываются больше чем одному- двум людям одновременно — и ты ***же*** чародей, Гарри, — грустно улыбнулся Фортхилл. — Отец Дуглас полагает, что ты создал

иллюзию, которая послужила твоей цели, или… вмешался прямо в наши умы.

— И теперь он в крестовом походе, — пробурчал я.

Фортхилл кивнул.

— Так это выглядит.

Я продолжил читать файл.

— Он разбирается в магии — достаточно хорошо, по крайне мере, чтобы иметь дело со мной. Контактировал с воинствующими сверхъестественными обществами, как Венатори Умброрум, что, наверное, объясняет защитный амулет. — Я покачал головой. — И он думает, он спасает мир. Этот парень воплощенный ночной кошмар.

— Где он, может быть? — спросил Майкл спокойно.

— Он может быть где угодно, — ответил Фортхилл. — Маллеус разместил множество тайников с оборудованием, деньгами и тому подобным. Он может воспользоваться любым из них. Я пытался дозвониться ему на сотовый телефон. Он не отвечает.

— Он думает, вам промыли мозги. Чего вы ожидали, в конце концов?

— Я надеялся, — Фортхилл серьезно посмотрел на меня, — что я смогу попросить его быть терпе-

ливым и иметь веру.

— Я полностью уверен, что это парень думает: вера, это вроде превосходящей огневой мощи. — Я закрыл папку и вручил её обратно Фортхиллу. — Он пытался убить меня. Он похитил Алисию. Насколько я понимаю, он не собирается останавливаться.

Лицо Фортхилла исказила буквально физическая боль, он повернулся к Майклу и умоляюще посмотрел на него.

Лицо Майкла было пустым и жестким, в его глазах пылал сумеречный огонь.

— Этот сучий сын обидел мою маленькую девочку.

Я отступил на шаг назад, чувствуя, что впадаю в прострацию. Так же сделал Фортхилл. В комнате повисла гнетущая тишина.

Старый священник оправился спустя секунду. Он убрал папку обратно в шкаф и закрыл дверь.

— Я рассказал вам все, что знаю, — сказал он. — Я сожалею, что не могу сделать больше.

— Вы можете её найти, так ведь? — спросил Майкл меня. — Так же, как вы нашли Молли?

— Конечно, — кивнул я. — Но он наверняка ожидает этого. Магия это не панацея.

— Но вы можешь найти её, Гарри.

Я пожал плечами.

— Он не сможет помешать мне, найти её. Однако он может сделать так, чтобы она подвергалась опасности, если я попытаюсь что-либо предпринять.

Майкл нахмурился.

— Что вы подразумеваете?

— Он может заключить её в ящик, подвесить его на высоте пятидесяти футов с помощью электромагнита, так что когда я появлюсь рядом и активирую заклинания, цепь разомкнется и она упадет. Ублюдок достаточно умен и сообразителен.

Пальцы Майкла сжались в кулаки.

— К тому же, — продолжил я. — Нам не нужно искать его.

— Нет?

— Нет, — я зло усмехнулся. — У нас есть мечи. У него девочка. — Я повернулся, чтобы уйти. — Он сам найдет нас.

Отец Дуглас позвонил Майклу домой поздно ночью и позвал меня к телефону. Я взял трубку в кабинете Майкла.

— Вы знаете, что я хочу, — сказал он без вступления.

— Это и слепому понятно, — буркнул я. — Что

у вас на уме?

— Принесите мечи, — спокойно произнес он. — Отдайте их мне. Если вы сделаете это, без обмана и, не выкидывая никаких трюков, то я заверяю вас, девушка не пострадает. Если вы обратитесь в полицию или выкинете еще какую-нибудь глупость, она умрет.

— Откуда я знаю, что она еще жива?

В трубке затрещало, и раздался голос Алисии:

— Г-Гарри? Я в порядке. Он не навредил мне.

— Я не хочу этого, — сказал отец Дуглас, беря обратно трубку. — Удовлетворены?

— Могу я спросить вас кое о чем? — спросил я. — Зачем вы это делаете?

— Я исполняю Божью работу.

— Ладно, это не звучит слушком безумно или в этом духе, — пробормотал я. — Если вы так тесно связан с Господом, вы, что действительно ожидаете, что я поверю, в вашу способность убить девочку-подростка?

— Миру нужны Мечи, — ответил он ровным, невозмутимым голосом. — Они более важны, чем любой из людей. И хотя я никогда не прощу себе этого — да, я убью её.

— Я только пытаюсь показать вам ошибочную логику, которой вы руководствуетесь. Видите

ли, если я такой плохой парень, что украл мечи, тогда почему мне не все равно, убьете вы или нет какого-то ребенка?

— Вы не должны быть злым, чтобы быть честолюбивым — или ошибаться. Вы не захотите, чтобы девушка пострадала. Отдайте мне мечи, и она не пострадает.

Было абсолютно четко видно, конструктивной беседы в этой ситуации не получится. Отец Дуглас выбрал свой путь, невзирая на такие тривиальные вещи, как разум и логика.

— Где? — спросил я.

Он продиктовал мне адрес.

— Крыша. Вы подойдете с восточной стороны здания. Покажете мне мечи. Затем поднимитесь, и мы произведем обмен. Без посоха, без жезла. Один.

— Когда?

— Через час, — сказал он и повесил трубку.

Я отключил телефон, посмотрел на Майкла и констатировал:

— У нас немного времени.

Указанное здание стояло на углу Монро и Мичиган, с прекрасным обзором на Миллениум Парк. Я припарковался на расстоянии нескольких кварталов и остаток пути проделал пешком,

с двумя мечами, спрятанными в большой спортивной сумке. Отец Дуглас не указал, где мне предполагалось остановиться и показать ему мечи, но уличные огни, расположенные рядом со зданием по необъяснимым причинам не горели, за исключением одного. Я зашел в островок света, которые падал на тротуар, раскрыл сумку и вытащил оба меча.

Было трудно разглядеть, что-либо при переходе из темноты на свет, но мне показалось, я заметил отблеск на крыше. Бинокль?

Спустя несколько секунд, на крыше дважды мигнул красный огонек, в том же месте, где я что-то заметил.

Это было место встречи.

Я захватил с собой абсолютно нелегальный набор отмычек, но как оказалось, у меня не было нужды их использовать. Отец Дуглас уже вскрыл замки, и, очевидно, систему безопасности тоже. Передняя дверь было открыта, так же как и дверь на лестницу. Оттуда начиналась одна длинная, болезненная для ног прогулка на крышу.

Я выбрался на крышу под холодный, сильный ветер, который подхватил мой плащ, превращая его в трепещущий флаг.

Я всматривался в темноту крыши окруженный

трубами воздуховодов и различными антеннами, но никого не видел.

Луч переносного прожектора ударил в меня, и я закрутил головой. Свет исходил с крыши соседнего здания. Отец Дуглас щелчком выключил его, и несколько раз моргнув, я смог четко его увидеть, стоящего на ветру в черной одежде священника — белый воротничок казался люминесцентным в рассеянном свете города. Его серые глаза были в тени, и он должно быть уже полтора дня не брился. Длинная доска лежала возле его ног, которую он, должно быть, использовал, чтобы перебраться туда.

Алисия сидела на стуле возле него, со связанными руками, повязкой на глазах и кляпом во рту.

Отец Дуглас поднял мегафон.

— Так достаточно далеко, — сказал он. Я еле слышал его сквозь сильный ветер. — Она связана взрывным шнуром. Вы знаете, что это значит?

— Да.

Он показал другую руку.

— Вот это — детонатор. Пока он посылает сигнал, она в порядке. Это- «кнопка мертвеца». Если я уроню его или отпущу её, сигнал прервется и шнур взрывается. Если приемник получит повреждения и перестанет получать сигнал,

шнур взрывается. Если ты начнешь использовать магию и разрушишь одно из устройств, шнур взрывается.

— Это по крайне мере лучше, чем электромагнитные штучки, — пробормотал я сам себе и, повысив голос, проревел: — Как вы хотите произвести обмен?

— Перебросьте их.

— Сначала обезвредьте взрывчатку.

— Нет. Девушка останется там, где сейчас. Как только я уйду, то отправлю сигнал, который отключит устройство.

Я прикинул расстояние. Тут нужен был хороший пятнадцатифутовый прыжок, чтобы перебраться с одной крыши на другую. Легче простого.

— Дуглас, — прокричал я. — Задумайтесь над этим минутку. Мечи это не только острота и блеск. Они — символы. Если вы поднимите один из них для неправильных поступков, то можете уничтожить его. Поверьте мне, я знаю это.

— Мечи заслуживают лучшей участи, чем ржаветь в заплесневелом подвале, — ответил он и поднял детонатор. — Передайте их немедленно.

Я долгую секунду смотрел на него. Затем бросил сумку. Она приземлилась со звяканьем возле его

ног. Он наклонился, чтобы открыть её.

Я набрался решительности. Это было весьма рискованно. Я не рассчитывал на кнопку мертвеца и на пятнадцатифутовый прыжок.

Отец Дуглас раскрыл сумку и дымовая граната, которую Майкл заложил внутрь, взорвалась с гулким звуком. Белый дым столбом ударил ему в лицо, а я тем временем сделал три быстрых шага и подбросил себя в воздух. На ужасную долю секунды двадцатиэтажная пропасть разверзлась подо мной, и затем я коснулся края другой крыши и столкнулся с отцом Дугласом. Мы оба не устояли на ногах.

Я не мог думать ни о чем, кроме детонатора, поэтому я вцепился в него левой рукой, сдавливая его пальцы так, чтобы он не смог отпустить кнопку. Он попытался ударить большим пальцем мне в правый глаз, но я наклонил голову и удар пришелся только в кость. Он зарядил головой мне в нос (снова в нос, адские колокола, как это больно) и ударил коленом мне в пах.

Я мешал ему, сжимая обеими руками его ладонь, пытаясь перекрыть доступ крови в его руку, чтобы она ослабла, и я смог забрать у него передатчик. Его левый кулак обрушился на мой висок, челюсть и шею. Я наклонил голову вниз,

и, как зверь, вцепился зубами в его запястье, заставив его издать крик боли. Я снова обрушился всем своим весом на него, сдвигая несколько пальцев на его хватке и перехватывая контроль над пусковой кнопкой. Затем я дернулся всем своим телом, используя плечи и бедра как рычаг, и вырвал у него «кнопку мертвеца».

Он немедленно откатился от меня, схватив сумку, поднялся и побежал к двери, ведущей в здание.

Я дал ему уйти и бросился к Алисии. Темноволосую девочку била сильная дрожь.

Взрывной шнур, это, по сути, длинная резиновая трубка, начиненная взрывчатым веществом. Она чуть толще, чем карандаш, гибкая, и, как правило, взрывается от электрического разряда. Оберните взрывной шнур вокруг бетонной колоны и подорвите, взрыв пройдет через неё, как через кусочек сухого бамбука. Алисия была привязана к креслу именно им. Если он взорвется, то разорвет её на части.

Детонатор был простым устройством — черной пластиковой коробочкой выглядевшей как двенадцативольтовая батарейка, от которой шли проводки к взрывному шнуру. Зеленый огонек на детонаторе весело светился. Точно такой же

веселый зеленый огонек светился на «кнопке мертвеца» — передатчике в моей руке. Если то, что говорил Дуглас, было верным, тогда если огонек погаснет, мир вокруг уже не будет таким веселым.

Если я отпущу кнопку, это прервет сигнал на детонатор, который замыкает круг, он в свою очередь даст разряд, и бум. В теории, я должен был перерезать проводок от батарейки и вздохнуть с облегчением — вот только если Дуглас не установил устройство, которое взорвет все к чертовой матери при этом моем действии.

У меня не было много времени. Электроника в передатчике не продержится долго возле меня, даже если я не буду использовать никакую магию. Я должен был незамедлительно вытащить девочку.

Я сделал ставку, основывающуюся на том, что я узнал об отце Дугласе. Он выглядел так, как будто стремился к хорошей цели, невзирая на все его шалости. Так что я полагался на то, что он не хотел бы смерти девушки от нелепой случайности, а только от осознанного действия — то есть если он отпустит кнопку, или я сломаю передатчик, используя магию.

Я достал свой карманный нож, открыл его зуба-

ми и, перерезав по очереди тяжелую пластиковую трубу, которая держала её привязанной, освободил Алисии одну, затем вторую руку. Неловкими от длительной неподвижности пальцами она сорвала повязку и кляп.

— Убираемся отсюда! — крикнул я и, схватив её за руку, вытащил из кресла, подальше от взрывчатки. Она, пошатываясь, прислонилась ко мне, и мы побежали к лестнице.

Когда мы достигли первого пролета, моего присутствия, очевидно, оказалось слишком много для бедного детонатора. Что-то заискрилось и затрещало внутри пластикового корпуса, веселый зеленый огонек погас, и раздался ужасный громкий звук наверху позади нас. Я успел встать между Алисией и стеной лестничной клетки, когда ударная волна настигла нас. От ее удара моя многострадальная голова впечаталась в стенку. Я пошатнулся от боли, но быстро вынырнул из нее, как утопающий выкарабкивается на поверхность, хватая ртом воздух.

— Идем, — прохрипел я Алисии. — Идем. Нам нужно идти.

Она глянула не меня пустыми, ошеломленными глазами, так что я схватил её за руку и двинулся вниз по лестнице, другой рукой поло-

жив, тяжелый передатчик в карман плаща. У нас, было, только несколько минут до того момента, как тут нельзя будет протолкнуться от полиции и пожарных. Я совсем не хотел отвечать на их вопросы насчет того, как мои отпечатки пальцев оказались на дорогом армейском передатчике и доказывать свою непричастность к взрыву.

Спускаться вниз по всем этим ступенькам было не намного легче, чем подниматься, и мои ноги явно приготовились жаловаться мне на это ближайшие несколько дней. Мы спустились вниз, и я вывел Алисию в переулок возле Монро. Я диким взглядом окинул улицу вверх и вниз. Пикап Майкла ожидал нас именно там, где договаривались, перед входом в первоначальное здание. Я положил пальцы в рот и издал пронзительный свист.

Грузовичок Майкла пулей промчался по улице и остановился перед нами. Я подтолкнул девушку вперед. Дверь распахнулась из нее появилась Молли, она схватила Алисию за руку и затащила её внутрь. Я забрался сразу за ней.

— Он улизнул с мечами, — рявкнул я. — Ты сделала это?

— Сделала, — откликнулась Молли и сразу вручила мне компас с приборной панели, с одним из

её собственных золотых волос, примотанных к стрелке. Остриё указывало точно на восток, вместо севера. Кузнечик создала следящие заклятие, одно из самых удобных, которые я знаю.

— Он, наверное, двигается пешком через парк, — обратился я к Майклу. — Сделайте круг вокруг Лэйкшор, выедем впереди него.

— С тобой все в порядке, крошка? — спросил Майкл, быстро глянув на младшую дочь.

Алисия неуклюже взяла его руку и крепко сжала. Затем прислонилась к Молли и начала тихонько плакать.

— Поспешите, — прохрипел я Майклу. — Он наверняка знает, что мы могли снабдить мечи чем-то вроде жучков. Если он обнаружит волосы Молли, привязанные к одной из рукоятей, мы пропали.

— Он никуда не денется, — уверенно сказал Майкл с абсолютной верой в голосе, и вдавил в пол педаль газа, поскольку мы приближались к перекрестку с моргающим светофором, готовым загореться красным светом. Может быть, это было божественным вмешательством, или судьбой, или просто хорошим вождением, но пикап пролетел через перекресток, буквально на дюймы, разминувшись с двумя другими машинами.

Когда мы подъезжали, стрелка компаса по-прежнему показывала вглубь парка, но затем начала отклоняться в другую сторону. Я глянул вперед и увидел темную фигуру, бегущую через дорогу, которая отделяла парк от озера Мичиган.

— Там! — Воскликнул я, показывая. — Вот он!

Майкл притормозил у края дороги и я, выскочив на землю, прежде чем пикап прекратил двигаться, побежал за отцом Дугласом. Он был в хорошей форме, покрывая расстояние длинными, размашистыми шагами. В нормальном состоянии догнать его для меня не составило бы труда. Я бегал три или четыре дня в неделю, тренируясь именно для таких ситуаций, как эта. Конечно, когда я занимаюсь, я не бываю избит, вымотан, и не резвлюсь с недавно выбитым плечом. Дуглас продолжал удерживать лидерство, когда мы спустились вниз к пляжу, а я был полностью измотан. Так что я сжульничал.

Я на ходу полез в карман, достал тяжелый передатчик, и запустил в него так сильно, как только смог. Черное пластиковое устройство ударило отца Дугласа в затылок и разбилось, отправив несколько тяжелых батареек в недолгий полет.

Дуглас пошатнулся и, не сумев сохранить равновесии при той скорости, с которой он двигался,

упал на песок. Я перескочил через него и схватил сумку с мечами; вот только он сделал какое-то движение ногой, похожее на прием из боевых искусств, и выбил почву у меня из-под ног. Буквально. Я тоже рухнул на землю.

Отец Дуглас дернул сумку, но я мертво в неё вцепился, мы боролись и пинали ногами друг друга — пока сумка не порвалась, не выдержав напряжения. Мечи вывалились на песок. Он схватил рукоять «Фиделаккиуса», меча — катаны, который до тех пор, пока вы не достанете его из ножен, выглядел как простая, тяжелая трость. Я подхватил «Амораккиус», и поднял вложенный в ножны меч как раз вовремя, чтобы отбить рубящий выпад отца Дугласа.

Он поднялся на колени и размахнулся снова, и все что я мог сделать, это подставить ножны с «Амораккиусом» и отразить удар. Удар за ударом обрушились на меня, и не оставалось времени, чтобы призвать мою силу, и никакой возможности, чтобы подняться на колени…

До тех пор, пока ботинок сорок шестого размера не ударил отца Дугласа в грудь, отбрасывая его назад.

Майкл стоял надо мной, держа алюминиевую биту в правой руке. Он протянул ко мне другую

руку, и я вложил в неё «Амораккиус». Он взял его за середину лезвия, держа как какое-то огромное распятье, и хромая пошел к отцу Дугласу, опустив биту вниз.

Отец Дуглас уставился на Майкла широко раскрытыми глазами.

— Не приближайся, — сказал он. — Я не хочу причинять тебе боль.

— Кто сказал, что ты на это способен? — громко произнес Майкл. — Положи Меч, и я дам тебе возможность уйти.

Дуглас смотрел на него холодными серыми глазами.

— Я не могу этого сделать.

— Тогда я одолею тебя, и все равно заберу Меч. Это конец, Роарк. Ты просто пока этого не понял.

Отец Дуглас больше не растрачивал времени на разговор, он блеснул катаной в сторону Майкла.

Майкл отбил атаку мечом, словно это была палка (никакой не каламбур) нанеся удар сбоку, как кот сбивает вниз ночного мотылька. Закрутилась бейсбольная бита.

— Медленный, — проговорил он. — Слишком медленный, чтобы одолеть полуслепого калеку. Ты не знаешь главное правило того, кому доверено нести Меч.

Дуглас зарычал и снова попытался ударить Майкла. Он отбил и эту атаку с высокомерной непринужденностью, сопровождая это ударом рукояткой вложенного в ножны меча по щеке Дугласа.

— Это означает жертву, — холодно продолжил Майкл, наступая на Дугласа который отшатнулся от удара. — Это означает забыть о себе, и о своих желаниях. Это означает положиться на веру в Господа Бога Всемогущего.

Он нанес пару ударов, от которых Дуглас смог с трудом защититься — но третий, прямой колющий удар, нанесенный кончиком биты, угодил прямиком в солнечное сплетение священника. Отец Дуглас, пошатнувшись, упал на одно колено.

— Ты оставил службу, — с трудом проговорил Дуглас. — Мир заполняется тьмой все сильней. Люди взывают к нашей помощи — и ты оставил Мечи валяться без дела с этим существом, состоящим из черной магии и обмана?

— Ты высокомерный ребенок, — прорычал Майкл. — Всемогущий непосредственно изъявил нам свою волю. Если ты человек веры, тогда ты должен принять это.

— Тебя тоже обманули! — выкрикнул Дуглас. —

Как может Господь игнорировать своих людей, когда они так нуждаются в его защите?

— Нам не дано знать это! — Майкл кричал. — Разве ты не видишь, глупец? Мы только люди. Мы видим только это место и это время. Господь же знает все, что может случиться. Неужели ты желаешь сказать, что знаешь лучше Господа Бога нашего, что нужно сделать с Мечами?

Дуглас пристально смотрел на Майкла.

— Неужели ты настолько глуп, что веришь, будто Он хочет, чтобы ты отверг свою веру и навязал свои убеждения миру? Ты думаешь, Он хотел, чтобы ты убил достойного человека и похитил невинного ***ребенка***?

Быстрым ударом биты он выбил «Фиделаккиус» из рук Дугласа и нанес пару сокрушительных ударов — один по плечу, а другой по колену. Дуглас обессиленной грудой повалился на песок.

— Посмотри на себя, — сказал Майкл суровым и безжалостным голосом. — Посмотри, что ты натворил во имя Господа. Посмотри на синяки на руках моей дочери, на кровь на лице моего друга, и затем скажи мне, кто из нас был обманут.

Снова обрушилась бита, и Дуглас без сознания раскинулся на песке.

Майкл застыл на мгновенье с поднятой над

лежащим мужчиной битой, его била крупная дрожь.

— Майкл, — позвал я спокойным голосом.

— Он причинил боль моей маленькой девочке, Гарри. — Его голос переполняла сдерживаемая ярость.

— Он не собирается причинять ей боль сейчас, — негромко произнес я.

— Он причинил боль моей маленькой девочке.

— Майкл, — сказал я мягко. — Вы не можете. Если это то, что должно случиться, я сделаю это. Но не вы.

Его взгляд скользнул по мне.

— Легче, легче, — сказал я ему. — Мы все здесь сделали. Все сделали.

Он пристально смотрел на меня в течение длинного, тихого мгновенья. Затем, очень медленно, опустил биту и склонил голову, тяжело дыша. Он постоял так около минуты и, отбросив биту сел на песок, вздрогнув от боли.

Я поднялся и подобрал «Фиделаккиус», вложив его в ножны.

— Спасибо, — сказал Майкл уже спокойным голосом. Он протянул мне рукоять «Амораккиуса».

— Вы уверены? — спросил я.

Он кивнул, устало улыбаясь.

— Да.

Я взял меч и глянул на Дугласа.

— Что нам делать с этим?

Майкл молча смотрел на него несколько мгновений. На заднем фоне раздавались сирены машин скорой помощи, прибывших чтобы разобраться с последствиями взрыва на крыше.

— Мы возьмем его с собой, — решил Майкл. — Церковь пускай сама разбирается со своими.

* * *

Я сидел на балконе часовни в Св. Марии, глядя сверху на церковь подо мной и размышлял. Майкл и Фортхилл присматривали за отцом Дугласом, который еще долго не сможет передвигаться самостоятельно. Они где-то уложили его в кровать. Это было тяжело, наблюдать за Майклом, двигающимся с заметной болью, прихрамывающего по комнате помогая оказывать первую помощь Дугласу. Я бы с удовольствие оставил этого кретина где-нибудь в переулке и предоставил бы его, его судьбе.

Что возможно, только возможно, было одной из причин, по которой я никогда не собираюсь становиться Рыцарем.

Я так же свистнул из комнаты Фортхилла фляж-

ку с виски, которая составляла мне компанию на балконе.

Вдвое больше причин, по которым я никогда не собираюсь становиться Рыцарем.

— В конце концов, — сказал я, ни к кому не обращаясь, — эти двое начали говорить на разных языках. Я подразумеваю, я понимаю все слова, и я понимаю смысл этих слов, но я не могу их соединить вместе. Ты знаешь?

Я хлебнул немного виски.

— Задумываясь над этим .... есть множество вещей, которые я не понимаю во всей этой ситуации.

— И какого рода объяснения ты хочешь? — спросил мужчина, садясь на церковную скамью рядом со мною.

Я чуть не выпрыгнул из кожи.

Это был пожилой мужчина. У него была темная кожа и серебристо-белые волосы, и он был одет в синий рабочий комбинезон, такой часто можно увидеть на уборщиках. Надпись на бейджике гласила «Джейк».

— Вы, — выдохнул я. — Вы — архангел. Вы — Уриил.

Он пожал плечами. Жест нес признание, так или иначе.

— Что вы здесь делаете? — Я, возможно, говорил немного невнятно. Я был избит, да и половина фляжки уже куда-то исчезла.

— Возможно — я галлюцинация, порожденная травмой головы и алкоголем, — улыбнулся он.

— А, ну хорошо. — Я внимательно всмотрелся в него и предложил ему фляжку. — Хотите глоток?

— Очень мило, — сказал он и, сделав большой глоток, протянул фляжку мне обратно. — Я обычно так не делаю, но если у тебя есть вопросы, задавай их.

— Ладно, — кивнул я. — Почему ваши ребята позволили, чтобы Майкл так пострадал?

— Мы не позволяли этому случиться, — ответил Джейк спокойно. — Он хотел рисковать, сражаясь с врагом. Враг выбрал и куда направить оружие и когда спустить курок. Он пережил это испытание.

— Итак, говоря другими словами, Бог ничего не сделал, чтобы помочь.

Джейк улыбнулся.

— Не сказал бы. Но ты должен понять, сынок. Бог не выбирает, какие хорошие вещи случатся с тобой, или какие плохие вещи случатся с тобой. Он весь в том, чтобы ты сам делал выбор — испытывал дар свободы воли. Бог хочет, чтобы у

тебя были хорошие вещи и хорошая жизнь, но он не может просто завернуть их в упаковку и подарить тебе. Ты выбираешь, какие действия поведут тебя по жизни.

— Свобода воли, ха?

— Да. Например, твоя свобода воли на том острове.

Я глянул на него и хлебнул еще немного виски.

— Ты заметил, что Валькирия смотрела на Майкла. Ты подумал, что он был в опасности. Так что, несмотря на то, что была твоя очередь, ты отравил его в вертолет, вместо себя.

— Никакое хорошее дело не остается безнаказанным, — сказал я, возможно чуть увеличив количество «з» в последнем слове. — Именно тогда он и пострадал.

Джейк пожал плечами.

— Но если бы ты так не сделал, ты бы умер в тех постромках, и он бы умер на острове.

Я смог только изумленно сказать:

— Что?

Джейк поднял руку.

— Я не буду надоедать тебе деталями, но будет достаточно сказать, что твой выбор в тот момент изменил все.

— Но вы потеряли Рыцаря, — нахмурился я. —

Воина.

Джейк улыбнулся.

— Неужели?

— Он с трудом может ходить без палочки. Конечно, он управился с Дугласом, но это большая разница по сравнению со схваткой с Динарианцем.

— Ах, — Джейк пару раз кивнул. — Ты имеешь в виду воина в буквальном смысле.

— А что есть другой вид воина? — спросил я.

— Важный вид.

Я снова нахмурился.

— Гарри, — вздохнул Джейк, — У конфликта между светом и тьмой так много уровней, что ты буквально не сможешь понять их все. Не сейчас, во всяком случае. Иногда это буквально поля сражений. Иногда это бывает туманным и метафорическим.

— Но Майкл и я, очень буквальные парни, — возразил я.

Джейк почти смеялся.

— Неужели? Ты думаешь, мы впутали тебя в эту ситуацию только потому, что нам надо было, чтобы ты кого-то избил?

— Нуу. В целом говоря. Да. — Я взмахнул фляжкой. — В значительной степени все, что мы

сделали, это избили парня, у которого были хорошие намеренья и который, дойдя до отчаянья, пытался что-то сделать.

Джейк покачал головой.

— Настоящая война происходила, когда ты этого не видел.

— Ну да?

— Кортни, — Джейк махнул рукой. — Маленькая девочка, которую почти сбила машина.

— Что относительно неё?

— Ты спас ей жизнь, — серьезно сказал он. — Более того, ты отметил синяк на её щеке — который она получила от своего жестокого отца. Твоё присутствие придало силы, и ответственности ее матери, что привело к осознанию того факта, что с её дочерью плохо обращаются. Она съехала от мужа на следующее утро. — Он развел руками. — В тот момент, ты спас детскую жизнь, уберег её мать от алкогольной зависимости, которую вызвала бы эта потеря, и разорвал замкнутый круг жестокого отношения в семье, которому уже более трех сотен лет.

— Я… хм.

— Электрик Чак, — продолжил Джейк. — Он был выпивший, потому что повздорил с женой. Спустя два месяца от того дня, их четырехлет-

ней дочери диагностируют рак, и потребуется трансплантация костного мозга. Ей отец — единственный подходящий донор. Ты спас его жизнь тем, что ты сделал — и жизнь его дочери, тоже. И борьба этой семьи перед лицом трудностей объединит их и сделает сильнее и счастливее, чем когда-либо до этого.

Я фыркнул.

— Это выглядит ужасно похожим на предназначение, как для меня. Но если бы эти люди выбрали что-то другое?

— Это сложная проблема, — согласился Джейк. — Но думай о направлении будущего, как о, эээ, текущей воде. Если ты хорошо знаешь рельеф, то сможешь предсказать, куда она потечет. Теперь, кто-то всегда может прийти сам и выкопать канаву, и изменить направление воды — но откровенно, ты будешь изумлен, как редко люди действительно желают сделать выбор и изменить жизнь.

Я хмыкнул.

— Как насчет игрока второй базы, Кэли? Ей я тоже спас жизнь?

— Нет. Но ты поддержал девушку в тот момент, когда это было для неё необходимо, а у неё не было никого, с кем бы она могла об этом пого-

ворить. Всего несколькими добрыми словами. У нее есть хороший шанс стать отличным социальным работником в своей среде. Пятью минутами доброты ты показал ей, как помочь тысячам остальных. — Он развел руками. — И это только насчет прошедшего дня. Отчаянье и боль были отведены, потеря и трагедия предотвращены. И ты думаешь, что ты не несешь копье света, Воин?

— Гм.

— И последнее, но не по значимости. Давай не будем забывать Майкла, — продолжил он. — Он хороший человек, но когда дело касается его детей, он может быть абсолютно иррациональным. Он был на волоске от потери контроля над собой, когда стоял над Дугласом на пляже. Твои слова, твоё присутствие, твоя воля помогли ему выбрать милосердие вместо мести.

Я растерянно смотрел на него.

— Но… я не специально делал то или иное.

Он улыбнулся.

— Но ты выбрал действия, которые привели к этому. Никто не заставлял тебя делать это. И для этих людей, которых ты спас, опасность была такой же реальной, как любое создание ночи. — Он повернулся посмотреть на церковь под нами и сжал губы. — У людей гораздо больше силы, чем

они используют, если только они хотят использовать её. Майкл может уже и не рубит демонов с помощью меча, Гарри. Но не думаю даже на секунду, что он перестал сражаться за добро. Просто с твоей точки зрения сложнее увидеть результаты.

Я выпил еще виски, размышляя над его словами.

— Он гораздо счастливее теперь, — сказал я. — Его семья тоже.

— Забавно, как создание хорошего выбора приводит к этому.

— Как насчет отца Дугласа? — спросил я. — Что произойдет?

— По большей части, — пожал плечами Джейк, — это послужит уроком для него. Надеюсь, он сможет осознать ошибки и изменить жизнь к лучшему.

Я медленно кивнул.

— Давай поговорим о моем счёте.

Брови Джейка удивленно приподнялись.

— Что?

— Мой счёт, — сказал я, отчетливо выговаривая слова. — Вы втянули меня в этот бардак. Вы можете заплатить мне, как и любой другой клиент. Куда мне выслать счёт?

— Ты… ты пытаешься выставить счет Господу Богу Всемогущему? — воскликнул Джейк, с недоверием в голосе.

— Адски… хм, нет, черт возьми. Я выставляю счёт ***вам***.

— Это не совсем так, как мы работаем.

— Это если вы хотите работать со мной, — сказал я ему, зевая. — Раскошеливайтесь. Иначе в следующий раз, возможно, я буду просто стоять и ничего не делать, когда вам понадобится моя помощь.

Лицо Джейка расплылось в широкой, очаровательной усмешке и смех наполнил его голос.

— Нет, не будешь, — сказал он, и исчез.

Я сердито смотрел на то место, где он был секунду назад.

— Скряга, — пробурчал я.

Но я был абсолютно уверен, что он прав.

10.4 Последний вызов (2009)

Всё что я хотел — просто спокойно выпить пива. Разве я многого прошу: выпить одну бутылочку и предаться размышлениям в конце тяжёлого рабочего дня профессионального чародея? Ну, пожалуй, можно ещё и стэйк с сэндвичем, как вы думаете? Но кто-то (или, может быть, Кто-то) не согласился со мной.

Малозаметная дверка в стене паба Мак-Энэлли — как и сотни подобных в Чикаго — находится в подвале офисного здания. Чтобы подойти к ней, предстоит спуститься на несколько ступенек. Когда попадаешь внутрь, то потолок оказывается на уровне глаз, и на нём поскрипывают старые вентиляторы. Нужно сделать ещё несколько шагов, чтобы оказаться в самом баре. Он освещён свечами. Покрытое резьбой дорогое полированное дерево глубокого коричневого оттенка, витражи и свечи позволяют чувствовать себя уютно в этой пещерке.

Когда я открыл дверь, то в лицо мне ударил запах — который я никогда раньше не ощущал в пабе Мака — подгоревшей пищи.

Упомянув о кулинарии Мака, следует сказать и о том, что я машинально проверил, заряжен ли защитный браслет на левой руке и вытащил взрывной жезл из-под пальто. Затем осторожно вошёл в бар, держа жезл наготове. Освещение было хуже, чем обычно — горело всего несколько свечей.

Обычные посетители — члены сверхъестественного сообщества Чикаго — валялись, словно сломанные куклы. С полдюжины людей лежало на полу под странными углами, раскинув руки и ноги, как будто потеряли сознание во время гимнастических упражнений. Пара стариков, которые обычно играли в шахматы за столиком в углу, упали прямо на стол. Фигуры разлетелись, некоторые сломались, а старые шахматные часы разбились вдребезги. Три девушки, насмотревшиеся слишком много серий «Зачарованных» и всегда вместе приходившие к Маку, покоились без сознания в углу, словно забились туда от ужаса, прежде чем их вырубили. Несчастных покрывали похожие на кровь капли.

По крайней мере, я смог услышать несколько хриплых вздохов. Я подождал некоторое время, но ничего не выпрыгнуло на меня из темноты и я не почувствовал внезапное желание крушить

всё вокруг, а затем лечь поспать.

— Мак, — тихо позвал я.

Кто-то заворчал.

Я поспешил к барной стойке и нашёл Мака лежащего на полу. Он был жестоко избит. Разбитые губы распухли, нос сломан. Руки отекли и были покрыты синяками — по всей видимости, он прикрывался от ударов. Бейсбольная бита, которую он держал при себе, лежала рядом, перепачканная кровью, вероятно, его собственной.

— Звезды и камни, — выдохнул я, — Мак.

Я опустился рядом с ним на колени, стараясь как можно тщательней осмотреть повреждения. У меня нет медицинского образования, но за несколько лет службы в Стражах во время войны с вампирами Красной Коллегии я повидал больше ран, чем хотел. Мне не понравился один из ушибов на голове, и ещё были сломаны несколько пальцев, но сомневаюсь, что всё это невозможно вылечить.

— Что случилось?

— Безумие, — пробормотал Мак. Одна из трещин на губе вновь открылась. — Жестокость.

Я вздрогнул:

— Не шути так.

Затем взял чистую тряпку из стопки на полке

за барной стойкой, смочил холодной водой и стал счищать кровь с лица.

— Они все лежат, — сообщил я про увиденное. — Живые. Это твоё место. Как будем играть?

Из-за сильной боли Маку потребовалась минута на раздумья, прежде чем ответить.

— Мерфи, — наконец, сказал он.

Ясно. Обращение к властям вызвало бы множество вопросов и повышенное внимание, но также и быстрое получение медицинской помощи. Обычно Мак в первую очередь руководствовался интересами клиентов. Но если бы он захотел сделать всё тихо, то я бы понял.

— Я позвоню, — ответил я.

* * *

Власти взялись за дело энергично. Всё произошло в начале вечера, и мы, по всей видимости, оказались первыми пациентами для врачей ночной смены.

— Боже мой, — воскликнула сержант Кэри Мёрфи, рассматривая бар Мака. — Какой ужас.

— Что думаешь? — хмуро спросил я. Живот недовольно урчал, кроме того, я хотел пить, но казалось неправильным что-то есть здесь, пока врачи латают Мака.

Мерфи вздохнула:

— Ну, драки в барах обычное явление.

Вошла внутрь, достала из кармана пиджака фонарик и методично начала осматривать помещение:

— Но, может быть, ты просветишь меня, что произошло на самом деле.

— Мак сказал, что его посетители обезумели. Безумие переросло в насилие.

— Все? Одновременно?

— Так мне показалось. Его было непросто понять.

Мерфи нахмурилась и медленно ходила по комнате, освещая место происшествия:

— Ты осматривал посетителей?

— Когда я пришёл, на них уже ничего не действовало. В этом я уверен. Они лежали без сознания. По всей видимости, незначительные повреждения они нанесли себе сами. Возможно, именно эти девушки избили Мака.

Мёрфи поморщилась:

— Думаешь, он не смог отбиться от них?

— Он мог бы воспользоваться оружием. Вместо этого взялся за биту. Скорее всего, он пытался удержать их от необдуманных поступков, и вот чем это для него закончилось.

— Знаешь, о чём я подумала? — спросила Мёр-

фи. — Когда в пабах происходит что-то странное?

Она остановилась в углу. Среди сломанных шахматных фигур и разбросанных стульев свет фонарика остановился на паре тёмно-коричневых пивных бутылок.

— Ужас, — прокомментировал я. — Пиво Мака служит силам тьмы.

Она недовольно посмотрела на меня. Посмотрела так, как может только блондинка с вздёрнутым носиком и ростом в пять футов на долговязого колдуна в семь футов.

— Я серьезно, Гарри. Может быть, что-то подмешали в пиво? Наркотики? Яд? Что-то из твоей области?

Я облокотился на стойку и задумался на мгновение. Разумеется, такое возможно. Ряд препаратов может вызвать психотическое расстройство, правда, это маловероятно — всё началось примерно в одно время. Вызвать такое могли только наркотики, что могло привести к смерти или зависимости. А раз так, то люди находятся в опасности.

Касаясь волшебной стороны дела, то были десятки способов воздействовать на людей при помощи выпитого пива, но все они требуют, чтобы кто-то присутствовал, когда Мак его варил.

Вообще-то он сам его готовит.

— Не обязательно дело в выпивке, — заметил я.

— Ты думаешь, что все они ели стейки? Из одной и той же партии мяса? — она покачала головой. — Ладно, Дрезден. Кормят здесь неплохо, но сюда не за едой приходят.

— Мак не стал бы такое делать, — спокойно ответил я.

— Вот как? — также спокойно и тихо спросила Мёрфи. — Ты уверен? Насколько хорошо ты его вообще знаешь?

Я медленно осмотрел бар.

— Ты знаешь его имя, Гарри?

— Черт возьми, Мёрфи, — выдохнул я. — Не можешь же ты вечно всех подозревать.

— Конечно, могу, — улыбнулась она. — Это моя работа. Я должна смотреть на вещи беспристрастно. Ничего личного. Ты же знаешь.

— Да, — пробормотал я. — Знаю. Но ещё знаю, каково быть под беспристрастным подозрением, особенно когда ничего не сделал. Это фигово.

Кэри всплеснула руками:

— Тогда давай выясним, что произошло. Я поговорю с пострадавшим, может кто-то помнит что случилось. А ты займись пивом.

— Да, о'кей.

* * *

После изготовления Мак ставит пиво в деревянные ящики, похожие на те, где хранят яблоки, только потяжелее. В них нет ни магии, ничего подобного. Они просто крепкие и устойчивые. Я вошёл в квартиру с коробкой образцов и приготовился встретить Мистера, моего кота, который обычно изо всех сил бьётся мне в голень, когда я возвращаюсь домой. Мистер огромен, и большая часть его массы это мышцы. Я покачнулся от удара, бутылки зазвенели, но я удержался на ногах. Мыш, мой большой лохматый пёсозавр, спал у камина. Он поднял голову и вильнул разок хвостом, а затем продолжил дремать.

Ну никакой рабочей этики. Впрочем, это не его лишили заслуженного пива. Я понёс ящик прямо по лестнице в лабораторию, сказав:

— Привет, Молли.

Молли, моя ученица, сидела за столиком и работала над парой зелий. В её распоряжении было всего пять квадратных футов лаборатории, но она умудрялась поддерживать чистоту и порядок, и даже осталось место для учебника по латыни, ноутбука и банки явного язычества — «пепси». Причёска сегодня была цвета зелёного криптони-

та с серебряными прядями, из одежды короткие джинсы и обтягивающая футболка с логотипом Супермена на груди. Одним словом, выглядела она потрясающе.

— Привет, Гарри, — рассеяно отозвалась она.

— Не слишком ли лёгкая одежда для марта?

— Если бы я оделась по-другому, тебе было бы сложнее пялиться на мою грудь, — ухмыльнулась она. Затем подняла взгляд и широко улыбнулась: — Пиво!

— Ты юная и невинная, — твёрдо заявил я, ставя коробку на полку. — Никакого пива.

— Ты живешь неправильно, — ответила Молли и встала, чтобы взять бутылку.

Разумеется, она поступила прямо противоположно моим указаниям. Я внимательно наблюдал за ней.

Эта девочка моя ученица, и у неё есть талант к некоторым тонким магическим аспектам. Она не сможет вырваться из неприятностей при помощи грубой силы, но когда дело доходит до тонкой паутины магии, она впереди меня на пару шагов и продолжает быстро удаляться, а я полагал, что тут как раз требуется кропотливая работа.

Она на секунду нахмурилась, коснувшись бутылки:

— Странно.

Вопросительно посмотрела на меня, и я показал на ящик. Молли провела рукой по каждой бутылке:

— Я чувствую энергию. Что это, Гарри?

У меня была хорошая идея о том, что происходит с выпившими это пиво, но в этом не было смысла. Я не собирался отвечать. Иначе стал бы противоположностью Оби Вана.

— Это ты мне скажи, — улыбнулся я.

Она нахмурилась и вернулась к зельям, побормотала над ними, а затем уменьшила огонь. Вернулась к бутылкам, открыла одну, понюхала содержимое и нахмурилась ещё сильнее.

— Не стоит его пить, — заметил я. — Оно не вкусное.

— Я так не думаю, — отозвалась она тем же тоном, с каким изучала латынь. — Тут что-то есть… некий заразительный фокус.

Я кивнул. Она говорила о магической порче, а не о медицинском заражении. Привлекало внимание следующее: после того, как небольшое количество вещества отделяли от основной части, между ними оставалась связь. Практикующий маг может использовать её для передачи магии в главную часть, а также взаимодействовать с

второстепенными, даже если они находились в разных местах. Это было что-то вроде установки передатчика в автомобиле, чтобы потом по нему легче было попасть ракетой.

— Можешь сказать, как сумели заставить это работать? — спросил я.

Молли нахмурилась. Причём весьма симпатично:

— Дай мне минуту.

— Тик-так.

Она махнула рукой, не поднимая взгляда. Я молча сложил руки и ждал. Как обычно, я поставил перед ней задачу и дал время на решение. По моему опыту, ситуации, когда промедление смерти подобно, встречаются уж слишком часто. Я пытаюсь подготовить Кузнечика к реальной жизни.

Это была одна из первых настоящих задач для Молли, но ей не стоило этого знать. Пока она считает, что это очередная проверка — она не будет сомневаться. Я не видел причин поколебать её уверенность.

Бормоча под нос, она перелила пиво в мензурку и поднесла к специальной свече. Затем что-то вычисляла в тетради. И минут через двадцать произнесла:

— Ха. Сложно, но не для всех.

— Что? — спросил я.

— Не буду скромничать, босс, — продолжила она. — Порча выглядит, как обычное принуждение жертвы выпить ещё, но это действительно психическое воздействие.

Я подался вперёд:

— Серьезно?

Молли секунду недоумённо смотрела на меня. Потом моргнула и спросила:

— Ты не знал?

— Я обнаружил принуждение, но оно скрывало второе заклинание на пиве, — я поднял полупустую бутылку и покачал головой. — Я принес его сюда, потому что ты лучше справляешься с подобными вещами, чем я. Мне потребовалось бы несколько часов. — Хорошая работа.

— Но… ты мне не сказал, что всё по-настоящему, — девушка изумлённо покачала головой. — Гарри, а что если бы я ничего не нашла? Или ошиблась?

— Не пытайся прыгнуть выше головы, Кузнечик, — сказал я, поворачиваясь к лестнице. — У каждого есть право на ошибку.

* * *

Мака отвезли к Строкеру, и выглядел он чертов-

ски плохо. Чтобы пройти к нему, мне пришлось прибегнуть к обману — предъявить удостоверение помощника чикагской полиции и заявить, что я расследую это дело.

— Мак, — поприветствовал я больного, войдя в палату и сев на стул рядом с кроватью, — как ты?

Он посмотрел на меня почти полностью опухшим глазом.

— И ещё мне сказали, что ты отказался от обезболивающих.

Он слабо кивнул.

Я рассказал о найденных зацепках:

— Виртуозная работа, Мак. Тут всё запутанней, чем я когда-либо встречал.

Раненый заскрипел зубами. Он, как и я, понимал, что два сложных, встроенных друг в друга заклинания означают вступление в дело опытного игрока.

— Найди его, — с трудом произнося слова, прорычал Мак.

— Есть идеи, с чего начать?

Он помолчал, потом покачал головой:

— Каин?

Я удивился:

— Тот громила с Ночи живого пива? Он был

где-то рядом?

Мак заворчал.

— Прошлой ночью. Перед закрытием, — прикрыл глаза. — Крикун.

Я встал и положил руку ему на плечо:

— Отдыхай. Я переговорю с ним.

Мак тяжело дышал, возможно, даже потерял сознание, раньше, чем я договорил.

Я встретил Мерфи внизу в холле.

— Трое проснулись, — начала она. — Никто из них не помнит ничего в течение нескольких часов до того, как они пришли в бар.

Я поморщился:

— Этого я и опасался.

Затем рассказал, что успел узнать.

— Психический проводник? — спросила Мёрфи. — Что это такое?

— Работает, как линия электропередачи, — ответил я. — Отличие в том, что присоединяются напрямую к разуму и кто находится на другом конце связи, решает, что передавать.

Мёрфи слегка побледнела. Она сама была жертвой психического воздействия, и оно не прошло бесследно:

— Сделай всё, что сможешь. Наведи порчу и выследи их.

Я поморщился и покачал головой.

— Не могу, — сказал я ей. — Нужно установить источник выпивки. Если я применю заклинание, то стану и сам уязвимым. Это всё равно, что выпить пиво.

Мёрфи скрестила руки:

— И в любом случае ты не будешь помнить ничего из случившегося.

— Я уже говорил, — продолжил я, — работа высокого уровня. Но у меня есть имя.

— Подозреваемый?

— Уверен, что он тут замешан. Его зовут Каин. Рецидивист. Здоровый, тупой, жестокий и считает себя пивоваром.

Она выгнула бровь:

— Уже имел с ним дело?

— Пересекались примерно год назад, — ответил я. — Было паршиво. Ему пришлось хуже, чем мне. И он сильно невзлюбил Мака.

— Чародей?

— Чёрт возьми, нет.

— Тогда как он может быть замешан?

— Вот у него и спросим.

* * *

Мерфи быстро установила адрес Герберта Орсона Каина, грабителя, насильника и вымогателя:

дешевые апартаменты в южном районе Бактауна.

Она постучала в дверь, но ответа не последовало.

— Теперь я почти уверена в его виновности, — сказала она, доставая сотовый. — Получить ордер на арест не составит проблем.

— А что послужит основанием? Подозрение в использовании чёрной магии?

— Чтобы испортить напитки, вовсе не обязательно прибегать к волшебству. Он насильник и не работает в крупной корпорации, а потому у него не будет хорошего адвоката, способного устроить шумиху.

— А может сэкономим время и деньги налогоплательщиков Чикаго, просто осмотревшись вокруг?

— Взлом и проникновение.

— Я не буду ничего взламывать, — пообещал я. — И войду один.

— Нет.

— Но…

Мерфи посмотрела на меня, упрямо сжав губы:

— Нет, Гарри.

Я вздохнул:

— Эти парни не играют по правилам.

— Мы не знаем наверняка, замешан он или нет. Я не собираюсь нарушать правила без полной уверенности в правоте.

Я собирался подколоть её в ответ, когда Каин открыл дверь и вышел на лестничную клетку. Он увидел нас и застыл от изумления. Затем повернулся и собрался уйти.

— Каин! — крикнула Мёрфи. — Полицейский департамент Чикаго.

Он бросился бежать.

Мы с Мерфи были готовы к подобному развитию событий. И кинулись к нему. Он захлопнул дверь, но и это было ожидаемо. Я сконцентрировал силу воли, поднял правую руку на уровень груди и произнёс:

— Форзаре!

Невидимая сила захлопнула дверь, когда Каин пытался проскочить. От неожиданности он отпрянул и врезался в стену.

Реакция Мёрфи лучше, чем у меня. Она успела перехватить беглеца, когда тот собирался нанести ей боковой удар. Я почти пожалел слизняка.

Кэри поднырнула под удар, перенесла весь вес на мышцы ног и сделала ответный выпад — попала в подбородок ладонью и направила голову противника вверх.

Каин был мускулистым, здоровым и жестоким. Он смягчил удар и с рёвом атаковал снова. Мёрфи перехватила его руку, повела сначала в одну сторону, потом в другую, и, воспользовавшись ей, как точкой опоры, отправила громилу на пол. Он приземлился тяжело — даже половицы вздрогнули, и сержант быстро изменила захват, вывернув и подняв руку вверх, придавливая противника ногой.

— Это нападение, — сладко произнесла Мёрфи. — На полицейского при исполнении, ни больше ни меньше.

— Сучка, — отозвался Кейн. — Я тебе сломаю…

Мы так и не узнали, что он собирался сломать, поскольку Мёрфи сместилась на несколько сантиметров и громила закричал от боли.

— Чего вам надо? — выпалил он. — Отпустите меня! Я ничего не сделал!

— Конечно, сделал, — рассмеялся я. — Ты напал на сержанта Мёрфи. Я всё видел.

— Ты дважды неудачник, — продолжила Кэри. — А скоро станешь трижды. Когда выйдешь, сразу вставь новые зубы.

Кейн разразился бранью.

— Во даёт, — сказал я, подходя к нему. — Паршиво. А мог быть полезным членом общества. Ты

знаешь, как доказать, что ты не пустое место?

— Пошёл ты, — огрызнулся Каин. — Ничего я вам не скажу.

Мерфи снова надавила на его руку, чтобы он заткнулся.

— Что случилось с пивом у Мак-Энэлли? — вежливо спросила она.

Кейн выдал ещё больший поток ругани.

— Я уверена, что это не так, — продолжила сержант. — Уверена, что ты можешь быть хорошим.

— Отвали, полицейская сучка.

— Сержант Сучка, — ответила Мерфи. — Хорошо будь по-твоему. Держу пари, у тебя куча поклонников в Стейтвилле.

Она нахмурилась, произнося это. Головорезы вроде Каину идут на контакт, когда их припрёт. Они не рискуют получить срок из-за простого упрямства, если есть возможность договориться.

Кто-то, или даже можно сказать что-то, запугало Каина.

Что ж, можно было действовать и по-другому.

У парня выступила кровь в уголках рта. Скорее всего, он прикусил язык, когда Мёрфи ударила его.

Я вытащил белый платок из кармана и, изящно наклонившись, вытер кровь.

— Какого чёрта ты делаешь? — сказал он. Ну или что-то похожее. — Что ты творишь?

— Не волнуйся, Каин. Это ненадолго.

Я взял платок и отошёл на несколько шагов. Присел на корточки и достал из второго кармана кусок мела, чтобы нарисовать круг.

Каин снова попробовал вырваться, но у него ничего не получилось.

— Сидеть, — бросила Мёрфи. — А то выверну тебе плечо.

— Расслабься, — сказал я ей. — Он не сможет далеко убежать.

Затем покосился на громилу и продолжил:

— В животе полно мяса. Ты у нас любитель жирной пищи, так, Каин?

— Ч-что? — спросил он. — Что ты задумал?

— Сердечный приступ не вызовет подозрений, — обратился я к Мёрфи. — Приготовься отступить, как только начнётся.

Я закончил рисовать круг, и он слегка засветился. Пустая трата энергии, как почти со всеми спецэффектами, но это произвело впечатление на Каина.

— Боже мой! — крикнул он. — Остановись!

— Нельзя медлить, — ответил я. — Всё нужно сделать прежде, чем высохнет кровь. Хватит

ребячиться. Тебе давали шанс.

Я поднял руку над свежей кровью на платке:

— Так, пора начинать…

— Я не могу ничего сказать! — завизжал громила. — Она узнает, если я скажу!

Мерфи ещё немного выкрутила ему руку.

— Кто? — спросила она.

— Не скажу! Господи, клянусь! Дрезден, не делай этого — я не виноват. Им нужен кровавый камень, и во всём городе только у меня он достаточно чист! Я просто хотел стереть улыбку с лица этого ублюдка!

Я впился взглядом в Каина и оскалил зубы:

— Ты не сказал ничего, за что можно сохранить жизнь.

— Я не могу! Она узнает!

Продолжая пристально смотреть на него, я медленно поднял руку в полном драматизма жесте.

— Интимидатус доркус максимус! — я специально придал голосу резкие замогильные интонации и растягивал гласные.

— Деккер! — закричал Каин. — Меня послал Деккер!

Я опустил руку и откинул голову назад.

— Деккер, — произнёс я. — Вот кретин.

Мёрфи смотрела на меня и продолжала удержи-

вать Каина, хотя пожалуй, ей это уже надоело.

Я кивнул и сказал:

— Пусть валит.

Она отпустила его, и Каин в слезах на карачках побежал по лестнице. Он оступился, и полёт закончился смачным звуком.

Я поморщился от ударившего в нос запаха мочи:

— Ах, аромат истины.

Мёрфи провела руками по джинсам, словно пыталась стереть что-то жирное:

— Господи, Гарри.

— Что? Ты же не хотела вламываться в его квартиру.

— Ещё я не хотела, чтобы ты приставлял ему к голове пушку, — она покачала головой. — Ты ведь не собирался его…

— Убить? — спросил я. Нарушил круг и вышел за его пределы. — Да. Прямо у него на глазах. Смог бы.

Она вздрогнула:

— Боже мой.

— Я бы не стал, — продолжил я. Подошел к ней и положил свою руку на её. — Не стал. Ты знаешь это, Каррин.

Кэри посмотрела на меня; невозможно было

понять, какие она испытывает эмоции.

— Ты хорошо всё сыграл, Гарри. Многие бы повелись. Всё выглядело…

— Естественно, — продолжил я. — Само собой.

Она слегка коснулась моей руки:

— Полагаю, мы кое-что узнали?

Я отбросил мрачные мысли и кивнул:

— Имя.

* * *

Магазин Барта Деккера был, пожалуй, самым захудалым из полудюжины контор, торговавших с колдунами Чикаго. В «Контрабандных товарах» гордились тем, что продавали ингредиенты для чёрной магии.

Нет, всё было не столь ужасно, как звучало. Большинство поддавшихся моде самозваных подражателей Пожирателей Смерти в Чикаго или в любом другом городе по факту не обладали талантом даже, чтобы высечь искры с помощью пары камней, про причинение боли я вообще промолчу. Действительно опасные чёрные маги не совершают покупок в местах, подобных «Контрабандным товарам». Большинство ингредиентов можно купить в простом продуктовом магазине.

Но всё же хватало неудачников с тёмными намерениями, которые считали, что в «Кон-

трабандных товарах» есть всё необходимое для создания своей собственной империи зла — и Барту Деккеру доставляло удовольствие брать с них деньги за подобные иллюзии.

Когда мы с Мерфи вошли, то справа увидели запрещённые грибы, слева аквариум с тритонами (ВЫРВИ * #% $ СВОИ ГЛАЗА, гласил знак) и обошли большую полку с полулегальными наркотиками.

Деккер походил на жабу. Он не был толстым, но кожа выглядела слишком вялой для пухлого молодого человека, проводящего много времени в солярии. Он ухаживал за собой, волосы выглядели великолепно — чёрные с серебром — прямо как кролик на капоте «фольксвагена». В чёрных глазах не было ни капли приветливости, увидев меня, он нервно облизал губы.

— Здорово, Барт, — произнёс я.

Здесь было несколько покупателей, и никто из них не выглядел достаточно симпатичным. Мерфи достала значок так, чтобы все могли его увидеть, и сказала:

— У нас есть несколько вопросов.

С тем же успехом она могла крикнуть:

— Пожар!

Магазин опустел.

Мерфи стала расхаживать рядом со стойкой порно-DVD-дисков со скидкой и расстегнула куртку, чтобы была видна наплечная кобура. Взяла один диск, посмотрела и бросила на пол:

— Боже, как я ненавижу тех, кто продаёт такое.

— Эй! — крикнул Берт. — Если сломаешь, то должна будешь купить.

— Ну конечно, — сказала Мерфи.

Я оскалился, когда подошёл к нему и положил руки на стол, за которым он стоял. Своеобразное вторжение в личное пространство. Запах одеколона оказался настолько густым, что в нём пули могли застрять.

— Барт, — начал я, — давай обойдёмся без сложностей, ладно? Просто расскажи мне про Каина.

Деккер выпучил глаза, а всё его тело стало совершенно неподвижным. Как у змеи.

— Каина?

Я оскалился ещё сильнее:

— Здоровяк, нечёсаные волосы, похож на обмочившегося слизняка. Заключил сделку с женщиной по кровавому камню, и ты им помогал.

Мерфи остановилась, рассматривая что-то похожее на небольшие дымчатые кварцевые жеоды. Почти чёрные с фиолетовыми прожилками

кристаллы, и назначенная за них цена в несколько сотен долларов была слишком высокой.

— Я не распространяюсь о клиентах, — ответил Деккер. — Это плохо для бизнеса.

Я взглянул на Мерфи:

— Барт. Мы знаем, что ты замешан.

Секунду сержант смотрела на меня, потом вздохнула. И сбросила жеоды с полки. Те рухнули на пол.

Деккер возмутился и начал протестовать, но слова застряли на губах.

— Ты думаешь, что это плохо для бизнеса, Деккер? — спросил я. — А как насчёт здорового парня в сером плаще в твоём магазине по продаже запрещённых товаров? Когда клиенты решат, что на тебя обратил внимание Совет, много их у тебя останется?

Деккер уставился на меня жабьими глазами.

— Упс, — Мерфи уронила очередной кристалл.

— Люди попали в больницу, Барт, — продолжал я. — Среди них Мак, и его избили на территории, объявленной нейтральной в Неписанных Соглашениях.

Барт оскалил зубы. Это было удивление.

— Да, — сказал я. Достал жезл из пальто и направил достаточное количество энергии, чтобы

вырезанные по всей длине руны и печати заблестели слабым оранжевым светом. Запахло палёным деревом.

— Ты же не хочешь, чтобы стало жарко, Берт?

Мерфи сбросила очередной жеод и сказала:

— Я хороший полицейский.

— Хорошо, — уступил Деккер. — Господи, только прекрати. Я буду говорить, но больше так не делай.

— Только не разочаруй меня, — я указал светящимся кончиком взрывного жезла на стол, чтобы предать словам вес. — Мне это не понравится.

Берт поморщился при виде чёрных пятен на поверхности стойки.

— Одна тёлка спрашивала про кровавый камень. Но всё что у меня было — дерьмо из Южной задницы. Говорила, что ей нужен настоящий товар, и окрысилась, когда я сказал, что продал остатки Каину.

— Тебя поимела баба, — встряла Мерфи, — и ты отправил её к осуждённому за изнасилование.

Берт посмотрел на неё лягушачьими глазами.

— Откуда ты знал, где можно найти Каина? — спросил я.

— У него есть дисконтная карта. Чтобы её получить, надо заполнить заявление.

Я взглянул на стеллаж с порно и наркотиками.

— Ясно. Что он собирался делать с кровавым камнем?

— Зачем мне знать про подобное дерьмо? — ответил Берт. — Я просто торговец.

— А чем она собиралась расплачиваться?

— Я что, грёбаная видеокамера?

— Нет, ты соучастник в использовании чёрной магии, Берт.

— Дерьмово, — отозвался продавец, слегка улыбаясь. — Я ни в чём не замешан. Я ничего не сделал. Ты ничего не докажешь.

Мерфи пристально посмотрела на Деккера. Затем демонстративно вышла из магазина.

Я подарил Берту самую лучезарную улыбку:

— Теперь это дело серых плащей, Берт. Мне не нужны доказательства. Мне нужен повод.

Берт уставился на меня. Потом по-жабьи сглотнул.

* * *

— Она заплатила «визой», — обратился я к Мёрфи, когда вышел из магазина. — Медитрина Бассарида.

Мёрфи нахмурилась, заметив моё беспокойство:

— Что не так?

— Ты когда-нибудь видела, как я расплачиваюсь кредиткой?

— Нет. Я думала, что у тебя их просто нет.

— Да ладно, Мёрфи, это не по-американски. Я не связываюсь с ними, потому что рядом со мной магнитная полоса размагнитится за несколько часов.

Она нахмурилась:

— Как и вся электроника. И что?

— Раз Каин испугался магии мисс Бассариды…

Мёрфи поняла:

— Почему она может пользоваться кредиткой?

— Потому что она, скорее всего, не человек. Нелюди могут использовать силу повсюду и не ввязываться в неприятности, если они не хотят. Это также объясняет, почему её послали к Каину преподать урок, но вместо этого Бассарида запугала до смерти.

Мёрфи выругалась:

— Но если у неё есть кредитная карта, значит, она в системе.

— В некоторой степени, да, — сказал я. — Сколько тебе потребуется времени?

Кэри пожала плечами:

— Посмотрим. У тебя есть её приметы?

— Сине-чёрные волосы, зелёные глаза, длин-

ные ноги и большая грудь.

Она посмотрела на меня.

— Спрашивай, — доброжелательно разрешил я. Уверен, что она сдержала улыбку.

— Что ты будешь делать?

— Вернусь в бар Мака, он одолжил мне свой ключ.

Мёрфи покосилась на меня:

— А он знает, что сделал это?

Я положил руку на грудь, словно её слова ранили меня.

— Мёрфи, он мой друг.

* * *

Я зажёг подсвечник, пробормотав несколько слов и шевельнув рукой, затем осмотрел заведение Мака. В столовой царил хаос. Стулья перевёрнуты. Соль из разбитого шейкера рассыпалась на пол. Ни один из предметов мебели не был сломан, но знак в рамке с надписью «Нейтральная территория» разбили, и он валялся рядом с дверью.

Интересная деталь.

За баром, где Мак держал холодильники и печь на дровах, всё было также аккуратно, как в хирургической операционной, за исключением нечищенной печи и нескольких тарелок в рако-

вине. Ничего похожего на разгадку.

Я покачал головой и спустился вниз. Взглянул на блюда. Повернулся и осмотрел пустые полки под баром, где по-прежнему стояла пара ящиков пива. Открыл холодильник и уставился на еду — заурчало в животе. Колбасы. Я сделал бутерброд и стоял, перекусывая, глядя вокруг и размышляя.

Ничего дельного не шло в голову.

Я помыл посуду в раковине, хмурясь и закипая. Я не слишком разогрелся, прежде чем меня поразила догадка.

Здесь было совсем мало пива.

Я закончил есть и продолжил размышлять. Оставалось ли ещё пиво? Нет, я забрал полупустую коробку и отнёс домой. Два других ящика стояли там, где и прежде. Но Мак обычно держит большой запас.

А почему сейчас только два ящика?

Я пошёл к дальнему концу стойки, мысль кружилась в подсознании, где я не мог её поймать. У Мака был небольшой кабинет в дальнем углу с рабочим столом, деревянным стулом и парой шкафов. На стене висели лицензии на продажу пищи и алкоголя.

Я сел за стол и открыл шкафы. Начал просматривать записи и книги. Скучно до невозможности,

согласен, но я должен узнать, что было до того, как дела пошли кувырком.

И именно сейчас меня озарило — дела действительно шли плохо. Я видел смертных колдунов, которые действовали из мелочной злобы, жадности или иных человеческих страстей, чтобы разрушить бар Мака. Люди могут быть удивительно ничтожными. Но здесь замешаны нелюди, а это уже совсем другое дело.

Тот факт, что это Бассарида расплатилась кредиткой, свидетельствует, что она действует системно. Я имею в виду, что ничего не происходит просто так по мановению руки. У неё было время подготовиться. Такая предусмотрительность указывает на наличие схемы, плана и цели. Разгром бара в Чикаго, относится он к нейтральной территории или нет, был отнюдь не главным для обитателей Небывальщины, когда они тайно проникали к смертным.

Происходит что-то значительное. Бар Мака для Бассариды только один из этапов. Или, может быть, начало.

Мак не был колдуном, зато обладал здравым смыслом. Нужно большее, нежели дешёвые трюки, чтобы добраться до его пива, и готов держать пари, что он сделал немало вещей, чтобы быть

в курсе, если кто-то проникнет сюда в его отсутствие. Так что, если кто-то захочет добраться до пива, нужно будет отвлечь внимание.

Например, при помощи Каина.

Он заключил сделку с Бассаридой, полагаю, отдав кровавый камень в обмен за избиение Мака. Таким образом, она причиняет боль Маку и получает взамен камень. Конец истории — все довольны.

Кроме того, что в подобном нет смысла. Кровавый камень не так сложно получить. Зачем сильному волшебнику связываться с Каином и оказывать тому услугу?

Может быть, Каин марионетка — ложный след для преследователей Бассариды. Что делать, если она специально связалась с тем, кто недолюбливает Мака, чтобы я гонялся за ним, пока она… осуществляет задуманное с остальной частью пива?

Что за чертовщина.

Мне потребовалось полтора часа, чтобы найти что-нибудь в архиве Мака — первой оказалась книга. Очень старая книга в переплёте из неокрашенной кожи. Скорее всего, это был журнал с зашифрованными надписями.

Интересно, но сейчас неважно.

Вторая вещь, которую я нашел — чек, на чёртовски большую сумму, а также подробный список того, что было куплено — включая пиво и прочие неземные напитки Мака. Кто-то в «ВордКласс Лимитед» очень много заплатил ему за текущие запасы.

Я достал телефон и позвонил Мёрфи.

— Кто купил злое пиво? — спросила она.

— Дело не в пиве. Оно инструмент. И я не помню, что за компания «ВордКласс Лимитед».

Послышался звук нажимаемых клавиш — Мёрфи вошла в интернет.

— Рестораторы, — ответила она несколько секунд спустя. — Высший уровень.

Я подумал о том, что за хаос может вот-вот наступить на какой-нибудь свадьбе или мицве и вздрогнул.

— Чёрт возьми, — выдохнул я. — Необходимо выяснить, куда они направились.

— Ей-богу, Холмс, — Мёрфи ответила тем же тоном, что я. — А я что делаю?!

— Ах. Извини. Что есть на Бассариду?

— Почти ничего. Нужно ещё несколько часов, чтобы получить информацию по кредитной карте.

— Нет времени. Её не волнует полиция. То,

как она всё спланировала, показывает, что она опасается только подобных мне.

— Разве мы не заодно? — проворчала Мёрфи. — Не гони.

У неё получилось.

— Рестораторы сейчас недоступны, — продолжила она. — Они работают в частных апартаментах на игре «Чикаго Булз».

* * *

Я помчался к стадиону «Юнайтед Центр».

Мёрфи могла начать бить во все колокола, но не стала. Полицейские в униформе и так были на арене и должны были вмешаться в происходящее и пересечься с Бассаридой. Кем бы она не была — она им не по плечу.

Она сбежала бы или, что ещё хуже, мог погибнуть кто-то из полицейских. Таким образом, Мёрфи и я бросились туда, чтобы найти плохую девчонку, прежде чем она, как сказали бы в полиции Чикаго, нажмёт на спусковой крючок.

Всё происходило за полчаса до начала игры, и улицы были переполнены. Я остановился у пожарного гидранта и пробежал полмили до «Юнайтед Центра», куда заходили тысячи зрителей. По пути я купил билет у спекулянта за невообразимую сумму, опустошив карманы

и заработав примерно миллион недовольных взглядов болельщиков «Булз», когда, лавируя и ныряя, двигался сквозь толпу, чтобы попасть внутрь настолько быстро, как только возможно.

Оказавшись внутри, я спустился на самый низший уровень, где кольцо торговых палаток и туалетов окружали проходы на арену; самым оживленным уровнем сейчас был тот, что вёл на дорогой уровень с частными апартаментами. Как только я отдышался, то начал стучать в первые же закрытые двери. Никто не отвечал, пока одну не открыла блондинка в дорогом бизнес-костюме с глубоким декольте — она явно ждала кого-то другого.

— Вы кто? — удивилась она.

Я сверкнул ей своим удостоверением помощника полиции, слишком быстро, чтобы она что-то смогла рассмотреть.

— Департамент алкоголя, табака и огнестрельного оружия, мэм, — произнёс я тоном чиновника, который был похож на мой обычный голос, только более глубокий и напыщенный. Я слышал его от всех бюрократов. — У нас есть информация про партию испорченного пива. Нужно проверить бар и выяснить, есть ли она у вас.

— А, — сказала она и отступила; действовала и

говорила она одновременно. Я предположил, что она, скорее всего, секретарша. — Конечно.

Я вошёл в комнату и направился к бару, подмечая бутылки и открывая кабинеты, пока не нашел одиннадцать тёмно-коричневых бутылок с простой металлической пробкой и литерой «М» — знак Мака.

Я повернулся и увидел, как блондинка протягивает дрожащей рукой двенадцатую полупустую бутылку. Её глаза расширились:

— Хмм. У меня неприятности?

Может быть. Я забрал бутылку и аккуратно поставил рядом с остальными.

— Ты не почувствовала себя больной или что-то подобное? — спросил я, на всякий случай пробираясь к двери — вдруг блондинка возьмёт бейсбольную биту.

Она покачала головой, дыхание участилось. Ухоженные ногти провели по V-образному вырезу блузки.

— Я… я думала, вы знаете, — её лицо покраснело. — Просто с нетерпением жду… игры.

— Угу, — осторожно отозвался я.

Её взгляд вдруг стал тёплым и целеустремлённым. Я не знаю, что это было точно, но она вдруг наполнилась энергией, которая свойственна

всем женщинам и не имеет ничего общего с магией и всем с ней связанным. Казалось, что стало жарче градусов на десять.

— Может быть, вам следует осмотреть меня, сэр.

Я вдруг понял, от чего Мак защищался бейсбольной битой. И отчего они озверели.

Чёрт побери, а я думал, что знаю с чем имел дело.

— Фантастическая идея, — сказал я ей. — Ты оставайся здесь и устраивайся поудобней. Я захвачу что-нибудь сладкое и быстро вернусь.

— Хорошо, — проворковала она. Пиджак соскользнул с плеч на пол. — Не задерживайся.

Я улыбнулся ей, как я надеялся, знойной улыбкой и вышел. Затем закрыл дверь, проверил крепления и сосредоточил волю в ладони правой руки. Сконцентрировал внимание на одном крае двери и прошептал:

— Форзаре.

Металл заскрипел, когда деформировалась дверь. Даже при везении потребуется пара парней с ломами и один-два часа, чтобы открыть её, и надеюсь, блондинка потеряет сознание прежде, чем причинит себе вред.

Мне пришлось проверить ещё три двери, чтобы

найти одного из сотрудников «ВордКласс» — молодого человека в тёмных брюках, белой рубашке и чёрной бабочке, который спросил, может ли он мне помочь.

Я снова выхватил удостоверение.

— Мы получили информацию, что купленная вашей компанией партия частного пива испорчена. Полиция Чикаго уже в пути, но сейчас мне нужна помощь, чтобы собрать бутылки раньше, чем кто-то отравится.

Молодой человек нахмурился:

— Разве это не бюро?

— Простите?

— Вы сказали, что из департамента алкоголя, табака и огнестрельного оружия. А это бюро.

Чёрт возьми, почему я встретил того, кто способен думать про такое?

— Я могу ещё раз взглянуть на удостоверение?

— Смотри, приятель, — ответил я. — Вы получили испорченную партию пива. Если не соберете его — люди пострадают. Ясно? Полицейские уже в пути, но если посетители начнут пить, то будут неприятности.

Он нахмурился и смотрел на меня.

— Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, верно?

Видимо, его умение мыслить не распространяется дальше, чем задавать глупые вопросы действующему из лучших побуждений колдуну.

— Слушай, хм, лучше тебе переговорить с моим боссом.

— Тогда веди меня к нему, — сказал я. — Немедленно.

Парень был не особо сообразительным, но он не был тормозом. Мы поспешили через растущую толпу в одно из вспомогательных помещений, которое его компания использовала в качестве подсобки. Повсюду множество людей в белых рубашках спешили с тележками и охапками всякой всячины от крекеров с сыром до бутылок вина — дюжина пустых деревянных ящиков Мака стояла у одной из стен.

Мой проводник привел меня к выглядящей усталой женщине в костюме ресторатора, которая нетерпеливо выслушала его и прервала на полуслове.

— Знаю, знаю, — отрезала она. — Слушай, я скажу тоже, что и сержанту Мёрфи. Инспектор городского здравоохранения уже здесь и они уже преступили к проверке, а я не собираюсь терять контракт из-за бессмысленной паники.

— Вы уже говорили с Мёрфи? — спросил я.

— Примерно пять минут назад. Отправила её к женщине из города, вроде на втором уровне частных апартаментов.

— Высокая женщина? — спросил, чувствуя, как сводит живот. — Сине-чёрные волосы? Грудастая такая?

— Знаешь её? — Она отрицательно покачала головой. — Слушай, я занята.

— Да, — ответил я. — Спасибо.

Я выбежал обратно в коридор и побежал мимо ящиков, предназначенных для апартаментов, достав жезл и надеясь, что успею спасти Мёрфи.

* * *

Несколько лет назад я дал Мёрфи в некотором смысле ключ от моей квартиры. Это был маленький амулет, который позволял ей проходить сквозь магическую защиту, что защищала мой дом. Я не потрудился сообщить, что у него было и второе назначение — одна из моих личных вещей, и при необходимости я смогу найти её. Кэри оскорбила бы подобная мысль.

Быстро забежав в мужской туалет, я начертил мелом круг на полу, пробормотал заклинание и вышел на след. Оказалось, что я уже пробежал мимо места, где она находилась, и мне пришлось вернуться. Я подумал о том, чтобы вышибить

дверь. Были основания, чтобы ворваться, так сказать, в стиле «Шок и трепет».

Конечно, не стоило проделывать такие вещи на полузаполненной арене, куда продолжали прибывать люди. Так я бы выбил окна, и они упали бы на зрителей. Потому я попробовал просто открыть дверь, и, чёрт возьми…

Она открылась.

Проклятье. Я предпочитаю более драматичное появление.

Я вошёл и увидел богато обставленную комнату с тёмными, густыми коврами, кожаными диванами, баром с закусками, баром с напитками и двумя женщинами, расположившимися на кожаном двухместном диване.

Они подняли головы, когда я закрыл дверь. Выражение Мёрфи было в лучшем случае рассеянным, взгляд затуманился, зрачки расширились так, что вряд ли способны увидеть синий цвет, а губы распухли от поцелуев. Она увидела меня и медленно, чувственно улыбнулась:

— Гарри. Это ты.

Другая женщина одарила меня такой же улыбкой, только более хищной. Её чёрные волосы с синими прядями спускались до плеч. Зелёные глаза с золотыми прожилками смотрели ярко

и пылко. Чувственные губы. Одета в серый деловой костюм: юбка с пиджаком и расстёгнутая до неприличия блузка. Она была такой, как её описал Барт Деккер, — высокая и красивая.

— Итак, — произнесла она глубоким грудным голосом, — это Гарри Дрезден.

— Да, — ответила Мёрфи, глотая слова, словно пьяная. — Гарри. И его жезл.

Она хихикнула.

Боже мой, я имею в виду, она захихикала.

— Мне нравится, как он выглядит, — сказала брюнетка. — Сильный. Интеллектуальный.

— Да, — согласилась Мёрфи. — Я уже давно его хочу. — Снова хихиканье. — Его и его жезл.

Я указал волшебным жезлом на Медитрину Бассарида:

— Что ты с ней сделала?

— Я? — спросила женщина. — Ничего.

Мёрфи покраснела:

— Как сказать.

Женщина томно рассмеялась, поглаживая волосы Кэри:

— Мы только начали. Я поделилась с ней объятьями бога, чародей.

— Я хотела надрать тебе задницу за это, — сказала Мерфи. Она посмотрела вокруг, и я заметил

разбитую лампу на полу и перевёрнутый журнальный столик, на котором та стояла — свидетельства борьбы. — Но мне сейчас так хорошо…

Матовые голубые глаза посмотрели на меня:

— Гарри. Присядь с нами.

— Сделай так, — пробормотала женщина. — Мы хорошо проведём время. — Она откуда-то достала бутылку пива Мака. — Давай. Выпей с нами.

Боже, всё чего я хотел, так это выпить.

Но это было не то, что я имел в виду. Это было неправильно. Я сказал себе твёрдо, что это неправильно. Даже если Каррин поступит с пистолетом в кобуре на плече, как с остальной одеждой.

Или, может быть, это сделано специально для меня.

— Медитрина была римской богиней вина, — вместо этого сказал я. — А бассаридами называли служанок Диониса.

Я кивнул на пиво в руке и продолжил:

— Я думал, что менады предпочитают вино.

Она улыбнулась широкой искренней белозубой улыбкой:

— Любой дух — это дух бога, смертный.

— Их связывает психический канал, — сказал я. — С Дионисом. С богом пьянства и экстатического насилия.

— Разумеется, — ответила менада. — Смертные забыли истинную силу бога. Пришло время напомнить.

— Если ты решила устроить вакханалию, почему не начала с пива, которое бесплатно раздают на арене? Так ты заполучила бы гораздо больше людей.

Она презрительно усмехнулась:

— Его варят в котлах размером с дом при помощи машин, а затем охлаждают. У него нет души. Оно даже своего названия не заслуживает.

— Ясно. Ты презрительно относишься к пиву.

Она улыбнулась, её великолепные зелёные глаза уставились на меня:

— Мне нужно что-то настоящее. Во что творец вложил при создании гордость и любовь.

На самом деле это имело смысл и с технической точки зрения. Магия базируется на множестве вещей, среди них и эмоции. Как только начинаешь массовое производство, то из-за самой природы этого процесса теряешь чувство личной сопричастности к созданному. Для менады это означало бы, что в массово производимое пиво бесполезно вонзать волшебные зубы, и оно не может послужить основой для заклинания принуждения.

Пиво Мака, конечно, готовили с гордостью, я про настоящую личную гордость, а не про корпоративный слоган.

— Зачем? — спросил я её. — Зачем это вообще делать?

— Я не одинока в своих действиях, чародей, — ответила она. — Такова я.

Я нахмурился и склонил голову поближе к ней.

— Смертные забыли богов, — в голосе появился зарождающийся гнев. — Они думают, что Белый Бог изгнал остальных. Но они здесь. Мы здесь. И мне поклонялись в своё время, смертный.

— Может быть, ты не знаешь, но большинство из нас это вообще не волнует. Молнии с небес уже никого не удивляют.

Она зарычала, глаза засветились ещё ярче:

— Конечно. Мы ушли и оставили мир на ваше попечение, и что стало с ним? За две тысячи лет вы отравили и изнасиловали Мать-Землю, которая подарила вам жизнь. Вы вырубили леса, загрязнили воздух, и даже колесница Аполлона потускнела от дыма ваших кузниц.

— И какое к этому отношение имеют массовые беспорядки на матче «Булз»? — потребовал я.

Она улыбнулась, показывая острые клыки:

— Мои сёстры на континенте уже много лет занимаются футбольными матчами. Расширяем поле деятельности.

Она отпила из бутылки, непристойно проведя по ней губами и удостоверяясь, что я заметил.

— Умеренность. Это отвратительно. Мы должны были задушить Аристотеля в колыбели. Алкоголизм — призыв бога болезней! — Она оскалилась на меня. — Нужно преподать урок.

Мёрфи вздрогнула, её лицо исказила злоба, а голубые глаза уставились на меня.

— Прояви уважение к богу, колдун, — прошипела менада. — Пей. Или я познакомлю тебя с Пентеем и Орфеем.

Греки. Оба были разорваны на куски менадами и их смертными подругами во время экстатической оргии.

Дыхание Мёрфи стало ещё учащённей, выступил пот, щёки покраснели, глаза светились похотью и гневом. Она уставилась прямо на меня.

— Ух!

— У меня встречное предложение, — тихо сказал я. — Сними заклинание с пива и сейчас же убирайся из моего города, и тогда я не отправлю тебя «ФедЕксом» обратно в Эгейское море по

частям.

— Если ты не собираешься почитать бога при жизни, — ответила Медитрина, — то ты будешь почитать его после смерти.

Она указала рукой, и Мёрфи бросилась на меня, визжа от первобытной ярости.

Я побежал.

Не поймите меня неправильно. Я сталкивался с множеством вопящих чудовищ. Конечно, никто из них не был симпатичной блондинкой с силой почти как у богини. А у меня оставалось мало вариантов. Очевидно, Мёрфи была не в своем уме. У меня был наготове взрывной жезл, но я не хотел её убивать. Также я не хотел прогуливаться с ней рука об руку. Мёрфи владела боевыми единоборствами, особенно хороша она в ближнем бою и если сумеет меня схватить, то я окажусь в худшей ситуации, чем Каин.

Я бросился к выходу из комнаты в коридор, чтобы Мёрфи не схватила меня и не вывернула руку, как на странном портрете Эшера. Сзади раздался звук разбитого стекла.

Она почти схватила меня, и я, обернувшись, активировал щит в браслете, пытаясь не повредить Кэри. Щит вспыхнул сине-серебряными огнями, когда она приблизилась, а затем отскочила, слов-

но врезалась в твёрдую сталь.

Медитрина следовала за Мёрфи, сжимая в руке разбитую бутылку, белки глаз сверкали зеленью, экстаз и жуткая радость освещали лицо. Она нанесла мне три быстрых изящных удара, и я смог уклониться только от одного. Вспыхнула жгучая боль в подбородке и правой руке — жезл покатился по коридору, отскакивая от ног болельщиков.

Я не эксперт, как Мёрфи, но выучил несколько уроков, и что более важно — побывал в куче передряг. Школа реальной жизни учит быстро, а усвоенное запоминается до мозга костей. Когда я пошатнулся от удара, то использовал его инерцию, чтобы крутануться и подсечь Медитрину. Богиня она или нет, менада была вдвое легче меня и потеряла равновесие.

Мёрфи ударила исподтишка, в груди вспыхнула боль, и она схватила меня за руку прежде, чем я сумел вырваться. Если бы это была моя правая рука, то не уверен, чем бы всё закончилось, но она вцепилась в левую, потому я активировал щит в браслете, фокусируя чистую кинетическую энергию и отбрасывая Кэри.

Мне всё равно, сколько там у вас было занятий по айкидо — они не подготовят к встрече с силовыми полями.

Я сконцентрировал волю и крикнул:

— Форзаре!

Схватил магией пластиковый мусорный контейнер и, резко поведя рукой, швырнул его в Мёрфи. Он тяжело ударил её и отбросил, а я отскочил назад. Медитрина встала на ноги и приближалась с поблескивающей бутылкой в руке.

Она оттеснила меня бару в конце комнаты, и как только её импровизированное оружие устремилось ко мне, я снова поднял щит. Стекло разбилось, и она порезалась — обычный риск, когда пользуешься бутылкой. Но силы удара оказалось достаточно, чтобы пройти сквозь щит и приложить меня спиной об стойку. Я отскочил в какого-то парня, что нёс пиво в пластиковых стаканчиках и весь облился.

Мёрфи прыгнула на меня, навалившись на левую руку, а Медитрина расцарапала лицо ногтями, обе вопили, словно баньши.

Один глаз закрылся, когда его задели, но у меня появился шанс — когда менада сжала горячими, ужасающей силы руками мне горло.

Я выдохнул:

— Форзаре!

И схватился правой рукой за цепочку, свисавшую с вывески на баре.

Тяжёлый деревянный знак, на котором неровными буквами было написано: «Пожалуйста, пейте в меру», покачнулся и по дуге медленно рухнул вниз, ударив Медитрину по голове, словно гигантским кулаком. Когда её оторвало от меня, на моём горле остались кровавые царапины.

Мёрфи изумлённо посмотрела вверх, и я использовал всю свою силу. Мне нужно было убрать её оттуда, прежде чем она присоединится к Бассариде. Я почувствовал, как что-то вывернулось, когда большой палец покинул сустав и взвыл от боли, а вывеска покачнулась назад, хотя и с намного меньшей амплитудой и приложила Мёрфи по макушке.

Затем на нас накинулись посетители, и прибежали полицейские.

* * *

Пока они меня арестовывали, мне удалось их убедить, что пиво Мака испорчено. Они поручили рестораторам изолировать от посетителей напиток, и его отведали совсем немногие. Было несколько случаев бурного поведения, но никто не пострадал.

Меня не ожидало ничего хорошего. В конце концов, я был пропитан «Будвайзером» и напал на двух симпатичных женщин. Меня направили

в вытрезвитель, и я был зол из-за того, что так и не получил своё пиво. Окончательно добивал факт, что я заплатил бешеные деньги за билеты, а игру так и не увидел.

В мире нет справедливости.

Мёрфи появилась в первой половине дня, чтобы выпустить меня. У неё были видны синяк под глазом и кровоподтёк на скуле.

— Скажу прямо, — начала она. — После того, как мы посетили «Контрабандные товары», мы отправились на игру «Булз». Там мы столкнулись с менадой, началась драка, и меня вырубили.

— Типа того.

На самом деле не было смысла говорить что-то иное. Испорченная выпивка лишила её памяти о вчерашнем вечере. Правда ей бы не понравилась.

Чёрт возьми, это беспокоило меня гораздо сильнее, чем хотелось бы.

— Что ж, Бассарида сбежала из больницы, — продолжала Мёрфи. — Таким образом, она не сможет выдвинуть против тебя обвинение. И, учитывая, что ты помогал мне в расследовании, и есть сообщения о побочных эффектах, которые похожи на действие наркотика рогипнол или чего-то подобного, и что ты убедил полицейских

изъять остальные бутылки — мне удалось исключить обвинение в уголовном преступлении. За тобой пьянство и хулиганское поведение.

— Ух ты, — без всякого энтузиазма прокомментировал я.

— Могло быть и хуже, — ответила Мёрфи. Она помолчала и посмотрела на меня несколько секунд. — Ты паршиво выглядишь.

— Спасибо.

Она посмотрела на меня серьёзно. Потом улыбнулась, встала на цыпочки и поцеловала меня в щеку:

— Ты хороший человек, Гарри. Пойдем. Я отвезу тебя домой.

Я улыбался всю дорогу к машине.

10.5 Проклятия (2011)

Большинство моих дел довольно обыденны. Кто-то теряет часть ювелирных изделий, имеющих большую сентиментальную ценность, или кто-то приходит ко мне, потому что они только что переехали в новый дом, и он оказался немного чаще посещаем привидениями, чем указал продавец.

Единственный профессиональный чародей в Чикаго не сидит сложа руки, — но дела обычно не приносят больших денег, в любом случае.

Так что, когда человек в двухтысячедолларовом костюме открывает дверь в мой офис и заходит внутрь, я обращаю на это внимание. Я имею в виду, я не убрал ноги с письменного стола или еще чего нибудь такое. Но я обратил внимание.

Он осмотрел мой офис сверху донизу и нахмурился, как бы не одобряя того, что увидел. затем он посмотрел на меня и сказал:

— Извините, это офис…

— Дольче, — сказал я.

Он моргнул.

— Простите?

— Ваш костюм, — сказал я — Дольче-Габана. Шёлк. Очень классный. Вы должны подумать о пальто, сейчас холодает. В газете написано, что скоро пойдет дождь.

Некоторое время он пристально меня изучал. Он был мужчиной, оставившим лучшие годы позади. Его волосы были выкрашены в слишком тёмный цвет, а костюм, вероятно, прятал несколько лишних фунтов.

— Вы, должно быть, Гарри Дрезден.

Я наклонил голову в его сторону.

— Агент или адвокат?

— И то и другое, — сказал он, ещё раз оглядев мой офис.

— Я представляю профессиональную корпорацию развлечений, которая желает пока остаться неизвестной. Меня зовут Донован. Мои источники проинформировали меня о том, что вы тот человек, который мог бы нам помочь.

Мой офис не представляет собой ничего особенного. Он угловой, с окнами на двух стенах, но обставлен функционально, а не стильно — потертые деревянные конторки, пара удобных стульев, старый металлический шкаф, подержанный деревянный стол, и кофейник, который достаточно стар, чтобы принадлежать неандертальцам. Я

полагал, Донован был обеспокоен тем, что не защитил свой костюм от сомнительных элементов, и сопротивлялся иррациональному импульсу пролить на него половину чашки остывшего кофе.

— Это зависит от многого.

— От чего?

— Что вам нужно, и можете ли вы позволить себе меня.

Донован смерил меня строгим взглядом. Я сверлил его в ответ лучшим из своих.

— Вы намерены вымогать у меня гонорар, мистер Дрезден?

— Каждый пенни в пределах разумного, — сказал я ему.

Он уставился на меня.

— Вы… вы требуете аванс?

— Экономит время, — сказал я.

— Что заставляет вас думать, что я стерплю такое?

— Люди не приходят ко мне, пока не дойдут до полного отчаяния, мистер Донован, — сказал я, — особенно богатые люди, и вряд ли когда-нибудь представители любых корпораций. Кроме того, вы приезжаете сюда, весь такой интригующий и скрытный, не желая выдавать, кто ваш

работодатель. Что означает, что в дополнение к тому, что вы от меня хотите, вы хотите также и моё благоразумие.

— Так ваш повышенный гонорар — это вежливая форма шантажа?

— Стоимость ведения бизнеса. Если вы хотите что-нибудь скрыть от жены, вы делаете мою работу более трудной. Если вы требуете больше, чем мой обычный клиент, то следует ожидать, что вам придется заплатить большую цену.

Он сощурил на меня глаза.

— Сколько вы собираетесь содрать с меня?

Я пожал плечами.

— Давайте выясним. Чего именно вы от меня хотите?

Он встал и повернулся к выходу. Он остановился перед дверью, читая слова «ГАРРИ ДРЕЗДЕН, ЧАРОДЕЙ» на матовом стекле задом наперёд, и взглянул на меня через плечо.

— Я предполагаю, что вы слышали множество историй о проклятиях в местном фольклоре.

— Конечно, — сказал я.

— Я полагаю, вы ожидаете, что я верю в их существование.

Я пожал плечами:

— Они существуют или не существуют неза-

висимо от того, верите ли вы в них, мистер Донован. — Я сделал паузу. — Ладно. Кроме тех, которые не существуют, кроме как в чужих мыслях. Они реальны только потому, что кто-то в них верит. Но, этот вид больше относится не к паранормальному, а к психологии. У меня нет лицензии психолога.

Он скривился и кивнул.

— В таком случае…

Я почувствовал, что слегка заблуждался, поскольку сообразил, о чём мы говорим.

— Проклятие местной индустрии развлечений, — сказал я. — Типа спортивной команды.

Он и виду не подал, как хороший игрок в покер.

— Вы говорите о Проклятии козла, — сказал я.

Донован выгнул брови, снова повернулся ко мне лицом, и почти незаметно кивнул.

— Что вы об этом знаете?

Я выдохнул и запустил пальцы в волосы на затылке.

— Э-э, в 1945 году или около того, владельцу таверны по имени Сианис было предложено покинуть игру Мировой Серии на стадионе Ригли.

Кажется, его любимый козел попал под дождь, и от него плохо пахло. Некоторые болельщики

жаловались. Оскорблённый отсутствием у них дружеских порывов, Сианис наложил проклятие на стадион, заявив, что никогда больше игра ежегодного чемпионата не будет проходить на нём. Ну, на самом деле он сказал что-то вроде: «Эти „Кабс“[35] больше никогда не выиграют», но Мировая Серия — общая интерпретация.

— И? — спросил Донован.

— И я думаю, что если бы меня выгнали с игры Серии, которую я с нетерпением ждал, я мог бы сделать то же самое.

— У вас есть козёл?

— У меня есть лось, — сказал я.

Примерно секунду он удивлённо моргал, ничего не понимая, и решил проигнорировать.

— Если вы в курсе, то вы должны знать, что многие люди верят, что проклятие сработало.

— Когда там проводились Серии, болельщики «Кабс» заполняли стадион до отказа, но после 1945-го команда села в лужу, — признал я. — Неважно, как сильно они стараются, стоит их игре наладиться, как сразу что-нибудь идет не так в самый неподходящий момент. — Я сделал паузу. — Я могу попробовать.

---

[35] Примечания: 35

«Чикаго Кабз» (англ. «Chicago Cubs») — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной лиге бейсбола (прим. верстальщика).

— Вы что, фанат?

— Больше родственная душа.

Он снова оглядел мой офис и слегка улыбнулся.

— Но вы следите за командой.

— Я хожу на игры, когда могу.

— В таком случае, — сказал Донован, — вы должны знать, что в этом году команда хорошо играет.

— И «Кабс» хотят нанять вашего покорного слугу, чтобы предотвратить проклятие, прежде чем опять случится какая-нибудь фигня.

Донован покачал головой.

— Я никогда не говорил, что организация «Кабс» была вовлечена.

— Занятная история, особенно, если они всё-таки замешаны.

Донован строго нахмурился.

— «Сан-Таймс» бы напечатала это на первой странице. «„КАБС“ НАНЯЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЧАРОДЕЯ, ЧТОБЫ СНЯТЬ ПРОКЛЯТИЕ», может быть. Рик Моррисси здорово повеселился бы над такой историей.

— Мои клиенты, — твердо сказал Донован, — уполномочили меня вознаградить ваши услуги

по этому вопросу, если это можно сделать быстро и с максимальной осмотрительностью.

Я убрал ноги со стола.

— Мистер Донован, — сказал я, — никто так не осмотрителен, как я.

* * *

Через два часа после того, как я начал свои подсчеты, я положил карандаш на лабораторный стол и потянулся, разминая спину.

— Ты прав.

— Конечно, я прав, — сказал Боб Череп. — Я всегда прав.

Я окинул высохший, отбеленный человеческий череп, стоящий на полке среди стопок романов в мягкой обложке, сверлящим взглядом.

— В некотором смысле прав, — поспешно поправился он.

Слова были примирительными, но в глазницах черепа весело танцевали мерцающие огоньки.

Моя лаборатория находится в подвале моей полуподвальной квартиры. Там темно, прохладно и сыро, по существу это бетонный бункер, в который я спускаюсь при помощи складной лестницы. Это небольшое помещение, заставленное мебелью. Множество полок стонут под тяже-

стью книг, свитков, документов, алхимических инструментов и сосудов, наполненные всякой магической всячиной.

Ещё там есть вделанный в пол серебряный магический круг и масштабная модель города Чикаго на длинном столе, занимающем середину комнаты. Единственная полка, которая ещё не забита до отказа — та, на которой стоит Боб, и даже она иногда становится немного переполненной. Боб — мой более или менее верный, не очень надежный помощник, дух разума, который живет в специально зачарованном черепе. Может, я и чародей, но знания Боба по части магии заставляют меня выглядеть подмастерьем.

— Ты уверен, что ничего не упустил? — спросил я.

— Ничего определенного, босс, — сказал череп философски. — Но ты сделал уравнение. Ты знаешь силу, требующуюся для заклинания, продолжающего работать до сих пор.

Я мрачно хмыкнул. Циклы времени в мире ослабляют непрерывную магию, а средней силы чары не продержатся дольше нескольких дней. Для проклятия, действующего с 1945 года, оно должно было бы начаться со злобных чар, достаточно мощных, чтобы пробурить отверстие

через кору планеты. Учитывая отсутствие лавы в этом районе, получается, что чем бы ни было Проклятие козла, я могу быть уверен, что это не было простой магической работой.

— Легко никогда не бывает, — пожаловался я.

— А чего ты ожидал, босс? — сказал Боб.

— Да… вариант одного заклятия не пройдет, — проворчал я.

— Да, — сказал Боб.

— Что означает, либо проклятие подпитывается чем-то, что восстанавливает его энергию, либо кто-то обновляет эту штуку постоянно.

— Что насчет семейки этого парня, Сианиса? — сказал Боб. — Возможно, они каждые несколько дней накладывают свежий сглаз или что-нибудь ещё.

Я покачал головой.

— Я послал запрос в Эдинбург. Стражи проверили их ещё несколько лет тому назад, когда всё это началось, и они не практики. Кроме того, они фанаты Кабс.

— Стражи проверили грека, но не проклятие? — с любопытством спросил Боб.

— В 1945 году Белый Совет сделал всё, что мог, пытаясь смягчить негативную ауру от всех этих артефактов, собранных нацистами, — сказал

я. — Как только они установили, что ни одна жизнь не была в опасности, они действительно не волновались, если куча парней играет в игру с проклятием.

— Так каков твой следующий шаг?

Я задумчиво постучал пальцем по подбородку.

— Пойдём взглянем на стадион.

* * *

Я засунул Боба в авоську. в которой иногда перевожу его и, по его настоянию, повесил её возле заднего зеркала моей машины, потрепанного старого Фольксвагена-Жука. Он висел, раскачиваясь взад и вперёд, а иногда и вращаясь то в одну, то в другую сторону, когда что-то привлекало его взгляд.

— Только посмотри на эти ножки! — сказал Боб. — Нет, ты только глянь на неё! Эй, фьють, ночью может быть холодновато!

— Вот по этой причине мы и не выходим чаще, Боб, — вздохнул я. Я должен был хорошо подумать, прежде чем проехать через район клубов на пути к Ригли.

— Мне нравятся брючки у девчонок в этом столетии, — сказал Боб. — Типа, взгляни на эти джинсы. Чуток потяни — и сползут.

Меня это не проняло.

Я припарковал машину в нескольких кварталах от стадиона, сунул Боба в карман черного кожаного плаща, и вошел. «Кабс» играли на выезде, а Ригли был закрыт. Это было хорошее время, чтобы простучать всё внутри, но так как Донован был явно готов отрицать и отвергать все знания, я не собираюсь просто стучать в двери и бродить везде.

Поэтому я вскрыл пару замков на служебном входе и вошел внутрь. Я не взломал их со скоростью профессионального грабителя или кого-то вроде — я знал пару парней, которые могли бы открыть запоры с помощью набора отмычек так же быстро, как ключами — но мне зато не грозило получить штраф за праздношатание и воровство. Однажды я уже был внутри, поэтому направился прямо к главному вестибюлю. Если бы я слонялся по административным единицам стадиона, меня, вероятно, прервала бы полномасштабная система наблюдения, и единственное, что я мог бы сделать в таком случае, это полностью её отключить, а большинство систем достаточно умны, чтобы оповестить соседнюю службу безопасности, когда это произойдет. Помимо всего прочего. Я искал то, чего не бывает в любом офисе.

Я достал Боба из кармана, так что мерцание оранжево-золотых огней глаз освещало пространство передо мной.

— Ладно, — пробормотал я. Я понизил голос, на всякий случай, если ночной сторож может быть на дежурстве и рядом. — Я злюсь на фанатов, и я накладываю на них проклятие. С чем оно будет связано?

— Чтобы никаких вопросов не возникло по этому поводу, так? — спросил меня Боб.

— Игровое поле, — сказали мы одновременно.

Я стал осторожно продвигаться вперед. Не создавать шум, когда ты рыщешь вокруг, не так уж и сложно, конечно, если ты никуда не спешишь. Серьёзные профессионалы могут всё, кроме забега в абсолютной тишине, но главное, что здесь необходимо, это не резвость, это — терпение и спокойствие. Так что я двигался медленно и спокойно, и это сработало, потому что никто не поднял шум и крик.

Пустынный, неосвещённый стадион был… просто неправильным. Я привык видеть Ригли сверкающим от солнечного света или прожекторов, наполненным болельщиками, и музыкой, и ароматами слишком дорогой, жирной и доставляющей необъяснимое удовольствие пищи. Я

привык к крикам продавцов, постоянному, похожему на морской прибой, шуму толпы и гулу самолётов, пролетающих над головой, волоча за собой баннеры.

Сейчас Ригли Филд был большой, тёмный и пустой. Было что-то печальное в этом безмолвии — акры мест, где никто не сидел, зеленое и красивое поле, на котором никто не играл, табло, на котором было нечего читать, и не было никого, чтобы что-то прочесть. Если бы боги и музы пожелали спуститься с Олимпа и вылепить нереализованный потенциал в виде физической формы, они бы не нашли модели более подходящей, чем это пустынное помещение.

Я спустился по бетонным ступеням и кружил по бейсбольной площадке, пока не добрался до сидений позади игрового поля. Оказавшись там, я достал Боба и спросил:

— Что у нас есть?

Огоньки глаз черепа вспыхнули ярче на секунду, и он фыркнул.

— О, да. Безусловно, то, с чем связано проклятие, прямо здесь.

— То, что поддерживает его действие? — спросил я. — Здесь внизу проходит лей-линия, или что-то ещё?

— Что-то негативное, босс, — сказал Боб.

— И давно?

— Возможно, несколько дней, — ответил череп. — Может, и больше. Это очень плотное переплетение.

— Как же так?

— Это заклинание сопротивляется износу лучше, чем большинство разновидностей магии смертных. Оно эффективное и прочное — гораздо искуснее, чем ты мог бы сотворить.

— Ну и дела. Спасибо.

— Я называю его так, как вижу, — сказал Боб весело. — Итак, либо более опытный член Белого Совета спонсирует это проклятие и обновляет его так часто, либо…

Я понял.

— Либо проклятие был помещено здесь не смертным.

— Ага, — сказал Боб. — Но это мог быть кто угодно.

Я покачал головой.

— Не обязательно. Вспомни, что проклятие наложено на стадион во время игры Мировой Серии в 1945 году.

— Почему? — спросил я.

— Что?

— Почему? — повторил я. — Почему это теоретическое существо решило наложить проклятие на Кабс?

— Многим существам из Небывальщины действительно не нужна мотивация.

— Уверен, что она им нужна, — возразил я. — Логика, стоящая за тем, что они делают, может быть, чужеродная или вывернутая наизнанку, но она для них имеет смысл. — Я махнул рукой в сторону стадиона. — Этот некто не только наложил проклятие на то, что связано с силой человеческих эмоций, оно продолжает действовать, неделю за неделей, год за годом.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, босс.

— Тот, кто это сделал, затаил обиду, — сказал я задумчиво. — Это месть за жестокое оскорбление. Это личное дело.

— Может быть, — сказал Боб. — Но, может быть, эмоциональное состояние стадиона усилило проклятие Сианиса. Или может, после того, как выперли со стадиона Сианиса, который не имел достаточно сил, чтобы проклясть кого-то на самом деле, некто решил сам это устроить.

— Или, может быть… — Мой голос затих, и я расхохотался. — Ох. О-о, это забавно.

Боб развернулся на моей ладони, чтобы посмот-

реть на меня.

— Это не Сианис наложил чары на «Кабс», — сказал я, улыбаясь. — Это был козёл.

* * *

Таверна и гостиница Ллин-ы-Ван-Вах расположена внизу, на берегу озера, на северной окраине города. Неоновая реклама снаружи кричала «ПАБ», словно пыталась перекричать шум драки футбольных хулиганов. У здания были белые оштукатуренные стены и тяжелые перекрытия из морёного дерева. Деревянная вывеска на шесте над дверью оглашала имя таверны, а нарисованные на ней лук-порей и нарцисс скрестились на манер мечей.

Я повернул к таверне и вошёл. Внутренняя отделка совпадала с внешней, продолжая тему морёного дуба — деревянные полы, стены, мебель. Было уже за полночь, что не было на самом деле так уж поздно для тусующихся по барам, но Таверна Ллин-ы-Ван-Вах была почти пуста. Здоровенный рыжий парень, сидевший на стуле у двери, сердито посмотрел на меня. Его бицепсы были достаточной толщины, чтобы носить шины от грузовика вместо нарукавных повязок. Он пялился на меня своими телескопами, на что я

постарался не обращать внимания, пока подходил к стойке.

Я уселся на стул и кивнул барменше. Она была красивой женщиной с чёрными как смоль волосами и горделивой осанкой. Её белая рубашка в стиле ренессанс полностью соскользнула с её точёных плеч и держалась лишь за счёт тёмного кожаного бюстье. Она была занята протиранием стойки. Бюстье было занято приподниманием и подчёркиванием.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Светло-зеленые глаза блеснули в мою сторону, улыбка потеплела.

— А, так вы высокий, не так ли? — сказала она с сильным британским акцентом, откуда-то ближе к Кардиффу, чем к Лондону.

— Только тогда, когда встаю.

Её глаза засверкали от весёлого лукавства.

— Такое преступление. Что будете пить, любовь моя?

— У вас есть какое-нибудь холодное пиво? — спросил я.

— Здесь нет колониального пойла, — ответила она.

— Снобы, — сказал я, улыбаясь. — А нет ли у вас тёмного МакЭнелли? Чего-то из настоящего

пива Мака.

Её брови взметнулись вверх.

— Фью. На мгновение мне показалось, будто к нам забрёл дикарь.

Она широко мне улыбнулась, зубы у неё были ровные, крепкие и белые, и подошла ко мне, прежде чем нагнуться и выудить тёмную бутылку из-под стойки.

Я оценил её вежливо и политически грамотно.

— Это шоу входит в цену напитка?

Она открыла бутылку профессионально ловким движением и поставила её передо мной вместе с чистой кружкой.

— У меня щедрая душа, милый, — сказала она, подмигивая. — Зачем назначать цену, если я могу заниматься бескорыстной благотворительностью?

Она налила пива в кружку и поставила её на салфетку передо мной. Потом пододвинула ко мне миску с орешками.

— Предпочитаете пить в одиночку?

— Это зависит от того, позволите ли вы мне купить бутылочку для вас.

Она рассмеялась.

— А вы похоже, джентльмен? Сэр, вы, наверное, приняли меня за шлюху, если вы думаете, что я

бы согласилась выпить с чужаком.

— Я Гарри, — сказал я.

— И теперь мы больше не незнакомцы, — ответила она, и достала ещё одну бутылку эля. Повторение номера потребовало некоторого времени, и она наблюдала за мной, пока этим занималась. Она выпрямилась так же медленно и открыла свою бутылку, после чего нежно обхватила её горлышко губами и неторопливо отпила. Потом она выгнула бровь, вопросительно посмотрела на меня и сказала:

— Заметили что-нибудь ещё, что вам нравится? Что-то вкусненькое, может быть?

— Я боюсь, что я из тех, кто любит ушами, — сказал я. — Есть минутка поговорить со мной, Джилл?

Ее улыбка тут же погасла.

— Я никогда не видела вас здесь раньше. Откуда вам известно моё имя?

Я сунул руку под одежду и вытащил свой пентакль, позволив ему упасть поверх футболки. Джилл изучала его несколько секунд, затем снова взглянула на меня. Её рот открылся в беззвучном «о!» понимания.

— Чародей. Дрезден, да?

— Гарри, — сказал я.

Она кивнула и сделала ещё один осторожный глоток пива из своей бутылки.

— Расслабьтесь, — сказал я. — Я здесь не по делам Совета. Но мой друг среди Доброго Народа сказал мне, что вы тот человек, с которым можно поговорить о Тильвит-Тегах.

Она склонила голову набок и слегка улыбнулась.

— Я не знаю, чем я могла бы помочь вам, Гарри. Я всего лишь рассказчица.

— Но вы знаете о Тильвит-Тегах.

— Я знаю рассказы о них, — возразила она. — Это не то же самое, что знать их. Не в том смысле, что беспокоит ваш народ.

— Я сейчас вовсе не занимаюсь политикой между членами Неписаного Соглашения, — сказал я.

— Но вы один из чародеев, — сказала она. — Вы, разумеется, и так знаете всё, что я могу рассказать.

— Я ещё довольно молод для всезнайки. И никто не может знать всё, — сказал я. — Мои знания о Добром народе довольно обширны, но ограничены Зимней и Летней Династиями. Я знаю, что Тильвит-Тег — независимое королевство Диких фэйре. Истории могут дать мне то, что мне нужно.

Блеск вернулся в её глаза на мгновение.

— Это первый раз, когда мужчина, с которым я флиртовала, говорит мне, что всё, что ему нужно, это истории.

— Я бы мог с тоской взирать на ваше декольте, пока вы рассказываете, если хотите.

— Учитывая, сколько неприятностей я терплю ради того, чтобы его демонстрировать, это будет казаться вежливым.

Я с притворной застенчивостью опустил взгляд на её грудь.

— Ну, если надо.

Она залилась смехом, который проделал весьма соблазнительные вещи с верхней частью её тела.

— Какими историями вы интересуетесь, в частности?

Джилл задумчиво кивнула и отхлебнула еще пива.

— Ну, — сказала она, — козы были их любимыми существами. Те из Тилвит-тегов, которые уважали быт смертных, частенько выполняли их поручения. Одним из наиболее распространенных была стрижка козлов — чистка их меха и расчесывание их бород в воскресенье утром.

Я достал блокнот из кармана плаща и начал

делать заметки.

— Угу.

— Тильвит-Теги были оборотнями, — продолжила Джилл. — Это маленький народец, их рост всего пара футов, и, хотя они могли принимать любую форму, они, как правило, превращались в довольно мелких животных — лис, кошек, собак, сов, зайцев и…

— И коз?

Она подняла брови.

— И коз, да. И временами случались очень странные истории. Ещё страннее, чем с одним валлийским фермером, который умудрился захватить невесту у Тильвит-Тегов, а проснувшись, обнаружил козу рядом с ним в его постели, когда, взяв жену за руку, почувствовал под пальцами раздвоенное копыто.

— Веркозлы, — пробормотал я. — Иисусе.

— Они мастера обмана и мошенничества, — продолжала Джилл. — И нам, смертным, весьма рекомендуется проявлять к ним должное уважение, если мы вторгаемся на их территорию.

— А что случится, если проявить неуважение?

Джилл покачала головой.

— Это будет зависеть от состава преступления, и от того, кто из Тильвит-Тегов был оскорблён.

Они способны на всё, что угодно, если их гордость была уязвлена

— Обычный ответ для Прекрасного Народа? — спросил я. — Неудачи, похищение детей, и тому подобное?

Джилл покачала головой.

— Гарри, милый, и Летняя, и Зимняя Королевы не убивают смертных, а также осуждают принятие таких мер их слугами. Но высокородные Тильвит-Теги не имеют таких ограничений.

— Они убивают? — спросил я

— Они могут, не сомневайтесь, и запросто убьют в качестве акта мести, — серьезно сказала Джилл. — Они всегда отвечают адекватно — стоит толкнуть слишком сильно, и они могут пришибить.

— Чёрт, — сказал я. — Какие злые феи.

Джилл резко втянула в себя воздух, и глаза её ярко заблестели.

— Что ты сказал?

Я внезапно осознал, что здоровенный рыжий тип у двери поднялся на ноги.

Я снова отхлебнул немного пива и положил блокнот обратно в карман.

— Я назвал их феями, — протянул я.

Половицы скрипели под тяжестью Рыжего

Громилы, идущего ко мне.

Джилл смотрела на меня глазами, которые казались твердыми и хрупкими, как стекло.

— Каждый из вас, чародей, должен знать, что это слово является оскорблением для… них.

— О, пожалуй, — сказал я. — Они здорово расстроились, когда их так назвали.

Тень упала на меня. Я отхлебнул ещё пива, не поворачиваясь, и сказал:

— Разве прямо здесь начали строить здание?

Рука размером с рождественский окорок упала на мое плечо, и Рыжий Громила прорычал:

— Ты что, хочешь, чтобы я какую-нибудь отметку поставил?

— Давай, Джилл, — сказал я. — Не мучайся. Это не так, хотя ты изо всех сил пытаешься всё это скрыть. Ты оставила множество подсказок для игры.

Джилл смотрела на меня с непроницаемым видом и молчала. Я начал загибать пальцы.

— Ллин-ы-Ван-Вах — это озеро, священное для Тильвит-Тегов в Старом свете. Трудно найти что-то более валлийское для герба, чем лук-порей и жёлтый нарцисс. И ты называешь себя Джилл, — это довольно милая маскировка для прикрытия присутствия одной из Джили Ффрутан.

Я наклонил голову назад, чтобы указать на Рыжего Громилу.

— Подмёныш, верно?

Пальцы Рыжего Громилы сжались достаточно, чтобы причинить боль. Я начал слегка беспокоиться.

Джилл подняла руку, и Рыжий Громила сразу меня отпустил. Я слышал скрип половиц, когда он ушел. Она смотрела на меня еще несколько секунд, потом слабо улыбнулась и сказала:

— Маска — это более чем достаточно, когда никто не смотрит на лицо над бюстом. Что нас выдало?

Я пожал плечами.

— Кто-то должен был регулярно обновлять заклинание, наложенное на Ригли Филд. Этим кем-то должен был быть кто-то местный. Тут я вспомнил, что Добрый Народ Уэльса имеет довольно уникальное сходство с козлами, остальное было лишь вопросом беготни.

Она допила пиво одним большим глотком, её глаза снова вспыхнули.

— И моя собственная реакция на оскорбление была вишенкой на вершине.

Я осушил свою кружку и скромно пожал плечами.

— Я прошу прощения, что говорил так грубо, леди. Но только так я мог удостовериться.

— Сильный, умный и вежливый, — пробормотала она. Она наклонилась вперед, над стойкой, и стало действительно трудно не заметить её груди. — Мы с тобой могли бы поладить.

Я подмигнул ей и сказал:

— Ты пытаешься отвлечь меня, и весьма успешно. Но я хотел бы поговорить с кем-нибудь из ответственных за чары, наложенные на Ригли.

— А кто сказал, что наш народ занимается такими вещами?

— Ложбинка между твоих грудей, — ответил я. — В противном случае, почему ты пытаешься меня отвлечь?

Она издала ещё один смешок, хотя этот был более мягким и серебристым, звенящим и неземной тональности, так что моим ушам показалось, словно кто-то с фантастическими губами нежно подул в них.

— Даже если это так, то что заставляет тебя думать, что мы изменили бы это переплетение сейчас?

Я пожал плечами.

— Может быть, это вы. Возможно, вы ни при чём. Я только прошу, пожалуйста, поговорить на-

едине с имеющим власть над проклятием, чтобы обсудить, что можно сделать по этому поводу.

Она внимательно посмотрела на меня, прищурившись, и снова не ответила.

— Я сказал «пожалуйста», — я указал на неё, — и я купил тебе пива.

— Правда, — пробормотала она, а потом улыбнулась мне, что заставило мою кожу почувствовать, словно я стоял рядом с костром. Она махнула своей белой тряпкой, и сказала, обращаясь к Рыжему Громиле:

— Присмотришь за магазином немного?

Он кивнул ей и уселся в кресло. Джили Ффрутан вышла из-за стойки, покачивая бедрами восхитительно женственными движениями. Я встал и предложил ей руку в своём лучшем старомодно-изысканном стиле. Это заставило ее улыбнуться, и она положила руку мне на предплечье легко, едва касаясь.

— Это, — сказала она, — должно быть интересно.

Я снова улыбнулся ей, и спросил:

— Куда мы идем?

— Пожалуй, в Аннун, любовь моя, — ответила Джили Ффрутан, произнося это как «Ах-нуун». — Мы идем в страну мёртвых.

* * *

Я последовал за Джили Ффрутан в заднюю комнату трактира и вниз по узкой каменной лестнице. В подвале были бетонные стены и плотно утрамбованный земляной пол. Одна стена представляла собой многоярусный стеллаж с богатым ассортиментом выпивки. Мы прошли мимо него, пока я восхищался формами и движениями Джили Ффрутан, и думал о том, окажутся ли её волосы такими же мягкими на ощупь, как выглядели.

Она бросила на меня лукавый взгляд через обнажённое плечо.

— А теперь расскажите мне, юный маг, что вы знаете о моём роде.

— Что они являются благородными дамами племени Тильвит-Тегов. И что они невыразимо прелестные, очаровательные и любезные, как, например вы, леди.

И что они могут стать психованными адскими суками, если ущемить их гордость.

Она снова рассмеялась.

— Низкая лесть, — сказала она, явно довольная. — Но, по крайней мере, вы делаете это хорошо. Вы довольно ясно сформулировали —

для смертного.

Мы всё дальше уходили от света, льющегося с лестницы, тени всё сгущались, пока она не сделала рукой небрежный жест, и мягкий голубой свет без видимого источника заполнил помещение вокруг нас.

— Вот мы и пришли.

Она остановилась рядом с кольцом больших коричневых грибов, которые росли из пола. Я протянул потусторонние чувства к кольцу, чувствуя дрожь энергии, проходящей сквозь воздух в круге, словно молчаливое гудение высоковольтных линий электропередач. Материя реальности здесь была тонкая, легко рвущаяся. Кольцо грибов было дверью, порталом, ведущим в Небывальщину, мир духов.

Я слегка поклонился Джилл и сделал церемонный жест.

— После вас, леди.

Она улыбнулась мне.

— О-о, мы должны пройти вместе, чтобы вы не заблудились в пути.

Она слегка провела кончиками пальцев сверху вниз по моей руке. Её теплые пальцы переплелись с моими, и этот жест был почти непристойно интимным. Роль мозга в принятии решений была

полностью отрезана гормонами, и мне пришлось приложить серьезные усилия, чтобы не поправлять свои штаны. Та часть моей головы, которая всё ещё работала, была сильно озабочена вот чем: есть слишком много тварей во Вселенной, которые используют сексуальное желание, как оружие, — и мне пришлось постараться, чтобы не отдёрнуть руку от Джили Ффрутан.

Будет чертовски плохой идеей ущемить её гордость подобной демонстрацией.

И, сверх того, мои гормоны сказали мне, что она выглядит великолепно. А пахнет даже лучше. И её кожа удивительно приятная на ощупь. И…

«Тихо, вы», — прорычал я своим гормонам себе под нос.

Она выгнула бровь.

Я натянуто ей улыбнулся и сказал:

— Это я не вам. Разговаривал сам с собой.

— А, — сказала она.

Она скользнула взглядом вниз, на уровень ниже моей талии и обратно, ухмыляясь. Потом она сделала шаг вперед, втянула меня в кольцо грибов, и подвал затуманился и отдалился, как если бы тень древней горы упала на нас.

Потом тень поднялась, и мы оказались в другом месте.

И здесь надо добавить, что мои чувства буквально не выдержали. Тьма сменилась светом, движением, музыкой, ничего подобного я никогда прежде не видел, — а я побывал в самых диких местах Чикаго и на паре вечеринок, которые вообще проходили за пределами нашей реальности.

Мы стояли в кольце грибов посреди пещеры. Но, на самом деле, такое описание не даёт полного представления. Обозвать зал Тильвит-Тегов пещерой примерно то же самое, что назвать Тадж-Махал могилой. Технически это точно, но это не годится даже для приблизительного описания.

Стены вздымались вокруг меня, стены из необработанного натурального камня, но почему-то имевшие поверхность полированного прекрасного мрамора, в прожилках с нитями серебра и золота, и даже редких металлов, освещенную таким же не имеющим видимого источника сиянием, какое Джили Ффрутан вызвала в Чикаго. Они поднимались надо мной со всех сторон, и так как я недавно побывал на Ригли, у меня был свежий взгляд, чтобы сравнить их: если Ригли был больше, то не намного.

Воздух был полон музыки. Только я называю

это «музыка», потому что нет адекватных слов, чтобы это описать. В сравнении с любой музыки, которую я слышал когда-нибудь, это разница между звоном ножных колокольчиков и симфонией Моцарта, трепещущей от страсти, веселья, пульсирущей между древней печалью и свирепой радостью. Каждый удар заставлял меня чувствовать себя так, словно я примусь либо плакать, либо танцевать, или и то, и другое одновременно.

И танцоры… я помню, мужчины и женщины, и шелка, и бархат, и драгоценности, и множество золота и серебра, и грация, которая заставила меня чувствовать себя огромным, неуклюжим и медлительным.

Нет слов.

Джили Ффрутан шагнула вперед, увлекая меня за собой, и когда она пошла, она изменялась, с каждым шагом становясь меньше, одежда её также изменялась, пока она не оказалась одета, как остальные, в украшенное драгоценными камнями платье, которое оставило так же много неприкрытым, и так же привлекательным, как и предыдущий наряд. Это не казалось странным, в то время как её рост всё уменьшался. Я просто почувствовал себя невероятно огромным, чужа-

ком, пришельцем, безнадежно негабаритным для этого места.

Мы двинулись вперед, между танцорами, которые развернулись и упорхнули с нашего пути. Моя спутница продолжала уменьшаться, пока я не вынужден был идти наполовину сгорбленным, а вся её рука оказалась охватившей около половины одного из моих пальцев.

Она повела меня в дальний конец зала, остановившись несколько раз, чтобы обратиться на музыкальном диалекте к кому-то в группе, к одному из других племён Чудесного Народа. Мы прошли мимо миниатюрного стола, рассчитанного на не такой уж миниатюрный праздник, и мой желудок вдруг сообщил мне, что он ни разу не принял и унции питания, и, что действительно прошло много времени с тех пор, когда я последний раз поел. Я успел делать несколько шагов к столу, прежде чем заставил себя свернуть в сторону.

— Разумно, — сказала Джили Ффрутан. — Если, конечно, вы не желаете остаться.

— Пахнет вкусно, — ответил я хрипло. — Но это не «Бургер-Кинг».

Она снова рассмеялась, положив пальцы одной руки на всё ещё пропорционально внушитель-

ную грудь, и мы прошли из большого зала в небольшую пещеру — она была размером всего-то с железнодорожный вокзал. Там были охранники — стража в доспехах, украшенных драгоценностями, в шлемах с кольчужной бармицей, охранники, едва выше моего колена, но охранники тем не менее, вооружённые мечами, копьями и луками. Они стояли по стойке «смирно» и смотрели на меня холодными, строгими глазами, когда мы проходили мимо них. Моя спутница казалась восторженно самодовольной всем этим делом.

Я прочистил горло и спросил:

— С кем мы увидимся?

— С тем, любовь моя, кто единственный имеет власть над проклятием Ригли Филд, — сказала она. — Его Величеством.

Я сглотнул.

— Король вашего народа? Гвинн ап Нудд, не так ли?

— Точнее, Его Величество, — раздался голос, высокий тенор, и я поднял глаза, чтобы увидеть одного из Прекрасного Народа сидящим на троне, поднятом на несколько футов над полом зала, так, что мои глаза оказались на одном уровне с его. — Возможно даже, Его Величество, сэр.

Гвинн ап Нудд, правитель Тильвит-Тег, был высокий, — для своего народа, во всяком случае, — широкоплечий, и отличался суровой красотой. Одет во что-то из темно-синей ткани, имеющей текстуру бархата, но гладкость и эластичность шёлка, у него были крупные кисти рук, которые выглядели грубыми и сильными. Его длинные волосы и борода были ухожены, с симметричными линиями серебра, и драгоценные камни сверкали на его пальцах и на его лбу.

Я немедленно замолчал и глубоко поклонился, убедившись, что моя голова склонилась ниже, чем король волшебной страны, и я стоял так довольно долго, прежде чем снова выпрямился.

— Ваше Величество, сэр, — сказал я вежливым тоном. — Вы были весьма любезны и щедры, даруя мне аудиенцию. Это прекрасно свидетельствует о Тильвит-Тегах как народе, раз такой человек предводительствует ими.

Король Гвинн уставился на меня долгим взглядом, прежде чем позволить себе ворчание недоверия, смешанного с мрачным удовлетворением.

— По крайней мере, они послали того, кто хоть наполовину имеет толк в манерах.

— Я полагала, вам это нравится, Ваше Величество, — сказала Джили Ффрутан, улыбаясь. —

Разрешите представить вам Гарри Дрездена, чародея, кавалера ордена Серого Плаща, когда-нибудь смертного Чемпиона Королевы Мэб и эсквайра при Дворе Королевы Титании. Он смиренно просит о разговоре с вами о проклятии на Поле Ригли, в цитадели смертных Чикаго.

— Мы знаем, кто он, — раздраженно сказал Гвинн. — И мы знаем, зачем он здесь. Возвращайся на свой пост. Мы проследим за тем, чтобы он благополучно вернулся.

Джили Ффрутан присела в глубоком, выставляющем на обозрение её прелести, реверансе.

— Конечно, Ваше Величество.

Затем она просто исчезла в сверкающем облаке света.

— Стража, — крикнул король Гвинн. — Оставьте нас.

Охранники выглядели недовольными, но собрались и вышли, каждый двигался синхронно с другими. Гвинн подождал, пока последний из них покинул зал и дверь захлопнулась, прежде чем повернуться ко мне.

— Итак, — сказал он. — Кто играет в Сериях в этом году?

Я удивлённо заморгал. Это не был один из тех вопросов, что я ожидал.

— Гм. Американская Лига, я в некотором роде болею за Тампа Бэй. Я хотел бы посмотреть, как они разделаются с «Янки».

— Да уж, — сказал Гвинн, энергично кивая. — Кто же не хочет. Треклятые «Янки».

— И в Национальной Лиге, — сказал я, — «Кабс» сейчас неплохо смотрятся, хотя я видывал, как «Филадельфийцы» выкидывали что-то в последнюю минуту. — Я пожал плечами. — Я имею в виду, поскольку болельщики «Кабс» прокляты и всё такое.

— Прокляты? — спросил Гвинн. Злобная усмешка перекосила его лицо. — Прокляты значит, да?

— Или таково широко распространённое мнение, — ответил я.

Гвинн хмыкнул, потом встал и спустился с трона.

— Пойдем со мной.

Низкорослый монарх пошёл вглубь пещеры, мимо своего престола, в то, что напоминало какой-то странный музей. Там были ряды и ряды шкафов, каждый с полками в черном бархате и стенками из хрустального стекла. Каждый застеклённый шкаф вмещал около десятка артефактов: корешки билетов были одними из наиболее распространенных предметов, хотя здесь и там среди

них попадались и бейсбольные мячи, а также бейсбольные карточки, буклеты болельщиков, вымпелы команды, биты, перчатки подающих, и перчатки принимающих.

А я шёл рядом с ним, стараясь, чтобы мой темп был медленным, чтобы позволить ему диктовать, как быстро нам идти, и до меня дошло, что король Тильвит-Тегов Гвинн ап Нудд был фанат бейсбола — или фанатик — в первоначальном устаревшем смысле.

— Это были вы, — сказал я вдруг. — Вы были одним из тех, кого вышвырнули с игры.

— Да, — ответил король Гвинн. — У меня были дела, и к тому времени, когда я туда попал, все билеты были распроданы. Мне пришлось найти другой способ попасть на игру.

— Под видом козла? — спросил я, поражённый.

— Он был талисманом команды, — ответил Гвинн с гордостью. — Сианис придумал символ, и все провозгласили, что Чикаго забодает Детройт. Затем они демонстрировали меня и символ на поле перед игрой — это вызвало множество восторженных возгласов, позвольте мне сказать вам. И он заплатил за лишний билет на козла, так что это было не так, хотя старые наследники Ригли заявляют, что он сжульничал. Им просто

не нравится, что кто-то спорил с билетёром и выиграл!

Гвинн произнёс эти слова с жаром, который можно объяснить только аргументом, что он репетировал эту речь примерно миллион раз. Учитывая, что он, должно быть, практиковался, начиная с 1945 года, я был не настолько глуп, чтобы подумать, что подобная причина не была достаточным поводом. Так что я просто кивнул и спросил:

— Что случилось?

— Перед игрой кто-то оказался поблизости, — продолжил Гвинн, его голос просто кипел от возмущения, — и они попёрлись к Сианису и выпроводили его из парка. Потому что, говорили они, от его козла пахло слишком уж отвратительно

Гвинн остановился и повернулся ко мне, яростно хмурясь и показывая на себя руками.

— Здравствуйте! Я же был козёл! Козлы должны вонять, когда они побывали под дождём!

— Так и есть, Ваше Величество, сэр, — благоразумно согласился я.

— И я был безупречным козлом!

— У меня нет сомнений на этот счет, король Гвинн, — сказал я.

— Что это за справедливость — кого-то выгнали с игры Серии, потому что он безупречно подражал козлу?!

— Нет справедливости для всех, Ваше Величество, сэр, — сказал я.

— И сказать, что я, Гвинн ап Нудд, король Аннун, я, кто победил Гвит ап Грейдавла, советник и союзник богов и героев, вонючий!

Его рот скривился от ярости.

— Как посмели эти смертные обезьяноподобные выскочки сказать такую вещь! Как будто от каких-либо смертных пахнет лучше, чем от мокрого козла!

Я было призадумался, что следует указать Гвинну на его противоречивую логику — будучи совершенным (и, следовательно, вонючим) козлом, он возмутился тем, что был изгнан с игры за то, что вонючий. Но только на секунду. В противном случае, я бы вполне мог вернуться в Чикаго лет этак через сто, слишком поздно, чтобы успеть перекусить в «Бургер Кинг».

— Я, конечно, могу понять, почему вы были расстроены и обижены, Ваше Величество, сэр.

Часть праведного гнева, казалось, покинула его, и он раздражённо махнул рукой.

— Мы здесь говорили о чём-то важном, смерт-

ный, — сказал он. — Мы разговаривали о бейсболе. Зовите меня Гвинн.

Мы остановились у последнего шкафа-витрины, который был огромным по меркам меблировки зала, так сказать, размером с гардероб человека. Одну из его полок занимал комплект одежды; голубые джинсы, футболка, кожаная куртка, носки и туфли. На всех остальных были вытянутые прямоугольники билетов-абонементов, фактически, их там были сотни.

Но я заметил, что одна стопка билетов на верхней полке лежала отдельно, рядом с бейсболкой.

И на билетах, и на бейсболке была символика «Кабс».

— Это было очень серьезное оскорбление, — тихо сказал я. — И очевидно, что ответ был адекватным. Но, Гвинн, вас оскорбили непреднамеренно, смертные, чья глупость помешала им понять, что они делают. Мало кто из них еще жив сейчас. Разве их дети должны расплачиваться за их ошибку? Конечно, этот факт также имеет какое-то значение для мудрого и щедрого короля.

Гвинн испустил усталый вздох и сделал правой рукой жест, словно выливал воду, набранную в ладонь.

— О, да, да, Гарри. Ярость прошла десятилетия

назад — в основном. Сейчас это дело принципа.

— Это то, что я могу понять, — сказал я. — Иногда вам нужен вес из принципа, чтобы ветром не унесло.

Он бросил на меня проницательный взгляд.

— Да. Я слышал, что вы понимаете кое-что.

Я развёл руками и попытался придать голосу оттенок неуверенности в себе.

— Здесь должен быть какой-то разумный способ уладить разногласие между Кабс и Тильвит-Тегами, — сказал я. — Какой-то мирный способ разобраться с этим оскорблением прав и похоронить эту проблему.

— Ох, да, — ответил король Гвинн. — Прямо как покойника. Всё, что нам нужно делать — это ничего не делать. Заклинание будет постепенно рассеиваться. И всё пойдёт своим чередом.

— Но вы явно не хотите, чтобы такое произошло, — сказал я. — Очевидно, что вы прилагали усилия, чтобы поддержать действие проклятия.

Маленький король вдруг улыбнулся.

— По правде говоря, я перестал думать о нём, как проклятии, годы назад, парень.

Я поднял брови.

— Тогда зачем вы его возобновляли?

— Как защиту, — сказал он. — От настоящего

проклятия бейсбола.

Я перевёл взгляд с него на билеты и задумался на мгновение. Затем сказал:

— Я понимаю.

Это заставило Гвинна обернуться ко мне, удивлённо выгнув брови.

— Неужели? — Он изучал меня некоторое время, а потом улыбнулся, медленно кивая. — Да. Да. Вы мудрый, для такого молодого.

Я печально покачал головой.

— Недостаточно мудрый.

— Каждый с языком себя мудрым почитает, — ответил Гвинн. Некоторое время он разглядывал свои билеты, потом заложил руки за спину.

— Теперь вы снискали лояльности некоторых из Крошечного Народа, а это это не такая уж быстрая и простая задача.

Вы поносили королев Сидхе. Вы даже сунули палец в глаз Эрлкинга, что забавляет меня до сих пор. И вы были достаточно умны, чтобы найти нас, а это редко кому удавалось, и изо всех сил старались быть вежливым, а от вас это означает нечто большее, чем от других.

Я медленно кивнул.

— Итак, Гарри Дрезден, — сказал король Гвинн, — я буду рад принять во внимание, если

вы скажете, что «Кабс» желают, чтобы я прекратил свои усилия.

Я долго раздумывал, прежде чем ответить ему.

* * *

Мистер Донован сидел в моем офисе в другом до смешного дорогом костюме и серьёзно смотрел на меня.

— Ну?

— Проклятие никуда не делось, — сказал я. — Извините.

Мистер Донован нахмурился, словно пытаясь определить, шучу я или нет.

— Я ожидал, что вы заявите, что оно пропало, и заберёте ваш гонорар.

— Я подошёл к этому странному делу серьезно и с профессиональной этикой, — ответил я.

Я подвинул к нему лист бумаги и сказал:

— Мой счёт.

Он взял его и перевернул.

— Он пустой, — сказал он. — Зачем этот бланк, когда там просто последовательность нулей?

Он посмотрел на меня ещё строже.

— Взгляните на это иначе, — сказал я. — Вы не приняли во внимание позитивный аспект Проклятия козла.

— Позитивный? — спросил он. — У полосы невезения?

— Точно, — сказал я. — Сколько раз вы слышали, как люди жалуются, что профессиональный бейсбол чихать хотел на всё, кроме денег?

— Какое это имеет отношение…

— Вот почему все так прикованы к Серии в эти дни. Не обязательно потому, что это означает, что вы лучший, потому что вы приняли вызов и победили. Серии означают миллионы долларов для клуба, для бизнеса, все виды денег. Даже болельщики одержимы этой Серией, так как это самая значимая вещь в бейсболе. На стадионах даже не знаю, что творится, все начинают носить имена своих корпоративных спонсоров.

— И вы уловили суть? — спросил Донован.

— Да, — сказал я. — Бейсбол — это больше, чем деньги и победы. Это столкновение с проблемами в одиночку и в команде. Это время, проведённое с друзьями, семьей и соседями, в красивом парке, наблюдая за перипетиями игры. Это… — я вздохнул. — Это такое удовольствие, мистер Донован.

— И вы утверждаете, что проклятие — это удовольствие?

— Подумайте вот о чём, — сказал я. — У «Кабс» самые верные и преданные поклонники в Выс-

шей Лиге бейсбола. Они болеют за них не затем, чтобы увидеть, как «Кабс» порвут другие команды, потому что они потратили больше денег, нанимая лучших игроков. Вы же знаете, что нет — потому что все они знают о проклятии. Если вы знаете, что ваша команда не имеет шансов победить в Серии, то подбадривание игроков становится чем-то большим, чем орать, когда они кого-нибудь разгромили. Это традиция. Это лояльность к команде и товарищество с другими болельщиками, и выиграют они или проиграют, просто наслаждаться проклятой игрой.

Я развел руками.

— Это снова насчет удовольствия, мистер Донован. Только Ригли Филд может быть стадионом профессионального бейсбола, где вы можете так сказать.

Донован уставился на меня, словно я заговорил по-валлийски.

— Я не понимаю.

Я снова вздохнул.

— Да. Я знаю.

* * *

Мой билет был для общего доступа, но я решил осмотреться вокруг, прежде чем игра начнётся.

Карлос Замбрано был на горке, разогреваясь, когда я сел рядом с Гвинн ап Нуддом.

Человеческого роста, он был значительно выше шести футов, и он был одет в ту же одежду, что я видел раньше, в его бейсбольном храме. За исключением этого, он выглядел в точности так, как я его помнил. Он разговаривал с двумя людьми в ряду позади него, оживленно, о какой-то байке, которая вращалась вокруг невероятной дуги одного решающего мяча в переломный момент игры. Я дождался, пока он закончит свой рассказ, и снова повернулся к полю.

— Добрый день, — поприветствовал меня Гвинн.

Я кивнул головой, немного глубже.

— И тебе того же.

Он посмотрел, как Замбрано разминается, и усмехнулся.

— Они смогут победить его, со временем, — сказал он. — Здесь сейчас так много смертных. Слишком много игроков и болельщиков хотят, чтобы у них получилось.

Его голос стал немного грустным.

— В один прекрасный день они смогут.

Мои уравнения и я в конце концов пришли к тому же выводу.

— Я знаю.

— Но ты хочешь, чтобы я сделал это сейчас, я полагаю, — сказал он. — Иначе зачем ты здесь?

Я подозвал разносчика пива и купил одну бутылку для себя и одну для Гвинна.

Он смотрел на меня несколько секунд, склонив голову набок.

— Никаких дел, — сказал я, салютуя ему одной из бутылок.

— Как насчёт просто насладиться игрой?

Красивое лицо Гвинн ап Нудда расплылось в улыбке, и мы оба устроились на своих местах, пока «Кабс» выступали в поход на проклятое поле.

11.1 Убийственная любовь (2010)

У Гарднера Дозуа есть куча наград за его антологии, в которых он *хорош*, и я присоединился по его приглашению, чтобы внести вклад в антологию, над которой он с Джорджем Р. Р. Мартином продолжал работать, под названием *Star–crossed Lovers*. Несмотря на мой энтузиазм, найти отправную точку для Дрезденской истории было для меня трудновато, так как Гарри Дрезден мог бы быть в тройке лучших свободных от влияния звёзд любовников во всём жанре современного фэнтези. Как я мог впихнуть его в историю вроде этой?

Ответ: Поместить его в гущу событий рядом с Мёрфи, когда вроде бы случайные любовные заклятия несут безумие по городу. После этого всё, что мне нужно было сделать — применить его обычную полосу удачи и дико хихикать, печатая всё это.

Название антологии измененилось на *Песни о Любви и Смерти* после того, как я написал историю, что, вероятно, к лучшему. Иначе, я, возможно, нашёл бы способ устроить драку

металлистов, оставаясь в рамках. Никто не заслуживает такого.

— Любовь убивает, — сказала Мёрфи и указала на трупы. Я поднырнул под ленту сцены преступления и вошел в риглевилльскую квартиру. Запах крови и смерти был густым, и это делало висельный юмор неизбежным.

Мёрфи стояла там, смотря на меня. Она не собиралась ничего объяснять. Это означало, что она хотела непредубежденного мнения от консультанта отдела Специальных Расследований Чикагского Полицейского Департамента — то есть меня, Гарри Дрездена. Насколько мне известно, я — единственный чародей на планете, получающий существенную часть своего дохода, работая на правоохранительные органы.

Я остановился и осмотрелся, готовя инвентарь.

Два тела, голые, мужское и женское, все еще переплетались в акте. Один маленький пистолет, незаконный в Чикаго, лежал в мягких пальцах женщины. Два огнестрельных ранения в висок, по одному у каждого. Кровь разбрызгалась двумя пересекающимися веерами, и ещё больше впиталось в ковер. Трупы адски воняли. После смерти с ними произошли кое–какие очень неромантические вещи.

Я прошел немного дальше в комнату и огляделся. Где–то в квартире старый винил играл Квинов. Фредди задавался вопросом, кто хочет жить вечно. Пока я слушал, песня закончилась и началась заново несколько секунд спустя, с ностальгическим треском и поскрипыванием.

Стены были покрыты фотографиями.

Я не имею в виду, что на стенах было много картин, как в доме прабабушки. Я подразумеваю — покрыты фотографиями. Совершенно. Полностью скрыты бумагой.

Я глянул вверх. Потолка это тоже касалось.

Я потратил минуту, медленно обходя вокруг, рассматривая изображения. Все они, каждая из них, демонстрировали обоих мертвецов вместе, позирующих где–нибудь и выглядящих безумно счастливыми. Я шел и всматривался. Множество картинок были почти копиями в большинстве деталей, за исключением разной одежды — по большей части жеманных футболок. В основном это были места для туристов в пределах Чикаго.

Это было, как будто парочка устраивала один и тот же тур отдыха каждый день, снова и снова, собирая каждый одни и те же фотографии.

— Одинаковые футболки, — сказал я. — Жуть.

Улыбка Мёрфи была неприятной. Она кро-

шечная, маленькая мускулистая женщина со светлыми волосами и носом–пуговкой. Я бы сказал, что она настолько симпатичная, что я хотел бы положить её себе в карман, но попытайся я это сделать — и она сломала бы мне руку. Мёрф знает боевые искусства.

Она ждала и ничего не говорила.

— Ещё один договор самоубийства. Уже третий в этом месяце, — я указал на картинки. — Хотя другие были не настолько стукнутыми. Или, м–м, увлечёнными, — я пожал плечами и ткнул в одержимых фотографиями. — Это просто безумие.

Мёрфи разве что слегка приподняла бледную бровь.

— Напомни мне — сколько мы тебе платим за советы, Шерлок?

Я поморщился.

— Да, да. Я знаю, — я помолчал немного, а затем спросил. — Как их звали?

— Грег и Синди Бардалаки, — сказала Мёрфи.

— Ничем вроде бы не связанные мертвые люди, но у всех похожие сцены смерти. Теперь мы переходим к иррациональному и одержимому поведению, как предшественнику... — я нахмурился. Я проверил несколько изображений и подошёл, чтобы осмотреть трупы.

— О, — сказал я. — О, блин–тарарам.

Мёрфи выгнула бровь.

— Нигде никаких обручальных колец, — сказал я. — Никаких свадебных фотографий. И... — я наконец нашел семейную фотографию в рамке, которая была там, среди всех этих снимков. Грег и Синди были на ней, вместе с парой постарше и молодым парнем.

— Боже, Мёрф, — сказал я. — Они не были женатой парой. Они брат и сестра.

Мёрфи посмотрела на переплетенные тела. Они не несли никаких признаков борьбы. Одежда, бокалы для шампанского, и пустая бутылка игристого валялись разбросанными.

— Женатой — нет, — сказала она. — Парой — да.

Она не была удивлена. Она уже выяснила это для себя.

— Ик, — сказал я. — Но это кое–что объясняет.

— Объясняет что?

— Эти двое. Они были вместе — и они были невменяемы, делая это. Тут метка кого–то, вмешавшегося в их разум.

Мёрфи покосилась на меня.

— Почему?

Я развёл руками.

— Скажем, Грег и Синди сталкиваются с Плохим Парнем Икс. Плохой Парень Икс входит в их головы и заставляет впасть в дикую любовь и вожделение друг друга. Они ничего не могут сделать с чувствами, которые кажутся совершенно естественными, но на каком–то уровне знают, что то, что они делают — это не то, чего они хотят, и, помимо прочего, это ещё и безумно неправильно. Их искажённые сознания сталкиваются с их подсознанием, — я указал на фотографии, — и это продолжает нарастать, пока они не перестают справляться и бум, — я выстрелил в Мёрфи из большого и указательного пальцев.

— Если ты прав, то они не просто мертвы, — сказала Мёрфи. — Они — жертвы. Большая разница. Кто это сделал?

— Хотел бы я сказать, — сказал я. — Но единственное свидетельство, которое могло что–то доказать, стекает на пол. Если бы у нас был выживший, возможно, я мог бы присмотреться и увидеть, но за его отсутствием нам предстоит много беготни.

Мёрфи вздохнула и опустила взгляд.

— Два договора самоубийства могли — технически — быть совпадением. Три — уже неестественно. Это больше похоже на метод. Может это

быть один из тех вампиров Скави?

— Они отстреливают одиночек, — сказал я, качая головой. — Такие смерти не по их профилю.

— Ты хочешь сказать, что мы должны найти общий знаменатель, связывающий всех жертв? Чёрт возьми, я должна была подумать об этом сама.

Я вздрогнул.

— Ага.

Я посмотрел на пару других детективов из ОСР в комнате, снимающих трупы, документирующих стены и так далее. Криминалисты отсутствовали. Они не любят тратить время на самоубийства эмоционально нестабильных, какими бы причудливыми те не были. Это была грязная работа и её традиционно сваливали на ОСР.

Я понизил голос.

— Если кто–то играет с разумом, Совет может что–то знать. Я попробую взять след с того конца. Ты начни отсюда. Надеюсь, я оправдаю потраченные на меня деньги и мы встретимся посередине.

— Верно.

Мёрфи уставилась на трупы и её глаза потемнели. Она знала, каково это — быть жертвой ментальной манипуляции. Я не стал её утешать.

Она ненавидела демонстрировать уязвимость и я не хотел показывать ей, что что–то заметил.

Фредди достиг крещендо, объясняя нам, что любовь должна умереть.

Мёрфи вздохнула и сказала: "Ради бога, выключите кто–нибудь эту проклятую запись".

— Сожалею, Гарри, — сказала капитан Люччо. — У нас нет орбитальных спутников, обнаруживающих чёрную магию.

Я подождал секунду, чтобы убедиться, что она закончила. Присутствие такого большого магического таланта на дальнем конце звонка означало периодические перерывы в связи между Чикаго и Эдинбургом, штабом Белого Совета чародеев. Анастасия Люччо, капитан Стражей, моя бывшая подружка, была готова предоставить информацию от Совета обо всей дребедени, происходящей в Чикаго — что означало практически ничего.

— Жаль, что их нет, а? — сказал я. — Неофициально — есть кто–нибудь, кто может что–то знать?

— Привратник, возможно. У него дар чуять проблемные места. Но никто не видел его уже несколько недель, что едва ли необычно. А если серьёзно, Страж Дрезден, то вы, как предполагается, один из тех, кто должен предоставлять

нам информацию такого типа, — её интонации были наполовину насмешливыми, наполовину смертельно серьёзными. — Что, по–вашему, происходит?

— Три парочки чёртовски влюблённых голубков совершили двойное самоубийство за последние две недели, — разъяснил я ей. — Последние двое были братом и сестрой. И в их поведении было много всяких иррациональностей.

— Ты подозреваешь ментальное вмешательство, — сказала она. Её голос затвердел.

Люччо тоже была жертвой.

Я обнаружил, что горько улыбаюсь. Она была, помимо всего прочего, запрограммирована на то, чтобы быть со мной. Очевидно, в последнее время это был единственный способ устроить моё свидание с кем–то.

— Это кажется разумным. Я сообщу, если что–то найду.

— Будь осторожен, — сказала она. — Не влезай в опасные ситуации без поддержки. Слишком много шансов, что тебя могут подставить.

— Подставить? — спросил я. — Из двух людей, ведущих этот разговор, кто попался парню, копающемуся в мозгах?

— Туше, — сказала Люччо. — Но он сумел зайти

так далеко, потому что мы были самонадеянными. Та или иначе, прояви осмотрительность.

— Поработаю над этим, — сказал я.

На момент последовала неуклюжая тишина, а затем Анастасия спросила:

— Как ты, Гарри?

— Весь в делах, — ответил я. Она уже принесла мне извинения, вроде как, за резкий исчезновение из моей личной жизни. Она никогда не намеревалась в ней появляться. События прошлого года породили настоящий эмоциональный цунами, и я не был одним из тех, кого он задел по–настоящему сильно. — А ты?

— Вся в делах, — она замолчала на мгновение и продолжила. — Я знаю, что с этим покончено. Но я рада, что какое–то время мы были вместе. Это делало меня счастливой. Иногда мне...

"*...этого не хватает*", я думаю, завершало высказывание. Я ощутил комок в горле.

— Нет ничего плохого в счастье.

— Да, ничего. Когда оно настоящее, — её голос смягчился. — Будь осторожен, Гарри. Пожалуйста.

— Я буду, — сказал я.

Я принялся прочёсывать сверхъестественный мир в поисках ответов и не получил почти ни-

чего. У Маленького Народца, на который обычно можно было полагаться при получении информации определённого сорта, ничего для меня не было. Их память коротка на детали, и даже смерти, произошедшие слишком давно, превращались в их изложении в противоречивую тарабарщину.

Я произвёл несколько ментальных ночных путешествий по городу, используя масштабную модель Чикаго в моём подвале, чем только добавил к списку своих проблем головную боль.

Я обзвонил Парасеть, организацию народа со скромными магическими талантами, который часто становился жертвой более сильных сверхъестественных существ. Теперь они сотрудничали, делясь информацией, обмениваясь успешными техниками и вообще преодолевая нехватку магических мускулов успешной совместной работой. У них тоже ничего для меня не нашлось.

Я посетил МакЭнелли, перекрёсток сверхъестественной социальной жизни, и задал кучу вопросов. Ни у кого не было ответов. Тогда я начал связываться с людьми, которых знал, начиная с тех, которые, как я думал, могли предоставить информацию. Я методично перебрал весь список, вычёркивая имена, пока не дошёл до *Опроса*

случайных людей на улицах.

Есть дни, когда я не чувствую себя чародеем. Или детективом. Или детективом–чародеем.

У обычных частных детективов хватает дней вроде этого, когда они ищут, ищут, ищут информацию и не находят ничего. У меня таких дней меньше, чем у большинства, за счёт чародейских штучек, дающих мне больше возможностей — но иногда я тоже получаю дырку от бублика.

Я просто ненавижу подобное, когда жизни могут быть в опасности.

* * *

Всё что я знал четыре дня спустя — это то, что никому ничего не было известно о чёрной магии, творившейся в Чикаго, и единственные её следы, которые я *сумел* найти, были крошечными остатками чёрной магии, недостаточно сильной для того, чтобы быть угрозой (Страж Рамирез придумал словосочетание "тусклая магия", чтобы обозначить этот сорт мелкого, по существу безопасного злодейства). Были также обычные следы тусклой магии, подсознательно формирующейся под влиянием тёмных эмоций, вероятно от кого–то, кто даже не знал о наличии у себя дара.

Другими словами — дырка от бублика.

К счастью, Мёрфи сделала свою часть работы.

Иногда тяжёлый труд срабатывает лучше магии.

"Сатурн" Мёрфи слегка взорвался пару лет назад, вроде как по моей вине, и в связи с её понижением в должности и прочим, она нескоро сможет позволить себе что–то кроме своего старого Харлея. По некоторым причинам она не хотела брать мотоцикл, так что оставалась моя машина, верный (почти всегда) Голубой Жучок — Фольксваген–Жук старого выпуска, многое со мной переживший. Неоднократно он был серьёзно искалечен, но каждый раз восставал для нового сражения — если называть сражением поездку куда–нибудь на не слишком большой скорости, без особого ускорения и расхода бензина.

Не начинайте. Он того стоит.

Я остановился перед небольшим белым домиком Мёрфи, где был маленький розарий, и опустил стекло с пассажирской стороны.

— Действуй, как ребята из Хаззарда[36], — сказал я. — Дверцу заело.

Мёрфи прищурилась, глядя на меня. Затем попыталась открыть дверцу. Та легко открылась.

---

[36] Примечания: 36

Тут имеется в виду сериал "Dukes of Hazzard", в нашем переводе называющийся "Придурки из Хаззарда". Но называть Мёрфи придурком — это чревато, поэтому переведено как «ребята».

Она скользнула на пассажирское сиденье с самодовольной ухмылкой, закрыла дверцу и ничего не сказала.

— Полицейская работа сделала тебя циничной, — сказал я.

— Если хочешь поглазеть на мой зад, тебе придётся для этого поработать, как и всем остальным, Гарри.

Я шмыгнул носом и привёл машину в готовность.

— Куда двигаем?

— Никуда, пока ты не пристегнёшься, — сказала она, застегивая ремень безопасности.

— Это моя машина, — сказал я.

— Это закон. Нужна цитата? Могу привести.

Я обдумал, стоит ли оно того, в то время как она одариля меня своим взглядом копа — и приготовила шариковую ручку.

Я пристегнулся.

Мёрфи посмотрела на меня.

— Спрингфилд. Направляйся к И–55.

— Вроде как это вне твоей юрисдикции, — проворчал я.

— Если бы мы что–то расследовали — да, — сказала Мёрфи. — Мы едем на ярмарку.

— Это свидание? — покосился я на неё.

— Именно, если кто–то спросит, — подтвердила она. Потом замерла на секунду и добавила. — Это разумное прикрытие.

— Верно, — сказал я. Её щёки слегка порозовели. Некоторое время мы оба молчали.

Я выехал на шоссе, что всегда весело с автомобилем, изначально предназначенным носиться по автостраде на горячих ста километрах в час, и спросил Мёрфи:

— Спрингфилд?

— Государственная Ярмарка, — сказала она. — Вот что было общим знаменателем.

Я нахмурился, перебирая даты в голове.

— Государственная Ярмарка проходит сколько? Десять дней?

Мёрфи кивнула.

— Сегодня вечером они закрываются.

— Но первая пара умерла двенадцать дней назад.

— Они оба были из добровольного персонала для ярмарки, и находились там на общих основаниях, — Мёрфи приподняла ногу, чтобы опереться пяткой на край пассажирского сиденья, и хмуро уставилась в окно. — Я нашла билеты на скиболл и одну из тех дёшевых мягких зверюшек в квартире второй пары. А Бардалаки были остановлены

на И–55 за превышение скорости, в пяти минутах от Спрингфилда и по направлению к Чикаго.

— Так что, *возможно*, они были на ярмарке, — сказал я. — Или, возможно, у них было дорожное путешествие, или ещё что–нибудь.

Мёрфи пожала плечами.

— Возможно. Но если считать, что это совпадение — это не приведёт меня ни к чему и мы ничего не получим. Если считать, что связь есть — мы можем получить ответ.

Я глянул на неё.

— Я думал, тебе не нравится читать Паркера.

Она ответила взглядом.

— Это не значит, что его логика не действует.

— О. Верно.

Она тяжело вздохнула.

— Это лучшее, что у меня есть. Я просто надеюсь, что если ты прибудешь на место действия, то сможешь что–то обнаружить.

— Ага, — сказал я, подумав о стенах, покрытых фотографиями. — Я тоже.

Запахи — это то, чем я больше всего наслаждаюсь в местах, подобных Государственной Ярмарке. Вы почуете такие комбинации запахов, каких не найти больше нигде. Преобладают попкорн, жареные орехи и фастфуд, и вы можете

получить всё, чем хотите забить свои артерии или угробить фигуру. Хот–доги с чили, масляные пироги, жареный хлеб, пицца — по большей части из жира, засахаренные яблоки, о боги. Злобная еда пахнет ошеломляюще — что является или доказательством существования Сатаны, или означает, что Всемогущий на самом деле не хочет, чтобы все ели органический тофу. Не могу определиться.

Имеются и другие запахи, зависящие от места, где вы находитесь. Дезинфицирующие средства и вонь, идущая от биотуалетов, выхлопы, горелая смазка, плавящийся асфальт и гравий в местах парковки, солнечный свет на разгорячённых телах, лосьон для загара, сигаретный дым и пиво рядом с некоторыми посетителями, острый, честный запах домашнего скота около выставок животных, складов или пони–заездов — всё это напрямую атакует ваш нос. Мне нравится потворствовать своему обонянию.

Запахом труднее всего солгать.

Мёрфи и я начали в середине утра и принялись методически прочёсывать ярмарку. Это заняло весь день. Государственная Ярмарка — не рядовой случай.

— Проклятье, — сказала она. — Мы пробыли

тут весь день. Ты уверен, что ничего не унюхал?

— Ничего из того, что мы ищем, — ответил я. — Я боялся этого.

— Чего?

— По большей части, магия вроде этой — сложная, долговременная, тонкая, тёмная — не процветает на солнечном свету, — я поглядел на удлиняющиеся тени. — Дай ещё полчаса и мы попробуем снова.

Мёрфи нахмурилась.

— Кажется, ты всегда говорил, что магия не бывает доброй или злой.

— Не для солнечного света.

Мёрфи выдохнула с явным неудовольствием.

— Ты мог бы упомянуть об этом раньше.

— Не попробуешь — не узнаешь, — сказал я. — Думай об этом так: возможно, мы просто смотрим не в том месте.

Она вздохнула снова и искоса осмотрела ближайшие вагончики с едой и стенды с товарами.

— Тьфу. Думаешь, здесь есть что-нибудь, что не заставит мои джинсы треснуть по швам?

Я просиял.

— Вероятно, нет. Как насчёт хот-дога и масляного пирога?

— Ублюдок, — рыкнула Мёрфи. И добавила,

— Окей.

На полпути через мой второй хот-дог я понял, что за нами кто-то следует.

Я удержал себя от реакции, откусил ещё и сказал:

— Возможно, это, наконец-то, верное место.

Мёрфи нашла место, где продавали индюшачьи ножки. Она срезала мясо с кости на бумажную тарелку и ела его пластиковой вилкой. Она не прекратила жевать и не подняла взгляд.

— Что случилось?

— Парень в тёмно-бордовой футболке и коричневых камуфляжных брюках, около двадцати футов от твоего правого плеча. Я видел его сегодня ещё минимум дважды.

— Это не значит, что он ходит за нами.

— Он был занят ничегонеделанием все три раза.

Мёрфи кивнула.

— Пять футов восемь дюймов или около того, длинные волосы? Маленькая бородка полоской?[37]

— Ага.

— Он сидел на скамье, когда я вышла из туале-

---

[37] Примечания: 37

В оригинале soul tuft - я так полагаю, специфическая бородка в стиле "соул"

та, — сказала Мёрфи. — И бездельничал.

Она пожала плечами и вернулась к еде.

— Как хочешь сыграть?

— Тут примерно дохрена людей, Гарри, — она понизила голос и убрала всякий намёк на носовые звуки. — Предлагаешь мне бить его, пока он не заговорит?

Я заворчал и прикончил свой хот-дог.

— Необязательно что-то делать. Возможно, он свалится на тебя.

Мёрфи фыркнула.

— Возможно, он свалится на *тебя*.

Я прикрыл рукой отрыжку и дотянулся до своего масляного пирога.

— Кто мог бы его обвинить, — я сделал укус и кивнул. — Хорошо. Тогда посмотрим, что будет.

Мёрфи кивнула и потянула свою диет-колу.

— Уилл говорит, вы с Анастасией расстались какое-то время назад.

— Уилл слишком много говорит, — мрачно сказал я.

Она чуть отвела взгляд.

— Он твой друг. Он беспокоится о тебе.

Я мгновение изучал её непроницаемое лицо, а затем кивнул.

— Ладно, — сказал я, — передай Уиллу, что ему

не стоит волноваться. Было хреново. Теперь стало получше. Я в порядке. Ничего такого и так далее, — я сделал паузу, чтобы откусить ещё пирога и спросил. — Как Кинкейд?

— Как и всегда, — сказала Мёрфи.

— Когда тебе несколько сотен лет, становишься немного постоянен.

Она покачала головой.

— Он таков. Он был бы таким, даже будь ему двадцать. Он идёт по своей дороге и не позволяет никому себе мешать. Как...

Она остановилась прежде, чем договорила, на кого похож Кинкейд. Она доела свою индюшачью ножку.

По ярмарке прошла дрожь, задевшая мои чародейские чувства. Закат. Сумерки ещё будут продолжаться какое-то время, но свет, остававшийся на небе, больше не будет сдерживать существ ночи.

Мёрфи глянула на меня, ощутив изменения в моём уровне напряжённости. Она допила свой напиток, в то время как я отправил последний кусочек пирога в рот и мы вместе поднялись.

Небо на западе всё ещё было немного оранжевым, когда я наконец ощутил работающую магию.

Мы были недалеко от карнавала, секции ярмарки, полной резко освещённых конных дорожек, азартных игр тяжёлого направления и разнообразных дёшевых аттракционов. Тут было полно воплей, возбуждённых детишек, родителей с истощённым терпением и порабощённых модой подростков. Музыка оловянно звенела и ревела. Вспыхивали и танцевали огни. Зазывалы блеяли льстиво, поощрительно и соболезнующе примерно в одинаковых пропорциях.

Мы дрейфовали сквозь весёлый хаос, наш тёмно-бордово-рубашечный хвост двигался следом примерно в десяти-двенадцати футах. Я шёл с полузакрытыми глазами, уделяя своему зрению внимания не больше, чем ищейка, вставшая на след. Мёрфи оставалась рядом, выражая спокойствие, её голубые глаза высматривали физическую опасность.

Затем я ощутил это — дрожь в воздухе, заметную не более, чем затихающий гул от мягко тронутой гитарной струны. Я отметил его направление и прошёл ещё несколько шагов, прежде чем проверить снова, в попытке триангулировать источник возмущения. Я получил приблизительное указание на него где-то через минуту и понял, что остановился и смотрю.

— Гарри? — спросила Мёрфи. — Что такое?

— Что–то вон там, — сказал я, кивнув в сторону мидвея[38]. — Сигнал слабый. Но что–то есть.

Мёрфи резко вдохнула.

— Это должно быть оно. Там наш хвост.

Нам не требовалось принимать совместное решение. Если хвост принадлежал кому-то, кто был за ним, мы не могли позволить ему уйти, чтобы предупредить преступника — и имелся превосходный шанс, что наш внезапный приятель в бордовом в результате приведёт нас к чему-то интересному.

Мы развернулись и пустились в погоню.

Пробежка по открытому пространству — это одно. Движение сквозь карнавальную толпу — нечто иное. Вы не можете бежать, если только не хотите постоянно падать и привлекать кучу внимания. Вам приходится спешить, перескакивая от одной группы людей к другой, не имея шансов по-настоящему надавить на газ. Опасность такой погони заключается не в том, что жертва может опередить вас, а в том, что вы потеряете её в толпе.

У меня было большое преимущество. Я чертов-

[38] Примечания: 38

Специфический для ярмарки термин. Место, где располагаются заезды, всяческие развлечения и ларьки с фастфудом.

ски высокий. Я мог видеть всё и заметить мистера Бордового, прокладывающего себе путь сквозь толпу. Я двинул за ним, а Мёрфи — за мной.

Я находился в паре длинных шагов от Бордового, но был остановлен стайкой старшеклассников в шапках Храмовиков[39]. Он притормозил одновременно со мной, находясь на открытом участке земли за Храмовиками, и пока я сквозь них пробирался, я успел заметить, как Бордовый отдаёт билеты карнавальщику. Он запрыгнул на платформу, влез в маленький автомобильчик и исчез в недрах аттракциона.

— Проклятье! — сказала Мёрфи, переводя дух. — И что теперь?

За аттракционом, объявленным как Туннель Ужаса, было пустое место, образованное кругом из нескольких таких же игр и заездов. Там спрятаться никто не мог.

— Ты заходишь сзади. Я слежу спереди. Кто его увидит — пусть кричит.

— Принято, — Мёрфи поспешно направилась вокруг Туннеля Ужаса. Нахмурившись, она

[39] Примечания: 39

Храмовики, the Ancient Arabic Order of the Nobles of the Mystic Shrine, aka Shriners, также A.A.O.N.M.S. — подразделение свободных масонов. Также организация известна как Храмовые Больницы для детей (Shriners Hospitals for Children). Члены организации носят красные фески.

обозрела невысокий пластиковый барьер с предупреждением "ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА", потом проигнорировала его и двинулась дальше.

— Анархистка, — пробормотал я, и принялся ждать Бордового.

Он не появился.

Маленький автомобильчик медленно, со скрипом выполз с противоположной стороны платформы. Карнавальщик, старик с лохматой белой бородой, ничего не заметил — он дремал на своём стуле.

Мёрфи вернулась несколько секунд спустя.

— Сзади есть две двери, — сообщила она. — Обе перекрыты цепями и заперты снаружи. Там он выйти не мог.

Я вдохнул и кивнул на пустую машину.

— Здесь его тоже нет. Слушай, мы не можем просто стоять тут. Возможно, он пробежал сквозь туннель или вроде того. Мы узнаем, если он внутри.

— Пойду выкурю его наружу, — сказала она. — Подберёшь его, когда он покажется.

— Ни в коем случае, — сказал я. — Мы остаёмся с нашим отрядом... — я глянул на Мёрфи, — ...вместе. Энергия, которую я ощущаю, исходит откуда–то поблизости. Если мы разделимся, то

станем в миллион раз уязвимее к ментальным манипуляциям. И если этот парень нечто большее, чем кажется, то никто из нас не захочет брать его в одиночку.

Она поморщилась, кивнула и мы двинули к Туннелю Ужаса вместе.

Старый карнавальщик проснулся, как только мы подошли к рампе, издал хриплый кашель и указал на знак, который требовал от нас пожертвовать по три билета с каждого за поездку. Я не покупал ни одного, а билетная касса была достаточно далеко, чтобы дать Бордовому свалить, если мы остановимся, следуя правилам.

— Сэр, — сказала Мёрфи, — человек, которого мы ищем, вошёл в ваш аттракцион, но не вышел наружу. Нам необходимо зайти и найти его.

Он моргнул, липко глянув на Мёрфи, и сказал:

— Три билета.

— Вы не поняли, — сказала она. — В Туннеле Ужаса может скрываться беглец. Мы должны войти и проверить, там ли он.

Карнавальщик фыркнул.

— Три билета, мисси. Хотя это не лучшая комната, которую вы двое могли бы арендовать.

Мускулы на челюсти Мёрфи напряглись.

Я шагнул вперёд.

— Эй, приятель, — сказал я. — Гарри Дрезден, частный детектив. Если вы не возражаете, то всё, что нам надо — зайти внутрь на пять минут.

Он посмотрел на меня.

— Частный детектив, да?

Я выудил мою лицензию и продемонстрировал ему. Он глянул на неё, потом на меня.

— Вы не похожи на частных детективов, которых я видел. Где ваша шляпа?

— В магазине, — сказал я. — Передача полетела. — Я подмигнул ему, держа сложенную двадцатку между пальцами. — Пять минут?

Он зевнул.

— Не положено всяким посторонним входить просто так. — Он потянулся и взял двадцатку. — С другой стороны, не моё дело, что вы двое собираетесь вытворять там внутри.

Он поднялся, потянул за рычаг и указал на автомобильчик.

— Устраивайтесь, — он искоса посмотрел на нас. — И придерживайте свои, э, оконечности внутри машины.

Мы вошли, и я был практически ошпарен паром, выходящим из ушей Мёрфи.

— Ты попросту сыграл на пару с этим типом.

— Нам нужно было попасть внутрь, — сказал я.

— Просто делаю свою работу, сержант.

Она фыркнула.

— Эй, Мёрф, глянь, — сказал я, держа ремень из старой, потёртой кожи. — Ремни безопасности.

Она одарила меня взглядом, который мог бы прожечь сталь. После чего, сжав челюсти, обезопасила себя ненадёжной штуковиной. Выражение её лица удержало меня от высказываний.

Я усмехнулся и расслабился. Не так-то просто подколоть Мёрфи и избежать после этого проблем.

С другой стороны платформы карнавальщик дёрнул ещё один рычаг и мгновение спустя маленькая вагонетка покатилась с ослепительной скоростью в одну, может, даже две мили в час. Тёмный занавес расступился перед нами, и мы вкатились в Туннель Ужаса.

Мёрфи быстро достала своё оружие — было темно, но я услышал шорох ствола о пластик, когда она вытащила его из кобуры. Она прикрепила маленький светодиодный фонарик снизу ствола пистолета и зажгла его. Мы находились в тесном маленьком туннеле, вся поверхность которого была закрашена чёрным, и абсолютно нигде не было прячущегося Бордового.

Я встряхнул браслет из оберегов на моём левом

запястье, готовя защитные энергии на случай надобности. Мёрф и я работали вместе достаточно долго для того, чтобы знать свои роли. Если начнутся неприятности, я буду защищать нас. Мёрфи и её Зиг будут отвечать.

В конце маленького туннеля открылась дверь, и мы выкатились вперёд, к декорациям, изображающим обычный сельский дом, с большим количеством мелких деталей, обязанных пугать — несколько пальцев у основания разделочной колоды, прямо под окровавленным топором, светящиеся глаза, появляющиеся в верхнем окне дома и всё такое прочее. Ни одного признака Бордового и хоть какого-то места, где он мог бы скрыться.

— Лучше отстегнуть эти ремни безопасности, — сказал я. — Мы должны быть в состоянии двигаться быстро, если понадобится.

— Ага, — сказала она и нагнулась, когда нечто огромное и ужасное с воплем грохнулось на машину из теней над нами.

Адреналин ударил в меня подобно мчащемуся автобусу и я глянул вверх, чтобы увидеть определённо демоническое чучело, болтающееся несколькими футами выше наших голов, подпрыгивающее на проводах и играющее запись

кудахчущего, безумного смеха.

— О Боже, — Мёрфи выдохнула, опуская своё оружие. Кожа вокруг её глаз слегка побелела.

Мы посмотрели друг на друга и разразились высоким, нервным смехом.

— Туннель Ужаса, — сказала Мёрфи. — Мы такие крутые.

— Полные засранцы, — сказал я, усмехаясь.

Автомобиль медленно погремел дальше и Мёрфи отстегнула ремень безопасности. Мы передвинулись в следующее место, прикидывающееся больницей, наполненной зомби. Там был манекен зомби, выскакивающий из туалета недалеко от дорожки, и много запёкшейся крови. Мы вышли из авто и разведали пару мест, где беглец мог быть, но отсутствовал. Тогда мы запрыгнули обратно в машину, прежде чем она покинула декорации.

Так мы продвигались дальше, через беспокойное кладбище, пещеру троглодитов и настоящий призрачный город Старого Запада. Мы ничего не находили, но действовали вместе, как команда, лучше, чем с кем-либо раньше из тех, кого я помнил. Всё ощущалось гладко и естественно, как бдто мы двигались вместе всю нашу жизнь. Мы делали это в полной тишине, чисто инстинктив-

но предугадывая, что делает другой.

Увы, даже великие команды проигрывают. Мы испытали чувство надувательства и покинули Туннель Ужаса без Бордового или хоть какой-то идеи о том, куда он пропал.

— Блин-тарарам, — пробормотал я. — На этой неделе у меня детективный праздник отстоя.

— Ты сказал *отстой*, — снова захихикала Мёрфи.

Я усмехнулся ей и огляделся.

— Что ж, сказал я, — мы не знаем, куда ушёл Бордовый. Если они не сделали нас раньше, то сделают сейчас.

— Можешь поймать этот твой сигнал снова?

— Отпечаток энергии, — сказал я. — Возможно. Это всё же довольно расплывчато. Я не уверен, насколько точным смогу оказаться.

— Давай узнаем, — сказала она.

— Давай, — кивнул я. Мы пустились вокруг подозрительного кольца аттракционов, двигаясь медленно и пытаясь смешаться с толпой. Когда мимо промчалась парочка шумных детишек, преследующих друг друга, я положил руку ей на плечи и притянул в убежище из моего тела таким образом, чтобы её не шокировать.

Она медленно выдохнула и не отступила от

меня ни на шаг.

Моё сердце начало биться быстрее.

— Гарри, — тихо сказала она.

— Да?

— Ты и я... Почему мы никогда... — она посмотрела на меня. — Почему нет?

— Как всегда, я полагаю, — спокойно сказал я. — Неприятности. Долг. Другие люди.

Она покачала головой.

— Почему нет? — повторила она, глядя прямо. — Все эти годы. И даже когда что–то могло выйти, но не происходило. Почему нет?

Я облизнул свои губы.

— Как сейчас? Мы просто решаем быть вместе?

Её веки опустились.

— Почему нет?

Моё сердце исполнило соло ударных из "Выноса"[40].

Почему нет?

Я наклонился к её губам и поцеловал её, очень мягко.

Она обратилась в поцелуй, вжавшись своим телом в моё. Получилось немного неуклюже. Я был почти на два фута выше её. Мы восполнили

---

[40] Примечания: 40

X его 3, какой именно Wipeout (Вынос) тут имеется в виду. Скорее всего, ТВ-шоу.

недостаток изящества энтузиазмом; её руки обвились вокруг моей шеи, когда она поцеловала меня, крепко и голодно.

— Стоп, — сказал я, ототдвигаясь мгновение спустя. — Работа. Верно?

Мгновение она смотрела на меня, порозовев, с губами, слегка опухшими от поцелуя, и сказала "Верно". Она закрыла глаза и кивнула.

— Верно. Сперва работа.

— Потом пообедаем? — спросил я.

— Пообедаем. У меня дома. Можно сделать заказ.

Мой живот вздрогнул во внезапном возбуждении от такого предложения.

— Верно, — я осмотрелся вокруг. — Так давай найдём это и покончим с ним.

Мы начали двигаться снова. Оборот вокруг аттракционов не приблизил меня к источнику энергии, которую я ощутил ранее.

— Проклятье, — расстроенно сказал я, когда мы завершили обход.

— Эй, — сказала Мёрфи. — Не истязай себя из–за этого, Гарри. — Её рука скользнула в мою, сплетая пальцы с моими. — Я была копом долгое время. Ты не всегда можешь достать плохого парня. И если начнёшь обвинять в этом себя, то закон-

чишь тем, что полезешь в бутылку или съешь собственный пистолет.

— Спасибо, — тихо сказал я. — За т...

— Хе, — сказала Мёрфи. — Ты сказал *зат*.

Мы оба заухмылялись, как идиоты. Я опустил взгляд на наши переплетённые пальцы.

— Мне это нравится.

— Мне тоже, — сказала Мёрфи.– Почему мы не сделали этого давным–давно?

— Чтоб я знал.

— Может, мы просто глупцы? — спросила она. — Я имею в виду, люди вообще. Может, мы действительно настолько слепые, что упускаем то, что находится прямо перед нами?

— Как вид, мы, по существу, безумны, — сказал я. — Так что да, возможно. — Я поднял наши руки и поцеловал кончики её пальцев. — И всё же теперь я не собираюсь упускать это.

Её улыбка осветила несколько тысяч квадратных футов мидвея.

— Хорошо.

Эхо мысли прогрохотало в моей голове: *Безумны...*

— О, — сказал я. — О, блин–тарарам.

Она нахмурилась.

— Что?

— Мёрф... Я думаю, нас сглазили.

Она моргнула.

— Что? Нет, мы не могли...

— Я думаю, могли.

— Я ничего не вижу и не ощущаю. *Ничего*, Гарри. Я уже попадала под магию вроде этой.

– *Посмотри* на нас, — сказал я, поводив нашими соединёнными руками.

— Мы были друзьями долгое время, Гарри, — сказала она. — И у нас была пара возможностей раньше. Теперь мы просто не стали её упускать. Вот и всё, что тут случилось.

— Как насчёт Кинкейда? — поинтересовался я у неё.

Секунду она обдумывала это. Потом сказала:

— Сомневаюсь, что он даже заметил, как я ушла, — она нахмурилась. — Гарри, я не была так счастлива с... Я никогда не думала, что смогу испытать это снова. Хоть с кем-нибудь.

Моё сердце продолжало постукивать.

— Я точно знаю, что ты имеешь в виду, — сказал я. — Я чувствую то же самое.

Её улыбка потеплела ещё сильнее.

— Тогда в чём проблема? Разве это не то, на что дожна быть похожа любовь? Никаких усилий?

Я подумал об этом секунду. А потом сказал,

медленно и осторожно:

— Мёрф, подумай об этом.

— О чём ты?

— Ты знаешь, насколько это хорошо? — спросил я.

— Да.

— Насколько правильным это чувствуется?

— Ага, — кивнула она.

— Насколько это просто?

Она энергично кивнула, просветлев взглядом.

Я наклонился к ней для большего акцента.

— Это просто недостаточно долбануто, чтобы быть твоим и моим.

Её улыбка заколебалась.

— Боже мой, — сказала она, расширив глаза. — Нас сглазили.

Мы вернулись к Туннелю Ужаса.

— У меня не получается, — сказала она. — Я не... Я не ощущаю ничего такого. Не ощущаю никакой разницы. Я думала, что когда об этом знаешь, то от него можно избавиться.

— Нет, — сказал я. — Но иногда это помогает.

— Ты ещё?..

Я сжал её руку ещё раз, прежде чем отпустить.

— Да, — сказал я. — Я всё ещё это чувствую.

— Оно... оно пройдёт?

Я не ответил ей. Я не знал. Или, может, не хотел знать.

Старый карнавальщик увидел наше приближение, и его лицо осветилось предчувствием, как только он на нас посмотрел. Он поднялся и глянул из-за пульта управления заездом на вход внутрь.

— Ага, — пробормотал я. — Трусливый ублюдок. Только попробуй.

Он щёлкнул одним из переключателей и потащился ко входу в туннель.

Я быстро сосредоточил волю, поднял руку и провёл ею по горизонтальной дуге, прорычав "*Forzare!*". Невидимая сила выбила его ноги из-под него и бросила в ненамеренное падение.

Мёрфи и я поспешили к платформе прежде, чем он смог подняться на ноги и убежать. Нам не стоило беспокоиться. Карнавальщик был подлинным стариком, а не сверхъестественной тварью под прикрытием. Он лежал на платформе, постанывая от боли. Я почувствовал себя не слишком хорошо из-за избиения пенсионера.

Но эй. С другой стороны, он действительно надул меня за двадцать баксов.

Мёрфи встала над ним, холодно глядя голубыми глазами, и произнесла:

— Где отнорок?

Карнавальщик моргнул.

— Шо?

— Люк, — оборвала она. — Секретная комната. Где она?

Я нахмурился и пошёл ко входу.

— Пожалуйста, — сказал карнавальщик. — Я не знаю, о чём вы говорите!

— Чёрта с два ты не знаешь, — сказала Мёрфи. Она нагнулась, ухватила его за рубашку обоими руками и притянула ближе, приподняв губу в рыке. Карнавальщик побледнел.

Мёрфи может быть симпатичным засранцем для такой мелочи. Мне в ней это нравится.

— Я не могу, — сказал карнавальщик. — Я не могу. Мне платят, чтобы я ничего не видел. Она убьёт меня. Она убьёт меня.

Я раздвинул тяжёлый занавес, ведущий ко входу в туннель, и увидел это сразу — круглую дыру в полу в двух футах впереди, в ней даже виднелась верхняя часть лестницы. Круглая крышка лежала повёрнутой на сторону, раскрашенную чёрным, как и остальная часть холла.

— Здесь, — сказал я Мёрф. — Вот почему мы ничего не заметили. Когда ты зажгла свой свет, оно уже было позади.

Мёрфи прищурилась, глядя на карнавальщика,

и сказала:

— Гони мне двадцать баксов.

Тот облизнул губы. Потом выудил мою сложенную двадцатку из кармана рубашки и передал её Мёрфи.

Она кивнула и помахала своим значком.

— Валите отсюда, прежде чем я пойму, что видела вас берущим взятку и подвергающим жизни опасности, позволяя клиентам использовать аттракцион небезопасным образом.

Карнавальщик испарился.

Мёрфи передала мне двадцатку. Я прикарманил её и мы полезли вниз по лестнице.

Мы спустились вниз и тихо двинулись дальше. Язык тела Мёрфи не слишком утончён, что неудивительно, учитывая её размеры и службу в полиции. Но при необходимости она могла двигаться тихо, как дым. Я неуклюж. От меня такое требует больших усилий.

Лестница привела нас к чему-то, смахивающему на интерьер закопанного в землю железнодорожного вагона. По стенам шли электрические провода. Из дверного проёма в дальнем конце вагона пробивался свет. Я шёл первым, приготовив защитный браслет, а Мёрфи двигалась на шаг сзади и справа, приготовив свой Зиг.

Дверной проём в конце вагона вёл в большое рабочее помещение, изобилующее компьютерами, картотеками, микроскопами и как минимум одним роскошным химическим набором.

Бордовый сидел перед одним из компьютеров, светя профилем.

— Проклятье, Стью, — брюзгливо сказал он. — Я же говорил тебе не ходить в здешний сортир. Ходи в один из... — он глянул на нас и замер посреди высказывания, расширив глаза и уставившись на пушку Мёрфи.

— Этой ночью Стью отдыхает, — дружелюбно сказал я. — Где ваш босс?

В дальнем конце комнаты открылась дверь и вошла молодая женщина среднего роста. На ней были очки и лабораторный халат, и ни то, ни другое не далало её внешность менее, чем великолепной. Она посмотрела на нас, потом на Бордового и сказала с идеальным британским акцентом:

— Ты идиот.

— Ага, — сказал я. — Хорошего помощника трудно найти.

Женщина в лабораторном халате посмотрела на меня тёмными, глубокими глазами, и я ощутил нечто вроде призрачного давления на виски,

как будто по моей коже скользили извивающиеся головастики. Это была попытка прямого ментального вторжения, но я достаточно практиковался в своей защите и не собирался сдаваться перед чем–то настолько очевидным. Я усилием воли оттолкнул атакующие мысли прочь и сказал:

— Не смотри ей в глаза, Мёрф. Она вампир. Красная коллегия.

— Учту, — сказала она, не сводя пушку с Бордового.

Мгновение вампирша смотрела на нас обоих. А потом сказала:

— Можете не представляться, мистер Дрезден. Я баронесса ЛеБлан. И наши народы в данный момент не воюют.

— Я всегда немного путался в юридических тонкостях, — сказал я. У меня было при себе несколько штучек, которые я мог использовать для собственной защиты. Я был готов использовать любую из них. Вампир в ближнем бою — не то, над чем стоит смеяться. ЛеБлан могла оторвать мне три или четыре конечности за время, нужное, чтобы достать пистолет и выстрелить. Я внимательно следил за ней, готовый действовать при малейшем признаке атаки. — Мы оба знаем, что война в конечном счёте начнётся снова.

— Вы вдалеке от чего–нибудь существенного вроде вашей территории, — сказала она, — и вы нарушили границы моей. По Соглашениям я буду в своём праве, убив вас и похоронив туловище и конечности в разных могилах.

— Вот где проблемы с этим заездом, — пожаловался я Мёрфи. — Нет ничего по-настоящему *страшного* в Туннеле Ужаса.

— Ты вернул свои деньги, — указала она.

— А, и вправду, — я слегка улыбнулся ЛеБлан. — Послушайте, баронесса. Вы знаете, кто я. Вы кое-что делаете с разумами людей и я намерен это остановить.

— Если вы не уберётесь, — сказала она, — я буду считать это актом войны.

— Ура, — сказал я монотонным голосом Бена Штейна[41], крутя указательным пальцем в воздухе, как новогодней трещоткой. — Я уже начал однажды войну с Красной Колегией и с удовольствием сделаю это снова, если это будет необходимо, чтобы защитить людей от вас.

— Это иррационально, — сказала ЛеБлан. —

---

[41] Примечания: 41

Бен Штейн - американский актёр, писатель, юрист и комментатор. Если кто-то его не знает - он сыграл в "Маске" роль автора книги, к которому герой приходил на приём. А в "Сыне Маски" именно он вёл экскурсию, на которую заявился Локи.

Полностью иррационально.

— Объясни ей, Мёрф.

— Он полностью иррационален, — сказала Мёрфи искажённым тоном.

Мгновение ЛеБлан спокойно меня оценивала. Потом она слабо улыбнулась и сказала:

— Возможно, физическая конфронтация — не лучшее решение.

— Правда? — нахмурился я.

Она пожала плечами.

— Не вся Красная Коллегия — кровожадные наркоманы, Дрезден. В моей здешней работе нет зловещих намерений. Фактически, даже наоборот.

Я склонил голову.

— Забавно. Вся эта куча трупов свидетельствует иное.

— У процесса *действительно* есть свои побочные эффекты, — согласилась она. — Но уроки, вынесенные из них, послужат улучшению моей работы и сделают её более безопасной и эффективной. Честно говоря, вам стоило бы поддержать меня, Дрезден, а не пытаться прихлопнуть.

— Поддержать вас? — я слегка улыбнулся. — Только потому, что вы думаете, что ваша работа чертовски замечательна?

— Я создаю любовь.

Я разразился хохотом.

Лицо ЛеБлан осталось неподвижно-серьёзным.

— Вы думаете, что *это*... это искажение человеческих чувств в нечто, чего они не желают — *любовь*?

— Что есть любовь, — сказала ЛеБлан, — если не серия электрохимических сигналов в мозгу? Сигналы могут быть скопированы, как любое другое ощущение.

— Любовь больше, чем только это, — сказал я.

— Вы любите эту женщину?

— Да, — сказал я. — Но это не ново.

ЛеБлан показала свои зубы.

— Но ваши теперешние чувства тоски и желания новы, разве нет? Новы и полностью неотличимы от ваших настоящих эмоций? Что скажете, сержант Мёрфи?

Мёрфи сглотнула, но на вампира не глянула. Нехитрую ментальную атаку ЛеБлан мог запросто отразить чародей, но любому нормальному человеку, вероятно, пришла бы крышка прежде, чем он понял бы, что его разум атакован. Вместо ответа она задала собственный вопрос.

— Зачем?

— Зачем что?

— Зачем это делать? Зачем заставлять людей влюбляться?

ЛеБлан выгнула бровь.

— Разве это не очевидно?

Я коротко вдохнул, понимая, что происходит.

— Белая Коллегия, — сказал я.

Белые, в отличие от Красных, были другой породой вампиров, питающихся жизненной силой своих жертв, в основном с помощью совращения. Подлинная любовь и символы подлинной любви были их криптонитом, их святой водой. Любовь к другому человеку становилась чем-то вроде защиты, превращая само прикосновение вашей кожи в проклятие для Белой Коллегии.

ЛеБлан улыбнулась мне.

— Конечно, некоторые побочные эффекты время от времени проявляются. Но в целом, это очень маленький процент от тестовой группы. И выжившие, как вы сами убедились, совершенно счастливы. Они получают любовь, которую большая часть вашего вида редко встречает и ещё реже сохраняет. Здесь нет жертв, чародей.

— О, — сказал я. — Конечно же. За исключением жертв.

ЛеБлан вздохнула.

— Смертные — как однодневки, чародей. Они

живут недолго, а затем уходят. И те, кто умер из-за моей работы, хотя бы умерли после дней или недель полного счастья. Многие, прожив более долгую жизнь, получали куда меньше. То, что я здесь делаю, потенциально может защитить смертных от Белой Коллегии навсегда.

— Это не подлинная любовь, раз она вызвана насильственно, — высказалась Мёрфи резким тоном.

— Нет, — сказала ЛеБлан. — Но я полагаю, что она вполне может вырасти на таком основании дружбы и счастья.

— Проклятье, да вы само благородство, — сказал я.

В глазах ЛеБлан сверкнуло что-то уродливое.

— Вы делаете это, чтобы избавиться от соперничества, — сказал я. — И, дьявол, возможно, чтобы повысить популяцию людей в мире. Создать больше еды.

Вампир уравновешенно меня оценила.

— Для работы есть много мотиваций, — сказала она. — Многие из моей Коллегии приняли логику, которую вы привели, когда не захотели поддержать идею об усилении и защите смертных.

— О-о, — протянул я. — Вы вампир с золотым сердцем. Флоренс Найтингейл с клыками. Пола-

гаю, это всё оправдывает.

ЛеБлан уставилась на меня. Потом её взгляд метнулся к Мёрфи и вернулся обратно. Она тонко улыбнулась.

— В Красной Коллегии есть специальная клетка, зарезервированная для вас, Дрезден. Её прутья покрыты лезвиями и шипами, так что если вы вдруг решите заснуть, они будут терзать вас, удерживая в сознании.

— Заткнись, — сказала Мёрфи.

ЛеБлан продолжила довольным тоном:

— Её нижняя часть представляет из себя чашу глубиной примерно в фут, так что вы будете стоять в собственной грязи. И ещё там есть три копья с игольными наконечниками на стойке перед клеткой, так что любой проходящий мимо сможет остановиться и поучаствовать в вашем наказании.

– *Заткнись*, — прорычала Мёрфи.

— В конечном итоге, — промурлыкала ЛеБлан, — ваши кишки будут вырваны и оставлены лежать у ваших ног. А когда вы умрёте, ваша кожа будет содрана с тела, выдублена и превращена в обивку для одного из кресел в Красном Храме.

— Заткнись! — рявкнула Мёрфи диким голосом. Её пистолет метнулся в сторону ЛеБлан. — Закрой

свой рот, сука!

Я осознал момент опасности слишком поздно. Это была именно та реакция, которую Леблан намеревалась вызвать.

— Мёрф! Нет!

Как только мёрфин Зиг убрался от него, Бордовый выхватил пистолет из-под стола и поднял его. Он потянул спусковой крючок даже раньше, чем смог навестись для выстрела, так быстро, как только мог двигать своим пальцем. Он был не более чем в пятнадцати футах от Мёрфи, но первые пять выстрелов в неё не попали, так как я повернулся и выставил невидимую мощь моего браслета щитов между ними. Пули ударили в щит со вспышками света, породив маленькие концентрические синие кольца воздушной ряби, расходящиеся от точек попадания.

Мёрфи, тем временем, открыла огонь по ЛеБлан. Мёрф стреляла почти так же быстро, как Бордовый, но у неё были обучение и дисциплина, нужные для боя. Её пули врезались в торс вампира, прорываясь сквозь бледную плоть и вышибая сгустки красно-чёрной крови. ЛеБлан отбросило в сторону — она не была мертва, но выстрелы достали её на секунду или две.

Я убрал щит, так как пушка Бордового защёлка-

ла вхолостую, поднял правый кулак и выпустил энергию кольца на моём указательном пальце в коротком, возносящем движении. Кольцо собирало крохи энергии каждый раз, когда я двигал рукой и сохраняло их до нужного момента. Невидимая сила слетела с кольца, сшибла Бордового с его места и грохнула им об потолок. Он упал обратно, стукнувшись спиной об угол стола, и свалился в бессознательном состоянии на пол. Оружие вылетело из его пальцев.

— Я пуста! — крикнула Мёрфи.

Я развернулся обратно, обнаружив, что ЛеБлан оттолкнулась от стены, восстановив равновесие. Она послала Мёрфи взгляд, полный ненависти, и её глаза залило чернотой, включая белок и радужку. Она раскрыла рот в нечеловеческом вопле, а затем вампир, скрывавшийся под человеческой формой ЛеБлан, вырвался наружу, как скаковая лошадь из ворот, оставляя за собой клочки бледной, бескровной кожи.

Это была отвратительная тварь — чёрная, морщинистая и склизкая, с обвисшим животом, мордой летучей мыши и длинными, тонкими конечностями. Глаза ЛеБлан жутко выпучились, когда она полетела на меня.

Я выставил свой щит вовремя, чтобы перехва-

тить её, и она отскочила от него, упав на секцию пола, уже запятнанного её кровью.

— Вниз! — прокричала Мёрфи.

Я опустился на корточки и убрал щит.

ЛеБлан поднялась снова, как раз когда я услышал, как Мёрфи глубоко вздохнула и задержалась на полувыдохе. Её пушка рявкнула один раз.

Вампир потеряла где-то с пятую часть своей головы, когда пуля ворвалась в её череп. Её отбросило назад к стене, раскидав конечности, но она всё ещё была жива. Она снова попыталась подняться на ноги.

Мёрфи методично выстрелила ещё шесть раз. Ни один из них не прошёл мимо. ЛеБлан упала на пол. Мёрфи подступила на шаг ближе, прицелилась, и выпустила ещё десять или двенадцать пуль в голову упавшего вампира. Когда она закончила, череп вампира напоминал разбитую вдребезги тыкву.

Несколько секунд спустя, ЛеБлан прекратила двигаться.

Мёрфи перезарядилась и оставила труп на прицеле.

— Хорошая стрельба, Текс[42], — сказал я и про-

---

[42] Примечания: 42
Цитата, похоже, из "Охотников за привидениями".

верил Бордового. Он всё ещё дышал.

— Так что, — сказала Мёрфи, — проблема решена?

— Не думаю, — сказал я. — ЛеБлан не была колдуньей. Она не могла быть той, кто разработал проклятье.

Мёрфи нахмурилась и на секунду глянула на Бордового.

Я подошёл к лежащему человеку и слегка коснулся пальцами его лба. Никаких выраженных следов энергии практикующего мага.

— Не-а.

— Кто тогда?

Я покачал головой.

— Это сложная, тонкая магия. Во всём Белом Совете наберётся человека три, которые смогли бы сотворить что-то в этом роде. Так что... больше похоже на какой-то фокусирующий артефакт.

— На что?

— На предмет со встроенной в него функцией, — сказал я. — Заливаешь энергию с одного конца и получаешь результат со второго.

Мёрфи потёрла нос.

— Как те волчьи пояса фэбээровцев?

— Ага, вроде них. — Я моргнул и щёлкнул пальцами. — *Вроде них*!

Я вылетел из маленького комплекса и поднялся по лестнице. Прошёл к туннельному автомобилю и вытащил из него старый кожаный ремень безопасности. Я перевернул его и обнаружил, что обратная сторона исписана почти невидимыми печатями и знаками. Теперь, когда я смотрел на него, то чувствовал покалывание движущейся внутри энергии.

— Ха, — сказал я. — Вот оно.

Мёрфи нахмурилась, глядя на вход в Туннель Ужаса.

— Что насчёт Билли Кида[43]?

— Мы немногое можем сделать, — сказал я. — Хочешь объяснять спрингфилдским копам, что тут произошло?

Она покачала головой.

— Я тоже, — сказал я. — Парень был рабом ЛеБлан. Сомневаюсь, что он опасен для кого-нибудь в отсутствие подталкивающего его вампира.

Кроме того, Красные наверняка убьют его, так или иначе, как только узнают о смерти ЛеБлан.

Мы помолчали секунду, потом шагнули друг к другу и мягко обнялись. Мёрфи дрожала.

---

[43] Примечания: 43

Прозвище известного преступника американского Запада 19 века. Настоящее имя - Генри МакКарти.

— Ты в порядке? — тихо спросил я.

Она склонила голову мне на грудь.

— Как помочь всем тем людям, которых она обработала?

— Сжечь пояс, — сказал я и погладил её по волосам одной рукой. — Это должно очистить всех, кто с ним связан.

— Всех, — медленно сказала она.

Я дважды моргнул.

— Да.

— Так что сделай это... мы оба будем видеть, какая это дурная идея. И помни, что у нас обоих есть хорошие причины не быть вместе.

— Да.

— И... мы больше не будем чувствовать *это*. Это... счастье. Оно закончится.

— Нет. Не будем.

Её голос дал сбой.

— Проклятье.

Я прижал её крепче.

— Да.

— Я хочу сказать тебе подождать какое-то время, — сказала она. — Я хочу, чтобы мы были благородными и добродетельными, оставив его в целости. Хочу сказать, что если мы уничтожим пояс, то разрушим счастье Бог знает скольких

людей.

— Наркоманы счастливы, когда у них приход, — спокойно сказал я, — но им не нужно счастье. Им нужна свобода.

Я положил пояс в автомобиль, повернул правую руку ладонью вверх и пробормотал слово. Сфера добела раскалённого огня поднялась с моих пальцев. Я перевернул руку и сфера мягко упала в машину, обращая пояс в пепел. Я почувствовал себя больным.

Я не следил за этим. Я повернулся к Кэррин и поцеловал её снова, горячо и быстро, и она отчаянно вернула мне поцелуй. Это было так, будто мы хотели помешать чему-то ускользнуть от нас, запечатав губы поцелуем.

Я почувствовал, когда оно исчезло.

Мы немного напряглись. Мы оба помнили, что мы решили. Мы оба помнили, что Мёрфи уже была связана с кем-то ещё и это оказалось не для её натуры.

Она отступила от меня, обхватив себя за живот.

— Готова? — тихо спросил я её.

Она кивнула, и мы двинулись. Никто из нас не произнёс ничего, пока мы не дошли до Голубого Жучка.

— Знаешь что, Гарри? — тихо сказала она с другой стороны машины.

— Знаю, — ответил я ей. — Как ты говорила, любовь убивает.

Мы сели в Жучка и направились обратно в Чикаго.

11.2 Вооруженная справедливость (2010)

Успех убийства, как успех ресторана: девяносто процентов его зависит от места, места, и ещё раз места.

Трое мужчин в чёрных капюшонах стояли на коленях на полу склада на набережной, их запястья и лодыжки были стянуты прочными пластиковыми наручниками. Горело лишь несколько ламп. Они стояли на коленях на бетонном полу с большим, выцветшим пятном, оставленным лицемерно названным Белым Советом Чародеев во время последней казни.

Я кивнул Хендриксу, который снял капюшон с первого человека, затем встал свободно. Человек был молод и красив. Он носил дорогой, и все же плохо сидящий костюм и еще более дорогие и к тому же безвкусные ювелирные украшения.

- Откуда вы? - спросил я его.

Он презрительно усмехнулся.

- Какое те - ...

Я выстрелил ему в голову, как только услышал браваду в его голосе. Тело тяжело упало на пол.

Двое других подпрыгнули и выругались, их

голоса звучали зло и испуганно.

Я снял капюшон со второго человека. Его костюм был очень похож на костюм убитого, и мне показалось, что я узнаю этот фасон.

- Бостон? - спросил я.

- Ты не можешь с нами этого сделать, - сказал он, скорее со злостью, чем со страхом. - Ты хоть знаешь, кто мы такие?

Как только я услышал гнусавое "такие", я застрелил его.

Я снял капюшон с третьего человека. Он закричал и отступил от меня.

- Бостон, - кивнув, сказал я, и приставил дуло своего пистолета к его лбу.

Он уставился на меня, показывая белки своих глаз.

- Ты знаешь, кто я такой. Вся наркота в Чикаго моя. Все ставки мои. Все шлюхи. Это мой город. Ты понимаешь?

Всё его тело затряслось в каком-то подобии кивка. Его губы беззвучно сложили слово "да".

- Я рад, что ты можешь ответить на простой вопрос, - сказал я ему и опустил пистолет. - Я хочу, чтобы ты передал мистеру Морелли, что я не буду так же мягок в следующий раз, когда его люди попытаются урезать границы моей территории.

Я посмотрел на Хендрикса.

- Запихни всех троих в запечатанный вагон и отправь обратно в Бостон, к мистеру Морелли.

Хендрикс был крупным, надёжным человеком, с рыжими волосами, подстриженными «ёжиком». Он повел подбородком в небольшом движении, которое он использовал для кивка, когда он не одобрял мои действия, но все равно был вынужден мне повиноваться.

Хендрикс и команда чистильщиков всё здесь приберут.

Я передал ему пистолет и перчатки из рук в руки. И то, и другое окажется на дне озера Мичиган, прежде чем я буду на полпути домой, вместе с двумя пулями, которые удалят чистильщики. Когда все будет закончено, здесь ничего не останется от двух погибших мужчин, кроме небольшого изменения окраски пятна на полу старого склада, куда в любом случае никто не посмотрит дважды.

Место, место, и ещё раз место.

Очевидно, что я не Гарри Дрезден. Мое имя редко вызывает проблемы с запоминанием, но большую часть своей взрослой жизни я зовусь Джоном Марконе.

Я профессиональный монстр.

Это звучит претенциозно. В конце концов, я

- не пожирающий плоть вурдалак, прячущийся за человеческой маской, пока не придет время для еды. Я не вампир, высасывающий кровь или душу из своей жертвы, не людоед, не демон, не мерзкий зверь из мира духов, живущий среди ничего не подозревающих овец человечества. Я даже не обладаю мистическими способностями смертных чародеев.

Но они никогда не станут такими, как я. Все эти существа поголовно были рождены, чтобы стать такими, какие они есть.

Я сделал выбор.

Я вышел из склада и встретил моего консультанта, Гард - высокую белокурую женщину без косметики, чьи глаза постоянно прочесывали окрестности. Она шла в ногу рядом со мной, когда мы направились к машине.

- Двоих?

- Они не побеспокоились о культурных манерах, когда отвечали на вопрос.

Она открыла заднюю дверь для меня, и я уселся. Я достал свое личное оружие и сунул его в кобуру под левую руку, пока она располагалась за рулем. Она проехала немного, а затем сказала:

- Нет, это не так.

- Это был бизнес.

- И тот факт, что один из них толкал героин тринадцатилетним девочкам, а другой был их сутенёром, не имеет с этим ничего общего, - сказала Гард.

- Это был бизнес, - внятно произнес я. - Морелли может найти толкачей и сутенёров в любом месте. Достойный счетовод бесценен. Я отправил ему его бухгалтера в качестве жеста уважения.

- Вы не уважаете Морелли.

Я почти улыбнулся.

- Возможно.

- Тогда почему?

Я не ответил. Она не стала давить на меня, и мы молчали всю дорогу в офис. Когда она парковала автомобиль, я сказал:

- Они были на моей территории. Они нарушили моё правило.

- Никаких детей, - сказала она.

- Никаких детей, - сказал я. - Я ненавижу проблемы, мисс Гард. Это плохо для бизнеса.

Она посмотрела на меня в зеркало, с каким-то странным смыслом в голубых глазах, и кивнула.

***

Раздался стук, и в приоткрытую дверь просунулась голова Гард с болтающимся наушником

телефона.

- У нас проблема.

Хендрикс нахмурился со своего места за соседним столом. Он сгорбился над ноутбуком, который выглядел слишком маленьким для него, и корпел над своей диссертацией.

- Что ещё за проблема?

- Возникли вопросы с Неписаным Соглашением, - ответила Гард.

Я не поднял взгляда от письма одного из моих адвокатов, которые я получаю слишком часто, чтобы наплевать на них.

- Ну, - сказал я, - мы знали, что это случится, в конце концов. Подгони машину.

- Не требуется, - сказала Гард. - Ситуация пришла к нам.

Я отложил прочитанное письмо и посмотрел вверх, сложив пальцы вместе.

- Интересно.

Гард привела проблему. Проблема была молодой и привлекательной. По моему опыту, последнее зачастую главнее первого. В данном случае, это была молодая женщина с ребенком на руках. Она была поразительна: густые, серебристо-белые волосы, тёмные глаза, бледная кожа. На ней было очень мало косметики, на ее счастье,

потому что она выглядела так, как будто недавно попала под дождь. На ней было то, что осталось от серого делового костюма, плечи обёрнуты полотенцем из одного из моих клубов здоровья, и она дрожала.

Ребёнок, которого она держала, был слишком мал, чтобы учиться в школе, и он тоже был привлекательным, с румяным лицом, белокурыми волосами и голубыми глазами. Мужского пола или женского, это вряд ли имело значение в этом возрасте. Они все красивые. Ребёнок вцепился в девушку, так что не оторвать, и тоже был завёрнут в полотенце.

Язык тела девушки явно был защитным. Она обладала тем типом красоты, который выглядел естественным и… настоящим. И черты ее лица, и ее манеры говорили о мягкости и доброте.

Я сразу почувствовал инстинктивное желание защитить и успокоить ее.

Я тщательно его подавил.

Я не каменный, но я нахожу, что в большинстве случаев лучше всего вести себя именно так.

Я посмотрел на неё через стол и сказал:

- Мои люди сказали мне, что вы попросили убежище в соответствии с условиями Неписаного Соглашения, но что вы ещё не идентифициро-

вали себя.

- Я прошу прощения, сэр, - ответила она. - Для меня было уже достаточно нескромным просто приехать сюда.

- Действительно, - невозмутимо сказал я. - Я взял себе за правило не афишировать расположения головного офиса моей фирмы.

— Я не хотела добавлять лишних проблем, — сказала она, опуская глаза с видом покорности, который не вполне убедил меня, — я не знаю, скольким из ваших людей был разрёшен доступ к информации такого рода.

Я посмотрел мимо молодой женщины на Гард, которая ответила мне медленным, осторожным кивком. Если бы девушка или ребенок были не теми, кем они казались, Гард бы подала отрицательный знак. Гард обходится мне в целое состояние, и стоит каждого пенни.

Несмотря на это, я не дал знак удалиться ни ей, ни Хендриксу. Они оба следили за девушкой, готовые убить ее, если она сделает угрожающее движение. Доверяй, но проверяй - излишне доверчивый будет мёртвым, если она попытается предать.

- Это было весьма тактично с вашей стороны, Жюстина.

Девушка часто заморгала.

- В-вы знаете меня.

— Вы иногда сотрудничаете с Гарри Дрезденом, — сказал я. — Учитывая его наклонности, благоразумно установить личности, по возможности, максимального числа тех, кого он объединяет под своей эгидой. Ради моей страховки, только и всего. Гард.

- Жюстина, по фамилии вы не представляетесь, - спокойно сказала Гард, - в настоящее время работаете в качестве секретаря и личной помощницы Лары Рейт. Временами вы любовница Томаса Рейта, частого союзника Дрездена.

Я слегка развёл руками.

- Я полагаю, обозначение "Ж" в нижней части образчика корреспонденции госпожи Рейт относится к вам.

- Да, - сказала Жюстина. Она быстро взяла себя в руки - не то, чего я ожидал бы от слуги вампира Белой Коллегии. Я полагаю, многие из... людей, которых я видел там, довели себя до состояния лотофагов. - Да, совершенно верно.

Я кивнул.

- Учитывая, кто ваш покровитель, любопытно одно: почему в поисках защиты вы пришли ко мне.

- Время, сэр, - ответила она тихо. - У меня не хватило времени сделать какой-либо другой выбор.

Кто-то закричал в передней части здания.

Мой головной офис беспорядочно меняет дислокацию, поскольку я приобретаю новые здания. Большая часть моего значительного состояния вложена в недвижимость. У меня больше городской собственности, чем у любого другого инвестора. Чикаго всегда требуются деньги, которые будут потрачены на покупку и ремонт стареющих зданий. Я большую часть своего рабочего дня провожу на одном из моих новых проектов реконструкции, до тех пор, пока он не превратится в место, подходящее для приема гостей. Затем начинается реконструкция здания, и место, как правило, переполнено подрядчиками, которые доказали свою способность ничего не видеть и не слышать.

Гард резко подняла голову. Она потрясла ею, как будто хотела избавиться от жужжания, и сказала:

- Присутствие. Кто-то сильный. - Она вскинула голубые глаза на Жюстину. - Кто?

Молодая женщина вздрогнула и плотнее завернулась в полотенце.

- Мэг. Владетельный лорд фоморов.

Гард выругалась на скандинавском языке и это, вероятно, были проклятия.

- Поясни, пожалуйста, - сказал я.

- Фоморы - это древний народ, - сказала она. Водные жители, родственники йотунов. Крайне опасны. Маги, умеют превращаться, провидцы.

- И участники Соглашения, - отметил я.

- Да, - сказала она. Она перешла на другую сторону комнаты, открыла шкаф и достала спортивную сумку. Она извлекла из неё простой, весьма грубый на вид меч и бросила его Хендриксу. Здоровяк поймал его за ручку, а левой рукой взял пистолет. Гард вытащила из сумки секиру с широким лезвием и взвалила её на плечо.

- Но редко вмешиваются в дела смертных.

- Госпожа Рейт послала меня к королю фоморов с документами, - сказала Жюстина, ее речь была негромкой и торопливой. Ее дрожь усилилась. - Мэг сделал меня своей узницей. Я сбежала вместе с ребенком. У меня не было времени добраться до одной из крепостей миледи. Я пришла к вам, сэр. Я прошу у вас защиты, в качестве одолжения госпоже Рейт.

- Я не делаю одолжений, - невозмутимо ответил я.

Мэг вошел способом, который многие из этих

эгоцентричных сверхъестественных кретинов, видимо, обожают. Он разнёс дверь, превратив ее в облако летающих осколков, чем-то, что, как я предположил, было магией.

Ради бога.

Вампиры, по крайней мере, нуждаются в приглашении.

После взрыва осталось мало мусора. После нескольких визитов Дрездена и иже с ним, я купил дешёвые, легкие двери для драматических (в отличие от тактических) дверных проёмов.

Фомор оказался бледным, отталкивающей внешности гуманоидом. Семи футов ростом, плюс-минус, и определенно смахивающим на лягушку. У него был раздутый живот, ноги на несколько дюймов длиннее для человеческих пропорций, и огромные ступни и ладони. Он был одет в тунику из чего-то, напоминающего водоросли, под длинным, развевающимся голубым халатом, покрытым самой сложной вышивкой, что я когда-либо видел. Диадема из кораллов обрамляла его голову. Его правая рука была эффектно отставлена. В левой он нес витой длинный жезл.

Его выпученные глаза желтушно-жёлтого цвета, были окружены болотно-зелёным, а зубы

были гнилые и грязные.

- Ты не сможешь убежать от меня, - сказал он. Его широкий рот делал слова невнятными. - Ты моя.

Жюстина смотрела на меня, видимо, слишком испуганная, чтобы повернуть голову, её глаза округлились от страха. Таким резким контрастом было сложно управлять.

- Сэр, пожалуйста.

Я почти незаметным движением коснулся кнопки на нижней поверхности моего стола, снова сложил руки домиком, поднял глаза на Мэга и сказал:

- Простите, сэр. Это личный кабинет.

Мэг рванулся вперед на полшага, сфокусировав глаза на девушке.

- Молчи, смертный, если хочешь жить.

Я сузил глаза.

Неужели так сложно попросить вежливо?

- Жюстина, - сказал я хладнокровно, - постой в сторонке, пожалуйста.

Жюстина быстро, молча, отошла от нас.

Я сфокусировался на Мэге и сказал:

- Они под моей защитой.

Мэг смерил меня презрительным взглядом и поднял жезл. Тьма ринулась на меня, как если бы

он просто вытащил её из щелей между половицами и трещин в стене и обратил в шипящую сферу размером с шар для боулинга.

Она распалась в ничто в футе от моих сложенных рук.

Я поднял палец, и Хендрикс выстрелил Мэгу в спину. Несколько раз.

Фомор присел, издавая звук, напоминающий шипение закипающего чайника, как будто пули в спине причинили ему лишь незначительное неудобство, и направив поднятый жезл на Хендрикса.

Секира Гард выбила жезл из его руки, поднялась в замахе и начала опускаться снова.

- Стоп, - сказал я.

Мышцы Гард застыли, прежде чем она обрушила секиру на голову Мэга. Мэг поднял руку, окутавшуюся какой-то тёмной дымкой, его длинные пальцы изгибались под странными углами - вероятно, разновидность магической обороны.

- Поскольку я являюсь свободным участником Неписаного Соглашения, - сказал я, - если я убью вас, не раздумывая, это будет рассматриваться как военные действия, несмотря на ваше боевое вторжение на мою территорию. - Я сузил глаза. - Тем не менее, ваше поведение дает мне доста-

точно оснований ссылаться на самооборону и защиту частной собственности. Я возлагаю решение на вас. Продолжайте это дурацкое поведение, и я убью вас, а труп отправлю вашему повелителю, королю Корбу, в соответствии с принципами разрешения конфликтов, раздел второй, параграф четвертый.

Как я уже говорил, мои адвокаты присылают мне бесконечные письма. Я говорю на их языке.

Мэг, видимо, какое-то время переваривал услышанное. Он посмотрел на меня, потом на Гард. Его глаза сузились. Его взгляд переместился на Хендрикса, его голова едва двигалась, и он, казалось, замер, когда увидел меч в руке у Хендрикса.

Его глаза метнулись к Жюстине и ребенку, и вспыхнули на мгновение, но не восхищением или даже просто похотью. Там был чистый и собственнический голод с необходимостью уничтожить то, что он желал. Я провел всю свою жизнь около жёстких людей. Я узнаю эту форму безумия, когда встречаю.

- Итак, - сказал Мэг.

Его взгляд снова переместился на меня и вдруг стал тяжёлым и расчетливым.

- Вы новый смертный лорд, участник Соглашения. Мы были наполовину уверены, что вы,

должно быть, выдумка. Что никто не может быть настолько глупым.

- Вы неправы, - сказал я. - Более того, вы не получите их. Убирайтесь.

Мэг встал. Движение было медленным и текучим. Его конечности, казалось, не сгибались соответствующим образом.

- Лорд Марконе, - сказал он, - это дело вас не касается. Я только хотел забрать рабов.

- Вы не получите их. Убирайтесь.

- Я предупреждаю вас, - сказал Мэг. Его тон был угрожающим. - Если вы не вернёте мне её, вам не понравится то, что последует.

- Меня не волнуют последствия. Оставьте моё владение. Я не буду повторять просьбу.

Хендрикс переступил с ноги на ногу, выравнивая баланс.

Мэг неторопливо собрался. Он протянул руку, и витой жезл прыгнул с пола и оказался в его пальцах. Он улыбнулся Гард медленной и хорошо отработанной усмешкой и сказал:

- Скоро, презренный смертный. Придёт время, когда ты узнаешь правду о мире. И мне доставит удовольствие стать твоим учителем.

Потом он повернулся, медленно и надменно, и вышел, его плечи сгорбились в странном, непри-

ятном движении, пока он шел к двери.

- Убедитесь, что он уходит, - сказал я спокойно.

Гард и Хендрикс вышли из комнаты вслед за Мэгом.

Я обратил взгляд на Жюстину и ребенка.

- Мэг, - сказал я, - не из тех, кто привык к разочарованию.

Жюстина посмотрела в ту сторону, куда исчез фомор, а затем вновь на меня, с недоумением в глазах.

- Это было колдовство. Как вам...?

Я встал из-за своего стола и вышел из медного круга, вделанного в пол вокруг моего кресла. Он был оснащён магическим эквивалентом девятивольтовой батареи, связанной с управлением на нижней поверхности моего стола. Основная магическая защита, как сказала Гард. Тогда это мне показалось глупостью - но я ошибался.

Я вынул пистолет из кобуры и положил на стол.

Жюстина приняла к сведению такой ответ.

Конечно, я не стал бы давать личному помощнику одной из самых опасных женщин Чикаго информацию о моей магической защите.

В её взгляде было что-то суровое, а вовсе не полная покорность.

- Спасибо сэр, за...

- За что? - очень спокойно сказал я. - Вы понимаете, не так ли, что вы сделали, попросив у меня помощи согласно Неписаному Соглашению?

- Сэр?

- Соглашение регулирует отношения между сверхъестественными силами, - сказал я. - Сторонам, подписавшим Соглашение, и их так называемым вассалам предоставляются определенные права и обязательства, такие, как предварительное предупреждение участника Соглашения, который невольно нарушил чужую территорию, прежде чем убить его.

- Я знаю, сэр, - сказала Жюстина.

- Тогда вы также должны знать, что вы определенно не являетесь участником Соглашения. В лучшем случае, вы имеете права в категории "слуги и движимое имущество". В худшем случае, вы считаетесь домашним скотом.

Она резко задержала дыхание, её глаза расширились, но вовсе не от чувства возмущения или обиды, но от осмысления. Хорошо. Она осознала реальную обстановку.

- В любом случае, - продолжал я, - вы собственность. У вас нет прав в сложившейся ситуации, в глазах Соглашения, и что более важно, я не

имею права удерживать чужое законное имущество. Поведение Мэга, при условии, если бы он не отступил, давало мне повод убить его. Он не подарит мне такой удобный случай второй раз.

Жюстина сглотнула и уставилась на меня на секунду. Потом она взглянула на ребенка на руках. Ребенок вцепился в неё крепче и, кажется, слегка отстранился от меня.

Надо восхищаться такими острыми инстинктами.

- Вы втянули меня в конфликт, который не имеет ничего общего со мной, - сказал я спокойно. - Я предлагаю откровенность. В противном случае, я велю мистеру Хендриксу и мисс Гард указать вам на дверь.

- Вы не можете..., - начала она, но её голос затих.

- Я могу, - сказал я. - Я не такой уж гуманный. Когда я занимаюсь благотворительностью, это для целей налогообложения.

В комнате стало тихо. Я был доволен этим. Ребенок начал тихонько хныкать.

- Я доставляла документы в суд короля Корба от имени миледи,- сказала Жюстина. Она рассеянно гладила волосы ребенка. - Это находится в море. Туда есть проход в озере Мичиган, недалеко

отсюда.

Я поднял брови.

- Вы плыли?

- Я была под защитой их курьера, отправившись туда, - сказала Жюстина. - Это как идти в воздушном пузыре. - Она подняла прицепившегося ребенка чуть выше бедра. - Мэг увидел меня. Он прогнал курьера прочь, когда я уходила, и забрал меня к себе домой. Там было много других пленников.

- В том числе ребёнок, - предположил я. Хотя это, вероятно, не звучало таким образом.

Жюстина кивнула.

- Я... Организовала побег нескольких заключённых из дома Мэга. Я забрала ребенка, когда уходила. Я уплыла.

- Таким образом, вы, по сути, похищенная собственность, владеющая похищенной собственностью, - сказал я. - Роман.

Гард и Хендрикс вернулись в офис.

Я посмотрел на Хендрикса.

- Мои люди?

- Тьюлейн получил перелом руки, - сказал он. - Подвернулся этому мудаку. Он на пути к доктору.

- Спасибо. Мисс Гард?

- Мэг лишился собственности, - сказала она. - Он недалеко. Он сейчас вызывает поддержку.

- Какую угрозу он представляет? - спросил я.

Вопрос был законный. Гард и Хендрикс нанесли удар нелюдю исподтишка, в то время как он был сосредоточен на Жюстине и ребенке и пока он попусту растрачивал свой главный магический удар по моему защитному кругу. У лобового противостояния против подготовленного врага может быть совершенно другой расклад.

Гард проверила край своей секиры большим пальцем и достала из кармана гладкий камень.

- Мэг является у фоморов Повелителем-чародеем первого ранга. Он смертельно опасен - и у него есть связи. Фомор может раздавить вас без серьёзных потерь ресурсов. Противостояние было бы неразумным.

Камень, плавно двигающийся по лезвию секиры, издавал стальной, скользящий звук.

- Кажется, это дело принесёт мало прибыли, - сказал я. - Ничего личного, Жюстина. Просто бизнес. Я обязан вернуть похищенное имущество подписавшемуся участнику Соглашения.

Хендрикс резко посмотрел на меня. Он ничего не сказал. Он и не должен был. Я уже знал интонацию всего, что он мог сказать. *Разве нет у нас*

тюрем, возможно. Или *нет человека, который был бы как остров, сам по себе. Он звонит по тебе*.[44] И всё такое прочее.

Хендрикс совершено не годится для бизнеса.

Гард смотрела на меня, ожидая.

- Сэр, - сказала Жюстина размеренным и странно формальным тоном. - Могу ли я говорить?

Я кивнул.

- Она не является собственностью, - сказала Жюстина, и голос у неё был низкий и напряжённый, взгляд прямой. - Она попала в ловушку в логове живых кошмаров, и некому было прийти и спасти ее. Она бы там и умерла. И я никому не позволю утащить её обратно в эту адскую бездну. Я умру первой.

Молодая женщина сжала челюсти.

- Она не собственность, мистер Марконе. Она ребёнок.

Я долго смотрел Жюстине в глаза.

Я посмотрел в сторону Хендрикса. Он ждал моего решения.

Гард смотрела на меня. Как всегда, Гард смотрела на меня.

---

[44] Примечания: 44

Тут цитата из книги "Рождественские повести" Чарльза Диккенса и два отрывка из проповеди английского поэта и священника XVII века Джона Долла.

Я посмотрел на свои руки, мои пальцы покоились вместе с локтями, опирающимися о стол.

Бизнес на первом месте. Всегда.

Но у меня есть правила.

Я посмотрел на Жюстину.

- Она ребёнок, сказал я спокойно.

Атмосфера в комнате внезапно стала очень натянутой.

- Мисс Гард, - сказал я, - пожалуйста, распустите подрядчиков на день, с оплатой. Затем поднимите оборону.

Она убрала точильный камень в карман и вышла упругим шагом, с оскалом на лице.

- Мистер Хендрикс, пожалуйста, разместите наших миротворцев. Пусть займут позиции через улицу. Оружие только с глушителями. Мне не нужен патрульный, шляющийся вокруг. Затем подготовьте убежище.

Хендрикс кивнул и достал мобильный телефон, когда выходил. Его огромные, короткие пальцы порхали над его сенсорным экраном, пока он посылал текстовое сообщение о мобилизации. Глядя на него, невозможно было подумать, что он способен на такие вещи. Но это Хендрикс, вообще-то.

Я взглянул на Жюстину, когда встал и подошел

к шкафу.

- Вы с ребенком пойдете в убежище. Это, возможно за исключением дома Дрездена, самое безопасное место в городе.

- Спасибо, - тихо сказала она.

Я снял пиджак и повесил ого в шкаф. Я снял галстук и повесил на ту же вешалку. Я положил мои запонки в карман пиджака и засучил рукава до ремней от кобуры. Затем я скользнул в бронежилет, выполненный из тяжёлых композитных материалов и присоединённый к рукавам весьма старомодной кольчуги. Поверх брони я напялил старый френч оливкового цвета, подпоясался ремнём с кобурой на одной стороне и боевым ножом на другой, и взял из стойки армейский штурмовой дробовик, такой же незаконный в городе Чикаго, как и мой пистолет.

- Я делаю это не для вас, юная леди, - сказал я. - И я не делаю это для ребенка.

- Тогда зачем вы делаете это? - спросила она.

- Потому, что у меня есть правила, - ответил я.

Она слегка покачала головой.

- Но вы же преступник. У преступников нет правил. Они их нарушают.

Я остановился и посмотрел на неё.

Жюстина побледнела и отшатнулась от меня,

вдоль стены. Ребёнок издал тихий, обиженный звук. Я коротким кивком велел ей следовать за мной, когда проходил мимо. Это дошло до неё моментально.

Честно.

Кое-кто на службе у вампира должен был иметь немного больше мужества.

***

Это убежище выглядело, как и любое другое, которое я построил: лампы дневного света, ровная плитка, обычная сухая стена. Две двойные койки занимали один конец комнаты. Письменный стол и несколько стульев заняли остальные. Крошечная кухня расположена в одном углу, напротив миниатюрного медицинского пункта в другом. Ещё была дверь в санузел и панель мониторов безопасности на стене между ними. Я щёлкнул одним выключателем, который активировал всю панель, отображающую множество картинок со скрытых камер безопасности.

Я жестом предложил Жюстине войти в комнату. Она зашла и сразу заняла место на нижней койке ближайшей кровати, всё еще держа ребенка.

- Мэг может найти её, - сказала мне Гард, когда мы все встречались за пределами убежища. - Как

только он проникнет в здание и займёт передний край, он будет иметь возможность отслеживать её. Он явится прямиком к ней.

- Тогда мы знаем, в какую сторону он будет двигаться, - сказал я. - Что вы узнали о его поддержке?

- Они существа, - сказала Гард, - фактически смертные, хотя таких вы не видели раньше. Фоморы изменяют плоть по своему вкусу и продают результаты за покровительство и влияние. Вероятно, это фоморы создали тех мерзких тварей для Рыцарей Тёмного Динария.

Я скривил рот от досады, услышав это название.

- Если они смертны, мы можем их убить.

- Они живучие, - предупредила меня Гард.

- Ну и что? - Я посмотрел вверх и вниз по коридору вне убежища. - Я думаю, что стоит придерживаться первоначального плана обороны.

Гард кивнула. Она была одета в бронежилет наподобие моего собственного поверх длинной кольчуги. Видок средневековый, но ведь современные оружейники в последнее время не направляют свое ремесло на защиту от когтей. Хендрикс, стоящий на страже в конце зала, был в бронежилете, но в остальном покрыт моди-

фицированными доспехами мотоциклиста. Он нес штурмовой дробовик, как у меня, несколько ручных гранат, и тот самый палаш.

- Оставайтесь здесь, - сказал я Жюстине. - Следите за дверью. Если кто-то кроме одного из нас спустится по лестнице, закройте её.

Она кивнула.

Я повернулся и пошел к лестнице. Я взглянул на Гард.

- Чего нам ожидать от Мэга?

- Боли.

Хендрикс хмыкнул. Скептически.

- Он древний, коварный и злой, - уточнила Гард. - Диапазон способов, которыми он может причинить вред, практически безграничен.

Я кивнул.

- Можешь ли ты сообщить какие-либо конкретные сведения?

- Ему будет непросто добраться сюда незаметно, - сказала она. - Фомор практикует магию энтропии. По сравнению с ним антитехнологический эффект Дрездена подобен небольшой солнечной активности. Современные системы выходят из строя рядом с ним.

Мы начали подниматься по лестнице.

- Сколько у нас времени, прежде чем он явит-

ся?

Сверху донёсся грохот бьющихся стёкол. Сигнализация не сработала, но раздалось жужжание, шипящий звук и крик - внешняя оборона Гард. Хендрикс нажал кнопку на своём сотовом телефоне, а затем присоединился ко мне, когда я сбегал по последним ступеням лестницы на первый этаж.

Пока мы спускались, погас свет, а телефон Хендрикса заискрил и вырубился. Батареи аварийного освещения щёлкнули мгновением позже. Только около половины из ламп горели, и большинство из них были позади нас.

Мэг ждал ночи, чтобы начать свою атаку, а затем испортил наше освещение. Вполне возможно, он предполагал, что темнота даст ему подавляющее преимущество.

Высокомерие некоторых членов сверхъестественного сообщества удивительно.

На моё оружие и оружие Хендрикса были установлены приборы ночного видения, это были специализированные, основанные на технологиях второй мировой войны приборы, разработанные до революции в электронике. Они были тяжелее и значительно хуже, чем современные устройства, но они будут действовать, когда

электроника превратится в бесполезный хлам.

Мы подняли оружие на плечи, приникли глазами к окулярам и продолжили идти. Мы добрались до первой оборонительной позиции, состоящей из барьеров армированного композита и стали на колени позади них. Окружающего света, поступающего из города снаружи, и аварийного освещения внизу было достаточно для нашего дела. Я мог разглядеть контуры коридора и комнаты позади. Звуки крадущегося движения приблизились.

Моё сердце забилось быстрее, но не так тревожно. Мои руки были устойчивыми. Мой рот пересох, и реакция моего организма на перспективу смертельной опасности посылала волны дрожи вверх и вниз по спине. Я обнял страх и ждал.

Фоморские существа ворвались в коридор бешено ревущим ураганом. Я не мог разглядеть многих деталей. Они казались смонтированными на шасси гориллы. Их головы были приплюснутыми, уродливыми, с широко разинутыми пастями, полными акульих зубов. Издаваемые ими звуки были низкими, с бешенством на грани безумия, и они ввалились в коридор волной массивных мускулов.

- Готовься, - пробормотал я.

Существа раскачивались на ходу, как дешёвые игрушки, которые были собраны неправильно, но при всём этом двигались быстро. Всё больше и больше их вливалось в коридор, и их атака набирала мощь и стремительность.

- Готовься, - повторил я.

Хендрикс крякнул. Это не было словами, но я понял, что он имел в виду.

Волна фоморских существ подошла так близко, что я разглядел пятна грибков, облепивших их мех, и пушок плесени, растущей на открытых участках их кожи.

- Огонь, - сказал я.

Хендрикс и я открыли огонь.

Новые армейские автоматические дробовики АА-12 - не охотничьи ружья, которыми я сначала пользовался в пору своей патриотически-бредовой молодости. Это полностью автоматическое оружие с большим круглым барабаном, которое скорее напоминает старые пулемёты Томпсона, сделавшиеся культовыми у моих предшественников по бизнесу в Чикаго. Одно нажатие на курок - и пуля за пулей вылетает из ствола. Стальная мишень, обстрелянная очередями из АА-12, очень быстро превращается в решето.

И у нас их было два.

Бойня была неописуемой. Она прокатилась как большая метла вниз по коридору, разрывая и кромсая мясо, забрызгивая и пятная кровью стены почти до потолка. Позади меня, Гард стояла наготове с крупнокалиберной винтовкой, хладнокровно пристреливая любое существо, которое, казалось, не желало умирать прежде, чем сможет добраться до нашей оборонительной точки. Мы навалили тела такой кучей, что трупы образовали барьер для нашего оружия.

- Хендрикс, - сказал я.

Здоровяк уже потянулся за гранатами на поясе. Он взял одну, выдернул чеку, медленно сосчитал до двух, а затем швырнул её в коридор. Мы все присели за барьером, когда граната взорвалась с оглушительным шумом ударной волны сжатого воздуха.

Хендрикс бросил ещё одну. Он, возможно, и не одобряет убийство, но делает всё тщательно.

Когда звон начал исчезать из моих ушей, я услышал звук, похожий на капли дождя. Это был не дождь, конечно - боевики в здании через дорогу открыли огонь из оружия с глушителями. Пули со звуком, напоминающим шёпот, пролетали сквозь окна и ударялась о пол и стены

штаб-квартиры с безобидно звучащими шлепками. Очевидно, слуги Мэга были разгромлены и пытались бежать.

Объект размером с кулак Хендрикса появился из ниоткуда, описав в воздухе ровную дугу. Он приземлился на пол точно между двумя защитными панелями, кусок розово-серого коралла.

Гард толкнула меня плечом и свалила на пол, даже раньше, чем крикнула: "Ложись!"

Кусок коралла не взорвался. Послышался похожий на шёпот звук, и сотни крошечных отверстий появилось в окровавленных стенах и потолке. Гард застонала от боли. Моя левая голень дернулась, словно что-то пронзило её, и запылала от боли, как будто рана была заполнена солью.

Я осмотрел Хендрикса. Одна сторона его лица была залита кровью. На коже виднелись небольшие порезы, начинающие кровоточить.

- Займись им, - сказал я Гард, вставая, когда ещё один коралловый сфероид поднялся в воздух.

Прежде чем он оказался достаточно близко, чтобы представлять собой угрозу, я разнёс его в порошок своим дробовиком. И следующий, и следующий, в то время как Гард опустила винтовку, подставила плечо Хендриксу, и помогла ему встать на ноги, как если бы он весил, как она,

а не двести семьдесят фунтов мышечной массы. Она начала спускаться по лестнице.

Четвёртый сфероид влетел, сопровождаемый насмешливым хохотом, и когда я нажал на курок ещё раз, оружие не сработало. Пусто. Я ударил коралловое устройство стволом дробовика, пытаясь сбить, и бросился назад, надеясь проскочить площадку на лестничной клетке, прежде чем псевдо-граната взорвётся. Мне это не совсем удалось. Несколько объектов ударились о мою грудь и руки, и раскалённым лезвием полоснули по моему незарубцевавшемуся уху, но броня отразила по-настоящему опасные снаряды.

Я сломал руку, кувыркаясь вниз по лестнице.

Новый взрыв смеха последовал за мной, но, по крайней мере, фомор не разразился каким-нибудь нелепым монологом.

- Я сделал все возможное, - послышался голос Мэга. - Я дал тебе шанс вернуть то, что было моим. Но нет. Ты не смог удержаться от вмешательства в мои дела, от кражи моего имущества. И вот теперь ты будешь пожинать последствия своей глупости, ничтожный смертный...

Было и ещё, но нет необходимости вдаваться в подробности. Имея выбор между эгоцентрической чушью и сломанной рукой, я предпочитаю

последнюю. Это значительно менее мучительно.

Гард подняла меня на ноги за пальто свободной рукой. Я подлез под другую руку ошеломлённого Хендрикса и помог им обоим спуститься по лестнице. Жюстина стояла в дверях убежища в конце коридора мерцающих огней, её лицо было бледным, но спокойным.

Гард помогла мне запихать Хендрикса в дверь и обернулась:

- Закройте дверь. Я попытаюсь ему помешать проникнуть сюда.

- В вашем главном офисе будут недовольны, если я продам вашу жизнь так дёшево, - сказал я. - Действуем по плану.

Валькирия взглянула на меня.

- Ваша рука сломана.

- Благодарю, я в курсе, - сказал я. - Есть ли причины, по которым наши контрмеры могут не сработать?

Мэг постепенно приближался, спускаясь на одну ступеньку за раз, что делало отчетливым звук каждого шага. Я игнорировал задницу.

- Нет, насколько мне известно, - ответила Гард, - Но это отнюдь не то же самое, что "нет".

- Сэр,- сказала Жюстина.

- Мы спланировали свои действия на случай

такой - или подобной - ситуации. Конец обсуждения. Лучше помоги мне с Хендриксом.

- Сэр, - повторила Жюстина.

Я поднял голову и увидел Мэга, стоящего на лестничной площадке, укрывшегося в первой попавшейся тени, улыбающегося. Аварийное освещение на лестничной клетке погасло с мелодраматическим дождём предсмертных искр.

- Упс, - сказал я. Я пошарил рядом с дверью убежища, нашел чисто механический пусковой шнур, обернутый вокруг неприметной шляпки гвоздя на стене, и дёрнул его резким рывком.

Это взорвало противопехотные мины, заложенные в стену у лестничной площадки.

Там их было четыре, это означало, что шквал огня и чуть менее трех тысяч картечин познакомились в непосредственной близости с площадкой и с Мэгом. Облако пламени и летающей стали окутало фомора, но в последний момент вращающаяся чернота вокруг него поднялась, как живая, образуя щит между Мэгом и надвигающимся потоком разрушения.

Звук взрыва был настолько громким, что я на минуту оглох. Слух стал возвращаться ко мне, когда облако дыма и пыли на лестничной площадке начало рассеиваться. Я услышал, как сработала

пожарная сигнализация.

Мэг, грязный и почерневший от копоти, но в остальном нетронутый, сделал раздражённый жест, и пожарная сигнализация заискрила и зашипела, но не раньше, чем включить автоматические разбрызгиватели. Вода хлынула из кранов на потолке.

Мэг взглянул на воду, а затем на меня сверху вниз, и его слишком широкая улыбка растянулась ещё больше.

- Неужели? - спросил он. - Вода? Ты действительно думаешь, что вода будет препятствием для магии владыки фоморов?

Проточная вода наносила серьёзный ущерб магии смертных, или так Гард сообщила мне, было ли это природным явлением или нет. Важным элементом было количество. Достаточное количество воды могло заземлять магию так же, как вода может проводить электричество и вызывать короткое замыкание электроники. Очевидно, Мэг играл по другим правилам.

Мэг, как ни в чём ни бывало, продолжал спускаться по лестнице в точно таком же темпе. Ему несколько помешало то, что некоторые из ступеней были здорово повреждены в результате взрыва, но ему удалось спуститься в коридор.

Гард заняла позицию в середине коридора, держа секиру обеими руками перед собой и чуть в стороне, как бейсбольную биту.

Я затащил Хендрикса в комнату и взвалил на койку, подальше от линии огня. Жюстина глянула на него и метнулась к аптечке за набором для первой помощи. А потом - обратно к Хендриксу. Она разорвала пакет и разложила инструменты, необходимые для очистки раны и остановки кровотечения. Её руки летали быстро и точно. У неё была неплохая подготовка.

С койки напротив ребенок, девочка, наблюдала за Жюстиной огромными голубыми глазами. Она была голая и заплаканная, слёзы все еще были видны на ее щеках. Даже сейчас ее нижняя губа дрожала.

Но до сих пор я, как никто другой, знал, что был сделан из камня.

Я повернулся и пересёк комнату. Я сел за стол, копию того, что в моем главном офисе. Я положил пистолет прямо перед собой. Стол был расположен точно напротив двери в убежище. Из-за стола я мог ясно видеть весь коридор.

Мэг сделал шаг вперед и занёс руку, как бы бросая что-то. Я ничего не увидел, но Гард подняла секиру блокирующим движением, и была

вспышка света, и образ норвежских рун, или чего-то подобного, засветился на моей сетчатке. Внешний край кольчужного рукава Гард на правой руке внезапно почернел и рассыпался в пыль, так что рукав разорвался и повис лохмотьями.

Гард с мрачным видом шагнула назад, как раз когда Мэг прищурил свои жёлтые глаза и поднял витой жезл. Что-то, похожее на помесь молнии и угря метнулось по воздуху к Гард, но она приняла его на широкое лезвие секиры, и была другая вспышка света, другая слепящая глаза руна. Я услышал, как она вскрикнула, и увидел, что края её ногтей были сожжены дочерна.

Она отступала шаг за шагом, в то время как Мэг колошматил её вещами, которые не воспринимались рассудком, многие из которых я даже не мог видеть. Каждый раз, магия рун секиры отражала атаку, и каждый раз, казалось, стоила ей чего-то. Слегка обожжённого лица. Длинных, неглубоких порезов на её недавно обнажившейся руке. И руны, я заметил, появлялись каждый раз на секире в разных местах, и сгорали одна за другой. У Гард их было ограниченное число.

Когда каблуки Гард коснулась порога убежища, Мэг взвыл и выбросил обе руки вперед. Невидимая сила оторвала Гард от пола и жестоко

швырнула её через комнату, над моим столом, и об стену. Она ударилась с костедробительной силой и безвольно соскользнула вниз.

Я остался один против безжалостного колдуна.

Мэг вошёл медленно и уверенно в моё убежище и уставился на меня поверх стола. Он тяжело дышал, от напряжения, или волнения, или всё вместе. Он улыбнулся, медленно, и махнул рукой. Неприятное мерцание пронеслось в воздухе, я взглянул вниз и увидел ржавчину, образующуюся на металлических поверхностях моего пистолета, в то время как трещины начали расползаться по пластиковой рукояти.

- Давай, смертный, - произнёс Мэг, растягивая слова. - Возьми пистолет. Попробуй это сделать. Ваши оружейные разработки впечатляют, смертный, но вы не хозяева мира, которыми вы считаете себя. Даже самые способные сегодняшние кузнецы ничего не стоят против магии фоморов.

Я склонил голову в знак согласия.

- Тогда, полагаю, нам придётся сделать это по-старинке.

Я достал немецкий драгунский пистолет восемнадцатого века из открытого ящика рядом с моей левой рукой, прицелился и выстрелил.

Старинный кремнёвый замок щёлкнул, высекая искру, воспламенившую порох на полке, и грохнул выстрел, сопровождаемый неестественным сине-белым пламенем, полыхнувшим из ствола антикварного оружия. Мне чуть не показалось, что я мог видеть пулю, вращающуюся, кувыркающуюся и сверкающую нанесёнными на неё крошечными рунами.

Хотя тени Мэга взметнулись, чтобы его защитить, он израсходовал огромное количество энергии, проходя через здание, швыряя на нас атаку за атакой. Ещё больше энергии было использовано для преодоления огромной силы "клейморов",[45] которые взорвалась практически ему в лицо. Может быть, с полной силой, на пике его выносливости, его способностей было бы достаточно, чтобы отразить даже единую мощную атаку, которая была разработана, чтобы победить его.

С самого начала планировалось истощить его.

Воронёная свинцовая пуля и мощность тяжёлого древнего кремнёвого замка пронзили оборону и тело Мэга в тот же момент и с той же презрительной силой.

---

[45] Примечания: 45
M18A1 «Клеймор» - противопехотная мина.

Мэг уставился на меня, потом опустил голову, изумленно таращась на дымящееся отверстие в груди, такое большое, что в него влез бы мой большой палец. Его рот шевелился, когда он пытался что-то бормотать, но не издал ни звука.

- Идиот, - сказал я холодно. - Штраф стоит того, чтобы избавиться от тебя.

Мэг рванулся ко мне, намереваясь что-то сказать, но судьба пощадила меня от необходимости снова терпеть его разглагольствования. Он рухнул на пол, прежде чем смог закончить речь.

Я осмотрел свой современный пистолет, покрытый коркой ржавчины и окисливщийся, и решил не рисковать. Я держал запасной, сорок пятого калибра, под столом на всякий случай. Я достал его из выдвижного ящика, неловко проверил одной рукой, а затем разрядил оружие в голову и грудь Мэга.

Я тот, кто учил Хендрикса быть тщательным.

Я оторвал взгляд от поверженной фигуры Мэга, чтобы найти Жюстину, пристально глядевшую на меня, застыв на середине обматывания бинта вокруг головы моего ближайшего помощника.

- Как он? - невозмутимо спросил я.

Жюстина нервно сглотнула, потом ответила:

- Ему, в-возможно, потребуется наложить швы

на рану на голове. Я думаю, что у него сотрясение мозга. Остальные раны не такие опасные. Его броня остановила большую часть осколков.

- Гард? - спросил я, не оглядываясь через плечо. Валькирия обладала невероятной способностью сопротивляться и восстанавливаться после травмы.

- Какое-то время будет болеть, - невнятно ответила она. - Дайте мне несколько минут.

- Жюстина, возможно, вы займётесь моей рукой и наложите шину, - сказал я. - Я боюсь, Гард, что нам придётся отказаться от этого проекта реконструкции. Где термит?

- В шкафу, в вашем офисе наверху, там, где вы его оставили, - ответила она слегка обиженным тоном.

- Будь душкой и подожги это здание, - сказал я.

Она появилась возле моего стола, вся в синяках, измученная, но готовая к действию. Она подняла брови.

- Это что, была шутка?

- Видимо, - сказал я. - Несомненно, результат триумфа и адреналина.

- Право слово, - сказала она. Она выглядела испуганной.

- Пошевеливайся, сказал я ей. - Придай воз-

горанию видимость случайного. Мне нужно связаться с покровительницей юной леди так, чтобы она могла быть благополучно возвращена в её руки. Заодно позвони доктору Шульману. Скажи ему, что я и мистер Хендрикс побываем у него в ближайшее время. - Я поджал губы. - И стейк, я думаю. Мне бы не помешал хороший стейк. Пусть в "Бювете" приготовят для нас троих, а? Попросите их, чтобы оставались открытыми дополнительные полчаса.

Гард улыбнулась мне, сверкнув зубами.

- Ну, - сказала она, - там, конечно, не Валгалла, но жарить мясо умеют.

***

Я привёл свои дела в порядок. В конце концов, это заняло менее получаса. Миротворцы убедились, что фоморианские существа втащены внутрь, а затем исчезли. Тело Мэга было помещено в мешок и отправлено, чтобы вернуться к его земноводным родственникам, вместе с примерно четвертью миллиона долларов в слитках, ценой, указанной в Соглашении как штраф за персону, имеющую статус, как у Мэга.

Жюстина была готова встретить автомобиль, который подъехал, чтобы забрать её, а Хендрикс

был уже на пути к заботам Шульмана. Он выглядел получше к тому времени, как уехал, рыча на Гард, пока она хлопотала над ним.

Я окинул взглядом офис и кивнул.

- Мы знаем, что план обороны имеет определённый смысл, - сказал я. Я взвесил в руке драгунский пистолет. - Мне нужно больше таких пуль.

- После нанесения рун на эту я три недели была без сознания, - ответила Гард. - Не говоря уже о том, что такие пули сами по себе редкие. Этой был убит человек по имени Нельсон при Трафальгаре.

- Откуда ты это знаешь?

- Я извлекла её из него, - сказала она. - Люди его калибра - редкое явление. Я посмотрю, что смогу сделать. - Она взглянула на Жюстину. - Сэр?

- Не сейчас, - сказал я. - Мне нужно с ней поговорить, оставь нас на минутку, пожалуйста.

Она кивнула, окинув Жюстину взглядом, в котором было поровну любопытства и предупреждения. Потом она вышла.

Я встал и подошёл к девушке. Она снова держала ребёнка перед собой. Девочка измучилась и заснула.

- Итак, - сказал я спокойно. - Лара Рейт послала вас к людям Мэга. Он случайно похитил вас. Вы

случайно убежали от него, несмотря на то, что он, кажется, обеспечил тщательную охрану других заключённых, и вы ещё прихватили ребенка. И, выходя из озера Мичиган, вы случайно оказались рядом, поэтому пришли прямо сюда.

- Да, - тихо ответила Жюстина.

- Совпадения, совпадения, - сказал я. - Положите-ка ребенка.

Ее глаза встревоженно расширились.

Я смотрел на неё, пока она не подчинилась.

Моя правая рука была в шине и в подвеске. Я протянул левую руку и распахнул её пиджак, над левым бедром, где она весь вечер прижимала ребенка.

Там оказался конверт в полиэтиленовом пакете, торчащий из внутреннего кармана пиджака. Я достал его.

Она издала слабый звук протеста, оборвавшийся на середине.

Я открыл пакет, распечатал конверт и просмотрел лежавший в нём листок бумаги.

- Это номера счетов, - сказал я спокойно. - Пароли системы безопасности. Похищенные из дома Мэга, я полагаю?

Она посмотрела на меня широко распахнутыми глазами.

- Дорогое дитя, - сказал я, - я преступник. Одним очень хорошим способом скрыть одно преступление является совершение другого, более очевидного. - Я снова взглянул на спящего ребенка. - Использовать ребенка для прикрытия части схемы. Какое потрясающее хладнокровие, Жюстина.

- Я освободила всех пленников Мэга, чтобы скрыть кражу его записей по приказу моей покровительницы, - спокойно сказала она. - Ребёнок... не был частью плана.

- Дети часто не бывают, - ответил я.

- Я вытащила ее по своему желанию. Освободила из того места. И она останется свободной.

- И будет расти среди вампиров? - спросил я. - Такой прелестный ребенок далеко пойдет.

Жюстина скривилась и отвела взгляд.

- Она слишком мала, чтобы выплыть самой. Я не могла бросить ее.

Я долго смотрел на молодую женщину. После чего произнес:

- Вы могли бы поговорить с отцом Фортхиллом из церкви Святой Марии всех ангелов. У церкви, кажется, есть некая программа предоставления места для укрытия подвергающимся сверхъестественным опасностям. Я не рекомендую

ссылаться на моё имя, но возможно, он захочет помочь ребенку.

Какое-то время она удивлённо моргала. Затем тихо сказала:

- Сэр, вы совсем не такой, как я думала.

- Как и вы, агент Жюстина. - Я вздохнул и снова внимательно посмотрел на ребенка. - По крайней мере, мы сегодня чего-то достигли. - Я улыбнулся Жюстине. - Ваша машина, должно быть, уже прибыла. Вы можете идти.

Она открыла рот и потянулась за конвертом.

Я сунул его в карман.

- Передайте Ларе привет. И скажите ей, что в следующий раз, когда она пошлёт вас украсть мёд, она должна найти кого-нибудь, чтобы убить пчёл.

Я одарил её слабой улыбкой.

- Это всё.

Жюстина взглянула на меня. Затем её губы дрогнули, приподнявшись в едва заметной весёлой улыбке. Она кивнула мне, подхватила ребенка и вышла, её поступь была лёгкой.

Я собирался было всадить ей пулю в голову, но передумал. Она обладала информацией о моей защите, которая могла сделать её бесполезной, и, что более важно, она знала, что она была эф-

фективной. Если она поговорит о сегодняшних событиях с Дрезденом...

Чародей сразу же догадается, что "клейморы", проточная вода и защищённые магией пули вообще не были предназначены для борьбы с Мэгом или его странным народом.

Они были приготовлены, чтобы убить Гарри Дрездена.

И они работали. Мэг был тому доказательством. Возможная конфронтация с Дрезденом была неизбежна, но убийство Жюстины гарантировало бы, что это произойдёт сразу, а я не был готов к этому, пока не восстановлю оборону на новом месте.

Кроме того, молодая женщина проявила самостоятельность. Я уважаю это.

Я хотел бы однажды испытать себя против Дрездена всерьёз - или его против меня. До тех пор, мне нужно запасти для себя так много ресурсов, как это возможно. И когда час расплаты придёт, мне нужно быть уверенным, что это произойдёт там, где, несмотря на свои силы, он уже не будет иметь превосходства.

Как и всего остального.

Место, место, и ещё раз место.

11.3 Дневник (2020)

С годами ты теряешь счет времени. То, что кажется важным, даже превыше всего, и является вашей мерой измерения. И чем дольше вы живете, тем более значимым должно быть событие, чтобы привлечь ваше внимание. И таких этапов становится все меньше.

Я не вел этот дневник со своих семидесяти лет. Я начал его лишь потому, что думал, что это произведет хорошее впечатление на Анастасию, которая, как я предполагаю, будет его читать. Я избавлю вас от банальностей школьника, мой учитель. Мой старый друг. Хоть ты никогда и не говорила этого, я всегда осознавал, что ты знаешь тайны моего сердца.

Теперь я возвращаюсь к этим бумагам, читаю последние несколько страниц и понимаю, что уроки, которые я получил бы, ведя этот дневник, возможно, помешали бы мне сделать эту запись последней.

На самом деле, это моя последняя исповедь.

У нас мало времени и слишком многое нужно сказать. Я теряю кровь, и мои мысли блуждают,

когда я должен быть кратким.

Несмотря на свое обещание Маргарет, я не смог защитить ее сына.

Я следил за ним и его отцом до самой смерти Малькольма. До сих пор я не знаю точно, кто его убил. Я допускаю, что смерть его отца была естественной, но, учитывая непрекращающиеся несчастья этого ребенка, мне кажется слишком явным, что он был отмечен врагом с момента своего рождения. Малькольм умер, когда я был в другом месте на задании. Я приехал меньше чем через десять часов после того, как ребенок попал в приемную семью, и кто-то заставил его исчезнуть. Магически, физически, бюрократически. Он бесследно исчез, и я искал его годами.

Этот ублюдок Джастин Дюморн добрался до него раньше меня. С тех пор мы полагали, что ребенок мог быть изменен для того, чтобы стать существом Немезиды. Ребенок, очевидно, убил Джастина в чем-то очень похожем на дуэль, и я не уверен, что меня больше пугает - перспектива того, что это был обман, чтобы имитировать смерть Джастина, или это было не так.

Учитывая, что было поставлено на карту, следовало бы убрать ребенка из игры — но Черный Посох не мог позволить, чтобы его внук был

нейтрализован. Вот я и выследил мальчика. Я преследовал его. Я постоянно давил на него, пытаясь вытащить любые установки — или любое искажение черной магии, которое он мог скрывать. Даже сейчас я не могу быть уверен, что он не монстр в процессе своего создания, которого мы все боимся.

Но враг вторгся в сам Высший Совет. И, независимо от его истинной преданности, Дрезден не запутался в паутине конфликтов между ними, и у него есть как задатки, так и сила, бросить им вызов, по крайней мере на время.

Возможно, я был слишком строг к нему. Возможно, я действительно стал параноиком и безумцем. Может быть, я обидел хорошего человека. Но слишком многое поставлено на карту, чтобы рисковать. Мысль о том, чтобы позволить Разрушителю родиться среди нас, когда я мог бы это остановить, слишком тяжела для меня.

Для тех, кто придет после меня и прочтет это ... что ж. История будет моим судьей. Я молча переносил страх множества людей и боролся с темнотой всеми возможными способами. Я могу сказать это без колебаний.

Но мне бы хотелось, чтобы с этим ребенком у меня получилось лучше.

Имею честь произнести: "С уважением, Дональд Морган, Страж."

12.1 Прощание (2020)

Я закончил разговор с Дрезденом, повесив трубку, и на мгновение уставился на нее.

Проклятье. А я-то думал, что у меня тяжелый случай. Это только показывает вам, что принципы не только заставляют вас сгребать угли, они заставляют вас лежать, зажигать и сгребать их самим. Человек должен жить своей жизнью ради более практичных вещей. Но я должен был хоть немного уважать его. Он верил в дурацкие вещи о мире, но он действительно в них верил.

Я подошел к шкафу, открыл сейф и достал свое самое опасное оружие - ноутбук. Он был защищен абсолютно всеми программными и аппаратными мерами предосторожности, которые я мог организовать, всеми доступными современными контрмерами наблюдения. Он был неприступен. На ближайшие несколько недель. Затем кто-то делает что-то умное, и мне приходится обновлять систему защиты.

Я договорился о поездке в Чикаго. Я договорился о том, что меня будет ждать оборудование. Я уже прикинул свой подход к Дрездену как к

потенциальной цели. Он был слишком раздражающим на слова, и слишком сильным, чтобы игнорировать его. Рано или поздно кто-нибудь должен был его заказать. Я просто не ожидал, что он сделает это сам.

Я взял пальто и вышел из своей спальни на конспиративной квартире.

Архив стояла в коридоре перед моей комнатой, между мной и дверью. Она была в том неловком возрасте, когда, если бы я действительно был отцом-одиночкой, за подражание которому мне платили, я бы начал беспокоиться о неудобных разговорах. Но она не была половозрелой девочкой.. Она была Архивом, живой памятью человечества и одним из самых могущественных существ на планете. И она была в ярости.

Дрезден назвал ее Айви (Ива). И она вцепилась в него, как в плюшевого мишку.

Я остановился и посмотрел ей в лицо. У меня был пистолет на пояснице, еще один в кобуре на лодыжке. Прежде чем ехать в аэропорт, я оставлял их в охраняемом купе в машине. Не то чтобы жандармы оценили бы это отличие, если бы меня поймали вместе с ними. Если Архив решит напасть на меня, я сомневаюсь, что они мне сильно помогут.

Она пристально посмотрела на меня. Ребенок, к которому я был привязан с тех пор, как она начала ходить. Которому иногда снились кошмары. Кто порой болел. Я заботился о ней. Если бы я был ее отцом, а не наемным водителем и киллером, этот взгляд сломал бы что-то маленькое и хрупкое глубоко внутри.

Она все знала.

- Прямо в грудь, Кинкейд, - сказала Айви (Ива).

Если вы стреляете в кого-то, вы уже решили убить его. Нет никакой причины стрелять в него куда-либо, кроме головы, если вы можете. И я могу это сделать.

Она сделала шаг ко мне, слегка рыча.

- Прямо в грудь. Или сразись со мной.

Я подумал было спросить ее почему. Но в конце концов это уже не имело значения. У нее была сила остановить меня навсегда. И она воспользуется им, если я не подчинюсь. Выстрел в грудь может дать чародею время бросить в меня предсмертное проклятие, если он передумает. И все же, это было менее рискованно, чем идти против Архива, здесь и сейчас.

Я слегка поклонился ей. Она ответила тем же.

- Вернусь через два дня, - сказал я.

- Кинкейд, - тихо произнесла Айви (Ива).

Я задержался у двери.

- Он - мой единственный друг, - сказала она. Я оглянулся на нее. Все знания человечества в одном месте. Но она все равно не могла удержаться от того, чтобы поправить школьные чулки. Она обладала силой и вечной мудростью, но по-прежнему была ребенком. По ее щекам текли слезы.

- Теперь мои ноги дотягиваются до педалей. - Сказала она. - Твои услуги больше не требуются.

На мгновение мне стало трудно двигаться. Но я был в долгу перед чародеем. И я всегда возвращаю долг. Проведите достаточно времени на этой земле, и это все, что имеет смысл.

Это была всего лишь работа, сказал я себе. Я повернулся спиной к маленькой девочке и отправился убивать чародея.

Никогда не умел прощаться.

12.2 Последствия (2010)

Новелла.

Время действия - час или два после окончания Перемен.

Цитируя великого человека: «Без комментариев».

* * *

Не могу поверить, что он мёртв.

Гарри Дрезден, Профессиональный Чародей. Звучит как плохая шутка. Как большинство людей, сначала я полагала, что это была всего лишь его фишка, подход к предложению себя как уникального товара в частном расследовании, рынок вакансий которого никогда не был особенно изобилен.

Ладно, это не совсем правда. Мне лучше знать. Я видела кое-что, что правила нормального мира просто не могли объяснить, и он был в самом центре этого. Но я сделала то, что все делают, когда сталкиваются со сверхъестественным: я сказала себе, что было темно, и что я не знаю, что именно видела. Не было никаких других свидетелей,

чтобы поддержать меня. Меня назвали бы сумасшедшей, попытайся я рассказать кому-нибудь об этом. Так что через неделю я наполовину убедила себя, что всё это было галлюцинацией. Год спустя я была почти уверена, что это был всего лишь трюк, иллюзия, осуществленная вкрадчивым доводом «против», но доводом «против» здравого смысла.

Но он был настоящим.

Поверьте мне, я знаю. Несколько лет и несколько сотен кошмаров спустя, я знаю.

Он был настоящим.

Боже. Я уже думаю о нём в прошедшем времени.

— Сержант Мёрфи, — сказал один из лаборантов. Дрезден был практически одним из нас в отделе Специальных Расследований. Мы потянули за все ниточки, чтобы вызвать команду криминалистов на место. — Извините меня, сержант Мёрфи.

Я развернулась лицом к криминалисту. Он был симпатичным, в невысоком, детском стиле. Удостоверение, прикреплённое к отвороту, гласило, что его зовут Джарвис. Он выглядел нервным.

— Я Мёрфи, - сказала я.

— Э-э, да, — он сглотнул и огляделся. — Я не

знаю, как вам это сказать, но... мой босс предупредил, чтобы я с вами не разговаривал. Он сказал, что вы были отстранены.

Я спокойно посмотрела на него. Он был не больше среднего роста, что возвышало его надо мной примерно на восемь с половиной дюймов. В нём была та худоба гончей, которую некоторые двадцатилетние продолжают сохранять после подростковых лет. Я улыбнулась ему и постаралась облегчить его муки.

— Я в курсе, - сказала я. — И не расскажу никому, если вы не станете.

Он нервно облизнул губы.

— Джарвис, — сказала я. — Пожалуйста. — Я указала на пятно крови снаружи каюты кряжистой маленькой подержанной лодки, надпись на которой объявляла её Водяным Жучком. — Он мой друг.

Я не сказала «был» — не вслух. Вы никогда так не поступаете, пока не нашли останки. Это профессиональное.

Джарвис выдохнул и осмотрелся. Я подумала, что он выглядит так, будто готовится к броску.

— По брызгам крови можно предположить, что, кто бы это ни был, он был поражён в верхнюю часть туловища. Нельзя быть уверенным,

но... — он сглотнул, — брызг много. Возможно, была задета артерия.

— А возможно, нет, — сказала я.

Он был слишком молод, чтобы заметить способ, которым я хваталась за соломинку.

— Возможно, и нет, — согласился он. — Здесь недостаточно крови, чтобы назвать это убийством, но большинство из нас думает так... Мы не нашли пулю. Она прошла через жертву и обе стены, э-э, лодки. Возможно, она в озере.

Я заворчала. Есть кое-что, что я извлекла из пятнадцатилетней карьеры на службе закону. Мужчинам удалось создать сложный и совершенно непрошибаемый секретный язык, состоящий из односложных звуков и частей слов — и они определённо слишком глупы, чтобы понять его существование. Возможно, они и вправду с Марса.[46] Я оказалась в состоянии выучить несколько марсианских фраз за всё время, и одной из полезных было ворчание, означавшее: «Да, я слышу, что вы говорите; продолжайте, пожалуйста».

— Смазанные пятна на палубе и поручне пред-

---

[46] Примечания: 46

Имеется в виду выражение, получившее распространение после выхода книги Джона Грея «Мужчины с Марса, женщины с Венеры» (John Gray. Men Are From Mars, Women Are From Venus) - о проблемах взаимопонимания.

полагают, что жертва упала через борт в воду, — продолжил Джарвис, понизив голос. — Команда подводников в пути, но...

Я использовала марсианскую фразу: «Можете не продолжать, я понимаю, о чём вы». Для любого без Y-хромосомы она звучала почти так же, как и первое ворчание, но я действительно их различала.

Озеро Мичиган ревниво и защищает своих мертвецов. Глубина вод и к тому же низкая круглый год температура означают, что трупы производят не слишком много газов при разложении. В результате, зачастую они не покачиваются на поверхности, как в полицейских шоу на кабельном. Они просто лежат на дне. Никто не знает, сколько земных останков покоится в тихом холоде мичиганских глубин.

— Это произошло недавно, — сказала я. — Даже если он упал на спину, в открытую воду, он не мог уплыть далеко.

— Да, мэм, — сказал Джарвис. — Гм. Если вы извините меня...

Я кивнула ему и засунула руки в карманы пальто. Ночь продолжалась, но это не имело большого значения - озеро не было хрустально прозрачным и в лучшие дни. Водолазам придётся использо-

вать прожектора, днём или ночью, даже при том, что мы находились не далее пятидесяти ярдов от берега, в доках пристани, которую яхта «Водяной Жучок» называла домом. Это ограничивало область воды, которую они могли обыскивать в любой данный момент. Холод накладывал пределы на время погружения. Гидролокатор мог бы быть, а мог и не быть полезным. Тут, близко к Чикаго, дно озера было захламлено, чем только можно. Они должны быть везунчиками, чтобы получить хорошую отметку на радаре и найти его.

Если он был там, то он был там несколько часов, а ветер всё время усиливался, вызывая волнение на поверхности озера. У трупа Гарри была куча времени, чтобы пойти ко дну и начать дрейфовать.

Команда подводников вряд ли сможет его найти. Они попытаются, но...

Проклятье.

Я твёрдо уставилась на удлиняющиеся тени и попыталась испарить слёзы силой мысли.

— Я... очень сожалею, сержант, — сказал Джарвис.

Я ответила марсианским: «Спасибо за сочувствие, но сейчас я хочу побыть один». Это просто.

Я всего лишь смотрела вперёд, не говоря ничего, и спустя мгновение Джарвис кивнул и уковылял прочь, чтобы продолжить работу.

Некоторое время спустя, Столлингс остановился рядом со мной; его значок выделялся на фоне пальто. После того, как меня понизили до сержанта, Столлингс заменил меня как главу Отдела Специальных Расследований, неофициальной команды монстробоев Чикаго. Мы имели дело с вещами, существование которых никто не принимает, а потом врали, чтобы отчёты выглядели аккуратно.

Столлингс — большой, костлявый человек, в меру посолидневший с возрастом, с волосами, редеющими на макушке. Он носил усы вроде Магнумовских.[47] Я была его боссом почти семь лет. Мы хорошо друг друга знали. Он никогда не относился ко мне, как младшему подчинённому — скорее, как к советнику, который был приставлен к новому командиру.

Криминалисты запечатали двери маленькой лодки полицейской лентой, собрав достаточно образцов и фотографий, чтобы задушить носорога, прежде чем кто-то заговорил.

---

[47] Примечания: 47

Персонаж американского сериала 1980 года «Частный детектив Магнум».

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Он выдохнул через нос и сказал:

— Больницы проверили в первую очередь.

Я поморщилась. Ничего удивительного. Если Гарри был ранен, больница - последнее место, куда он хотел бы попасть. Он чувствовал там себя слишком уязвимым — и беспокоился о том, что присутствие чародея, разрушающее технику, могло навредить или убить кого-нибудь, нуждающегося в поддержке жизнедеятельности, или причинить вред кому-то постороннему.

Но на лодке было слишком много крови. Если он был настолько тяжело ранен, то, возможно, не мог никуда идти самостоятельно. Следовательно, любой, кто его найдёт, мог вызвать скорую помощь.

А кровавый след ведёт к озеру.

Я качнула головой несколько раз. Мне не хотелось верить, но нельзя превратить факт в ничто, сколько раз ни пытайся его отрицать.

Столлингс снова вздохнул. Потом сказал:

— Ты отстранена, Мёрфи. А это — место преступления.

— Нет, пока мы не получили подтверждения, что это место преступления, — сказала я. — Мы

не знаем точно, что кто-то был ранен или убит. Прямо сейчас это просто бардак.

— Проклятье, — сказал он утомлённым голосом. — Ты теперь гражданская, Кэррин. Уматывай прочь с этого долбаного места. До того, как кто-нибудь донесёт про это Рудольфу и Адские Расследования[48] припрутся сюда, чтобы упрятать твою задницу за решётку.

— В любой другой день я бы с тобой согласилась, — сказала я.

— Меня не волнует, что ты думаешь, — сказал он. — Меня волнует, что ты будешь делать. А сделаешь ты вот что — развернёшься, пойдёшь к своей машине, сядешь в неё, отправишься домой и хорошенько выспишься. Ты выглядишь, как после сотни миль паршивой дороги. Сквозь ад.

Знаете, большинство женщин были бы слегка расстроены замечанием вроде этого. Особенно если носят слаксы, подчёркивающие их бёдра и зад, в сочетании с дорогой красной шёлковой блузкой, соответствующим серебряным ожерельем и двумя браслетами, доставшимися от бабушки, которые усеивали маленькие сапфиры.

---

[48] Примечания: 48

Infernal Affairs - созвучно с Internal Affairs (отдел внутренних расследований), также гонконгский криминальный триллер 2002 года, повествующий о работе полицейского под прикрытием.

И с количеством косметики большим, чем обычно расходуется за неделю. И с новыми духами. И в крутой обуви.

В любом случае, подобное замечание оскорбительно. Тем более, если вы оделись для свидания.

Но Столлингс не пытался меня оскорбить. Оскорбление тоже было марсианским, означающим что-то вроде: «Я отношусь к тебе настолько хорошо, что решил нанести тебе это оскорбление, так что теперь мы можем получить удовольствие от слегка враждебной беседы. Видишь, как я о тебе забочусь?»

— Джон, — ответила я, обратившись к нему по имени, — ты засранец.

Перевод: Я тоже тебя люблю.

Он тихо усмехнулся и кивнул.

Мужчины.

Он был прав. Мне нечего было здесь делать.

Я повернулась спиной к последнему месту, где я видела Гарри Дрездена и пошла назад к своей машине.

* * *

Это был долгий день, начавшийся почти двое суток назад, включающий в себя стрельбу в

здании ФБР — от которой новости продолжали безумствовать, особенно с учётом взрыва офисного здания за пару дней до того — и масштабное сражение в древнем храме майя, закончившееся уничтожением вампиров Красной Коллегии.

И после этого дела пошли по-настоящему опасно.

Я заявилась на дрянную старую лодку — новое пристанище Гарри, оделась в наряд, охаянный Столлингсом. Гарри и я собирались пойти пропустить несколько стаканчиков и... и посмотреть, что будет.

Вместо этого, я не нашла ничего, кроме крови.

Я не думала, что сумею заснуть, но двое суток без сна плюс физический и психологический стресс сделали это неизбежным. Кошмары дали о себе знать, но по большей части не произвели впечатления. В реальном мире бывало и похуже. Всё же я плакала. Я помню это — проснувшись посреди ночи от уже устаревшего кошмара, с мокрыми глазами, реагируя на события последних двух дней.

Так бывает. Вы чувствуете себя разбитыми, вы плачете, вы чувствуете себя лучше и возвращаетесь ко сну.

Если вы не понимаете, то не спрашивайте. Это

и вправду не переводится на марсианский.

* * *

Я проснулась от решительного стука в мою входную дверь. Я выбралась из кровати, прихватив свой Зиг и бросив быстрый взгляд через окно на задний двор. Там было пусто, в двери, ведущей на кухню, тоже никого не наблюдалось. Только после того, как я проверила свои шесть часов,[49] я пошла к входной двери, поглядывая сквозь окно в зале по мере движения.

Я узнала крепкого молодого человека, стоящего на подъездной дорожке, и немного расслабилась. Поскольку я спала в футболке не по размеру, то прихватила пару спортивных штанов и запрыгнула в них, затем двинулась посмотреть на вервольфа, стоящего у моей двери.

Уилл Борден не был похож на вервольфа. Он был ростом пять футов и пять, может, шесть дюймов, и сложён, как броневик, с плоскими, крепкими мускулами. Он носил очки, его каштановые волосы были коротко и опрятно подстрижены, и вы никогда бы не подумали, глядя на него, что он и его друзья ответственны за сорокапроцент-

---

[49] Примечания: 49
Проверила тылы, попросту говоря :-)

ное снижение преступности в радиусе шести кварталов от Чикагского Университета - и это не считая изгнанных сверхъестественных хищников, которые избегали возвращения. Строго говоря, я, вероятно, должна была его арестовать, как известного линчевателя.

Конечно, строго говоря, я больше не коп. Я не могу никого арестовать. Уже не могу.

Эта мысль поразила меня в живот, как свинцовая чушка, и никакая бравада или дисциплина против неё не помогала. Так что я просто её проигнорировала.

Я открыла дверь и сказала:

— Привет, Уилл.

— Сержант Мёрфи, — сказал он, кивнув мне. — Есть минутка?

— Рановато, — ответила я, не потрудившись исправить его обращение.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал он.

Я глубоко вздохнула через нос.

Это не то, как если бы я должна была пойти работать. Не то, как если бы меня ждало горячее свидание.

Часть меня страстно желала захлопнуть дверь перед носом Уилла и вернуться в кровать. Я всегда думала, что такая эгоистическая реакция была

довольно маленькой частью моего характера. Сегодня она ощущалась огромной.

Дом позади меня был тих и пуст.

— Ладно, — сказала я. — Заходи.

* * *

Усадив его за кухонный стол, я отправилась в свою комнату переодеться во что-то менее пижамоподобное. Когда я вернулась на кухню, Уилл успел добраться до кофеварки, и ароматный напиток уже набрался примерно с палец на дне маленького стеклянного кувшина.

Я забросила немного хлеба в тостер и тщательно проследила за тем, чтобы он не пригорел. Хотя мой тостер далеко не новый, присматривать за ним не обязательно. Просто это дало мне возможность хоть чем-то заняться, пока варился кофе.

Я поставила кофе и готовые тосты на стол, по одному на каждого из нас. После чего достала банку клубничного варенья. Уилл охотно отреагировал на еду и буквально с волчьей жадностью набросился на неё. Мы позавтракали в полной тишине.

— Ладно, — сказала я, откидываясь на спинку кресла и внимательно разглядывая его. — Чем могу помочь?

— Джорджия пропала, — сказал он просто.

Я с трудом сдержала дрожь. Джорджия — жена Уилла. Они вместе с тех пор, как окончили школу. Скорее всего, они также вместе обнаружили, что являются вервольфами. Да, и мне они нравились.

— Рассказывай, — поторопила я.

— Я по работе уехал из города, — сказал он. — В Омаху. Джорджия готовилась защищать свою диссертацию. Она осталась дома. Мы вдвоем следили за новостями про здание, где находился офис Дрездена, и про террористов в здании ФБР. Мы беспокоились о… Она позвонила мне поздно прошлой ночью. Она была… — Его лицо стало бледным. — Она говорила практически бессвязно. Испуганно. И в том, что она говорила, не было никакого смысла. Потом разговор внезапно оборвался. — Его голос дрожал. — Она закричала. Я попытался вызвать копов, но...

Я понимающе кивнула.

— Но если там было что-то, что заставило её закричать, копы мало чем могли помочь. Между взрывом и атакой они и так были перегружены. Они доберутся туда, как только освободятся.

— Ага, — сказал Уилл. — Поэтому я оставил сообщение с помощью паранета и вернулся обратно

в Чикаго. Дверь в квартиру оказалась сломанной, может даже выбитой. Всё было разнесено. — Он проглотил ком в горле. — Она исчезла. И я не смог взять след. Я пошёл на квартиру к Гарри, но… Там всё еще поднимается дым. Над тем, что осталось. Затем я направился сюда.

Я медленно кивнула, после чего спросила:

— Почему ты пришёл именно ко мне?

Он моргнул и глянул на меня так, как будто я ворвалась на сцену посреди концерта.

— Ты серьёзно?

— Ага.

— Гарри всегда говорил, что если он нам понадобится, но при этом окажется вне зоны досягаемости, мы должны обратиться к тебе. Что ты тот человек в городе, который может помочь нам лучше, чем кто-либо другой.

С минуту я просто смотрела на него. Затем сказала:

— Да. Я практически вижу его, говорящего это. — Я покачала головой. — И, конечно же, не потрудившегося упомянуть мне об этом.

Я отдаю Уиллу должное — он был явно напуган, но всё же попробовал пошутить:

— Он наверняка подумал, что ты и так достаточно грозная, без таких подпорок доверию, как эта.

— Как будто я нуждаюсь в его одобрении для доверия, — пробурчала я.

Я еще раз взглянула на Уилла. Я знаю его достаточно, чтобы смогла сейчас уловить нечто несвойственное его поведению. Он был слишком тихим. Уилл не из того типа людей, которые будут попусту просиживать штаны, когда их жены пропали и наверняка в опасности. Он прибывал в ужасе. Напуган до такой степени, что это больше смахивало на панику. Я узнала этот взгляд.

Его я достаточно часто видела в зеркале.

— Что ты недосказал мне, Уилл? — спросила я тихо.

Он закрыл глаза и задрожал, когда слёзы покатились по его щекам.

— Джорджия беременна, - прошептал он. — Семь месяцев.

Я кивнула. Потом отставила в сторону почти пустой стакан с кофе и поднялась.

— Я захвачу свой плащ.

— На сегодня обещали хорошую погоду, — заметил Уилл.

— С плащом я смогу захватить больше оружия.

— Ох, — сказал он, — верно.

* * *

Квартира Уилла превратилась в развалины. Замок выбит, и дверь держалась на одной петле. Мебель разбросана. Несколько вещей сломаны. Книги в мягкой обложке сброшены с полки. Валялся раскрытый ноутбук, с монитора которого смотрел синий экран смерти. Кружка лежала на деревянном полу в засохшей луже пролитого какао.

Я окинула всё взглядом, нахмурившись. Лужа растеклась возле ноутбука. И лужа, и ноут были чуть правее удобно выглядевшего кресла, сейчас опрокинутого на спинку. Там же, в нескольких футах за ним, лежала терапевтическая контурная подушка.

— Итак, — сказала я, — возможно, всё произошло так: напавший выбивает дверь, там на ней остался частичный отпечаток обуви. Джорджия сидит в кресле, работает на компьютере. — Я задумалась. — Она пьёт много какао?

— Нет, — сказал Уилл. — Только когда сильно расстроена. Она шутит, что у неё такое самолечение.

— Итак, Джорджия была сильно расстроена, даже перед нападением. Она сидела в кресле

со своими ноутом и какао, и… — Я подошла к опрокинутому креслу и обнаружила за ним обыкновенный домашний телефон.

— Нечто помимо нападения расстроило её, — сказала я. — У неё хватило времени сделать чашку какао, а ты не будешь этим заниматься, когда маньяк ломится в дверь. Она сделала себе свой «напиток забвения» и устроилась в кресле, чтобы позвонить тебе. У тебя есть какая-либо идея, что могло её так огорчить?

Уилл отрицательно мотнул головой.

— Без понятий. Тем более, последние несколько месяцев она находится в этом бешеном поезде из гормонов. Поэтому Джорджия слишком остро реагировала на множество вещей.

Я кивнула и замерла там, просто пытаясь собрать воедино увиденное в комнате. Получить картинку, в которую можно всё это склеить. Я представила Джорджию — высокую, стройную, грациозную женщину, устроившуюся в кресле. Лицо покрыто пятнами, глаза красные, мысли её крутятся вокруг не рождённого ребенка и звучания голоса мужа.

Тут кто-то выбивает дверь с одного удара и бросается на неё. Джорджия — боец, привыкший к поединкам, даже если большинство из них

она провела в теле волка. Она использовала для защиты первое, что подвернулось — свои ноги. Когда нападающий добрался до неё, она ударила его обеими ногами, пытаясь оттолкнуть в сторону. Но он оказался слишком тяжёлым, и вместо этого Джорджия перевернула своё кресло.

Беременная женщина не такая гибкая и грациозная, как обычно. Она повернулась и попыталась убежать.

— Здесь нет крови, — сказала я.

Нападающий справился с ней за счет голой силы. Либо он избил её кулаками и ногами — беременную женщину легко бить, когда она инстинктивно сгибает тело вокруг своего не рождённого ребенка, поэтому удары в основном приходятся на ребра, спину и ягодицы, — или он придушил её до бессознательного состояния. В любом случае, очевидно, он подавил сопротивление Джорджии, не проливая крови.

Затем они ушли.

Я покачала головой.

— О чём ты думаешь? — спросил Уилл.

— Я думаю, тебе не хочется этого знать.

— Нет, не хочется, — согласился он. — Но мне нужно.

Я кивнула. Я повторила свою теорию и доказа-

тельства в её пользу. Уилл побледнел и затих.

— Как у нее было с рукопашной? — спросила я его.

— Прилично. Она посещала занятия по женской самообороне в кампусе. Но не думаю, что серьезно к ним относилась… — Его голос упал, когда он посмотрел на перевёрнутое кресло.

— Ты заметил что-то, чего я не смогла? — спросила я. — Я имею в виду, твои вервольфские штучки.

Он покачал головой.

— Человеческие мозги не очень хорошо сочетаются с обонянием, — сказал он. — В любом случае, не так хорошо, как волчьи. Принюхаешься ... и множество запахов появляется у тебя в носу, но их очень сложно рассортировать. Я могу идти по следу, если он будет достаточно свежим. Тем не менее, когда такая смесь запахов — это дохлый номер. Тут смешались свежая краска, пролитое какао, еда за последние день или два…

Он пожал плечами.

— Магия далеко не всегда делает вещи проще, — сказала я.

Уилл тихо фыркнул:

— Дрезден повторяет это всё время.

Я почувствовала странную боль в груди. Я

проигнорировала её. Я прошла на маленькую кухоньку квартиры и с минуту внимательно изучала её. Затем сказала:

— Итак, она какаоманка.

— Ну, она старалась сократить потребление.

— Она пьет растворимое?

— Ты шутишь? — Выражение и интонация его голоса слегка изменились, став чуть выше и более четкими. Видимо, таким образом, он подсознательно попытался скопировать голос своей жены. — Это оскорбление Какао!

Я вытащила карандаш из кармана, и с его помощью достала вторую чашку, на ободке которой сохранился небольшой отпечаток помады. На донышке кружки остался густой осадок, который образуется от настоящего какао из молока и шоколада. Его было так много, что он колыхался, когда чашку покачивали. Я показала это ему.

— Джорджия не пользовалась косметикой, — сдавленным голосом прошептал он.

— Я знаю, — кивнула я. — Какао в этой чашке такой же свежести, как и в остальных. Поэтому следующий вопрос, на который нам нужно ответить: кто пил какао с Джорджией, когда выбивали дверь?

Уилл покачал головой.

— Либо этот след оставил нападавший, либо кто-то, кого мы знаем. Тот, кто бывал тут достаточно часто.

Я кивнула.

— Рыжая, верно? Та, которая предпочитает обтягивающие футболки.

— Энди, — сказал Уилл. — И Марси. Она вернулась в город после похорон Кирби. Их запахи здесь тоже есть.

— Марси?

— Маленькая девушка, похожая на мышку. Тёмно-русые волосы. Она и Энди встречались в школе, а потом разошлись.

— Вервольфы без предрассудков, — сказала я. — Слова, которые очень редко стоят вместе.

— Множество людей экспериментируют в колледже, — сказал Уилл. — Как и ты, наверное.

— Угу, — сказала я. — Я пыталась играть в европейский футбол. Не получилось.

— Как и у Марси с Энди.

— Осталась давняя обида?

— Нет, насколько я знаю. Они оставались соседями по комнате, даже когда расстались.

— Но Марси покинула город.

Уилл кивнул.

— Она хотела стать мультипликатором. Устро-

илась на работу в «Скайуокер». Реально крутая должность.

— Настолько крутая, что она оставила её и вернулась сюда?

Уилл пожал плечами.

— Она сказала, для неё важнее быть здесь и поддержать нас. И она живет в «картонной коробке», вложив большую часть своих денег в банк. Сказала, что ей этого достаточно на данный момент.

Я решила остаться скептически настроенной к этой истории.

— Ты случайно не запомнил, пользовался ли кто-то из них губной помадой такого оттенка?

— Извини. Это не совсем те вещи, на которые я обращаю внимание, — покачал он головой.

Если я правильно понимаю, большинство парней, которые смотрят на Энди, вряд ли потом помнят вообще: была на её губах помада или нет. Но у неё в свою очередь наверняка были какие-то другие проблемы.

— Ладно, — сказала я. — Может быть, тут скоро будут копы, а может, и нет. В любом случае, я не думаю, что мы должны их тут дожидаться.

Уилл согласно кивнул.

— А что мы будем делать?

— Это вовсе не дорогостоящее звуконепрони-

цаемое жилище. Кто-то в этом доме должен был видеть или слышать что-то.

— Может быть, — сказал Уилл, хотя в его голосе не слышалось особой уверенности.

Я повернулась, чтобы уйти, и постаралась не заметить маленькую детскую кроватку и раскладной столик, которые виднелись через открытую дверь второй спальни.

— Мы не узнаем, пока не спросим. Идём.

* * *

Опрашивать многоквартирный дом — занятие не из весёлых. Это трудно, скучно, монотонно и выматывает. Большинство людей, к которым вы обращаетесь, не хотят говорить с вами и стараются закончить разговор как можно скорее — или, в другом случае, они просто балдеют от самого процесса общения и пытаются говорить с вами, даже если они ничего не знают. Вы задаёте одни и те же вопросы снова и снова, получаете снова и снова одни и те же ответы и определённо выглядите, как идиот, без единой зацепки.

И если вы не в состоянии перебить их, вам вообще не следует заниматься опросом домов. Со временем вы становитесь очень толстокожими к такому роду вещей, когда работаете в полиции.

— Это ни к чему нас не приведёт, — сказал Уилл после энной двери. Его расстройство и тревога наконец-то вскипели до той отметки, что затмили страх за его жену и ребенка. Он повернулся лицом ко мне, его поза была бессознательно наполнена решимостью: плечи напряжены, грудь вперед, руки сжались в кулаки.

— Нам нужно что-то другое.

Ах да, мужская напористость — я ничего не имела против неё, пока она облегчает работу, а не делает её сложнее.

— Да неужели? — спросила я его. — Ты думаешь, лучше прогуляться вниз по улице, выкрикивая её имя, так, Уилл?

— Н-нет, но…

— Но что? — спросила я его, сохраняя свой голос спокойным, и глядя на него. И плюс с «готовностью-надрать-тебе-задницу» на Марсианском языке тела. Ты не испугаешь меня.

— Ты пришел ко мне за помощью. Я дала её тебе. Либо ты работаешь со мной, либо ты говоришь мне, что хочешь продолжить один. Прямо сейчас.

Он сдал назад, разжав кулаки и отведя взгляд. В свою очередь я тоже расслабилась. Уилл не намеревался угрожать мне, но он чертовски больше и

сильнее меня. Конечно, быть сильным — это ещё не всё, но простая масса и сила много значат в бою, плюс у Уилла имелся дикий инстинкт убийцы, который делал их ещё более значимыми. Он никогда не задумывался — чёрт, наверное, никогда не замечал — какое мощное впечатление производит его поза и сжатые кулаки.

Это ещё одна из длинного списка вещей, которые Марсиане с трудом принимают: почти любая женщина знает, что почти любой мужчина сильнее, чем она.

Ну конечно, мужчины знают, что они сильнее, но они редко задумываются над последствиями этого простого факта — последствиями, которые подавляют и практически вездесущи, если вы не Марсианин. Вы думаете про жизнь по-другому, когда знаете, что половина людей, которых вы встречаете, физически сильнее, чем вы, невзирая на всё то, что вы сделали, чтобы исправить это — и даже возможную угрозу физического насилия воспринимаете серьёзно.

Уилл не собирался пугать меня. Он просто хотел найти свою жену.

— Я знаю, это разочаровывает, — сказала я ему, — но это лучший способ выяснить что-то, чего мы не знали раньше.

— Мы обошли весь этот дом, — отрезал он. — И всё, что у нас есть — сосед парой этажей выше, который слышал звук удара.

— Что говорит нам, там не было большой драки, — сказала я, — или они бы наверняка слышали её. Уилл, драки очень громкие, даже когда дерётся один человек. В таких блочных домах как этот, каждый знает, когда его сосед бьёт свою жену.

— Кто-то должен был слышать её крик.

— Возможно, он был не таким громким, как тебе показалось. Крик казался громче за счёт трубки, прижатой к твоему уху. И это расстроило тебя. Если всё произошло достаточно быстро, скорее всего, никто даже не проснулся.

Я выглянула из окна коридора на стоящий напротив, через парковку, дом с такими же квартирами. Уилл не был абсолютно беспомощным в его нынешнем состоянии.

— Я собираюсь проверить дом напротив, может, кто-то что-то видел или слышал прошлой ночью. Я хочу, чтобы ты позвонил Энди и Марси. Вызови их сюда, если сможешь связаться с ними. После этого проверь свой телефон, сотовый Джорджии, её электронную почту. Посмотри, не связывался ли с ней кто-то странный.

— Ладно, — сказал он, морщась, но кивая.

— Контролируй свои эмоции, Уилл. Оставайся спокойным, — сказала я ему. — Спокойствие - это лучший способ думать, а думать — это лучший способ найти Джорджию и помочь ей.

Он глубоко вздохнул и снова кивнул.

— Послушайте, сержант… один из парней в этом здании… Может, вам не стоит идти туда одной.

Я мило ему улыбнулась.

Уилл поднял вверх пустые руки, будто я направила на него пистолет.

— Верно. Извините.

* * *

Целых три дома имели квартиры с видом на парковку в целом и на квартиру Борденов в частности. Я остановилась на парковке, окинула взглядом окна и затем начала с левого дома.

Прошло больше часа, а мои усилия не увенчались успехом, и я поняла свою главную проблему: я — не Гарри Дрезден.

Дрезден осмотрелся бы с рассеянным выражением на лице, побродил по округе, натыкаясь на вещи и не заботясь о профессиональной осторожности, даже если это место преступления. Он бы

задал несколько вопросов, в которых на первый взгляд не было смысла, сделал бы несколько замечаний, которые, как он думал, были остроумными, и многословно оскорбил бы любого, кто попытался задавить его авторитетом. Затем он бы сделал нечто, в чём не было, чёрт побери, никакого смысла, и получил результат прямо из воздуха, как фокусник достает кролика из шляпы.

Если бы Гарри был здесь, он наверняка бы вытащил несколько волосков из расчёски Джорджии, сделал бы что-то глупо выглядящее с ними, и отправился бы за ней через город, через штат, или, насколько я знаю, на другую сторону вселенной. Он мог бы рассказать мне о том, что случилось с Джорджией, больше, чем я могла выяснить, может быть даже определить преступника, точно или приблизительно. И, если пахло жареным, когда мы отправлялись за плохим парнем, то он тут же начинал швырять огонь и молнии повсюду, как будто они были его собственными личными игрушками, созданными специально и эксклюзивно для его развлечения.

Наблюдать за работой Дрездена было обычно одним из двух: либо, мягко говоря, забавно, либо воистину жутко. В смысле, все его манеры всегда заставляли меня думать о детях с синдромом

аутизма.[50] Он никогда не смотрел никому в глаза больше доли секунды. Он двигался с непомерной осторожностью того, кто был на несколько размеров больше, чем обычные люди, держа свои руки и ладони близко к туловищу. Он тихо говорил, как будто извинялся за звучный баритон своего голоса.

Но когда что-то привлекало его внимание, он менялся. Его тёмные, умные глаза начинали сиять, а его пристальный взгляд становился таким напряжённым, что мог вызвать огонь. Когда же ситуация менялась от расследования до отчаянной схватки, с ним опять происходили метаморфозы. Казалось, он становился крупнее, жёстче. Он становился более агрессивным и уверенным, а его голос делался звучным гласом, который можно было услышать с противоположной стороны футбольного стадиона.

Прощай, чудаковатый ботаник — да здравствует ужасающий кумир!

Немногие из «ванильных», как он называл формально нормальных людей, видели Дрездена на

---

[50] Примечания: 50

Аутизм — расстройство, возникающее вследствие нарушения развития головного мозга и характеризующееся выраженным и всесторонним дефицитом социального взаимодействия и общения, а также ограниченными интересами и повторяющимися действиями. Все указанные признаки проявляются в возрасте до трёх лет.

пике всей его мощи. Те же, кому из нас довелось это наблюдать, после этого воспринимали его полностью серьёзно — но я решила, что для его же блага, и ни для чего другого, хорошо, что все его способности не выставлялись напоказ. Мощь Дрездена могла до чёртиков испугать множество людей, так же как испугала меня.

Это не тот вид страха, который заставляет вас кричать и бежать. Это ещё довольно мягкий страх. Это «Скуби-Ду» страх. Нет. Зрелище Дрездена в действии наполняет вас страхом того, что вы просто стали жертвой эволюции — словно вы наблюдаете что-то гораздо большее и безгранично более опасное, чем вы сами, и что ваш единственный шанс на спасение — это убить его. Немедленно. Прежде чем вы будете повержены мощью, с которой вы раньше никогда не встречались.

Я смогла смириться с этим. Никто другой не смог бы.

На самом деле… это может быть весомым мотивом, чтобы кто-то выстрелил в него. Пуля ударила с большого расстояния и прошла насквозь через человеческое тело, затем через корпус лодки, дважды, оставив серию чётких отверстий, это почти наверняка очень мощная винтовочная

пуля. Профессиональный стрелок выстрелил с большого расстояния, так, чтобы одна из штучек Дрездена, которыми он бы ответил, не задела его. Он мог быть чародеем, орудовавшим огромной силой и знаниями (если между ними есть какая-то разница), но он не был бессмертным.

Быстрым, жёстким, чертовски ловким, несомненно. Но не неприкасаемым.

Во всех смыслах. Я ведь знала, даже прикасалась к нему — пусть даже я не прикасалась к нему везде или достаточно часто.

И теперь никогда не смогу.

Проклятье.

Я прогнала мысли о мужчине в моей голове, прежде чем не начала снова плакать. Это достаточно сложно — распространять вокруг себя властность, когда вы пять футов ростом, даже без красных, на мокром месте глаз, и хлюпающего носа.

Дрездена больше нет. Его убогих шуток и его простодушного чувства юмора — больше нет. Его способности познавать непознаваемое, сражаться с непобедимым, и находить невозможное — больше нет.

Всем нам остается просто жить дальше, но без него.

* * *

Я стучала в двери и опрашивала множество людей, по большей части подростков, посещающих школу в городе. Я ничего не узнала о Джорджии, хотя и получила кое-какие сведения о наркоторговцах, собирающихся на парковке. Я отправила их нужным людям в форме, где они хотя бы развлекут борцов в бесконечной борьбе с наркотиками, если не окажутся чем-то серьёзным. Эти ниточки подтверждали то, что я доказывала Уиллу, а именно: соседи всё видят. Может быть, я пока просто не опросила нужного соседа.

Переступив порог третьего дома, я почувствовала изменение обстановки. Он был более обветшалый, чем другие дома. Несколько свежих граффити украшали внутренние стены. На большинстве дверей двойные замки. Стёкла на окнах выбиты, вместо них листы фанеры. Всё это место буквально кричало о множестве неприятностей, притаившихся здесь. Они заставляли дом с крайней неохотой поддерживать коридоры и фойе, снова и снова бороться с проблемами и повреждениями.

И я не слышала никакой музыки.

Это необычно для таких домов, как этот, засе-

лённых, в основном, студентами. Подросткам нравится музыка, какой бы оглушающей или отупляющей она ни была, и вы почти всегда можете слышать её грохот где-то поблизости.

Но только не тут.

Я держала глаза широко раскрытыми, пытаясь вырастить новую пару на затылке, и начала стучать в двери.

* * *

— Нет, — солгала маленькая, болезненно выглядящая женщина, назвавшая себя Марией и живущая на третьем этаже. — Я ничего не видела и не слышала.

Она не открыла дверь шире, чем позволила цепочка.

Я попробовала сделать свою улыбку более обнадеживающей.

— Мэм, этот способ обычно работает так: я задаю вам вопрос, а затем вы врёте мне. Если вы даёте *лживый* ответ, прежде чем у меня появляется шанс задать вопрос, это задевает моё чувство приличия.

Её голова затряслась мелкой, нервной дрожью, в то время как глаза расширились.

— Н-нет. Я не лгу. Я ничего не знаю.

Мария попыталась закрыть дверь. Я успела вставить ботинок в щель.

— Вы врёте, — произнесла я спокойно. — Вы испуганы. Я понимаю это. Я получила похожие заявления почти от каждого в этом доме.

Она отвела от меня взгляд, как если бы искала путь к бегству.

— Я в-вызову полицию.

— Я и есть полиция, — сказала я. Что, технически говоря, являлось правдой. Они меня пока не уволили.

— О, Боже, — выдохнула женщина. Она трясла головой все сильнее и сильнее, отчаянными движениями. — Я не хочу … Я не хочу, чтобы кто-то увидел, как я говорю с вами. Уходите.

Я приподняла брови.

— Мэм, пожалуйста. Если у вас неприятности…

Я не уверена, слышала ли она меня вообще. Я достаточно часто видела таких женщин, как она, чтобы узнать этот взгляд. Она выглядела испуганной кем-то, наверное, мужем или парнем, или цепочкой мужей или парней, или может быть отцом задолго до этого. Она жила в страхе, и уже очень давно. Страх пустил в ней корни, и единственный способ выживания, который она знала — капитуляция.

Мария оказалась бракованным товаром. Она трясла головой, всхлипывала и только затем сделала попытку закрыть дверь. Я уже собиралась убрать ногу и уйти. Вы не можете заставить кого-либо принять вашу помощь.

— Какие-то проблемы? — спросил загрубевший от выпивки голос.

Я повернулась к заросшему, как мамонт, мужчине. Он был повыше шести футов и весил, наверное, как три меня, хотя в этой массе было больше жира, чем мускулов. Он был одет в белую майку, подчёркивавшую его живот, и рубашку с воротником на пуговицах, с надписью «РЭЙ», вышитой на груди.

Он глянул сначала на меня, затем на дверь в квартиру и нахмурился.

— Мэри, у тебя какие-то проблемы?

Мария замерла, как кролик, заподозривший, что хищник поблизости.

— Нет, Рэй, — прошептала она. — Так, ерунда.

— Чертовски непохоже на ерунду, — сказал Рэй, скрестив руки на груди. — Я пытаюсь вытряхнуть деньги из местного самоуправления, чтобы починить уличные фонари и блок предохранителей, а ты такой шум подняла, что мне пришлось орать на весь грёбаный коридор!

— Прости, Рэй, — прошептала Мария.

В глазах Рэя заблестели зловещие огоньки.

— Господи, я дал тебе отсрочку по арендной плате, а ты вот, значит, со мной как?

Голос Марии звучал так, словно ее душили:

— Это была случайность. Этого больше не повторится.

— Мы ещё поговорим, — сказал он.

Мария вздрогнула, как будто эти слова измазали её грязью.

Моя рука сжалась в кулак.

Вот проклятье.

Я видела таких типов, как Рэй, прежде: хулиганов, которые никак не повзрослеют; людей, которым нравится быть сильнее других и которые управляют ими через страх. Он был большим и думал, что это делает его более сильным, чем все остальные. Этот слизняк почти наверняка состоял на учёте, может, отсидел какое-то время, возможно, за что-то довольно гнусное. Таких парней, как Рэй, иногда тюрьма только убеждает в том, какие они опасные отморозки, служит подтверждением и утверждением их статуса, как хищника.

Рэй перевел взгляд с Марии на меня, с тем же зловещим огоньком в глазах.

— Ты настолько крутой? — спросила я.

Он фыркнул по-марсиански. «Иди на хрен и сдохни!»

Марсианский язык весьма выразителен.

— А тебе-то что? — спросил он.

— Я, типа, любопытная, — сказала я.

— Иди на хрен и сдохни! — сказал Рэй, на этот раз по-английски. — Выметайся отсюда. — Он глянул мимо меня на Марию. — Закрой эту чёртову дверь!

— Я-я пытаюсь, — промямлила Мария. Моя нога и тяжёлый чёрный рабочий ботинок всё еще находились в дверном проёме.

Тупая злость вспыхнула в глазах Рэя, и он направил её на Марию. Что заставило меня задуматься. Рэй, очевидно, наркоман и тот, кому надо сорвать свою злобу на ком угодно, чтобы быть довольным. Он попытался быть грубым со мной и, когда понял, что ничего из этого не выйдет, Мария стала мишенью для его ярости. Это более или менее обязывало меня защитить её.

И я не собиралась наслаждаться этим ни на йоту. Честно.

— Убери свою ногу от двери, пока я не оторвал её, — прорычал Рэй.

— Предположим, я так не сделаю, — сказала я.

— Последний шанс, — предупредил Рэй. Его глаза сузились до маленьких щелочек. Он задышал чаще, и я могла видеть пот, выступивший над его бровями. — Вали отсюда. Немедленно!

— Или что? — мягко спросила я. — Ты ударишь меня, Рэй?

Самообладание не было одной из сильных сторон Рэя. Он выплюнул слово «Сука», брызжа слюной, и двинулся на меня со всеми своими тремя-сотнями-с-лишним фунтов. Его руки сжались в кулаки размером с дыню.

Было кое-что, о чём Рэй не догадывался: я знала боевые искусства.

Я — не знаток в полном смысле слова, но я занимаюсь каждый день, с тех пор, как мне исполнилось семнадцать. Я начала с айкидо, затем вин-чунь, потом джиу-джицу. Я изучала кали, французский бокс, крав-мага, тейкван-до, дзюдо, бокс и шаолинь кун-фу. Это очень впечатляюще звучит, но это не так на самом деле. Как только вы изучите два или три из них, следующая дюжина или около того изучаются очень быстро. Ведь они все направлены на решение схожих проблем, и потому что человеческие тела — это человеческие тела, и независимо от того, на каком континенте вы находитесь, они имеют те же

характерные движения и координацию.

Рэй замахнулся на меня кулаком боковым ударом, от которого даже боец из детской лиги уклонился бы, поэтому я убрала ногу от двери Марии и пригнулась. Он продолжил двигаться вперед рыхлой лавиной, пока я поднырнула под его рукой и сделала пару шагов в сторону по диагонали от него. Он попробовал схватить меня, я выскользнула, и он потерял своё и так плохое равновесие. Я любезно его подтолкнула, ударив двумя костяшками моего левого кулака прямо по почке.

Рэй врезался в гипсокартон и оставил вмятину. Я прикинула, сколько места ему потребуется для разгона, и сделала несколько шагов назад. Он повернулся, выкрикивая злобные ругательства, и двинулся ко мне, медленно набирая скорость, как перегруженный тягач. Я сделала еще пару шагов назад, чтобы он успел набрать достаточную скорость для вихляющегося бега.

В этот раз он не утруждал себя ударом кулака. Он просто схватил меня своими ручищами. Я как раз этого ждала, поэтому бросилась на пол в последний момент, махнув своей ногой в почти нежном ударе, который практически ничего не сделал, а только приостановил его ногу от дви-

жения вперед и сбил с левой ноги, на которой он удерживал равновесие.

Чем они больше, тем тяжелее падают. Рэй приложился будь здоров.

Поднявшись на четвереньки, он протянул лапу, попытавшись снова схватить меня.

Господи, Боже мой! Инструкторы по основам самозащиты убили бы за такое видео, как это. Он всякий раз приближался ко мне с самым тупым агрессивным движением, которое только можно придумать, как будто отрабатывал какой-то список.

Есть множество вещей, которые я могла сделать с подарком, который он сделал мне своими руками, но в настоящей схватке я не сторонник разнообразия. Я действую быстро, просто и надёжно. Я позволила ему схватить себя за запястье, потом разорвала его хватку, поймала его в кистевой захват и немного надавила.

Этот вид захвата не требует силы или массы. Тут всё строится только на использовании механики человеческого тела. И не имело бы никакого значения, если бы Рэй был в форме. Он мог бы выглядеть как Шварценеггер в роли Конана, но всё равно оказался бы в таком же беспомощном состоянии. Человеческие суставы устроены по

одному и тому же принципу, из одинаковых материалов, и не имеет значения как много мускулов или сала на них сверху. Они уязвимы, если вы знаете, как использовать их против своего противника.

Я знала.

Три с лишним сотни фунтов вонючего, тупого и противного тела рухнули вниз на потёртый, грязный ковер в коридоре, как если бы их сбросили с крана.

Пока он лежал там, оглушенный, я выгнула его руку вверх и назад, удерживая ее выпрямленной своей второй рукой. Из этой позиции, я могла, буквально говоря, выдернуть его руку из плечевого сустава с усилием не больше того, которое требуется, чтобы толкать тележку в супермаркете. И я могла сделать ему больно — очень, если нужно будет — чтобы отбить у него охоту ко всяким глупым телодвижениям.

Будучи Рэем, он снова попробовал глупости, крича и выкручиваясь из захвата. Я, вздохнув, усилила нажим, и он и его лицо снова пережили сокрушительное столкновение с ковром. Мы повторили это несколько раз, пока Рэй не усвоил этот урок, перестав рыпаться. Видимо ему надоело чувствовать боль, когда он предпринимал

попытку вырваться.

— Итак, я беседовала с людьми в нескольких домах, — тихим, спокойным голосом заговорила я. Рэй пыхтел, как двигатель.

— Знаешь, мне было бы интересно послушать, что ты можешь рассказать мне о том, видел ли ты что-то необычное или странное вчера ночью? Наверное, между двумя и тремя часами?

— Ты ломаешь мою грёбаную руку! — прорычал Рэй, — или попытался. Его голос срывался на скулёж.

— Нет, нет, нет, — сказала я. — Если я сломаю тебе руку, ты услышишь треск. Это звучит, как будто ломается ветка дерева, но чуть более приглушенно. На самом деле тебе стоит волноваться, если я вывихну тебе руку в плечевом и локтевом суставах. Это гораздо хуже. Так же болезненно, но занимает чертовски больше времени на восстановление.

— Иисусе, — сказал Рэй.

— Ты хочешь сказать, что Иисус заходил в гости с двух до трех часов прошлой ночью? Я сомневаюсь, Рэй.

— Я ничего не видел! — сказал он после того, как отдышался через несколько секунд.

— Всё верно? Господи, Боже мой, я ничего не

видел!

— Ага, — сказала я, — вот теперь ты говоришь, как честный человек.

Я использовала руку, которой фиксировала его локоть, чтобы дотянуться до кармана, а затем бросила свой значок на пол перед ним.

Он долгую секунду смотрел на него, а затем его лицо побледнело.

— Вот что теперь произойдёт, — сказала я очень спокойно. — Ты собираешься уволиться со своей работы. Ты напишешь очень милое письмо своему начальнику, а затем уберёшься из этого дома. Ты исчезнешь к завтрашнему полудню.

— Вы не можете этого сделать, — сказал он.

— Я могу сделать всё, что захочу, — ответила я. — Кому из нас, по-твоему, поверит судья, а, Рэй?

Мое принуждение незаконно. И так не делает ни один хороший полицейский, в любом случае. Но преступники всегда готовы, даже стремятся, верить самому худшему о копах. Я думаю, они чувствуют себя лучше, если им удается убедить себя, что полиция такая же, как они, только со значками и с зарплатой.

— Ты это сделаешь, так или иначе. Если ты не хочешь играть по моим правилам, я пришлю сюда

городского инспектора, чтобы зафиксировать все нарушения кодекса в этом доме. Огнетушители отсутствуют. Детекторам дыма — сто лет в обед, и большинство из тех, что есть, просто свисают на проводах. Повсюду плесень и грибок. Фонари не горят. Груда мусора на улице. — Я зевнула. — И в довершение всего, на твоей парковке собираются наркоторговцы, Рэй. И я полагаю, ты в деле.

— Нет, — сказал он, — нет, это не так!

— Ну, конечно же. Это ведь похоже на тебя, не так ли? И тут ты ещё нападаешь на офицера. — Я печально покачала головой. — Поэтому, когда дом провалит проверку, может быть даже официально, тебя в любом случае уволят. И вдобавок к этому, я укажу на тебя, как на наркодилера. Плюс докладная о нападении. Как много доносов на тебе уже висит, здоровяк? Ты сможешь справиться ещё с двумя?

— Ты блефуешь, — сказал он.

— Может быть, — признала я. — С другой стороны… может быть, я просто позвоню Джону Марконе и скажу, что ты помогаешь некоторым из его уличных ребят прокручивать кое-какие сделки за его спиной.

Произнесённое имя Марконе оказывало на чикагских преступников такое же воздействие,

как на набожных католиков — имена святых. Он является крупнейшей рыбой в пруду, главой организованной преступности в Чикаго — и у него это чертовски хорошо получается. Его люди боятся его, и даже полицейские воспринимают его очень, очень серьезно. Однажды он ошибётся, и чикагская полиция, ФБР, или может быть, налоговая служба, накроют его. Но до тех пор он будет опаснейшим хищником в джунглях.

Рэй вздрогнул.

— Погляди-ка, Рэй, — сказала я спокойно.

Он послушался и увидел то, что я заметила секундой раньше.

Распахнулись все двери вниз и вверх по коридору. В них стояли люди, мужчины и женщины, дети, родители, старики. Они все безмолвно стояли и наблюдали, как маленькая блондинка обращается с большим противным Рэем, как будто он непослушный ребенок.

Их глаза были очень суровыми. И сейчас в них не было никакого страха.

— Посмотри на них, Рэй, — сказала я.

Он снова послушался, и снова вздрогнул. Затем его тело расслабилось, и он обмяк.

— Я уйду, — сказал он.

— Ты будешь чертовски прав. — Я надавила на

его руку, и он вскрикнул от боли — но я не вывихнула её. Я сделала это только для того, чтобы поднять свой значок и выйти из его зоны досягаемости, на всякий случай, если он окажется слишком тупым, чтобы угомониться.

Он таким не оказался. Он просто лежал, как выброшенная на берег акула.

— Я буду заглядывать сюда с проверкой, Рэй. Регулярно. Если у меня возникнут подозрения, что ты обидел любого из этих людей, украл или сломал их собственность, — чёрт, если я услышу, что ты косо посмотрел на них, то я найду тебя и засуну пучок ржавой арматуры тебе в задницу. Я обещаю.

Я вытащила одну из визиток, теперь устаревших, я полагаю, и записала телефонный номер. Я протянула визитку Марии.

— Если у вас будут какие-либо проблемы, позвоните по номеру на обратной стороне. Спросите лейтенанта Столингса. Скажете ему,что Мёрфи дала вам этот номер.

Мария закусила губу. Потом посмотрела на Рэя и снова на меня.

Она взяла визитку торопливым, нервным движением и отскочила назад, закрывая дверь в квартиру. Щёлкнуло несколько замков.

Я больше не сказала ни слова. Я вышла из здания. Я была на полпути к дому, где располагалась квартира Уилла, когда услышала торопливые шаги позади. Я обернулась, держа одну руку на моём Зиге, но расслабилась, когда узнала Марию.

Она остановилась передо мной и сказала:

— Я в-видела кое-что.

Я кивнула и подождала.

— Были какие-то странные звуки, вчера поздно вечером. Как… как удары. А некоторое время спустя подъехала машина. Она остановилась у дома напротив, оттуда вылез мужчина и не стал глушить двигатель, как будто не беспокоился об угоне.

— А вы узнали его? — спросила я.

Мария покачала головой.

— Но он был большой. Почти такой же большой, как Рэй. И он… Вы знаете, он двигался лучше. Он был в форме. И он был одет в дорогой костюм.

— Что ещё вы мне можете рассказать о нём? — спросила я.

Мария пожала плечами.

— Нет… ничего, правда. Я видела, как он вышел, тотчас же. Затем он сел в машину и уехал. Я не разглядела номеров или чего-то такого. Я извиняюсь.

— Не за что извиняться, — сказала я спокойно. — Спасибо.

Она кивнула, повернулась и понеслась к своему дому. Затем она остановилась и оглянулась на меня.

— Я не знаю, имеет ли это значение, — сказала она, — но у мужчины была одна из этих армейских стрижек.

Я немного насторожилась.

— Вы помните, какого цвета были волосы?

— Рыжие, — сказала она, — такие, яркие, оранжево-красные. — Она нервно сглотнула. — Если это имеет значение.

Это имело значение, но я не хотела напугать её, так что я кивнула и улыбнулась, а затем сказала:

— Спасибо, Мария. Серьёзно.

Она попробовала улыбнуться в ответ, и у неё это получилось вполне сносно. Затем она огляделась вокруг, как будто ей было некомфортно стоять на открытом пространстве, и поспешила обратно домой.

Верзила в костюме с ярко-рыжей стрижкой ёжиком — это было почти слово в слово короткое описание примет в файле, которое чикагское отделение полиции хранило на мужчину по имени Хендрикс.

Во время учебы в колледже Хендрикс был игроком в футбол. Он весил более трех сотен фунтов, среди которых не было ни одного лишнего. Он был под подозрением в нескольких таинственных исчезновениях, по большей части преступных личностей, которые, видимо, заработали неодобрение его босса. И его босс, предположительно, послал его домой к Уиллу и Джорджии вчера поздно вечером.

Но почему?

Чтобы получить ответ, я собиралась поговорить с боссом Хендрикса.

Мне придется увидеться с «джентльменом» Джонни Марконе.

* * *

Полиция знает, где можно найти Марконе. Но найти его недостаточно, чтобы это позволило прижать его. Тот факт, что он запустил свои пальцы в такое количество пирогов, означает: чтобы мы не предприняли против Марконе и его теневой империи, у нас есть наши собственные начальники и политики, которые дышат нам в спину. Ну конечно, они ничего не говорят прямо, типа: «Перестаньте арестовывать наиболее прибыльных сутенёров Марконе». Вместо этого,

обычно, мы получаем долгую проповедь о расовых и социально-экономических предрассудках. Мы получаем вопли комитетов политических действий. Мы получаем злобные репортажи в газетах и на телевидении.

В основном мы терпим и продолжаем тихо делать нашу работу. Опыт научил нас, что вряд ли кого-нибудь волнует, что мы думаем или говорим. Они требуют ответов, но они не хотят слушать.

Я не говорю, что копы — это отряд белых рыцарей. Я просто хочу сказать, что политики могут извратить факты как угодно, если это означает, что им гарантированы пачки наличных для фондов кампании или, что шантажисты Марконе не будет раскрывать некоторые тёмные тайны из их прошлого.

У меня всё еще есть друзья в полиции. Я позвонила тому, кто работает в Отделе по борьбе с организованной преступностью. И спросила его, где я могу найти Марконе.

— А, Мёрф, — сказал Малоун усталым голосом, — у меня нет на это времени.

— С каких это пор ты стал таким пунктуальным? — спросила я. — Мне это нужно. Речь идет о Дрездене.

Малоун хмыкнул. Дрезден спас его дядю от какого-то вида одержимости или (у меня до сих пор проблемы с принятием того, что я говорю) злых чар. Старший Малоун страдал так сильно, как я прежде никогда не видела. Ни полиция, ни медики не могли ничего для него сделать. Дрезден зашёл внутрь, выставил всех лишних из комнаты, и спустя пять минут Малоун был снова в своем уме, только разве что потрёпанный. Это произвело впечатление на племянника Малоуна.

— Хорошо, — ответил он, — дай мне пять минут. Сейчас каждый, у кого есть значок, бегает по всему городу, разыскивая бен Ладена, или Бигфута, или любого другого, кто мог взорвать это здание. Я не спал два дня. И ФБР налетело. как долбаная стая сердитых куриц-наседок, после того, что случилось в их офисе. — Он откашлялся. — Хм. Я слышал, ты могла быть в этом замешана.

Я фыркнула. Нейтрально.

— Странное дело, правда?

Я вздохнула. Отдел Внутренних Расследований или ФБР всё еще могли прослушивать мой телефон, и я не хотела сильно болтать языком.

С другой стороны, что они сделают? Испортят мне карьеру?

— Крайне странное. С тем же привкусом, как в старом Бархатном салоне.

Это было там, где Дрезден сражался с целой кучей вампиров и сжёг дотла целый дом.

Малоун присвистнул:

— Это было так же скверно, как с тем малым в обезьяннике Специальных Расследований?

Парень имел в виду Луп-Гару. Мы были настолько глупы, чтобы закрыть Харли Макфинна в обычной клетке. Он превратился в эту жуткую тварь, словно явившуюся из Ледникового периода. Он был размером с половину «Бьюика» старой модели, и его можно было лишь с натяжкой назвать волком. Храбрые мужчины умерли в ту ночь, в бою с оружием, которое было совершенно бесполезно против Луп-Гару. Кармайкл, мой старый напарник, погиб там, почти бросившись в пасть твари, чтобы купить мне несколько секунд.

Я чувствую отвращение, когда думаю об этом.

— Я не знаю, правда. Всё случилось очень быстро. Я собрала нескольких людей, спустилась по лестнице и вышла. Внутрь направился спецназ, но к тому времени, как они зашли, там ничего не осталось, кроме персонала, попрятавшегося в шкафах и под столами, и множества трупов.

— Господи, — сказал он.

— Малоун, мне нужны эти сведения, — повторила я настойчиво.

— Перезвоню тебе через минуту, — пообещал он.

Я убрала телефон в карман куртки и взглянула на Уилла. Мы оба стояли на тротуаре перед его жилищем.

— Это безумие, — тихо сказал Уилл. — Вампиры, нападающие на правительственное здание? Взрывающие дома в крупном городе? Они так не поступают.

— Если бы они следовали всем правилам, то не были бы плохими парнями, — сказала я.

— Просто… — Он проглотил комок в горле. — Я бы хотел, чтобы Гарри был рядом. Он бы всё уладил.

— Мы справимся вдвоём.

Уилл покачал головой.

— Будет безумным даже спрашивать… Где он?

Я посмотрела на него и отвела взгляд, стараясь не менять выражения лица.

Кровь отхлынула от щёк Уилла.

— Нет. Он не… Такого не могло случиться.

— Мы не знаем, где он, — сказала я. — Он собирался жить на той старой лодке, пока не нашел

бы место, где остановиться. Мы обнаружили кровь. Пулевые отверстия. Кровавый след, ведущий в озеро.

Уилл потряс головой.

— Но… если он ранен, он не мог направиться в больницу. Он позвонил бы Уолдо Баттерсу. — Уилл достал свой мобильный из кармана. — Он есть у меня в списке. Мы можем позвонить…

— Я знаю про Баттерса, Уилл, — прервала я его мягко. — Я позвонила ему сразу же после того как увидела кровь. Он ничего не слышал о Гарри.

— О мой… О мой Бог, — прошептал Уилл.

Я почувствовала себя так, как будто только что сказала ребенку, что Санта-Клауса не существует.

— Может быть, он не умер, — сказала я. - Может быть, это был кто-то ещё с таким же типом крови, кто схлопотал пулю. Или может быть, Дрезден выкинул один из своих трюков и просто исчез, вжик, в… какую-то чародейскую больницу.

— Угу, — согласился Уилл, кивая. — Да, может быть. Я имею в виду,что он может сделать всё, что угодно, верно?

Всё, что угодно, сказала я.

В том числе умереть. Но я не стала произносить это вслух.

* * *

Детектив Малоун сдержал слово и, спустя пять минут, мы направлялись к зданию на северном конце Бактауна. Новым проектом Джентльмена Джонни среди законных сфер бизнеса была благотворительность. Он купил, реконструировал, обновил и сохранил больше дюжины зданий в городе за прошедшие несколько лет. Его поздравляли, награждали и уважали множество различных социальных организаций, как человека, который сохраняет естественную красоту Чикагской архитектуры, защищает её от уничтожения и забвения, и так далее.

Если не принимать во внимание наркотики, азартные игры, проституцию, вымогательство и остальные теневые структуры, которыми он управлял, я полагаю, он был бы настоящим городским героем.

Подрядчики в поте лица трудились над зданием, к которому мы прибыли, и охранник в белой рубашке и черных брюках, нахмурившись, направился к нам, когда я вошла. Уилл следовал позади.

Я надеялась, что, если дела обернуться хреново, мне не придётся тащить его на себе, когда я по-

пытаюсь выйти.

Я почувствовала, что улыбнулась при этой картинке, в основном из-за её фантастичности. Если в штаб-квартире Марконе прольётся кровь, я не останусь в живых достаточно долго, чтобы ещё кого-то вытащить.

— Вход запрещён, — твёрдо сказал охранник. — Это строительная площадка. Опасно. Вы должны покинуть территорию.

Я глянула на него и сказала:

— Я здесь, чтобы встретиться с Джоном Марконе.

Охранник пристально посмотрел на меня. Затем он взялся за свою маленькую рацию и заговорил в нее. Секундой спустя голос проскрежетал отрицательный ответ:

— Мистера Марконе сейчас нет.

— Он здесь, — сказала я. — Пойди, передай ему, что здесь Кэррин Мёрфи с визитом.

— Боюсь, что нет, — ответил он. — Вам придётся уйти.

Я заметила, что у него был пистолет, девятимиллиметровый Глок.

Я вытащила маленький кожаный бумажник с моим полицейским значком на нём и сказала:

— Если ты заставишь меня открыть его, дело

получит официальный ход. Начнутся официальные запросы, официальные бумаги, и куча ребят в форме явится к вам на стройплощадку. — Я держала бумажник, словно распятие против вампира, расположив пальцы так, как будто собираюсь раскрыть его. — Ты хочешь быть тем, кто создаст твоему боссу такую головную боль?

Его взгляд переместился с меня на Уилла. Тот поспешно отвернулся. Затем он сделал несколько шагов назад, вглубь здания, и провёл длинную, очень эмоциональную беседу со своей рацией.

Я скрестила руки и в нетерпении топнула ногой.

— Ты действительно так сделаешь? — спросил Уилл.

— Не смогу, — ответила я, — меня увольняют. Но они этого не знают.

Уилл издал звук, как будто его душили.

Охранник вернулся и сказал:

— Через эту дверь. Два этажа вниз. Затем сразу налево и там увидите. — Он откашлялся. — Вы должны оставить мне любое оружие.

Я фыркнула и сказала:

— Чёрта с два. — Затем двинулась на него, слегка задев плечом, как если бы напрашивалась на драку. На марсианском это означает: «Тебе в

любом случае неприлично наезжать на меня».

Он принял сообщение. Он не попытался остановить нас.

Уилл с тихим ликованием последовал за мной вниз по лестнице.

* * *

Офис Марконе располагался в том, что выглядело, как столовая. Огромная комната выложена кафелем, и несколько подрядчиков — большинство из которых были мускулистее и гуще покрыты татуировками, чем средние чернорабочие — обедали за длинными столами. Официанты обслуживали несколько накрытых столов с такими заботой и вниманием, какие я скорее ожидала увидеть на светском приеме. Помещение было ярко освещено, а приподнятая сцена в конце комнаты, на которой при желании мог бы легко разместиться целый оркестр, была вместо этого заставлена компьютерами и офисной мебелью.

Олицетворенный портрет занятого руководителя, Марконе сидел за огромным антикварным столом, держа телефон возле уха одним плечом. Рукава его офисной рубашки были закатаны до локтей.

Всё вокруг него буквально кричало: «преуспе-

вающий патриарх». Его пиджак, повешенный на спинку кресла, стоил больше, чем какое-нибудь маленькое государство. Его ослабленный галстук, простой серебристой расцветки, лучше ярких кричащих галстуков демонстрировал силу и уверенность, не нуждающуюся в показушной погоне за модой. Его руки были крупными и выглядели сильными. На костяшках пальцев были заметны шрамы. Короткие, консервативно подстриженные волосы были тёмными, кроме небольшого количества седины, что говорило о его физической и психической форме. Он был хорошо сложен и явно поддерживал себя в форме, а черты его лица были правильными и привлекательными. Он не был красивым, но его лицо излучало силу и уверенность.

Он выглядел человеком, за которым охотно пойдут другие.

Два других человека стояли на сцене, слегка позади него, подтверждая, что он лидер. Первая — женщина: белокурая амазонка, более шести футов ростом, в сером деловом костюме. У неё были ноги, в которых мне безжалостно отказали при рождении. Сучка! Её зовут Гард, и Дрезден верил, что она настоящая, в прямом смысле слова, валькирия.

Другой — Хендрикс. Он не был на самом деле уродлив, но, в любом случае, он напоминал мне горгулью, живое существо с уродливой внешностью, каменными мускулами и глазами-бусинками, готовое перейти к действию по приказу человека, за которым он наблюдал. Его глаза следили за мной с того момента, как я появилась. Голубые глаза Гард на секунду остановились на мне, затем переместились с меня на Уилла. Она прищурилась и что-то прошептала Марконе.

Бессменный глава чикагского преступного мира никак не показал, что услышал её, но я уловила последние несколько слов из беседы, когда приблизилась.

— Вам придётся сделать это самим. — Он помолчал, прислушиваясь. Затем сказал: — У меня нет должных ресурсов для такой цели — а если бы были, я бы не растрачивал их попусту, посылая их туда слепыми и неподготовленными. Вам придётся использовать ваших собственных людей. — Он снова помолчал. — Никто из нас не ударит другого в спину, тем или иным образом. Я не стану подвергать своих людей опасности, пока не получу больше информации. Если вы измените свое решение, то можете связаться со мной. Всего доброго.

Он положил трубку, после чего повернулся ко мне. Его глаза были цвета скошенной и подсохшей травы. Непроницаемые. Глаза рептилии. Он соединил кончики пальцев, образовывая шпиль, и сказал:

— Мисс Мёрфи.

— Новости быстро доносятся, — заметила я.

— До меня? Да. — Его рот искривился в жестокой улыбке. — Зачем вы здесь? В поисках работы или мести?

— Почему я должна желать мести такому столпу общественности?

— Дрезден, — сказал он просто. — Я полагаю, вы здесь, потому что считаете меня ответственным за это.

— А что если так и есть? — спросила я.

— Тогда я советую вам уйти. Вы не проживете достаточно долго, чтобы успеть вытащить свой пистолет из-под плаща.

— И к тому же, — сказала я, — вы не делали этого. Верно? И у вас есть совершенно разумный довод, объясняющий, почему вы даже не хотели его смерти.

Он пожал плечи, движением, в которое он умудрился привнести элегантность.

— Не больше чем в любой другой день, во вся-

ком случае, — сказал он. — У меня не было нужды устранять Дрездена. Он старательно работал над тем, чтобы его убили, на протяжении нескольких лет — и я указал ему на это несколько дней назад.

Я заперла своё сердце на замок. От нахального тона этого ублюдка мне захотелось закричать и вырвать ему глаза. Я не хотела доставлять ему удовольствие знанием, что он разозлил меня.

— Я здесь по другой причине.

— Да? — спросил он вежливо.

Слишком вежливо. Он знал. Он знал, почему я приду, прежде чем я прошла через дверь. Я остановилась и проиграла несколько последних часов обратно в своём воображении, пока не заметила, где я попала в его сеть.

— Мария, — сказала я. — Она одна из ваших.

Хендрикс покосился на Гард.

Она закатила глаза и вытащила двадцатидолларовую купюру из кармана пиджака. И протянула её здоровяку.

Хендрикс убрал деньги в карман с лёгкой самодовольной улыбкой.

Марконе сделал вид, что не заметил этого маленького представления.

— Управляющий, с которым вы встречались,

начал снабжать некоторых из моих конкурентов. Мария наблюдала за его деловыми партнёрами, поэтому мы смогли отследить их и побудить их работать где-нибудь в другом месте.

Я уставилась на него.

— Она просто позволяла Рею обходиться с собой вот так?

— И это было хорошо оплачено, — ответил Марконе. — Правда, она с нетерпением ожидала окончания контракта.

Мария не была забитой серой мышкой. Черт, она была одним из миротворцев Марконе. Это был эвфемизм, широко используемый и для боевиков в организации Марконе. Каждый знает, что работа такого миротворца — найти проблему в организации — и устранить её.

— И вы просто так делитесь всем этим со мной? — спросила я.

Выражение его лица стало добродушным.

— Это не то, в чём я бы признался офицеру полиции, не так ли, мисс Мёрфи?

Я стиснула зубы. Я клянусь. Вырву его проклятые глаза!

— Вот почему Мария выбежала вслед за мной. Ей нужно было время, чтобы сделать звонок, отчитаться и спросить у вас инструкции.

Марконе чуть заметно кивнул головой.

— И она также была причиной появления Хендрикса, — продолжила я. — Мария увидела или услышала что-то и доложила об этом.

Марконе развел руками.

— Вы всё схватываете на лету.

Я сжала кулаки, чтобы снова выпустить часть гнева, который вызвали его тщательно подобранные слова.

— Почему? - внезапно спросил Уилл, делая шаг вперед и становясь возле меня. Я заметила, что мы оба, Уилл и я, были ниже среднего роста. Мы стояли, глядя вверх на возвышающегося над нами Марконе. Было тяжело не почувствовать себя, словно ты на кастинге для фильма про Оливера — «Пожалуйста, сэр, можно мне попробовать еще раз?»

— Почему? - повторил он. — Почему вы послали своего человека в мою квартиру?

Марконе слегка наклонил голову, разглядывая Уилла.

— Чем вы готовы расплатиться за эту информацию, молодой человек?

Верхняя губа Уилла приподнялась, обнажая зубы.

— Как насчет того, что я не пущу вас и ваших

громил на гамбургер?

Марконе с пустым лицом секунды три внимательно смотрел на Уилла. Затем он сделал одно быстрое движение. Я едва увидела блеск металла, когда маленький нож промелькнул через пространство между ними и вонзился на два дюйма Уиллу в правый бицепс. Уилл вскрикнул и пошатнулся.

Мои руки нырнули под плащ, но Гард достала дробовик из-за стола и направила его на меня, прежде чем мои пальцы коснулись рукоятки Зига. Хендрикс вытащил крупнокалиберный пистолет из-под пиджака, но не нацелил его ни на кого. Я замерла, затем медленно убрала руки от оружия.

Уилл вырвал нож из руки, затем повернулся к Марконе, оскалив зубы.

— Не путайте себя с Дрезденом, мистер Борден, — сказал Марконе ровным и холодным голосом. Его глаза внезапно стали пугающими и безжалостными. — У вас нет силы, чтобы угрожать мне. В то мгновение, когда вы начнёте меняться, мисс Гард выстрелит в мисс Мёрфи, а затем в вас. — Его голос понизился до едва слышного шепота. — В следующий раз, когда вы попробуете угрожать мне, я убью вас.

Уилл тяжело задышал от боли, в каждом его выдохе клокотало рычание. Но он не ответил. В комнате воцарилась абсолютная тишина. Обедавшие застыли неподвижно, как будто замороженные на месте. Никто не смотрел прямо на столкновение, но все они наблюдали краем глаза. Множество рабочих скрылось из виду.

— Он всерьёз, Уилл, — сказала я тихо. — Это ей не поможет.

Марконе, пристально поглядев на Уилла, опять сел в своё кресло. Его глаза снова затуманились и стали непроницаемыми.

— Что вы думаете насчет нового карьерного роста, мисс Мёрфи? Я всегда ищу толковых помощников. И когда нахожу, я достойно плачу им.

Я удивилась, где он слышал про моё отстранение, но я полагаю, это не было важным. У было больше доступа в полиции, чем у большинства копов. Я невозмутимо спросила его:

— Эта работа включает избиение вас до бессознательного состояния и швыряние вас навсегда за решетку?

— Нет, — ответил Марконе, — хотя включает в себя отличную зубную страховку. И в сочетании с вашей пенсией, это сделает вас достаточно богатой женщиной.

— Не интересует, — сказала я. — Я никогда не буду работать на вас.

— Никогда это очень долго, мисс Мёрфи. — Марконе медленно прикрыл глаза и затем вздохнул.

— Определенно, беседа зашла в тупик, — сказал он. — Мисс Гард, сопроводите их обоих из помещений. Дайте им ту информацию, которую они хотят.

— Да, сэр, — кивнула Гард. Она медленно опустила дробовик. Затем вернула его на место позади стола, взяла с него папку, и подошла ко мне и Уиллу. Я остановилась и подняла оброненный окровавленный нож, прежде чем она до него дотянулась. Затем я протерла его носовым платком, убирая с него кровь, прежде чем протянуть его рукояткой вперед мисс Гард. Я была более или менее безграмотна в магии, но я знала, что Гард разбирается в ней лучше меня, и что кровь может использоваться для заклинаний, или чар, или чего угодно, для причинения сильного вреда её владельцу. Стерев кровь с лезвия, я отрезала им легкий путь добраться до Уилла.

Гард слегка улыбнулась мне и кивнула, что выглядело, как одобрение. Она взяла нож, убрала его в карман, после чего сказала:

— Сюда, пожалуйста.

Мы последовали за ней к выходу из из комнаты. Уилл шел с разъярённым выражением лица, сжав левой рукой правый бицепс. Там была кровь, но немного. Его рубашка впитала её, и он пережал руку возле раны. Нож не повредил никакой важной артерии, иначе он был бы уже на полу. Мы обработаем рану, когда выберемся отсюда.

— Возможно, вы знаете, — сказала Гард, пока мы шли, — что деловые круги мистера Марконе разнообразны. В некоторых из них есть весьма жёсткие конкуренты.

— Наркотики, — сказала я. — Вымогательство. Проституция. Они все очень прибыльны. Там всегда конкуренция за территорию.

Гард продолжила, как будто она не слышала меня:

— В последнее время конкуренция резко усилилась, и она идёт с очень компетентными личностями. У нас так же есть ряд проблем в связи с ненамеренными прогулами служащих.

Уилл фыркнул.

— Она подразумевает то, что я подумал?

— Боевики, — сказала я тихо. — Марконе теряет людей. Но не было никакого особого роста числа убийств.

— Они не были убиты, — сказала Гард, нахму-

рившись. — Они исчезли. Быстро. Тихо. Иногда с минимальными признаками борьбы.

Уилл резко вдохнул.

— Джорджия.

Гард протянула мне папку. Я раскрыла её и обнаружила простую распечатку интернет-страницы.

— «Крейгслист», — прочитала я вслух для Уилла. — «Поиск талантов. Чикаго. Стандартное вознаграждение за новый талант. Свяжитесь для собеседования». И есть адрес электронной почты.

— Я знаю, вчера Дрезден оказался вовлечён в какие-то дела, — сказала она спокойно. — За последние двадцать четыре часа подобные объявления появились в Лондоне, Чикаго, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Париже, Риме, Берлине…

— Я уловила, — сказала я. — Происходит что-то крупное.

— В точку, — сказала Гард. Она глянула на Уилла. — Кто-то собирает смертных, обладающих скромными сверхъестественными способностями.

— Поиск талантов, — сказала я.

— Да, — произнесла Гард. — Я не знаю, кто или что стоит за этим. Мы не смогли подобраться к

ним. Кем бы они ни были, они весьма хорошо информированы, и знают наших сотрудников.

— Почему Хендрикс был в моей квартире? — спросил Уилл.

— Мария увидела, как кто-то вытащил твою жену и другую молодую женщину из дома и запихал в машину. Само собой, мы знаем про ваши способности. Марконе послал Хендрикса на место происшествия в поисках любой зацепки, которая поможет идентифицировать нашего противника. Он ничего не обнаружил. — Она покачала головой. — Дальше у меня есть только предположения, если хочешь, я поделюсь ими с тобой.

— Не утруждай себя, — сказала я ей. — Кто-то в городе начал похищать ребят спустя несколько часов после выстрела в Дрездена. Он бы никогда не остался в стороне, если бы что-то такое происходило. Поэтому наиболее разумно предположить, что за исчезновениями стоит тот же, кто и за стрельбой.

— Прекрасно, - сказала Гард, одобрительно кивнув. — Мы не особо разбираемся в розыске людей. — Она посмотрела на меня сверху вниз. — В отличие от тебя.

— Я не буду делать этого для Марконе! — огрызнулась я.

Мы приблизились к выходу из здания и, мисс Гард задумчиво посмотрела на меня.

— Небольшой совет: будьте осторожны, когда пользуетесь официальными каналами для поддержки. Мы не единственные идем на соглашения с местными властями.

— Да, — сказала я. — Я знаю, как это работает.

Гард хмуро посмотрела на меня и затем кивнула головой, чуть более сильно, чем обычно.

— Ну конечно. Прошу прощения.

Я нахмурилась в ответ, глядя на неё и пытаясь понять, что она подразумевала. Не было никакой тени сарказма или иронии в её словах или языке её тела. Проклятье. Я обычно не конфликтовала с не-марсианами.

— Не за что, — сказала я, преодолев сомнение. — Я не выспалась прошлой ночью.

Она примерно секунду внимательно смотрела на меня.

— Я не могу определить то, что именно вижу в тебе — отвагу или отчаяние. Я бы спросила, но я почти уверена, ты и сама не знаешь ответа.

— Прошу прощения?

Гард кивнула.

— Совершенно верно. — Она вздохнула. — Я сожалею. Насчёт Дрездена. Он был мужественным

человеком.

Внезапно я почувствовала ярость, когда она заговорила о Дрездене в прошедшем времени. Это не было тем, что я не проделывала в своих мыслях — но я ни разу не произнесла этого вслух.

— Они не нашли тела, - сказала я ей, и почувствовала такую свирепость в своём голосе, которую не намеревалась вкладывать в него. — Не списывай пока его со счетов.

Валькирия одарила меня улыбкой, обнажившей её клыки.

— Удачной охоты, — напутствовала она нас, и затем вернулась в здание.

Я повернулась к Уиллу и сказала:

— Давай займёмся твоей рукой.

— Всё в порядке, — отмахнулся Уилл.

— Не разыгрывай передо мной крутого парня, — сказала я. — Позволь, я посмотрю.

Уилл вздохнул. Затем убрал руку от раны. На рукаве его рубашки был разрез, там где вонзился нож. Он располагался слишком высоко, чтобы имело смысл закатывать рукав, и поэтому я чуть надорвала его и изучила рану.

Она не кровоточила. Там была припухшая пурпурная линия на месте прокола. В любом случае, это не был струп. Это было просто... исцеление,

хотя и остался чертовски уродливый шрам.

Я присвистнула.

— Как?

— Мы экспериментировали, — спокойно сказал Уилл. — Исцеление ран на самом деле не сильно отличается от превращения обратно в человеческую форму. Моя рука всё еще чертовски болит, но я могу останавливать кровотечение. Наверное. Если всё не слишком плохо. Мы не уверены насчет предела. Да и шрамы остаются. — Его желудок забурчал. — И энергия на это откуда-то требуется. Я ужасно проголодался.

— Классный трюк.

— Я тоже так думаю. — Уилл держался сбоку от меня, пока мы шли к машине. — Что мы будем делать дальше?

— Перекусим, — ответила я. — А потом свяжемся с плохими парнями.

Он нахмурился.

— Разве это, ну ты знаешь... не предупредит их, что мы у них на хвосте?

— Нет, — сказала я. — Они захотят со мной встретиться.

— Почему?

Я взглянула на него.

— Потому что я собираюсь продать им кое-ка-

кой новый талант.

* * *

Мы вернулись ко мне домой.

Не было никаких причин вешать всех собак на владельца адреса электронной почты. Он предназначен быть анонимным, и даже если я смогу привлечь кого-то для получения разрешения узнать имя владельца, то, пока будет длиться волокита и судья даст добро, уверена, к тому моменту адрес окажется устаревшим, а тот, кто был связан с ним, ускользнёт.

Я могла бы попросить помощи у друга из Бюро, если бы после нападения Красной Коллегии на их штаб-квартиру они не сходили с ума, разыскивая ответственных за происшествие «террористов». Которые уже давным-давно покойники. Дрезден подобного навидался.

Все телевизионные новости были про взрыв, про нападение, пока каждый раздумывал, кто это сделал, и пользовался случаем выдвинуть свои собственные политические и социальные программы.

Люди — уроды. Но они — единственные, кто может нести добро в мир.

Я позволила Уиллу совершить набег на мой

холодильник, а затем послала сделать несколько осторожных расспросов среди местного сверхъестественного сообщества. Я услышала, как закрылась дверца его машины, когда он вернулся, а день уже клонился к закату. Похоже, впереди еще одна холодная ночь.

Послышался щелчок закрывающейся второй автомобильной дверцы.

Уилл постучал во входную дверь, и я открыла её, держа пистолет в руке, стволом вниз. С ним была девушка. Она оказалась чуть выше, чем я, но не дотягивала до среднего роста. А еще она была худющей, словно карандаш. Да что там, у меня есть карандаши толще её! Её очки были огромными, а волосы тонкими, прямыми, и такого же цвета, как шерсть домашней мыши. Тем не менее, было что-то в ее манере держаться, от чего у меня волосы на затылке встали дыбом. Молодая женщина может быть и весила как пушинка, но это так же, как в случае с крысами — вы никогда не будете загонять одну из них в угол, если этого можно избежать. Она достаточно опасна, чтобы заслуживать уважения.

Её взгляд пробежал по моему лицу и затем опустился к пистолету в моей руке на первой же половине секунды знакомства. Она остановилась

немного позади Уилла, язык её тела говорил о настороженности.

— Мёрфи, — сказал Уилл, кивая, — но он не попытался зайти внутрь или сделать любое другое движение, на которое я могла бы среагировать. — Ну, может быть, ты помнишь Марси? Мы все вместе были в особняке у Марконе, сброшенные в ту грязную яму. Под транквилизаторами.

— Весёлое было время? — с надеждой спросила молодая женщина.

— Мой напарник погиб за день до того, от клыков Луп-Гару. Поэтому не очень, — заметила я. Я взглянула на Уилла.

— Ты доверяешь ей?

— Конечно, — ответил Уилл, не колеблясь ни секунды.

Может быть, я стала более циничной с возрастом. Я какое-то время пристально смотрела на Марси, прежде чем сказала:

— А я нет.

С минуту никто не проронил ни слова. Потом Уилл сказал:

— Я ручаюсь за неё.

— Ты впутываешь эмоции, Уилл, — сказала я. — Это влияет на твоё суждение. Марконе мог пустить тебе пулю в голову, а не метнуть тот ма-

ленький нож. Если бы Дрезден стоял тут, говоря тебе быть подозрительным, — что бы ты сделал?

Лицо Уилла помрачнело. Но я увидела, что он постарался сдержаться и сделал глубокий вдох.

— Я не знаю, - сказал он наконец. — Я не знаю. Я знал Марси годами.

— Ты знал её годы назад, — поправила я его, слегка подчёркивая эти слова.

Марси потёрла одной ногой об икру другой, и встала, опустив глаза, глядя под ноги. Это выглядело как привычная поза, этакий социальный камуфляж.

— Она права, Уилл, — сказала она тихим голосом.

Уилл, нахмурившись, взглянул на неё.

— Почему?

— Она и должна подозрительно относиться ко мне, учитывая обстановку. Как давно я вернулась в город? Две недели назад? И случается вот такое. Я бы тоже насторожилась.

Она подняла на меня взгляд, с неуверенным выражением лица.

— Я хочу помочь, сержант Мёрфи, — сказала она. — Что нам делать?

Я глядела на них обоих, размышляя. Проклятье, это была ещё одна из штучек Дрездена. Он мог бы

потереть нос, потом окинуть их взглядом и сообщить, были ли они теми, за кого себя выдавали. Сверхъестественные создания очень хороши в превращениях. Они используют это, когда подбираются к своей добыче. При таком нападении шансы смертного на спасение практически равны нулю.

Я это знала. Такое со мной уже случалось. Ужасное чувство досады и беспомощности.

— Для начала, — сказала я, — давай посмотрим, сможешь ли ты войти.

Марси нахмурилась.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что если ты оборотень или что-то такое, то тебе будет непросто переступить через порог.

— Господи, сержант, — начал Уилл. — Ну конечно, она оборотень. Так же как и я.

Я сердито глянула на них обоих.

— Если она та, за кого себя выдаёт, то для неё это не проблема, — ответила я.

Уилл вздохнул и посмотрел на Марси.

— Извини.

— Нет, всё в порядке, — сказала молодая женщина. — Это умно и осмотрительно.

Марси опустила руки по бокам, держа их в на

виду, и шагнула в дом.

— Этого достаточно?

Дома окружает барьер энергии. Дрезден всегда называл его порогом. Вся эта тёмная магия — тарабарщина для меня, но общий принцип таков, что все эти ужасные сверхъестественные существа не могут войти без приглашения. Пороги останавливают духов, призраков, некоторых вампиров (но не всех) и, как правило, отбрасывают тварей, которые намерены выесть вам лицо.

Не всех. Не сильно. Но многих.

— Нет, — сказала я, убирая пистолет. — Но для начала неплохо. — Я кивнула на кресло, стоявшее в гостиной. — Садись.

Она, послушавшись, села и уставилась на свои руки, сложенные на коленях.

Уилл последовал за Марси и посмотрел на меня взглядом, означавший на марсианском: «Какого чёрта ты творишь?»

Я проигнорировала его.

— Марси, — спросила я, — почему ты не ответила Уиллу, когда он пытался связаться с тобой раньше?

— Я пыталась, — ответила она. — Я позвонила сразу же, как только получила сообщение, но у меня нет номера мобильного Уилла. Только

Джорджии.

— Почему? — спросила я.

— Хм, — сказала она, — я только что вернулась в город. И Джорджии не нужны никакие стрессы. И она замужем. Я имею в виду, вы же не станете просто так спрашивать номер телефона чужого мужа. Вы понимаете?

Звучит разумно, так сказать. Я нейтрально кивнула головой, не соглашаясь, но и не отрицая ее ответ.

— Я оставила сообщение на их автоответчике в квартире, — продолжила Марси. — Это всё, что я смогла сделать.

— И я проверил сообщения после того, как выполнил твои поручения, — сказал Уилл. — Я перезвонил ей и привез её туда. Она принюхалась к следам, а потом мы приехали сюда.

— Уилл, — сказала я твёрдо, — позволь мне самой вести беседу.

Он стиснул челюсти и затих, прислонившись к стене.

Я повернулась обратно к сидевшей Марси, и продолжила возвышаться над ней, во властной позе.

— Расскажи мне о своих отношениях с Джорджией.

— Мы подруги, — сказала Марси. — Действительно близкие подруги. То есть я думаю о ней как о близком друге. Она была очень добра ко мне, когда Энди порвала со мной. И мы были друзьями годы до этого.

Я кивнула.

— Уилл объяснил тебе, что происходит?

Она кивнула.

— Джорджию и Энди похитили.

— Откуда ты знаешь, что Энди была с Джорджией?

— Потому что я была там, — сказала Марси. То есть не прошлой ночью , а позапрошлой. Уилл уехал из города, и мы устроили девичник.

— Девичник?

— Мы собирались, делали фондю, смотрели фильмы и лгали друг другу про то, что сейчас выглядим лучше, чем во время нашей первой встречи. Ну, за исключением Энди. — Она покачала головой. — Ну, в общем, мы тогда допоздна заболтались, и Энди спала в комнате для гостей, а я на диване. — Она впервые посмотрела мне в глаза. — Это было тогда, когда у нас были кошмары.

— Кошмары?

Она вздрогнула.

— Я… я не хочу думать об этом. Но у нас троих

были почти идентичные кошмары. И у Джорджии было хуже всех. Она была… — Она глянула на Уилла. — Это было, как будто она не могла полностью вырваться из сна. Она продолжала дёргаться и крутиться. — Она слабо мне улыбнулась. — Потребовались две чашки какао, чтобы ей стало легче.

Я продолжала сохранять нейтральную маску на лице, ничего ей не показывая.

— Продолжай.

— Мы с Энди поговорили насчёт этого и решили, что одна из нас должна остаться с ней. Мы договорились дежурить, пока Уилл не вернётся.

— И первая ночь досталась Энди, я правильно поняла?

Марси кивнула, прикусив губу.

— Да.

— Звучит разумно, — сказала я. Разумно, логично — и невозможно проверить.

А девочка продолжала дрожать.

«Господи Боже, Кэррин, — сказал добрый голос внутри меня. — Что ты делаешь? Она же до смерти напугана.»

Я постаралась сделать тон чуть теплее.

— Ты знаешь что-нибудь более конкретное про их похищение, Марси? Ты можешь сообщить

хоть что-нибудь,что может помочь вычислить похитителей?

Она покачала головой.

— Я не могу припомнить ничего такого. Но я уверена, похитили именно Энди и Джорджию.

— Как ты можешь быть уверена? — спросила я.

Уилл откашлялся и спокойно сказал:

— У Марси нюх. Она лучше любого из нас разбирается в запахах.

Я окинула взглядом Марси.

— Ты сможешь взять их след?

— Их свели по лестнице и погрузили в багажник авто, — уверенно сказала Марси. — Старая модель, сжигает слишком много бензина. Но я не смогу идти за ними по следу. Я думаю, я способна узнать запах похитителей, но только если буду рядом.

Я кивнула. Она извлекла из запахов гораздо больше, чем Уилл. Подобный талант может быть чертовски полезен.

И в тоже время, я не была уверена. По-моему, она говорила искренне, а я очень хорошо чувствую, когда это не так. Но всегда может найтись более хороший лжец, чем предыдущие. Я просто не была уверена.

Но… вам нужно доверять кому-то, иногда. Даже

когда это кажется рискованным, когда речь идет о жизни и смерти.

Может быть даже, особенно в таких случаях.

— Хорошо, - сказала я спокойно и села в другое кресло. — Уилл, — спросила я, — что ты выяснил?

— Есть примерно с полдюжины людей, которые пропали без вести за прошедшие полтора дня, — сказал Уилл. — По крайне мере, это те, про кого знают Бок и МакЭнелли. Слухи о похищениях расходятся по Паранету со вчерашнего утра. Люди собираются группами по трое-четверо, как минимум. У МакЭнелли переполнено. Сообщество знает, что что-то происходит. Они напуганы.

Марси кивнула.

— Это не только в Чикаго. Это происходит по все стране. Лидеры групп держат всех в курсе, спрашивают о своих людях, сообщают о пропавших полиции, как будто она может хоть чем-то помочь, — её голос сорвался до тихого писка, когда она посмотрела на меня. — Ой. Извините!

Я проигнорировала её. С марсианского это переводится так: «Для всех нас будет легче, если мы притворимся, что я не слышала этого».

— Уилл, ты обнаружил что-нибудь, от чего мы можем оттолкнуться?

Он покачал головой.

— Никто не видел и не слышал ничего, связанного с исчезновениями. Но ходят слухи, что кто-то наткнулся на банду вампиров Красной Коллегии, вылезающих из подвала на другом конце города. Может быть, это как-то связано с тем, что происходит.

— Это не то, — сказала я твёрдо. — Не напрямую, по крайне мере. Дрезден уничтожил Красную Коллегию.

Уилл моргнул.

— Ты имеешь в виду... тех вампиров в подвале?

— Я имею ввиду Красную Коллегию, — сказала я. — Всех их.

Уилл присвистнул.

— Ох, ничего себе. Думаю, это была довольно мощная магия.

— Да, — сказала я.

Лицо Марси нахмурилось от напряжённого размышления.

— А это... это было не позавчера вечером, случайно?

Я покосилась на нее и кивнула.

— Если там был такой большой выброс магии... может быть, это объясняет сны, — продолжила

она. — Это не было только с нами тремя. Позапрошлой ночью у множества людей — из Паранета, я имею в виду, — тоже были ночные кошмары. У некоторых их них они были такие сильные, что люди до сих пор не могут уснуть. Пара ребят угодили в больницу. — Она глянула на Уилла. — Вот что случилось с тобой, Уилл.

— О чём ты? — спросил Уилл.

— Когда Джорджия звонила тебе. У неё были кошмары дважды в течение дня, когда она пыталась поспать. Должно быть, они повторились, и она попыталась дозвониться до тебя.

— Сейчас гадать об этом нем смысла. — Я посмотрела на Уилла. — Если коротко, много людей пропало, плохие сны и все собираются в большие группы для обороны. Всё верно?

— Более или менее, — сказал Уилл. — Что у тебя?

— Я послала электронное письмо по адресу, который нам дал Марконе. Сообщила им, что у меня есть отличный талант. Я дала им номер городского таксофона. Я хочу добраться туда, когда они перезвонят в девять вечера.

Уилл нахмурился.

— Так они могут явиться туда и посмотреть на тебя первыми, верно?

— Возможно.

— Ты не должна выглядеть сама собой, — выпалила Марси. Её лицо слегка покраснело от смущения. — Я про то, что ты вроде как сверхъестественный коп в Чикаго. Каждый знает это. И почти наверняка для того, кто задумал что-то такое здесь, не составило особого труда выяснить, как выглядят та, которая может стать у них на пути.

— К сожалению, - сказала я, — у меня нет другой внешности.

Уилл, нахмурившись, посмотрел на Марси, а потом сказал:

— Ах. Макияж.

— У нас мало времени, — сказала Марси, кивая.

— Эй! — сказала я.

— Она права, мисс Мёрфи, — сказал Уилл. — Тебя много раз видели вместе с Дрезденом. И, не в обиду, но не многие люди выглядят, как ты.

— В смысле? — спросила я его и улыбнулась.

Глаза Уилла измерили расстояние между ним и дверью.

— В смысле, ты весишь меньше, и ниже, чем обычный взрослый человек, — сказал он. — Исключительно в этом смысле. Мы должны

сделать всё, что сможем, чтобы тебя было сложнее узнать.

Уилл попал в точку. Досадно до невозможности, но его логика была здравой. Но я определенно была немного чувствительной, когда дело касалось моего роста.

— Все в порядке. Но если я услышу, что вы опять эту пластинку завели, я её разобью нафиг.

Уилл, расслабившись, кивнул.

— Круто.

Марси кивнула вместе с ним.

— Как насчет Уилла и меня? Я имею в виду, что нам обоим делать?

Я посмотрела на пару молодых вервольфов и поджала губы.

— Как вы относитесь к клейкой ленте?

* * *

Когда я подошла к таксофону возле небольшого продуктового магазина на Бельмонт, я чувствовала себя идиоткой. В окна затемненного магазина через дорогу я могла видеть свое отражение.

Хэллоуин в этом году пришел рано. На мне

были сапоги почти как у Германа Мюнстера,[51] с подошвой на платформе около трёх дюймов толщиной, что делало меня выше. Мои волосы покрасили в матовый черный цвет и сильно зализали. На них было столько лака и геля, что я была вполне уверена, они будут отражать пули. Я надела чёрное трико для танцев, пожертвованное Марси, чёрную футболку, и чёрную кожаную куртку молодёжного размера.

Мое лицо было худшей частью маскировки. Я почти задыхалась под макияжем. Тёмные тона серебра, переходящие в чёрный, сделали мои глаза другими, изменив их форму с помощью внушения, через искусное применение подводки. В вечернем свете я выглядела, как азиатка. Мои губы были тоже затемнённые, оттенка красного вина, что как-то умудрялось сочетаться с тенями. Помада немного изменила форму рта и сделала мои губы более пухлыми.

Я сердито посмотрела на отражение. Этот прикид имел лишь один недостаток: он был не для меня.

Зазвонил телефон, и я подняла трубку, рывком, как будто в нетерпении. Я посмотрела вокруг,

---

[51] Примечания: 51

Персонаж американского комедийного ужастика «И вот пришли Мюнстеры». Видок, по ходу, тот ещё.

мои глаза отслеживали местность, ища место где, по-моему, мог засесть наблюдатель, и сказала:

— Да?

— Товар, — пробормотал мягкий, шипящий голос с необычным акцентом. — Опишите.

Было что-то действительно жутковатое в этом голосе. Волосы на затылке встали дыбом.

— Один мужчина и одна женщина, лет двадцать пять — тридцать. Оборотни.

Или на линии были статические помехи, или говорящий мог издавать исключительно странные шипящие звуки. С учётом обстоятельств, я сочла шансы равными.

— Десять тысяч, — сказал голос.

В эту игру можно играть различными способами. Разные люди, которые заключают такого рода сделки, делятся примерно на три основных типа: жадные, грубые сукины дети, хладнокровные специалисты, занимающиеся деловыми операциями, и отчаянные любители, без царя в голове. Я решила попробовать действовать, как первый в списке.

— Сорок тысяч, — мгновенно парировала я, — за каждого.

На другом конце телефонной линии раздался звук ярости. Он, в любом случае, не был челове-

ческим.

— Я мог бы вырвать твои глаза и порезать язык на куски, — прошипел голос. Кое-что в этой угрозе напугало меня до чёртиков, затрагивая какие-то инстинктивные уровни, чего Рэй, при всей его омерзительной массе, сделать не мог. Я почувствовала, что дрожу, несмотря на все усилия, чтобы не трястись.

— Подумаешь, — сказала я, стараясь казаться скучной. — Даже если бы вы могли сделать это, вы ничего не получите. Разве что кожу с моей задницы.

Продолжительное молчание на другом конце линии. Мне показалось, что я чувствую какое-то давление зданий позади меня на мои веки. Я сказала себе, что это была моя фантазия.

— Эй, кто там? — выразила я недовольство. — Слушайте. Вы собираетесь заняться бизнесом, или я просто трачу свое время?

После еще одной паузы, голос прошипел что-то булькающим, змеиным языком. Телефон зашуршал, как будто трубку передавали из рук в руки, и очень низкий мужской голос сказал:

— Двадцать тысяч. За каждого.

— Я не продам женщину меньше чем за тридцать.

— Пятьдесят за обоих, — прогремел новый голос. Этот звучал совершенно по-человечески.

— Наличными, — потребовала я.

— Идёт.

Я все сканировала глазами улицу, высматривая их наблюдателя, но никого не видела.

— Куда их доставить?

— На склад.

— Ни в жизнь. Я притащу их туда, вы просто шлёпнете меня, и моё тело исчезнет вместе с уродами.

— Что вы предлагаете? — прогрохотал голос.

— Парк «Баттеркап». Через тридцать минут. Один курьер. Курьер отдает мне половину наличными. Затем курьер проверяет товар в глубине моего грузовика. Курьер отдает мне остальные деньги. Я отдаю ему ключи от транспортного средства, перевозящего товар. И мы все расходимся довольными.

Говорящий басом мужчина на мгновение задумался, а затем крякнул. Перевод: согласен.

— Как вы узнаете меня?

Я фыркнула и сказала:

- Парк не такой уж огромный, крутой парень. И это не моё первое родео.

Я повесила трубку, потом вернулась к своему

мотоциклу и взяла курс к парку «Баттеркап». Светящееся табло рядом с банком сообщило мне, что было четверть десятого. Движение в городе к вечеру замирало. Я добралась до места чуть больше, чем через пятнадцать минут, припарковала «Харлей» в гарже, и направилась туда, где в том же здании ожидал дорогущий внедорожник Джорджии. Я обошла его и открыла заднюю дверь. Уилл как раз заканчивал упаковывать Марси в то, что оказалось несколькими слоями клейкой ленты, охватывающей ее полосой от бёдер до ключиц, и связывающей руки сзади. Она была одета в простой сарафан, под которым, как я предполагала, ничего не было. Я думаю, когда вы превратитесь в волка, вы не захотите оказаться в ловушке из комплекта белья, и неловко из него выпутываться.

Уилл поднял голову и поприветствовал меня быстрым кивком.

— Всё готово?

— Пока — да. Ты уверен, что у вас не будет проблем с освобождением? — спросила я.

Уилл фыркнул.

— Когти, клыки. Будет немного больно, если волосы прилипнут. Ничего серьезного.

— Ты говоришь как тот, кто никогда не удалял

волосы с ног воском, — сказала Марси нервным, деланно весёлым тоном. Она, может быть, и выглядела как тощая мелочь, но мышцы, проступающие на её ногах, были похожи на канат.

Уилл оторвал конец клейкой ленты, и сходил за рулоном для меня. Он сел на пол в задней части внедорожника, сидения которого были сложены, чтобы освободить место для «пленных». Он снял рубашку, оставив только пару свободных тренировочных брюк. Я начала его упаковывать.

— Напряги мышцы, — сказала я. — Когда я закончу, расслабь их. Это позволит оставить тебе достаточно места, чтобы поддерживать кровоток.

— Правильно, — сказал Уилл. — Гудини.

Он напряг мышцы верхней части тела, и клейкая лента заскрипела. Чёрт, парень был накачан. Учитывая, что я более или менее прислонилась к его голой спине, чтобы обойти вокруг него с рулоном ленты, этого нельзя было не заметить.

У Дрездена не было такой массивной мускулатуры, как у Уилла. У Гарри было сложение бегуна, — сухие, тугие, плотные мышцы, которые…

Я сжала челюсти и придержала упаковочную ленту.

— Ещё раз, — сказала я. — Я встречаюсь с агентом, а затем привожу его сюда. Я возьму брелок дистанционного управления от внедорожника. Я отключу сигнализацию, таким образом, вы узнаете, что мы идем. Если вы услышите от меня слово «красный», это значит, дела идут не так. Развязывайтесь и помогите мне, прыгнув на агента. Мы будем допрашивать его, чтобы узнать, где держат других особенных существ. В противном случае, сидите тихо, как будто вы получили удар дротика с транквилизатором. Я вас буду прикрывать в их штаб-квартире.

— А потом что? — спросила Марси.

— Нам придётся «играть на слух», — сказала я. — Если их там не слишком много, мы нападём на них и выведем людей. Если их силы окажутся превосходящими, я сделаю телефонный звонок. Если я смогу получить подкрепление, они предпочтут удрать, а не воевать.

— А ты в этом уверена? — спросил Уилл.

— Дрезден говорил, что для сверхъестественного мира вовлечение смертных властей равнозначно обмену ядерными ударами. Никто не хочет быть одним из инициаторов какой-нибудь новой инквизиции. Таким образом, любая группа со здравым смыслом предпочтёт потерпеть

поражение, а не связываться с полицейскими.

— Как они не стали связываться со штаб-квартирой ФБР? — спросил Уилл.

Я надялась, что никто не заметит ошибки в моих рассуждениях.

— То были военные действия. Это — план для получения какой-нибудь выгоды.

— Давай, Кэррин, — сказал Уилл. — Ты должна знать куда больше.

— Это профессиональная деятельность, — сказала я. Любой на их месте рассчитывает на отвлечение внимания и скорость, чтобы избежать неприятностей. У них уже есть готовый план побега. Если куча машин и огней будут двигаться на них, я думаю, что их первым побуждением будет бежать, а не воевать.

— Да, — сказала Марси, кивая головой. — Это имеет смысл. Ты всегда говорил, что сверхъестественные хищники предпочитают не воевать, если могут избежать этого, Уилл.

— Одинокие хищники — да, — сказал Уилл, — но это организация. И вы могли заметить, как много сверхъестественных типов составляют пару как картофель фри и Хэппи Мил. И я говорю о большем, чем здесь, сегодня вечером. Большем, чем похищение Джорджии и Энди. Большем, чем

просто Чикаго.

Я поморщилась.

— Что ты имеешь в виду?

Он наклонился вперед, глаза его были полны решимости.

— Я имею в виду, что если Дрезден просто взорвал Красную коллегию… Это означает, что статус-кво больше нет. Образовался вакуум власти, и каждое привидение старается заполнить его. Правила изменились. Мы не знаем, как эти люди будут реагировать.

Опустилась отрезвляющая тишина.

Я не рассуждала так, как Уилл. Вернее, я не заходила в рассуждениях достаточно далеко. Я только думала о катаклизме по имени Дрезден с точки зрения его влияния на мой город, на людей, которые были частью моей жизни.

Но он был прав. Боже милостивый, он был прав. По сравнению с внезапной кончиной Красной Коллегии, и последствиями, которые это могло вызвать во всем мире, падение Советского Союза выглядело как незначительный организационный кризис.

— Итак, что же теперь? — спросила я. — Мы отступим?

— Ты что, шутишь? — сказал Уилл. — Они

забрали мою жену. Мы идём вернуть её и остальных, кого они уже захватили.

— Верно, — твёрдо сказала Марси со своего места на автомобильном кресле.

Я почувствовала, что обнажаю зубы в улыбке.

— А если они будут драться?

Лицо Уилла огрубело.

— Тогда мы надерём им задницу.

— Жопу, — сказала Марси, кивая головой.

Я закончила обёртывание клейкой лентой. Уилл выдохнул медленно и расслабленно. Он сделал несколько экспериментальных вдохов, а затем кивнул.

— Хорошо. Порядок.

— Ложитесь, оба. Я вернусь с покупателем.

— Будь осторожна, — сказал Уилл. — Если ты не вернешься через двадцать минут, я выйду посмотреть.

— Если я не вернусь через двадцать минут, не будет особого смысла меня искать, — сказала я.

Потом я закрыла их во внедорожнике и направилась к парку.

* * *

Парк «Баттеркап» не такой уж огромный. Там есть газон, оборудование для игровых площадок,

и дерево или два на островках зелени, окаймляющих четыре городские улицы. Но он порядочный. Это было то место, которое выбрала моя грубая персона. Это место было открытым, и там было не так много того, что могло закрыть обзор. Это было хорошее место для преступников с взаимными проблемами доверия, чтобы встретиться. Каждый может быть уверен в другом. Каждый может быть уверенным, что другой не будет затевать стрельбу, как перед Богом и людьми.

Парк, как и должно было быть, был пуст. Окружающие фонари оставляли мало скрытых мест на зеленой траве, но оборудование для игровых площадок отбрасывало длинные, асимметричные тени.

Мужчина сидел на одной из качелей. Он был огромный, крупнейший индивидуум, что я когда-либо видела. У него была массивная мускулатура, хотя она была сбалансирована как у спортсмена, для действия, а не создана для показа. Пластиковое сиденье качели прогибалось под его тяжестью. Он, должно быть, футов семь высотой.

Он спокойно сидел, совершенно по-прежнему, наблюдал и ждал. Его голова была выбрита, а кожа смуглая. На нем была простая одежда, чёр-

ные брюки-чинос[52] и тонкий свитер-водолазка. Если октябрьский холод и беспокоил его, это не было заметно. Я топала к нему в мюнстеровских сапогах. Когда до него оставалось около тридцати футов, он повернул голову в мою сторону. Его взгляд был поразительным. Его глаза были бело-голубыми, как у некоторых северных ездовых собак, и казались почти светящимися в полутени.

Он поднял брови, когда я подошла ближе, потом встал и вежливо поклонился в пояс. Я поняла, что он не был семи футов ростом. Это было больше похоже на семь футов и четыре или пять дюймов.

— Добрый вечер, — сказал он.

Его гулкий бас было трудно не узнать. Это был человек, с которым я говорила ранее.

Я остановилась перед ним и положила руку на бедро, глядя на него, как будто я не была впечатлена.

— До тех пор, пока вы передаете деньги, так и будет, — протянула я.

Он полез в глубокий карман штанов и вытащил брикет, завернутый в пластик. Он бросил его мне.

---

[52] Примечания: 52
Чинос - свободные брюки из плотного хлопка или льна.

— Половина.

Я поймала его и разорвала пластик с зубами. Затем я начала считать деньги, и все они были стодолларовыми купюрами с непоследовательными номерами.

В голосе курьера появились нотки раздражения.

— Здесь всё.

— Говоря со мной, вы только заставите меня сбиться со счёта и начать всё сначала, — сказала я. — Как я должна вас называть?

— Никак, — ответил он. — Никто. Я для вас ничто.

— Ничто, — повторила я.

Банкноты были связаны в пачки по пятьдесят. Я пересчитала одну, и после сравнения ее толщины с остальными, перелистала их, просто чтобы быть уверенной, что Ничто не пытался надуть меня, подсунув двадцатки в середину пачки. Затем я засунула деньги в карман куртки и сказала:

— Мы в деле.

Ничто слегка наклонил голову.

— Товар?

— Пойдём со мной, — сказала я, добавляя своему голосу беззаботной уверенности. Я повернулась и пошла обратно к стоянке, и Ничто побрел рядом.

Уже это было не очень хорошо. Этот парень был огромный. Я была опытной, но обучение и практика - это ещё не всё. Есть старая поговорка, что опытный большой человек побьет опытного маленького человека. Это отдает сексизмом, но, тем не менее, верно. При одинаковом уровне квалификации и равных условиях, тот, кто имеет преимущество в габаритах и весе, чуть ли не всегда побеждает. Ничто, вероятно, весит больше нас всех троих, вместе взятых, и у меня было чувство, от того, как он держался и двигался, что он был человеком, привыкшим к насилию. Он был опытным.

Я могу застрелить его (возможно), но мне не нужен мёртвый торговец. Мне нужен тот, кто может говорить - это означало, что мне придется позволить схватить Уилла и Марси.

— Как долго вы, ребята, прицениваетесь? — спросила я его, пока мы шли. — Могли бы и поскорее, если цена правильная.

Ничто задержал на мне взгляд, прежде чем ответить.

— Если вы думаете, что мы не успеем до рассвета, не беспокойтесь.

— Может быть. Посмотрим, чем это закончится.

Ничто пожал плечами и продолжал идти. Я мимоходом увидела наши отражения в окне, — Барби-байкер и Бигфут. Я старалась держаться подальше от зоны его досягаемости, пока мы шли, но здесь был только тротуар, а руки Ничто выглядели достаточно длинными, чтобы достать меня с середины улицы.

Пока мы шли, я уловила запах. Мужчина просто пах не так. Я не была уверена, что это было — что-то... затхлое, смутно похожее на запах стоячей воды и гниющей рыбы. Он висел в воздухе вокруг него.

— Ты на самом деле не человек, — отметила я, когда мы дошли до автостоянки, подальше от каких-либо потенциальных свидетелей.

— Не совсем, — ответил он.

Когда он говорил, воротник водолазки... шевелился. Волнообразно, как будто что-то двигалось под ним.

— Ну, я, — сказала я, — совершенно бесполезна для вашей коллекции талантов. Так что не думайте, что вы можете получить три по цене двух.

Ничто взгянул на меня свысока этими своими тревожащими глазами.

— Ты жалкая.

Я добавила немного больше развязности в свою

походку.

— Осторожнее, когда ты так говоришь, здоровяк. Ты меня возбуждаешь.

Ничто издал слабый, тихий звук отвращения и покачал головой. Трудно было не улыбаться, когда я наблюдала за ним из своего закутка «коварная декадентская сволочь».

— Это прямо здесь.

— Прежде чем подойдёт транспорт, — сказал он, — ты должна знать, что, если у тебя есть сообщники в засаде, я сломаю шею и им, и тебе.

Я подняла руки.

— Иисусе. Проявляешь недоверие, не так ли? Мы все здесь капиталисты.

Я направила брелок на внедорожник и отключила сигнализацию, издавшую слабый электронный щебет. Сразу вспыхнули фары. Я бросила ему ключи.

— Иди один. Я останусь здесь, если хочешь.

— Приемлемо, — сказал он и шагнул к внедорожнику.

Когда он нагнулся, чтобы посмотреть внутрь, это выглядело, как сцена из «Парка Юрского периода». Он открыл заднюю дверь, а затем поднял руки к шее. И потянул водолазку немного вниз.

Кожа шеи Ничто была деформированной, с

узкими закрылками кожи, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что я видела.

Жабры.

Человек с жабрами. И он дышал через них. Они открывались и закрывались в ритме, похожем на то, как принюхивается собака.

— Вервольфы, — сказал он. — Ценные.

— Из них получаются хорошие домашние животные? — спросил я.

Он протянул руку и схватил Уилла, подняв его одной рукой. Молодой человек оставался вялым, с закрытыми глазами.

— Их кровь обладает уникальными свойствами. Что ты использовала для их захвата?

— Дротики. Мне ещё жить не надоело.

Он издал звук недовольства и поправил воротник.

— Транквилизатор может снизить их стоимость.

— Надеюсь, что нет, — сказала я. — Это был такой приятный разговор. Я не хотела бы, чтобы он закончился перестрелкой.

Ничто слегка повернул голову и одарил меня очень холодной улыбкой.

Я почувствовала угрозу, достаточную, чтобы вытащить своё оружие, даже не подумав об этом

осознанно. Я держала его двумя руками, направив на землю у его ног. Мы стояли таким образом, лицом к лицу, в течение нескольких секунд. Затем он пожал плечами. Он достал ещё один брикет банкнот и бросил его мне вместе со связкой ключей. Потом он поднял Марси и закинул её на одно плечо, а Уилла на другое.

Он повернулся к входу в гараж и издал несколько резких, трескучих щелчков, производимых со странным вибрированием груди и горла, звук которых был каким-то знакомым. Они, должно быть, были сигналом. Минуту спустя, фургон с надписью «пункт проката» на борту подъехал к обочине и остановился.

Человек, одетый так же, как Ничто, откатил боковую дверь. Ничто положил обоих оборотней внутрь, затем последовал за ними, как-то сжавшись в объеме, достаточно, чтобы влезть в фургон. Водитель вернулся обратно в транспорт секунду спустя. Вся погрузка заняла менее десяти секунд.

Я вернулась к своему мотоциклу и выкатила его из гаража, не включая фары, пока их фургон не доехал до конца квартала. Затем, постаравшись следовать за ними на несколько корпусов автомобиля позади, я пыталась стать невидимой.

Ничто и его водитель направились к пристани, что едва ли было непредвиденным. Чикаго принимает огромное количество судов, которые проходят через Великие озера, разгружаются и передают груз железной дороге или транспортным компаниям для перевозки на всей территории Соединенных Штатов. Такие суда остаются одним из лучших средств для перемещения нелегальных товаров, не будучи замеченными.

Рядом с доками есть много складских помещений, и Ничто подошел к одному из более убогих, ветхих складов на набережной. Я отметила место и проехала дальше без остановки. Затем я сделала круг, заглушила двигатель байка еще в движении, и проехала по инерции до конца по истрескавшемуся старому асфальту, шорох моих шин затерялся в шуме города и плеске воды озера.

Смотреть было особо не на что. В пакгаузе был единый набор стандартных дверей, а также несколько больших стальных дверей, раздвижных, чтобы заносить внутрь ящики и контейнеры. Все они были закрыты. Один охранник, мужчина в кепке часового и штормовке, бесцельно бродил вокруг здания, курил сигареты и выглядел скучающим.

Я избавилась от проклятых неуклюжих сапогов Мюнстера, и натянула чёрные тапочки, которые я всегда носила на тренировках. Я вытащила оружие и снаряжение из сумки байка, приладив все причиндалы на разгрузку под курткой, и скользнула ближе. Я держалась там, где было темно, используя тени, чтобы скрыть своё приближение. Затем я нашла клочок особенно глубокой тени, и стала ждать.

Потребовались бесконечные пять минут, пока охранник оказался достаточно близко ко мне, чтобы снять его тазером.[53] Дротик выскочил и погрузился ему в грудь, таща за собой блестящие провода, я нажала на курок, он задергался, забился и упал на землю. Я не была уверена, был ли этот парень человеком или нет, но я не хотела испытывать судьбу. Я продолжала бить его током, пока не удостоверилась, что он в нокауте. Когда я унялась, он просто лежал на боку, свернувшись калачиком на полпути к позе эмбриона, дрожа, дергаясь и пуская слюни.

Как ни странно, он чем-то напомнил мне моего второго мужа по утрам.

---

[53] Примечания: 53

Тазер (англ. Taser) — нелетальное электрошоковое оружие. От обычного электрошокера тазер отличает способность поражать цель на расстоянии (от 4,5 до 10 метров, в зависимости от модели).

Я выдернула из него дротик и засунула тазер и провода в карман куртки. Потребуется слишком много времени, чтобы снова подготовить его к работе, и у меня было скверное подозрение, что от электронного устройства внутри склада мне не будет большого проку. Я могла бы ударить его чем-нибудь тяжёлым, чтобы обездвижить, но я была бы счастливее, если тот, кто обнаружит оглушённого человека, не поймет, что с ним случилось.

Так будет проще.

Мой П-90[54] висел свободно на разгрузочном поясе, его рукоятка была высоко, а ствол свисал вдоль моего тела. Я улучила момент, чтобы привинтить глушитель на конец пистолета, и подняла его к плечу в положение для стрельбы. Ношение маленького бельгийского оружия, созданного для самообороны, было незаконным для гражданских в пределах городской черты; глушителя - тоже. Если бы я попалась с ними, я бы заработала неприятности. Если бы я попалась, используя их, я бы получила срок. Оба эти последствия были второстепенными, учитывая тот факт, что, если бы я не вооружилась, как на медве-

[54] Примечания: 54

Пистолет-пулемет / персональное оружие самообороны военнослужащих FN P90 (Бельгия.) Длина: 500 мм. Длина ствола: 263 мм.

дя, то не осталась бы в живых, чтобы поздравить себя, как законопослушного гражданина.

Ну, нет такой штуки, как идеальное решение.

Я, двигаясь бесшумно, вернулась к входной двери, прижав оружие плотно к плечу. Я шла вперевалку, быстрыми, мелкими, скользящими шажками, сохраняя равновесие верхней части тела. Я поставила прицел «красной точки» на П-90, и он поплыл перед моим взглядом, как полупрозрачное перекрестье красного света. Наведите оружие на нужную точку и спустите курок. По идее, пули полетят туда, где сходятся линии перекрестия. Обычно я имела дело с короткой дистанцией. Хотя я видела больше перестрелок, чем практически любой полицейский в стране, благодаря Дрездену, - я могла бы пересчитать по пальцам, сколько раз я использовала оружие всерьёз против цели, находящейся дальше чем семь или восемь ярдов.

Стоя рядом с входной дверью, я проверила ручку. Она легко повернулась. Таким образом, люди внутри полагались на своего охранника, который не пустит незваных гостей.

Я подумала о первом шипящем голосе, с которым я говорила по телефону, и вздрогнула. Они не будут полагаться на чисто физическую защиту.

Но я тоже кое-что в этом понимала. Обереги Гарри были смертельно опасны, но для их создания вы, видимо, должны были использовать энергию порога, который бывает только вокруг жилого дома. Этот старый склад был коммерческим предприятием и не имел порога. Таким образом, если заклинание было предназначено, чтобы охранять дверь, оно должно быть достаточно слабым.

Конечно, «слабый» был относительным термином в словаре Дрездена. Это могло означать, что меня может ударить достаточно сильно, чтобы только переломать кости, а не распылить меня полностью — если там вообще было заклинание.

Я ненавидела это волшебное дерьмо.

Да пошло оно всё. Я же не могу просто стоять здесь всю ночь.

Я медленно повернула ручку, отклонившись так далеко, как только возможно. Затем я мягко толкнула, и дверь приоткрылась на дюйм или три. Когда ничего не взорвалось, и не завопила сигнализация, я расслабилась и заглянула внутрь.

Это было словно заглянуть в другой мир.

Зелёный и синий свет переливался и скользил по стенам и потолку склада, жуткий и неуловимо

тревожащий, каждый цвет двигался волнами разной ширины и скорости. Странный запах воды и рыбы был сильным внутри. На стене были какие-то штуки - наросты, единственное, как я могла назвать их. Мерзкие пятна какого-то комковатого, жёсткого вещества, которое я не могла опознать, облепили вокруг все стены и потолок склада, образуя примерно круглые участки около шести футов в поперечнике.

Клетки были разбросаны по всему полу — группы пятифутовых кубов из массивных стальных решёток. Люди были заперты в нескольких из них, дверцы замотаны тяжёлыми цепями. Большинство из них просто сидели, глядя в пустоту, или лежали на боку, делая то же самое, совершенно неподвижно. Это было ненормально. Даже тот, кто был напичкан наркотиками, но находился в сознании, проявлял бы немного большее оживление. Это означало привлечение магии, какого-то психического вторжения, и тихий голос в моей голове принялся кричать.

Я уже неоднократно подвергалась такому вторжению.

Это скверно.

Мои ноги ослабели. Мои руки дрожали. Рябь цветных волн света на стенах стала какой-то

зловещей, сбивающей с толку, началось еще одно нападение на мой разум. Господи Боже, я хотела развернуться и удрать прочь, так быстро и так смиренно, как это возможно. В самом деле, я пыталась. Мои ноги дрожали, как будто готовясь к бегу, но едва волочились. Присмотревшись к другому ряду клеток, я увидела Джорджию.

Она была голой, стояла на коленях, её руки бережно обвивали выпуклый живот, прижимая будущего ребенка. Её голова поникла в позе кротости, а её гладкие плечи и шея были расслаблены. Но я видела её глаза, открытые и пристально глядящие на нижнюю часть клетки, и я заметила мерцающий в них вызов.

Что бы ни проделали с другими, это подействовало и на Джорджию, но она, очевидно, не была подавлена так же легко, как они. Она все ещё боролась.

Что-то глубоко внутри меня, что-то суровое, жестокое и яростное, заставило меня застыть на месте. Я смотрела на Джорджию, и я знала, что я не могу убежать. Я вспомнила, что Уилл и Марси были там, ждали меня, моего оповещения, что настал момент изменять форму и драться. Я вспомнила, что почти все эти люди в клетках были молодые, ещё моложе, чем оборотни, включая

самого младшего, в клетке Джорджии.

Я вспомнила брызги крови на обшарпанной кабине лодки - и что там не было никого, но я пришла на выручку этим детям.

Страх, изменив форму, снова стал одолевать меня меня. Теперь он замаскировался под причину. Не ходи туда, говорил он мне. Знай свои пределы. Вызови помощь.

Но серьёзную помощь мне может оказать только Отдел Специальных Расследований — и они бы рисковали своей собственной карьерой, а также жизнями, если бы пришли мне на выручку. Я могла бы вызвать регулярную полицию, сделав анонимный звонок, но в этой части города пройдёт полчаса, пока они прибудут. И даже если бы они приехали, они стали бы ягнятами на заклании. Большинство силовых структур не знало, что действительно происходило в тёмном мраке города.

Ты могла бы принять Меч, сказал мой страх. Ты знаешь, где он находится. Ты знаешь, какой сильной он делает тебя.

Не многие люди могли честно сказать, что они обладали волшебным мечом против тёмных сил, но я одна из них. Фиделаккиус, Меч Веры, лежит и ждёт руки кого-то достойного пустить

его в ход против сил тьмы. В финальной битве с Красной Коллегией эта рука была моей. В самый жуткий момент этой битвы, когда всё, казалось, уже потеряно, моя рука с Фиделаккиусом стала тем, что нарушило баланс, что позволило Дрездену победить. И я чувствовала, что Сила, более могущественная, чем я, поддерживала меня, направляя мои движения, и в один стремительный момент, вошла в меня и использовала мои губы и язык, чтобы произнести приговор кровожадным существам, окружавшим нас.

Я могла бы принять Меч. Вероятно, это принесло бы некоторую пользу.

Но я знала, что если бы я это сделала, я бы выбрала лёгкий путь. Я бы отвернулась от источника ужаса по великолепной, рациональной причине. И в следующий раз, когда я столкнусь с таким же страхом, мне будет немного легче отвернуться, немного легче найти хорошие причины, чтобы не действовать.

Меч был источником невероятной силы, - но он был всего лишь острым куском холодной, неподвижной стали без рук, которые могли бы его держать, мышц, чтобы его поднять, глаз и ума, которые будут его направлять. Без них Меч был ничем.

Я остановилась и посмотрела вниз, на свою сжатую кисть. Без моей руки, моего ума, моей воли, Меч ничего не значил. И если это правда, то также должно быть правдой, что моя рука была тем, что имело значение. Это была моя сила, моя воля, что существенно меняло дело.

И моя рука была прямо здесь. В самом деле, у меня было их целых две.

Моё дыхание начало успокаиваться и замедляться. С Мечом или без Меча, я поклялась служить и защищать людей этого города. И если я отвернусь от присяги сейчас, если я поддамся своему страху, даже по наиболее соблазнительно разумным причинам, то я в любом случае не имею права принимать Меч Веры.

Мои руки перестали трястись, а дыхание замедлилось и стало ровным, в результате чего ужас был взят под контроль. Я прошептала быстро, почти полностью про себя, молитву Святого Иуды, покровителя потерянных дел и полицейских. Это звучало чем-то вроде, «О-Боже-Боже-Боже. Помоги.»

Я приоткрыла дверь еще несколько дюймов, проскользнула в склад, перемещаясь с такой скоростью и так тихо, как могла, держа оружие горизонтально и наготове.

* * *

Я пробралась в конец склада, в основном скрываясь за стеллажами высотой более двадцати футов. На них были сложены поддоны, погрузочное оборудование, бункеры, а иногда бочонок или коробка неизвестного происхождения. Изменчивый, постоянно колеблющийся свет стал отличным прикрытием для движения, и я синхронизировала свои шаги, чтобы двигаться в одном ритме с танцующим освещением.

Волосы у меня на затылке встали дыбом, и казалось, что каждый дюйм моего тела покрылся гусиной кожей. Мне доводилось сталкиваться с присутствием опасной магии достаточно часто, чтобы узнать чувство тёмной силы в действии. Оно было таким же, как в Чичен-Ице, и в водах возле острова Предел Демона, и в Провале Рейтов, и в Арктис Торе, и в гнезде вампиров Чёрной Коллегии, и в...

Вы попали в точку. Это не было моим первым родео.

Самым важным было бы устранить предполагаемого босса Ничто, и быстро, желательно, прежде чем кто-нибудь узнает, что я вообще была здесь. Склад пропах магией, а если смертный переходит

к честной игре против чародея, смертный проигрывает. Конец игре. У них есть сила, которая в буквальном смысле почти невообразима, и если плохой парень получит возможность защищаться, только от нерешительности остальных зависит, сколько творчества он вложит в процесс моего убийства.

В конце стеллажа была подвижная лестница, позволяющая передвигаться вверх и вниз по полкам и обеспечивающая легкий доступ. Склад под самым потолком был темнее, чем на уровне пола. Я даже не снизила темп. Я поднялась по лестнице к верхней части стеллажей и застыла на месте, получив возможность в первый раз хорошо и отчётливо рассмотреть противника.

Их там было полдюжины, включая Ничто, и все они прикупили одёжку в одном и том же магазине. Их костюмы бросались в глаза своей однородностью, хотя какой-то инстинкт заставил меня думать, что они были предназначены в качестве маскировки, что индивидуальность, как понятие, не представляла какого-либо особого интереса для Ничто и его компании. Ничто был, безусловно, самым крупным из мужчин, хотя никто из них не выглядел как спортсмен полулёгкого веса.

Они грузили клетки в железнодорожные грузовые контейнеры, довольно обычное явление на больших судах, некоторые из которых могли нести сотни металлических ящиков. Клетки были связаны штабелями размером именно с вагон, две в поперечнике и три в высоту, без учёта ответственности за человеческий груз. Ни одеял, ни подстилки — ничего, кроме металлических клеток и уязвимой кожи.

Я увидела клетку Энди, недалеко от клетки Джорджии. Рыжей девушке, видимо, не хватило некой предельной пропускной способности противостоять тому, что с ней сделали. Она лежала на спине, безучастно глядя на потолок своей клетки. Девушка-оборотень была сногсшибательной. Даже у лежащей в полностью пассивной релаксации, её изгибы привлекали взгляд, но выражение пустого отчаяния на её лице западало в душу.

Ничто стоял над Уиллом и Марси, которые лежали вяло и неподвижно на полу у его ног. Пара водолазок везли к ним пустые клетки.

— Сколько времени это займёт? — спросил он третьего.

— Не зная дозы транквилизатора, несколько часов, — ответил мужчина. Его голос был явно человеческим, и звучал не похоже ни на один

из тех, с кем я говорила по телефону. — Может быть, больше.

Ничто нахмурился.

— Можете ли вы определить их жизнеспособность до рассвета?

— Если я сумею выделить вещество, которое до этого сделало их недееспособными, — ответил он. — У меня нет средств определения, сколько попыток будет необходимо. Это будет длиться, сколько потребуется.

— Он будет недоволен, — сказал Ничто.

Мужчина склонил голову.

— Моя жизнь принадлежит хозяину. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы служить ему. И если он разочаруется во мне, он волен лишить меня жизни.

Ничто кивнул.

— Именно так.

Мужчина повернулся и быстро зашагал прочь, держа в руке два небольших флакона с ярко-красной кровью — взятой у Марси и Уилла, предположила я.

Тем временем, пустую клетку подвезли. Ничто ухватил Марси и поднял её к ожидавшей клетке. Я тихонько разразилась проклятиями. Если я позволю ему запереть её, целая треть моей команды

будет нейтрализована, беспомощна, как заключённые, которые уже были схвачены. Но если танцы начнутся слишком рано, я рискую не воспользоваться своими запрещёнными приёмами. Хозяин Ничто может появиться в любое время.

С другой стороны, Ничто, кажется, большой и главный. Может быть, шипящий человек, с которым я говорила по телефону, передал управление в лопатообразные руки Ничто. Или, возможно, я разгадала ситуацию неправильно. Что делать, если один из других водолазок был первым говорившим, а Ничто был на самом деле шефом?

Я приняла решение и навела прицел П-90 на голову Ничто, чуть ниже кончика носа. Оружие было создано для автоматического огня, и, хотя я могла контролировать оружие достаточно хорошо, особенно когда оно было заряжено дозвуковыми патронами, отдача будет стремиться поднять ствол вверх после первого выстрела.

Против любого человека более чем одно попадание в голову было бы излишним. Но когда смертный выступает против сверхъестественного, не существует такой вещи, как выход за рамки.

Я крепче и плотнее прижала оружие к плечу, сделала глубокий вдох, задержала дыхание, и

начала плавно нажимать на спусковой крючок.

Момент нажатия на курок был нарушен возникшим в воздухе мерцанием, и из него вышел человек, появившийся как будто из ниоткуда.

Я ослабила нажим пальца, чувствуя своё сердце перенапряжённым от неизрасходованного адреналина.

Этот тип был среднего роста, с желтой склизкой кожей, прямыми чёрными волосами, свисавшими на плечи. Его губы были очень толстые, а рот очень широкий, почти на грани уродства. Его большие глаза были тёмные, водянистые и выпуклые, нос приплюснутый, и такой маленький, что ничего подобного я раньше не видела. Он был мокрый и голый, его конечности тощие и длинные, а кисти рук очень, очень широкие. За исключением волос, я не могла не сравнивать его с лягушкой — угрюмой, порочной лягушкой.

Человек издал звук, весьма похожий на приглушённую отрыжку, потом его вырвало водой на пол. Клапаны кожи на шее колыхались туда-сюда, несколько раз извергая мелкие брызги воды, пока он не сделал глубокий вдох через рот, видимо, наполняя легкие воздухом.

Все водолазки повернулись к существу и упали на колени, в том числе Ничто, который невоз-

мутимо отложил Марси в сторонку и согнулся в низком раболепном поклоне, ладони на полу, лоб прижат к костяшкам пальцев.

— Итак, — прошипел он, — доссставило ли дерзсское существо наши трофеи?

Я узнала голос из телефона.

— Да, мой господин, — пророкотал Ничто. — Как и было обещано, и впереди много времени для перехода.

— Ты замочил эту сссуку?

Ничто качнулся назад и вновь согнулся, так что создалось впечатление, что он поклонился ещё глубже.

— Она была достаточно умна, чтобы позаботиться о мерах предосторожности во время встречи. Я не смог этого сделать, не привлекая внимания.

Лягушкомордый зашипел.

— Я разссберусь со смертной в другой раз, — сказал он. — Такая дерзссость недопусссстима.

— Недопустима, мой господин.

— Принеси поссследние приобретения. Я зассставлю их повиноваться.

— Они были напичканы транквилизатором, мой господин. Подчинение может повредить им.

Не выглядя особенно взволнованым, Лягушко-

мордый пнул Ничто в подмышечную впадину. Удар был более мощным, чем по виду Лягушкомордого можно было предположить, что он способен так наподдать. Он отбросил Ничто из его коленопреклонённой позы, в сторону от основных сил.

— Принеси их.

— Слушаюсь, — прохрипел Ничто.

Он встал, пошатываясь, и пошёл, чтобы забрать Уилла. Он бросил молодого вервольфа на пол рядом с Марси.

— До чего отвратительные твари эти сссмертные, — пробормотал Лягушкомордый. Он поднял глаза на Джорджию в клетке. — Она ещщщё не сссдалась.

— Нет, не сдалась, мой господин, — глухо проворчал Ничто.

— Интереесссно, — сказал Лягушкомордый, и хитрый взгляд распространился на его широкой рот. — Когда мы прибудем, отправьте её в мою камеру. Мы увидим, что осстанется от её ссилы, когда икру извлекут из её чрева.

Господи, мужики могут быть такими жопами. Даже когда они едва человекообразны. Лягушкомордый был официально избран задницей.

Джорджия вздрогнула. Она подняла голову,

очень медленно, как если бы она была очень тяжёлой, но пристальный взгляд, которым она окинула Лягушкомордого, был, по меньшей мере, убийственным.

Лягушкомордый усмехнулся в ответ на эту реакцию и повернулся лицом к Уиллу и Марси. Он опустил пальцы в мешочек, который висел на шее, почти невидимый на фоне его жёсткой кожи, и вытащил из него что-то вроде небольшой раковины. Он покосился на неподвижную Марси и сказал:

— Ссначала женщина.

Он закрыл глаза и издал низкий горловой звук, затем начал скандировать слова, которые получались булькающими и кулдыкающими из-за его резиновых губ.

«Теперь ты мой», — подумала я про себя, и навела пушку на резиновые губы Лягушкомордого. У меня не было знаний Дрездена касательно магии, но я знала, что любой чародей был уязвим, когда начинал работу вроде той, которой занялся Лягушкомордый. Необходима была напряжённая концентрация. Если я поняла Дрездена правильно, это будет означать, что Лягушкомордый должен будет сфокусировать всё своё внимание на заклинании, не оставив ничего для защиты

своей жёлтой шкуры.

Воздух начал мерцать вокруг руки Лягушкомордого, и тонкие, скользящие усики появились из ярко окрашенной раковины и поплыли вниз к Марси, облаком тонких, как паутина, щупалец.

Определив теперь свою цель, я задержала дыхание и нажала на курок.

Скажите, что вам нравится в бельгийцах. Они делают замечательное оружие.

Безмолвный П-90 едва прошептал, когда взрыв автоматического огня вырвался из конца глушителя. Не было ни вспышки, ни грохота — только мягкий, похожий на хриплое дыхание звук и щелчки механизма оружия. Благодаря дозвуковым патронам, очередь на самом деле произвела меньше шума, чем пули, поразившие череп Лягукшкомордого.

Раздалось несколько влажных, чавкающих звуков, сопровождаемых треском, и каждая из моих пуль достигла цели. Грязи хватает и от одного попадания. От полдюжины попавших пуль голова Лягушкомордого самым натуральным образом взорвалась, разлетевшись на похожие на щепки осколки кости, и две трети его черепа, от верхней губы до макушки, просто исчезли в зелёных брызгах крови.

Из раковины полыхнул зловещий красный свет. Лягушкомордый испустил высокий металлический крик, и почти обезглавленное тело стало заваливаться, дико трясясь.

Все водолазки вскочили на ноги, озираясь, с широко раскрытыми глазами. Моё оружие не дало им абсолютно никакого понятия о том, с какого направления велась атака. Я прицелилась в Ничто, но угол моего обстрела был таков, что любая пуля, пройдя сквозь его тело, будет угрожать Уиллу и пленникам в клетках позади него.

Я сменила цель, наведя красное перекрестие на другого водолазку, стоящего как раз позади Уилла. Я выпустила ещё одну шепчущую очередь из полдюжины или около того пуль, и шея существа взорвались в облаке алых сгустков слизи. Он обмяк, осев на пол, как сдувшийся воздушный шар.

Бледные глаза Ничто уставились в мою сторону, и я заметила, что его взгляд отслеживал траекторию падения латунных гильз на пол, откуда он поднялся к моей позиции на стеллаже.

Он издал яростный звук, вытащил из кармана короткую трубку и направил её на меня. Я соскользнула вниз по лестнице на пол, едва ли медленнее, чем если бы я упала. Раздался высокий свист, и что-то вроде небольшого, колючего

морского ежа пролетело мимо меня, как раз над моей головой, достаточно близко, чтобы я ощутила ветер, поднятый его тёмной щетиной. Он врезался в стену позади меня, и остался там, дрожа, когда его шипы пробили металлический сайдинг и застряли. Капли жёлто-зеленой жидкости упали с кончиков некоторых из шипов, и начали дымиться и проедать маленькие отверстия в бетонном полу.

Гадость.

Гортанные вибрирующие, щёлкающие звуки из нескольких источников заполнили воздух перепалкой, которая могла быть только языком. Я побежала к дальнему концу секции стеллажа, так как тёмные формы водолазок начали двигаться ко мне. Я мельком видела их между ящиков и контейнеров, стоявших на нижней полке, бегущих с гибкой, плавной ловкостью профессиональных спортсменов.

Я пробежала мимо скопления наростов на стене, прилепившихся немного ниже, чем большинство, и когда я приблизилась, они вдруг засветились биолюминесцентным цветом. На чистом инстинкте, я бросилась плашмя на бетонный пол и проскользнула мимо на животе, в то время как бугристые наросты начали шипеть, и

струи тумана, того же цвета, как жидкость, покрывающая колючки ежа, начали распыляться вперёд наугад. Запах был отвратительный, и я поднялась на ноги и побежала по проходу, стараясь держаться как можно дальше от стены.

Если бы я была на полшага медленнее, я бы умерла. Послышался жуткий грохот, и Ничто проломился через нижний уровень стеллажа, столкнув в сторону стальной барабан и деревянную клеть размером с гроб, как если бы они были сделаны из пенопласта. Его пальцы, пытаясь сграбастать меня, промахнулись на считанные дюймы.

Второй водолазка напоролся на меня в конце секции стеллажей. Я открыла огонь из П-90, молясь, чтобы рикошет не убил одного из заключенных, но моя цель двигалась со скоростью атакующей змеи, рванув вперёд и врезав ногой по стальной стене склада, на высоте шести футов от пола. Используя только одну ногу, он стартовал в обратное сальто, которое перенесло его к концу секции и увело с моей линии огня.

Чёртов гад не двигался достаточно быстро, чтобы уклоняться от пуль, но он двигался достаточно быстро, чтобы уклоняться от меня, и я только один раз смогла прицелиться. Пуля,

возможно, подсекла ему ногу, но это было все, а Ничто гнался за мной, настигая, несмотря на его массу. Я чувствовала себя, как белка, преследуемая немецкой овчаркой, и если он поймает меня, всё закончится примерно тем же.

Таким образом я играла белку, и вместо того, чтобы удирать в открытую, я повернулась на девяносто градусов влево и пролезла между двумя штабелями поддонов на нижней полке. Я немного ободрала кожу на руке, пробираясь между ними, и вышла на открытое пространство склада. Я слышала, как обувь Ничто визгнула по полу, когда он резко тормознул позади меня.

Водолазка шел прямо на меня, по прямой линии от клеток, ещё не погруженных в вагон. Я подняла П-90 и опустилась на одно колено. Водолазка бросился вперед, его бледно-голубые глаза были широко раскрытыми и пристальными. Он нёс в одной руке изогнутый внутрь нож, и держал его низко и близко к ноге. Он знал, как его использовать.

Я навела алое перекрестие на его грудину и нажала на курок. За мгновение до того, как очередь вылетела из ствола, водолазка прыгнул прямо вверх, перевернувшись в воздухе, и оказался позади меня.

После ознакомления с невероятной быстротой других не-совсем-людей, я была готова к такому трюку. Как только его левая нога коснулась пола, я крутанулась влево, тут же мгновенно открыв огонь, так как здесь не было пленников. Пули шипели в воздухе, как большая коса - и краем глаза я увидела водолазку, которого я ранила секундой раньше. Он пришел за добавкой, пока я разбиралась с его приятелями, и неожиданный поворот застал его врасплох. Это не было целенаправленным - это был метод грубой силы. Я выпустила остаток очереди в него и молилась, чтобы не дать ему увернуться.

У Святого Иуды полно дел, но иногда он приходит вовремя. С шипением и пыхтением маленькая пушка выплюнула очередь смертоносных пуль, которая перечеркнула водолазку, оставив ряд из пяти или шести отверстий поперёк верхней части его тела. Водолазка заорал и грохнулся.

Но один из нападавших прыгнул на меня и повалил, быстро разобравшись в обстановке, а затем полоснул ножом по моему животу.

Почти любой в городе был бы убит. Нож ударил с огромной силой, и его лезвие было острым. Стандартный кевларовый бронежилет не сделал

бы ни черта, чтобы остановить его. Я перестала носить стандартные вещи, благодаря одной из слишком интересных экскурсий с Дрезденом. Я носила теперь жилет двойной толщины и зажатую между слоями баллистической брони грацию из титановых колец плотной вязки, изготовленную для меня одним из друзей Дрездена, женой Кулака Бога в отставке.

Нож прорезал первый слой кевлара. Он порвал одно или три кольца кольчуги, но потом увяз в титане. Вместо того, чтобы выпустить мои кишки на землю, нечеловечески мощный удар приподнял меня, протащил и швырнул на бетонный пол. Я сгруппировалась, гася силу падения, поднялась на ноги, уже выкинув пустой магазин от П-90. Я потянулась за новым, когда другой водолазка набросился на меня сзади и обхватил мою шею тонкой, жёсткой, как железо рукой.

Я с трудом просунула ладонь в петлю его руки, прежде чем он смог придушить меня, и стала крутиться, как угорь, чтобы вырваться. Он был намного сильнее меня, ну и что из того? Даже в схватке сила не является абсолютно всем. Водолазка возможно быстрее, чем я, но у меня было преимущество опыта. Моя координация была достаточно хорошей, чтобы воспользоваться

благоприятной возможностью, отсутствием давления в слабом месте его объятия, и мне удалось вывернуться из его захвата — только для того, чтобы его предплечья соскользнули вниз по моим плечам, свалив меня на пол.

Когда я падала, я заметила, что водолазка с ножом был всего в нескольких шагах. Мне никогда не вырваться от них двоих.

У меня не было времени, чтобы вставить новый магазин в П-90, так что я развернулась с ним и шарахнула тяжёлой пластиковой рукояткой оружия по коленной чашечке ближайшего водолазки.

Он завопил и схватил меня за воротник кожаной куртки, тряся меня, как куклу.

В этот момент Уилл и Марси преподали товарищам Ничто наглядный урок относительно того, почему оборотни вселяют ужас в сердца и умы смертных.

Мелькнула молния из тёмного меха, раздалось рычание, ужасный звук чего-то рвущегося, и водолазка закричал. Он начал заваливаться в одну сторону, и я поняла, что один из вервольфов только что разорвал подколенное сухожилие раненого в ногу водолазки. Мы оба упали. Я вывернулась из кожаной куртки, хотя, чтобы сделать это, мне пришлось выпустить П-90 и

позволить ему болтаться на разгрузке, и откатилась от водолазки. Мгновение спустя, вторая, светло-коричневая фигура, сверкая клыками, пронеслась мимо упавшего водолазки и вырвала то, что было бы ярёмной веной у человека.

По-видимому, он был уже на пути в похоронное бюро. Водолазка бился в предсмертной агонии, пока слизеподобная красная кровь булькала из зияющей раны.

И вдруг два зверя из ночных кошмаров человечества встали по обе стороны от меня, мордами к врагу. Они были волками, один большой и тёмный, другой немного меньше и светлее, но с такими же мощными мышцами и густым мехом, и их золотистые глаза горели пониманием - и яростью.

Столкнувшись с парой кровожадных вервольфов, водолазка с ножом поскользнулся от внезапной, неожиданной остановки.

Во внезапной тишине, звук, с которым я вставила новый магазин в П-90, и досыл первого патрона в патронник прозвучали резким трио щелчков. Хлоп. Клик-клак.

«Слыхал, Ничто?» — подумала я. — «Я тоже могу издавать зловещие звуки».

Я снова подняла оружие и прорычала:

— Брось нож.

Водолазка колебался пол-секунды, метаясь взглядом влево и вправо, затем выпустил его. Сталь звякнула, когда нож ударился об пол.

Я держала его на прицеле, спусковой крючок наполовину нажат. Да, это не был безопасный, умный способ действовать, но, честно говоря, я не стану страдать бессонницей, если я случайно пристрелю этого парня. Он просто уж слишком чертовски быстро отказался от каких-либо преимуществ.

— Их было пятеро, — сказала я волкам. — Скольких вы уделали, включая того, который навалился на меня?

Более светлый волк дважды низко, отрывисто пролаял.

— Я убрала двоих, — сказала я. — Остались этот и здоровяк.

Сложная последовательность щелчков и хлопков пронеслась в воздухе, и свет погас, погрузив склад в полнейшую темноту.

Инстинктивно, мой палец нажал на спусковой крючок, и я выпустила очередь едва ли не раньше, чем погасли лампы. Но я стреляла буквально вслепую во врага, который обладал сверхъестественными рефлексами, а также знал, благодаря

этим проклятым щелчкам, что должно было произойти. Я слышала удары пуль в дальнюю стену.

Волки зарычали и рванулись вперёд — склад не был светонепроницаемой темной комнатой, а глаза волка на самом деле лучше видят в темноте, чем при ярком свете. Мрак не был препятствием для них. Но я ухватилась пятернями за мех и прошипела:

— Подождите.

Их рывок протащил меня на несколько дюймов вперед, прежде чем они сбавили скорость, но я сказала:

— Наросты на стене разбрызгивают кислоту, по крайней мере на семь или восемь футов. Не подходите к ним близко. У здоровяка что-то, похожее на пистолет. Вперёд.

Волки выскочили из-под моих рук, оставив меня одну в темноте.

Щелчки и хлопки продолжали отскакивать вокруг пустого пространства склада, так что я не могла их локализовать. Они раздавались непрерывно, каждые несколько секунд, и я не могла избавиться от мысли, что они были всё ближе и ближе ко мне.

Даже когда я присела там, беззащитная и ненавидящая это, мои руки рылись в подсумках на

моём разгрузочном жилете. Если здесь слишком много обезумевшей магии, фонари не могут быть надёжными. Магия портит технику, когда вокруг слишком много той и другой, и вы не станете рисковать чем-то важным, если в данный момент фактически ослепли. Я подготовила разгрузочный жилет, имея в виду подобную ситуацию.

Я открыла подсумок и вытащила сигнальный факел, дёрнула пусковой шнур, который привёл его в действие. Красный свет ярко загорелся в темноте, и я подняла факел в левой руке над головой, и вне моего собственного поля зрения. Я держала П-90 в правой. Из маленького оружия можно стрелять одной рукой, не проблема, и хотя стрельба не будет такой же точной, я все еще могла послать очередь прямо в цель почти так же хорошо, как двумя руками.

Хлопки и щелчки продолжались, везде и нигде. Я не знала, где были Уилл и Марси, а у Ничто и другого водолазки было полно тёмных мест, чтобы спрятаться. Я поняла, что по по сути дела сижу в середине открытого пространства под прожектором, отличная мишень для Ничто и его странн маленькой ежовой пневмопушки, и я отступила к клетке с пленниками.

— Джорджия, — сказала я, присев на корточки

рядом с ней. Я изучила дверцу клетки, и обнаружила, что она не была даже заперта. На ней было кольцо для висячего замка, но дверной запор был простой щеколдой. Я повернула её и распахнула дверцу клетки.

— Джорджия, ты можешь двигаться?

Она подняла голову и мрачно посмотрела на меня. Потом она повернула тело и наклонилась вперед, двигаясь, как будто под водой, и начала медленно выбираться из клетки. Я поспешила к клетке Энди и открыла эту дверцу так же легко, но девушка даже не моргнула и не пошевелила пальцем, когда я убеждала её выйти. Вот тебе и подкрепление. Я чувствовала себя бесполезной. Я не могу пойти туда в темноте, чтобы присоединиться к Уиллу и Марси на охоте. Я была бы хуже, чем бесполезна, спотыкаясь там обо всё. Они были бы вынуждены отвлекать своё внимание от атаки, чтобы защитить меня.

— Мёрфи, — позвала Джорджия. — М-Мёрфи.

Я поспешила к ней.

— Я здесь. Тебе больно?

Она покачала головой.

— Н-Н-нет... С-слушай.

Она подняла голову чтобы посмотреть мне в глаза, её шея раскачивалась, как у страдающих

параличом нижних конечностей.

— Слушай.

Щелчки. Хлопки. Однажды, угрожающее рычание. Свистящий звук ежа, пролетевшего по воздуху, и резкое «понг» его удара по металлу наружной стены.

— Охранники, — сказала Джорджия. — Сонар.

Я уставилась на нее на секунду, а затем до меня дошло, о чём она говорит. Щелчки и хлопки звучали знакомо, потому что я слышала их раньше, или что-то очень близкое к ним, от дельфинов, в Аквариуме Шедда. Дельфины посылают резкие звуковые импульсы и используют их для навигации, и чтобы находить добычу в темноте.

Я бросила факел на землю подальше от Джорджии и начала откручивать глушитель с П-90.

— Уилл! Марси! — крикнула я, не в силах сдержать рычание в голосе. — Они ориентируются вслепую!

Потом я подняла оружие под таким углом, словно собиралась отправить пули в близлежащее озеро, щёлкнула переключателем на одиночные выстрелы, и начала методично стрелять. Второй магазин был заряжен стандартными, а не дозвуковыми, патронами, и без глушителя, который уменьшал взрыв пороха, сверхзвуковые патроны

грохотали на всю катушку. Вспышки из ствола озаряли склад молниями белого света. Я не стреляла ритмично или с какой-либо определённой периодичностью. Я не знала, как фактически работает гидролокатор у живых организмов, но я ходила с несколькими племянниками, за компанию, в кино, посмотреть фильм «Сорвиголова», и ритмичные звуки, кажется, создают более упорядоченную картину, чем случайные всплески шума.

Пока я расстреливала таким образом пятидесятизарядный магазин, я едва ли не слышала насмешки Дрездена, его голос, хмельной от адреналина, слова сквозь маниакальную улыбку, как я слышала раньше несколько раз: «Мёрф, когда ты используешь для тактического плана боя концепцию фильма, затратившего миллионы долларов на спецэффекты, я думаю, можно довольно безопасно принять это как показатель того, что ты ни хрена в этом не понимаешь».

Но, когда последняя пуля вылетела из оружия, я услышала, как один из водолазок кричит от боли, — жуткий крик, который внезапно оборвался. А потом склад опять затих, только чтобы заполниться ещё одной равномерной серией ритмичных щелчков.

И на этот раз они определенно были ближе.

Я отстегнула П-90 и отложила его в сторону. У меня было только два магазина для оружия. Но мой Зиг вошёл в мою ладонь с нежной фамильярностью долгой практики, и я переместилась, от Джорджии и других заключенных, за пустые клетки, которые были предназначены для Уилла и Марси. Я чуть не закричала, когда запнулась о труп и обнаружила ещё одного водолазку, лежащего в луже вязкой крови - видимо, второй плохой парень, встреченный Уиллом и Марси.

Какой-то инстинкт предупредил меня,что я в опасности, и я залегла. Очередной снаряд из морского ежа промелькнул мимо меня, а второй ударился о прутья пустой клетки и шлёпнулся внутрь, кислота разъедала стальной пол. Потом третий снаряд со свистом пролетел рядом со мной.

Волк завизжал в агонии — ужасно, ужасно высокий визг.

Ничто просто выкинул тот же трюк, что и я — стрелял в меня и тем самым заманивал одного из своих остальных врагов на открытое пространство, чтобы выстрелить в неожиданный момент. Уилл или Марси только что заплатили ужасную цену за свою агрессию.

Я с криком ярости поднялась на колени и швырнула свой факел. Он взвился в воздух, вращаясь и заливая бледным красным светом всё вокруг внутри склада. Я увидела массивную тёмную фигуру впереди меня, повернулась, трубка его метательного оружия снова нацелилась на меня.

Зиг был быстрее.

Я уже приняла позицию Уивера, и ответила тройными выстрелами, быстрыми, равномерными и отработанными, целясь в верхнюю часть туловища, чтобы не рисковать подстрелить одного из волков. Я знаю, по крайней мере один из выстрелов попал в Ничто. Факел приземлился, всё ещё пылающий. Я увидела тёмные очертания его фигуры, дёргающейся в агонии, потом услышала его хрип. Он отдалился от факела и моего поля зрения. Мгновение спустя, я увидела прыжок волка поперёк алого пятна света, и начала снова выпускать пули из Зига. Я стреляла в шахматном порядке, так же, как я стреляла из П-90, надеясь ослепить Ничто, пока волк нападает.

Магазин опустел за считанные секунды, хотя я не собиралась делать столько выстрелов. При возбуждении во время боя трудно оставаться разумной. Я выбросила пустой магазин, вставила новый, и вытащила второй факел из своего

разгрузочного жилета, привела его в действие, он зашипел, когда я начала наступать, держа пистолет в вытянутой руке.

Я слышала борьбу Ничто с волком. Его голос исходил из огромной груди, басистый рёв от ярости был не менее злобным и диким, чем рык дерущегося с ним волка. Я использовала звук, как проводник, и бросилась вперед. Второй волк продолжал визжать от боли, его крики медленно менялись и становились всё более и более устрашающе человеческими.

Алый свет факела упал на Ничто и волчью версию Уилла как раз когда Ничто швырнул волка на бетонный пол с костедробительной силой. Уилл издал крик боли, а кости хрустели и трещали, но он сохранил достаточно сообразительности, чтобы откатиться от Ничто, который собирался своей ножищей раздавить ему череп.

Я начала всаживать пули в грудь Ничто с расстояния, может быть, пятнадцати футов.

Я стреляла одной рукой и была переполнена адреналином. Это не было идеальным состоянием для стрельбы. Но я не пыталась целиться в точку — это инстинкт стрелка, вид точности, который приходит только с бесконечными часами практики, тысячами и тысячами выстрелов по

наклонной вдаль. Требуется длительная тренировка, чтобы это случилось.

Я тренировалась.

Я использовала девятимиллиметровое оружие. Пули были маловаты для реального боя, а Ничто был на другом конце шеренги человечества, построенного по росту, начиная с маленького. Он повернулся ко мне, и я увидела, что он лишился метательной трубки, а также двух пальцев на руке, в которой её держал. Один из волков схватил его за горло и, видимо, разорвал воротник тонкого шерстяного свитера, потому что я могла видеть его жабры, раскрывшиеся, когда он набросился на меня.

Пули попали в его туловище. Я целилась в сердце, которое у некоторых людей находится довольно низко в грудной клетке, парой дюймов ниже левого соска. Я поразила его каждым выстрелом, шесть, семь, восемь...

Считается, что злоумышленнику требуется около двух секунд, чтобы покрыть разрыв в тридцать футов и оказаться в пределах досягаемости для удара ножом или кулаком. Ничто был примерно на пять футов ближе. Восемь выстрелов, и все в цель, чертовски сузили поле боя.

Его было просто недостаточно.

Ничто врезался в меня, как неуправляемый грузовик, сбивая меня с ног. Мы оба ударились о бетон. Отпихивая его, мне едва удалось удержать его от падения всем весом мне на грудь, чтобы он вместо этого оказался где-то около моего бедра. Он схватил меня за правую руку и сжал.

Боль. Сухожилия рвутся. Кости трещат. Он тряхнул рукой один раз, и мой Зиг, кувыркаясь, полетел прочь.

Я не колебалась. Я просто согнулась, наклоняясь к нему, и всадила пылающий конец факела в его открытые жабры.

Он закричал, громче, чем способен человек, и вскинул обе руки к горлу, чтобы схватиться за факел. Я освободила ногу и пнула его в подбородок, тяжело, вложив в удар всю силу ноги, до хруста в пятке. Я услышала, как что-то треснуло, и он заорал, отдёргиваясь. Я освободила другую ногу и кинулись прочь от него, неловко хватаясь за правую лодыжку левой рукой.

Ничто вырвал факел, его бледные глаза почти светились от ярости, и с рёвом погнался за мной.

Мне никогда в жизни не было так страшно. Я не могла добраться до проклятого запасного пистолета, прежде чем он схватит меня, поэтому я сделала единственное, что я могла. Я побежала,

ничего не видя, в темноте, а он гнался за мной, как бешеный паровоз.

Я знала, у меня не так много осталось пространства. Я знала, что я врежусь в стену через несколько секунд, и что тогда со мной будет. Я могла только молиться, что пули, которые я всадила в него, нанесли более серьезные раны, чем показывала его реакция на них, что у него уже обширное кровотечение, и что нескольких лишних секунд хватит, чтобы он умер.

Но где-то в глубине, я знала, что это не так.

Я играла не в своей лиге, и я это знала с самого начала.

Красивая флюоресценция вдруг засветилась передо мной — брызгающие кислотой наросты на стенах. Я резко остановилась перед странными комками плоти и увидела маленькие следящие усики и отверстия на наростах, направленные на меня.

Я повернулась к Ничто.

Он надвигался, безумно огромный, безумно сильный, и ревущий в страшной ярости.

Но страшная ярость сама по себе не выигрывает сражений. В самом деле, она может быть смертельной слабостью. В ту секунду, когда ярость охватила его, и передалась мне, я коснулась

центра спокойствия в себе, наработанного за бесконечные часы практики и дисциплины. Я рассчитала расстояние и время. Это ощущалось, как будто я всю жизнь планировала, что мне нужно делать.

А затем я поступила с Ничто точно так же, как с Рэем.

Как только он оказался рядом, я нырнула под его огромные руки, маховым движением подставив правую ногу поперёк его правой ступни, так же, как чтобы повалить на пол. Каким бы противоестественно сильным он ни был, гравитация потянула его так же тяжело, как это было с Рэем, а его суставы работали точно таким же образом. Его правая нога заплелась за левую, и он врезался прямо в стену.

В наросты.

В облако бьющей струями кислоты, которая извергалась из них, нацеленная на меня.

Я откатилась в сторону, отчаянно, но мне не нужно было беспокоиться. Громада Ничто экранировала меня от брызг кислоты. Я повернулась и неуклюже попятилась на заднице и левой руке, совершенно зачарованно глядя на Ничто.

Он не кричал. Я думаю, он пытался. Кислота, должно быть, первым делом прожгла его гортань.

Он вроде отпрянул, шатаясь, и упал на колени. Я могла смутно видеть его профиль в далеком свете факела и свечении кислотного гриба. Это... прямо как растворение; наблюдать это было словно смотреть замедленную киносъемку статуи, разрушаемой ветром и дождём. Жидкость образовала лужу вокруг его колен. Он сделал несколько мучительных вдохов, а затем были всасывающие звуки, пока кислота въедалась в его грудную клетку. А потом не было никаких звуков вообще.

Он пытался подняться, дважды. Затем повалился набок, словно заснув.

Кислота продолжала разъедать его даже после того, как он умер.

Смрад ударил в меня, и меня страшно затошнило.

Я отодвинулась подальше, присела, прижав колени к груди, обхватив их здоровой рукой, и зарыдала. Мне было так больно.

Так больно.

Моя рука тупо пульсировала.

— Проклятье, Дрезден, — сказала я в тишину сдавленным голосом. — Проклятье. Теперь я делаю твою работу. Проклятье, проклятье, проклятье.

Я поднялась на ноги через минуту. Я подобрала

второй факел. Я нашла свой пистолет. Я пошла помочь, чем могла, Уиллу и Марси, которые оба были живы.

А потом я обошла склад, и методично всадила ещё по шесть пуль в голову каждого павшего водолазки. И я использовала банку растворителя, которую нашла в углу, чтобы сжечь их хозяина, на всякий случай.

Нет такого понятия, как перегиб.

* * *

Я стояла в открытых загрузочных дверях с Уиллом, лицом к ветру, дующему с востока, через озеро, прохладному и свежему. Между нами и водой не было ничего, кроме сорока футов асфальтированной погрузочной площадки. Было тихо. Никакой реакции на события в здании.

Позади нас, молча лежащие рядами на бетонном полу, находились пленники, каждый из которых был освобожден из своей клетки. И хотя его левое плечо было серьёзно вывихнуто, Уилл сделал большую часть тяжёлой работы, вытаскивая клетки из железнодорожного контейнера, чтобы я могла открыть их, и с помощью Марси и Джорджии, выволочь узников.

Марси подошла и встала рядом с нами, снова

одетая в свой сарафан. Её правое плечо выглядело отвратительно. Ежовый снаряд ударил её, и два шипа вонзились глубоко. Кислота просочилась в мышцы и капала с других шипов, стекая по её коже, обжигая её. Шипы были зазубренные, но кислота растворила кожу непосредственно вокруг колючек, и я мне удалось вырвать снаряд с помощью ножа. Марси остановила кровотечение, так же, как Уилл, но её рука была несколько деформирована, а рубцовая ткань действительно впечатляла своим безобразием.

Это, похоже, не слишком беспокоило молодую женщину, которую я уже никогда не смогу сравнить с мышью, в любом наряде. Но она выглядела измученной.

— Она спит, — тихо сообщила Марси Уиллу.

— Хорошо, — сказал Уилл. Его голос звучал вяло, безжизненно. Он много страдал. Он посмотрел на меня, глаза были грустные, и сказал:

— Думаешь, это сработает?

— Восход, - тихо сказала я, кивая головой и оглядываясь на ряды неподвижных пленников. — Он обладает своего рода энергией, позитивной силой обновления. Он должен разрушить наложенные на них заклинания.

— Откуда ты знаешь? — спросил Уилл.

— Дрезден, — ответила я.

Марси вдруг наклонила голову и сказала:

— Кто-то приближается.

Я стояла у двери, готовая закрыть её, когда автомобиль, серебристый Бимер, вырулил из-за угла склада к асфальтовой загрузочной площадке. Он остановился, может быть, на расстоянии тридцать метров, и мисс Гард вышла из него. Она взглянула на меня, потом подошла к передней части автомобиля и стояла, ожидая. Восточный ветер сносил ее длинные светлые волосы к нам, словно лёгкое развевающееся знамя.

— Подождите здесь, — сказала я спокойно.

— Ты уверена? — спросил Уилл.

— Ага.

Он кивнул.

— Ладно.

Я вышла, спустилась по короткой бетонной лестнице, и подошла к Гард.

Какое-то время она тупо смотрела на меня, потом на пленников. Она медленно покачала головой и сказала:

— Вам удалось.

Я не ответила.

— Это был маг фоморов, — сказала она. — Один из их младших колдунов и его слуги.

— Почему? — спросила я её. — Почему они это делают?

Гард покачала головой и пожала плечами.

— Я не знаю. Но такие группы, как эта, на данный момент работают во всем мире.

— Не в Чикаго, — сказала я спокойно.

— Не в Чикаго, — согласилась она.

И её рот растянулся в медленной, подлинной улыбке. Она поклонилась мне в пояс, величественным старинным жестом благодарности, и сказала:

— Есть не так много смертных, достаточно отважных, чтобы стоять лицом к лицу с фоморами и их миньонами. Еще меньше людей, способных вступить с ними в схватку и победить.

Её глаза стали серьезными, и улыбка пропала с лица.

— Ликуй, воин!

Дрезден бы знал, как ответить на такую старомодную тарабарщину. Я кивнула ей в ответ, и сказала:

— Спасибо.

— Кажется, мой работодатель в долгу перед вами.

— А это не ради него.

— Но, всё равно, ваши действия важны, — ска-

зала она. — Это уже второй раз, когда фоморы пытались прийти в Чикаго и им это не удалось.

Она помолчала немного, а потом сказала:

— Если вы попросите его вернуть вам работу, он мог бы сделать это. Без взаимных обязательств.

Я стояла совершенно неподвижно в течение долгой безмолвной минуты.

Потом я вздохнула, очень устало, и ответила:

— Даже если бы я была уверена, что он не будет использовать это в качестве рычага давления... Даже если Марконе сделает это ради меня, я бы не хотела такого. Я поступлю по-своему.

Гард кивнула, в её глазах было спокойствие, и вновь оглянулась на склад.

— Есть ещё другое предложение, которое вы могли бы рассмотреть. В Монок Секьюритис есть вакансии. Мой босс всегда рад найти людей с правильным... — она поджала губы — настроением. Учитывая ваш опыт и навыки, я думаю, вы бы прекрасно подошли на должность одного из наших консультантов по безопасности.

— Вы предлагаете мне работать на парней вроде Марконе? — спросила я.

— Вы должны иметь в виду, что это второе подобное вторжение фоморов, — сказала Гард ровным голосом. — И за последние восемь меся-

цев ещё шестеро других совали нос в город. И все они убрались, благодаря Марконе.

— Он опухоль, - сказала я.

— Он держит своё слово, — ответила Гард, — что, на мой взгляд, ставит его на голову выше большинства ваших собственных начальников. Как бы то ни было, он защитил этот город. Это не второстепенная вещь.

— Каждый хищник защищает свою территорию, — сказала я. —Пас.

Её глаза засверкали от веселья, и она покачала головой.

— Ваддерунг, несомненно, найдёт вас интересной. У вас даже волосы подходящего цвета. Не удивляйтесь, если когда-нибудь получите приглашение.

— Это свободная страна, — сказала я. — Что нибудь ещё?

Гард оглянулась на быстро светлеющий на востоке горизонт, и снова взглянула на узников.

— Кажется, у вас тут всё под контролем.

Я кивнула.

— Не беспокойтесь слишком сильно о месте происшествия, — сказала Гард. — Вряд ли кто-то сунет нос в подобное место.

Но это было не то, что она имела в виду. Гард

говорила мне, что улики: трупы, гильзы, оружие, все это - исчезнет. Люди Марконе очень, очень хороши в избавлении от улик. В данном конкретном случае, я не была уверена, что я не единомышленник. Это должно защитить Уилла и Марси, каждый из которых оставил там кровь, и это также касается меня.

И Гард не понадобится просить меня об этом.

Она подняла руку, ладонью вверх, - ещё один из тех жестов, значение которых забыли все, кроме давних трудоголиков вроде Дрездена. Я ответила таким же. Она одобрительно кивнула, села в машину и уехала.

Уилл подошел ко мне, наблюдая за её отъездом. Потом мы оба повернулись к солнцу, смотря, как оно поднимается над озером.

— Он действительно умер, — тихо сказал Уилл. — Дрезден, я имею в виду.

Я нахмурилась и уставилась на воду, которая, судя по всему, поглотила кровь Дрездена. Я не ответила ему.

— Ты думаешь, она сказала правду? Что Марконе теперь один принимает на себя главный удар?

— Наверное, — сказала я, — до некоторой степени. Но она ошибалась.

— Как ошибалась?

— Дрезден не ушёл, — сказала я. Я слегка коснулась рукой моего лба. — Он здесь. — Я коснулась обнаженной груди Уилла, с левой стороны. — Здесь. Без него, без того, что он сделал за эти годы, ты и я никогда бы не смогли осуществить это.

— Нет, — согласился он. — Наверное, нет. Конечно, нет.

— Есть много людей, которых он научил. Тренировал. Защитил. И он был примером. Ни один из нас никогда не сможет быть тем, кем он был. Но вместе, может быть, мы сможем.

— Лига Правосудия Чикаго? — спросил Уилл, слегка улыбаясь.

— Ставлю на Бэтмена, — сказала я.

Его улыбка на минуту превратилась в настоящий оскал. Потом угасла.

— Ты действительно думаешь, что мы справимся?

Я решительно кивнула.

— Мы займём его место.

— Это будет ловкий трюк, если у тебя получится, — сказал Уилл.

— Если у нас получится, — поправила я его. — Мне нужен представитель, Уилл. Кто-то, кому я доверяю. Ты.

Он помолчал. Потом кивнул.

— Я согласен. Но ты говоришь о неких очень, ох, несравненных личностях. Как долго ты сможешь продолжать?

Мой ответ удивил даже меня.

— До тех пор, пока Дрезден не вернётся.

Уилл нахмурился.

— Ты действительно думаешь, что это возможно?

Я покачала головой.

— Этого, кажется, не будет. Но... Этот голос внутри меня продолжает указывать на то, что мы не видели тела. И пока он звучит...

Солнце поднялось над горизонтом, мягко согревая через утренний туман над озером, и золотой свет разлился над нами, тёплый и сильный. Мы повернулись посмотреть на бывших узников, и, как только свет коснулся их, они начали дрожать. Потом они начали шевелиться. Первой поднялась Джорджия.

Уилл медленно глубоко вдохнул, его глаза блестели.

— Пока он будет звучать, — тихо сказала я, — я не смогу поверить, что он мёртв.

Мы вместе пошли на склад, хлопотать о благополучном возвращении пленников домой.

13.1 Красотки (2013)

Я скучаю по своему боссу.

Прошел почти год с тех пор, как я помогла ему умереть, и все это время я оставалась единственным профессиональным чародеем в городе Чикаго.

Ну ладно. По правде говоря, официально я не чародей. Я все еще ученица. И никто мне не платит, если не считать бумажники и другие ценности, которые я иногда забираю у мертвецов, так что я скорее любитель, чем профессионал. И у меня нет лицензии частного детектива, какая была у моего босса, или рекламы в телефонной книге.

Но я все еще здесь. Я не так сильна, как он, и не настолько хороша, как он. Остается лишь надеяться, что моих способностей хватит, чтобы справляться с возникающими проблемами.

Так или иначе, но сейчас я смываю кровь в душе Уолдо Баттерса.

В последнее время я в основном живу под открытым небом, что не так ужасно летом и в начале осени, как в период арктического холода прошедшей суперзимы. С тем же успехом можно

спать на тропическом пляже. И все же мне не хватает регулярного доступа к водопроводу, и Уолдо пускает меня помыться всякий раз, когда возникает необходимость. Я сделала воду максимально горячей и почувствовала, что я в раю. Это был обжигающий рай, но все же рай.

За несколько секунд пол в душе стал красным, но довольно быстро порозовел, когда я смыла большую часть крови. К счастью, не моей крови. Банда приспешников «Фомора» уносила пятнадцатилетнего мальчика в сторону озера Мичиган. Если бы они туда добрались, его бы ждала судьба более страшная, чем смерть. Я вмешалась, но ублюдок Слухач перерезал мальчику горло, чтобы не отдавать мне свою добычу. Я попыталась его спасти, когда Слухач с дружками бросились бежать. У меня не получилось. Я осталась с ним и почувствовала все, что происходило в его душе: смятение, боль и ужас, когда он умирал.

С Гарри ничего подобного не случилось бы. Он бы спас мальчишку. Разделался бы с приспешниками «Фомора», как с кеглями в боулинге, поднял бы его, точно герой сериала, и отнес в безопасное место.

Мне очень не хватает моего босса.

Я намылилась изо всех сил. Наверное, я пла-

кала. Тогда, месяцы назад, я обошлась без слез, но иногда я даже не замечаю, как они начинают литься. Я стояла под горячим душем, с наслаждением позволив воде омыть мое тело, и наконец почувствовала себя чистой — ну хотя бы физически. Шрам на ноге от пули все еще оставался заметным, но его цвет изменился от пурпурно-красного к сердитому розовому. Баттерс сказал, что через пару лет он исчезнет. Я уже снова могла спокойно ходить, если избегала уж очень серьезных нагрузок. Но, проклятие, моим ногам и некоторым другим местечкам пришла пора возобновить знакомство с бритвой, даже с учетом того, что я блондинка.

Я намеревалась их игнорировать, но уход за собой помогает сохранять хорошее настроение. В здоровом теле здоровый дух — и все такое. Я не дура и понимаю, что в последнее время далеко не всегда была на уровне. А посему моя мораль нуждалась в любой поддержке. Я наклонилась и взяла розовую пластмассовую бритву Энди, решив, что расплачусь с подружкой-оборотнем Уолдо потом.

Я закончила бриться как раз в тот момент, когда из душа полилась холодная вода, и вытерлась. Мои вещи неопрятной грудой валялись

возле двери — кое-что купленное на распродаже в Биркенстоксе, старый нейлоновый рюкзак и залитая кровью одежда. Значит, еще один комплект отправится в помойку. Мои сандалии оставили следы на месте, где умер мальчик, так что придется избавиться и от них и наведаться в какой-нибудь магазинчик подержанной одежды, если в ближайшем будущем ничего не изменится. При обычных обстоятельствах это меня бы порадовало, но сейчас заниматься покупками совсем не хотелось.

Я наклонилась, чтобы подобрать упавшие волоски и все остальное, когда в дверь кто-то постучал. Я продолжала разглядывать пол. При моей работе враги могут сделать с тобой кошмарные вещи, если им удастся завладеть частичками твоего тела. Не убирать за собой равносильно тому, чтобы с расстояния в двадцать кварталов предложить кому-нибудь вскипятить твою кровь. Нет, большое спасибо.

— Да? — ответила я.

— Послушай, Молли, — сказал Уолдо. — Тут… кое-кто хочет с тобой поговорить.

Мы с ним заранее условились о многих вещах. Если он использовал слово «чувство» в любой из своих фраз, это означало, что за дверью меня

поджидает опасность. А если его не было, значит, и опасности нет — или он не в состоянии ее увидеть. Я надела браслеты и кольцо и спрятала оба магических жезла так, чтобы иметь возможность выхватить их без малейшей задержки. Только после этого я начала одеваться.

— Кто? — спросила я.

Уолдо очень старался говорить спокойно, когда находился рядом со мной. И я ценила его усилия. Он был очень милым.

— Она говорит, что ее зовут Жюстина. Утверждает, что вы знакомы.

Я знала Жюстину. Она была рабом вампиров Белой Коллегии. Или личным помощником одного и подружкой другого. Гарри всегда тепло о ней отзывался, хотя вел себя как самый настоящий бестолковый идиот, когда дело доходило до женщин с потенциалом стать принцессой, которой грозит опасность.

— Если бы он был здесь, — пробормотала я себе под нос, — он бы ей помог.

Я не стала вытирать запотевшее зеркало перед уходом из ванной комнаты, потому что больше не хотела в него смотреть.

Жюстина, всего на несколько лет старше меня, но с совершенно седыми волосами, была необык-

новенно хороша собой, из тех девушек, которых парни считают слишком красивыми, чтобы к ним подойти. Она пришла ко мне в джинсах и рубашке на несколько размеров больше, чем требовалось, и я сразу поняла, что рубашка принадлежала Томасу. Ее жестикуляция и мимика оставались напряженными, но нейтральными. Жюстина прекрасно умела контролировать свои чувства, но я заметила тщательно скрываемый страх. Я ведь чародей, ну, или почти чародей и работаю с человеческим разумом. Людям редко удается что-то от меня скрыть.

Если Жюстина боялась, то только за Томаса. А раз пришла за помощью, значит, не сумела получить ее в Белой Коллегии. Мы могли бы вежливо поговорить, и она бы мне все рассказала. Однако в последнее время у меня не хватало терпения на всякие там реверансы, и я сразу перешла к делу.

— Привет, Жюстина. Как я могу помочь тебе с Томасом, если даже его собственная семья не в силах это сделать?

Глаза Жюстины вылезли из орбит. У Уолдо был вид ничуть не лучше.

Я уже привыкла к подобной реакции.

— Откуда ты узнала? — тихо спросила Жюстина.

Если занимаешься магией, люди думают: все, что ты делаешь, непременно с ней связано. Гарри это веселило. Для него магия являлась одним из инструментов, которыми пользуется разум для решения самых разных проблем. И он считал разум намного важнее волшебства.

— А это имеет значение?

Она нахмурилась, отвернулась от меня и покачала головой.

— Он исчез. Я знаю, что он отправился выполнять какое-то поручение Лары, но она говорит, что ничего не знает. Она лжет.

— Она вампир. И ты не ответила на мой первый вопрос. — Мой голос прозвучал жестче, чем я сама того хотела. Тогда я попыталась расслабиться, сложила на груди руки и оперлась о стену. — Почему я должна тебе помогать?

Я не собиралась отказывать Жюстине. Но я знала тайну Гарри и Томаса, которая была известна лишь немногим, и мне хотелось выяснить, известен ли их секрет Жюстине, или мне и дальше предстоит его скрывать.

Жюстина пристально посмотрела мне в глаза.

— Если ты не можешь обратиться за помощью к семье, то к кому ты пойдешь? — спросила она.

Я отвела глаза до того, как заглянуть к ней в

душу, но ее слова и поза, все вместе помогли мне получить ответ.

Она знала.

Томас и Гарри были сводными братьями. Она бы пришла на помощь к Гарри, будь он жив. А я была единственным человеком, который хотя бы частично являлся наследником Гарри здесь, и она надеялась, что я захочу занять его место. Его огромное и страшное место.

— Ты идешь к друзьям, — тихо ответила я. — Мне потребуется что-нибудь от него. Волосы или обрезки ногтей…

Жюстина вытащила из нагрудного кармана рубашки закрытый пластиковый пакет и молча протянула мне. Я взяла его и увидела в нем несколько темных волосков.

— Ты уверена, что они Томаса?

Жюстина указала на свою седую гриву.

— Их не так просто перепутать.

Я перехватила взгляд наблюдавшего за мной с противоположной стороны комнаты Баттерса, носатого коротышки, жилистого и энергичного. Через его волосы словно пропустили электрический ток, а потом заморозили. Я увидела тревогу в глазах этого обычно спокойного и уверенного в себе человека. Он работал патологоанатомом,

но был одним из самых разумных людей в городе, когда дело доходило до сверхъестественных явлений.

— Что такое? — спросила я у него.

Он обдумал свои слова, прежде чем дать ответ — и не столько из-за того, что боялся меня, скорее ему не хотелось оскорбить мои чувства. В последнее время многие стремились поступать наоборот.

— Стоит ли тебе в это влезать, Молли?

На самом деле он хотел спросить, в своем ли я уме. Смогу ли помочь или только все испорчу?

— Я не знаю, — честно ответила я и посмотрела на Жюстину. — Подожди здесь.

Я прихватила свои вещи, взяла пластиковый пакетик с волосами и вышла из комнаты.

Первое, чему меня научил Гарри Дрезден, — это отслеживать заклинания.

— Принцип очень простой, девочка, — сказал мне как-то Гарри. — Мы создаем энергетическую связь между двумя одинаковыми вещами. Так мы получаем индикатор, который показывает, куда направлена энергия.

— И что мы найдем? — спросила я.

Он как раз держал в руке довольно толстый серый волос и кивком показал на своего пса по

кличке Мыш. Как по мне, гигантскому мохнатому храмовому псу размером с пони больше подошла бы кличка Лось.

— Мыш, спрячься куда-нибудь, а мы попробуем тебя найти, — сказал Гарри.

Большой пес зевнул и неспешно двинулся к двери. Гарри выпустил его, вернулся и сел рядом со мной. Мы находились в его гостиной. Пару ночей назад я набросилась на него. Голая. А он вылил мне на голову кувшин ледяной воды. Я до сих пор на него обижалась — но, наверное, Гарри поступил правильно. Он всегда все делал правильно, даже если это означало, что он проиграет. Я все еще ужасно хотела быть с ним, но, видимо, время еще не пришло.

Но я не против. Я умею быть терпеливой. И я все еще могла быть с ним — хоть и по-другому — почти каждый день.

— Хорошо, — сказала я, когда он уселся рядом. — Что мне теперь делать?

За годы, прошедшие с того дня, выученное тогда заклинание стало рутиной. Я использовала его, чтобы отыскивать пропавших людей, тайники, бесследно исчезнувшие носки, ну и совать нос, куда не следовало. Гарри сказал бы, что это и означает быть чародеем. Гарри был прав.

Я остановилась в переулке за домом Баттерса и маленьким кусочком розового мела начертила на бетоне круг. Замкнув его легким усилием воли, я вытащила из пластикового пакетика волос и подняла его вверх. Потом сфокусировала энергию на заклинании, собирая воедино в своем сознании различные стихии. Когда мы начинали, Гарри разрешал мне использовать четыре разных предмета, учил совмещать их с мыслями, чтобы они отражали различные части ритуала, но теперь я умела обходиться без них. Магия рождается в голове у чародея. Можно брать реквизит, чтобы упростить себе жизнь, и в действительно сложных случаях вещи помогают сделать совершенно невозможное всего лишь почти невозможным. Однако для решения простых задач мне уже не требовалась помощь такого рода.

Я мысленно собрала различные части заклинания, соединила их вместе, усилием воли придала им некоторую энергию, пробормотала одно слово и направила полученную субстанцию в волос, зажатый в моих пальцах. Затем я положила волос в рот, разбила круг, стерев меловую черту ногой, и встала.

Гарри всегда использовал какой-то предмет в качестве индикатора отслеживающего закли-

нания — свой амулет, компас или нечто вроде маятника. Я не хотела оскорблять его чувства, но и это не является обязательным. Магия пульсировала в волосе, слегка пощипывая мои губы. Я вытащила дешевый пластиковый компас и покрытый мелом шнур десяти футов длиной, затем направила его на север, куда указывала стрелка компаса.

Потом я взяла второй конец шнура и начала медленно его поворачивать, пока воздействие волоса на мои губы не стало максимальным. Губы едва ли не самая чувствительная часть тела, и я обнаружила, что они дают самую надежную обратную связь в таких случаях. Как только я узнала, в какой стороне находится Томас, я направила туда шнур, убедилась, что он натянут, и щелкнула по нему, в результате чего он принял удлиненную форму буквы V — совсем как кончик гигантской иголки. Я измерила расстояние в основании V, повернулась на девяносто градусов, отошла на пятьсот шагов и проделала все снова.

Обещайте мне, что не сдадите меня моему школьному учителю математики, но после этого я применила тригонометрию в реальной жизни.

Все предельно просто. У меня получились два угла, отложенных от луча, направленного на

север. Расстояние между их вершинами я знала в шагах Молли. Шаги Молли не слишком научное понятие, но в данном случае вполне достаточное, чтобы вычислить расстояние до Томаса.

Используя эти простые инструменты, я не могла получить дверь, которую следовало взломать, но узнала, что он сравнительно близко — и находится на расстоянии, не превышающем четыре или пять миль, а не на северном полюсе, к примеру. Я много перемещаюсь по городу, потому что в движущуюся мишень труднее попасть, и обычно прохожу в три или четыре раза больше.

Мне требовалось подойти к нему значительно ближе, чтобы определить его положение более точно. Поэтому я повернула лицо в направлении наибольшего покалывания и зашагала в нужную сторону.

Томас находился в небольшом офисном здании, расположенном среди множества других, более крупных.

На таком участке земли вполне можно было построить что-нибудь огромное, но большую часть территории занимали ухоженные лужайки и сад с прудами, окруженные невысокой кованой оградой. При строительстве использовали камень и мрамор, а в карнизах чувствовалось больше клас-

са, чем в башнях соседних сооружений. Здание поражало своим великолепием и вместе с тем казалось недооцененным; оно походило на маленький безупречный бриллиант в обрамлении громадных кусков из горного хрусталя.

Снаружи я не заметила никаких надписей, а также очевидного входа, за исключением ворот, которые охраняли компетентного вида мужчины в темных костюмах. Очень дорогих. Я подумала, что если охранники имеют возможность носить такое на работе, значит, владелец здания богатый человек, и за ним стоят серьезные деньги.

Я обошла здание со всех сторон, чтобы убедиться, что заклинание всякий раз указывает на него, — да, Томас находился там. И хотя я старалась держаться дальней стороны улицы, кто-то все-таки меня заметил. Я почувствовала, что охранники начали за мной следить, хотя их глаза скрывали темные очки. Может быть, мне следовало подойти, укрывшись под вуалью, но Гарри всегда возражал против применения магии без прямой необходимости, к тому же очень легко начать ею пользоваться для достижения примитивных целей — только позволь себе это.

В некоторых отношениях я даже лучше, чем Гарри, когда нужно ответить на вопрос «как». Но

я поняла, что никогда не стану такой же умной, как он, когда встает вопрос «почему».

Я зашла в ближайший «Старбакс», купила чашку жидкой жизни и стала размышлять, как попасть внутрь здания. Мой язык уже вовсю нахваливал мне мой великолепный разум, когда я почувствовала быстрое приближение сверхъестественных сил.

Я постаралась сохранять спокойствие, потому что паника убивает. Вместо этого я быстро повернулась на одном каблуке и скользнула в узкий проход, ведущий в маленькую туалетную комнату. Войдя внутрь, я закрыла за собой дверь, вытащила из кармана на бедре магические жезлы и проверила уровень энергии в браслетах. Оба были готовы к использованию. Кольца также, иными словами, можно действовать.

Так что я привела в порядок мысли, совершила небольшое волевое усилие, прошептала слово и исчезла.

Вуали — совсем не простая магия, но у меня к ним талант. Стать совершенно и полностью невидимой задача чрезвычайно сложная: когда ты пропускаешь через себя свет, оказывается, что он холодный, как камень, и ты начинаешь замерзать, не говоря уже о том, что превращаешься

в слепую курицу. А вот сделаться незаметной — иной коленкор. Благодаря хорошей вуали вместо тебя люди видят лишь мерцание и неясные тени там, где их быть не должно, но и это еще не все. Воздух вокруг приобретает необычные свойства — у случайного наблюдателя создается впечатление, что он занят очень скучной работой в три тридцать дня. Так что сочетание подобных ощущений с мерцанием позволяет оставаться невидимкой без особых усилий.

Когда я исчезла за вуалью, мне удалось вызвать новый образ — еще одно сочетание иллюзии и внушения. Он был совсем простым: я сама, какой отражалась в зеркале еще мгновение назад, ослепительно прекрасная и улыбчивая, поглощающая чашку райского напитка. И одновременно мое собственное присутствие: звук шагов и движение, запах шампуня Баттерса и аромат чашки кофе. Я привязала картинку к одному из колец у себя на пальце и оставила там, чтобы она черпала энергию, накопленную в лунном камне. Затем я повернулась и под прикрытием образа, наложенного на мое тело, вышла из кафе.

Как только я оказалась снаружи, дальше, как и со всяким хорошим маневром уклонения, было совсем просто. Мой образ повернул налево, а я

сама — направо.

Для любого, кто наблюдал бы со стороны, из кафе вышла молодая женщина со стаканчиком кофе в руке и небрежной походкой зашагала по улице. Она явно получала удовольствие от происходящего. Мой образ немного энергичнее раскачивал бедрами, что тут же привлекло к нему внимание (значит, он еще лучше выполнял свою роль). Так он пройдет по улице милю, а потом попросту исчезнет.

Я же свернула в переулок и стала наблюдать.

Мой образ не успел пройти и ста ярдов, как из переулка вышел мужчина в черном свитере с высоким воротником и последовал за ним — слуга «Фомора». Этих подонков в последнее время развелось превеликое множество, как тараканов, они стали более отвратительными, и убивать их стало намного сложнее.

Вот только… все получилось слишком уж просто. Один слуга не мог заставить меня отреагировать на него так остро. Да, они были сильными, быстрыми и безжалостными, но не опаснее, чем многие другие темные существа. И они не обладали серьезной магической силой, в противном случае «Фомор» не стал бы иметь с ними дела.

Там было что-то еще, нечто хотело меня отвлечь, заставить наблюдать за мнимым слугой, следующим за мнимой Молли. И если этот кто-то знал меня настолько хорошо, чтобы устроить подобный трюк для отвлечения моего внимания, он мог обнаружить меня даже под вуалью. А такие люди наперечет.

Я засунула руку в нейлоновый рюкзак и вытащила нож, точнее, штык от М9, который мой брат привез из Афганистана. Обнажив тяжелый клинок, я закрыла глаза и быстро повернулась, держа его в одной руке и кофе в другой. Затем, быстро открыв крышку большим пальцем, я плеснула кофе по широкой дуге на высоте груди.

Услышав стон, я сориентировалась на звук, открыла глаза, шагнула к источнику и вонзила нож в воздух где-то на уровне немного выше собственного сердца.

Сталь клинка заискрилась и засверкала, пронзив вуаль, находившуюся всего в нескольких дюймах от меня. Я сделала быстрый шаг сквозь вуаль, направив острие клинка перед собой, и передо мной возникла женщина, немного выше меня, в истрепанной, перепачканной кофе одежде, с распущенными осенне-огненными волосами, которыми играл ветер. Она отпрянула

назад и в сторону, и ее плечи оказались прижатыми к кирпичной стене дома.

Я не остановилась и направила клинок женщине в горло, но в последнюю секунду мое запястье перехватила бледная рука, быстрая, точно змея, но более сильная и холодная. Мое лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица, когда я поднесла вторую руку к рукояти ножа и слегка на нее надавила — достаточно сильно, но не так, чтобы потерять равновесие, если она сделает резкое движение. Она была стройной и красивой даже в лохмотьях, с большими, слегка раскосыми зелеными глазами и идеальным овалом лица, какой бывает у редких супермоделей — и у всех Сидхе.

— Привет, Тетушка, — спокойно сказала я. — Нехорошо подбираться ко мне сзади. В особенности в последнее время.

Она удерживала мой вес одной рукой, хотя ей было нелегко, и я уловила напряжение в мелодичном голосе.

— Дитя, — выдохнула она, — ты предвидела, что я подойду. И если бы я тебя не остановила, вонзила бы холодную сталь в мою плоть, что заставило бы меня невыразимо страдать. Ты бы пролила мою кровь на землю. — Ее глаза широко

раскрылись. — Ты бы лишила меня жизни.

— Совершенно верно, — вежливо согласилась я.

На ее губах появилась широкая улыбка, и я снова поразилась тому, какие у нее идеально ровные зубы.

— Я хорошо тебя обучила.

Затем она с удивительным изяществом ускользнула от клинка и отступила от меня на большой шаг. Не сводя с нее глаз, я опустила нож, но убирать его не стала.

— У меня нет времени для уроков, Тетушка Леа.

— Я здесь не для того, чтобы тебя учить, дитя.

— Для игр у меня также нет времени.

— И играть с тобой я не собираюсь, — сказала Леанансидхе, — но я должна тебя предупредить: здесь небезопасно.

Я приподняла бровь.

— Ну ничего себе!

Леа укоризненно склонила голову и поджала губы. Ее взгляд скользнул мимо меня в сторону переулка, потом она повернулась проверить наши тылы. Выражение ее лица изменилось. Оно по-прежнему оставалось невероятно высокомерным, но слегка утратило жесткость.

— Ты шутишь, дитя, но твоя жизнь подвергается очень серьезной опасности — как и моя. Нам следует оставить это неблагополучное место. — Она посмотрела мне в глаза. — Если ты жаждешь сразиться с сильным врагом, если твоя цель — вернуть брата моего крестника, я должна тебе кое-что сказать.

Я прищурилась. Крестная фея Гарри стала моей наставницей, когда Гарри умер, но она вовсе не была доброй феей. Более того, она являлась второй по важности после Мэб, Королевы Воздуха и Тьмы. Леа, кровожадная и опасная, делила своих врагов на две категории: те, что мертвы, и те, с которыми она еще не имела удовольствия разделаться. Я не подозревала, что ей известно о Гарри и Томасе, но это меня не сильно удивило.

Леа была смертоносным и жестоким существом, но, по моим представлениям, никогда мне не лгала. В буквальном смысле.

— Пойдем, — сказала Леанансидхе.

Она повернулась и быстро зашагала в сторону дальнего конца переулка, собрав вокруг себя вуаль, чтобы исчезнуть для наблюдателей.

Я оглянулась назад, на здание, где держали Томаса, стиснула зубы и последовала за ней, на ходу объединив наши вуали.

Мы шли по улицам Чикаго, невидимые для тысяч глаз. Все люди, мимо которых мы проходили, бессознательно делали несколько шагов в сторону, чтобы избежать контакта с нами. Когда ты в толпе, очень важно отправить указание на уклонение. Если дюжины людей начнут в тебя врезаться, невидимость пойдет прахом.

— Расскажи мне, дитя, — сказала Леа, переходя с архаичной на обычную речь. Когда мы оставались наедине, она иногда так делала. — Что тебе известно о свартальвах?

— Совсем немного, — ответила я. — Они родом из Северной Европы, маленькие, живут под землей, лучшие производители магических артефактов на земле; Гарри покупал у них вещи всякий раз, когда мог себе позволить, но они обходились недешево.

— Как сухо, — заявила волшебница. — Ты говоришь, словно книгу читаешь, дитя. А книги нередко имеют мало общего с реальной жизнью. — Ее пронзительные зеленые глаза сверкнули, когда она повернулась посмотреть вслед женщине с ребенком на руках. — Что ты о них знаешь?

— Они опасны, — тихо ответила я. — Очень опасны. Старые боги Севера часто приходили к свартальвам за оружием и доспехами, но нико-

гда не пытались с ними воевать. Гарри не раз говорил, что ему несказанно повезло, что не пришлось вступать в схватку со свартальвом. И еще они благородны. Они подписали Неблагое Соглашение и выполняют его. Свартальвы до конца поддерживают своих собратьев. Они не люди и не отличаются добротой, и только глупец встанет у них на пути.

— Лучше, — сказала Леанансидхе и небрежно добавила: — Глупышка.

Я снова посмотрела на здание, которое мне удалось найти.

— Это их владения?

— Крепость, — уточнила Леа. — Центр смертных дел здесь, на великом перекрестке. Что еще ты про них помнишь?

Я тряхнула головой.

— Ну, одну из северных богинь похитили из-за украшения…

— Фрейю, — уточнила Леа.

— И вор…

— Локи.

— Да. Он заложил его у свартальвов, или что-то вроде того, и вернуть их оказалось совсем не просто.

— Остается только поражаться, как можно

говорить о чем-то столь невнятно и вместе с тем точно, — сказала Леа.

Я усмехнулась.

Леа бросила на меня мрачный взгляд.

— Ты прекрасно знаешь эту историю. И ты хотела… натянуть мне нос, кажется, так говорят.

— У меня была хорошая учительница, — сказала я. — Фрейя отправилась вернуть свое ожерелье, и свартальвы согласились, но только в том случае, если она поцелует каждого из них.

Леа закинула голову назад и расхохоталась.

— Дитя, — сказала она, и в ее голосе появились злые нотки, — не забывай, что многие из старых легенд переведены и переписаны довольно чопорными учеными мужами.

— Что ты хочешь сказать? — спросила я.

— Что свартальвы не согласились бы отдать одно из самых ценных украшений в мире за визит вежливости на первую базу.

Я заморгала и почувствовала, что начала отчаянно краснеть.

— Ты хочешь сказать, что ей пришлось…

— Совершенно верно.

— Со всеми?

— Именно.

— Вау, — сказала я. — Я люблю украшения не

меньше, чем любая другая девушка, но это уже слишком. Явный перебор. То есть я даже представить такое не могу.

— Может быть, — сказала Леа. — Все зависит от того, как сильно ты хочешь получить что-то от свартальвов.

— Ага. Ты намекаешь на то, что мне придется трахнуться с каждым из них, чтобы вытащить оттуда Томаса? Ну… этому не бывать.

Леа улыбнулась, вновь показав безупречные зубы.

— Мораль всегда так забавна.

— А ты бы это сделала?

Леа выглядела оскорбленной.

— Ради кого-то другого? Конечно, нет. Ты понимаешь, какие обязательства это накладывает?

— Ну, не совсем.

— Выбор делать не мне. Ты должна спросить себя: неужели для тебя важнее спокойная совесть, чем жизнь вампира?

— Нет. Но должен существовать и другой способ.

Казалось, Леа задумалась над моими словами.

— Свартальвы любят красоту. Они ее жаждут так же, как дракон мечтает о золоте. Ты молода, прелестна и… «невероятно хороша», кажется, так

говорят. Обмен твоих знаков внимания на вампира — отличная сделка, которая почти наверняка сработает, если он еще жив.

— Тогда мы назовем этот вариант «План Б», — сказала я. — Или «План Х». А может, «ХХХ». Почему бы просто не вломиться туда и не вытащить Томаса?

— Дитя, — укоризненно сказала Леанансидхе. — Свартальвы очень сильны в Магии, а это одна из их крепостей. Я не могла бы так поступить и уцелеть. — Леа склонила голову набок и бросила на меня один из своих жутковатых взглядов, от которых мне всегда становилось не по себе. — Так ты хочешь спасти Томаса или нет?

— Я хочу знать все возможности, которыми располагаю, — сказала я.

Чародейка пожала плечами:

— Тогда я советую тебе выяснить это как можно быстрее. Если он все еще жив, Томасу Рейту осталось не больше пары часов.

Я открыла дверь в квартиру Уолдо, захлопнула ее за собой и заперла.

— Я его нашла, — сказала я.

Когда я повернулась в сторону комнаты, кто-то отвесил мне полновесную пощечину.

Не из тех, какими обычно будят — «Эй,

проснись!». Если бы такой удар нанесли кулаком, было бы больно.

Я покачнулась, совершенно ошеломленная.

Подружка Уолдо, Энди, сложила руки на груди и, прищурившись, смотрела на меня. Она была девушкой среднего роста, но сложена, как модель, решившая профессионально заняться борьбой, — и к тому же оборотень.

— Привет, Молли, — сказала она.

— Привет, — ответила я. — И… ой.

Она держала в руке розовую пластмассовую бритву.

— Давай-ка поговорим о личных границах.

Что-то уродливое глубоко внутри меня обнажило когти и напряглось. Та часть меня, что хотела делать вещи, связанные с железнодорожными шпалами и стоками в полу. У каждого есть нечто подобное в душе. Нужно совершить ужасные поступки, чтобы вызвать к жизни такую дикость, но она есть у всех нас. Именно она приводит к бессмысленным зверствам и превращает войну в ад.

Никто не хочет говорить об этом или думать, но я не могла позволить себе сознательное невежество. Я не всегда была такой, но после года борьбы с «Фомором» и темной стороной сверхъестествен-

ного в Чикаго сильно изменилась. Эта моя часть постоянно оставалась активной и подталкивала мои чувства к конфликту с разумом.

Я приказала ей заткнуться и умерить пыл.

— Ладно, — сказала я. — Поговорим, но позднее. Сейчас я занята.

Я двинулась мимо Энди в комнату, но она остановила меня, положив руку на плечо, и оттолкнула обратно к двери. Мне не показалось, что она особенно старалась, но я чувствительно приложилась о дерево.

— Сейчас самое подходящее время, — заявила она.

В своем воображении я сжала кулаки и досчитала до пяти в пронзительном крике. Не приходилось сомневаться, что Гарри не сталкивался с подобной нелепицей. Я не могла терять время, но и драться с Энди мне совсем не хотелось. С другой стороны, отступать тоже было нельзя. Я позволила себе скрипнуть зубами и глубоко вздохнуть, а потом кивнула:

— Ладно, что тебя тревожит, Энди?

Я не произнесла «ты, сука», но подумала эти слова достаточно громко. Мне бы не следовало быть такой плохой девочкой.

— Это не твоя квартира, — сказала Энди. — Ты

не можешь приходить сюда, когда захочется, в любое время дня и ночи, что бы здесь ни происходило. Ты хотя бы однажды подумала, что ты делаешь с Баттерсом?

— Я ничего не делаю с Баттерсом, — сказала я. — Я всего лишь зашла принять душ.

— Сегодня ты явилась вся в крови. — Голос Энди стал еще более жестким. — Уж не знаю, что там случилось, но мне без разницы. Меня волнует только одно: какие еще беды ты можешь навлечь на других людей?

— Никаких проблем не было, — сказала я. — Послушай, я куплю тебе новую бритву.

— Речь не о вещах или деньгах, — заявила Энди. — Мы говорим об уважении. Баттерс всегда готов тебе помочь, но ты даже спасибо ему не говоришь. А что, если за тобой следили, когда ты шла сюда? Ты отдаешь себе отчет в том, какие неприятности у него возникнут из-за того, что он тебе помогает?

— За мной не следили, — возразила я.

— Сегодня, — сказала Энди. — А в следующий раз? У тебя есть сила. Ты можешь драться. У меня нет твоих возможностей, но даже я могу драться. Баттерс не может. В каком душе ты станешь мыться, если испачкаешься в его крови?

Я сложила руки на груди и отвела взгляд в сторону. Какая-то часть моего сознания понимала, что она права, но желание ударить ее становилось все сильнее.

— Послушай, Молли, — продолжала Энди, и ее голос смягчился. — Мне известно, что в последнее время тебе приходится нелегко. С того момента, как умер Гарри. И когда появился его призрак. Я знаю, это совсем не весело.

Я молча смотрела на нее. Нелегко и совсем не весело. Можно и так сказать.

— Я хочу, чтобы ты кое-что услышала.

— И что же?

Энди слегка наклонилась вперед, чтобы подчеркнуть свои следующие слова:

— Ты должна это пережить.

На некоторое время в квартире стало очень тихо, но все у меня внутри бушевало. Уродливая часть меня вопила все громче и громче. Я закрыла глаза.

— Люди умирают, Молли, — продолжала Энди. — Они уходят. Но жизнь продолжается. Возможно, Гарри был первым другом, которого ты потеряла, но он не будет последним. Я знаю, тебе больно. Я вижу, ты пытаешься занять его место, что очень непросто. Но это не дает тебе права пользоваться

другими людьми. В последнее время многие пострадали — возможно, ты не заметила?

Я не заметила? Господи, я готова убивать, чтобы не замечать чужую боль. Не жить рядом с этими людьми. Не слышать их эхо по прошествии часов или дней. Уродливая часть меня, черная сторона моего сердца хотела открыть духовный канал с Энди и показать ей вещи, которые мне приходилось переживать постоянно. Пусть она поймет, как ей понравится моя жизнь. Вот тогда мы и посмотрим, будет ли она после этого столь же уверена в своей правоте. Конечно, так поступать неправильно, но…

Я глубоко вздохнула. Нет. Гарри однажды мне рассказал, что всегда можно почувствовать момент, когда ты пытаешься рационально обосновать неправильное решение. Как только ты говоришь: «Это будет неправильно, но…» Он советовал отбросить последнее слово в предложении. «Это будет неправильно». Точка.

Поэтому я не стала совершать никаких опрометчивых поступков и не позволила выйти наружу буйству своих чувств.

— Чего ты от меня хотела конкретно? — тихо спросила я.

Энди выдохнула и махнула рукой.

— Просто… вытащи голову из задницы, девочка. Я образец благоразумия, если учесть, что мой любовник дал тебе ключ от своей проклятой квартиры.

Я моргнула. Вот это да! Мне и в голову не приходило взглянуть под таким углом на поступок Баттерса. Романтические конфликты в последнее время меня совершенно не волновали. Энди ничего не следовало бояться с моей стороны… но она, наверное, не обладала такой чуткостью к чужим эмоциям, чтобы почувствовать это. Я наконец сообразила, что ее беспокоит. Нет, она не ревновала в прямом смысле слова, однако прекрасно понимала, что я молодая женщина, которую многие мужчины находят привлекательной, а Уолдо мужчина.

И она его любила. Я была в этом абсолютно уверена.

— Подумай о нем, — тихо продолжала Энди. — Пожалуйста… попытайся заботиться о нем так, как он заботится о тебе. Заранее предупреждай о своих визитах звонком. Если бы ты пришла к нему, залитая кровью, в следующую субботу, ему бы пришлось выдержать весьма неприятный разговор со своими родителями.

Еще до того как подойти к двери, я почти на-

верняка почувствовала бы, что в квартире кто-то есть, кроме Баттерса. Но было бессмысленно говорить об этом Энди. Она не виновата в том, что не понимает, какого рода жизнь я веду, и, конечно, не заслуживает смерти, какое бы мнение ни имел по этому поводу мой внутренний Сидхе.

Я должна принимать решения, пользуясь головой, сказала я себе, потому что сердце мое разбито и ему нельзя доверять.

— Я попытаюсь, — пообещала я.

— Хорошо, — кивнула Энди.

На секунду пальцы моей правой руки дрогнули, и я почувствовала, как моя уродливая часть требует ударить силой в эту женщину, ослепить и оглушить ее, вызвать головокружение. Леа показала мне, что нужно делать. Однако я подавила желание атаковать.

— Энди, — сказала я вместо этого.

— Да?

— Не наноси мне ударов, если не собираешься меня убить.

Я не хотела ей угрожать. Просто я реагирую инстинктивно, когда против меня применяют насилие. Теперь душевные завихрения, возникающие при подобных конфликтах, не заставляют меня падать и кричать от боли. И если Энди уда-

рит меня еще раз… я не могу предсказать, какой будет моя реакция.

Нет, я не Болванщик. Тут я вполне уверена. Но курс выживания под руководством тетушки Леа учит защищать себя, а не играть с другими в игры.

Угроза или нет, но Энди не в первый раз вступала в конфликт и не собиралась идти на попятную.

— Если бы я не считала, что тебе необходима хорошая пощечина, то я бы ее тебе не отвесила.

Уолдо и Жюстина вышли купить что-нибудь на обед и вернулись через десять минут. Мы приступили к трапезе, и я рассказала, что мне удалось выяснить.

— Свартальвхейм, — выдохнула Жюстина. — Это… плохо.

— Парни с севера? — уточнил Баттерс.

Продолжая поглощать курицу с апельсинами, я поделилась с ними тем, что поведала мне Леа-нансидхе. Когда я закончила, все долго молчали.

— Значит… — первой заговорила Энди, — план состоит в том, чтобы потрахаться для его освобождения?

Я бросила на нее мрачный взгляд.

— Я просто спросила, — кротко сказала Энди.

— Они не согласятся, — напряженно сказала Жюстина. — Не сегодня.

Я повернулась к ней.

— Почему?

— Сегодня они вступили в альянс, — ответила Жюстин. — И будет праздник. Приглашена Лара.

— Какой альянс? — спросила я.

— Пакт о ненападении, — сказала Жюстин. — С «Фомором».

Я почувствовала, как мои глаза широко распахиваются от изумления.

Ситуация с «Фомором» постоянно ухудшалась. Чикаго и без того был не самым приятным для жизни городом в мире, а теперь его улицы стали настоящим кошмаром для всех, кто наделен даже скромненькими магическими способностями. Сейчас я не имела доступа к той информации, которой обладала, когда работала с Гарри и Белым Советом, но до меня доходили слухи через Паранет и другие источники. «Фомор» представлял собой нечто вроде сборной звезд из числа плохих парней, отщепенцев и злодеев, которых очень давно изгнали из дюжины разных пантеонов. Они объединились под знаменем существ, называющих себя фоморами, которые довольно долго прятались в тени — в течение тысяч лет.

А теперь они начали действовать, и даже такая могущественная раса, как свартальвы, заявила о своем нейтралитете.

Но я не настолько чародей, чтобы с ними связываться.

— Должно быть, Лара по какой-то причине послала туда Томаса, — сказала Жюстина. — Возможно, добыть информацию и постараться помешать заключению соглашения. Я не знаю истинной причины. Но даже обычное незаконное проникновение достаточно плохой поступок. Если же его поймали как шпиона…

— Тогда они устроят нечто показательное, — тихо сказала я. — Для примера.

— Неужели Белая Коллегия не может его вызволить? — спросил Уолдо.

— Если Белая Коллегия попытается вернуть оттуда кого-то из своих, тем самым она признает, что отправила агента в Свартальвхейм, — ответила я. — Лара не может это сделать без серьезных последствий. Она будет отрицать, что вторжение Томаса имеет к ней какое-либо отношение.

Жюстина встала и принялась нервно расхаживать по комнате.

— Нам нужно идти. Необходимо что-то предпринять. Я готова заплатить их цену; я готова

заплатить ее десять раз. Мы должны что-то сделать!

Я съела еще несколько кусочков куриного мяса, нахмурилась и погрузилась в размышления.

— Молли! — сказала Жюстина.

Я посмотрела на курицу. Мне нравилось, как оранжевый соус контрастировал с зеленью брокколи и мягкими белыми контурами риса. Эти три цвета хорошо дополняли друг друга. Красивое зрелище.

— Они любят красоту и мечтают о ней, как дракон мечтает о золоте, — пробормотала я.

Казалось, Баттерс понял, что у меня появилась какая-то идея. Он откинулся на спинку стула и принялся поедать лапшу, уверенно работая палочками. Уолдо делал это легко и естественно, ему даже не требовалось смотреть вниз.

Энди сообразила чуть позднее и, сомневаясь, склонила голову набок.

— Молли? — спросила она.

— Сегодня у них прием, — сказала я. — Я правильно поняла, что сегодня у них прием, Жюстина?

— Да.

Энди нетерпеливо кивнула.

— Что мы будем делать?

— Прошвырнемся по магазинам.

Я вроде как девчонка-сорванец. И не потому, что мне не нравится быть девушкой, а из-за того, что я считаю это классным. Мне нравится проводить время под открытым небом, заниматься физическим трудом, узнавать новые вещи, читать о них и создавать. Наверное, я так и не научилась быть по-настоящему женщиной. У Энди это получалось лучше, чем у меня. Возможно, дело в том, что мать растила ее не так, как воспитывали меня. В моем доме про косметику вспоминали только перед тем, как сходить в церковь. Считалось, что ею пользуются женщины с полным отсутствием морали.

Я знаю: не все так гладко. У меня возникали проблемы и до того, как я связалась с магией, уж поверьте мне.

Я понятия не имела, как успеть сделать все, что необходимо, вовремя и попасть на прием, но как только объяснила, что нам нужно, то обнаружила, что когда приходит время быть девушкой-девушкой, Жюстине не надо повторять дважды.

Через несколько минут за нами заехал лимузин и увез нас в частный салон, расположенный в Луп, где Жюстина продемонстрировала кре-

дитную карту, и нами немедленно занялись два десятка служащих — продавцы, парикмахеры, мастера макияжа, портные и специалисты по аксессуарам. Должна заметить, что вся процедура продолжалось немногим больше часа.

На сей раз я не могла оторваться от зеркала. Я пыталась взглянуть объективно на молодую женщину, отражавшуюся в нем, словно это кто-то другой, а не та, что помогла убить человека, которого любила, а потом еще раз его подвела, оказавшись не в состоянии помешать уничтожению его призрака, продолжавшего защищать других. Мерзкая сучка заслуживала, чтобы ее переехал трамвай или еще что-то в этом роде.

Девушка в зеркале была высокой, с натуральными светлыми волосами, собранными на затылке и скрепленными блестящими черными палочками, стройной, пожалуй, даже чересчур, но развитые мышцы мешали принять ее за наркоманку. Маленькое черное платье сидело на ней так, что я не сомневалась — мужчины будут поворачивать головы и вытягивать шеи, чтобы взглянуть на нее. Она казалась немного усталой, даже с учетом профессионально наложенного макияжа, но очень хорошенькой — если вы ее не знали или если не вглядывались слишком

внимательно в ее голубые глаза.

За нами заехал белый лимузин, и я сумела в него забраться, не потеряв равновесия.

— О Господи, — сказала Энди, когда мы сели в машину. Рыжая красотка вытянула ноги и принялась их разглядывать. — Потрясающие туфли! Если понадобится превратиться в волчицу, чтобы кого-то сожрать, я не переживу того, что мне придется с ними расстаться.

Жюстина улыбнулась и стала смотреть в окно. На ее прелестном лице появилось отстраненное и встревоженное выражение.

— Это всего лишь туфли.

— Туфли, из-за которых мои ноги и зад выглядят потрясающе! — заявила Энди.

— Туфли, от которых болят ноги, — возразила я.

Моя раненая нога зажила, но шпильки оказались настоящей пыткой, и боль поднималась от икры к бедру. Не хватало еще судорог, от которых я рухну на землю, как это случалось, когда я начинала ходить после ранения. Туфли с такими высокими каблуками должны продаваться вместе со страховкой. Или с парашютом.

Мы все были одеты одинаково — стильные маленькие черные платья, бархотки с декоратив-

ными пряжками и черные туфли на невероятно высоких каблуках. Оставалось лишь надеяться, что нам не придется много ходить. Наряд каждой дополняла итальянская кожаная сумочка. В свою я сложила большую часть магического снаряжения. Должна сказать, что наши прически не слишком отличались друг от друга. А еще я подумала, что некоторым копиям портретов эпохи Ренессанса не уделяли столько внимания, сколько нашим лицам.

— Нужна практика, чтобы привыкнуть к шпилькам, — сказала Жюстина. — Ты уверена, что у нас получится?

— Конечно, — спокойно ответила я. — Ты ведь бывала в клубах, Жюстина. Мы втроем сможем попасть в любое место в городе. Вместе мы производим ошеломляющее впечатление.

— Как девушки Роберта Палмера, — сухо сказала Энди.

— Я предпочитаю Ангелов Чарли, — сказала я. — Кстати, — я открыла сумочку и вытащила кристалл кварца размером с большой палец, — Босли, ты меня слышишь?

Через секунду кристалл завибрировал, и до нас донесся слабый голос Уолдо.

— Громко и четко, Ангелы. Как ты думаешь,

эта штука будет работать после того, как вы туда войдете?

— Тут все зависит от того, насколько сильна у них паранойя, — ответила я. — Если так себе, тогда у них имеется защита от любой магической связи. А если паранойя у них абсолютная, всеобъемлющая и кровожадная, они позволят нам переговариваться, чтобы иметь возможность подслушивать, а потом убьют.

— Забавно, — сказал Баттерс. — Ладно, я включу Паранет-чат. Уж не знаю, чего это стоит, но Интернет работает.

— Что тебе удалось узнать? — спросила Энди.

— Они выглядят, как люди, — ответил Уолдо. — В действительности же… ну, тут есть повод для споров, но все сходятся на том, что они похожи на инопланетян.

— Рипли или Розвелл? — спросила я.

— Розвелл. Более или менее. Они могут принимать самые разные обличья во плоти, как вампиры Красной Коллегии. Так что имейте в виду, они будут замаскированы.

— Я поняла, — ответила я. — Что-нибудь еще?

— Совсем немного, — сказал Уолдо. — Очень трудно выловить что-то определенное среди множества мифов. Возможно, у них аллергия на соль.

Возможно, они страдают от навязчивых неврозов и могут слететь с катушек, если ты вывернешь свою одежду наизнанку. Или обращаются в камень на солнечном свете.

— Стоило попытаться! — прорычала я. — Продолжай дискуссию, а я свяжусь с тобой, как только смогу.

— Понял, — сказал Уолдо. — Только что появилась Марси. Я захватил с собой лэптоп, мы подождем тебя с восточной стороны здания, когда вы будете готовы. Как ты выглядишь, красотка Энди?

— Потрясающе, — уверенно ответила Энди. — Подол моего платья примерно на дюйм длиннее, чем у шлюховатых нимфоманок.

— Пусть кто-нибудь сфотографирует, — весело попросил Уолдо, но я услышала тревогу в его голосе. — До скорой встречи.

— Не рискуй, — сказала я. — До встречи.

Я убрала кристалл и попыталась игнорировать бабочек, порхавших у меня в животе.

— Ничего не получится, — пробормотала Жюстина.

— Нет, все получится, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. — Мы туда пройдем. И да пребудут с нами Буфера.

Жюстина изогнула бровь.

— Буфера?

— Буфера — не просто сиськи, Жюстина, — очень серьезно сообщила я ей. — Это живая энергия, которую создают все живые сиськи. Она окружает нас, пронизывает, связывает галактику воедино.

Энди захихикала.

— Ты безумна.

— Но вполне функциональна, — заявила я и провела руками по своему телу. — Просто отключи сознание и действуй в соответствии с инстинктами.

Секунду Жюстина бессмысленно таращилась на меня, потом ее лицо просветлело, и она тихонько рассмеялась.

— Да пребудут с нами Буфера!

Я не смогла сдержать улыбки.

— Во веки веков.

Наш лимузин присоединился к очереди таких же автомобилей, высаживавших гостей перед входом в крепость свартальвов. Слуга распахнул дверцу, я выставила ноги и постаралась выбраться из машины так, чтобы не смутить всех, кто смотрел в мою сторону. Энди и Жюстина последовали за мной, когда я уверенно зашагала к

входной двери. Наши каблуки стучали почти в унисон, и я вдруг почувствовала, что на нас направлены все взгляды. На меня накатили облака мыслей и эмоций — главным образом удовольствие, смешанное с желанием, неприкрытой похотью, тревогой и удивлением. Чужие чувства теснились у меня в голове, причиняя боль, но без этого было не обойтись. В данный момент я не ощущала прямой враждебности или жажды насилия, но мгновенное предупреждение об опасности могло спасти наши жизни.

Охранник пристально смотрел на нас, когда мы подходили, и я почувствовала исходящее от него желание. Однако он постарался сохранять невозмутимость.

— Добрый вечер, леди, — сказал он. — Могу я увидеть ваши приглашения?

Я изогнула бровь и одарила его улыбкой — надеясь, что она получилась обольстительной, — и попыталась еще сильнее изогнуть спину. Использование Буферов выручало неоднократно.

— Вам нет нужды смотреть на наши приглашения.

— Ну, — начал он, — мисс… и все же.

Энди встала рядом со мной и улыбнулась, точно очень сексуальный котенок, на мгновение я даже

ее возненавидела.

— Они вам не нужны, — сказала она.

— Все равно, — повторил он.

Жюстина встала рядом со мной с другой стороны. Она выглядела скорее милой, чем сексуальной, но лишь едва.

— Я уверена, что это какая-то накладка, сэр. Не могли бы вы пригласить вашего менеджера?

Охранник долго смотрел на нас, явно охваченный сомнениями. Наконец его рука медленно потянулась к рации, висевшей на боку, и он поднес ее к губам. Почти сразу же из глубины дома к нам вышел хрупкий невысокий мужчина в шелковом костюме. Он остановился и уставился на нас долгим взглядом.

Интерес, который испытывал охранник, был самым обычным. Всего лишь искра, инстинктивная реакция мужчины на сексуальных женщин.

Но то, что исходило от мужчины в шелковом костюме, больше походило на костер. Он горел в тысячу раз ярче и сильнее, и он горел постоянно. Я и раньше чувствовала в других желание и страсть. Но сейчас это было много глубже, чем обычная похоть, и я не находила подходящих слов. Наверное… огромная, нечеловеческая тоска, смешанная с яростной и ревнивой любовью, при-

правленная сексуальной привлекательностью и желанием. Казалось, я стою рядом с крошечным солнцем, и тут только я поняла, что хотела сказать мне тетушка Леа.

Огонь горяч. Вода мокрая. А свартальвы падки на хорошеньких девушек. И они не могут изменить свою природу, как не могут повлиять на направление движения звезд.

— Леди, — сказал худой мужчина в шелковом костюме, улыбаясь нам. У него была очаровательная улыбка, но что-то в лице вызывало тревогу и беспокойство. — Пожалуйста, подождите немного, я предупрежу остальной персонал. Мы сочтем за честь, если вы к нам присоединитесь.

Он повернулся и ушел в дом.

Жюстина искоса посмотрела на меня.

— Буфера оказывают огромное влияние на слабых духом, — сказала я.

— Я бы чувствовала себя лучше, если бы он не ушел со словами Дарта Вейдера, — выдохнула Энди. — И от него странно пахнет. Он?..

— Да, — прошептала я в ответ. — Один из них.

Мужчина в шелковом костюме вернулся, продолжая улыбаться, и распахнул перед нами дверь.

— Леди, — сказал он. — Меня зовут мистер Этри.

Пожалуйста, заходите.

Никогда прежде мне не доводилось видеть такой ослепительно роскошной обстановки, как в крепости свартальвов. Ни в журналах, ни в фильмах, ни даже в «Крибс».

Тонны гранита и мрамора, целые секции, инкрустированные драгоценными и полудрагоценными камнями, осветительная арматура из литого золота и выключатели из слоновой кости. Охранники стояли через каждые двадцать или тридцать футов. Все они вытянулись по стойке «смирно», словно на страже у Букингемского дворца, только без больших шляп. Свет лился отовсюду и ниоткуда, делая тени призрачными, не слишком яркий и не слепящий. В воздухе плыла музыка, что-то очень старое — струнные инструменты, без всяких ударных.

Этри провел нас по нескольким коридорам к бальному залу, похожему на собор. Такой вполне подошел бы дворцу, более того, я не сомневалась, что столь огромное помещение просто не могло поместиться внутри здания, в которое мы только что вошли. Зал был полон очень важных людей в дорогой одежде.

Мы помедлили у входа, когда Этри остановился поговорить с еще одним охранником, и я вос-

пользовалась моментом, чтобы оглядеть зал. Нельзя сказать, что он был переполнен, но людей здесь собралось множество. Я увидела пару знаменитостей, чьи имена у всех на слуху, а также несколько Сидхе, но их внушающее благоговение физическое совершенство было приглушено до экзотической красоты. Среди гостей я заметила джентльмена Джона Марконе, главу чикагского подразделения, его гориллу Хендрикса и личную боевую ведьму Гард, не отходивших от него ни на шаг. В бальном зале собралось немало людей, которые на самом деле людьми не являлись, и я ощущала в воздухе вокруг них чувственные потоки, словно их отделял от меня тонкий полог падающей воды.

Но я нигде не видела Томаса.

— Молли, — едва слышно прошептала Жюстина. — А он?..

Следящее заклинание на моих губах все еще работало, и легкое покалывание свидетельствовало о том, что Томас находится где-то рядом, в глубине здания.

— Он жив, — ответила я. — И он здесь.

Жюстина вздрогнула, глубоко вздохнула, медленно моргнула, и на ее лице застыла маска. Однако я ощутила смесь исходящих от нее об-

легчения и ужаса, ее затопила волна эмоций, обычно заставляющая кричать или вступить в схватку. Тем не менее она сдержалась, и я отвела от нее взгляд, чтобы сделать вид, что ничего не заметила.

В центре бального зала находилась небольшая каменная платформа со ступенями, которые позволяли на нее подняться. На платформе установили подиум из такого же материала. А на нем лежали толстая стопка бумаг и аккуратный ряд авторучек. Все это свидетельствовало о серьезности и торжественности момента.

Жюстина смотрела в том же направлении.

— Должно быть, это оно.

— Соглашение?

Она кивнула.

— Свартальвы весьма методичны, когда дело доходит до бизнеса. Они заключат договор ровно в полночь. Они всегда так поступают.

Энди задумчиво постучала пальцами по бедру.

— А что, если что-то случится с самим договором? Если кто-то зальет его вином или еще чем-нибудь? Могу спорить, это привлечет всеобщее внимание и даст возможность двоим из нас проскользнуть дальше.

Я покачала головой:

— Нет. Мы здесь гости. Ты понимаешь?

— Не совсем.

— Свартальвы принадлежат к старой школе, — сказала я. — К настоящей старой школе. Если мы нарушим мир, когда они пригласили нас на свою территорию, мы тем самым нивелируем наши права гостей и покажем неуважение к хозяевам — открыто, в присутствии других кланов. И тогда их реакция будет… плохой.

Энди нахмурилась.

— Каким же будет наш следующий ход? — спросила она.

Почему мне постоянно задают этот вопрос? Неужели такова судьба всех чародеев? Я и сама сотни раз обращалась с ним к Гарри, не понимая, как тяжело его слышать, когда он обращен к тебе. Впрочем, Гарри всегда знал ответ. Мне же ничего не оставалось, как отчаянно импровизировать и надеяться на лучшее.

— Жюстина, ты знаешь кого-нибудь из гостей? — спросила я.

Как личный ассистент Лары Рейт, Жюстина входила в контакт с множеством людей и не вполне людей. У Лары были самые разнообразные интересы, мне даже шутить об этом не хотелось, и Жюстина видела, слышала и знала

гораздо больше, чем многие думали. Девушка с седыми волосами оглядывала зал, а ее темные глаза фиксировали одно лицо за другим.

— Нескольких, — наконец ответила она.

— Я хочу, чтобы ты пообщалась с ними и постаралась выяснить, что происходит, — сказала я. — Будь внимательна. Если за нами пошлют крутых парней, предупреди нас через кристалл.

— Хорошо, и не рискуйте без нужды, — сказала Жюстина.

Вернулся Этри и снова нам улыбнулся, но его глаза, как и раньше, ничего не выражали. Он сделал едва заметный жест, к нам тут же приблизился мужчина в смокинге и с подносом в руках и предложил выпить. Мы все, в том числе Этри, взяли бокалы. Он поднял свой и сказал:

— Леди, добро пожаловать. За красоту.

— За красоту, — подхватили мы и выпили.

Я чуть коснулась губами шампанского в бокале, хотя оно оказалось очень хорошим. Оно шипело, и я едва ощущала вкус алкоголя. Яд меня не беспокоил. Этри позволил нам выбрать бокалы и взял свой лишь после этого.

Меня гораздо больше тревожило то, что я задумалась о возможном отравлении и внимательно наблюдала за действиями Этри, когда тот

предложил нам шампанское. Наверное, всему виной паранойя? В свое время мне это казалось разумным.

Возможно, со мной все обстоит гораздо хуже, чем я думала.

— Пожалуйста, наслаждайтесь приемом, — сказал Этри. — Боюсь, я должен настоять на том, чтобы станцевать по одному танцу с каждой из вас, мои прелестные юные леди, когда мне позволят время и долг. Кто из вас будет первой?

Жюстина ослепительно улыбнулась и шагнула к нему. Если вы заломите мне руку, я признаюсь, что Жюстина была самой хорошенькой из нас, и Этри явно с этим согласился. На мгновение в его глазах появилась теплота, затем он взял Жюстину под локоток и повел к центру зала. Вскоре они исчезли в движущейся толпе.

— У меня плохо получаются эти бальные штучки, — сказала Энди. — Они слишком слабо трясут задницами. Делаем следующий ход?

— Да, пора, — сказала я. — Пойдем.

Я повернулась в направлении, на которое указывало покалывание на моих губах, и мы двинулись к дверям в боковой стене, ведущим в глубины здания. Охранников здесь не было, но по мере того как мы приближались к выходу из зала,

Энди начала замедлять шаг, потом посмотрела туда, где стоял стол с закусками, и я увидела, что она поворачивает к нему.

Я схватила ее за руку.

— Постой, ты куда собралась?

— Хм-м! — Она нахмурилась. — Туда?

Я направила свои ощущения вперед и уловила вокруг дверного проема легкое плетение магии, похожее на тонкую паутину, нечто вроде вуали, предназначенной для того, чтобы отвлекать внимание тех, кто подходит слишком близко, и направлять их в другую сторону. Вуаль делала стол с закусками чрезвычайно привлекательным. А если бы Энди заметила какого-нибудь мужчину, он бы показался ей гораздо более симпатичным, чем на самом деле.

В течение года могущественная волшебница фейри окружала меня всевозможными вуалями и чарами, помогая построить магическую защиту, а несколько месяцев назад я провела двенадцать раундов на ринге для экстрасенсов с некромантом, чемпионом в тяжелом весе. Я даже не обратила внимания на легкое заклинание, отразившееся от моей магической защиты.

— Это чары, — сказала я Энди. — Не позволяй им на тебя воздействовать.

— Что? — удивилась она. — Я ничего не чувствую. Просто я проголодалась.

— Ты ничего и не должна чувствовать, — сказала я. — Так работают чары. Возьми меня за руку и закрой глаза. Верь мне.

— Хотела бы я получать пятицентовик всякий раз, когда плохой вечер начинался с таких слов, — пробормотала она.

Однако Энди взяла меня за руку и закрыла глаза.

Я повела ее к двери и почувствовала, как Энди напрягается все сильнее по мере нашего приближения к ней, но как только мы прошли в проем, она шумно выдохнула и открыла глаза.

— Вау. Такое впечатление… вроде ничего и не было.

— Этим и отличаются качественные чары, — сказала я. — Если ты не знаешь, что с тобой происходит, то и сопротивляться не в силах.

Мы оказались в коридоре, каких полно в любом офисном здании. Я попыталась открыть ближайшую дверь, но она оказалась запертой. Как и две следующих, но дальше я обнаружила пустую комнату для совещаний и проскользнула внутрь.

Вытащив из сумочки кристалл, я спросила:

— Босли, ты меня слышишь?

— Четко и ясно, Ангел, — послышался голос Уолдо.

Никто из нас не пользовался своими настоящими именами. Скорее всего кристаллы безопасны, но год, проведенный рядом с Леа и ее ежедневными фокусами, научил меня не делать поспешных выводов.

— Тебе удалось найти план здания?

— Примерно девяносто секунд назад. Владельцы здания сделали три копии для города, включая электронные, на одну из которых я сейчас смотрю благодаря Интернету.

— Умники постарались, — сказала я.

— Люди, у которых вы в гостях, все делают очень тщательно, Ангелы. Будьте осторожны.

— А когда я была не осторожна? — осведомилась я.

Энди стояла на страже у стены возле двери, чтобы иметь возможность схватить всякого, кто в нее войдет.

— Серьезно?

Я не смогла сдержать улыбку.

— Я полагаю, наша потерянная овечка находится в том крыле здания, что расположено к западу от главного зала. Что там на плане?

— Хм-м… офисы, такое создается впечатление.

На втором этаже еще офисы. Третий этаж — снова офи… ну ничего себе.

— Что?

— Хранилище, — сказал Уолдо. — Армированная сталь. Огромное.

— Ха, — сказала я. — Хранилище из армированной стали? Ставлю двадцать долларов, что это тюрьма. Мы отправляемся туда.

— Так или иначе, но это в подвале. В конце коридора, отходящего от бального зала, должна быть лестница, ведущая вниз.

— Бинго, — сказала я. — Оставайся на связи, Босли.

— Не сомневайся. Колесница ждет.

Я убрала кристалл и начала надевать кольца. Закончив с ними, я достала магические жезлы, но сообразила, что не могу одновременно держать по жезлу в каждой руке и сумочку.

— Мне бы следовало взять курьерскую сумку, — пробормотала я.

— С этим платьем? — уточнила Энди. — Ты шутишь?

— Верно. — Я вытащила кристалл и засунула его в декольте, взяла по жезлу в каждую руку и кивнула Энди.

— Хранилище или тюрьма, но там должны

быть охранники. Я сделаю так, чтобы они нас не заметили, но мы должны двигаться быстро.

Энди посмотрела на свои туфли и горестно вздохнула. Затем она сняла их, а за ними стянула маленькое черное платье. Оказалось, что под него она ничего не надела. Энди на секунду закрыла глаза, и через мгновение ее тело начало терять прежние очертания и расплываться. Оборотни не проходят болезненных драматических превращений — ну, если только в самом начале, так мне рассказывали. Все выглядело естественно, как если бы живое существо сделало оборот вокруг себя и село. Только что здесь была Энди, но уже в следующее мгновение на ее месте появился красновато-коричневый волк.

Невероятно классная магия! Нужно будет обязательно выяснить, как она работает.

— И постарайся без необходимости не проливать кровь, — сказала я, сбрасывая пыточные туфли. — Я же постараюсь сделать все быстро и безболезненно. Ну а если дойдет до схватки, никого нельзя убивать, свартальвам такое не понравится.

Энди зевнула.

— Готова? — спросила я.

Энди резко качнула волчьей головой. Я сотво-

рила заклинание своей самой надежной вуали, свет вокруг нас заметно потускнел, а цвета и вовсе исчезли. Нас теперь было почти невозможно увидеть. И всякий, кто окажется в пятидесяти или шестидесяти футах, вдруг захочет погрузиться в размышления и усомнится в правильности сделанного им жизненного выбора, в общем, у него не будет никаких шансов нас заметить, если мы не станем шуметь.

Мы с Энди вышли в коридор, отыскали лестницу, о которой рассказал Уолдо, и я осторожно открыла ведущую туда дверь, но не пошла первой. Едва ли можно найти лучшего проводника, чем оборотень, а я за прошедший год достаточно часто работала с Энди и ее друзьями, чтобы привыкнуть к подобным маневрам.

Энди вошла первой, двигаясь совершенно бесшумно и навострив уши. Ее нос слегка подрагивал. Волки обладают поразительным нюхом. И слухом. Если кто-то окажется рядом, Энди это сразу почувствует. Выждав с четверть минуты, она уселась на пол, подавая мне сигнал, что все в порядке. Я опустилась рядом и направила вперед свое восприятие, чтобы проверить, нет ли впереди магических сторожей. Так и есть, я обнаружила полдюжины только на первом пролете

лестницы — самые простые штуки наподобие натянутой вдоль ступенек проволоки.

К счастью, тетушка Леа научила меня справляться с подобными ловушками. Я напрягла волю, модифицировала нашу вуаль, затем кивнула Энди, и мы стали медленно спускаться по ступенькам. Нам удалось пройти сквозь невидимые магические поля, не потревожив их, и мы двинулись дальше, направляясь к двери.

Я проверила и обнаружила, что дверь не заперта.

— Как-то все слишком просто, — пробормотала я. — Тебе не кажется, что тюрьма должна иметь запоры?

Энди тихонько зарычала в ответ, и я почувствовала исходящее от нее согласие и подозрение.

Теперь мои губы покалывало значительно сильнее, значит, Томас находился где-то совсем рядом.

— Похоже, выбора у нас нет.

Очень медленно и осторожно я приоткрыла дверь.

Вопреки моим ожиданиям я не увидела обычного подземелья. Или хранилища. Мы с Энди оказались в начале длинного коридора, такого же роскошного, как те, которые мы видели, ко-

гда вошли в дом. По обеим сторонам коридора я разглядела большие изукрашенные двери, расположенные довольно далеко друг от друга, с простым номером из чистого серебра на каждой. Редкие тусклые лампы создавали уютный приятный полумрак.

Низкое рычание Энди превратилось в странный высокий звук, и она склонила голову набок.

— Да, похоже… на отель, — с некоторым недоумением ответила я. — Здесь даже есть знак, указывающий направление к пожарному выходу.

Энди слегка покачала головой, и я ощутила ее эмоции, которые прекрасно поняла — что за дьявольщина?

— Да, — сказала я. — Неужели… здесь живут свартальвы? Или это гостевые номера?

Энди посмотрела на меня и передернула ушами: Зачем ты задаешь вопросы? Я ведь не могу говорить.

— Я знаю. Просто думаю вслух.

Энди снова слегка дернула ушами и бросила на меня косой взгляд.

Ты меня слышишь?

— Не столько слышу… сколько понимаю.

Она слегка отстранилась от меня.

И это в тот момент, когда я решила, что все про тебя знаю.

Я одарила ее злобной усмешкой и сделала страшные глаза — так я поступала, когда хотела напугать моих младших братьев и сестер.

Энди фыркнула и принялась нюхать воздух. Я внимательно за ней наблюдала. Щетина у нее на загривке встала дыбом, и я увидела, что она присела.

Там что-то есть. Слишком много запахов, чтобы разобрать. Нечто знакомое, но нехорошее.

— Томас совсем близко, — сказала я. — Пойдем.

Мы двинулись вперед, я держала лицо так, чтобы не упустить следящее заклинание, ощутила, что покалывание на губах указывает направо, мы подошли к комнате номер шесть, и покалывание переместилось в уголок рта, пока я не повернула голову к двери.

— Он здесь, в шестом.

Энди посмотрела вдоль коридора, и в ее глазах появилась тревога. Она постоянно шевелила ушами.

Мне это не нравится.

— Слишком легко, — прошептала я. — Совсем легко.

Я потянулась к ручке двери и замерла. Мой

разум подсказывал, что все пошло не так. Как и мои инстинкты. Если Томас пленник, которого захватили свартальвы, тогда здесь должны быть замки, решетки, цепи и охранники. А если его не держат против воли… тогда что он здесь делает?

Когда оказываешься в положении, которое не имеет никакого смысла, причина почти всегда одна: ты обладаешь неверной информацией. Получить ее можно самыми разными способами. Иногда причина в том, что ты ошибся. Но гораздо чаще — и опаснее — такое случается, когда ты делаешь неправильное предположение.

Но хуже всего, если кто-то сознательно ввел тебя в заблуждение, а ты, как настоящая лохушка, поверила и действуешь без колебаний.

— Тетушка, — выдохнула я. — Она меня обманула.

Леа послала меня в крепость свартальвов не для того, чтобы я освободила Томаса — ну, скажем, не только. И, конечно, она не случайно научила меня обходить магическую защиту свартальвов. Я оказалась здесь именно сегодня вечером совсем по другой причине. Я мысленно повторила наш разговор и выругалась. Нет, Леа ни разу мне не солгала, но представила все так, чтобы я пришла к ложному выводу — Томаса следует спасти,

и только я могу ему помочь. Я не знала, зачем Леанансидхе понадобилось мое присутствие в крепости, но она позаботилась о том, чтобы я сюда пробралась.

— Двуличная предательская сука. Когда я до нее доберусь…

Энди внезапно тихонько зарычала, и я моментально заткнулась.

Дверь наверху распахнулась, и я увидела ублюдка Слухача и компанию парней в свитерах. Все они зашагали по коридору к нам.

Слухач был худощавым спортивным мужчиной среднего роста, с коротко подстриженными волосами, бледной кожей и умными черными глазами, в которых читалась жестокость. Я и оборотни с полдюжины раз пытались с ним покончить, но он неизменно умудрялся либо сбежать, либо поменяться с нами ролями — и тогда уже нам приходилось спасать свои жизни.

Злобные плохие парни достаточно опасны. Злобные, изобретательные, безжалостные, профессиональные, умные плохие парни много хуже. Слухач был из последних, и я ненавидела его скользкую душонку.

Он и его приспешники были одеты в стандартную форму лакеев «Фомора»: черные брюки,

черные туфли и черные свитера с высоким воротом. Высокий ворот закрывал жабры, расположенные с двух сторон на шеях, чтобы они могли сойти за смертных. Однако они не были смертными, по крайней мере с некоторых пор. «Фомор» их изменил, сделал сильнее, быстрее и практически нечувствительными к боли. До сих пор мне ни разу не удавалось устроить им удачную западню, а теперь один из них сам шел в мои руки. Мне ужасно хотелось отомстить за кровь, которую я сегодня смывала со своего тела.

Но у приспешников «Фомора» очень необычный разум, и с каждым днем он становится все более странным. Проникнуть к ним в голову так, как требовалось мне, чертовски трудно, и я понимала, что если моя первая атака потерпит поражение, то в таком замкнутом пространстве они разорвут нас с Энди на части.

Поэтому я стиснула зубы, положила руку на загривок Энди и слегка его сжала, потом опустилась на корточки рядом с ней и полностью сосредоточилась на вуали. Пора заканчивать с самоанализом: Слухач едва не прикончил меня несколько месяцев назад, когда заметил похожие чары, повлиявшие на его разум. Это было очень страшно, но с тех пор я постаралась усовершен-

ствовать заклинание. Закрыв глаза, я соткала легчайшую и тончайшую паутину принуждения, на которую только была способна, одновременно сделав окружавшую нас вуаль еще более плотной. Свет в коридоре почти погас, и воздух стал заметно холоднее.

Они подошли ближе, очевидно, Слухач был у них главарем. Он шагал быстро и уверенно. Сукин сын прошел в двух футах от меня, я могла бы протянуть руку и коснуться его тела.

Никто из них не остановился.

Миновав нас, они подошли к комнате номер восемь, Слухач вытащил и вставил в замок ключ. Когда он открыл дверь, его дружки начали входить внутрь.

Такую возможность я не могла упустить. Несмотря на ужас, который «Фомор» принес в мир после уничтожения Красной Коллегии, мы до сих пор не знаем, зачем они это сделали. Мы не понимали, чего они хотят и как их нынешние действия помогут им реализовать свои желания.

Так что я начала двигаться бесшумно, как меня научили за последний год, и присоединилась к приспешникам «Фомора», входившим внутрь. После секундной паузы Энди оказалась рядом, и мы едва успели проскользнуть за ними, прежде

чем дверь захлопнулась.

Никто не обернулся в нашу сторону, когда мы входили в огромное помещение, больше напоминающее зал дворца и столь же богато обставленное. Кроме полудюжины Свитеров, сопровождавших Слухача, в зале находилось еще пятеро громил. Все они явно стояли на страже, с прямыми спинами и сложенными за спиной руками.

— Где он? — спросил Слухач у охранника возле двери.

Он был самым крупным из всех, с шеей, похожей на пожарный гидрант.

— Внутри, — ответил охранник.

— Время пришло, — сказал Слухач. — Сообщи ему.

— Он приказал, чтобы его не беспокоили…

Казалось, Слухач задумался.

— Непунктуальность сделает договор недействительным, а нашу миссию невозможной. Сообщи ему.

Охранник нахмурился:

— Но повелитель приказал…

Верхняя часть тела Слухача внезапно пришла в движение, настолько молниеносное, что я сумела уловить лишь сам факт движения. Охранник

зашипел и захрипел, а в следующее мгновение кровь фонтаном хлынула из его горла. Он сделал неуверенный шаг, повернулся к Слухачу и поднял руку.

Затем содрогнулся и упал на пол, кровь потоком лилась из рваной раны у него на шее.

Слухач отбросил кусок мяса размером с бейсбольный мяч и наклонился, чтобы вытереть окровавленные пальцы о свитер мертвеца. На черном фоне кровь не оставила следов. Слухач выпрямился и постучал в дверь.

— Милорд, уже почти полночь.

Через шестьдесят секунд он повторил свои действия.

Ему пришлось еще трижды постучать в дверь, прежде чем послышался невнятный голос:

— Я же приказал, чтобы меня не беспокоили.

— Простите, милорд, но время пришло. Если мы не начнем действовать, все наши усилия окажутся напрасными.

— Не тебе решать, какие приказы можно нарушить, а какие нет. Казните глупца, который потревожил мой сон.

— Это уже сделано, милорд.

Послышалось удовлетворенное ворчание, через мгновение дверь распахнулась, и я впервые

увидела одного из повелителей «Фомора», высокое, изможденное существо, но удивительное дело — не казавшееся худым. У него были непропорционально большие руки и ноги, а живот выступал вперед, как будто внутри находился баскетбольный мяч. Я отметила распухшие челюсти, словно он болен свинкой, толстые, точно из резины, губы и прилизанные безжизненные волосы, похожие на водоросли, недавно выброшенные на берег. В общем, он больше всего напоминал долговязую ядовитую лягушку. Вся его одежда состояла из наброшенного на плечи одеяла. Фу, гадость!

У него за спиной в комнате лежали три обнаженные женщины, все они были мертвы, у каждой пурпурные синяки на шее и широко раскрытые остекленевшие глаза.

Свитера попадали перед ним на пол, но Слухач лишь преклонил колено.

— Он здесь? — спросил фомор.

— Да, милорд, — сказал Слухач, — с двумя телохранителями.

Фомор хрипло рассмеялся и потер руки со скошенными пальцами.

— Жалкий смертный. Называет себя бароном. Он заплатит за то, что сделал с моим братом.

— Да, милорд.

— Никому, кроме меня, не позволено убивать членов моей семьи.

— Конечно, милорд.

— Принесите раковину.

Слухач поклонился и кивнул трем Свитерам. Они поспешно вышли в другую дверь и вскоре вернулись с устричной раковиной, весившей не менее полутонны и футов семи в поперечнике. Огромную раковину покрывали кораллы или какие-то наросты — нечто похожее появляется на днищах кораблей. Свитера молча положили раковину на пол посреди зала.

Фомор подошел к ней, прикоснулся рукой и произнес одно слово. Поверхность раковины тут же засветились, по ней побежали сполохи, которые складывались в узоры или незнакомые мне буквы. Некоторое время фомор стоял над ней, вытянув вперед руку и прищурив выпуклые глаза, и что-то говорил на свистящем, булькающем языке.

Я не знала, что он делает, но ощутила значительное перемещение энергии. Что-то наполнило воздух в зале, и дышать стало труднее.

— Милорд? — неожиданно заговорил Слухач. — Что вы делаете?

— Подарок для наших новых союзников, естественно, — ответил фомор. — Я не могу уничтожить свартальвов вместе со всеми остальными. Пока.

— Это не соответствует планам Императрицы.

— Императрица сказала мне, чтобы я не причинял вреда нашим новым союзникам, — презрительно бросил фомор. — Но она ничего не говорила относительно чистки накипи на их празднестве.

— Свартальвы трепетно относятся к вопросам чести, — заявил Слухач. — Вы опозорите их, если кто-то из гостей пострадает в тот момент, когда он находится под их крышей, милорд. И наш союз может оказаться под ударом.

Фомор сплюнул. Комок желтой слизи упал на пол у ног Слухача и зашипел на мраморном полу.

— Как только мы подпишем договор, обратного пути не будет. Мой дар передадут им через мгновение после этого: я пощажу их жалкие жизни. И если остатки накипи обратятся против свартальвов, у них не будет иного выбора, как попросить помощи у нас. — Он ухмыльнулся. — Не бойся, Слухач. Я не так глуп, чтобы уничтожить одного из любимчиков Императрицы, даже в резуль-

тате несчастного случая. Ты и твои приятели уцелеете.

И тут я осознала, что за энергия собиралась в лежавшей на полу гигантской раковине, и сердце едва не остановилось у меня в груди.

Срань господня!

Лягушачий лорд сделал бомбу.

Прямо здесь.

— Моя жизнь принадлежит моим повелителям, и я лишь исполняю приказы, милорд, — сказал Слухач. — У вас есть другие указания?

— Перед уходом заберите у мертвецов драгоценности.

Слухач склонил голову.

— Насколько эффективным будет ваш подарок?

— Ну, то, что я сделал для Красной Коллегии в Конго, получилось вполне себе смертельным, — самодовольно заявил Лягушачий лорд.

Мое сердце забилось еще сильнее. Во время войны с Белым Советом Красная Коллегия применила какой-то нервно-паралитический газ против раненых чародеев, находившихся в больнице. Оружие также уничтожило десятки тысяч людей в городке, который был намного меньше Чикаго.

Мои босые ноги вдруг стали совсем маленькими и холодными.

Лягушачий лорд крякнул и пошевелил пальцами, и в следующий миг бомба-раковина исчезла под вуалью, которая была ничуть не хуже тех, что умела делать я. Фомор опустил руку и улыбнулся:

— Принесите мое одеяние.

Свитера поспешно облачили Лягушачьего лорда в самые безвкусные шмотки во всей истории шмоток. Многоцветные волны расходились по ткани, точно рябь на воде, но каким-то случайным, хаотичным образом. Ткань украшали жемчужины, некоторые размером с большие шарики жвачки. Затем они надели ему на голову нечто похожее на корону, после чего Лягушачий лорд и его свита направились к двери.

Я скорчилась как можно дальше от них, почти под маленьким баром, Энди устроилась рядом со мной. Сейчас я полностью сосредоточилась на вуали. Лягушачий лорд быстро прошел мимо меня, за ним двумя колоннами шагала его свита. Они двигались синхронно, пока последняя пара не остановилась.

Слухач.

Его глаза медленно обвели зал, и он нахму-

рился.

— Что это? — спросил он у одного из Свитеров. — Ты не чувствуешь никакого запаха?

— Какого именно?

— Духов.

О, проклятие!

Я закрыла глаза и сосредоточилась на внушении тревоги, стараясь действовать очень аккуратно, чтобы Слухач ничего не понял.

Через мгновение Свитер ответил:

— Я никогда не любил духи. Нам не следует отставать от повелителя.

После коротких колебаний Слухач кивнул, повернулся и вышел в дверь.

— Молли! — отчетливо прозвучал голос Жюстины из кристалла, спрятанного в лифе моего платья. — Мисс Гард пару минут назад запаниковала и вывела отсюда Марконе. Охрана мобилизуется.

Иногда я думаю, что вся моя жизнь состоит из таких вот отвратительных моментов.

Слухач мгновенно развернулся, но Энди оказалась быстрее. Она совершила десятифутовый прыжок, всем телом ударила в дверь и захлопнула ее. В одно мгновение она снова превратилась в обнаженную девушку, которая протянула руку

и защелкнула замок.

Я вытащила из-под платья кристалл.

— Здесь, в крыле для гостей, находится бомба. Повторяю: бомба в гостевом крыле, в покоях посла фоморов. Найди Этри или любого другого свартальва и расскажи, что фомор планирует убить гостей свартальвов.

— О Господи, — пробормотала Жюстина.

— Проклятие! — эхом отозвался Баттерс.

Что-то тяжелое и быстрое ударило в дверь снаружи, и она содрогнулась, Энди отбросило на несколько дюймов, однако она тут же прижалась к ней плечом.

— Молли!

Возникла еще одна ситуация, когда паника способна тебя убить. И хотя мне хотелось кричать и бегать кругами, я закрыла глаза, сбросила вуаль и сделала медленный глубокий вдох, собираясь с мыслями.

Первое: если Лягушачий лорд и Свитера сумеют сюда ворваться, они нас убьют. В номере восемь уже и так четыре трупа. Почему не добавить еще парочку? И если учитывать все факторы, у них должно получиться. Значит, главная задача — не впускать их, по крайней мере до тех пор, пока свартальвы не наведут порядок.

Второе: бомба. Если эта штука взорвется и в ней окажется такой же нервно-паралитический газ, какой Красная Коллегия использовала в Африке, погибнут сотни тысяч людей, в том числе Энди, Томас и Жюстина — а также Баттерс и Марси, которые ждут нас в машине. Бомбу нужно обезвредить или перенести в безопасное место. А для этого она должна перестать быть невидимой.

И третье: спасти Томаса. Нельзя забывать о цели нашей миссии, как бы ни усложнились обстоятельства.

На дверь обрушился новый удар.

— Молли! — закричала Энди, и страх сделал ее голос вибрирующим и пронзительным.

— Проклятие! — прорычала я. — Что стал бы делать Гарри?

Будь Гарри здесь, он не дал бы открыться дурацкой двери. Его магические способности были сильными, как у супергероя, и когда возникала необходимость, он мог управлять могучей энергией. Я практически не сомневаюсь, что Гарри сумел бы остановить движущийся локомотив. Или несущийся на него грузовик. Однако мои таланты не предполагали физических воздействий.

Гарри однажды сказал мне, что когда у тебя

возникает проблема — то это действительно проблема. Но если есть несколько проблем, то должно быть и несколько решений.

Я встала, взяла в руки магические жезлы и посмотрела на дверь.

— Приготовься, — сказала я.

Энди взглянула на меня.

— К чему?

— Открыть дверь, — сказала я. — А потом захлопнешь ее за мной.

— Что?

— Закрой глаза. На счет «три», — сказала я, слегка согнув ноги в коленях. — Один!

Дверь снова задрожала.

— Два!

— Ты сошла с ума? — прорычала Энди.

— Три! — закричала я и побежала к двери, подняв оба жезла.

Энди зажмурилась и распахнула дверь, а я применила заклинание «Рэйв одинокой женщины».

Подчиняясь моей воле, свет и звук сорвались с концов магических жезлов. Свет не походил на луч фонарика, но был подобен маленькому атомному взрыву. А звук вовсе не напоминал крик или маленький взрыв, или даже рев проносящегося мимо поезда. Скорее стрельбу главного калибра

крейсера времен Второй мировой — такой мог сбить с ног взрослого мужчину.

Я устремилась вперед, окруженная потоками света и звука, и выскочила в коридор, где скопились ошеломленные Свитера.

И тут я вступила в игру.

Через несколько минут ошеломленные Свитера вскочили на ноги, хотя они потеряли ориентировку и лихорадочно терли глаза. Чуть дальше по коридору один из них помогал Лягушачьему лорду подняться на ноги. Его волосы были всклокочены, одеяние пришло в беспорядок, уродливое лицо фомора искажала ярость.

— Что здесь происходит, Слухач? — потребовал он ответа.

Фомор орал изо всех сил, видимо, к нему еще не вернулась нормальная способность слышать.

— Милорд, — сказал Слухач, — вероятно, это работа Леди-Оборванки.

— Что? А погромче не можешь, идиот?

Щека Слухача дернулась, и он заорал, повторив свои слова.

Лягушачий лорд зашипел.

— Вот навязчивая сука! — оскалился он. — Сломай дверь и принеси мне ее сердце.

— Да, милорд, — сказал Слухач, и Свитера снова

сгруппировались возле двери с номером восемь. В следующее мгновение они принялись лупить в нее ногами, по трое сразу, одновременно ударяя каблуками в дерево. После трех таких ударов стали появляться трещины, после пятого дверь свободно закачалась на петлях.

— Убейте ее! — верещал Лягушачий лорд, направляясь к двери. — Убейте ее!

Все, кроме двух Свитеров, бросились в комнату.

Прячась внутри восстановленной вуали, я решила сразу после того, как дверь открылась и они бросились внутрь, что пришла пора рассеять иллюзию. Серебряная цифра восемь, свисавшая с двери, затуманилась и превратилась в серебряную цифру шесть.

Глаза Лягушачьего лорда округлились.

Один из Свитеров вылетел из двери комнаты номер шесть и врезался в стену на противоположной стороне коридора. Он ударился об нее и, как тряпичная кукла, свалился на пол. На треснувшем мраморе остались очертания его тела и частички плоти и кровь.

Из-за сломанной двери появился Томас Рейт, вампир.

— Слухач, верно? Здорово! Твои клоуны опять

перепутали номера комнат.

— Мы допустили ошибку, — сказал Слухач.

— Да, так и есть.

Из соседней комнаты послышался треск и звук ударов.

Лягушачий лорд зашипел и повернул раздутую голову на длинной шее.

— Леди-Оборванка, — прошипел он. — Я знаю, что ты здесь.

На сей раз, я не сомневалась, что сделал бы Гарри. Я подняла звуковой жезл и направила свой голос из дальней стороны коридора, находящейся у него за спиной.

— Привет, Лягушенция. Злодейские реплики всегда такие дурацкие, или у тебя проблемы с детства?

— Ты осмеливаешься смеяться надо мной? — прорычал фомор и метнул вдоль коридора спиральный штопор темно-зеленой энергии, которая оставляла черные отметины на всем, чего касалась.

Когда спираль ударила в дверь, послышался потрескивающий рычащий звук, и зеленый свет распространился по ней, образовав ячейки рыболовной сети.

— А как еще себя вести при встрече с омерзи-

тельными уродцами? — сказала я так, что мой голос прозвучал рядом с ним. — Ты и правда убил тех девушек, или они сами с собой покончили, когда увидели тебя голенького?

Фомор зарычал и ударил по воздуху возле себя. Затем он прищурился и принялся шевелить плоскими пальцами, создавая сложное плетение. Я сразу ощутила исходящую от него энергию и поняла, что он собрался сделать — сорвать мою вуаль. Но я месяцами играла в эту игру с Тетушкой.

А Лягушенция — нет.

По мере того как щупальца его поисковой магии расходились в стороны, я посылала крохотные частицы собственной энергии так, чтобы они лишь слегка касались его плетения, аккуратно уводя их в сторону от собственной вуали. Я не могла допустить своего разоблачения. Во всяком случае, не так. Он долго не раздумывал, и если я и дальше буду его в этом поощрять, то очень возможно, он окажется настолько тупым, что я сумею его обмануть.

Но заставить его уйти я не могла, и когда убедилась, что сдвинула в сторону его плетение, то снова использовала звуковой жезл, на этот раз прямо у него над головой.

— Такие игры не для профанов. Тебе не кажется, что лучше укрыться где-нибудь подальше и предоставить сделать всю работу Слухачу?

Лягушенция поднял голову вверх и прищурился. Потом вскинул руку, прошипел слово, с его пальцев соскочил сноп пламени и ударил в потолок.

Пожарная сигнализация сработала примерно через две секунды, а еще через две с потолка хлынул поток. Но я успела вернуться к двери комнаты номер восемь, когда вода принялась уничтожать мою вуаль. Магия — это энергия, которая следует собственным законам. Один из них состоит в том, что вода разрушает магические конструкции, и моя вуаль начала растворяться, словно состояла из сахарной ваты.

— Ха! — рявкнул фомор, заметив меня.

Я увидела, что он послал в меня голубовато-зеленую молнию, упала на пол лицом вниз, и молния ударила в дверь надо мной. Перевернувшись на спину, я едва успела поставить щит против второй молнии, а потом и третьей. Мои щиты не слишком хороши, но заклинания фомора состояли из чистой энергии, и это облегчало мою задачу. Я отражала удары направо и налево, и от стен начали отлетать куски мрамора вели-

чиной с кирпич.

Глаза Лягушенции запылали еще ярче, промахи разъяряли его все сильнее.

— Смертная корова!

Ну ладно. Это уже обидно. Конечно, было мелочно принимать всерьез его оскорбительные слова относительно моей внешности и говорило о недостатке характера, но мерзкое заявление задело меня сильнее, чем попытка убийства.

— Корова? — прорычала я, когда вода намочила мой подол. — Да в этом платье я просто ослепительна!

Я бросила один из жезлов и направила в его сторону ладонь, посылая невидимый сгусток чистой памяти, сфокусированный при помощи магии, точно поток света, проходящий через увеличительное стекло. Иногда человек плохо помнит полученные им раны, и у меня остались весьма расплывчатые воспоминания о пуле в ноге. Когда она вошла в мое тело, я не почувствовала особой боли, к тому же в тот момент мне было о чем подумать. Я в основном испытала удивление и онемение — но когда в вертолете санитары начали чистить рану, вот это было да! Пули вытащили при помощи хирургических щипцов и промыли рану чем-то, что пекло, словно я попала в ад.

Когда же мне наложили повязку, стянув рану, я решила, что за мной пришла смерть.

Именно эти ощущения я и послала Лягушенции, собрав все свои силы.

Он соткал щит, но едва ли ему приходилось обороняться против чего-то столь же неосязаемого, как воспоминания. И хотя падающая вода ослабляла мое восприятие, я почувствовала, что удар миновал его защиту, и Лягушенция испустил внезапный пронзительный вопль. Он пошатнулся и упал, сжимая двумя руками ногу.

— Убейте ее! — заверещал он, и его голос поднялся на две октавы. — Убейте ее, убейте ее, убейте ее!

Оставшаяся в коридоре пара Свитеров бросилась ко мне. На меня накатила волна усталости, но я сумела подняться на ноги, метнулась к двери комнаты номер восемь и принялась колотить в нее кулаком.

— Энди! Энди, это Молли! Энди впусти меня…

Дверь распахнулась, и я ввалилась внутрь. Подобрав под себя ноги, я сжалась в комок, а Энди захлопнула дверь и щелкнула замком.

— Что за дьявольщина, Молли? — спросила мокрая Энди.

Вода с потолка залила все, в том числе и бомбу

фомора.

Я встала и подошла к бомбе.

— Я не могла снять вуаль с бомбы с той стороны, — задыхаясь, сказала я. — У нас нет времени, чтобы развести огонь, а моей собственной энергии не хватало, чтобы сработала пожарная сигнализация. Мне пришлось заставить это сделать за меня Лягушенцию.

Дверь содрогнулась под ударами Свитеров.

— Постарайся их удержать, — сказала я Энди. — Я разряжу бомбу.

— А сможешь ли?

— Да запросто! — солгала я.

— Хорошо, — сказала Энди и поморщилась. — Сегодня от меня всю ночь будет пахнуть мокрой псиной.

Она повернулась к двери, а я протянула руки к гигантской раковине. Отбросив мысли о врагах, пытавшихся ворваться внутрь, я полностью сосредоточилась на бомбе, затем обострила восприятие и попыталась нащупать энергию, движущуюся в ней.

Энергии было много, и мощь, заключенная внутри, рвалась наружу. Тонкий слой плетения — магический аналог панели управления — окружал внутреннюю часть раковины. Вода

медленно, но верно подтачивала его, но недостаточно быстро, чтобы повредить основное ядро и рассеять энергию. Однако я понимала, что если буду медлить, вода уничтожит наружное плетение, и тогда уже никто не сможет разрядить бомбу.

Я закрыла глаза и положила руку на раковину, как это делал Лягушенция, почувствовала, что энергия раковины тянется к моим пальцам, готовясь отреагировать, и тогда я начала отдавать свою энергию, пытаясь понять, как устроена бомба. Это было самое обычное заклинание, ничего сложного, но я не знала, как оно работает, — словно у меня в руках оказался дистанционный пульт от телевизора, на котором отсутствовали обозначения кнопок. И я не могла начать нажимать их случайным образом.

С другой стороны, не делать этого я тоже не могла.

Что же, придется сделать обоснованное предположение.

На телевизионном пульте кнопка включения всегда находится немного в стороне от других или, наоборот, в самом центре. Именно такую возможность я и искала — чтобы отключить бомбу. Я начала отбрасывать те части заклина-

ния, которые выглядели слишком сложными или, наоборот, простыми, постепенно сужая возможности выбора. Наконец осталось всего два варианта. Если я ошибусь…

Я нервно захихикала.

— Послушай, Энди. Синий провод или красный?

Нога Свитера пробила в двери дыру, и Энди повернула голову, чтобы одарить меня недоверчивым взглядом.

— Ты что, окончательно спятила? — закричала она. — Синий, всегда обрезай синий!

Половина двери рухнула под очередным ударом, Энди мгновенно превратилась в волка и разорвала горло первому Свитеру, который сунулся внутрь.

Я вновь сосредоточилась на бомбе и выбрала второй из вариантов. Затем направила на него всю свою волю. Мне пришлось сделать несколько попыток, потому что меня охватил ужас, далеко не всегда помогающий сохранить ясность мысли.

— Послушай, Бог, — прошептала я. — Я знаю, что в последнее время ты нечасто оказывался рядом, но если ты позволишь мне допустить ошибку, то пострадает множество людей. Пожа-

луйста, позволь мне сделать правильный выбор.

И перерезала синий провод.

Ничего не произошло.

Я ощутила почти парализующее облегчение — и в следующий миг Лягушенция перепрыгнул через Энди, сражавшуюся с двумя Свитерами, и врезался в меня.

Я рухнула на мраморный пол, и Лягушенция оказался на мне верхом, навалившись всем весом. Одной рукой он сдавил мне горло — ему хватило длины пальцев, чтобы они полностью на нем сомкнулись. Фомор был необыкновенно силен, я тут же начала задыхаться, в голове застучало, перед глазами заплясали темные пятна.

— Маленькая сучка! — прошипел он и принялся бить меня свободной рукой.

Удары приходились в левую скулу. Я должна была бы испытывать боль, но мой мозг уже перестал реагировать адекватно. Я ощущала удары, но все остальное исчезало в сгущающемся мраке. Мое сопротивление не прекращалось, но это не помогало. Лягушенция оказался намного сильнее, чем можно было себе представить. Я уже почти ничего не видела, но обнаружила, что смотрю в темный туннель и на одну из мертвых девушек, лежавших на полу в спальне, и вижу

темно-пурпурный синяк у нее на шее.

Затем пол в нескольких футах от меня начал пульсировать, а еще через мгновение из него выскочило необычное серое существо.

Рост свартальва составлял не более четырех футов и шести дюймов, он был полностью обнажен, с серой пятнистой кожей и огромными черными глазами. Я даже успела отметить, что голова у него несколько крупнее, чем у большинства людей, что он лысый, но с густыми серебристо-седыми бровями. Свартальв немного напоминал пришельца из Розвелла и был сложен, как профессиональный боксер, стройный и сильный. В руке он держал простой короткий меч.

— Фомор, — спокойно сказал свартальв, и я узнала голос Этри. — Никому не следует бить леди.

Лягушенция собрался что-то сказать, но меч Этри со свистом опустился вниз и отсек душившую меня руку. Лягушенция взвыл и отвалился, он что-то кричал, пытаясь вызвать силу и улизнуть на трех оставшихся конечностях.

— Ты нарушил права гостя, — спокойно продолжал Этри.

Он сделал короткий жест, мраморный пол под фомором внезапно стал жидким, и Лягушенция

провалился на три дюйма, а потом пол затвердел. Фомор взвыл.

— Ты напал на гостя, находящегося под защитой Свартальвхейма. — Голос Этри по-прежнему оставался спокойным. Его меч снова описал короткую дугу и отсек нос Лягушенции, тот завыл, а во все стороны полетела слизь. Этри стоял над лежащим фомором и смотрел на него без всякого выражения. — Тебе есть что сказать в свое оправдание?

— Нет! — закричал Лягушенция. — Ты не можешь так поступить! Я не причинил вреда никому из ваших людей!

Я ощутила в Этри вспышку ярости столь обжигающую, что мне показалось, будто падающая на него с потолка вода обращается в пар.

— Не причинил нам вреда? — спокойно переспросил он и посмотрел на раковину, а в следующее мгновение его взгляд, наполненный презрением, снова остановился на Лягушенции. — Ты собирался использовать наш союз как предлог для убийства тысяч невинных людей и сделать нас своими сообщниками. — Он опустился на корточки, и его лицо оказалось в нескольких дюймах от окровавленного лица Лягушенции. — Ты запятнал честь Свартальвхейма.

— Я с вами расплачусь! — забормотал Лягушенция. — Вы получите компенсацию!

— Расплата за твои действия может быть только одна, фомор. Переговоры более невозможны.

— Нет, — запротестовал фомор. — Нет. НЕТ!

Этри отвернулся и оглядел комнату. Энди все еще находилась в теле волка. Один из Свитеров истекал кровью на мраморном полу, и рядом с ним образовалась лужа. Другой скорчился в углу, закрывая руками голову, покрытую кровавыми ранами. Энди, тяжело дыша, стояла напротив, ее клыки стали алыми, а из груди вырывалось низкое рычание.

Этри повернулся ко мне и протянул руку. Я поблагодарила его и позволила помочь мне сесть. Горло саднило, сильно болели голова и щека. Это меня убивает, хи-хи-хи. Ну иди сюда.

Знаете, нужно совсем рехнуться, если начинаешь вести внутренний монолог из «Трех Балбесов».

— Я приношу свои извинения за то, что вмешался в вашу схватку, — сказал Этри. — Пожалуйста, не подумайте, что я поступил так из-за того, что сомневался в вашей способности себя защитить.

— Это ваш дом, и ваша честь стояла на кону. — Мой голос сел гораздо сильнее, чем мне бы

хотелось. — Вы имели такое право.

Казалось, мой ответ его удовлетворил, и Этри слегка поклонился.

— И я приношу свои извинения за то, что не начал действовать сам. Не вы несли ответственность за поведение этого подонка и не должны были вступать с ним в схватку.

— Да, я поступила немного самонадеянно, — сказала я. — Однако времени оставалось мало.

— Ваш союзник предупредил нас об опасности. Вы не совершили ничего неправомерного. Свартальвхейм благодарит вас за помощь. Мы в долгу перед вами.

Я хотела сказать, что мне ничего не нужно, но вовремя остановила себя. Этри вовсе не обменивался со мной любезностями и не вел дружескую беседу. Шел аудит и расчет. Я лишь наклонила голову.

— Благодарю вас, мистер Этри.

— Не за что, мисс Карпентер.

Свартальвы в форме вместе со смертными охранниками вошли в комнату. Этри приблизился к ним и негромко отдал приказ. Фомора и его приспешников связали и вывели из комнаты.

— Что с ними будет? — спросила я у Этри.

— Мы сделаем из фомора пример, — ответил

Этри.

— А что с вашим договором? — спросила я.

— Он не подписан, — сказал Этри. — Главным образом благодаря вам. И хотя Свартальвхейм не платит долгов по не взятым на себя обязательствам, мы ценим вашу роль в данном деле. И в будущем это учтем.

— Фомор не заслуживает иметь благородного союзника.

— Да, складывается такое впечатление, — согласился Этри.

— Что будет со Свитерами? — спросила я.

— А что конкретно вас интересует?

— Вы с ними… разберетесь?

Этри бросил на меня недоуменный взгляд.

— Вам-то что?

— Ну, они вроде как тоже в этом участвовали.

— Они собственность, — сказал свартальв. — Если человек бьет вас молотком, вы наказываете человека. Нет никакого смысла в уничтожении молотка. Они нас не интересуют.

— А что скажете о них? — спросила я и кивнула в сторону спальни фомора, где лежали мертвые девушки. — То, что с ними случилось, вас тоже не интересует?

Этри посмотрел на тела девушек и вздохнул.

— Красивые вещи не следует уничтожать, — сказал он. — Но они не были нашими гостями. Мы никому не должны за их гибель и не несем за нее ответственность.

— У вас в заключении находится вампир, верно? — спросила я.

Этри несколько мгновений смотрел на меня.

— Да, — кивнул он.

— У вас долг передо мной. Я хочу, чтобы его освободили.

Этри приподнял бровь, затем слегка поклонился.

— Идемте со мной.

Я последовала за Этри, и мы остановились перед комнатой с номером шесть. Несмотря на то что дверь была сломана, Этри вежливо постучал. Через мгновение раздался женский голос:

— Вы можете войти.

Мы вошли в такую же, как у фомора, комнату, только здесь было полно подушек и обитой плюшем мебели, и царил полнейший беспорядок: на полу валялись обломки мебели, осколки безделушек и изувеченные Свитера. Охранники уже связывали их и выносили из комнаты.

Слухач ушел сам, руки были связаны у него за спиной, один глаз распух и закрылся. Он бро-

сил на меня пристальный взгляд, но ничего не сказал.

Ублюдок.

Этри повернулся к занавешенной двери, ведущей в спальню.

— Мы в долгу перед смертной ученицей, которая нас предупредила. Она попросила об освобождении вампира.

— Невозможно, — ответил женский голос. — Этот счет уже закрыт.

Этри повернулся ко мне и пожал плечами:

— Я сожалею.

— Подождите, — сказала я. — Могу я с ним поговорить?

— Одну минутку.

Мы ждали, и вскоре в двери спальни появился Томас, одетый в черный махровый халат, видимо, он только что принял душ. Томасу не хватало полдюйма до шести футов, и от всего его тела исходил мощный сексуальный призыв. А еще у него были глаза цвета голубого хрусталя и темные волосы до плеч. Мое тело повело себя, как обычно в его присутствии, оно кричало, что пора заводить ребенка. Я проигнорировала эти вопли. Ну, почти.

— Молли, — сказал он. — Ты в порядке?

— Ничего такого, что не сможет исправить ведерко аспирина, — сказала я. — А ты?

Он заморгал.

— Почему со мной должно было что-то случиться?

— Я думала… ты знаешь. Тебя поймали как шпиона.

— Ну, конечно, — ответил он.

— Я решила, они… сделают из тебя пример.

Томас снова заморгал.

— С какой стати?

Дверь спальни открылась, и оттуда вышла женщина-свартальв, очень похожая на Этри — крошечная и красивая, только с длинными серебристыми волосами, а не с бильярдным шаром вместо прически. На ней была рубашка — наверное, она принадлежала Томасу, — которая прикрывала ее до самых щиколоток. Женщина выглядела определенно… довольной собой. За спиной у нее я увидела несколько пар широко раскрытых темных глаз, глядевших на нас из темной спальни.

— Ага, — сказала я. — Ага, ты… заключил сделку.

Томас ухмыльнулся:

— Это трудная, грязная работа…

— И он ее еще не закончил, — сказала женщина-свартальв. — Он наш до рассвета.

Томас перевел взгляд с меня на спальню и развел руки в стороны.

— Ты знаешь, как это бывает, Молли. Долг зовет.

— Ну и что мне сказать Жюстине?

Он снова удивленно посмотрел на меня.

— Правду. Что же еще?

— О, слава Богу, — сказала Жюстина, когда мы выходили из крепости свартальвов. — Я боялась, что они морят его голодом.

Я заморгала.

— Твой дружок трахается с целой командой темных эльфиек, а ты радуешься?

Жюстина склонила голову набок и расхохоталась.

— Когда ты влюблена в инкуба, твой взгляд на жизнь немного меняется. Ничего нового не произошло. Я знаю, как он ко мне относится, но его нужно кормить, чтобы он оставался здоровым. Так в чем вред? — Она ухмыльнулась. — К тому же он всегда готов продолжить.

— Ты очень странное существо, Жюстина.

Энди фыркнула и дружелюбно толкнула меня плечом. Она успела найти свое платье и туфли,

которые ей так нравились.

— Кто бы говорил!

После того, как все благополучно разошлись по домам, я отправилась от квартиры Уолдо к ближайшей крытой парковке, нашла там темный угол, села и стала ждать. Примерно через два часа воздух замерцал, появилась Леа и устроилась рядом со мной.

— Ты меня обманула, — сказала я. — Послала туда вслепую.

— Верно. В точности как Лара поступила со своим братом — вот только мой агент добился успеха там, где ее потерпел неудачу.

— Но зачем? Зачем нас было туда посылать?

— Мы не могли позволить «Фомору» подписать договор, — сказала она. — Если бы один народ подписал с ним договор о нейтралитете, за ними последовала бы дюжина других. «Фомор» сумел бы разделить остальных и прикончить по одному. Очень деликатное положение. Присутствие активных агентов должно было нарушить состояние равновесия — обнажить истинную природу «Фомора» в проверке огнем.

— Но почему ты не сказала мне правду? — спросила я.

— Потому что ты бы мне не поверила — какие

тут могут быть сомнения?

Я нахмурилась:

— Ты все равно должна была мне все рассказать.

— Не будь смешной, дитя! — фыркнула Леа. — У меня не оставалось времени, чтобы рассеять твои сомнения, подозрения и теории. Не говоря уже о том, чтобы отвечать на бесконечные вопросы. Намного лучше было предложить тебе приз, на котором ты могла бы сосредоточиться — Томаса.

— А откуда ты знала, что я найду бомбу?

Леа изогнула бровь.

— Бомбу? — Леа покачала головой. — Я не знала, что именно там происходит. Но фоморы предатели. Всегда были и всегда будут. Оставался только один вопрос — форма, которую примет их предательство. И это нужно было показать свартальвам.

— Но откуда ты знала, что я справлюсь?

— Я не знала, — ответила Леа. — Но я хорошо знакома с твоим наставником. Он превосходно научил тебя отыскивать неприятную правду. — Леа улыбнулась. — И еще ты освоила его любимый прием — превращать упорядоченные ситуации в настоящий хаос.

— О чем ты говоришь? — резко спросила я.

Ее улыбка была ужасающе самодовольной.

— О том, что при любых обстоятельствах я не сомневалась, что договор подписан не будет.

— Но ты могла бы сама все это проделать.

— Нет, дитя, — возразила Леа. — Свартальвы никогда бы не пропустили меня на свой прием. Они любят ясность и порядок. И они бы сразу сообразили, что я намерена порядок нарушить.

— А про меня они ничего не знали?

— Они умеют судить о других только по их действиям, — ответила Леа. — Отсюда и желание заключить договор с фоморами, с которыми они никогда прежде не сталкивались. Мои действия показали, что со мной следует соблюдать осторожность. Ну а ты… о тебе они ничего не знали. И ты такая красотка. Все хорошо, твой город спасен, и группа богатых, умелых и влиятельных существ перед тобой в долгу. — Она немного помолчала, а потом наклонилась вперед. — Возможно, тебе следует меня поблагодарить.

— Мне — тебя? — поразилась я. — За что?

— Я полагаю, твой вечер закончился очень неплохо, — заметила Леа, приподняв брови. — Господи, ты такой трудный ребенок. Я даже не могу себе представить, как он терпит твою дерзость. Наверное, ты думаешь, что заслужила

от меня награду. — Она встала и повернулась, собираясь уйти.

— Подожди! — вдруг вырвалось у меня.

Она остановилась.

Мне показалось, что мое сердце перестало биться, и меня начало отчаянно трясти.

— Ты сказала, что знакома с Гарри. А не что была с ним знакома. В настоящем времени.

— В самом деле?

— Ты сказала, что не понимаешь, как он терпит мою дерзость. Терпит. Настоящее время.

— В самом деле?

— Тетушка, — едва слышным шепотом продолжала я. — Тетушка… Гарри… жив?

Леа очень медленно наклонилась ко мне, и в ее умных зеленых глазах сверкнуло озорное знание.

— Я не сказала, что он жив, дитя. И тебе не следует так говорить. Пока не стоит.

Я опустила голову и заплакала. Или рассмеялась. Или все вместе. Я не знала. Леа не стала оставаться со мной. Выплеск эмоций ее всегда смущал.

Гарри. Живой.

Я его не убила.

Лучшая награда из всех возможных.

— Благодарю тебя, Тетушка, — прошептала я. — Благодарю.

14.1 Холодный случай (2016)

— Ты понимаешь, что должна сделать, — сказала Мэб, Королева Воздуха и Тьмы.

Звучало это не как вопрос.

Я ухватилась за поручень на борту яхты и держалась за него, пока она бумкала и пумкала сквозь неспокойную воду по пути к унылому, холодному берегу.

— Я поняла, — ответила я ей. — Собрать дань с микшани.[55]

Мэб воззрилась на меня на долгую секунду, что доставило мне сильный дискомфорт, а это что-то да значит. В смысле, вам стоит обменяться парой взглядов с моей матерью — Черити Карпентер умеет ужасать. А сейчас я заполучила нечто, в сравнении с чем это было ничто.

— Леди Молли, — сказала Мэб. — Внемли же мне.

Не «посмотри на меня». Разумеется, ведь так звучит не слишком драматично.

Я посмотрела на неё.

На данный момент смертных вокруг не бы-

---

[55] Примечания: 55
Миксани — племя коренных американцев.

ло, но технически мы перемещались по миру смертных, среди алеутов, и на Мэб была одежда смертных. Королева Зимнего двора Фей носила белые меха и большую, пышную белую шляпу наподобие тех, что вы могли видеть у североевропейских важных персон в старых фильмах про Бонда. Ни один живой смертный не стал бы ходить на белых каблуках в этих морях, по мокрой, мёрзлой палубе яхты, при начале завывающего зимнего шторма, но это же Мэб. Она могла выбрать путь наименьшего сопротивления во время практики, но её готовность терпеть возможное людское недоумение и возмущение простиралась не слишком далеко. Она носила то, что хотела носить. И сейчас казалось, что она хотела носить выражение сурового неодобрения.

Мой же наряд, я уверена, ее серьезно разочаровывал, но я привыкла вызывать такую реакцию у «эталонных матерей». Я была одета в зимние джинсы с фланелевой подкладкой, гигантские теплые сапоги, несколько слоев свитеров, тяжелую куртку-бомбер и старый охотничий треух с подвязанными вниз ушами. Удобно, прочно и практично.

Я нуждалась во всём этом не больше, чем Мэб в мехах, зато так было проще смешиваться с окру-

жением, по любому.

— Внешность имеет значение, юная леди, — жёстко сказала Мэб. — Особенно первые впечатления.

— Никогда не будет второго шанса произвести первое впечатление, — ответила я, закатив глаза.

Это прозвучало немного в духе того парня. Ну, совсем немного.

Мэб долго смотрела на меня, потом ее губы раздвинулись в холодной зимней улыбке. «Мудрость, в оболочке из глупого неповиновения».

— Глупого, — прошипела я.

— Я дала тебе совет, — сказала королева Мэб. — Ты была Королевой Фэйре меньше недели. Было бы разумно ко мне прислушаться.

Яхта начала замедляться, а потом склонилась набок, пустив волну ледяных брызг к скалистому берегу. Для корабля смертных она слишком хорошо справлялась, но здесь, вдали от большинства глаз, сидхе, что ею управлял, был только рад недовольному морю, что могло попортить жизнь опытным смертным капитанам и передовым судам смертных.

«Не смертных», — сказала я себе строго, своим внутренним, разумным голосом. — «Людей. Лю-

дей, таких же как и я».

— Благодарю за совет, — ответила я Мэб. — Послушай, мне все ясно. Моя предшественница не выполняла свои обязанности должным образом уже где-то двести лет. У меня куча невыполненных дел и множество ждущей меня работы. Это все я уже поняла.

Прежде чем ответить, Мэб окинула меня еще одним долгим взглядом.

— Ты не понимаешь. — Затем она повернулась и пошла к своей каюте (той, что внутри была больше, чем снаружи). — Но ты поймешь.

Пару секунд я хмуро на нее смотрела, потом перевела глаза на плещущиеся двадцать ярдов моря между мной и сушей, и спросила:

— Как мне попасть на берег?

Взгляни на меня сейчас Мэб, уверена, в ее глазах я бы прочла нетерпение и неодобрение. Вместо этого, она без всяких слов вошла в свою каюту и закрыла за собой дверь.

Оставленная на качающейся палубе, я взглянула на Сидхе, управляющих яхтой. Они оба были мужчинами, оба высокими, оба темноволосые и темноглазые. Совсем не мой тип. Даже немного, черт возьми. Один заметил меня и смело встретил мой взгляд. От ухмылки, в которой скривился его

рот, мое сердце ёкнуло. Или это сделала какая-то другая моя часть. Ну то есть, он был чертовски привлекательным самцом.

Вот только он не человек, а один из Сидхе. Очаровывая, он принимает облик, который, как он знает, тебе понравится. И в этом облике с тобой проделают множество вещей, которые ни одно человеческое тело не сможет вынести не сломавшись. Впрочем, это его не сильно заботит.

У моего внутреннего «голоса разума» интонации и звучание прямо как как у моей мамы, что, честно говоря, немного стремно.

К тому же, мне не нужно чтобы он о чем-то «заботился». От него требуется просто потрясно выглядеть, пока я срываю с него одежду и…

Я потрясла головой и отвернулась к океану. Титул Зимней Леди приносил множество проблем. Одной из самых раздражающих было то, что случилось с моим либидо, которое и раньше не жаловалось на слабое здоровье. А сейчас я смахивала на кролика в период подросткового созревания. Я видела секс везде и всюду, даже там, где его не могло быть в принципе, и несмотря на все мои усилия не обращать на это внимание. Все это реально доставало и отвлекало от моей работы.

Двое жутко сексуальных Сидхе уставились на меня, все такие горячие и отвлекающие, но ни черта не делающие для того чтобы помочь мне сойти на берег или проявить себя в моей первой миссии для Королевы Воздуха и Тьмы. И так как последняя Зимняя Леди которая подвела Мэб закончила с пулей в своем черепе, я подумала, что лучше бы сейчас не облажаться.

Похоже, именно это она имела в виду, говоря о «первом впечатлении». Как только до меня дошел смысл этой вежливой угрозы, я почувствовала дрожь в коленях.

Ну хорошо…

Я призвала Зиму. Причем по-крупному. По мере того как сила Зимы вливалась мое тело, я давала бесконечно пустому холоду заполнить меня, стать частью меня, кружиться вокруг ледяным вихрем. Я позволила ей заморозить все — мои заботы о том, что произойдет, если я подведу Мэб, мое любопытство о том, что будет дальше, похоть, которую разжигали рулевые (которые я вдруг поняла, вероятно, были здесь специально для того чтобы проверить мою концентрацию и решимость).

А потом я выпустила эту силу наружу.

Всю свою жизнь (ее чародейскую часть), я при-

выкла быть прядильщицей паутины иллюзий и ментальной магии. Я была весьма искусна с обращением с тонкими материями, при явной нехватке той мощи, которую я видела в своем наставнике. Я заставила себя приспособиться к мысли о том, что мои действия всегда должны быть тонкими, косвенными, манипулирующими — что мне суждено владеть лишь такого рода магией.

Теперь это было совсем не так.

Треск, раздавшийся от поверхности воды был похож на громовой раскат. В этот момент, холод Зимы заморозил океан на десять футов в глубину и на полмили в каждом направлении. Яхта внезапно оказалась зажатой на одном месте, прекратив движение и качку.

Мне бы стоило провести пару расчетов для более точного результата, но, думаю, для этого маленького трюка ушел объем энергии примерно равный взрыву нескольких крупнокалиберных военных снарядов. Оба рулевых пялились на меня, явно неуверенные в том, что им стоит продолжать со мной свои маленькие игры.

Все верно, милашки. Рассердите меня, и я так вам врежу, что даже ваше детишки родятся все в синяках.

Я одарила их легкой солнечной улыбкой, перепрыгнула через бортовой поручень и пошла к берегу сквозь воющие ветра, прежде чем лед снова начал трескаться.

* * *

Они реально назвали город Неаляска, штат Аляска. Несмотря на первое впечатление, вызванное названием-оксюмороном (в лучших традициях сельского юмора), Неаляска показалась мне больше смахивающей на колонию в инопланетном мире, чем на деревню смертных. Она представляла собой скопление домов и предприятий вокруг Дач Харбора, прославившегося как центральный рыболовецкий порт на том самом шоу, где показывали опасности при ловле крабов.

Речь о настоящих крабах, а не о постельных утехах. Еще раз, речь о тех, что в воде. Блин, эта Зимняя Мантия ведет себя иногда так по-детски… Точно-точно, именно она, а не я.

Все здания были крепкими, приземистыми и небольшими — лучший способ противостоять непрекращающимся потокам ветра, снега, дождя и холодных океанских брызг, которые после выбрасывания их штормом на берег, превращаются в очередной слой, покрывающей побережье, ле-

дяной корки. Город был окружен нависающими, крутыми, грозными горами, на которых не было и следа человеческой деятельности. Поселение цеплялось за ограниченные плоские пространства у подножья гор, как какой-то лишай, упрямо висящий в тени большого камня. Если вы не смотрели на ледяное море, значит перед вашим взглядом было либо небо или холодные, безразличные и непримиримые горы. Небо над головой было нейтрально серого цвета, пока не обещая ни солнечный свет, ни шторм, но готовое предоставить и то и другое беспристрастной рукой и без ранних предупреждений.

Это место, не считалось привлекательным, добрым или милосердным к простым людям, и все же они здесь были.

Мы были. Здесь мы были.

Я пробиралась сквозь морозные ветры и полдюйма снега, который застыл во что-то между льдом и снегом и даже не дрожала.

Гарри Дрезден однажды предупредил меня о том, чтобы я не пыталась лгать себе.

Я старалась не задумываться об этом слишком сильно, пока шла сквозь бесконечные сумерки алеутской осени в город. Походу, я набросила на себя простенький гламур. Для начала понизила

уровень внешности с «ошеломляющей красоты» до «что-то обычное». Немного затемнила волосы и кожу (в последние дни они стали явно бледнее обычного). Ну и добавила несколько фунтов, так как до сих пор не восстановила «обычным способом» вес, потерянный во время своей игры в «мрачного темного супергероя» на улицах Чикаго, когда Гарри был по большей части мертв. Все в моем новом образе говорило ничем не примечательна. В завершение, на мою ауру был наложен легкий штрих, утверждающий, что я до жути скучный человек. Перемещаться с такой маскировкой на порядок легче.

Затем я открыла свои чувства, пытаясь отследить неуловимую фэйре, обитающую среди людей в Неаляске.

* * *

Ветер усиливался, неся с собой все больше дождя и снега, и, видимо, жители Неаляски это знали. На улицах никого не было, а малочисленные машины двигались украдкой, как мыши, убегающие с пути хищника. Я почувствовала струйку энергии, исходящей из низкого здания под названием «Простор» и пошла в его сторону.

Меня сразу окружила энергия переполненной, грубой забегаловки. Музыка вперемешку с

запахами пива, подгорелого мяса и дыма били мне в лицо, но еще худшее ощущение было от неожиданно нахлынувших в мою голову эмоций. Тут были и пьяный восторг, и пьяный страх, и пьяный угрюмый гнев, и пьяная похоть. В большинстве же, однако, присутствовали трезвые версии всех этих эмоций. Потоки разочарования и напряженности текли от одного «сервера эмоций» к другому (эти сервера мне представлялись перегруженными от постоянной подозрительности). Настороженность, идущая из угла комнаты несомненно принадлежала вышибале, а веселая жадность беззвучно гудящая над остальными, шла явно от владельца забегаловки.

Я чародейка, и специализируюсь на деликатной магии, а потому ужасно чувствительна к людским эмоциям. Оказаться посреди этой мешанины чувств — это как нырнуть с головой в «ну совсем не чистую» воду. Потребовалась пара секунд, чтобы вернуть баланс, приспособиться и зайти внутрь.

— Закрой дверь! — крикнул кто-то. Я заметила молодого человека с красным потрескавшимся от холодного ветра лицом. — Христос на небесах, я и так провел на холоде столько времени, что моим шарам понадобится несколько дней чтобы

разморозиться!

— Это чертовски многое объясняет, Клинт! — прокричал, под общий грубый смех, еще один мужик с дальнего края бара.

Закрыв за собой дверь, я попыталась проигнорировать угрюмый, раздутый гнев, излучаемый Клинтом. В его настроении было что-то очень неприятное. Когда дело доходит до эмоций, люди и монстры имеют много общего. Нужен ну очень «чужеродный» разум, чтобы найти в нем чувство, существенно отличающуюся от тех, что присущи обычному человеку — благо их до фига. Добавьте к этому влияющие на разум субстанции вроде гормонов и наркоты — и получите нереальное разнообразие различных комбинаций.

Но я без труда распознаю «сигналы», исходящее от рассерженного похотливого хищника.

Немного поизображав дрожь от холода, я протолкнулась к бару и кивнула берменше, выглядевшей, способной по приколу заломать медведя в свой выходной (если у нее вообще бывает выходной). Выложив немного наличных и получив взамен пиво я почувствовала жуткое ощущение, пробежавшее у меня по спине.

Сделав глоток пива (какая-то русская хрень, которая, на вкус варилась из пота Сталина и попала

сюда, сбежав из советского Гулага), я небрежно повернулась, и увидела Клинта, стоящего позади меня, примерно на три дюйма ближе чем надо. Его дыхание кстати, тоже ощущалось сильнее чем я могла выдержать.

— Я тебя не знаю. — сказал он.

— Вау. — ответила я.

— Чего?

— Это должно быть лучший «подкат» в истории, — сказала я, выпив еще немного пива. Скорее всего от этого на моей груди не начнет прокле-вываться со звуком «пинг» шерстяная поросль, но ощущение после глотка было именно таким. — Чего-то хотел?

— Я тебя не знаю, — повторил он. Его дыхание ускорялось, а глаза начали глянцево поблески-вать, что мне сразу не понравилось. — Тут все всех знают. Ты здесь новенькая.

— Но не заинтересованная. — ответила я, от-вернувшись.

Он тяжело сжал своей рукой мое плечо и раз-вернул меня назад.

— Я с тобой разговариваю.

Когда-то, такой неожиданный физический контакт вызвал бы у меня всплеск адреналина и жуткое сердцебиение от ощущения опасности.

Теперь же моя голова от гнева стала раскаленно-ледяной. Я почувствовала, как мои губы расходятся от моих зубов, обнажая оскал.

— Эй, тыковка, — сказал я. — Лучше отвали. Тебе не понравится, куда все это приведет.

— Ты должна пойти со мной — заявил Клинт и потянул меня к себе. А он силен. Хоть и шатается, но все же силен.

— Убери свою руку, пока я не вышла из себя, — сказала я весьма резким голосом, который, в принципе, должен был донестись до всех в этой комнате, перекрыв даже шум и музыку.

И реакция у всей комнаты была… практически нулевая.

А вот это было достаточно интересным. Обычно такие места переполнены обычными «синими воротничками». Здесь не найдешь много философов или интеллектуалов, зато тут много порядочных людей, которые без сомнения будут противостоять агрессору.

Вот только никто из них на меня не смотрел. Не одного взгляда со всего помещения. Все уставились на крошечный экран настенного телевизора, с настолько зернистым и размытым изображением, что я даже не могла сказать, какой спорт транслируют. Еще все вдруг сосредоточи-

лись на разглядывании своих напитков. Ну или случайных точек на стене. Забегаловка внезапно заполнилась кислым психическим эквивалентом запаха страха. Я встретилась взглядом с двумя мужчинами, стоящими рядом со мной у барной стойки, но они только посмотрели на барменшу, издавшую рвущийся из самой глубины души возглас: — О нет, только не это опять.

Чего? Неужели Клинт был настолько страшным?

Видимо, да.

Похоже, помощи ждать не от кого. Что значит, все зависит от меня.

— Ладно, давай повеселимся, — сказала я. — Начну считать от трех до одного, и если в тот момент, когда будет сказано «один» все еще будешь ко мне прикасаться, то я отправлю тебя на кушетку терапевта, где пробудешь до конца жизни.

— Со мной. — продолжал настаивать Клинт. Даже не уверена, понял ли он, что я что-то сказала.

— Три.

— Покажу тебе кое-что. — прорычал Клинт.

Два — следующая цифра была произнесена голосом Мэри Поппинс, готовящей кару для непослушных деток.

— Да — сказал Клинт. — Да. Покажу тебе кое-что…

— Оди… — начала я.

И не успела закончить отсчет. Какой-то человек схватил средний палец руки Клинта, (той, что была у меня на плече), зацепил остальные пальцы своей другой рукой и согнул плененный средний назад. Раздался щелкающий звук, как будто сломали мелкую ветку, и Клинт вскрикнул.

Новоприбывший двигался со спокойной эффективностью. В тот же момент, как Клинт смог повернуться к обидчику лицом, новый парень поднял ногу и сильно вдавил каблук вниз под углом к колену Клинта. Второй треск был громче, и Клинт грохнулся на пол кучей стонущего мяса.

— Не думаю, что даме нравится то, что ты делаешь — вежливым голосом сказал новичок. Он был немного выше среднего, может быть, на дюйм или два меньше меня, и сложен как гимнаст с полным набором твердых мускулов и тугих жил. Одет он был так же невыразительно, как и я, его черты были мрачно красивыми, а черные глаза сверкали лихорадочным, интеллигентным жаром.

А еще я его знала. Карлос Рамирес был чародеем и Стражем Белого Совета. Он был всего на пару лет

старше меня, горячее, чем целая мальчишеская группа, и я сразу захотела на него запрыгнуть.

Стопэ. Тихо, девочка. Только то, что ты Зимняя леди, вовсе не значит, что ты должна вести себя как твоя предшественница. Посмотри, куда это ее завело.

— Мисс? — спросил он меня. — С вами все в порядке?

— Да, все нормально.

— Я извиняюсь за это, — сказал он. — Некоторые вещи просто не должны происходить. Дайте мне пару секунд.

С этими словами, Карлос нагнулся, подцепил Клинта за шкирку и потащил его к двери. Клинт слабо отбивался и вроде даже нанес пару ударов, которые молодой чародей похоже даже не заметил. Дотащив Клинта до двери, Карлос бросил его в мокрый снег. Затем он снова закрыл дверь и повернулся к комнате.

Все смотрели на него. Музыкальный автомат изливался песней о разбитых сердцах, но разговоры в комнате полностью прекратились. Страх, который я почувствовала раньше, усилился. На мгновение все как будто заморозились, никто не двигался. Затем один из клиентов потянулся за своим кошельком и начал спешно выкладывать

на стол купюры, оплачивая свой счет. Все остальные последовали его примеру.

В течение пяти минут в помещении не осталось никого, за вычетом меня, чародея и барменши.

— Что, черт возьми, здесь произошло? — пробормотал Карлос, наблюдая, как уходят последние посетители. Он посмотрел через плечо на женщину за стойкой. — Этот парень сын шерифа или еще какая шишка?

Барменша покачала головой.

— Я закрываюсь. Вам двоим пора на выход.

Карлос показал зажатую между пальцами двадцатку.

— Может сначала пиво?

Барменша раздраженно посмотрела на него, шагнула налево и сказал: — Ты меня понял, мистер? Вам пора на выход. Вам обоим.

— У тебя там пистолет или дробовик под стойкой? — спросил Карлос.

— Не свалишь — сам узнаешь. — ответила владелица бара.

Страх, исходящий от нее, был тошнотворным, практически смертельным. Я покачала головой и сказала Карлосу:

— Наверно, нам стоит уйти.

— С неба падает дофига замороженной воды,

я голоден и все еще не выпил. — сказал Карлос. Он спросил барменшу: — Где еще здесь можно перекусить?

— «У Чарли», — ответила она мгновенно. — На другой стороне залива. Зеленая неоновая вывеска. Хорошие бургеры.

Карлос прищурился и изучил барменшу, как будто раздумывая что лучше: прислушаться к ее словам или доставить себе удовольствие и поступить с точностью наоборот.

Своим примером Гарри Дрезден оказал подобное ужасное влияние на слишком уж большое количество людей. И он должен за это ответить.

— Ладно, — сказал он мягко. — Мисс, не желаете ли присоединиться ко мне за трапезой?

— Это было бы прекрасно, — сказала я.

* * *

Итак, мы покинули бар и потащились по мокрому снегу.

Снег, падая на землю и тротуары, звучал как мокрая трещотка. Хотя это не было нужно, я все равно втянула голову в плечи, прижала подбородок как можно сильнее к шее, в общем приняла позу «сжалась от холода».

— Боже, вот это метет, — сказала я.

— Да ну? — поинтересовался Карлос.

— Тебе разве не холодно?

— Конечно, холодно, — ответил Карлос. — Но я полагал, что Зимняя Леди считает это приятным днём.

Я притормозила и уставилась на него на мгновение.

Он в ответ выдал внезапную, озорную ухмылку.

— Привет, Молли.

Я наклонила голову набок.

— Хм. Что меня выдало?

Он жестом указал на свои веки двумя пальцами.

— Мазь истинного зрения, — сказал он. — пробивает любые иллюзии гламура. У меня информаторы по всему городу. Когда они обнаружили одинокую молодую женщину, идущую с дальней стороны острова, я подумал, что стоит самому взглянуть.

— Ясно. — ответила я. — Карлос, скажи мне кое-что.

— Что же?

— Ты собираешься арестовать меня и отправить на суд Белого Совета? Потому что это в принципе не влезет в мое текущее расписание.

В прошлом у меня были некоторые пробле-

мы с Законами Магии, установленными Белым Советом. Проблемы из-за которых моя голова буквально слетела бы с плеч, не походатайствуй за меня Гарри. Но потом он типа как умер, и я осталась одна, вне его защиты. Стражи, в том числе Карлос Рамирес, охотились за мной. Я избегала их — всегда в движении, всегда настороже, всегда в ужасе, что кто-то из отряда жутких мужчин и женщин в серых плащах выйдет из прорехи в ткани реальности прямо передо мной и нанесет смертельный удар. Такая сцена регулярно повторялась в моих ночных кошмарах.

Но они так меня и не поймали.

— Молли, не смеши меня — фыркнул Рамирес. — Уж поверь — если бы мне понадобилось тебя найти и представить перед грозными очами Совета, то это уже было бы сделано. Я даже саботировал работу некоторых оперативников, посланных тебя арестовать.

— И зачем ты это сделал? — спросила я, нахмурившись.

Потому что ты нравилась Гарри. — последовал спокойный ответ. — Потому что он считал, что ради тебя стоит сунуть свою шею в петлю. Кроме того, у меня своя территория, а здесь, несмотря на отсутствие Стража, ты устроила Фоморам

настоящий ад.

Они были не единственными чувствующими себя как в аду. Мне тоже было не слишком весело.

— Почему же тогда Совет не назначил замену?

— Они пытались. Но не смогли заставить кого-нибудь добровольно взять занимаемую Дрезденом должность Стража Среднего Запада.

— Интересно, почему нет?

«Слишком много проблем, слишком мало Стражей, — ответил Карлос. — Когда Фомор начинают свои безумства мы увязаем в делах по горло и продолжаем погружаться. К тому же, все, кого Совет просил, хорошо знали Гарри, и никто не хотел унаследовать врагов, которых он себе завел.

— Итак, для полной ясности, — сказала я, — ты здесь не для того, чтобы меня повязать.

— Все верно, мисс Карпентер. Теперь, когда вы член королевской семьи, этот арест будет… несколько затруднителен. И, честно говоря, у меня нет ни малейшего желания пересекать дорогу Мэб. Вообще когда-либо.

— Тогда зачем ты здесь? — спросила я.

Мальчишеская улыбка промелькнула на его лице, и что-то внутри меня слегка дрогнуло.

— Возможно, я просто хотел встретиться с но-

вой королевой Зимнего двора, — сказал он.

Я взмахнула своими ресницами.

— Ты мне не доверяешь, Карлос?

Улыбка немного поблекла, а затем скривилась.

— Это не личное, Молли. Судя по тому, что я слышал, ты являешься суверенным исполнительным органом иностранной сверхъестественной нации, которая находится в формальных и нестабильных отношениях с Белым Советом.

Я почувствовала, как усмехаюсь его ошибке.

— Значит, это дело Совета, — сказала я.

Его губы сжались в тонкую линию.

— Без комментариев.

— Так официально», — сказала я. — Что ты думаешь об этой сцене в баре?

— Странно, правда?

— Знаешь, что я задумываю сделать?

— Развернуться назад и исследовать место, чтобы понять отчего все вдруг свалили?

Я подмигнула ему.

— Собиралась сказать: «Найти теплое место, чтобы пообжиматься», но, конечно, мы можем сделать то, что ты предлагаешь.

Карлос несколько раз моргнул.

Вообще-то, я тоже моргнула.

Последние несколько лет были тяжелыми. Я

привыкла отгораживаться от людей. Мое либидо практически скукожилось от неиспользования. Я едва могла позволить Гарри приблизиться ко мне. И вот я здесь, флиртуя с офигенно симпатичным Карлосом Рамиресом, как будто я была девушкой, которой нравится флиртовать.

Я помню эту девушку. Раньше я была этой девушкой. Это тоже было частью того, что сделала Маб для меня, когда устроила мое возвышение, чтобы стать Зимней Леди? Потому что, если это так…

То мне это нравилось.

Должно ли это пугать меня? Решила, что не хочу об этом беспокоиться. Какое же облегчение снова ощущать подобные ощущения.

Я поджала губы, легко чмокнула Карлоса и повернулась, чтобы вернуться в забегаловку. Ему потребовалось около пяти секунд, чтобы начать следовать за мной.

* * *

Мы нашли укромное место рядом около здания с видом на «Простор». Я подняла завесу, чтобы убедиться, что нас не заметят, и мы принялись ждать.

Это не заняло много времени. Минут через пять-десять по дороге спустилась тихая колонна

людей, двадцатка сильных человек, хрустевших по полузамерзшему мокрому снегу. Их возглавлял Клинт вместе с другим мужчиной, очень высоким и худощавым типом в капитанской фуражке, с дублёной кожей и пустыми, невыразительными глазами мертвой рыбы. Они промаршировали к «Простору» и вошли внутрь, аккуратно, как военная часть на параде. Ни один за всё время не сказал ни слова.

— Ха, — выдал Карлос. — Вот ни капельки не странно.

— Без шуток. Кабак проклятых.

Я нахмурилась.

— Они похожи на местных?

— Водонепроницаемые сапоги и плащи, — сказал он. — Вероятно, рыбаки.

— Типа, из команды Клинта? Члены экипажа приходят подраться в кабацкой потасовке ради других товарищей по команде?

— Я похож на кого-то, кто в курсе подобных дел? Я из Лос-Анджелеса. — Он почесал нос. — Вопрос, который меня мучает заключается в следующем: разве есть люди, которые готовы сражаться ради такой задницы, как Клинт? — Он прищурился. — Можно тебя кое о чем спросить, Молли?

Я усмехнулась ему.

— Думаю пока рановато для предложений руки и сердца, Карлос.

В темноте было трудно сказать, но думаю, что его щеки немного покраснели. На самом деле это было восхитительно.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Общаюсь с Миксани, — сказала я или попыталась сказать. К моему сильному удивлению, было произнесено следующее: — Болтаю с потенциальным партнером по поцелуям.

— Я серьезно. — поморщился Карлос.

Я пыталась сказать Миксани, но получилось «Как и я».

— Ладно, — сказал он. — будь по твоему.

Что за хрень со мной творится? Разве что… Это часть Закона Зимы.

У Зимнего Двора Фэйре был железный свод законов, составленный самой Мэб. Он работал не как закон смертных. Нарушив его, вы не отгребали наказание. Вы просто не могли его нарушить. Вообще. Физически на такое неспособны. Когда Мэб издает закон, существа из ее Двора подчиняются ему, хотят они этого или нет. Правила прописываются у них «на подкорке», и нужно приложить немало усилия, чтобы просмотреть эти правила на уровне сознания. Я медленно

вздохнула и поняла, что любой из Потаенного Народа Зимнего Двора имеет право на личную неприкосновенность и не может быть выдан смертным или кому-либо еще без предварительного согласия.

Я выдохнула сквозь зубы.

— Это не личное. Я не могу об этом говорить.

Он на мгновение нахмурился.

— А как насчет сделки?

— Я покажу тебе свое хозяйство, а ты мне свое? — спросила я. — Мне нравится ход твоих мыслей.

— Вау, — сказал он, и теперь я был уверена, что его щеки пылают. — Вау, Молли. Это не… Не… Ты можешь хоть на минуту отнестись к этому серьезно?

Я улыбнулась ему, и тут же поняла, что сделка изменила все в отношении правил. Сделки должны были быть сбалансированы в правильных пропорциях и в схожей монете. Это тоже был Закон Зимы. Если Карлос скажет мне, зачем он здесь, я бы могла больше поведать о своей реальной цели.

— Договорились. — сказала я.

— Мы получили сообщение от Элейн Мэллори через Паранет, — начал Карлос, наблюдая за вхо-

дом в «Простор». — Смутные описания странной атмосферы и нетипичной деятельности здесь, в Неаляске. Пропадающие без вести люди, непонятное поведение, дисбаланс энергий — и все такое в этом роде. Кто-то должен был это проверить.

— Хм…

— Твой черед.

— Меня прислала Мэб. Я здесь чтобы взыскать долг.

Секунду я почти физически чувствовала на себе его взгляд.

— Ты… Мытарь Мэб?

— Мытарящая. И вообще, думаю это ближе к сборщику налогов.

— Они просто мытари для правительства. — ответил он. — Что же случилось? Кто-то из Миксани выбесил Мэб?

Мои брови приподнялись.

— Ты знаешь о них?

— Очевидно. Я ж чародей. Блин, Молли, за кого ты меня держишь?

Я почувствовала, что улыбаюсь.

— Это внутренние дела Зимнего Двора.

Он кивнул.

— Мне кажется, что, если здесь есть племя Фейре, они, вероятно, знают гораздо больше о

странных вещах, происходящих в их городе.

— Звучит разумно.

— Похоже, мы оба выиграем от взаимного сотрудничества, — сказал он. — Если я помогу тебе с твоей работой, возможно, ты сможешь помочь мне с моей.

Помощь от смертного на моем первом деле? Мэб это не понравится.

С другой стороны, я была уверена, что когда дело доходит до моего «вписывания» в роль Зимней леди, Мэб не нравится куча того, что я делаю. Может сейчас она более-менее привыкла к моему «стилю».

— Думаю, это может сработать. — кивнула я. — Но сначала ты поможешь мне с моим делом.

— Молли, — сказал он, кладя свою руку себе на грудь. — Ты меня обижаешь. Неужели думаешь, что я тебя кину?

— Нет, если мы сначала сделаем мою работу, — сказал я сладко. — Ты уже достаточно знаешь Зиму, чтобы знать, что я сделаю то, о чем говорю.

— Да. — он протянул мне руку и спросил: — Мы заключили сделку?

Я потянулась к его руке, но, похоже, по Законам Зимы рукопожатия недостаточно. Поэтому я

притянула его к себе за руку, прижалась и нежно поцеловала в губы.

Внезапно ничего в мире больше не имело значения. Вообще ничего. Только мягкий жар его губ на моих губах, его короткий вздох от неожиданности, а затем внезапный пыл в ответном поцелуе. Что-то задрожало внутри меня, дрожь от волны удовольствия, похожей на звуковую волну от огромного колокола. Поцелуй был символом. Для подобного эффекта обе стороны должны были желать этого поцелуя.

Спустя некоторое время поцелуй закончился и мои губы чуть оторвались от его губ. Я сидела, учащенно дыша, с полуоткрытыми глазами, смотрящими в никуда. Мое сердце колотилось и посылало вспышки желания, пробегающие по всему телу, беря начало внизу живота.

Я не была уверена, что это, черт возьми, со мной происходит, но это было невероятно… правильно.

Наверное, это должно было несколько меня напугать.

Карлос открыл глаза, которые светились ярким пламенем.

— Сделка заключена, чародей. — прошептала я. Затем, вздрогнув, я поднялась и отступила от

него, пока мой рот не решил, что стоит снова попробовать на вкус его губы. — Приступим.

* * *

Я утихомирила свое желание, тихо пробормотала: «Какусу», — и накинула на нас лучшую завесу, которую могла создать — то есть экстра класса. Это была одна из первых вещей, которым я научилась, и у меня это получалось хорошо. Свет вокруг нас слегка потускнел, и мы исчезли из виду любого, кто не стал бы использовать сверхъестественные способности, чтобы обнаружить нас. Смесь из мокрого снега и дождя могла бы стать проблемой, так как любой, кто внимательно приглядится, задастся вопросом, почему эта смесь отскакивает от пустоты в воздухе. Но совершенства не существует, не так ли?

Я кивнула Карлосу, и мы незаметно пересекли улицу по направлению к Простору. Здание, которое больше полугода засыпано снегом, не нуждается в большом количестве окон. Здесь их было два. Оба находились рядом, утоплены в стену и довольно высоко, чтобы свет мог попадать внутрь.

Мы оба схватились за скользкие подоконники, подтянулись и заглянули внутрь бара.

Рыбаки стояли в две параллельные шеренги

лицом к бару. Их тощий вождь в шляпе капитана смотрел на барменшу, которая стояла за стойкой, сжимая тряпку, словно какой-то бесполезный талисман. Ее лицо побледнело и было покрыто каплями пота. Она дрожала так сильно, что казалось, что она сейчас упадет, и она достаточно громко, так что было слышно даже за окном не смотря на мокрый снег, продолжала повторять одну и ту же фразу, «Я не знаю, я не знаю, я не знаю, я не знаю, я не знаю».

Капитан рыбаков сделал шаг вперед к ней, и напряжение на ее лице немедленно увеличилось, наряду с громкостью и отчаянием ее голоса. «Я не знаю, я не знаю, я не знаю!»

«Ментальный допрос», — отметила я. Вторжение в разум человека было чудовищным преступлением. Он наносил неисчислимый ужасающий урон не мозгу физически, а их сознанию. Ощущения, которые он вызывал, технически назывался болью, но это слово не соответствовало действительности. Если бы кто-то копался в вашей голове достаточно долго, он сделал бы вас бездумным овощем или неизличимым безумцем.

Я это знала, потому что сама делала это. У меня были самые благородные намерения в мире, но я

была моложе, тупее и полна уверенности в себе, и люди пострадали.

Рычание прорвалось вместе с выдохом Карлоса. «И мы имеем нарушение Третьего закона. И это никоим образом не случайность или даже действие из лучших побуждений».

«Исходя из того что он смертный», — прошептала я. «Если же нет, то эти законы к нему не применимы».

«В любом случае оторву ему его голову».

«Круто», — произнесла я, — «а кто он?».

«Кого это волнует?»

«Что он здесь делает?»

«Нарушает законы».

«Хмм», — продолжила я, — «интересно как много у него друзей?»

Периферийным зрением я увидела, как у Карлоса заходили желваки, а потом он расслабился. Я посмотрела на него и увидела, как он успокоился, подавив свой гнев, и слегка покачал головой. «Я уничтожу его. Как только я узнаю, кто он такой, сколько у него друзей и что он делает в этом городе».

«Оу», — невинно произнесла я, — «А это не то же самое, что ты изначально имел ввиду?»

Он начал было отвечать, когда его пальцы со-

скользнули с подоконника и он упал.

Он не произвел много шума. Небольшая царапина на стене и глухой стук, когда он ударился о землю, — но голова капитана повернулась минимум на сорок пять градусов вокруг оси, слишком большой угол для человеческой шеи, а его глаза сузились. Он замер на пару секунд, а затем повернулся на каблуках и пошел к двери.

«У нас компания», — прошипела я Карлосу, тихонько спустившись на землю от окна. Мои ноги не скользили по льду, потому что здесь Королева Зимы, между прочим. Я быстро подошла к нему и присела, слегка положив руки на его грудь. «Оставайся на месте и не двигайся. Я прикрою нас».

Он быстро посмотрел на мои руки, перевел взгляд на меня, затем выражение его лица стало сосредоточенным и он снова лег на покрытую мокрым снегом землю.

Я сделала максимально все, что умела, чтобы усилить скрывающую нас завесу. Капитан вышел из Пролома и огляделся, и я впервые взглянула так близко на этого человека.

С ним явно что-то было не так. На первый взгляд могло показаться, что его подвергли воздействию холода, ультрафиолетового излучения и соленой воды, которая замерзла. Но при этом

трещины на его коже были слишком острыми, а покрасневшие участки были слишком яркие для такого воздействия. На мгновение меня настигло ужасающее впечатление, что его кожа пыталась вместить слишком много массы, как переваренная сосиска. В его глазах было то, что выглядело как начало катаракты — только при этом их края дрожали и качались, как живые существа.

Даже по моим стандартам это было довольно странно.

Уровень странности был сравним с хентай, когда мужчина открыл свой рот, а затем открыл его еще немного шире, а затем открывал его до тех пор, пока его челюсть не отворилась, как крышка сундука, и извивающийся клубок пурпурно-красных щупалец не начал дергаться в воздухе, словно пытаясь зацепиться за запахи.

Я почувствовала, как мой рот растягивается в широкую улыбку. Шторм с мокрым снегом был ужасным местом для охоты на запахи. Я не могла бы рассказать, откуда я это знала, но я знала это точно так же, как знала, что он не заметил моего полога. Как бы там ни было, это была не его территория, а моя.

Щупальца втянулись внутрь движением, как у лягушки, которая втягивает язык. Капитан

переступил с ноги на ногу, на мгновение вглядываясь по сторонам в ночь, а затем повернулся и шагнул обратно в бар. Мгновение спустя вся странная безмолвная колонна рыбаков, включая Клинта, вышла из бара и спустилась с холма к гавани. Клинт шел, ступая поврежденной ногой, как обычно, будто его не особо беспокоило, что колено вывернуто вовнутрь.

«Что за черт?», — выдохнул Карлос, когда они ушли, — «что это такое было?»

«На самом деле?» — спросила я его. Из моего живота вырвался абсолютно безумный смешок. «Это была самая большая срань, которую я когда-либо видела до сих пор так близко». Я посмотрела на него сверху вниз, приложил руку ко рту и издала булькающие звуки, покачивая пальцами, как щупальцами.

И вдруг я осознала, что оседлала Карлоса Рамиреса. И что он пристально смотрит на меня своими черными глазами и что я мону смотреть в ответ очень, очень долго.

«Знаешь, что я хочу сделать?», — я задала ему вопрос.

Он облизнул губы и затем взглянул на удаляющуюся группу. «Последовать за ними?»

«Да, именно», — сказала я, сглотнув. «Последо-

вать за ними. Мы также можем и это сделать». Я встала и помогла ему подняться.

«Подожди, что?»

«Я флиртую с тобой, дурачок», — сказала я и улыбнулась ему. «Что, ты не умеешь работать и подшучивать одновременно? После всего твоего хвастовства?»

Он поднял руку, закрыл глаза и потер свою переносицу. «Я Dios. Это… совсем не то, что я ждал этим вечером. Подожди-ка».

Он нырнул за угол Простора и через мгновение появился с небольшим набором снаряжения. Через несколько секунд он надел серый плащ Стражей Белого Совета и застегнул пояс с оружием, на одной стороне которого был меч, а на другой — большой пистолет.

«Мечи и пистолеты», — сказала я, — «Круто и сексуально». Затем, подобрав край плаща, поморщилась. «А вот это… уже не круто».

«Стражи делают много хорошего», тихо проговорил он. «То, что мы делаем не всегда красиво, но это необходимо делать». Он кивнул в сторону удаляющихся капитана и его команды.

«Как те… вещи. Кто-то должен что-то сделать». Он слегка улыбнулся, когда двинулся за ними. «Ты и Дрезден не можете быть везде».

Я ненадолго внимательно пригляделась к нему. «Ты хромаешь», — заметила я. Это было слабостью и бросилось мне в глаза. Почему-то не заметила раньше.

«Видела бы ты меня с месяц назад», — сказал он. «Едва мог встать со стула. Чупакабра атаковала меня со спины. Идем».

Теперь я могла увидеть боль в его движениях и рефлекторно это проанализировала. Его спина была слишком напряженной, гораздо сильнее, чем раньше. Похоже, падение из окна разбередило не зажившие до конца раны. Можно использовать это против него.

Хотелось бы, чтобы подобные мысли не приходили ко мне так естественно, но после нескольких месяцев борьбы с фоморами на улицах Чикаго, месяцев под руководством Леанансидхе, такие мысли стали моей второй натурой.

Я скрестила руки чтобы избавиться от появившихся мурашек (вызванных отнюдь не погодой) и поспешила вслед за красивым молодым Стражем.

* * *

Погода продолжала ухудшаться, когда мы достигли набережной. Это было недалеко от Простора, но далеко становится относительным

понятием, когда яростный холодный ветер несет с собой вверх по склону (как раз в наши лица) мокрый снег и ледяные брызги. Меня это освежало, было даже немного приятно. Но ради духа товарищества и определенно не потому, что я хотела скрыть свои растущие уровни странности от Карлоса, я подражала Стражу: наклонила голову против ветра и поджала плечи, одновременно обхватывая свой живот.

— Кто же будет жить здесь? — прорычал Карлос, дрожа.

— Люди которые достаточно умны, чтобы оставаться дома в такую погоду? — предложила я. — Паразиты с щупальцами? Упрямые волшебники? Ты приехал на Аляску, но не ожидал холод?

Он не мог по-настоящему закатить глаза, пока его ресницы неуклонно покрывались льдом, но он честно попытался.

— Может, такая погодка будет в самый раз для ваших покоев Ваше Высочество.

Я сверкнула в его сторону улыбкой, и мы продолжили следовать за капитаном и его командой. Они не тратили впустую время, возвращаясь к пристани на набережной и садясь на корабль с написанным на его корме названием Бетси Ли. Они подняли трап, кстати, достаточно ловко, и

пошли на нижние палубы, без каких-либо колебаний или взглядов назад — причем все это в полной тишине.

Мы еще немного посмотрели, потом Карлос кивнул.

— Я раздумываю о «случайном» взрыве топлива. Лодка мгновенно сгорает в воде, прихватывая их с собой.

— Вау. — ответила я.

— Не прямо сейчас. Пока я не уверен, что там только они. Просто думаю о будущем.

Я посмотрела вверх и вниз по набережной (ну то что можно были охватить взглядом из-за погоды).

— Ну, мы точно не сидим здесь всю ночь, присматривая за лодкой.

Также мы не могли спокойно перемещаться по Бетси Ли, учитывая весь этот лед на палубе.

Хотя, вообще-то, я могла.

— Пойду-ка осмотрюсь, — сказала я. — Скоро вернусь.

— Эээ… — отреагировал Карлос. — Чего? Молли…

Проигнорировав его, я проворно пробежала небольшое расстояние до дока, спустилась по нему, а затем легко запрыгнула на палубу ко-

рабля. Мои ноги не скользили, а позвоночнику непрерывно пробегала дрожь. Я подвергла себя опасности, ступив на территорию явно опасного хищника, и это было офигенным ощущением.

Именно это произошло с Мейв? Неужели она слишком полюбила чувство опасности? То есть, она потратила годы, бросая вызов чертовой Мэб. Что может быть еще опаснее?

Я тряхнула головой и начала разведывать корабль, полагаясь на свои инстинкты. Гарри всегда был хорошим источником советов о проблемах. В конце концов, он имел дело с ними на постоянной основе, и, по его опытному мнению, если у вас одна проблема, то у вас проблема. Но если у вас несколько проблем, то у вас также может быть и возможность. Одну проблему, утверждал он, часто можно использовать для решения другой, и у него были истории о зомби-тиранозавре, для аргументации этого заявления.

У Миксани было несколько столетий безупречной репутации, в плане выплаты дани уважения Мэб. Они прекратили всего несколько лет назад. Какими бы разнообразными и непостоянными ни были существа Фэйре, они редко делали что-либо без причины. И, о чудо, в этом самом маленьком городке, находящемся в еще большем захолустье,

чем любой другой маленький городок, который я когда-либо видела, странные тентакливые твари устроили свою Империю Тихого Ужаса.

Шансы, что эти два факта не связаны? Вероятно, близки к нулю.

Я не хотела испытывать судьбу в замкнутых пространствах под палубами — если дело дойдет до конфронтации я буду в проигрышном положении. Так что я по-быстрому исследовала палубу, мостик и хранящиеся на нем рыболовные принадлежности, шагая как можно легко и тихо. Как раз перед тем, как решить снова уйти я заметила его: одинокое темное перо, блестящее от опалесценции, зажатое между двумя металлическими рамами, которые похоже были ловушками для крабов, подготовленными к закидыванию в море.

Ощутив небольшой прилив триумфа, я взяла перо и легко спрыгнула обратно на палубу и через пару мгновений вернулась к Карлосу, сунувшим свой пистолет обратно в кобуру. Он был готов начать стрелять, если у меня возникнут проблемы. А еще говорят, что джентльменов сейчас не осталось.

— Что ты нашла?

Ухмыльнувшись, я показала свою добычу.

— Перо?

— Не просто перо. — ответила я. — Перо баклана.

Он вылупился на меня.

— Откуда ты это знаешь?

Я не хотела говорить что-то вроде Погуглила это в Законе Зимы, но Мантия Силы, которую я унаследовала от Мейв, знала все о подданных Мэб, и знания, которые содержались в Мантии, проникли и закрепились в моей голове на уровне затверженных с детства уроков.

— А ты как думаешь? — спросила я вместо этого.

Легонько стукнув себя косташками пальцев по голове и он кивнул.

— Ну разумеется. Миксани.

— Элементарно, Ватсон, — сказала я, подмигнув ему, прежде чем начать идти. — Предлагаю тебе захватить свой пистолет, на всякий случай.

— На какой случай? — спросил он, поворачиваясь, чтобы последовать за ним.

— На случай, если Мискани решат, что они не в настрое для компании.

* * *

Залив Илиюк — прекрасное место протяженностью в четыре мили, а это весьма длинная

береговая линия. Нам пришлось пройтись вдоль залива, чтобы добраться до той части Неаляски, которая была физически дальше всего от дока, где пришвартовалась Бетси Ли. Погода перестала ухудшаться и остановилась на уровне «мучительно и мокро». Карлос, натянув капюшон своего плаща, стоически шел вперед.

Это заняло время, но мы добрались до бревенчатого здания на окраине города, на котором была надпись «Рыбный рынок Неаляски». Пара бакланов — большие темные морские птицы — сгрудились на выступающем бревне в углу здания, частично укрываясь от ночи под карнизом крыши здания. Я чувствовала на себя взгляды их темных, ярких глаз, пока подходила к затемненному зданию, но я не шла к двери. Вместо этого я направилась прямо к птицам.

— Приветствую Миксани от имени повелительницы Арктис Тор, — формальным тоном сказала я. — Я, ее назначенный представитель, по праву пришла за данью для Зимнего двора. Думаю, встреча с вашими старейшинами может принести положительные результаты всем участвующим сторонам.

Птицы пристально на меня уставились. Затем, их взгляды одновременно устремились на

Карлоса.

Он поднял руку и сказал.

— Страж Рамирес из Белого Совета Чародеев. Я прошу прощения за то, что появился в последнюю минуту, но я пришел с миром и был бы признателен за встречу с вашими старейшинами.

Две птицы пялились на него пару мгновений, потом посмотрели друг на друга. Одна из птиц исчезла в ночи.

Другая взмахнула крыльями, спланировала на землю недалеко от нас и замерцала. Секунду спустя баклан исчез, и на месте, где он был мгновение назад, сидела совершенно голая молодая женщина. У нее была бронзовая кожа и миндалевидные глаза человека с щедрой порцией крови коренных американцев в жилах, ее волосы были темными и блестящими, со слабыми вспышками опалесценции в них и длинной почти превышающий ее рост, Она не могла быть старше меня, и была скроена, как пловец — вся из гибких мышц и изгибов.

Взгляд ее агатовых глаз был тяжелым. Кипящий гнев расходился от нее волнами.

— Сейчас? — спросила она меня. — Ты пришла только сейчас?

Я типа новичок в этих делах, — сказала я. — И

это вообще-то моя первая остановка. Я Молли, новая Зимняя Леди.

Девушка прищурилась, буравя меня взглядом. Она молчала целую минуту, прежде чем процедила.

— Науя.

— Рада знакомству, Науя. — сказала я.

Простая шутка вызвала в ответ подозрительный взгляд и настороженный прищур. Судя по всему, Мейв произвела на местных жителей нехилое впечатление. Эта девица была той еще штучкой.

— Мне нечего тебе сказать, — тон Науи был аккуратно-нейтральным. Она повернулась к Карлосу и наклонила голову в жесте, напоминающем вежливое приветствие, только намного жестче. — Чародей Рамирес. Мы слышали о тебе, даже здесь. Ты совершил немало для своего юного возраста.

Карлос улыбнулся ей легкой и уверенной улыбкой.

— Просто подожди, пока я не стану достаточно взрослым, чтобы получить водительские права.

Науя секунду смотрела на него, а затем резко посмотрела вниз, ее щеки покраснели на несколько оттенков. Не то чтобы я могла ее винить. Карлос

был чертовски мил, и он реально умел целоваться. Мои губы слегка покалывали в памяти, и я сложила руки так, чтобы получилось незаметно потереть рот.

Где-то, через три минуты дверь на рыбный рынок открылась, и ненастная ночь чуть озарилась от света свечей. Науя сразу встала и вошла внутрь. Внутри стоял молодой человек примерно ее возраста, одетый в тяжелую фланелевую робу. Он достал еще одну подготовленную робу и осторожно обернул ее вокруг плеч Науи, прежде чем кивнуть нам и отойти в сторону, чтобы мы могли войти.

Мы вошли, и молодой человек закрыл за нами дверь. Потребовалось несколько секунд, чтобы наши глаза привыкли к слабому свету свечей, после чего я поняла, почему Миксани были так расстроены.

У них сейчас была середина похорон.

Мертвый мужчина средних лет, достаточно похожий на Наую, чтобы быть ее отцом или дядей, лежал на столе посреди комнаты. Он был одет в комбинацию из практичной современной одежды и местного наряда, сделанного кажется, из шкуры тюленя, богато украшенного бисером и слоновой костью. Его руки были сложены на гру-

ди, а под ними лежал костяной нож или какой-то наконечник копья. Науя и ее коллега-мужчина заняли позиции по обе стороны от женщины среднего возраста, стоявшей рядом с телом, выражение ее лица было искажено горем. Трое из них смотрели на меня с надеждой.

Карлос подошел ко мне настолько близко, что мы почти соприкасались. Умышленно подтолкнув меня бедром, он посмотрел на стропила маленького здания рынка.

Десятки ярких глаз пялились на нас. Я не могла сказать, сколько бакланов скрывалось на стропилах, но они были повсюду и ждали с молчаливым терпением хищников.

Я перевела свой взгляд от них к старшей женщине, стоящей передо мной.

— Я — Молли, новая Зимняя Леди, — сказала я, надеюсь, почтительным и спокойным тоном. — Я пришла за данью.

— Я Алуки. — тихо сказала женщина. Она указала на похоронное лежбище. — Это мой муж, Тупиак. Мы обратились к вам за помощью несколько лет назад.

— Как понимаю, помощь не пришла.

Алуки уставилась на меня. Науя выглядела так, словно хотела броситься и вырвать мне глаза.

— Что ж, прошение дошло до адресата, и теперь я здесь, — сказала я. — Давайте все уладим.

— Откуда тебе знать о наших бедах — произнесла Алуки.

— Я знаю, что их корень на Бетси Ли — ответила я.

Глаза Науи внезапно стали огромными и черными, она почти трепетала, стоя на месте.

Карлос встал между нами и почтительно кивнул.

— Старейшина Алуки, я Страж Рамирес из Белого Совета Чародеев. Мы осведомлены о трудностях в этом месте. Я здесь, чтобы помочь. Если мои услуги пригодятся в деле восстановления баланса у Миксани, то буду рад их предоставить.

Алуки склонила голову перед Карлосом.

— Мы не богаты, Страж. Я не могу просить вашей помощи.

Разумеется, нет. Миксани были из Зимнего Двора, а Фэйре никогда не давали и не принимали подарки или услуги без равноценного обмена. Весы обязательств всегда должны были оставаться в равновесии.

— Не нужно, — ответил Карлос. — Я заключил сделку с леди Молли, которая уже предложила оплату от вашего имени.

О, со стороны Карлоса это был отличный жест. И он сработал. Алуки еще раз задумчиво посмотрела на меня, а потом кивнула.

— Моя предшественница, — сказала я, — не смогла ввести меня в курс всех своих обязательствах до того, как она умерла. Пожалуйста, расскажите, как Зима может помочь вам.

— Нет. — прошипела Науя, устремляясь ко мне.

Алуки, глядя на меня, остановила поднятой рукой младшую Миксани. Затем она сказала:

— Наш враги восстали из глубин и обрели смертные оболочки. Каждый сезон они забирают кого-то из нас.

— Забирают? — спросил Карлос. Он кивнул в сторону мертвого Миксани. — Примерно так?

Алуки покачала головой, говоря ровным, утомленным тоном.

— У врага есть сила. Наши люди выживают, прячась среди смертных. Мало кто из нас воин. Только Тупиак, Науя и Куник имели возможность бросить вызов врагу. Они пытались спасти тех, кто был взят. Они потерпели неудачу. Мой муж был ранен и не выжил.

— Ваш враг держит пленников? — спросила я. — Прямо сейчас?

Она кивнула.

— На корабле на нижней палубе. Пока они в плену, дани не будет.

— Что ж, тогда — сказала я, переглянувшись с Карлосом. Он оскалился в волчьей улыбке и кивнул. Кивнув в ответ, я продолжила, глядя на Алуки. — Мы со Стражем собираемся увести их оттуда.

Она подняла подбородок.

— Вы можете сделать это?

— Я могу. — сказала я. — И сделаю.

Как только эти слова были произнесены, в воздухе раздался слабый бум, и я почувствовала, как что-то щелкнуло где-то в моей голове. Мною только что было дано обещание.

А Зима держит свои обещания.

Алуки на мгновение уставилась на меня, затем осела, склонила голову и кивнула.

— Да будет так.

— Ваши люди, которых захватили, — спросила я, — как мне их узнать?

Науя оскалилась и прорычала сквозь зубы.

— Они забрали наших детей.

* * *

— Блин, я обожаю работу героя — сказал Карлос, когда мы вышли обратно в шторм. — Никакой

мутной серой зоны, никаких мучительных вопросов, никакой противоречивой морали. Плохие парни забрали детей, и мы идем их освобождать.

— Верно? — спросила я его и кивнула. — Должно быть, так все время чувствовал себя мой отец.

— У Рыцарей Креста никогда не бывает заданий, которые они ставят под сомнение? — спросил Карлос.

— Думаю, они задаются другими вопросами. Для папы это всегда было для спасение всех. Не только жертв. Он также должен был попытаться спасти и монстров.

— Странно. — сказал Карлос.

— Не так уж странно. Быть может, предложи кто-нибудь руку помощи монстрам, то они бы не стали монстрами. Ты понимаешь?

— Вот уж нет. Наверное, я видел слишком много монстров. — Он переместил свой оружейный пояс в более удобную позицию на бедрах и снова завернулся в плащ. — Или слишком много жертв. Не знаю.

Наши шаги хрустели в мокром снегу, и на фоне этого вкупе с шумом от еще большего количества мокрого снега и грохота волн на берегу я почти не услышала его следующие слова.

— Около шести месяцев войны, — говорил он,

— я носил с собой клещи, чтобы забирать зубы вампира в качестве трофеев. Вот как сильно я их ненавидел.

Я ничего не сказала. Карлос, как и многие другие молодые Стражи Совета, был крещен в пламени битвы. Гарри говорил об этом однажды, делая все возможное, чтобы защитить меня от войны. Он чувствовал себя ужасно, ведя группу детей, как он это видел, в порочный конфликт между Белым советом и Красной Коллегией.

Я чувствую, что протаскиваю их через мясорубку. Даже если они придут домой целыми.

— Ты ненавидел их. А потом они исчезли — сказала я.

— Пуф — ответил Карлос. — Война окончена. — Он покачал головой. — Odium Interruptus. А потом предполагалось вернуться к обычным делам. Просто двигаться дальше. Только я так и не понял, как это сделать. И половина бараков в казармах была пуста.

— Части тебя этого не хватает, — сказала я.

Его губы сжались, хотя это была не улыбка.

— Мне не хватает определенности, — сказал он. — Я скучаю по тому, как близок я был с отрядом. Без остального, в основном, я могу обойтись. — Он взглянул на меня, а затем отвернулся. — Работа

Стражей не всегда проста. Или чиста. Я делал то, чем не горжусь.

— Кто из нас не делал этого? — сказала я.

Мы прошли молча еще несколько шагов. Затем он сказал:

— Как только мы разберемся с этими детей, я хочу снова тебя поцеловать.

В моем животике произошел маленький веселый кульбит, а мое сердце ускорилось, чтобы составить компанию.

— Да ну? А что, если я не хочу?

Он посмотрел на меня весьма прямым и напряженным взглядом. Его глаза были темными, сексуальными и отважными.

— Ты хочешь. — сказал он.

Он не ошибся.

* * *

Мы подобрались к Бетси Ли, используя мою лучшую маскировку, передвигаясь быстро и тихо. Мы уже разработали план. Карлос входит первым и устраивает адский переполох, отвлекая всеобщее внимание. Моя работа заключалась в том, чтобы оставаться невидимой, хватать детей и убраться с ними с корабля.

А затем мы будем убивать.

Но на полпути через палубу к двери, ведущей

внизу, Карлос остановился. Он чуть наклонил голову и прищурился. Он взглянул на меня и приподнял брови в незаданном вопросе.

Я остановилась, нахмурилась, а затем внимательно оглядела палубу. Было пусто. Лодка качалась на волнах, врезавшихся в нее, но другого движения на ней не было. Было спокойно и тихо, как в могиле. Фактически…

Было ощущение пустоты, как в квартире без мебели, как на школьной площадке на выходных.

Карлос внезапно двинулся быстрее, скользя к лестнице. Он поднял руку, велел мне подождать и молниеносно спустился вниз. Он появился через минуту.

«Пусто», — сообщил он. «Там никого нет».

«Черт возьми, что-то, должно быть, предупредило их», — произнесла я.

Он кивнул. «Ты права, они где-то следят».

Я отправилась обратно в док, а затем на границу дока с сушей. Видимость была не очень, но я все же прошептала: «Акари», щелкнула запястьем и создала шар льдисто-зеленого света в воздухе над моим правым плечом. Для такого дела зеленый был самым подходящим цветом. Глаз смертного различает оттенки зеленого гораздо лучше чем любые другие цвета в спектре.

Мне потребовалось всего несколько секунд метаний вперед-назад, чтобы найти то, что я искала: исчезающие под падающим снегом вмятины в слякоти, следы множества ног.

— Карлос, — сказала я, указав на землю. — Следы.

Он подошел и прищурился.

— А это не те, что они оставили вернувшись к лодке в первый раз?

— Не может быть. Наши следы часовой давности уже пропали. Эти были сделаны после того, как мы ушли.

Он поднял брови.

— Серьезно, Арагорн? Где ты научилась этим штукам?

— Мама научила меня. Она была скаут-вожатой для моих братьев.

— Подумать только, а я профукал свою юность, изучая магию, — сказал Карлос. — Можешь определить, были ли с ними дети?

— Блин, чувак. Я Принцесса Фэйре, а не судебный аналитик. — Я качнула головой, намекая ему следовать за мной, и мы отправились за нашей добычей.

* * *

Следы закончились у церкви.

Это была русская православная церковь с двумя луковичными куполами, вывеска на его внешней стороне гласила, что это: «Святой Вознесенский собор Господа нашего». В морозной ночи это место казалось жутким и чертовски зловещим. В окнах святилища сиял странный сине-зеленый свет. Думаю, я видела тень, проходящую мимо окна, извилистую и гладкую, как плывущая акула.

— О, — сказал Карлос, резко останавливаясь. Я чувствовала как его голове формируются цепи расчетов и ассоциаций. — Ой-ой.

— Что «о»?

— Все только что стало хуже.

— Почему?

Он нервно облизал губы.

— Ну… Как много Лавкрафта ты читала?

— Да как-то не отслеживала это дело. — ответила я. — Где-то между нулем и ничем. А должна была?

— Скорее всего. Это всегда последняя вещь, которую по канону узнает ученик.

— У меня такое чувство, что мое обучение было не совсем каноничным.

— Ну да. Как и у Гарри. Ты слышала о Древних?

— Не думаю что таким прозвищем вежливо называть Rolling Stones. Они все еще устраивают

потрясные шоу.

Он кивнул и покосился на меня.

— Мне нужно, чтобы ты сейчас отнеслась к этому серьезно.

— Настолько плохо?

— Может быть. Они… Своего рода сборище сущностей. Реально старых и реально могущественных сущностей.

— Что, типа боги?

— Типа то, что снится богам в их кошмарах.

— Чужие из-за Внешних Врат.

Он кивнул.

— Только они не за Вратами. Они здесь. В клетке, связаны и спят, но они здесь.

— Звучит опасно.

— Да и нет. Они питаются психической энергией. Страхом. Плодами коллективного подсознания, осознанием того, что существует внутри человечества.

Я покосилась на него.

— Это означает, что?

— Чем больше людей знают о них и боятся их, тем бодрее и сильнее они становятся. Вот почему люди, которые о них знают, мало о них говорят.

— И как это связано с ценами на пиво в Неаляске?

— Один из Древних известен как Спящий. Говорят, что его могила находится где-то под Тихим океаном. И этот проклятый придурок Лавкрафт опубликовал истории и легко запоминающиеся стишки об этом. — Он покачал головой. — Усиление сигнала дало Спящему достаточно силы, чтобы влиять на мир. У этого есть много культов. Люди… заражаются. Медленно сходят с ума. Теряют свою человечность. Превращаются во что-то другое.

Я вспомнила открытый рот капитана с извивающимися щупальцами и вздрогнула.

— Думаешь, вот что здесь происходит? Культ Спящего?

— Это собор Святого Вознесения Господа Нашего — отметил он. — Для культиста Спящего это означает нечто в принципе иное, чем для большинства людей. Можно сказать, они даже не пытаются скрывать свою деятельность.

— Ок. Итак, это что-то меняет в том, что мы должны сделать сегодня вечером?

Он кивнул в сторону собора.

— Чувствуешь это?

— Жутко, с большой буквы «Ж» — ответила я тоже кивнув.

— Это еще хуже. Тут святая земля. Посвященная

Спящему. Войдя туда, мы не будем иметь дело с кучкой разбитных рыбаков с щупальцами. У них будет сила. Там гнездо колдунов.

— О… — сказала я. — Ой. — Я подумала обо всем этом пару мгновений. — Итак, это что-то меняет в том, что мы должны сделать сегодня вечером?

Он оскалился.

— Думаю, ничего не изменилось.

— Думаю, ничего не изменилось. — согласилась я.

— Знаешь, — сказал он, — я чертовски отважен.

— Знаю.

— Но я не дурак. Ты же сейчас Королева Фэйре, так?

— Ну, вроде бы да…

— Не могла бы вы высвистеть сюда отряд огров или еще кого-нибудь, чтобы помочь в этом деле?

Я подумала об этом секунду.

— Да, могла бы.

— Может что-то такое и должно случиться? — предложил он.

На секунду я затихла, потом ответила. — Нет.

— Агась… — кивнул он. — А почему нет?

— Во-первых, потребуется время, чтобы притащить их сюда. Во-вторых, это территория

Миксани, и огры должны будут выплачивать штраф за вторжение, соблюдать обычаи, и все это займет еще больше времени. В-третьих…

Я моргнула. О. Вот что Мэб имела в виду.

— Что? — спросил Карлос.

— Это мой первый выход. Все Зимние, каждая злая и хищная тварь Фэйре, следит за этим и будет взаимодействовать со мной, основываясь на том, что я здесь делаю. Первые впечатления имеют значение, и я не собираюсь быть ребенком, который кричит о помощи, при первой же шишке. Я буду хищником, который, черт возьми, разорвет на части любого, кто переступит ему дорогу. Я собираюсь убедиться, что мне не придется доказывать им свою силу снова и снова до конца времен. Итак, мы с тобой идем туда и разберемся сами.

Карлос фыркнул и коротко кивнул. — Ладно. Что ж. Эти люди — они больше не люди. Что-то другое заняло их тела. Там нет никого, чтобы спасать. Понимаешь?

Намек был понят. Имелось в виду, что я могу играть жестко, не боясь столкнуться с Белым Советом. Я покосилась на собор и сказала: — Хорошо. Новый план.

* * *

Гарри был большим сторонником того, чтобы бить по зубам того, с кем собираешься драться. Разумеется, такая тактика играла ему на руку, и не всегда была умной или возможной, но это был всегда способ захватить инициативу и контролировать первые секунды конфликта.

Конечно, Гарри использовал бы огонь. И я почти уверена, что он не вытащил бы волшебную палочку и не подготовил заклинание «Рейв одной женщины», которое я разработала. И я абсолютно уверена, что он не тратил бы время, чтобы запустить заклинание «Бумбокс Диджея Молии К» которое играло C&C Music Factory «Gonna Make You Sweat» (Everybody Dance Now) настолько громко, что его можно было услышать в Анкоридже.

Но я это сделала. Мне нужен был громкий шум, который был бы совершенно неуместен и максимально непонятен для любой сверхъестественной твари, сидевшей внутри рыбаков, а существа сверхъестественного мира не особо в курсе последних веяний в поп-культуре. Плюс, это была танцевальная музыка 90-х. А эта хрень в принципе никем не воспринимается нормально.

Тяжелые басы и свинцовые аккорды начали бить в окна. Я высвободила «Рейв одной женщины», и воздух вокруг меня наполнился световым

и пиротехническим шоу, которое сделало бы Фестиваль Пылающего Человека похожим на детскую образовательную передачу Район Мистера Роджерса. Мое сердце забилось от страха, волнения и чего-то тревожащего, вроде похоти, когда я пересекла последние несколько футов до входа в собор.

А затем, когда песня проорала: «А теперь все танцуют!», я откинулась назад, втянула силу Зимы в свое тело и выбила пинком большие двойные двери с петель, как будто они были сделаны из бальзы и скотча.

В этот момент я поняла настоящую причину, по которой Гарри продолжает так делать.

Это. Блин. Потрясно.

— Дайте мне музыку! — подпела я с песне и пошла вперед. Возможно, я попутно совершала сопутствующие ритму движения руками и бедрами.

Слушайте, я давно не танцевала, ясно?

Пары шагов хватило чтобы пересечь небольшой вестибюль и зайти в святилище в грозовом облаке ярких огней, ливня разноцветных искр и под сотрясающий воздух музыку. Войдя, я внимательно рассмотрела рыбаков.

Все двадцать из них были там, рассредоточен-

ные по всему святилищу, трое из них во главе с капитаном, стояли у алтаря вместе с полудюжиной детей Миксани, в возрасте от четырех до десяти лет. Запястья детей были связаны одной длинной, жестоко врезавшийся в кожу веревкой.

Когда я вошла, все в соборе подняли руки, чтобы прикрыть глаза. Рты культистов раскрылись, и из них высунулись хлещущие в воздухе щупальца.

Я почувствовала, наплыв уродливой, склизкой, давящей силы, которая, концентрируясь вокруг рыбаков, превращалась в вихрь из настоящей тьмы. Затем, подобно потоку загрязненной воды, вихрь перешел от каждого из культистов к капитану, чьи щупальца, щелкая и извиваясь собрали тьму в огромный коллективный сгусток отрицательной энергии, запущенный прямо в меня.

Он летел быстро, слишком быстро, чтобы увернуться, слишком мощно, чтобы быть остановленным любой подвластной мне магией, и ударил меня в солнечное сплетение, как огромное, смертельное копье.

Ну, по крайней мере, так это выглядело для них. На самом деле я была на расстоянии десяти футов левее, прячась за своей лучшей завесой, поддерживая при этом гламур моей иллюзии. Заряд поразил мой маленький мираж, и конфликт

энергий, в сочетании с трудностью управления Рейвом и Бумбоксом, привели к невозможности его поддерживать. Изображение лопнуло, как мыльный пузырь, а заряд тьмы проделал в полу и фундаменте вестибюля рытвину размером с ковш экскаватора.

Капитан застыл на секунду, не понимая, что только что произошло. Этот момент не был потрачен мною на колебания. Я уже спешила по левому проходу, скрытая под своей завесой и сжимая в руке пластиковую рукоять ножа. Добравшись до первого щупальцерылого рыбака, я одним легким движением перерезала ему глотку.

Из-за грома Бумбокса, я едва услышала внезапный пронзительный крик боли, который издала тварь, и это было именно то, чего я ожидала. Среди общего хаоса, остальные рыбаки ничего не заметили, так что я даже не замедлилась.

Я успела прирезать еще троих из них, прежде чем один из культистов увидел, что происходит, и завопил, показывая в мою сторону.

Номер четыре был прикончен, в момент когда он повернул голову, чтобы посмотреть на что указывает его товарищ. К несчастью, падая он дергался, заливая меня кровью.

Магически говоря, кровь важна во всех от-

ношениях. Например, она несет в себе заряд магической энергии и может использоваться для наложения заклинания на конкретного человека за сотни или тысячи миль. Кровь твари была сильнее чем у смертных и несла тяжелый заряд. В момент, когда кровь коснулась моей завесы, сила в ней вспыхнула искрами, а потом проделала в завесе гигантскую дыру, сделав меня неожиданно видимой перед всем культом.

На моем пути появился еще один заряд энергии, брошенный отдельным культистом. В нем не хватало силы, собранной со всей территории, как в первом заряде, и в этом мне чертовски повезло. Мощи выставленного мной щита, еле хватило, чтобы отклонить удар и нырнуть на пол, пока другие заряды проносились мимо меня, выедая в стене позади куски размером с кулак.

Лежа на полу много не увидишь, но, очевидно, воющим культистам нужно подобраться ближе, посылая своих ближайших членов наброситься на мою тушку, в то время как другие будут удерживать меня своими зарядами тьмы. Не начну двигаться и быстро — сомнут. Зимняя Королева или нет, для меня это плохо кончится.

Я распустила остатки завесы, формируя в уме и потом запуская новое заклинание. Затем я вско-

чила и побежала к выходу.

Также я вскочила и побежала по ближайшему проходу между скамьями. Также я вскочила и побежала к алтарю. Также я вскочила и начала сдвигать скамьи по диагонали, направляясь к ближайшему рыбаку. Также я вскочила и принялась отступать шаг за шагом, создавая в процессе перед собой нечто, похожее на тяжелый энергетический щит. Также я вскочила и бросила в капитана взрыв темно-синей энергии. Также я вскочила и…

Короче, вы поняли: тринадцать Молли начали бегать повсюду.

Взрывы темной энергии разрушали скамьи, пробивали дыры в стенах и разбивали витражи. Некоторые из них попадали в цель, уничтожая иллюзорных Молли, но другие миражи продолжали двигаться, нырять и уклоняться.

Тем временем я оставаясь тише воды ниже радаров, проползла двадцать футов в сторону исповедален. Я сделала то, что хотела: полностью захватила внимание культа.

Карлос появился, ни производя ни малейшего шума. Стена за алтарем была сделана из темного дерева, но она просто… разлетелась на гребаные атомы в пределах овала шести футов высотой и

трех в поперечнике, открыв проход для молодого Стража.

Безо всяких церемоний, Карлос указал на культиста, пробормотал слово силы, и луч бледно-зеленого света ударил щупальцерылого в спину. Тварь в человеческой оболочке просто распалась в смесь водянистой грязи и чего-то похожего на угольный порошок. Юный Страж не терял ни секунды. Прежде, чем первый культист закончил падать на пол, Карлос вытащил свой меч и аккуратно вонзил его в затылок другого культиста. Тварь изогнулась на секунду, а затем упала, как камень, дергая ротовыми щупальцами в тихих кричащих конвульсиях.

Капитан обернулся к Карлосу и выпустил волну темной энергии размером с райдерную газонокосилку. Страж уронил меч, скользнул задней ногой по полу и сел на корточки. Его руки скользили в изящной грациозной симметрии и перехватывали энергию, собирая ее, как некий огромный мыльный пузырь.

Это было заклинание водной магии, специальность Карлоса. Очертив руками широкий круг, он сделал пару похожих на пируэты шагов и протянул руки к капитану, посылая темное заклинание, обратно к отправителю. Оно ударило

капитана, как маленький грузовик, отбросив его со сцены и протащив через половину святилища.

— Давайте, детки — крикнул Карлос, подняв свой меч и почти презрительно отбив им летящий на него взрыв культистской магии. — Я отвезу вас домой!

Малышей Миксани не нужно было просить дважды. Они встали, крупные дети помогли мелким, и неуклюже поспешили по проложенному Карлосом маршруту побега. Он прикрывал их, делая один продуманный шаг за другим, удерживая левой рукой энергетический щит, перехватывая им вражеские удары, или парируя их мечом Стража.

Через несколько секунд он покинет помещение вместе с детьми Миксани, и у меня останутся только культисты. Я напряглась и начала собирать энергию.

А потом покрасневшая, грубая от тяжелой работы, липкая и холодная рука Клинта вломилась в исповедальню и схватила меня за горло. Это застало меня врасплох, и внезапная боль, когда его пальцы сжались, отключив мне подачу воздуха, была неописуема. Он поднял меня и, не колеблясь ни секунды, начал вбивать меня попеременно

в левую и правую стену исповедальни, каждый удар жутко мощный и не с большим чувством, чем при выбивании пыли из ковра.

С каждым ударом своей головы о дерево, я чувствовала себя все более оглушенной. Мои ноги вдруг ослабли и обмякли, Рэйв и БумБокс внезапно исчезли. Следующее, что я помню, — меня тащат за шею к алтарю. Клинт подходит к нему и бросает меня на спину на священный стол. Я моргнула глазами, пытаясь заставить их сфокусироваться, и поняла, что вокруг меня собрался культ, круг щупальцерылых с мертвыми глазами.

Карлос и дети исчезли.

Хорошо.

— Оно не смертное, — произнес Клинт, каким-то образом говоря сквозь щупальца, хотя и жутким нечеловеческом тоном. — Видите? Оно другое. Оно не должно быть здесь.

— Да. — сказал капитан.

Убейте это. Оно стоило нам нашей жертвы.

— Нет. — сказал капитан. — Ты новичок в мире смертных. Кровь этого существа более могущественна, чем поколения Миксани и их отродья. — Щупальца извивались все сильнее и сильнее. — Мы можем иссушать ее раз за разом. Кровь

более могущественная, чем та, которую мы пролили, чтобы проложить путь для Спящего. Наш Господь восстанет! — Глаза капитана встретились с моими, и за ними не было ничего, ни души, ни чего-то, даже отдаленно человеческого. — И он будет голоден. Возможно…

— Возможно, тебе стоит подумать об этом — сказала я, голосом полным шипящих согласных. — Уходи прямо сейчас. Покинь этот остров и не возвращайся. Это твой единственный шанс выжить.

— Что есть выживание в сравнении с воцарением нашего Господа? — спросил капитан. — Склонись перед ним. Отдайся ему по собственной воле.

— Ты ведь не знаешь кто я, не так ли осьминожьи мозги? — спросила я.

— Склонись, дитя. Ибо, когда Он придет, Его ярость будет совершенным, ужасающим штормом. Он утащит тебя в свою тюрьму и замурует тебя там. Вечность в тишине. Вечность в темноте. Вечность в ужасном холоде.

— Я Молли, Зимняя Леди — сказала я шелковистым голосом.

Извивающиеся щупальца внезапно замерли на мгновение. Затем капитан начал что-то кричать.

Прежде чем он что-то успел сказать, я высвободила в соборе безудержную, ненаправленную, бесформенную и неукротимую силу из самого сердца Зимы. Она прошла сквозь меня, пронеся сквозь меня и замерзшую агонию, и удовольствие, бывшее сильнее любого оргазма.

Из меня вырывался лед, формируя мечи, копья, косы, кинжалы и пики. В одно мгновение, лес кристаллических лезвия и острий возник и с ослепительной скоростью разросся. Лед заполнил собор, и все, что было на его пути, живое и неживое, было пробито, разрезано, измельчено, а затем вбито с мощью несущегося локомотива в каменные стены святилища.

Все было закончено менее чем за секунду. Потом была только тишина, прерываемая местами треском и стоном совершенно чистого льда. Я могла ясно видеть сквозь все это культистов. Разбитые, разорванные на части, раздавленные, их кровь сверкала алым в те моменты, когда она растапливала лед, которого касалась — чтобы через мгновение застыть рубиновыми кристаллами.

Капитану, пригвожденному к потолка собора, понадобилась почти минута, чтобы сдохнуть.

И пока он умирал, я лежала на святом столе, неудержимо хохоча.

* * *

Лед рассеялся передо мной, открыв коридор, примерно на полдюйма шире чем мои плечи и высотой мне по макушку. Я медленно, сонно вышла, чувствуя себя восхитительно оторванной от всего. По пути к выходу пришлось перешагнуть через руку. Она дергалось в мелких судорожных автоматических спазмах. Я походя заметила, что это зрелище вроде должно было беспокоить меня чуть сильнее.

Снаружи я нашла Карлоса и детей Миксани. Они молча смотрели на меня. Единственным источником звука был дождь со снегом. Лишь несколько окон были освещены. Буря заставила Неаляску закрыться у себя в домах, так что кроме нас вокруг не наблюдалось ни души.

Я закрыла глаза, обратила лицо к шторму лицо к шторму и промурлыкала:

— Сожги все дотла.

Карлос молча прошел мимо меня. Я почувствовала движение сил, когда он сосредоточил свою волю на огне, настолько горячем, что воздух шипел, свистел и плевался, пока он это делал. Мгновение спустя за моей спиной появилось теплое сияние за которым последовало потрескивание и бормотание поднимающегося пламени.

Когда мы уходили, одна стена была уже покрыта пятиметровой огненной завесой. К тому времени, когда мы вернули детей на рыбный рынок, собор стал маяком, который распространял жуткое свечение сквозь мокрый снег и брызги. Загорелось несколько огней, и я могла видеть темные фигуры и пару машин скорой помощи возле костра, но спасти это место было уже невозможно. В любом случае, собор был немного отделен от остальной части Неаляски. Он будет гореть в одиночку.

Бакланы начали окружать нас, их крики были странными и приглушенными в темноте, и дети подняли глаза, неуверенно улыбаясь. Когда мы добрались до рынка и зашли, нас ждали Алуки и Науя. Науя вскрикнула и помчалась вперед, чтобы обнять маленькую девочку, которая закричала: «Мама!» и обняли шею женщины-Миксани.

Бакланы вылетели из ночи через открытую дверь, грациозно принимая человеческую форму при приземлении. Вокруг детей звучали радостные голоса, и все больше родителей воссоединились со своими потерянными малышами. Последовало еще больше объятий, смеха и счастливых слез.

Это зрелище подумала я вероятно, тоже должно

было вызвать у меня более сильные чувства чем сейчас.

Карлос смотрел на это с широкой теплой улыбкой на лице. Он пожимал руки и приятно кивал, его обнимали и похлопывали по плечу. Наблюдая за ним, я наконец-то что-то почувствовала. Почувствовала восхищение его шрамами, памятью о его мастерстве, его мужеством, и ощутила абсолютную необходимость запустить в него пальцы.

Никто не находился ближе пяти футах от меня — по крайней мере, пока Алуки не пересекла комнату от гробницы, где все еще лежал ее муж, подойдя ко мне.

— Полагаю, вы хотите получить дань прямо сейчас. — сказала она тихим голосом.

Я почувствовала как темные, яркие глаза со всех сторон комнаты, сосредоточились на мне.

— Мне нужны отдых и еда. — сказала я. — Вернусь, когда стихнет буря, если это приемлемо.

Алуки моргнула, и ее голова качнулась назад.

— Это… да. Конечно, леди Молли. Спасибо за это.

Я кивнула ей и повернулась к двери. Прямо перед уходом я взглянула через плечо и спросила: — Карлос? Идешь со мной?

— Ну… — сказал он, и его улыбка сменила несколько оттенков. — Ну… ну конечно, я иду.

* * *

К тому времени, когда мы добрались до отеля Карлоса, уже бушевал шторм.

Ну и погода тоже ухудшилась.

Никто из нас не говорил, когда мы дошли до его комнаты, и он открыл передо мной дверь. Это был хороший отель, гораздо приятнее, чем ожидалось в такой провинции. Я вошла, сбросив свой плащ на пол. Он упал с хрипящим звуком мокрой ткани и потрескиванием тонкого льда. За ним последовало несколько слоев рубашек, которых становилось все меньше с каждым моим шагом вглубь комнаты. Наконец сверху на мне не осталось ничего.

И все это время я чувствовала на себе его взгляд. Затем я медленно повернулась и улыбнулась ему.

Выражение его лица застряло где-то между благоговением и голодом. Его темные глаза ярко сверкали.

— Ты промок и замерз, — прошептала я. — Вылезай из этой одежды.

Он медленно кивнул и пошел ко мне. Его плащ, пальто и рубашки присоединились к моим. У

Карлоса Рамиреса были мускулы гимнаста, а его тело тут и там было отмечено шрамами. Сильный. Доблестный. Я одобряю.

Он остановился передо мной, раздевшись до джинсов. Продолжал приближаться ко мне, пока наши тела не встретились, и затем мягко прижал меня к кровати позади. Почувствовав жар его кожи у себя на груди я закрыла глаза, издала легкий стон и бросилась в поцелуй, который ощущался, как будто мир собирается исчезнуть в ядерном апокалипсисе.

Внезапный взрыв желания, исходивший от него, ощущался как погружение в горячую ванну, и я наслаждалась этим, в то время, как мой собственный пыл усиливался. Мои руки скользнули по его груди и плечам, потянулись к его спине. Он как будто весь состоял из напряженных мышц, тепла и чистой страсти. Его рот коснулся моего горла, затем моих плеч и груди, и я издала стоны желания, подбадривая его.

— Молли. — сказал голос моего здравого смысла.

Его рот на секунду покинул меня, когда он стянул мои ботинки. Я выгнулась, чтобы помочь ему снять мои джинсы, и услышала, как он сдирает свои. С нетерпеливым рычанием я села и разо-

рвала его пояс.

Молли. — снова здравый смысл. — Ты меня слышишь?

Я бросила ремень через комнату, мысленно приказала здравому смыслу заткнуться, и разорвала Карлосу джинсы. Я никогда не хотела ничего так сильно в своей жизни, как сейчас, чтобы Карлос был голым и прижимался ко мне.

— Это не ты — отметил здравый смысл.

Я стянула джинсы с его бедер. Боже, он был прекрасен. Я взяла его за руку и откинулся на кровать, потянув его за собой.

— Сейчас, — сказала я. Мой голос вышел рычащим и хриплым. — Больше никаких ожиданий. Сейчас.

Карлос простонал, снова поцеловал меня, я почувствовала как он прикасается ко мне, а потом…

…потом я сидела содрогаясь на полу в душе, под струями бившей вокруг меня горячей воды.

Стопэ.

Чего?

Что за хрень?

Я посмотрела на воду. Слив был закрыта пробкой, и воды уже набралась где-то на семь или восемь дюймов.

А еще вода была розовой.

О, Боже.

Я посмотрела на свои руки. Мои ногти… Мои ногти выглядели длиннее. Жестче.

И под ними было что-то красное.

Что только что произошло?

Я встала и вышла из душа, мокрая, не удосужившись обернуться полотенцем. Поспешила обратно из ванной и остановилась в дверях в шоке.

Комната была разгромлена. Матрас был у дальней стены, а еще и у двери, разорванный пополам. Лампы погасли, комнату освещало частично из ванной и то лишь узкую полосу пространства. Вся увиденная мной мебель была разломана. Такая же участь постигла и кроватный каркас.

А Карлос…

Он лежал на полу, весь в крови. Одна из его ног была сломана, острые осколки раздробленной голени торчали из кожи. Его лицо распухло под кровавой маской, глаза заплыли. Он был покрыт следами от когтей, царапины истекали кровью. Чародей лежал под странным углом, дергаясь от боли, одна рука инстинктивно прикрывала спину.

Его раненую спину. Его слабость.

Я с ужасом смотрела на свои руки, на кровь под ногтями.

Я сделала это.

Я использовала его слабость против него.

— Мэб — выдохнула я. Выдох оборвался и перешел во всхлипывание. — Мэб! Мэб!

Мэб может при желании появиться в раскате грома. Этот выход на сцены был гораздо менее драматичным. В дальнем углу комнаты зажегся свет и явив, спокойно сидящая в углу на стуле Королеву Зимы. Она смерила меня на меня холодным опалесцирующим взглядом и подняла одну бровь.

— Что произошло? — спросила я. — Что, черт возьми, произошло?

Мэб спокойно посмотрела на Карлоса.

— То, что будет происходить всякий раз, когда ты попытаешься быть с мужчиной. — ответила она.

— Чего? — уставилась я на нее.

Три королевы лета; три королевы зимы, — сказала она, сновая гладя на меня глазами пришельца. — Дева, Мать и Карга. Ты Дева, леди Молли. И для тебя стать другой, стать матерью — значит разрушить Мантию Силы, которую ты носишь. Мантия защищала себя — как и должна.

Что?

Она наклонила голову и уставилась на меня. — Это все в рамках Закона. Рекомендую тебе в будущем хотя бы несколько часов каждого дня потратить на размышления об этом. Со временем ты получишь адекватное понимание своих ограничений.

— Как ты могла это сделать? — требовала я ответа. Слезы на моих щеках казались полосами горячего воска. — Как ты могла это сделать?

— Я ничего не делала. — спокойно ответила Мэб. — Это все ты.

— Проклятие, ты знаешь о чем я!

Ты были одарена великой и ужасной силой, юная леди, — сказала Мэб свирепым тоном. — Ты действительно думаешь, что можешь просто продолжать жить так, как будто ты все еще смертная девчонка?

— Ты могла предупредить меня!

— Когда я попыталась, у тебя было желание не слушать, а шутить.

— Ты сука, — сказала я, качая головой. — Ты могла бы сказать мне. Ты гребаная сука. — Я повернулась, чтобы вернуться в ванную, взять полотенца и помочь Карлосу.

Когда я повернулась, Мэб оказалась прямо по-

зади меня, ее нос чуть было не прижался к моему. Ее глаза мерцали разными оттенками цветов и сияли холодным гневом. Ее голос шелестел бархатным шепотом, более страшном, чем любой взбешенный крик.

— Как ты меня назвала?

Я вздрогнула, внезапно переполнившись страхом.

Я не могла выдержать ее взгляда.

Я ничего не сказала.

Через мгновение она стала чуть менее напряженной.

— Да, — сказала она, снова спокойным голосом. — Я могла бы сказать вам. Но решила вместо этого научить. Уверена, это произвело невероятное первое впечатление.

— Я должна помочь ему. — сказала я. — Пожалуйста, отойди.

В этом нет необходимости. — сказала Мэб. — Ему не грозит смерть в ближайшие нескольких часов. Я уже послала весть в Белый Совет. Их целители мгновенно прибудут, чтобы позаботиться о нем. А тебе надо немедленно уйти.

— Я не могу просто так его оставить. — сказала я.

— Как раз именно это ты и можешь сделать.

— сказала Мэб. — Ее голос чуть смягчился. — Ты больше не та, кем была, дитя. Ты должна адаптироваться к своему новому миру. Не сделаешь — вызовешь ужасные страдания, не в последнюю очередь самой себе.

Она наклонила голову, словно прислушиваясь, и сказала. — Буря стихает. У тебя есть твой долг.

Мои челюсти упрямо сжались.

— Я не могу просто так его оставить.

Мэб моргнула, словно переваривая мои слова.

— Почему нет?

— Потому что… Потому что порядочные люди так не поступают.

— Какое это имеет отношение к любой из нас?

Я мотнула головой.

— Нет. Я не собираюсь быть такой.

Мэб поджала губы и медленно выдохнула через нос.

— Упрямая. Как наш Рыцарь.

— Агась, чертовски верно.

Я не уверена, можно ли «микро-закатить» глаза. Но у Мэб это получилось.

— Отлично. Я буду сидеть с ним до прибытия чародеев.

Я повернулся, чтобы посмотреть на изломанную фигуру Карлоса, лежащую на полу. Затем

я поторопилась накинуть на себя достаточно одежды, чтобы соблюсти приличия. Я опустилась на колени и поцеловала его в лоб. Он издал тихий стон, который разорвал что-то в моей груди.

— Мне жаль. — прошептала я. Снова поцеловала его лоб. — Мне так жаль. Я не знала, что это произойдет. Прости…

— Время никого не ждет, Леди Молли, — сказала Мэб. Она пересекла комнату, чтобы встать напротив меня возвышаясь над бедным Карлосом. — Даже Королев Фэйре. Собери дань.

Я последний раз поцеловала его в лоб и поднялась, чтобы уйти. Но остановилась у двери, чтобы подумать и проконсультироваться с Законом Зимы.

Я никогда не задумывалась над тем, что это была за дань. Но это было прописано в Законе. Я медленно повернулась и в ужасе уставилась на Мэб.

— Их дети. — прошептала я. — Ты хочешь, чтобы я забрала их детей.

— Да.

— Их детей. Ты не можешь…

— Я и не буду. Ты это сделаешь.

— Но… — покачала я головой.

— Леди Молли — мягко сказала Мэб. — Взгляни

на Внешние врата.

Я взглянула.

Закон Зимы показал мне яркую картину. На дальних границах реальности велась бесконечная война. Война против безжалостной угрозы пришельцев, известной просто как Чужие. Война, в которой участвуют миллионы фэйре, чтобы не допустить вторжения и разрушения Чужими самой реальности. Война настолько долгая и горькая, что кости павших стали частью ландшафта. Это балы причина самого существования Зимнего Двора, причиной по которой мы были такими агрессивными, дикими, переполненными похотью и ведомые необходимостью создавать как можно больше себе подобных.

— Ты наполнила меня голодом, который я никогда не смогу утолить, — прошептала я.

— Мы не можем ожидать, что наши люди будут нести бремя, которое мы сами не несем. — непримиримым тоном ответила Мэб. — Ты научишься терпеть это.

Ты хочешь, чтобы я забрала детей. — прошипела я.

— Я веду войну. — просто сказала Маб. — Для ведения войны нужны солдаты.

— Но они же дети. Дети вроде моих младших

братьев и сестер. И ты хочешь чтобы я их забрала.

— Разумеется. Это идеальное время, чтобы учиться и тренироваться, до тех пор они не наберутся сил и не будут готовы к битве. Это единственный способ подготовить их к будущему. Единственный способ дать им шанс пережить обязанности, исполнения которых я от них требую.

— Как долго? — спросила я сквозь стиснутые зубы. — Как долго их не будет?

— До тех пор, пока в них не будет нужды.

— Имеешь в виду, «пока их не убьют». Они никогда не вернутся домой.

— Твое возмущение бессмысленно. — Голос Мэб был ровным, спокойным, наполненным неопровержимой логикой. — Я приговорил миллионы детей Зимы к жизни полным насилия и к смерти в бою, потому что это должно быть сделано. Не сможем выполнить свой долг — не будет дома, в который они могли бы вернуться. Не будет никакого смертного мира, безопасного и целого для твоих братьев и сестер.

— Но… — мой протест ослаб.

— Если у тебя есть альтернатива, я была бы более чем готова рассмотреть ее.

Повисло молчание.

— У меня нет альтернативы. — тихо сказала я.

— Тогда выполни свой долг.

Я открыла дверь и обернулась, взглянув на нее.

— У меня пока нет альтернативы. — сказала я жестко. — Это еще не конец.

Мэб снова медленно моргнула. Затем она наклонила на долю дюйма голову, выражение ее лица было задумчивым.

Я повернулась и ушла, оставив за собой изломанное тело Карлоса Рамиреса, ушла чтобы украсть у Миксани их детей.

И я не могла перестать плакать.

14.2 Бигфут — клиент Гарри (2012)

01. Б — значит Бигфут

Сюжет рассказа относится к периоду между романами «Луна светит безумцам» и «Могила в подарок»

Гарри Дрезден должен помочь сыну клиента обрести чувство собственного достоинства, осознать свою силу и дать отпор двум братьям-хулиганам, которые издеваются над ним в школе.

Дело кажется пустяковым — вот только есть одно довольно большое обстоятельство…

Когда люди обращаются за помощью к единственному человеку в Чикаго, чьё имя числится в телефонном справочнике в разделе «Чародеи», они либо очень умны, либо в полном отчаянии. То и другое сразу бывает крайне редко.

Первые приходят ко мне, зная, что я могу им помочь, а вторые — потому что не знают, где ещё искать помощи. Общение с умными клиентами бывает обычно коротким и приятным. Например, кто-то потерял обручальное кольцо, которое было фамильной драгоценностью, и хочет, чтобы я сказал, где его искать. Они платят мне за услуги

(желательно наличными), я делаю свою работу, и все довольны.

Отчаявшиеся клиенты, напротив, совершают кучу нелепых поступков. Они лгут мне о характере своих неприятностей и пытаются расплатиться чеком, уверенные, что я буду прыгать до потолка. Иногда они требуют, чтобы я продемонстрировал свои способности и догадался, что у них за проблема, ещё прежде, чем пожму им руку — в этом случае их проблема в том, что они идиоты.

Мой новый клиент, однако, выкинул кое-что новенькое. Он пожелал встретиться со мной в лесу.

Что не внушало оптимизма по поводу его умственных способностей.

Деревьев в Чикаго маловато, так что мне пришлось ехать аж до северной части штата Висконсин, чтобы добраться до настоящего леса. Это заняло у меня около шести часов, ведь мой автомобиль, всё ещё верный и надёжный Фольксваген-жук сошёл с конвейера примерно в то время, когда движение хиппи вошло в моду. К тому времени, как я, прошагав милю или две по лесу, оказался в назначенном месте, уже начало темнеть.

Как правило, голова у меня варит. Я нажил себе достаточно врагов за время карьеры в качестве профессионального чародея. Поэтому ожидать клиента стал с посохом в одной руке, жезлом в другой, и револьвером тридцать восьмого калибра в кармане чёрного кожаного плаща. Используя посох, чтобы направлять энергию, я сделал в земле усилием воли небольшое углубление, и развёл в нем маленький костёр.

Затем, выйдя за пределы освещенного участка, я нашёл уютное затемненное местечко и устроился там в ожидании гостя.

Работа частного детектива в основном состоит в ожидании. Приходится переговорить с множеством людей, которые ничего не знают, чтобы найти того, у кого есть сведения. Приходится долго сидеть и ждать, следя за кем-нибудь, перед тем, как поймать его с поличным. Приходится перекапывать множество бесполезной информации, чтобы добраться до единственной крупинки по-настоящему полезных сведений. Нетерпеливые детективы редко добиваются успеха в расследованиях, и никогда надолго не задерживаются в этом бизнесе. Поэтому, хотя прошёл уже целый час без каких-либо событий, я не слишком беспокоился.

Но через два часа у меня начало сводить судоро-

гой ноги, немного заболела голова, и, похоже, судя по количеству следов от укусов, мошкара решила провести конференцию в десяти футах от меня. Учитывая, что мне ещё не заплатили ни цента, этот клиент быстро начал меня раздражать.

Огонь почти прогорел, поэтому я практически не видел, как существо вышло из леса, и присело возле тлеющих углей.

Существо было огромным. То есть, просто сказать, что оно было девяти футов росту, было бы мало. Оно по большей части имело человекообразную форму, но по крепости превосходило любого человека, его фигура бугрилось от жилистых мышц, проступавших даже сквозь слой длинных, тёмно-каштановых волос — или шерсти — которые покрывали всё его тело. Надбровные дуги походили на горные хребты, а глаза были тёмными и блестящими, в них отражался красно-оранжевый свет от огня.

Я застыл. Совершенно. Если это существо захочет сделать мне больно, мне понадобится офигеть сколько времени, чтобы остановить его, даже с помощью магии, и то, если повезёт, против этой массы мой тридцать восьмой калибр примерно так же эффективен, как дешёвая пукалка.

Тут он повернул голову вместе с частью своего

торса, находящегося на высоте больше моего роста, и сказал с ласкающим слух родным мне американским акцентом:

— Вы закончили там? Не хочу показаться грубым и мешать вам, но дело есть дело, чародей.

У меня отвисла челюсть. В буквальном смысле слова.

Я медленно встал, мои мышцы больно щипало. Сложно отойти от судороги, находясь в позиции низкого старта к бегству, но я старался.

— Вы… — сказал я. — Вы…

— Бигфут, — закончил он. — Снежный человек. Йови. Йети. Бунча.

— И вы… вы звонили мне? — я был немного ошеломлён. — Хм… Вы пользуетесь таксофоном?

Я так и представил, как он пытается попасть по кнопочкам телефона своими огромными пальцами. Нет, конечно, он не делал этого.

— Нет, — сказал он и махнул огромной, волосатой рукой в сторону севера. — Парни из резервации иногда помогают нам звонить. Они дружная компания.

Я встряхнулся и глубоко вздохнул. Господи, я же чародей. Мне постоянно приходится иметь дело со сверхъестественным. Одна, пусть неожиданная, встреча не должна пугать меня. Я спрятал

свои нервы и дрожь в ногах, и заменил их на железный профессионализм — или, по крайней мере, на видимость спокойствия.

Я выбрался из своей тайной норки и подошёл к огню. Устроился возле бигфута, находиться в пределах досягаемости его длинных рук ощущение не из приятных.

— Хм… добро пожаловать. Я — Гарри Дрезден.

Бигфут кивнул и посмотрел на меня с надеждой. Помедлив, он произнёс, словно подсказывая мне, как ребёнку:

— Это — ваш огонь.

Я моргнул в знак согласия. Соблюдение традиций гостеприимства — важная составляющая сверхъестественных общин во всем мире, а поскольку это был мой костер, я формально был хозяином, а бигфут моим гостем. Я сказал:

— Да. Я сейчас вернусь.

Я быстренько сбегал до своей машины и вернулся к костру с двумя бутылками тёплой кока-колы и половиной упаковки чипсов «Принглс» с солью и уксусом. Открыв обе бутылки, я предложил одну бигфуту.

Потом открыл «Принглс» и разделил на две стопки, тоже предложив ему выбирать любую.

Бигфут взял и почти деликатно отпил кока-

колы, обращаясь со сравнительно маленькой бутылкой с намного большей ловкостью, чем я ожидал. Чипсы такого бережного отношения не получили. Он сунул их в рот все сразу и с энтузиазмом зачавкал ими. Я последовал его примеру и засыпал крошками спереди всю свою одежду.

— Покурить есть чего-нибудь? — кивнул мне Бигфут.

— Нет, — сказал я. — Извините. Не курю.

— Значит, не судьба, — вздохнул он. — Итак. Вы назвали мне свое имя, а я своё нет. Меня называют Силой Реки в Плечах из Лесных Людей Трёх Звезд. У моего сына возникли проблемы.

— Какие? — спросил я.

— Его мать расскажет вам подробнее, чем я, — сказал Река в Плечах.

— Его мать? — я с любопытством огляделся. — Она поблизости?

— Нет, — ответил он. — Она живет в Чикаго.

— Его мать… — удивился я.

— Человек, — закончил за меня Река в Плечах. — Сердцу не прикажешь, правильно?

Наконец, до меня дошло:

— Ох. Он твой отпрыск.

Картина начала проясняться. Много сверхъестественных народов могут (и такое время от

времени происходит) скрещиваться с людьми. Результаты этих связей, детей, наполовину смертных, наполовину сверхъестественных, называют отпрысками. Быть отпрыском для различных детей оборачивается разной судьбой, в зависимости от происхождения, но жизнь их редко бывает лёгкой.

Река в Плечах кивнул.

— Прошу прощения за моё невежество. Ваш общественный строй… я не эксперт в этой области.

Я не ослышался? Бигфут сказал «эксперт».

Я немного покачал головой.

— Если вы ничего не можете рассказать, зачем вызвали меня сюда? Могли бы всё это по телефону изложить.

— Потому что я хотел, чтобы вы знали, что, по моему мнению, проблема в сверхъестественном происхождении, и что я сам буду серьёзным поводом признать это. А ещё потому, что я принес предоплату.

Он порылся в сумке из оленьей кожи с лямкой, перекинутой поперёк торса. Её было почти не видно в густой шерсти. Он размахнулся и бросил что-то в мою сторону.

Я рефлекторно поймал и чуть не вскрикнул, по руке сильно попало. Предмет был размером с мяч

для гольфа и очень тяжелый. Я поднёс его ближе к огню и присвистнул от удивления.

Золото. Я держал самородок чистого золота. Он стоил, наверное… э-э… в общем, много.

— Мы знали все богатые места задолго до того, как европейцы пересекли море, — спокойно сказал Река в Плечах. — После выполнения работы будет ещё один, такого же размера.

— А если я не возьмусь за ваше дело? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Буду искать кого-то другого. Но, по слухам, вам можно доверять. Я бы предпочёл вас.

Я пристально взглянул на Реку в Плечах. Он не пытался испугать меня. Это был плюс в его пользу, потому что для него это не составило бы труда. Как я понял, он, наоборот, изо всех сил старался избежать этого.

— Он ваш сын. Почему вы не поможете ему сами? — спросил я.

Он показал на себя пальцем и слегка улыбнулся.

— Думаю, я бы немного выделялся в Чикаго.

Я фыркнул и кивнул.

— Скорее всего, так и было бы.

— Итак, чародей, вы поможете моему сыну? —

спросил Река в Плечах.

Я сунул золотой самородок в карман и сказал:

— Одного будет достаточно. И да, я берусь.

На следующий день я пошёл на встречу с мамой мальчишки в кафе, расположенное в северной части города.

Доктор Хелен Паундер был внушительной женщиной. Она могла бы заниматься реслингом, и на вид могла в жиме лёжа поднять больше меня. Она была не очень красивой, но квадратное, открытое лицо выглядело честным, а глаза сверкали зелёным весенним оттенком.

Когда я вошёл, она поднялась навстречу мне и пожала руку. Её ладони являли собой странную смесь нежной кожи и мозолей, чем бы она ни занималась в жизни, делала она это собственноручно.

— Река сказал, что нанял вас, — сказала доктор Паундер. Она пригласила сесть, что мы и сделали.

— Да, — кивнул я. — Он умеет убеждать.

Паундер грустно усмехнулась, а её глаза сверкнули.

— Да, он такой.

— Послушайте, — сказал я. — Не хочу сильно лезть в ваши личные дела, но…

— Но как я сошлась с бигфутом? — спросила она.

Я пожал плечами, стараясь выглядеть бесстрастным.

— Была на раскопках в Онтарио, я археолог, и задержалась до поздней осени. Попала под снегопады, серию буранов, которые продолжались целый месяц. Организовать мои поиски было некому, я даже не могла по радио сообщить, что я всё ещё там, — она покачала головой. — Я заболела и осталась без провизии. Мне грозила смерть, если бы кто-то не начал подбрасывать по ночам кроликов и рыбы.

Я улыбнулся.

— Река в Плечах?

Она кивнула.

— Я начала следить по ночам. Однажды буря закончилась в нужный момент, и я увидела его, — она пожала плечами. — Мы начали разговаривать. С этого всё и началось.

— То есть, вы двое не женаты, или?..

— Это имеет какое-то значение? — спросила она.

Я примиряюще развёл руками.

— Он мне платит. Вы нет. Это может повлиять на ход процесса принятия решений.

— Довольно честно, да? — сказала Паундер. Она посмотрела на меня, а потом кивнула, вроде как одобряя что-то про себя. — Мы не женаты. Но женихи точно не ломятся в мою дверь, и я всё равно никогда не видела особой пользы в мужьях. Мы с Рекой довольны существующим положением дел.

— Ну и замечательно, — сказал я. — Расскажите о вашем сыне.

Она порылась в сумке, висевшей на спинке её стула, и подала мне фотографию, размером пять на семь дюймов, ребёнка лет восьми или девяти. Он тоже не был особо симпатичным, но выражение лица по-своему обладало юношеской привлекательностью, а улыбка была столь же искренней и тёплой как солнечный свет.

— Его зовут Ирвин, — сказал Паундер, улыбаясь фотографии. — Мой ангелочек.

Мне кажется, даже у сильных, похожих на вышибал супермам есть мягкий уголок в душе для своих деток. Я кивнул.

— В чём вы видите проблему?

— С начала этого года, — сказала она, — он стал возвращаться домой с травмами. Ничего серьёзного, ссадины, ушибы, царапины. Но, подозреваю, раны были сильнее, до прихода мальчика домой.

На Ирвине всё заживает очень быстро, он никогда не болел: вообще никогда, ни дня в своей жизни.

— Думаете, кто-то обижает его, — сказал я. — Что он сам говорит об этом?

— Придумывает отговорки, — сказала Паундер. — Явно выдумывает, но мальчик, по крайней мере, так же упрям, как его отец, он не расскажет мне, от кого, где и как получил ранения.

— Ага! — сказал я.

Она нахмурилась.

— Ага?

— Это от других детей.

Паундер моргнула.

— Как…

— У меня есть преимущество перед вами и вашим мужем, так как я раньше тоже был обычным мальчишкой из начальной школы, — ответил я. — Если он наябедничает об этом учителям или вам, ему, вероятно, придётся иметь дело с местью со стороны своих одноклассников. Он не хочет, чтобы ему объявили бойкот. Он не хочет становиться всеми презираемым стукачом и ябедой.

Паундер откинулась на спинку сиденья и нахмурилась.

— Я… Вряд ли знаток социальной коммуникации. Я не думала об этом таким образом.

Я пожал плечами.

— С другой стороны, вы явно не из тех, кто будет сидеть, сложа руки.

Паундер фыркнула и одарила меня короткой искренней улыбкой.

— Итак, — продолжил я, — когда он начал приходить домой побитым, что вы предприняли?

— Начала провожать его в школу, до самого класса. Это было в течение последних двух месяцев, и у него не было больше травм. Но я должна завтра утром ехать на конференцию и…

— Вы хотите, чтобы кто-то присмотрел за ним.

— Да, верно, — кивнула она. — Но я также хочу, чтобы вы узнали, кто пытается причинить ему боль.

Я приподнял бровь.

— Каким образом я должен это выяснить?

— Я воспользовалась помощью финансового консультанта Реки, чтобы подёргать за кое-какие ниточки. Завтра с утра вы должны появиться в школе, вас ждёт работа в качестве школьного уборщика.

Я заморгал глазами.

— Подождите. У бигфута есть финансовый консультант? Кто? Кто-то типа Несси?

— Не будьте ребёнком, — сказала она. — Че-

ловеческие племена помогают Лесному Народу, обеспечивая связь с внешним миром. Народ Реки взамен оказывает финансовую, медицинскую, и образовательную помощь. Получается взаимовыгодно.

Я вообразил, как Река в Плечах стоит перед детской музыкальной школой, размахивая полицейской дубинкой, которая казалась спичкой в огромных пальцах.

Иногда моя голова действует как «Волшебный экран». Я потряс ей, картинка пропала.

— Ладно, — сказал я. — Но подать судебный иск, возможно, окажется не так просто.

В глазах Паундер зеленоватый оттенок, казалось, почти сменился на золотистый, а голос стал тихим и твёрдым.

— Я не собираюсь подавать в суд, — заявила она. — Я всего лишь забочусь о своём сыне.

Ой, как страшно.

У Ирвина Бигфута прямо-таки какая-то грозная мамаша-медведица. Если окажется, что я прав, и у него появились сложности с другим мальчиком, могут возникнуть проблемы. Люди иногда слишком остро реагируют на ситуации, в которые попадают их дети. Придётся быть осторожным и выдавать доктору Паундер правду в

отфильтрованном виде.

По-простому никогда ничего не получается, да?

* * *

Школа называлась Мэдисонской Академией, это была частная школа для начальных и средних классов в северной части города. Не знаю, какими связями пользовался Река в Плечах, но они были влиятельными. На следующее утро я поплёлся туда, зашёл в административное здание, где был встречен с энтузиазмом монастырских диабетиков, встречающих грузовик с инсулином. Их мусорщик внезапно отправился в отпуск на Гавайи, и им требовалась временная замена.

Так, я стал обладателем пары рабочих комбинезонов, которые были коротки мне в рукавах, малы по росту, и давили в промежности, с надписью «Норм», выведенной по трафарету на левой стороне груди. Мне показали мой кабинет, оказавшийся кладовкой с крошечным столом и несколькими полками, заставленными обычными чистящими средствами.

Могло быть и хуже. На трафарете могла оказаться надпись «Фредди».

Так началась моя карьера в сфере санитарии.

Один ребёнок блевал, другой со своим дружком соревновались, кто оригинальней раскрасит свои комнаты. Когда администрации требовались мои услуги, поступал вызов по старой системе внутренней связи, которая проходила по всем коридорам и имела выход в кладовку, после десятого стало ясно, что детское творчество разрушительно и бороться придётся с обычным человеческим хаосом, путём очистки мусорных баков, подметания полов и коридоров, вплоть до полной уборки.

Я ставил еду на стол, отведённый для сотрудников и преподавателей, в одном из углов столовой, где кушали дети, когда заметил его.

Ирвин Бигфут был одним из самых высоких мальчиков в поле зрения, хотя даже не вступил в период полового созревания. Он был сплошь кожа да кости — и я сразу признал в нём кое-что ещё. Он был одиночкой.

Он не был похож на трудного подростка или что-нибудь в этом роде, но вёл себя таким образом, словно был в стороне от других детей; не особняком, просто отдельно. Выражение его лица было рассеянным, а ум явно бродил где-то в миллионе километров отсюда. Его поднос был нагружен двойного размера обедом и книжкой в

мягкой обложке, и он направился в конец обеденного стола. Потом сел, одной рукой открыл книгу, а с помощью другой начал есть, не отрываясь от чтения.

Проблема казалась очевидной. Группа из пяти или шести мальчиков заняла другой конец обеденного стола, они наклонили головы ближе друг к другу и начали перешёптываться, украдкой бросая взгляды на Ирвина.

Я поморщился. Потому, что знал, к чему идёт дело — видел такое раньше, когда сам был в его возрасте, тоже с книгой и обедом на подносе.

Двое из мальчиков встали, и они выглядели достаточно похожими внешне, чтобы заставить меня предположить, что они были либо погодками, либо разнояйцовыми близнецами. У обоих были грязные, рыжевато-каштановые волосы, длинные, узкие лица, и заострённые подбородки. На вид они были на год или два старше Ирвина, хотя оба были ниже ростом, чем долговязый мальчик.

Они разделились, бесшумно ступая и двигаясь по обеим сторонам стола к Ирвину. Я сгорбился и смотрел на них краем глаза. Что бы они ни замышляли, это не было смертельным, уж никак не прямо здесь, на виду у половины школы, и

появилась возможность узнать что-то об этой парочке, наблюдая их в действии.

Они двигались одновременно, хотя и не идеально синхронно. Это напомнило мне фильм, который я видел в школе, о том, как львята учатся охотиться вместе. Один из мальчишек, в чёрной бейсболке, наклонился над столом и якобы случайно выбил книгу из рук Ирвина. Ирвин вздрогнул и повернулся к нему, подняв руки в неуверенной, робкой на вид оборонительной позиции.

Когда он это сделал, второй мальчишка, в красной футболке, словно бы ненароком задел пальцем край обеденного подноса Ирвина. Поднос перевернулся, опрокинув на Ирвина всю еду и питьё.

Кружка разбилась, столовые приборы зазвенели, поднос с грохотом упал на пол. Ирвин сидел и ошеломлённо смотрел, а два хулигана спокойно шли себе мимо, как ни в чём небывало. Они были уже в пятнадцати футах, когда другие дети в столовой обернулись к источнику звука и отреагировали на беспорядок аплодисментами и свистом.

— Паундер! — рявкнул чей-то голос, я поднял голову и увидел мужчину в белой кепке с козырь-

ком, спортивных штанах и футболке, шагающего по коридору к столовой. — Паундер, что это за бардак?

Ирвин округлил глаза, глядя на широкогрудого человека, и покачал головой.

— Я… — Он оглянулся вслед уходящим хулиганам, а затем заявил на всё столовую:

— Я, наверное… я случайно уронил поднос, тренер Пит.

Тренер Пит нахмурился и сложил руки на груди.

— Если бы это было первой случайностью, я не придал бы этому значения. Но в который уже раз ваш поднос оказывается на полу, Паундер?

Ирвин отпустил глаза.

— Пятый, сэр.

— Вот именно, — сказал тренер Пит. Он взял книгу, которую читал Ирвин. — Если бы ваша голова не утыкалась вечно в эти дрянные книженции с научной фантастикой, возможно, вы смогли бы нормально поесть, не запачкавшись.

— Да, сэр, — сказал Ирвин.

— «Автостопом по Галактике», — прочитал тренер Пит. — Ну и глупость. По Галактике автостопом на космических кораблях путешествовать не получится.

— Нет, сэр, — сказал Ирвин.

— Останется у меня, — сказал тренер Пит. — Явиться ко мне после занятий.

— Да, сэр.

Тренер Пит хлопнул книжкой по ноге, хмуро посмотрел на Ирвина, а потом внезапно обернулся на меня.

— Что? — вызывающе спросил он.

— Просто интересно. Вогонов,[56] случайно, в вашей родне нет?

Тренер Пит посмотрел на меня, его грудь надулась так, что антрополог назвал бы это агрессивной позой. Возможно, это произвело бы на меня впечатление, если бы я не разговаривал накануне вечером с Рекой в Плечах.

— Шутить изволите?

— Это зависит от того, много ли стихов[57] вы написали, — ответил я.

Тренер Пит выглядел сбитым с толку. Ему явно не нравился такой поворот дела, для него

---

[56] Примечания: 56

Вогоны — раса разумных существ из книги Дугласа Адамса «Автостопом по Галактике» (или «Путеводитель для путешествующих по Галактике автостопом»), они слизнеподобны, но смутно напоминают гуманоидов, намного более громоздки, чем люди, и имеют зелёную кожу.

[57] Примечания: 57

Согласно тому же «Путеводителю», поэзия вогонов считается третьей по отвратительности во всей Вселенной

казались позорными мои подозрения, что он может тратить время на подобное. Глаза Ирвина расширились, он метнул на меня взгляд. Его рот дёрнулся, но парнишка подавил рвавшуюся улыбку и смех, для мальчишки его возраста он держался неплохо.

Тренер Пит со злостью посмотрел на меня, ткнул пальцем, словно хотел проткнуть, и сказал:

— Лучше займитесь своими делами.

Я поднял руки в знак примирения. И закатил глаза, как только тренер Пит повернулся спиной, что заставило Ирвина опять корчиться, чтобы сдержать смех.

— Убери здесь, — велел тренер Пит Ирвину и показал на размазанный по полу обед. Затем повернулся и пошёл прочь, унося книжку Ирвина с собой. Оба парня, обидевшие Ирвина, к тому времени успели вернуться на свои места на дальнем краю стола, и выглядели они самодовольными.

Отодвинув в сторону обед, я встал из-за стола и подошёл к Ирвину. Опустился на колени, помогая убрать ошмётки. Я положил поднос между нами и сказал:

— Просто складывай всё на него.

Ирвин быстро, испуганно посмотрел на ме-

ня из-под спутанных волос и начал собирать упавшие остатки обеда. Его руки выглядели до смешного большими по сравнению с остальными частями тела, но пальцы оказались быстрыми и ловкими. После небольшой паузы он спросил:

— Вы читали «Путеводитель для Путешествующих Автостопом»?

— Сорок два раза, — ответил я.

Он улыбнулся и снова склонил голову.

— Он больше никому здесь не нравится.

— Ну, он ведь не для всех, да? — спросил я. — Лично мне всегда было интересно, смог бы Адамс стать представителем особо талантливого дельфина. Это, мне кажется, сделало бы содержание книги забавнее.

Ирвин издал короткий смешок, затем сгорбил плечи и продолжил убирать. Но плечи продолжали дрожать.

— Те двое сильно пристают к тебе? — спросил я.

Руки Ирвина на секунду замерли и снова занялись уборкой.

— Вы про что?

— Я раньше был такой же, как ты, — пояснил я. — Мальчишка, которому нравится читать книги о пришельцах, гоблинах, рыцарях и учёных на

обеде, в классе, на переменах. Я не особо интересовался спортом, и надо мной часто издевались.

— Они не издеваются надо мной, — поспешно возразил Ирвин. — Это просто… просто то, что делают мальчишки. Они наезжают. Им это в удовольствие.

— И это не злит тебя совсем, — сказал я. — Совершенно.

Его руки замедлились, а лицо стало задумчивым.

— Иногда, — сказал он спокойно. — Когда они отнимают мои брокколи.

— Брокколи? — удивился я.

— Я люблю брокколи, — сказал Ирвин с серьёзным выражением лица.

— Парнишка, — сказал я с улыбкой, — брокколи никто не любит. Они вообще никому не нравятся. Взрослые просто дружно готовы лгать, чтобы заставить детей есть их, в качестве мести за то, что родители заставляли их.

— А я люблю брокколи, — повторил Ирвин, выпятив челюсть.

— Уф, — вздохнул я. — Похоже, сегодня я столкнулся с чем-то новеньким.

Когда мы закончили, я сказал:

— Иди за новой порцией. Я здесь разберусь

сам.

— Спасибо, — серьёзным тоном сказал он. — Хм, Норм.

Я хмыкнул, кивнул ему, подмёл упавшую пищу и подобрал поднос. Потом снова пристроился на углу стола со своим обедом, украдкой наблюдая за Ирвином и его мучителями. Оба хулигана не сводили глаз с Ирвина, даже когда болтали и перебрасывались шуточками с остальной компанией.

Я признал это поведение, хотя никогда раньше не видел его у детей, только у охотящихся кошек, вампиров, и разных прочих монстров.

Эти двое ребят были хищниками.

Молодыми и неопытными, может быть. Но, тем не менее, хищниками.

Теперь мне впервые пришло в голову, что Ирвин Бигфут, возможно, в настоящей опасности.

Я принялся с волчьей поспешностью доедать обед на своём подносе. Нужно поближе присмотреться к Ирвину.

Быть чародеем — значит, всегда быть начеку. Ну, и владеть магией, само собой. Хотя я могу делать некоторые вещи в спешке, сама магия требует много минут, а то и часов, для подготовки, а это означает, что нужно заранее знать, когда

она понадобится. Я прихватил с собой кое-какие причиндалы, но мне нужно собрать больше информации, прежде чем переходить к решительным действиям в интересах ребёнка.

Я проследил за Ирвином, вышедшим из столовой. Это было не трудно. Он шёл, уткнувшись в книгу, и, хотя был одним из младших детей в школе, выделялся, будучи высоким и долговязым. Я умудрился пройти мимо его класса несколько раз в течение часа. Там шла тригонометрия, которую я хорошо изучил, и не только в школе.

Ирвин был самым младшим в классе, а также явно самым умным. Парнишка даже не отрывался от чтения книги. Несколько раз учитель пытался подловить его, задавая ему вопросы. Ирвин клал палец на книгу вместо закладки, бросал взгляд на доску, и отвечал на них, почти без паузы. Я не мог удержаться от усмешки.

Затем я нашёл мучителей Ирвина. Их не трудно было заметить, так как оба заняли стулья ближе к выходу, как будто не могли дождаться, когда занятия закончатся, чтобы поскорее уйти из школы. Они сидели в классе с нетерпеливым, угрюмым выражением на лицах. На вид страдали от скуки, но, похоже, не собирались убить учителя, или выкинуть ещё что-нибудь.

У меня появилась предположение, чем Ирвин вызвал хищную реакцию этой парочки. И тренер Вогон появился на сцене чертовски быстро, слишком много всего сразу для случайности.

— Похоже, Ирвин Бигфут не единственный отпрыск в этой школе, — пробормотал я сам себе.

И возможно, я был не единственным, кто защищал интересы ребёнка, родившегося на одну половину в этом мире, а на вторую в ином.

Когда закончилось последнее занятие, я стоял перед гимнастическим залом, прислонившись к стене локтями, ногами перекатываясь с носка на пятки, повесив голову, моё ведро на колёсиках и швабра валялись без дела в семи футах от меня — почти готовая иллюстрация «работящий уборщик». Дети в спешке летели шумным стадом вместе с мучителями Ирвина, которые замыкали толпу, выбегающую из спортзала. Я почувствовал их взгляд на себе, когда они пробегали мимо, но никак не отреагировал на них.

Тренер Вогон вышел последним, в такт его тяжёлых и быстрых шагов вздрагивали светильники дневного света. Он резко остановился, когда вышел за двери и обнаружил меня ждущего его.

Последовало долгое молчание, пока он разглядывал меня. Я был не против. Мне было не к

чему конфликтовать с ним, я специально принял спокойную и не агрессивную позу, чтобы донести до него свою позицию. Я счёл, что он связан со сверхъестественным миром, только не знал, каким образом. Чёрт, я даже не знал, человек ли он.

Пока.

— Что, нечем заняться? — поинтересовался он.

— Весь в работе, — сказал я. — Я размышляю, по мне же видно.

Уверен, его глаза прищурились, хотя я, конечно, не мог этого видеть.

— Вы сильно рискуете, дружище, разговаривая с преподавателем в таком тоне.

— Если бы не было детей рядом, я бы добавил ещё слово или два, — растягивая слова, сказал я. — Тренер Вогон.

— Желаете потерять работу, дружище? Займитесь делом, или я сообщу, что вы занимаетесь тунеядством.

— Тунеядством, — повторил я. — Целых четыре слога. Вы красавчик.

Он подкатил ко мне и ткнул пальцем в мою грудь.

— Дружище, вы сам себе создаёте большие сложности. Не забыли случаем, кто вы здесь?

— Гарри Дрезден, — сказал я. — Чародей.

И посмотрел на него, открыв своё Зрение.

Зрение чародея — это особый орган чувств, позволяющий прозревать структуру энергии и магии, в смешении Вселенная-энергия, которое включает в себя все мыслимые формы магии. Это, конечно, не открывает третий глаз во лбу или нечто подобное, но мозг переводит воспринимаемое в видимый диапазон спектра. Сбивая с толку, Зрение показывает вещи в их истинном обличии, срывая любые скрывающие покровы магии, иллюзий и других мистических уловок.

В данном случае оно показало, что передо мной стоит не человек.

За иллюзорной личиной скрывалось тощее человекообразное существо немногим больше пяти футов ростом и весом не более ста фунтов вместе с тапками. Оно было наго и анатомически напоминало куклу Кена. Кожа была тёмно-серой, а огромные глаза навыкате чёрными, как полночь. У него имелась овальная, с высоким лбом голова с длинными, изящно заострёнными ушами. Личина тренера Пита обволакивала его тело в виде смутного, туманного контура.

Он, зачем-то, крайне медленно опустил веки на свои выпуклые глаза и неторопливо кивнул. Со-

всем чуть-чуть склонив голову, он пробормотал мелодичным и удивительно низким голосом:

— Чародей.

Я несколько раз моргнул, закрывая Зрение. Передо мной снова стоял тренер Пит.

— Нужно поговорить, — сказал я.

Обычный человек уставился на меня, не моргая, выражение его лица было пустое, как у марионетки. То, что его глаза стали вдруг темнее, вероятно являлось игрой моего воображения.

— О чём?

— Ирвин Паундер, — сказал я. — Мне не нужны конфликты с Свартальфахеймом.[58]

Он набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул через нос.

— Вы узнали меня.

На самом деле, я только предположил, но цвергу[59] знать об этом не обязательно. Я мало что знал о них. Они были чрезвычайно одаренными мастерами, именно при их участии создавалось большинство по-настоящему крутых артефактов

---

[58] Примечания: 58

Свартальфахейм (древнеисландский Svartalfheim) — буквально: Дом чёрных альвов, в германо-скандинавской мифологии родина цвергов

[59] Примечания: 59

Цверги, чёрные альвы, или свартальвы, то есть нижние альвы (тёмные эльфы) — сказочные карлики из германского и скандинавского фольклора, являются одним из основных прототипов гномов

из древнескандинавских мифов. Они, конечно, не злые, но при этом безжалостны, горды, упрямы, и жадны, что обычно приводит к аналогичным результатам. Известно, что держат своё слово, даже помешаны на этом, и да поможет вам Бог, если вы нарушили данное им обещание. Но самое главное, это был малый сверхъестественный народец, замкнутый на самом себе: единственный, который защищал своих граждан с маниакальным рвением.

— У меня был хороший учитель, — сказал я. — Я хочу, чтобы ваши мальчишки отстали от Паундера.

— Расставим точки, — сказал он. — Они не мои. Я не их родитель, всего лишь опекун.

— Так или иначе, — сказал я, — меня волнует только Ирвин, а не братья.

— Он оселок, — сказал он. — Они оттачивают на нём свои инстинкты. Он хорошо подходит для них.

— Они для него не очень, — сказал я. — Остановите их.

— Это не моё дело, мешать им, — сказал тренер Пит. — Я могу только советовать и защищать от любого, кто будет мешать их развитию.

Последняя фраза была такой же безэмоцио-

нальной, как и предыдущие, но, тем не менее, она несла в себе неприятный намёк на угрозу — пусть вежливую, но, всё равно, угрозу.

Иногда я плохо реагирую на угрозы. Могу и огрызнуться.

— Давайте, предположим, — сказал я, — гипотетически, что я увижу, как эти мальчишки снова наезжают на Ирвина, выполню свою работу и остановлю их. Как поступите вы?

— Убью вас, — сказал тренер Пит. В его тоне отсутствовала даже тень сомнения.

— Абсолютно уверены в себе, да?

Он ответил таким тоном, словно решал уравнение с одной неизвестной.

— Вы молоды. Я нет.

Я почувствовал, как сжались мои челюсти, и заставил себя сделать глубокий вздох, чтобы успокоить дыхание.

— Они делают ему больно.

— Вполне возможно, — спокойно сказал он. — Но я забочусь о братьях, а не об Ирвине Паундере.

Я заскрипел зубами, чтобы удержать рвущиеся из меня слова, перед тем как продолжить беседу.

— Мы оба объявили о своих позициях, — сказал я. — Как будем выходить из ситуации?

— Это тоже не моя забота, — сказал он. — И отговаривать братьев не буду. Попытаетесь их остановить, я убью вас. Больше обсуждать нечего.

Он немного вздрогнул, а личина тренера Пита, казалось, вдруг ожила, в качестве сравнения можно привести пустую перчатку, резко надетую на руку.

— Прошу меня извинить, — сказал он с раздражающими интонациями тренера Пита в голосе, проходя мимо меня, — у меня есть провинившиеся дети, оставленные после уроков, над которыми надо контролировать.

— Нужен контроль, — сказал я и фыркнул ему в спину. — Над которыми нужен контроль. Нужно правильно говорить.

Он повернул голову и с непониманием посмотрел на меня. Затем завернул за угол и ушёл.

Я поскрёб переносицу и попытался поразмыслить.

Меня одолевало дурное предчувствие, что бой с этим парнем может для меня кончиться плохо. По моему опыту, в качестве сверхъестественных суперняньки для детей слабаков не нанимают. Среди чародеев я один из сильных бизонов, но в мире много более крупных акул. В данном конкретном

случае, даже если начну бой и смогу в победить цверга, это может привести к боевым действиям между Белым Советом и Свартальфахеймом. Не хочу, чтобы на моей совести оказалось что-то подобное.

Желание защищать сына Паундер у меня не пропало, я не собирался отступать. Но как оградить его от братьев-волчат, если у них под рукой супертяжёлое оружие, заряженное и взведённое? Наша драка запросто может зацепить детей, находящихся поблизости. Мне бойня не нужна, Ирвину Паундеру она тоже не поможет.

Но что мне тогда делать? Какой у меня выбор? Как мне избежать втягивания чёрного альва в конфронтацию?

Да никак.

— А, — сказал я, ни к кому не обращаясь, пошевелив пальцем в воздухе. — Ага!

Я схватил швабру с ведром и поспешил к столовой.

Здание школы после уроков быстро опустело, как происходит с каждой школой каждый день, превратившись из места, полного жизни, энергии, движения и шума, в череду гулких помещений и пустых коридоров. Учителя и

сотрудники казалось, тоже стремились уйти поскорее, как ученики. Замечательно. Ещё оставалась возможность, что дело примет дурной оборот, и, если это случится, то чем меньше людей вокруг, тем лучше.

К тому времени, как я завернул к кладовке для уборочного инвентаря, чтобы забрать несколько инструментов, что принёс с собой, и пошёл в столовую, скрип колёс моего ведра был самым громким звуком, который я мог услышать. Я повернул за угол почти в то же самое время, как братья-хищники показались из противоположного конца коридора. Они ненадолго поравнялись со мной, и я чувствовал их тяжёлые взгляды, пока они оценивали меня. Я проигнорировал их и вошёл внутрь.

Ирвин Бигфут был уже в столовой, и, сидя за столом, писал на листке бумаги. Я узнал эту неподвижную, покорную позу, и мое запястье сразу заныло, едва я его увидел: тренер Пит заставил мальчика писать много раз подряд одно и то же предложение, вероятно, что-то насчёт быть более осторожным со своим подносом. Вот изверг.

Тренер Пит стоял, прислонившись к стене, читая какой-то спортивный журнал. Или, по крайней мере, это было то, что он, казалось, делал.

Я даже удивился такому неподдельному интересу цверга к НБА. Его взгляд метнулся вверх, когда я вошёл; потом вновь опустился.

Я отставил швабру и ведро в сторону и начал подметать пол большой метлой. В уборке я был мастак. Тренер Пит пару раз сжал челюсти, потом подошёл ко мне.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Подметаю пол, — ответил я, с бесхитростным видом новорожденного.

— Это не повод для легкомыслия, — сказал он. — Никакие шуточки не спасут твою жизнь.

— Ты здорово недооцениваешь силу смеха, — ответил я. — Но если между учениками происходят жестокие стычки, любой уборщик в мире сочтёт своим долгом сообщить об этом администрации.

Тренер Пит издал рычащий звук.

— Давай, продолжай в том же духе, — сказал я. — Позволяй своим ребятишкам издеваться над ним. Я видел, как они вели себя в своих классах. Они создают проблемы. Ирвин, очевидно, блестящий ученик и хороший парень. Когда администрация узнает, что трое школьников затеяли драку, как вы думаете, что будет с близнецами-дебоширами? Это частная школа. Их просто

вышвырнут. Ирвин будет вынужден защищаться — и мне не придётся даже палец поднимать, чтобы вмешаться.

Тренер Пит свернул журнал в трубку и шлёпнул им себе по ноге пару раз. Потом он расслабился, и улыбка появилась на его губах.

— Ты прав, конечно, не считая одного обстоятельства.

— Да? И какого же?

— Их не станут исключать. Их родители пожертвовали школе больше средств, чем любая из десяти других семей, и гораздо больше, чем мать Ирвина могла себе позволить. — Он слегка, очень по-галльски пожал плечами. — Это частная школа. Родители мальчиков оплатили для строительства столовой, в которой мы находимся.

Я стиснул зубы.

— Во-первых, тебе надо научиться правильно использовать предлоги. Иначе эта чопорная фраза звучит по-идиотски. А во-вторых, деньги — это ещё не всё.

— Деньги — это власть, — возразил он.

— Власть — это тоже ещё не все.

— Нет, — ответил он, и его улыбка стала самодовольной. — Это единственная вещь.

Я посмотрел в коридор сквозь открытый стек-

лянный барьер, отделяющей его от столовой. Братья-хулиганы стояли там, глядя на Ирвина, как голодные львы смотрят на газелей.

Тренер Пит вежливо кивнул мне, вернулся на своё прежнее место у стены, развернул журнал и снова стал его листать.

— Проклятье, — прошептал я. Чёрный альв вполне может быть прав. В учреждении для представителей верхушки общества, вроде этого, влияние денег и политики доходит до смехотворного. Независимо от того, идёт ли речь о наследственных аристократах или об экономических, они успешно отмазывают своих детей от неприятностей на протяжении веков. Братья-дебоширы вполне могут выйти из этой истории кристально чистыми, и смогут и дальше преследовать Ирвина Бигфута.

Возможно, в конце концов, дело кончится грандиозным побоищем.

Я продолжал мести, пока не дошёл до стола Ирвина. Затем остановился и сел напротив него.

Он поднял глаза от листа с нацарапанными предложениями, и лицо его побледнело. Он не хотел встречаться со мной взглядом.

— Как дела, парень? — спросил я. Он даже немного вздрогнул.

— Отлично, — выдавил он.

Адские колокола. Он боялся меня.

— Ирвин, — продолжил я, стараясь говорить мягко, — успокойся. Я тебя не укушу.

— Ладно, — ответил он, ничуть не расслабившись.

— Они же всё это время не переставали измываться над тобой?

— Гм, — промычал он.

— Братья-хищники. Те, что прямо сейчас наблюдают за тобой.

Ирвин вздрогнул и посмотрел в ту сторону, фактически не поворачивая голову к окну.

— Да какая разница.

— Есть кое-какая разница, — ответил я. — Они ведь тебе уже давно проходу не давали? Только в последнее время стало хуже. Они сделались страшнее. Более жестокими. Пристают к тебе всё чаще и чаще.

Он не ответил, но что-то в самом этом отсутствии реакции сказало мне, что я попал в самую точку.

Я вздохнул.

— Ирвин, меня зовут Гарри Дрезден. Твой отец послал меня помочь тебе.

Вот теперь он вскинул на меня глаза, его рот

открылся.

— М-мой… мой папа?

— Да, — подтвердил я. — Он не может сам помочь тебе здесь. Поэтому попросил меня сделать это за него.

— Мой отец, — произнёс Ирвин, и в его голосе послышалась боль, такая острая, что у меня грудь сжалась от сочувствия. Я никогда не знал свою мать, а мой отец умер прежде, чем я пошёл в школу. Я понимал, каково это, иметь пустоту в жизни вместо близких людей.

Его взгляд снова метнулся к братьям-дебоширам, хотя он не повернул головы.

— Иногда, — тихо сказал он, — если я их игнорирую, они уходят.

Он опять уставился на свою писанину.

— Мой папа… Я имею в виду, я никогда не… Вы виделись с ним?

— Да.

Его голос стал ещё тише.

— Он… он хороший человек?

— По-моему, да, — осторожно ответил я.

— И… он знает обо мне?

— Да. Он хочет быть рядом с тобой. Но не может.

— Почему? — удивился Ирвин.

— Это сложно объяснить.

Ирвин кивнул и опустил глаза.

— Каждое Рождество я получаю подарок от него. Но я думаю, что, может быть, мама просто писала его имя на этикетке.

— Может быть, и нет, — сказал я спокойно. — Он послал меня. И я, кстати, дороже, чем любой подарок.

Ирвин нахмурился:

— Что вы собираетесь делать?

— Это не тот вопрос, что ты должен задать, — сказал я.

— О чём вы?

Я положил локти на стол и наклонился к нему.

— Правильный вопрос, Ирвин, это то, что ты сам собираешься делать?

— Получать тумаки, судя по всему, — пожал он плечами.

— Ты не должен сидеть и надеяться, что они просто уйдут, парень, — сказал я. — Есть люди, которые любят пугать других и причинять им боль. Они будут продолжать делать это, пока ты их не остановишь.

— Я не собираюсь ни с кем драться, — почти прошептал Ирвин.

— Я не собираюсь никому причинять боль. Я… я не могу. И, кроме того, пока они пристают ко мне, они не будут трогать других.

Я откинулся назад и глубоко вздохнул, разглядывая его сгорбленные плечи и опущенную голову. Малыш был испуган, этот страх укоренился в нём, развивался и рос в течение месяцев и лет. Но в хрупком теле мальчика виделась и своего рода спокойная, стойкая решимость. Он не боялся оказаться лицом к лицу с братьями-хищниками. Он просто страшился вновь проходить через боль, что сулит эта встреча.

Мужество, как и страх, бывает разного сорта.

— Черт, — сказал я тихо. — А у тебя есть-таки храбрость, малыш.

— Вы можете остаться со мной? — спросил он. — Если… если вы будете здесь, может быть, они оставят меня в покое.

— Сегодня, — возразил я спокойно. — А что будет завтра?

— Не знаю, — ответил он. — Вы что, уезжаете?

— Я же не могу остаться здесь навсегда. Рано или поздно тебе придётся разбираться самому.

— Я не буду драться, — упрямо произнёс он. Капля упала с опущенного лица, размазав часть строчек на листке. — Я не стану таким, как они.

— Ирвин, — окликнул я. — Посмотри на меня.

Он поднял глаза. Они были мокрыми. Он часто моргал, стараясь удержать слезы от падения.

— Драться — не всегда плохо.

— В школе учат совсем другому.

Я коротко улыбнулся.

— Школа заботится о знаниях. Я забочусь о тебе.

Он нахмурился, выражение его лица стало сосредоточенным, задумчивым.

— А когда драться позволительно?

— Когда ты защищаешь себя, или кого-то ещё, от причинения вреда, — объяснил я. — Когда кто-то хочет сделать тебе больно, или когда другой не может себя защитить, а законные власти не могут или не хотят защищать вас.

— Но чтобы выиграть бой, придётся причинять людям боль. И это неправильно.

— Да, — согласился я. — Это так. Но иногда это необходимо.

— Это не обязательно делать прямо сейчас, — сказал он. — Со мной всё будет в порядке. Это будет больно, но я останусь цел.

— Может быть, — кивнул я. — Но что будет, когда они разделаются с тобой? Что произойдёт, если они решают, что избивать тебя было очень

весело, и пойдут выбирать кого-то другого, чтобы продолжить развлечение?

— Вы, правда, так думаете?

— Да, — сказал я. — Именно так поступают хищники вроде них. Продолжают причинять людям боль, пока кто-то не заставит их остановиться.

Он покрутил карандаш в руке.

— Я не люблю драться. Мне даже игра «Уличный боец» не нравится.

— Речь, на самом деле, не о борьбе, — сказал я, — а о способах общения.

Он нахмурился.

— Чего?

— Они делают нечто плохое, — пояснил я. — Ты должен пообщаться с ними. Дать им понять, что то, что они делают, является неприемлемым, и что они должны прекратить.

— Я говорил, — ответил он. — Я пробовал, давно. Это не сработало.

— Ты говорил с ними, — сказал я. — Это не то. Тебе нужно найти другой способ, чтобы донести до них твоё сообщение. Ты должен им показать.

— Вы имеете в виду, причинить им вред.

— Не обязательно, — спокойно возразил я. — Но парни вроде этих двух шутников уважают только силу. Если ты покажешь им, что ты сильный, до

них дойдёт.

Ирвин нахмурился сильнее.

— Никто никогда раньше не говорил со мной о таком.

— Я так и думал.

— Я… боюсь, у меня не получится.

— А кто не боится? — спросил я. — Но единственный способ победить свои страхи, повернутся к ним лицом. Если ты не сделаешь этого, они по-прежнему будут так поступать с тобой, а потом с другим, и когда-нибудь кто-нибудь получит тяжёлые травмы. Ими могут оказаться даже эти двое ослов, которых покалечат, если кто-нибудь не заставит их осознать, что ведущие себя так долго не живут.

— На самом деле, они неплохие ребята, — медленно сказал Ирвин. — Я имею в виду… со всеми, кроме меня. Они хорошо относятся к другим людям.

— Тогда я бы сказал так, помогая им, ты также помогаешь себе, Ирвин.

Он неторопливо кивнул и глубоко вздохнул.

— Я… я подумаю над этим.

— Отлично, — сказал я. — Думать самостоятельно — ценнейшее умение из тех, что ты со временем обретёшь.

— Спасибо, Гарри, — поблагодарил он.

Я встал и взял метлу.

— Не за что.

Я снова занялся уборкой столовой в стороне противоположной от той, где стоял тренер Пит. Ирвин вернулся к своему письменному заданию — а братья-забияки вошли внутрь.

Они двигались прежним способом, перемещались между столами, расходясь, чтобы зайти на Ирвина с двух сторон. Они не обращали внимания на меня и тренера Пита, им не терпелось вступить в контакт с Ирвином.

Ирвин перестал писать, когда они оба оказались на расстоянии примерно в пять футов от него, и, не поднимая головы, сказал резким твёрдым голосом:

— Стоп.

Они замерли. Я мог видеть лицо только одного из задир, тот хлопал глазами от неожиданности.

— Это не круто, — сказал Ирвин. — Я не позволю вам так поступить.

Братья посмотрели на него, обменялись довольно дикими ухмылками, а потом оба бросились на Ирвина и схватили за руки. Они с поразительной скоростью и силой поволокли его назад и бросили спиной на пол. Один начал хлестать его по

лицу, а второй достал короткий обрезок толстого резинового шланга, задрал рубашку Ирвина, и принялся лупить им по животу.

Я стиснул зубы и потянулся к ручке своей швабры, на самом деле, из ведра торчала совсем не швабра. Это был мой посох, дубовый, шести футов в длину, из дуба, в обхвате с кольцо, образуемое большим и указательным пальцами. Если так братья-драчуны только начинают трёпку, не хочу даже думать, что будет в конце. Есть рядом цверг или нет, но я не мог позволить этому продолжаться, пришлось вмешаться.

Темные глаза тренера Пита сверкнули на меня поверх спортивного журнала, он согнул пальцы на одной руке в фигуру, которую не смог бы повторить ни один человек. Не знаю, какой магической энергией пользуется чёрный альв, но управлялся ей он отлично. Раздался резкий треск, и вода в ведре со шваброй замёрзла в одно мгновение, мой посох оказался в ледяной ловушке.

У меня сильно забилось сердце. Такие магические умения были плохим, очень плохим знаком. Это означало, что цверг лучше, чем я — даже намного лучше. Ему не требовался фокус, в качестве которого я использовал посох, помогавший мне концентрироваться и направлять свою силу.

Если бы мы бились на мечах, такой финт можно было бы сравнить с обрезанием мне кончиков ресниц без единой капли крови. Этот парень убьёт меня, если я буду биться с ним.

Я стиснул зубы, схватил посох обеими руками и послал импульс силы и воли вниз, вдоль по вырезанным на нём рунам, в лёд.

— Forzare, — пробормотал я и провернул посох. Поток чистой энергии ударил в лёд, кроша его на мелкие куски.

Тренер Пит наклонился немного вперед, в напряжении, я увидел, как заблестели его глаза. Чёрные альвы — консерваторы, их культура родилась во время викингов. Они считали бой на смерть за забаву, причём, чем он страшнее, тем веселее, в их представлении, милосердие — это быстрое убийство, а его противоположность — убийство медленное. Если я начну битву с этим цвергом, то она не закончится, пока один из нас не погибнет. И, скорее всего, это буду я. Мне было страшно.

Звуки ударов резинового шланга по животу Ирвина и хриплое дыхание дерущихся детей эхом гуляли по большому помещению.

Я глубоко вздохнул, схватил свой посох обеими руками и начал снова начал писать своё

завещание.

И тут Ирвин Бигфут взревел:

— Я сказал нет!

Парнишка резко крутанул плечами и отбросил одного из братьев, словно веса в нём было не больше, чем в футбольном мяче. Обидчик успел пролететь десять футов прежде, чем приземлился на задницу. Второй брат смотрел на это в шоке, когда Ирвин Бигфут сел, схватил его за шкирку и поднялся на ноги. Он просто держал второго брата на весу и с яростью смотрел на него.

Братья-шпанята унаследовали от сверхъестественного родителя свои хищные инстинкты.

Ирвин от своего отца бигфута получил нечто иное.

Второй брат уставился на более младшего мальчишку и попытался вывернуться, лицо у него побледнело от бешенства. Ирвин продолжал крепко держать его.

— На меня смотри, — рычал Ирвин. — Это плохо. Ты понял меня? Ты делал мне больно. Без всякой причины. Больше не получится. Всё. Я больше не позволю так поступать. Уяснил?

Первый брат приподнялся, сел на пол и с изумлением уставился на бывшую жертву, теперь играючи державшую его брата на весу.

— Ты меня слышишь? — спросил Ирвин, слегка встряхнув мальчишку. Я услышал, как у того лязгнули зубы.

— Д-да, — заикаясь, выдавил юный пакостник, старательно кивая. — Я слышу. Я слышу тебя. Мы оба тебя слышим.

Ирвин нахмурился на мгновение. Затем он дал второму брату толчок, прежде чем отпустить. Хулиган упал на пол в трёх футах от Бигфута и на четвереньках быстро пополз прочь. Оба брата начали медленное отступление.

— Я имею в виду, — продолжил Ирвин, — то, что вы делали, это не круто. Мы придумаем для вас забаву поинтереснее. Согласны?

Братья-дебоширы пробормотали что-то смутно утвердительное, затем выбежали из столовой.

Ирвин Бигфут посмотрел им вслед. Затем перевёл взгляд на свои руки, поворачивая их так и этак, как будто никогда не видел их раньше.

Я покрепче ухватил посох и взглянул через столовую на тренера Пита.

— Похоже, мальчики сами между собой разобрались, — произнёс я, с деланным удивлением выгнув бровь.

Тренер Пит медленно опустил журнал. Воздух был насыщен напряжением, а тишина казалась

твёрдой, как стена.

Наконец, цверг заговорил:

— Вам велено было писать предложение, мистер Паундер.

— Так-точно-тренер-Пит-сэр, — ответил Ирвин. Он вернулся к столу, сел, и его карандаш снова начал царапать по бумаге.

Тренер Пит кивнул ему, потом подошёл ко мне. Он стоял передо мной с минуту, с совершенно пустым выражением лица.

— Я не вмешивался, — сказал я, — не пытался отговорить ваших мальчиков следовать их природе. Это Ирвин сделал.

Чёрный альв задумчиво поджал губы, затем медленно кивнул.

— Технически, это верно. И, тем не менее, вы приложили руку к тому, что только что произошло. Почему я не должен покарать вас за вмешательство?

— Потому что я просто помог вашим ребятам.

— Каким образом?

— Ирвин и я научили их проявлять осмотрительность — помнить, что некоторые жертвы слишком сильны, чтобы с ними связываться. И нам даже не пришлось колошматить их, чтобы стало понятнее.

Тренер Пит на секунду задумался, потом слегка улыбнулся мне.

— Урок лучше усвоить рано, чем поздно.

Он повернулся и пошёл прочь.

— Эй, — окликнул я резко, твёрдым голосом.

Он остановился.

— Вы сегодня отобрали у парнишки книгу, — сказал я. — Пожалуйста, верните её.

Карандаш Ирвина вдруг громко царапнул по бумаге.

Тренер Пит обернулся. Затем вытащил из кармана упомянутый томик в мягкой обложке и подбросил в воздух. Я поймал его одной рукой, что, вероятно, заставило меня выглядеть гораздо более спокойным и собранным, чем я чувствовал себя в то время.

Тренер Пит склонил передо мной голову, чуть ниже, чем раньше.

— Чародей.

Я повторил жест.

— Свартальв.

Он вышел из столовой, качая головой. Мне послышалось что-то звучащее подозрительно похоже на хихиканье.

Я дождался, пока Ирвин покончит с чистописанием, потом проводил его до парадного входа,

где его бабушка по материнской линии ждала, чтобы забрать внука.

— Это было хорошо? — спросил он меня. — Я имею в виду, я поступил правильно?

— Тебе надо не меня спрашивать, считаю ли я, что ты правильно поступил, — ответил я.

Ирвин вдруг улыбнулся мне.

— Считаю ли я, что я действовал правильно? — Он медленно кивнул. — Я думаю… Думаю, что да.

— Как ты теперь себя чувствуешь? — спросил я его.

— Хорошо. Я чувствую себя… не то чтобы счастливым. Но довольным. Удовлетворённым.

— Вот как это должно ощущаться, — сказал я. — Всякий раз, когда у тебя есть выбор, делай добро, малыш. Это не всегда весело и легко, но в долгосрочной перспективе это делает твою жизнь лучше.

Он кивнул, задумчиво хмурясь.

— Я запомню.

— Молодец, — сказал я.

Он протянул мне руку с очень серьёзным видом, и я пожал ее. У него было сильное рукопожатие для мальчика.

— Спасибо, Гарри. Может… я могу попросить тебя об одолжении?

— Конечно.

— Если ты снова встретишься с моим отцом… не мог бы ты сказать… не мог бы ты сказать ему, что я поступил хорошо?

— Разумеется, — ответил я. — Думаю, то, что ты сделал, заставит его очень гордиться тобой.

Малыш теперь почти светился от радости.

— И… и передай ему, что… что я хотел бы встретиться с ним. Ну, ты понимаешь. Когда-нибудь.

— Передам, — произнёс я спокойно.

Ирвин Бигфут кивнул мне на прощание. Он повернулся и пошёл своей неуклюжей походкой к ожидающему автомобилю, затем сел в него. Я стоял и смотрел, пока машина не скрылась из виду. Тогда я закатил ведро со льдом обратно в школьную кладовку для уборочного инвентаря, и теперь мог собираться домой.

02. Я был подростком-бигфутом

События рассказа относятся приблизительно к тому же времени, что и в романе «Барабаны зомби»

Полюбившийся многим детектив-чародей разыгрывает неких охотников за сверхъестественным с кучей навороченного оборудования, а также пытается спасти жизнь сыну своего большого друга, чьи жизненные силы медленно выкачивает неизвестный злодей.

Бывают моменты, когда моё призвание профессионального чародея зовёт меня на свежий воздух, и в ту ночь я был в северных лесах Висконсина с разношёрстной компанией полу-исследователей, полу-энтузиастов, полу-… Короче, ботаников.

— Я не уверен, чувак, — сказал тощий парень по имени Нэш. — Опять же этот, как его там?

Из лесу доносились обычные для таких мест звуки. Спустя полчаса после наступления полной темноты, я ворошил заранее разведённый небольшой костёр, делая вид, что не замечаю тех, кто стоял от меня на расстоянии несколько

шагов.

— Гарри Дрезден, — подсказал Гэри, жирненький пацан, с мобильником, GPS-навигатором и какой-то фигнёй для видеоигр на поясе. — Экстрасенс, или что-то в этом роде.

Он пробежался ловкими пальцами по поверхности того, что они теперь называют «умным» телефоном. Чёрт возьми, эти проклятые штуковины стопудово умнее меня.

— Слышал, этот чувак много раз помогал чикагскому ОСР. Я бы посерфил ссылки в инете, но приём тут полный отстой.

— Экстрасенс? — презрительно процедил Нэш. — Если мы продолжим таскать с собой подобных придурков, кто тогда сможет воспринимать наши исследования всерьёз?

Гэри пожал плечами.

— Доктор Синор вроде бы знакома с ним.

Моё знакомство с доктором Синор состоялось прекрасным летним вечером в пригородном парке, когда я спас её из пасти людоеда. Это происшествие сильно подорвало её материалистическое мировоззрение и она увлеклась прямо противоположным — всё её свободное время теперь посвящалось таким замечательным мероприятиям, как сегодняшняя экспедиция в по-

исках снежного человека, иначе говоря, бигфута.

— Джентльмены, — с раздражением произнесла Синор. Эта седоволосая, прагматичная особа имела весьма нескладную фигуру и плоское, как вяленая вобла, тело. — Может хоть кто-нибудь ударить палец о палец с этими долбанными динамиками, чтобы мы успели подать подманивающий зов хотя бы раз или два до рассвета?

Гэри и Нэш тут же двинулись в темноту от костра, начиная возиться в полудюжине тюков, набитых под завязку разными камерами слежения, спецдинамиками, пахучими метками, звуковыми регистраторами и прочим исследовательским оборудованием.

А я не спешил — не торопясь вытащил из кармана бутерброд и стал его медленно пережёвывать.

Для сведения — в лесу ночью темно, иногда просто тьма кромешная. Небо было безлунное, свет звезд не мог проникнуть более чем на несколько дюймов в густом пологе из лиственных и хвойных деревьев. Лес освещался лишь моим маленьким костром и ещё ручными фонариками исследователей.

Электроника аппаратуры глючила — наверняка из-за меня. Современные технологии не ладят с даром магов. Поэтому поначалу, примерно с час

раздавались одни только хлопки по комарам, да ещё и «белый шум» динамиков.

Потом все же удалось выйти на связь, и закипела рутиной работа. Вначале транслировали по динамикам рёв приматов, затем с сознанием долга записывали ответные лесные звуки. Наконец опять всё вышло из строя. Но никто не сдавался — работа продолжалась, несмотря на трудности, оборудование починили, а под утро Гэри попытался простукивать деревья, точнее стучать по деревьям упавшими сучьями и ждать, не раздастся ли ответ.

Я относился с симпатией к Синор, но тут выполнял только роль сопровождающего и поэтому не собирался участвовать в суете её команды.

Вся эта идея «давайте найдём бигфута» лично мне кажется малость сырой и непродуманной.

Допускаю, что подобная точка зрения отличается от не-чародейской, но переться в лес для поиска громадного и чудовищно сильного существа, громогласно транслируя записи того, что, по вашему мнению, является вызовом на поединок за территорию (либо зовом к спариванию), кажется… несколько неразумным.

Я имею в виду, что всё нормально, если там нет никакого снежного человека и в помине, но

вот что будет, если с криками: «Выходи, подлый трус!» — вы на него наткнётесь?

Хуже того — что, если это он найдёт вас?

Еще хуже — вдруг окажется, что вы кричали: «Сделай меня, детка!» — и он найдёт вас тогда?

И что со мной такое? Или я сбрендил, или давно не искал неприятностей на собственную голову.

Так или иначе, пока я поддерживал свой костерок, Сомнительная Исследовательская Деятельность продолжалась. Около полуночи я поднял глаза и увидел массивную фигуру, стоящую у линии деревьев, на самой границе света моего гаснущего костра и сумрака.

В девяноста девяти процентах случаев я считаюсь высоким, но этот парень был выше. Моя голова, вероятно, находилась где-то на уровне его ключицы, если я правильно определил местонахождение ключиц под покрывавшими его длинными, косматыми, тёмно-бурыми волосами. Их явно не хватало, чтобы скрыть груду мускулатуры на его громадном торсе, а также чуточку не по-человечески упрощённые и искаженные пропорции тела. Лицо было широким, грубоватым, с тяжёлыми надбровными дугами превращающие глаза в простые блики отражённого света.

Даже того, кто подобное уже видел в действии,

увиденное подавляло ощущением потрясающей мощи от одних лишь габаритов его тела. Это реакция на нечто, значительно большее, чем вы, автоматическое предположение угрозы, встроенное в человеческий мозг: большой — значит, опасный.

Прошло примерно секунд пятнадцать до того, как первый исследователь, Гэри, кажется, заметил его и издал придушенный вздох. Боковым зрением я видел, как вся группа обернулась к массивной фигуре у огня и застыла на месте. Тишина уподобилась хрупкому кристаллу.

Я разбил её, сорвавшись с места и испустив пронзительный вопль.

Полдюжины других воплей присоединилось к нему, и я крутанулся, будто пытаясь сбежать, только чтобы увидеть, как доктор Синор и команда улепётывают обратно к машинам по той дороге, по которой мы пришли в лес.

Я сдерживался так долго, как мог, и лишь когда стал уверен, что они не услышат, выпустил бурлящий у меня в груди смех. Я опустился обратно на своё бревно у костра, посмеиваясь, и подозвал большую фигуру ближе.

— Гарри, — прогремела она очень, очень глубоким голосом с почти неразличимым акцентом

американских индейцев. — У тебя примитивное чувство юмора.

— Ничего не могу поделать, — сказал я, утирая выступившие от смеха слёзы. — Это никогда не устаревает.

Я помахал в сторону открытого местечка напротив костра.

— Садись, садись, будь как дома, большой брат.

— Благодарю, — прогремел гигант и присел на корточки у огня, приветственно коснувшись груди у сердца пальцами размером с огурцы. На его широком, грубом лице проявилось довольное выражение. — Найдётся закурить?

Теперь нужно было соблюдать определённый этикет, я не первый раз имел дело с лесным аборигенами — они свято соблюдали традиции, и имели чётко определённые правила, по которым ведут дела друг с другом, а Сила Реки в Плечах был представителем именно этой старой школы.

В соответствии с традицией, мы начали с предусмотрительно припасённой для этого случая тридцатидолларовой сигары, потом ели поджаренную пастилу с шоколадным соусом посредине, и пили из одинаковых специально купленных мною пластиковых бутылок кока-колу. Когда мы закончили трапезу, огонь уже прогорел до

раскалённых углей, что меня вполне устраивало — и я знал, что Река в Плечах чувствовал себя комфортнее в полумраке. Ужин удался на славу, а вот если бы организационные вопросы решал бигфут, то мы наверняка курили, ели и пили разные сырые и неприятные вещи. Поэтому не я был против того, чтобы самому всё организовать и оплатить.

Кроме того, потратиться стоило. Лесные люди жили тут задолго до Великой золотой лихорадки девятнадцатого века, и они были обеспечены. В прошлый раз, когда я имел с ним дело, Река в Плечах выплатил мне гонорар золотым самородком размером с мяч для гольфа.

— Твои друзья, — сказал он, кивнув в сторону исчезнувших исследователей, — собираются вернуться?

— Не раньше рассвета, — ответил я. — Они уверены, что ты меня поймал.

Грудь Реки в Плечах затряслась от звуков, которые одновременно означали смех и некоторое недовольство.

— Как будто на мой народ ещё недостаточно ярлыков навешали.

— В любое время, как только пожелаешь, я могу захватить тебя на шоу Ларри Фаулера, и там ты

сможешь обелить имя своего народа.

Река в Плечах вздрогнул, с его габаритами это было сильное сотрясение.

— Телевидение разлагает мозг людей, которые его смотрят. Даже знать не хочу, что происходит с теми, кто это снимает.

Соглашаясь, я хмыкнул, затем, переводя разговор ближе к делу, заметил:

— Получил твоё сообщение и, как видишь, уже здесь.

— И вот ты здесь, — повторил он, затем нахмурился, это выражение выглядело действительно устрашающе на его лице. Повисла пауза. Не стоит торопить лесной народ. По меркам людей они неторопливы почти до инопланетного уровня, итак наша сегодняшняя встреча проходит с неприличной поспешностью по стандартам Реки в Плечах. Наконец, отпив немного кока-колы из бутылки, выглядящей игрушкой в его громадной руке, он вздохнул.

— Возникла проблема с моим сыном. Опять.

Кивнув, я сделал глоток кока-колы и немного подождав, ответил:

— Когда я последний раз видел Ирвина, он был прекрасным и сильным мальчиком.

Беседа текла в заданном ритме, с созерцатель-

ными паузами через каждые пару слов.

— Он болен.

— Дети иногда болеют.

— Но не дети лесного народа.

— Что, никогда?

— Никогда. И я не буду цитировать Гильберта и Салливана.[60]

— Их музыка была легкомысленная и приятная.

Река в Плечах кивнул в знак согласия.

— Верно.

— Что ты можешь рассказать мне о болезни сына?

— Его мать рассказала мне, что школьный врач сказал, что у него нечто, называемое мо-но.

— Инфекционный мононуклеоз, — облегчённо вздохнул я. — Обычное заболевание, оно неопасно.

— Болезни не трогают детей лесного народа, — проворчал Река в Плечах.

— Даже если второй из родителей является человеком? — поинтересовался я.

---

[60] Примечания: 60

Драматург сэр Уильям Швенк Гильберт (Sir William Schwenck Gilbert, 1836–1911) и композитор сэр Артур Сеймур Салливан (Sir Arthur Seymour Sullivan, 1842–1900) — английские авторы, создавшие во второй половине XIX века четырнадцать комических опер.

— Верно, — сказал он. — Значит, происходит что-то ещё. Я беспокоюсь за безопасность Ирвина.

Огонь издал последний треск и ненадолго слабо вспыхнул, давая мне разглядеть Реку в Плечах. Грубые черты его лица были тронуты тем же сдержанным беспокойством, что я уже видел на десятках и десятках лиц своих клиентов.

— Он до сих пор не знает про тебя, так?

Гигант подвинулся, как бы устраиваясь поудобнее.

— Ваше общество, по-моему, бессмысленно и запутано. И это хорошо. Будь повсюду одно и то же — земля стала бы скучнейшим местом.

Я чуть задумался над этим, а затем сказал:

— Ты чувствуешь, что у него и так достаточно проблем.

Река в Плечах развёл руками, как будто мои слова высветили истину.

Я кивнул, обдумывая это, и сказал:

— Мы мало чем отличаемся. Живя среди людей, мальчик всё равно скучает об отце.

— Голос по телефону — не отец, — возразил он.

— Но это больше, чем ничего, — парировал я. — Я жил с отцом, потом осиротел. С родителем было лучше.

Молчание длилось дольше обычного.

— Всему своё время, — печально ответил гигант. — Сейчас меня тревожит его физическое состояние. Я не могу быть с ним рядом и обсуждал это с его матерью. Мы оба просим того, кому доверяем, держать нас в курсе происходящего.

Я не был согласен с Рекой в Плечах по поводу разговора с его ребёнком, но это не имело значения. Мне платят за то, в чём я эксперт, а педагогика явно не мой конёк. Ему нужна была помощь в присмотре за подростком. Так что я собирался сделать то, что могу, чтобы ему помочь.

— Где я могу найти Ирвина?

— В Чикаго, — сказал он. — В Академии имени Святого Марка для одарённых и талантливых.

— Школа-интернат. Знаю это место. — Я допил кока-колу и поднялся.

— Буду рад ещё раз помочь лесному народу.

Гигант, вставая, повторил мои действия.

— Уже отправил аванс на твой счёт. Утром его мать передаст тебе ключ от двери.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы интерпретировать несовершенное понимание Рекой в Плечах реалий общества смертных.

— Доверенность, — поправил я его.

— Ага, — согласился он.

— Передавай ей от меня привет.

— Обязательно, — пообещал он, коснувшись на прощание своей массивной груди кончиками толстых пальцев.

В ответ я прижал кончики пальцев к груди над сердцем и кивнул своему клиенту.

— Примусь за дело утром.

* * *

Большая часть времени до рассвета у меня ушла на то, чтобы добраться обратно в Чикаго и, зайдя домой, переодеться. Я надел серый костюм с белоснежной рубашкой и пристёгивающимся галстуком, и направился к Академии имени Святого Марка. Я не поклонник таких откровенно официальных костюмов. С одной стороны, с моим баскетбольным ростом мне всегда приходится шить на заказ. С другой стороны, мне они просто не нравятся — но иногда это действительно удобная маскировка, особенно когда я хочу производить впечатление серьёзного и ответственного.

Академия находилась на северной окраине северного пригорода Чикаго, и была переполнена отпрысками городской элиты. Имелась собственная небольшая служба безопасности. Полный

набор из традиционных кованых железных ворот, кирпичных стен и старых деревья совместно с плющом. Множество строений располагалось посреди парка, планировкой напоминая миниатюрный университетский городок и, как дань традиции, в центре, располагалось здание администрации — первая цель моего визита.

У меня ушло пятнадцать минут на улаживание различных формальностей — получение дамой из приёмной факса с доверенностью от матери Ирвина. Будучи археологом, та пребывала где-то на просторах Канады. Факс включал моё описание, и мне пришлось предъявить дополнительно ещё и своё удостоверение, и лицензию сыщика. Ещё полчаса заняло ожидание допуска в офис доктора Фабио — декана.

— Доктор Фабио, — обратился я, усилием воли сдерживая ухмылку.[61]

Фабио был хорошо выглядевшим мужчиной средних лет и даже не собирался предложить мне присесть, а его взгляд не скрывал презрения ко мне, несмотря на мой вполне приличный костюм.

— Сын мисс Паундер пребывает в нашей

[61] Примечания: 61

У декана та же фамилия, что у Фабио Ланзони, который долгое время работал моделью для обложек любовных романов

больнице под присмотром высококвалифицированного медицинского персонала в составе медсестры и проводящего осмотр три раза в неделю врача, — официальным тоном заявил доктор Фабио, после того как выслушал о цели моего визита. — Уверяю вас, за ним очень хороший уход.

— Уверять надо не меня, а его мать, — парировал я.

— В таком случае считаю вашу миссию на этом исчерпанной, — гнул своё Фабио.

Я покачал головой.

— Я обязан удостовериться в этом, доктор.

— Не нахожу целесообразности в нарушении как постельного режима Ирвина, так и нашего академического распорядка, мистер Дрезден, — настаивал Фабио. — Наши студенты занимаются по самой интенсивной программе обучения в мире, а это требует большого внимания и усилий.

— Дети гибки, — сказал я. — А я буду тихим, как мышка. Они даже не узнают, что я здесь.

— Сожалею, — отрезал он, — но я не намерен позволять бродить по территории посторонним ищейкам.

Я кивнул со всей серьезностью.

— Замечательно. Тогда я сообщаю доктору Паундер, что мне, должным образом уполномо-

ченному представителю, отказано в возможности увидеть ее сына и подтвердить состояние его здоровья. Уверен, что замечательный доктор будет сильно обеспокоена таким поворотом дела и это разбудит у неё сильнейший материнский инстинкт, вот тут стопроцентно уверен, она в ту же секунду вызовет самолет, чтобы забрать её с раскопок или выберется оттуда самостоятельно с рюкзаком. — Я искоса взглянул на Фабио. — Вы встречались лично с доктором Паундер?

Он хмуро посмотрел на меня.

— Она примерно с меня ростом, — показал я, приложив руку к своему виску.

— И зарабатывает себе на жизнь трудом на свежем воздухе. Уверен, что она могла бы побороться даже со снежным человеком. — Хе-хе. Между прочим.

— Вы угрожаете мне? — спросил доктор Фабио.

Я улыбнулся.

— Просто говорю, что беспокойство от меня ничтожно по сравнению с Мамой-Медведицей. Вот она станет головной болью на недели. Дайте мне полчаса, и я уйду.

Фабио сердито посмотрел на меня.

В академии имени Святого Марка была замечательная, прекрасно оснащённая больница. Она

располагалась в непосредственной близости от здания со спортзалом. Я прошёл мимо молодого человека по имени Стив, который был одет в безупречную, хорошо подогнанную униформу охранника.

Стив постучал костяшками пальцев по косяку открытой двери и сказал:

— Посетитель к мистеру Паундеру.

Молодая женщина, которая выглядела слишком уж хорошо для таких, как доктор Фабио и Стив, оторвалась от кроссворда. У нее были каштановые волосы, очки без оправы, и формы, которые не скрывала даже покрытая веселым узорчиком форма медсестры.

— Ну, — начал с порога заигрывать я. — Здравствуй, сестричка.

— Не думаю, что можно соблазнить с первого взгляда, цитируя Якко и Вакко Уорнеров, — заметила она сухо.

— Я тоже.

Не спеша войдя, я протянул в приветствии руку.

— Гарри Дрезден, частный детектив.

— Джен Жерард. Ваши верительные грамоты я уже случайно использовала на кроссворды.

Она пожала мою руку.

— Все зовут меня сестра Джен.

Затем покосилась на Стива.

— Эти летучие обезьяны[62] пропустили вас, да?

Стив с профессионально невозмутимым видом скрестил руки на груди.

Сестра Джен слегка ударила его запястьями.

— Кыш. Кыш. Если на меня внезапно нападут, я буду кричать, как и положено Элли.[63]

— Никаких посетителей в отсутствии охранника, — решительно заявил Стив.

— Это только если они богаче парня в дешёвом костюме, — лукаво ответила Джен, нежно улыбнулась Стиву и закрыла дверь в лазарет. Едва не прищемив ему кончик носа.

Затем повернулась ко мне и спросила:

— Вас доктор Паундер послала?

— Она в отъезде, — объяснил я. — Просила проведать её сына и убедиться, что с ним всё в порядке. К вашему сведению, этот костюм не дешёвый.

---

[62] Примечания: 62

Здесь и далее летучими обезьянами Джен шутливо называет охранников

[63] Примечания: 63

Тут обыгрывается эпизод из книги «Волшебник Изумрудного города» с Элли и летучими мышами

Сестра Джен усмехнулась и сказала:

— Парень, я и не думаю, что ваш рост позволяет вам одеваться в ширпотреб.

Она повела меня через приёмную больничных покоев, в которой был пункт первой медицинской помощи и смотровой стол. Не создавалось впечатления, что ими часто пользовались. Там было несколько прилегающих комнат. Одна из них ванная, в другой находилась отлично оснащённая палата интенсивной терапии, включая функциональную медицинскую кровать.

На ней спал Ирвин. Я без труда узнал его, хотя прошло уже несколько лет с момента последней нашей встречи. Несмотря на свои четырнадцать лет, рост его превышал шести футов, и он занимал всю длину кровати, имея при этом вид тощего недокормыша.

Джен подошла к нему и мягко потрясла его за плечо. Парнишка пробормотал что-то, сонно хлопая глазами, затем взглянул на меня.

— Гарри, — произнёс он, узнавая. — Что вы здесь делаете?

— Привет, парень, — бодро произнёс я. — Слышал, ты захворал. Твоя мама попросила проведать тебя.

Он слабо улыбнулся.

— Да. Вот что получается, если оставить меня в Чикаго, вместо того чтобы взять с собой в Британскую Колумбию.

— И можно представить, сколько банок тушёнки тебе не удалось слопать.

Ирвин фыркнул, закрыл глаза и сказал:

— Передай ей, что со мной всё в порядке, просто нужно отоспаться.

Затем он, очевидно, этим и занялся.

Сестра Джен осторожно вышла из палаты, выведя меня за собой.

— Вот так всё время, — развела она руками. — Спит около двадцати часов в сутки.

— Это нормально при мононуклеозе? — спросил я.

— Не совсем, — ответила сестра Джен, покачав головой. — Хотя нельзя сказать, что из ряда вон. Диагноз пока предварительный, основанный на симптомах. То есть для полной уверенности его нужно подтвердить лабораторными анализами.

— Фабио не разрешит? — уточнил я.

Она махнула рукой.

— Он не любит лишних расходов — постоянно ведёт разговоры о режиме экономии, о прибыли академии за последний квартал и тому подобное. К тому же лечащий врач уверен, что это моно-

нуклеоз.

— Вы не сообщали обо всём этом его матери? — поинтересовался я.

— Я никогда не общалась с ней. Всё общение с родителями идёт только через доктора Фабио, тем самым обеспечивая так называемый индивидуальный подход. И, кроме того, я всего лишь медсестра — врач официально сказал: мононуклеоз, значит это мононуклеоз.

Я хмыкнул.

— То есть парень в опасности?

Она покачала головой.

— Если бы я думала так, к чёрту Фабио и летучих обезьян. Я бы сама отвезла парнишку в госпиталь. Однако то, что он в безопасности сейчас, не означает, что в скором времени с ним ничего не случится. Вероятно, это моно. Но…

— Но, — продолжил я за неё, — рисковать здоровьем ребёнка нельзя.

Она сложила руки.

— Точно, особенно если его мать находится так далеко. Тут вопрос именно в уверенности.

Я кивнул:

— А сами анализы представляют опасность для здоровья?

— Это простой анализ крови.

Я обдумал ситуацию. Кровь Ирвина вряд полностью аналогична крови человека, хотя кто знает, насколько должны быть чувствительны анализы, чтобы это определить. Потомство пар обычного человека и лесного народа до сих пор не производили фурор в научных кругах, хотя они существуют столько же, сколько существует человечество, таким образом можно предположить, что возможные различия не так просто обнаружить. Значит, риск оправдан, особенно если Река в Плечах немного ошибается насчет наличия у Ирвина иммунитета к болезням людей.

И самое главное, для работы мне необходимо быть в одиночестве.

— Договорились, делайте анализы под мою ответственность и за мой счёт. При условии, конечно, что парень не против.

Сестра Джен нахмурилась, когда я начал говорить, затем кивнула на втором предложении.

— Хорошо.

Она достаточно долго будила Ирвина, чтобы объяснить ему про анализы — просто убедиться, что с ним всё в порядке — и взяла у него две маленьких пробирки крови из руки. Потом унесла кровь в соседнюю лабораторию, оставив меня сидеть с Ирвином.

— Как дела, малыш? — спросил я. — Хулиганы не трогают?

Ирвин тихонько фыркнул.

— Нет, не очень. Хотя здесь они не используют для этого кулаки. И ещё их здесь намного больше.

— Это то, что они называют цивилизацией, — сказал я. — Но всё-таки лучше так, чем наоборот.

— Почти то же самое. Если показать им, что не боишься, они оставят тебя в покое.

— Так и есть, — согласился я. — Трус есть трус, и неважно, использует он удары или слова.

Ирвин улыбнулся и снова закрыл глаза.

Я дал парню несколько минут, чтобы заснуть крепким сном, прежде чем приступил к работе.

Река в Плечах попросил меня о помощи не потому, что я был единственным порядочным человеком в Чикаго. В прошлый раз, когда у Ирвина были проблемы, они уходили корнями в сверхъестественную сторону реальности. Очевидно, гигант считает, что эта проблема была аналогичной, а он был умнее, чем подавляющее большинство человеческих существ, включая меня. Я был бы дураком, если бы недооценивал его проблемы. Я не думал, что это было нечто более серьёзное, чем неизбежные детские болезни, но

всё же тщательно подготовился. Вот что значит быть профессионалом.

Всё, что мне нужно, было в карманах моего костюма. Я достал маленький пакетик растёртого в порошок кристалла кварца, затем кусок бумаги с надписью рунами, сделанной чернилами с добавлением того же порошка, и сложил его веером. Потом встал над Ирвином, взяв небольшую паузу, необходимую не только чтобы сосредоточится на самом заклинании, но и для достижения нужного физического равновесия

Я сделал глубокий вдох, рассеял пакет кварцевой пыли в воздухе с одновременным взмахом исписанного рунами веера, очертив крутую дугу, и выпустил наружу свою волю, прошептав:

— *Optio.*

Свет заиграл в широком облаке тонкой пыли, это мерцающее сияние охватило всё облако и переливалось всеми цветами радуги пульсирующими волнами. Это была красивая магия. Взрывы, молнии и так далее были для меня довольно обычным делом — а вот такое тонкое, занимательное заклинание было редкостью. Мне доставило удовольствие, что появился повод использовать его.

Облако пыли плавно оседало над спящим

мальчиком, цвета начали циркулировать, когда заклинание вступило во взаимодействие с аурой, жизненной энергией, которая окружает всех живых существ. Аура Ирвина была чертовски сильной, выдающейся на несколько сантиметров дальше от тела, чем у большинства людей. Я был взрослым чародеем, и сильным, но моя аура не была более мощной. Возможно, дело было в крови его отца. Лесные люди владеют мощной магией, которая была одной из причин, что никому ни разу не удалось как следует рассмотреть кого-либо из них. Ирвин начал накапливать запас энергии, способный конкурировать с запасом любого из Белого Совета чародеев.

Это было правдоподобным объяснением предполагаемому иммунитету Ирвина к болезням — аура вокруг него была слишком сильна, чтобы её мог преодолеть обычный микроб или вирус. Поддерживаемая этим видом энергии, иммунная система его организма будет просто китом по сравнению с любыми захватчиками. Это, вероятно, также объясняло габариты Ирвина — его растущее тело за счёт грубой силы своей ауры оптимизировало весь потенциал, заложенный в смешанных генах. Если подумать, этим даже можно объяснить длину волос на теле Реки в пле-

чах, которая просто говорит о том, что никакие сверхъестественные способности не идеальны.

А когда пыль осела вокруг тела Ирвина, она показала нити чёрной магии, повсюду пронизывающие его ауру, пульсирующие и трепещущие с беспокойной, кипучей энергией.

Я чуть не упал со стула от полнейшей неожиданности.

— О, нет, — проворчал я. — Малыш просто не мог подхватить мононуклеоз. Это было бы слишком просто.

Я вызвал лёгкий порыв ветерка, сдувшего кварцевую пыль с покрывала и пижамы Ирвина Бигфута, и сел обдумывать ситуацию.

Парень был не просто ранен чёрной магией — это проделывалось с ним так часто, что остались отметины повреждений его ауры. Некоторые из этих шрамов были довольно свежие, скорее всего, вред был причинён только прошлой ночью.

Большинство магических воздействий не более страшные, таинственные или сложные, чем физические. На самом деле, очень много того, что происходит в магии, может быть описано базовыми понятиями физики. Например, энергия сама по себе ни возникает и ни исчезает — она лишь переходит из одной формы в другую. Бур-

лящая жизнью аура вокруг молодого отпрыска представляет собой богатый источник энергии.

Очень крупный источник.

Кто-то выкачивал энергию из Ирвина Бигфута. Теперь до меня дошло, что невероятная жизненная аура вокруг малыша была лишь слабой тенью той, какой должна быть. Кто-то воровал у парня эту энергию и использовал её в своих целях. Какой-то вампир? Может быть. Вампиры Белой Коллегии высасывают жизненную энергию из своих жертв, хотя в большинстве случаев делают это посредством физического контакта, в основном во время секса, но в среде строго контроля смешанной школы-интерната подобные вещи маловероятны. Столь значительные повреждения ауры Ирвина ярко свидетельствовали, насколько регулярно и часто он подвергался атакам.

Вампиров можно было не принимать в расчёт. Почти. Им было трудно проникнуть в это место. Нельзя полностью отбрасывать версию про одних из самых вероятных подозреваемых — вампиров, но, во-первых, им было трудно проникнуть в это место, а во-вторых, если бы на подростка нацелился кто-то из Белой Коллегии, то аура получила бы в некоторых областях больший ущерб, чем в

других. Вместо этого аура повреждена равномерно. Это фактически доказывало невиновность вампиров и магическую природу атаки.

Я откинулся в кресле в ожидании, наблюдая за спящим Ирвином Бигфутом. Лучше быть на страже на случай очередного нападения, по крайней мере, пока медсестра Джен не вернётся.

Река в Плечах был прав. Это не болезнь. Кто-то убивает малыша, очень, очень медленно.

Нельзя оставлять его одного без защиты.

Сестра Джен вернулась около двух часов спустя и с удивлением приподняв брови, зафиксировала очевидное:

— Вы всё ещё здесь.

— Вроде того. А что я должен был сделать? — деланно удивился я.

— Оставить свой номер, чтобы я могла позвонить и сообщить результаты, — не отступала она.

Я подмигнул в ответ.

— Если это вас осчастливит, то я ещё могу успеть это сделать.

— Я лучше отдохну вместо свиданий с мультяшными персонажами и детьми-переростками, которые их обожают.

Она подняла конверт и сказала:

— Это мононуклеоз.

Я удивлённо заморгал.

— Вот это?

Она со вздохом кивнула.

— Определённо. Острый случай, по-видимому, но это мононуклеоз.

Я медленно кивнул, размышляя. Всё это означало, что иммунная система Ирвина опиралась прежде всего на энергию ауры. Нападения уменьшили ауру и следовательно уменьшило его возможность сопротивляться болезни. Бигфуту без помощи ауры не хватило сил бороться с инфекцией, что и привело к заражению, а вполне возможно, у его организма никогда и не было практики самостоятельной борьбы с вирусами.

Сестра Джен склонила голову набок.

— О чём вы думаете?

— Насколько всё плохо? — ушёл я от ответа. — Может, лучше отправить его в больницу?

— Он и так в больнице, — сказала она. — Пусть в маленькой, но у нас здесь всё, что вы найдете в большой, кроме аппарата для искусственной вентиляции лёгких. До тех пор, пока его состояние не станет совсем тяжёлым, всё будет нормально.

За исключением того, что с ним не будет всё нормально. Если утечка его жизненной энергии

продолжится, у него может не хватить сил, чтобы бороться с этой болезнью — и любыми другими микробами, которых он случайно подхватит.

Похоже, мальчик был беззащитен, и кроме меня некому стать между Ирвином Бигфутом и тем, что убивало его.

Я взглянул на Джен и заявил:

— Мне нужно позвонить.

— Насколько серьёзно? — спросила доктор Паундер. Её голос был скрипучий. Она говорила со мной по любительской радиосвязи откуда-то в дебрях незаселённой части Канады, и кричала, чтобы расслышать саму себя сквозь статические помехи и перебои между рацией и телефоном.

— Возможно, очень серьёзно. — Я тоже почти кричал. — Думаю, вам нужно приехать сюда немедленно!

— Ему настолько плохо? — заволновалась она.

— Да, док, — не стал успокаивать я. — Есть опасность осложнений, не думаю, что стоит оставлять его одного.

— Тогда выезжаю, но здесь буря надвигается, которая может продлиться день или два.

— Понял, — сказал я. — Побуду с ним до вашего приезда.

— Вы хороший человек, Дрезден, — голос её

потеплел. — Спасибо. Я приеду так скоро, как смогу. Паундер, конец связи.

Я повесил трубку, а Джен ошарашено уставилась на меня, приоткрыв рот.

— Какого чёрта вы себе позволяете?

— Такая у меня работа, — спокойно парировал я.

— С мальчиком всё будет в порядке, — возмущённо продолжала Джен. — Сейчас он чувствует себя не очень хорошо, но скоро ему станет лучше. Я же сказала вам, это мононуклеоз.

— Происходит нечто большее, чем это, — сказал я

— Правда? — спросила Джен. — И что именно?

Объяснение убедило бы её лишь в том, что я был сумасшедшим.

— Я не имею права всё рассказать. Доктор Паундер сможет объяснить, когда приедет.

— Если это касается здоровья, я должна знать об этом, — она сложила руки. — В противном случае, возможно, мне следует сообщить летучим обезьянам, что вы создаёте проблемы.

— Я сказал его матери, что хотел бы остаться с ним.

— Вы наговорили его матери много чего.

— В такой ситуации, кашу маслом не испор-

тишь.

— Думаю, для начала я займусь вами.

Я чувствовал усталость. Нужно поспать. Пытаясь взбодриться, вдохнул и медленно выдохнул.

— Сестра, — не терял терпение я. — Не только вы проявляете заботу о малыше. Я не оспариваю ваши медицинские знания и ваш авторитет, просто хочу побыть рядом с ним до приезда его матери. Для этого меня и наняли.

Сестра Джен искоса взглянула на меня.

— Что вы имели в виду, сказав, что это больше, чем только мононуклеоз?

Я скрестил руки на груди.

— Гм. Ирвин хороший парень. Согласны?

— Конечно, он отличный парень. Действительно милый, внимательный.

Я кивнул.

— Но привлекает к себе внимание… таких… как бы это сказать?

— Полных придурков? — предположила сестра Джен.

— Точно, — согласился я. — Тех, кто принимает доброту за проявление слабости.

Она нахмурилась.

— Вы полагаете, что его болезнь является результатом преднамеренных действий?

— Не уверен, что это так, — объяснил я. — Но в любом случае, пока всё не выясню, и, пока не приедет мать, я буду рядом с парнем.

Она продолжала сомневаться.

— Я не допущу, чтобы вы что-либо делали без согласования со мной. Мне наплевать, сколько документов вы предоставите. И стоит мне закричать, как летучие обезьяны тут же вышвырнут вас на улицу.

— Они попытаются, — спокойно уточнил я.

Она взглянула на меня.

— Ты крепкий парень. Но не настолько.

— Ты будешь сильно удивлена, — пообещал я и наклонившись вперед, твёрдо произнёс:

— Я не оставлю. Мальчика. Одного.

Выражение лица сестры Джен медленно изменилось со скептического на очень задумчивое.

— Я верно тебя поняла?

— Каждое слово.

Она кивнула. Потом позвала:

— Стив.

Охранник протопал из коридора в палату.

— Мистер Дрезден останется с мистером Паундером на некоторое время. Не мог бы ты попросить столовую прислать обед на две персоны, а не на одну?

Стив нахмурился, возможно, пытаясь вспомнить, как считать до двух. Затем он сердито посмотрел на меня, буркнул, неохотно соглашаясь, и вышел, что-то тихо говоря на ходу в свою рацию.

— Спасибо, — сказал я. — За еду.

— Ты лжёшь мне, — твёрдо произнесла она.

— Точнее, не говорю всей правды, — поправил я. — Есть небольшая разница.

— Разница лишь семантическая, — продолжала упорствовать она.

— Но всё же ты позволила мне остаться, — заметил я. — Почему?

Она некоторое время изучала моё лицо. Потом ответила:

— Я считаю, что ты хочешь позаботиться об Ирвине.

* * *

Еда была очень хорошая — ничего подобного в школьных столовых я не припомню. Конечно, я ходил в обычную школу. Ирвин проснулся достаточно надолго, чтобы истребить содержимое своего подноса и часть моего. Он сходил в ванную комнату, двигаясь неуверенно, а затем снова заснул крепким сном. Сестра Джен осталась рядом,

часто проверяя его, и через каждый час измеряя ему температуру в ухе, так что ей не нужно было будить его.

Я хотел спать, но ещё не испытывал острой потребности. Может быть, у меня не было большого академического опыта в детстве, но другие вещи, которым мне пришлось научиться, сделали меня более готовым к закону «ешь, или съедят тебя самого» в жизни, чем почти любого другого. Мой рекорд бодрствования чуть менее шести дней, но я уверен, что мог бы не спать дольше, если бы мне пришлось. Я мог бы дремать в своём кресле, но не хотел рисковать — вдруг нападение случится во время моего сна.

Итак, я сидел возле Ирвина Бигфута и наблюдал, как вечереет, тени удлиняются и сгущаются.

Нападение произошло сразу после девяти часов.

Сестра Джен как раз измеряла Ирвину температуру, когда я почувствовал внезапную волну холода, какую-то вязкую энергию, заполнившую комнату.

Дыхание Ирвина вдруг участилось, а лицо сильно побледнело. Сестра Джен, нахмурившись, посмотрела на цифровой термометр, который поднесла к его уху. Термометр вдруг издал серию

завывающих и неритмичных звуковых сигналов, и едва она успела отдёрнуть его от Ирвина, как из аккумулятора в корпусе снопом брызнули искры. Над отброшенным на пол термометром поднимались тонкие струйки дыма.

— Что, чёрт возьми, происходит? — воскликнула сестра Джен.

Я поднялся на ноги, осматривая комнату.

— В следующий раз используй ртутный термометр, — посоветовал я.

Я не очень разбираюсь в том, как работают мои магические способности, но сейчас мне они даже не требовались. Я чувствовал присутствие тёмной, опасной магии, расходящейся по комнате, словно тепло от находящегося рядом костра.

Сестра Джен приложила стетоскоп к груди Ирвина и некоторое время прислушивалась, а я тем временем перешёл к другой стороне кровати и махнул рукой в воздухе над постелью с закрытыми глазами, пытаясь сориентироваться на заклинании, атакующем ауру Ирвина, чтобы отследить его источник.

— Что ты делаешь? — требовательно спросила сестра Джен.

— Необъяснимые вещи, — ответил я. — Как он?

— Что-то не так, — сказала она. — Думаю, ему не хватает воздуха. Похоже на приступ астмы.

Она опустила стетоскоп и развернулась к шкафчику неподалёку, буквально выдрав оттуда маленький баллон с кислородом. Быстро подсоединив к нему трубку и одну из этих штук-для-рта-и-носа, она открыла вентиль, прижав штуковину поверх рта и носа Ирвина.

— Извиняюсь, — я проскользнул мимо неё, взмахнув руками в воздухе с другой стороны кровати. Определив направление к заклинанию, ткнул по направлению к нему указательным пальцем. — Что в той стороне?

Моргнув, она непонимающе взглянула на меня.

— Что?

— Там, — потыкал я пальцем в указанном направлении ещё пару раз. — Что находится в том направлении?

Нахмурившись, она легонько покачала головой.

— Э-э, кафетерий и администрация.

— Точно администрация? — переспросил я. — Не общежития?

— Нет. Они в другой стороне.

— У вас есть какие-нибудь официантки, кото-

рые ненавидят Ирвина?

Джен уставилась на меня, как на психа.

— Что ты несёшь? Разумеется, нет!

Я хмыкнул. Эта атака явно не была работой вампира, а разрушение электронного термометра указывало на присутствие смертной магии. Дети к этому времени должны были вернуться в свои общежития, так что, по всей видимости, это не один из них. И если это не кто-то из кафетерия, значит, оставалось только здание администрации.

Доктор Фабио слишком уж старался выдворить меня отсюда. Если за нападениями на Ирвина стоит именно он, то вмешательства можно ожидать…

Дверь в лазарет открылась и Стив с двумя своими товарищами-охранниками вломились в палату.

…в любой момент.

— Вы, — Стив указал на меня толстым пальцем. — Время для посещений закончилось. Нахождение посторонних после девяти запрещено. Покиньте территорию академии.

— Позвольте, — протянул я, обходя со спины Джен и выходя из палаты Ирвина, — мне немного подумать об этом.

Стив набычился. У него была очень толстая шея. И двое приятелей.

— Это уже второе предупреждение, сэр. Вы сейчас нарушаете право частной собственности. Если вы немедленно не уберётесь, то будете задержаны до прибытия полиции.

— Стив, по моему мнению, с твоей подвижностью ты способен только следить, чтобы мальчишки не лезли в общежитие к девчонкам и наоборот.

Лицо Стива побагровело.

— Ну всё, умная задница, — рявкнул он. — Ты задержан до приезда полиции.

— Лучше не стоит, — покачал я головой. — Серьёзно, парни, давайте не пороть горячку.

В ответ, одним взмахом руки развернув на всю длину одну из тех складных полицейских дубинок, Стив зафиксировал её в этом положении. Остальные двое последовали его примеру.

— Ух ты, — сказал я. — Сразу за оружие? Серьёзно? Совершенно неуместная поспешность.

Я поднял правую руку ладонью вперёд.

— Предупреждаю вас, ребята. Даже не пытайтесь.

Стив сделал ко мне два быстрых шага, поднимая дубинку. Я высвободил собранную волю и

прошептал: «Forzare».

Невидимая сила выхлестнулась наружу и врезалась в Стива, как несущийся на полной скорости автомобиль, сделанный из пенорезины. Она сшибла его с ног и отбросила назад, промеж двух его приятелей и дальше от двери в лазарет. Он шмякнулся на пол и потерял большую часть скорости до того, как добрался до противоположной стены, выбившей из него дух.

— Хи-йя, — выдал я в стиле Брюса Ли и взглянул на обоих оставшихся громил. — Вы тоже хотите горяченького?

Парочка глянула на меня, затем друг на друга, сжав свои дубинки до побеления пальцев. Они не имели чёткого представления о том, что произошло со Стивом, поскольку его тело загораживало обзор. Всё, до чего они могли додуматься — это что я применил к нему что-то типа дзюдо. Поэтому пришли к выводу, что чем бы я ни двинул Стива, сразу на двоих это не сработает — и рванули ко мне.

Они ошибались. Я повторил заклинание, просто удвоив энергию.

Один из них отлетел от двери, врезавшись в Стива, который как раз собирался подняться на ноги. К сожалению, без магических инструментов

точность моих заклинаний не столь совершенна. Второй ударился о косяк, и его голова, отскочив, заставила металлический каркас зазвенеть. Ноги мужчины обмякли, он зашатался, а из раны на голове хлынула кровь.

Второе заклинание оказалось более мощным, чем могло вынести освещение — лампы дневного света в лазарете взорвались снопами искр и вырубились напрочь. Красное аварийное освещение включилось несколькими секундами позже.

Я осмотрелся. Медсестра Джен пялилась на меня широко открытыми глазами. Раненый охранник покачивался взад и вперёд, страдая от очевидной боли. Двое, выброшенные в коридор, всё ещё валялись на полу, уставившись на меня примерно так же, как Джен, за исключением того, что Стив явно пытался заставить свою рацию работать. Та отказывалась, загнувшись одновременно с освещением.

Я развёл руками и обратился к Джен:

— Я их предупреждал, верно? Вы меня слышали. Позаботьтесь лучше о том парне.

Потом я нахмурился, покачал головой и зашагал прочь, отслеживая заклинание, прямо к зданию администрации.

Двери в здание были заперты, что являлось

скорее проблемой академии, чем моей. Я проявил сдержанность и не стал сносить двери с петель. Всего лишь вырвал замки.

Дверь в офис доктора Фабио была заперта, и хотя я пытался проявлять сдержанность, у меня всегда были проблемы с контролем над силой — особенно когда я зол. На этот раз дверь сорвалась с петель и шмякнулась плашмя на пол офиса, как от удара средневековым тараном.

Доктор Фабио дёрнулся и повернулся к двери с выражением крайнего изумления на лице. Шкаф за столом, закрытый в мой первый визит, теперь был открыт. Это был маленький, пёстрый, но функциональный храм, платформа для обработки заклинаний. В данный момент он освещался полудюжиной свечей, стоящих вокруг Соломоновой печати, содержавшей две фотографии — Ирвина и доктора Фабио, связанных вместе петлёй из чего-то вроде тёмно-серой пряжи.

Я ощутил энергию, украденную у Ирвина, текущую в комнату, прямо в храм. Оттуда, несомненно, она направлялась прямо к доктору Фабио. Я чувствовал интенсивность его присутствия намного резче, чем утром, как будто он стал метафизически массивнее и больше заполнял собой комнату.

— Эй, док, — сказал я. — Вы знаете, очень жаль, что это место называется не Академия имени Святого Марка для Находчивых и Талантливых.[64]

Он уставился на меня.

— Э-э. Что?

— Потому что тогда была бы аббревиатура SMART.[65] Вместо этого вы просто SMAGT.[66]

— Что? — воскликнул он, явно смущённый, возмущённый и напуганный.

— Позвольте мне продемонстрировать, — ответил я, протягивая руку. Я направил свою волю в неё и произнёс:

— Smagt.

Грамматические правила для слов, используемых для заклинания, не имеет значения — единственное, что они не могут быть на языке, который вы слишком хорошо знаете. Вообще говоря, лучше всего подходит бессмыслица. Слово «смагт» в сочетании с первозданной силой и магией воздуха работает так же хорошо, как и любое другое. Энергия вырвалась из меня, уда-

---

[64] Примечания: 64
Saint Mark's Academy for the Resourceful and Talented

[65] Примечания: 65
S.M.A.R.T — smart — умник

[66] Примечания: 66
S.M.A.G.T — St. Mark's Academy for the Gifted and Talented

рила в храм в шкафу и взорвалась с выбросом кинетической энергии и порывом ветра. Свечи и другие декоративные предметы разлетелись во все стороны. Полки треснули и рухнули.

Заклинание было связано с храмом. Оно развалилось, когда я нарушил порядок педантично расставленных предметов, которые помогали направить и сконцентрировать его энергию. Одним из этих предметов был небольшой стеклянный флакон с чёрными чернилами. Большая их часть выплеснулась и брызнула на щеку доктора Фабио.

Он стоял с отвисшей челюстью, половина лица окрашена чёрным, а другая половина так побледнела, что он стал похож на венецианскую маску эпохи Возрождения.

— В-вы… Вы…

— Чародей, — закончил я за него. — Из Белого Совета. Чёрт возьми, доктор, я даже Страж теперь.

Его лицо сделалось абсолютно бескровным.

— Да, — продолжал я спокойно, — вы знаете, кто мы такие. Я бы советовал вам ответить на мои вопросы, проявляя особое желание сотрудничать, доктор. Потому что мы не одобряем использование чёрной магии.

— Да, конечно, — сказал он, — спрашивайте всё, что угодно.

— Как вы о нас узнали? — спросил я. Белый Совет не был секретом, но учитывая, что большинство людей в мире не верят в магию, а тем более в чародеев, а сверхъестественное сообщество в целом проявляет осторожность с обменом информацией, подразумевается, что среднестатистический американец не знает даже о существовании Совета — а тем более о том, что они казнят любого, виновного в нарушении одного из законов магии.

— В-в… Венатор, ответил он. — Я был Венатором. Одним из Венатори Умброрум. Сейчас в отставке.

Охотники Теней. Или Тени Охотников, в зависимости от того, как прочитать. Это организация, состоящая из тех, кто достаточно сообразителен, чтобы знать о сверхъестественном мире, но кому не хватает способностей, чтобы стать настоящим чародеем. В основном занимаются изучением. Они были бесценным активом в войне Белого Совета с Красной Коллегией, собирая информацию и создавая помехи для нашего врага на путях снабжения и подхода подкрепления. Они были старыми союзниками Совета — и любой Венатор

знает о наказании за нарушение Законов.

— Венатор должен быть куда осмотрительнее и не баловаться с такими вещами, — произнёс я очень тихим голосом. — Ответы на два следующих вопроса могут спасти вашу жизнь — или значительно сократить её.

Доктор Фабио облизал губы и кивнул, судорожным коротким движением.

— Зачем? — спокойно спросил я его. — Зачем вы отбирали жизненные силы у мальчика?

— У н-него… У него их так много. Я не думал, что причиняю ему вред, и я… — Он попятился от меня, когда произносил последние слова. — Хотел отрастить волосы.

Я медленно моргнул. Дважды.

— Вы сказали… волосы?

— Регейн не работает! — Он почти вопил. — А пересадка не подходит при моём типе волос и кожи!

Он наклонил голову и взъерошил пальцами густые волосы.

— Посмотрите, видите? Посмотрите, как хорошо они отрастают. Но, если я не буду их поддерживать…

— Вы… использовали чёрную магию. Для отращивания волос.

— Я… — Он почти не смотрел на меня. — Я сначала попробовал всё остальное. Я не собирался никому вредить. Это никогда никому прежде не причиняло вреда.

— Ирвин чуть больше зависит от своей жизненной силы, чем большинство, — сказал я ему. — Вы могли убить его.

Глаза Фабио расширились от ужаса.

— Вы имеете в виду, что он… он…

— Скажем так, его мать — только один из его кошмарных родителей и на том закончим, — ответил я. Потом указал на стул и велел:

— Сядьте.

Фабио сел.

— Вы хотите жить?

— Да. И не хочу никаких проблем с Белым Советом.

Позади нас раздались тяжёлые шаги. Стив и его приятель, тот, у которого голова не была разбита, появились в дверях с дубинками наперевес.

— Доктор Фабио! — окликнул Стив.

— Не вынуждайте меня снова наподдать вашим ребятам, — намекнул я Фабио.

— Пошли вон отсюда! — Фабио почти кричал на них.

Они остановились в замешательстве.

— Но… сэр?

— Убирайтесь, прочь! — голос Фабио срывался на фальцет. — Когда прибудет полиция, заявите им, что здесь нет никаких проблем!

— Сэр?

— Передайте, что всё в порядке! — голос Фабио поднялся на несколько октав выше. — Ради Бога, парни! Вон отсюда!

Стив и его приятель вылетели из кабинета. Они ничего не поняли о произошедшем, но всё же ушли.

— Спасибо, — сказал я, когда они убрались. Хватит уже изображать плохого полицейского. Если Фабио ещё сильнее напугается, он может превратиться в желе. — Вы хотите жить, доктор?

Он нервно сглотнул. Потом кивнул.

— Тогда я рекомендую вам сменить тип причёски на полную лысину, — ответил я. — Или же научиться принимать ваши залысины тем, чем они являются — естественной частью жизни. Вы полностью прекратите использовать магию, начиная с этого момента. И я имею в виду — полностью. Если я поймаю вас даже со спиритической доской или колодой Таро, то заставлю вас исчезнуть. Вы меня поняли?

Это была пустая угроза. Технически, парень

не нарушил никаких Законов, поскольку Ирвин не умер. И у меня не было намерений оставлять кого-нибудь на милость Стражей, если я мог этого избежать. Но у чувака явно были проблемы с расстановкой приоритетов. Если он продолжит в том же духе, то может скатиться к настоящей практике чёрных искусств. Уж лучше отпугнуть его прямо сейчас.

— Я понимаю, — сказал он смиреннейшим голосом.

— Сейчас, — продолжал я, — я уйду осмотреть Ирвина. Вы не будете вмешиваться. Я останусь, пока не прибудет его мать.

— Вы… вы расскажете ей, что я сделал?

— Будьте уверены, — сказал я. — И да смилостивится над вами Господь.

Когда я вернулся в лазарет, Ирвин проснулся, а сестра Джен только что закончила зашивать порез на коже головы раненого охранника. Чтобы это сделать, она выбрила большой, неправильной формы, участок в его волосах, и он выглядел совершенно нелепо — даже после того как она замотала всю его голову бинтом, чтобы не разошлись швы.

Я вошёл в палату Ирвина и спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Устал, — ответил он. — Но мне лучше, чем сегодня утром.

— Ирвин, — строго напомнила медсестра Джен.

— Да, мэм, — отозвался Ирвин, и покорно накрыл нос и рот дыхательной маской.

— Твоя мама едет к тебе, — сообщил я.

Парень оживился.

— Правда? Ух ты. Это фантастика!

Потом он нахмурился.

— Это не… потому что я был болен? У неё же очень серьёзная работа.

— Может быть, отчасти, — успокоил его я. — Но в основном, я думаю, это потому, что она тебя любит.

Ирвин закатил глаза, но всё же улыбнулся.

— Да, верно. Надеюсь, у неё всё нормально. Эй, есть ещё чего-нибудь поесть?

Позже, когда Ирвин поел (ещё раз), он уснул.

— Его температура спадает, а дыхание свободное, — покачала головой сестра Джен. — Несколько часов назад я была готова поклясться, что нам придётся отправить его в реанимацию.

— Дети, — пожал плечами я. — Они быстро поправляются.

Она, нахмурившись, посмотрела на Ирвина,

затем на меня:

— Это всё Фабио. Он что-то сделал.

— Что сделал? — невинно переспросил я. Она покачала головой.

— Не знаю. Просто чувствую… что это правда. Он не хотел видеть вас здесь и вызвал охрану, чтобы вышвырнуть вас, как раз в то время, когда Ирвину стало ещё хуже.

— Вы правы, — сказал я. — Но вам не придётся беспокоиться, что это случится снова.

Некоторое время она внимательно смотрела на меня. Затем ответила, коротко:

— Ясно.

Я поднял брови.

— А у вас чертовски хорошая интуиция, сестричка.

Она фыркнула.

— Всё равно не собираюсь начинать с вами встречаться.

— История моей жизни, — вздохнул я с улыбкой.

Потом, устроившись в кресле, вытянув ноги, присоединился к Ирвину Бигфуту в сказочной стране снов.

03. Бигфут в кампусе

Сюжет рассказа относится к периоду несколькими месяцами ранее событий романа «Перемены»

Гарри Дрезден, чародей-детектив, только что закончил разбираться в делах сердечных и решать проблемы отцов и детей, но не успел убраться с места событий. Теперь он вынужден беседовать с представителем закона — а тот весьма скептически относится к любым странностям…

Офицер полиции кампуса[67] внимательно взглянул на меня через стол, скрестив руки на груди.

— Кофе будете?

— А какой предложите? — вежливо поинтересовался я.

Крупный, солидный мужчина лет сорока, с мешками под спокойными, внимательными

[67] Примечания: 67

Кампус (англ. campus) — университетский городок, включающий, как правило, учебные помещения, научно-исследовательские институты, жилые помещения для студентов, библиотеки, аудитории, столовые и т. д.

глазами и с именем «Дин» на жетоне предложил широкий выбор:

— Тот, в котором есть кофе.

— Надеюсь, не мокко?

— Сам ненавижу мокко.

— Слава Богу, — вздохнул я с облегчением. — Тогда просто чёрный.

Я с наслаждением начал потягивать горячий чёрный кофе, переданный мне инспектором Дином в бумажном стаканчике, и дрожь практически перестала накатывать своими прерывистыми всплесками. Накинутое же на меня Дином старое шерстяное одеяло было скорее знаком внимания, чем реальной помощью.

— Меня арестовали? — с любопытством поинтересовался я.

Инспектор повёл плечами, то ли пожал ими, то ли передёрнул.

— Это мы обсудим позже.

На такой оборот событий я лишь скептически хмыкнул.

— Может, — произнёс он размеренно, по-деревенски растягивая слова, — вы объясните, почему я нашёл вас в самом центре вакханалии?

— Хорошо, — ответил я. — Согласитесь, лучшее место для участия в вакханалии находится имен-

но посередине.

Он задумчиво хмыкнул.

— Допустим, тогда как объяснить нахождение на четвёртом этаже общежития автомобиля?

— Традиционный розыгрыш студентов колледжа, — предположил я.

Он фыркнул.

— Обычно после розыгрышей в стенах таких огромных пробоин не остаётся.

— Возможно, кто-то решил уйти от шаблонов, — продолжал гадать я.

Он на секунду задержал на мне внимательный взгляд:

— А чем объясните кровавые пятна повсюду?

— Пострадавших нет, или всё-таки есть?

— Нет, — сказал он.

— Тогда, какая разница? Какой-то студент чересчур насмотрелся фильмов ужасов.

Инспектор Дин выдернул ластик из карандаша на столе. Это было самое яркое проявление нервозности, замеченное мной.

— За последние три часа получены шесть сообщений из различных независимых источников о снежном человеке, замеченном на территории кампуса. Якобы, у нас тут бегает бигфут. Что вы слышали об этом?

— А что вы хотите от современных детей, у них интернет, видеоигры и айподы. Кто знает, что им привиделось?

Инспектор Дин положил карандаш. Он посмотрел на меня и спокойно произнёс:

— Моя задача защитить толпу детей, имеющих доступ к всевозможных средствам самоуничтожения, известным не только благодаря криминальным элементам, но и придуманным ими самими. Меня достали студенты-химики, которые могут создать собственные метамфетамины, экстази и ЛСД. Меня достали дети-кадеты, имеющие доступ к автоматическому оружию и взрывчатым веществам. Меня достал алкоголь, которого уничтожают здесь за неделю столько, что линкор мог бы свободно плавать. Меня достала процветающая уличная торговля наркотиками. Меня достало всю жизнь защищать кого-то.

— Чувствую, как вам тоскливо.

— Скоро мне и от вас тоскливо будет, — сказал он. — Давайте уже, выкладывайте всё, что есть.

— Или вы арестуете меня?

— Нет, — сказал Дин. — Я немного поиграю в баскетбол вашим лицом. А потом спрошу снова.

— Разве это не непрофессиональное поведе-

ние?

— Засунь себе это поведение, — отрезал Дин. — Мне детей защищать надо.

Я еще немного посмаковал кофе. Сейчас, когда нервная дрожь начала спадать, я, наконец, почувствовал, как отпустило сведённые мышцы в животе. Я неспешно откинулся на спинку стула. Дин никоим образом не пытался блефовать или угрожать мне. Он не пытался взять меня на испуг, просто доводил до сведения, что собирается предпринять. И при этом пил свой традиционный кофе.

По-своему этот парень мне нравился.

— Вы не поверите мне, — сказал я.

— А вдруг получится, попробуй, — разрешил он.

— Хорошо, — согласился я. — Меня зовут Гарри Дрезден. Я профессиональный чародей.

Инспектор Дин сморщил губы, а затем наклонился ближе ко мне и начал внимательно слушать.

* * *

Клиент желал встретиться со мной на склоне

горного хребта Уошито[68] на востоке штата Оклахома. Глядя на них, не ощущаешь, что это горы, настолько они стары. Их стачивало миллионы лет, и они измельчали до холмиков. Раньше это место находилось на территории индейской резервации, но сейчас их больше не называют резервациями. Сейчас это племенные статистические области.

Я показал письмо и свои документы парню из пикапа, остановившегося просто дружески поболтать со мной у одинокого знака «Стоп» на извилистой просёлочной дороге. Не знаю, как называется у него в племени его должность, но я с первого взгляда признал в нём блюстителя порядка. Он прочёл письмо и жестом ещё более дружественным, чем раньше, пригласил в машину. Как приятно, когда хоть изредка тебя рады где-то видеть.

Я вышел в месте, обозначенном на карте, и прошёлся пешком добрых полторы мили по горам с тяжёлым рюкзаком за спиной. Найдя удобное место, я устроился на привал. Воздух в середине

---

[68] Примечания: 68

Уошито (англ. Ouachita) — горный хребет в центральной части США, на территории штатов Арканзас и Оклахома. Длина хребта составляет 975 км. Максимальная высота — 839 м. На территории гор Уошито расположен национальный парк Хот-Спрингс.

октября был прохладным, но у меня с собой был отличный спальник, и всё было хорошо, пока не начался дождь. Я вырыл яму для огня, обложил её камнями, развёл небольшой костёр из упавших веток и положил спальник на поролоновую походную подкладку. К тому времени, как стемнело, я заканчивал готовить ужин из принесённых с собой продуктов. Аромат завёрнутого в фольгу картофеля, печённого на углях, смешивался с запахом стейков, которые я, плюнув на всё, пожарил на открытом огне.

— Могу я приготовить походную еду или как?

Бигфут появился через полчаса после захода солнца.

Секунду назад я был один, а потом нас стало двое. Он был огромен. Не как очень рослый человек, а как лошадь, с такой же исходящей от него чувственной волной грубой животной силы и массы. Росту в нём было, как минимум, девять футов, а весу свыше шестисот фунтов. Его сильное, широкоплечее тело покрывала длинная, тёмно-каштановая шерсть. Хотя его освещал свет моего костра, я едва смог разглядеть сумку из оленьей кожи, висящую на ремне, переброшенном через плечо и грудь, так длинна была его шерсть.

— Сила Реки в Плечах, — сказал я, — добро по-

жаловать к моему костру.

— Чародей Дрезден, — прогрохотал Река в Плечах, — хорошо, что мы встретились.

Он сделал пару широких шагов и сел на корточки так, что костёр оказался между нами.

— Ух ты. Как вкусно пахнет.

— В этом ты чертовски прав, — сказал я и вернулся к процессу приготовления ужина в дружеском молчании, а Река в Плечах в это время задумчиво смотрел на огонь. У меня были причины разбить лагерь — это делало меня хозяином, а Реку в Плечах моим гостем. Что означало следующее: я обязан обеспечить едой и питьём, а он должен вести себя подобающим образом. Отношения «гость-хозяин» накрепко связаны с физическими законами сверхъестественного мира. Их почти никогда не нарушают, а когда подобное случается, начинаются серьёзные события. А так мы оба чувствовали себя намного уютней в компании друг друга.

Ладно. Возможно, это позволило мне чувствовать себя чуточку свободней, чем Реке в Плечах, но он являлся постоянным клиентом и нравился мне, я надеялся, что он не будет так уж часто угощаться моими скромными стейками.

Ели мы тоже в почти ритуальной тишине, толь-

ко иногда Река оценивающе причмокивал при жевании. Я открыл пару бутылок светлого пива МакЭнэлли, моего любимого напитка, сваренного в Чикаго истинным гением хмеля. Реке оно так понравилось, что, когда его бутылка опустела, он с надеждой посмотрел на меня. Пришлось допивать свою и доставать ещё парочку.

Затем я набил трубку дорогим табаком, прикурил, сделал несколько затяжек и передал ему. Он кивнул и взял её. Мы курили и допивали своё пиво. К этому времени огонь ослаб до тихо тлеющих углей.

— Спасибо, что пришёл, — прогромыхал Река в Плечах. — Я снова хочу обратиться к тебе за помощью от имени моего сына.

— Ты обращаешься ко мне в третий раз, — сказал я.

— Да, — он порылся в своей сумке и вытащил небольшой, но тяжёлый предмет и бросил мне. Я поймал и, щурясь, стал разглядывать его в тусклом свете. Это был золотой самородок, размером почти с мяч для пинг-понга. Я кивнул и бросил его назад. Брови Реки в Плечах нахмурились.

Должен пояснить. Его недовольная гримаса неотличима от яростной. Глаза превратились в мрачные пещеры со слабым мерцанием света из

глубины. Желваки вздулись узлами размером с теннисные мячи.

— Ты не будешь помогать ему, — сказал бигфут.

Я фыркнул.

— Это ты, амбал, не помогаешь ему.

— Я, — сказал он. — Я нанимаю тебя.

— Ты же отец ему, — произнёс я спокойно. — А он даже не знает твоего имени. Он хороший парень и заслуживает большего. Он заслуживает правды.

Бигфут медленно покачал головой.

— Посмотри на меня. Согласится ли он вообще принять от меня помощь?

— Не узнаешь, пока не попробуешь, — сказал я. — И я не говорил, что отказываюсь помочь ему.

Река в Плечах при этих словах нахмурился ещё сильнее.

Я справился с инстинктивным желанием сбежать.

— Что тогда ты хочешь за свои услуги? — спросил он.

— Я помогаю парнишке, — сказал я. — А ты устраиваешь встречу с парнем. Это и будет плата. Вот такие дела.

— Ты не понимаешь, что требуешь, — пробурчал он.

— Со всем уважением к тебе, Река в Плечах, это не обсуждается. Если нужна моя помощь, я только что сказал, как получить её.

Он совершенно бесшумно встал на ноги. Мне кажется, люди нечасто пользуются подобной тактикой, когда имеют дело с ним.

Когда он заговорил, его голос напоминал тихий гул, доносящийся издалека.

— Ты не имеешь права требовать это.

— Ну, ну. Я чародей. Я сую свой нос во все дела. Именно этим мы и занимаемся.

— Заметно, — он немного отвернулся. — Ты не знаешь, сколь много просишь.

— Я знаю, что паренёк заслуживает большего, чем ты дал ему.

— Я заботился о защите и образовании. Именно так поступают отцы.

— Конечно, — сказал я. — Но тебя самого никогда не было рядом. А это имеет значение.

На несколько минут установилось гробовое молчание.

— Послушай, — мягко сказал я. — Это говорит тебе знающий парень. Расти без отца ужасно. Ты единственный отец, который у него может

быть. Можешь, если хочешь, нанять Супермена приглядывать за Ирвином, но он всё равно будет для него чужим, потому что он это не ты.

Река играючи вертел в своих огромных пальцах пустую бутылку, как обычный человек, бывает, делает с карандашом.

— Ты хочешь, чтобы я этим занялся? — спросил я. — Нисколько не обижусь, если нет.

Река снова перевёл взгляд на меня и медленно кивнул.

— Я знаю, что если ты согласишься помочь ему, то так и поступишь. Я заплачу твою цену.

— Ладно, — ответил я. — Выкладывай, что за проблемы у Ирвина.

* * *

— Что он рассказал? — поинтересовался инспектор Дин.

— Он сказал, что паренёк обучается в университете в Оклахоме, — сказал я. — У Реки был дурной сон, поэтому он понял, что жизнь парнишки в опасности.

— Так… бигфут ещё и экстрасенс? — хмыкнул полицейский.

— Сами подумайте. Никому ни разу не удалось получить чёткой фотографии, а тем более под-

стрелить ни одного из них, — сказал я. Несмотря на все экспедиции, телешоу и всё прочее. Народу Реки дарованы не только огромный размер и сила, но много большее. Думаю, они умнее людей. Возможно, гораздо умнее. А ещё, по моему мнению, им к тому же знакома кое-какая магия.

— Господи, — удивился инспектор Дин. — Вы, в самом деле, верите во всё это, да?

— Хочу верить, — сказал я. — А вас я предупреждал, что вы не захотите.

Дин хмыкнул, и произнёс:

— Обычно люди лыка не вяжут, когда выдают мне подобные истории. Продолжайте.

* * *

Я добрался до города Норман в штате Оклахома, перед самым полуднем следующего дня. Была среда, в чём мне крупно повезло. На Среднем Западе, если оказаться в студенческом городке на выходные, есть риск нарваться на футбольный матч. По моему опыту, это приводит к всеобъемлющим проблемам с движением, доступностью гостиничных номеров и пьяными футбольными хулиганами.

Или подождите: хулиганы, они в простом футболе, а пьяные фанаты американского футбола

просто… пьяницы, по моему мнению.

Река загодя составил для меня небольшое досье, который включало в себя копию расписания занятий его ребёнка. Я припарковал свой автомобиль на улице на свободном пятачке, неподалеку от кампуса и побрёл дальше пешком. На меня многие оглядывались. Конечно, я ведь выделяюсь из толпы. Во мне скорее семь футов роста, чем шесть, что могло быть одной из причин, по которым Река в Плечах предпочитал нанимать меня — я не выгляжу для него таким же крошечным, как остальные люди. Если добавить к образу большой чёрной кожаный плащ и шрам на лице, то я становлюсь похожим на парня, которого мало кому захочется встретить в тёмном переулке.

Университетский кампус был похож на лабиринт. На протяжении многих лет постепенно строились и перестраивались здания, неоднократно менялось их предназначение. Все они имели названия в честь людей, которых, сомневаюсь, что кто-то из студентов когда-то знал, или уважал, казалось, здесь вообще организационная логика не действовала. Мне кажется, раньше это был достаточно симпатичный студенческий городок. Большинство зданий были построены из красного кирпича и бурого песчаника. На многих

зданиях присутствовали архитектурные штуковины в квазиклассическом греческом стиле. Плющ, росший вдоль стен, выглядел чересчур, на мой взгляд, ухоженным. С другой стороны, я точно также уважал Лигу плюща,[69] как и Большую дюжину.[70] Трава имела странный цвет, словно кто-то опрыскал её сине-зелёной краской или чем-то подобным, хотя сомневаюсь, что у кого-то настолько сдвинуты мозги, чтобы заниматься такой бессмыслицей.

И, конечно, здесь были студенты. Целая куча ребятишек со всеми своими занятиями и на своих местах. Я, вероятней всего, бродил бы целый день, но решил спасти себя от головной боли, пытаясь логически понять устройство кампуса, и несколько раз остановился, чтобы спросить дорогу. У Ирвина Паундера, сына Реки в Плечах, по расписанию в полдень было занятие по физике, поэтому я купил блокнот и пару ручек в

---

[69] Примечания: 69

Лига плюща (англ. Ivy League) — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Это название происходит от побегов плюща, этих университетах. Считается, что члены лиги отличаются высоким качеством образования.

[70] Примечания: 70

Большая дюжина (англ. Big 12, или Big 12 Conference) — спортивное объединение десяти (после выхода из ассоциации колледжей Колорадо и Небраски) американских колледжей.

университетском книжном магазине и неторопливо пошёл дальше по направлению к большой аудитории. Маскировка у меня была идеальная. Блокнот был из разлинованной бумаги.

Сел я в самом конце аудитории, чтобы иметь возможность видеть обе входные двери, и стал ждал. Ирвин Бигфут должен был выделяться из толпы почти так же сильно, как я. Парнишка был огромен. Река показал мне фотографию, которую он хранил в своей сумке с амулетами, бережно заламинированную для защиты от внешней среды. Мама Ирвина свободно могла бы играть в команде Чикагских Медведей полузащитником во второй линии. Кэрол Паундер была огромна в ширину и более шести футов в высоту. А её отпрыск оказался ещё на голову выше, к тому же неловкий и слишком худой на вид, словно весь ушёл в рост. Его плечи тоже получили свою долю, думаю, ему придётся протискиваться в двери боком.

Я ждал и ждал, держа под контролем обе двери, пока не появился преподаватель и начал занятие. Ирвин всё не приходил. Я уже собирался уйти, но лекция очень заинтересовала меня. Преподаватель оказался совершенно ненормальным, но поистине забавным. Парень у всех на глазах пил

жидкий азот и огромной струёй пара выдыхал его через нос. Я аплодировал ему вместе со всеми, не успел оглянуться, а лекция уже закончилась. Возможно, даже я чему-то научился.

Ладно.

Может, какая-то польза от высшего образования есть.

Я пошёл на следующее занятие Ирвина, это был начальный курс биологии в ещё одной огромной аудитории.

Ирвина опять не оказалось.

Не было его и следующие четыре часа на занятиях по математике, с которых я вышел тоскливый и злой. Ни один из преподавателей Ирвина не мог сравниться с доктором Неуязвимость.

Что ж.

Пришло время для плана Б.

В досье Реки в Плечах говорилось, что Ирвин играл в футбол за Оклахомский университет. Он был запасным игроком команды, и Река гордился, как и любой отец, спортивными успехами сына. Так что я побрел на тренировочное поле, где команда Оклахомцев делала пробежку для разминки.

Даже среди футболистов Ирвин выделялся. Он был на полголовы выше, чем любой из них

— ростом, по крайней мере, с меня; долговязый и худой по сравнению с ребятами вокруг него, даже с наплечниками, но я узнал его. В прошлый раз мы виделись, когда ему было около четырнадцати лет. Хотя его довольно невзрачное лицо мало изменилось, черты стали более резкими, теперь оно казалось решительнее. И было трудно спутать с чьими-то его тёмные, умные глаза.

Я засунул руки в карманы своего старого кожаного плаща и стал наблюдать за полем. Парень найден, какой-либо опасности нет, спешить особенно некуда. Нет смысла бросаться к Ирвину в середине футбольной тренировки и вмешиваться в его жизнь, нарушая всё. Я просто не такой парень.

Ну, ладно.

Стараюсь не быть таким.

— Поначалу, кажется, что всё идёт нормально, хотя это не так, — сказал я сам себе. — Оказываешься на чьём-то радаре и через пару минут можно готовиться к началу ядерной войны.

— Что вы сказали, я не расслышала? — раздался молодой женский голос.

* * *

— Ага, — сказал инспектор Дин. — Вот где появилась девушка.

— Кто говорил, что была девушка?

— В таких делах всегда замешаны девушки.

— Ну, — протянул я, — и да, и нет.

* * *

Она была белокура, примерно пяти с половиной футов росту, мой рассудок подсказывал, что каждый сантиметр её тела сулил неприятности. Остальные части мозга, особенно мозжечок, считали, что она может стать идеальной помощницей. Желательно, как можно скорее.

В её внешности не было ничего особенного из того, что заставляет бушевать мои гормоны. То есть, она была молода и стройна, а её тело юно и подтянуто и наверняка приятно на взор. Глаза василькового цвета и розовые щёчки, лицо на пару ступеней выше уровня «милое». Она была одета в шорты для бега, а её ноги были гладкими и вообще превосходными.

В некоторых женщинах просто это есть. Я не могу объяснить, что это за «это» такое, потому

что сам не понимаю. Это нечто бессмысленное, связанное с химическими процессами, и хотя, образно выражаясь, незажившие шрамы в душе советовали мне бежать, остальная часть мозга испытывала ту же мужскую физиологическую реакцию, которую недавно смогли зарегистрировать учёные дяди в Голландии.

Не такую, как у меня.

Ладно, может чуть-чуть.

Я имею в виду реакцию, когда симпатичная девчонка вдруг, как наркотик, поражает мужской мозг, и временно ослабляет его когнитивные функции, в буквальном смысле снижая мужской IQ.

И кстати, почему последователи Фрейда проводили исследования в Голландии?

Эта девушка уронила ядерную бомбу на IQ моего мозга, я так и стоял, уставившись на неё, пока она неуверенно не улыбнулась мне.

— Э-э, вы что-то сказали? — спросил я. — Мой разум был в Голландии.

Её ямочки на щеках стали глубже, а глаза заблестели. Она всё поняла о мозговой ядерной бомбе.

— Я просто сказала, что вы похожи на опасного парня, — она подмигнула мне. Это было прелестно. — Мне нравятся такие.

— Вы, э-э. Вы про плохишей, да?

— Возможно, — она стала говорить тише и немного растягивать слова, словно на исповеди. У неё было немного манерное произношение. — Кроме того, мне нравится знакомиться с новыми людьми из самых разных мест, и вы точно не обзовёте меня, как местные, дорогушей.

— У вас такой видок, что парни могут стать опасными, просто проходя мимо, — пошутил я. — Вы когда-нибудь смотрели эти шоу про копов по телевизору?

Она запрокинула голову и рассмеялась.

— Большинство мальчиков не позволяют себе таких дерзостей в первые несколько минут беседы.

— Я не мальчик, — обиделся я.

От оценивающего взгляда этих красивых глаз у меня даже сердце стало биться реже.

— Да уж, — протянула она, — вы точно не мальчик.

Та часть моего мозга, что ещё не стала кретинской, продолжала упорно звонить тревогу, и остальная потихоньку начала к ней прислушиваться. Мои гормоны считали, что мне лучше продолжать заигрывать. Ведь это единственный способ выяснить, заинтересовалась девушка

или нет, так? Так. Я был абсолютно неспособен поддерживать беседу с таким разладом в голове.

— Надеюсь, это не проблема, — ответил я.

— У меня и в мыслях такого не было. Я Конни.

— Гарри.

— Каким ветром тебя занесло в Норман, Гарри?

— Захотел взглянуть на игроков.

Её глаза сверкнули.

— Ооооо. Так ты шпион?

— Может быть, — протянул я, копируя её манеру.

Конни снова рассмеялась.

— Бьюсь об заклад, ты постоянно заводишь разговор с такими же, как я, глупыми девчонками из колледжа.

— Как ты? — усмехнулся я. — Нет, с такими редко.

Её глаза снова сверкнули.

— Похоже, ты нащупал моё слабое место. Я из тех девушек, которые любят, когда им чуток льстят.

— А я решил, что тебе понравилось кое-что другое.

Она прикрыла одной рукой рот, её щёчки немного порозовели.

— Гарри. На Юге не принято так разговаривать с барышнями.

— Конечно. Я всё понял, ты выглядишь такой обиженной. Может, мне извиниться перед тобой?

— Ох, — вздохнула она и широко улыбнулась. — Я просто должна заполучить тебя.

Глаза Конни снова заблестели и до меня, наконец, дошло.

Это был не просто блеск в глазах.

В них всё больше появлялось серебристых крапинок.

Милашка оказалась проклятым вампиром.

Я отрабатывал невозмутимое выражение лица в течение многих лет. Годами. Получается всё ещё плоховато, но я работаю над этим. Поэтому уверен, что моя улыбка была лишь слегка деревянной, когда я переспросил:

— Заполучить меня?

Мне не совсем удалось скрыть свою догадку, но либо Конни играла в покер лучше меня, либо она на самом деле была слишком увлечена беседой, чтобы заметить.

— Да, заполучить, — ответила она. — Когда я встречаю кого-то стоящего, мне хочется пообедать с ним. Мы будем болтать, рассказывать

истории, смеяться и фотографироваться на память.

— Гм, — сказал я, — пожалуй, ты слишком молода для меня.

Она запрокинула голову и залилась смехом.

— О, Гарри. Я говорю просто о совместном ужине. Вот и всё, честное слово. Я знаю, что страшно кокетничала, но не думала, что ты принимал это всерьёз.

Я внимательно наблюдал за ней, пока она говорила, стараясь обнаружить признаки хищного расчёта, которые должны были появиться, насколько мне известно. Вампиры из Белой Коллегии…

* * *

— Подождите, — сказал Дин. — Вампиры из белых калек?

— Белой Коллегии, — вздохнул я.

Дин фыркнул.

— Почему бы просто не назвать её вампиром?

— У них бывает много разновидностей, — ответил я.

— И эта была ванильной?

— Нет, таких не существует… — я потёр переносицу. — Я уверен в этом.

Дин кивнул.

— И всё же, почему бы не назвать их ванильными вампирами?

— Я… подниму этот вопрос на следующем съезде чародеев, — нашёлся я.

— Итак, вампир побывал там, где всё в крови оказалось?

— Нет, — вздохнул я. — Этот вид не питается кровью.

— Нет? А что тогда они кушают?

— Жизненную энергию.

— Как так?

— Через секс, — вздохнул я снова.

— Наконец-то, история становится всё интересней. Итак, они питаются сексом?

— Жизненной энергией, — повторил я снова. — Секс — это просто предварительная подготовка.

— Как отрастающие клыки для шеи, — сказал Дин. — Только вместо клыков, мне кажется, они используют…

— Так мне продолжать рассказывать или нет?

Дин откинулся назад на стуле и забросил ноги на стол.

— Шутите? Я давно не слушал таких захватывающих историй.

* * *

Итак, я внимательно наблюдал за Конни, но не замечал в ней тех признаков, которые, по моим представлениям, должны были быть. Вампиры — хищники, которые охотятся на самую опасную дичь на планете. Они обычно даже не особо боятся, да особо и нечего. Если вампир Белой Коллегии хочет покормиться человеком, ему стоит только поманить пальчиком, и тот сам прибежит. Не нужно никакой зловещей музыки или специального освещения. Что касается самой охоты, то девушка просто подмигивает парню и идёт куда-нибудь обниматься с ним. Такое происходит ежедневно.

Они, совершенно не стесняясь, могут пригласить вас на обед, но совершенно точно не будут вклеивать вашу фотографию в свой фотоальбом на память.

Это было странно, а многолетний опыт научил меня, когда что-то непонятное выпрыгивает неожиданно прямо перед носом, умней всего отступить и выяснить, что, черт возьми, происходит. В моей работе, то чего не знаешь, может убить.

Но мне такого шанса не выпало. Раздался

резкий свист тренера с поля, и футболисты с грохотом побежали в раздевалку. Один из них размашисто зашагал к нам и, положив руку на верхушку шестифутового сетчатого забора, одним лёгким движением перемахнул через него. Ирвин Бигфут мягко приземлился и с усмешкой продолжил путь прямо к Конни.

Она, взвизгнув по-девичьи от восторга, атаковала его. Он подхватил её на руки, в то время как та, обернув ноги вокруг его бёдер и держа лицо в руках, целовала его вдоль и поперёк. Только спустя минуту они смогли освободиться, чтобы отдышаться.

— Ирвин, — сказала она, — я познакомилась с интересным человеком. Можно взять его с собой?

Парнишка даже не отвёл глаз от Конни. Мне сложно было осудить его за это. Голос у него своим гулким басом поразительно походил на Реку в Плечах.

— Я всегда «за» за обед на Пивоварне.

Она слезла с него и улыбнулась.

— Ладно. Ирвин, это…

Парнишка, наконец, обратил на меня внимание и захлопал глазами.

— Гарри.

— Привет, Ирвин, — сказал я. — Как твои дела?

Кони несколько раз перевела взгляд с одного на другого.

— Вы знакомы?

— Он мой друг, — ответил Ирвин.

— Пора на обед, — заявила Конни. — Гарри, соглашайся, раздели со мной трапезу.

Выражение вышло двусмысленным, учитывая сложившиеся обстоятельства.

Кажется, я понял, чем был вызван дурной сон Реки. Если вампир привязался к Ирвину, то малыш попал в беду. Учитывая вызывающую привыкание сущность Конни и степень контроля, который она могла получить над Ирвином… Возможно, в беде оказался не только он один.

Как же вырос малыш Ирвин. Интересно, сколько сверхъестественных сил ему досталось по наследству от отца. Выглядел он так, словно без всяких усилий мог сломать меня пополам. Они с Конни смотрели на меня с обнадеживающей улыбкой, внезапно я почувствовал, что, возможно, схожу с ума. Такие выражения лиц не должны вызывать подозрений, но все инстинкты подсказывали мне, что здесь что-то не так.

Моя улыбка, наверно, стала ещё деревянней.

— Конечно, — согласился я. — Почему нет?

* * *

Пивоварня практически не отличалась от любого спортбара из существующих в студенческих городках за исключением того, что это действительно была пивоварня. Небольшие и средние баки стояли тут и там по всему помещению, на каждом висела табличка с описанием сорта пива, созревающего в нём. Видимо, опробование пива было здесь традицией. Я вежливо причмокивал при каждой пробе, но оно было довольно заурядным. Ладно, согласен, я, наверно, испорчен имеющимся дома доступом к вареву Мака. Пивоварня была права, их пиво просто превосходно. Маков продукт эпичен, он был легендарным. Сравнивать их невозможно.

Я весь обед держал одну руку под столом, поближе к кое-каким инструментам, которые, по моему мнению, могли понадобиться, и ждал неминуемой неприятной развязки, но она никак не наступала. Конни и Ирвин болтали, как любая другая молодая парочка, жались друг к другу, сидя на соседних стульях. Девушка была очаровательна, забавна и вовсю флиртовала, но Ирвин казался совершенно не расстроенным этим. В любом случае, я старался сдерживать ответные

реакции. Мне не хотелось осознать, когда станет уже слишком поздно, что под видом невинного стёба Конни всадила в меня свои магические крючки.

Но прошла пара часов и ничего не произошло.

— Ирвин никогда и ничего не рассказывал мне о своем отце, — сказала Конни.

— Я сам мало знаю о нём, — сказал Ирвин. — Он… все эти годы держался вдали. Я пару раз пытался найти его, но никогда не хотел быть обузой для него.

— Звучит очень загадочно, — сказала Конни.

Я кивнул.

— Для такого человека, как он, мне кажется, лучше применять слово «оригинал».

— Он богат? — поинтересовалась Конни.

— Сказать, что деньги для него проблема, я не могу, — ответил я.

— Я так и знала! — сказала Конни, лукаво глядя на Ирвина. — Должна была быть причина. Мне нужен ты, а не твои деньги.

Вместо ответа Ирвин спокойно поднял Конни со стула, используя только мышцы плеч и рук, и усадил себе на колени.

— Я не сомневался в тебе.

Конни издала слабый стонущий звук и прику-

сила нижнюю губу.

— Боже. Я знаю, что с тобой не по расчёту, но признаюсь — у меня порой появляются такие мысли, когда ты лапаешь меня как пещерный человек, Паундер.

— Могу себе представить.

Ирвин поцеловал её в кончик носа и повернулся ко мне:

— Итак, Гарри. Что привело тебя в Норман?

— Проезжал мимо, — объяснил я, — а твой отец попросил меня зайти к тебе.

— Совершенно случайно, — недоверчиво произнёс Ирвин, сверля меня тёмными глазами. — Потому что у него всё случайно.

— Типа того, — ответил я.

— Не то чтобы я против встречи с тобой, — заявил Ирвин, — но если ты ещё не заметил, я уже взрослый. Мне не нужна няня. Да ещё крутая и дорогостоящая.

— Если пожелаешь, то я могу быть нянькой за очень разумную плату, — игриво сказала Конни.

— Мне надо с ним кое-что обсудить, — не поддержал заигрывания Ирвин, выпуская её из объятий. Девушка была не такая уж маленькая, но по сравнению с Бигфутом выглядела крошечной. Она вскочила и сказала:

— Схожу попудрить носик и заодно проверить, нет ли на нём соуса для барбекю, а потом сфотографируемся. Хорошо?

— Конечно, — ответил Ирвин, улыбаясь. — Иди.

Как только она пропала из виду, Ирвин посмотрел на меня, и его улыбка пропала.

— Ладно, — сказал он покорно. — Что он хочет на этот раз?

Время поджимало, поэтому я был краток.

— Он беспокоится о тебе. Думает, что тебе может грозить опасность.

Ирвин удивлённо выгнул брови.

— Откуда?

Я просто взглянул на него.

Его лицо внезапно приобрело угрюмый вид, воздух вокруг до предела наполнился энергией.

— Погоди. Речь идёт о Конни?

Я не смог сразу ответить ему, воздух между нами можно было резать ножом. В прошлый раз, я чувствовал так много скрытой временно мощи, когда стоял возле своего старого наставника, Эбинизера Маккоя, когда он тот накапливал силу для заклинания.

Это дало мне ответы на некоторые вопросы про народ Реки в Плечах, имевший доступ к ма-

гической энергии. Паренёк был настоящим её генератором. Нужно быть с ним осторожнее. Мне не хотелось становиться тем парнем, которому не повезло оказаться на пути между землёй и тучей, готовой к разряду. Поэтому ответил я Ирвину осторожно и спокойно:

— Я не совсем уверен. Но точно знаю, она не та, кем кажется.

Его ноздри раздулись, я заметил, он приложил усилие, чтобы сдержаться. Голос у него не дрогнул.

— Что это значит?

— Это значит, я не совсем уверен, — повторил я.

— И что? Ты будешь торчать поблизости и лезть в мою жизнь?

Я поднял руки.

— Это не так.

— Именно так, — сказал Ирвин. — Папа всю мою жизнь находится неизвестно где, но считает, что здесь и сейчас он может запросто решать, когда вторгаться в неё?

— Ирвин, — сказал я, — я не собираюсь заставлять тебя делать что-то. Он просил просто заглянуть к тебе. Я пообещал. Вот и всё.

Он немного похмурился, но потом успокоился.

— Я считаю, нет смысла злиться на посредника, — сказал он. — Что ты хотел сказать о Конни?

— Она… — тут я засомневался. Не так просто сказать парню, сидящему рядом: «Эй, твоя подруга вампир, не мог бы ты передать кетчуп»? Я вздохнул. — Послушай, Ирвин. Каждый видит мир по-своему. И все мы вроде… ну, мы все вместе решаем, что реально, а что нет, правильно?

— Магия реальна, — нетерпеливо сказал Ирвин. — Монстры реальны. Сверхъестественное существует на самом деле. Ты профессиональный чародей.

Я захлопал глазами от неожиданности.

— Что? — спросил он и дружески улыбнулся. — Не суди обо мне по надбровным дугам. Я не идиот, дружище. Считаешь, что можешь дважды вмешаться в мою жизнь, а мне потом не захочется почесать зудящие места? Ты заставил меня задавать вопросы. А я взял и нашёл ответы.

— Э-э. Как? — заинтересовался я.

— Легко. Существует интернет. А ещё организация под названием «Паранет», замешанная во всех необъяснимых вещах, которые начались несколько лет назад. Десяти минут хватило, чтобы найти её в Интернете и прочитать форум. Даже не верится, что никто в мире не обнаружил

её. Не похоже, что это держится в секрете.

— Люди не желают знать правду, — сказал я. — Поэтому её легко спрятать. Всего десять минут? В самом деле? Мне казалось, я совсем не интернетчик.

— Интернетчик, — серьёзно сказал Ирвин, — скорее всего, нет.

Я взмахнул рукой.

— Ирвин, ты должен знать. Конни не…

Вампирша-симпатяшка шлёпнулась Ирвину на колени и чмокнула в щёку.

— Не кто?

— Случайная девица, — плавно ушёл я. — Я просто говорил Ирвину, что очень хочу украсть тебя у него, но, полагаю, что ты не из тех, кто играет в такие игры.

— Это точно, — весело согласилась она. — Я знаю, где мне хочется спать сегодня ночью.

Возможно, то, как она ёрзала, когда говорила, было неосознанно, но глаза Ирвина слегка остекленели.

Я вспомнил себя в этом возрасте. Девушка вроде Конни одурманила меня тогда, при этом она не была вампиром. А Ирвин явно влюбился, или близок к этому состоянию. Он изо всех сил пытался прорваться через туман гормонов, окружавший

его. Спорить с ним было бесполезно, только злить его. Страсть — огромная сила, особенно в возрасте Ирвина, а мне колотушек досталось достаточно за мою жизнь. Я смогу объяснить, какая опасность грозит ему. Он просто потерял точку отчёта…

Он просто не знал.

Я, открыв рот, посмотрел на Конни.

— Что? — спросила она.

— Ты не знаешь? — осенило меня.

— Не знаю о чём? — не поняла она.

— Ты не знаешь, что ты… — я помотал головой и сказал Ирвину:

— Она не знает.

* * *

— Постой, — перебил меня Дин. — Почему это так важно?

— Вампиры такие же люди, как все, пока впервые не попробуют питаться, — ответил я. — Конни не знала, какая трагедия случится, если сделать это.

— Что ещё за трагедия?

— Когда они впервые питаются, то совершенно не знают, что при этом произойдёт. У них отсутствует контроль над собой, пропадают все ограничения — в результате тот, на ком они пи-

таются, умирает.

— То есть, это она была угрозой из сна бигфута?

— Доберёмся и до этого.

* * *

Ирвин нахмурился в негодовании почти в точности, как Река в Плечах, и встал.

Конни недовольно посмотрела на меня, потому что неожиданно оказалась переставленной.

— Не знаю чт… о-о, Паундер!

— Хватит, — сказал мне Ирвин. В его голосе не слышалось угрозы, но я чувствовал, как он сдерживает свой гнев на поводке и как потрескивает воздух.

— Рад был повидаться снова с тобой, Гарри. Передай моему папе, пусть позвонит. Или напишет. Пусть хоть как-то проявится, если хочет учить меня, как жить.

Конни удивлённо уставилась на него.

— Постой,… постой, что происходит?

Ирвин оставил несколько двадцаток на столе и сказал:

— Нам пора.

— Что? Что произошло?

— Мы уходим, — сказал Ирвин. В этот раз голос

казался немного сердитым.

Недоумённый вид Конни внезапно преобразился в возмущённый. Она прищурила прекрасные глазки и отрезала:

— Я тебе не ручная собачка, Паундер.

— Я не пытаюсь… — Ирвин сделал медленный глубокий вздох и продолжил более спокойно:

— Я сорвался. Мне нужно немного покоя. Я всё объясню, когда успокоюсь. Но нам нужно уйти.

Она сложила руки на груди и заявила:

— Тогда иди, успокаивайся. А я не собираюсь хамить нашему гостю.

Ирвин посмотрел на меня и спросил:

— У нас не будет неприятностей?

Вот это да. Парнишка многое узнал о мире с нашей прошлой встречи. Он осознал, что я не шаловливый щенок. Понял, раз меня послали защищать его, то, если я решу, что Конни является угрозой, могу предпринять какие-то меры. Он просто сказал, что, если я решу что-то сделать, будет сопротивляться. Изо всех сил. Не протестовал и не угрожал, просто сообщил, мол, понимает, что к чему и готов к ответным действиям, если я стану вынуждать его. Парни, настроенные на серьёзные поступки, именно так и разговаривают.

— Никаких неприятностей, — успокоил его я

и пообещал:

— Если я надумаю что-то предпринять, то сначала обсужу с тобой.

Он расслабился и кивнул мне. Затем развернулся и последовал к выходу. Люди осторожно косились в его сторону, пока он шёл.

Конни медленно покачала головой и спросила:

— О чём вы говорили?

— Гм, — сказал я. — Мне кажется, он считает, что его отец вторгается в его жизнь.

— Вот тебе на, — она покачала головой. — Это не твоя вина. Обычно он такой спокойный. С чего он такой дёрганый?

— Проблемы, — ответил я, пожимая плечами. — У всех бывают проблемы с кем-то из родителей, а то и с обоими.

— И всё же недостойно вести себя таким образом, — она покачала головой. — Иногда так хочется влепить ему пощёчину. Но для этого мне пришлось бы влезть на стул.

— Я не принимаю это на свой счёт, — заверил я её. — Не волнуйся.

— Речь шла обо мне, — тихо произнесла она. — Не так ли? О чём-то, чего я не знаю.

Я замялся.

Вполне возможно, что я совершил ошибку,

решив вмешаться в отношения Реки и его сына. Я не вправе сотрясать устоявшиеся основы жизни Ирвина. И Конни, если на то пошло. Ей нелегко придётся, когда она узнает о своей сверхъестественной наследственности. Совсем ни к чему узнавать такие печальные известия от незнакомого ей человека. Можно подумать, что я, старый профессионал, не научен горьким опытом, что нужно было просто взять деньги у Реки, спасти его парня и свалить.

— Может, пойдём? — ушёл я от ответа.

— Пожалуй.

Мы вышли и отправились бродить по улицам в центре Нормана. Город жил и рос, как множество других студенческих городков. Здесь было много старых зданий, несколько железнодорожных путей, огромное количество трещин в асфальте и на тротуарах. Магазины и рестораны выглядели сделанными наспех, как в деловых районах, переживших своё первоначальное предназначение, и в которых последующие поколения предпринимателей сменяют старых хозяев участков.

Мы несколько минут шли молча, пока Конни, наконец, не сказала:

— Он не вспыльчивый. Обычно бывает спокоен. Но когда что-то окончательно достаёт его…

— Для него это непросто, — сказал я. — Он огромен, очень силен и осознаёт это. Если он потеряет над собой контроль, кто-то может сильно пострадать. Подобный исход ему неприятен. Поэтому и напрягается, когда чувствует, что начинает злиться. Расстраивается. Его больше выводит из равновесия тот факт, что он чувствует себя разозлённым, чем то, что я сказал или сделал.

Конни пристально посмотрела на меня и сказала:

— Большинство не догадываются об этом.

Я пожал плечами.

— О чём я не знаю? — спросила она.

Я покачал головой.

— Не уверен, что должен тебе рассказывать.

— Но это связано со мной.

— Да.

Она слабо улыбнулась.

— Тогда может, это я должна решать?

Я ненадолго призадумался.

— Конни… ты, как всегда, права. Но… кое о чём, как кто-то сказал, лучше умолчать. Позволь, я сам это решу.

Она ничего не ответила.

Повисла неудобная пауза. Я попытался перевести разговор на другую тему.

— Как ты познакомилась с Ирвином?

Вопрос, а может быть суть вопроса, похоже, позволил ей слегка расслабиться.

— В туалете на вечеринке. Кто-то дубасил в дверь. Ни один из нас никогда раньше не был пьян, и… — Её щёки слегка порозовели. — И он просто чертовски сексуальный.

— Многие люди так не считают, — заметил я.

Она махнула рукой.

— Знаю, он не красавчик. Речь не об этом. В нём есть… энергия. Это химия. Уверенность. Сила. Не только мышечная — его характера. — Её щёки снова порозовели. — Я не думаю, что это была действительно любовь с первого взгляда. Но только похмелье прошло, а это нет.

— Ты его любишь? — спросил я.

Её улыбка стала шире, а глаза сияли так, как и должны у молодой женщины. Она ответила со спокойной, искренней уверенностью:

— Он мой единственный.

У меня в голове крутилось, по меньшей мере, двадцать возможных вариантов ответа. Я собирался сказать, что она слишком молода, чтобы принимать такое решение. Я думал о том, что она не строила долгих планов, и понятия не имела, к чему могут привести её отношения с Ирвином. Я

собирался сказать ей, что только время покажет, подходят ли она и Ирвин друг другу и готовы ли быть вместе, поэтому нельзя спешить. Я мог бы сказать что-то о том, что она должна остановиться и подумать, а не делать поспешных заявлений о будущем, поддавшись эмоциям.

И тут я понял: всё, что я могу сказать, могло относиться только к молодой любящей женщине, а не вампиру. Но не только это, я заметил что-то в её интонациях или в выражении лица, что-то, что подсказывало мне, я не прав, несмотря на весь свой многолетний опыт. Мои инстинкты говорили мне то, что не понимало моё рациональное сознание.

У ребят было что-то реальное. Я имею в виду, может быть, это не было самыми чистыми и добродетельными отношениями, но в них не было ничего смертельно опасного. То, как они связаны друг с другом сейчас? Бывают и такие связи. Вы можете попробовать произнести их имена, как единое целое, и это получится: Коннирвин. Может быть, их отношения ещё только развиваются, но они настоящие.

Не то чтобы это имело значение. Влюбленность не меняет сути дела. Во-первых, Конни был вампиром. Во-вторых, вампиры должны кормиться.

В-третьих, они кормятся на своих любовниках.

* * *

— Подождите, — сказал Дин. — Вы кое-что упустили.

— Что?

— Девушка — вампир, правильно?

— Да.

— Итак, — продолжил Дин, — она познакомилась с парнем в туалете на вечеринке. Они уже занимались сексом, причём она делала это впервые.

— Да, — нахмурился я.

— Тогда почему сынок бигфута не умер?

— Совершенно верно. Меня это тоже озадачило, — закивал я головой.

* * *

Девчонка влюбилась в Ирвина, а это значит, она опасна для него. Чёрт, она опасна почти для всех. Она даже не совсем человек. Как во мне вообще могло прорасти какое-то снисхождение к ней?

И в то же время, разве можно было поступить по-другому?

— Нужно было брать золото, — пробормотал я.

— Что? — переспросила она.

Одновременно с этим у тротуара в нескольких шагах от нас припарковался линкольн «таун кар». Из передних дверей вышло двое мужчин. Они были в дорогих костюмах и имели толстые шеи. У одного костюм не совсем подходил по размеру, поэтому имелась небольшая выпуклость от пистолета в наплечной кобуре. Этот встал на тротуаре и уставился на меня, сложив руки перед собой. Водитель обошёл машину и открыл заднюю пассажирскую дверь.

— Класс, — сказала Конни. — Чудно. Только этого мне не хватало.

— Кто это? — поинтересовался я.

— Мой папа.

Мужчина, вышедший из задней части лимузина, носил жемчужно-серый костюм, на фоне которого наряды его головорезов походили на второсортные тряпки. Он был худым, ростом немного более шести футов, а его стрижка, наверное, стоила больше, чем я зарабатывал за неделю. Волосы у него были тёмными с сединою на висках, кожа обветренная и сильно загорелая. Почти на каждом наманикюренном пальце красовалось по огромному камню.

— Привет, папа, — улыбнулась Конни. Голос казался искренним, но когда она говорила, смотрела немного в сторону. Одно из правил чтения языка тела гласит, что практически никому не удаётся полностью скрыть физическое отражение своего настроения. Можно только уменьшить признаки его проявления в позах и движениях. Если под воображаемым микроскопом рассматривать язык тела, он расскажет, о чём думают люди.

Конни явно не желала говорить с этим человеком и готова была сбежать при первой возможности от собственного отца. Это кое-что говорило об этом парне. Я был почти уверен, что не понравлюсь ему.

Он с улыбкой приблизился к девушке и, после мимолётного колебания, они обменялись недолгими объятиями. Выглядело так, будто практиковались в этом они нечасто.

— Конни, — продолжая улыбаться, произнёс мужчина. У него было такое же протяжное произношение, как у дочери. Он склонил голову набок и задумчиво стал разглядывать её. — Ты осветлила волосы. Это… производит впечатление.

— Спасибо, папа, — тоже улыбаясь, сказала Конни. При этом искренности ни в одном из них не было заметно. — Я не знала, что ты в городе.

Если бы ты позвонил заранее, мы могли бы организовать вечеринку.

— Сам не ожидал, — не задумываясь, ответил он. — Надеюсь, ты не против.

— Конечно, нет.

Оба лгали друг другу в глаза. Между ними по-настоящему остро стоял вопрос отцов и детей.

— Как дела у парнишки, с которым ты подружились? У Ирвинга.

— Ирвина, — поправила Конни ядовито-слащавым тоном. — Он замечательный парень. Возможно, он лучше всех остальных.

Он поморщился и сказал:

— Я понял. Но он не с тобой?

— Ему нужно готовиться к занятиям, — не моргнув глазом, солгала Конни.

Ответ вызвал лёгкую хитрую ухмылку.

— Понятно. Как зовут твоего спутника? — не глядя на меня, любезно поинтересовался он.

— Прошу прощения, — сказала Конни. — Гарри, это мой папа, Чарльз Барровилл. Папа, это Гарри Дрезден.

— Привет, — сверкнув улыбкой, поздоровался я.

Барровилл внезапно прищурился, резко вздохнул и обернулся ко мне. Огляделся по сторонам,

словно в поисках путей отхода или, возможно, подходящих заложников.

— Рад встрече, мистер Дрезден, — его голос неожиданно стал сдавленным. — Что привело вас в Оклахому?

— Я слышал, здесь есть, где разгуляться, — ответил я. Телохранители за спиной Барровилла почувствовали возникшее напряжение и оба замерли. Барровилл ненадолго задумался, как будто пытался понять истинный смысл моих слов. Тягостно тикали секунды, наступило затишье, как перед перестрелкой в старых вестернах.

По улице покатилось перекати-поле. Без шуток, настоящее всамделишное перекати-поле. Это же Оклахома.

Барровилл медленно выдохнул и сказал Конни:

— Солнышко, мне нужно немного побеседовать с тобой наедине. У тебя найдётся пара минут?

— Вообще-то… — начала Конни.

— Прямо сейчас, пожалуйста, — перебил её Барровилл. В его любезном голосе проскакивали сердитые нотки. — В автомобиле. Я подвезу тебя обратно в общежитие.

Конни скрестила руки на груди и нахмурилась.

— Папа, я тут принимаю одного гостя из города и не могу просто так оставить его здесь.

Рука одного из телохранителей резко дёрнулась.

— Не усложняй всё, Конни, — сказал Барровилл. — Давай не будем устраивать сцен.

Его взгляд не отрывался от меня, пока он говорил, я получил недвусмысленное сообщение, чёткое и ясное. Он забирает девушку с собой, и готов к любым неприятностям, если я попытаюсь остановить его.

— Всё в порядке, Конни, — сказал я. — Я бывал в Нормане раньше и без труда найду дорогу к гостинице.

— Точно?

— Конечно.

— Герман, — приказал Барровилл.

Водитель открыл пассажирскую дверь и снова встал за спину хозяина. Он не отрывал от меня глаз и покачивал одной рукой, готовясь в любой момент выхватить оружие.

Конни перевела несколько раз взгляд с меня на отца, громко вздохнула и пошла к машине, села в салон, а Герман закрыл за ней дверь.

— Я узнал вас. Вы были в Провале Рейтов, когда Скавис и Мальвора попытались устроить

переворот. Передний ряд, от начала до конца поддерживали сторону Рейтов, — любезно напомнил я Барровиллу.

— У вас превосходная память, — сказал Барровилл.

— И осталась целой и невредимой, заметили?

Вампир грустно улыбнулся.

— Что вы делаете возле моей дочери?

— Гуляю, — ответил я. — Беседую.

— Вам не о чём беседовать с ней. В интересах мира между Коллегией и Советом, я готов закрыть глаза на вторжение на мою территорию. Ступайте с миром. Сейчас же.

— Вы совсем ничего не рассказывали ей, так ведь? — спросил я. — Само собой не рассказали, кем она является.

У него задёргалась щека.

— Это не наш метод.

— Ага, — сказал я. — Значит, вы дожидаетесь, когда они в первый раз втюрятся, попробуют заняться сексом, и убьют того, кто окажется с ними рядом. Немного жестковато в отношении детишек, согласны?

— Конни не смертный скот. Она вампир. Инициация развивает характер, который понадобится ей для выживания и процветания.

— Что хорошо для вас, то хорошо и для неё?

— Смертный, — сказал Барровилл, — тебе не понять. Я ей отец. Это моя обязанность, подготовить её к жизни. Инициация необходима ей.

Я вздёрнул брови.

— Господь… так вот что происходит, да? Ты отправил её учиться, чтобы затрахать какого-нибудь несчастного парнишку до смерти. Чёрт, уверен, тебе это удалось. Только парнишка не умер, поэтому сейчас ты в городе, желаешь выяснить, что, чёрт возьми, пошло не так.

Глаза Барровилла потемнели, он покачал головой.

— Это не твоё дело. Уходи.

— В том-то и дело, что моё, — возразил я. — Мой клиент волнуется за своего ребёнка.

— Ирвинга, — ощерился Барровилл.

— Ирвина, — поправил я.

— Возвращайся в Чикаго, чародей, — сказал он. — Сейчас ты на моей территории.

— Зря ты так, — ответил я. — У парнишки большие связи. Если с ним что-то случится, тебе не поздоровится.

— Это угроза? — спросил он.

Я покачал головой.

— Дружище, я не против мирно уладить все

вопросы. Я могу добиться своего и по-другому. Если ты знаком с моей репутацией, то должен знать, насколько я искренний парень.

— Наверно, нужно убить тебя прямо тут.

— Здесь, у всех на виду? — спросил я. — При свидетелях? Ты не будешь этого делать.

— Уверен?

— Уверен. Даже если ты победишь, то проиграешь. Ты просто хочешь отпугнуть меня, — я кивнул в сторону его головорезов. — Вурдалаки, я угадал? Двух на меня маловато будет, дружище. Чертовски люблю биться с вурдалаками. Меня муки совести никогда не мучают от их страданий.

Барровилл пропустил мимо ушей моё предупреждение — обычное поведение для нелюдей. Он посмотрел на меня, потом на свой «Ролекс».

— Я даю вам времени покинуть штат до полуночи. Иначе, гарантирую, вы отправитесь на тот свет.

— Сейчас, — сказал я, — я от страха аж задыхаюсь.

Глаза Барровилла сменили цвет с тёмно-зелёного на более бледный и злой зелёно-золотистый.

— Я возвращаю зло тем, кто угрожает благосостоянию моей семьи, Дрезден.

— Да. Вы настоящий Оззи Нельсон. Джон Уол-

тон. Бен Картрайт.[71]

— Что?

— Мистер Драммонд? Чарльз… в ответе?[72] Нет?

— Что вы несёте?

— Адские колокола, неужели никто в Белой коллегии не смотрит телевизор? Я давал вам известные примеры основных ценностей. Семья дороже золота.

Барровилл уставился на меня тусклым змеиным взглядом. А затем просто сказал:

— Полночь, — перед тем как повернуться ко мне спиной, сделал два шага назад и сел в машину. Его громилы угрюмо посмотрели на меня, тоже сели в машину и уехали.

Я проследил, как машина отъезжает. Несмотря выказанное мной отношение к Барровиллу, я знал, что воспринимать его нужно всерьёз. Любой вампир является опасным противником, а этот тем более, с его активами, финансами и лич-

---

[71] Примечания: 71

Дрезден перечисляет персонажей сериалов, намекая, что семейные ценности — это не только фамильные драгоценности. Прослеживаются параллели и с ним самим.

[72] Примечания: 72

Джордж Драммонд — директор школы в британском сериале 1985 года «Драммонды» о школе-интернате для мальчиков (Дрезден в детстве кочевал из одного приюта в другой).

ной армией отморозков. Но не только поэтому, но и… с его точки зрения, я влез в его права на девочку. Вампиры Белой Коллегии, в определённой степени, потому и опасны, что частично являются людьми. У них были человеческие эмоции, человеческие желания, человеческие слабости. Барровилл может безрассудно встать на защиту своей семьи, как любой другой.

А, кроме того, они ещё и нелюди. Все человеческие потребности у них тесно переплелись с паразитирующим духом, который они называют «Голод» и от которого берётся вся энергии и смертельная жажда вампирической сущности.

Если взять одну часть человеческих грехов и комплексов, добавить к ней ещё одну часть нечеловеческой силы и мотиваций, то что из этого получится?

Неприятности.

* * *

— Барровилл? — переспросил инспектор Дин. — Нефтяной магнат? У него целая свора на содержании. Из конгрессменов.

— Скорее всего, он самый, — ответил я. — Все вампиры любят деньги и статус. Это здорово облегчает им жизнь.

— Вообще любому, хоть вампиру, хоть не вампиру, — усмехнулся Дин.

— Вот уж точно, — согласился я.

— Вы оказались в затруднительном положении, — заметил он. — Расскажешь всё девушке, погубишь её. Не расскажешь, погубишь и её, и Бигфута. В любом случае чей-нибудь папаша предъявит претензии.

— Это вы верно подметили.

— Мне кажется, умный парень умыл бы руки, бросил эту заваруху и уехал из города.

— Согласен. Но я всего-навсего обычный парень.

* * *

Лесонасаждений в Нормане практически не было, стояли отдельные деревья тут и там. Место, где я договорился встретиться с Рекой в Плечах, находилось в центре лесного массива, который был пожертвован университету Оливерским заказником дикой природы для проведения исследований. Когда я шёл не спеша по редколесью, мне пришло в голову, что встреча с Рекой в Плечах походит на рандеву с акулой из фильма «Челюсти» на мелководье, но он умудрился подобрать место, где даже большая лодка останется

на плаву.

Было темно, и я снял с шеи серебряный амулет-пентаграмму, чтобы использовать для освещения. Послал в него импульс воли, прошептал заклинание — и маленький символ загорелся тусклым голубым светом, что позволило мне ходить, не натыкаясь на деревья. Минут пять у меня ушло, чтобы примерно сориентироваться, потом из темноты донеслось негромкое приветственное ворчание Реки в Плечах.

Мы сели на поваленное дерево, и я рассказал ему, что удалось выяснить.

После того, как я закончил, он пару минут сидел молча. Потом произнёс:

— Мой сын подцепил паразита.

Меня это слегка возмутило.

— Ты, конечно, вправе так к этому относиться, — заявил я.

— А разве можно как-то иначе?

— Он встретил девушку. А паразита просто получил в нагрузку.

Река в Плечах глубоко вздохнул. При его гигантских габаритах звук был, как у тех пневматических машин, которыми поднимают автомобили в ремонтных мастерских.

— Ясно. По-твоему, девушка не представляет

опасности. Она ни при чём.

— Именно, — ответил я. — Она не больше виновата в том, что такой родилась, чем ты или я.

Река в Плечах хмыкнул.

— Твой народ раньше сталкивался с Белой Коллегией?

Он снова хмыкнул.

— В прошлый раз, когда я спас Ирвина… До сих пор поражаюсь мощи его ауры, а ему было тогда всего четырнадцать лет. Постоянное высасывающее заклинание, которое должно было убить, всего лишь усыпляло его, — я посмотрел на него. — Но я ничего не чувствую у тебя. Логичным было бы, если твоя аура на порядок превышала ауру твоего потомка. Теперь понятно, почему ты так старательно избегал любых прикосновений ко мне. Ты скрываешь от меня свою силу, я прав?

— Возможно.

Я рассмеялся.

— Именно такой ответ можно ожидать от чародея.

— От посторонних мы скрываем совсем не это, — сказал он. — Да мы и не чародеи. Просто видим мир иначе, чем смертные. Вы, люди, опасны для нас.

— Ха, — усмехнулся я, сравнив его массивную

фигуру со своей. — Из нас двоих опасен, конечно, я.

— Как ребёнок, размахивающий отцовским пистолетом, — сказал Река в Плечах. В его голосе прорезались более мягкие нотки. — Хотя некоторые из вас, должен признать, разумней, чем остальные.

— Хочу сказать, — произнёс я, — я мало кого видел с такой жизненной силой, как у парнишки. Когда проснулся Голод у Конни, она питалась ей без всяких ограничений, а ему хоть бы что, кроме похмелья. Возможно, он смог бы без проблем выдержать совместную жизнь с ней.

Река в Плечах неспешно кивнул. Его лица, похоже, выражало глубокую задумчивость, точно разглядеть было сложно, сильно стемнело, а черты лица были чересчур грубые и угловатые.

— Девчонка, судя по всему, по-настоящему влюбилась в него. А он в неё. Я, конечно, не эксперт в таких делах, но они, похоже, нравятся друг другу, даже когда у них возникают разногласия, они бьются честно. Это хороший знак, — я, прищурившись, посмотрел на него. — Ты, в самом деле, считаешь, что ему грозит опасность?

— Да, — сказал Река в Плечах. — Сейчас они будут вынуждены убить его.

Я захлопал глазами.

— Что?

— Это… существо. Барровилл.

— Не томи?

— Он отправил своего ребёнка сюда с определённой целью — она должна была встретить молодого человека, напитаться им и, сама того не желая, убить.

— Я знаю.

— Что за чудовище будет так поступать со своими детьми? — покачал головой Река в Плечах.

— Вампиры, — ответил я. — Судя по тому, что мне известно, они часто так поступают.

— Потому что им больно, — заявил Река в Плечах. — Барровилл помнит свою первую возлюбленную. Помнит жизнь с ней. Помнит её смерть. С тех пор Вендиго[73] наложил свою лапу на его сердце. Это определило его судьбу.

— Вендиго?

— Общий термин. Ненасытный дух голода, —

---

[73] Примечания: 73

В мифах индейцев Северной Америки (алгонкины) вендиго — лесные духи-людоеды, пожирающие заблудившихся путников. Это существа столь же высокие, как дерево, с безгубым ртом и острыми зубами. Тела у них полупрозрачные, ибо состоят изо льда. Несмотря на крайнюю худобу, вендиго отличаются ненасытностью. Своих жертв они заманивают свистом, который напоминает шелест ветра. Услышав этот свист, человек словно сходит с ума, и ноги сами несут его к тому дереву, у которого притаился вендиго.

отмахнулся Река в Плечах.

— А, сейчас понял.

— Так вот, насчёт Барровилла. В своё время отец объяснил ему, что всё так и должно было быть. Что это необходимо, чтобы сделать его хорошим вампиром. Что то, что превратило его в монстра-убийцу — на самом деле хорошо. Он всю свою жизнь пытается убедить себя в этом.

Река медленно кивнул сам себе, потом спросил:

— Что происходит, когда ребёнок не слушает отца, а поступает по-своему?

Я почувствовал себя идиотом.

— Это означает, что сказанное ему отцом было ложью. Это означает, что, возможно, он не должен быть таким. Это означает, что он лгал самому себе. Обо всём.

Река в Плечах развёл руками, ладонями вверх, как бы констатируя факт.

— Такие отцы, как он, стараются сделать детей подобными себе. Он захочет сделать ложь правдой.

— Для этого ему надо будет убедиться, что Конни убила Ирвина, — продолжил я. — Мы должны вытащить его оттуда. Возможно, их обоих.

— Как? — спросил Река в Плечах. — Она ничего

не знает. Он знает немного. Ни один из них не знает достаточно, чтобы догадаться сбежать.

— Они не должны удирать, — буркнул я.

— Всегда лучше избежать драки, чем ввязываться в неё.

— Не согласен, — заявил я. — Иногда нужно вступать в бой. И драться. И побеждать.

Река в Плечах покачал головой.

— Твой предок был охотником, — я почувствовал, что у Реки в Плечах эта тема вызывает столь глубокое сопротивление, что, боюсь, я никогда не смог бы преодолеть его. Река просто не боец. — Может, ты согласишься, что мудрее будет, если они оба убегут?

— В данном случае… да, может быть. Но я думаю, это лишь отсрочит конфронтацию. У парней вроде Барровилла длинные руки. Если он начнёт преследовать, рано или поздно он найдёт их.

— Я не имею права забирать у него дочь, — сказал Река в Плечах. — Меня интересует только Ирвин.

— Ну, я не собираюсь пытаться разлучить их, — возразил я. — Ирвин едва не набросился на меня, когда я об этом заикнулся.

Я сделал паузу и добавил:

— Но он мог бы послушать тебя.

Река в Плечах покачал головой.

— Он прав. У меня нет права заявляться и разбивать его жизнь вдребезги, после того, как был так далеко и так долго. Он никогда не послушает меня. Он очень зол. Может быть, по уважительным причинам.

— Ты же его отец, — не отступал я. — Возможно, это куда весомее, чем ты думаешь.

— Я не должен был тебя в это втягивать, — проворчал он. — Прошу прощения, чародей. Ты свободен. Позволь мне самому с этим разобраться.

Я внимательно посмотрел на Реку в Плечах.

Огромный бигфут был, конечно, мощным, но он также был медлительным. Ему требовалось время для принятия решений. Он действовал с огромным терпением. Он явно не мог определиться, насколько причастным быть к жизни сына. Прежде чем сделать выбор, у него могут уйти месяцы на размышление и наблюдение.

Большинство из нас не столь неторопливы. Барровилл уж точно, я уверен. Если вампир решил нас преследовать, он, возможно, уже гонится за нами. Прямо сейчас.

— В данном конкретном случае, Река в Плечах, ты неправ, — заявил я. — В бой вступить нужно в

ближайшее время. Предпочтительно сегодня.

— Я такой, какой есть, — твёрдо сказал Река.

Я встал с бревна, кивнул и ответил:

— Знаю. И я тоже.

* * *

Я позвонил своему коллеге-Стражу, «Дикому Биллу» Мейерсу, в Даллас, но мне ответил автоответчик. Я оставил сообщение, что я нахожусь в Нормане и нуждаюсь в его помощи, но надежды на то, что он вовремя появится, было мало. Обратной медалью обладания магическими способностями являлся непрогнозируемый отказ сложной техники от любого чиха. Сотовые телефоны в наших руках становятся «кирпичами», и это временами создаёт для нас проблемы с коммуникацией, хотя это не единственная из возможных причин отсутствия связи. Если бы Билл был в зоне доступа, он ответил бы. У него под надзором находилась достаточно большой район и, скорее всего, у него были свои проблемы, но так как Даллас был всего в трёх часах езды (при условии, если его автомобиль не ломался), я мог надеяться, что он к утру приедет.

Итак, я сел в свой рассыпающийся старый Фольксваген-жук, запустил двигатель и поехал

в сторону кампуса в одиночку. Припарковался я, где попало — наверное, мне выпишут штрафную квитанцию. Я намеревался выбросить её. Анархистам гораздо легче найти место для парковки.

Я вышел и направился к одному из небольших зданий общежитий кампуса. У меня с собой не было магического посоха, если ходить с ним — слишком странный у меня вид будет, но жезл висел на петле под моим кожаным плащом. Я не думал, что придётся пользоваться им, но лучше носить его и не нуждаться в нём, чем наоборот. Я проверил, на месте ли защитный браслет, и побрёл по коротко стриженому газону с травой бирюзового оттенка к общежитиям, в которых жил Ирвин. Они были крошечными, для такого кампуса, всего четыре пятиэтажных здания, стоявших под прямым углом друг к другу в виде знака плюс. Дверь была заперта. В наши дни в общежитиях для безопасности всегда так делают.

Я барабанил костяшками пальцев по стеклу, пока меня не заметил проходивший мимо студент. Я показал картонку с местной Быстропиццей и старался выглядеть опаздывающим в туалет. Можно было не стараться. Глаза паренька были остекленевшими и налитыми кровью. Он чем-то обдолбался, поэтому открыл дверь без всяких

вопросов.

— Спасибо.

— Пустяки, — отмахнулся он.

— Меня должны были встретить у дверей, — сказал я. — Вы не знаете парня по имени, э-э…

Я сверился с запиской, приклеенной к коробке:

— Ирвин Паундер?

— Паундер, ага, — сказал паренёк. — Он у себя в комнате. Четвертый этаж, южный блок, третья дверь слева. Просто идите на звук.

— Музыки?

Он рассмеялся.

— Не совсем.

Я поблагодарил его и побрёл вверх по лестнице, что становилось с каждым годом всё сложнее для моих коленей. Возможно, мне нужна ортопедическая обувь или что-то подобное.

Я успел подняться до второго этажа, когда почувствовал нечто. В воздухе витала неопределённая напряженность. Это заставляло биться быстрей сердце и бросало в пот. Пройдя ещё несколько ступенек, я стал чаще и громче дышать. Только добравшись до третьего этажа, я вспомнил, самым опасным моментом для экстрасенсорного нападения являлось то, что жертва почти никогда не понимает, что происходит на

самом деле.

Я остановился и в панике поднял свою ментальную защиту, неожиданный выброс адреналина и страх ослабили трепет от смутного желания, которое я почувствовал. Воздух был полон психической силой, сущность которой я когда-то давно испытал в Провале Рейтов. Это было, когда Лара Рейт выпустила всю свою мощь против пришедшего туда собственного отца, Белого Короля, утопив его разум в навязанной похоти и стремлении угодить ей. С тех пор он стал её марионеткой.

Здесь присутствовала тот же метод атаки, хотя были небольшие отличия. Похоже, здесь находился Барровилл. Он действовал даже быстрее, чем я опасался. Удерживая все свои ментальные щиты, я ускорил шаг. Достигнув четвертого этажа, я услышал звуки, о которых упоминал добродушный торчок.

Это был секс. Громкий и в больших количествах секс.

Я бросил пиццу и вытащил жезл. Мне хватило пяти секунд, чтобы понять, что происходит. Барровилл, по моим предположениям, ментально давил на Конни, вынуждать её продолжать кормиться, хотя она сама уже давно остановилась бы.

Он хотел, чтобы она убила Ирвина, как хороший маленький вампирчик, а излишки растекались по всему зданию.

Не так уж и много требуется, чтобы ребятишки из колледжа увлеклись сексом, но в данный момент они буквально сорвались с цепи. Посмотрев вдоль всех четырёх коридоров, я увидел открытые двери. Парочки и… ну, мягко говоря, группы ребятишек совокуплялись, некоторые прямо в коридоре. Вообразите себе акт дикой похоти. Это происходило, по крайней мере, в двух из четырёх коридоров.

Я завернул в коридор Ирвина, направляя свою волю в жезл, понимаю, звучит это как фрейдистская ирония. Резные руны вдоль всей длины начали сиять серебряным и алым светом от силы, направляемой в него. Вампир Белой Коллегии практически котёнок по сравнению с некоторыми другими существами на планете, но однажды я видел, как один из них закрутил две стальных гантели по пятьдесят фунтов вокруг друг друга, чтобы донести свою мысль. У меня было не так много времени, чтобы наброситься на Барровилла в этих узких комнатушках, лучшим шансом на успех было бы долбануть его сразу, как увижу.

Я, как можно тише, на цыпочках, обошёл пару

парочек, наверняка нарушавших какой-нибудь внутренний устав. Затем с разбега, ударив ногой в дверь, ворвался в комнату Ирвина.

Внутри, похоже, прошёлся маленький ураган. Книги, одежда, постельное белье, обычные для общежития вещи валялись повсюду. Опрокинутый стул лежал возле небольшого студенческого стола. Ноутбук стоял на боку, с синим «экраном смерти» на мониторе. Кровать свалилась на одну сторону, у неё, кажется, подломились две ножки.

Конни и Ирвин находились там, мутный туман вожделения расходился от наивного суккуба вторичным эмоциональным циклоном. Мне едва удалось его избежать. Ирвин зажал её в углу. Его мышцы натянули кожу, а дыхания было хриплое, ему с трудом приходилось ловить ртом воздух, но своих движений он не прекращал.

Он не был нежен, но Конни, по всей видимости, не возражала. Её глаза приобрели серебристый оттенок, серебристого металлика, они, словно сделанные из хрома, отражали пространство вокруг неё, как крошечные кривые зеркала. Она вонзила пальцы по второй сустав в гипсокартон стены с обеих сторон от себя для опоры, а её тело напряжённо изгибалось в такт его движениям. Они были в полном исступлении от происхо-

дящего.

А я не занимался сексом дольше вечности.

— Ирвин! — закричал я.

Плохо дело, он не обратил на меня внимания.

— Конни!

Она тоже и ухом не повела.

Я не мог позволить… э-э, процессу продолжаться. У меня понятия не было, сколько ещё это могло длиться, и какой вред мог быть нанесён Ирвину, но было бы глупо ничего не предпринять в надежде на счастливый исход. Пока я пытался сообразить, как их разнять прежде, чем кое-кто не ослеп, раздался скрип открывающейся двери за моей спиной. От зрелища, звука и тумана, оказывающего психическое воздействие, мои умственные процессы работали с далеко не максимальной интенсивностью. Я не воспринимал звук за угрозу, пока Барровилл не приложился мне по затылку чем-то, по твёрдости похожим на бильярдный шар.

Я потерял сознание до падения на пол.

* * *

Когда я очнулся, боль в моей голове превышала по размеру снежного человека, а в запястьях и лодыжках была просто убийственной. Шестеро

головорезов Барровилла, в буквальном смысле, стояли на коленях, прямо на мне, не давая двигаться. Каждым прижимал по ножу к основным артериям.

И вдобавок, мои штаны словно уменьшились на несколько размеров.

Я по-прежнему находился в комнате Ирвина, но ситуация изменились. Ирвин лежал на полу спиной вниз, а Конни оседлала его. Её черты лица неуловимо изменились. Кожа, казалось, пылала с бледным светом. Глаза превратились в пустые белые сферы. Скулы стали резко выраженными, а волосы мокрые от пота растрепались дикой гривой, которая липла к щекам и приоткрытым губам. Она двигалась, как при замедленной съёмке, её ногти впились в грудь Ирвина.

Ментальная атака Барровилла до сих пор не закончилась, а в присутствии Конни стала столь яркой и пронзающей, что на секунду я решил, что случилось маленькое землетрясения. Мне необходимо было добраться до этой девушки. Я должен был. Если мне не удастся сделать это, то я сойду с ума от желания. Моей первой реакцией, после открытия глаз, была попытка приблизиться к ней.

Громилы крепко держали меня, а я кричал в

знак протеста, одно хорошо, пленение не позволило мне выкинуть какую-нибудь глупость и дало время осознать, что мои щиты сняты. Я снова поднял их, используя все свои силы, но Барровилл слишком долго находился в моей голове. Мне едва удалось вернуть контроль над сознанием.

Парнишка выглядел ужасно. Глаза остекленели. Он больше не двигался в такт Конни, его тело беспорядочно трясло от неконтролируемых судорог. Голова моталась из стороны в сторону. Из открытого рта текла струйка слюны до самого пола.

Барровилл поднял опрокинутый стул и сел на него, закинув ногу на ногу и сложив руки на грудь. Он наблюдал, как его дочь убивает своего любимого, с бесстрастным, как у врача, выражением лица.

— Барровилл, — прохрипел я, — остановите это.

Вампир направил свой пристальный взгляд на меня и покачал головой.

— Это полночь, Дрезден. Золушка возвращается к реальной жизни.

— Ты сукин сын, — зарычал я. — Она же убивает его.

Слабая усмешка коснулась уголка его рта.

— Да. Красиво. Её Голод довольно силен, — он неопределенно покрутил рукой. — Разве он кажется расстроенным из-за этого? Он смертный. А все смертные рождаются, чтобы умереть. Вопрос только в том, как и в каких муках.

— Между этими событиями в жизни многое происходит, — огрызнулся я.

— И ещё многие придут ему на смену, — глаза Барровилла излучали холод. — Ему. И вам.

— О чём ты?

— Когда она закончит, мы отправимся домой, а вы на мясо.

В моём желудке образовался ледяной комок, я сглотнул. С учётом обстоятельств, меня начал немного беспокоить исход этой ситуации. «Разговор, Гарри. Продолжай разговор с ним. Ты ещё ни разу не встречал вампира, который не любил бы звук своего собственного голоса. Обстановка может измениться, пока ты тянешь время», — настраивал я себя.

— Почему было не сделать это прежде, чем я очнулся? — спросил я.

— Потому, что так рациональнее, — ответил Барровилл. — Если молодой спортсмен примет «Экстази», и у него сердце не выдержит, то о нём

будут скорбеть, но расследования не будет. А если два трупа? Да ещё один из них частный детектив? Начнутся вопросы.

Он пожал плечами.

— И я не боюсь, что вы наложите смертное проклятие, чародей. Как только Конни за вас примется, своё имя не сможете вспомнить, не то что проклятие произнести.

— Если ты втянешь Коллегию и Совет в открытое противостояние, Рейты тебя убьют, — попытался припугнуть я.

— Рейты никогда не узнают. У меня двадцать вурдалаков, Дрезден, и они всегда голодны. То, что они оставят от вашего трупа, не составит труда вытереть влажной губкой.

Внезапно Конни совершенно перестала двигаться. Её кожа побелела до цвета слоновой кости. Она задрожала, а дыхание стало прерывистым. Из откинутой назад головы вылетел горловой, хриплый стон. Мне при сексе не было так хорошо, как от звуков Конни.

«Черт возьми, Дрезден. Не отвлекайся», — напомнил я себе.

Моё время было на исходе.

— Совет узнает, Чак. Они чародеи. Они специалисты по поиску отсутствующей информации.

Он ухмыльнулся:

— Думаю, мы оба знаем, что их репутация очень преувеличена.

Чёрт возьми, мы действительно оба об этом знали.

— Думаешь, никто не будет скучать по мне? — спросил я. — Ты же знаешь, у меня есть друзья.

Барровилл резко наклонился вперед, внимательно глядя на Конни, его глаза, стали на немного светлее.

— Возможно, Дрезден. Но ваших друзей здесь нет.

И тут раздался треск, настолько громкий, что встряхнуло всё здание. Элегантный, тёмный линкольн «таун кар» Барровилла въехал в комнатную дверь, выломав вместе с ней значительный кусок стены. Вурдалаков, прижимавших меня к полу, снесло обломками по сторонам, а мелкая пыль заполонила воздух.

Я сразу закашлял, но сумел разглядеть, что произошло. Машина въехала с противоположной стороны общежития, вломившись через комнату, в которой Барровилл сидел в засаде. Автомобиль пересёк прихожую, заехал бампером и передними колёсами в комнату Ирвина и заглох. Во внешней кирпичной стене здания в результате

образовалась массивная прореха, через которую ярко светила луна.

Это привлекло всеобщее внимание. На мгновение в комнате все замерли, установилась мёртвая тишина. Вурдалак-шофёр по-прежнему сидел за рулём, только голова у него свободно болталась на переломленной шее.

— Ха, — хрипло закудахтал я. — Ха, ха. Хе, хе, ха, ха. Дебил.

Огромное тело запрыгнуло в отверстие в наружной стене и приземлилось в стоявшей напротив комнате, треска при этом было немногим меньше, чем от машины. Клянусь, если я снова услышу звуковой эффект, который использовали, когда Стив Остин[74] прыгал куда-нибудь, меня он не впечатлит. В той комнате не было света, и вновь прибывший выглядел массивной, грозной тенью.

Он треснул ладонью, имевшей размер с большой лоток для печенья, по полу и издал глубокий, гулкий рёв, ничего похожего я никогда не слышал, отдалённо это можно было сравнить с усиленным звуком от бас-гитары. Это была музыка. Возможно, её не изложишь в нотах, как и

---

[74] Примечания: 74

Стив Остин — американский актёр кино и телевидения, бывший профессиональный рестлер.

музыку грозы или либретто водного потока. Но, тем не менее, это была музыка.

Всевозрастающая энергия от этого импульса породила мощную, вибрирующую волну, ставшую видимой из-за пыли висевшей в воздухе. Потолок, пол, стены пели в унисон с мелодией и в такт с ритмом, ментальную атаку Барровилла смело, как замок из песка океанской волной. К глазам Конни начали возвращаться цвета с пустого и совершенно белого к ярко-синему, также глубокому и богатому, как ледниковое озеро, лицо тоже понемногу начало принимать человеческий облик. Неожиданно в воздухе пропало ощущение дикой паники, а через ещё одну бесконечную секунду, всё закончилось, ночь стала тихой и спокойной.

Срань.

Господня.

Я занимался магией десятилетиями, и поверьте мне, это действительно не очень отличается от всего остального в жизни. Когда имеешь дело с магией, быстро понимаешь, что гораздо легче разрушить, чем создать, гораздо труднее исправить, чем уничтожить. Бросьте камень в зеркально-гладкое озеро, и рябь пойдёт во все стороны. Создать волны с помощью магии, а не булыжника легче лёгкого.

Но если вы захотите сделать это озеро снова гладким, то обнаружите, что это чертовски сложный трюк.

Эта волна энергии не была нацелена на уничтожение кого-то или чего-то. Эта магия не просто разрушала атаку Барровилла.

Она делала водную гладь снова зеркальной.

Сила Реки в Плечах открыл глаза, от ярости горевшие, как угли во тьме — но он просто сидел, ничего не делая.

Все головорезы Барровилла замерли, лишь взгляды широко раскрытых глаз метались от Реки к боссу и обратно.

— Проваливай, Чак, — сказал я. — Он дает тебе шанс уйти. Воспользуйся им.

Вампир стоял среди обломков с совершенно пустым выражением лица. Секунды три он смотрел на Реку в Плечах — а потом я заметил за спиной бигфута какое-то движение.

Сначала когтистые руки стали хвататься за края дыры позади Реки в Плечах. Потом показались злобные, выпученные красные глаза. Чудовища, в общих чертах похожие на человека, влезали в комнату в полной тишине.

Вурдалаки.

Барровилл привёл с собой не только шестерых

головорезов.

Он прихватил всю компанию.

Барровилл плюнул в сторону Реки, оскалил зубы и крикнул:

— Убить его!

Монстры пошли в атаку.

Все происходящее выглядело совершенно безумным. Человекообразные твари в комнате бросились вперёд, их лица и конечности изменялись, разрывая дешёвые костюмы, пока они принимали свой истинный облик. Всё больше вурдалаков лезло через отверстие в стене, словно скопище бегущих откуда-то в панике тараканов. Я не мог точно подсчитать количество врагов — слишком уж быстро те двигались. Но двадцать наверняка было. Двадцать кровожадных, плотоядных, сверхчеловечески сильных и выносливых хищников нахлынуло на Реку в Плечах сокрушающей волной. Он исчез под парой тонн голодных вурдалаков. Это не был честный бой.

Барровиллу надо было взять с собой побольше головорезов.

Раздался чудовищно низкий звук, который мог издать лишь обладатель по-настоящему объёмистых лёгких, и вурдалаки разлетелись от Реки в Плечах в разные стороны, словно пригоршня

отвратительной шрапнели. Некоторых выбросило из здания. Другие врезались в стены с такой силой, что проломили гипсокартон. Один из них пролетел сквозь потолок, затем безвольно свалился обратно в комнату — только чтобы быть пойманным за шею одной из массивных рук Реки в Плечах. Пальцы бигфута сжались, сминая шею вурдалака, как мягкую глину, и послышался хруст. Вурдалак дёрнулся один раз, затем Река швырнул труп в ближайшую группу монстров.

Затем события начали развиваться с бешеной скоростью.

Стремительно двигаясь, Барровил схватил Конни и бросился к двери. Я отчаянно завертел головой, оглядываясь по сторонам, и заметил один из ножей, которые головорезы держали прежде, чем трансформировались. Мои руки и ноги были стянуты пластиковыми наручниками, и я едва чувствовал пальцы, но мне удалось поднять нож и перерезать путы на ногах. Потом я положил его на передний бампер Линкольна, наступил на него, удерживая на месте, и через несколько секунд мои руки тоже были свободны.

Звуки в общежитии были такие, словно одновременно транслировали на полной громкости

реслинг и «Остров доктора Моро».[75] Вурдалаки орали. Река в Плечах громогласно рычал. Жутко перепуганные студенты вопили. Стены и пол снова и снова содрогались от ударов, когда бигфут расшвыривал монстров по сторонам, как мячи. Вурдалачья зелёно-коричневая, с гнилостным запахом кровь забрызгала стены и потолок, Река в Плечах, как бы ни был силён, не выигрывал «всухую». Когти и клыки вурдалаков впивались в него, нанося колотые и рваные раны, поэтому алая кровь тоже была повсюду.

Я попытался отбросить нескромные фантазии, одолевавшие меня, и направился к Ирвину. Хотя выглядел он по-прежнему ужасающе, но его дыхание уже стало глубоким и размеренным, а глаза открылись и попытались сфокусировать взгляд.

— Ирвин! — заорал я. — Ирвин! Где её сумочка?

— Гесучка? — пробормотал Ирвин.

— Сумочка Конни! Я должен помочь Конни! Где её сумочка?

---

[75] Примечания: 75

«Остров доктора Моро» — экранизация фантастического романа Г. Уэллса, рассказывающий о событиях на острове в Тихом океане, населённом животными — жертвами опытов по вивисекции, вследствие этих опытов принявшими получеловеческий облик. Есть два американских фильма с таким названием, снятых в 1977 и 1996 годах, но Дрезден, скорее всего, говорит о первом.

В глазах Ирвина появился осмысленный взгляд.

— Конни?

— Ладно, сам разберусь, — я обыскал комнату и нашёл сумочку Конни. В ней лежала расчёска, щедро украшенная светлыми волосами.

Я очертил окружность на полу по пыли, обвязал волосы вокруг своего амулета-петаграммы и послал в круг импульс воли. Затем быстро создал отслеживающее заклинание, которое вообще-то было моим хлебом и маслом в моём детективном бизнесе. Когда я освободил магическую энергию, она помчалась вниз к найденным волосам Конни, а мой амулет резко откачнулся от вертикального положения замер на угле в тридцать или сорок градусов. Конни двигалась в том направлении.

Я увернулся от летевшего вурдалака, перепрыгнул через умирающего и, пошатываясь, со всей прытью побежал по коридору, к моим ногам начала возвращаться кровь.

Я спустился на целый лестничный пролёт, не упав при этом, когда наклон амулета снова изменился. Барровилл спустился на один этаж, затем рванул в конец одного из коридоров к пожарной лестнице. Он прошёл дверь, закрывавшую вход с лестницы на этаж, просто вынеся её с петель

и отбросив к противоположной стене. Детишки разбегались из коридора с испуганными или недовольными лицами. Некоторые с тем и другим выражением. Барровилл, неся свою дочь на одном плече, добрался до конца коридора и направился к противопожарной двери.

Барровиллу хватило мозгов лишить меня снаряжения, но я, по-прежнему, оставался чародеем, черт возьми, хоть с жезлом, хоть без. Я направил свою волю, целясь по ногам, и прорычал:

— *Forzare!*

Чистая кинетическая энергия незримо стегнула в воздухе и поймала Барровилла за лодыжки. Это подкинуло обе его ноги вверх, а он с размаху брякнулся на пол. Конни упала тоже, охнула и отлетела в сторону. Она лежала и ошеломлённо хлопала глазами

Барровилл снова вскочил на ноги, развернулся в мою сторону и одной рукой вытащил пистолет. Я отшатнулся назад с линии огня, пистолет дважды рявкнул, пули прошли мимо меня со сдвоенным взвизгом. Я упал на колени и снова высунул голову в коридор, быстро осмотрелся и тут же отдёрнул назад. Барровилл поднимал Конни. Его пуля прошла в том месте, где находилась бы моя голова, если бы я стоял.

— Не дури, Гарри, — сказал я себе. Ты пришёл за парнишкой. Он в безопасности. Ты больше никому ничего не должен. Пусть ухо… Кого я обманываю. Там же девушка.

Мне не требовалось биться с вампиром, достаточно было просто задержать его до подхода Реки в Плечах, а тот уж схватит его… если Река собирается преследовать.

Я прикинул, из какого крыла Барровилл выбежит наружу, и бросился вниз по лестнице на первый этаж. Выбежав из здания, я направился к дальнему концу этого крыла.

Барровилл, хлопнув дверью аварийного выхода, вышел из здания. Двигался он быстро, но ему приходилось нести дочь, которая начала оказывать сопротивление, пинать и колотить, замедляя его. Она сбила ему прицел, когда он снова выстрелил в меня, и пуля прошла мимо. Я хлестнул по нему очередным импульсом энергии, но в этот раз метился не по ногам, а по пистолету. Оружие выпрыгнуло из его рук и, вращаясь, отлетело прочь, раскрошив при этом несколько кирпичей в стене общежития. Ещё один удар сшиб Конни с его плеча, от чего она взвизгнула. Барровилл пошатнулся, а затем с отчаянным рыком бросился на меня со скоростью, достойной

дублера Флэша.[76]

Я бросил в него ещё больше силы, но Барровилл, качнулся в сторону и уклонился от выброса. Я отшатнулся от вампира и сумел ослабить его удар по голове. Он попал мне на дюйм или два выше брови, самой твердой и ударопрочной части человеческого черепа. Это и тот факт, что мне удалось отнять у него немного мощи, означало, что он всего лишь отправил меня в дальний полёт с вращением, моё зрение затуманилось от боли, и остались только маленькие серебряные звёздочки. Он был в ярости, его сила окатила меня, как внезапный поток ледяной воды, с такой мощностью, что на моей одежде появился иней.

Барровилл не отрывал взгляд, его глаза убивали, и тут Ирвин Бигфут заорал:

— Конни! — и врезался Барровиллу в бедро, используя своё тело в качестве живого копья. Барровилла отбросило в сторону, а Ирвин развивал свой успех, продолжая орать, навалился сверху на вампира и начал молотить кулаками с первобытной жестокостью, его глаза закатились от сумасшедшей ярости.

---

[76] Примечания: 76

Флэш — супергерой из комиксов, обладает способностью развивать сверхзвуковую скорость и использовать сверхчеловеческие рефлексы, что нарушает некоторые законы физики.

— Конни! Конни!

Я пытался встать, но это никак не получалось из-за колена. Поэтому, всё, что я мог делать, это наблюдать, как разъяренный отпрыск Реки в Плечах отрывался за все свои обиды на высокопоставленном аристократе из Белой Коллегии. Барровилл полностью заряженный энергией был бы намного сильнее человека, но он истратил свою энергию на ментальную атаку, и это истощило его. Он пока ещё был в состоянии сильно сопротивляться, но не мог сравниться по силам с взбешённым юношей. Ирвин вмял нос Барровилла в лицо. Я видел, как зуб вампира полетел в ночном воздухе. Небольшое количество очень бледной крови заплескалось под кулаками Ирвина.

Иисусе. Если паренёк убьёт Барровилла, Белая коллегия сочтёт это за акт агрессии. После этого могут начаться настоящие ужасы.

— Ирвин! — закричал я. — Ирвин, остановись!

Сын бигфута не слушал меня.

Шатаясь, я шагнул к нему, но прошёл не больше шести дюймов, так сильно закружило голову, что меня швырнуло на бок.

— Ирвин, остановись!

Оглянувшись, я заметил, что за боем изумлённо

следит Конни.

— Конни! — позвал я. — Останови его! Останови его!

Между тем, Ирвин добивал Барровилла, которому до смерти оставались последние дюймы — он поднял сцепленные руки над головой, готовясь к сокрушительному удару по черепу Барровилла.

Миниатюрная, изящная ручка коснулись его запястья.

— Ирвин, — мягко произнесла Конни. — Ирвин, не надо.

— Он пытался, — задыхаясь, сказал Ирвин. — Пытался. Обидеть тебя.

— Это не так, — возразила Конни.

— Убийца, — прорычал Ирвин.

— Но ты же нет, — сказала Конни своим очень мягким голосом. — Ирвин. Он по-прежнему остаётся моим папой.

Конни не могла силой остановить Ирвина, но этого и не требовалось. Парнишка моргнул пару раз, а затем посмотрел на неё. Он медленно отпустил руки и наклонился к Конни, чтобы нежно поцеловать в лоб.

— Ш-ш-ш-ш, — успокаивала она. — Ш-ш-ш-ш. Я здесь. Всё кончилось, малыш. Всё кончилось.

— Конни, — прошептал Ирвин, прижимаясь

к ней.

Я вздохнул с огромным облегчением и сел на землю.

Моя голова разваливалась на кусочки.

* * *

Инспектор Дин внимательно смотрел на меня. Жевал зубочистку и косился на меня.

— Есть некоторые неувязки.

— Да? — спросил я. — И какие?

— Например, все ребята видели бигфута и этих, как их. Вурдалаков. Почему они ничего не рассказали?

— Вы вломились к ним, когда они ещё не успели собрать свою одежду, после неожиданного секса с теми, кто оказался в это время рядом. Они все отрицают, что это вообще с ними происходило.

Хм, — поморщился Дин. — А как насчёт трупов вурдалаков?

— Вурдалаки, увидев, что Ирвин вырубил их босса, сдались. Река в Плечах приказал им убираться и забрать своих мертвых с собой. Они так и сделали.

Дин прищурился и заглянул в список.

— Паундер отсутствует. Далее, Конни Барровилл. Официально не числится или совсем не

существует. Пока нет данных. Так где же они?

Я взглянул на Дина и пожал плечами.

* * *

Я видел вурдалаков раньше в разных ситуациях, но чтобы они сдавались — никогда. Эта нечисть билась до смерти, страшной и грязной. Причём всегда. Но Река в Плечах оказался им не по зубам. Он оставил несколько из них в «живых», хотя мог перебить всех до последнего, он сломал их волю, когда Ирвин приволок за волосы Барровилла. Вурдалаки могут выдержать сильные побои, но Река в Плечах измочалил их так, как я никогда не видел, а когда он приказал им убираться, прихватив своего хозяина вместе с мёртвыми, и никогда не возвращаться, они послушались.

— Спасибо, Конни, — простонал я, когда она усадила мня поудобней на щебне. Я замерзал. Холод с моей одежды быстро рассеивался, но мороз пробрался внутрь.

Девушка выглядела смущенной, но в этом общежитии сейчас все ходили с такими же лицами. В коридоре было пусто, студенты успели куда-то попрятаться. Поле боя осталось за нами, несмотря на это, я считал, что скоро здесь появятся какие-

нибудь представители властей.

Ирвин принёс пыльное одеялом и завернул её в него. Сам он щеголял в рваном полотенце, больше для того, чтобы подчеркнуть свою мускулатуру, чем скрыть что-то. Парнишка чувствовал себя победителем.

— Спасибо, Ирвин, — сказала она.

Он хмыкнул. Физически его организм уже отпрыгнул назад, как долбаный резиновый мячик, к нормальному состоянию после почти смертельного кормления. Возможно, Река в Плечах применил какое-то своё водосгалаживающее заклинание, чтобы помочь ему. Умственно он приходил в себя медленнее. В его глазах постепенно появлялся блеск, но рассуждать здраво ещё не получалось. Поэтому парень слушался Конни, чтобы не наломать дров.

— Я… — Конни покачал головой. — Я всё помню, но не могу понять, что же произошло.

Она быстро оглядела Реку в Плечах, больше с любопытством, чем со страхом.

— Вы… вы предотвратили что-то плохое, мне кажется.

— Да, так и есть, — подтвердил я.

Конни кивнула ему лёгким движением в качестве благодарности.

— Спасибо. Кто вы?

— Папа Ирвина, — сунулся я.

Ирвин несколько раз моргнул и тупо уставился на Реку в Плечах.

— Привет, — прогудел Река.

Не понимаю, как он такой огромный и сильный, мог сидеть с десятком кровоточащих ран и выглядеть таким глупым.

— Очень сожалею, что нам пришлось встретиться при таких обстоятельствах. Я представлял себе более спокойную обстановку. Возможно с музыкой и хорошей едой.

— Ты не можешь здесь оставаться, — напомнил я. — Представители властей скоро будут здесь.

Река уркнул в знак согласия.

— Беда. Что я натворил… — он покачал головой. — Так некрасиво получилось.

— А иначе мог и не познакомиться с милыми ребятами, — сказал я.

— Постойте, — заволновалась Конни. — Постойте. Что, черт возьми, здесь произошло?

Ирвина положил руку её на плечо, а мне сказал:

— Она… она вампир. Я прав?

Я удивлённо вытаращился на него, потом кивнул.

— Откуда ты…?

— Паранет, — объяснил он. — Там про вампиров целая страница.

— Постойте-ка, — повторила Конни. — Я что, сейчас вспыхну, как в кино?

— Господи, конечно, нет, — ответили мы с Ирвином в один голос.

— Конни, — продолжил я, и она повернулась ко мне. — Ты такая же, как сегодня утром. Ирвин тоже не изменился, и это главное. Но сейчас могут возникнуть сложности, если полицейские придут сюда и начнут задавать вопросы. Лучше им не знать, что вы двое вообще здесь были.

— Всё это так… — она покачала головой. Потом смерила взглядом Реку в Плечах. Затем меня. — Объясните, кто вы такие?

Я ткнул в себя пальцем:

— Чародей.

Показал на Реку в Плечах:

— Бигфут.

Потом на Ирвина:

— Сын бигфута.

Наконец, указал на неё:

— Вампир. Серьёзно.

Она тихонько охнула.

— Я могу всё тебе объяснить, — успокоил её

Ирвин, в то же время разглядывая Реку в Плечах.

Река развёл руками и пожал плечами.

— Привет, сынок.

Ирвин медленно покачал головой.

— Я… никогда не… — он глубоко вздохнул, подбоченился, глядя отцу в глаза, и спросил:

— Почему?

Вот он. Наверно, Вопрос с большой буквы для судьбы Ирвина.

— Мой народ, — начал он. — Традиции очень важны для него. Если бы я признал тебя… они настояли бы на соблюдении кое-каких традиций. Это разрушило бы твою жизнь. Я не хотел этого для тебя и твоей мамы. Я хотел, чтобы твой кругозор был шире, чем мой.

Ирвин долго молчал. Потом почесал затылок и пожал плечами.

— Сегодня вечером… это многое объясняет. Наш разговор не окончен. Ну да ладно.

— Давай, я помогу тебе выбраться отсюда, — сказал Река. — Могу позаботиться об обоих и ответить на все ваши вопросы.

— А как же Гарри? — спросил Ирвин.

Я не собирался иметь никакого отношения к явному похищению потомка Белой Коллегии. Мне не хотелось втягивать в наши и без того

плохие дела ещё и Белый Совет, хотя благодаря проявленному Рекой милосердию была надежда, что ситуация не превратится совсем уж в ад кромешный.

— Вам, ребята, лучше убраться, — ответил я. — А я постоянно в такие переплёты попадаю. Выпутаюсь как-нибудь.

— Ничего себе. Ты это серьёзно? — воскликнул Ирвин.

— Ага, — ответил я. — Бывал в положениях и похлеще. Так что… это ещё не такое хреновое. Папочка Конни успеет немного успокоиться, прежде чем вы вновь встретитесь и поговорите. Река в Плечах сделал всё, чтобы дать вам отсрочку.

К зданию подъехала машина с мигалками.

— Река, время вышло, — поторопил я.

Река в Плечах встал и глубоко поклонился мне.

— Сожалею, что вмешался. Мне показалось, это необходимо.

— Я не в претензии, — ответил я. — Учитывая сложившиеся обстоятельства.

Его лица перекосило в улыбке очень похожей на человеческую, он протянул руку Ирвину.

— Сын.

Ирвин взялся за неё одной рукой, второй он по-прежнему обнимал Конни, и эта троица не ис-

чезла так же, как… нет, просто начала всё меньше и меньше иметь отношение к происходящему. Всё случилось в течение двух-трёх секунд, та же туманная, какая-то прозрачная магия, которую Река уже использовал, обволокла их. А затем они исчезли.

По коридору заскрипели сапоги, и внутрь ворвался офицер в форме, с именем «ДИН» на жетоне и с пистолетом в руке.

* * *

Дин внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Это всё, что вы знаете, да?

— Я не вру, — ответил я. — Говорил же, что не поверите. Сейчас вы позволите мне уйти?

— Нет, чёрт побери, — ругнулся Дин. — Это самая дикая история из тех, что я слышал. Вы укурились до предела или сошли с ума. В любом случае мне придётся отправить вас в вытрезвитель, там проспитесь.

— У вас есть аспирин? — спросил я.

— Конечно, — ответил он и встал, чтобы достать его.

У меня ужасно болела голова, я был уверен, что не узнаю, чем всё кончилось, но ясно было и так.

— В следующий раз, Дрезден, — пробормотал я, — просто возьми золото.

Потом инспектор Дин посадил меня в замечательную спокойную клетку с отличной нескрипучей кроваткой, и я находился там, пока Дикий Билл Мейерс не появился следующим утром и не выручил меня.

15.1 День первый (2016)

Предисловие

УОЛДО БАТТЕРС БЫЛ ЗАНОЗОЙ В МОЕЙ ЗАДНИЦЕ с первого своего появления в «Досье Дрездена».

Сначала — просто персонаж на выброс. Я описывал мерзкую сцену с сильно изуродованным трупом, и мне нужен был кто-то с чувством юмора, чтобы её слегка преобразить. Поэтому я просто похитил патологоанатома из «Пророчества»[77], покрасил ему волосы, сделал его ниже и стройнее, дал ему очки и новое имя, а потом вписал его в историю. Я решил, что он отыграет свою роль в этой главе, а потом мы расстанемся и никогда больше не увидимся.

Но он так мне понравился, что я решил использовать его ещё разок. Мир становится логичнее, когда видишь знакомые лица на знакомых местах, и он прочно засел у меня в голове как персонаж, который не задерживается на сцене. Таким образом, мне не нужно было копаться в уже готовом материале, вспоминая всё, что свя-

---

[77] Примечания: 77

«Пророчество» — мистический триллер 1995-го года с библейскими мотивами.

зано с этим персонажем, и в моём распоряжении всегда оставались конструкционные вольности, которыми я как рассказчик мог воспользоваться.

А потом пришли «Барабаны Зомби». «Барабаны Зомби» изначально задумывались как восьмая в серии книга, но когда мой редактор узнала, что в планах на седьмую у меня более спокойная, личная история, выстроенная вокруг Молли, она дала мне совет: если уж серия наращивает тираж, возможно, сюжет стоит сделать более увлекательным и драматичным. В принципе, у меня уже были некроманты, которые поджидали Гарри где-то впереди, и натравить их на него, пока он ещё зелёный, значило бы заметно усложнить ему жизнь, чему я, как обычно, только рад. Так что я относительно рано привёл их в город и кроме того решил, что патологоанатом — идеальный напарник в тон истории: в конце концов, Гарри бился с некромантами, так что патологоанатом вписался как нельзя лучше — при этом он был почти бесполезен для Гарри тактически. Всё лучше и лучше.

И пока я писал эту историю, я понял, что Баттерс остаётся, ведь у него было предназначение; и я сразу же начал над ним работать.

Это был долгий путь.

Джим Батчер

День Первый

Меня зовут Уолдо Баттерс, и я Рыцарь-Джедай, как и мой отец когда-то.

Ладно, честно говоря, формально, технически это не совсем правда. То есть мой отец на самом деле был ортопедом. Но вряд ли кто-то ещё в этом мире когда-нибудь сможет сказать то же самое и будет так близко к правде. Я действительно рыцарь. По крайней мере, я готовился им стать, когда в четверг[78] утром я услышал первый Зов.

Только, честно говоря, формально, технически я его не слышал… ладно, наверно, мне лучше рассказать обо всём по порядку.

Изо всех упражнений, которые заставлял меня выполнять Майкл Карпентер, больше всего мне нравились кардио. Впрочем, моя основная станция на Пандоре[79] играет только польку, что я вообще могу знать?

Я бежал по Бактауну под светом едва занима-

---

[78] Примечания: 78

Вероятно, автор перепутал слова «четверг» и «вторник» («Thursday» и «Tuesday»), и поэтому далее день всё-таки называют вторником.

[79] Примечания: 79

«Пандора» — популярный в США сервис радио-стриминга.

ющегося восхода, пока город только начинал просыпаться. Пояс для тренировок вокруг моей талии выдёргивал меня из равновесия постоянно и всегда неожиданно. Он крепился к эластичному канату, которым я был привязан к велосипеду Майкла, чтобы тянуть его за собой на бегу. Майкл поворачивал и тормозил, как ему вздумается. Иногда он не отпускал тормоз несколько шагов, и мне приходилось стараться ещё больше, чтобы бежать дальше. Работа была напряжённой. Постоянно пытаясь удержать равновесие, я не мог найти лёгкий и эффективный темп, за каждым своим шагом мне приходилось следить.

Первые недели было трудно, но я уже начинал втягиваться. Вернее, начинал втягиваться, пока не увидел нечто невероятное, потерял концентрацию, оказался выбит из равновесия моим канатом и врезался в урну для пластика на вторичную переработку, поджидавшую сбоку улицы.

Майкл тут же остановился, выбросив в сторону свою крепкую ногу, будто подножку. Своими габаритами он напоминал героя боевиков, пусть был уже недалеко от своих шестидесяти, а его трость была привязана к его рюкзаку.

— Уолдо? — спросил он. — Ты в порядке?

Я неуклюже поднялся на ноги, тяжело дыша.

— Эм… — я робко посмотрел вперёд. — Не уверен.

Майкл посмотрел в ту же сторону, хмурясь. Он задумчиво поджал губы.

— Ты его не видишь, да? — спросил я.

— Что именно?

Я прищурился. Снял свои очки. Почистил их уголком футболки, который ещё не успел намокнуть от пота. Снова надел их и посмотрел ещё раз. Он был на том же самом месте.

— Ты бы не спрашивал, если бы его увидел.

Он кивнул серьёзно:

— Скажи мне, что ты видишь.

— Вон бездомный на скамейке, так? — спросил я.

— Верно.

Я вдохнул поглубже и сказал:

— У него над головой висит большой жёлтый восклицательный знак, — выдержав небольшую паузу, я добавил: — Я не сумасшедший. Моя мамуля меня проверяла.[80]

Майкл отодвинулся чуть дальше на сиденье велосипеда и стал задумчиво поглаживать бороду.

---

[80] Примечания: 80

Баттерс повторяет фразу Шелдона Купера из популярного ситкома «Теория Большого Взрыва».

Он не понял отсылку.

— Хм-м-м. Странно. Он что-нибудь значит для тебя, лично?

Я фыркнул:

— Да, так выглядит каждый НИП в каждой ММОРПГ, когда хочет выдать тебе квест.

— Много разных букв, и не столь много мне знакомых, — трезво заметил он.

— Видеоигры, — уточнил я. — Когда у персонажа для тебя есть квест, именно так игра показывает, где он начинается. Большой восклицательный знак у них над головой. Нужно с ними поговорить, чтобы начать квест.

Майкл издал лающий смешок и улыбнулся небесам, покачав головой:

— Что ж, Сэр Уолдо. Вам только что пришёл первый Зов.

— Первый что?

— Твой первый Зов на квест, я полагаю.

Я моргнул:

— Уриил говорит с Рыцарями символизмом видеоигр?

— Насколько я знаю, Уриил говорит при личной встрече. Зов приходит от начальства повыше.

— Что? — спросил я. — Ты имеешь в виду… Бога? Бог говорит языком игр?

— Когда Всевышний обращается к людям, Он делает это так, чтобы его поняли, — сказал Майкл. — Когда я чувствовал Зов, это всегда был тихий, маленький голосок, который я слышал, когда молился или просто молчал. Иногда я мог узнать имя или лицо и направление, в котором нужно идти. — Он кивнул в сторону бездомного. — Вероятно, тебя Зовут помочь этому человеку.

— Ну да, вроде бы всё очевидно, — я сглотнул. — Эм… Мы, конечно, много занимались, но… я точно к этому готов?

Он залез в рюкзак, достал оттуда старую кожаную курьерскую сумку и протянул её мне.

— Давай узнаем.

Я сглотнул. Потом кивнул и повесил сумку на плечо; залез в неё рукой и погладил отполированную пальцами старую рукоять внутри, потом подошёл к спящему человеку. Он был одет в военную куртку из армейского излишка, старую военную форму хаки цвета Пустынной Бури, а в бороде у него птицы могли бы свить гнездо. Седины там не было заметно, но его кожа так загрубела от непогоды, что возраст мужчины трудно было определить. Сорок?

Стоило мне подойти к нему на пять футов, я

понял, что что-то было не так. Скамейка из железных прутьев рядом с головой мужчины и асфальт под ним были испачканы рвотой. Один его глаз был наполовину открыт, зрачок расширен, дыхание с хрипом вырывалось из его рта.

— Эй, — сказал я. — Эй, дружище. Слышишь меня?

Ответа не последовало. Я опустился на колени и взял его за запястье, нащупал его пульс. С трудом, потому что он был слабым и сбивчивым.

— Эй, — нежно повторил я. — Эй, друг, слышишь?

Он издал тихий стон. Я проверил другой глаз. Зрачок был в норме.

Мне не очень-то хотелось работать обычным врачом, по этой профессии. Мне больше нравилось обследовать трупы для штата Иллинойс. Трупы тебе не врут, не дают неясные ответы, не задают глупые вопросы и не пропускают мимо ушей то, что ты говоришь им делать. Трупы простые как три гроша.

И этот парень, которому до сорока было ещё жить и жить, скоро им станет, если ему не помогут в ближайшее время.

— Звони в 911, — сказал я Майклу. — Похоже, у него удар, может, передозировка. В любом слу-

чае, ему повезло, что он уснул на боку, а то уже захлебнулся бы в собственной рвоте. Ему нужна госпитализация.

Майкл кивнул, отошёл на пару шагов в сторону и вынул мобильник из кожаной сумочки у себя на поясе. Он набрал номер и стал тихо говорить.

— Ладно, дружище, — сказал я, — держись. Мы звоним хорошим парням, они тебе пом…

Я даже не понял, что случилось. Вот он лежит напротив, — похрипывающий овощ — и вот он уже идёт на меня, его волосатые руки с нестриженными ногтями тянутся к моему горлу, а сам он булькающим голосом говорит:

— Не надо больницы!

Пару месяцев назад меня бы придушили на месте.

Но пару месяцев назад я не учился рукопашному бою у жены Майкла, Черити.

Нужно повторить движение несколько тысяч раз, чтобы нейронные связи в той области головного мозга, которая отвечает за мышечную память, развились в той степени, когда движение можно назвать рефлексом. Для этого Черити, владевшая джиу-джитсу, заставила меня отрабатывать каждый из нескольких способов защиты по сотне раз, каждый день на протяжении двух

месяцев. И мы не начинали с плавных движений, постепенно наращивая скорость, нет. Она просто бросалась на меня так, будто хотела разобрать по косточкам, и если я не успевал защититься — было, чёрт возьми, больно.

В таких обстоятельствах учишься быстро — и одним из первых приёмов, которые она вбила мне в голову, была защита от попытки схватить меня за горло.

Оба моих предплечья рванулись вверх, сбив в сторону готовые стиснуть мою шею руки, а я уже опустил голову и подался всем своим телом в сторону. Он не унимался и всё-таки вернул себе контроль над правой рукой, пролетая то место, где только что был я. Рука ударила меня по лицу и отправила мои очки в полёт по спирали.

Я подавил страх, знакомый мне уже десятки лет, когда чётко оформленный мир вокруг вдруг сменился калейдоскопом цветных полосок и размытых пятен.

Дело вот в чём. Я ношу большие очки с толстенными стёклами. Не то чтобы без них я совсем слепой. Знаю об этом, потому что мне так сказал мой окулист, когда я подарил ему бутылку дорогого виски. Но без них…

Без них я как без рук. Ну и без глаз тоже, если

пытаться рассмотреть что-то дальше, чем на вытянутую руку. Нет, правда. Я как-то спутал манекен портнихи со своей девушкой. Без очков невозможно было читать. Читать.

Это мой кошмар — оказаться где-нибудь без них, как в ловушке, глядя на море расплывающихся предметов, которые мне не различить. Когда в детстве меня хотели подоставать хулиганы, первым делом они всегда сбивали очки с моего лица. Всегда. Они все будто чувствовали, чего я боюсь.

Только потом начинались их издательства. Приятного здесь тоже было мало, но в первую очередь потому, что я не знал, чего мне ждать.

Этот ребёнок внутри меня начал кричать и плакать, но времени потакать ему не осталось. У меня была проблема — и Карпентеры дали мне всё, что нужно, чтобы её решить.

Например, они объяснили мне: когда враг настолько близко, глаза не слишком-то нужны, чтобы дать отпор. Только скорость, рефлексы и понять, где он находится и что делает, полагаясь на другие чувства. Медленно, небрежно, но я смог заблокировать вытянутую руку бездомного. Продолжая движение, я заставил своё тело изогнуться под нужным углом, чтобы надавить на

плечевой сустав, и бросил его лицом на тротуар; силы удара было достаточно, чтобы искры посыпались у него из глаз и чтобы его оглушить.

Оглушить получилось так себе.

— Не надо больницы! — закричал он и стал метаться из стороны в сторону.

Я боролся с подступающим к горлу страхом. Он вкладывал в свои движения больше силы, чем следовало, но это было не важно. Физика есть физика, и его рука была одним длинным рычагом, которым я управлял. Он мог быть больше, сильнее, ближе к земле, чем я, но в конечном счёте это ничего не значило. Ещё несколько секунд он боролся, а потом его приступ сумасшествия сошёл на нет.

— Не надо больницы! Не надо больницы.

Он вздрогнул и заплакал. Его голос превратился в мольбу с тусклым налётом отчаяния.

— Не надо больницы! Пожалуйста, пожалуйста. Не надо больницы!

Потом он обмяк и уже только изредка похрипывал.

Я перестал давить и вернул ему руку. Она мягко опустилась на асфальт под звуки его всхлипываний.

— Дружище, — сказал я, — слушай, всё будет

нормально. Я Уолдо. А тебя как звать?

— Стэн, — сказал он пустым голосом.

— Слушай, Стэн, — сказал я ему. — Не волнуйся ты так. Мы тебе поможем.

— Вы меня убиваете, — сказал он. — Убиваете.

— Твой пульс непостоянный, дыхание сбито, зрачки расширены, Стэн. Под чем ты?

— Ни под чем, — ответил он. — Вы меня прикончите. Чёрт бы вас побрал.

Пару минут спустя приехала скорая. Спустя пару секунд кто-то ткнул мне в грудь моими очками и нацепил их обратно мне на нос. Я посмотрел на фельдшера, похожего на шкаф чернокожего мужчину по фамилии Ламар. Мы были знакомы. Он был хорошим парнем.

— Спасибо, старик, — поблагодарил я.

— Это ты отделал того парня? — спросил он. — Блин, чувак. Ты же с муху размером, курице на один укус.

— Но с перчинкой, — ответил я.

Я рассказал ему всё, что знал про Стэна, его осмотрели, погрузили и готовы были везти меньше, чем через четыре минуты.

— Эй, Ламар, — сказал я, когда он двигал каталку.

— Да, эксперт Малдер?

— Скалли была судебным патологоанатомом, — разнылся я. — Почему никто не называет меня экспертом Скалли?[81]

— Ты не похож на аппетитную милашку, — сказал Ламар, растягивая слова. — Чего тебе?

— Куда вы его повезёте?

— В Святого Антония.

Я кивнул:

— Не было чего-нибудь, э, странного в последнее время?

— Неа, — сказал Ламар, потирая подбородок. — Я лично ничего такого не заметил. Но сегодня только вторник.

— Сделай мне одолжение, — попросил я. — Будь начеку.

— Блин, мужик, — сказал он.

— Скажу по-другому, — поправился я. — Дай мне знать, если случится что-нибудь странное. Это может быть важно.

Ламар долго сверлил меня глазами. Я заработал себе репутацию и влип в историю со странностя-

---

[81] Примечания: 81

Малдер и Скалли — фамилии главных героев сериала «Секретные материалы», действие которого в основном связано с инопланетянами. Сказанная Ламаром фраза «thinking man's pie», вероятно, является американским аналогом фразы «thinking man' crumpet», выражения из британского слэнга, которое значит «умная и привлекательная женщина». Джиллиан Андерсон, исполнившая роль Агента Скалли, стала секс-символом.

ми сверхъестественного толка ещё раньше, чем встретил Гарри Дрездена и узнал, как на самом деле страшен мир. Ламар за годы работы тоже пару раз заглянул в Сумеречную Зону и больше не собирался, потому что был не дурак.

— Увидим, — сказал он.

— Спасибо, — снова поблагодарил я.

Мы пожали руки, и он уехал.

Когда скорая отъехала, Майкл подошёл ко мне и встал рядом.

— Слышал? — спросил я.

— Большей частью.

— Что думаешь?

Он навалился на свою трость и выпустил немного воздуха сквозь сжатые губы, хмурясь от раздумий.

— Я думаю, — наконец сказал он, — что ты теперь Рыцарь, Уолдо.

— Почему-то был уверен, что ты так скажешь, — сказал я. — Может, всё в порядке. В смысле, мне кажется, что Стэн врезался стимуляторами и успокоительными, и Бог его знает, чем ещё. И если бы обычный прохожий попробовал его разбудить, Стэн мог бы его задушить. Может, это был квест низкого уровня, для разогрева? Может, это всё, что от меня требовалось.

— Может быть, — согласился Майкл. — А что говорит тебе сердце?

— Сердце? — спросил я. — Я врач, Майкл. Моё сердце ничего мне не говорит. Это мышца, которая качает кровь. Остальное делает мозг.

Майкл улыбнулся:

— Что говорит тебе сердце?

Я вздохнул. Да, конечно, всё могло быть очень легко и просто — оставалась такая вероятность. Но весь мой опыт знакомства с потусторонним говорил мне, что Рыцарей Креста отправляют на помощь лишь в том случае, когда на кону стоят чьи-то жизни. И хотелось мне того или нет, когда я решил оставить себе Меч Веры, я позволил втягивать себя в страшные и опасные ситуации, — и не без причины — не зная при этом, что произошло или зачем меня отправили.

Я не особо подходил на роль героя. Даже после всех своих тренировок я остался маленьким и щуплым, и будто бы жизнью помятым, и я давно уже не молод. Я был взрослым ботаником, еврейским патологоанатомом — мало сходства с отважными путешественниками.

Но всё-таки я был парнем, которому доверили Меч — и Стэну нужна была моя помощь.

Я кивнул и сказал:

— Давай вернёмся к тебе домой.

— Конечно, — сказал Майкл. — Что будешь делать?

— Возьму кое-что из своих вещей, — ответил я. — Потом навещу Стэна в Святого Тони. Бережёного Бог бережёт.

Майкл подъехал к больнице на своём надёжном белом работяге-пикапе и нахмурился:

— Бог тебе в помощь, Уолдо.

— Он всё ещё тебе не нравится? — спросил я у него.

— Этот череп — очень опасная вещь, — ответил Майкл. — Он… не понимает любви. Не понимает веры.

— Поэтому и нужны мы, не так ли? — спросил я.

— Он не мне предназначен, — сказал Майкл и решительно выставил челюсть вперёд.

— Думаешь, мне лучше взять его с собой на первый квест? — спросил я.

— Господь Всемогущий, нет, — ответил Майкл.

— Просто присмотри за ним, пока меня не будет.

— Если он окажется не в тех руках…

— Мне уже будет всё равно, я ведь буду мёртв и всё такое, — сказал я. — Майкл, хватить на меня

давить. Мне ещё пригодится моя решимость, ладно?

Он погрустнел на секунду, а потом кивнул:

— Разумеется. Ты достоин Меча, иначе он не оказался бы в твоих руках.

— Или это всё чистая случайность.

Майкл улыбнулся:

— Я не верю в случайности.

— Я лучше выйду. Если в Боге есть хоть капля юмора, прямо сейчас в тебя кто-нибудь врежется, — сказал я и вышел из машины. — Если что-нибудь узнаю, позвоню.

— Храни тебя Господь, — сказал Майкл и уехал, оставляя меня одного на бордюре.

Совсем одного.

Ой-ой.

Я сделал глубокий вдох, попробовал мысленно прибавить себе пару футов[82] роста и быстрым шагом зашёл в больницу.

В больнице нетрудно избежать ненужного внимания. Стоит лишь надеть медицинскую форму с белым халатом и удобную обувь и сделать вид, будто знаешь, куда именно ты идёшь.

---

[82] Примечания: 82

Фут — мера длины в США и некоторых других странах, равная 0,305 метра. Дюйм же равен примерно 2,5 сантиметрам.

Неплохо бы ещё иметь удостоверение врача, выучиться на врача, действительно быть врачом, который тут работал, и на самом деле знать, куда идти.

Я врач, чёрт возьми, не шпион.

— Паттерсон, — сказал я долговязому медбрату скорой помощи со стрижкой «ёжиком» и бородой дровосека, — как поживает мой любимый друид?

Паттерсон оторвал глаза от монитора с медицинскими формами и прищурился:

— Уолдо Баттерс или Паладин Ипьюттепалин. Ваша гильдия прокатила нашу в списке наград две недели назад.

Я поправил свои очки:

— Да, в последнее время подзамотался. Не заходил проверить ранкеров. Я попрошу Энди глянуть, что там и как, и мы вам всё вернём, обещаю.

Медбрат посмотрел на меня неодобрительно, но потом фыркнул удовлетворённо:

— Что ты здесь забыл? Выперли из Клуба Трупорезов?

— Ещё нет, — ответил я.

А они могли, учитывая количество моих больничных в последнее время. Я не болел, просто

был слишком побит, чтобы куда-то идти.

— Слушай, я здесь по личному делу. Нужна твоя помощь.

Паттерсон буравил меня лишённым эмоций взглядом. Если не углубляться в детали, АМПМ — Акт о Мобильности и Подотчётности Медицины — говорит, что ни одному человеку, если он собирается дальше работать в области здравоохранения, не позволено делиться сведениями о пациенте с прямо не причастными к его лечению лицами без его разрешения. Когда речь заходит о таких вещах, люди на автомате становятся параноиками. Всегда приходится просить отдельно, чтобы они закрыли на это глаза.

— И с чего бы мне тебе помогать? — спросил он.

— Потому что у меня есть то, что тебе нужно, — сказал я.

— Что же?

Я придвинулся чуть ближе, картинно осмотрелся по сторонам и только потом сказал ему тихо:

— Как насчёт… яйца синего мурлока?

Паттерсон сел прямо, как рельса, его глаза округлились:

— Что?

— Ты меня слышал, — ответил я.

— Чувак, не шути так, — сказал он, затаив дыхание. — Ты же знаешь, мне только его и не хватает.

— Отличный год был 2005-ый, — сказал я, растягивая слова. Я залез в кошелёк и извлек оттуда пластиковую карточку:

— Узри же. Один код, один синий мурлок. Ты можешь завладеть самым редким питомцем в игре.

Паттерсон трясущимися пальцами потянулся к карте, и я отдёрнул руку чуть дальше.

— Мы договорились?

— Настоящая?

Я поубавил драмы в голосе:

— Да, чувак, я был на игроконе. Она настоящая, даю слово.

Паттерсон издал ликующий клич и схватил карту с жадностью, истинно достойной Голлума.[83]

— Приятно иметь с тобой дело, Ипьюттепалин, — он жестом позвал меня к себе за стойку, с комичной алчностью потирая руки. — С чем

---

[83] Примечания: 83

Голлум — персонаж из трилогии книг и фильмов «Властелин колец». Существо, долгое время находившееся под властью кольца Саурона и потерявшее в конце концов большую часть своей человечности, жаждущее вернуть украденное у него кольцо и обладать им вечно.

помочь?

Вот почему хорошо иметь связи среди геймеров. Их богатства не всегда измеряются нулями на банковском счёте. Ведь есть ещё и виртуальные символы статуса.

— Парень поступил несколько часов назад на скорой, зовут Стэн, — сказал я. — Я отправил его с врачом Ламаром, вероятно, передозировка. Хочу с ним увидеться.

Паттерсон застучал пальцами по клавиатуре:

— Ты его отправил?

— Сегодня утром на пробежке нашёл его в припадке, — ответил я.

Он остановился на секунду и посмотрел на меня; потом снова в монитор и сказал:

— Кто-то зря разводит панику.

— Да нет, просто у меня и так слишком много трупорезки.

— Повезло тебе, что это было утром. К вечеру у нас всегда аншлаг.

Я хотел сказать ему, что удача здесь ни при чём, и почувствовал, как мурашки пробежали по моей коже.

В смысле, это же очень серьёзная мысль. Что Бог или некая версия Бога, которую Рыцари называли просто Всевышним, специально сделал так,

чтобы я оказался в нужное время в нужном месте и помог Стэну — и что Он (или Она, или Оно, ну то есть не хочу показаться непочтительным, просто предполагаю, откуда мне знать?) устроил всё так, чтобы именно я, лично, отправился на помощь Стэну.

Мог ли Бог со всем величием Вселенной в его распоряжении, заключив под своё крыло бесчисленные мириады жизненных форм во всех не поддающихся подсчёту галактиках, действительно думать о каком-то наркомане? Об одном маленьком патологоанатоме, который решил поиграть в героя?

Ответьте мне «да» или «нет», а потом скажите, какой из ответов покажется вам самым жутким. Лично я не знаю.

Я спросил у Майкла то же самое, в общих чертах. Он думает, что Бог просто не может быть не заинтересован в каждом лично. Что Он так хорошо знает каждого из нас, что страстно печётся о наших жизнях и о нашем выборе, и по-другому он не может.

И по правде сказать, этот образ слишком напоминает мне какого-то маньяка. То есть, когда твоя мама слишком сильно о тебе заботится, это уже плохо. И ты правда хочешь, чтобы Бог

заглядывал к тебе в окошко каждый миг? Лично мне было слишком стыдно даже представить такой расклад.

В конце концов я решил, что о чём бы там ни заботился Всевышний, Он явно хочет помочь тем, кто нуждается в его помощи, по крайней мере принимая во внимание Рыцарей Креста. Так что ладно. Хорошо. С Парнем можно работать. Но все эти глубокие вопросы не давали мне покоя.

— Вот он, в самом начале списка, — сказал Паттерсон. — А, Стэнли Бауэрс. В последнее время он у нас частый гость. Я вроде как его знаю. Зависим. Случай тяжёлый, один из самых тяжёлых на моей памяти. Жить ему где-то год, если всё будет нормально. Под седацией, капельница, наблюдение.

— Где он взял наркотики?

— Инвалидность и какая-то внесудебная программа. Просто запихивает их в нос. Лечиться от своей зависимости не хочет.

— Семья?

— Нет. Мы искали.

— Паршиво, — сказал я.

— Ты хочешь им помочь, — сказал Паттерсон, — но они не хотят помочь сами себе. Понимаешь? Нельзя спасти человека, если он сам этого не захочет.

— Но можно попробовать, — ответил я. — Где он?

Паттерсон заглянул в монитор и ещё несколько раз ударил по клавишам. Потом сказал:

— Хм. Странно.

Я патологоанатом и редко бываю в педиатрии. То же, в общем, касается и взрослых торчков — но Стэна почему-то перевезли в детское отделение.

Я ехал на лифте вверх и пытался придать себе рассеянный и безразличный вид, как и положено выглядеть врачам с их переодическим недосыпом — но было трудно, потому что я испытывал некое чувство, которое, как я уже подозревал, было более глубоким, чем обычная злость.

Стэну и так пришлось очень несладко, что бы с ним не случилось. Но теперь речь шла о детях. И о вещах, которые просто не делаются. Ясно?

Я прошмыгнул в педиатрию. В больнице Святого Тони куча педиатров, консультирующих их специалистов в области педиатрии и много кого ещё. На этаже царила рабочая суета, кровати были заняты, медсестры носили туда и обратно полные подносы медикаментов — и для полноты картины здесь что-то ремонтировали. Пластиковые клеёнки свисали с некоторых стен, огораживая часть этажа, и вёдра, инструменты,

ко́злы и стройматериал лежали штабелями; размытые фигуры виднелись как раз там, где их уже нельзя было рассмотреть, на другой стороне первого слоя полупрозрачных шторок. Рабочие с эмблемами больницы на одежде, явно не имея представления о том, какая здесь царила суматоха, шли наружу, очевидно, устроив себе перерыв пораньше. Один из них ухлёстывал за молодой медсестрой, у которой явно был ещё непочатый край работы. Здесь царил какой-то ад, или что там вместо него в хорошо организованных больницах.

Признаюсь, я воспользовался ситуацией: без проблем вошёл, почти вбежал в отделение, схватил охапку диаграмм состояния больных и пошёл дальше, будто знал, куда именно нужно идти, параллельно просматривая диаграммы.

Я вошёл в первую попавшуюся палату, где девочка лет восьми или девяти свернулась калачиком, лёжа на боку. Её лицо было очень бледным, а круги у неё под глазами были тёмными, как следы автомобильных шин на дороге. Её волосы были каштановыми и вялыми. Я взглянул на диаграммы и нашёл там её. Её звали Габриель. Она вся тряслась во сне. Её дыхание было беспорядочным, и на выдохе она постоянно издавала

какие-то звуки.

Я ещё не стал отцом, но этого и не требовалось, чтобы понять — девочке снился кошмар. И судя по лекарствам у неё в капельнице, проснуться ей не удастся.

Из диаграмм я узнал, что здесь творилось. Семеро детей и Стэн испытывали поразительно схожие симптомы. Паранойя, истерия, бессонница и отказ ложиться спать из-за ужасных кошмаров, особенно ночью, что и вызвало необходимость ввести им препараты.

Восемь человек.

Господи Иисусе.

Если столько народу слегло в постель, и разобраться с этим отправили Рыцаря Креста, пусть этим Рыцарем был я, получалось, что замешан здесь был некий сверхъестественный хищник. Самый настоящий. Чудовище. С которым я должен был справиться.

Я, один.

Кажется, квест был не на новичка.

Я тихонько выскользнул из палаты и вошёл в следующую по коридору, где отыскал Стэна. Он был обездвижен так же основательно, как и накачан седативами, чего, чёрт возьми, нельзя было делать в его состоянии. Он должен был лежать

под капельницей и пристальным наблюдением, чтобы его тело хотя бы попыталось справиться с тем коктейлем из уличных наркотиков, который чуть его не прикончил. Дела у него были ничуть не лучше, чем у девочки, может и хуже — он был в отключке, явно мучаясь от кошмаров и не в состоянии очнуться. Его пульс был слабым, дыхание сбивалось, а аппаратура вокруг него сходила с ума — числа, которые выдавали машины, нельзя было соотнести с частотой его дыхания и сердцебиения.

И кто-то сделал это с ним.

— Боже, Стэн, — сказал я. — Я тебя здесь запер. Прости. Я должен был тебя послушать.

Он не ответил, но его голова чуть заметно дёрнулась в моём направлении. В этом крохотном движении было какое-то отчаяние. Я прикусил губу и положил свою голову на его руку.

— Держись, дружище, — сказал я. — Всю силу, что у меня есть, я использую, чтобы помочь тебе. Обещаю.

Если тварь, которая сделала это со Стэном и детьми, увидит, как я сую свой нос по углам, она с удовольствием сделает со мной то же самое.

Моё сердце забилось быстрее. Лишь секунду спустя я понял, что оно стучало в такт чьим-

то частым шагам, звук которых доносился из коридора. Женские каблуки. Цок-цок, цок-цок, решительно и деловито.

У меня были считанные секунды, чтобы осознать, что мой страх и эти шаги были связаны, и потом, на всякий случай… квадрат красного света примерно четыре на четыре фута появился на стене, очевидно, следуя за враждебным созданием, пока оно двигалось по коридору в сторону двери, ведущей в палату Стэна.

Я поднял глаза к потолку и пробормотал: «Понял».

Я огляделся и прикинул свои возможности, пока ужас во мне нарастал, а потом он стал ещё сильнее, и я запаниковал. Я вошёл в ванную, дёрнул на себя дверь, оставив только крохотную щель, и замер, как изваяние.

Монстр возник в поле моего зрения. Она не особо-то походила на типичное чудовище — ростом четыре-пять футов без каблуков, стройная женщина с тёмными волосами. Внешность азиатская, на бейджике значилось «Доктор Миямунэ». Её глаза за толстой тёмной оправой очков были кристально-чистого голубого цвета.

Она вошла в палату и остановилась, а её глаза забегали туда и обратно, не замечая меня. На вид

она была не слишком старой, где-то за тридцать — как врач, который завершил интернатуру и уже пару лет проходил ординатуру. Её глаза резко остановились на Стэне, и вдруг женщина в белом халате стала чем-то другим. Она изменилась, прямо на моих глазах.

Это нельзя было назвать трансформацией в физическом смысле. Ну то есть на камере вы ничего бы не разглядели. Это было глубже, что-то неуловимое. Её осанка слегка изменилась: от совершенно нормальной и правильной к более расслабленной, с большей свободой конечностям. Больше всего пугал её рот. Её губы как будто разошлись в стороны от её зубов. Это лицо было чертовски жутким, и я почувствовал лёгкий приступ тошноты.

«Монстр» — субъективное понятие. Но эта тварь под личиной человека подходила под это определение. Я застыл на месте абсолютно неподвижно.

Миямунэ обошла кровать Стэна по кругу, сосредоточив на нём своё внимание, развернулась и вернулась на прежнее место, как неутомимый лев в зоопарке кружит по загону. Какое-то время она только ходила взад и вперёд, но Стэн это почувствовал. Тихие звуки, которые он издавал

во сне, стали более высокими, а её глаза прояснились. Она положила руку на кровать и провела ей по простыне Стэна, не касаясь его самого; кончиками пальцев вела дальше, продолжая шагать, и дыхание Стэна стало рваным, отчаянным.

Она им питалась.

Возможно, его страхом.

Высасывала из него жизнь.

Стэн был уже на грани.

Что ж.

Пора бы вмешаться.

Одной рукой я потянулся к сумке у себя на боку, ткань зашелестела, коснувшись ткани. И она услышала.

Кончики моих пальцев лежали на гладкой деревянной ручке Фиделаккиуса, когда её рука по самое плечо проломила деревянную дверь и в фонтане щепок схватила меня за мой халат, а потом швырнула в дальнюю стену с невероятной силой.

Рука Миямунэ прошла сквозь остаток двери, будто это был отсыревший картон, разрывая рукава своего халата и своей рубашки на ленты, но безо всякого вреда коже под ними. Я успел лишь отметить, что мой враг обладал сверхестественной силой, пока расслабленный летел

к стене и ударился об неё так ровно, как только мог, выставив руки вперёд, как обычно падают дзюдоисты — этому меня тоже научила Черити.

Сработало. Я распределил силу удара по поверхности, сумел сохранить в целости все свои кости и опустился на ноги, — более-менее — пока моя рука пыталась нащупать сумку.

Миямунэ таращилась на меня примерно секунду, стоя у дальней стороны кровати, там, где были колени Стэна. Потом, не спуская с меня глаз, она убрала руку за спину так, будто знала точно, где находится ручка, и спокойно заперла дверь.

Ни одна часть меня абсолютно точно не ударилась в бессильную панику. Моя рука так сильно тряслась, что я едва ощущал рукоять Фиделаккиуса под сомкнувшимися вокруг неё пальцами.

— Даю один шанс, — услышал я бледный призрак собственного голоса. — Оставь их. Оставь их всех. Прямо сейчас. И я позволю тебе уйти живой, даю слово.

Уголок её рта изогнулся в чистейшем презрении:

— И кем же ты себя возомнил, человечишка?

— Вот всё, что тебе нужно знать, — сказал я и вынул Меч.

Раздался звук — слишком музыкальный, что-

бы назвать его воплем и слишком гневный, необузданный, чтобы его можно было считать музыкальным аккордом. Из старой сломанной деревянной рукояти в моей руке вырвалось лезвие, сотканное из света, три фута в длину, сверкающее белизной. Его рождение ознаменовало похожее на музыку низкое и зловещее гудение.

Миямунэ даже не дрогнула. Свет, который излучал Меч, двумя яркими полосами отразился в её похожих на стекло голубых глазах — и тень, которую Меч отбрасывал на стену позади, даже близко не повторяла её очертаний. Это было нечто громадное и неповоротливое, с львиной гривой и изогнутым усом, раскачивающимся вокруг его головы. Её кожа тоже сделалась полупрозрачной в сиянии Меча, открывая взору неясные формы, которые двигались и менялись местами под этой оболочкой, какое-то серо-золотое месиво, будто нечто слишком большое было втиснуто в слишком маленькую Миямунэ.

— Человечек, я сделаю тебе предложение, — ответила она спокойно. — Уходи. Оставь мне то, что моё по праву. Тогда я позволю тебе провести остаток своих дней в объятиях лишь тех кошмаров, что ты сам себе создал.

— Прошу прощения, леди, — сказал я, — не могу

с этим согласиться. Прочь от парня.

Движением Меча я подчеркнул свои слова. Он, как маятник, сменил тональность своей музыки на более высокую и напряжённую, приближаясь, и наоборот — на более низкую, удаляясь.

В тот единственный раз в прошлом, когда я доставал Меч, парень, которому я им угрожал, испугался.

Миямунэ пнула кровать Стэна мне под ноги.

Она двигалась быстро, но мои нервы были натянуты, как струны, и я почувствовал это движение, уворачиваясь в единственном доступном мне направлении, чтобы не загнать себя ещё дальше в угол — и это было верное направление. Я ушёл от удара кроватью, сделал шаг вперёд, не отрывая ног от пола, слегка подволакивая их за собой, — чтобы случайно не встать на что-нибудь, способное лишить меня равновесия — и рубанул её по талии.

Миямунэ лишь на дюйм разминулась с лезвием, сделав грациозный идеально выверенный шаг назад, и с нечеловеческой силой швырнула в меня свой планшет. Бумага на нём гадко засвистела, на лету разрываясь на клочки. Я едва успел подставить Меч, располовинивая пластиковый планшет, будто лазерным резаком, и запуская

в воздух маленькое облачко из обрывков документации. Куски планшета промчались мимо меня и, судя по звуку, вонзились, вибрируя, в гипсокартон.

Я ещё не закончил рубить, а её каблук уже двигался в мою сторону параллельно полу. Я едва успел перенести свой вес на заднюю ногу, а она пнула мою переднюю так, что та онемела — но я остался стоять. Я неуклюже махнул Мечом, стараясь удержать равновесие. Ей пришлось присесть и уйти в сторону, не имея возможности приблизиться ко мне в момент моей слабости — и оказалась она у самой кровати Стэна.

— Нет! — сказал я.

Она схватила его за горло, и её рука напряглась. Тяжёлое дыхание Стэна тут же прекратилось, стоило ей пережать трахею.

Хищник смотрел на меня из-под маски врача, и в его синих глазах танцевал огонь наслаждения.

— Я его убью, — сказала она. — Ещё шаг, человечек, и я его прикончу.

— Не надо, — выдохнул я.

Её улыбка стала шире, пока она рассматривала Меч, продолжавший гудеть с силой гневного хора. Повисла тишина.

— Когда-то я была такой же, как ты, — наконец

сказала она. Что-то уродливое мелькнуло в этих синих глазах. — Боролась за них. Я была такой дурой.

— Правда? — спросил я. — Слушай, зачем нам драться? Давай всё обсудим. Чашечка кофе и что-нибудь перекусить. Как ты на это смотришь?

Она ухмыльнулась:

— Думаешь, мне есть дело до тебя и твоих мыслей, маленький смертный?

— Вот и узнаем, — тихонько сказал я.

Не знаю, что я сказал, но явно не то, что было нужно.

Настоящая ярость захлестнула её.

— Какая праведность, — выплюнула она. Потом изучила меня с ног до головы и сказала:

— Я предлагаю тебе сделку. Цена — его жизнь.

— Э… — сказал я. — Слушаю.

— Отдай мне свои очки.

Моё сердце едва не остановилось.

Испуганный десятилетний мальчик внутри меня снова принялся кричать.

— Отдай мне, — промурлыкала Миямунэ, — свои очки. Или я его убью. Сейчас же.

— Если отдам, — тихо сказал я, — ты уйдёшь. Ты оставишь его в покое.

— Пока ты жив, и бьётся твоё сердце, — сказала

Миямунэ.

Я сглотнул.

Стэн попал сюда из-за меня.

Я снял с меча одну руку и поднёс её к лицу.

Мир стал похож на пятно неясного цвета, когда я снял очки, и что-то в моём животе подпрыгнуло и сжалось в судороге чистого, явного детского страха.

Я почувствовал тяжесть и холод очков в своей руке. Потом бросил их туда, где, кажется, стояла Миямунэ. Звука падения очков не последовало. Видимо, она их поймала, молча.

Секунду спустя раздался громкий треск — и стук заветного стекла по полу, будто кто-то просыпал крупный сахар.

— Маленький защитник, — сказала Миямунэ мгновение спустя. — Я заставлю тебя страдать. Я дам тебе столько времени, сколько мне будет нужно, чтобы прогнать с этого этажа всех смертных. Тогда я начну охоту на тебя. Я буду питаться тобой. И в конце концов я заберу твою жизнь.

Послышался щелчок замка. Потом дверь открылась.

— Можешь бежать, — мягко сказала Миямунэ, — и вместо тебя умрут другие.

И дверь снова закрылась.

Всё это время её шаги были совершенно бесшумными. Но у меня появилось то самое чувство, уверенность, что комната никем больше не занята, как это обычно бывает.

Ноги отказали мне, и я оказался на полу, сидя у кровати Стэна, который тихо хныкал в объятиях кошмара. Меч погас, стоило мне коснуться пола.

Я сидел вместе с ним во мраке своей слепоты. Я слишком быстро дышал и издавал те же звуки, что и он.

— Жёлтый, — послышался голос из мобильного, когда я зажал цифру один для быстрого набора. — Чучельная мастерская Гарри. Завалите, а мы напялим.

— Это я, — сказал я.

Его шутливый тон рассеялся:

— Баттерс? В чём дело?

— Я, э… — сказал я. — Я…

Я хотел сказать, что стал Рыцарем Креста по ошибке. Но сказал:

— Чем занимаешься?

— Мы как раз собирались. Хочу отвести Мэгги и Мыша в зоопарк, посмотреть на могучего Мо, — ответил он с нежной радостью в голосе. — Чудный должен быть денёк. Ходил когда-нибудь в зоопарк?

— Не особо люблю животных, — сказал я.

— Можем сходить вместе, — сказал он.

Я понял, что чуть слышно засмеялся:

— Не могу. Работа.

— Какая на тебе шляпа?

— Джедайская, — ответил я.

— Ого, — сказал он; помолчал секунду, а потом медленно выдохнул. — Рано у них рабочий день. Как всё плохо?

— Плохо, — сказал я. — Мне… может быть, мне нужна помощь.

Повисло долгое молчание на том конце. В телефоне шумели и трещали помехи. Гарри расстроился. Электроника вокруг волшебников сходит с ума, когда их захлёстывают эмоции. Даже старомодный домашний телефон не застрахован. Особенно рядом с Гарри Дрезденом.

— Я не приду, — сказал он тихо.

— Что? — спросил я. — Гарри…

— Майкл как-то сказал мне одну вещь, и я тогда подумал, что это полная чушь, — сказал он. — Но теперь я хочу сказать тебе то же самое.

— Что? — требовательным тоном спросил я.

— Ты теперь Рыцарь, Баттерс. Ты работаешь на Господа, мать его, Бога. И он не возложит на тебя бремя, которое тебе не по силам.

— Гарри, он уже возложил, — сказал я.

На самом деле не «сказал»; скорее чуть слышно пробормотал.

— Баттерс, — вышел он из себя.

Однажды я уже слышал этот его тон. Всего раз. Это было в подвале, и нас хотели убить зомби.

— Полька не умрёт, — я сделал вдох.

Фраза сорвалась с языка легко и на автомате. Для меня это было чем-то вроде мантры.

— Молодец, — сказал он. — Расскажи, что случилось.

Я рассказал. По ходу много заикался. Много путался.

— Стоп, — сказал он. — Тень чудовища. Львиная грива и грёбаный слоновий хобот?

Я вспомнил похожую на ус штуку у тени, метавшуюся из стороны в сторону.

— Да, э, наверно, было такое.

— И у него синие глаза, да?

До них я ещё не дошёл.

— Да, — сказал я. — Нереальные глаза.

— Дерьмо, — выругался он. — Это бака баку.

— Что это? — спросил я. — Никогда про них не слышал.

— Потому что их не существует, — сказал он. — Ну или их не было вплоть до девяностых. То есть

были баку в Японском фольклоре, но это совсем не то. Короче, одна компания выпустила плюшевую игрушку для детей, назвала её поглощателем снов, сказала, что это волшебный страж, который съедает плохие сны раньше, чем дети их увидят. Продавалась с небольшой книжкой, где всё это было расписано.

— Я сражаюсь с плюшевой игрушкой? — спросил я.

Моя нога пульсировала. На том месте, куда тварь меня пнула, будет огромный синяк ещё несколько недель.

— Неа, — ответил он. — В общем, они просто сделали игрушку, но потом отдали её детям. Детская вера — страшная сила. Она либо сотворила настоящих бака баку, либо позволила чему-то похожему из Небывальщины создать себе место в реальном мире с помощью этой веры.

— Тогда почему оно творит с людьми это? — спросил я.

— Некоторые правила работают всегда. Например, «ты это то, что ты ешь», — сказал мне волшебник. — Наелся кошмаров — со временем ты сам им станешь. Теперь они не охраняют людей от кошмаров, а мучают ими своих жертв. Вероятно, в процессе получают энергию.

— О, замечательно, — сказал я. — И что они умеют?

— Теперь слушай внимательно. Эта штука наложила на тебя проклятие, чтобы ты её боялся, старик.

— С Рыцарями такое не работает, — сказал я.

— Чушь собачья, — ответил Гарри. — Слушай, у Рыцарей есть сила, но тебе решать, как ей пользоваться, чувак. Никаких карточек, чтобы выйти из тюрьмы бесплатно.[84] Всё, что у тебя есть — шанс драться, когда остальных бы съели. Эта штука пролезла к тебе в голову. Она пугает тебя до чёртиков. Как и тех людей рядом с тобой. Оно тебя пожирает.

— Гарри, я ничего не вижу, — сказал я, путаясь в словах.

И я Богом клянусь, он почти идеально скопировал голос Алека Гиннеса из фильма.

— Твои глаза могут тебя обмануть, — сказал он. — Положись на свои чувства.[85]

Я выдавил лающий смешок, при этом казалось,

---

[84] Примечания: 84

Гарри говорит о карточках из настольной игры «Монополия». Они единственный способ покинуть поле «Тюрьма», не потратив игровой валюты.

[85] Примечания: 85

Фраза Оби-Вана Кеноби из фильма «Звёздные войны IV: Новая Надежда», сказанная им его ученику Люку Скайуокеру.

что у меня в груди сейчас что-нибудь сломается.

Или оно правда сломалось. Внезапно я понял, что снова могу нормально дышать.

— Баттерс, — сказал он. Послушай меня. Я знаю, это трудно. Но есть один способ справиться со страхом.

— Какой? — спросил я у него.

— Встать и врезать ему по морде, — сказал он, и в его голосе звучала тихая сила, которая ничего общего не имела с магией. — Ты забыл самое важное, о чём должен помнить Рыцарь.

— Что это? — я сделал глоток воздуха.

— Рыцари Креста не боятся чудовищ, — сказал он. — Чудовища боятся их. Соответствуй. Прими это по-настоящему. И верь.

Соответствовать. Принять. Это я мог.

Верить было сложнее. Я никогда ещё не просил Бога о помощи.

Но я верил в своих друзей.

Особенно в одного.

— Понял, — сказал я тихо. — Думаю, мне пора, Гарри. Есть работа.

— Доброй охоты, Рыцарь.

— Спасибо, маг.

Когда я открыл дверь, всё изменилось.

Я взял с кровати Стэна белую простыню, пере-

кинул через плечи и завязал узлом вокруг шеи. Взял наклейку из аптечки, которая была в ящике рядом с кроватью, и приклеил красный крест себе на грудь на уровне сердца.

Не похоже на накидки Сани или Майкла. Но сойдёт.

А главное — я надел наушники, вставил их в телефон и включил реветь песню Странного Эла Янковича «ВОТ что я называю полькой»,[86] выкрутив звук на полную.

Я почти ничего не видел. И я слышал только мою дурацкую, прекрасную польку, одну из тех песен, которые я знал назубок — собственно, поэтому она и была мне нужна.

В коридоре я чувствовал повисшую в воздухе пустоту и тяжёлый страх. Бака баку прогнал всех с этажа — я смутно различил удаляющиеся безликие жёлтые квадраты, смотрел, как рабочие, медсёстры и врачи уходили с этажа по лестницам и на лифте, оставив наедине нас двоих и пойманных в ловушку спящих жертв.

Флуоресцентные лампы мерцали и мигали,

---

[86] Примечания: 86

Странный Эл Янкович — популярный певец и исполнитель, известный своими пародиями на хиты поп-музыки. Песня «ВОТ что я называю полькой», которую слушает Баттерс, состоит из отрывков многих песен, популярных с 2011-го по 2014-ый годы, и исполняется под аккомпанемент аккордеона.

будто разом перегорели.

Я не видел красного маркера, подсветившего бы мне врага.

Но мне и не нужно было.

Я вышел на середину коридора, поднял Меч над головой в защитной стойке и почувствовал, как он вспыхнул и заставил тени лечь по-другому. Слушая, как Янкович переводил поп-музыку в польку, я закричал:

— Бака баку! Предавший детей! Ты сбился с пути! Сразись же со мной!

И закрыл свои глаза, ожидая.

Видите ли, магия никакая не магия. Я кучу времени изучал теоретический аспект, и считаю, что это факт. То есть это магия, ясное дело, но она не происходит из большого вакуума, по необъяснимым причинам создавая чудеса. Куча магии подчиняется физическим законам вселенной. Энергию нельзя ни создать, ни уничтожить, например.

Если бака баку внушал страх в человеческие мозги, этот страх нужно было как-то передать. Он не может просто появиться в голове по манове-нию волшебной палочки, вжик. Это своего рода трансляция — сигнал. И это значит, что, как и в других магических трансляциях, например тех,

которые можно было устроить с помощью коммуникаторов, которые я придумывал и собирал когда-то, волны электромагнитного спектра в основном и осуществляли передачу.

Это всё вызывало неполадки в работе мобильных телефонов вокруг. Ещё лучше это было заметно в наушниках.

Так что я слушал одну из самых заслушанных мной за последнее время песен и ждал. Десятилетний ребёнок внутри меня кричал сматываться.

Я сказал ему заткнуться и не мешать мне работать.

И я почти уверен, именно в тот момент, когда Эл пел про то, как он великолепно выглядит в одежде моего дедушки, мой левый наушник вдруг забарахлил.

Чтобы двигаться быстро, не нужно усилия. Не нужно мгновенной взрывной работы каждого мускула, чтобы набрать скорость. Нужно расслабиться, не торопиться и знать, что делать. Как только я услышал помехи, моё тело само собой отреагировало, повернув меч и опустив его — всё в одном плавном движении.

Я почувствовал удар Меча и в гудении лезвия услышал триумф. Я открыл глаза, чтобы увидеть очертания примерно того же размера и в целом

того же цвета, как попятившаяся Миямунэ.

У моих ног лежало ещё что-то смутно различимое, цвета плоти.

Я вынул наушники из ушей и услышал стон боли Миямунэ. Остаток моего страха испарился.

Бака баку отскочил от стены и упал, а я подошёл ближе к нему медленной, твёрдой походкой.

Огромная, странная тень существа лежала на стене за его спиной, даже когда оно таращилось на меня своим человеческим лицом.

— Кто ты? — спросило существо.

Слова, сорвавшиеся с моего языка, только казались моими собственными.

— Эхъе ашер эхъе,[87] — тихо произнёс я.

Стены пустого коридора чуть заметно дрогнули, омытые словом, хоть я и не повышал голос.

Существо просто продолжало на меня таращиться.

— Даже теперь, — услышал я свои слова, — ещё не поздно раскаяться. Ещё можно получить прощение.

Я не мог увидеть выражение его лица — но я

---

[87] Примечания: 87

Баттерс по происхождению еврей, и он произносит на иврите фразу, которую можно истолковать как: «Я есть я». Оригинальное выражение (אהיה אשר אהיה) было ответом пророка Моисея на вопрос о том, что есть Бог, и в разных комментариях оно трактуется как: «Я буду тем, чем буду», «Я тот, кто есть», «Я буду с вами», и прочее.

видел напряжение, охватившее расплывчатое очертание бака баку, почувствовал злобу в его резком выдохе и прыжке.

В последний раз опустился Меч Веры, и всё было кончено.

Когда поздно ночью Майкл забрал меня из больницы на своём старом белом пикапе, я был сильно вымотан.

Первым делом он отдал мне мои запасные очки, и я с благодарностью нацепил их на нос.

— Надо подумать, как с этим быть, — сказал я. — Может, спортивные очки.

— Хорошая идея, — ответил он. — Как там Стэн?

— С ним всё будет хорошо, — сказал я. — С детьми тоже.

— Что им навредило?

— То, что должно было их защищать, — тихо сказал я. Я краем глаза смотрел в окно, пока Майкл отъезжал. — Оно превратилось в ничто, когда я его убил.

— В чём дело? — спросил он нежно своим глубоким голосом.

— Я не уверен, что справился с квестом, — ответил я. — Я пытался переубедить то существо. Дать ему шанс исправиться.

— Иногда их можно убедить, — сказал Майкл. — Обычно нет.

— Просто… — сказал я. — Так жаль убивать. Я поступил так, как было необходимо. Но не уверен, что хорошо.

— Редко бывает хорошо убивать, — сказал он. — По моему опыту, по крайней мере. Ты мог поступить иначе?

— Может быть? — сказал я. — Не знаю. С тем, что я знал в тот момент… Не знаю.

— Они все были бы живы, если бы ты поступил иначе? Дети? Стэн?

Я немного подумал и покачал головой отрицательно:

— Вряд ли.

— Тогда можете быть довольны собой, Сэр Рыцарь, — сказал он.

— Мне даже руку не отрубили,[88] — сказал я и головой прислонился к окну

Я сам не заметил, как уснул, расслабленный и без тени страха.

---

[88] Примечания: 88

Отсылка на франшизу «Звёздные войны», где джедаям в бою несколько раз отрубали кисти рук.

15.2 В Зоопарке (2018)

Предисловие автора.

Я и не собирался делать из Гарри отца.

То есть я уже расставил определённые вехи в будущей истории. Я знал, что хочу, чтобы в «Переменах» план плохих парней грозил Дрездену уничтожением, а он отвечал бы соответственно. Основной мотивацией для Гарри стало бы спасение собственного ребёнка — особенно потому, что он сам в детстве был сиротой и никто не пришёл ему на помощь. Вот это всё, запечённое под корочкой моего неосознанного убеждения, что Гарри, разумеется, спасёт своего ребёнка. Пусть и неуклюже, будучи ещё молодым магом, не слишком аккуратно, отчаянно и сумбурно, и где-то здесь, я уверен, должна быть ещё фраза «случайные жертвы», но Дрезден в конце концов всегда выходит победителем.

Но я так и не остановился подумать над последствиями того факта, что Гарри станет одержим мыслью помочь своей девочке, и что он спасёт её жизнь. Я видел два и два, но не смог их сложить и получить четыре: Мэгги должна была остаться, присутствовать в далеко идущей истории, и он наверняка захотел бы стать

частью её жизни. А значит, мой тёртый калач, детектив-волшебник, которому не везёт в любви, должен был ещё и стать отцом.

А это, само собой, с ног на голову переворачивает всю жизнь человека. Совсем другими становятся его приоритеты.

И этого явно, явно не стоит допускать, когда пишешь длинную серию книг. Нельзя кардинально изменить главного героя и не потерять при этом часть аудитории.

Проще и надёжнее всего было оставить Мэгги с Карпентерами или забросить её в церковную программу защиты свидетелей сверхъестественного — и так вполне себе мог поступить волшебник, может быть, даже во благо ребёнка. Но чем дольше я писал, тем больше понимал, что даже так Дрезден всё равно не сможет остаться Дрезденом. Он слишком сильно верит в долг отца, как видно из рассказа про Бигфута, по той плате, которую он просит у Силы Реки в Плечах.

Так что персонажу суждено было измениться, так или иначе. Я выбрал тот путь, который ему как человеку был бы ближе.

Гарри теперь папа. Может, опыта в этом деле у него и маловато, но по крайней мере у него наготове парочка шуток на этот счёт.

В зоопарке.

Меня зовут Гарри Дрезден. Возможно, я один из самых опасных волшебников наших дней, и я ещё ни разу не был папой на целый день.

Немногие воспоминания, которые остались у меня об отце, очень туманны. Он был хорошим человеком, добрым, но умер раньше, чем я пошёл в школу. Иногда мне трудно понять, что это на самом деле: мои воспоминания или просто истории, которые я сам себе рассказывал всю свою жизнь.

В общем, мне не с кого брать пример отцовского мастерства. Человек, который по большей части меня воспитал, был чудовищем с наклонностями садиста, а когда появился мой дед Эбенизер, он больше проверял на целостность мою психику, чем занимался моим воспитанием.

К тому же, вряд ли отравленному гневом, угрюмому, одарённому магией подростку нужен тот же отец, что и десятилетней девочке. И вообще я не думаю, что хоть когда-то разговаривал с десятилетними девочками. Я и сам не девочка.

Я был совершенно потерян и знал наверняка лишь одно: я очень, очень хотел, чтобы всё про-

шло как надо.

Мэгги шла рядом, на каждый мой шаг ей нужно было примерно три своих. Она была крохотным ребёнком, по росту и весу меньше всех, с кем училась в школе, что раньше, что теперь, бледная, темноволосая, с невероятными тёмными глазами. На ней были фиолетовые штаны и бежевая футболка с рисунком, который копировал постер Звёздных Войн, но в стиле самураев периода Эдо, а её ботинки на ходу мигали красными огоньками.

Рядом с ней трусила гранитно-серая гора мышц и мягкого меха по кличке Мыш. Мыш был настоящим Храмовым Стражем, собакой Фу. Он весил где-то 250 фунтов,[89] а мех у него на шее и на плечах своей длиной походил на гриву. Он был одет в красный нейлоновый жилет, который давал ему право называться служебной собакой, и шагал так аккуратно, будто каждый свой шаг боялся наступить на цыплёнка. Одна маленькая ручка Мэгги зарылась в его гриву; она смотрела куда-то вниз.

— Значит, ты первый раз идёшь в зоопарк? — спросил я.

---

[89] Примечания: 89

— 115 кг. — здесь и далее прим. пер.

Мэгги помотала головой и глазами проследила за пожилой парой, которая прошла мимо по тротуару. Она дождалась, когда они будут в нескольких ярдах позади,[90] и тихо ответила:

— Тётя Молли один раз меня водила, но было слишком много людей и неба, так что я заплакала.

Я кивнул. Моя дочь видела нехорошие вещи. Это не прошло бесследно.

— Так бывает, ничего страшного.

— Тётя Молли тоже так сказала, — ответила Мэгги. — Я была маленькой.

Весеннее полуденное солнце выглянуло из-за облаков на секунду, и моя тень поглотила её и место ещё на пять или десять таких же девочек.

— Да, наверно, дело было в этом, — сказал я. — Но мы можем уйти, когда захочешь.

Она подняла на меня глаза, показав на минуту своё задумчивое личико. Она была самым красивым ребёнком изо всех, что я видел, но все думают так о своих детях.

Может, все они правы.

— Я хочу увидеть горилл, — наконец сказала она. — Мыш тоже.

---

[90] Примечания: 90
Ярд — 0.9 метра.

Мыш помотал хвостом в знак согласия и посмотрел на меня, по-собачьи ухмыльнувшись.

— Ладно, — сказал я у входа в зоопарк. — Сделаем это.

Мэгги ещё секунду смотрела на меня и нахмурилась, прежде чем сказать:

— Ты волнуешься?

— Почему ты так решила? — спросил я.

Она посмотрела вниз и пожала плечами:

— Не знаю. Я волнуюсь. Я ещё не была в зоопарке с папой. Вдруг я сделаю что-нибудь не так?

Я почувствовал лёгкий укол у себя в груди и прокашлялся. Умный ребёнок.

— Думаю, здесь нельзя сделать что-то так или не так.

— А вдруг… не знаю. Вдруг я что-нибудь подожгу?

— Тогда мы пожарим пастилу, — сказал я.

Она не засмеялась и не подняла лица, но её щёчки округлились, потому что она улыбнулась:

— Ты странный.

— Немного, — сказал я. — Ты не против?

— Ещё не знаю. Наверно, — она ближе придвинулась к Мышу. Он вряд ли почувствовал бы её вес, даже если бы она ехала на нём верхом. — Ты правда спас горилл от монстра?

— Да, можно и так сказать, — ответил я.

Там было три ведьмы, и я спас гориллу от наказания за убийство, которое совершила одна из них. Несколько человек погибло. Но это была слишком мрачная и сложная тема для разговора на моей первой прогулке с дочерью.

Мэгги кивнула серьёзно:

— Значит, ты любишь животных. Как и я.

— Люблю.

— Даже динозавров?

— Особенно динозавров. И собакозавров.

— Гав, — сказал польщённый Мыш.

Я наклонился над Мэгги, потрепал его меховой загривок.

Шумные дети в форме частной школы гурьбой двинулись ко входу, и Мэгги вздрогнула и закрылась в себе, дожидаясь, пока они пройдут мимо. Потом она мрачно посмотрела на зоопарк, глядя на мир глазами взрослого человека, которому очень нужна была чашка кофе. Она вздохнула, расправила плечи и сказала:

— Ладно. Пошли посмотрим на животных.

И мы пошли.

В своих загонах звери смотрелись весьма и весьма хорошо. Выдры играли с невероятным пылом. Тигры бродили туда и обратно у самой

кромки загона. Один из белых медведей поднялся на задние лапы, а малайский медведь оживлённо раздирал на части бревно, когда мы проходили мимо. Я бы решил, что они специально устроили представление, если бы не знал кое-чего ещё.

Мэгги была очарована, её личико растягивалось в одной тихой улыбке за другой, пусть она почти не отходила от пса, оставаясь с ним в физическом контакте.

Лев правда зарычал, этот звук потряс воздух и заставил несколько человек быстро отступить на пару шагов назад. Но не Мэгги. Она вздрагивала каждый раз, когда кто-то проходил слишком близко, но льва рассматривала горящими глазами, пока он заканчивал своё послание и потрясал гривой с ленивой царственностью.

— Потрясающе, — сказала она потом, и её улыбка была как лучик солнца.

— Угу, — сказал я. — Потрясающе.

Львиный рёв — это уже перебор. Не могли все звери вот так разом оживиться без вмешательства извне, и я тут точно не при чём. Я с некоторым подозрением сверлил глазами Мыша.

Пёс это заметил, и его пасть широко открылась в бесхитростной собачьей ухмылке, он счастливо дышал и вилял хвостом. Я приподнял бровь,

глядя на него, и покачал головой. У этого чудища был запас таинственной и полезной магии, но в покер он не смог бы выиграть и партии, даже если бы его жизнь стояла на кону.

Поняли? Собака. Играет в покер. Эта шутка — произведение искусства.

Юмор у меня, может быть, так себе, зато свои вкусы я знаю отлично.

Мы как раз шли смотреть на горилл, когда сегодняшний день решил: пора усложнить мне жизнь.

Сначала я почувствовал россыпь мерцающих точек у себя на лбу. Будто моль, которая своими трепещущим крылышками касается горящей лампы — постоянное трепетание то там, то тут, и почему-то с собой оно принесло смятение, раздражение и страх. На моей шее сзади волоски встали дыбом, и, оглядевшись, я увидел как минимум трёх человек, озадаченных неисправностью своей электроники.

Магия витала в воздухе — и это была не моя магия.

— Эм… Папа? — позвала меня Мэгги.

Я посмотрел не неё. Она глядела на меня, слегка озадаченная. Потом я увидел, как её глаза округлились с внезапным пониманием, и она

встала так, чтобы с одной стороны был Мыш, а с другой — я:

— Что-то нехорошее случилось?

Я почувствовал, как железные обручи стиснули мои плечи. Этот день должен был пройти отлично — отец и дочь вместе, и Мэгги знает, что она мне дороже всего на свете.

Бог судья, мы слишком долго были порознь.

Меньше всего я хотел дать ей повод думать, что работа для меня важнее неё. Но в то же время, у волшебников не бывает строгого рабочего графика. Или страховки у зубного. И ещё один неприятный момент — чувство морального долга делать правильные вещи могло неожиданно улетучиться из-за связанных с работой неудобств.

— Может быть, — сказал я. Я посмотрел на неё: — Может и нет. Не знаю. Нужно пойти узнать, что случилось. А сначала нужно отвести тебя в безопасность.

Мэгги смотрела в одну точку перед собой и жевала нижнюю губу:

— Это важно, да?

— Может быть, — ответил я. Я кивнул в сторону кафе, которое было в зоопарке. — Давай займём столик и закажем что-нибудь перекусить? Вы с Мышем посидите там, а я схожу, всё проверю и

вернусь, не успеет ещё еда приготовиться.

Руки Мэгги крепче стиснули шею пса. Она посмотрела на него, потом на меня и решительно кивнула своим маленьким подбородком:

— Да. Я не против.

— А ты как, Мыш? — спросил я. — Сможешь хорошо себя вести рядом с едой?

Моя собака смотрела на парк с выражением, которое можно было бы назвать задумчивой печалью, будь мы героями мультфильма. Он наполовину скулил и наполовину грохотал где-то в глубине своей груди.

— Что, мальчик, беда? — спросил я.

Нет, это были не избитые фразы. Мыш лучше меня чувствовал опасность и не раз это доказывал.

Он таращился так минуту, потом медленно выдохнул и поднял глаза на меня. Его уши встали торчком, он вилял хвостом. Я решил, что это значило «всё в порядке».

— Ладно, — сказал я и погрозил ему пальцем. — Будь молодцом.

— Гав, — сказал Мыш.

— Он всегда молодец, — сказала Мэгги и поцеловала его в ухо. Для этого ей пришлось совсем чуть-чуть нагнуться, и он любезно подставил

голову.

— Хорошо, — сказал я.

Мы сели за столик в кафе, я заказал картошку фри и оставил Мэгги двадцатку на вторую порцию, если ей будет нужно. Убедился, что ей удобно, усадил Мыша у её ног и быстрым шагом вышел, осторожно включая свои магические чувства.

Магия — живая сила, у неё есть дыхание, но ничто не заставляет её бурлить и завихряться так, как это делают люди, а особенно их чувства. В зависимости от эмоции и её силы магия может трепетать и пульсировать, как мембраны динамиков на рок-концерте, сильно резонируя с чувствами тех, кто с рождения может это ощутить. Таких людей куда больше, чем кажется: те, кому вдруг становится не по себе в лесу, те, кто чувствуют угрозу, исходящую от тёмного паркинга, те, кого нечто, витающее в воздухе, заставляет насторожиться и безо всякой причины вдруг перебежать дорогу — чаще всего у них есть дар чувствовать. Если они доверятся инстинктам, то могут избежать кучи неприятностей.

Например, приложив чуточку усилий, я мог почувствовать мощное, неприятное беспокойство, идущее откуда-то справа, с одной из аллей парка.

На моих глазах полдюжины людей прижалось к одной стороне дороги, видимо, чего-то избегая, либо просто передумало идти в ту сторону. Инстинкты их не подвели.

Мои инстинкты постоянно закатывают глаза от решений моего мозга. Я решительно направился прямо к неприятной энергии, нарываясь на беду.

Её я отыскал где-то в пятидесяти ярдах,[91] в самой тенистой части аллеи, где парковые деревья, кусты и стены различных построек и загонов окружали скопление тени, которому не полагалось быть настолько тёмным.

Молодой парень в чёрной кофте с капюшоном стоял в тени, глубоко засунув руки в карманы. Воздух вокруг него пульсировал злостью и страхом на грани паники. В воздухе вокруг него барабанной дробью стучали напряжение и энергия куда большие, чем положено излучать хлипкому смертному. Он был худым, и пусть в профиль я видел лишь кусочек его лица, прыщи всё равно бросались в глаза.

Звёзды и камни.

Колдун.

Магия у молодых людей, можно сказать, сама

---

[91] Примечания: 91
— 45.7 метра.

собой вырывается на сцену, когда они обнаруживают в своём распоряжении способности и силы, которые будто бы вышли прямиком из книжек для детей. В лучшем случае весть об этом приходит в Белый Совет, а он отправляет кого-нибудь обучать это юное дарование и следить, чтобы оно никому не навредило.

Так получалось слишком редко, и из года в год всё реже и реже. С ростом населения всё больше одарённых детей открывали в себе способности, и возможно, трёхсотлетние маги у руля Белого Совета… не слишком быстро адаптировались к изменениям, которые происходили среди смертных. Когда эти дети просачивались сквозь (всё растущие) трещины в системе, их способности могли открыться пугающим, даже жестоким способом, и часто настолько, что они вынуждены были бежать из дома и от общества. Потом им приходилось одновременно выживать и справляться со своими способностями.

Многие из них пользовались даром самым худшим способом. Непростительным способом. Таких детей звали колдунами, и Совет избавлялся от них жёстко, с концами.

Я смотрел на парня какое-то время.

Я был этим парнем какое-то время.

Потом я сделал необычную для себя вещь: закрыл глаза и ушёл.

— Что там было? — спросила Мэгги, когда я вернулся. Она волновалась и немного ёрзала на стуле.

Я спорил сам с собой, нужно ли мне смягчать углы. На сегодня ей явно было достаточно переживаний. Но… Я уже давно практикую волшебство, и эти годы показали мне, какими последствиями оборачивается неведение близких мне людей, когда я пытаюсь что-то замолчать ради их же собственного блага.

Я посмотрел в её искреннее, открытое личико и огромные глаза.

Да.

Нет смысла начинать общение с дочерью с давно избитых ошибок.

— Колдун, — тихо сказал я. — Молодой волшебник, который не контролирует свои силы. Опасный.

Её глаза расширились:

— Вы дрались, оно и ты?

— Он, — ответил я. — Нет.

— Почему? — спросила она.

— Потому что обычно они никому не хотят зла, — сказал я. — Они не понимают, что с ними

происходит. Никто не объяснил им, что будет, если нарушить правила.

— Это несправедливо, — сказала Мэгги.

— Нет, — ответил я. — Но это не значит, что они не опасны.

— А ты знаешь, как помочь?

— Иногда, — тихо сказал я. — Не уверен.

Она взяла ломтик картошки и окунула его в гору горчицы. Не кетчупа.

В смысле?

Она задумчиво слизала горчицу с картошки и сказала:

— Но с тобой я.

— Да, — сказал я. — И ты для меня важнее.

Она бросила быстрый взгляд в мои глаза и немного улыбнулась. Потом она сказала:

— Силы просто к ним приходят?

Я кивнул:

— С самого рождения.

Она снова кивнула и спросила:

— Я получу эти силы?

— Может быть, — ответил я. — Нельзя узнать точно.

— Странно, — сказала она.

Она отдала картошку Мышу, а тот её слопал. Она взяла ещё одну, обмакнула её в горчицу и

заново начала, судя по всему, хорошо отработанный цикл.

— Если они появятся, ты будешь меня учить? Чтобы никто не пострадал?

— Если захочешь, — сказал я.

Она жевала губу, с большим интересом рассматривая свои пальцы:

— Если… с тобой что-то случится, кто меня научит?

Невидимый боксёр вмазал мне по животу.

— Со мной ничего не случится, — сказал я.

— Может и случится, — тихо сказала Мэгги.

Взрослые нотки прозвучали в её голосе на эти три слова. Слишком взрослые из уст такой крошечной девчушки.

— И возможно, никого не окажется рядом. Может, я стану колдуном.

Я сделал глубокий вдох. Она видела, как убили её приёмную семью. Ужасным способом. Возможно, видела вещи ещё хуже. Она знала, каким иногда бывает этот мир. Наверно, она знала о вещах похуже, чем тот парень в чёрной кофте.

— Может быть, — сказал я.

— На его месте могла быть я, — она несколько раз кивнула сама себе и вдохнула глубоко, так, будто хотела задержать дыхание. Потом подняла

глаза на меня. — Я могу поесть ещё картошки фри. Мыш составит мне компанию.

— Ты уверена? — спросил я. — Этот день… он может закончиться быстро.

— Если кому-то нужна помощь, ты им помогаешь, — просто сказала Мэгги. — Даже если будет трудно. Так тётя Молли говорила мне о тебе.

Её глаза искали, изучали. Клянусь, она меня анализировала, пристально следила за моей реакцией. Такая молодая, а сколько цинизма.

Наверно, это у неё от матери.

— Да, — сказал я, чувствуя, как моё лицо растягивается в улыбке. — Да. Это правда.

Я вернулся на тёмную аллею быстрым шагом. Колдуны чертовски опасны. Они могут, даже не осознавая, что делают, всё своё рвение направить к чёрной магии, а это разлагает их психику и вызывает зависимость. Колдун под действием чёрной магии делает такие вещи, что потом они являются в кошмарах криминалистам и психологам. Не всегда они слетают с катушек, но чаще всего. Когда люди в таком состоянии вдруг оказываются лицом к лицу со Стражами Белого Совета, они редко сдаются тихо и без боя.

Я помнил, как за мной пришли Стражи. Жуткие ребята. Не будь я тогда сильно вымотан, стал бы

ещё одним колдуном, убитым при сопротивлении аресту.

Возможно, парень был опасным чудовищем. Чистая злоба, которую он излучал, вполне убедительно говорила в пользу этого предположения.

А возможно, он был просто испуганным мальчиком.

Я молча подошёл к нему, — звук моих шагов был отчётливо слышен — прокашлялся и сказал:

— Привет.

Парень в капюшоне повернулся, бросил на меня быстрый взгляд и тут же рыкнул:

— Пошёл прочь.

В его голосе звучала магия, скрытая сила, которая ударила меня по ушам так, что мне захотелось по-солдатски оторвать от земли ногу, развернуться на каблуках и пойти другой дорогой.

Это было не самое логичное желание. Я отвёл его защитным жестом пальцев левой руки.

— Ого, парень, — ответил я. — Скажи это лучше туристам. У меня к тебе разговор.

Я тут же привлёк его внимание. Его спина напряглась, и он резко повернулся ко мне, ткань у него на плечах натянулась. Он был не слишком

высоким, пять или шесть футов,[92] а плечи у него так сошлись и сгорбились, что это было почти смешно.

Я чуть заметно придвинулся ближе и бедром прислонился к ограде в паре футов[93] от него, сложив руки на груди:

— Когда это произошло? Год назад? Полтора?

Он насторожился и равномерно распределил вес своего тела, будто дикий зверь, который ждёт движения, чтобы узнать, куда ему броситься бежать. Глазами он упёрся в центр моей груди.

— Кто ты?

— Тот, с кем случилось то же самое, — ответил я. — Однажды что-то изменилось, и всё стало как-то странно. Я подумал, что чокнулся. Мои учителя тоже.

— Ты коп? — спросил парень, его голос вдруг сделался резким.

— Типа того, — сказал я.

— Я ничего не сделал, — сказал он.

Я издал короткий лающий смешок:

— Ого, так себе из тебя лгунишка. Кому нечего скрывать, тот об этом и не треплется.

---

[92] Примечания: 92
150–180 см.

[93] Примечания: 93
Фут — ~0.3 метра.

Он покраснел и помрачнел одновременно:

— Следи за языком, придурок.

— А то что? — спросил я.

— А то плохо тебе придётся.

— Неа, — сказал я. — Это вряд ли.

Парень сильно разозлился. Он так стиснул зубы, что парочка могла бы и треснуть. Его кулаки сжались с громким хрустом.

В это время воздух сгустился, его давление стало ощутимым и ещё более угрожающим; по моей коже словно пробежала волна, будто кто-то вдруг вырвал длинный кусок ткани из моих синих джинсов. Потом что-то зашумело в кустах, и по шее у меня побежали мурашки. Я тут же расставил ноги чуть шире.

Помните, я говорил про инстинкты? Мои сказали мне, что что-то опасное явилось в мир.

Парень вдруг зашатался и упал на колени, тяжело дыша. Потом он поднял голову, его широко открытые глаза метались вперёд и назад:

— Нет, — выдохнул он. — Нет же, нет, нет, нет.

— Батюшки святы, — пробормотал я, пока ко мне приходило осознание.

У парня был сильный талант к магии, а ещё — дар призывателя. Магия большей частью творится в голове, и к несчастью всех тех, кому

приходится иметь с нами, людьми, дело, человеческие головы — потёмки, да ещё в них случаются конфликты. Много чего в них происходит, многое там не так-то легко заметить, над многим мы не властны.

Подсознание парня в капюшоне собрало вместе все злобу и страх, которые он чувствовал, и выбросило их носиться снаружи, будто маяк спиритической энергии; маяк, который привлёк чьё-то внимание в мире духов — существа, ступившего в тень аллеи.

В мире духов живёт бесконечное множество потусторонних созданий — но я решил сделать смелое предположение, что это существо не травкой питалось.

— Прямо здесь? В парке? — потребовал я у колдуна ответа с лёгкой истерикой в голосе. — Адские колокола, пацан.

Парень в капюшоне таращился на меня испуганными, ошеломлёнными глазами. Колокольчик, в который он позвонил, позвав существо обедать, отнял у него много сил.

— Я не хотел. Это само выходит, — его глаза округлились. — Тебе нужно бежать. Беги!

— Урок первый, — сказал я. Я отступил от парня на пару шагов и глазами поискал что-то в густой

зелени, больше полагаясь на свои магические ощущения, чем на зрение или слух. — Если бежать от проблем, они обычно не решаются.

— Ты не понимаешь, — пролепетал он. — Оно идёт. Идёт за тобой.

— Это ты не понял, парень, — ответил я. — Я…

Потом было второе предупреждение, ну или уже не второе. Оно явилось из-под полога листвы, держалось самой глубокой тени. Оно вырвалось из темноты и выбило почву из-под ног парня в капюшоне, пробежав мимо. Перед взором у меня мелькнули сильные ноги, фигура росомахи; голова слишком широкая, не похожая ни на одну голову в этом мире; извивающийся чешуйчатый хвост; и зубы крокодила. Оно прошло мимо парня и направилось прямо ко мне, бросаясь к моему горлу.

В этот момент я уже двигался. Я махнул рукой, начертив вертикальную линию, удерживая пальцы неподвижными и жёсткими, словно когти, сообщая им свою волю и выкрикивая:

— Aparturum!

Мои пальцы на лету разомкнули реальность, разрывая завесу между миром смертных и миром духов. Яростное нечто из Небывальщины, мира духов, испустило резкий, короткий непонима-

ющий вопль, проскочив прямо в отверстие, из мира смертных вновь оказавшись в мире по ту сторону.

— Instaurabos! — прокричал я и хлёстким движением опустил руку к нижней стороне разрыва, поворачивая свою волю вспять и запечатывая дыру, прежде чем злобное маленькое создание повернулось бы и выскочило обратно. Я чувствовал, как «нормальность» устремилась обратно к бреши, чтобы её запечатать, и как голодный дух едва заметно стучал в эту дверь с протестом, осознав себя вновь оторванным от мира смертных.

Пару секунд спустя тени сделались не такими густыми, и солнце вышло из-за облаков, заливая аллею золотыми волнами.

Парень в капюшоне сидел на земле там, где упал, глядя на меня молча и с отвисшей челюстью.

Я подошёл к нему и опустился на корточки, руками опёршись о колени.

— Как я уже говорил, — сказал я, — ты кое-чего не понял, парень. Я к такому готов. Я волшебник, — я предложил ему руку.

Он её принял, и мы вместе поднялись на ноги. Он сразу отстранился и бросил хмурый взгляд — но не совсем на меня.

— Чего ты хочешь?

— Поговорить, — ответил я.

— А если я не хочу с тобой говорить?

— Значит, тебе и не придётся.

На лице у него отразилась настороженность:

— Я могу просто уйти?

— Конечно, — сказал я.

Мы стояли достаточно близко, чтобы я мог почувствовать, чем парень пахнет. Он давно не мылся. Одежду, судя по её виду, он не менял уже какое-то время. Ботинки были ему малы и износились. Я сделал жест в сторону того места, где исчез демон, которого он нечаянно призвал:

— Но как у тебя обычно обстоят дела вот с этим?

— Всё нормально, — сказал он.

Его голос надломился посреди фразы. Он отвёл глаза в сторону.

— Что ж, не буду навязывать свою помощь. Хочешь есть? — спросил я.

Это был весьма надёжный козырь в разговоре. Дети хотят есть примерно девяносто пять процентов времени.

— Нет, — солгал он кислым тоном.

— Тут есть кафе, до него идти меньше двух минут. Там моя дочь и моя собака едят картошку

фри. Но я бы сейчас просто зверски расправился с бургером. А ты как?

Парень в капюшоне ничего не ответил. Люди понемногу возвращались на аллею, и обыкновенный мир понемногу утверждался здесь, всё увереннее.

— Слушай, я, можно сказать, коп, — сказал я, — просто не совсем обычный. Для особенных вещей. Как сейчас.

Он переминался с ноги на ногу.

— В общем, — сказал я. — Давай поедим. Может, поговорим немного. Ты, должно быть, уже устал сам со всем этим разбираться.

После этих слов он опустил голову, чтобы я не видел, как он плачет.

— Я Гарри, — сказал я и протянул ему руку.

Он посмотрел на мою руку, потом на меня и выдул короткий смешок:

— Волшебник Гарри. Ты шутишь.

— Неа, — сказал я.

Я посмотрел на него и приподнял одну бровь вопросительно.

— А, э. Остин, — сказал колдун Остин. Ему было примерно тринадцать с половиной.

— Привет, Остин, — сказал я так мягко, как только мог. — Приятно познакомиться. Слушай,

ты видел местных горилл?

* * *

Привет. Меня зовут Мэгги Дрезден.

Мой папа в общем неплохой, ещё бы побольше следил за своими монстрами. Но он не виноват, я так думаю, раз он взрослый, а взрослые часто ужасно глупые в некоторых вопросах. Особенно когда дело касается страшил.

Взрослые толстокожие до крайности в вопросе о страшилах.

Обычно их немного на улице в солнечный день, но сейчас они были повсюду. Пожилая пара, на которой уселись беглеры,[94] прошла мимо нас. Не знаю, как их зовут на самом деле. Мы с Мышем на ходу придумали им своё имя. Но у них над головами висели маленькие простыни, как пара старых грязных бумажных пакетов — прозрачных, если хорошо приглядеться. Беглеры были не такими опасными, как многие страшилы. У меня была теория, что они просто питались энергией мозга тех людей, которые слишком много говорили о политике, и заставляли их говорить о политике ещё чаще, потому что больше от них почти ни-

[94] Примечания: 94
От bagler — картошка фри, которая выпала из пачки.

чего было не услышать. Просто присмотритесь: при первом случае люди с беглерами начинают обсуждать политику.

Казалось бы, и взрослые могут быть интересными с каким-нибудь психо-монстром, съедающим их лица, но нет. Вот так вот.

— Значит, ты первый раз идёшь в зоопарк? — спросил мой папа.

Мой папа на вид жутковатый, пока не узнаешь его поближе. Он выше всех, кого я знаю, со шрамами, тёмными волосами и мускулистый. Правда, его мышцы длинные и тягучие, но было видно, что он сильный. Ещё он был волшебником. В смысле, многие не верят в волшебство и монстров, и отсюда уже понятно, что большинство людей — глупые. Он был весьма неглупым для взрослого. И в общем я ему нравилась. Иногда это было видно: когда он говорил со мной, смотрел на меня.

Мне это очень нравилось.

Я дождалась, пока парочка с беглерами отойдёт подальше, чтобы они не могли нас услышать, — просто из принципа — и потом сказала:

— Тётя Молли один раз меня водила, но было слишком много людей и неба, и я заплакала.

Мне интересно было узнать, что он об этом по-

думает. Мой папа сражается с плохими людьми и с монстрами, это его работа. Мне не хотелось, чтобы он считал меня трусихой.

То есть мы с ним только начали общаться. Но иногда вокруг становится очень, очень громко, или творится суматоха и всё движется слишком быстро, так что я совсем теряюсь. Хорошо, когда со мной Мыш. Мыш всегда понимал, когда мир вокруг делался слишком большим, и помогал мне с этим справиться.

Видимо, мой отец какое-то время думал над своими словами, прежде чем сказал:

— Так бывает, ничего страшного.

— Тётя Молли тоже так сказала, — ответила я.

С той же короткой паузой перед ответом. Мне очень не хотелось, чтобы он считал меня ненормальной. Я нормальная. Просто иногда было очень, очень трудно сдержать крики и слёзы. Я чуть поубавила шаг, чтобы оказаться у него в тени, где было темнее и прохладнее. В Чикаго летом жарко.

— Я была маленькой.

— Да, наверно, дело было в этом, — сказал он.

Мне нравился его голос, как он грохотал у него в груди. Его приятно было слушать. Когда он читал мне, этот голос звучал так, что казалось, будто он

может так же ровно говорить всю ночь.

— Но мы можем уйти, когда захочешь.

Я посмотрела на него. Правда можно? Потому что день становился ярче, громче и ослепительнее с каждой минутой. Шум вокруг так сильно бил мне по ушам, что хотелось просто заткнуть их пальцами, закрыть глаза и уйти от этого мира.

Но сегодня был мой первый день вместе с папой. Мы делали это в первый раз. Карпентеры очень, очень хорошо ко мне отнеслись и дали мне дом. Я их любила. Но они не мой папа.

Мы с ним наверняка пошли бы куда-нибудь ещё, если бы я попросила. Но мне не хотелось, чтобы он думал, что я малышка, которая не может даже в зоопарк сходить.

Мыш, который всегда шёл рядом, придвинулся на пару дюймов[95] ближе, подбадривая меня. Краем глаза я видела, как его пасть открылась в ободряющей собачьей улыбке, и его хвост стучал по моей спине, когда он им вилял.

Мой папа был сильным. Может, и я смогу быть сильной.

— Я хочу увидеть горилл, — сказала я. — Мыш тоже.

---

[95] Примечания: 95
На 5 см.

Мыш махал хвостом ещё быстрее и улыбался моему папе.

Он улыбнулся мне. Улыбка действительно его преобразила. Он, вроде как, стал больше похож на папу.

— Ладно, — сказал он. — Сделаем это.

Он произнёс это тем же тоном, каким солдаты говорят «начать операцию» в фильмах, а его глаза принялись бегать, осмотрев всё вокруг нас и в кронах ближайших деревьев где-то за секунду, будто высматривали монстра, чтобы его подорвать. Думаю, он даже не заметил, как это сделал.

Мой папа уже давно сражался с нехорошими существами. Он видел, как с людьми случались плохие вещи. Тётя Молли говорит, что такие вещи оставляют раны, но их нельзя увидеть. Примерно как взрослые не видят страшил. Но она сказала, что он на них не жаловался, и они не могли помешать ему помогать людям. Даже если это было очень, очень тяжело.

Как, например, быть рядом со мной.

Я пытаюсь быть хорошей. Но когда всё вокруг становится слишком большим, трудно делать вообще хоть что-то. Другие дети обычно меня сторонятся. Даже если временами у меня выходит

завести друзей, они не могут меня понять.

Может, он тоже не поймёт. У него и так трудная работа. Может, быть моим папой будет слишком тяжело.

— Ты волнуешься? — услышала я свой вопрос.

Он моргнул:

— Почему ты так решила?

Он так на меня смотрел, что было видно — я ему нравлюсь. В такие моменты я не могла не отвести взгляд. Вдруг он передумает?

Всё может измениться. Так быстро.

— Не знаю, — сказала я. — Я волнуюсь. Я ещё не была в зоопарке с папой. Вдруг я сделаю что-нибудь не так?

Ещё секунду он шёл рядом со мной, а потом я почувствовала, как его пальцы нежно коснулись моих волос:

— Думаю, здесь нельзя сделать что-то так или не так.

И я бы согласилась, но я слишком боялась превратиться в полную дуру, если всё станет слишком большим и шумным.

— А вдруг… Не знаю. Вдруг я что-нибудь подожгу?

— Тогда мы пожарим пастилу, — сказал он.

Это по-дурацки звучало из уст взрослого, но

мне было приятно это услышать.

— Ты странный.

Мыш прислонился ко мне и тихонько фыркнул, как он обычно делает, когда смеётся. Ему явно было весело, правда, мне кажется, он тоже был слегка смущён. Наверно, потому что рядом был Папа, а он очень, очень любил Папу. Папа спас его от монстра, когда он был щенком, и потом Мыш вырос и помогал Папе сражаться с монстрами, а потом Папа сделал его моим стражем.

У Мыша отлично получалось. Большинство страшил меня не беспокоило — а старый гадкий подкроватный монстр, который решил переехать жить под мою постель, надолго запомнил, что не стоит связываться с Мэгги и Мышем Дрезденами.

Папа говорил о горилле, которую когда-то спас, и наклонился надо мной, чтобы приласкать Мыша, когда мы едва не вошли прямо в стаю вселёнышей.

Они вселились в толпу детей, и это было видно по их глазам — полностью чёрным, без капли цвета, без единого проблеска, без ничего. Только эти полые, пустые дыры, в которых ничто хотело засосать тебя внутрь и потом смотреть, как ты бессильно кружишься там и кричишь. Дети шли

так, будто они все были хорошо воспитанными учениками из какого-то пансионата — но я видела, как их глаза резко остановились на мне, примерно дюжина из них. Они таращились на меня, и в их распоряжении была ужасная сила. Я вдруг вспомнила последний свой кошмар, не только образ в деталях, но ещё и те чувства, которые я тогда испытала, и мои ноги стали подгибаться подо мной.

Папа и Мыш смотрели друг на друга и не видели, как вселёныши глядели на меня добрую секунду, пока шли мимо. Я чувствовала каждый взгляд и знала, что они значили.

Вселёныши выбрали меня своей жертвой.

О, чудесно. Только этого мне и не хватало.

Я сложила руки на животе и стала медленно, глубоко дышать, чтобы шарики у меня, возможно, не так сильно заехали за ролики. Папа не мог увидеть вселёнышей. Почти не мог на них подействовать. Но они могли ему навредить, а он не понял бы даже, что случилось.

Я, в общем, была уверена, что, наверно, идти в зоопарк с толпой голодных страшил-наваждений было так себе затеей. Вселёныши могли быть опасны, если не знать, как с ними справиться — что само по себе уже не значило ничего хо-

рошего.

Я бросила на него быстрый взгляд. Он смотрел на меня с тем же участием, с каким смотрят взрослые, прежде чем отнести меня в тёмную, тихую комнату. Мне нужно было только слово сказать, и он бы так и поступил. Там было бы безопасно и тихо.

И на этом закончился бы наш первый настоящий день вдвоём.

Дурацкие вселёныши. Дурацкие страшилы-вселёныши.

Я не собиралась взять и позволить их дурацким рожам испортить день моему папе.

Я сама с ними разберусь.

Но сначала я пойду посмотрю на мегаклёвых зверушек. Вернее, Мыш жульничал, как всегда. Он собака Фу, и у него есть куча странных сил. Большинство из них говорит монстрам отвалить, и они отваливают, но ещё с ним всё всегда проще. Когда ты с Мышем в ресторане и хочешь есть, там всегда будет место, а у тебя — хороший официант. В рекламе по телевизору крутят трейлеры хороших фильмов. У мультиков попадаются смешные эпизоды. Идёшь играть в аркады — рядом очень вежливые люди. В школе это не работает, потому что там Мыш не жульничает, но за её пределами

он делает всё лучше, чем могло бы быть.

Никто этого не замечал, и пусть. Только Мыш видел, когда мне нужны были его большие пушистые обнимашки.

Мыш использовал свою силу, чтобы зоопарк стал ещё круче. Все звери были мегаклёвыми. Выдры бегали и игрались, а обезьяны качались и кричали, даже лев рычал для нас, когда мы шли мимо.

Если бы не вселёныши, всё было бы идеально.

Они преследовали меня. То есть не наступали мне на пятки, ничего такого, но они разделились на пары, и кто-то из них всегда был в тридцати-сорока ярдах от нас, следил за мной и таращился.

Постоянно, постоянно таращился.

Этим и занимались вселёныши. Они тебя преследовали, иногда многими днями, таращились, и их глаза заставляли тебя вспоминать нехорошие вещи. Если это продлится слишком долго, ты рухнешь под той тяжестью, что на тебя навалилась — а когда встанешь, у тебя будут большие чёрные глаза, и вселёныш будет говорить тебе, что делать.

Я хотела рассказать о них папе, но… может, он хороший и волшебник, но ещё он взрослый. Если будешь рассказывать взрослым о вещах, которые

они не могут видеть, то, скажем так, ловить светлячков в сумерках тебе уже вряд ли разрешат.

И ещё.

Вдруг он думал, что я та самая? Травмированная. Вдруг ему не нужна была дочка со всякой ерундой в голове?

Так что я молча шла рядом с Мышем. Вселёныши не смели приближаться, если он был рядом. Мыш в общем-то замечал страшил, если они были недалеко и не настолько осторожны, чтобы их было ни услышать, ни увидеть. Да, он взрослый, но он собака, поэтому в целом он как ребёнок. Пока что они держались на расстоянии, чтобы он их не увидел; так далеко от нас их Взгляд-Бояться-Велят мог только слегка рассердить — и потрясный зоопарк в каком-то роде сводил этот эффект на нет.

Может, сегодня всё будет нормально.

А потом голова моего папы поднялась, словно Мыш, когда он чует жидкость для розжига в доме Карпентеров, и его глаза забегали по сторонам, будто он был большим голодным медведем и искал, что бы ему растерзать.

— Эм. Папа? — спросила я.

Он посмотрел на меня и уже не был похож на папу. Он будто бы был героем-мстителем из филь-

ма — весь в напряжении, настороже и может быть даже немного злой.

Ой.

Ой-ой-ой. Где-то должен быть монстр или что-то ещё, раз он так переменился. Я никого не видела, но на всякий случай встала между Мышем и папой, прежде чем спросила:

— Что-то нехорошее случилось?

Он отвернулся, и маленькие мускулы у него над челюстью несколько раз подпрыгнули. Возможно, я его разозлила. Вряд ли. Вроде бы я ничего такого не сделала.

Но я не всегда замечала это за собой.

— Может быть, — наконец ответил он. Он посмотрел на меня, и на минутку его лицо стало чуть нежнее. — Может и нет. Не знаю. Нужно пойти узнать, что случилось. А сначала нужно отвести тебя в безопасность.

Иногда в безопасных местах было хорошо и безопасно, а иногда это была комната с дверью на замке. Он думал, у меня сейчас будет приступ, или что? Или это просто осторожность.

Взрослые всегда осторожны.

Но откуда мне было знать, какая из догадок верная?

— Это важно, да? — спросила я.

Папа не смог бы понять, что я хотела у него узнать.

— Может быть, — сказал он. Он кивнул в сторону кафе, которое было в зоопарке. — Давай займём столик и закажем что-нибудь перекусить? Вы с Мышем посидите там, а я схожу, всё проверю и вернусь, не успеет ещё еда приготовиться.

Мне нужны были большие пушистые объятия, и Мыш был рядом. Я обняла его и задумалась. Если он хотел остаться, а не увести меня куда-нибудь, тогда он, наверно, не собирался ничего со мной делать. Так что, наверно. Может быть, всё хорошо.

Но я останусь сама по себе, со страшилами на каждом шагу.

Ну что же. Это мои проблемы. И со мной был Мыш. С Мышем всегда проще.

Я подняла глаза на папу и кивнула:

— Да. Я не против.

— А ты как, Мыш? — спросил он. — Сможешь хорошо себя вести рядом с едой?

Мыш смотрел на парк, будто пытался увидеть что-то скрытое от его взора. Я была уверена, что он знает о страшилах рядом, но он их не трогал, если они не трогали меня. Он наполовину скулил

и наполовину грохотал где-то в своей груди.

— Что, мальчик, беда? — спросил мой папа.

Видите, мой папа далеко не дурак. Взрослые в большинстве своём будут объяснять вам, насколько собаки ограничены и какие они несмышлёные. Мыш ходит со мной в школу с самого моего детства и читает лучше меня. Если он думает, что может быть беда, только глупый не придаст этому значения, а мой папа не глупый.

Мыш таращился так несколько секунд, потом медленно выдохнул и взглянул на папу. Его уши встали торчком, он вилял хвостом.

Папа решил, что это значило «всё в порядке»:

— Ладно, — сказал он и погрозил Мышу пальцем. — Будь молодцом.

— Гав, — ответил Мыш.

— Он всегда молодец, — сказала я и поцеловала его в ухо. — Нам придётся прижучить этих вселённышей, пока не будет папы, Мыш, — прошептала я. — Очень аккуратно, ладно? Папе есть о чём волноваться.

Мыш издал звук, который я почувствовала где-то у него в шее, но не могла услышать. Я обняла его чуть сильнее и отпустила.

— Хорошо, — сказал папа.

Он занял нам в кафе места, чудесным образом

ещё пустые — молодчина, Мыш. Он купил мне картошку фри и дал купюру в двадцать долларов.

— Это на еду, если захочешь ещё.

— Хорошо, — сказала я.

Я уже проголодалась, и картошка вкусно пахла.

— Не уходи, пока я не вернусь. Ладно?

Я кивнула, и он вышел. Зря на нём не было его плаща. Он развевался бы у него за спиной, как у Бэтмена. От джинс и старой футболки со «Звёздным крейсером „Галактика“» впечатление было совсем не то.

Я съела где-то три ломтика, когда стул напротив меня заскрипел по полу и на него уселся вселёныш.

Он выглядел как девочка, примерно на год старше и намного больше меня. У неё были светлые волосы, миленькая форма и глаза, похожие на открытый космос.

— Ты никому не нравишься, — сказал вселёныш. — Ребят в школе заставляют сидеть с тобой за партой.

Мыш зарычал, и солонка на столе задрожала.

Я пыталась не обращать на него внимания. Они все так делали. Таращилась на тебя и читали все

твои самые гадкие воспоминания, как комиксы. Потом говорили о них тебе.

— Ты никому не нравишься, — повторил вселёныш. — Ты странная. Ты другая.

Я чувствовала, как уже собирался с силами Мыш, но не могла позволить ему драться. В глазах людей вокруг нас это было бы нападение огромного пса на маленькую девочку, которая ничем его не провоцировала. Очень неприятный поворот событий. Так что я положила ногу ему на голову и надавила на неё так сильно, как только могла. Она почти не шелохнулась, но я почувствовала, как он чуть-чуть расслабился. Мыш хороший пёс.

— Ты сходишь с ума, — сказал вселёныш. — Никто не хочет с тобой дружить. Никто не хочет с тобой играть. Даже звать тебя по имени.

Я сильнее посолила картошку. Даже слишком сильно. Часть соли попала мне на другую руку.

— Лучше тебе остаться одной. Тогда никому не придётся тебя терпеть, — сказал вселёныш.

Я посмотрела в его пустые глаза и сказала:

— Я знаю, что ты такое. Даю тебе последний шанс уйти и мучить кого-нибудь другого. Или пожалеешь.

— Тебе не кажется, что лучше тебе будет уйти?

Туда, где безопасно? — спокойным голосом спросил вселёныш. — Туда, где ты не сможешь себе навредить, когда станешь…

Я перебила его, швырнув соль в его чёрные, пустые глаза.

Страшилы в основном не любят соль. Не спрашивайте, почему. Потому что.

Вселёныш дёрнулся назад с такой силой, что упал со стула. Он не издал ни звука, но тело, которое он занял, дрожало и дёргалось судорожно, напрягшись всеми мускулами. Мне было немного стыдно. Девочка была не виновата, что ей завладели вселёныши. Она, наверно, даже не понимала, почему делает и говорит такие вещи.

— Вымой глаза, — посоветовала я вселёнышу. — Где-нибудь ещё.

Страшила встал, слёзы текли по его лишённому эмоций лицу. Секунду он таращился на меня, — всё красное вокруг чёрных глаз — а потом побежал в женский туалет.

Мыш снова зарычал, встал и принялся безустанно вертеться около моего стула.

— Эй, — сказала я. — Место. Всё хорошо. Они есть в Книге. Я знаю, как с ними быть.

Мыш издал сердитый звук. Он тоже читал Книгу. Её начала Молли, а потом выросла и всё

забыла, её младшие братья и сёстры тоже там писали. Гарри Карпентер, можно сказать, мой старший брат, отдал её мне, когда в доме появился подкроватный монстр.

Мыш не хуже меня знал, что мне нужно делать. Ему это просто не нравилось.

— Может, они от меня теперь отвяжутся, — сказала я. — Пошли. Мне нужна горчица.

Я набрала горчицы: с ней картошка лучше всего. Мы начали есть, и Мыш немного успокоился. В вопросах волнений он был весьма практичен — он не волнуется, если рядом хорошая еда и любимые люди.

Мой папа вернулся через несколько минут как будто… постаревший. Он уже не казался злым, просто очень, очень усталым. Он попробовал улыбнуться мне, но на улыбку это было не похоже.

— Что там было? — спросила я у него.

За спиной у папы открылась дверь туалета. Одержимая девочка вышла оттуда с каплями воды, стекающими по не вытертому лицу. Она посмотрела на меня косо, и сила этого взгляда заставила меня вспомнить запах, нечто из самых мрачных моих снов. Что-то гнилое и металлическое, и я вдруг почувствовала, как мой живот

словно бы принялся делать сальто, пусть я не двигалась с места.

Потом вселёныш вышел на улицу и просто остановился, не глядя на меня.

Остальные стали подплывать к ней по одному и парами, пока все вместе не встали молча в круг, глядя друг на друга. Никто ничего не сказал. Возможно, вселёныши просто думают друг с другом или вроде того.

Я перестала обращать внимание и посмотрела на задумчивого папу.

— Колдун, — сказал он тихо секунду спустя. — Молодой волшебник, который не контролирует свои силы. Опасный.

Тётя Молли рассказывала мне про колдунов. Просто кошмар.

— Вы дрались, оно и ты?

— Он, — ответил папа. — Нет.

— Почему?

— Потому что обычно они никому не хотят зла, — сказал он.

Он не говорил со мной как с ребёнком, как некоторые взрослые. С детьми они говорят по-другому. Мой папа говорил так, как он говорит со всеми.

— Они не понимают, что с ними происходит.

Никто не объяснил им, что будет, если нарушить правила.

— Это несправедливо, — сказала я.

— Нет, — ответил он и сказал грустно: — Но это не значит, что они не опасны.

— А ты знаешь, как помочь?

— Иногда, — очень тихо сказал он. — Не уверен.

Я задумчиво поделилась картошкой с Мышем. Мой папа всегда помогал колдунам. Тётя Молли была колдуном, а папа ей помог. И я поняла, что он и теперь бросился бы на помощь, но…

— Но с тобой я, — сказала я.

— Да, — ответил он. — И ты для меня важнее.

Эти слова отозвались теплом где-то внутри меня.

— Силы просто к ним приходят?

Он кивнул:

— Да, с самого рождения.

Как к папе и к тёте Молли. И возможно, однажды и ко мне. По крайней мере, так сказала мне тётя Молли.

— Я получу эти силы?

— Может быть, — сказал он. — Нельзя узнать точно.

Он говорил честно, как учитель о Джордже

Вашингтоне. Я попробовала представить, как он ведёт урок, разве что в костюме учителя. Представить было совсем не трудно.

— Странно, — сказала я. Я отдала ломтик картошки Мышу, тот его слопал, а я взяла следующий. — Если они появятся, ты будешь меня учить? Чтобы никто не пострадал?

— Если захочешь, — сказал он.

Он не сказал, что хочет меня учить. Но он, видимо, имел в виду, что не станет, если я не захочу. Как такое вообще может быть. Правда, на самом деле это возможно. Эта мысль заставила мой живот сделать ещё пару оборотов.

— Если… с тобой что-то случится, кто меня научит?

— Со мной ничего не случится, — сказал он.

— Может и случится, — тихо ответила я ему.

Потому что могло случиться. У него была опасная работа.

— И возможно, никого не окажется рядом. Может, я стану колдуном.

Он посмотрел на меня и сделал глубокий вдох. Наверно, он думал, что мне сказать: правду или детскую версию правды.

— Может быть, — наконец сказал он.

— На его месте могла быть я.

Краем глаза я наблюдала, как переглянулись вселёныши и все как один повернулись, уставившись на меня. Бе. Это было мерзко.

Этому парню-колдуну нужна была помощь. А мне нужно было разобраться с вселёнышами, пока они снова не принялись мучить меня или кого-нибудь ещё, например, папу. Так будет правильно. Пусть и очень страшно.

Так бы поступил мой папа. Наверно. Мы же с ним только встретились.

— Я могу поесть ещё картошки фри, — сказала я ему. — Мыш составит мне компанию.

Он моргнул, словно удивился.

— Ты уверена? — спросил он. — Этот день… он может закончиться быстро.

— Если кому-то нужна помощь, ты им помогаешь, — сказала я. — Даже если будет трудно. Так тётя Молли говорила мне о тебе.

Ведь что если тётя Молли сказала мне детскую версию правды о моём папе? Вдруг он был не таким хорошим человеком, как она мне говорила? Вдруг ему не нужна была дочь с проблемами? С которой тяжело?

Но он посмотрел на меня, а потом улыбнулся, и мне вдруг стало тепло, будто у меня была вся горячая картошка фри в мире.

— Да, — сказал он, подмигивая мне и весело постукивая костяшками пальцев по столу. — Да. Это правда.

Папа ушёл, и я сказала Мышу:

— Ты же знаешь, я должна. Тебе нельзя переходить черту.

Он издал тихий грустный звук и поцеловал меня в лицо своим большим липким языком.

— Фу, — сказала я и зарылась лицом в его мех. — Я тоже тебя люблю, Мыш.

Он загрохотал где-то у себя в груди и вздохнул. Его тело было напряжено, он переминался с ноги на ногу, будто хотел куда-то побежать и что-то сделать. Он хотел помочь, но не мог.

Я встала из-за стола и вышла из кафе, направив свой шаг прямо к застывшим в ожидании вселёнышам. Я сразу же обратилась к девочке:

— Эй ты, Рожа Внеземная.

Вселёныши все как один смотрели на меня своими пустыми глазами, и на секунду повсюду мне стали мерещиться скорченные тени, люди в агонии. Я не обратила на эти образы внимания, иначе мне было бы очень страшно. Я посмотрела в лицо каждому вселёнышу и сказала:

— Как же вы меня бесите. Пошли уже разберёмся.

И я развернулась и пошла, Мыш шёл рядышком.

Мгновение длилась удивлённая пауза, а потом вселёныши последовали за мной.

О вселёнышах Книга говорит предельно ясно. Они питаются страхом. Поэтому они вынимают на поверхность все твои забытые страхи. Для них это как горчица. Они заставляют тебя мариноваться в собственном страхе, а потом, когда ты будешь пропитан им до самых косточек, они вселяются в тебя и начинают питаться тобой, как мерзкие насекомые. И что с детьми, в которых забрались эти вселёныши? Вторженцы съедают их изнутри, откусывая по кусочку от их разума, заставляют их бояться постоянно. Когда внутри ничего уже не останется, они отправятся на поиски новой жертвы. Ребёнок очнётся, словно бы после кошмара, но в Книге сказано, что дети, которыми завладели вселёныши, уже никогда не вернутся в норму.

Дюжина детей с чёрными глазами шла за мной по пятам. Интересно, как это — когда в тебя разом вгрызается целая дюжина вселёнышей?

Наверно, очень страшно. Как кошмар, от которого не выходит очнуться.

В любом случае, в Книге сказано, что есть все-

го один способ справиться со страхом и лишь один способ победить созданий, которые им питаются.

Встретить их лицом к лицу.

Ты идёшь, один, в самое тёмное и страшное место поблизости. Обязательно нужно быть одному, ты и только ты даёшь бой собственному страху. Должно быть жутко, потому что тебе придётся сразиться со страхом на его территории.

Иначе вселёныши просто… преследуют тебя. Без конца. Они будут грызть тебя, пока ты не грохнешься на землю, тихонько лопоча что-нибудь себе под нос.

Мыш шёл рядом со мной, глядя на вселёнышей позади, грива у него на шее и на плечах встала дыбом. Он не рычал, и в его позе было что-то мрачное и серьёзное.

Страшное место можно найти всегда; они повсюду — просто взрослые их не замечают. Одно из них я отыскала прямо в зоопарке, и мне пришлось пройти всего-то через две двери с надписью «Служебное помещение». По чистой случайности обе были не заперты.

Молодец, Мыш.

Так что уже через несколько минут я спустилась по простой служебной лестнице в подвал

большого вольера с кошками и открыла дверь на старую, старую, старую каменную лестницу, скользкую от воды, которая стекала в неосвещённые нижние подвальные помещения здания.

Перед самой лестницей я повернулась к Мышу и сказала:

— Не бойся. Всё под контролем.

Я была не совсем честна. Возможно, не всё было под контролем. Может быть, Книга ошибалась. Может, у меня начнётся приступ. Может, вселёныши просто меня побьют. Им хватит для этого рук.

Мыш, похоже, почувствовал мою неуверенность. Выражение его морды изменилось, и он повернулся кругом навстречу вселёнышам, которые меня преследовали, обнажая зубы и так загрохотав, как могут только очень старые машины и, возможно, трактора.

Вселёныши замерли, как вкопанные. Их лидер, девочка с лицом в полосочку от слёз, взглянула на него и усмехнулась.

— Страж, — сказала она. — Ты знаешь Закон. Это наше право.

Рычание Мыша стало ниже, медленно он подошёл к вселёнышу вплотную, почти заглянув ему в лицо. Его мех зашевелился, как это бывает,

когда он светится, серебряно-голубые вспышки мерцают на самых кончиках волосков.

Если вселёныш и был хоть каплю впечатлён, он этого не показал.

— Я знаю Закон. Должен знать и ты, — он указал пальцем мимо Мыша, на меня. — Это моя добыча. С дороги.

Мышу нельзя было вмешиваться. Иначе мне было не избавиться от этих пустых глаз.

— Мальчик, всё хорошо, — сказала я. — Всё под контролем.

Мыш посмотрел на меня, умолкая. Потом низко склонил передо мною голову. Он рысцой пробежал мимо вселёнышей — толкнув парочку своими широкими плечами, так, что они зашатались — ко входу в этот подвал и присел, готовый ждать.

Все взгляды обратились ко мне.

Я сделала глубокий вдох и вынула из кармана свой телефон. Он был выключен, потому что я гуляла с папой, а волшебники ломают телефоны, просто не так на них посмотрев, если в них течёт ток. Когда они выключены, всё вроде бы в порядке. Я его включила, дождалась, чтобы дурацкий экран с яблочком исчез, и зажгла фонарик.

Потом я спустилась по лестнице в черноту, и

вселёныши последовали за мной.

Я оказалась в комнате в конце лестницы. Это было большое открытое помещение с кучей старых пыльных машин. Здесь пахло плесенью. Пахло ужасно. Повсюду угрожающе легли тени. Свет моего фонарика замерцал в маленьких глазках у самой земли, за пределами светлого круга. Наверно, это были крысы.

Свет немного дрожал. Я боялась.

Это был дурной знак. Если я боялась, а они ещё даже не начали, может, я сломаюсь. Может, я просто рухну на пол и расплачусь. Может, они завладеют мной. Может, я просто вернусь в зоопарк с чёрными глазами, а папа этого даже не увидит. Я просто начну слетать с катушек, и все подумают, что со мной то самое. Что мне стало хуже. И им придётся держать меня в безопасном месте.

Я вздрогнула.

Потом я развернулась и лицом к лицу встретила лидера вселёнышей.

Лицо-В-Полосочку стояла примерно в шести дюймах позади. На моих глазах её рот исказился, показывая зубы, и на улыбку это походило не больше, чем зубы тиранозавра Сью из музея.[96] Её

---

[96] Примечания: 96
Скелет динозавра в музее Чикаго.

глаза зияли чернотой, будто отверстия в черепе.

Остальные вселёныши обошли нас и заключили в круг, они стояли на расстоянии вытянутой руки от меня. Их глаза стали темнее, сделались громадными, а потом…

А потом…

…я стояла на кухне дома, который я узнала, но не могла вспомнить.

Работал телевизор. Там шла Улица Сезам, но на испанском — меня научили на нём говорить. Я знала его до сих пор, но мой мозг не сразу его понимал; это как переключать передачи на велосипеде. Элмо говорил про буквы.

Я подняла глаза наверх и увидела очень добрую женщину с тёмными волосами, чьё имя никак не могла вспомнить. Когда я с ней жила, я была очень маленькой. Она напевала что-то себе под нос и готовила печенье или что-то похожее, и она отвлеклась, чтобы улыбнуться мне и сказать, что я хорошая девочка.

Вошёл её муж, он что-то говорил тревожным голосом. Она уронила ложку, торопливо отодвинула миску, в которой что-то мешала, и взяла меня на руки.

В этот момент вошли вампиры. Не совсем человеческие силуэты в чёрных накидках, плащах и

тряпье. Они вопили нечеловеческими голосами, пока в прыжке рассекали воздух, и я слышала выстрел за мгновение до того, как муж доброй женщины закричал, и воздух наполнился запахом металла, а добрая женщина закричала и прижала меня к себе.

— Я знаю, — громко и решительно сказала я. — За мной пришла Красная Коллегия. Они убили мою приёмную семью. Это было ужасно.

Кухня внезапно исчезла, и я стояла, наполовину согнувшись, упираясь руками в колени и тяжело дыша. Свет моего телефона показал мне армию лаковых туфель.

Я подняла наверх гневный взгляд и сказала:

— В тот день со мной ничего не случилось. Пострадали другие. Поищите что-нибудь получше.

Лицо-В-Полоску долгую секунду смотрела на меня, а потом сказала:

— Эту семью ты тоже потеряешь. Ты всегда их теряешь.

Мне стало труднее дышать. Мои мысли побежали так быстро, что я никак не могла удержать их в узде.

Нет.

Нет, нет. У меня начался приступ.

Лицо-В-Полосочку приблизилась ко мне, с

какой-то жадностью подавшись вперёд своим телом:

— Твой отец хочет как лучше. Но он умрёт. Ты видела его шрамы. Однажды ему не повезёт или он совершит ошибку и умрёт. Ты останешься одна.

Мне стало тесно в груди. Я не могла дышать. Я слышала, как изо рта у меня вырывались эти дурацкие звуки, как у маленьких деток, и всё в моих глазах расплылось от слёз. Казалось, кто-то стучит по моему сердцу молотком, бом, бом, бом.

— Карпентеры могли погибнуть точно так же, как твоя первая семья. Ужасно. Заливаясь криком. Из-за тебя.

— Хватит, — пыталась сказать я; я слышала только звуки, похожие на: — Гык, гык, гык.

Вселёныш прильнул ко мне. Я почувствовала, как другие дети кладут свои руки мне на плечи; их пальцы не сгибались, были просто неправильными.

— Твоя мать погибла из-за тебя, — сказал вселёныш, не меняя тона. — Твой отец умрёт из-за тебя.

Я упала на колени. Лицо-В-Полосочку опустилась следом.

— Ты маленькое самовлюблённое чудовище, —

сказала она. — Все те хорошие люди погибли из-за тебя. Просто похорони себя в какой-нибудь дыре. Так для них будет лучше.

В темноте и в холоде, когда ты устал, боишься и не можешь ни говорить, ни дышать и окружён страшилами, такие слова кажутся правдой. А если это была правда, то спорить не оставалось ни одной причины. Просто лечь и позволить монстрам завладеть тобой. В какую-то секунду мне хотелось так и поступить. Я хотела просто лечь и не двигаться. Слова были похожи на правду.

Правда были. Они звучали, словно это правда. Я чувствовала, что это правда.

Но чувства ничего ещё не значили.

Честно говоря, у чувств и у правды общего немного.

Монстры убили мою приёмную семью. Это правда.

Моя мать погибла, когда спасала меня. Это правда.

Но все те люди погибли, потому что монстры пришли и убили их. И только поэтому.

Монстры намного хуже, чем те, что сейчас окружили меня. Взрослые монстры. Монстры, которых я пережила.

Я заставила себя дышать, когда остальные на-

чали говорить. Они все говорили мне ужасные вещи.

И тогда меня осенило: Книга была права.

Дюжина этих существ, и они посмели выбрать самого маленького ребёнка с самым страшным прошлым, которого только нашли. Они и не пытались трясти моего папу или даже какого-нибудь взрослого неженку. Они не пытались съесть Мыша. Они пришли за самым маленьким, самым уязвимым человеком поблизости.

Потому что им было страшно.

И если они боялись, это, возможно, значило, что они сами не могли никого пугать.

— Знаете, как мне кажется? — вдруг спросила я очень чётко.

Вселёныши умолкли, ошеломлённые, когда я посмотрела на Лицо-В-Полосочку. Её чёрные глаза уставились в мои, её рот остался открыт на середине предложения.

Я прищурилась, глядя на неё:

— Мне кажется, сейчас страшной могу быть я.

И потом я выключила телефон, чтобы мы остались в полной темноте — и я запрокинула голову и засмеялась над ними.

Я никогда так не смеялась. Не то чтобы я заливалась хохотом, но в этом звуке была какая-то

яростная, львиная, лучистая радость. В нём не было злости, но я дала им понять, что меня не тронули их чёрные глаза и плохие сны. Мой голос не гремел, но смех, отражаясь от чёрных каменных стен, звенел так же ясно и чётко, как колокол.

И вселёныши закричали.

Их крики были не совсем страдальческими. У каждого была своя нота, один совершенно чистый не сбивающийся тон. Ни одна из нот не совпала с остальными — это была одна ужасная каша из звуков, будто свист паровоза в мультиках, но без радостных, мелодичных ноток в нём. Эта какофония напоминала звуки телевизора, когда Молли или Гарри входили в комнату — похожий на вопли, монотонный шум.

А потом все они разом умолкли — и осталось только моё хихиканье.

— Хи-хи-хи, — услышала я свой голос. — Ха-а-а-а. Глупые страшилы.

Я снова включила фонарик. Дети лежали на полу в изумлении. Они были моими ровесниками — более или менее — и один за другим стали садиться. Их глаза уже не были чёрными. Это были просто глаза.

Вселёныши пропали.

Остались только мы, дети.

— Что случилось? — спросил мальчик.

— Ай, — сказала Лицо-В-Полосочку и стала шмыгать носом, — мои глаза.

— Э… — сказала я; я продолжала светить фонариком им в глаза, чтобы они не могли рассмотреть моё лицо, и решила, что проще, наверное, будет сказать детскую версию правды. — Утечка газа.[97] Пошли. Надо выбираться. Тут очень опасно.

Пришлось ещё немного повешать им лапшу на уши, но в итоге я смогла вывести детей наружу. Они все были в замешательстве. Мыш ждал на том самом месте, где он остался, и теперь очень осторожно шёл рядом со мной, медленно и сосредоточенно, чтобы не сбить с ног растерянных детей.

Один мальчик сообразил сразу же пойти к охране и попросить о помощи, а мы с Мышем отправились другой дорогой. Я поняла, что улыбаюсь. Возможно, я шла слегка вприпрыжку.

Побеждать монстров даже немного весело. То есть ужасно в процессе, но когда всё кончается, то лучше, чем в играх.

Может, это ненормальное чувство. Наверно,

---

[97] Примечания: 97
Отсылка к «Людям в чёрном».

оно у меня от папы.

Мы с Мышем вернулись в кафе, и я купила победную картошку. Мыш в порыве грохнулся на брюхо под стол, радуясь, что я в порядке; и ладно. Я чуть-чуть съехала со стула вниз, чтобы посмотреть, ест ли он свою картошку.

Папа вернулся где-то через пять минут с парнем старше меня на несколько лет. Он улыбнулся мне, а я ему.

— Привет, тыковка, — сказал папа. — Это Остин. Он тоже не видел местных горилл. Давай наберём еды и вместе к ним заглянем?

— Хорошо, Папа, — сказала я.

Он моргнул, а потом расплылся в такой широкой улыбке, что я думала, у него лицо треснет.

— Гав, — сказал Мыш, виляя хвостом.

* * *

Меня зовут Мыш, и я Хороший Пёс. Все так говорят.

В моей жизни много прекрасных людей, но важнее всего для меня Мой Друг Гарри Дрезден и его дочка Мэгги. Я люблю их, люблю быть с ними рядом и люблю ходить в зоопарк.

Я там никогда не был, но по рассказам Моего Друга уже был уверен: мне там понравится.

Мой Друг и Мэгги пахли очень нервно, хоть и старались этого не показывать. Мой Друг боялся, что не сможет стать хорошим отцом для маленькой девочки, и это было глупо — но если бы он не боялся, это был бы совсем другой человек. Она тоже расстраивалась, но по другому поводу. Она боялась, что у неё будет Паническая атака, что мне придётся ей помочь и что её отец решит, что она слабая, с проблемами, и не захочет быть ей отцом. Это тоже были глупости, но в жизни ей приходилось нелегко.

Оба они были хорошими людьми и их обоих часто неправильно понимали их братья люди.

Вы, люди, можете стать самыми прекрасными созданиями на свете — если сумеете продраться сквозь всю ту невозможную глупость, которую, кажется, носите в своих сердцах. В том нет вашей вины. Вы просто ещё не знаете, как ваши сердца устроены.

Поэтому и нужны собаки.

Хорошо, когда знаешь, зачем ты нужен.

В машине Моего Друга мы ехали в зоопарк в парке. Раньше меня сбивали с толку прогулки по парку, но потом я понял, что люди устроили много парков в своих городах, не один. Я люблю парки. Вот ещё одна причина из многих, почему

люди хорошие.

Я осторожно шёл рядом с Мэгги, а она держалась за мою гриву или за ручку на моей жилетке для собак поддержки.[98] Мэгги говорит, жилетка красная. Не знаю, что это значит,[99] но это её любимый цвет, и я счастлив, если это так. Я не забывал махать хвостом и улыбаться. Люди маленькие, и их легко напугать, так что очень важно дать им знать о своих дружелюбных намерениях.

Как минимум до той поры, когда дружить уже нельзя.

Мой Друг и Мэгги шли вдвоём и разговаривали. Они говорили много разных слов, но на самом деле раз за разом они повторяли: «Надеюсь, я тебе нравлюсь». Глупо с их стороны было думать, что они могут не любить друг друга — но бывают вещи, которые люди долго не могут понять из-за своих неразумных сердец.

И вы тоже. Ничего. Просто заведите собаку. Собаки многому могут вас научить, когда речь идёт о вашем сердце.

Я почувствовал, как вдруг насторожилась Мэг-

---

[98] Примечания: 98
Собаки, которые поддерживают эмоционально уязвимых людей.

[99] Примечания: 99
Собаки не различают цвета.

ги, и остановился, чтобы взглянуть на неё, ещё не поставив лапу на землю. Лицо у неё было напряжённым и серьёзным, и я понял, что рядом было одно из существ, которых она называла страшилами. Страшилы — дело серьёзное, угроза детям; взрослые люди их, судя по всему, совершенно не замечают. Даже мне трудно было разглядеть их, когда они были рядом. Мне нужно было подобраться к ним на расстояние прыжка, чтобы их заметить, и даже тогда я мог лишь увидеть тени и учуять холод и голод.

На этой территории не я должен был с ними драться. Я был уверен в этом от носа до кончика моего хвоста, так же твёрдо, как знал, например, данные мне силы. Моим долгом было охранять и защищать дом, а эти создания нужны были, чтобы на них упражнялась молодёжь. Люди забывали о них, взрослея, но уроки, усвоенные в столкновениях с этими хищниками, оставались на всю жизнь. Мне не следовало вмешиваться в обучение Мэгги.

Если они, конечно, не заберутся в дом. Это было бы просто неразумно.

Два ругавшихся друг с другом человека пахли застарелым табаком и плесенью, и моим ушам стало немного больно от их голосов. Они обсуж-

дали роль США в борьбе с нищетой, необразованностью и терроризмом в странах Центральной Африки и были заметно раздосадованы этим разговором. На них, судя по всему, завелись беглеры. Навредить они могли разве что приятной беседе.

Но совсем другое дело были двенадцать школьников, которые пахли как больные хорьки, с чёрными тенями в глубине своих глаз. Они были одержимы другими страшилами, — вселёнышами, судя по запаху — и могли серьёзно навредить Мэгги. Не физически — физически они были кучкой всё тех же детей, и если бы страшилы решили напасть в физическом плане, тот же закон, который ограничивал мои силы, позволил бы мне вмешаться. Действительная опасность, которую они представляли, была незримой и серьёзной.

Мэгги ничего мне о них не сказала. Наверно, она не хотела обращать внимание на их присутствие в такой важный день. Это было разумное поведение. Но скрытные хищники-воришки вселёныши редко вели себя разумно. Они пометили её и начали за ней следить.

Ничего хорошего ждать от них не приходилось.

Но… что-то было не так. Я хвостом чуял.

Я направил свои чувства, пытаясь обнаружить

угрозу, о которой мне говорили лишь мои инстинкты, но ничего не унюхал. Человеческий шум заглушал чуть слышные звуки, как это бывает в городе. Много людей гуляло по парку, и я не мог отслеживать передвижения.

Но столько страшил не должно было разгуливать при свете солнца. Я тратил запас энергии на двое суток, чтобы день Моего Друга и его маленькой дочки прошёл как можно лучше. Это их первый день вместе, важный день, и я изо всех сил старался отвести от них злобную энергию.

Может, это было обыкновенное невезение, и всё могло бы быть намного хуже.

А может, некая сила вступила со мной в конфронтацию.

Мой друг наклонился, чтобы потрепать мой загривок и сказать мне, как он меня любит, и это движение заставило моё сердце забиться от счастья.

Ну что же. Если кто-то думает мешать счастью Моего Друга и Мэгги, будет иметь дело со мной.

Обычно от этих мыслей я начинал вилять хвостом.

Но сегодня холодок медленно спустился вниз по моей спине.

— Эй, — сказал я выдрам (мы смотрели выдр). —

Ребята, привет!

— Привет, — пробулькала выдра.

— Привет-привет, — сказала другая.

— Я устала, — сказала ещё одна, зевая.

Люди вокруг, разумеется, беседы не заметили. Люди думают, что разговаривать можно только ртом.

Я помахал выдрам хвостом, чтобы они знали, что я настроен мирно:

— Я Мыш, и это лучшая маленькая девочка на свете. Можете, пожалуйста, устроить для неё представление? Она никогда не видела выдр.

— Представление? — спросила первая выдра. — Что это?

— Поиграйте! — сказал я.

— Играть! — крикнула первая выдра и прыгнула на голову третьей.

— А-а-а-й! — крикнула третья выдра.

Первая спрыгнула, и остальные последовали за ней в воду, снова вынырнули, сделали круг и ещё один круг вокруг дерева, а потом нырнули обратно.

— Смотри, смотри! — сказала Мэгги, дёргая Моего Друга за плащ. — Ой, смотри!

Выдры забежали за камни, но прежде чем Мэгги успела попросить, Мой Друг подхватил её на

руки и поднял высоко, так, чтобы она могла всё рассмотреть. Мэгги от восторга залилась звонким смехом, и в воздухе вокруг них разливалась любовная и светлая теплота.

Я так сильно вилял хвостом, что едва стоял.

Я поговорил с малайским медведем, немного сердитым, но он был не против разодрать на части бревно, чтобы показать Мэгги, как сильны малайские медведи. Львицы лишь закатили глаза на мою просьбу изобразить охоту, но лев с удовольствием зарычал. Обезьяны принялись играть с той же готовностью, что и выдры, а павлинов мне даже просить не пришлось, чтобы они показали свои прелестные перья.

В общем, мне кажется, я постарался на славу.

Молодец, Мыш.

И потом магия, тёмная и гадкая, рябью разошлась в воздухе.

А скрыта за ней была… энергия. Та же энергия, что и у меня, но тёмная, тяжёлая и грозная, напоенная холодной и безжалостной ясностью.

Я уловил запах: далёкий аромат чего-то смутно мне знакомого. Он заставил меня думать о горах, огоньках масляных ламп и о холодных светлых небесах.

Мой Друг отозвался на появление чёрной

магии. В напряжении он сканировал парк, радостная энергия вокруг него вдруг сменилась настороженностью и инстинктивно спроецированной аурой уверенности и силы. Моего Друга не стоит недооценивать. Его сердце вполне разумно, когда нужно защитить слабого. Он почувствовал угрозу, тёмного заклинателя, и готов был с ним сразиться.

Мрачное чувство подступило к моему горлу и заставило глотку зудеть. Угроза магической природы, здесь и сейчас? Мой нос сказал мне, что кучка одержимых вселёнышами детей всё ещё шла за нами по пятам, пусть на расстоянии.

Какова была вероятность, что появится угроза сразу двум членам моей семьи, каждому отдельно? Особенно когда я задействовал свою энергию, чтобы именно такого исхода и избежать?

Что-то было не так.

Я почувствовал, как волоски у меня на спине попытались встать дыбом. Но мой красный жилет им не позволил.

Мой Друг знал, что ему нужно изучить угрозу; и это было целесообразно. Но он боялся оставить Мэгги одну. Он доверял мне, но никакие меры, не важно, насколько тщательные, не смогли бы его убедить, что с ней точно ничего не случится. Он

был прав. В этом мире ни в чём нельзя быть уверенным — и раз так, зачем думать об опасности, которая ещё даже не появилась? Мудрый принял бы те меры, которые может; встречал бы беды на подходе и был бы счастлив в оставшееся время.

Возможно, это самая грустная из глупостей человеческого сердца: сколько же счастья вы гоните от себя, чтобы подольше поволноваться. Да, я далеко не гений, но мне совершенно не ясно, что в волнении хорошего.

Мой друг поговорил со мной. Он сказал много разных слов, но его сердце говорило: «Я не хочу отпускать её даже на секунду, но я доверяю тебе безопасность моей дочери, пока буду сражаться со злом».

Я сказал ему, что буду её защищать. Он уже научился понимать такие ответы. Потом он отвёл нас туда, где пахло едой, и взял для нас с Мэгги картошку фри, чтобы мы её ели, пока он пойдёт и посмотрит, что там за опасность.

Ну разве Мой Друг не потрясающий?

Он усадил Мэгги и вышел быстрым, целеустремлённым шагом. Мне пришлось побороть желание последовать за ним, потому что в такие моменты мне хотелось пойти следом и быть ему опорой. Вместо этого я сел рядом с картошкой

фри и принялся пристально за ней следить. Ну, вы знаете. На случай, если злодеи спрятались там и попробуют напасть на Мэгги.

Не успели мы взяться за еду, один из вселённышей просто подошёл к нашему столу и стал говорить Мэгги грубости.

Нет.

В тот момент, когда вселённышей направили к нашему столу, чтобы они напали на Мэгги.

В эту секунду я почувствовал, как что-то в воздухе переменилось. Кто-то направил против нас энергию.

На улице виднелась массивная покрытая мехом фигура, частично укрытая зеленью, похожая на мою тень. Я ощущал эту тёмную ясность, потоком исходившую от неё, достаточно сильную, чтобы направить страшилу к Мэгги, подначивая его напасть.

Я почувствовал, как поднялся на ноги с рыком, клокочущим у меня в глотке.

Но Мэгги положила ногу мне на голову и надавила.

Мэгги была крошечной, даже для человека, даже своего возраста. Она была ребёнком с необычайно трезвым разумом, но помешать мне подняться и побежать она не сумела бы, даже

будь она ростом с отца.

Моя Тень встретила мой взгляд спокойно, даже самоуверенно и с издёвкой в своей позе, в том, как приподнимала свою голову. Она присела, словно охотник, готовый к прыжку.

И она пыталась навредить моей девочке.

Но я не мог бросить Мэгги. Что, если Моя Тень заставит вселёныша нарушить правила и напасть на неё физически, а меня не будет рядом, чтобы заступиться?

Поэтому я не бросился в бой. Своё дыхание я теперь тратил не на рычание, а чтобы собрать энергию, взывая к свету и тихой нежности, способным отразить чёрный лёд насланной Моей Тенью злобы.

Тёмная энергия, которая подталкивала вселёныша, откатилась назад, словно туман, расступающийся перед автомобилем, и Мэгги тут же бросила щепотку соли вселёнышу в глаза.

Тот отпрянул, — больше из-за соли, чем из-за причинённой одержимому телу боли — и я направил энергию в его сторону, убеждая вселёныша отступить. Если он оставит Мэгги в покое, я смогу вступить в прямую схватку с Моей Тенью и заставить её ретироваться. Теперь я уловил её запах, аромат её враждебности. Я мог бы последо-

вать за ней в и сквозь любой тёмный мирок, куда она могла сбежать, и наружу.

Вселёныш ускользнул быстрее, чем его успели бы настигнуть Мэгги или моё дыхание, и я уже приготовился устранить истинную угрозу, прежде чем она устроит новое покушение на Мэгги.

Но запах… пропал.

Я снова принюхался, ещё сильнее. Это неправильно. Я хвостом чуял.

Но она исчезла.

Невероятным образом взяла и исчезла.

Хм.

Кто в этой вселенной способен на такое?

Моя Тень, судя по всему.

Когда Мой Друг вернулся, он был напряжён, подавлен и тих. Мне стало не по себе. Я видел, как он бился с кучей ужасных созданий, и редко он так из-за них переживал. Значит, человек. Монстры для него были угрозой куда как меньшей, чем люди. Он страдал.

Я подошёл бы к нему, но моим долгом было охранять и защищать Мэгги, а она по-прежнему была в опасности — когда вселёныши и Моя Тень разгуливали по зоопарку, словно бы в личных охотничьих угодьях, и Тревожность готова была её уничтожить, если меня не окажется рядом. Он

был её отцом. Первой из его забот было холить её и лелеять, и я готов был помочь Моему Другу с чем угодно. Так что я остался с Мэгги.

Ещё у неё была картошка фри.

Они поговорили ещё немного. Он рассказал Мэгги о колдунах и их опасности. Мэгги было жалко колдунов, и я знал, что Моему Другу тоже. Но она боялась кое-чего ещё — что он не захочет быть ей отцом. А он боялся, что она не захочет быть его дочерью, если он всё время будет работать.

Я сидел неподвижно, как изваяние, и дышал на них светлой энергией. Их страхи были глупыми, но опасными на этом раннем этапе их отношений. Если бы не все эти трудности, навалившиеся в этот самый день…

О.

Теперь понятно.

Все эти нападения были не случайностью, но злыми кознями.

Моя Тень пыталась помешать тому, что должно было случиться — созданию прочных уз между отцом и дочерью.

Я лежал тихо, концентрируясь на своей энергии. Не стоило в этот момент много думать о насилии. Но пока я, как мог, помогал своей семье,

я ещё и стискивал свои зубы, проверяя, готовы ли они к работе.

Они были готовы.

Мой Друг, само собой, отправился спасать колдуна. Он понятия не имел, что вселёныши вообще существуют, тем более что они были рядом. Я предпочёл бы отправиться с ним; ведь колдун — дело опасное, и я мог бы оценить для него этого человека, помочь ему определиться, какой из добродетелей ему стоит придерживаться, чтобы справиться с колдуном — милосердия или же решимости. Я мог предупредить, защитить его.

Но только оставив Мэгги уязвимой для круга голодных вселёнышей, поджидающих у кафе.

Мэгги дождалась, пока Мой Друг не уйдёт быстрым шагом, прежде чем встала и повернулась ко мне:

— Ты же знаешь, я должна. Тебе нельзя переходить черту.

Я помнил не хуже неё, что написано в Книге. Я знал её рекомендации относительно сражения с вселёнышами, и доводы в ней были крайне разумны. Зло, если не дать ему бой, становится лишь сильнее. Но чтобы это сделать, ей придётся остаться с ними лицом к лицу — совершенно одной. Я не смогу защитить её от вселёнышей

и их ужасных мыслей. Ей придётся сразиться с ними, и пусть злу в любом случае следовало дать бой, победу никто не гарантировал.

Это был её путь. Она должна была его пройти. Но…

Её могут ранить. Возможно, даже уничтожить.

Моя безупречная Мэгги, лучшая маленькая девочка на свете, могла на веки быть потеряна для всех, кто любит её.

Я издал тихий, грустный звук и нежно поцеловал её в лицо.

— Фу, — сказала она, но имела в виду что-то ещё. Она зарылась лицом в мой мех. — Я тоже тебя люблю, Мыш.

Моё сердце забилось быстро, когда несложная, хрупкая, сокрушающая сила этой любви захлестнула меня.

Я ещё раз попробовал на человеческом языке сказать ей, что люблю её, и снова изо рта у меня вырвались только неразборчивые звуки. Я вздохнул. Она знала.

Мы вышли из кафе, направившись прямо к поджидающим нас вселёнышам. Мэгги уже догадалась, кто у них в стайке был лидером, и посмотрела девочке в лицо с прямой спиной и ясным взглядом:

— Эй ты, Рожа Внеземная.

Вселёныши таращилась на неё своими пустыми глазами и чувствовали, как злая сила вдруг разлилась в воздухе, когда они вытянули на поверхность ужасные воспоминания о времени, которое она провела среди порочных, жестоких и так приятно мёртвых вампиров Красной Коллегии.

Некоторые воспоминания могли её убить, воспоминания, о которых она даже не знала.

Лишь во сне они выплывали на поверхность.

Я видел, как она стала бороться с образами и потом отмахнулась от них усилием воли, потребовавшим от неё поразительного напряжения. Она стиснула зубы и медленно повернулась вокруг своей оси. Она была на голову ниже каждого из одержимых детей, но каждому из них она посмотрела в глаза, прежде чем сказала спокойным голосом:

— Как же вы меня бесите. Пошли уже разберёмся.

Вместе мы развернулись и направились к ближайшему тёмному и страшному месту, и вселёныши последовали за нами.

По дороге мои инстинкты снова напомнили о себе. Моя Тень была рядом.

Кем бы ни было это существо, оно умело не выдать себя ни запахом, ни движением. Оно, предположил я, будет полагаться в основном на свои способности, привыкло, что жертва его не замечает. Оно показалось мне самоуверенным, насколько можно было это уловить, бросив беглый взгляд. Я решил довериться и этому инстинкту. Так что я не стал готовиться к бою, а лишь шёл рядом с Мэгги, будто бы не замечал угрозы вовсе.

Вместе мы вошли в здание, пропитанное застарелыми запахами хищников, и внутри обнаружили лестницу, ведущую вниз, к тьме и страху, способным выманить вселёнышей, заставить их покинуть защищавшие их детские оболочки и быть уничтоженными.

Если она сумеет. Они сделают всё, чтобы изорвать на клочки её сердце, чтобы она бессильно лежала на земле — плоть, которую можно присвоить.

У самого начала лестницы Мэгги повернулась ко мне и сказала:

— Не бойся. Всё под контролем.

Моя Мэгги умная, сообразительная и храбрая, но она всё равно сказала неправду. Она не знала, сможет ли.

Но если бы она была уверена, для неё не вышло бы испытания.

И потом я вновь это ощутил — аромат чёрного льда, пульсацию жестокой энергии, наплывающей, будто дымка, поглотившая вселёнышей за нашими спинами. Я мог расслышать тёмный шёпот мыслей, скрытых за этой энергией, окутавшей вселёнышей, будто туман.

Убейте дитя.

Я видел, как вселёныши в хвосте группы, ближе всех стоявшие к источнику тёмной энергии, сжали кулаки и полезли в карманы за предметами, которыми могли бы бить и кромсать.

Приступ внезапного гнева захлестнул меня. Моя Тень была созданием зла, и немногих я встречал ему подобных. Оно пыталось заставить вселёнышей нарушить природой данный Закон и физически напасть на маленькую девочку. Конечно, в этом случае я мог вмешаться — но мне пришлось бы ранить невинных детей, чьим единственным проступком была неподготовленность, неумение встретить в бою опасности из мира духов, которых они, вероятно, и вообразить себе не могли.

Мой самый низкий рык загрохотал у меня в груди и вырвался наружу вместе с моим дыха-

нием, начиная рассеивать эту тёмную энергию, а вместе с тем он служил вселёнышам предостережением.

Вес маленьких человеческих тел уже начал перемещаться вперёд, но они вернулись в прошлое положение, услышав мой рык. Секунду мне казалось, что они не выдержат и оставят Мэгги в покое — но их лидер, девочка с полосами от слёз на лице, повернулась ко мне и усмехнулась.

— Страж, — сказала она. — Ты знаешь Закон. Это наше право.

Мой рык стал ещё ниже. Мне нужно было быть к ним ближе, чтобы защитить их от влияния Моей Тени. Медленно я стал шагать, вкладывая ещё больше дыхания в своё рычание, пока не оказался прямо перед вселёнышем, почти заглянув ему в лицо. Теперь я всерьёз принялся вырабатывать свою энергию. Излишек силы прыгал по кончикам моих волос, мерцая, как голубые звёздочки, и тёмная энергия вновь отступила перед светом.

Вселёныш даже не понял, что происходит. Он решил, что я ему угрожаю.

— Я знаю Закон. Должен знать и ты, — он указал детским пальцем мимо меня, на Мэгги. — Это моя добыча. С дороги.

Зарычав всего раз, я мог бы обратить этих

созданий в бегство, но я лишь заставил бы их рассеяться. Они всё равно продолжили бы своё преследование позже.

— Мальчик, всё хорошо, — сказала она. — Всё под контролем.

Я посмотрел на неё и замолчал.

Дитя готово было спуститься во тьму с дюжиной хищников, прекрасно понимая опасность, с которой она столкнётся — и так же прекрасно зная, что победа ей не гарантирована. Её сердце стучало, глаза были слегка расширены, но она прочно держалась на ногах, и на лице у неё было упрямое спокойствие.

Когда речь шла о храбрости, сердце Мэгги было очень даже разумным. Она решила, что будет вершить свою судьбу в этой схватке.

Пусть будет так.

Я низко склонил перед ней голову в жесте уважения. По крайней мере, я мог охранять её, чтобы никто не помешал её сражению. Я прошёл мимо вселёнышей, накопленным у меня в шерсти избытком энергии касаясь детей, ещё чувствующих влияние тьмы; смывая её прочь. Я подошёл к двери, в которую придётся пройти Моей Тени, если она решит вмешаться, и уселся рядом, чтобы ждать.

Мэгги мгновение глядела на меня. Потом она вынула телефон из кармана и, не оглядываясь назад, спустилась во тьму.

Одержимые вселёнышами дети отправились следом. Последний из них закрыл дверь.

— Может, уже покажешься? — спросил я.

Повисла тишина, а потом во тьме лестничной клетки надо мной что-то зашевелилось и возникло на площадке.

Моя Тень.

Я с силой выдул из пасти струю воздуха, похожую на ветер, уносящий туман. Спал покров теней и темноты, и в одном длинном прыжке от меня был…

Я.

Он был небесной гончей, как и я, пусть в шерсти у него были видны широкие практически чёрные полосы. В особенности его грива была пышной и тёмной, она придавала ему угрожающий вид. Размерами он был не так велик, как я, с лучше проступающим рельефом мышц и со шрамами, белыми проблесками рассыпанными у него в шерсти. Всё в нём говорило, что жизнь его была нелёгкой.

— Брат, — прорычала Моя Тень.

Я сделал вдох, и его запах наполнил мой нос и

оживил в моей памяти прекрасные, незатейливые картины тех самых дней, когда я помещался Моему Другу в карман. Фигуры в тёмных мантиях, мужчины и женщины, забрали меня у монахов монастыря. Они унесли всех нас, моих братьев и сестёр, в средоточие тёмной силы и окружили нас холодными каменными стенами, тёмными заклятиями и бдительными демонами.

Пока не пришёл Мой Друг. Он проскользнул внутрь, когда люди в чёрных одеждах ненадолго отлучились. Он сразился с демонами и спас меня, моих братьев и сестёр.

Но он не спас всех.

Наши похитители оставили без присмотра некоторых из нас лишь затем, чтобы унести мою родню, мальчика и девочку. С тех пор я ни разу не слышал запахов моих брата или сестры.

До сегодняшнего дня.

Я слегка наклонил голову в сторону Моей Тени и отвесил ею короткий и вежливый поклон:

— Я едва узнал тебя.

— Мы были щенками, — сказал он.

— Мы выросли.

— Я вырос, — сказал он. — Ты…

Его губы скривились презрительно, обнажая клыки.

— Ты только отъелся.

— Мне нравится еда, — сказал я.

— Ты толстый.

— И очень счастливый, — сказал я. — А ты счастлив?

Он снова оскалился:

— Что это вообще за вопрос?

— О! Я тоже люблю философию, — сказал я ему. — За этим ты пришёл? Поговорить о смысле жизни?

— Я пришёл, — ответил он, — чтобы всё было так, как я того желаю.

Я зарычал на него, но с нежностью.

— Брат, — сказал я, — в этом мире у нас иное предназначение.

— Иное предназначение было нам уготовано, — огрызнулся он. — Для другого нас вывели. Чтобы мы стали рабами.

— Нас создали быть собаками, — сказал я так нежно, как только мог. — Любить. Показывать любовь другим. Быть защитниками. Быть примером.

— Ты говоришь, но в словах твоих нет смысла, — сказала Моя Тень. — Ты бесхребетный. Но по крайней мере ты сам выбрал свой путь, а не склонился перед нашими хозяевами.

— Мастер Вон показался мне очень добрым человеком, — сказал я.

— Он был глупцом, — ответила Моя Тень. — Ты стоишь у меня на пути, брат. Так не пойдёт. С дороги, или я тебя убью.

Я почувствовал, как мой хвост пронёсся по полу с быстрым шорохом, и я зевнул:

— Полагаю, прежде чем это случится, я ещё успею показать свои зубы.

Моя Тень оголила клыки и сделала шаг, в своём рычании испуская тьму, которая пенилась и кипела в её пасти:

— Услышь меня. Я дам тебе ещё один шанс, ибо мы кровь от крови. Оставь этих жалких смертных, идём со мной. Великие дела ждут свершения. С твоими силами нам будет куда проще.

— Ждут свершения? — спросил я. — Кто так говорит? Серьёзно.

— Не смейся надо мной, — прорычала Моя Тень.

— Привычка. Понятия не имею, откуда она, — ответил я; я медленно поднялся на ноги. — Я просто пошутил. Не хотел тебя оскорбить. Прошу прощения за это недоразумение.

Моя Тень так на меня смотрела, будто не понимала, как ей отвечать.

Перед ним, возможно, впервые кто-то извинился.

— Теперь послушай меня, брат, — нежно сказал ему я. — Не пытайся больше навредить моим людям. Оставь этот город. И не возвращайся.

— А то что? — спросил он.

— Ничего, — спокойно ответил я. — Ты исчезнешь, в любом случае. Вопрос один: ты сделаешь это по-хорошему, или придётся показать тебе на выход.

Несколько ударов сердца Моя Тень раздумывала над моим ответом, застыв, как изваяние, не спуская с меня глаз. От этого было как-то неуютно. Я вдруг вспомнил, что ни разу не смог забороть брата, когда мы были маленькими.

Разумеется, я был уже не маленьким.

Я успокоил дыхание, собирая силу, напрягая мускулы.

И тут где-то неподалёку я ощутил удар столкнувшихся магических сил. Долю секунды спустя были второй удар и потом третий с таким крохотным промежутком между ними, что для человека все они слились бы в один.

— Я целыми днями заряжал энергией этого колдуна, брат, — сказала Моя Тень очень довольным голосом. — Демоны, которых притягивает

его аура, не то чтобы очень сильны. Но, как бывает, твоему хозяину придётся биться как раз на той территории, где ему сложнее всего будет справиться с каждым из них. Сегодня удача ему не улыбается.

Я взлетел на ноги, рыча, язык вырывался у меня из пасти в промежуток между зубами:

— Что тебе нужно от Моего Друга?

— О, ну брось, — голос Моей Тени был полон презрения. — Ты такой же, как все остальные. Его раб. Такие мелочи меня не интересуют. Мне наплевать на твоего сокрушённого волшебника.

Я прищурился:

— Ребёнок.

— Меня интересует будущее этой девочки, — сказала Моя Тень. — Интересует и моих партнёров.

— Я не позволю тебе навредить им.

— Ты не сможешь мне помешать, — сказала Моя Тень. — Выбирай, раб. Волшебник или девочка.

Я склонил голову набок и сказал:

— Ты, видимо, не смотрел Тёмного Рыцаря.[100]

Он замолчал. Наклонил голову и сказал:

---

[100] Примечания: 100
Фильм франшизы Бэтмен.

— Что?

Я опустил голову и позволил рычанию вырваться из моей груди:

— Ты не одного из них хочешь уничтожить. Тебе нужны оба. Ты хочешь, чтобы я побежал, поступил не так, как мне следует поступить.

— И как же? — усмехнулась Моя Тень.

Я взревел, наполнив воздухом грудь и энергией тело, бросился вперёд и вверх по лестнице прямо на него, вдруг озаряя тёмный коридор звёздной лазурью.

В чём-в чём, но в беспечности Мою Тень обвинить было нельзя, и всё-таки он искренне не ожидал, что бой сейчас начнётся. Не совсем честный способ напасть. Но не стоит забывать — меня вырастил волшебник. В бою я пользуюсь любым преимуществом.

Я врезался своим плечом в плечо Моей Тени. Он был слишком быстрым, чтобы его можно было сбить с ног, но он вклинился в бетонную стену позади, оставив в ней сетку длинных трещин. На долю секунды удар его оглушил, и я запустил клыки в гриву его волос. Он изогнулся и не дал нащупать его шею — только мех и дряблую кожу. Но и этого было достаточно, чтобы схватиться и швырнуть его в дверь, которая вела наружу.

Моя Тень упала на пол, покатилась, влетая на затопленную лестницу, которая вела на первый этаж. Я снова ринулся на него, но он поднырнул под меня, и я врезался в бетон лестничной клетки. Его когти зацепили мои грудь и живот, пуская кровь, когда он взобрался выше и подпрыгнул, ударяя отвесную стену и перепрыгивая всю затопленную лестницу; его лапы оставили на стене шлейф тёмной энергии, который быстро побледнел.

Своим дыханием я призвал энергию и оставил отпечатки своих лап, сотканные из света лазурных звёзд, когда ударил ими стену в том же самом месте и прыгнул вслед за ним.

Я не долетел, и мой живот ударился о бетонную стену на самом верху. Мне пришлось вцепиться когтями в землю и втащить себя наверх одними передними лапами, карабкаясь задними, и когда я выбрался, Моя Тень была уже в пятидесяти ярдах[101] впереди и набирала скорость.

Что тут сказать. Он был слегка, э… изящнее меня. Я же говорил, я для всех Хороший Мальчик, а это всегда угощения. Но может быть, я больше времени стану уделять физкультуре, когда всё

---

[101] Примечания: 101
— 46 метров.

будет позади.

Я ринулся следом, и Моя Тень с тропинки кинулась вглубь парковой зелени. Там почти негде было прятаться, но каким-то образом он оставался практически невидимым. Даже бросившись в погоню, я чувствовал, как рассеивается его присутствие, и я с удвоенным старанием стал вырабатывать энергию, чтобы ускориться и сократить дистанцию, пока он не исчез во второй раз.

Уже совсем скоро я стал наступать ему на пятки, мешая ему скрыться. Я готов был схватиться зубами за его хвост, когда он бросил попытки исчезнуть с помощью своей энергии и задействовал её, чтобы забросить себя на дерево, где его было не достать, потом перепрыгнул на другое дерево, зигзагом ныряя дальше в зелёные насаждения. Я следовал за ним неустанно, полагаясь на твёрдую почву под ногами и силу моего дыхания как на источники моей скорости, вновь врезаясь в него в густых кустах, куда уже нельзя было заглянуть со стороны зоопарка.

На самом деле, лучше места для ловушки было не придумать.

Я так сосредоточился на преследовании, что едва ощутил демонов колдуна, прежде чем по-

пался на их когти и клыки. Они были невелики, наверно, в три раза меньше меня — но у них были до ужаса широкие пасти и острые когти вкупе с коренастыми и очень сильными телами. Тот, что оказался ближе, врезался своей челюстью мне в спину чуть выше хвоста, и лишь отчаянным перекатом я помешал ему укусить. Его зубы скользнули по моему бедру, рассекая плоть и причиняя горячую, ослепительную боль.

Второй демон просто стиснул мою переднюю лапу своими длинными когтями со всей их зубчатой остротой и ужасающей силой. Я издал рёв страдания и закружился, чтобы нащупать его глотку — и лишь затем, чтобы Моя Тень врезалась мне в плечо своим плечом, и я растянулся на брюхе.

Демоны воспользовались этой возможностью со сверхъестественной жадностью, прыгнув на меня с клыками и когтями наизготовку, пока я отчаянно пытался защититься.

И что ещё хуже — третий демон под влиянием тёмной энергии кинулся в кусты.

— Пока-пока, брат, — сказала Моя Тень; его голос сочился удовлетворением. — Три демона наверняка прикончили бы твоего волшебника, но и одной твари, думаю, хватит — если удача

ей улыбнётся.

И он повернулся, исчезая в кустах, я тут же потерял его энергию.

Я взревел, и в чём-то этот звук был похож на рычание льва, которого мы слушали сегодня, разве что моё рычание было наполнено светлой энергией. Эта сила, сконцентрированная в одной точке, врезалась в фальшивую плоть демонов, словно струя пескоструйного аппарата,[102] обрывая верхние слои тел, созданных ими из энергии, чтобы жить в мире смертных. Сила удара отбросила их, и я воспользовался моментом, чтобы схватить одного из них за горло и трясти — древняя техника моего народа. Я махнул им из стороны в сторону один раз, два, три. С приятным ощущением шея демона хрустнула, и вдруг он исчез, а мой рот был наполнен едва осязаемым безвкусным желе — эктоплазмой, из которой демоны строили себе смертные тела.

Но в это время мне на спину запрыгнул другой демон. Когти погрузились в мои плечи и бёдра, а смертоносные челюсти щёлкали у самой моей шеи. Из глубины моего живота поднялся чистый ужас вместе с первобытным чувством боли.

---

[102] Примечания: 102
Аппарат промышленной очистки.

Я не позволил этим челюстям схватить меня — я проломился через кусты и спиной кинулся на ближайшее дерево, впечатывая демона в его ствол. Я услышал, как люди закричали и стали разбегаться, когда, уже не скрытое стараниями Моей Тени, всё предстало ясно перед их глазами.

Ой. Плохой пёс, Мыш.

Демон издал квакающий вопль, но лишь крепче стиснул когти. Поэтому я ударился о дерево ещё раз, оглушая его. Потом, ещё раз задействуя энергию в моём дыхании, я прыгнул на один ствол, потом на другой, а потом вверх, к самому небу. Иногда, когда мы с Моим Другом ездили на природу, я прыгал над озером — просто узнать, как высоко я могу подлететь. Мой рекорд был где-то двадцать футов.[103]

Конечно, тогда я не был так напуган. Сейчас вышло скорее тридцать. И приземлился я на спину.

Раздался хруст, и вдруг когти пропали, а моя спина оказалась измазана эктоплазмой.

Облегчением, что с угрозой моей жизни было покончено, наслаждаться не осталось времени. Моя Тень была рядом, ещё в работе, и я не мог её почувствовать. И пусть. Я знал, куда он направил-

---

[103] Примечания: 103
— 6 метров.

ся. Он пустит энергию в ход против Моего Друга, даст третьему демону смертельное преимущество — неожиданность. Мне нужно было лишь отыскать Моего Друга, и я найду Мою Тень…

Или, быть может…

Моя Тень постоянно пыталась обвести меня вокруг пальца. Каждое его действие что-нибудь о нём говорило. Он оставался в тени, влиял на события, не показываясь при этом на глаза. Угрожая близким мне людям, он настроил меня погнаться за ним и привёл меня в ловушку, где я едва не погиб, ему самому опасность при этом почти не угрожала. Он даже не пытался драться со мной, пока численный перевес не оказался на его стороне: я был один против троих.

Моя Тень не станет подставляться под удар такого противника, как Мой Друг, пока у него есть выбор. Он к этому не привык.

Он выберет себе слабую жертву.

Он отправился за Мэгги.

Я повернулся и бросился бежать обратно, к ней; я мчался по дорожкам зоопарка, словно серая с серебристо-голубым комета, рассекая море людей, пролетая над урнами и скамейками, и в общем вёл себя так, что в любой другой ситуации заработал бы неодобрительный взгляд от Моего Друга.

У меня не было выбора. Моя Тень вернётся к Мэгги, но сделает это скрытно, перемещаясь между деревьями и участками зелени. Единственным моим шансом успеть к моей девочке раньше был короткий путь, прямая линия, а значит, нужно было двигаться в открытую.

На бегу я отслеживал третьего демона, приближающегося примерно к той области, куда Мой Друг отправился сражаться с колдуном. Я ничем больше не смог бы ему помочь. Мне придётся довериться удаче, Всевышнему, Королеве Мэб, Одину и остальным дружественным Силам, которые могли бы проследить, чтобы с Моим Другом всё, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, было хорошо.

— Aparturum, — прогремел заклинательный голос Моего Друга в районе нескольких сотен ярдов[104] от меня, и я ощутил всплеск магии в отдалении.

— Instaurabos! — вновь прокричал он, ещё всплеск, и я просто перестал чувствовать третьего демона, так быстро и аккуратно, будто его положили в банку.

Моё сердце подпрыгнуло, а скорость увели-

---

[104] Примечания: 104
В 150–200 метрах и больше.

чилась.

И когда Моя Тень оказалась у входа на нижний этаж, я был там.

Ждал его.

Оскалившись.

Он остановился, уставившись на меня. Мы оба тяжело дышали, но владели своим дыханием, с его помощью собирая энергию.

— Умно, — сказал он.

— У меня это бывает, — ответил я.

— Ты истекаешь кровью, — заметил мой брат. — Ослаб. Я мог бы тебя убить.

— Скорей же, — сказал я, — сделай это.

Эти слова заставили его склонить голову набок.

— Я истекаю кровью, — сказал я, — слабее, чем мог бы быть и уже устал после боя. Если предположим, что наши силы почти равны, теперь у тебя должно быть преимущество. Но это не так. Потому что кое о чём ты забыл.

— Хм? — спросила Моя Тень.

— Я могу победить, даже если погибну, — сказал я.

Он показал мне зубы, ухмыляясь:

— Ты, мой жирный, счастливый младший братец, говоришь мне, что не хочешь выжить?

— Выжить будет недостаточно, — сказал я. — Я хочу жить. И лучше уж жить, пока я забираю тебя с собой на тот свет.

— Если сможешь, — сказал он.

— Если забуду о собственном выживании, в битве у меня появится масса новых возможностей, брат. Ты так в себе уверен?

— Если забудешь, — прорычал он.

— Но вопрос не в том, смогу я так поступить или нет, верно? — заметил я. — Вопрос в том, веришь ли ты моим словам. Вопрос в том, действительно ли я готов пожертвовать жизнью ради неё, — я поднялся, потрясая своей гривой, рассыпая частицы светлой энергии размером с пылинку. — Я люблю этого ребёнка. И если сделаешь ещё хоть шаг, я с удовольствием погибну, чтобы своими зубами вынуть твои потроха.

Секунду Моя Тень стояла и глядела на меня.

— Почему? — наконец спросил он.

— Потому что она поступила бы так же, — сказал я.

Мы молча смотрели друг на друга.

— Ты в них ошибся, — наконец сказал он. — Им плевать на тебя. Не так много ты для них значишь.

— Ошибся один из нас, — сказал я. — Хочешь

погибнуть, чтобы узнать, кто?

Он ничего не ответил.

А потом… смех.

Далёкий смех долетел до нас с нижних подвальных этажей. Моя Мэгги громко смеялась, звук шёл прямо у неё из живота, весёлый и сильный. Несколько секунд спустя мы услышали, как — едва уловимо — в отчаянии кричали вселёныши.

Миг Моя Тень переваривала в голове победу Мэгги, а потом его поза изменилась, стала не такой агрессивной.

Я остался в той же стойке, не расслабляясь. Движения моего брата были неочевидны. От него в любой момент стоило ждать опасности.

— Что же, — прогрохотал он. — Видимо, твоя взяла.

— Может, не моя, — сказал я. — Может, и ты победил. Идём со мной. Твоя сила велика. Ты можешь принести много добра. Ты будешь любим — и картошка фри к твоим услугам.

Моя Тень лишь покачала головой холодно.

— Как в такую маленькую тушку помещается столько невежества? — он повернулся и пошёл прочь. — Пока, братец.

— Брат, — сказал я тяжело.

Он остановился, навострил ухо, не оборачи-

ваясь.

— Ты ничего им не сделал. Ты уходишь. Как я и говорил.

Волосы у него на спине встали дыбом.

— Вспомни третье, — сказал я. — Не возвращайся. Или мы узнаем ответ на наш вопрос.

Моя Тень ответила мне спокойным взглядом через плечо.

И затем он пропал, туда, откуда явился.

Мэгги освободила детей из подвала, и когда мы вышли на улицу, где человеческие службы могли о них позаботиться, мы поспешили обратно, в кафе. Эта трата энергии вкупе с напряжением от битв, погонь и ранений полностью меня вымотала. Мой мех сумел закрыть мои раны и остановить кровотечение. Всё заживёт в считанные дни. Я знал, со мной всё будет хорошо — но мне хотелось лишь свалиться в каком-нибудь прохладном местечке и вздремнуть.

Но долг мой оставался прежним. Поэтому, как бы мне не хотелось спать, я сел под стол, внимательно изучая обстановку, охраняя Мэгги, пока не вернулся Мой Друг.

Он вошёл в кафе вместе с колдуном по имени Остин. Остин так пропитался тёмной энергией, что я почти видел её, намазанную на него, будто

сажа.

Я вздохнул. Я устал, но у меня была работа. Своим дыханием я призвал ещё больше энергии и дал ему лапу, пока Мой Друг набирал на всех еды. Потом я улёгся у его ног и дышал на него нежной энергией, стирая тьму, которой заслонил ему глаза мой брат.

В конце концов мы все оказались в машине Моего Друга. Я сидел на заднем сиденье вместе с Остином, который навалился на меня и просто-напросто уснул.

— Что с ним будет, папа? — спросила Мэгги.

Мой Друг улыбнулся и погладил её по руке. В его ладони уместилось бы четыре её ладошки:

— У нас он выспится, примет душ — всё в этом духе. Потом, когда он будет готов, мы с ним пойдём поговорим с его родителями. Я научу его основам, как не терять контроль над своими силами, и потом посмотрим, что он решит.

— Ты на его стороне, — осторожно сказала Мэгии. Но, мне кажется, эти слова шли от чистого сердца.

— Да, — просто ответил Мой Друг.

Мэгги крепче сжала его руку.

Я устал. Но я подался вперёд и поцеловал его в ухо.

— Фу, — сказал мой друг, улыбаясь. — Мерзость.

Но это значило «Хороший Пёс».

15.3 Присяжный (2015)

— Поверить не могу. Они меня нашли, — мрачно пробурчал я. Глянул налево, потом направо, проверяя всё вокруг в поисках затаившейся угрозы. — Не знаю как, но они это сделали. Я вернулся в мир меньше месяца назад, а они уже меня нашли.

Уилл Борден, инженер и вервольф, поставил тяжёлую коробку с книгами на кухонный стол и посмотрел на меня с беспокойством. Потом подошёл поближе и глянул на письмо у меня в руках, после чего фыркнул:

— Да ты скандалист.

— Я серьёзно! — возопил я и потряс письмом. — Меня преследуют! Моё собственное правительство!

— Это вызов в суд присяжных, Гарри, — сказал Уилл. Он открыл холодильник и раздобыл себе бутылку эля от Мака. Ему пришлось обогнуть несколько коробок, чтобы добиться этого. Не думал, что у меня на острове было много вещей, но удивительно, сколько коробок понадобилось, чтобы все их вместить. Перевозка с острова в

квартиру Молли заняла большую часть дня. Сейчас она редко её использовала и дала мне тут пожить, пока я не найду собственное место, где смогу окопаться.

— Мне это не нравится, — буркнул я.

— Паршиво, — сказал Уилл. — Но ты его получил. Слушай, в любом случае, вряд ли тебя выберут.

— Вызов, — я воззрился исподлобья. — Долбаная команда. Если они хотят увидеть настоящий призыв, я могу им это устроить.

Уилл ухмыльнулся. Он был моложе меня, ниже среднего роста, и сложён, как полузащитник.

— Как смеют они вторгаться в одиночество могучего чародея Дрездена!

Фыркнув, я бросил бумагу на верх коробки с нераспечатанными конвертами — моей почтой, накопившейся более чем за год. Мусор, по большей части. Кое-что до сих пор пребывало в почтовом отделении. Многое было возвращено новым владельцем моего старого адреса, где ранее располагался пансионат миссис Спанкелькриф, а теперь — «Общество лучшего будущего». Я слишком плохо переваривал его владельца, но Баттерс забрал почту для меня.

— Может, я не появлюсь, — сказал я и сделал

паузу. — Что будет, если я не появлюсь?

— Тебя могут задержать за неуважение к суду, или оштрафовать, или посадить в тюрьму, или что-то типа, — сказал Уилл, задумчиво почесав подбородок. — Теперь, когда я думаю об этом, они, вроде как, не уточняют, что именно будет.

— Старые добрые угрозы типа «сам-придумай-что-с-тобой-сделают».

— Они не мафия, Гарри.

— Да ну? — поинтересовался я. — Плати деньги за защиту каждый год, и да поможет тебе Бог, если ты этого не сделаешь.

Уилл закатил глаза, вытащил из холодильника ещё одну бутылку, открыл её и передал мне.

— Мак прибил бы тебя за то, что ты пьёшь это холодным, и так далее, и тому подобное.

— Сейчас жарко, — сказал я и сделал большой глоток. — Особенно для такого начала года. И он бы просто разочарованно хмыкнул. Проклятое правительство. Как будто у меня других дел нет.

— Стоит ли того правосудие? — спросил Уилл.

Я глянул на него.

— Так как?

— По большей части, — ответил я. С опаской.

— Вот потому правовая система и существует.

— Какое отношение имеет правосудие к право-

вой системе?

— Ты правда хочешь грохнуть всё и начать заново с тысяча семьсот семьдесят шестого?[105] — поинтересовался Уилл.

— Не особо. Я читал книги.

Он развёл руками.

— Суды несовершенны, — сказал Уилл, — но по большей части они работают.

Он дотянулся до коробки и достал повестку.

— А если ты взаправду думаешь, что они не работают, то, возможно, стоит что-то с этим сделать. Если бы ты только мог каким-то способом напрямую поучаствовать…

Я с угрюмым видом выхватил у него письмо обратно.

— Самый умный, да?

— Ты, типа, одинокий волк по натуре, Гарри, — сказал Уилл. — А я больше существо стайное. Наши умы в разных областях, только и всего.

Я прочёл чуть далее.

— Там ещё и дресс-код? — возмутился я.

Уилл прикрыл рот ладонью и закашлялся, но я видел, что он смеётся надо мной.

— Так, — утвердил я. — *Никаких* галстуков.

---

[105] Примечания: 105

В 1776 началась война за независимость США и была принята небезызвестная Конституция.

Уилл опустил руку, тщательно удерживая серьёзное выражение на лице.

— Да здравствует революция.

* * *

Итак, я направился в суд.

Это означало поход в центр города к зданию суда Центра Ричарда Дж. Дэйли,[106] чьё имя не слишком-то внушало мне веру в свершение справедливости. Ах да. Я был здесь не для того, чтобы создать беспорядок. Я был здесь, чтобы сохранить беспорядок.

Поднявшись на семнадцатый этаж, я отдал свою карточку вместе с примерно хреналлионом других людей, ни один из которых не выглядел восторженным от пребывания здесь. Я получил чашку отвратного кофе и кривился на неё по мере ожидания. Потом заявился парень в чёрном гавайском балахоне и пересказал сюжет «Моего

[106] Примечания: 106

Центр Ричарда Дж. Дэйли — первоначально Чикагский городской административный центр. Переименован в честь мэра Ричарда Дж. Дэйли через несколько дней после его смерти. Также известен как Дэйли Плаза (так называется его внутренний двор). До постройки Центра Джона Хэнкока был самым высоким зданием в Чикаго.

кузена Винни».[107]

Ну ладно, это была мантия, а парень был судьёй, и он передал нам краткое описание системы судебного разбирательства, но в таком виде это звучит куда менее интересно.

Затем они начали называть имена. Сказали, что понадобится только половина из нас, и когда они ушли на какое-то время. я уже подумал, что мне повезло и можно топать домой, но тут какой-то клерк назвал моё имя и мне пришлось тащиться вперёд, чтобы присоединиться к шеренге других присяжных.

Потом были очереди и вопросы и куча ожидания. Короче говоря, я оказался сидящим в ложе зала суда округа Кук, когда колёса правосудия взялись за перемалывание парня по имени Гамильтон Лютер.

* * *

Дело вел один из новых помощников окружного прокурора. Раньше я внимательно следил за людьми из этой сферы, но когда ты некоторое

---

[107] Примечания: 107

«Мой кузен Винни» — фильм Джонатана Линна, вышедший в 1992 году. Основной сюжет крутится вокруг Винни Гамбини, мечтающего стать адвокатом, чьего кузена ошибочно обвинили в убийстве.

время мертв, а потом обитаешь в изгнании, то приоритеты несколько смещаются. В любом случае, когда ты живешь в городе с репутацией «политическая коррупция в каждом деле» типа Чикаго, и твой бизнес подчас близок к нарушению закона (а иногда уходит за рамки законности миль этак на двадцать), то разумнее всего не спускать глаз с госслужащих. Большинство из них были, на мой взгляд, вполне порядочными. Ну, для обычных политиков. Обычно это означало «достаточно слов и обещаний для выступлений, привлекающих политических спонсоров, и достаточно честности, чтобы к концу дня выполнить хоть часть обещанного».

Все же, время от времени, вы получаете госслужащего, который полностью кормится из чьего-то кармана. Часть из них на содержании у парней в богатых костюмах. Другие подкармливаются у профсоюзов. Остальных прибрали к рукам корпорации.

Прокурору было чуть меньше тридцати. Чистенький, тщательно выбрит, выглядит немного отвлекшимся, собирая лежащие вокруг него записки и папки, с помощью весьма привлекательной ассистентки. Серый костюм сшит на заказ, явно слишком дорогой для недавнего

выпускника юридической школы, на шее темно-бордовый галстук из дорогого шелка, в нагрудном кармане платочек в тон. Картину завершали большие уши, гигантский кадык, и выражение мучительной серьёзности на лице.

С другой стороны прохода, за столом ответчика, можно было увидеть резко контрастирующий образ. Мужику было больше пятидесяти и если он когда-либо был в колледже, то разве что по спортивной стипендии за немалые успехи в реслинге. Его плечи были как у матерого лося, руки бугрились мускулами и заканчивались кулаками размером с кувалду. Темная кожа на костяшках была покрыта белыми рубцами от старых ран, полученных явно не на ринге, а где-то в драках в подворотнях. Голова налысо выбрита. По краям уже виднеется щетина, но макушка блестит. Тяжелый, как у неандертальца, лоб, нос с давних пор ломали минимум дважды в год, костюм дешевый и плохо сидит. Рядом на столе лежат несколько папок и пара толстых книг. Мужчина выглядел мрачно, неловко и то и дело бросал нервные взгляды через проход.

Если этот парень был адвокатом, то я был эвоком. Но сидел он один.

Так где же его публичный защитник?

— Всем встать! — сказал большой мужчина в форме голосом, призывающим к уважению. — Суд начинает свое заседание под председательством Её Чести Мэвис Джефферсон.

Все встали. Спустя секунду встал и я.

Полагаю, вы можете сказать, что я не коллективист.

Вошедшая судья устроилась на своём месте, ну и мы тоже присели следом. Это оказалась массивная женщина шестидесяти с небольшим лет, с кожей цвета кофейной гущи и мешками под глазами, которые заставили меня вспомнить бульдога Спайка из тех старых мультфильмов. Если не присматриваться, можно было подумать, что ей тут все страшно надоело. Она сидела, не шевелясь, с полуприкрытыми глазами просматривая лежащий перед ней на столе документ через очки для чтения. Было что-то змеиное в ее глазах, свидетельствующее о грозной, безжалостной рациональности. Это была женщина, повидавшая многое из того, в чём было мало приятного, и которую не так-то легко одурачить. Она закончила изучать документ и посмотрела на ответчика.

— Мистер Лютер? — произнесла она.

Верзила в плохом костюме поднялся.

— Да, мэм.

— Я вижу, что вы решили сами себя представлять в суде, — сказала она. Тон ее был скучен и абсолютно нейтрален. — Несмотря на то, что это ваше право по закону, я рекомендую вам пересмотреть свое мнение. Учитывая серьезность выдвинутых против вас обвинений, я полагаю, что профессиональный адвокат сможет обеспечить вам более полную правовую защиту.

— Да, мэм, — ответит Лютер. — Я тоже так думал. Но единственное, что общественный защитник хотел сделать — это заключить сделку о признании вины. А я хочу высказаться.

— Это также ваше право, — произнесла судья. На секунду мне показалось, что я увидел проблеск чего-то вроде сожаления на ее лице, но он мгновенно растворился в нейтральности. Ее тон был похож на тот, с которым копы зачитывают задержанным их права. — Если вы пойдете на это, вы потом не сможете списать все на судебную ошибку на том основании, что у вас не было адекватного представителя. Этот процесс продолжится и его результаты будут окончательными. Вы понимаете это предупреждение, как я и сказала?

— Да, мэм, — сказал Лютер. — Никаких попы-

ток все переиграть. Я хочу сам себя представлять, мэм.

Судья кивнула.

— В таком случае садитесь, — Лютер сел. Судья повернулась к прокурору и кивнула ему. — Советник.

За этим проследовала пауза в секунду или полторы длиной, затем она повторила, немного раздраженно:

— Советник? — еще одна нетерпеливая пауза. — Советник Тремонт, я вас отвлекаю?

Юный прокурор в прекрасном костюме моргнул, оторвался от своих заметок и поспешно встал.

— Нет, ваша честь, пожалуйста, простите меня. Я готов начать.

— Слава Богу, — сухо сказала судья. — Через три недели моя внучка заканчивает среднюю школу. Постарайтесь успеть до этого события.

Тремон покраснел.

— Э-э, да. Спасибо, ваша честь.

Молодой человек откашлялся, поправил пиджак и подошел к стойке присяжных. Он поднял и показал нам профессиональный глянцевый снимок красивого тридцатилетнего мужчины.

— Познакомьтесь с Кертисом Блэком, — сказал

Тремон. — Он был биржевым брокером. Он любил заниматься скалолазанием по выходным. Трижды в месяц он проводил свои выходные добровольцем на суповой кухне. Когда-то он выиграл оплачиваемый отпуск во Флориду, забросив мяч в кольцо с середины поля после первой половины матча «Чикаго Буллз». Он очень нравился своим коллегам по работе. У него была большая семья. У него был абиссинский кот по имени Пурпур.

Вы, несомненно, отметили, что я использую прошедшее время. Был. Нравился. Проводил. Но я должен использовать прошедшее время, потому что год назад Кертис Блэк был зверски убит в Ригливилле, в переулке за углом Южного Порта и Грейс. Мистер Блэк был забит до смерти кеглей для боулинга. Его ударили по затылку, и вскрытие показало, что он был раздроблен на десяток кусков, подобно стеклу.

Тремон взял паузу, чтобы мы прочувствовали образ. В комнате было очень тихо.

— Государство намерено доказать, — сказал он, — что ответчик, Гамильтон Лютер, хладнокровно убил мистера Блэка. Что он последовал за ним в переулок, схватил из мусорки кеглю и ударил его сзади, отчего мистер Блэк упал на землю. Что ответчик затем продолжал бить ми-

стера Блэка по черепу, нанеся от двенадцати до пятнадцати тяжёлых ударов, пока мистер Блэк лежал перед ним оглушенный и беспомощный.

— Это серьёзное преступление, — продолжил Тремон. — Но у мистера Лютера длинная история жестоких нападений. Судебные улики докажут, что мистер Лютер был на месте преступления, что он оставил отпечатки пальцев на орудии убийства и что судебно-медицинский профиль атаки близко совпадает с его ростом и сложением. Очевидцы и камеры безопасности стали свидетелями его бегства из переулка вскоре после того, как туда зашёл мистер Блэк, и кровь жертвы буквально стекала с его рук. Вне всякого сомнения, улики докажут вину мистера Лютера, и в конечном итоге вы должны будете признать его виновным в этом ужасном преступлении. Спасибо.

— Благодарю вас, советник, — сказала судья, как только Тремон вернулся на своё место. — Мистер Лютер, вы можете представить свою вступительную речь.

Лютер медленно поднялся. Он оглядел присяжных, нервно облизнул губы и подошёл к ним.

— Дамы и… и господа, — произнёс он, слегка заикаясь. — Я знаю, что у меня есть прошлое. Я

отсидел свои десять лет в Стейтвилле за то, что отправил человека на больничную койку. Но это все было в прошлом. Я уже не такой. — Он сглотнул и продолжил, приправив речь неопределенным жестом через плечо в сторону Тремонта. — Этот парень собирается рассказать вам обо всех этих криминалистических штуках, которые говорят, что я это сделал. Но эти отчёты и фотографии не расскажут всего. Многое останется за кадром. Я не юрист. Но я хочу рассказать вам всю историю. А потом… потом, думаю, я увижу, что вы об этом думаете.

На несколько секунд повисла неловкая тишина, потом он кивнул и сказал:

— Окей. Я закончил.

— Спасибо, мистер Лютер, — сказала судья. — Можете вернуться на своё место.

— Да, мэм, — ответил Лютер, после чего так и сделал.

— Мистер Лютер, вы обвиняетесь в убийстве первой степени, — произнесла судья всё тем же механическим голосом. — Что вы скажете в свою защиту?

— Я… — Лютер посмотрел на записи, лежащие перед ним и снова поднял голову. — Не виновен, мэм.

Блин-тарарам.

Вся юридическая мощь штата Иллинойс была брошена против Лютера. Мужик казался достаточно искренним. Но, видимо, единственная защита, которую он мог предложить — это история. История от бывшего заключённого, не меньше.

Я хотел бы его выслушать. Я знал всё о том, как оценивают по вещам, находящимся вне моего контроля. Но я был уверен, что Лютера вернут обратно в тюрьму.

— Мистер Тремон, — сказала судья. — Обвинение готово начать?

— Да, ваша честь, — ответил Тремон.

— Очень хорошо, — сказала она. — Можете вызвать своего первого свидетеля.

* * *

Тремонт провел день, загоняя гвозди в гроб Лютера, методично и по одному за раз.

Он делал именно то, что обещал сделать. Он представил каждое вещественное доказательство, улику за уликой, что связывали Лютера с местом преступления. Лютер был запечатлен зернистой черно-белой камерой безопасности, показывающей дальнюю часть переулка, весь

забрызганный кровью. Его отпечатки были на орудии убийства, в крови жертвы. Арестовавший его офицер взял образцы крови с его кожи и одежды, и они совпали. Дополнительно он дал показания о прошлой судимости Лютера, которая и привела его в тюрьму еще юношей.

Когда появилась возможность проведения перекрестного допроса, Лютер покачал головой и дождался показаний арестовавшего его офицера, чернокожего мужчины за сорок по имени Дуэйн. Он встал и спросил:

— Когда ты задерживал меня, я был ранен?

Офицер Дуэйн кивнул.

— Вы были довольно прилично избиты. Особенно ваша голова.

— Где именно? — спросил Лютер.

Дуэйн хмыкнул.

— Затылок.

— Были ли другие повреждения на мне?

— Вы были одним большим синяком, — сказал Дуэйн.

— Насколько крупной была жертва? — спросил Лютер.

— Примерно пять футов четыре дюйма, может, сто пятьдесят фунтов.

— Тяжелоатлет или типа того?

— Не настолько, чтобы было заметно, — сказал Дуэйн.

Лютер кивнул.

— Вы меня довольно давно знаете. Откуда?

— Я был тем, кто арестовал вас в первый чертов раз.

— Офицер, — произнесла судья.

— Прошу прощения, ваша честь, — торопливо произнес Дуэйн.

— Я тоже это помню, — сказал Лютер. — По вашему опыту, мог бизнесмен, как он, отделать такого парня, как я?

— Если он не вооружен или натренирован, то нет.

— Еще один вопрос, — произнес Лютер. Он покосился на офицера и продолжил: — Мы живем в одном районе с тех пор, как я вышел. Вы когда-нибудь предполагали, что от меня опять будут проблемы?

— Протестую! — заявил Тремонт. — Он спрашивает чисто гипотетически.

Лютер нахмурился и произнес:

— Местные копы профессионально взаимодействуют с бывшими заключенными на регулярной основе, мэм. Это обстоятельство квалифицирует его экспертное мнение о потенциальном, эм… —

он сверился со своими записями и продолжил осторожным, четким голосом: — рецидиве.

Судья посмотрела на Лютера и сказала, обращаясь к Тремонту:

— Отклонено. Вы можете ответить, офицер.

— Нет, — сказал Дуэйн. — Я видел тебя с твоими детьми. Я бы не обвинил тебя в этом.

— В рапорте об аресте, — произнес Лютер, — записано, о чем именно я все время спрашивал офицеров?

Дуэйн откашлялся и поглядел в лежащий перед ним блокнот.

— Да. Подозреваемый всё время спрашивал: «Где она?» и «Она в порядке?»

— О ком я говорил?

Офицер Дуэйн перевернул страницу и прокашлялся.

— Подозреваемый утверждал, что вступил в конфронтацию с умершим лишь после того, как увидел, что тот затаскивал ребенка женского пола, латиноса, лет десяти, в переулок, — прочитал он. — Последовавшее расследование не смогло подтвердить наличие там еще одной персоны.

— Как тщательно они смотрели? — спросил Лютер.

— Прошу прощения?

— Вы меня слышали, — сказал Лютер. — По вашему мнению, как тщательно следователи искали маленькую девочку, которая могла бы очистить от подозрений в убийстве крупного бизнесмена бывшего заключенного?

— Протестую.

— Отклонено.

— Я не детектив, — сказал офицер Дуэйн. — Так что не могу судить. Но я уверен, что они следовали ведомственным рекомендациям.

Мой отточенный дерьмометр, полученный за годы работы в качестве управомоченного, лицензированного детектива, заработал. Копы были тщательны настолько, насколько они могли бы быть, но они не были таковы всегда — вот почему частные детективы оставались в деле, в первую очередь. Это и понятно — в городе размером с Чикаго просто огромное количество дел, детективы просто утопают в работе, и расследования с ранениями ведутся довольно жестко. Преобладание доказательств, отсутствие свидетелей, а также статус Лютера как бывшего заключенного сделали этому делу слэм-данк, низший приоритет — и в большинстве случаев копы были бы правы. После того, как все доказательства были добыты и изучены и должным образом приоб-

щены, копы были более чем уверены, что взяли нужного человека. А там уже гора свеженького правосудия поджидает от имени новых жертв. Даже самые преданные и искренние детективы могли по понятным причинам опустить мяч.

— Разумеется, — сказал Лютер. Он сел обратно и добавил: — Я закончил.

Судья посмотрела на часы и спросила:

— Мистер Тремонт, у вас есть еще какие-либо дополнительные свидетели?

Тремонт выслушал, что ему прошептала ассистентка, и встал.

— Ваша честь, обвинение закончило.

— Стало быть, и мы, — сказала она. — Мистер Лютер, защита может начать это дело с утра. Хотела бы напомнить присяжным, что детали этого дела конфиденциальны и не подлежат обсуждению или разглашению. Мы продолжим здесь в девять утра.

— Всем встать! — произнес пристав, мы встали, судья покинула комнату.

Я нахмурился, когда Лютера вывели из зала.

Что-то здесь не складывалось.

Если Лютер был профессиональным громилой, то у мелкого парня вроде Кертиса Блэка не было против него и шанса. Я знавал достаточно кру-

тых парней, чтобы правильно оценить Лютера. Честно скажу — не хотелось бы мне тягаться с ним мускулами, если этого можно избежать, и это даже сейчас со всеми физическими бонусами, которая дает мне мантия Зимнего Рыцаря. Неважно, сколько ты выжимаешь лежа, некоторые люди чертовски опасны в бою, и ты реально сглупишь, если полезешь с ними в ненужную драку. Я понял, что Лютер как раз из таких людей.

Кроме того, Тремонт был слишком молод, чтобы вести такое первоклассное дело об убийстве. Прокуратура обожает подобные «показательные случаи», на которых могут вволю покрасоваться. Убийцы привлечены к ответственности, система работает, ну и все в таком роде. Такую «конфетку» не отдают молодняку, на чьем дипломе юриста еще не высохли чернила. Значит, мысли ветеранов-законников Чикаго схожи с моими: что-то в этом деле смердит до небес.

Я не дока в юриспруденции, зато могу с успехом защитить диссертацию о тех областях Чикаго, которые никогда не освещаются в вечерних новостях. Если Лютер говорил правду, то Кертис Блэк не мог быть человеком.

Проблема в том, что большинство людей этого не знает. Даже если Лютер говорил правду

о Блэке, ему явно не светит извинительное рукопожатие от чикагской правовой системы. Блин-тарарам, даже знающий его коп ему особо не верит. Никто не собирается высказываться в защиту подсудимого.

Если только я это не сделаю.

Он отец. Ради его детей мне нужны ответы.

Выходя с остальными членами жюри из здания суда, я взглянул на часы. Следующее заседание завтра в девять утра. Значит у меня меньше шестнадцати часов, чтобы сделать то, что маги делают лучше всего.

Я ушел и начал вмешиваться в чужие дела.

* * *

— Ну как? — спросил я большого серого волка, уже некоторое время рыскающего по переулку.

Окинув меня раздраженным взглядом, он сел и через несколько секунд, мерцая, перекинулся обратно в форму Уилла Бордена, лежащего голым на грязной бетоне.

— Гарри, ты этим не помогаешь.

— Так ты нашел что-нибудь или нет? — спросил я.

— Это не так просто, как кажется, — сказал он. — Понимаешь, чувак, когда я волк, то у меня

в арсенале волчье обоняние, но никак не гребаный волчий мозг. Я учился рассортировывать сигналы из общей «картины запахов», но это чертовски сложно. Практикуясь в этом еще с тех пор, как был первокурсником, сейчас я вполне могу пройти по горячему следу, но ты же просишь проанализировать отдаленный фон. Не уверен, что даже настоящий волк сможет это сделать.

Я осмотрел переулок, где Лютер избил до смерти Блэка. Со дня убийства прошел почти год. Не осталось никаких следов драмы, ничего, что могло бы навести на мысль о том, что здесь кто-то умер. Да и пятна крови уже давно затерялись в общем слое накопившейся грязи… Мы достаточно углубились в переулок, чтобы быть вне поля зрения улицы, за вычетом небольшого участка пространства, который машины пересекали за секунду.

— Ладно, в любом случае шансы на успех были мизерны.

— Собираешься добыть информация своим чародейством?

— За год здесь ничего не осталось, — сказал я. — Слишком много дождей, слишком много восходов солнца. Даже Молли не смогла бы здесь добиться нужного результата.

— Что же нам тогда делать?

— Снова обрасти шерстью. Мы здесь зависнем на некоторое время.

Он нахмурился.

— Зачем?

— Думаю, девочка пройдет здесь в ближайшие несколько часов.

— С чего это?

Я пожал плечами.

— Давай предположим, что Лютер говорил правду.

— Ладно.

— Мелкий парень хватает маленькую девочку и тащит ее в переулок. Лютер прыгает на него сзади, но мелкий впечатывает громилу в стену. Лютер дерется с ним, причем с трудом и в результате забивает Блэка до смерти. Какой мы можем сделать вывод?

— Что Блэк был сильнее и выносливее обычного человека, — сказал Уилл — Наверно, из сверхъестественной братии.

Я кивнул.

— Хищник. Может, вурдалак или что-то в этом роде.

— Ладно. И что?

— Хищник, охотящийся в центре города? Они

не склонны открыто хватать маленьких девочек с улицы, ведь кто-то может увидеть происходящее.

— Вроде Лютера.

— Вроде Лютера. Но этот хищник не действует по шаблону. Он не охотился на бродягу, спящего в заброшенном здании, или на тех, кто шатался по переулкам в поисках наркоты, или на проститутку — ни на одну из обычных целей. Он нацелился на нечто рисковое. И собравшись это сделать, он должен был просчитать каждый сопутствующий фактор.

— Думаешь, он следил за ней?

Я кивнул.

— Выследил, выучил ее привычки и поджидал.

Уилл покосился по сторонам переулка.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что так поступил бы кто-то из Зимних, — сказал я. — Как сделал бы я, если б мне пришлось украсть кого-то из оживленной части города.

— Мда. Это совсем не стремно или типа того, Гарри.

Я ощерился.

— Не так много разницы между волками и овчарками, Уилл. Ты это знаешь.

Он кивнул.

— Так мы ждем тут, чтоб проверить, ходит ли она еще этим маршрутом?

— Если она все еще тут ходит, она будет торопиться и волноваться. Это ее выделит.

— Знаешь, кто еще стоит на оживленной улице Чикаго? Лесной волк.

— Подумал об этом, — сказал я и извлек рулон ткани из огромных карманов моего пыльника.

— Да ты шутишь, — сказал Уилл.

Я улыбнулся.

— А что в гитарном чехле?

Я улыбнулся шире.

* * *

Через несколько минут я сидел на тротуаре, подпирая спиной здание, с потрепанной гитарой на коленях, раскрытый чехол лежал передо мной с горсткой мелочи и старой вытертой долларовой купюрой в нем. Уилл расположился рядом со мной, одетый в жилет служебной собаки, положив морду на передние лапы. Он издавал легкое ворчание.

— Все будет хорошо, мальчик.

Уилл нахмурился.

— Просто держи нос наготове, — сказал я и

начал играть.

Я начал с «Hurt» версии Джонни Кэша, потому что она очень простая. Я спел под нее. Я не очень хорош, но я попадаю в ноты и держу ритм, так что более или менее это работало. Я продолжил песней «Behind Blue Eyes» и затем «Only Happy When It Rains». Потом я сыграл «House of the Rising Sun» и полностью искаженную «Stairway to Heaven».

Не было особо сильного пешеходного движения в этот будний вечер на улице, не особенно оживленной в конце марта, но никто не смотрел на меня дважды. Я заработал два с половиной бакса мелочью в первый час. Жизнь музыканта не так уж и проста. Патрульная машина проехала мимо, и коп адресовал мне пристальный взгляд, но не остановился и не выгнал меня. Вероятно, у него были дела.

Начало темнеть, а я повторил свой скудный набор пять или шесть раз, когда я начал подумывать о том, чтобы сдаться. Девочка, если она все еще придерживается того же маршрута, определенно не стала бы бегать по городу после наступления темноты.

Я как раз пел про запоздалое получение сообщений, когда Уилл внезапно поднял голову, сфокусировав взгляд.

Я проследил направление его взгляда и заметил девочку как раз нужного возраста, выходящую из автобуса. Она сразу же пошла прочь, вниз по улице, оставаясь на другой стороне улицы, по направлению к станции Эль в квартале отсюда.

— Что мы имеем? — сказал я. — Ребенок, использующий постоянный маршрут, подвергается нападению в Чикаго, ребенок, вероятно, пользуется общественным транспортом, работающим по расписанию. Это делает ее действительно предсказуемой. Идеальная метка для хищника.

Уилл громко заворчал.

— Да, думаю, я довольно умен, — сказал я ему. — Запомнил ее запах?

Уилл боднул меня плечом и снова зарычал.

Я нахмурился и внимательно приглядывался, пока не заметил довольно крупного и грубого мужика, выскочившего из автобуса в последний момент перед отправкой. Он направился вниз по улице, явно преследуя девочку. Он не был маниакально сосредоточен на ней или типа того, но он не двигался, как кто-то, устало возвращающийся домой после тяжелого дня. Я распознал его темп, его позицию и его напряжение точно так же, как это сделал Уилл. Он был хищником, тайно преследующим свою добычу.

Что еще хуже — у него был смартфон. Его пальцы постукивали по нему, пока он шел за девочкой.

— Проклятье, — сказал я. — Кем бы Блэк ни был, они были связаны. Я за психом. Ты ступай к девочке.

Уилл адресовал мне короткий, недоверчивый взгляд.

— Я здоровенный и пугающий, а ты пушистый и симпатичный. Ей одиннадцать, ты ей понравишься.

Уилл ответил пустым взглядом, а в его золотых глазах совсем не было веселья. От волка это выглядело тревожно.

— Я не знаю, — сказал я. — Повиляй хвостом и потрись носом, или типа того. Вперед!

Должен отдать Уиллу должное, он знает, когда действия важнее вопросов. Он рванул с места, растворившись в наступающих вечерних сумерках.

Тем временем я убрал гитару в чехол, поставил обратно в переулок, встал и сфокусировался на головорезе. Чародеи и современные технологии не ладят между собой, и ничего не подыхает так быстро, как мобильник, когда чародей хочет его сломать. Я собрал достаточно энергии, чтоб

выполнить задачу, не вырубая при этом свет во всем квартале, направил палец в сторону преследующего девочку мужика и прошептал:

— Hexus!

Волна разрушительной энергии пронеслась по улице и прямо над мужиком со смартфоном. Была вспышка света и целый поток искр из телефона, мужик вздрогнул и бросил свой девайс. Большинство людей либо пялились на него, либо дико озирались вокруг. Этот парень этого не делал. Он присел в защитной стойке и принялся сканировать окружение широко раскрытыми глазами.

Он понял, что это была угроза, а, значит, имел представление, что это мог сделать чародей. То есть он был не просто головорезом. Он достаточно хорошо осведомлен о сверхъестественном обществе, чтобы узнать игроков и их стиль работы. Что делало его элитным наемником, что значительно сужало круг лиц, на которых он мог бы работать.

Я проверил улицу, поспешил через возникшее окно в трафике и направился прямо к нему. Он заметил меня спустя секунду и без колебаний побежал, что впечатлило меня его суждением, но он побежал за девочкой, что означало, что он еще не сдался. Я развернулся, чтобы преследовать его,

прыгнул, подтянув мои колени в воздухе к подбородку, упершись руками о капот голубого бьюика, перелетел через него и продолжил бежать.

Мы забежали за угол, и я понял, что происходит.

Головорез, которого я преследовал, не был захватчиком. Он был загонщиком, призванным убедиться, что девочка не вернется обратно, откуда пришла. Я заметил девочку впереди, поторапливаемую еще тремя мужиками, и мой парень устремился к ним, когда их увидел.

Я немного замедлился, подводя итоги. Громилы впереди заметили меня за спиной своего приятеля, и руки их потянулись под пальто. Я устремился к двери магазинчика канцтоваров, уже закрытого, и все громилы пропихнулись в свою дверь, не доставая оружие на улице.

Меня это устраивало. Я все равно надеялся убрать их куда-нибудь с улицы.

Я подождал, пока они скроются внутри, дал им досчитать до пяти, а затем двинулся дальше. Дверь, за которой они спрятались, принадлежала маленькому ночному клубу. Знак, красовавшийся на двери, гласил: «Закрыто на ремонт».

Дверь была заперта.

А еще она была сделана из стекла.

Я улыбнулся.

* * *

Я вдохнул, выдохнул и вынес эту дверь банальной телекинетической волной. Я поддернул рукав, оголяя браслет из щитов, соединенным между собой полосами крафтовой меди, тщательно покрытый защитными рунами и печатями. Я направил часть своей воли в браслет, и руны на нем ожили, залитые зелено-золотой энергией и редкими вспышками искр.

— Так, люди! — провозгласил я, вступая через дверной проем в клуб. — Вам известно, кто я. Я пришел за девочкой. Отпустите ее, или помоги мне Господь, но я обрушу все здание вам на головы.

Не обрушу, конечно, пока девочка внутри, но они-то этого не знают.

Довольно долго было тихо. А потом откуда-то из недр клуба заиграла музыка. «Bad Romance» от Леди Гага.

— Окей, — прошептал я. — Сделаем это по-вашему.

Я устремился в темноту клуба, мой защитный браслет отбрасывал легкую пелену света от рун, достаточную, чтоб я не натыкался на стены. Я

прошел через прихожую, мимо целой череды окошек, где мне бы стоило оплатить вход, к двойным дверям, ведущими к бару и танцполу.

Я поднял свою левую руку, словно держа настоящий щит, браслет засветился, и я вступил в помещение клуба.

Маленькая девочка сидела в кабинке у дальней стены. Четверо громил расположились по обе стороны от нее, направив оружие в руках в сторону пола. Также с девочкой в кабинке сидела симпатичная помощница прокурора. Когда я вошел в двери, она подняла руку, нажав на пульт дистанционного управления, и голос Леди Гаги выключился прямо посреди пожелания моего порочного романа.

— Достаточно, — сказала женщина. — Будет очень стыдно, если кто-нибудь запаникует и ситуация выйдет из-под контроля. Могут пострадать невинные.

Я остановился.

— Кто ты? — спросил я.

— Таня Рейт, — ответила она и адресовала мне довольно головокружительную улыбку.

Дом Рейт был главным домом всей Белой Коллегии вампиров. Они были обманщиками, поглотителями энергии, а иногда еще и здоро-

венной занозой в заднице. Возглавляла Белую Коллегию Лара Рейт, некоронованная королева вампиров и одна из самых опасных персон, что я встречал. Она обладала бешеным влиянием в Чикаго, может быть, даже не уступающим главе Чикаго, Джентльмену Джонни Марконе, гангстерскому владыке злых улиц.

Я чертовски внимательно следил за головорезами и тем, что они делают со своими руками, пока говорил.

— Ты знаешь, кто я. Ты знаешь, на что я способен. Отпусти ее.

Она закатила глаза, накручивая на палец тонкие прямые черные волосы.

— С чего бы мне это делать?

— Потому что ты знаешь, что случилось с прошлыми вампирами, похитившими маленькую девочку, когда я решил ее вернуть.

Ее улыбка слегка дрогнула. Так и должно быть. Когда кровососущая Красная Коллегия похитила мою дочь, я вернул ее — и убил каждого из них в процессе. Весь вид.

Я не бросаю дела на половине.

— Ты нравишься Ларе, — сказала Таня. — Так что я дам тебе возможность выйти отсюда мирно. Это дело Белой Коллегии.

Я хмыкнул.

— Блэк был одним из ваших?

— Грэгор Мальвора, — подтвердила она. — Он был мальворовской мразью, но он был нашей мразью. Лара не может позволить смертному скоту, сделавшему это, уйти безнаказанным. Имидж. Ты понимаешь.

— Я понимаю, что Грэгор похитил ребенка. Он сделал все, что мог, чтобы напугать ее, а затем питался бы на ее страхе. Если бы Лютер не убил его, что бы он сделал с маленькой девочкой?

— Ох, страшно представить, — ответила Таня. — Но это все-таки именно то, что они делают.

— Не в моем городе, — сказал я.

Она вздернула брови.

— Я полагала, что барон Марконе имеет основные притязания на этот город. Или я ошибаюсь?

— У меня достаточно притязаний, чтоб повязать тебя и твой брутальный отряд и засунуть в самую глубокую часть озера Мичиган, если ты не вернешь мне девочку.

— Я думаю, что придержу ее день или два. Только пока не закончится суд. Так будет лучше для всех участников.

— Ты отдашь ее мне. Сейчас.

— Чтобы она могла дать показания и реа-

билитировать мистера Лютера? — спросила Таня. — Думаю, нет. У меня нет желания причинять вред этому ребенку, Дрезден. Но если ты попытаешься забрать ее у меня, неохотно, но мне придется ее убить.

Нижняя губа девочки задрожала, и слезы покатились по ее лицу. Она не рыдала. Она делала все это тихо, отчаянно стараясь не привлекать к себе внимания.

Так, ладно.

Я не собираюсь стоять столбом и оставлять ребенка на съедение вампирам.

— Чикаго — город смертных, — сказал я. — И здесь должно руководствоваться смертным правосудием.

— Господи, — произнесла Таня, закатывая глаза. — Ты действительно только что громко это сказал? Звучишь, как в комиксе.

— Комиксы, — сказал я. — Посмотрим. Мне надо устроить «Халк крушить» или «Время взбучки»…

Таня напряглась, хоть и попыталась это скрыть, голос ее звучал торопливо.

— Какое совпадение, тебе не кажется, что единственный профессиональный чародей Чикаго попал в жюри?

Я наклонил голову и нахмурился. Она была

права. На деле, чем больше я думал об этом, тем больше это отдавало запашком войны.

— О! Понял. Лютер был одним из солдат Марконе.

— Лояльным настолько, что предпочел пойти в тюрьму на десять лет, чем настучать на Марконе, — подтвердила Таня. — Или, может, достаточно разумным, чтобы понимать, что с ним случится, если он это сделает. Он покинул ряды сразу после того, как освободился, но…

— Когда он попал в беду, Марконе заступился за него, как за одного из своих, — сказал я. — Он потянул за ниточки, чтобы посадить меня в жюри.

— Лютер оказался меж двух огней, — сказала Таня. — Марконе контролирует преступность, но у Лары огромные связи в законе на данный момент. Я полагаю, что он решил, что кто-то типа тебя может быть единственным шансом Лютера. Отважно с его стороны — пытаться манипулировать Гарри Дрезденом. Я слышала, ты это не любишь.

Проклятье. Марконе поставил меня туда, где парень мог получить быстрый несправедливый приговор, и он чертовски хорошо знал, как я отреагирую. Он мог бы напрямую попросить меня о помощи, но мне бы пришлось послать его…

далеко. И он знал это. Так что он провернул это без моего ведома.

Или еще хуже. Он и Мэб состояли в сговоре последнее время. Он мог попросить ее все устроить. На всем этом ее отпечатки.

— Таня, — сказал я. — Тяжело говорить это вампирам, но мне кажется, что ты больно юна для этой работы.

Она подмигнула мне.

— Давай скажем, что я достаточно стара, чтобы знать лучше, и достаточно молода, чтоб не заботиться об этом, — она взяла напиток со стола. — Это конец, Дрезден. Ты ничего не можешь тут поделать. Ты не можешь представить доказательства в суде — не как присяжный заседатель. Не можешь пойти и сказать Лютеру, что нашел девочку, а даже если и можешь, то не сможешь забрать ее у нас. Не до тех пор, пока не станет слишком поздно. Девочка — это единственное доказательство того, что Блэк не был невинной жертвой, и она у меня. Сделано. Марконе проиграл раунд. Я выиграла, — она опять мне подмигнула. — Что Марконе для тебя значит? Ты ему ничего не должен. Почему бы тебе не присесть, выпить и не помочь мне отпраздновать?

Я смотрел на Таню с минуту.

— Нет, — тихо сказал я. — Ты просто не понимаешь. Это больше не между Ларой и Марконе. Это больше даже про Лютера, — тогда я посмотрел на маленькую девочку. — Дорогая, — спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко. — Ты хочешь пойти домой?

Она посмотрела на меня. Она была довольно симпатичная для своего возраста, с карамельной кожей и большими зелеными глазами. Она кивнула, очень нерешительно, вздрагивая, словно думала, что Таня может ее ударить.

— Окей, — сказал я.

Таня уставилась на меня, словно не совсем понимала, что происходит. Но голос ее прозвучал жестче, когда она сказала:

— Джентльмены? Чародею не понравился пряник. Пришла пора кнута.

Справа от меня из-за стойки бара появились еще четверо мужчин. В руках у них были обрезанные дробовики. Слева же, из уборных, вылезли еще четверо, вооруженные разнообразными длинноствольными пушками.

— Считаю до трех, — сказала Таня. — Мальчики, когда я дойду до трех, убейте его.

Дерьмо. Они угрожали мне еще и с флангов. Мой щит был превосходен, но он не мог прикрыть

меня со всех сторон. Не важно, куда я повернусь, одна или несколько групп громил пальнут в мою незащищенную спину.

— Один, — сказала Таня, улыбаясь. — Два.

— Комиксы, говоришь? — сказал я. — Ну, как знаешь.

— Три, — прощебетала она.

Ружья нацелились на меня. Дюжина человек прицелилась.

— Hexus, — прорычал я, высвобождая волну разрушительной энергии.

И каждая лампочка в помещении погасла, рассыпая ворох искр, погружая клуб в темноту.

Ружья загрохотали, но только в руках самых опытных или тупых стрелков, так что я не был разорван на куски. Я уже перемещался. Подстрелить движущуюся цель не легко, даже когда она достаточно близко. А подстрелить ее в темноте в разы сложнее. А уж попасть в движущуюся цель посреди вспышек света еще труднее.

Мне повезло, или никому из них не повезло, как вам будет угодно думать, но я подобрался к головорезам, бывшим на стороне Тани, в целости и сохранности.

Один из них выстрелил на звук, но я поймал пулю на щит, и получившийся от удара дождь

искр показал парням с флангов, что я нахожусь среди их товарищей, отчего никто больше не стал стрелять мне в спину. Я знал, что Лара рекрутирует в основном бывших военных, по большей части морпехов. Люди вроде них не любят стрелять в своих.

Я опустил щит и ударил парня перед собой. Когда я начал работать на Королеву Воздуха и Тьмы, то стал посильнее обычного чародея. Или среднего чемпиона-штангиста, если на то пошло — и раздавать удары я умел. Кулак жёстко угодил парню в челюсть, и я крикнул: «БАМ!», когда сделал это.

Бандит качнулся и тряпичной куклой на подгибающихся ногах осел на пол. Следующему я засадил пяткой с воплем «ПЫЩ!». Я бил в темноте, наугад, куда-то примерно в брюхо. Его пистолет улетел неизвестно куда, в то время как самого парня приподняло и с задушенным воплем унесло на десять футов в стену. Я поморщился, так как не собирался бить туда, но осечки случаются у всех.

Я снова поднял щит и упал, в то время как плохие парни с дробовиками поняли, что рядом со мной больше нет ни одного из их приятелей и начали пальбу. Я доверился щиту и отвернул свое

лицо от ослепительного душа зелено-золотых искр, появляющихся всякий раз, как картечь попадала в щит. Медный браслет на моем запястье нагрелся, и в этот момент я резко направил правую руку в сторону стоящей рядом с уборными группы громил и крикнул: «*Forzare*!».

Чистая телекинетическая сила ударила по трем головорезам. Одним из них был парень с улицы, который снова произвел на меня впечатление своей смекалкой, нырнув в сторону и избежав столкновения с энергетической волной. В то время как дробовики «простукивали» мой щит, он проскользнул к стойке, вытащил автоматический пистолет, сжал его обеими руками, задержал дыхание и тщательно прицелился. Его палец лег на спусковой крючок, лишь после того я оказался точно на мушке.

Отстой. Перефразируя Браста, неважно насколько турбо-заряжен чародей, кто-то с мозгами, отвагой и 45-м калибром может серьезно осложнить чародею жизнь.

К счастью, я не сражался в одиночку.

Я рассчитывал, что Уилл присоединится в нужный момент, и он не подвел меня. Две сотни фунтов серо-коричневого лесного волка (одетого в жилетку служебного пса) на спринтерской ско-

рости ударили умника-громилу, сбивая с ног, как шар кеглю. Вспышка белых клыков отправила пистолет в свободный полет.

Общее время, прошедшее с тех пор, как я вырубил свет? Может быть, три с половиной секунды.

Уилл бросился на парней, которых я вырубил рядом с уборными, а я, повернувшись, обнаружил, что был прав насчет Тани. В этих играх она явный новичок. Ошеломленная неожиданным всплеском насилия, она сидела с застывшим выражением на лице.

Я кинулся в кабинку, где она сидела. Приблизившись максимально близко, я обхватил левой рукой ее шею достаточно сильно, чтобы прижать ее голову к моему телу, при этом держа браслет готовым к отражению стрельбы. В тот же момент умник-громила крикнул: «Прекратить огонь, прекратить огонь!»

Стрельба прекратилась. В клубе повисло резкое молчание, дополненное острым запахом пороха.

На секунду я почувствовал нахлынувшее прохладное, сладкое ощущение. Я понял, что Таня засунула руку под мою рубашку и пробежала пальцами по моему животу.

Если кто-то говорил вам, что нет ничего особенного в том, когда на тебе кормится вампир Белой

Коллегии, то они лгут. Это экстази, и героин, и секс, и шоколад — все сразу и в одном. И это только прелюдия.

Поэтому я остановил ее, усилив свою хватку на ее шее до уровня «еще немного и сломаю». Таня негромко взвизгнула и отдернула свою руку подальше от моей кожи.

Я посмотрел в широкие глаза маленькой девочки и сказал:

— Держись, дорогая. Через секунду я заберу тебя домой.

— Ты не можешь! — сказала Таня.

Я нахмурился и раздраженно щелкнул ее по лбу указательным пальцем свободной руки.

— Да, ты действительно новичок, — сказал я, тяжело дыша. Пять секунд боя даже по окончанию заставляют сердце биться в учащенном темпе некоторое время. — Сколько тебе лет, ребенок?

— Мне двадцать, — сказала она, напряженно стиснув зубы, — и я НЕ ребенок.

— Двадцать, — сказал я. — Неудивительно, что Лара отправила с тобой няньку.

В этот момент комнату озарил зеленый химический свет. Я посмотрел на Умника Громилу, который только что зажег вытащенную из кармана светящуюся палочку. Я кивнул ему головой,

подождал мгновение и сказал:

— Я Дрезден.

Он приподнялся с пола левой рукой, прижимая свою правую руку к телу. У него были длинные порезы, кровь казалась черной в зеленом свете. Он кивнул мне и сказал с опаской:

— Райли.

Я повернулся ровно настолько, чтобы немного прижать Таню. Она тихо взвизгнула.

— Ты видишь текущий расклад, Райли?

Он, морщась, изучил комнату.

— Да. Как хочешь сыграть?

— Убрать оружие, — сказал я. — Я, волк, девочка и мисс Рэйт сейчас выйдем наружу. Никто за нами не идет. Как только мы окажемся на улице, я ее отпущу.

Он смотрел на меня, и я видел, как в его голове крутились шестеренки. Мне это было не нужно. Парень был и без того слишком смышленым, чтобы дать ему время на придумывание чего-нибудь.

— Вы, парни, только что устроили в мою честь двадцатиоднократный пушечный салют. К тому же, Райли, входная дверь в клуб снесена напрочь. — сказал я. — Время отклика полиции в этих краях составляет около четырех минут.

Думаешь, сколько времени пройдет, пока кто-то не позвонит копам?

Райли поморщился.

— Дай мне свое слово.

— Обещаю, — сказал я.

— Хорошо, — сказал он. Он оглядел комнату и сказал: — Отбой. Мы позволим им уйти.

— Чтоб тебя, Райли! — прорычала Таня.

Я прижал все еще неприятно горячий медный браслет к ее уху, и она ойкнула.

— Идемте, мисс Рейт, — сказал я.

Я встал, держа ее голову зажатой в моей руке. Она могла бы начать отбиваться. На короткое время вампиры Белой Коллегии могут стать невероятно сильными. Она не казалась приспособленной для физической борьбы, но я не стал рисковать. Я двигался осторожно, сохраняя баланс, готовый немедленно отреагировать, если она что-нибудь предпримет.

— Давай, милая, — сказал я маленькой девочке и протянул свободную руку к ней. — Я собираюсь забрать тебя домой.

Она встала и неохотно взяла меня за руку.

Уилл вылез из тени, и встал по другую сторону девочки, оскалив зубы. На волчьей морде это выражение было абсолютно ужасающим.

Дойдя до Райли, я спросил:

— Лара решила преподать здесь Тане урок?

— Что-то типа того, — сказал он. — Если ранишь ее, дела примут нежелательный для всех оборот.

— Понял, — сказал я. — Ты бы достал меня, не начни я жульничать.

— Ты не жульничал, ты просто не слишком напрягался, — последовал ответ. — В другой раз может быть.

— Надеюсь, нет, — искренне сказал я.

И я вышел с зажатой в клинч вампиршей и маленькой девочкой, скрытой в защитных тенях волшебника и оборотня, в то время как солдаты Лара Рейт смотрели на нас.

* * *

— Ваша честь, — обратилась представительница присяжных к судье. Прервавшись, чтобы повернуться ко мне и попытаться испепелить меня взглядом, она продолжила: — После двух дней обсуждения члены жюри не смогли прийти к единогласному вердикту по делу.

Одиноко сидящий за своим столом Лютер моргнул и выпрямился, широко раскрыв глаза.

У помощника окружного прокурора было примерно такое же выражение лица. Рядом с ним,

напряженно смотря вперед, сидела Таня, чьи волосы были высоко зачесаны, чтобы не потревожить обожженное ухо.

Судья с усталым смирением смотрела на присяжных. Ее взгляд остановился на мне.

— Что? — сказал я, сложив руки на груди. — Я ему поверил.

Она потерла глаза одной рукой и что-то пробормотала под нос. Я напряг слух, который, кстати, на порядок лучше, чем у большинства людей, и думаю, услышал, как она шепчет что-то вроде «проклятые сверхъестественные придурки».

Она снова подняла глаза и заговорила привычно-официальным тоном:

— В таком случае у меня нет выбора, кроме как аннулировать этот судебный процесс. Мистер Тремонт, офису прокурора необходимо уведомить меня, собирается ли прокуратура продолжать ведение этого дела против ответчика.

Улыбаясь, я смотрел на Таню.

Если Белая Коллегия снова попытается начать дело, я смогу представить девочку (Марию) как свидетеля. На данный момент Мария была под охраной группы оборотней, что не даст ей снова «загадочно исчезнуть». И если вампиры продолжат напирать на Лютера, то мне ничего не стоит

вытащить все их мерзкие делишки на свет. И если есть что-то, что Белая Коллегия ненавидит, так это выглядеть мерзко.

Таня на меня надулась и пробурчала что-то удивленно моргающему Тремонту. После их короткой, но бурной дискуссий (разумеется, шепотом) Тремонт повернулся к судье.

— Ваша честь. Штат хотел бы снять все обвинения.

— Серьезно? — спросила судья. Потом она закатила глаза и сказала: — Ну, разумеется. Хорошо, люди, справедливость восторжествовала, суд удаляется.

Она вполсилы стукнула молоточком поднялась. В то время как она покидала зал заседаний, мы все встали и тоже отправились на выход.

Лютер сидел ошеломленный, пока судебный пристав снимал с него наручники. Затем он был погребен под кучей-малой из негромко верещащих визжащих детей, к которым вскоре присоединилась женщина со слезами на глазах. Я слышал, как он начинал смеяться, как он обнял их.

В мои глаза что-то попало, так что я поспешил уйти.

Снаружи, на парковке, кто-то подошел ко мне

и дернул за рукав. Мне понадобилась секунда, чтобы узнать судью в ее гражданской одежде — простой паре брюк и белой рубашке.

— Дай угадаю, — сказала она. — Кто-то нашел девочку.

— Девочку, о которой как-его-там говорил при даче показаний? — спросил я бесхитростно.

— И если бы девочка встала перед всеми и ответила на вопросы, это принесло бы немало неудобств тем, кто стоял за Блэком. Я права?

Почесав одни пальцем нос, я ответил:

— Может быть.

Она фыркнула и повернулась, чтобы уйти.

— Юрист из тебя — хуже не придумаешь.

— Спасибо, — ответил я.

Она остановилась и посмотрела на меня через плечо с легкой улыбкой:

— Пожалуйста.

Я еще немного пошатался вокруг, чтобы увидеть Лютера покидающим здание вместе со своей семьей. Свободным человеком.

Может быть, Уилл был прав.

Правосудие восторжествовало.

15.4 Монстры (2019)

Моя секретарша открыла дверь, наклонилась и что-то сказала.

Я скинул ноги со стола, вытер слюну с подбородка, потёр сонные глаза и произнес:

— Что?

— Я же сказала, что у нас посетитель. — произнесла Вити. Она была среднего роста, весьма привлекательна, и её тело дрожало от напряжения. — Он опасен.

— Ты всех считаешь опасными.

— Я считаю всех предателями, — поправила она меня. — Этот человек может тебя убить.

Я склонил голову набок и прищурился.

— А?

Она кивнула.

— Я не знаю, кто он. Но он точно из плохих парней, Грей.

Я вытер подбородок и немного поправил одежду.

— Что ж. Проводи его сюда.

— Ты уверен?

— Постарайся не убивать его, пока я не по-

прошу.

Вити бросила на меня обиженный взгляд, который показался мне незаслуженным, поджала губы и ушла. Я проводил её оценивающим взглядом. У нас с Вити чисто деловые отношения, и всё-таки она в отличной форме.

А я ещё я понятия не имею, когда она вновь решит меня прикончить.

Всё сложно.

Я налил себе чашечку кофе из кофемашины Кюриг. Экологически чистой её не назовёшь, но то же касается, например, выращивания пищи. И дыхания. Если людям хочется повысить сложность той игры на выживание, в которой они участвуют, это их дело. Мне от этого не горячо и не холодно.

Меня зовут Гудман Грей, и я профессиональный монстр.

Человек, который вошёл ко мне в офис, излучал опасность. Среднего роста, среднего телосложения, превосходный костюм, сногсшибательная причёска. Осанка выдала в нём бывшего военного. Чуть заметный аромат оружейного масла говорил, что он был вооружён. Мы ещё не были знакомы, но я знал, кто он.

Каждый плохиш в Чикаго знал, кто такой

«Джентльмен» Джон Марконе.

— Никаких головорезов? — спросил я, не поворачиваясь и продолжая готовить себе кофе. — Никаких телохранителей с того света? Никаких девочек на побегушках из Вальхаллы?

Марконе глазами пробежался по моему офису и ответил:

— Мне сказали, ваша секретарша до зубов вооружена и начеку.

Он рассчитывал, что его узнают. Что ж, пожалуй, это логично, если речь идёт о Бароне Чикаго, хозяине его преступного мира.

— Приукрасили, — сказал я твёрдо. — Она зайка.

Марконе показал мне зубы:

— Вот как.

Широким жестом руки я указал ему на стул напротив моего стола. Он кивнул и сел.

— Кофе?

— Спасибо, не нужно.

Я плюхнулся обратно на своё место, подул в чашку и взглянул на него сквозь завесу поднимающегося пара.

— Что заставило вас обратиться в ООО «Монстр»?

— Дело, — ответил он. — Что вам известно о

некой преступной группировке из Лос-Анджелеса?

— Восемнадцатая? — спросил я. — Или тринадцатая?

— Это важно?

Я пожал плечами.

— Она крупная, организованная, хорошо финансируется и чрезвычайно опасна, — сказал Марконе.

— Деловые партнёры? — спросил я.

Я вновь увидел его зубы:

— Иногда нам приходится сотрудничать.

— И что-то между вами не ладится?

— Они нарушили моё правило.

Я сделал глоток из своей чашки и на секунду задержал свой взгляд на Марконе.

— Никаких детей?

— Никаких детей, — ответил он и кивнул.

— И почему же они ещё не упакованы в контейнеры по частям и не едут почтовым поездом в Лос-Анджелес или куда-нибудь ещё?

Эти слова заставили его наклонить голову и смерить меня пристальным взглядом:

— Действовать моими обычными методами будет нецелесообразно.

— Почему же?

— В дело втянуты дети, — сказал он. — Шестерых нелегально ввезли из-за границы. Хотят организовать бордель.

— Ого, — сказал я и сделал ещё глоток кофе. — И?

— Моё непосредственное вмешательство приведёт к конфронтации с вышестоящей организацией.

— Поджилки трясутся?

— Не особо. Но лишние заботы мне ни к чему. А привлекать Воинов Вальхаллы будет… не совсем уместно.

— Будто из ружья на слона мух бить, — согласился я.

— Именно. Но раз уж мои предупреждения насчёт неизвестной, непостижимой уму угрозы в той части города прошли мимо их ушей…

Он очень по-галльски пожал плечами.

— Ага, — сказал я. — Так значит, вам нужен агент сторонний? Или же очень осторожный.

— То и другое.

— Почему я? — спросил я.

Он развёл руками.

— Есть ещё один человек, к которому я мог бы обратиться. Но даже если бы он мне поверил и взялся за работу, он усложнил бы всё неимоверно.

Уже через неделю началась бы война с Канадой. Не знаю, как.

— Ха, — сказал я. — Верно.

— Мне нужен профи. Вас очень рекомендовали.

— Не люблю политику, — сказал я.

— О дипломатии речи не идёт. Случилась неприятность. Её нужно устранить.

— Почему я?

Он откинулся на спинку стула, сложил вместе кончики пальцев и взглянул на меня, спрятав за ними лицо.

— Потому что мне не нужны мёртвые дети в вечерней сводке. Это не идёт на пользу бизнесу.

Я вздохнул и посмотрел в свою чашку.

— Дети, значит.

— Это в ваших принципах, насколько я знаю.

— Цена вам известна?

— Я решил, что это шутка.

Я взирал на него безучастно.

Марконе, склонив голову, сказал:

— Прошу прощения.

Его рука опустилась в карман и достала оттуда один серебряный доллар. Он положил монету на мой стол.

— Почему доллар? — спросил он у меня.

— Плачу за Аренду, как все, — сказал я.

— Можно поинтересоваться, кому?

— Можно, — сказал я. — Где?

Он достал визитку из нагрудного кармана. На одной её стороне был только телефонный номер. Адрес был написан лаконичным и аккуратным почерком на другой.

— Позвоните, когда всё будет сделано.

Он встал и повернулся к выходу, потом остановился.

— Вам и вашей секретарше, быть может, стоит чуть потише обсуждать возможные убийства. Не всем клиентам такое по душе.

— Честность — лучшая политика, — сказал я.

— Согласен, — ответил он. — Если загубите дело, в вашей жизни наступит чёрная полоса, обещаю.

— Справедливо, — сказал я. — Если вы мне лжёте, я приду за вами. Вас не спасут ваши Воины Вальхаллы. Не спасёт и ваша валькирия.

В этот раз он оскалился улыбаясь.

— Чудесно. Хорошего вам дня, мистер Грей.

На следующий день в четыре утра Вити привезла меня по адресу в своём Вольво. У этой машины, как она меня заверила, были самые высокие показатели безопасности в истории. На кузове не видно было ни пятнышка. Вити относилась к

уходу за техникой как к религии.

— А районч ик ничего. Думала, будет хуже, — сказала она.

Мы остановились в спальном районе Ригливилла, у дома, который ничем не выделялся среди других домов. Охренеть. Ангелы охраняли ещё один такой же дом в трёх кварталах от нас.

Я задумался, а могли ли ангелы видеть оттуда, что творилось с детьми.

Вот в этом всё и дело. Ангела нельзя нанять. Иногда за работу берутся монстры.

— Трудно притащить какого-нибудь бизнесмена с его элитарными замашками в плохой район, — сказал я. — А такие занятия, если о них становится известно, одобрения, как правило, не вызывают. Даже у криминалитета. Так что окупить такие риски могут только люди с большими кошельками.

— Вот оно как. Мне их бизнес-модель виделась слегка в другом ключе, — сказала Вити. — С большей, но не столь обеспеченной клиентской базой.

— Бедняки пусть развлекаются сами, — сказал я, изучая здание.

На окнах стояли изящные решётки. Не такое уж редкое зрелище в этой части города. Но мало

у кого были ещё и наглухо задёрнуты все шторы.

— Парадная дверь прочная, — сказала она. — С чёрного хода, скорее всего, тоже укреплена. Несколько камер с линзами «рыбий глаз» расставлены по периметру снаружи.

Она взяла планшет и стилус, с которым можно было не оставлять отпечатки пальцев на экране, а потом включила девайс.

— Беспроводная система.

— В таком месте камеры должны стоять и в комнатах, — сказал я. — Покажи мне всё, что сможешь найти. Неплохо было бы знать, сколько плохих парней внутри и через какие стены не опасно будет проломиться.

— Я убила всех, с кем училась в одном классе, — рассеянно проговорила Вити, постукивая по экрану. — Как-то раз я смотрела, как ты пытал человека до смерти.

— Ты пыталась выжить, — ответил я. — А тот ублюдок заслужил. Что ты хочешь сказать?

— Мы не плохие парни?

— Мы не плохие парни, — сказал я.

— И каким же образом после этого мы не «плохие парни»? — спросила Вити. — Объясни-ка ещё разок.

— Если так будет проще, — сказал я, — можешь

считать нас парнями похуже.

Она оторвалась от планшета, стукнула стилусом об уголок и нахмурилась, глядя на меня.

— В смысле?

— Плохо будет встретить тех парней в тёмном переулке, — сказал я. — Наткнуться на тебя или на меня будет хуже.

— Такой моральной установки я ещё не встречала, — сказала она. — Теория Тёмного переулка. Непрямое следствие из неё — любому в переулке, кто не является в какой-либо степени плохим, приходится быть жертвой.

— Это не теория, — ответил я. — Скажи мне, сколько в доме жертв. Считай, что дети — не враг и не могут стать мишенями.

Вити нахмурилась.

— Недальновидно.

Я вздохнул.

— Пожалуйста, сделай, как я прошу.

— Ты слишком доверчивый, Грей, — сказала Вити.

Она стала работать с полудюжиной программ у себя на планшете. С компьютерами я на «вы», не считая игровых приставок. Вот с ними у меня всё отлично. Но Вити, вероятно, знала о компьютерных системах безопасности достаточно, чтобы

быть брошенной в одну из множества холодных тёмных ям в самых разных частях света — из чистого принципа.

— Господи, её купили в магазине, — сказала она. — Кто берёт себе систему безопасности в Бест-Бае?

— Покажи.

Вити повернула планшет ко мне и залезла в потайное отделение в дверце со стороны водителя, скривив губы в отвращении. Я взял планшет в руки и изучил чёрно-белую запись с камер. Изображение было на удивление чётким. Понятное дело, получить фотографии клиентов в хорошем качестве вполне стоило лишних вложений. Легче будет ими манипулировать.

Я пробежал глазами несколько других камер, также расставленных по всему дому. Почти всё, что происходило внутри, было на них видно, и почти наверняка картинку получали не только увальни в доме.

— Будет непросто, — сказал я. — Вариант войти и просто забрать детей отпадает, если только я не горю желанием в одиночку объявить всей их организации войну.

Вити не сводила с меня глаз долгую секунду, прежде чем спросила:

— А ты горишь?

— Не-а, — ответил я. — На это уйдёт целая вечность, и на нагретое местечко тут же сядет кто-нибудь другой. Я наёмник, не рыцарь на белом коне. Речь шла только об этих детях.

Я видел их на экране. Четверо лежали в кровати. Ещё двое детей сидели за столом на кухне и с усталым видом завтракали в полусне. Кто-то из клиентов, видимо, не дождался рабочего дня. На вид всем было лет одиннадцать или двенадцать.

Да. Ноль причин усложнять себе жизнь и оставлять кого-то в живых.

Один парень сидел за мониторами, один сторожил парадный вход, другой — чёрный, и ещё один смотрел за детьми. На виду лежало автоматическое оружие. Им явно нравились «Узи». Все они были одеты в строгие костюмы, но татуировки и стрижки ясно давали понять, кто эти ребята.

Я вернул планшет Вити. Она уже вынула салфетку из пачки в двери и с фанатичной тщательностью стала его протирать, прежде чем снова взяться за стилус. Ещё немного побарабанив по экрану, она сказала:

— В сотне футов от нас[108] есть трансформатор,

---

[108] Примечания: 108

То есть в 30 метрах — здесь и далее прим. пер.

который я могу отключить. Электричество должно вырубиться.

— У них запустится генератор, — сказал я.

— Даже если он включится сразу, компьютерам нужно будет перезагрузиться, — сказала она. — Появится окно.

— Если они работают вместе с остальными, кто-нибудь из их организации узнает, что электричества нет, — сказал я. — Они вышлют сюда своих людей.

Вити немного просветлела.

— Думаешь, они настолько профи?

— Если «Барон» Марконе не хочет с ними ссориться, то есть все шансы.

Вити опустила планшет и выглянула на улицу.

— Неплохая позиция для стрельбы.

— Лишние пострадавшие мне не нужны, — сказал я. — Тут живут люди.

— А. Точно. Люди, — Вити нахмурилась, глядя на дома вокруг, будто в них и была вся проблема. — Постоянно забываю.

— Можешь сделать мне хорошее чёткое фото кого-нибудь из них? — попросил я.

Она снова погрузилась в работу и мгновением позже сделала мне хороший снимок гангстера вполоборота у задней двери. Ещё секунду она

возилась с изображением, чтобы чуть понятнее было положение косточек в его лице, и потом показала фотографию мне.

Секунду я внимательно её рассматривал, фиксируя в памяти. Я давно уже привык запоминать детали и хранить их в голове столько, сколько будет нужно.

— Хорошо, — сказал я. — Подвези меня до перекрёстка. Я зайду. Ты вырубишь трансформатор. Потом сиди снаружи, не высовывайся и прикрывай меня.

Я открыл бардачок, вынул оттуда пластиковый чехол, нажал на кнопку включения наушника и сунул его в ухо, передавая чехол Вити. Она взяла и надела свой наушник. Они пахли стерилизующим средством. Вити чистила их до и после каждого использования. Мы быстро их проверили и были готовы.

Она остановила Вольво у перекрёстка и высадила меня, я вышел на укрытый от солнца тротуар в тени деревьев. На мне были брюки и строгая рубашка, потому что они вполне вписывались в городской ландшафт, а на ходу я думал о лице того клоуна у чёрного хода.

Потом отработанным действием я принялся двигать кости своего лица на нужные места и

менять очертания своих рта, носа и глаз, пока не стал достаточно на него похож, чтобы на первый взгляд было не заметить разницы. Без кучи других фотографий или образца его крови сделать лучше я не мог, но и этого было достаточно, чтобы его матушка не смогла бы отличить, не всматриваясь.

Ой, я не говорил? Я перевёртыш. Можно считать это моей способностью. Когда я сказал Марконе, что сумею обойти его систему безопасности, я шутки не шутил.

Когда я был в десяти футах[109] от границы участка, где стоял дом, раздались кашляющий звук, громкое клацанье, и вслед за ними сразу — впечатляющие треск, рычащий звук и вспышка ярко-голубого света, чётко высветившая крыши ригливиллских домов.

Потом свет погас.

И я подошёл прямо к парадному входу и постучал.

Я услышал, как охранник поднялся со стула. Дом был со звукоизоляцией, но я не человек. Я слышал, как он дослал патрон в патронник своего «Узи» и встал.

---

[109] Примечания: 109
В 3 метрах.

— Кто это, мать вашу? — спросил он, на испанском, если кому-то интересно.

— Это я, мужик, открой, — ответил я на том же языке так монотонно, как только смог.

Дверь слегка приоткрылась внутрь, в лицо мне ударил свет фонарика. Я поднял вверх пустые руки и сказал:

— Какого хрена?

Охранник застыл в нерешительности.

— Ты как здесь ока…

Я не дал ему договорить. Как только я понял, что в мыслях у него уже нет целиться в меня, и он, возможно, не держит палец на спусковом крючке, я вмазал по двери коленом.

Я не человек. Мои мышцы работают не так, как человеческие мышцы. Покрутил у себя нужные гайки. Я, конечно, не Геракл, но вам явно не захочется тягаться со мной в армреслинге, если вы не профи. Потеряете руку.

Стальная бронированная дверь своим весом особенно сильно давила на дверные петли. Она врезалась в него, словно маленький грузовик, и он рухнул назад.

Я оказался рядом раньше, чем его спина коснулась пола, вдавливая ребро своей ладони в его гортань. Я расплющил его глотку, ладонью выбил

«Узи» из его ошеломлённых рук и двинулся дальше, не останавливаясь и не оглядываясь, пока его тело пыталось вспомнить, как дышать.

Я расширил свои зрачки значительно больше, чем смог бы обычный человек, и тусклый свет, едва льющийся снаружи, с улицы, превратил кромешную тьму в паутину неясных очертаний. Я тихо двигался дальше и увидел свет от фонарика на пистолете у второго охранника, отражавшийся от стен в дальних комнатах задней части дома.

Я проскользнул в помещение, оказавшееся ванной в коридоре, и затаился. Я мог слышать грубое дыхание охранника, чьё лицо я в общих чертах позаимствовал, стук его ботинок по полу; чувствовать запах его дешёвого одеколона. Ещё я мог слышать, как коченело тело убитого. В горле у него громко булькало, а его каблуки вяло барабанили по полу.

Второй охранник подошёл настолько близко, что я смог дотянуться и выхватить «Узи» у него из рук. Я отшвырнул оружие в сторону и пробил им стенку из гипсокартона.

Он ответил быстро и умело. Нож был у него в руках раньше, чем я вышел из дверного проёма и ударил, пересилив его напор. Он вонзил его в

мои рёбра с полдюжины раз за три секунды. В это время я пихнул левую руку ему в рот, правой дёрнул в сторону его левую руку и ударил его кулаком в висок, словно молотом.

В этом месте человеческий череп весьма хрупок.

Его треснул.

Я оставил тело там, где оно лежало, встал и пошёл в сторону кухни. Весь мой левый бок пылал. Я вынул нож и небрежно взялся за него левой рукой. Усилием, для которого пришлось стиснуть зубы, я заставил пролившуюся кровь вернуться обратно в раны, а плоть вскипеть, уплотниться и начать затягиваться. Через пять минут вы бы и не заметили, что кто-то меня пырнул.

А пока что будет чертовски больно, и нет времени медлить.

«Грей», — раздался голос Вити в наушнике. Она была спокойна. — «В подвале только что загорелись фонарики. Как минимум два. Я захожу».

Я не ответил. Вити пережила обучение по программе, в конце которой её участникам нужно было друг друга убить. У неё талант. С ней всё будет нормально.

Я думал о детях.

Дверь на кухню открылась, и появился охран-

ник с маленьким фонариком в одной руке и с пистолетом в другой.

— Какого хрена? — выпалил он. — Что тут было?

— Он намочил штаны, когда вырубился свет, — сказал я презрительно.

Третий охранник чуть приопустил пушку и начал было отвечать, но этим движением он направил свет на мою залитую кровью рубашку. Его глаза округлились, когда он понял, что что-то не так.

Я бросил нож ему в голову. Он не полетел остриём вперёд, как это бывает в фильмах. Но это всё ещё был целый фунт[110] стали, и я вложил приличную силу в бросок. Он упал, ошеломлённый, и я успел навалиться на него, прежде чем он коснулся пола. Я схватил его пистолет и развернул в сторону от себя. Он выстрелил несколько раз, и я сумел направить пули в сторону холодильника. Я стал бить пистолетом по полу, пока не сломал ему пальцы, а потом забил им охранника до смерти. Зрелище было не для слабонервных.

Как я и говорил. Профессиональный монстр.

Его фонарик покатился по полу и бросил свет

---

[110] Примечания: 110
0.45 кг.

на двух детей. На них были большие футболки, и ничего больше. Они съехали со стульев и изо всех сил старались спрятаться под стол.

— Привет, ребята, — сказал я. — Знаете английский?

Они оба молча таращилась на меня.

— Говорите по-испански? — спросил я, тоже на испанском.

Они кивнули. На лице у них не было испуга. Они были похожи на диких котят: сидели настороженно, искали, как бы им сбежать. Слишком много с ними случилось, чтобы можно было ждать нормальной реакции.

Я уже жалел, что пришлось так быстро прикончить тех ублюдков.

— Ну что, ребята, хотите отсюда выбраться? — спросил я.

Они обменялись взглядами друг с другом. Один был мальчик, другая — девочка. Девочка снова посмотрела на меня и кивнула.

— Ты странно выговариваешь слова, — сказала она.

— Я очень давно выучился по-испански, — ответил я.

Ботинки застучали по ступеням. Дверь в коридор распахнулась, и трое мужчин вышли из

подвала — полуодетые, спросонья, с оружием в руках.

Из дальнего конца дома раздался звук: «Тра-та-та-та-та-та-та».

Все трое бессильно повалились на пол. Их тела затихли очень быстро, у каждого в черепе виднелась пара маленьких аккуратных дырочек. Небольшой очереди из двадцать второго калибра хватает ускорения, чтобы с небольшого расстояния пробить человеческий череп, если знать, куда стрелять, но импульс слишком мал, чтобы пуля могла выйти с другой стороны. Она просто летает внутри, пару секунд от стенки к стенке.

Вити вышла из тени позади них, вынимая полупустой магазин из кольта «Woodsman» с навинченным глушителем. У этой женщины не все дома — но я ещё не видел ни одного человека, который стрелял бы лучше, чем она. Вити вставила новый магазин и сказала:

— Время поджимает.

За домом что-то затрещало, как газонокосилка, и снова загорелся свет.

— Отличная работа, — сказал я. — Отведи их в машину. Я пойду наверх за остальными.

Вити навела пистолет на детей, те вздрогнули.

— Вити! — сказал я. — Они дети!

— Значит, они просто цели поменьше, — сказала она. Её тон сменился на приказной, и она заговорила на ломаном испанском, чётко выговаривая слова:

— Вы двое. Только пискните, я вас пристрелю.

Оба ребёнка взглянули на меня округлившимися глазами.

— Мы хорошие парни, — объяснил я им.

— Не хорошие, — возразила Вити на английском. — Мы только что это обсуждали. Зачем ты всё усложняешь?

Времени на препирательства не оставалось. Я смерил её взглядом, вздрагивая от боли в боку, и сказал раздражённо:

— Идите с ней, ребята. Слушайтесь её, и всё будет в порядке. Вити, поговорим об этом потом. И поедут они на заднем сиденье, не в багажнике.

Вити издала сердитый звук и подняла упавший фонарик.

— Ладно, — она помахала пистолетом. — Пошли, живо.

И дети пошли. Моя секретарша конвоировала их вон из рабства под дулом пистолета.

— ООО «Монстр». Мы не лапочки, но результат гарантируем, — пробормотал я.

«Нужно печатать это на визитках», — очень

официальным тоном сказала Вити в моём наушнике.

— Слишком правдиво для рекламы, — ответил я и пошёл в сторону лестницы на второй этаж, туда, где комната с мониторами и… спальное помещение, если можно так выразиться, ждали меня.

Я стал на носочках подниматься по лестнице, а носки ставил на самый край ступеней ближе к стене, стараясь издавать как можно меньше скрипа. Двигался быстро. Лестничные пролёты — отличный шанс схлопотать пулю, а мне не очень-то этого хотелось. Я был полностью готов к тому, что четвёртый охранник выскочит и станет нашпиговывать меня свинцом — но я поднялся без проблем.

На втором этаже было несколько комнат для общения с клиентами, комната охраны, ванная и дверь в спальню на замке и с решёткой.

Решётка была распахнута, но дверь — всё ещё закрыта.

Дверь в комнату с мониторами была открыта. Я заглянул. Пусто.

Я просмотрел мониторы. Компьютеры в комнате только теперь заканчивали перезагружаться. Ещё несколько секунд, и снова пойдёт запись,

но раз Вити скрылась вовремя, а на мне было лицо одного из бандитов, на этот счёт я не беспокоился.

Внезапно из динамика одного из компьютеров заговорил по-английски чей-то электронный голос: «Эй ты, урод».

Я нахмурился и оглянулся, прежде чем поближе приглядеться к источнику звука.

На мониторе вновь появилось изображение, и я с ракурса установленной там камеры всмотрелся в спальную комнату, где были дети и куда, судя по всему, только что ушёл четвёртый охранник. В этот момент он стоял посреди комнаты и глядел в камеру.

Он лил бензин из пластиковой канистры на пол рядом с кроватями, где спали дети. На моих глазах он отшвырнул пустую баклагу, выхватил из кармана зажигалку, чиркнул ей, зажигая пламя, и поднял её над головой.

— Эй, урод! Слышишь меня? Там где изображение с камеры, в уголке внизу есть иконка переговорного устройства. Кликни на неё.

Я нажал и сказал:

— Вижу тебя.

— Я видел, как твоя подельница только что вывела детей наружу, — сказал он. — Ты пойдёшь

за ней. Полезай в сраную тачку и катись отсюда. Я буду смотреть на вас из окна.

— Ах вот как? — спросил я.

— Только попробуй шутки, нахрен, шутить! — закричал охранник, скорее выплёвывая, чем выговаривая слова. — Думаешь, я смерти боюсь?! Я спалю живьём этих мелких ублюдков, если будешь, нахрен, прикалываться!

Я понял: он паниковал, был в отчаянии, и сжечь живьём тех детей ему было бы не сложнее, чем раздавить насекомое. Ещё ему хватило мозгов, чтобы сообразить, что дела его были плохи. Да, для детей расклад был так себе.

Но там, где нужно было одно предложение, он сказал три. Любитель поболтать. С этим можно работать.

— Значит, ты у нас крутой, да? — спросил я.

Он тут же завёлся, снова стал кричать в камеру. В этой комнате звукоизоляция была отличная. Слышно было только через монитор.

Не обращая внимания на его вопли я присмотрелся к положению охранника в комнате. Потом развернулся и быстро зашагал по коридору в переговорную за соседней от спальни стенкой. Там я осмотрелся, коснулся стены в нужной мне точке, потом перешёл в другое место, чтобы ничего не

мешалось, не отводя при этом руки от невидимой точки, пока через монитор дальше по коридору на меня продолжали сыпаться проклятья.

Тогда я забросил порцию адреналина себе в кровоток. Приятный бонус для перевёртыша — возможность контролировать все те процессы, которые в норме должны происходить сами по себе.

В этот же момент я запустил другое изменение.

Время словно бы замедлилось. В комнате, пусть она освещалась лишь из коридора и комнаты с мониторами, стало так светло, что едва можно было это вынести. Моё сердце забилось очень быстро, так, что зрение едва ли не пульсировало с ним в такт. Температура моего тела почти сразу подскочила до ста десяти градусов по Фаренгейту.[111]

И я изменился.

Я извлёк массу из нематериального мира, и моё тело скрутилось, изогнулось, набухло. Пусть в действительности на это ушла самое большее секунда, для меня она тянулась так долго, что можно было пасьянс разложить. Боль, как от ожо-

---

[111] Примечания: 111
43.3°.

гов, пронзила моё тело, когда мой разум сказал ему, что делать. Одежда порвалась и разъехалась. Мышцы распухли, задвигались и завязались в узлы от жестоких спазмов. Сухожилия вытянулись и взвизгнули. Связки криво изогнулись и расправились, принимая новую форму. Кожа натянулась, порвалась и вновь срослась, а потом вся, как сыпью, пошла нестерпимым зудом, извергая из себя волосы.

Больнее всего изменять руки, ноги и лицо. Не знаю, почему, может быть, оттого, что они такие особенные, так не похожи на чьи-то ещё — такие человеческие. От вывихнутой челюсти всегда оставались не самые приятные ощущения, но нужно было как-то уместить на ней все зубы. Мой череп сместился, а спина выгнулась, щёлкнув в нескольких местах. Мои руки вытянулись, кулаки со скрипом раздулись и захрустели, а ногти загнулись и затвердели, сделавшись цепкими когтями.

Лицо — далеко не единственная часть тела, которую я способен изменять. Я не говорил? Животные. Монстры. Всё, что я могу себе представить. ООО «Монстр». Берёте одного монстра, получаете всех. Таких предложений вы в Уол-Марте не найдёте.

Господи, как же мне нравится животный организм. Есть в его движениях ощущение чистейшей радости, недоступное человеку. Слишком вы жалкие в физическом плане. Та сила, которую может дать тело животного, та скорость, координация — ни в какое сравнение не идёт.

Эй, а знаете, как бенгальский тигр весом девятьсот фунтов[112] входит в закрытую комнату?

Да как он, блин, захочет.

Я прошёл через гипсокартон и изоляцию между комнатами так же легко, как танцор выпрыгивает из торта.

Мой рык — взрыв похожего на кашель чистого звука — врезался в охранника, как дубина. Он пошатнулся, рычание заставило его колени подогнуться, на лице у него отразился шок.

Удар лапы-кувалды выбил зажигалку у него из рук и отправил её в полёт через одно из окон за решёткой.

Большая часть его руки исчезла там же. Охранник с криком рухнул на пол.

Угрожал сжечь детей.

Я бросился на него, придавил и стиснул когтями на задних лапах. «Смертью от тысячи

---

[112] Примечания: 112
403,2 кг.

порезов»[113] тут и не пахло. Ему хватило сотни, ста двадцати, не больше.

В человеческом теле я провёл больше времени, чем в любом другом; как правило, мне с моим образом жизни так удобнее. Теперь, возвращаясь к нему, я чувствовал себя натянутой резинкой, которую вновь ослабили до обычного дряблого состояния. Пар и эктоплазма потоками ринулись прочь от меня, вся моя лишняя масса слезла в виде чистого желатина, который испарится быстрее любой воды, а я сделал шаг из-под его завесы и сдёрнул пропитанную бензином простыню с одной из кроватей, заворачиваясь в неё. Незачем детям лишние потрясения.

Какое-то время пришлось потратить на разговоры, но я вывел их из дома. Я усадил их в машину Вити. Сам ехал в багажнике.

Потом я застыл и оглянулся назад, в сторону дома.

— Поезжай в офис, — сказал я. — Встретимся там.

Вити нахмурилась и сказала:

— Не задерживайся. Подкрепление будет здесь с минуты на минуту.

---

[113] Примечания: 113
Вид казни в Китае.

— Не буду, — обещал я. — Чтобы покончить с этим, нужно сделать кое-что ещё.

Вити наклонила голову.

— Дам тебе домашнее задание.

Вити улыбнулась.

Следующим днём Марконе со своей телохранительницей, тупой дылдой из Воинов Вальхаллы, завтракал в дорогом бистро на одной из улиц Голд-Кост, когда я позвонил по оставленному им номеру.

Он взял сотовый со стола и ответил.

— Марконе.

— Грей, — сказал я. — Дело сделано.

— Видел в новостях, — сказал он. — Вы были весьма прямолинейны.

— Вас всё устроило?

— Да.

— Тогда вам понравится вот это, — сказал я и отправил ему несколько изображений.

Из ещё одного бистро на другой стороне улицы, с телом и лицом, совсем не похожими на мои, я наблюдал, как Марконе разглядывал фотографии.

Изображений было шесть: три влиятельных адвоката, глава корпорации, член городского муниципалитета и скандальный религиозно-по-

литический деятель. На всех фотографиях было одно и то же: вид сверху на мёртвое тело с маленькими аккуратными дырочками в висках. На груди каждого из трупов лежали напечатанные на принтере фото убитого, насилующего кого-то из детей.

Долгую секунду Марконе изучал изображения. На его лице не промелькнуло ни тени эмоций. Потом он снова взял трубку.

— Откуда у вас эти фото?

— Запись с камер наблюдения в борделе, — ответил я.

— Эти люди представляли из себя актив.

— Эти люди были рынком сбыта, которому требовался поставщик, — сказал я. — Не убрав их, вашу проблему нельзя было бы решить окончательно.

Лицо Марконе ничего не выражало. После короткой паузы он сказал:

— Данное действие можно было бы расценить как удар по моим интересам, мистер Грей.

Я бросил на него беглый взгляд и усмехнулся:

— Не-а. Вы не знали, что они педофилы, верно? Иначе они на вас бы не работали.

— И всё же это были мои люди. Их потеря — это масса усилий, которые необходимо будет вкла-

дывать заново.

— Советую вам считать стакан наполовину полным, — ответил я. — Вы потеряли лишь пассивный капитал. Ваши конкуренты уже получили на них компромат — те фотографии. Вероятно, на это они и рассчитывали изначально. Я сэкономил вам несколько лет головных болей и утечек информации.

— Вы играете с огнём, мистер Грей.

— Так поступать нельзя, — сказал я. — Омлет выглядит вкусно. Но грейпфрутовый сок?

Лицо Марконе побледнело. Его глаза стали бегать взад и вперёд вдоль улицы.

— Увидимся, «Барон», — сказал я, растягивая слова.

Я допил кофе, оставил на столе одноразовый мобильный, встал и вышел.

Моё лицо было лишь одним из миллионов случайных лиц. Глаза Марконе меня не заметили.

Разве они могли?

Я вошёл в офис, где на надувных матрасах мы оставили детей на ночь. У входа, где стоял стол Вити, места осталось совсем немного. Она сидела за ним с измождённым видом.

Я слышал, как дети у меня в офисе возбуждённо разговаривали на испанском. Там есть большой

телевизор на случай, если мне захочется посмотреть новости, — что бывает редко — и Иксбокс, чтобы усердно думать над очень важными рабочими вопросами, что бывает постоянно. В этом отношении я большой любитель повалять дурака. Дети следовали моему примеру.

— Грей, — сказала Вити, когда я вошёл. — Это просто кошмар. Я уволюсь. Серьёзно.

— Держать их здесь не входило в мои планы, — ответил я.

Она положила руку на телефон.

— Могу позвонить в полицию.

— Ага, после всего, что они пережили, выдадим их властям, — я покачал головой. — Мне кажется, есть варианты получше.

Потом я оскалился. У меня была старомодная бумажная вращающаяся картотека. Я стал её перебирать, нашёл нужную карту и сказал Вити:

— Вот. Позвони.

Вити нахмурилась, увидев номер.

— Думаешь, это мудрое решение?

— Смеёшься что ли, — сказал я. — Будет весело.

Она вздохнула, пристально глядя на меня. Потом она сказала:

— Почему ты им помогаешь, Грей?

— Чтобы платить за Аренду, — ответил я.

Она нахмурилась.

— Нет. Ты уже заработал на год вперёд.

Я нахмурился ей в ответ. Потом я сказал:

— Ты помнишь, как была ребёнком? Чувствовала себя беспомощной?

Кто-нибудь, не знавший её хорошенько, то есть любой, кроме меня, не заметил бы тьму, закравшуюся на самое дно её глаз.

— Да.

— И я помню, — сказал я. — Неплохо бы положить этому конец.

Её брови сурово нависли.

— Месть?

— Когда я был ребёнком, — сказал я, — у меня многое забрали. Может быть, помогая тем детям, я беру что-то назад.

Вити покачала головой:

— Я не понимаю.

— Будь со мной, — сказал я. — Если повезёт, однажды ты поймёшь.

Я положил свою руку на стол рядом с её рукой достаточно близко, чтобы почувствовать тепло её кожи, не коснувшись её, и сказал:

— Ты молодец.

Она нерешительно кивнула и чуть заметно мне улыбнулась. Я кивнул ей в ответ. Потом я

отправился в офис, чтобы поиграть с детьми в видеоигры, пока не примчалась кавалерия.

Я слышал, как Вити сделала звонок.

— ООО «Монстр» хочет поговорить с Гарри Дрезденом, — сказала она. — Пожалуйста, передайте ему, что есть дети, которым нужна его помощь.

15.5 Трудоустройство (2020)

Спойлеры для рассказа “Бигфут в кампусе”, который появляется в антологии "Краткие дела". Действие происходит между "Грязной игрой" и "Мирными переговорами", но не требует знания ни того, ни другого.

***

Я был на середине прочтения "Много шума из ничего", которое можно читать только вслух, стоя, передвигаясь по комнате и играя разные роли в постановке одного человека.

Ребята, бросьте. Это же Шекспир. Его нужно понимать в его первоначальном контексте, и парень ростом более семи футов, произносящий реплику Героя неуклюжим фальцетом, вероятно, исторически точен, хотя я всегда предпочитал сцены Бенедика и Беатрис. Я как раз подбирался к балу-маскараду, когда открылась входная дверь, и взволнованный голос Конни позвал: “Ирвин!”

Я опустил палец, который держал у рта, чтобы имитировать усы принца, немного отодвинул кофейный столик одной ногой, отложил книгу и повернулся как раз вовремя, чтобы обнять Кон-

ни. Она прыгнула примерно с шести футов, и я поймал ее так, чтобы она могла обхватить меня руками и ногами. Она пахла солнцем и свежескошенной травой, ее кожа была покрыта легким загаром, и Конии задыхалась от волнения, когда целовала меня.

Поцелуй стал слишком серьезным примерно через пять секунд, что меня вполне устраивало, но она прервала его, прижав руки к моей груди, смеясь, когда я легко оторвал ее от земли.

Мой отец - Бигфут. Я мог бы держать ее так целый день. А она была вампиром Белой Коллегии. Я тоже мог бы целовать ее весь день. Это было самым большим препятствием для нашей совместной студенческой карьеры, хотя, честно говоря, я не уверен, что мы тратили на это намного больше часов в день, чем большинство наших сокурсников по колледжу.

- Смотри, смотри, смотри! - произнесла она, размахивая наполовину скомканным листком бумаги у меня перед носом.

- Ладно, успокойся, - произнес я сквозь смех. Я развернул ее так, чтобы держать одной рукой, и взял у нее листок. Я быстро просмотрел его. - Святые угодники! Ты получила эту работу!

- Учитель физкультуры, я знаю, - ответила она,

- но это Академия Святого Марка для Одаренных и Талантливых! В Чикаго! Мы были бы рядом с твоей мамой, когда она не в отъезде!

Я моргнул, глядя на бумагу. - Сколько за это платят?

- Сверхъестественное сообщество отправляет туда своих детей, - сказала мне Конни.

Я пристально посмотрел на нее.

Она слегка похлопала меня по груди одной рукой, улыбаясь. - Не будь таким. Не все сверхъестественное - это насилие и борьба за власть. В основном это просто бизнес. И школой управляет Венатори Умброрум — это нейтральная территория, они даже претендуют на этот статус в соответствии с Соглашениям.

- Ты будешь рядом с Белой Королевой, - заметил я.

- Она не Королева Белой Коллегии, - чопорно ответила Конни.

Я фыркнула. - Умоляю. - . Я нахмурился. - Я думал, мы договорились избегать наших семейных проблем.

- И вот как это сделать, - сказала она. - Мы сможем выкрутиться практически из чего угодно, заявив о необходимости сохранять нейтралитет в отношении нашей работы.

- Нашей работы, - спокойно заметил я. - Множественное число. Звучит интересно.

Конни схватила меня за рубашку двумя пригоршнями, извиваясь от возбуждения. - У них есть временная вакансия для преподавателя английского языка.

- Что ж, еще несколько лет, и я буду квалифицирован...

- Они сказали, что готовы взять тебя на работу, пока ты не закончишь свою диссертацию и не получишь докторскую степень, - бурлила она. - Оплата будет 80% от оклада, пока ты не закончишь, но она будет соответствовать средствам для твоего обучения. Ирвин, это идеально!

Я несколько раз моргнул. Я наслаждался жизнью в Университете Оклахомы. С тех пор как народ моего отца и люди ее отца отступили, жизнь была довольно хорошей. Я сам посещал академию Святого Марка в детстве. За исключением пары небольших инцидентов, в долгосрочной перспективе это было хорошее место для меня.

Но с тех пор, как я получил свое генетическое наследство, познав всю силу и мощь народа моего отца, я больше не возвращался в многолюдный город. Временами в Нормане было достаточно трудно. Я не был уверен, насколько хорошо справ-

люсь в большом городе.

Конни изучала сомнение на моем лице, слегка озабоченно нахмурившись, и ждала. Конни была хороша в этом. В основном мне нравилось обдумывать свои действия, прежде чем я решусь на них.

- Для меня все происходит слишком быстро, - ответил я.

- Я знаю, - серьезно сказала она. - Но это дает нам все, что нам необходимо. Существует так много отличных программ, по которым ты мог бы получить докторскую степень, и ты знаешь, что получишь больше уважения за то, что обучался в нескольких заведениях.

- Мне нравится Норман, - возразил я, но на самом деле я не спорил.

- Но подумай об этом, - произнесла она. - Я окажусь на территории Лары, а не моего отца, и она оставит нас в покое. У нас есть отличный повод, чтобы избежать проблем наших семей. Нам будет предоставлена собственная квартира на Нейтральной территории. - Она прикусила губу. - И Ирвин, деньги. Мы можем создать нашу семью, когда захотим.

Мое сердце забилось немного быстрее при этой мысли.

- Мы даже не знаем, сможем ли мы, - медленно сказал я.

Она застенчиво опустила глаза, а затем вновь посмотрела на меня, ее улыбка была нерешительной, в ее зеленых глазах мелькали маленькие блестящие серебряные искорки.

- У меня есть вера, - сказала она и подмигнула. - Мы всегда можем потратить больше времени на практику.

- Здесь есть о чем подумать, - сказал я. Мой голос звучал для меня грубее.

- Я знаю. Ты должен продумать все до конца, - ответила она. Ее бедра немного сдвинулись, и ее голос стал немного хриплым. - Почему бы тебе не начать этот процесс? - Что-то возбуждающее прозвучало в ее голосе. - Может быть, мы сможем придумать, чем заняться, пока ты все обдумываешь.

Как это всегда бывало, ее голос взывал к Дикой Природе внутри меня.

И та ответила ей.

#####

Несколько часов спустя мы лежали в темной гостиной. Мебель была расставлена в беспорядке. Я не был уверен, где вся наша одежда. Мне кажется, я снова что-то порвал. Было трудно пол-

ностью контролировать свои силы, как только Конни заставила меня двигаться. Она интенсивно питалась мной, и это был один из немногих случаев в моей жизни, когда я мог чувствовать приятную усталость, мои мысли замедлились до расслабленного, комфортного темпа. Я лежал на спине на полу, а она прижималась к моему телу под одной рукой.

- Это почти позор, что у нас есть отношения, - сказала она, ее голос был хриплым, почти бархатным от сонного удовлетворения. - Секс достаточно эпичен, чтобы существовать отдельно.

Я обнял ее немного крепче и почувствовал, как она крепче прижала меня к себе в ответ. - Почти, - ответил я.

Она подняла голову и посмотрела на меня. - Для тебя это странно? Что я не... ты знаешь. Не обжигаюсь? Когда ты прикасаешься ко мне?

- Почему это должно быть странно?

- Ты знаешь. Вся эта история с любовью.

Я нахмурился. - Что ж. Я не человек. И ты тоже. Не до конца.

- Какое это имеет отношение к чему-либо?

- Может быть, у нас это работает по-другому, - ответил я. - Может быть, та часть меня, которой ты питаешься, не является человеческой частью.

Она вздрогнула и издала довольный звук, нежно покусывая одно из моих ребер. - Вкуснятина.

Некоторое время мы лежали спокойно. - Я все обдумал, - произнес я.

Она села. Я мог видеть ее лицо в темноте так же хорошо, как она могла видеть мое. - Серьезно? Это произошло быстрее, чем я ожидала.

- Я некоторое время думал об этом в общих чертах, - ответил я. - И у меня есть условие.

Она уставилась на меня с неуверенным выражением лица.

Я потянулся к криво накрытому торцевому столику, открыл ящик и вытащил маленькую коробочку.

Я не мог позволить себе особо выбирать. Но серебряное кольцо было ярко отполировано, а маленький бриллиант отличного качества.

- Паундер, - выдохнула она. Ее глаза блестели в темноте. - О... Боже мой. Мой отец был бы в ярости.

- Он всегда чем-то расстроен, - легко сказала я. - Конни. Я хочу разделить свою жизнь с тобой.

- Мой народ не женится, - выдохнула она. - Только ради политики. Я могла бы, я не знаю, сгореть в пламени или что-то в этом роде.

Я фыркнул. - Я подумал, что мы с тобой устано-

вим свои собственные правила и порядки.

Ее голос стал очень мягким. - Да?

- Черт возьми, да, - тихо произнес я. - Конни Барровилл.

У нее перехватило дыхание.

- Не могли бы вы, пожалуйста, стать моей женой? - Я спросил ее. Мой собственный голос был таким же неуверенным, как и я сам.

Она издала булькающий смешок и бросилась на меня сверху. Ее поцелуй заставил звездный свет затопить мои нервные окончания, и все, что не было Конни, на некоторое время исчезло из моего мира.

#####

К тому времени, как мы снова угомонились, рассвет начал освещать небо за окнами нашего маленького арендованного дома.

Мы оба все еще тяжело дышали. Мне пришлось прочистить горло, чтобы иметь возможность говорить. - Итак, если ты не уверена...

Она издала злобный, сытый, измученный смешок. - Да, Паундер. Голод мне в глотку, я выйду за тебя замуж. Ты сумасшедший.

- Спасибо, - сказал я и поцеловал ее в лоб. - Я позвоню в академию Святого Марка утром. Интересно, помнит ли меня доктор Фабио?

Она стукнулась головой о мое плечо. - Тебя вроде как трудно забыть.

Я издал довольный звук глубоко в груди. - Тогда, наверное, я какое-то время буду учителем английского языка. Сон или еда?

- Еда, - ответила она. Она наклонилась и вновь поцеловала меня, и я почувствовал, как вихрь нашего взаимного желания снова затягивает ее. Она прервала поцелуй с легким звуком разочарования и поцеловала меня в кончик носа. - Ты вздремни. Я буду готовить. Затем мы оба ляжем... - Она замолчала, хихикая. - Кого мы обманываем. Потом мы оба ляжем в кровать. И заснем в какой-то момент.

Затем она встала и ускользнула, а я наблюдал за ней. Мне нравилось просто наблюдать за ее движениями. Она пошла на кухню и начала радостно лязгать, заряженная энергией, как всегда после наших занятий любовью. Я немного потянулся и закрыл глаза.

Итак, мы собирались в Чикаго.

И если представится возможность отплатить одному чародею, которому мы оба были обязаны своими жизнями, что ж.

Это тоже было бы хорошо.

15.6 Всё, что озарено светом (2020)

Мини от лица Мистера)

Также прилагается комикс от Адама Матисона-Сворда)

P.S. Да, 4я миниатюра пропущена. Будет добавлена позже.

УРОВЕНЬ СПОЙЛЕРОВ: История разворачивается за месяц до Мирных Переговоров, так что не беспокойтесь на этот счет!

Содержит большие СПОЙЛЕРЫ о ПЕРЕМЕНАХ и средние - для ГРЯЗНОЙ ИГРЫ.

***

Мистер, так меня зовут.

Проснуться. Прислушаться. На территории дома все окутано тишиной.

Большая Обезьяна спит в своей комнате. И издает рычащие звуки. Маленькая Обезьянка спит. Пес рядом.

Спрыгнуть с книжной полки. На кухню. К миске. Она пуста.

Хм...

Съесть Маленькую Обезьянку?

Нет.

У Маленькой Обезьянки есть Пес. И он иногда бывает полезен.

Пойти к Большой Обезьяне.

Сесть на грудь.

Большая Обезьяна пытается оттолкнуть меня. Большая Обезьяна всегда так делает. Я никуда не ухожу. Я лег на лицо Большой Обезьяны.

Большая обезьяна издает звуки ртом.

Мну грудь Большой Обезьяны передними лапами. Слегка выпускаю когти.

- Ой, - устало говорит Большая Обезьяна. - Ой. Ой. Ой.

Я мурлычу и продолжаю мять.

- Чудище, - говорит Большая Обезьяна. - Ладно, я проснулся.

Я позволяю Большой Обезьяне встать. Большая Обезьяна ковыляет на кухню. Кладет еду в миску. Где ей и место.

Даже обезьяна могла бы это сделать.

Пес встает и следует за Большой Обезьяной на кухню. Пес трогает свою тарелку лапой и смотрит на Большую Обезьяну.

- Да, да, - зевает Большая Обезьяна. Он дает еду Псу.

Иду к Псу.

Хлопаю его по носу.

Пес убегает.

Победа за мной.

Большая Обезьяна наклоняется, чтобы погладить меня.

Как и положено.

Съесть кусочек собачьей еды. Сбросить остатки собачьей еды на пол в качестве одолжения. Собака может поблагодарить меня позже.

Вернуться к миске с кормом. Поесть.

Возвращаемся в гостиную. Большая Обезьяна вновь издает рычащие звуки. Маленькая обезьянка спит на диване. Уютно. И не так громко.

Прыгаю на диван. Мурлыкаю Маленькой Обезьянке, чтобы она не двигалась, пока я не улягусь.

Прижмись, Маленькая Обезьянка.

Маленькая Обезьянка теплая. Отлично.

Полезная Маленькая Обезьянка.

Пес подходит и смотрит с надеждой.

Протянуть лапу к собаке с обнаженными когтями.

Пес убегает.

Хм.

Я должен все здесь делать.

Жизнь кота изматывает.

Мурррр. Спать.

17.1 Мелочи (2022)

Действие рассказа происходит в период между действиями романов 16 и 17 цикла «Досье Дрездена»

Меня зовут генерал-майор Тук-Тук Минимус, эльф на службе у сира Гарри Дрездена, Рыцаря Зимнего Двора и волшебника Чикаго, и капитан его личной гвардии. Когда небо потемнеет от дыма и пепла, когда стенания о несправедливости и горе будут оглашать ночь, когда мой господин вступает в войну с титанами и невыразимыми ужасами из Запределья, кто-то должен защитить его от угроз, которые слишком малы, чтобы их можно было легко разглядеть.

Это моё место: не рядом с моим господином, а у его лодыжек.

За несколько дней, прошедших с тех пор, как милорд победил безумную богиню в бою лицом к лицу и получил в награду свой Замок, доставка пиццы стала нерегулярной. Солдаты начали выражать беспокойство. В конце концов, они сражались за своё право на пиццу. Запас некачественной замороженной пиццы в Замке позволял

протянуть недолго.

Существовала тёмная смертная сущность, которую милорд называл кономи. Она был крайне вредной, потому что после битвы остались одни руины и заваленные улицы. Битвы делают кономи, которые когда-то были хорошими, очень плохими. Теперь плохая кономи мешала доставлять пиццу.

Это вызывало серьёзное беспокойство.

Солдаты постоянно говорили о кономи испуганным шёпотом.

— Милорд, — вежливо сказал я. — Войска снова беспокоятся о кономи.

Милорд открыл один глаз и слегка выдохнул воздух губами. Он сидел на подушке на полу и ничего не делал, поэтому я и выбрал этот момент, чтобы поговорить с ним. Его волосы были всклокочены. Под глазами у него были круги. На одной руке у него был гипс, а лодыжка была забинтована так сильно, что одна казалось больше другой.

— Тук, — сказал он усталым голосом. — Я медитирую.

Он вообще ничего не делал, когда я с ним разговаривал, так что, должно быть, он имел в виду какое-то другое время.

— И когда тогда? — спросил я.

Он резко наклонил голову вперёд и вздохнул. Затем он поднял на меня глаза и устало улыбнулся.

— Пойдём, поставим пару пицц в духовку?

— Это значительно ослабит напряжение, — сказал я ему своим самым серьёзным тоном. Хорошо быть очень серьёзным, когда речь заходит о делах, чтобы он знал, что не в моих правилах беспокоить его по пустякам.

— Дай мне секунду, — сказал милорд. Я ждал практически целую вечность, пока он поднимался со своего места и медленно вставал на ноги.

Милорд выглядел неважно. Смерть пришла за его миледи во время битвы. По ночам он отгораживался от мира в своих покоях, и, хотя позволял себе спать сутками, никогда не казался отдохнувшим. Милорд двигался так, словно на его плечи давила тяжесть океана.

— Ладно, — сказал он суровым голосом мгновение спустя. — На кухню.

Позади него раздался шорох. Секунду спустя большой серый котяра по кличке Мистер пронёсся мимо его лодыжек, очевидно, пытаясь свалить его с ног. Милорд отразил нападение рефлекторно, благодаря долгой практике, и зашагал дальше. Он медленно шёл по коридорам Замка и

спускался к кухням в первом подвале.

Кухня мне не нравилась. Всё здесь было сделано из Погибели и казалось совершенно ненужным. Неужели они не могли сделать всё из пластика? Милорд уверял меня, что Погибель помогает уберечь смертных от болезней, но я не понимал, как это возможно. Один из смертных беженцев, проживавших в гостевых покоях Замка, оставил маленькую тканевую мышку с кошачьей мятой для Мистера, который стал талисманом всех, кто останавливался в замке. Его ласкали, как и когда хотели, и он всегда выглядел довольным. Старый кот радостно набросился на мышь и принялся методично гонять её по полу большой кухни.

Милорд затянул пояс своего халата, слегка дрожа от холода Замка, включил духовку и прошёл в морозильную камеру, чтобы выйти оттуда с парой замороженных пицц. Он щёлкнул выключателем на потрёпанном, древнем на вид ящике, и из него полилась очень причудливо звучащая человеческая музыка, вся потрескивающая, словно она звучала по ту сторону большого огня.

Не мне судить, почему милорду нравится музыка с треском. Он волшебник. А они все странные.

Милорд подождал, пока духовка разогреется, потом засунул обе пиццы, покрутил маленький

пластмассовый циферблат на пластмассовой коробке, и тот начал тикать.

Потом он опустил лицо на руки, сгорбил плечи и замолчал.

Я хотел предложить ему утешение. Думаю, это было правильно. Но я только недавно узнал о смерти. Это была не та тема, которую мне можно было обсуждать с кем-то из моих друзей среди Маленького Народца. Смерть была не той темой, о которой они могли думать, что затрудняло разговоры о ней. Смерть не была частью мира Маленького Народца.

Только моего.

Милорд потерял свою миледи. И мне было известно, что это его печалило. Но я не понимал всех причин этого. Я не знал, как утешить друга, который страдает, как он. Мне самому никогда не было так больно. Когда кто-то другой из Маленького Народца пытался подбодрить меня, иногда мне становилось больно внутри. Я не хотел сказать или сделать что-то не то и по ошибке ранить чувства моего господина ещё больше.

Смерть — это очень сложно.

Послышалось тихое жужжание крыльев, и моя любовь Лакуна приземлилась рядом со мной. Она была одета в свои дорожные доспехи из чёрной

кожи, а её тёмные волосы были заплетены в длинную косу. Её крылья выглядели очень красиво. Из всего Маленького Народца она была одной из немногих, кто был такого же роста, как я. Она яростно сражалась, и у меня было несколько шрамов, способных доказать это.

— Привет, лизоблюд моего ужасного похитителя, — сказала Лакуна своим мечтательным монотонным голосом. Она не стала кричать, так что мой господин, вероятно, не услышал бы её, если бы не был особенно внимателен. — И снова я отдаю себя тебе на унижение.

— Ты думаешь, что даже пицца унизительна, любовь моя, — сказал я.

Она сложила руки и сгорбила плечи.

— Пицца для пленника немногим лучше смерти. И она не полезна для твоих зубов.

— Ты проиграла честно и справедливо и попала в плен! — сказал я ей. — Таковы были правила!

— Я обязана служить твоему господину, так как он победил моего господина, — ответила Лакуна мрачным тоном. — Я должна служить. Но мне это не нравится.

В коридоре раздались громкие шаги, и сэр Уильям, служивший моему господину, просунул голову в кухню. Сэр Уильям был невысок для

человека, но выглядел очень квадратным и сильным, как будто мог бы удержать угол Замка, если бы часть стены там рухнула.

— Гарри? — позвал Уилл. — О, привет.

Милорд провёл руками по лицу и поднял голову. Его лицо было красным, особенно нос и глаза.

— Уилл.

— Малышку Веласкесов выписали из больницы, — сказал Уилл. — Они привезут её сюда сегодня вечером.

Слабая улыбка коснулась лица милорда.

— О, слава Богу. Лихорадка прошла?

Сэр Уильям кивнул, возвращая улыбку.

— После визита Майкла Карпентера.

В уголках глаз милорда на мгновение появились тёмные складки.

— Ну, очевидно. — Он повысил голос. — Боб?

Секунду ничего не происходило. Затем в камне стен Замка появилась и замерцала точка голубого света, как будто твёрдый камень стал полупрозрачным. Затем из камня раздался голос:

— Я тут, босс!

Мистер пронёсся по полу кухни, вскочил на стойку с грацией, не соответствующей его годам, и набросился на голубой свет в стене, размахивая лапами.

— Эй! — сказал Боб. — Гарри! Это просто не уважительно!

Милорд взял Мистера на руки, и большой кот на мгновение мурлыкнул, прежде чем снова спуститься на пол.

— Боб, проследи, чтобы температура в покоях Веласкесов сегодня ночью оставалась тёплой и отрегулированной, — сказал он. — Последнее, чего я хочу, это вернуть её к родителям, чтобы она простыла и снова заболела.

— Будет сделано! — ответил Боб Замок, и свет исчез.

Мистер на мгновение оглядел кухню, явно надеясь, что огонёк вернётся, а потом разочарованно махнул своим обрубком хвоста и зашагал прочь.

— А вот и бюджет кухни, который нужно просмотреть, — сказал Уилл. Он протянул планшет, покрытый листами странного гибкого дерева, которые так нравятся людям.

— Адские колокола, — сказал милорд.

— Знаю, знаю, — сказал сэр Уильям, — но здесь ежедневно обедают от тридцати до пятидесяти человек, поставки нестабильны, а цены становятся всё более странными. Это нужно сделать.

Милорд проверил кухонный таймер, кивнул и сказал:

— У меня есть несколько минут. Генерал-майор, я вернусь до того, как пицца будет готова, и мы вынесем её на крышу.

Я чётко отдал честь.

— Слушаюсь, милорд. Я буду охранять кухню.

Милорд и его кастелян ушли по жизненно важным делам, не ведомым простым солдатам вроде меня, их громкие шаги и низкие голоса ещё долго, долго звучали после того, как они удалились.

— А теперь мы ждём, чтобы отравиться пиццей, — сказала Лакуна в своей плоской, очаровательной манере.

— Ерунда! — ответил я. — Это мой милорд отравляет нас!

Мистер гонял по кухне свою мышь с кошачьей мятой и резво бегал за ней. Нам с Лакуной пришлось улепётывать с его пути, чтобы не получить травм. Хоть мы и подросли, но Мистер был всё ещё могуч и грозен.

Только когда жужжание наших крыльев стихло, я услышал, что злодеи ворвались в замок.

Раздался далёкий, слабый, но странно пронзительный шипящий звук, треск, как от жарящегося на плите бекона, и он вгрызался мне в уши, словно там копошились крошечные жучки. Мы пробыли в Замке всего две недели (а милорд

сказал, сказал, что именно поэтому это называется «две недели»!), но я и раньше слышал, как зачарованные камни Замка гневно реагируют на захватчиков.

Лакуна вскинула голову одновременно со мной, как и Мистер. Большой кот издал низкое злобное шипение, и его серая шерсть встала дыбом.

— На нас напали! — воскликнул я. — Пицца должна быть под охраной!

Клинок Лакуны зашипел, выскользнув из ножен.

— Конечно, пиццу надо охранять, — ласково прошептала она. — А я без доспехов. Ты должен идти в авангарде. Я останусь здесь.

— Да, любовь моя! Боб Замок! — прогремел я.

Появился голубой свет, который был гораздо более нечётким, чем когда его вызывал Гарри.

— Что? О, привет, ты, э... как там тебя зовут. Тот маленький парень, который становится всё больше и больше. Что случилось, малыш?

— На нас напали! — крикнул я.

Голубой свет на мгновение замерцал ярче, но потом голос сказал:

— Я уверен, что это полная ерунда.

— Ерунда! — сказал я, потрясённый. В конце концов, я был генерал-майором и капитаном

Гвардии Ца-Лорда. — Сам ты ерунда!

— Малыш, оборона этого места почти такая же мощная, как и на острове. Ничто не сможет проникнуть сюда без моего ведома. Ты уверен, что не перевозбудился? Вы что, опять наелись «Фруктовых Колечек»?

— Это было только один раз! — запротестовал я. — Милорда нужно предупредить!

— Твоего милорда нельзя отвлекать, — ответил Боб Замок очень самодовольным и высокомерным голосом, который мне ни капельки не понравился. — У него важные дела, касающиеся Волшебника Чикаго. Заседания по бюджету.

Я не знал, что это за чудовище — бюджет, и как его лучше всего извести, чтобы отвлечь внимание моего господина, но волосы на моей шее встали дыбом, а пальцы закололо так, что я едва не попятился — враг был близко.

— Враг близко! — крикнул я. — Разве ты не слышишь шума?

Мистер пронёсся по полу и с яростью набросился на голубой огонёк.

— Ах тыж! — сказал он. — У меня и так дел по горло, а тут ещё эльфы и кошаки пытаются оскорбить меня каждый раз, как только я отвернусь!

— Бесполезный дух! — Выругался я, выхватил

меч и подпрыгнул в воздух.

Я достал свисток, который использовал для координации действий Гвардии милорда, и начал дуть в него так сильно, как только мог. Бесполезно было бы пытаться предупредить людей, так как их уши были слишком дурацкими, чтобы услышать его, но любой из моих услышал бы и прилетел.

Замок был создан для обороны с самого основания. Здесь не было лестниц длиннее одного этажа. Захватчикам пришлось бы подниматься по каждой лестнице, пробиваться через весь замок к следующей, и так далее. Я пробирался по затемнённым коридорам и по близко расположенным винтовым лестницам к проходу на крышу — и обнаружил, что он занят врагом.

Мне хватило одного мгновения, чтобы заметить, как в воздухе, по которому я летел, мимо меня, пронёсся поток дротиков, и что-то зеленоватое и покрытое бородавчатой чешуёй полетело в мою сторону. Я отклонился и ударил со всей силой, которую мог вложить в удар мечом, и почувствовал, как лезвие глубоко вонзилось во что-то. Раздался гулкий вопль, и существо отлетело от меня.

— Отведай стали, злодей! — Завопил я, увер-

нулся от новых дротиков и сел на плечо человеческого доспеха, стоявшего в коридоре, стараясь не касаться Погибели своей плотью, и оценив ситуацию, присел за шлемом.

По лестнице с крыши спускалась целая толпа существ размером с канализационных крыс. Все они принадлежали к одной общей породе, но внешне отличались друг от друга — гуманоиды, покрытые кожистой зеленоватой кожей, с висячими ушами, огромными руками и ногами. Черты лица были раздутыми до нелепости, и у каждого из них были одинаково острые, оскаленные в злобе зубы и тошнотворно-золотистые глаза рептилий. Они носили доспехи, как и моя Гвардия, имели при себе оружие и снаряжение, и я знал их, поскольку они были древними врагами моего народа.

— Гремлины, подлейшие из тварей! — крикнул я.

Раздался грохот, когда с крыши спустилась более крупная фигура, почти моего размера. Он медленно поднялся, гремлин, крупнее и массивнее остальных, с одним зрячим глазом, и дркгим заросшим ужасной массой шрамов. Шрамоглаз сжимал в обеих руках человеческий тесак, и его холодный взгляд встретился с моим.

— Пикс, — сказал он голосом, сотканным из размолотого асфальта и гудящего улья. — Нам нет нужды сражаться с тобой. Отойди в сторону.

— Мерзкий гремлин, убирайся отсюда! — крикнул я, направив на него свой меч. — Ты вторгаешься в законно завоёванное земли моего милорда Дрездена!

Слово прозвучало с силой, и мы оказались в его владениях. Гремлин вздрогнул и зарычал при упоминании имени моего повелителя, а затем посмотрел на меня с медленно растущей, торжествующей злобой.

— Тогда нам действительно нужно сразиться. Прыщ.

— Сам ты — прыщ! — яростно крикнул я.

Четыре очень больших гремлина спустились по лестнице, таща на себе большой пакет. Он имел вид прямоугольников, соединённых с маленьким сосудом с жидкостью, подключённым к спиралевидным проводам, идущим к круглому циферблату, который делал тик-так.

Я почувствовал, что мои глаза широко раскрылись.

Это было смертоносное устройство. Я видел такие устройства по телевизору и в кино. Это были штуки, которые взрывались.

Шрамоглаз перевёл взгляд с меня на бум-штуку и обратно, его зубы показались ещё больше в медленной, злобной улыбке.

— Убейте пикса.

Гремлины заревели, как бешеные звери, внезапно освобождённые из клеток, и в меня полетела туча копий. Я бросился прочь со своей позиции на доспехах, дротики со звоном ударились в стоящую позади меня Погибель. Шрамоглаз выждал, пока моё местоположение изменится, затем выхватил копье у одного из своих лакеев и метнул его сильно и точно в то место, где я должен был бы находиться, если бы не ожидал нападения. Вместо этого мне удалось отбить дротик в сторону своим клинком, расправить крылья, изловчившись не упасть на пол, и помчаться по коридору с маленькой армией гремлинов, завывающей за мной по пятам.

— Генерал-майор! — крикнул дружеский голос.

Я поднял голову и увидел Синенос и Шатун в тёмных, маслянисто-блестящих доспехах, с копьями в руках, с крыльями, превратившимися в размытые пятна, когда они подлетали ко мне на подмогу и выстраивались в строй по флангам.

— Мы должны замедлить врага и собрать Гвар-

дию! — крикнул я им.

— Так точно, генерал! — крикнул Синенос. — Гобелены, сэр!

— Гобелены! — крикнул я. — Идем!

Один из людей, стоявших ночью на страже, проходил мимо по поперечному коридору, когда мы молнией приближались к нему. Я крикнул ему, но, как это всегда делают здоровяки, он не обратил внимания. Кричащие пикси, воющие гремлины, смерть и разрушение, несущиеся по коридорам Замка — и большой глупый человек даже не замечающий этого.

Иногда кажется, что мы должны ударить вас камнем, чтобы вы поняли, что мы находимся рядом.

Мой отряд помчался по коридорам в сторону большого зала, где рабочие повсюду развешивали гобелены, пока ремонтировали дыру в потолке. Гобелены были ужасного качества, поскольку были обычным холстом, и я чувствовал, что такое ремесло не соответствует стандартам моего повелителя, но для целей Гвардии количество было важнее качества.

К тому времени две дюжины гвардейцев откликнулись на мой сигнал, и, когда мы влетели в зал, почти все были наготове. Я быстро отдал рас-

поряжения. Гвардейцы разделились на команды по четыре участника, каждый захватил один из больших плотных гобеленов — вес, с которым едва справлялись наши крылья, — и моя команда возглавила движение, с трудом возвращаясь к врагу.

Мы настигли их у подножия лестницы ведущей на верхний этаж.

— Гвардия Ца-Лорда! — крикнул я. — За мной!

Мы устремились вниз, на врага, и в этот момент мы перехватили сложенный гобелен, дав ему развернуться, а затем бросили его, как массивную сеть, на гремлинов. Упав вниз, пустые гобелены, громыхая и хлопая, накрыли более дюжины врагов.

Другие команды тоже сбросили свой груз вниз, повсюду падало полотно, и Шрамоглаз завыл от ярости, видя, как его войска застряли.

— Клинки! — крикнул я.

Мечи выскочили из ножен, а копья взлетели в воздух, когда две дюжины моих людей с криком бросились на врага.

— Пикируем! — крикнул я и повёл отряд вниз, навстречу врагу.

Гремлины по природе своей злы, так же, как мой народ по природе своей любопытен. Они

жестокие, умные, злобные, практичные и безжалостные. Их бронированная шкура делает их очень трудноубиваемыми. Тёмные сородичи таких существ, как гномы-сапожники, они разделяют ловкость рук своих родственников, но постоянно обращают свои таланты на вредительство и разрушение. В их руках появились грубые, но острые и эффективные клинки, и враги начали прорубать себе путь, освобождаясь от гобеленов.

Мы встретили их своими клинками из металла Фэйри, сделанными свартальфами, и всякий раз когда враги пытались освободиться, их чугун не мог противостоять нам и нашему оружию. Враги превосходили нас числом три к одному, но это компенсировалось их пребыванием под гобеленами, что дало нам возможность протыкать их прямо сквозь ткань.

Мы не могли достать их всех — они были слишком крепкими, чтобы умереть достаточно быстро. Но нам удалось сократить их число до количества два к одному, как вдруг из-под угла гобелена вынырнул Шрамоглаз и своим смертоносным тесаком сокрушил Рыжего Каллена, сбив гвардейца на пол изломанной грудой.

Я закричал и бросился на Шрамоглаза. Он успел вовремя поднять тесак и не дать мне переимено-

вать его в Безглазого, но мне удалось рассечь ему щеку и пустить кровь из предплечья, и, если бы двое его дружков-вредителей не встали на пути, я мог бы прикончить его прежде, чем он смог бы восстановить равновесие.

Затем к первой паре гремлинов присоединились еще двое, и я оказался слишком тесно прижатым к земле, чтобы лететь и бороться за свою жизнь: оружие гремлинов, сделанное из Погибели, обрушилось на меня, его тошнотворно холодная аура заставила мою плоть содрогаться, даже когда моя броня остановила удары, ослабив мои конечности и заставив их дрожать.

На мгновение всё стало выглядеть очень плохо. Потом появился Синенос — эльф, чья голова почти полностью скрывала моё плечо, его копье ударило в сторону, — и это дало мне передышку. Я использовал её с толком — отсек клинком болтающееся ухо одному гремлину, ударил другого по его бандитской шее, а третьего схватил за непомерно длинный и острый нос и повалил на землю, где Синенос вонзил в него своё копье. Затем мы вместе развернулись и направились на помощь ближайшему из сражающихся гвардейцев.

— Стойте! — крикнул я. — Где Шрамоглаз и

бум-штука?

— Что? — спросил Синенос, как будто мы не стояли в схватке с древними врагами.

— Бум-штука! — крикнул я. — С её помощью они взорвут весь Замок!

Синенос, моргнул один раз. Затем он сказал:

— Только не пиццу!

Гремлин ударом огорошил Синенос и повалил его на землю, отправив копье гвардейца в полёт.

— Задорез! — крикнул я и бросил свой меч.

Синенос схватил моё оружие в воздухе, вогнал его в заднюю часть бедра гремлина и повернул. Существо закричало и бросилось прочь, а Синенос поднялся на ноги, продолжая сражаться.

Битва была отчаянной. Мои люди сражались изо всех сил, но их шансы на победу уменьшались по мере того, как всё больше гремлинов выходило из своих временных узилищ. У меня не было времени объяснять всё всем. Прямо сейчас Шрамоглаз с бум-штукой находился где-то там, где их не было видно, и планировал сделать что-то плохое. Я должен был остановить его.

— Бейся с ними Задорезом, — крикнул я. — Их лидер сбежал! Я иду за ним!

— Догоните его, сэр! — крикнул Синенос, разрубая своим клинком меч, сделанный из Погибели.

Он разрубил своего врага, от души рассмеялся и начал петь, и все гвардейцы поблизости присоединились к нему.

Я перешагнул через упавшего гремлина, схватил его грубое копье и поднялся в воздух, ища какие-нибудь признаки Шрамоглаза и бум-штуки. Отблеск в дальнем конце коридора явил мне руку Шрамоглаза с распухшими костяшками пальцев, волочащую за собой по полу смертоносный тесак, и я молнией устремился за ним.

Гремлины уродливые, грязные, жестокие, подлые и злобные, но при этом быстрые и тихие, даже по меркам Маленького Народца. Когда я добежал до угла, они уже были у подножия лестницы, а клыки Шрамоглаза сверкнули в крокодильей улыбке, когда он с грохотом закрыл тяжёлую дубовую дверь у подножия лестницы — почти вовремя, чтобы я успел не сломать об неё все зубы.

В последнюю секунду я покачнулся и свернулся в клубок, чтобы принять удар на плечо, отскочив от двери и рухнув на пол. Мне потребовалось мгновение, чтобы собраться и, пошатываясь, подняться на ноги. Мои крылья были ушиблены. Мне пришлось подпрыгнуть, чтобы схватиться за дверную ручку и открыть её, а затем начать

бежать вперёд на своих нерасторопных, глупых ногах, как какой-то медленный, глупый здоровяк.

Но я всё равно бежал, прыгая и взмахивая крыльями изо всех сил, помогая себе делать длинные шаги, как в гонконгских фильмах, но это было всё, что было в моих силах, чтобы не отстать от гремлинов, спускавшихся вниз по лестнице Замка самым быстрым путём в подвал.

Я догнал их на кухне, и только когда вошёл в двери, мои крылья снова заработали, и меня молнией подбросило к потолку, откуда можно было наблюдать за происходящим.

Четыре больших гремлина, несущих бум-штуку, мчались к...

Замороженные козявки Мэб.

Они устремились к печам для пиццы.

Внезапно я понял их план. Печи были полны газа, который мог гореть. Произошёл бы взрыв, и тогда Замок сгорел бы и развалился на части.

И это убило бы всех внутри.

Я почувствовал, как у меня похолодело в животе. Потому что это будет не маленькая смерть, такая смерть, которую мой народ едва заметит. Это была бы большая смерть, такая, какую я вижу сейчас. Это был бы конец истории, который

должен был произойти рано или поздно.

Я схватил своё трофейное копье, стиснул челюсти и приготовился пикировать на гремлинов с бум-штукой.

— Не так быстро, пикс! — прорычал Шрамоглаз своим ужасным гудящим голосом.

Я обернулся и увидел, что гремлин стоит на одном из сделанных из Погибели столов, сжимая в одной руке смертоносный тесак.

Другая его рука была сжата в кулак, а вокруг неё была намотана тёмная коса Лакуны. Когда мои глаза расширились, он поднёс острие тесака к её горлу, но остановился только тогда, когда она вздрогнула от прикосновения Погибели и издала резкий крик.

— Злодей! — крикнул я. — Отпусти её!

— Вот что произойдёт, пикс, — сказал Шрамоглаз. — Ты приземлишься, бросишь оружие и пойдёшь с нами. Как только мы окажемся снаружи, я отпущу твою подружку.

— О! — возмущённо сказала Лакуна, её тёмные глаза сверкнули, когда она посмотрела на меня. — О нет, ты слышал, что он сказал?

— Не бойся, любовь моя! — заявил я. — Я спасу всех!

Шрамоглаз зарычал и ещё немного надавил

тесаком на горло Лакуны. Я услышал шипение, когда Погибель коснулась её кожи, и она издала тонкий крик боли.

Я закрутился по кругу, перебирая варианты. Четыре гремлина с бум-штукой прислонили её к боковой стенке печи для пиццы и повернули циферблат. Она начала издавать звуки «тик-так-тик-так» — именно такие звуки издают бум-штуки по телевизору перед тем, как взорваться. Эти четверо были очень крупными и крепкими на вид воинами, все покрытые шрамами. Какими бы тупыми ни были гремлины, с таким количеством шрамов они должны были чему-то научиться.

— Сейчас же! — сказал Шрамоглаз. — Или я убью её!

— Нет! — сказал я и бросил копье на землю. — Подожди! — Я молнией спустился к столу, подняв руки. — Не делай ей больно.

— Ха, — сказал Шрамоглаз. — То, о чём я и подумал. Глупый пикс. — Он протянул мне моток кожаного шнура. — Теперь свяжи свои ноги.

Я медленно нагнулся и взял шнур, пытаясь думать. Ситуация была скверная. Бум-штука продолжала тик-такать. Четыре здоровенных гремлина вскочили на стол и окружили меня.

Весёлые шарики Крингла, как вкусно пахла пицца. Даже гремлины это заметили. Один из них с очень большими, словно резиновыми, губами осмотрел печь и облизал их.

— Давай, пикс, — почти промурлыкал Шрамоглаз. — Всё кончено. Ты проиграл.

И тут в комнате появился синий огонёк. Он беспорядочно заметался по полу, потом по ножке стола, сделанного из Погибели.

И тут за огоньком весело вбежал тридцатифунтовый серый кот, возбуждённо прыгая за ним. Кот Мистер в погоне за голубой светящейся точкой вскочил на стол и резко остановился. Все семеро из Маленького народца, стоявшие на столе, застыли на месте. Затем кот наклонил голову на одну сторону и, едва выдержав паузу, набросился на ближайшего гремлина.

— Шевелись, малыш! — закричал Боб Замок. — Шестьдесят секунд на таймере!

Истерзанный гремлин издал вопль ужаса, когда когти Мистера начали сгребать его, и я начал действовать, метя мотком кожаного шнура в морду Шрамоглаза. Кожаный шнур попал ему в единственный зрячий глаз и заставил его отшатнуться назад и в сторону от Лакуны, которая вдруг достала неизвестно откуда маленький острый

нож и ударила им по своей косе, освободив её из хватки Шрамоглаза.

Я бросился на Шрамоглаза и врезался плечом ему в грудь, отбросив его от края стола, пронёсся через всю кухню и врезался в сделанные из Погибели дверцы морозильной камеры для пиццы.

Позади я увидел, как Мистер сгребает и трясёт второго гремлина, а Лакуна отклоняет копье рукой в стиле кунг-фу и метко бьёт третьего своим маленьким ножом.

Шрамоглаз завыл, когда его спина коснулась Погибели, и схватил меня с ужасающей силой. Его руки вцепились в мои крылья, и мы оба рухнули на пол. Он вскочил на ноги, как резиновый, поднял свой тесак и обрушил его на меня. Я отлетел в сторону, когда он нанёс ещё три удара на одном дыхании, смертоносный тесак высекал искры из бетонного пола и отправлял в полёт осколки каменной плитки.

Тик-так тик-такала бум-штука.

Я поймал запястья предводителя гремлинов, когда он занёс тесак для удара, и мы стали бороться за оружие, напрягая тела.

— Твой повелитель падёт, — прошептал мерзкий голос гремлина. — Его дом будет разрушен. Это лишь вопрос времени. Одной ночи, одного

дня.

— Но не в эту ночь! — прорычал я, а затем со всей мощью своего тела рванулся вперёд и вихрем пронёсся вместе со Шрамоглазом, вгоняя острие смертоносного тесака в тонкую сталь дверцы холодильника. Тесак погрузился в неё до упора и застрял там.

Шрамоглаз уставился на оружие, широко раскрыв глаз, а затем вихрем бросился ко мне.

Крылья Лакуны зажужжали, когда она опустилась рядом со мной, по её отвоёванному мечу капала кровь гремлина. Раздался грохот, и труп гремлина упал на пол со стола, сделанного из Погибели. На краю стола появилась фигура большого кота, ярко-зелёные глаза смотрели на Шрамоглаза.

Гремлин совершил роковую ошибку.

Он запаниковал.

С ловкостью, свойственной его виду, Шрамоглаз метнулся в сторону и устремился к двери.

Мистер поднял одну лапу, оценил скорость своей цели и одним ленивым движением спустился со стола.

Это решило проблему гремлина.

— Пицца! — пискнула Лакуна.

— Точно! — сказал я. Мы подлетели к бум-шту-

ке. Тикающая штуковина была круглой и имела множество маленьких значков.

Загорелся синий огонёк и сказал:

— Дрезден будет здесь через сорок секунд.... О, чёрт, осталось всего тридцать шесть.

Круглая штука, которую мой господин установил ранее, зажужжала, и все трое подпрыгнули и издали пронзительный крик.

— Подождите! — сказала Лакуна. — Вот она!

И она решительно направилась к бум-штуке.

— Ух ты! — сказал Боб Замок. — Ты знаешь, что делаешь... А хотя, знаешь что, тридцать секунд, к черту всё.

Лакуна опустилась на колени возле стрелы, схватила пластиковый циферблат и с силой повернула его. Он вращался до тех пор, пока красная метка не оказалась рядом с цифрой 30.

— Вот так, — твёрдо сказал Лакуна. — Теперь у вас есть тридцать минут, чтобы спасти пиццу.

Синий свет на секунду заколебался, а затем сказал:

— О. Да. Похоже, это не совсем команда спецназа или что-то в этом роде. Хорошая работа, Крошка Тиш.

Лакуна сузила глаза глядя на голубой огонёк, когда тяжёлые шаги здоровяков приблизились,

и милорд с сэром Уильямом ворвались в кухню. Милорд остановился, тяжело дыша, его тёмные глаза расширились, и он осмотрел помещение.

— Это что, гремлин? — спросил он секунду спустя. — Боб, какого черта ты сделал с моим котом!?

***

Час спустя мы все были на крыше Замка, смотрели на звёзды и ели пиццу.

— Как дела у гвардейцев, генерал-майор? — спросил милорд.

— Несколько раненых, один тяжелораненый, но ни одного погибшего, — сказал я. — Нам повезло, милорд. Мы прогнали врага прочь.

— В следующий раз постарайся взять одного живым, — сказал он. — Было бы неплохо узнать, кто их послал.

— Вам придётся обсудить это с Мистером, милорд.

Большой кот, растянувшись на коленях милорда, удовлетворённо мурлыкал. Очевидно, он не жалел о том, что не оставил в живых никого, кто мог бы рассказывать о себе.

— Милорд? — сказал я после затишья.

Грустные тёмные глаза посмотрели на меня.

— Да, генерал?

— Мне очень жаль, — сказал я. — Что ваше сердце болит. Она была храброй.

Он перестал жевать пиццу и долго смотрел на меня. Затем милорд несколько раз моргнул и сказал:

— Да, она была храброй. Спасибо, Тук.

Я неловко похлопал его по колену. В ответ он на мгновение положил кончики пальцев на моё плечо.

— Ты отлично справился сегодня вечером, — сказал он. — Боб говорит, что все защитные системы Замка были настроены на более серьёзные угрозы. Он не настроил их так, чтобы они видели что-то такое маленькое и коварное, как гремлины. Если бы не ты и не Гвардия, Замок мог бы сгореть. Люди под моей защитой могли пострадать.

Я почувствовал, что моя грудь выпятилась ещё больше.

— Ничего страшного, милорд. Просто ночная работа. — Я сделал паузу и смущённо сказал: — Сожалею о вашем холодильнике, милорд.

— Необходимая мелочь. Я стараюсь никогда не сомневаться в парнях занимающихся своим делом. — Он взял целый кусок пиццы и протянул

его мне.

Я принял его с серьёзным видом.

— Милорд, — сказал я. — Эта битва окончена. Но что мы будем делать с кономой?

Он взял ещё один кусок пиццы и протянул его мне. Мы с ним аккуратно поделили пиццу, а потом стали есть.

— Тоже, что мы и всегда делаем, дружок, — сказал он. — Будем держаться вместе.

Я сел рядом с ним. Мгновение спустя Лакуна села рядом со мной. Я отдал ей половину своей пиццы.

— Ты пришёл в первую очередь за мной, — сказала она. — Не за пиццей.

— Ты, — сказал я, — важнее пиццы.

Она уставилась на меня в задумчивом, гробовом молчании на мгновение, прежде чем сказать:

— Ты большой дурак.

Но она прижалась ко мне, пока ела.

17.2 По закону (2022)

Действие рассказа происходит в период между действиями романов 16 и 17 цикла «Досье Дрездена»

Жизнь несправедлива.

Это факт, осознание которого приходит в голову всем нам в раннем возрасте. Независимо от того, приходит ли оно каким-то очень реальным и серьёзным образом, допустим, когда рано умирает кто-то из родителей, или мы узнаём об этом в гораздо менее тяжёлой форме где-нибудь на детской площадке, факт остаётся фактом. Планета Земля — несправедливое место. Несправедлива во многих отношениях, в чём-то даже хуже других, но она несправедлива. Ни для кого.

И это, пожалуй, самое справедливое в ней.

Это был тяжёлый год для меня, с тех пор как Последний Титан напала на город. Я потерял много друзей в той битве. Одной из них была Мёрфи. Она истекла кровью, пока я держал её на руках. Ранение в шею. Случайное.

Всякий раз закрывая глаза, я видел её лицо, видел как синеют её губы и сереет кожа. Мне

не удалось выбросить это ни из своих снов, ни из головы. Я ненавидел засыпать, потому что в основном мне снилось, как она умирает, снова и снова, как на повторе. Возможно, моё подсознание искало все способы, которыми мне удалось бы изменить исход, как разгневанный тренер, анализирующий видео после игры. Или, может быть, я просто не мог её отпустить.

Чёрт возьми, если бы я знал.

Жалость к себе, а это, пожалуй, самая бесполезная вещь, которую вы можете чувствовать: она ни черта вам не даёт. Вы не чувствуете себя лучше и слишком заняты хандрой, чтобы сделать хоть что-нибудь, чтобы на самом деле улучшить свою жизнь. Есть причина, по которой старики называют это «сидеть и вариться в собственном соку». Всё, происходящее с вами сводится к одному — вы просто впитываете боль.

Тем не менее, всему своё время, в том числе и тому, когда уместно так себя чувствовать. Для меня это время было между тремя и пятью часами утра. Я не мог спать больше трёх-четырёх часов за ночь, а когда просыпался, то лежал с закрытыми глазами и… страдал. Иногда снова погружался в кошмарную дрёму. Однако большую часть месяца я просто лежал и страдал.

Мой чисто механический будильник прозвенел в пять — не для того, чтобы разбудить меня, а для того, чтобы сказать мне, что пришла пора на время избавиться от этих чувств.

Страдать — это нормально.

Но нехорошо подводить людей, которые на меня полагаются. Это была моя точка равновесия.

Итак, в пять утра, примерно через месяц после смерти Мёрфи, я встал, сделал растяжку, которую другие люди могли бы назвать «йогой», и принял холодный душ, потому что, находясь под ним, нельзя думать ни о чём другом. Затем одевшись, притворился полноценным человеком и, пошатываясь, вышел из своих покоев в замке на кухню, чтобы позавтракать. Это была огромная комната, полная мебели из нержавеющей стали и полированных бетонных полов. Мой большой, старый, серый кот Мистер бодро трусил за мной по пятам, а иногда и впереди, помогая мне сохранять равновесие на тренировках.

Уилл ждал меня с чашкой кофе.

Уилл Борден Оборотень отдыхал от роли Уилла Бордена Отца и Инженера, чтобы помочь мне по дому. Это был коренастый шатен с бородой, сложенный на три четверти как профессиональный полузащитник. Его голова доходила мне до

груди. Он был одет по деловому, но без пиджака или галстука, и вместо планшета или смартфона у него была папка заполненная бумагами, в связи с тем, что сложные электронные устройства в замке ломались в считанные секунды.

— Хм, — сказал он и передал мне чашку кофе из старой армейской кофеварки, которую Майкл отремонтировал и подарил мне.

— Спбо, — вежливо пробормотал я, приняв чашку.

Я немного отхлебнул.

— Хорошо, — сказал я. — Думаю, теперь я могу понимать человеческую речь.

Я доплёлся до одного из встроенных холодильников на кухне замка, открыл его и начал доставать продукты для завтрака. Повара-добровольцы из Ордо Лебес прибудут через час, чтобы начать готовить завтраки для различных беженцев, проживающих в моем старом-новом доме, но пока что мы были предоставлены сами себе.

Мистер замурлыкал и прошёлся взад-вперёд между моих лодыжек, нежно потираясь об меня. Я старался не споткнуться об него и не убиться, пока доставал ему завтрак и кормил его.

— Хорошо, — сказал Уилл, просматривая верхнюю страницу из своей папки и зевая. — Готов к

сегодняшнему дню?

Хмыкнув, я достал бекон и яйца и поставил сковородку на огонь, зажжённый на одной из больших плит.

— Углеводы, — рассеянно сказал Уилл. — Целый день на ногах.

Я достал кастрюлю для овсянки и принялся за неё.

— Совещание по бюджету в час, — сказал Уилл. — Городской парень придёт в два, чтобы пригрозить нам перезонированием.

— Опять?

Уилл пожал плечами.

— Марконе срезал некоторые углы, когда строил это место. Город был осторожен с ним. Но они не беспокоятся на твой счёт. И ещё, у тебя назначена встреча с комитетом Паранета.

— С Параноиком Гэри, — сказал я.

— А в четыре часа, — продолжил Уилл, — придёт новая помощница Лары, чтобы договориться об условиях первого свидания.

— Я не отступлю ни на шаг. И это произойдёт только через две недели, — сказал я.

— Адвокатам Мэб нужно время, чтобы пересмотреть условия и ограничения, — отметил Уилл.

Я вздохнул.

— Условия и ограничения, вероятно, являются хорошей идеей в большинстве взаимодействий. Но «условия и ограничения» — это одна из тех фраз, которые, вероятно, не должны применяться к свиданиям.

Уилл печально усмехнулся. Затем он сделал паузу и посмотрел на меня.

— Есть заметка для сегодняшнего утра, на которую, я думаю, тебе стоит взглянуть.

Как только сковорода нагрелась, в ход пошли масло, яйца и бекон. В тот момент я не особенно заботился о жире. Сильное горе и стресс разъедают тело. Моему требовались каждая калория, которую я мог в него запихнуть.

— Я всё ещё не в форме, Уилл. Утро — для восстановления и людей.

— Да, — сказал Уилл. — Вот почему я об этом сказал.

Я взял свой кофе, проверил овсянку и посмотрел на него.

— Женщина попала в беду и пришла сюда, — сказал он. — Она в тяжёлом положении. Может быть, ты сможешь помочь.

Помочь.

Губы Мёрфи посинели…

— Гарри, — сказал он с терпением и сочувствием в голосе. — Вернись.

Я не заметил, сколько времени прошло, пока дурные воспоминания меня не отпустили, но яйца начали слегка дымиться. Значит, будет омлет. Я кивнул, благодаря Уилла, и внёс коррективы.

— О женщине. У неё проблемы с фэйри? В её жизни появился какой-то вампир?

— Вообще-то, нет, — сказал Уилл.

Я нахмурился и поднял глаза.

— Что ей нужно?

— Я думаю, ей нужен опытный частный детектив.

— Хех. Но что ей нужно от меня? — капризно спросил я. Но что-то глубоко внутри меня зашевелилось, как старый боевой конь, услышавший глас труб.

Мистер оторвал взгляд от своей еды, замурлыкал и снова потёрся о мои колени. Я на мгновение уставился на своего старого мальчика, покрытого боевыми шрамами.

— Может быть, пришло время, — сказал я.

***

Её звали Майя, и она выглядела как человек, который пропустил много приёмов пищи в своей жизни. Под тридцать, черты лица скорее резкие,

чем красивые, множество веснушек на светло-карамельной коже. На ней была удобная обувь и недорогая, поношенная одежда: брюки, белая рубашка и бежевый кардиган. У неё не было денег — вероятно, это объясняло, почему она пришла ко мне.

Сьюзен, подумал я. Она выглядит примерно так, как могла бы выглядеть Сьюзен, если бы жила нормальной жизнью.

Я почувствовал, что меня куда-то уносит, но сдержался. Я одарил Майю короткой вымученной улыбкой и устроился за своим столом в комнате, которую использовал как офис. Несколько недель назад это был чулан с припасами, но он был рядом с моими личными покоями в подвале замка, где они, черт возьми, и должны были быть.

— Спасибо, что приняли меня, мистер Дрезден, — сказала Майя, тщательно контролируя свой голос. Она говорила, как человек, который был близок к тому, чтобы расплакаться.

Я понимал, что она чувствовала.

— Уилл сказал, что вам нужна небольшая помощь, — сказал я. — Не могли бы вы рассказать мне об этом немного подробнее?

— На меня подали в суд, — сказала она.

— Я не юрист. Обычно они более полезны в

судебных тяжбах.

Она слабо улыбнулась, её глаза были усталыми.

— Я профессиональный репетитор. — Я изучал её. — Из недорогих.

— Нет. — Я кивнул. — Расскажите мне больше об этом деле.

Она сделала медленный вдох.

— Восемь лет назад я открыла свой… бизнес. У меня... была трудная жизнь до этого. Я была секс-работницей. — Она внимательно наблюдала за моим лицом. — Для вас это не проблема?

— Это не моё дело. Меня там не было. Не мне вас судить. Но у вас самой есть с этим проблемы?

Очевидно, ей не понравилось то, что она увидела на моем лице. Она наблюдала за мной ещё мгновение, прежде чем медленно кивнула.

— Я хотела чего-то другого. У меня была степень бакалавра в области образования полученная в юности. — Она одарила меня мимолётной улыбкой. — И я накопила достаточно денег, чтобы открыть «Подсолнух».

— Ваш репетиторский бизнес, — сказал я.

Она кивнула.

— Всё прошло лучше, чем я думала. В сообществах Вест-Сайда много людей, которые хотят

лучшего для своих детей и которые готовы вложить свои деньги в лучшее образование.

— Это кажется разумным.

— Мой бизнес не приносил большого дохода, — сказала она. — Мои клиенты — рабочие, строители, водители грузовиков. Но они хотят большего для своих детей.

— Я тоже.

Она слегка улыбнулась.

— Я зарабатывала деньги от объёма работ. На самом деле для меня было слишком много работы. И вот, после первого года я нашла другую женщину и помогла ей открыть свой собственный «Подсолнух».

— Франшиза.

— Едва ли это можно так назвать, — сказала она, и в уголках её глаз появились морщинки. — Её бизнес тоже начал приносить доход, и мы наняли других, и так далее. В основном это были одинокие женщины, большинство с одним или двумя детьми. Мы помогали детям и зарабатывали достаточно, чтобы прокормиться.

— И сколько сейчас «Подсолнухов»? — спросил я.

— Тридцать девять, — ответила она. — Каждая из нас кладёт пятьдесят долларов в месяц в об-

щую кубышку. И из этих денег мы оплачиваем обучение тех детей, которые хотят учиться, но чьи родители не могут позволить себе оплатить учёбу. Это не такое уж грандиозное предприятие, мистер Дрезден. И никогда им не станет. Но оно создало место, где женщины могли обеспечивать себя сами, помогая детям.

Она вздёрнула подбородок.

— Я горжусь этим. Горжусь людьми, с которыми работаю. Горжусь всем тем хорошим, что мы сделали.

— Звучит заманчиво, — сказал я кивая. — Расскажите мне о судебном разбирательстве.

Она поморщилась.

— Его зовут Трипп. Трипп Грегори.

— Гражданский иск?

Она коротко улыбнулась мне.

— Ему принадлежит здание, в котором я работаю.

— Вы у него арендуете?

Она кивнула.

— Я работаю по контракту. У меня... в моей прошлой жизни там был офис.

Я наклонил голову и нахмурился.

— Расскажите мне поподробней.

— Трипп... не очень хороший человек. Он был…

посредником. Но был арестован по обвинению в торговле наркотиками и последние восемь лет находился в «Понтиаке».

— Позвольте мне проверить, правильно ли я понимаю, — сказал я. — Трипп был вашим сутенером и посредником, оплачивал ваши услуги. Что-то вроде выгодной сделки по аренде?

Она опустила глаза и кивнула.

— За оказанные услуги.

— Хм. Я полагаю, он получил то, что заслужил и сел, а у вас появился шанс изменить свою жизнь. Чем вы и воспользовались. Сменили сферу деятельности, но остались на старом месте. И вот теперь Трипп вернулся, и ему что-то нужно от вас.

— Я не могу переехать, не подняв цены выше чем могли бы себе позволить мои клиенты. «Подсолнух» никогда не смог бы так подняться. — Она помрачнела. — О-он говорит, что я должна ему за то время. Вернуть деньги.

Она быстро подняла глаза.

— Во всех смыслах.

Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не зарычать во весь голос. Трипп мне уже не нравился.

— Итак, расскажите мне об иске.

— В нашем контракте есть пункт, который, по его словам, делает его моим партнёром. Он требует возмещения из всей «прибыли», полученной компанией, а также требует вернуть все деньги, которые мы пожертвовали для детей, чьи семьи сами не могли оплатить наши услуги.

— По-моему, это полная чушь, — сказал я.

Она поморщилась.

— У меня хватило денег, чтобы заплатить адвокату за изучение контракта. Она сказала, что он в своём праве.

— Сколько, по его словам, вы ему должны? — спросил я.

— Около четверти миллиона, — сказала она, покачав головой. — У нас не настолько прибыльный бизнес. Мы никак не можем заплатить ему эту сумму, даже если бы мы действительно были ему должны. Юридическое представительство в судах Чикаго обходится дорого — гораздо дороже, чем мы можем себе позволить. Это стоит больших денег, оплата адвоката, свидетельских показаний, экспертиз — а ведь были дела и менее обоснованные, чем это, которые были решены в его пользу.

— И борьба с ним стоит огромных денег. Которых у вас нет.

— Вот именно, — сказала она. — И даже если мы выиграем у него в суде, эта победа может стоить нам жизни. И он это знает. Но если мы не будем бороться с ним, единственный вариант — полностью закрыть «Подсолнух».

Она сделала глубокий вдох.

— Мистер Дрезден, на улицах говорят, что, если тебе нужна помощь, звони в полицию, или в скорую помощь, или страховому агенту. Но когда тебе нужно чудо... единственный, к кому можно обратиться, — это вы.

О, чёрт. Опять эта старая штука.

— В последнее время всё было очень плохо, — сказала она. Теперь в её глазах стояли слезы. — Было так страшно. Атака террористов и применение химического оружия. Я была уже везде, искала кого-нибудь, кто мог бы нам помочь. После атаки ни у кого не было свободных средств. Все — и я действительно имею в виду всех — уже на пределе.

Она сложила руки на коленях и опустила глаза.

— Вот почему я пришла к вам. Мне нужно чудо.

Я выдохнул. Адские колокола. По крайней мере, это было интересно. Может быть, я мог бы поме-

стить это на визитную карточку.

— Хорошо, — сказал я.

Она подняла голову, её глаза были широко раскрыты, в них было что-то, едва похожее на надежду.

— Не люблю хулиганов, — сказал я, взяв карандаш и блокнот. — Позвольте мне получить от вас больше информации, и я посмотрю, что можно будет сделать.

***

Если у вас есть проблема, идите прямо навстречу к ней.

Я посмотрел на Триппа Грегори.

Он был хорошо обеспечен для парня, который просидел в тюрьме при двух президентах. У него был дом в Лейквью, и когда я подъехал к нему, пара молодых женщин, которые, по-видимому, были одеты для пляжной вечеринки, как раз уходили от него.

Во мне примерно шесть футов и девять дюймов роста, я уже не так молод, как раньше, и у меня накопилось несколько шрамов. Из-за этого и большого чёрного кожаного пыльника, который был на мне даже жарким летним утром, они окинули на меня нервным взглядом и постарались побыстрее скрыться из виду. Я внимательно

наблюдал, как они садились в свою маленькую спортивную машину, на случай, если они откуда-то достанут стволы, а также потому, что у меня большой опыт в наблюдении за людьми. Они уехали, а я подошёл к двери и постучал.

— Я заплатил вам за то, чтобы вы убрались на хрен! — раздался мужской голос изнутри. — Да бога ради, что вам ещё нужно?

Послышались шаги, и мужчина в дешёвом чёрном хлопчатобумажном халате приоткрыл дверь. Ему было около сорока, хорошо сложенный, с обесцвеченными светлыми волосами и темными глазами. Он моргнул, а затем хмуро посмотрел на меня.

— А ты, чёрт возьми, что за урод? — потребовал он ответа.

— Адские колокола, какая прелесть, — сказал я. — Держу пари, ты заводишь друзей везде, куда бы ни пошёл.

— Чего? — требовательно спросил он. Снова.

— И к тому же красноречив, — сказал я. — Трипп Грегори?

Он сердито посмотрел на меня.

— Кто ты, чёрт возьми, такой?

Я оглядел его жилище. Там не было ничего особенного в плане обстановки или мебели, а то,

что я видел было дешёвым. В коробке на футоне лежала куча почты.

— Меня зовут Гарри Дрезден, — сказал я.

— И что это должно значить, мудила?

Мои кулаки уже чесались от желания встретиться с его носом. Я медленно вдохнул и выдохнул, чтобы не пустить в их ход раньше времени.

— Я работаю на Майю.

— А, на эту шлюху, — усмехнулся он.

Одним из последствий моей жизни было то, что я носил Мантию Рыцаря Зимнего Двора фэйри. Помимо всего прочего, она заставляла меня быть более агрессивным, по сравнению с обычными людьми. В основном я держу её под контролем.

В основном.

Я толкнул дверь левой рукой, достаточно сильно, чтобы она врезалась в плечо и грудь Триппу и повалила его на задницу. Он упал с выражением шока на лице. Трипп был крепким парнем, но в настоящее время я был неоправданно силен. Для моего размера.

— Не возражаешь, если я войду, и мы поговорим? — спросил я, переступая порог его дома. Большая часть моих магических способностей осталась снаружи — вместе с большей частью силы Зимней Мантии. Мне было немного стыдно

за то, что я не дождался приглашения. Это был интересный момент, но оставлю его на потом.

— Кем, чёрт тебя возьми, ты себя возомнил? — закричал Трипп. — Ты знаешь, кто я, на хер, такой?

— Ты сутенёр, — спокойно сказал я. Пройдя мимо него, подошёл к футону и взял несколько писем. — Ты пытаешься вымогать деньги у репетиторской службы под названием «Подсолнух». Ты прекратишь это.

Трипп проследил за мной взглядом, чем мне неприятно напомнил гремучую змею. Это был парень, который мог сделать ядовитый укус в тот момент, когда позволишь этому случиться. Я посмотрел на него, затем проверил самые очевидные места на предмет пистолета и нашёл его со второй попытки под матрасом футона.

— Это моё, — прорычал он.

— Продолжай говорить и, возможно, ты его получишь назад, — сказал я.

Он воспринял это молча. Затем спросил:

— Кто тебя послал?

— Ух ты. Добавь «умение слушать» к своему и без того впечатляющему набору талантов, Трипп, — сказал я. Пистолет был дешёвым револьвером. Открыв барабан, убедился, что он

пустой, и закрыв его бросил ствол на футон. Я просмотрел его почту, пролистал её, бросая обратно в кучу. Там было много счетов с ПОСЛЕДНИМ УВЕДОМЛЕНИЕМ, напечатанным красными чернилами. — Вместе с твоими финансовыми навыками.

— Эй, эта грёбаная почта моя. Это федеральное преступление.

— Только если я возьму её из твоего почтового ящика, — весело сказал я. — А вот надрать тебе задницу и войти в твой дом — это уже пара преступлений. Это всего лишь дружеская беседа, Трипп. Отзови иск против «Подсолнуха».

Его глаза сузились.

— Или что?

Я выдохнул.

— Я мог бы угрожать тебе, но ты из тех подонков, которых даже не хотелось бы соскребать со своего ботинка. Давай просто скажем, что от тебя исходит много негатива. А такие вещи имеют тенденцию возвращаться. С процентами.

— О чем, чёрт тебя возьми, ты говоришь? — потребовал он.

Я пожал плечами.

— Ты получаешь по заслугам, Трипп.

Его глаза сузились.

— Ты думаешь, что испугаешь меня, Гарри Дрезден?

— Умный человек испугался бы меня.

— Ну, а я, твою мать, нет, — сказал Трипп.

— Ладно, проехали. Это слишком просто, — сказал я. — Послушай, чувак. Майя кажется достаточно милым человеком. И я посмотрел этот «Подсолнух», и они тоже кажутся хорошими людьми. Такими, от которых парни вроде тебя должны держаться подальше, понял?

— Я твоё понял знаешь где вертел, — сказал Трипп.

— Ох ты ж, — сказал я. — Ты просто совсем не понимаешь, о чем идёт речь.

Он показал мне свои зубы. Это была не улыбка. На его лице не было испуга. Он действительно был таким. Чем вызывал недоумение. Либо он не знал меня, либо он не знал таких людей, как я, или…

Или, может быть, с этим парнем было что-то не так. Я ощутил некоторую насторожённость.

Трипп небрежно встал, задрал подбородок и посмотрел на меня.

— Гарри Дрезден, да?

— Это моё имя, — сказал я. — Не трепи его.

— Ну, Гарри, мать твою, Дрезден, — сказал он.

— Ты залупаешься не на того парня.

— Надо же, неужели ты мне не нравишься, — сказал я. — Честно. Это поразительное достижение.

— Как будто мне не по хер, нравлюсь я тебе или нет, — усмехнулся он. — Если ты собираешься что-то делать, делай. Если же нет, иди и скажи этой маленькой шлюхе, что-либо она появится здесь сегодня вечером с моими грёбаными деньгами, либо я увижу её в суде.

— Нет никаких грёбаных денег.

— Значит, она и тебе набрехала, — сказал он. — Бабы. Видимо, ты настолько туп, что веришь им.

У меня с невероятной силой чесались кулаки. Ими просто не терпелось врезать этому парню по физиономии.

Но я понял, что это не заставит его передумать. Надо отдать должное Триппу, он был твердолобым типом. Может быть, из-за своей глупости, а может, это была какая-то патология, но он не собирался сдаваться. Демонстрации волшебной силы могло бы хватить, чтобы пробиться к его нутру, но этого не произойдёт, если моя магия будет ждать за его порогом дома.

Вот тебе и возможность подойти к проблеме вплотную. Придётся искать другой подход.

— Подумай о том, что я сказал, Трипп. Это избавило бы тебя от множества неприятностей.

— Ты можешь поговорить с моим грёбаным адвокатом, Гарри Дрезден, — усмехнулся он. — Или можешь оплатить долг шлюхи. А теперь убирайся к чёрту из моего дома.

Он был законным владельцем, и это несло в себе определённую власть в сверхъестественном мире. Я почувствовал небольшой порыв уйти, когда он это сказал, но подавил его.

Я ушёл добровольно, не сказав больше ни слова. Вернулся к «Мюнстромобилю», старому фиолетово-чёрному катафалку с изображением сине-фиолетового пламени, на котором я недавно начал передвигаться по Чикаго, и заревев мотором, уехал.

Может быть, мои способности к запугиванию достигли своего предела. Или, может быть, Трипп был немного сумасшедшим.

Нужно было хорошенько всё обдумать. Самое время устроить черепно-мозговой штурм.

***

Я спустился в свою лабораторию.

Когда моё старое жилище сгорело дотла, а Марконе построил замок на его тлеющих развалинах, от старого дома уцелела лишь одна вещь: подвал.

Одно из первых дел, которое я сделал, вернувшись сюда, — это очистил, отремонтировал и восстановил то маленькое подвальное помещение, к которому я привык: стены из шлакоблоков, поставил три стола и стеллажи, в которых хранилась моя новая, медленно растущая коллекция волшебных безделушек и экзотических диковинок. Я мог использовать их в исследованиях, проектировании и производстве любого количества магических инструментов и прочих полезностей.

Длинный стальной стол тянулся по центру лаборатории, создавая рабочее пространство и оставляя вокруг него узкий проход. Я пока не заменил круг призыва в дальнем конце. В моей жизни было достаточно неприятностей, и мне не хотелось намеренно вызывать ещё больше.

На одной из полок, в окружении книг в мягкой обложке, лежал старый, побелевший от времени человеческий череп.

— Боб, — позвал я. — Эй, Боб. Давай сюда, приятель. Нам нужно поговорить.

Через секунду синий свет, который, казалось, исходил от свежевыкрашенных шлакоблочных стен, метнулся по периметру комнаты и вошёл в череп на полке.

Ещё через секунду или два оранжевых огонька зажглось в глазницах черепа, светясь, как маленькое пламя свечей, и он задрожал на полке, щёлкнув зубами, прежде чем череп слегка повернулся на месте и оказался лицом к моему табурету рядом с рабочим столом.

— Вот это да! Управлять этим местом — всё равно что водить монстр-трак, Гарри!

Замок, сам по себе массивное магическое сооружение, спроектированное и построенное в давние времена каким-то седым старым и давно умершим волшебником, нуждался в духовном проводнике, чтобы обеспечить надлежащее функционирование его различных защитных сооружений и функций. Боб был более чем готов к этой задаче, и я подозревал, что он втайне наслаждался своим новым монстр-траком.

— Ты хочешь снова посмотреть «Звёздные войны», босс? — пробормотал Боб.

— Позже. Сейчас мне нужен совет, приятель, — сказал я.

— Совсем как в старые добрые времена! — пробормотал Боб. — Порази меня!

Я зевнул, сделал ещё глоток кофе и рассказал ему всё о Майе и Триппе Грегори.

— Сначала о главном, Гарри, — серьёзно сказал

Боб. — Есть ли хоть какой-нибудь шанс, что горячая училка разденется по ходу дела?

Я потёр бровь.

— Сделаю вид, что это не имеет отношения к делу.

— Я не понимаю, как это может быть, — уверенно сказал Боб. — Но я приму это как данность, если хочешь.

— Будь так добр, — сказал я.

— Перерасчёт, — сказал Боб со странным акцентом, который, как он однажды заверил меня, был забавной ссылкой. — С чего ты хочешь начать?

— С Триппа Грегори.

— Я полагаю, ты уже достал его досье?

— Конечно, — сказал я. — Материалы в публичном доступе получил сам, а за остальным обратился к Роулинсу.

— Роулинс ещё не ушёл на пенсию?

— Решил отложить это после того, как на нас обрушилась Последний Титан, — сказал я. — Послужной список Триппа Грегори похож на то, что я и так знал: он сутенёр и мелкий торговец наркотиками. В основном кокаин, может быть, употребляет свой же товар. У него нет судимостей за насилие, но полиция считает, что он связан со слишком большим количеством пропавших

девушек.

— Ага. Ты думаешь, он их замочил?

— Я думаю, что он гад. Трипп сделал бы это сам или чужими руками, если бы это было в его интересах, и зная о том, что его не поймают. Моё чутье подсказывает, что вероятнее всего, он их продавал.

— Завалим его? — предложил Боб.

— Боб, — сказал я с укором в голосе.

— Хорошо, — вздохнул череп. — Ну в самом деле, просто убей его. Откройте портал в то место, где он получит тематически подходящий конец, брось его туда, закрой портал и иди пить пиво.

Заманчиво в своей простоте. Но в последнее время я видел слишком много убийств.

— Я уже выполнил свою норму по убийствам на год вперёд, — сказал я Бобу. — Это не обсуждается.

— Так почему бы тебе просто не засунуть его в камеру на Пределе Демонов и покончить с этим? — спросил Боб. — Он не умрёт, никому не причинит вреда, и ты сможешь выбрать для него любое наказание, какое захочешь.

Я вздрогнул. Мой брат в настоящее время наслаждался аналогичным состоянием на острове, и я всё ещё не мог придумать, как вытащить его

оттуда, без последующей смерти.

— Это тоже исключено.

— Это одна из тех щепетильных вещей, из-за которых терзает совесть, не так ли? — раздражённо сказал Боб.

— Я думаю, это может быть либо мораль, либо этика, — сказал я.

— Та же хрень только сбоку. Иррациональные и нелогичные ограничения.

— В любом случае, учитывай их.

Боб вздохнул.

— Что ж, — сказал он через мгновение, — мне кажется, у тебя есть всего несколько вариантов.

— Перечисли их, пожалуйста.

— Сначала, — сказал Боб, — ты убедишь его отозвать иск добровольно. Либо ты запугаешь его, либо подкупишь.

— Этот проклятый замок дорого обходится. После того, что я отложил для Мэгги, у меня едва хватит, чтобы управлять им в течение следующих восемнадцати месяцев. У меня не получится просто подкупить его. Кроме того. Трипп использовал бы эти деньги для расширения своих операций и в конечном итоге причинил бы вред большему количеству людей.

— Тогда, вызови что-нибудь уродливое из Не-

бывальщины или Предела Демонов, или сотвори заклинание лицо-полное-плазмы, и скажи ему, чтобы он отвалил.

— Может сработать, — сказал я с сомнением. — Что ещё?

— Поборись с ним в суде! — сказал Боб. — Как Перри Мейсон!

— Я не юрист, Боб, — вздохнул я. — И, вероятно, вышло бы дороже нанять одного из них, чем заплатить ему.

— Да, финансовые отношения во всей красе, — согласился Боб. — А сможет ли сексуальная училка заплатить адвокату сексом?

— Она - нет! — сказал я раздражённо.

— А ты можешь?

— Боб!

— Гарри, — сказал Боб с обидой в голосе, — я просто предлагаю тебе варианты, доступные в пределах твоих иррациональных ограничений. Разве мною было сказано, что это хорошие варианты. У вас с ней нет наличных, и бартер — это ваш вариант.

Я на мгновение нахмурился.

— Мне кое-что пришло в голову.

— Это должно происходить время от времени.

Я оторвал уголок от страницы своего блокнота,

скомкал его и щёлкнул по нему пальцем. Он отскочил от скулы черепа.

— Если у Триппа Грегори накопились все эти счета за, то время, что он сидел в кутузке, — пробормотал я, — как, чёрт возьми, может позволить себе адвоката?

— Может быть, он платит сексом.

— Я встречался с этим парнем. Эта сделка пойдёт только в другую сторону, поверьте мне.

Я постучал пальцем по столу и открыл папку, которую дал мне Роулинс, просматривая её в поисках деталей, которые, как подсказывало мне моё подсознание, были где-то там.

— Вот оно, — сказал я наконец. — Адвокат, который представлял его интересы до того, как его отправили в «Понтиак». Некто Талви Инверно, эсквайр. Что ты знаешь об этом парне?

— Позвольте мне провести поиск! — Огоньки в глазницах Боба на мгновение померкли почти до нуля, а затем начали сканировать слева направо. — О нём не так уж много информации в Интернете. Только публичные записи. Много побед. Но там нет никакой коммерческой рекламы или чего-то в этом роде.

— Это чертовски странно, — сказал я, подумав. — Частный адвокат?

— Google затрудняется ответить, — ответил Боб.

Я медленно вдохнул, размышляя.

— Ладно. Свяжись с Параноиком Гэри. Скажи ему, что мне нужно всё, что он сможет найти на этого парня.

— Есть, — бодро сказал Боб. — Ты думаешь, что сможешь подкупить его адвоката и запугать его?

— Я пока ни о чём не думаю, — вздохнул я. — Но пока это продолжается, собираюсь пойти посмотреть, как отреагирует Трипп Грегори на более сильное давление с моей стороны. Может быть, мне все же удастся его припугнуть.

— Если с первого раза у тебя ничего не получилось, — весело сказал Боб, — тебе, вероятно, нужно придумать план получше.

Я сердито посмотрел на череп и сказал:

— Пусть Гэри достанет мне информацию.

— Будет сделано, о могущественный волшебник! — ответил Боб.

Я хмыкнул, схватил свой плащ и выскочил по лестнице из своей лаборатории, чтобы посмотреть, удастся ли мне пробиться через толстый череп Триппа.

***

Я направился к дому Триппа Грегори после

наступления темноты и добрался туда как раз в тот момент, когда молодая женщина, одетая весьма вызывающе, подошла к двери, и её впустили внутрь. У парня была другая женщина? Очевидно, Трипп был из тех, кто тратит деньги не там, где нужно, а там, где хочется. Как, чёрт возьми, он вообще смог найти адвоката?

Я прищурился. Нужно перестать думать о Триппе как об обычном парне. Он был сутенёром. И наверняка действовал так, как некоторые из них, а это значит, что девушка работала на него. Трипп пригласил бы её обслуживать его и заплатить ему причитающуюся долю от её дохода. Адские колокола. Чем больше ему позволяли действовать, тем наглее он становился. Этот парень был таким же вампиром, как и те, с кем я сражался в течение своей карьеры, только более мелким и отвратительным.

И всё же... В конечном счёте, я блефовал. Мне не хотелось убивать его или калечить, ни с помощью магии, ни своими руками. Он был подонком, но не проявлял жестокости, и всё ещё был человеком. Я не только не осмеливался нарушать Первый Закон Магии теперь, не являлась больше членом Совета, но мне и не хотелось этого делать. Попытка использовать свою магию, ради дела,

в которое не до конца веришь, ни привела бы к успеху — заклинание просто бы провалилось.

И это был не обманчивый и скользкий вопрос. Важнейшим компонентом работы с магией была вера в то, что она должна сработать. При слишком частом использовании свои магических способностей, может закрасться достаточно сомнений, чтобы полностью саботировать их или, по крайней мере, сделать доступ к своему таланту нелёгкой задачей.

Что ж. Может быть, Трипп был достаточно глуп, чтобы на него легко было произвести впечатление.

Я подождал, и примерно через сорок пять минут молодая женщина ушла. Через несколько минут после этого Трипп Грегори бодро вышел из своего дома, насвистывая, с ключами от машины в руке. Ему пришлось пройти пешком около половины квартала до своей машины. Я пробормотал слова и накинул на себя достаточно чар, чтобы убедиться, что он не увидит моё приближение, и по-кошачьи побежал за ним.

Я подождал, пока он поднесет к двери брелок с ключами, затем указал пальцем на новенький BMW, сосредоточил свою волю на простейшем заклинании, которое может сотворить волшебник,

и пробормотал: «Hexus».

Вырвалась случайная магическая энергия, сила, которая наносила чудовищный урон современной электронике. Но я не рассчитывал, что моё негодование из-за придурка добавит заклинанию ещё больше силы. Это не только повредило брелок, но и волна энергии захлестнула его новую машину, и она с рёвом завелась, включился дальний свет и аварийные огни, багажник распахнулся, все стекла опустились, а автомобильная сигнализация завыла.

Трипп моргнул, глядя на брелок, а затем на машину, и попытался нажать кнопку снова, примерно в то же время, когда заклинание сработало, и искры начали лететь как от брелока, так и от машины, прежде чем всё погасло.

— Грёбаный японский хлам! — зарычал Трипп.

Это... многое о нем говорило.

Я схватил его сзади за спортивную куртку и швырнул его на капот машины, позволив чарам исчезнуть, так что, когда он с криком завертелся, я появился из размытого тёмного пятна, нависая над ним.

Он потянулся за револьвером.

Я ударил своим посохом по асфальту, и усилием воли заставил руны на нем полыхнуть зелёно-зо-

лотой силой. Я снова указал пальцем и прорычал: «Forzare!» Невидимая сила ударила по его руке с пистолетом, и револьвер выбило из его рук.

Он попытался снова поставить ноги на землю, и я слегка ударил его в грудь, толкнув обратно на капот машины. Подняв правую руку на манер лапы с когтями, направил в неё свою волю и прошипел: «Infusiarus!»

Адский зелёно-белый огонь, как из пасти драконьей формы Малефисенты, зажегся между моими пальцами, отбрасывая нечестивый свет на широко раскрытые глаза Триппа Грегори. Я не дал ему времени подумать. За последние несколько лет мне удалось немного усовершенствовать заклинание в свободные минуты, и между моими пальцами драматично вспыхивали огоньки не совсем настоящего огня. Я должен был быть осторожен с ними — даже магический огонь всё ещё оставался огнём. Большая часть энергии заклинания была потрачена на то, чтобы не дать ему сжечь меня дотла, оставив лишь довольно небольшую область в открытом пространстве на тыльной стороне моей ладони, куда могло уйти тепло.

— Я предупреждал тебя, Трипп, — сказал я холодным, жёстким голосом. — Но ты меня не

послушал.

Он покосился на огонь в моей руке, потом на меня, а затем облегчённо вздохнул и сказал:

— О, Господи Иисусе. На секунду я подумал, что это реально. У меня аж мурашки по коже.

Я моргнул.

— Что? — спросил я несколько растерянно.

Эй, я не привык к такой реакции от гражданских, которым угрожают сферой тлеющей плазмы, ясно?

— Теракт в прошлом месяце? — спросил он, как будто я был идиотом. — Во всех грёбаных новостях? Гидро-что-то-там, химикат в галлюцинаторном газе, который использовали террористы. Я, должно быть, подвергся воздействию или что-то в этом роде, потому что сейчас у меня у меня чёртовы шарики за грёбанные ролики заходят.

Я моргнул, покачал головой и посмотрел на него.

— Слушай, чувак. Я собираюсь расплавить твоё лицо, если ты не откажешься от иска против Майи. — Я прижал свою руку немного ближе. — Поверь мне.

Он закатил глаза и отвёл мою руку в сторону. Мне пришлось скорректировать положение моей руки, чтобы он не получил сильных ожогов.

— Дай мне дух перевести, Дрезден, — сказал он. — Послушай, нет особого смысла пытаться напугать парня, у которого уже глюки. Если ты здесь, чтобы избить меня, покончи с этим. У меня и так дел хватает.

— Мне кажется, ты не понимаешь, что здесь происходит, — сказал я, понимая, что был совершенно прав.

— Неважно, — сказал Трипп. — Я и раньше терпел побои. Не знаю, что ты за бурду применил, но у тебя не хватит духу убить меня. Я изучил тебя. Ты думаешь, что ты герой. Так что, надери мне задницу, сломай руку, сломай коленную чашечку или заткнись на хрен.

Я сделал полшага назад, несколько растерявшись...

Я имею в виду, что видел много реакций на мою магию. Но прямое отрицание никогда не входило в их число.

Трипп продолжил.

— В новостях говорят, что есть какая-то бурда в воде. Наверное, хватанул в душе с Эми. — Он сморщил нос. — Говорят, что нужно просто пойти и полежать в тёмной комнате, пока всё снова не станет реальным. Господи, может, мне, твою мать, так и стоит сделать.

— Я... э-э...

— Слушай, ты думаешь, я не знаю, как работает эта тактика? Ты можешь избить меня, если хочешь. Ты большой парень, а я нет. Но это ничего не изменит. — Он несколько раз моргнул и покачал головой. — Чёртова химия. Покончи с этим или свали.

Я отступил от идиота, опустил руку и выпустил заклинание. Вы не сможете обмануть кого-то настолько непобедимо глупого. Это просто не сработает.

— Фух, — сказал Трипп, когда заклинание исчезло. Он несколько раз моргнул. — Думаю, что, чёрт возьми, прилечь — это хорошая идея. Дрезден, ты ни хрена не умеешь быть крутым. Иди и скажи Майе, что ей так или иначе придётся выложить деньги. Где мой грёбаный ствол?

— Оставь его, — сказал я ему.

— Найти другой будет достаточно просто, — сказал он и посмотрел на меня. — Подожди. Тебя, твою мать, здесь быть не должно.

Трипп посмотрел на меня, потом на револьвер, затем подошёл и поднял его.

Я не стал его останавливать. Звёзды и камни. Я держал наготове защитное заклинание на случай, если он направит оружие на меня, но Трипп

только сунул его в карман своей спортивной куртки и сказал:

— Да, возможно, мне всё это померещилось. Иди на хер. Я иду спать.

И он заковылял обратно к себе домой, оставив меня стоять рядом с мёртвым BMW, чувствуя себя совершенно потерянным. Насколько я мог судить, химия в воде была пропагандистским трюком от имени смертных сильных мира сего, чтобы помочь скрыть массовое присутствие сверхъестественного в Чикаго во время нападения и заставить замолчать любого, кто пытался засвидетельствовать о том, что они пережили. В новостях говорили, что это токсин, который будет действовать какое-то время и может иметь долгосрочные пагубные психические последствия, но мне была известна правда: его не существовало.

Я только что потерпел поражение из-за того, что меня буквально посчитали галлюцинацией, построенной на отрицании помноженном на самую решительную и мелочную эгоистичную глупость, с которой мне когда-либо приходилось сталкиваться.

Кажется, я уже говорил Бобу нечто подобное раньше: глупость гораздо опаснее настоящего зла, хотя бы потому, что её вокруг гораздо больше.

Мне просто не привычно сталкиваться с ней в такой четырёхмерной плоскости, в одном месте и в одно время.

Адские колокола.

Мне нужно было посмотреть на ситуацию под другим углом.

***

На следующее утро, первым делом я встретился с Уиллом и Параноиком Гэри.

Параноик Гэри был худощавым парнем, индийцем из Индианы, со светло-коричневой кожей и карими глазами. Он сбривал волосы по бокам, а на макушке оставлял растрёпанные кудри, и казался очень нервным, когда присел в моём кабинете. Уилл притаился в дверном проёме, его сложенные предплечья выглядели как окорока.

— Привет, Гэри, — сказал я.

— Ты мог бы позвонить, — сказал Гэри, не встречаясь со мной взглядом. Параноик Гэри был одной из самых печально известных фигур в Паранете. Не было ни одной теории заговора (или сговора кого-либо с кем-либо), в которую он не верил. НЛО, снежный человек, тамплиеры, тайные правительственные заговоры — называйте как хотите, он фанатично преследовал все. В результате он узнал больше правды о сверхъ-

естественном мире, чем многие из его жителей.

Вероятно, это было не очень полезно для его рассудка. Большинству смертных, вероятно, лучше жить, как Триппу Грегори, оградившись от кошмаров своим невежеством. Конечно, всё меняется в тот момент, когда они становятся мишенью того или иного сверхъестественного хищника, но для девяноста девяти процентов из них существование, без осознания, насколько они уязвимы, в конечном счёте, делает их счастливее.

Чёрт. Может быть, правительство не совсем ошибалось, когда придумало историю про подмешанную в воду бурду. Это дало бы большинству возможность оставаться немного более здравомыслящим за щитом отрицания, предложенным правительством. И не похоже, чтобы кто-то вроде Триппа или Майи смог бы противостоять безумным Титанам и древним ужасам из-за пределов известной вселенной.

Когда это я начал сидеть за одним столом с агентом Кеем?

В любом случае. Гэри заглянул за завесу и пострадал за это — но он также обратил свои таланты на помощь хорошим парням, или, по крайней мере, мне и нескольким моим союз-

никам.

— Ты никому не даёшь свой номер телефона, Гэри, — резонно заметил я.

Он хмуро посмотрел на меня. Ему было чуть за двадцать, и он ещё не привык к мысли о том, что нельзя обижаться на противоречия.

— Луддит.

Он не ошибся, даже если это было непроизвольно. Я напомнил себе, что парень живёт в Интернете и чувствует себя неуютно без телефона, планшета или ноутбука в руках. Он прижимал к груди толстую папку, как плюшевого мишку.

— Ага. Я знаю, что выбираться во внешний мир — это не совсем твой конёк, так что спасибо, что пришёл.

Это, казалось, немного успокоило его. Он кивнул один раз.

— Сначала о главном, — сказал я. — Что-нибудь слышно о Жюстине?

Он покачал головой.

— Ничего нового. Несколько зацепок. Они на последних страницах. — Он неохотно положил папку на мой стол.

— А что остальное? — спросил я.

— Все, что я смог найти о Зиме Зимнем, твоём адвокате.

Я приподнял бровь.

— Что?

Он вздохнул и кивнул на папку.

— Страница первая, из той макулатуры, ради который напрасно вырубили столько деревьев. Талви Инверно, должно быть, какой-то псевдоним. Это имя состоит из финского и португальского слов, означающих «зима».

Я поднял брови и открыл папку.

Боб Череп имел доступ к кабельному телевидению и интернету, но дух, похоже, всё ещё не понимал, как там всё устроено, несмотря на свою бесплотность. Параноик Гэри, однако, был уроженцем виртуальных миров, и сумел найти гораздо больше Боба.

Я просмотрел страницы.

— Защищает убийц, наркоторговцев и сутенёров. Начал деятельность примерно через год после того, как Марконе стал Бароном Марконе. — Я запрокинул голову назад, продолжая читать. — И он хорош. Этого не может быть. Девяносто девять процентов его судебных тяжб заканчиваются победой?

— Некоторые высококлассные юристы такие, — тихо вставил Уилл с порога. — Если они не уверены, что смогут победить, они предпочитают

договориться.

— Хищники такие же, — возразил я ему. — Делают уверенные ставки. Они не желают вступать ни в какую борьбу, кроме самой нечестной. Но никогда не знаешь, как пройдёт суд. С таким послужным списком, да если он ещё и адвокат в Чикаго, ему похоже, часто удается склонить чаши весов в свою пользу.

— Неважно, — сказал Гэри. — Это говорит о том, что этот парень обязательно обратится в суд и разорвёт твоего клиента на части.

— Так и есть, — сказал я, нахмурившись глядя на одну из записей. — Сколько миллионов? Из благотворительной организации по борьбе с раком?

Уилл присвистнул, наполовину впечатлённый, наполовину обеспокоенный.

— Он безжалостен, — сказал Гэри. — И он нанял фирму по кибербезопасности, чтобы отслеживать любого, кто пытается найти его.

Я посмотрел на Уилла в поисках ответа.

Уилл приподнял бровь, глядя на Гэри.

— Ты использовали VPN?

Гэри посмотрел на Уилла так, словно тот задал очень глупый вопрос.

— Нет. Я использовал реальные контрмеры.

VPN — это блокировки конфиденциальности. И годится только для защиты от мелкой рыбки. От кого покрупнее нужна защита получше.

Уилл выглядел предельно терпеливым.

— Я хочу узнать, Гэри, тебе грозит какая-нибудь опасность?

Он пожал плечами, резким движением плеч, постоянно сжатых слишком сильно.

— Не больше, чем обычно. Я так думаю.

Уилл поморщился и посмотрел на меня.

— Что ты об этом думаешь?

— Адвокат Зима Зимний, скорее всего, из фэйри, — сказал я.

— Ты Зимний Рыцарь, — сказал он. — Разве ты не можешь отстранить его от дела?

Я покачал головой.

— Это так не работает. На самом деле у меня нет никакой реальной власти в Зимнем Дворе. Только ответственность.

— Это кажется несправедливым, — сказал Уилл.

— В духе Зимы, — ответил я. — Единственный плюс здесь в том, что Зимний Двор — это такое место, где тот, кто бьёт сильнее всех, обычно добивается своего, а я могу бить довольно сильно. Там не так уж много существ, с которыми мне

страшно иметь дело.

Параноик Гэри выглядел возмущённым.

— Боже. Это так похоже на двадцатый век.

Я пожал плечами.

— Итак, — сказал Уилл. — Ты можешь пойти и приструнить этого парня?

— Стоит попробовать, — сказал я, глядя на пачку распечаток, собранных Гэри. — И у него есть офис. Который открыт целых четыре часа в неделю.

— Продолжай читать, — сказал Гэри. — На другой стороне улицы есть камера наблюдения. Он там почти каждый день. Просто не встречается с людьми.

Я продолжал читать. Были даже фотографии — зернистые, даже более зернистые, чем обычные снимки с камер наблюдения, которые мне попадались ранее. Я обратил внимание на временные отметки в углах. Там была секретарша, физически привлекательная женщина и фотографии мужчины в костюме, но я не был уверен, что смогу узнать кого-либо из них, основываясь на качестве изображений.

— А ты не можешь, типа, улучшить изображение?

— Нет, — решительно сказал Гэри. — Потому

что у меня нет компьютерной магии как в кино.

Параноик Гэри был вспыльчивым засранцем. Но он был способным вспыльчивым засранцем. Гэри предупредил меня, что адвокат был из паранормальных парней, и дал мне его адрес. И сделал это быстро.

Ну и, кроме того. Вы не поможете людям сгладить острые углы, рассказывая им, насколько они отстойны. Я не всегда так уж сильно отличался от этого паренька.

— Гэри, — сказал я, — ты хорошо поработал. Это очень поможет. Спасибо.

Он моргнул, глядя на меня. Затем ему стало неловко и ещё более неуютно, так что Гэри начал как сумасшедший избегать зрительного контакта.

— Да. Конечно. Вы сами знаешь. Ты спасаешь город и все такое. А я могу кое-чем помочь. Моя роль.

Я взглянула на Уилла, который наблюдал за мной. Он одарил меня почти незаметной улыбкой и одобрительным кивком.

— Мы проводим игровые вечера каждый четверг, — сказал я. — Карточные игры, настольные игры, иногда ролевые игры. Я, Альфы, парочка детишек Карпентеров и несколько соседних се-

мей, живущих здесь после того, как плохие парни разрушили их дома в прошлом месяце. У нас там есть пицца. Ты должен как-нибудь зайти.

Параноик Гэри пожал плечами.

— Не думаю, что вы играете в какие-либо игры по сети.

— Нет, — сказал я. — По старинке. В живую.

— По старинке, — пробормотал Гэри, как будто это была непристойная фраза. Он на секунду взглянул на меня. — Настоящая пицца?

— Домашняя, — сказал я. — Мы используем смесь для выпечки и хороший сыр. Будешь грязный, как свинья, и тебе ещё понадобиться вилка.

Он нахмурился на это, а затем сказал:

— Хм. Может быть, я зайду как-нибудь.

За его спиной Уилл показал мне большой палец.

***

Я приехал в офис Талви Инверно к югу от Голд Кост на Мюнстермобиле, не делая из этого секрета, припарковался на другой стороне улицы и открыто подошёл к входной двери в своём большом чёрном кожаном пыльнике и с волшебным посохом в левой руке. В моём мире это было то же самое, что появиться в тактической броне и со штурмовой винтовкой в руках. Поэтому, вежливо

постучав в дверь, я одновременно с этим сделал пару заявлений.

Никто не подошёл к двери в ответ на мой первый стук. Я постучал ещё раз и стал ждать. Никто не появился. Я постучал в третий раз и вежливо подождал. Затем отступил на шаг от двери и указал на неё концом своего посоха.

Интерком затрещал от статических помех, и мужской голос со слабым акцентом произнёс:

— Подождите, подождите. Нет никакого смысла разрушать апартаменты.

Я дружелюбно опустил свой посох и стал ждать.

Каблуки зацокали по полу, и секретарша открыла дверь в кабинет. У неё были пшеничного цвета волосы и глаза того же оттенка, и она выглядела фантастически в деловом костюме в клетку. Волоски на моей шее зашевелились. Как и кое-что другое. Она дружески протянула мне руку. Я секунду смотрел на неё, потом поднял глаза на женщину. Мне не было известно, кто она такая, но все, что несёт в себе такую мощную сексуальную энергию, как эта аура, скорее всего, опасно для прикосновения.

— Нет, спасибо, я не хотел вас обидеть, — сказал я. — Гарри Дрезден к Талви Инверно.

Женщина прищурилась, глядя на меня.

— Я слышала о вас, мистер Дрезден. Знаменитый волшебник.

— Я о вас не слышал. Извините.

— Мисс Лапландия, — раздался сочный голос изнутри. — Пожалуйста, проводите нашего гостя со всей вежливостью.

— Да, сэр, — сказала женщина, глядя на меня с очень странным выражением, чем-то средним между гневом и голодом. — Следуйте за мной.

Она повернулась и пошла вглубь офиса. В нем не было окон, а интерьер был выдержан в темно-красных и коричневых тонах, толстый ковёр на полу, тёмное дерево, книжные полки, уставленные юридическими текстами, викторианские напольные часы из красного дерева и готические доспехи с чем-то похожим на вмятины от мушкетных пуль на нагруднике. Мисс Лапландия шла на три шага впереди меня, сильно двигая бёдрами, и это выглядело превосходно. Она провела меня через приёмную, по короткому коридору, заканчивающемуся кабинетом, который соответствовал остальной части помещения.

Высокий худощавый мужчина сидел за столом лицом к двери кабинета. На нем был чёрный костюм, который подходил к его угольно-черным

волосам, зачёсанным назад, и изумрудно-зелёный галстук, который подходил к его изумрудно-зелёным глазам. Он сидел, сложив пальцы домиком, опираясь локтями на край стола, и его блестящие глаза, не мигая, изучали меня, по мере моего приближения.

Мисс Лапландия преклонила колени на ковре перед его столом и склонила голову.

— Сир. Волшебник Гарри Дрезден.

— Спасибо, мисс Лапландия, — сказал он.

— Могу я уничтожить его для вас, сэр? — спросила она, опустив глаза в пол.

— Посмотрим, — сказал он.

Она издала разочарованный, сексуально неудовлетворённый звук.

— Он такой высокомерный. Это прямо сочится из него.

— Не заставляй меня ревновать, дорогая, — сказал мужчина, слабо улыбаясь ей. — Мы ненадолго уединимся, если ты не против.

— Да, сир, — сказала она. Мисс Лапландия встала, бросила на меня взгляд, который заставил меня задуматься, не хочет ли она наброситься на меня с кулаками или забить меня до смерти ледяным колом, или и то, и другое, и молча вышла из кабинета, закрыв за собой дверь.

— Талви Инверно? — спросил я.

— Это имя, которым я пользуюсь в Чикаго, — сказал он.

— Может, мне использовать ваше настоящее имя?

— На самом деле у меня нет имени, — сказал он. — Полагаю, я могу поблагодарить за это мою мать. Это значительно усложняет для волшебников задачу засечь меня.

Он встал и подошёл к бару.

— Не хотите выпить?

— Для меня немного рановато. Я восстанавливаюсь.

Он налил себе в стакан из графина немного похожий на бренди напиток.

— От чего?

— Выбивал дерьмо из Титана, — сказал я.

Он невесело улыбнулся.

— Я слышал об этом. — Он сделал медленный глоток своего напитка и всё это время его глаза, не мигая, изучали меня. — Что привело вас сегодня в мой офис, мистер Дрезден?

Я изучал его мгновение, чувства волшебника отключились, и сказал:

— Вы член Зимнего Двора.

Он проглотил содержимое стакана, но его глу-

бокий голос выпивка не смягчила.

— Да. Принят ко Двору, так сказать. Королева Мэб сочла нужным предложить мне убежище несколько десятилетий назад.

— Тогда вы знаете, кто я и что я.

— Знаю.

— Вы представляете в суде скользкого мелкого сутенёра по имени Трипп Грегори, — сказал я. — Мне бы хотелось, чтобы вы это прекратили это.

Его брови цвета воронова крыла поползли вверх.

— С чего бы?

— Потому что это хороший офис, — сказал я. — А если вы этого не сделаете, то, возможно, он останется таким недолго.

Талви мгновение изучал меня, а затем пожал плечами.

— Делайте, как считаете нужным, — сказал он. — Но у меня есть непреложное обязательство перед определённым лицом представлять мистера Грегори в его предстоящих судебных разбирательствах. Ничто из того, что вы сделаете или скажете, не изменит этого.

Я поджал губы.

— Обязательство. В духе фэйри.

— С чем, вы, полагаю, иногда уже сталкивались,

— сказал он, — в качестве... как бы это назвать, слуги Зимы? Чаши весов должны оставаться в равновесии — вот почему существа Зимы так умело служат в системе правосудия.

— Это то, что, по-вашему, вы делаете? — спросил я. — Служите правосудию?

Он снова пожал этим плечом.

— Или пытаюсь делать. Так же, как и вы, кажется.

— Подавая в суд на репетиторский бизнес, чтобы сутенёр-слизняк мог быстро заработать?

— Я вообще ни на кого не подаю в суд. Просто предоставляю юридические консультации любому существу со свободной волей, которое это делает. И позвольте мне заметить, что не я разрабатывал вашу систему правосудия, мистер Дрезден, — сказал Инверно. — Я просто действую в соответствии с её законами, которые порой довольно забавны.

Что-то неприятное блеснуло в глубине его зелёных глаз, и я вдруг почувствовал себя крайне настороженным.

Я оперся на свой посох и посмотрел на него.

— Я все ещё стою на своём, бросьте это дело.

— Боюсь, я не могу этого сделать. У меня есть обязательства.

— Хорошо. Давайте попробуем с другой точки зрения. Что мне нужно сделать, чтобы заставить вас отступить?

— Я должен быть освобождён от своих обязательств, — спокойно сказал он. — Либо королевой Мэб, либо моим доверителем.

Я хмыкнул.

— И других способов нет?

— Боюсь, что вообще никаких.

— Ну, а если предположим, что я убью вас, — сказал я.

Он показал мне очень белые зубы.

— Предположим, вы не сможете.

— Я начинаю думать, что вокруг не так уж много существ, чей день я не могу испортить, — философски сказал я. — Может быть, я начну портить ваш и посмотрю, к чему это меня приведёт.

— Ни к чему хорошему, — заверил он меня. — Тогда я смогу свободно защищаться от вас, независимо от вашего места в иерархии Зимы.

— В настоящее время в Зимнем Дворе не так уж много существ, из-за которых мне стоит беспокоиться.

Инверно оскалил зубы.

— Это в основном из-за вашего невежества.

— В смысле?

— Уверяю вас, мистер Дрезден, я вполне способен вам навредить. Даже убить, если потребуется.

Он сказал это правильно. Спокойно, ровно, не отводя взгляда от моих глаз. Он не был человеком. Человек вызвал бы душевное потрясение, сказав что-нибудь подобное.

— Так почему же вы ещё ничего не сделали?

— Я предпочитаю оставаться незаметным.

— Или вы не хотите связываться с королевой Мэб.

Он покрутил свой стакан и одарил меня уверенной улыбкой.

— Я думаю, мы оба знаем, что королева Мэб не стала бы тратить много слез на Рыцаря, который погиб в глупой схватке с существом, о котором он даже не потрудился узнать.

Я хмыкнул, изучая его. Инверно был либо так опасен, как ему казалось, либо заблуждался относительно своей силы, либо был превосходным лжецом. Я неплохо умею угрожать, и он принял мою угрозу без злобы или дискомфорта.

Проблема была в том, что я чувствовал, что он был членом Зимнего Двора. Пока Талви был на хорошем счету у Мэб, мне нельзя было просто

прийти и побить его, у меня самого могли бы быть большие неприятности. Мэб не любила, когда кто-то связывался с её подданными, и я чертовски хорошо знал, что за столетия она приютила множество бродячих существ огромной силы, которые могли нагнуть меня и выпороть, если бы захотели. Конечно, сражение с Титаном — избитым, окровавленным, в синяках, измученным Титаном, которую до меня избивали все сверхъестественные боссы в поле зрения. Я был Зимним Рыцарем совсем недолго. Но был бы дураком, если бы думал, что знаю каждого крутого парня в Зимнем Дворе.

У меня не было уверенности, что Инверно был таким уж крутым, как он говорил.

Но я также не смог бы продержаться в своём деле так долго и выжить, рискуя глупо и вслепую .

Кроме того. В последнее время в моей жизни было много крови.

— Хорошо. Попробую ещё немного поиграть в эту игру. Кто ваш доверитель, чтобы я мог связаться с ним?

— Я уверен, что это совершенно очевидно, мистер Дрезден, — сказал Инверно. — В настоящее время я нахожусь на службе у Барона Джона Марконе.

***

Джентльмен Джон Марконе, глава преступного мира Чикаго, ставший Бароном, получившим этот титул будучи первым в истории простым смертным и присоединившимся к Незримым Соглашениям — не без помощи вашего покорного слуги.

Знаю, знаю. Тогда это показалось хорошей идеей.

Только теперь я узнал, что он больше не был простым смертным — а проблем Марконе мог доставить и оставаясь обычным человеком. Он был чертовски умён, хитёр, дальновиден, и, учитывая его кучу денег, опытных наёмников и тщательную подготовку, Марконе представлял собой угрозу, ничуть не меньшую, чем любое количество сверхъестественно могущественных чудаков.

Теперь он был ещё и сверхъестественно могущественным чудаком, и это ни в малейшей степени не изменило его схемы действий. Марконе всё ещё был чертовски скрытен, у него все ещё были деньги, наёмники и годы безжалостных драк за улицы — и знания буквально проклятого Богом ангела, чтобы поддержать его.

Честно говоря, мне нравилось противостоять

Марконе. Он был придурком. Я неоднократно выражал ему своё недовольство, выбивая его двери, и сделал бы это снова, если бы пришлось.

Но когда я с бился с Титаном, только один Марконе стоял со мной плечом к плечу.

Когда я собрал небольшую армию, чтобы защитить Чикаго в самые отчаянные часы атаки Титана, Марконе сделал то же самое, только, возможно, более эффективно, чем я. Когда моим людям понадобилось оружие, его предусмотрительность (и Мэб) обеспечила нас им.

И когда я был беспомощен в первые мгновения после того, как наложил оковы, которые победили Титана, именно Марконе спас мне жизнь.

Это было не то, что я мог просто игнорировать. Как никогда, он был тем дьяволом, который мне знаком. Мне не нравился Марконе и он никогда бы не смог понравиться.

Но, размышляя над тем, как к нему подступиться, мне удалось обнаружить в себе кое-что неприятное: я стал уважать его. Уважал его за то, насколько он был опасен. Уважал за его способности. Уважал за его готовность подвергнуть себя личной опасности, чтобы защитить то, что он считал своим. И в этом осознании я увидел, что не могу испытывать к нему уважение и одновре-

менно относиться к нему с презрением.

Итак, я сделал то, чего никогда бы не сделал несколько лет назад. Я позвонил заранее.

Марконе попросил меня прийти в одни из его апартаментов, чтобы встретиться с ним. Они находились на юго-восточной окраине Голд Кост, и были уничтожены Этниу и Оком Балора. Через неделю это было первое разрушенное в результате нападения строение, которое было очищено от обломков и подвергнувшееся реставрации. Спустя всего месяц уже начал появляться стальной каркас, и сотни рабочих деловито отстраивали здание, которое было ещё крепче, чем вначале.

Марконе был придурком. Но он кормил много ртов. И мне понравился вызов, присущий реставрации. Проклятье.

Мисс Гард встретила меня у ворот на строительную площадку. Валькирия была одета в свой обычный костюм, но была обута в рабочие ботинки со стальными носками, и носила белую каску поверх её золотистых волос. Она также вручила мне каску, и я надел её. Гард была... ну, из не очень хороших ребят, но она была твёрдой как скала. Мы оба потеряли близких нам людей во время нападения.

...губы синеют...

Я стряхнул это с себя с дрожью в плечах и спине и последовал за ней через стройплощадку к трейлеру с дверью посередине с одной стороны. Я подошёл к нему, и по её кивку открыл дверь и вошёл внутрь, в по спартански обставленное, функциональное офисное помещение со стальным столом. За столом сидел Джон Марконе.

На нем был его обычный безупречный костюм, хотя пиджак висел на крючке, а следы пота на подмышках и слегка растрёпанные волосы свидетельствовали о том, что большую часть утра он провёл на улице в каске. Марконе изучал пачку бумаг закреплённых на планшете, проводя ручкой по планам работ, время от времени останавливаясь, чтобы подписать документы.

— Дрезден, — сказал он, не поднимая глаз. — Я занят. Надеюсь, это не займёт много времени.

— Да. — Я проглотил горький ком во рту и сказал. — Спасибо, что сразу же приняли меня.

Марконе резко отложил ручку и посмотрел на меня.

— О, — сказал он. — Пожалуйста.

Я усмехнулся ему.

— Мне это тоже не нравится.

Он на секунду обнажил зубы.

— Вы знакомы со стоиками?

— Немного.

— Препятствие — это путь, — сказал Марконе. — Особенно когда вы, в частности, являетесь препятствием. Я предпочитаю убрать вас с дороги как можно скорее. Изложите своё дело.

— Талви Инверно — ваш адвокат. Он представляет интересы мелкого сутенёра по имени Трипп Грегори. Я хочу, чтобы вы приказали ему прекратить это дело.

Взгляд Марконе стал отстранённым, как будто он обращался к мысленной записной книжке.

— Трипп Грегори один из моих солдат.

— Он отвратительный, глупый, мелкий сутенёр, — сказал я. — Трипп преследует женщину, которая руководит репетиторской службой, и собирается вывести её из бизнеса.

Марконе на мгновение задумался, а затем элегантно пожал плечами.

— Ваша оценка столь же точна, сколь и наивна. Как вы думаете, Дрезден, сколько порядочных, высокоинтеллектуальных сутенёров выходят на поле боя?

— Меня не волнуют ваши кадровые проблемы. Я просто хочу, чтобы дело было прекращено.

— К несчастью для вашей тонкой душевной организации, Трипп Грегори обладает единствен-

ной добродетелью, которую я требую от своих людей: преданностью. Он только что отсидел восьмилетний срок, который отбыл, потому что отказался дать показания против меня.

— Всё равно наплевать, — сказал я.

— В моём бизнесе, — сказал Марконе, — лояльность — это ценность, гораздо более значимая, чем деньги. Такую преданность следует уважать. Вы, несомненно, можете это понять.

Я понял. Но сердито посмотрел на него так, как будто не понимал.

Один уголок его рта слегка приподнялся.

— Трипп Грегори сделал, как ему было приказано, — сказал Марконе. — Он доказал, что свой человек. Поэтому я буду всячески содействовать ему в юридических вопросах, потому что поступить иначе означало бы поставить под угрозу преданность других членов моей организации.

Я нахмурился и сказал:

— Это звучит как проблема Джона Марконе, а не проблема Гарри Дрездена. Найдите способ решить её.

Он медленно моргнул один раз и мягко спросил:

— Или?

Я показал ему свои зубы.

— Насколько сильной головной боли вы хотите?

Марконе отложил ручку и сложил пальцы домиком — жест, который, как я понял, Талви Инверно скопировал у него. Это придавало ему уравновешенный, вдумчивый и решительный вид. И всё это, вероятно, было правдой.

— Дрезден, — сказал он, — когда вы не согласны со мной и моими действиями, это одно дело. Мы с вами несколько раз вступали в спор именно из-за этого. — Марконе внезапно положил ладони на стол. Я не то чтобы вскочил со стула, но вздрогнул. — Но сейчас вы вмешиваетесь в дела одного из моих людей. Будьте уверены, что, если вы продолжите это делать, я начну точно так же вмешиваться в ваши дела.

Меня прошиб холодный озноб. Марконе опутал своими щупальцами весь город. Если бы он хотел добраться до кого-то, то добился бы этого. Существовало неограниченное количество способов, как в рамках закона, так и за ними, которыми Марконе мог доставить неприятности обычному гражданину. Или даже не очень обычному.

— Например, тот маленький паб, который вам так нравится, нарушает ряд городских санитарных норм, — сказал Марконе. — Кто-то вроде

Триппа Грегори вряд ли входит в компетенцию бывшего Волшебника Белого Совета. Или пойдите за ним лично, Убийца Титанов? Это просто… лишено равновесия. Окажу вам любезность, предположив, что вы уверены, что я более чем готов уравновесить чаши весов в пользу одного из моих людей.

— Ваш парень начал это, — прорычал я.

— И ваша клиентка подписала контракт, о котором идёт речь, и теперь пытается отвертеться, — ответил Марконе.

Секунду я пристально смотрела на него, размышляя. Затем сказал:

— Я слышал, у вас есть правило для ваших солдат. Не трогать детей.

Затем что-то промелькнуло в его глазах. Немного. Но искра. Может быть, то, что осталось от его человечности.

— И? — он спросил.

— Трипп Грегори безрассуден. Ему не удастся достичь своих предполагаемых целей, продолжая это дело. Но он собирается навредить детям, — сказал я. — Косвенно, в долгосрочной перспективе, но Трипп все равно причинит им боль.

Я хотел сплюнуть, но держу пари, что Марконе в эти дни думал о долгосрочной перспективе и

добавил:

— Детей, которые не вырастут богатыми потребителями, различных пороков, которые вы контролируете.

Марконе прищурился, и его пальцы вернулись в исходное положение.

— Пожалуй, это сильный аргумент. Я не люблю неэффективность. — Он покачал головой. — Но я не могу отказать в поддержке верному солдату, так же как вы не можете отдать мне одного из своих.

Он на мгновение задумался. Затем он сказал, нарочито медленно:

— Вы отняли у меня мой замок.

— Да, это так, — сказал я.

Он кивнул мне головой.

— Хорошо сыграно.

Я моргнул. Мне и в голову не приходило, что, поступив так, заслужу уважение Марконе. Я не был уверен, как к этому относиться.

— Я не могу отдать вам одного из своих людей, — продолжил Марконе. — Единственное, могу вам дать один совет относительно мистера Грегори. Хотя мне кажется, я не должен давать его человеку вашей предполагаемой профессии.

Я хмуро поглядел на него.

— Какой совет?

Он одарил меня акульей улыбкой.

— Следуйте за деньгами.

— Ха!

Он снова взял ручку и блокнот.

— Сокамерник Грегори, — сказал я. — Мне бы хотелось поговорить с ним. Как любому старомодному частному детективу без магических способностей.

Марконе прищурился, изучая свои планы работ. Он поднял глаза и одарил меня тем же непроницаемым взглядом, который я получил бы от слегка заинтересованного тигра.

— Очень хорошо. Он будет доступен.

Я встал, кивнул ему и ушёл. Гард ждала меня, и я сказал ей:

— Мне нужен телефон.

Валькирия, не говоря ни слова, отвела меня в другой трейлер и кивнула на телефон. Я позвонил Уиллу.

— Свяжись с Бобом и Параноиком Гэри. Мне нужна дополнительная информация. — Я сказал какая именно. — Перезвоню узнать через пару часов. Отмени все сегодняшние встречи. Я еду в «Понтиак».

***

Тюремные комнаты для свиданий не всегда похожи на те, что вы видите по телевизору, по типу кабинок со стеклом и телефонами для разговоров.

В «Понтиаке» не было телефонов, только несколько дырок в оргстекле.

Хуан Хулио Халверсон был крупным, весёлым мужиком лет пятидесяти пяти, с тёмно-бронзовой кожей, чёрными волосами до плеч и серебристой бородой. У него на щеках было вытатуировано достаточно слез, чтобы выглядело так, будто рыдал в три ручья, и он сидел развалившись на стуле, когда я, наконец, пришёл на встречу с ним.

— Итак, — сказал он. — Ты парень-волшебник.

— Я парень-волшебник.

— Мне пошутить про Гарри Поттера?

— Пожалуйста, сделай это. Я часто это слышу в свой адрес.

— У тебя все шрамы неправильные, — сказал он, ухмыляясь. — Где твои очки. Думаю, тебе действительно нравится держать свою палочку.

— Бывало и похуже, Хуан Хулио.

— З-Х, — сказал он. — Здесь.

Я ответил на его ухмылку, не позволяя ей попасть в мои глаза.

— Блок сигарет, если ты сможешь ответить на

несколько вопросов, 3-Х.

Он добродушно развёл своими большими, покрытыми шрамами руками.

— Я не крыса, начальник.

— Два блока.

— Дело не в блоках, каброн, — сказал он, и его взгляд стал жёстче. — Мне сказали, что я должен встретиться с тобой. Ладно. Хорошо. Но я ни хрена не обязан говорить тебе.

Я кивнул.

— Вопросы касаются Триппа Грегори.

3-Х задумчиво откинулся на спинку стула.

— А-а-а. Этот мудак.

Он начал мне нравиться немного больше.

Параноик Гэри сказал мне, что 3-Х долгое время был громилой Марконе, и теперь он довольно безбедно отбывал срок после того, как избежал смертной казни. Ходили слухи, что, когда кому-то нужно было купить что-то в «Понтиаке», 3-Х был человеком чикагской мафии. Возможно, он и сидел в тюрьме, но у него там был статус — и, вероятно, 3-Х знал достаточно, чтобы стать проблемой для организации, если к нему не будут относиться с уважением.

— Мне не интересуют дела мафии. Я ищу личную информацию.

Он посмотрел на меня, а затем медленно кивнул.

— Организуй три блока. Я тебя послушаю. И скажу, что думаю.

Я посмотрел на него, затем встал, договорился с охранником и заплатил наличными. Моих кредитных карточек, когда они у меня есть, хватает примерно на десять минут, прежде чем магнитная полоса сгорит. Даже не спрашивайте об этих штуках с микрочипами. Я вернулся в кабинку и показал ему квитанцию.

— Хорошо, — сказал он. — Спрашивай.

Я пожал плечами.

— Расскажи мне о Триппе.

— Ты встречался с ним? — спросил 3-Х.

— Пару раз.

— Тогда ты уже знаешь, кто он, — сказал 3-Х. — Именно тот кем тебе кажется. Скользкий мелкий сутенёр, самодовольная задница, но не мягкотелый. Много жаловался на то, что у него нет тут баб. Много крутился и вёл дела здесь, достаточно умён, чтобы играть честно, но слишком туп, чтобы много зарабатывать.

— Он пытался заработать здесь деньги?

— Конечно, — сказал 3-Х. — Всё может получиться, если знаешь, как. Только придумать надо

что-нибудь для этого.

— Но он этого не сделал?

Здоровяк фыркнул.

— Да чёрта с два. Трипп из тех, кто всегда готов сорвать большой куш, да? Он будет рисковать на ставках, пока не проиграет. Если хочешь вести дела проявляй осторожность и радуйся синице в руке.

— Вот как его поймали, — догадался я.

Он ткнул в меня указательным пальцем.

— Именно так, начальник. Единственное в чем он разбирается — это как управлять шлюхами. — Он помахал рукой. — С этим у него всё в порядке. Поэтому у него были деньги, чтобы подставить самого себя под удар.

— Обвинение в торговле наркотиками, — сказал я.

Он пожал плечами, но выражение его лица подтвердило то, о чем я спросил.

Я думал об этом.

— Итак, Трипп управлял девками достаточно долго, чтобы заработать достаточно денег, для получения доли от наркоты в качестве дилера. Как долго он играл на этом? — З-Х фыркнул. — Около недели. Потом он нанял какую-то сучку из УБН работать на него. Идиот.

— Трипп потерял весь товар, — сказал я.

Он снова пожал плечами, не сказав «очевидно».

Я откинул голову назад.

— Но Марконе поддерживает его. Так что он не сделал ничего плохого Марконе.

— Тупой ублюдок имел дело с поставщиком в Сент-Луисе, — сказал 3-Х. — А это суровый город.

Я выпрямился на стуле.

— Вот почему Грегори пытался делать деньги внутри.

— Да, чёрт возьми, — сказал 3-Х. — Мистеру Марконе всё равно, если его люди занимаются небольшим сторонним бизнесом, пока получает свою долю. И своё он получил первым.

— А Сент-Луис — нет, — предположил я.

— И они хотят получить с процентами, начальник.

Я откинулся на спинку стула и выдохнул. Вот почему Трипп Грегори охотился за Майей и её бизнесом. Он был в отчаянии.

— Допустим, они злы на него, — сказал я.

3-Х фыркнул.

— Они зароют его.

— Марконе допустит подобное?

— Сутенёров всегда навалом, начальник.

Мистер Марконе любит осторожность. Пока Сент-Луис ведёт дела незаметно, ему всё равно. Просто бизнес.

— Значит, здесь Грегори был в безопасности от них?

3-Х пожал плечами.

— Мистер Марконе решает, кому здесь оказывать помощь. Трипп не был стукачом. Марконе сказал, что его нельзя трогать. Итак, Сент-Луис решает подождать, и, возможно, возместить свои потери. — Он покачал головой. — Тупица мог бы остаться здесь ещё на пару лет. Может быть тогда, ребята, которым он задолжал, к тому времени вышли бы из бизнеса. Но Трипп устал от того, что у него не было баб.

3-Х опять покачал головой.

— У некоторых мужиков просто нет мозгов для бизнеса.

— Расскажи мне об этом, — попросил я. — Сколько он сказал им должен?

— До хрена. Тысяч сто. Плюс проценты. Каждые пару дней он записывал это на бумаге и жаловался на это. Должно быть, уже четверть миллиона. — 3-Х наклонил голову. — Трипп пытается отжать у кого-то деньги, да? Вот почему ты здесь.

— Да. Что-нибудь ещё можешь рассказать мне

о нём?

3-Х почесал за ухом.

— Парень — проныра. Ты когда-нибудь пытался снять ласку с курицы?

— Нет.

— А я пробовал, — сказал 3-Х. Он поднял руку и показал мне кучу шрамов на внутренней стороне указательного пальца. — Они мелкие. Но так просто не сдаются, начальник

— Я тоже.

***

Я вернулся в замок ранним вечером и направился прямо в свой кабинет.

— Боб.

Синий свет пронёсся по стене, устремился к черепу и разгорелся в виде оранжевых светящихся огоньков внутри глазниц.

— Йоу.

— Кто ты теперь, Сталлоне?

— Адриана! — сказал Боб, ужасно имитируя Рокки. — Я сделал это!

Я хмыкнул и откинулся на спинку стула.

— Что ты выяснил о Талви Инверно?

— Ну, босс, — сказал Боб. — Есть хорошие новости и ужасные новости.

— Это хорошо, — вздохнул я. — Давай выкла-

дывай.

— Хочешь верь, хочешь нет, но вокруг не так уж много безымянных существ, взаимодействующих с обществом, — сказал Боб. — Я имею в виду, в этом есть смысл, верно? Если ты попадаешь в фольклор, то получаешь имя, чтобы все могли говорить о тебе.

— Конечно, — сказал я. — Уникальная идентичность — это нечто общее практически для всех.

— Ага, — сказал Боб. — За пределами роя или, может быть, стадного разума индивидуальность — это своего рода способ устройства вещей, который требует индивидуальных обозначений. Итак, в фольклоре существует, может быть, несколько десятков безымянных сущностей, и в основном никто не слышал о большинстве из них, потому что, ну, они безымянны, и о них довольно трудно говорить. Это просто ад для пиара.

Я снова хмыкнул и включил старую кофеварку. Майкл достал её для меня, и она оказалась очень надёжной.

— Хорошо, итак, безымянность, какое преимущество оно даёт этому парню?

— Всё, что ты можешь себе представить, — сказал Боб. — Нельзя использовать его Имя против него, потому что у него его нет. Будет крайне

сложно каким-либо образом принудить его с помощью магии, найти его с помощью заклинаний прорицания, и всё в таком духе.

— Он волшебный Джейсон Борн.

— Я не знаю, может ли он сражаться ручками и свёрнутыми журналами, но да, это довольно близко. А теперь расскажи мне ещё раз о его горячей помощнице.

— Мисс Лапландия. Она сильно напугала меня, к тому же от неё шёл сильный сексуальный заряд. Не совсем Лара Рэйт, но достаточно скверно.

— Скверно? — сказал Боб.

Я потёр одну бровь костяшками пальцев.

— Слушай, от неё идёт какое-то сексуальное воздействие, и она, казалось... хммм. Высокомерие, казалось, завело её, в потенциально жестоком убийственном смысле. Но в то же время она была полностью подчинена Талви.

— Так, хорошо, — сказал Боб, явно разочарованный тем, что я не дал параметров тела или фотографий, — учитывая её имя и псевдоним, который выбирает Талви, Параноик Гэри и я...

Я моргнул.

— Ты отдаёшь должное кому-то другому?

Череп каким-то образом изобразил хмурое выражение лица.

— Что ж, я должен признать, что череп этого парня стал бы отличным подспорьем, если ты когда-нибудь решишь сделать мне новую квартиру. Он странный, но его разум хорошо организован.

— Боб, я не собираюсь... фу, — раздражённо вздохнул я. — Я не собираюсь обезглавливать кого-то и тратить годы на то, чтобы зачаровывать его череп, чтобы у тебя был летний домик.

— Ой, — невинно сказал Боб. — Нет. Конечно же нет. Это так мысли вслух.

Кофе начал капать и источать приятный запах.

— Давай дальше.

— Параноик Гэри и я думаем, что ты имел дело с божеством или, по крайней мере, с полубогом.

— Господи Иисусе, — сказал я.

— Нет, этот парень финн, а не еврей, — серьёзно сказал Боб.

Я решил оставить все как есть.

— Он финн?

— Ты же знаешь богиню Ловиатарм, верно?

— Дева Боли?

— Это ты о версии из старой редакции «Подземелий и Драконов», — сказал Боб. — Настоящая, вероятно, была ведьмой, достигшей апофеоза.

— Апофеоза?

— Вознесение к бессмертию и божественному уровню власти, — бодро подсказал Боб. — Как Кеммлер, но она сделала это намного лучше и без разжигания мировых войн.

— Хорошо, — задумчиво сказала я, не сводя глаз с кофейника. — Как это связано с делом, Боб?

— Ну, у неё была куча отпрысков, — сказал Боб. — Девять из них назывались «девять болезней», и она послала их против финского героя-волшебника Вайнамойнена.

Я чихнул. Полное совпадение.

— В любом случае, — сказал Боб. — Они не очень хорошо справились, и их замочили. Но у неё был десятый сын, которого она изгнала.

— Почему изгнала?

— Я думаю, от него было слишком много хлопот, — сказал Боб. — Она не дала ему имени, что дало бы ему ещё больше силы и власти. У него было много магии, и он был изгнан в мир людей, чтобы сеять раздор и вражду. Это вроде как его смысл существования. Кое-кто из волшебников, на которых я работал, сталкивались с ним время от времени, и в итоге он стал работать на Кеммлера и помог ему развязать пару мировых войн.

— Дай угадаю, — сказал я. — Мэб зафонбрауни-ла его после этого.

— Чего? — сказал Боб.

— Вернер фон Браун и Операция «Скрепка», — уточнил я. — В рамках этой операции правительство США после войны захапало себе кучу немецких учёных-ракетчиков и исследователей, использовав их, чтобы начать космическую эру.

— Ооо. Ну, я думаю, так оно и было. Когда конфликт был исчерпан, в разных местах скопилось много отбросов. Безымянный сын в конечном итоге искал защиты под знаменем Мэб. С тех пор он стал вассалом Зимы — следовательно, Зима Зимний.

— И Мэб оставила его в мире смертных, знакомя с их властными структурами, — сказал я. — Предположительно для того, чтобы она могла использовать его для разжигания раздора и вражды, если ей когда-нибудь это понадобится.

Кофе закончился, но у меня не было уверенности, что мой желудок сможет принять его ещё. Я начал работать на Мэб, потому что сам нуждался в убежище — сейчас даже больше, чем когда-либо, особенно теперь, когда Белый Совет дал мне пинка под зад. У неё был кодекс чести, в котором нельзя было усомниться, но она также не обладала особым сочувствием или состраданием. В конечном счёте, Мэб была своего рода защитни-

цей мира смертных, но, если бы она решила, что лучший способ защитить этот мир — это заставить смертных вцепиться друг другу в глотки в конфликтах, в которых погибнут миллиарды людей, она бы спасла все тем же крепким сном, сделав это. Если Мэб вообще спала. Я действительно не был в этом уверен.

Я демонстративно налил кофе, добавил сливок и много сахара и отхлебнул, бросив вызов своему желудку.

— Хорошо, — сказал я. — Итак, он — главная плохая новость. Почему Лапландия — это наводка?

— Ну, Талви, по сути, финский волшебник-шаман, — сказал Боб. — В своё время, до того, большинство из них вошли в Белый Совет, а в основе их силы лежало бахвальство.

— Бахвальство?

— Как будто ты никогда не делал этого перед боем, — пожаловался Боб.

Я склонил голову набок. Он не ошибся. Иногда было важно дать плохим парням понять, с кем они имеют дело. А может быть, важно было напомнить себе, с кем они имеют дело. В любом случае, мне доводилось рассказывать о себе перед боем, чтобы утвердиться в своей личности.

— Согласен, — сказал я.

— Их врагами были лапландские ведьмы, — сказал Боб. — Не такие, как смертные женщины. Это карги-ведьмы, отпрыски Ловиатарм, размножающиеся среди людей. Они патологически ненавидели финнов и делали с ними всякие ужасные вещи, когда могли.

— Итак, мисс Лапландия, скорее всего, карга-ведьма — я видел не её истинный облик.

— Вероятно, нет, босс, — весело сказал Боб. — Моё предположение? Она лапландская ведьма, которая проиграла свою попытку сексуального порабощения колдуна уровня полубога, получила своё собственное заклинание обратно на себя, и, скорее всего, сама является чертовски сильной колдуньей. И, вероятно, негодует о своей судьбе, и я предполагаю, что ей не нравятся мужчины вообще и волшебники в частности.

— Весело. О каком уровне силы идёт речь?

— Стражи победили их при соотношении три к одному, когда они сражались с ними в пятнадцатом веке.

— Ау, — сказал я. — Как получилось, что Лапландия и Инверно работают на долбаного Марконе?

— Обсуди это с Мэб, — сказал Боб. — Но, основываясь на судебных протоколах Инверно,

похоже, что она отправила эту парочку в мир смертных вскоре после того, как Арктис Тор был уничтожен.

Я нахмурился.

— Она им не доверяет.

— Парень — полубог раздора и вражды, — сказал Боб. — Может быть, это просто висит вокруг него, как ядовитое облако радиации. Может быть, Мэб хотела, чтобы он хранился где-нибудь ещё, а не на её собственном заднем дворе. Или, может быть, она сделала это, чтобы посмотреть, сможет ли Марконе справиться с ним. Я имею в виду, ты должен признать… посмотри на Чикаго, босс. Раздор и вражда здесь в порядке вещей.

— В точку, — пробормотал я и выдохнул. — Насколько крутым может быть этот безымянный сын?

— Ну, — уклончиво ответил Боб. — Не Титан. Но он и не та проблема, которую можно решить ударом кулака.

— Я довольно сильно врезал Титану.

— Да, после того, как она несколько часов дралась на ринге со всеми тяжеловесами, разрушила город и едва держалась на ногах, когда ты набросился на неё с бейсбольной битой, — сказал Боб. — Да ладно, босс.

Я нахмурился.

— Если он так крут, — сказал я, — почему Мэб тоже не выставила его на ринг?

— Вам там и без него не хватало раздора и разногласий в вашей команде? — спросил Боб.

Я хмыкнул.

— В точку. Снова.

— Я хорошо разбираюсь в этом.

— Какая у него слабость?

— Босс?

— У каждого из этих фольклорных уродов есть какая-нибудь слабость.

— Ну, — сказал Боб, деликатно кашлянув, — его слабость отчасти такая же, как и у тебя.

— А?

— Он живёт под эгидой Мэб, — объяснил Боб. — Без этого у него будут проблемы, ну знаешь, с возможностью дышать, из-за всех врагов, которых он нажил. Вероятно, в этом весь смысл, почему он живёт довольно скрытно.

Боб откашлялся.

— Босс. Может быть, тебе стоит подумать о том, чтобы отказаться от этого.

— А?

— Слушай. Я знаю, ты хочешь помочь горячей училке…

— Репетитору.

— Неважно. Но ты лезешь в глубокую воду с довольно крупной рыбой, и ты даже не получишь за это никакого вознаграждение. Я имею в виду, не похоже, что эта училка умрёт или что-то в этом роде. Или кто-нибудь из детей.

— Дело не в последствиях, Боб. Всё дело в принципах.

— Сначала учителя, теперь директора.

— Ха, — сказал я. — Дело вот в чем: Трипп Грегори. Он не имеет права так поступать с Майей. У него есть средства, и, может быть, у него есть власть, но у него нет права.

— Мне это кажется подозрительным, босс, — пробормотал Боб. — В значительной степени всё, что ему нужно, — это средства и власть.

— Я говорю о другом, — твёрдо сказал я. — Майе нужна помощь, и мне по силам ей помочь. И если всё это связано с властью и средствами, прекрасно. У меня тоже есть кое-что из этого.

Я покачал головой.

— Но дело не только в этом. Он не должен был так поступать с хорошими людьми — разрушать их жизни и лишать их средств к существованию. Не имеет значения, кто он и что накопил на своей стороне. Это неправильно.

— И что? — спросил Боб.

— Значит, когда ты видишь, что происходит что-то неправильное, ты делаешь все, что можешь, дабы это исправить.

— Даже если ты, вероятнее всего, проиграешь?

— Если я ничего не сделаю, она определённо проиграет. Я должен попытаться.

— Даже если это означает, что ты должен пойти и рассказать Мэб о своих поисках ветряной мельницы, так, Дон Кихот?

Я сглотнул.

— Может быть, до этого не дойдёт. Гэри достал то, что мне было нужно?

— Посмотри на стену, — сказал Боб, и его глаза вспыхнули ослепительно белым светом.

Я вздрогнул и посмотрел на стену напротив черепа. На камнях замка был изображён белый квадрат. Затем Боб издал чирикающий звук, и на нем появилось текстовое сообщение, как будто с телефона:

И ещё кое-что, Гэри. Босс говорит, что ему нужно знать, как связаться с тем единственным адвокатом, который на самом деле победил Талви Инверно в суде. — Боб.

Это текстовые сообщения, чувак. Тебе не обязательно их подписывать. Неужели у вас там все

такие же луддиты, как Дрезден?

Было написано в ответном сообщении, на этот раз в зелёном поле с белыми буквами.

Следующее сообщение было адресом.

Я наклонился вперёд, вглядываясь.

— Максимиллиан Валериус, эсквайр, — пробормотал я. — Какое банальное имя.

Боб издал сдавленный звук, и я хмуро посмотрел на него через плечо. Затем достал ручку и бумагу и записал адрес человека, который победил полубога раздора в суде.

— Босс, — сказал Боб, — я думал, ты не можешь позволить себе влиятельного адвоката.

— Я не могу позволить себе дорогого, — сказал я. — Но, если этот парень однажды побил безымянного сына в открытую в суде, возможно, он захочет сделать это снова по дешёвке.

Боб фыркнул.

— Ну конечно.

— Что ж. Посмотрим. Я должен кое-что попробовать.

***

Максимиллиан Валериус работал из своего дома в жилом районе Парк-Уэст.

Я подъехал к указанному адресу, посмотрел на дом и дважды проверил написанное, потому что

это было не то место, как мне казалось, должен жить дорогостоящий адвокат.

Жилище Валериуса лучше всего можно было бы описать как «причудливое». Во-первых, его дом был выкрашен в яркий канареечно-жёлтый цвет с небесно-голубой отделкой. На переднем дворе рос большой дуб, а также стояла высокая проволочная изгородь и курятник. Дюжина кур дюжины разных оттенков и узоров перьев кудахтали по двору под сонным присмотром бассет-хаунда. У дома не было подъездной дорожки, но машина, припаркованная перед ним, была старым седаном, выпущенным где-то сразу после Второй мировой войны, и на его персональном номерном знаке было написано «АДВОКАТ».

Я вылез из Мюнстермобиля в знойный летний вечер и, прищурившись, посмотрел на дом. Окна были открыты, и были видны полдюжины вентиляторов, вращающихся перед ними, набирающих воздух с затенённой передней стороны дома и выталкивающих его на сторону, обращённую к закату.

Я подошёл к воротам и, прищурившись, посмотрел на деревянную табличку с выжженной надписью:

«Коммивояжёрам и проповедникам вход вос-

прещён, только деловые клиенты и известные личные друзья, все остальные ПОСТОРОННИЕ, пожалуйста, оставляйте пакеты в коробке внутри ворот, следите за курами, остерегайтесь собаки, этот знак не является приглашением любого рода».

Я покосился на бассет-хаунда и сказал:

— Остерегайтесь собаки. Это тебя что ли?

Собака посмотрела на меня и зевнула. Затем она поднялась на свои коротенькие ножки и побрела по дорожке, остановившись, чтобы умильно понюхать курицу, и села, глядя на меня самыми печальными глазами во всём собачьем королевстве.

— Макс! — позвал женский голос из дома. — Макс! У ворот какой-то чудик!

Мужчина с копной седых волос высунул голову в одно из открытых окон, прищурился на меня и быстро ретировался. Он высунул голову во второй раз, на этот раз в толстых очках в золотой оправе, сидящих на кончике носа, и внимательно посмотрел на меня.

— Ага! — сказал он через мгновение. — Кажется, я знаю, кто вы!

— Мне вызвать полицию?— позвала женщина из глубины дома.

— Пока нет! — сказал мужчина, который, по-видимому, был Максом. — Только не звони своей матери!

— Хорошо! — крикнул женский голос.

— Привет, — сказал я довольно неуклюже. — Хорошая собака.

— Я знаю, — сказал Макс. Он пристально посмотрел на меня, глубоко вздохнул и сказал: — Оставайтесь там. Вас не приглашают войти.

Затем его голова снова просунулась в окно, и в доме отчётливо послышались шаги.

Я приподнял брови, услышав это. Большинство людей не понимает всех технических деталей приглашения, если только они не разбираются в тонкостях сверхъестественного мира. Меня не пригласили, а я получил солидное образование в нескольких школах вежливости (не смотрите на меня так, только потому, что я не знаю, что это значит, я не должен этим пользоваться), поэтому оперся на свой посох и стал ждать Макса Валериуса.

Ростом он был примерно пять футов пять дюймов и сложен как бегун на длинные дистанции, весь из жил и хрящей. На нем были мягкие коричневые льняные брюки, коричневые сандалии, белая льняная рубашка и зелёный жилет, с ко-

торого свисала цепочка карманных часов. Его седые волосы торчали по все стороны, как и его борода, хотя его усы были лихо закручены при помощи воска. Он засунул большие пальцы за пояс и направился ко мне, остановившись, чтобы недолго погладить собачьи уши, когда подошёл и встал рядом со зверем.

— Привет. Я надеялся поговорить с Максимиллианом Валериусом о деле.

— Вы нашли его, — сказал Макс, внимательно изучая меня. — А вы, должно быть, Гарри Дрезден.

— Он самый.

Макс хмыкнул, повернулся и сказал:

— Пойдём, Пеппер.

Собака снова лениво поднялась на ноги и побрела за ним, волоча за собой уши.

— Эй!

— Не интересно! — сказал Макс, не оборачиваясь. — Сверхъестественные дела есть сверхъестественные дела, и я в них не вмешиваюсь! Хорошего дня, удачи, ничего против вас не имею, просто не хочу находиться в радиусе вашего действия, мистер Дрезден!

Я моргнул ему вслед, а затем сказал:

— Мне нужна ваша помощь, сэр. У меня есть

клиент, которого Талви Инверно вот-вот разорит.

Макс остановился как вкопанный.

— Пожалуйста, сэр, — сказал я. — Если бы мне удалось поговорить с вами несколько минут, возможно, вы могли бы дать мне хотя бы совет.

Пожилой мужчина повернул голову ровно настолько, чтобы поймать меня боковым зрением.

— Макс! — позвала женщина изнутри. — Одумайся!

— Элоиза, — отозвался Макс, явно охваченный знакомым раздражением, — я сам выбираю клиентов!

— Куда это привело тебя в прошлый раз, а?

— Эх! — сказал Макс вместо того, чтобы выругаться, и махнул рукой в сторону заднего угла дома, предположительно туда, где была Элоиза.

— Сам дурак! — спокойно сказала Элоиза. — Ему нравится виноградный Кул-эйд?

Макс повернулся и хмуро посмотрел на меня. Через секунду он наклонил голову в сторону Элоизы и посмотрел на меня так, как будто я был тупым.

— Кто не любит виноградный Кул-эйд?

— Два, Элоиза! — позвал Макс. Он всё время хмурился на меня, а потом сказал: — Вы можете

войти. Следите за курами.

Мне угрожали и менее враждебными голосами.

— Благодарю, — сказал я и осторожно открыл ворота. Половина кур сразу же бросилась ко мне, но я раньше жил на ферме и отогнал их с дороги, издавая тихие щелкающие звуки, и вошёл внутрь, никого не упустив и никому не наступив на ноги.

Грозный хмурый взгляд Макса немного смягчился.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Идите по дорожке вокруг до двери моего кабинета и входите. Встретимся через минуту.

Я сделал, как он сказал, пройдя по старой брусчатке, выложенной удобной старой дорожкой вокруг дома, и обнаружил небесно-голубую дверь с другой деревянной табличкой с выжженной надписью, на которой было написано:

«Максимиллиан Валериус, эсквайр, адвокат».

Под ней, более мелкими буквами, было написано:

«Коммивояжёры и проповедники теперь могут стать целью гражданского иска».

Я открыл дверь и оказался в небольшом офисе, состоящем из старой деревянной мебели: пись-

менный стол, несколько шкафов для хранения документов и книжные полки на стенах. Маленькая дровяная печь в углу терпеливо ждала зимы. Раздался щелкающий звук, и бассет-хаунд Пеппер вошел через собачью дверь, подошел к собачьей лежанке в деревянном ящике рядом с дровяной печью и улегся. На ящике было выжжено «Мята перечная».

Мгновение спустя Макс поспешно вошёл через заднюю дверь, неся поднос с двумя стаканами фиолетовой жидкости со льдом, покрытыми капельками конденсата. Он поставил поднос на стол, взял один из стаканов и жестом показал мне взять другой, прежде чем сесть в кресло за столом.

— Я слышал, что ваш плащ пуленепробиваемый, мистер Дрезден, — сказал Макс. — Здесь он вам не понадобится, а вечер сегодня жаркий.

Я посмотрел на маленького человечка и собаку и сделал то, чего обычно не делал.

Доверился ему.

Я снял плащ и повесил его на деревянную вешалку в углу. Мне пришлось потратить некоторое время, чтобы уравновесить эту штуку так, чтобы она не упала. Это была старая вешалка, сделанная, когда большинство людей были на-

много меньше ростом. У меня был большой рост и соответствующая ему одежда. Я прислонил свой посох в тот же угол, затем сел и отхлебнул из своего стакана что-то похожее на Кул-эйд.

Это и был Кул-эйд.

— Похоже, вы знаете обо мне больше остальных, — сказал я Максу.

Он пожал плечами.

— Мы живём здесь довольно давно, мистер Дрезден. И у меня есть глаза и мозг. Разумно знать местных игроков, чтобы держаться подальше от них. Особенно в последнее время.

— Ха, — сказал я. — Вы знаете врача скорой помощи по имени Ламар?

— Афроамериканец, около сорока лет, отлично играет в шахматы, — сразу же сказал Макс. — У нас с ним схожее отношение к вашей... работе, так сказать.

— И всё же, вы победили Талви Инверно в суде.

Макс фыркнул.

— Я бы так не сказал. Его клиент был неправ. Закон был на нашей стороне. Я просто доказал это к удовлетворению судьи.

— Даже несмотря на то, что адвокат в дорогом костюме делал тоже самое.

Глаза Макса сверкнули за стёклами очков.

— Попытался сделать это.

Он отпил из своего стакана и изучающе посмотрел на меня.

— Итак. Что же нужно чикагскому волшебнику от простого старого профессора права на пенсии?

Я отпил ещё немного «Кул-эйда», чтобы справиться с жарой, а затем рассказал ему о Майе и её ситуации, и особенно о Триппе Грегори.

— Я предположу, что вы пытались запугать его и не добились успеха, — сказал Макс.

— Ну...

— Нет, дурак, не говори ничего, то, чего я не знаю, я не смогу свидетельствовать. — Он осторожно подкрутил усы, делая это рефлекторно. — Действительно, кажется, что этот бой немного однобокий. Чикагская организация против детского репетитора.

— И меня. Я думаю, что Грегори в отчаянии. И он слишком толстокожий, чтобы понять, что он пытается выжать кровь из камня. Я просто хочу, чтобы Майя и её бизнес продолжали помогать детям.

— Это было бы идеально, — признал Макс. Он наклонил голову и посмотрел на меня. — Так

почему вы здесь?

— Я не могу заставить Грегори отступить, — сказал я. — И вы единственный в городе, кто раньше побеждал Инверно в суде.

— Действительно. Мистер Зима Зимний, — вздохнул Макс. — Если бы я знал о его, э-э, связях в первый раз, то, возможно, не взялся бы за это дело. Но вот мы здесь.

Я глотнул ещё «Кул-эйд».

— Да, вот мы здесь.

— Макс! — Элоиза крикнула: — Возьми деньги вперёд!

Макс оглянулся через плечо и поморщился.

— Она распоряжается деньгами, — объяснил он мне.

— Да, — сказал я. — На счёт этого.

Макс раздражённо откинулся на спинку стула.

— Вы собираетесь сказать мне, что у вас есть власть и сила, а не деньги.

— Ну…

— Упаси меня боже от хороших драк, — мрачно пробормотал он.

— Я могу заплатить вам немного, — предложил я. — И Майя, вероятно, сможет со временем кое-что наскрести.

— Заплатите мне, — саркастически сказал он,

— вместо того, чтобы тратить свои деньги на помощь страдальцам, чьи дома были разрушены, и детям, чьи родители не могут позволить себе дополнительное образование в этом вашем замке.

Я был впечатлён. Макс действительно имел больше понимания о том, что происходило в Чикаго на самом.

— Я был бы у вас в долгу, — сказал я.

Макс выгнул бровь, бросив на меня резкий взгляд.

— Я не уверен, что быть вашим заимодавцем безопаснее, чем находиться с вами в легковоспламеняющемся здании, — сказал он мне.

— Может быть, и нет.

— Вы часто бывали на улице в последнее время? — спросил он меня.

Я покачал головой.

— А Ламар был. У меня есть несколько хороших знакомых. Люди вашего толка… ну, скажем так, они не в лучшем состоянии после «террористической атаки». Вашим людям приходится несладко. И это тоже может плохо кончиться для любого, кто находится рядом с ними.

— Да, — сказал я. — Напуганные люди могут делать то, чего они никогда бы не сделали в обычное время.

— Вы думаете, я напуган, мистер Дрезден?

— Я думаю, что после битвы разумно бояться.

— Это однозначно так. — Макс перевёл взгляд с меня на моё снаряжение в углу и обратно. Затем он сказал: — Всё, что я слышал о вас, говорит о том, что вы сражаетесь за правое дело при любой возможности.

— Каждый должен делать это.

Макс медленно откинулся на спинку стула, его глаза заблестели. Он снял очки, достал из жилета безупречно белую салфетку и начал протирать ею очки, одновременно разглядывая старческие пятна на своих руках. После долгой паузы Макс снова надел очки, аккуратно сложил салфетку и убрал её.

— Да, — сказал он и впервые улыбнулся мне. Зубы у него были маленькие и очень белые. — Мы все должны.

***

На следующий вечер я появился в офисе безымянного сына с Майей и Максимиллианом Валериусом на буксире. Мисс Лапландия, одетая в серый трикотажный костюм, слишком обтягивающий, чтобы быть считаться рабочим, подняла глаза, когда мы вошли, и одарила меня взглядом, который сказал мне, что она хочет перемолоть

мои кости, чтобы испечь хлеб из полученной муки.

— А вот и мы. Трипп Грегори, должно быть, уже здесь, да? Потому что я знаю, как сильно тебе нравлюсь.

Она смотрела на меня, улыбаясь.

— Мистер Инверно и мистер Грегори ждут вас в конференц-зале.

Макс был одет в льняной костюм нескольких оттенков бежевого цвета и светло-коричневые оксфорды вместо сандалий. Майя хорошо смотрелась в синем платье. На мне были джинсы и футболка со Звездой Смерти, сделанной из облака цитат из «Звёздных войн» (в основном из фразы «У меня плохое предчувствие»), мой кожаный плащ и мой посох в руке.

Недавний простой в сочетании с большим количеством ресурсов, чем я привык, означал, что у меня было время начать восстанавливать свой магический арсенал. Мне вернули мои силовые кольца, по четыре на каждой руке, с вплетёнными серебряными колечками, предназначенными для хранения кинетической энергии, а также снова действующий браслет-щит. Всё это было у меня на виду, так как теперь я знал, что и Инверно, и Лапландия были волшебниками. Они

бы сразу поняли, что я пришёл вооружённый для охоты на медведя.

Лапландия встала и театральной походкой направилась в конференц-зал. Наверное, даже Майя заметила. Она открыла нам дверь и вежливо спросила, не хочет ли кто-нибудь из нас кофе. Мы отказались и вошли в небольшую комнату для совещаний, стены которой были сплошь были заставлены книгами и картотеками, а посередине стоял длинный стол с тремя стульями по бокам. На книжных полках время от времени появлялись странности: подставка с жутко выглядящим изогнутым кинжалом. Белый череп огромного медведя. Нечто похожее на моржовый бивень, украшенное сложной резьбой изображающей воина-викинга, сражающегося с какой-то змеёй.

Талви Инверно, в своём полностью чёрном костюме, сидел в центре, и его глаза сузились, когда вошёл Максимиллиан Валериус.

Макс остановилась в дверях и улыбнулся ему. Я сказал Валериусу, кто такой Талви, не скрывая ничего о нём, но, если старый адвокат и нервничал, это не отразилось на его лице. Я также заметил на нём с полдюжины защитных чар по пути сюда, пара из которых действительно обладала достаточной силой, чтобы их можно

было противопоставить кому-то серьёзному. Для парня, который не хотел иметь ничего общего со сверхъестественным, Макс, очевидно, смог подготовиться к этому лучше, чем большинство.

— Кто, чёрт его побери, этот мужик? — взревел Трипп Грегори. Он сидел рядом с Талви в своём костюме и выглядел как респектабельный бизнесмен.

— Это, — сказал безымянный сын, — Максимиллиан Валериус, эсквайр.

Он склонил голову в сторону Макса жестом фехтовальщика, и Макс ответил ему тем же. Затем он шагнул вперёд и сел напротив безымянного сына, его движения были быстрыми и деловыми.

Я подвинул стул для Майи, чтобы ей не пришлось сидеть напротив Триппа Грегори, а затем сам сел напротив парня.

— Я просмотрел контракт, о котором идёт речь, — сказал Макс Инверно без предисловий. — У вас есть основания, но не бесспорные.

Инверно улыбнулся одними губами.

— Я назначу экспертов для установления ущерба, которые докажут обратное.

Макс точно так же улыбнулся в ответ.

— Вы действительно думаете, что какой-либо судья рассмотрит детали этого дела и вынесет

решение в пользу вашего клиента?

— Всё в рамках контракта, и я верю, что мои эксперты придадут нам весомости. Но думаю, что речь идёт не об этом, — ответил Инверно. — Я думаю, вопрос в том, сможет ли ваша клиентка позволить себе дать показания и оплатить услуги ваших экспертов в противовес мне.

Майя нервно взглянула на Инверно, а затем на Макса. Он ободряюще похлопал её по руке, не отводя взгляда от Инверно.

— Я бы на вашем месте не беспокоился об этом, — сказал Макс.

— Конечно, нет, — сказал Инверно. Его глаза обратились к Майе. — О чем должна беспокоиться ваша клиентка, помимо расходов на судебное разбирательство, так это о том, как отреагирует её собственная клиентская база, когда характер её прошлой профессии станет известен в суде.

Трипп Грегори ухмыльнулся.

— Да, детка. Суд — ужасное место для подобных вещей.

Майя сжала губы, и её лицо слегка побледнело. Она ни на кого не смотрела.

Скрипнув плащом, я скрестил ноги и улыбнулся.

— Я мечтаю о том, чтобы врезать тебя по лицу,

— любезно сказал я Триппу Грегори.

Улыбка Триппа дрогнула.

— Вы не тронете моего клиента, Дрезден, — легко сказал Инверно. — Я думаю, вы можете себе представить, какие последствия будут, если вы перейдёте эту черту.

Я улыбнулся Триппу, а затем сказал, обращаясь к Инверно:

— Просто подмечаю.

Майя расправила плечи и сказала:

— Продолжайте.

Все остановились и посмотрели на неё.

— Продолжайте, — ответила Майя. — Я сделала выбор, который сделала, и буду жить с последствиями этого выбора. Вы можете обвинить меня в суде, и это может означать, что я потеряю возможность продолжать работать. Но есть ещё тридцать восемь женщин, которым нужна эта работа. И я всё равно буду бороться за них.

Инверно коротко улыбнулся.

— И как вы потом будете оплачивать своего адвоката, не имея собственного дохода?

— Это вряд ли вас касается, — спокойно сказал Макс. — Мы здесь для того, чтобы обсудить возможные решения, не прибегая к открытому судебному разбирательству.

— Конечно, конечно, — сказал Трипп, бросив на Майю злобный взгляд. — Ты можешь выкупить мою часть бизнеса, если хочешь. Я возьму за неё полмиллиона.

Майя моргнула и недоверчиво посмотрела на Триппа.

— Это более чем в два раза больше прибыли, какую мы получили за семь лет.

Трипп пожал плечами.

— Если меня лишают моей части бизнеса, я хочу что-то получить с этого. Это просто бизнес, детка.

Глаза Инверно метнулись в сторону к Триппу, всего на долю секунды, и он не выглядел весёлым.

— Это... даже не безумно, а бесчеловечно глупо, — спокойно ответила Майя. — Если у меня нет четверти миллиона, чтобы отдать тебе, то у меня точно нет и полумиллиона.

— Это моя грёбаная цена, — ответил Трипп, его тон был мерзким, а глаза рептилии сфокусировались на Майе. — Ты, маленькая шлюха.

Я поднялся со своего стула.

Инверно встал и вытянул руку в мою сторону, а его тон был предупреждающим.

— Дрезден.

Я показал рукой успокаивающий жест Инверно, но не отвёл взгляда от Триппа.

— Пожалуйста, сообщите своему клиенту, — сказал я очень спокойным голосом, — что, если он продолжит такие оскорбления в адрес Майи, я буду считать их оскорблениями и врежу ему по его большому, толстому рту.

Трипп нахмурился на меня.

— Что, чёрт возьми, это значит?

Инверно мгновение пристально смотрел на меня, а затем лёгкая злобная улыбка едва тронула уголки его рта.

— Это означает, что, если вы снова оскорбите леди подобным образом, он сочтёт это достаточным основанием для физического нападения и, вероятно, так и сделает, — ответил Инверно.

Трипп рассмеялся.

— В присутствии моего адвоката? Это грёбаное обвинение в нападении, верняк.

Инверно Трипп нравился не больше, чем мне. Если бы это было не так, он не преминул бы использовать угрозы в адрес своего клиента против нас.

— Хоть это и правда, есть по крайней мере мизерный шанс, что потом ему это сойдёт с рук на законных основаниях. — Инверно спокойно

взглянул на Триппа. — Учитывая, как вы себя ведёте, я бы сказал, что его шансы выше среднего. Возможно, вам следует выбирать слова, когда речь идёт о молодой леди.

— У меня есть право говорить что хочу, — упрямо сказал Трипп.

— А у него есть право ударить вас, если вы будете продолжать в том же духе, — со вздохом ответил Инверно. — Что, по общему признанию, является вопиющим.

Трипп, похоже, не понял значения слова «вопиющий», и, возможно, именно это заставило его успокоиться.

— Отлично. Мы притворимся, что она квадратная, а не... кем она является.

Инверно посмотрел на меня и приподнял бровь.

— Спасибо, — сказал я. Мы обменялись лёгкими кивками, и я снова медленно сел.

Макс прочистил горло, возвращая разговор в нужное русло.

— Предложение вашего клиента не является разумным.

— Нет, — сказал Инверно. — Это не так. Однако это его прерогатива — решать, что предложить. Может быть, у вас есть на примете встречное

предложение?

— Десять тысяч, — спокойно сказал Макс, — за которые ваш клиент, как ожидается, подпишет документ об отказе от любых дальнейших претензий к моей клиентке или её бизнесу. Живи сам и дай жить другим.

Инверно принял это с кивком и взглянул на Триппа.

— Десять тысяч, — усмехнулся он. — Я знаю, что она заработала гораздо больше этого.

— Этих денег больше нет, Трипп, — сказала Майя спокойным, ровным голосом. — Мы потратили их на детей, которые не могли позволить себе платить за обучение.

— Твоя грёбаная ошибка, — ответил Трипп. — Деньги были заработаны. Я хочу то, что причитается мне.

Я поднял глаза и увидел мисс Лапландию, стоящую в дверях. Она вошла с чашкой кофе и выражением отвращения на лице и дала их Триппу. Он непринуждённо посмотрел на неё, шлёпнул её совершенно неуместным образом и сказал:

— Спасибо, детка.

Взгляд, которым она одарила его, мог бы стереть краску, и по сравнению с этим её взгляды, которыми она одаряла меня казались друже-

любными.

Трипп, казалось, не заметил этого.

Лапландия одарила Инверно взглядом полным ярости, пусть и всего на секунду. Затем взглянула на книжную полку. И после этого повернулась, и ушла.

Хм. Я посмотрел на книжную полку и снова на дверь. Что это было?

— Мы можем поднять до четырнадцати тысяч, — резонно заметил Макс. — Это все деньги, которые есть у моего клиента.

— К чёрту это, — сказал Трипп и отхлебнул кофе. — Я хочу то, что причитается мне.

Инверно повернулся, чтобы наклониться к Триппу и пошептаться с ним.

Трипп фыркнул.

— Нет, просто нет. Чёрт возьми, нет.

Инверно откинулся назад, посмотрел на меня без всякого стыда или сожаления и развёл руками.

— Боюсь, ваше предложение отклонено.

Макс кивнул.

— Вижу. Я более чем готов разобраться с этим в суде.

— Конечно, — сказал Инверно. — Как и я, очевидно.

— Очевидно, — сказал Макс. Он посмотрел на Триппа с неприкрытым отвращением, покачал головой и сказал: — Я думаю, что мы исчерпали здесь все возможности.

— Я согласен, — ответил Инверно. — Мы решим этот вопрос в суде. Хотя не стесняйтесь обратиться ко мне, если ваша клиентка передумает.

Макс кивнул и встал, жестом приглашая нас присоединиться к нему. Я проследил за тем, чтобы он и Майя вышли, прежде чем покинуть комнату, так и не повернувшись спиной к Инверно.

Я вывел их на улицу, минуя суровый взгляд мисс Лапландия, и вернул их на улицу без какого-либо сверхъестественного насилия любого рода.

— Ну, — сказал Макс, когда мы шли к моей машине. — Теперь я понял, что вы имели в виду, говоря, что мистер Грегори неразумный парень.

— Ага, — сказал я. — Трудно представить мир, в котором он не поглощал бы попусту кислород.

— Он подонок, — тихо сказала Майя.

— Мне жаль, что мы не смогли найти более мирный способ справиться с этим, — вздохнул я

— Всё в порядке, — сказала Майя. — Некоторые вопросы нельзя решить миром.

Она посмотрела на Макса.

— Вы сможете победить?

— Возможно, — сказал Макс, энергично кивая.

Майя нахмурилась.

— Возможно? Но то, что он делает — неправильно.

Старик развёл руками.

— Закон на самом деле не такой чёрно-белый, как все думают, — сказал он. — Кажется, все представляют закон как линию, проведённую на земле. Это больше похоже на тахеометр геодезиста — им нужно сделать очень много измерений. И различные факторы могут оказать влияние на конечный результат исследования. В данном случае именно это мы и будем делать — проводить исследование, чтобы убедиться, что вы оказались на правильной стороне закона, а мистер Грегори — на неправильной. Но я буду честен с вами — они будут делать то же самое. Это всё может обернуться против нас.

— Каковы шансы в открытом суде? — спросил я его.

Макс пожал плечами.

— Очень трудно сказать, даже несмотря на то, что у мистера Инверно нет большого пространства для манёвра. Это зависит от целого ряда факторов, в основном от судьи. Пока я бы это

сравнил с подбрасыванием монеты.

Майя скрестила руки на животе.

— Я ненавижу всё это. У меня была спокойная жизнь. Я просто хочу снова вернуться к ней.

Я поморщился.

— Мне жаль.

— Сейчас, дорогая, — сказал Макс, беря Майю за руку и нежно сжимая её. — Все предпочитают избегать конфликтов — ну, почти все. Эта жалкая задница создаёт вам проблемы, которых, я думаю, вы не заслужили. Но есть все шансы, что я смогу заставить его оставить вас в покое и полностью устранить из вашего бизнеса. Он... на самом деле не оставляет особого выбора. Либо вы отказываетесь от всего, что построили, либо сражаетесь с ним.

Майя неуверенно встретилась с ним взглядом.

— Вам не нужно выбирать прямо сейчас, — мягко сказал Макс. — Но вам действительно нужно сделать выбор. Либо бороться с ним, либо сворачивать свой бизнес и не оставлять ему ничего, на что можно было бы претендовать в суде.

— Я не могу просто сдаться, — сказала она после секундного колебания. — Слишком много людей полагаются на «Подсолнух».

— Значит, вы хотите бороться? — напористо

спросил Макс.

— Я хочу бороться, — сказала она.

Он похлопал ею по руке и твёрдо кивнул.

— Вы хорошая женщина. Я не могу обещать вам победу. Но я могу пообещать вам, что мы заставим их попотеть.

— Для Триппа это было бы впервые, — сказала она и слабо улыбнулась Максу. — Даже если мы все будем работать вместе, у нас действительно не так много денег, чтобы заплатить вам.

— Мы разберёмся с этим, — вставил я.

Макс взглянул на меня и кивнул.

— Конечно, сделаем это, Майя. В самом деле, мы придумаем как решить этот вопрос.

— Макс, — сказал я, щурясь на заходящее солнце. — Не согласитесь ли вы отвезти Майю домой?

— Конечно, — сказал старый адвокат. — Что вы собираетесь делать?

— Я собираюсь попытаться ещё раз поговорить с Триппом Грегори.

— Зачем? — с отвращением сказала Майя.

Макс скептически приподнял серебристые брови.

— Я мог бы задать тот же вопрос.

— Узнал кое-что о нём. Может быть, я даже смо-

гу заставить его прислушаться к голосу разума.

Майя тихо фыркнула.

— Стоит попробовать, — сказал я. — В противном случае, это месяцы судебных тяжб. И вы можете проиграть.

— Что ж, — сказала она без особой надежды, — удачи.

— В самом деле, она вам понадобится, — добавил Макс, обратился к своей клиентке галантно предлагая руку. — Мисс Майя.

Она улыбнулась ему и взяла его под руку, и он повёл её к своему старому грузовику, припаркованному дальше по кварталу.

Я прислонился к крылу Мюнстермобиля, и повернулся так, чтобы видеть дверь, ведущую в офис Талви, и стал ждать.

***

Триппу Грегори не потребовалось много времени, чтобы израсходовать гостеприимство Инверно и Лапландии. Двадцать минут спустя Лапландия открыла дверь, и придурок вышел, убедившись, не преминув при этом прижаться всем телом к симпатичной женщине.

Она одарила его взглядом, в котором яда было больше, чем в кобре, и прошествовала вглубь офиса, позволив двери закрыться самой по себе.

Он уверенным шагом вышел на тротуар и прошёл большую часть пути ко мне, прежде чем заметил, что я скрываюсь там в сгущающихся вечерних тенях, высокий, тёмный и грозный в своём пыльнике. Я улыбнулся ему.

— Трипп, есть минутка?

Он замер на месте, колеблясь, перенеся вес тела на одну ногу, как будто решая, продолжать ли идти вперёд или свернуть в сторону.

— Я знаю о Сент-Луисе и знаю, почему ты в таком отчаянии.

Он замер на месте, уставившись на меня.

— Проценты накапали? — спросил я.

Трипп нервно оглядел улицу, как будто искал машину с номерами штата Миссури.

— Какая тебе на хрен разница? Это не твоя проблема.

— Ты превратил это в проблему Майи, — сказал я. — Вот почему это важно для меня.

Он усмехнулся.

— Как будто она действительно потратила деньги на этих тупых детей. Они где-то спрятаны. Шлюхи всегда прячут деньги.

Мне удалось удержаться от того, чтобы не сжать кулаки так сильно, чтобы хрустнули костяшки пальцев. Кто сказал, что у меня нет сдержан-

ности?

— Она ничего не прячет, — сказал я. Макс всё проверил. Мне кажется, возможно, он надеялся найти способ отказаться от участия в этом деле вместе со мной, но Майя оказалась чиста. — Ты делаешь это напрасно. Это не спасёт тебя от Сент-Луиса.

— Как только я завладею всей франшизой, сразу же её продам, — сказал Трипп, глядя мимо меня.

Я закатил глаза.

— Кому, чувак? — спросил я. — Люди, которые уже управляют ей, — единственные, кто заинтересован в этой бизнес-модели. И если ты отнимешь у них их бизнес, как они смогут выкупить его обратно?

— Бизнес-модель, — усмехнулся Трипп. — Ты думаешь, они действительно делают это только ради детей? Чёрт, да ты идиот. Таких людей не бывает. Все участвуют в этом ради денег.

Я не знал, врезать Триппу или пожалеть его. Полагаю, что ни одно ни другое, не приблизило бы меня к решению проблемы Майи.

Поэтому я стиснул зубы.

— Ладно, придурок. Я немного удивлён, что собираюсь это сказать, но вот оно: у меня есть для тебя предложение.

Трипп наклонил голову и прищурился.

— Брось это дело, — сказал я. — И я поговорю с твоими поставщиками в Сент-Луисе от твоего имени

— Поговоришь с ними? — Трипп усмехнулся. Его глаза нервно скользнули мимо меня. — И что ты им скажешь?

Мой желудок скрутило.

— Что ты под моей защитой. И им следует оставить тебя в покое.

Трипп Грегори откинул голову назад и разразился нервным смехом.

— О, Боже. Просто очуметь, — сказал он. — Ты даже не можешь со мной справится, и думаешь, что сможешь что-то сделать этим ублюдкам?

Он покачал головой, его взгляд метался между мной и... моей машиной?

— Ты не умеешь вести переговоры, — он быстро двинулся вперёд, как будто сбрасывая меня со счетов — и зашагал как-то слишком быстро. — Но тебе больше и не придётся.

Я посмотрел на мелкого гада. И тут до меня дошло.

— Адские колокола, — сказал я с отвращением, вставая перед ним и преграждая ему путь. — Ты поручил кому-то заминировать мою машину,

пока мы были внутри, не так ли?

— О чём, чёрт возьми, ты говоришь, — автоматически произнёс его рот, но его глаза расширились, когда я заговорил, и он, казалось, заметно отшатнулся от меня и, возможно, от машины позади меня. — Тебе бурда местная по мозгам дала?

Приятно видеть, как на воре шапке горим. Чаще всего люди в такой ситуации не знают, как действовать. Если они находится в официальной обстановке и у них есть время подготовиться, они просто будут всё отрицать и сами перейдут в нападение — но если вы ловите их за руку, то срабатывает эффект неожиданности. Реакция Триппа показала мне, что моё предположение было верным.

Я вцепился рукой в воротник пиджака Триппа и швырнул его на капот Мюнстермобиля. Он с криком врезался на него, перенеся большую часть своего веса на грудь и живот. Я огляделся. Улица была слишком оживлённой, чтобы мне могло сойти с рук такое без того,и кто-нибудь не позвонил властям, так что мне нужно было действовать быстро.

— Как насчёт того, чтобы прокатится со мной? — весело спросила я его.

— Пошёл ты! — Трипп ответил со свойственным

ему великолепием. Он попытался оттолкнуться от моей машины, его лицо было бледным и испуганным. — Меня не нужно подвозить.

— Да никаких проблем, — сказал я ему, дружески обнимая его за плечи, когда он поднялся. — Ты можешь посидеть рядом со мной, пока завожу машину.

— Отвали от меня! — Трипп почти заверещал и попытался вырваться из моей хватки.

Я с хрустом сжал его плечи. У меня не было сверхчеловеческой силы, но та что была находилась на пике человеческих возможностей, благодаря различным сделкам, которые я заключил. Трипп был в хорошей форме, но у него просто не было сил, чтобы убежать от меня, если только он не начнёт применять насилие первым. Я крепко держал его и тащил к пассажирской двери.

— Хорошо, хорошо! — сказал он. — Я заплатил парню!

Я с рычанием швырнул Триппа в пассажирскую дверь, достаточно сильно, чтобы остались синяки.

— Идиот, — прорычал я. — Это же людное место. Ты хоть представляешь, сколько шума вызовет взрыв машины? Сколько людей может пострадать!? Что твой человек использовал в качестве

взрывателя?

— Откуда, чёрт возьми, мне знать? — пожаловался Трипп. — Всё, что я сделал, это нанял его!

— Идиот, — прорычал я. — Если он использовал чёртов мобильник...

Я сделал глубокий вдох и подавил свои эмоции. Мне не нужна были посторонние мысли, чтобы случайно заколдовать спусковой крючок бомбы и привести в действие эту хреновину. Я указал пальцем на Триппа и сказал:

— Не двигай ни единым мускулом...

Затем я опустился на асфальт и проверил под Мюнстермобилем, даже когда почувствовал лёгкое понижение температуры и трепет тихой энергии, который сказал мне, что наступил закат.

Мне пришлось в наступающих сумерках заглянуть под машину. Человек Триппа установил устройство на бензобак, а провода тянулись к замку зажигания. Похоже, это была взрывчатка, подключённая к аккумулятору и мобильному телефону. Если бы я завёл машину или, предположительно, если бы создатель (или какой-нибудь невинный робот на звонках) позвонил, он бы взорвался.

Я ожидал, что Трипп в любую секунду бросится

бежать, но он этого не сделал.

— Адские колокола, — пробормотал я, вытаскивая себя из-под машины и поднимаясь. — Ты просто не знаешь, когда нужно вовремя остановиться.

Я сделал паузу.

Потому что Трипп даже не смотрел на меня.

Он вглядывался в темноту соседнего переулка. И дышал тяжело и часто, издавая высокие, ноющие звуки своим горлом.

Через секунду мои чувства волшебника охватило тошнотворное, жирное ощущение чёрной магии, исходящее из переулка волной мерзкой психической желчи.

Примерно в сотне футов дальше по переулку что-то приближалось к нам.

Сначала я увидел пару горящих глаз — на самом деле довольно обычных. В темноте почти всегда было что-то с горящими глазами. Но когда оно прошло под фонарём, лампочка в нём взорвалась дождём искр, которые каскадом падали вниз в течение нескольких секунд.

Искры, казалось, очерчивали неясные очертания массивного тела, проходя сквозь него полностью, но показывая полупрозрачные контуры — нечто четвероногое, со сгорбленными

плечами, тяжело преставляющее конечности. Медведь? Да, долбаный медведь. Его походка изменилась, когда он проходил сквозь искры, сменившись на медвежий галоп.

Следующая лампочка взорвалась ещё большим количеством искр, на этот раз обрушившись на массивную голову медведя — и они физически отскочили от черепа твари, отчётливо видимые сквозь серебристую, полупрозрачную плоть.

Я узнал череп — тот самый, что был на книжной полке в кабинете Талви Инверно.

И его горящие глаза были сосредоточены исключительно на Триппе Грегори.

— Вот дерьмо, — пробормотал я. — Отсо.

— Ч-что? — сказал Трипп.

— Дух медведя. Развращённый слуга лапландской ведьмы, если я правильно догадываюсь. И он в бешенстве.

— Бурда и мне дала по мозгам, — пробормотал Трипп. — У меня мурашки по коже. Мне нужно пойти прилечь.

— Я тоже его вижу, идиот, — прорычал я.

Он тупо уставился на меня и спросил:

— Тебе тоже дало по мозгам?

Мой мозг заработал на полную мощность. Лучшим решением здесь было бы сесть в машину

и уехать к чёртовой матери, но Трипп Грегори, тупорылый идиот, сделал это невозможным. Простой круг защитил бы нас от разъярённого духа, но с высокотехнологичным взрывным устройством примерно в пяти футах от меня я не осмелился использовать свою силу. Это уничтожало мобильные телефоны и в лучшие времена, и у меня не было уверенности, что это не приведёт к взрыву бомбы. Я также не мог просто уйти и оставить эту чёртову штуку там, где она была, — вокруг было слишком много людей, проезжавших мимо на машинах и гуляющих по улицам Чикаго душным летним вечером.

Но все эти потенциальные свидетели означали, что у того, кто заложил бомбу, было не так уж много времени. Максимум пара минут. Велика вероятность, что она не была заложена так, чтобы взорваться при извлечении — это могло быть самоубийством для террориста, например, если бы кто-то помешал ему.

Я решил рискнуть. Сунув руку под машину, схватил устройство, сделал вдох, а затем выдернул его. Он был прикреплён к старому металлическому бензобаку сильными магнитами и достаточно легко оторвался, и внезапно у меня в руке оказалась большая пригоршня бабаха. Я

выпрямился, когда дух медведя приблизился на дюжину ярдов и —

— и подумал о том, чтобы оставить Триппа наедине с этой тварью.

Это решило бы так много проблем.

Но с последствиями этого выбора мне пришлось бы жить дальше.

Поэтому я схватил его за пиджак, крикнул:

— Беги! — и потащил его бежать за собой.

Я отдал должное Триппу: он был в хорошей форме. Хоть и был значительно ниже меня ростом, но сорвался с места и побежал, опережая меня на полшага первые ярдов двадцать, а глаза его были широко раскрыты и полны паники.

Позади нас из переулка вылетел отсо и врезался в бок Мюнстермобиля, смяв его переднюю панель, как будто она была сделана из алюминия, а не из детройтской стали. Автомобиль отбросило на фут в сторону улицы, заставив загудеть и взвизгнуть тормозами. Какой-то бегун оступился, в шоке наблюдая, как едва видимая форма отсо восстанавливает равновесие, трясёт очень заметным черепом с ошеломлённым видом, затем высматривает меня и Триппа, бросаясь в погоню. Фонари взрывались дождём искр, когда он проносился мимо них, оставляя за собой полосу

тьмы и криков.

— Чёртова бурда! — кричал Трипп, бросая испуганный взгляд через плечо. — Это глюки! Это не по-настоящему!

— Не тормози, — прорычал я.

Неподалёку было место, где у меня был небольшой шанс справиться с этой штукой, конечно если мы сможем туда добраться. Я свернул налево, помчался по диагонали через перекрёсток, и нас чуть не сбил шикарный городской внедорожник. Нам в след засигналили — по крайней мере, на несколько секунд. Затем отсо пронёсся призраком через перекрёсток в погоне за нами, гася фары и двигатели с одинаковым презрением.

Я взглянул на бомбу в своих руках и сглотнул. Очевидно, что отсо отказывал такое же разрушительное воздействие на технику, как и моя магия. И если он подойдёт достаточно близко, чтобы привести эту штуку в действие…

Мне нужно было открытое пространство.

Битва за Чикаго оставила после себя много руин. Тайное супероружие Титана разрушило сорок четыре здания, большинство из которых были высотками, и ещё десятки были повреждены или разрушены, когда они рухнули. За месяц, прошедший с тех пор, улицы, по возможности, удалось

расчистить, но целые кварталы все ещё были завалены щебнем и обломками, и город был вынужден прибегнуть к простому ограждению этих кварталов пластиковыми ограждениями, пока бригады ремонтников и утилизаторов из проекта по восстановлению города не смогут приехать и начать их раскапывать. В новостях подсчитали, что пройдёт по меньшей мере год, прежде чем все завалы будут убраны, и, возможно, ещё один, прежде чем начнётся полная реконструкция.

Если подумать, то Марконе своими действиями заставлял их выглядеть некомпетентными. Приятно знать, что он проделывал это не только со мной.

В двух кварталах от нас была стена из оранжево-белого пластика высотой восемь футов, покрытая предупреждениями об опасности, и я направился к ней единственным способом, который, как мне казалось, мог замедлить бегущего за нами отсо.

Я бежал прямо сквозь поток машин.

Фары ударили мне в глаза. Машины сигналили и сворачивали. Мне пришлось резко дёрнуться в сторону, таща за собой лепечущего Трипа, чтобы избежать мусоровоза, и я услышал, как он врезался в несокрушимую плоть духа медведя с

поразительно громким скрипом металла, бьющегося стекла и взорвавшихся фар.

— Давай же! — закричал я и бросился на пластиковое ограждение всем весом своего тела, а Трипп врезался в него с разбегу.

Мы прорвались сквозь него и попали на развалины, в которые Титан превратил мой город.

Это было всё равно, что попасть в другой мир.

Сорокаэтажное здание рухнуло в квартале от пластикового ограждения. Битый бетон, осколки стекла, искорёженные и вырванные концы арматуры подобно цунами обрушились на соседние здания волной высотой в семь или восемь футов, частично разрушив их. Неподалёку от него под углом в сорок пять градусов накренился круглосуточный магазин на заправочной станции. Я вскарабкался по склону из предательского гравия к его перекошенной крыше, таща за собой Триппа.

— Мы не должны быть здесь! — взвыл Тррип. — Мы вторглись на чужую территорию! Там был знак!

Позади нас отсо пробил себе дорогу сквозь пластиковое ограждение и врезался в груду щебня, как маленький локомотив. Он на секунду замешкался, оглядывая развалины, и мне стало

жаль дух существа, который был заперт в черепе — вероятно, ему было не лучше, чем мне. Отсо открыл пасть и издал призрачное эхо медвежьего рыка, прежде чем его светящиеся глаза снова сфокусировались на Триппе, и он начал с грохотом приближаться к нам.

— Не стой столбом! — крикнул я. — Поднимайся выше!

Мы забрались на крышу старой заправки, когда отсо начал прокладывать себе путь по обломкам в погоне за нами.

— Этого не может быть! — орал Трипп. — Этого не может быть!

— Теперь ты знаешь, что чувствует Майя, да?

Я тяжело дышал. Мы добрались до самого верха крыши, на её дальнем конце, и мне пришлось схватить Триппа, чтобы он не перелез через неё и не пролетел десять футов прямо на обломки.

— Пока нет! — зарычал я. — Приготовься к атаке!

— Что?!

Я обернулся и увидел, что отсо как раз добрался до нижнего края перекошенной крыши. Я поцеловал бомбу на счастье и швырнул её через сорок или пятьдесят футов между нами. Дух медведя взревел от ярости, когда что-то с грохотом упало

перед ним, и ударил огромной лапой.

— Прыгай! — закричал я, прижимая Триппа к груди и падая назад, через край. Я выбросил вперёд правую руку и свою волю, рыча: «Hexus!»

Между моим колдовством и колдовством отсо должны были произойти плохие вещи.

Мелькнули искры, и через долю секунды бомба взорвалась.

Что касается взрыва, я был готов к худшему — пока не упал на развалины. Чудовищный грохот ударил по ушам. Наклон крыши давал нам некоторое укрытие, и большая часть взрыва прошла по её контуру, унося облако шрапнели из осколков бетона и битого стекла вверх и в сторону от нас, пока мы наслаждались относительной безопасностью, находясь в тени от взрыва. Несмотря на это, я получил несколько десятков мелких порезов, ссадин и ран — и это до того, как упал на землю.

Укреплённая защитными заклинаниями поверхность моего пыльника, по крайней мере, уберегла меня от удара об острый конец арматуры, и она же, вероятно, остановила множество летящих осколков стекла и камней, но это не уберегло меня от перелома четырёх рёбер и от незначительного разрыва мышц в пояснице, ко-

гда Трипп Грегори приземлился на меня сверху, и мы вдвоём покатились вниз по склону из щебня.

Я поднял руку, чтобы прикрыть глаза, и накрыл собой Триппа, когда обломки от взрыва начали сыпаться на нас.

— Что?! — Трипп кричал. Я знал, что он кричал, потому что едва мог расслышать его через гул, который издавали мои перегруженные уши. Он был немного ближе к взрыву, чем я — из одного его уха, где лопнула барабанная перепонка, текла кровь. — Что только что произошло?! Что вообще здесь происходит??!

— Поздравляю, Трипп, — устало пробормотала я. — Теперь ты разозлил ещё и кое-кого очень опасного.

***

Мы с Триппом пошатываясь отошли от места взрыва. Кажется, он был в шоке, потому что Трипп просто шатался, как от головокружения, куда бы я его ни направлял. Отсо оставил за собой сверхочевидный след разрушений, включая начальную точку, и властям не потребуется много времени, чтобы найти её. Мы сделали большой крюк, зайдя с другой стороны, и мне удалось запихнуть Триппа в Мюнстермобиль и тихо уехать, когда огни и сирены приближались к месту разрушения.

Полицейская патрульная машина остановилась рядом с моей машиной, и офицер в ней посмотрел в мою сторону, моргнул, а затем взглянул на меня ещё раз, более пристально.

Он увидел разбитую машину, за рулём которой сидел парень, покрытый пылью от взрыва. И это была довольно приметная машина. Наверное, это можно было предвидеть заранее.

Я обменялся быстрым взглядом с молодым полицейским и узнал его с приступом фантомной боли в груди. Он был одним из жителей Чикаго, последовавших за знаменем моей воли во время битвы. Они отчаянно сражались с захватчиками, несмотря на то, что были всего лишь командой добровольцев. Все, кто последовал за мной в ту ночь, были ранены.

Большинство из них были мертвы.

Не говоря ни слова, он расстегнул верхнюю часть своей куртки, чтобы продемонстрировать маленькую самодельную булавку с приклеенным к ней бобом, награду, которую я вручил выжившим на поминках по павшим — одному из моих Бобовых Рыцарей.

Он снова застегнул куртку на булавку, серьёзно кивнул мне, а затем просто проигнорировал меня и проехал мимо.

Я вывел Мюнстермобиль из места происшествия, ведя машину медленно и спокойно.

Я посмотрел на дрожащую фигуру Триппа Грегори. Бомба на оживлённой улице. У маленького проныры не было ни чувства меры, ни личных достоинств. Всё это дело выходило из-под контроля.

Пришло время созвать собрание.

Я сглотнул. Мне предстояло сделать звонок, который мне не хотелось делать.

***

Марконе и Гард появились ровно в одиннадцать часов вечера, а через полминуты Талви Инверно и мисс Лапландия также прибыли на склад на набережной, где, как я знал, Марконе и Белый Совет вели дела — такие, после которых у них оставались улики, от которых нужно было избавиться. Склад был отличным местом для подбрасывание новых тел. Я намеренно выбрал это место.

Трипп Грегори сидел на полу в нескольких футах от меня, дрожа и обращая очень мало внимания на то, что происходило вокруг него. Его глаза ни на чем не фокусировались, и он просто продолжал бормотать о бурде. Мы оба всё ещё были покрыты пылью и мусором.

Марконе окинул эту сцену долгим, молчаливым взглядом. Затем он подошёл ко мне, с мисс Гард по правую руку от него, и встал лицом ко мне примерно в десяти футах.

— Мистер Инверно, — сказал Марконе. — Пожалуйста, присоединяйтесь к нам.

Талви посмотрел на меня, а затем на Триппа Грегори, и лицо полубога нахмурилось. Его ярко-зелёные глаза на мгновение вспыхнули, и он медленно перевёл взгляд на мисс Лапландию, которая всё ещё носила соблазнительный костюм с предыдущей встречи.

Щеки Лапландии ярко раскраснелись, но она вздёрнула подбородок и надменно посмотрела сначала на Талви, а затем на Триппа Грегори. От неё исходила ненависть к мужчинам.

— Спасибо, что пришли, — тихо сказал я, и мне с трудом пришлось проглотить горький ком во рту, чтобы произнести это. — Всё становится ещё более запутанным, чем должно быть, для всех нас. Итак, вот что я знаю.

И вкратце рассказал им всем о том, что произошло после встречи ранее тем вечером. Я использовал короткие фразы и нейтральный тон голоса.

После изложения ситуации, Марконе сказал:

— После звонка Дрездена я связался с кое-какими подрядчиками, которые выполняли для меня работу. Они подтвердили, что мистер Грегори действительно заказал устройство.

Я кивнул Марконе. Затем взглянул на Талви.

Красавчик поморщился.

— Медвежий череп действительно исчез из моего кабинета. Мисс Лапландия отказалась отвечать на мои вопросы относительно его местонахождения. Я полагаю, она вышла из себя из-за поведения мистера Грегори.

— Подводя итог. За последние три часа ваши люди дважды пытались прикончить меня. — Я выдохнул. — Это затрагивает Соглашения.

Незримые Соглашения были чем-то вроде Женевских конвенций сверхъестественного мира. Они управляли тем, как сверхъестественные силы разрешали конфликты друг с другом.

— По существу дела, — вставил Марконе. — Мистер Грегори не подписывал Соглашения.

— Но он ваш вассал, — раздражённо сказал я, — по всем определениям и традициям.

Взгляд Марконе скользнул в сторону к Гард, которая сдержанно кивнула ему. Он раскрыл ладонь в жесте, как будто ронял что-то на землю, и сказал:

— Очень хорошо. Я снимаю этот вопрос. Как его сюзерен, я несу определённую ответственность за его действия.

Его голос стал очень резким. Трипп Грегори был не настолько выдержан, чтобы не отшатнуться от Маркона, когда тот заговорил таким голосом.

— И ты, — сказал я, поворачиваясь к Талви Инверно. — Безымянный сын, собираешься выступить против меня?

Глаза Инверно сверкнули.

— Вряд ли, — сказал он. — Моя помощница... часто бывает вспыльчива в своих решениях. Однако я должен заметить, что нападение было направлено не на вас, а на человека, который пытался вас убить.

— Да, какая хирургическая точность, — сказал я сухим тоном. — Это было безрассудное пренебрежение.

Я повернулся к Марконе.

— Инверно — один из ваших. И я могу стребовать с вас.

Марконе наклонил голову и сказал:

— На ваше усмотрение.

Из самых темных теней склада раздался женский голос, более холодный, чем скальпель, погруженный в жидкий кислород:

— И на моё.

Из темноты появилась Королева Воздуха и Тьмы, женщина ростом более шести футов с призрачно-бледной кожей, в длинном чёрном платье, с длинными черными волосами и глазами, сделанными из обсидиановых сфер. Она подошла ко мне неторопливым шагом — существо с ледяным спокойствием и нечеловеческой красотой. Она была наставницей и владычицей всех злых существ фэйри, и все же в её облике чувствовалась какая-то хрупкость — пережиток схватки с Титаном.

Гард сделала глубокий вдох и шагнула ближе к Марконе. Барон Чикаго не выказал подобных опасений. Он спокойно посмотрел на Мэб, низко склонил голову и произнёс:

— Королева Мэб.

— Барон, — ответила Мэб. Её чёрные глаза обратились к Триппу Грегори, и она покачала головой. — Контролировать излишества своих вассалов — одна из обязанностей фригольдинга.

— Я не уверен, что это дело касается Зимнего Двора и его отношениях с моими владениями, — сказал Марконе. — Дрезден занимался личным делом, а не делами вашего Двора — он помогал смертной, которая попросила его о помощи. Воз-

можно, на этот вопрос не обращать внимания.

Мэб тщательно обдумала слова Марконе, а затем перевела взгляд на меня.

— Мне нет дела ни до смертных, ни до их детей, ни до их учителей, — сказала она. Это было все равно что стоять перед открытой дверцей морозильника и чувствовать, как её слова накатывают на меня. — Объясни, мой Рыцарь, если можешь: почему оно касается Меня?

Я не выказал ни малейшего волнения, которое испытывал. Мне кажется.

— Они оба повредили служебную машину в ходе своего нападения.

Мэб долго смотрела на меня.

— Автомобиль, который я приготовила для тебя, — пояснила она.

— Да.

— И теперь он повреждён?

— Да. Я подключил к решению этой проблемы Майка.

— Сильно? Заметно?

— Можно починить, — сказал я. — Но да.

Мэб сжала губы и нахмурилась, глядя на меня так, как будто я был полным идиотом. Но она повернулась к Марконе и сказала:

— Я тоже несу определённую ответственность

за действия моих вассалов. — Мэб снова пристально посмотрела на меня. — Независимо от того, насколько идиотским может быть их выбор.

Её взгляд обратился к Инверно и Лапландии.

— И это нарушение правил с вашей стороны, Инверно, усложняет дело. Подобные инциденты могут дать смертным повод поднять руку на всех нас. — Она покачала головой и сказала: — Я испытываю искушение запереть своих вассалов во льду, скажем, на пару десятилетий. И оставить их на все это время в сознании.

— Чтобы уравновесить вас, мне придётся предпринять аналогичные действия с мистером Грегори, — спокойно сказал Марконе. — И это лишило бы меня услуг превосходного адвоката.

— Да, — сказала Мэб, явно раздражённая. — Мне это тоже доставило бы неудобства. И всё же у Зимнего Рыцаря — и, следовательно, у Зимнего Двора — есть серьёзная претензия.

— Тогда как же будет решён этот вопрос? — спокойно спросил Марконе.

— У меня есть предложение, — сказал я.

Черные глаза Мэб сфокусировались на мне, и я почувствовал, как ледяная дрожь пробежала по моим внутренностям.

— Поясни.

— Всё это дело связано с дисбалансом сил, — сказал я, обращаясь в основном к Мэб. — Никто из нас не хочет новых сражений или ненужного внимания. Для решения этой проблемы необходимо восстановить баланс.

Мэб наклонила голову.

— Интересно, — сказал Марконе. — Что вы имеете в виду?

— Я готов спустить вопрос о бомбе на тормозах, — я взглянул на Талви. — Инцидент с отсо тоже.

Марконе кивнул один раз.

— В обмен на что?

— Пусть Грегори отзовёт иск, — сказал я.

Марконе пристально изучал меня. Затем он взглянул на Триппа Грегори и спросил:

— Ты готов рассмотреть это?

Грегори бросил жёсткий, неприятный взгляд на Марконе и сказал:

— Я вас не сдал.

Марконе нахмурился, вздохнул и покачал головой.

— Да. Это так. Боюсь, я не могу не поддержать своего вассала, Дрезден. Мы уже говорили об этом.

Я не думал, что так легко выберусь из этого, но попытаться стоило.

— Тогда как насчёт этого? Ваш парень честно борется в суде. Никаких трат денег мафии на экспертов, никаких дерьмовых юридических силовых приёмов, никакого давления на судью или кого-либо ещё, вовлечённого в это дело. Это обсуждается исключительно по существу — и мы позволяем смертному суду разобраться в этом. Тихо. Гладко. Никто из нас не склоняет чаши весов в свою сторону. Для меня этого достаточно.

— Подбрасывание монетки имело бы больше смысла, — размышлял Марконе.

— Мне нравится думать, что нечто похожее на справедливость все ещё можно обнаружить где-нибудь в дикой природе, — сказал я. — Оставьте мне иллюзию этого.

Холодный, чёрный взгляд Мэб переместился с меня на Марконе.

— Ваша организация напала на моего Рыцаря прилюдно. — Её взгляд остановился на Лапландии. — И служанка того, кто находится под моей защитой, обесчестила своего хозяина и тем самым союзника Зимы. Как это действие уравновешивает то, что произошло?

— Если Инверно проиграет суд, это означает, что Макс дважды победит его, — сказал я. — Один раз — это невезение. Но быть дважды побеждён-

ным простым смертным. Эта потеря гордости будет для меня достаточным удовлетворением.

Мэб сузила глаза и мгновение изучала меня.

— А если он не проиграет?

— Тогда в следующий раз я буду знать, что нужно играть жёстче.

Мэб повернулась к Марконе, как будто он был единственным взрослым в помещении, и спросила:

— Вы потребуете жизнь служанки Инверно в качестве выкупа за её попытку убийства?

Лапландия напряглась и бросила тяжёлый взгляд на Марконе.

Он оскалил зубы.

— К счастью, никто не погиб. Я готов поверить Инверно на слово, что будет применено соответствующее наказание и что инцидент больше не повторится.

— Я согласен, — сказал Инверно, низко поклонившись Марконе и Мэб.

— Но... — начала Лапландия.

Голос Инверно понизился до холодного, резкого тона, от которого у меня волосы на затылке встали дыбом.

— Замолчи, — прорычал он. — Если ты хочешь, чтобы я сохранил тебе жизнь.

Лапландия выглядела так, словно хотела грызть сталь и выплёвывать гвозди. Но её зубы громко клацнули, и она склонила голову. Инверно одарил помощницу убийственным взглядом, который заставил меня слегка вздрогнуть.

Да, это были по настоящему рабочие отношения. Ну и дела.

— Этот вопрос, — сказала Мэб, — будет решён перед смертным судом, и ни одна из сторон не будет оказывать влияния или использовать магию, чтобы вмешаться в судебный процесс. Как только дело будет урегулировано, все стороны примут его исход, и вопрос будет решён навсегда. Согласны ли с этим все стороны?

Я кивнул головой, и Марконе повторил мой кивок. Затем он проделал то же самое с Талви Инверно.

— Таково моё решение, — сказала Мэб, повернувшись и скрываясь в тенях, а её голос доносился из глубин темноты. — Любой, кто нарушит его, испытывает на себе моё сильное неудовольствие.

Она замолчала и с отвращением посмотрела на меня.

— Школьные учителя.

— Репетиторы, — поправил я. Затем поспешно добавил: — Моя Королева.

— Перестань искать новые способы тратить моё время впустую, — сказала Мэб. Затем она отвернулась, вся в черных волосах и чёрном платье, и окончательно растворилась в тенях.

Марконе поклонился Мэб, когда она уходила, а затем сказал мне:

— Я полагаю, пусть победит тот, у кого лучше аргументы, мистер Дрезден.

Я обменялся с ним кивком, и Гард с Марконе ушли.

— Добавлю от себя лично, — сказал Инверно, как только мы остались одни, — я ничего не знал о том, что собиралась сделать мисс Лапландия.

Он сделал паузу, взглянув на угрюмую фигуру Триппа Грегори.

— Признаюсь, я всё-таки не понимаю человечество так хорошо, как мне казалось: почему вы просто не позволили отсо выполнить то, за чем его послали? Это бы решило все ваши проблемы.

Я вздохнул.

— Хоть Трипп и мудак-социопат, но кто-то вроде неё не должен быть его судьёй и палачом.

В его голосе звучало веселье.

— Вместо этого неё должен быть гражданский чиновник?

— Может быть, я думаю, что люди должны ре-

шать за людей, — сказал я. — Не все мы, рыцари и лорды, высокие и могущественные типы.

Инверно мгновение смотрел на меня, а затем покачал головой.

— Пойдём, дорогая, — сказал он мисс Лапландии. — У нас будет очень долгий вечер.

Лапландия бросил на меня и Триппа Грегори последний, полный ненависти взгляд, а затем беспомощно последовала за Инверно со склада.

Остались только я и Трипп.

— Ты спас мне жизнь, — сказал Трипп.

Я вздохнул.

— Да.

— Что ж. Не думай, что я собираюсь, чёрт возьми, платить тебе за это, — сказал он. — Я получу свои деньги.

Я с минуту смотрел на парня.

Некоторые люди просто не могут учиться на своих ошибках.

— Не за что, — устало сказал я и повернулся, чтобы уйти.

— Эй, подожди, — сказал он, вставая. — Дрезден, а как же я?

— Я уже спас тебе жизнь. Тащи свою жопу домой самостоятельно.

***

С небольшой толикой удачи и без множества хитроумных юридических манёвров рассмотрение дела заняло пару месяцев.

— Поздравляю, мисс Майя, — сказал ей Максимиллиан Валериус, когда мы вышли из здания суда под лучи раннего осеннего солнца. — Я надеюсь, что вам больше никогда не придётся мириться с таким отвратительным человеком.

Она наклонилась и крепко обняла Макса.

— Спасибо, мистер Валериус, — сказала она. — Спасибо, спасибо.

— Ну, ну, — сказал он, нежно похлопывая её по плечу. — Элоиза просила передать вам, что пришлёт свежие яйца и домашние помидоры для вашей встречи по франчайзингу. Я удивлюсь, если к тому же она не захватит и печенье.

Майя засмеялась и отпустила его, затем повернулась ко мне и улыбнулась мне.

— Вы выглядите получше, чем два месяца назад.

— Время лечит все раны, — сказал я, выдавив улыбку, которую чувствовал только на десять процентов, но это было на десять процентов больше, чем было. — Я рад, что судья принял верное решение.

— Вероятно, помогло то, что Трипп продолжал

говорить. — Она просияла и тоже обняла меня. — Вы действительно чудотворец.

— В хороший день.

Позади нас дверь в здание суда с грохотом распахнулась, и Трипп Грегори стремительно вышел из здания, направляясь прямо на улицу.

Я уже заметила ожидающие машины.

Макс сказал что-то ещё Майе, которая отошла, чтобы поприветствовать группу женщин, которые смеялись и обнимали её. Он проницательно взглянул на меня и проследил за направлением моего взгляда. Ему потребовалась всего секунда, чтобы понять, что происходит.

— Боже мой, — сказал Макс.

Двое мужчин приблизились к Триппу Грегори как раз в тот момент, когда на улице остановилась чёрная машина, а другая притормозила, чтобы на мгновение задержать движение. Один из мужчин держал руку в кармане пальто. Грегори бросил на него испуганный взгляд, затем перевёл взгляд на машину, дверца которой распахнулась.

На машине были номера штата Миссури.

Я наблюдал, как бригада из Сент-Луиса плавно затащила Триппа в машину, прямо на глазах у бога и всех остальных.

— Ты собираешься что-нибудь сделать? — спросил меня Макс Валериус.

Я сделал вдох, а потом сказал:

— Нет.

Старый адвокат пристально посмотрел на меня, снял очки и тщательно протёр их, пока в двадцати ярдах от него происходило похищение преступника.

— Потому что он этого заслуживает? — тихо спросил Макс.

— Чёрт его знает. Я не уверен, что кто-то ещё заслуживает этого, Макс. — Я выдохнул немного воздуха через губы, когда машина тронулась с места, унося Триппа Грегори навстречу его судьбе. — Но он, чёрт возьми, много сделал для этого.

Макс коротко выдохнул и снова надел очки.

— Я договорился с мисс Майей о графике платежей. — Он подмигнул мне. — Я полагаю, что «Подсолнух» будет получать регулярные анонимные пожертвования на свою программу обучения для неимущих в той же сумме.

Я посмотрел на Макса.

Затем протянул ему руку.

Старик крепко пожал её.

— Вы с Элоизой любите пиццу? — спросил я его. — Мы используем

17.3 Рождественская ночь (2018)

Моим читателям, которые по какой — либо причине не спят этой ночью. Счастливого Рождества, изумительные вы чудаки.

— Джим.

Это была ночь перед Рождеством, и никто во всем доме не шевелился, кроме меня и Мыша.

Я сидел посреди неровного круга из деталей, разбросав их перед собой дугой на 180 градусов, и злобно таращился на справочное руководство. «Почему они составили сборочные инструкции на двадцати разных языках», — почти выкрикнул я, «вместо того, чтобы просто дать чертеж, с цифрами, буквами и стрелками!?!»

«Гав» — сочувственно сказал Мыш. Он был двухсотфунтовым терпеливым серым пушистиком и относился к людям лучше, чем я.

Я вернулся к попыткам собрать идиотский велосипед. Мэгги нужно было учиться ездить на велосипеде. Уйма маленьких девочек хотела бы розово — фиолетовый велик. Но любимый цвет Мэгги был красный. Она утверждала, что

красные ездят быстрее.

«Вам потребуются ученая степень и команда механиков NASCAR, чтобы это сделать!» — мрачно пробормотал я.

Мыш вздохнул. Затем он стал носом толкать мою руку, пока я не уронил деталь, которую пытался собрать. Потом он взял другую деталь в свою громадную, терпеливую пасть и вручил ее мне.

«Что я, по — твоему, сделаю с этим?» — требовательно спросил я. «Кроме того, что вытру твои слюни, лосяра».

Мыш запыхтел и подтолкнул другую мою руку своим носом.

«Я знаю, что ты хочешь помочь», — сказал я. «Но эти две части не…»

Детали щелкнули и без труда соединились вместе.

Хвост Мыша пару раз стукнул по полу.

«Никто не любит умников», — мрачно заметил я.

Хвост Мыша забарабанил «бум-бум-бум-бум», и он оскалился мне в собачьей улыбке.

«Ты смеешься надо мной?» — спросил я.

Мыш чихнул.

Я вздохнул и взъерошил его уши. «Прекрасно.

Если вы не можете победить их, присоединитесь к ним». Я повернул бумагу так, чтобы Мыш мог на нее смотреть. «Что дальше?»

Мыш выбрал следующую часть, и я начал возиться с ней, пока не разобрался. Потом мы приступили к следующей. Огонь в камине играл и потрескивал. Это был единственный источник света.

Послышались тихие шаги, и затем появился Майкл Карпентер, крепко сложенный, крупный мужчина в свои пятьдесят. Он был в удобном халате, накинутом поверх пижамы, и нес в руке кофейную кружку. Он остановился в дверях в свою гостиную и взирал на мои затруднения, мирно улыбаясь.

«Мэгги и Хэнк сдались около часа назад», — сказал он. «Так что у тебя есть остальная часть ночи, чтобы это собрать».

«Говори как есть», — пробормотал я.

«Я и не думал», — ответил он. Он отхлебнул эг-нога[114] из кружки. Его жена Черити делала классный крепкий ног. «Это просто было бы нечестно».

«Ты, наверное, собрал миллион этих вещей»,

[114] Примечания: 114

Эг-ног — сладкий алкогольный напиток, сделанный из яиц, сахара, молока, алкоголя и специй.

— сказал я.

«Или два,» — кивнул он.

Я раздраженно раскинул руки над запчастями. «Ну?»

«О», — сказал он серьезным голосом, но его глаза сверкали. «Гарри, я не хотел бы лишать тебя этой радости. Я имею в виду, каково быть отцом».

«Не спать всю ночь, порезаться, пока я разбираюсь в этой дурацкой штуке?» — предположил я.

«Не забудь — быть разбуженным на рассвете нетерпеливыми детьми», — добавил он.

Я застонал.

Майкл слабо улыбнулся. «Не жалуйся на это, Гарри. Я вполне привык к моей Молли, появляющейся у моего изголовья в 5 утра с чашкой подгоревшего кофе, который она сама приготовила». Что — то печальное и усталое тронуло морщинки в уголках его глаз. «Это самая раздражающая вещь, по которой ты когда — либо будешь скучать, когда она уйдет».

Я вздохнул.

Я посмотрел на него.

«Большинство моих воспоминаний о папе — это Рождественские утра», сказал я. Я сглотнул и опустил взгляд на возможный велосипед. Так

много заботы нужно было вложить в его изготовление. Подготавливая его для мира. «Я просто не хочу его собирать».

Сочувственная боль мерцала на его лице. «Гарри», — сказал он: «Что ты помнишь лучше всего?»

«Кофе», — немедленно ответил я. «Мой папа разрешил бы мне выпить кофе Рождественским утром». Я улыбнулся, вспоминая. «То есть, это больше было похоже на чашку молока и сахара, с брошенной туда щепоткой кофе, но мне это казалось тяжелой артиллерией. Мы позавтракали бы вместе, а потом мы сидели бы вместе и открывали мои подарки, и мы провели бы весь день, играя с ними».

Майкл отхлебнул ног и глубокомысленно кивнул. Потом он улыбнулся мне и сказал, «Я думаю, ты прекрасно справишься». Он немного вскинул голову, словно слушая отзвуки привязавшейся мелодии. Он слегка хмыкнул и покачал головой.

«Что?» — осторожно спросил я его. Я осмотрел комнату на какое — либо возможное незримое ангельское присутствие и переспросил, «Что?»

«Пакостники», — пробормотал бывший рыцарь. «С Рождеством, Гарри». И он молча похромал из комнаты.

Я покосился на него, испытывая сильное чувство, что меня как — то одурачили. Затем я пробормотал что — то нехорошее о двуличности паладинов, отставных или нет, и вернулся к попыткам разобраться в велосипеде. Я сцепился с ним, сосредоточившись с такой же силой, как при любом заклинании. Это был всего — навсего детский велосипед. Это не шло ни в какое сравнение с интеллектом Волшебника Белого Совета.

Вдобавок, у меня был Мыш, чтобы помогать.

Я продвигался вперед к качественной сборке, когда снаружи взвыл внезапный порыв ветра, такого холодного, что он выстудил дымоход донизу, такого сильного, что он заставил огонь затрепетать и пригаснуть, прежде чем снова подняться. Я резко вскинул голову, поскольку мои чувства волшебника сказали мне, что сила пришла в движение. Пламя в камине снова пригасло, оставив комнату почти в абсолютной темноте. Когда оно взвилось снова, весело заплясавший огонь был зеленым, синим и фиолетовым.

И Королева Воздуха и Тьмы стояла надо мной.

Королева Мэб этой ночью была такой же высокой, как и я — это изменялось в зависимости от ее настроения и намерений. Ее кожа была бела, как иней, ее губы так же темны, как замороженные

тутовые ягоды, а ее волосы были созданы из первых снежинок, выпавших в чистом воздухе. Она была потрясающе прекрасна, бессмертна, имела силу полубогини, была неоспоримой королевой злых фей — и она была моим боссом.

«Мой Рыцарь», — прожурчала она, склонив голову.

Я не был уверен, что диктовал протокол для этого конкретного случая, поэтому я немного склонил голову и сказал: «Добрый вечер».

«Страж», — сказала Мэб. Перед Мышом она склонила голову немного ниже.

Не уважают меня, никто не уважает.

Мыш встретил Мэб мрачно. Его хвост перестал качаться. Но он дважды ударил лапой по полу в ответ.

Мэб присмотрелась к кругу деталей вокруг меня, наклонив голову. «Колдовство?»

«Да. Отчасти», — сказал я, почесывая затылок. «Я надеюсь, вы здесь не для призыва меня на работу».

«Не будь смешным», — ответила она. «Это Рождество».

Я вздернул брови. «Рождественский дух? Вы?»

Она немного подняла подбородок. «Рождество входит в сферу Зимы, разве нет?»

Я вымучено рассмеялся. «Ну да. Полагаю, оно входит. Но я думал, что у вас для этого есть слуги».

«Есть», — ответила Мэб. «Но...» Она нахмурилась, словно сосредотачиваясь, чтобы удостовериться, что правильно повторяет фразу. «Это не дело для босса — проводить слишком много времени в офисе». Она сделала паузу для передышки, а затем сказала, «Я принесла тебе подарок».

Кажется, моя челюсть отскочила от колена, прежде чем приземлиться в груде деталей. «Что?»

«В этом году ты участвуешь в празднике», — сказала Мэб. «У меня есть обязательства перед моими вассалами».

«Что?» — повторил я.

Она вынула одну руку из — за спины и вручила мне маленький подарочный пакет синего морозного цвета, покрытый яркими серебряными снежинками.

Я уставился на пакет. «Это взорвется? Или попытается съесть меня?»

«Не будь нудным», — вздохнула Мэб.

«Фейри не делают подарков», — сказал я. «В чем тут подвох?»

«Подвоха тут нет», — ответила она. «Я не делаю

тебе подарок. Я выполняю обязательство перед тобой».

Я почувствовал, что ухмылка приподнимает уголки моего рта. «Обязательство, а? Предположим, что я это не приму?»

Огорченное выражение коснулось ее глаз на одну десятую секунды. «Это был бы твой выбор. Как и последствия».

«Хорошо. Это первый раз, когда меня угрозами заставили принять рождественский подарок», — сказал я.

Я взял пакет. Внутри находилась шкатулка для драгоценностей. В шкатулке был простой ободок, который, наверное, не налез бы и на мой мизинец. Он был сделан из какого — то серебристого, переливчатого металла. Я коснулся его кончиком пальца. Он жужжал от скрытой энергии.

«Мощно», — заметил я. «Что оно делает?»

«Это предназначено для твоей дочери», — сказала Мэб. «И это даст ей силы».

Я схватил шкатулку, закрыл ее и воззрился на Мэб. «Простите?»

Она издала звук нетерпения. «Не так, волшебник», — сказала она. «Если ты дашь ей это кольцо, то она будет… иметь определенную власть, до следующего полудня, над силами зимы». Она

вздохнула. «И оно может играть музыку».

Я сузил глаза. «Какую музыку?»

Мэб наклонилась, открыла шкатулку и осторожно коснулась кольца. Оно немедленно загудело и комната наполнилась водоворотом музыки, когда женский голос запел, «Этой ночью снег на горе сияет белизной…»[115]

Я со стуком закрыл шкатулку и уставился на нее. Просто я уже слышал эту песню достаточно, чтобы у меня зубы от нее свербели.

«Теперь я понял», — сухо сказал я.

«Всегда пожалуйста», — ответила она.

«Просто из любопытства», — спросил я, «может ли оно заморозить чье — то сердце и превратить его в ледяную статую?»

Мэб выглядела озадаченной. «Это — силы из кино. Нужно ли мне обманывать ее?»

Я потер лоб между глазами. «Ясно. Мы пойдем куда-нибудь в хорошее место и мирно поиграем с этим подарком».

«Удостоверься, что она узнает, кто дал его ей», — сказала Мэб.

Затем огонь снова пригас. Когда он возвратился

---

[115] Примечания: 115

(The snow glows white on the mountain tonight…)
Этой ночью снег на горе сияет белизной…
— песня из мультфильма «Холодное сердце».

к жизни, то был золотым и оживленным, как и должен выглядеть огонь, и Мэб ушла.

«Оставь меня!» — тихо прокричал я в пустой воздух, где она была. «Верни меня назад! Не преследуй меня больше!»

Пасть Мыша широко раскрылась в усмешке.

«Серьезно?» — вопросил я, «Ты прочитаешь „Рождественскую песнь“»?

Бум-бум-бум-бум.

«Ладно, хорошо,» — сказал я. «Давай вернемся к работе».

И мы так и сделали. Некоторое время мы занимались делом, когда вдруг дождь со снегом загрохотал снаружи по окнам, бесшумный снегопад превратился в тихий хор щелчков и хлопков. Снова пронесся порыв ветра — и послышался неожиданный звук ключа, открывающего дверь.

Парадная дверь дома Карпентеров медленно и спокойно открылась, и с холода вошла высокая молодая женщина с платиновыми волосами и румяными розовыми щеками, укутанная в длинное и элегантное зимнее пальто.

«Молли», — сказал я, улыбнувшись.

Моя бывшая ученица, а теперь технически тоже мой босс, лучезарно улыбнулась мне, пересекла пол и немедленно заключила меня в

невероятное объятие, которое я возвратил.

«С Рождеством, Гарри», — сказала она.

«С Рождеством, Молл», — ответил я. «Скажи мне, что это не ты намекнула Мэб о подарке для Мэгги».

«Это была Сариса», — сказала Молли. «Она показала Мэб кино».

Я попытался представить Мэб, смотрящую диснеевский фильм. Ей не нравился Дисней — ни компания, ни человек. Дисней, по мнению Мэб, причинил слишком много ущерба старым волшебным историям, заполировав все отталкивающие детали. По словам Мэб, это ослабило человечество перед лицом сверхъестественных сил, когда они обнаружили, что настоящие злые феи ничуть не похожи на диснеевские обещания.

Попытка представить ее смотрящей музыкальные номера повредила мой мозг.

Я склонил голову и спросил, «Ты принесла мне подарок?»

«Неотъемлемая часть работы Зимней Леди», — ответила она, улыбнувшись. Она покопалась в своем пальто и вытащила серебряный конверт, украшенный белыми снежинками. Она преподнесла его широким жестом и немного

поклонилась. «Это немного символическое, но надеюсь, тебе это понравится».

Я открыл конверт. В нем был один листок бумаги. На нем было написано очень большое число.

«Что это?» — спросил я.

«Общее количество всех медицинских счетов за прошлое лето», — ответила она отрезвляющим тихим голосом. «Все, кто был ранен. Все это оплачено».

Я не хотел думать о мирных переговорах.

Больно. Так больно.

«Что насчет похорон?» — спросил я. Мой голос был горек.

Молли долгое время молчала, прежде чем мягко ответить: «Они тоже».

Я склонил голову.

Я посчитал свои вдохи.

«Мне жаль», — сказал я. «Ты пыталась быть доброй, и я просто…»

«Не надо», — сказала она. «Это должно причинять боль, Гарри. Я рада, что ты страдаешь. Это значит, что ты — все еще ты».

Я посмотрел в направлении «убежища», где Мэгги и младшие дети Карпентеров заснули, смотря кино.

«Иногда», — сказал я, «Я не могу поверить, на-

сколько я самонадеян. Если бы это не было для ребенка…»

Молли наклонилась и резко постучала меня по макушке суставом пальца. Я посмотрел на нее и нахмурился. «Эй».

«Остановись», — сказала она. «Ты не выбирал путь, которым пошли события. Ты сделал все, что в твоих силах, чтобы помешать кому — либо пострадать. И ты рискнул очень многим, показавшись после сражения. Это помогло множеству людей».

«Людей, которые могли не пострадать, если бы, во — первых…»

Молли снова постучала меня по голове и сказала: «Ты похож на побитый рекорд вины». Она вздохнула. «Я могу дать тебе совет, Гарри?»

Я искоса посмотрел на нее. «Какой?».

«Когда я была ребенком, моя мама тратила много времени, говоря мне, как я должна себя вести».

«И это сработало», — заметил я.

Она улыбнулась, блеснула теплота, которая исчезла в слабой печали. «Если вспомнить, в основном то, что я делала — это то, что делал мой папа». Она положила руку на мое плечо, наклонилась, и спокойно, как сестра, поцеловала меня

в щеку. «Наверное, ты должен подумать о том, чему ты хочешь научить Мэгги».

Я нахмурился и опустил взгляд.

«Ты можешь простить себя, Гарри», — мягко сказала она. «Мир не рухнет. И это было бы хорошо для твоей дочери».

«Удар по больному месту», — сказал я.

Она кивнула. «Но правда».

Я взглянул вниз на полусобранный велосипед. «Это… нечто, чего я никогда не учился делать», — сказал я.

«Тогда я полагаю, что тебе есть над чем поработать в себе».

Проклятье.

Я ненавижу, когда Кузнечик ловит меня на месте преступления.

«Я попытаюсь», — сказал я.

«Достаточно хорошо для меня», — сказала Зимняя Леди. На мгновение она дотронулась холодной рукой до моей щеки, а затем поднялась.

«Ты не останешься?» — спросил я.

Молли покачала головой. «Все еще пытаюсь вернуть мои когорты к полной силе. Сегодня ночью у меня встречи в Японии, Норвегии и Сибири. Я вернусь как раз к утренним подаркам».

«Хорошо», — сказал я. Я хотел посмотреть на

ее лицо, когда она увидит пластиковую фигурку принцессы Леи, которую я ей приготовил. «Ты получила несколько врагов прошлым летом. Следи за спиной, Молл».

Молли улыбнулась мне сверкающей улыбкой, слишком зубастой, чтобы быть теплой. «Я не слежу за спиной, Гарри», — сказала она. «Я заставляю следить других людей».

«Все равно».

Она закатила глаза. «Я буду осторожна».

«Ты будешь мертва!» — прокричали мы вместе и заухмылялись, как идиоты.

Мы обменялись еще одним объятием, и Молли ушла.

Как только она ушла, я позволил улыбке сползти. Мыш издал мягкий огорченный звук и прислонился ко мне.

Шесть месяцев были небольшим сроком для стольких прощаний.

Мой пес прислонился ко мне, и я уставился на огонь и плакал какое — то время. Но я устал от слез. Я, как проклятый, пресытился ими.

Я взял листок бумаги. Если отбросить десятичные запятые, это было бы простое число. Это представляло затраты на медицинское обслуживание для десятков тысяч и на похороны еще

для тысяч. На рациональном уровне я знал, что Молли была права. Все могло быть хуже. Намного хуже.

Но, все, что я видел в своем сердце — это кровь на асфальте и все, что я чувствовал — это пустоты внутри меня, там, где должны были быть люди.

Я поднялся и тихонько подошел к «убежищу», где моя дочь Мэгги спала среди других детей, ее щечки розовели. Она была крошечной девочкой, последней по высоте и весу в классе, и она вернулась со своего первого школьного полугодия с GPA[116] выше 4,0. Все, что было у меня — это GED. Я даже не знал, как вычислить GPA. Но, кажется, я хорошо представлял, что означали эти буквы.

Некоторое время я следил за ее поднимающейся и опускающейся грудью, и боль отступила. Я глубоко вздохнул.

Прежде я потерял голову. Я позволил безумию овладеть мной.

Но теперь я был отцом.

У меня больше не было такой роскоши. Слава Богу.

Что бы вы не делали, ничто не может изменить

---

[116] Примечания: 116

GED — сокр. от General Education Diploma, диплом об общем (среднем) образовании; выдаётся сдавшим тесты по программе средней школы. GPA (Grade Point Average) — средний балл аттестата или диплома.

прошлое. Нельзя жить своей жизнью, смотря назад, или вы потратите ее, ходя по кругу.

Эта маленькая девочка была будущим.

Я кивнул. И затем я вернулся к велосипеду.

Мыш был пушистым и верным, но, в значительной степени, он был и просто ребенком. Он отважно помогал в течение следующего получаса, а потом просто повалился набок и захрапел. Я улыбнулся ему. Он сделал достаточно. Я мог доделать остальное самостоятельно.

Я очистил свой ум от всего, кроме решения проблемы, стоящей передо мной и предвкушения счастья Мэгги. Огонь потрескивал. Я добавил дров. Глубокое и мирное тепло поселилось где — то между моей грудью и животом.

И потом я понял, почему Майкл не стал помогать.

Я размещал особенные наклейки с пулевыми отверстиями, выбранные мной для велосипеда, когда огонь затрещал, захлопал и взвился вверх.

«Милосердные Небеса, что это?» — удивился я вслух.

Раздался звук, который можно описать только как «фумпф», внезапный поток сажи из камина, и затем…

Хорошо. Итак.

У него было круглое лицо. И небольшой круглый животик. Дрожащий, когда он смеялся. Целиком покрытый кольчугой.

Крингл был рослым, грузным человеком, с длинными, серебристо — белыми волосами и великолепной снежной бородой. Он носил охотничьи краги под короткой кольчугой, а поверх этого — тяжелую, великолепную темно — красную мантию с капюшоном, отделанную белым мехом. Он нес через плечо огромный мешок — и на его бедре не было никакого меча.

Он посмотрел на меня и испустил низкий, грохочущий смех.

«Эй», — сказал я спокойно.

Крингл взглянул вниз на велосипед, который я собрал. Он опустился на колени перед ним, внимательно его исследуя.

«Это было правильно собрано», — одобрил он своим невозмутимым голосом.

«Спасибо», — отозвался я. «Я не твой вассал. Мы сотрудничали в некоторых случаях, но я даже не твой друг. Поэтому, если ты здесь, чтобы сделать мне подарок, то я не уверен почему».

«Потому что сегодня вечером», — ответил Крингл, «я делаю именно это». Его голубые глаза сморщились в уголках, когда он улыбнулся. «И

потому что ты в моем списке, парень».

Я фыркнул. «Пожалуйста».

Мгновение Кингл смотрел на меня. Потом он моргнул и сказал, «Лгун позовет Криса Кингла в канун Рождества опять».

«Л...» — начал я.

Но что — то заставило меня передумать. Вместо этого я вернулся к размещению наклеек на велосипеде.

«Хорошо», — сказал Кингл. «И — да. Я принес тебе подарок».

«Скажи мне, что это не пони для Мэгги», — попросил я. «Мне придется многие годы грабить дома».

Кингл откинул голову назад и снова расхохотался. Было невозможно не улыбнуться, когда он это делал. Но я мог натянуть на себя угрюмый вид, как только он остановился, что я и сделал.

«Нет. Это не для Мэгги». — И он положил свой мешок и начал в нем рыться, бодро бормоча сам себе.

В мгновение ока он достал маленький, кубический сверток, обернутый в красно-зеленую узорную бумагу, будь я проклят, на которой было изображение усмехающейся морды Мыша, как часть узора. На нем был адрес. Кому: Гарри. От

кого: Санта Клаус.

И пакет был теплым.

Я посмотрел на него ним, а потом посмотрел на Крингла.

«Ну же, парень», — сказал Крингл, снова расхохотавшись, и показал на пакет.

Я открыл его.

Внутри было…

Было…

Простая белая кофейная кружка. Какую вы можете купить в магазине «Умелые руки».

Нарисованные, словно их пытался написать детсадовец, начертанные как пиктограммы, кем-то слишком маленьким, чтобы понимать их, алые буквы складывались в слова: ПАПА НОМЗР ОДNН.

Почерк был моим.

Чашка была наполнена светло — коричневой жидкостью.

Что — то произошло с моими глазами, и я не видел чашку. Просто блик света от камина. Но я взял ее и прихлебывал молоко и сахар с маленькой толикой кофе в них.

На секунду я почувствовал запах лосьона для бритья своего папы. На секунду я услышал его смех, смех такой сильный, что слезы катились у

него из глаз. На секунду я почувствовал руку, его руку, на моем плече.

Я пил из чашки, которую я подарил моему отцу на наше последнее совместное Рождество, и все это время, я вспоминал те Рождественские утра, смех объятия и игры прокручивались в моей голове в IMAX, столь ярком, что у меня захватывало дыхание от воспоминаний о беготне с отцом по двору с новеньким пластиковым световым мечом.

Я оставил последний глоток на донышке чашки, и сказал, не открывая глаз: «Я люблю тебя, папа».

Когда я посмотрел на него, Крингл улыбнулся мне. Он подмигнул. Затем он взял свой мешок, перебросил его через плечо и повернулся к камину.

«О», — пробормотал он, посмеиваясь в глубине горла. «Еще одна вещь».

Я услышал удар позади меня.

Я обернулся.

Моя дочь Мэгги стояла в дверях «убежища». Она уронила подушку, которую, видимо, несла. Она уставилась на Кринглa, разинув рот.

«Хо, хо, хо», — спокойно прохохотал он. Он вежливо кивнул Мэгги, прикоснулся к своему носу,

и… просто исчез в дымоходе.

«Ох, ничего себе», — выдохнула Мэгги. Она встретила мой пристальный взгляд, и ее глаза были широко раскрыты. «Ох, ничего себе!»

Словно звук ее голоса был стартовым пистолетом, Мыш вскочил на ноги, внезапно проснувшись и взволнованно озираясь.

«Чего ты ждешь?» — спросил я свою дочь. Я вскочил и помчался к парадной двери. «Живей!»

Ее маленькое личико с большими темными глазами засверкало от радости и она бросилась за мной, а Мыш следовал за ней по пятам.

Мы выбежали из передней двери, и я бросил ее открытой для ночного воздуха.

Мы увидели водопад снега с крыши. Мы увидели сани, прыгнувшие в воздух, ездового оленя и так далее.

«Ух ты!» — воскликнула Мэгги. «Настоящий Санта! И он оставил мне велосипед!»

Я посмотрел на нее, а потом обратно, на отъезжающие сани, улыбнувшись достаточно сильно, чтобы треснуло лицо.

«Да», — сказал я. «Это, конечно, он».

И мы услышали, как он воскликнул, когда скрылся из виду.

«Счастливого Рождества всем, и доброй ночи!»

17.5 Беглец (2023)

Меня зовут Мыш, и я очень Хороший Мальчик. Все так говорят.

Когда Мой Друг, Гарри Дрезден, попросил меня охранять его маленькую девочку, пока она была в школе, я с гордостью согласился. Для меня устроили тест для служебных собак, который мне удалось пройти, потому что мой друг велел делать всё, что скажет человек, проводящий тест, что и было сделано.

Теперь я Служебная Собака, и ношу волшебный жилет, который заставляет всех думать, что я очень важен для Моей Мэгги, поэтому мне разрешают везде ходить с ней. Это самое лучшее, потому что Моя Мэгги иногда бывает очень неуверенной, и всегда хорошо иметь друга, который сидит с тобой и виляет хвостом, когда ты не уверен.

Я осторожно перевернул одну из карточек по истории Соединённых Штатов, на которой было написано: «Этот президент США мог писать одновременно два письма на разных языках».

Моя Мэгги уже укладывалась спать в одной из

футболок своего отца с надписью «Не заставляй меня класть тебя в багажник. Там и так тесно». Она была маленьким ребёнком с тёмными волосами и тёмными глазами.

Она сморщила носик, нахмурилась, глядя на карточку, и предположила:

— Бенджамин Франклин?

Я издал ворчливый звук.

— Ничего не могу с собой поделать, он мне нравится больше всех, — сказала Мэгги. — Может быть, Джон Адамс?

Я лёг на бок и заскули.

Мэгги захихикала надо мной.

— Рональд Макдональд?

Я перекатился на спину и издал недовольный звук. Ужасающие Гамбургерные Клоуны не имели ничего общего с Американской Революцией, а завтра должна была быт контрольная работа.

— Ты слишком серьёзно относишься к урокам, Мыш, — сказала мне Мэгги. — Это Джефферсон, все это знают.

Я сел и сказал «Гав» самым одобрительным тоном, чтобы Моя Мэгги знала, что она ответила правильно. Моя Мэгги была очень умной ученицей, но иногда ей хотелось заниматься другими делами больше, чем школьными.

Я любил школу! Я так многому там научился! Например, Чтению! И Математике! И Науке! Я ходил в класс со всеми другими детьми, и все меня гладили!

Мне кажется, если бы больше собак поняли, как весело учиться в школе, они бы все захотели туда ходить.

Мы с Моей Мэгги занимались викториной по Американской Революции, пока не выключили свет, а потом Моя Мэгги легла в кровать, взяв свой фонарик и комиксы и забравшись с ними под одеяло. Я лёг напротив двери, послушно приготовившись предупредительно фыркнуть, если кто-то из монахинь спустится в коридор. Моя Мэгги любила свои комиксы, и, хотя она нарушала правила, всегда засыпала через несколько минут, так было и сегодня.

Я задремал, доверившись своему носу и ушам, которые предупредят меня, если случится беда.

Так и случилось.

В полночь.

Сначала всё было тихо. В следующий миг сам воздух задрожал от неуловимой силы. Когда я открыл глаза, в воздухе, вровень с полом комнаты общежития Моей Мэгги, раскрылся разлом. В течение нескольких секунд он расширился в

неровный овал тёмно-красного света, и что-то огромное начало прокладывать себе путь.

Моя Мэгги крепко спала и неподвижно лежала в постели, её щеки порозовели.

Я встал и подошёл к ней, чтобы встать между ней и открывающимися вратами. От них исходила сила — но никакой угрозы, и тогда мне пришло в голову подождать и посмотреть, что происходит.

Медленно, практически неуловимо, из врат вышло огромное чудовище. Из красного света появились три огромные клыкастые головы, с огромными лапами, которые втащили огромное чудовище в комнату общежития. Там едва хватило места, и я оказался нос к носу с абсолютным чудовищем — собакой, излучающей метафизическую массу и силу.

Я осторожно наклонился вперёд, принюхиваясь к центральной голове. Три головы принюхались в ответ, изучая мой запах, прежде чем сосредоточиться на мне, а затем глубокий, звучный голос отчётливо прозвучал в моем сознании.

— Пожалуйста, прошу простить моё вторжение. Я здесь в поисках Мыша Дрездена, — достаточно вежливо сказал зверь.

— Это я, — ответил я в том же духе. — Я — Мыш

Дрезден.

— Меня зовут Цербер. — Сказал зверь

— Ты знаменитость, — сказал я.

— Да, — ответил трёхголовый пёс. — Мне нужна твоя помощь.

— Я Служебная Собака, — сказал я. — Но думаю, это означает, что я в основном помогаю Моей Мэгги.

Одна из голов Цербера с любопытством принюхалась к маленькой девочке.

— Она в опасности.

Мои уши навострились, и я посерьёзнел.

— Почему?

Две головы Цербера выглядели пристыженными и свесились вниз.

— Я не выполнил свой долг. Пленник сбежал из-под стражи владыки Аида. Я должен выследить беглеца. Но для этого мне нужна твоя помощь.

— Владыка Аид и Мой Друг знают друг друга, — заметил я.

— Да, — серьёзно ответил Цербер. — Мой господин считает, что беглец был вызволен из Аида, чтобы навредить твоему другу и его потомству. Моему господину нравится твой друг, поэтому он послал меня на помощь.

Я издал низкое рычание.

— Кто мог сделать такое?

— Когда мы найдём их, — сказал Цербер, — я расскажу тебе.

Я снова зарычал, уже более задумчиво.

— Я не могу пойти с тобой. Мне нельзя оставлять Мою Мэгги без защиты. Я её Служебная Собака.

Цербер сел и принялся размышлять об этом.

— А что, если Мой Владыка обеспечит ей безопасность? — предложил он.

— Я не знаю его, — сказал я. — Как и тебя.

— Я клянусь тебе своими носами и хвостом, — сказал Цербер, — Твоя Мэгги будет в безопасности.

— О! — сказал я, — это, конечно, совсем другое дело.

— Благодарю тебя, — серьёзно сказал Цербер. Все три его головы повернулись в сторону всё ещё светящихся врат.

Через мгновение из багрового света появилась фигура в плаще с капюшоном, более или менее похожая на человека, но пахнущая темнотой и сыростью, а также ползучими чешуйчатыми тварями. От фигуры исходило спокойствие и сила, голова в капюшоне на мгновение оглядела комнату, прежде чем невозмутимо опустилась

в кресло за столом Моей Мэгги и сложила женственные руки на одном колене. Казалось, что капюшон на её голове время от времени мягко колышется.

— Это моя подруга, — сказал Цербер. — Она очень заботится о женщинах. И будет охранять Твою Мэгги до рассвета.

— Тогда я должен вернуться до рассвета, — сказал я.

— Согласен, — сказал Цербер. — Давай не будем терять времени и найдём след.

Я встал, отряхнулся и подошёл к фигуре, охранявшей Мэгги, чтобы обнюхать её, отметив запах. Она пахла отчасти как человек, а отчасти как змея, и почувствовал, как от неё исходит веселье, пока принюхивался к ней.

Если с девочкой что-то случится, сам ад не сможет скрыть от меня след этого существа.

— Кого мы выслеживаем? — спросил я Цербера.

Три головы зарычали из трёх глоток и одной груди.

— Чудовище старого мира, — прорычал Цербер. — Немейского Льва.

***

Цербер на мгновение озарил одну из стен здания красным светом, и мы прошли сквозь него, что показалось мне гораздо практичнее дверцы для собак. Пройдя сквозь неё, Гончий Пёс Аида тряхнул своей огромной массой и расплылся тенью. Закончив, он имел только одну видимую голову и был размером с очень, очень большую, но вполне нормальную собаку, как я, чёрной бойцовской породы, тяжёлую и толстую от мышц.

— Это очень хорошая иллюзия, — сказал я с некоторой долей понимания. Мой Друг был волшебником, в конце концов.

— Спасибо, — серьёзно сказал Цербер и пустился бежать. Я не отставал от него, что было нелегко. Мне много и часто приходилось заниматься в школе, но на её территории не хватало места, чтобы как следует потренироваться, и поэтому моя роль главного телохранителя и компаньона Мэгги быстро сделала меня мягким и пухлым.

— Я не понимаю, — сказал я. — Ты можешь так много. Зачем тебе нужна моя помощь?

Цербер издал негромкий рык.

— Льву, при побеге из Аида, помогли извне. А теперь против меня действует какая-то сила. Не

смертная магия и не божественная в том смысле, в котором я её знаю.

Его взгляд устремился на меня.

— Что-то вроде той, что используешь ты.

Это заставило меня вздрогнуть.

— Ооо.

— Ты знаешь, о чём я говорю?

Я утвердительно зарычал.

— Моя Тень. Он тоже храмовая собака. Но он Плохой Пёс.

Мы оба вздрогнули от одних только этих слов.

Цербер навострил уши.

— Мои притязания на Льва превыше всего. Но это существо мешает мне как-то выследить Льва. Я подумал, что ты поможешь уравновесить чашу весов.

— Я с удовольствием это сделаю, — подтвердил я. — Но я не могу просто сказать тебе, где находится Лев.

Мой легендарный спутник замедлил шаг, когда мы завернули за последний угол, и перед нами предстал Замок, блочный каменный дом, который Мой Друг отобрал у Злодея-Преступника. В это время суток Замок должен был быть заперт и погружен в темноту, но вместо этого снаружи стояло полдюжины мужчин с фонарями, в основ-

ном собравшихся у большой деревянной входной двери, где тротуар был освещён рядом нескольких перевёрнутых и горящих автомобилей.

В одном из них, большом белом пикапе, была дыра в блоке двигателя. Металл вокруг дыры всё ещё светился от жара — так велика была сила, с которой что-то маленькое и неудержимое прошло сквозь него.

— Здесь начинается след, — сказал Цербер. — У Немейского Льва уже тысячелетия не было тела. Его тени пришлось взять себе хоть какое-то, чтобы использовать его в качестве сосуда. Он всё ещё слаб.

Я моргнул, глядя на машины.

— Это — спросил я, — слаб?

— Да, — сказал Цербер. — В своё время для победы над ним потребовалась сила Геракла.

Мы оба остановились в тени на противоположной стороне улицы от Замка, пока мужчины светили фонарями на искорёженные машины и грузовики и разговаривали. Я узнал двоих из них — Уилла Бордена, оборотня, который сражался рядом с Моим Другом в великой битве, и Майкла Карпентера, который был просто лучшим человеком на свете, конечно, после Моего Друга.

— Я просто не понимаю этого, — говорил Уилл.

Он был коренастым мужчиной небольшого роста и двигался с невероятной силой, тщательно скрываемой.

— Ты уверен? — осторожно спросил Майкл. Он был высоким мужчиной, его волосы и борода отливали серебром, но его тело всё ещё оставалось плотным от мускулов. — Ты абсолютно уверен, что это был Мистер?

— Стражники сказали, что он снова выбрался наружу, — с уверенностью сказал Уилл. — И тут бац. Он издал вопль и понёсся по улице. Переворачивая машины.

Майкл нахмурился.

— Может, это была иллюзия? Скрывающая что-то ещё?

Уилл покачал головой.

— Я не знаю. Гарри говорил что-то о том, что враждебные иллюзии не работают вблизи Замка после того, как он начал принимать контрмеры.

— Он действительно так сказал? — спросил Майкл.

— Нет, он пробормотал что-то вроде: «Я заблокировал враждебные иллюзии и чары на обозримое будущее, так что если они там что-то есть, считайте, что оно настоящее». Затем пошатнулся и поплёлся обратно в свою комнату.

Майкл вздохнул и с тревогой на лице оглядел Замок.

— Это был тяжёлый год для него.

— Да, — сказал Уилл. — Но он всё ещё пытается.

Уилл поморщился.

— Послушай. Это всё-таки Мистер. Может, нам его разбудить?

Более рослый мужчина задумчиво нахмурился.

— Ему очень тяжело. Мне не хочется думать о том, что ему придётся принимать новые удары.

— Ты хочешь, чтобы мы обманули его? — спросил Уилл.

Майкл слабо улыбнулся.

— Нет. Никогда. Ложь, даже во благо — это семена, из которых прорастают неприятности.

Уилл вздохнул.

— Но, — сказал Майкл. — Учитывая, как он был потрясён, я сомневаюсь, что от него будет много пользы. Мы начнём поиски сейчас и дадим ему поспать до утра. В любом случае, до его пробуждения осталось всего несколько часов. Продолжай прочёсывать Замок и следи, не объявится ли Мистер. Возможно, то, что видел охранник, было чем-то вроде чар.

Уилл кивнул с гримасой.

— Ты в это веришь?

— Пока рано во что-либо верить, — спокойно сказал Майкл. — Нужно получить больше информации.

— Ты ведь знаешь, на кого сейчас похож, верно? — сказал Уилл с двусмысленной улыбкой.

Майкл усмехнулся.

— У него и вправду есть склонность влиять на людей.

— Эй, — сказал Уилл. — Разве это не твой пикап?

Майкл вздохнул и посмотрел вверх.

— Да. Ну по крайней мере, он застрахован.

Они продолжали тихо разговаривать, когда вернулись в здание, забрав с собой всех мужчин, кроме двух. Эти двое на мгновение уставились на разбитые машины, посмотрели друг на друга, а затем встали чуть ближе друг к другу, чтобы встретить ночь.

Цербер повернулся и серьёзно посмотрел на меня.

— Тень Льва забрала кота волшебника.

Я уставился на него на мгновение, потрясённый.

— Что? Зачем?

— Духу Льва нужно было тело. Я подозреваю, что тот, кто помог ему сбежать, контролировал духа и приказал ему завладеть котом волшебника, когда тот окажется снаружи.

— Но это же Мистер. Он мой друг.

Цербер зарычал и сузил глаза.

— Кота забрал Лев. И Лев сделал его непобедимым.

Он наклонил голову к светящейся дыре в пикапе Майкла.

— Видишь?

Кот ударил машину с такой силой, что металл оплавился. Но его не разорвало. Лев пробил весь двигатель насквозь, и всё остальное внутри.

— Меня не волнуют двигатели и металл, — сказал я. — Меня волнует мой друг Мистер!

Цербер некоторое время пристально смотрел на меня.

— Кот, — сказал он наконец, — одержим одним из самых смертоносных существ, которых когда-либо знали в моих краях. В своё время, чтобы остановить Немейского Льва, потребовалась сила полубога.

Он пристально посмотрел на меня и сказал:

— Лев будет убивать невинных. Его нужно остановить.

— Я не причиню вреда Мистеру, — твёрдо сказал я. — И не позволю навредить ему. Никому.

Грудь Цербера завибрировала от рычания, такого низкого, что я не мог его услышать, только почувствовать.

— Что ты сказал?

Я наклонил голову к Церберу и сказал:

— У тебя шесть ушей. Неужели ни одно из них меня не услышало?

Цербер на мгновение замолчал, а затем фыркнул.

— Контроль Льва над ним будет слишком силен, чтобы разорвать его. Но, возможно, есть способ. У меня нет особого желания причинять вред этому твоему Мистеру. Но я выполню свой долг.

— Мы оба, — сказал я. — Сердце моего друга сильно ранено. Ему нужен Мистер, чтобы помочь ему почувствовать себя лучше.

Легендарный Пёс вздохнул.

— Я не знаю, что можно сделать. Но мы должны найти Льва, пока тот не начал вредить невинным. Ты видишь, как он опасен, даже ослабевший от голода.

Я уставился на искорёженное машины. Если бы было нужно, мне бы удалось уничтожить эти

машины. Более-менее. Но это заняло бы у меня время, а одержимый Львом Мистер сделал это за несколько секунд.

Цербер был рассудителен и насторожен — это подразумевало, что Немейский Лев был существом, по крайней мере, таким же грозным, как и он.

Одержимый Мистер был очень, очень опасен, и не только для машин или невинных людей.

У Моего Друга разорвалось бы сердце, если бы Мистер ранил или убил невинного.

А человеку, даже если это Мой Друг, может быть не под силу столько сердечных страданий.

Возможно, в этом и был смысл. Этот побег не был случайностью или причудой судьбы.

Это было нападение на Моего Друга.

Внезапно мне захотелось кого-нибудь укусить.

— Как скоро Лев достигнет полной силы? — спросил я.

— Не скоро, — ответил Цербер. — Он будет набирать силу по мере того, как будет убивать. Если я пойду по запаху, ты сможешь убедиться, что Твоя Тень не вмешается?

— Мы найдём Мистера, — твёрдо сказал я. — И мы спасём его.

— Мы найдём его, — согласился Цербер, хотя его

голос был настороженным. — А там посмотрим.

***

Цербер взял инициативу на себя, опустив свою огромную голову к земле, и начал идти по следу. У него был отличный нюх. Я сам едва мог отследить путь Мистера, а мой нюх был лучше, чем почти у всех известных мне собак. Но Цербер был Большим Псом. Кроме того, у него было три носа, что, на мой взгляд, давало ему несправедливое преимущество.

Но всё равно. Пёс — это его нос, и носы Цербера были потрясающими. Он был намного круче меня, и это тоже было потрясающе.

Почти сразу после того, как мы отправились в путь, я почувствовал, что против нас действует сила — мягкая, но неумолимая, как гравитация, противодействующая нашему пути, как будто, куда бы мы ни бежали, нам приходилось подниматься в гору.

Теневая энергия пронизывала сам воздух, создавая условия для того, чтобы случайности складывались против нас — из-за неё грузовик, изрыгающий дым и зловоние на улице рядом с Цербером, попытался сбить нас со следа. Помимо этого, другие машины отвлекали нас своими

болезненно громкими гудками, а порывы ветра, проносясь между зданиями, поднимали в воздух двадцать тысяч городских ароматов, чтобы скрыть след.

Из моей груди вырвалось рычание, и воздух вокруг меня замерцал светом, когда я направил свою волю против этой тени, увеличивая скорость, чтобы мчаться по правую сторону от Цербера. Эта была работа Моей Тени направленная на то, чтобы навредить Моему Другу, и от одной мысли об этом моя шерсть вздыбилась, а лазурный свет запульсировал и заискрился. Моё возмущение исторгло свет из моей шерсти в воздух вокруг нас, который расширился, чтобы защитить Цербера, окутав Легендарного Пса мерцающим спектральным синим светом.

— Вот! — прорычал Цербер. — Я нашёл след! Отлично!

Я рявкнул, посылая волны невидимой энергии света, текущие, как река, впереди нас, чтобы убедиться, что никто из бедолаг не пострадает от столкновения с полными решимости Адским Псом, и мы вдвоём пустились в безостановочный — ну, в основном безостановочный — бег.

Мы помчались из города на запад, минуя в темноте кварталы, парки и торговые центры. Всё

больше моей воли уходило на то, чтобы склонить случайности в нашу пользу и беспроблемно проходить в тени мгновенно меркнущих уличных фонарей или между машинами, так, чтобы их фары никогда не светили на нас. Мы мчались из центра на окраины, из окраин в бывший пригород, мчались со скоростью, намного превышающей скорость большинства... ну, машин.

Адский Пёс бежал строго по прямой. Цербер перепрыгивал металлические ограды и немного отклонялся в сторону, чтобы обходить дома — деревянные заборы и хозяйственные постройки он просто игнорировал, и мы оставляли в них след из дыр размером с небольшой автомобиль.

— След становится всё более чётким, — сказал мне Цербер, и теперь я мог легко идти по нему сам. Мистер прошёл этим путём менее пяти минут назад. Мы остановились на окраине жилого района, где было полно голой земли и остовов деревянных рам. За ним простирались поля с рощицами деревьев, где начинались фермерские угодья Иллинойса и сельская местность.

Мы находились за пределами города.

— Вон та ферма, — прорычал Цербер. — Лев там.

Я задрал нос вверх и сказал:

— Я чувствую запах крови.

— Корова, — подтвердил Цербер. — Льву нужно убивать. Должно быть, его заставили воздержаться от убийства смертных, пока он не сможет восстановить свои силы из других источников.

В ночи что-то закричало. Возможно, это была корова.

Я вздрогнул.

— Что теперь?

Цербер молчал несколько секунд, прежде чем осторожно сказал:

— Давай сначала их вынюхаем.

Их? Ах да, конечно. Если Немейскому Льву помогли выбраться из Аида, было бы глупо полагать, что он был один. Осторожный подход казался наиболее разумным.

Мы двинулись вперёд, низко пригнувшись, насторожив носы и уши. Ферма была небольшой — квадрат, разделённый на участки. Два из них были полями, один — пастбищем, а на другом находился дом и хозяйственные постройки. Извилистый ручей, заросший деревьями, был единственным укрытием, и мы воспользовались им, чтобы подойти. Ветер дул прямо нам в носы, давая хорошее представление о том, что нас ждёт впереди, и благодаря этому начали подкрады-

ваться к фермерскому дому и его постройкам на расстояние нескольких секунд резкого рывка

Мы затаились под прикрытием деревьев и кустарника, растущих у ручья, и я наблюдал, как нечто пронеслось через пастбище и врезалось в третью корову. Корова издала крик боли и зашаталась, и как же я был рад, что не мог отчётливо видеть, что там происходило с бедным животным. Оно билось, лягалось, стонало, а потом постепенно затихло, когда из него вытекла жизнь.

После этого тень метнулась к курятнику рядом с фермой. Птицы пронзительно закудахтали, но их кудахтанье закончились лишь слабым звуком, а что-то очень большое, с очень большой грудью, издало кашляющий звук, который всколыхнул траву и волной прокатился от фермерского дома.

— Нам надо спешить, — сказал Цербер. — Лев снова вспоминает, как правильно действовать в мире смертных.

Я глубоко вдохнул и сказал:

— В доме есть дети.

Цербер бросил на меня острый взгляд. Затем он наклонился вперёд, и я услышал сопение его дополнительных носов.

— Ага, — сказал он. — Так и есть. У тебя очень

хороший нос для этого.

— Дети это важно, — сказал я.

И тогда мы наконец увидели Немейского Льва.

Он явился в облике кота Мистера. Мистер был очень крупным котом неизвестной породы (но всё же намного меньше меня), с короткой серой шерстью, со вздыбленным хвостом и с ухом, повреждённым в драке. Но в то же время он был совсем не Мистером. Луна отбрасывала от кота слишком большую, слишком громоздкую и слишком тёмную тень, и темнота вокруг него, казалось, имела свою собственную форму — что-то массивное, но запертое в одном измерении.

— Чем больше крови он прольёт, — заметил Цербер, — тем больше у Льва будет доступа в царство смертных.

Адский Пёс наклонился вперёд, готовясь к действию.

— Подожди, — сказал я. — Смотри.

Цербер взглянул на меня, но остался ждать.

И тут дверь в дом открылась.

В дверном проёме стояла человеческая фигура, одетая в тяжёлую чёрную мантию с тяжёлым чёрным капюшоном. Фигура стояла лицом ко Льву и приветственно подняла руку в перчатке.

Мгновение спустя рядом с фигурой в капюшоне

появился Моя Тень. Моя Тень был храмовой собакой, как и я, только он не был таким пухлым и приятным на ощупь. Этот пёс был худым и сильным, и в его движениях было что-то такое, что говорило о голоде, который ему никогда не удастся утолить. От него исходила тёмная энергия.

Моя Тень прильнула к фигуре в одеянии и издала низкий рык.

— О, — сказал я с тихим ужасом. — Я думаю, это Коул.

— Что за Коул? — спросил Цербер.

— Один из врагов Моего Друга, — сказал я.

— Смертный волшебник? — спросил Цербер.

— Да.

— Это плохо, — сказал Пдский Пёс. — Этот мир не мой. Если его воля будет достаточно сильна, он может заманить меня в ловушку или изгнать.

Я задумчиво пошевелил ушами.

— Мы должны справиться с ними, — сказал я. — Отвлеки Льва как-нибудь. Я изгоню его из Мистера.

Цербер оскалился.

— Или я могу убить кота, и произойдёт то же самое.

— Мы не будем этого делать. Я должен сберечь Мистера для Моего Друга.

— Это всего лишь кот, — сказал Цербер.

— Я буду Хорошим Псом и спасу его, — сказал я.

— Для того чтобы мне быть Хорошим Псом, я должен отправить Льва обратно к Моему Владыке, — сказал Цербер. — Я очень Хороший Пёс. Он всегда так говорит.

Моя Тень сделала пару шагов вперёд и уставилась прямо на меня.

Я затаил дыхание.

— В чём дело?

Я посмотрел на Цербера.

— Он знает, что здесь кто-то есть. Чувствует, как я препятствую его воле.

Моя Тень понюхал воздух, но ветер был не с ним. Он сделал несколько беспокойных шагов, пока Коул стоял перед Львом.

— Благодаря мне ты освободился от вечного наказания, — сказал Коул, его голос был звучным и грубым.

Лев расхаживал взад-вперёд, небрежно раздирая когтями землю. Маленькие лапы Мистера прорыли в земле борозды в фут шириной. Он издал кашляющий звук и ещё один рык.

— Потому что если бы я разрешил тебе забирать жизни смертных, ты бы сразу привлёк к

себе внимание, — сказал Коул, его голос был раздражённым. — В Чикаго есть по крайней мере четыре обладателя Силы, которые могли бы изгнать тебя. Продолжай сомневаться во мне, и я сделаю это сам.

Лев зарычал и загрёб землю задними когтями. При этом он отбрасывал полные пригоршни грязи.

— Разумеется, у меня есть для тебя смертные, — спокойно сказал Коул. — Ты пропустил свиней. Кормись. Мы обсудим план, как только ты закончишь.

Немейский Лев издал рычащий звук, повернулся и помчался прочь к другой пристройке.

На этот раз крики были действительно отвратительными, жалобными, высокочастотными и ужасными.

Коул развернулся и скрылся в доме. Спустя мгновение Моя Тень последовал за ним, хотя и с неохотой, оглядываясь назад в напряжении.

— Коул собирается скормить ему детей, — сказал я. — Мы должны защитить их.

— Я не настолько Хороший Пёс, — сказал Цербер.

— Но я именно такой Хороший Пёс, — сказал я ему.

— К тому времени, когда Лев полакомится душами смертных, эта битва станет очень трудной, — сказал Цербер.

— Возможно, нам стоит сначала вцепиться зубами в Коула и Мою Тень.

— Они находятся за порогом дома, — сказал Цербер. — Я не смогу войти без приглашения.

— А что, если мы оба пойдём сражаться со Львом, — сказал я, — пока он будет в свинарнике.

— Возможно, ты сможешь быстро изгнать Льва, — сказал Цербер. — Потом мы разберёмся с волшебником, если потребуется. Если сможем.

— Если мы не сможем, — сказал я, — волшебник будет там. И Моя Тень. А он тощий и быстрый.

— Тогда нет времени для мягкости, — сказал Цербер, в его голосе звучало сожаление. — Мне жаль.

— Мы должны спасти Мистера, — сказал я. — Он нужен Моему Другу.

— Мне жаль, — повторил Цербер. — Лев слишком опасен.

Я посмотрел на Цербера.

И показал ему свои зубы.

— Что ты делаешь? — сказал Цербер. Я заметил, что его тень тоже стала намного больше, чем должна была быть. Гораздо больше меня.

— Если ты не поможешь мне спасти Мистера, я помогу Коулу и Моей Тени победить тебя.

Цербер выглядел негодующе.

— Ты не сделаешь этого.

— Я клянусь носом и хвостом.

Легендарный Пёс уставился на меня в недоумении.

Вдалеке завопил другой поросёнок.

— Это меняет дело, — сказал он через секунду. — У нас мало времени. Каков твой план?

— План?

— Если ты хочешь стать Большим Псом, — сказал Цербер, — у тебя должен быть план.

Я запрокинул голову и потряс ушами, пока не появился план.

— Очень хорошо, — сказал я. — Но ты должен делать то, что я говорю. И ты должен довериться мне. И тогда мы оба станем Хорошими Мальчиками.

Цербер с надеждой завилял хвостом.

Я сосредоточился и начал видоизменять энергию, чтобы помочь плану сработать.

***

Первая часть плана была проста. Цербер под покровом ночи сбросил свою иллюзию и внезапно

стал огромным и грозным. А ещё у него было три головы. Он промчался через двор к свинарнику, и пробил в нём дыру размером с гаражные ворота.

Из сарая раздался страшный звук, похожий отчасти на кашель, отчасти на рычание, и Цербер ответил свирепым лаем. Свиньи начали визжать в ещё большей панике, когда в ночи раздался треск ломающегося дерева.

С одного конца здания вылетела большая машина, что-то вроде трактора размером с грузовик. Он прокатился по земле и завалился на бок.

Внутри фермерского дома зажегся свет. Входная дверь, сорвавшись с петель со скрипом протестующего металла, упала на крыльцо, и Моя Тень встал на неё всеми четырьмя лапами, пристально глядя в сторону сарая. Темнейшая энергия начала исходить от него бурлящими волнами, которые смертный не смог бы увидеть, и Моя Тень помчался к сараю, чтобы присоединиться к битве.

Он не заметил меня, притаившегося в ближайших зарослях. В этом и заключалась проблема работы с тёмной энергией — она ослепляла даже тех, кто её использовал. Моя Тень пронёсся со всей своей сверхъестественной силой и грацией, и мне снова стало грустно от того, во что превратился мой брат.

Но хоть мне и было жаль его, в опасности были невинные дети, а это было важнее.

Я подождал, пока Моя Тень войдёт в сарай.

Затем взяв выбранную мною большую палку, я помчался вперёд. Это было трудно, но повернув голову набок так, что палка, зажатая в челюстях, упёрлась в землю, и стал бегать вокруг дома по кругу, наклоняясь так, чтобы лапы были с внутренней стороны круга.

Боковая часть сарая взорвалась дождём щепок и обломков разбитого дерева, некоторые из которых разлетелись очень быстро и далеко.

Цербер упал на спину, все три головы рычали и кусались, а сверху на него приземлилось нечто мохнатое, похожее на одну из саблезубых кошек каменного века, только с огромной гривой. Это гротескное нечто с мускулами, чудовищной силой и скоростью приземлилось на него. Огромные челюсти Цербера впились и рвали тело врага, как и его когти, но Немейскому Льву было на это наплевать. Его шкура была неуязвима, и там, куда ударяли челюсти и когти Цербера, сыпались зелёные искры, но при этом никаких ран не появлялось, а кровь не лилась на землю.

Однако Цербера было не так-то легко одолеть. Огромный пёс просунул лапы под Льва и отбро-

сил его в сторону, а затем вновь встал на ноги так быстро, что это казалось магией. Цербер бросился на Льва и схватился с ним грудь в грудь. Два огромных зверя беспорядочно метались взад и вперёд, проделывая огромные борозды в земле, когда сверхъестественно мощные мышцы упирались в землю.

Но кровь Цербера текла из ран от когтей и клыков. А у Льва — нет.

В дверях дома потемнело, и вдруг там появился Коул в тёмной мантии и тёмном капюшоне, держа в одной из рук посох волшебника. С минуту он смотрел в сторону битвы, а потом я увидел под капюшоном сверкание белых зубов.

— Дар от Владыки Аида? — пробормотал Коул. — Зачем привязывать одного, если можно заполучить двух?

Он поднял руку и начал что-то бормотать себе под нос. Сила собралась вокруг него и начала змеиться к Церберу.

И тогда я закончил круг, выронил палку и коснулся носом борозды в земле и ощутил всплеск яркой энергии.

Невидимая завеса моей энергии вырвалась из круга, поднялась вверх и окутала фермерский дом куполом, а Сила Коула погасла, как свеча на

праздничном торте Мэгги.

Тёмный волшебник на мгновение замер и уставился на свою руку. Затем он вдохнул и снова вытянул руку, произнося слова громче, но ничего не произошло.

Из моей груди вырвался рык, я бросился к тёмному волшебнику в попытке вцепиться ему в горло.

Я Хороший Пёс. Но люди, которые обижают детей, заслуживают того, чтобы их кусали. Мой Друг согласился бы со мной.

Коул в последнюю секунду заметил моё приближение и поднял свой посох. Ему удалось просунуть его между своим горлом и моими челюстями, но мне удалось перебороть его и повалить на землю всей тяжестью своего тела. Дыхание вырвалось из него с хрипом, и я сомкнул челюсти, раздробив посох, словно это было лакомство из стоматологической кости.

Возможно, мне следовало это продумать заранее.

Посох волшебника — мощный магический инструмент, который часто используется для хранения Силы, чтобы волшебник мог высвободить её, когда он устал или не имеет доступа к естественным энергетическим потокам мира.

Энергия, накопленная в посохе, вырвалась наружу и швырнула меня в потолок фермерского дома.

Удар был достаточно сильным, чтобы навредить даже мне, и я грузно упал обратно на Коула, который произнёс слабое проклятие. Мы оба были, оглушённые и ослабленные, как будто бились друг с другом. Он просунул руку между моими зубами и своим горлом, и я укусил его, но его мантия была зачарована защитной магией, и мне не удалось прокусить её.

Этот Плохой Человек напал на Моего Друга, когда тот был так расстроен, что не мог бороться. Он подверг опасности Мистера, с которым я был знаком с тех пор, как был маленьким щенком.

Поэтому я стиснул как тисками его магическую броню, крутанув головой, плечами и бёдрами, и едва не вывернув челюсти, таки сломал обе кости его предплечья, как палки.

Коул закричал.

Он дёрнулся, и я ослабил хватку на его внезапно покачнувшемся предплечье. Коул вывернулся из-под меня и, пошатываясь, пошёл на кухню. Я двинулся следом, по-прежнему находясь в замешательстве.

Он схватил огнетушитель из красного металла

своей здоровой рукой, и вдруг мой нос и глаза наполнились порошком, который очень плохо пах. Я отшатнулся в сторону, тряся головой и неконтролируемо чихая, чтобы прочистить нос. Когда моё зрение вернулось в норму, Коул уже выбегал через парадную дверь.

— Эш! — заорал он.

Я пыхтел и рычал, в горле у меня першило от пороха, но его не преследовал — в этой части плана Цербер был предоставлен сам себе.

Мой нюх уже подсказал мне, где находятся дети — заперты в спальне. Я взревел, бросил всю тяжесть своего тела и яркую энергию на дверь и разбил её. Внутри находились трое детей, все они были меньше моей Мэгги, с тёмной кожей, прижались друг к другу и сопели, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

— Гав, — ободряюще сказал я и завилял хвостом. Наверное, вид у меня был глупый, поскольку меня покрывала вся эта белая пудра.

Дети просто уставились на меня.

Ой.

Они же встречались с Моей Тенью. И он был похож на меня. Но не был мной. Он не был таким мягким и пушистым.

Я вошёл в спальню и лёг на спину, чтобы пока-

зать им свой животик, виляя хвостом и говоря:

— Гав!

Самый крупный из троих, мальчик, посмотрел на меня.

— Другой пёсик, — тихо сказал малыш. — Он толстый. И у него есть ошейник.

— Гав! — повторил я и ободряюще извивался. Затем встал и пошёл к сломанной двери, вертясь кругами и виляя хвостом. — Гав, гав!

Снаружи раздались новые грохочущие звуки, и Цербер издал пронзительный вой боли и ярости. Дети услышали эти звуки и шарахнулись назад — и в то же время я почувствовал, как сила круга, созданного мною вокруг фермерского дома, дрогнула и исчезла. Должно быть, Коул задел магический круг и разорвал его.

Я подошёл к ним и начал толкать детей носом, издавая ободряющие звуки, окутывая их слой за слоем яркой энергией, пробуждая смелость и изгоняя страх.

— Мне страшно! — сказала одна из маленьких девочек.

Другая просто тихо заплакала.

Маленький мальчик долго смотрел мне в глаза. Затем он сглотнул, и я почувствовал, как в его сердце поднялась сила, гораздо превосходящая

его маленькое тело, когда он посмотрел на своих младших сестёр и сказал:

— Мы должны выбраться отсюда.

— Гав, — серьёзно сказал я и осторожно подтолкнула его.

— Пошли, — твёрдо сказал он. — Держитесь за руки. Мы идём домой.

Он поставил сестёр на ноги и заставил их взяться за руки, что всегда полезно для людей, когда дела идут плохо. Затем положил руку на мой ошейник, ухватился за него, и я повёл их вперёд, моя шерсть сверкала тысячами маленьких голубых искр яркой энергии.

Выйдя с детьми из фермерского дома, и мы оказались на поле битвы мифов и легенд.

Цербер и Немейский Лев рвали и терзали друг друга. Они ревели, рычали и катались, борясь за преимущество, пробивая себе путь через курятник так, что щепки летели во все стороны.

На стороне Льва сражался Плохой Человек Коул. Он заорал, подняв свою здоровую руку, и по двору с грохотом пронеслась пурпурная молния. Она ударила Цербера в плечо и разодрала сверхъестественно прочную плоть огромного пса в клочья.

Цербер завыл в агонии, и в этот момент Моя

Тень бросился на него сзади, окутав его саваном силы тени, и мой брат ударил легендарного пса в подколенную ямку.

Цербер упал, брызнула кровь, тень растеклась по его раненой ноге, и Лев приземлился на него сверху, сгребая его и раздирая когтями с неистовым остервенением.

Я повёл детей в обход дома и скрылся из виду, направившись к дверям погреба. Яркая сила изменила мир так, что двери не были заперты, и я взялся за одну из ручек и потянул её на себя, чтобы открыть.

— Сюда! — сказал мальчик. — Идём! Мы должны спрятаться!

Он повёл своих сестёр вниз по лестнице в убежище, как раз когда я услышал крик Коула:

— Эш! Забери детей!

Сверкнула молния, и снова раздался раскат грома. Цербер закричал. Лев ревел в триумфе берсерка.

Я толчком закрыл двери убежища и закрутился, засияв от сил, как раз в тот момент, когда Моя Тень вприпрыжку побежал в сторону дома и остановился передо мной, весь источая силу, а его тьма волнами накатывала на него, встречая мою яркую силу каскадом маленьких красных и

синих искр, как боевые ряды светлячков, встретившихся на полпути между нами.

— Ты, — прорычал он. Его презрение было очевидным. — Ты стал ещё толще.

— Ты подлец, — сказал я в ответ. — Это дети. Как ты можешь помогать обижать детей? Мы не для этого родились.

— Простак, — усмехнулся Моя Тень. — Жирный, глупый раб в ошейнике.

— Он светится, — рычал я, — чтобы машины могли видеть меня ночью. Потому что Мой Друг заботится обо мне.

Моя Тень оскалил зубы и сделал шаг ко мне. Конфликт между нашими энергиями становился всё ярче и интенсивнее, и трава почернела и пожухла от разлетающихся искр.

— Убегай, брат, — с усмешкой сказал Моя Тень. — Раб Подземного Мира практически уничтожен. Ты не сможешь противостоять нам.

— Они дети, — прорычал я из глубины своей груди. — Это причина противостоять вам.

— Они — мясо, — сказал Моя Тень.

Я показал ему свои зубы.

— Ты, — сказал я тихо, — Плохой Пёс.

Самое смертельное оскорбление, которое я знал, повисло в воздухе в полной тишине.

И Моя Тень со всей своей тёмной силой бросился вперёд, чтобы убить меня.

Мы встретились в потоке сталкивающейся энергии, ставшей явной и видимой, голубой свет и тёмная тень столкнулись вместе, наряду с нашими клыками, когтями и телами. Моя Тень был ужасным противником. Наша сила была почти равной, сырая энергия источника тьмы и света, из которой были созданы весь ужас и надежда, вся ярость и преданность, вся ложь и правда, и я почувствовал, как его сила пытается заставить меня поскользнуться и упасть, но моя собственная сила не уступала ему, и мои когти крепко впились в землю.

Моя Тень был крепок и быстр, но я был сильнее и выносливее. Он врезался своей грудью в мою, и мне пришлось отбиваться от него, наши челюсти боролись за возможность вцепиться в горло. Он почти достал меня, но густая шерсть на шее и плечах затрудняла укус, и я сгрёб его за уши.

Мы яростно боролись на протяжении одного вдоха, потом разошлись, снова сцепились друг с другом, и на этот раз я отбросил его назад. Он снова поднялся на ноги с бешеной скоростью, что немного пугало. Я не осмелился последовать за ним, опасаясь, что он может проскользнуть мимо

меня и причинить вред детям.

— Держи его, пёсик! — крикнул мальчик, подбадривая меня сзади, его собственный маленький маячок яркой энергии добавился к моему собственному.

Я встал на все четыре лапы перед дверью в погреб и опустил голову, так что голубые искры посыпались с моей шерсти, в то время как Моя Тень рыскал слева и справа. С дальней стороны дома раздался ещё один громогласный взрыв, и послышался звук сминаемого в битве старого автомобиля перед фермерским домом.

А потом раздался заунывный вой оттуда, где Цербер сражался с Коулом и Львом.

А затем наступила тишина.

По другую сторону фермы, а может быть, в одной из хозяйственных построек, запылал пожар. Из-за этого огня, тени за фермой стали ещё темнее, и мой брат стал менее заметен, лишь сверкали его глаза и зубы.

Моя Тень высокомерно поднял голову и уставился на меня, с ненавистью прижав уши.

— Владыка Грядущего идёт, — прорычал мой брат, тяжело дыша. — Это твой последний шанс убежать.

В ответ я оттолкнулся ногами, вздыбив землю,

и не двинулся с места.

Коул и Немейский Лев вышли из-за угла фермерского дома. Человек-волшебник хромал и прижимал к себе раненую руку, но его спина была прямой. От него исходила ярость в собственном облаке тёмной энергии, которое тянулось к Моей Тени и заставляло его рычать с той же яростью. Тёмный волшебник остановился позади Моей Тени, за его спиной маячил Лев, его глаза по-кошачьи пристально смотрели через его плечо.

Все трое уставились на меня, и я почувствовал, как их взгляды, словно ножи, впились в мою кожу.

— Гарри, — пробормотал Коул, глядя на меня. — Ты — чудовищная заноза в моей заднице.

С другой стороны фермы пожар разгорался всё сильнее, и тени становились всё гуще.

И вот они начали приближаться.

— Эш, — сказал Коул. — Заблокируй его ауру, пожалуйста.

Мой брат зарычал, и я почувствовал, как моя яркая энергия померкла, даже когда тени вокруг него уменьшились, его тьма и мой свет расплылись и уменьшились в тандеме.

— Теперь ты умрёшь, брат, — сказал Моя Тень. — И понапрасну.

Тёмный волшебник поднял руку, и я почувствовал, как он собирает силу для ещё одного удара молнией — и без моего собственного энергетического щита у меня не было бы шансов защититься от него.

Я вызывающе тряхнул гривой и сказал:

— Ты забыл две вещи, брат.

Моя Тень приостановился, внезапно насторожившись.

— Во-первых, — сказал я, — никто не указывает котам, что им можно или нельзя делать. Даже волшебники.

Мой брат издал предупреждающий рык, а Коул сделал паузу, внезапно напрягшись.

— И? — спросил Мой Тень. — Какая вторая?

— Я жульничаю.

У основания потемневшей стены фермы позади них вспыхнули огни. Точнее шесть огней. Вокруг этих огненных глаз возникла абсолютная, чернильная, пустотно-чёрная твердь, и Цербер, Гончий Пёс Аида, непримиримый и непреклонный надзиратель за мифическими мёртвыми, издал такой грозный рык, что от него задрожала земля.

Коул вздрогнул.

Трёхголовый пёс-монстр поднялся на задние

лапы, и в трёх челюстях вспыхнуло адское пламя. С рёвом Цербер раздулся в размерах и силе так, что его голова оказалась выше фермерского дома, и выпустил три яростные струи тёмно-красного и синего пламени, которые устремились к Коулу, опаляя летнюю траву на расстоянии тридцати футов по обе стороны от него.

Коул поднял руку, выкрикнул отчаянно слово, и воля мифического зверя встретилась с волей Владыки Грядущего. От щита, поднятого волшебником, отхлынули в сторону потоки пламени, и даже Немейский Лев и Моя Тень отшатнулись назад, внезапно испугавшись.

— Мистер, — огрызнулся я. — Я знаю, что ты получаешь удовольствие. Пора заканчивать игру. Мы сейчас нужны Гарри.

И когда мой брат внезапно отвлёкся, я собрал свою светлую энергию и залаял сильно и громко, что этот звук разнёсся на многие мили по сельской местности, ударив в тёмного духа, овладевшего моим другом котом.

Коул вихрем помчался ко Льву и закричал:

— Убей их! Я приказываю тебе убить их!

Лев вздрогнул от моего лая, отшатнулся, и от ярости и какофонии столкнувшихся сил старый монстр вдруг стал бесплотным, тьмой, идеей,

воспоминанием.

Здесь, в буйстве сил, сотрясающих воздух, раздираемый Цербером, Коулом и Моей Тенью, древний дух не смог удержаться в своём смертном теле перед лицом моей мощи, и внезапно Немейский Лев стал лишь огромной тенью, тянущейся из крепкого, покрытого шрамами тела старого кота Мистера.

Который посмотрел на Коула. А затем вполне осознанно отвернулся и принялся тщательно приводить в порядок одну из лап.

Цербер ждал этого, и ужасный огонь Подземного Мира охватил Коула и тень, сжигая её, заставляя свернуться, как газетная бумага в огне, в то время как удаляющийся рёв Льва начал исчезать в непостижимой дали и глубине, вгоняя дух Немейского Льва под землю, в то время как волны моей собственной энергии накатывали на него волна за волной, присоединяясь к усилиям Цербера.

И через несколько секунд Немейский Лев снова стал историей, воспоминанием, частью прошлого.

— Нет! — закричал Коул, боль и разочарование захлестнули его.

Огромные челюсти Цербера сомкнулись, и

огромный пёс обрушился на землю с такой силой, что она задрожала, а деревья на старом дворе покачнулись.

Хороший Мальчик Владыки Подземного Мира гордо возвышался над Коулом и Моей Тенью и медленно, очень медленно обнажал все свои три набора клыков в тройном рычании.

Так же поступил и я. Это был подходящий момент для такого рода вещей.

— Теперь, брат, — прорычал я, делая шаг вперёд. — Пришло время бежать тебе.

Коул повертел капюшоном туда-сюда между мной и Цербером. Я чувствовал боль, исходящую от него.

И внезапный страх.

С проклятием он повернулся, выкрикнул слово и разорвал завесу между миром смертных и царством духов, пронзив реальность своей волей. Затем он схватил Мою Тень за раненое ухо и втащил его вперёд сквозь завесу.

Через секунду портал закрылся за ним, и они исчезли.

В тишине горели пожары. Фермерский дом уже начал догорать.

Серый кот Мистер мурлыкнул и начал выгибать спину и тереться ею о мою грудь.

— Вот и всё, — с профессиональным удовлетворением отметил Цербер. — Я получу тройное угощение, когда вернусь домой.

— Я не знал, что ты можешь дышать огнём, — сказал я.

— Ага, — скромно ответил Цербер. Он уменьшился в размерах и стал просто большим.

— Это больно? — спросил я.

— Только тем, кто заслужил это, — серьёзно ответил Цербер. — Это был дар Моего Владыки, а он очень заботится о справедливости.

— Ооо, — сказал я и завилял хвостом.

Позади меня раздался скрип.

Мы повернулись и увидели, что трое детей выглядывают из погреба и смотрят на Цербера широко раскрытыми глазами. Мистер подошёл к мальчику, всё ещё мурлыча, и успокоительно потёрся о колени мальчика. Мальчик наклонился, чтобы погладить старого кота. И тут маленькие девочки тоже захихикали. Одна из них подошла ко мне и погладила мою гриву, как это делала Моя Мэгги.

Вдалеке мои чуткие уши уловили вой сирены скорой помощи.

— Это был хороший план, — сказал Цербер. — Притвориться, что мы проигрываем.

— Плохие Люди всегда ищут слабости, — заметил я. — И как только они думают, что нашли её, они больше ничего не видят.

— Мне пора идти, — сказал Цербер.

— Ещё нет, — серьёзно ответил я.

— Но смертные скоро прибудут, — сказал Цербер. — Они позаботятся о детях.

— У нас есть несколько минут до этого, — ответил я. — И мы Хорошие Мальчики.

Цербер наклонил ко мне все три головы. А потом он начал вилять хвостом.

И в свете горящей фермы Цербером, я, и даже Мистер, провели оставшееся время, играя с малышами.